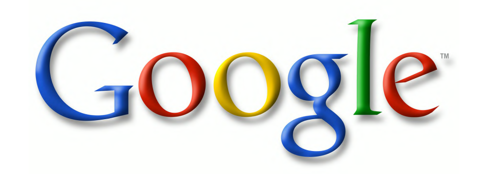
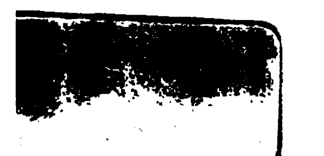

Google



РУССКАЯ МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

НОЯБРЬ.

МОСКВА.
1882.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИГА XI.

МОСКВА.

1882.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская улица, въ домѣ Дреземейеръ.
Отдѣленіе конторы: Петровскія торговыя линіи, кварт. № 61.

Типо-Литографія И. Н. Кушнерева и К°, Пименовская ул., д. Кушнеревой.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КАЛЛЫ́.

Поэма М. Ю. Лермонтова.

(Предисловие П. А. Висковатаго.)

Повѣсть «Каллы́», также какъ «Литвинка» и «Аулъ Бастунджи» только по имени и небольшому отрывку извѣстны читателямъ. Дудышкину всѣ три поэмы были извѣстны, благодаря сообщеніямъ Хохрякова, о чемъ онъ и говоритъ въ изданіи своемъ «Сочиненій Лермонтова» 1860 года, на послѣдней страницѣ примѣчаній ко второму тому; затѣмъ рукописи уже позднѣе были переданы въ Публичную библіотеку, но во всѣхъ изданіяхъ перепечатывалось лишь то, что напечатано въ первомъ изданіи Дудышкина *).

Изъ трехъ названныхъ поэмъ «Каллы́» принадлежитъ къ эпохѣ пребыванія поэта въ Московскомъ университетѣ. Мотивъ поэмы потомъ является болѣе разработаннымъ въ «Хаджи-Абрекѣ». И въ нашей повѣсти главный герой носитъ имя Аджи (очевидно, то же, что и Хаджи), и онъ въ концѣ называется *Абрекомъ*. Убиваемая имъ дѣвушка—лезгинка, какъ и въ «Хаджи-Абрекѣ». При первомъ свиданіи — какъ тамъ, такъ и здѣсь — она производитъ на юношу сильное впечатлѣніе и только священная для него обязанность мстить побуждаетъ его нанести роковой ударъ, совершивъ который, въ обоихъ случаяхъ убійца приноситъ отрубленную голову къ пославшему его совершить месть. Обращаемъ вниманіе и на сходство именъ—Бей-булата и Акбулата—въ обоихъ повѣстяхъ.

Списокъ повѣсти, находящейся въ Публичной библіотекѣ, очевидно, сдѣланъ съ перваго наброска. Часть послѣдней главы ото-

---

*) См. изд. 1880 г., т. II, стр. 391 и 618.

рвана, такъ что повѣсть является безъ конца. Я получилъ ски отъ г. Хохрякова и г. Панофутина*) въ Пензѣ. Списки за исключеніемъ небольшихъ варіантовъ, схожи между со но, кромѣ того, въ одномъ альбомѣ конца 30-хъ годовъ я, ме прочимъ, нашелъ и повѣсть эту безъ выпуска въ послѣдней гл и съ текстомъ въ исправленномъ видѣ, хотя въ содержан числѣ главъ нѣтъ никакой разницы. Всѣ эти варіанты я т тельно сопоставилъ и сравнилъ между собою **).

Во всѣхъ произведеніяхъ 30—32-хъ годовъ положено о ваніе для всѣхъ позднѣйшихъ произведеній поэта, въ осо ности тѣхъ, которыя написаны на Кавказѣ. Кавказское т чество Лермонтова примыкаетъ къ юношескому его творчеств въ эпоху пребыванія въ университетскомъ пансіонѣ и въ сковскомъ университетѣ, то-есть отъ 28 до 32 года. Пребь ніе въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и затѣмъ въ лонахъ Петербурга имѣло самое печальное вліяніе. Въ это вре кромѣ пьесъ эротическаго содержанія, не написано почти нич

---

*) Въ спискѣ г. Панофутина недостаетъ V главы.

**) Въ спискѣ, находящемся въ Публичной библіотекѣ, тождественном Хохряковскимъ, глава VI представляетъ слѣдующій видъ:

(Сохраняемъ правописаніе.)

И въ ето время, слухъ промчался
(гласитъ преданье) что въ горахъ
безвѣстный странникъ показался,
Опасный въ мирѣ и бояхъ,
Какъ дикой звѣрь, людей чуждался;
И женщинъ онъ ласкать не могъ!—
быть можетъ
въ его чертахъ
Слѣды страда
Но укрывал
Подъ башлы
И больше
Онъ не гас
и вѣрно бъ
На томъ къ
встрѣчалъ ли
ему открытъ был
Хранилъ онъ вѣчное молчанье;
Но не затѣмъ, чтобъ подстрекнуть
Толпы болтливое вниманье;
и онъ лишь знаетъ почему
Каллы ужасное прозванье
в горахъ осталося ему.

Недоконченныя строки указываютъ на вырванный изъ рукописи клоч

Стоитъ заглянуть въ I томъ «Сочиненій Лермонтова», расположенный въ хронологическомъ порядкѣ, чтобъ убѣдиться, что съ 32-го по конецъ 36 года написано имъ всего десять пьесокъ, достойныхъ быть помѣщенными въ избранныхъ сочиненіяхъ. Изъ этихъ десяти напечатанныхъ пьесъ, однако, почти половина писана еще въ 32 году и ошибочно помѣщена подъ другими годами. Въ 37 году Лермонтовъ высылается на Кавказъ и эта ссылка спасаетъ его отъ опошлявшей поэта обстановки. Опять является чистое, высокое вдохновеніе. Кавказъ возвратилъ намъ великій талантъ. Московскій періодъ творчества прямо связуется съ кавказскимъ. Пребываніе въ школѣ подпрапорщиковъ и два слѣдовавшихъ затѣмъ года—это печальное интермеццо въ поэтической жизни Лермонтова. Четыре года до переселенія въ Петербургъ (отъ 28—32) и четыре года послѣ первой высылки на Кавказъ (отъ 37—41)—вотъ настоящій періодъ творчества въ жизни Михаила Юрьевича. Юношескія тетради московскаго періода и кавказскіе альбомы поэта даютъ краснорѣчивое тому свидѣтельство. Вотъ почему важно, чтобы все, что писано въ Московскомъ университетѣ, хотя и является юношескими опытами, стало извѣстно читателямъ; вотъ почему я рѣшился напечатать и три его поэмы, писанныя съ 30—32 года.

П. Висковатый.

Калл‍ы́ *).

(черкесская повѣсть М. Ю. Лермонтова.)

'Tis the clime of the East; 'tis the land of the Sun—
Can he smile on such deeds as his children have done?
Oh! wild as the accents of lavers' farewell
Are the hearts which they bear, and the tales which they tell.
(The Bride of Abydas). Byron **).

I.

«Теперь настал‍ъ урочный часъ,
И тайну я тебѣ открою.
Мои совѣты—Божій гласъ;
Клянись имъ слѣдовать душою...

*) По-черкесски—„убійца“.
**) Тотъ край—Востокъ, то—солнца сторона!

Узнай: ты чудомъ сохраненъ
Отъ рукъ убійцъ окровавленныхъ,
Чтобъ неба оправдать законъ
И отомстить за поражонныхъ.
Нѣтъ, не тебѣ принадлежатъ
Твои часы отъ дня рожденья:
Ты на землѣ—орудье мщенья,
Палачъ, а жертва—Акбулатъ...
Отецъ твой, мать твоя и братъ,
Отъ рукъ злодѣя погибая,
Молили небо объ одномъ:
Чтобъ хоть одна рука родная
За нихъ развѣдалась съ врагомъ!
Такъ будь же ты суровъ и мраченъ,
Забудь о жалости пустой,—
На грозный подвигъ ты назначенъ
Закономъ, клятвой и судьбой.
За всѣ минувшія злодѣйства
Изъ обреченнаго семейства
Ты никого не пощади.
Ударилъ часъ ихъ истребленья!
Возьми-жь мои благословенья,
Кинжалъ булатный и—поди!».
Такъ говорилъ мулла жестокій,
А кабардинецъ черноокій,
Безмолвно чистя свой кинжалъ,
Уроку мщенія внималъ.
Онъ молодъ сердцемъ и годами,
Но чуждый страха,—онъ готовъ
Обычай дѣдовъ и отцовъ
Исполнить свято надъ врагами;
Онъ поклялся своей рукой
Ихъ погубить во тьмѣ ночной.

Въ ней дышетъ всё божественной красою;
Но люди тамъ съ безжалостной душою...
Земля какъ рай... Увы! зачѣмъ она—
Прекрасная—злодѣямъ предана?
Въ ихъ сердцѣ—месть, ихъ повѣсти печальны,
Какъ стонъ любви, какъ поцѣлуй прощальный.

Байронъ: „Невѣста Абидосская" (перев. Козлова).

II.

Погаснулъ день. Угрюмо бродитъ
Аджи вкругъ сакли... Ужь давно
Въ горахъ все тихо и темно.
Луна, какъ яркое пятно,
Изъ тучки въ тучку переходитъ:
То въ ней померкнетъ, то блеснетъ.
Какъ призракъ, юноша ползетъ
Беззвучно къ вражьему порогу,
Кинжалъ изъ кожаныхъ ножонъ
Освобождаетъ понемногу—
И, вотъ, дыханье слышитъ онъ...
Аджи не долго разсуждаетъ:
Врагу заснувшему онъ въ грудь
Кинжалъ убійственный вонзаетъ
И въ ней спѣшитъ перевернуть.
Кому убійцей быть судьбина
Велитъ, тотъ будь имъ до конца...
Одинъ погибъ; но съ кровью сына
Смѣшать спѣшитъ онъ кровь отца.
Предъ нимъ старикъ: власы сѣдые,
Черты открытаго лица
Спокойны, и усы большіе
Уста закрыли бахромой;
Какъ на молитву сжаты руки...
Зачѣмъ ты взоръ потупилъ свой,
Аджи? Не совѣсти ли муки
Ты слышишь?... Вновь взмахнулъ рукой —
И съ ложа внизъ, окровавленный,
Скатился медленно старикъ;
Сталъ неподвиженъ блѣдный ликъ,
Лобзаньемъ смерти искаженный...
Но мщенья не свершенъ завѣтъ, —
Еще послѣдней жертвы нѣтъ...
Обшарилъ стѣны онъ, чуть дышетъ,
Но не встрѣчаетъ ничего;
И только сердца своего
Біенье трепетное слышитъ.
А гдѣ-жь она?... Ужели нѣтъ?—

Жила же дочка съ Акбулатомъ!
И ждетъ её въ семнадцать лѣтъ
Одна судьба съ отцомъ и братомъ...
И вотъ луны скользящій свѣтъ
Проникнулъ въ саклю, озаряя
Два трупа на полу сыромъ
И ложе, гдѣ роскошнымъ сномъ
Спала лезгинка молодая.

III.

Мила, какъ сонный херувимъ,
Передъ убійцею своимъ
Она, раскинувшись небрежно,
Лежала; только сонъ мятежный,
Волнуя дѣвственную грудь,
Мѣшалъ свободно ей вздохнуть.
И вотъ, исполнены томленья,
Открылись черные глаза
И — тайный признакъ упоенья —
Блистала ярко въ нихъ слеза;
Но, не стряхнувши грёзы ночи,
Мгновенно вновь сомкнулись очи.
Увы, ни радость, ни любовь,
Ни грусть ихъ не укроютъ вновь...
Аджи глядитъ, и въ думахъ тонетъ
Его душа... Урочный часъ!...
Раздался стонъ... Кто такъ простонетъ,
Тотъ простоналъ въ послѣдній разъ.
Кому-жь пришлось такіе звуки
Услышать, — ихъ не позабыть,
И никогда не заглушить
Воспоминанья тяжкой муки.

IV.

Сидитъ мулла среди ковровъ,
Добытыхъ въ Персіи счастливой,
И въ дымкѣ легкихъ облаковъ
Кальянъ свой куритъ онъ лѣниво...
Вдругъ слышитъ быстрый шумъ шаговъ:

Въ крови, съ зловѣщими очами,
Аджи явился молодой;
Въ одной рукѣ кинжалъ, въ другой —
Окаймлена волосъ волнами,
Лезгинки юной голова.
«Свершилось! Вотъ тебѣ, мулла,
Подарокъ... Какъ вѣрны удары
Мои!...—Аджи ему сказалъ. —
Ну, что-жь, узналъ, узналъ ли старый?...»
И взмахъ руки — и ужь торчалъ
Въ груди дымящійся кинжалъ.

V.

На вышинѣ горы священной,
Вечернимъ солнцемъ озаренный,
Какъ одинокій часовой,
Бѣлѣетъ памятникъ простой:
Изъ камня столбикъ округленный
Чалмы подобіе на немъ *);
Шиповникъ стелется кругомъ...
Оттуда синія пустыни
И гребни самыхъ дальнихъ горъ —
Свободы вѣчныя твердыни —
Пришельца открываетъ взоръ.
Забывши міръ и имъ забытый,
Рукою дружеской зарытый,
Подъ этимъ камнемъ спитъ мулла
И вмѣстѣ съ нимъ его дѣла.
Другаго любитъ безъ боязни
Его любимая жена
И не боится тайной казни,
Ни мщенья ревности она.

VI.

И слѣдъ Аджи простылъ... Катился
За годомъ годъ и вотъ въ горахъ

---

*) Эти могильные столбики въ изобиліи разсѣяны по Кавказу. Они ставятся на выдающихся, видныхъ, скалахъ и возвышенностяхъ, или же на самомъ мѣстѣ преступленія. Подъ ними зарываются убитые, требующіе кроваваго отмщенія.

Абрекъ чужой всѣмъ появился,
Вселяя суевѣрный страхъ.
Какъ звѣрь онъ отъ толпы таился,
Встрѣчаться съ женщиной не могъ, —
Быть-можетъ совѣсти упрекъ
Въ ея чертахъ найти страшился...
Слѣды страданья и тревогъ
Не укрывались отъ вниманья;
Подъ башлыкомъ упорный взоръ
Внушалъ лишь страхъ... Ни состраданья,
Ни сожалѣнья — лишь укоръ
Судьбѣ читался въ немъ... Никто
Не признавалъ въ Абрекѣ друга, —
Онъ поражалъ какъ бичъ недуга...
Встрѣчалъ ли ночью онъ кого,
Встрѣчалъ ли днемъ, — всегда его
Всѣ сторонились, избѣгали,
Какъ дней проклятья иль печали.
Ему открытъ былъ всюду путь...
Хранилъ онъ вѣчное молчанье,
Но не затѣмъ, чтобъ подстрекнуть
Толпы болтливое вниманье.
Но зналъ одинъ онъ, почему
Каллы́ ужасное прозванье
Въ горахъ присвоили ему.

ГОЛЬ.

РОМАНЪ.

(Посвящается князю Д. П. Голицыну.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

(*Окончаніе.*)

I *).

Два съ половиной года въ Русовѣ шла мирная и тихая жизнь, походившая немного на жизнь отшельниковъ. Больной князь, старушка Ольга Родіоновна, княжна и Благолѣповъ, окруженные доживающими вѣкъ слугами, затворились въ барскомъ домѣ и были точно отрѣзаны отъ міра, сталкиваясь по дѣламъ почти исключительно съ крестьянами. Княжна и Благолѣповъ были очень довольны этою жизнью и, казалось, попали вполнѣ въ свою сферу, дѣлая свое будничное дѣло безъ шума, безъ фразъ. Это дѣло было скромное, не особенно широкое, но они были убѣждены въ его полезности и не порывались ни къ чему болѣе крупному. Благолѣповъ шутливо замѣчалъ, что ему среди сельско-хозяйственныхъ заботъ, среди мужиковъ, привольно, какъ рыбѣ въ водѣ, и еще болѣе привольно было ему въ домѣ Русовыхъ, гдѣ всѣ быстро сжились съ нимъ, какъ съ своимъ человѣкомъ. Ломовая лошадь въ трудѣ, покладистый и не требовательный простякъ въ домашней жизни, онъ легко могъ ужиться вездѣ, а здѣсь онъ сталъ просто необходимъ: безъ него князю и княжнѣ казалось скучно, безъ него они были какъ безъ рукъ. У него были и практическій смыслъ, и неисчерпаемый источникъ бодрости, и умѣнье говорить съ мужиками, и много настойчивости въ проведеніи тѣхъ или другихъ, казавшихся ему полезными, плановъ.

---

*) *Русская Мысль*, кн. X.

У князя было много имѣній и заводовъ. Всѣ они управля
разными мѣстными управляющими, постоянно отдававшими п
менные отчеты лично князю. Онъ неутомимо слѣдилъ за хо,
дѣлъ въ этихъ имѣніяхъ и на этихъ заводахъ, отъ времен
времени посылая въ то или другое имѣніе для ревизіи ихъ
ныхъ довѣренныхъ лицъ. Въ давно былые дни ему помогал
просмотрѣ отчетовъ управляющихъ и въ перепискѣ съ этими
цами Орловъ, какъ частный секретарь князя. Потомъ Ор
замѣнили другія лица. Только въ послѣднее время болѣзни Аı
новой, ея смерть и болѣзнь самого князя измѣнили обычное
ченіе дѣлъ. Князь запустилъ всякія провѣрки отчетовъ, вся
переписку съ управляющими, предоставивъ все это домовой
торѣ въ Петербургѣ. Благолѣповъ явился въ Русово какъ]
во-время: князь нашелъ въ немъ новаго секретаря и, при
трѣвшись немного къ нему, понялъ, что этотъ смѣтливы
довольно хорошо знакомый теоретически съ дѣломъ человѣкъ
жетъ при случаѣ съѣздить въ то или другое имѣніе и пр
рить на мѣстѣ то, что излагалось на бумагѣ мѣстными уп
ляющими. Князь воспользовался способностями Никанора Ив
вича и первая же поѣздка послѣдняго въ одно изъ имѣній
казала, что князь имѣетъ дѣло съ расторопнымъ и дѣлов
человѣкомъ. Въ то же время первый отчетъ Благолѣпова п
залъ князю, насколько были запущены дѣла въ послѣднее
мя. Надо было употребить не мало усилій, чтобы привести
снова въ порядокъ, и Благолѣпову пришлось не мало поработ
чтобъ открыть въ томъ или другомъ мѣстѣ злоупотреблен
промахи. Но это дѣло было ему по душѣ и онъ самъ сознав
какъ онъ втягивается въ него, какъ онъ съ каждымъ днемъ
чинаетъ понимать все яснѣе и яснѣе сущность этого дѣла. (
чала онъ какъ будто оробѣлъ и въ его головѣ вертѣлась мы
«Какой же я ревизоръ и управляющій, когда я ни разу не
нимался практически этимъ дѣломъ?» Но, присмотрѣвшись
дѣлу, Никаноръ Ивановичъ понялъ, что онъ въ сущности г
вой выше большинства управителей князя да и другихъ госп
берущихся за подобныя дѣла. Какіе-то малограмотные неуда
ки, какіе-то едва говорящіе по-русски нѣмцы, какіе-то отс
ные военные и прокутившіеся помѣщики играли роль управ
щихъ и часто удивляли Благолѣпова своимъ крайнимъ невѣ
ствомъ, а между тѣмъ они успѣли сдѣлать себѣ даже имя с
дѣятельностью. Онъ хоть теоретически зналъ то, о чемъ он

имѣли часто и понятія, ведя дѣло спустя рукава, наобумъ, по разъ заведенному порядку. Князь, правда, получалъ доходы, но эти доходы были крайне ничтожны сравнительно съ тѣмъ, что можно бы было извлекать изъ имѣній, и цѣлая масса несообразностей въ управленіи этими имѣніями бросалась въ глаза даже малоопытному человѣку. Такъ, напримѣръ, въ двухъ смежныхъ имѣніяхъ князя было два конскихъ завода, тогда какъ одинъ конскій заводъ при половинныхъ затратахъ могъ бы давать тѣ же результаты, какіе получались съ двухъ. Такихъ промаховъ было не мало. Благолѣповъ изъ первой же поѣздки привезъ довольно неутѣшительныя свѣдѣнія и указалъ князю на необходимость измѣнить ходъ дѣлъ, взять другихъ людей. Слушая его, князь жаловался на недостатокъ добросовѣстныхъ людей и съ горечью замѣтилъ, что онъ считаетъ величайшимъ своимъ несчастіемъ то, что самъ онъ теперь не можетъ дѣятельно заниматься дѣломъ, а сынъ его...

— Мой Александръ, какъ видно, вовсе не интересуется положеніемъ нашихъ дѣлъ,—со вздохомъ замѣтилъ онъ.

— Папа, отчего ты не предложишь ему самъ взяться за это дѣло?—замѣтила княжна.

Князь махнулъ рукой.

— Нѣтъ, что же предлагать теперь... Скоро по неволѣ придется ему приняться за это дѣло, — грустно проговорилъ онъ.

Воспоминаніе о сынѣ пробуждалось въ князѣ каждый разъ, когда ему приходилось благодарить Благолѣпова за тѣ или другія услуги, какъ будто каждый разъ ему приходило въ голову, что все это могъ бы дѣлать вмѣсто чужого человѣка его сынъ. Эта мысль сильно мучила и угнетала старика, но онъ рѣдко высказывался въ этомъ смыслѣ,—онъ не могъ переломить себя и признаться откровенно передъ княземъ Александромъ, что онъ виноватъ. Онъ, подобно своему сыну, могъ сказать, что это «выше его». Волей-неволей приходилось довольствоваться услугами Благолѣпова и послѣдній являлся усерднымъ слугой. Чѣмъ больше у Благолѣпова съ теченіемъ времени накоплялось работы, чѣмъ сложнѣе становились его попытки и предпріятія, направленныя къ пользѣ окружавшей его массы, къ пользѣ народа, рабочихъ, тѣмъ менѣе онъ походилъ на прежняго Благолѣпова. Онъ самъ на своемъ оригинальномъ языкѣ говорилъ про себя:

— Со мной вонъ то же случилось, что съ колесомъ иногда бываетъ на скверной дорогѣ: скачетъ оно, трещитъ, то туда,

то сюда гнется, а вдругъ попадетъ въ колею — и покат
какъ по маслу. Я вонъ тоже попалъ въ колею, такъ тепе
мнѣ хоть въ Сибирь поѣзжай.

Онъ бросилъ и «малодушество»; съ него, какъ онъ в
жался, «многое соскочило», все напускное, все вызывавш
безсильною желчью, затаеннымъ недовольствомъ судьбою, п
нымъ шатаніемъ, теперь отпало мало-по-малу и онъ самъ
ливо говорилъ, что «некогда теперь бобы-то разводить».
ствительно, работа его, подобно снѣжному кому, увеличива
усложнялась по мѣрѣ того, какъ онъ забиралъ въ руки д
открывая все новые и новые источники для расширенія мѣс
производительности то въ томъ, то въ другомъ имѣніи кн
воюя все сильнѣе и сильнѣе съ разнымъ кулачествомъ и
ѣдствомъ. Только теперь онъ началъ понимать, что значитъ
теоретикомъ и что значитъ быть практикомъ. На первых
шагахъ онъ увидалъ, что въ практическомъ отношеніи его
гоняетъ первый наметавшійся въ своемъ дѣлѣ мужикъ, что
гое, казавшееся ему въ теоріи такимъ легкимъ, въ дѣйстви
ности было и сложнѣе, и труднѣе. Только при помощи чи
русской смѣтливости онъ успѣлъ набить руку, присмотрѣ
ко всему довольно быстро, и сообразилъ, какъ и что можно
ло дѣлать. «Подтянуться-таки порядочно пришлось», говари
онъ шутя. Мужики, имѣвшіе съ нимъ дѣло, считали его у
головой, знали очень хорошо, что никто не дастъ имъ луч
совѣта, чѣмъ Никаноръ Ивановичъ, что Никаноръ Иванови
прошеніе какое-нибудь съумѣетъ составить, и указать, куда
но идти хлопотать по тому или другому дѣлу, что онъ ник
не тяготится разговорами съ ними, и шли къ нему. «Изв
ное дѣло, простой человѣкъ», говорили про него. Къ княз
княжнѣ онъ привязался искренно и откровенно, безъ вся
заднихъ мыслей и соображеній.

— Мы всѣ точно спѣлись,—шутилъ онъ и никогда даж
задумывался надъ вопросомъ, почему это такъ вышло.—Что
люди простые, дѣлить нечего, вотъ и все,—замѣчалъ онъ.

Онъ не задумывался даже и надъ тѣмъ, вслѣдствіе как
чувствъ онъ однажды вышелъ изъ себя и грубо, рѣзко нап
на княжну, увидавъ ее выходящею изъ избы, гдѣ была о

— Съ ума вы сошли! Да какъ вамъ не стыдно играть
опасностью! Спасете вы ихъ, что-ли, тѣмъ, что посмотрите
нихъ?—Нѣтъ вѣдь, а идете! Любопытство одно бабье и бол

ничего! Это ни на что не похоже! Вотъ я, право, князю пожалуюсь, чтобы запретилъ вамъ это,—горячо выговаривалъ онъ ей, не замѣчая даже того, что онъ волнуется черезчуръ сильно и что ему никто не давалъ права на подобныя выходки.

Этихъ мимолетныхъ, проходившихъ незамѣтно, чертъ, говорившихъ о привязанности Благолѣпова къ княжнѣ, было не мало, но ни онъ, ни она не задумывались ни разу надъ вопросомъ: что̀ это — слѣдствіе пріязни, дружбы или любви? Какое-то тяжелое, гнетущее чувство овладѣло Благолѣповымъ, когда внезапно умерла Ольга Родіоновна. Эта смерть страшно повліяла на князя, какъ вообще вліяютъ на больныхъ, приближающихся къ могилѣ, стариковъ всякія извѣстія о смерти знакомыхъ или близкихъ лицъ. Благолѣповъ почти ни минуты не тужилъ собственно о старушкѣ, не боялся онъ даже за старика, но онъ весь былъ охваченъ одною мыслью, мыслью о томъ, что княжна «изводится» теперь уходомъ за отцомъ. Въ его головѣ мелькали злыя думы о томъ, какъ слагается жизнь: тутъ старики томятся долгою болѣзнью, а рядомъ съ ними приходится блекнуть молодости въ уходѣ за ними, и отдыхъ для этой молодости настанетъ только тогда, когда наконецъ смерть убьетъ эту старость; тутъ ничѣмъ нельзя помочь, ничего нельзя совѣтовать, нельзя даже желать неизбѣжнаго исхода, такъ какъ это желаніе равносильно желанію смерти одному человѣку для блага другого. Въ эти дни болѣзни князя Благолѣповъ настойчиво отсылалъ княжну отдохнуть и самъ просиживалъ ночи около старика. Когда княжна замѣчала ему, что онъ и безъ того устаетъ за день за работой и что ему тяжело проводить еще безъ сна и ночи, онъ лаконически замѣчалъ:

— Что мнѣ, этакому-то быку, сдѣлается? Себя-то лучше берегите!

Князь же буквально таялъ, какъ воскъ. Быть-можетъ, это постепенное, медленное угасаніе, немного ускоренное смертью Ольги Родіоновны, продлилось бы нѣсколько дольше, еслибы не произошло еще одно небольшое событіе, встревожившее князя.

Въ Русовѣ случился пожаръ. Было часовъ семь вечера, когда вспыхнула одна изъ избъ и все село огласилось криками: «Пожаръ! Горимъ!» Благолѣповъ сидѣлъ у князя въ кабинетѣ, когда его вызвалъ въ другую комнату камердинеръ князя. Князь спросилъ у дочери, зачѣмъ позвали Благолѣпова, она вышла справиться и черезъ минуту вернулась къ отцу, блѣдная и встре-

военная. Она хотѣла скрыть отъ старика настоящую при
тревоги, но это ей не удалось: страхъ за участь крест
боязнь, что Благолѣповъ, всегда слишкомъ горячій и неост
ный, самъ бросится тушить огонь, наконецъ томительное
ство неизвѣстности насчетъ того, что дѣлается тамъ, со
подавили княжну и ей волей-неволей пришлось объяснить
въ чемъ дѣло.

— Надо распорядиться..., надо распорядиться,— взволн
нымъ голосомъ сказалъ князь.—Иди туда...

— Тамъ уже Никаноръ Ивановичъ,—отвѣтила княжна

— Ну да, ну да, онъ будетъ заботиться о тушеніи...
родъ всегда въ этихъ случаяхъ теряется... Но тамъ ребяті
семьи безъ крова... Надо приготовить пустые флигеля
выхъ, размѣстить... Не по-міру же идти народу, не на
ночевать... Иди!... Кому же, какъ не тебѣ, быть тамъ...
осторожна только... Къ огню, Соня, не подходи...

— А какже ты?—сказала нерѣшительно княжна.

— Что я?... Трупъ живой!... И что мнѣ сдѣлается?...
иди, Соня!

Князь поцѣловалъ дочь, перекрестилъ ее и махнулъ р

— Ну, иди, иди!

Княжна позвала къ отцу его камердинера и, накинув
голову пуховый платокъ, быстро отправилась на село. П
былъ въ полной силѣ и, какъ всѣ деревенскіе пожары, св
ствовалъ страшно. Пожарныя трубы изъ барскаго дома и с
вода князя работали хорошо, но справиться съ огнемъ бы
особенно легко. Никаноръ Ивановичъ распоряжался и ком
валъ со всею энергіей, помогая мужикамъ и бросаясь то туд
сюда, чтобъ оградить отъ огня еще не загорѣвшіяся стр
Онъ, повидимому, позабылъ объ опасности и, осыпаемый иск
увлекалъ за собою заводскихъ парней на трудный бой съ
пожирающимъ пламенемъ.

— Куда ты, Никаноръ Ивановичъ! Сгорѣть, что-ль, хочеш
Берегись, крыша-то придавитъ, не встанешь!—кричали ем
лодые заводскіе парни, сами не сознававшіе, что они подв
ютъ себя еще большей опасности и работаютъ еще энерги
чѣмъ онъ.

Княжна въ это время уже прошла къ группѣ плакавши
завывавшихъ бабъ и ребятишекъ и, утѣшая ихъ, распоряж
о переводѣ ихъ во флигеля дворни, стоявшіе почти пусты

— Ничего, ничего, все построимъ, все поправимъ,— говорила она. — Лѣсъ, слава Богу, есть... Ребятишекъ-то только уводите...

Оказалось, что нѣкоторыя изъ бабъ и дѣтей выскочили изъ избъ почти безъ одежды, въ однѣхъ рубашкахъ. Нужно было хоть чѣмъ-нибудь снабдить ихъ на время, пока все не придетъ въ порядокъ. Въ барскомъ домѣ вся дворня поднялась на ноги. На селѣ ни одинъ человѣкъ не остался безъ дѣла. Хлопотъ и заботъ было не мало и среди бѣготни, работы и суеты никто въ сущности не отдавалъ себѣ отчета, насколько онъ набѣгался, насколько онъ измучился, насколько онъ былъ героемъ въ эти минуты всеобщаго бѣдствія, заставляющаго человѣка хоть на время забыть о себѣ и отдаться всецѣло ближнимъ. Случайными зрителями этой картины были только два пожилые купца, проѣзжавшіе въ это время по почтовой дорогѣ мимо Русова и остановившіеся взглянуть на пожаръ. Любуясь этимъ зловѣщимъ зрѣлищемъ, они глубокомысленно разсуждали, сколько сгоритъ: все село или половина села,—дойдетъ ли огонь вотъ до той избы или остановятъ его на этой избѣ...

— Нѣтъ, много-то не выгоритъ,—вонъ какъ заводскіе приналегли, тоже народъ ловкій. Да и Никаноръ Иванычъ коли за что возьмется, такъ отстоитъ,—сказалъ ямщикъ.

— Какой Никаноръ Иванычъ?—спросилъ одинъ изъ купцовъ.

— Да управитель-то русовскій. Вонъ какъ работаетъ!— ямщикъ указалъ кнутовищемъ на Благолѣпова.

— Да, да! Я и не призналъ его съ перваго-то разу,— отвѣтилъ одинъ изъ купцовъ и обратился къ своему спутнику:— Силища тоже человѣкъ. Я его еще у преосвященнаго нашего Филоѳея видалъ. Племянникомъ онъ старику-то приходится. Молодецъ, право, молодецъ!

— Гляди, гляди, такъ въ огонь и лѣзетъ! Въ азартѣ-то не видитъ, что тутъ того и гляди балкой зашибетъ. Вонъ, вонъ!... Эхъ, сейчасъ тарарахнетъ!

Купцы на минуту смолкли, ожидая, какъ тарарахнетъ Благолѣпова балкой. Раздался сильный трескъ и разбираемая горящая изба рухнула.

— Вывернулся... Ну, молодецъ!—воскликнулъ купецъ.

— Молодецъ-то молодецъ, а видно досталось тоже... Смотри, заводскіе что-то завозились около него.

— Ничего! Видно, по рукѣ смазало головней. До свадьбі живетъ! А вонъ того-то парнишку видно получше пришлеп Ишь присѣлъ сердешный...

— Присядешь, какъ прямо по головѣ звизнетъ, — ск: ямщикъ.

— А нѣшто по головѣ попало?

— По головѣ и есть.

— Вонъ Никаноръ-то осматриваетъ.

— Э-э, поднимаютъ, — видно и идти не можетъ.

— Въ мозги, значитъ, попало.

— А пожаръ-то стихъ... Кажись, ужь больше не разгори

— Чего разгорится, если путь пресѣкли! Не разбері эти двѣ избы, все село смело бы.

— Ну, что-жь, пора и въ дорогу.

Пожаръ дѣйствительно утихалъ, и картина перестала пред лять интересъ. Купцы снова усѣлись и поѣхали дальше.

Въ селѣ продолжалась суета, но уже всѣ пришли въ видя, что всякая опасность миновала. Десятокъ сгорѣвшихъ превратился въ груды головней, догоравшихъ и дымившихъ землѣ. На мѣстѣ сгорѣвшихъ построекъ виднѣлись только закоптѣвшіяся отъ дыма. Теперь хлопоты шли въ барском мѣ, куда княжна перевела бабъ, ребятишекъ и стариков въ больницѣ, куда перенесли зашибленнаго въ голову зав го парня. Никаноръ Ивановичъ тоже вернулся домой и оказалось, что ему нужно было перевязать лѣвую руку. была слегка обожжена и ранена. Онъ смотрѣлъ на это какъ на пустяки, и шутливо замѣтилъ, что «вѣдь это— рука, такъ на что она ему». Княжна молча сжала ему р въ ея глазахъ засвѣтилось такое хорошее, ласковое выра Внезапно онъ сталъ какъ будто и ближе, и дороже ей, прежде. Но останавливаться, задумываться надъ этимъ чувс было не время. Съ одной стороны, теперь нужно было обсу какъ помочь погорѣльцамъ, а съ другой—на слѣдующій ж пришлось убѣдиться, что князь очень плохъ. Княжна боял думать, что это начало конца. Благолѣповъ тоже ничего ворилъ. Но и онъ, и она ощущали какую-то щемящую Они искренно любили старика и кромѣ того его потеря был щественно важна для обоихъ. Наслѣдникомъ былъ въ сущ князь Александръ Александровичъ. Княжна знала, что сильно измѣнился къ лучшему. Но насколько? Какъ онъ

рдится? Останется ли она въ Русовѣ? Это имѣніе должно перейти къ ея брату. Эти мысли у нея промелькнули въ головѣ какъ-то безсознательно, мимолетно, но у Благолѣпова это былъ вопросъ существенный. Не придется ли ему опять удалиться отсюда. Куда? За что приняться? Во всякомъ случаѣ со смертью старика кругъ его дѣятельности съузится, онъ не будетъ болѣе правою рукой хозяина, онъ можетъ-быть даже не сойдется съ молодымъ княземъ. «Хвалятъ его, а чортъ его знаетъ, что онъ такое. Никто его не знаетъ... Но можетъ-быть старикъ еще не умретъ. Надо спросить у доктора его мнѣніе». Докторъ объявилъ Благолѣпову, что часы старика сочтены. Старикъ, кажется, сознавалъ это самъ. Почувствовавъ себя худо, онъ позвалъ Благолѣпова и приказалъ телеграфировать сыну.

— Только ему?—спросилъ Благолѣповъ, вспомнивъ о женѣ и дочери князя, бывшихъ за границей.

— Только ему,—отвѣтилъ князь.—Торопите его пріѣздомъ.

Потомъ онъ призвалъ дочь.

— Худо мнѣ, Соня, очень худо,—сказалъ онъ слабымъ голосомъ.—Еслибъ Александръ поспѣлъ пріѣхать.

— Папа!—воскликнула княжна со слезами на глазахъ.

— Пора, Соня, пора!—проговорилъ князь.—Не плачь, не волнуйся! Сто лѣтъ нельзя жить и не нужно... Но я хотѣлъ съ тобой поговорить... Я могъ бы сдѣлать завѣщаніе, но есть причины, по которымъ я его не дѣлаю... Ты—не дѣвочка, ты знаешь все и тебѣ можно говорить все... Я не хочу ни лгать, ни мстить передъ смертью, вотъ почему я не дѣлаю завѣщанія... Отказывать что-нибудь тѣмъ, кто чуждъ мнѣ, кого я не люблю, это значитъ фарисействовать... Лишать ихъ всего—это значитъ мстить... Пусть все сдѣлается по закону...

Онъ перевелъ духъ.

— Кромѣ того я виноватъ передъ Александромъ, много виноватъ... Если я сдѣлаю завѣщаніе, я обижу его... Это будетъ имѣть видъ недовѣрія къ нему... Онъ—главный наслѣдникъ и пусть онъ самъ распоряжается... Я хочу, чтобъ онъ зналъ, что я довѣряю ему... Русово пусть отдастъ тебѣ... Ты его любишь... Александръ и отдастъ, я знаю...

Княжна не могла говорить, съ трудомъ сдерживая рыданія. Больной потиралъ грудь, точно его душило, и покачивалъ головой, видимо тревожась мыслью о близкой смерти.

— Во-время бы пріѣхалъ, скорѣй бы... Примириться н но!—шепталъ онъ черезъ силу. —Есть вещи, которыхъ заб нельзя, но можно простить...

Мало-по-малу онъ впалъ въ забытье. Прошло съ часъ і мени. Князь открылъ глаза.

— Соня, ты тутъ?—спросилъ онъ.

— Да, папа,—отвѣтила она.

— Который часъ?

— Два сейчасъ пробило.

— Поѣзда въ этотъ часъ нѣтъ изъ Москвы?

— Нѣтъ, папа.

Князь закрылъ глаза.

— Экстренный можно взять... Нужно поторопиться... От умираетъ,—шепталъ онъ полусознательно.

Онъ опять задремалъ на часъ, на два, и опять княжна ус шала тѣ же вопросы. Наконецъ, прошелъ этотъ томителы день, настала тревожная ночь. Больной не могъ лежать и спа сидя въ креслѣ, то немного бредя во снѣ, то вдругъ просы ясь и спрашивая:

— Пріѣхалъ?... Кто пріѣхалъ?

И прежде чѣмъ ему успѣвали отвѣчать, онъ дремалъ снова. Только подъ утро сонъ его сталъ ровнѣе и крѣпче. Поу первый вопросъ князя былъ о сынѣ. Сынъ еще не пріѣзжа

— Да, пока отпускъ получитъ... Но вдругъ это... опо: етъ,—говорилъ князь.

Разъ, отлучившись на нѣсколько минутъ изъ комнаты о къ завтраку, Софья Александровна застала отца въ слезахъ возвращеніи въ его спальню.

— Папа, что съ тобой! — воскликнула она, склоняясь нему.

— Опоздаетъ!—жалобно проговорилъ старикъ, тихо, пс по-дѣтски, плача.

У Софьи Александровны стѣснило грудь. Князю станови все хуже и хуже. Его нетерпѣніе увидѣть сына, его стр при мысли умереть раньше пріѣзда сына возростали съ кажді днемъ и онъ иногда болѣзненно метался на своемъ креслѣ, мимый отчаяніемъ. Наконецъ, онъ потерялъ всякую надежду пріѣздъ сына во-время.

— Священника, Соня, священника мнѣ! — проговорилъ какъ-то поутру.

Тотчасъ же распорядились насчетъ приглашенія старика священника, много лѣтъ уже служившаго въ Русовѣ. Отецъ Никита явился быстро, захвативъ съ собою св. дары. Онъ вошелъ въ домъ, сказалъ пару словъ княжнѣ и прошелъ къ больному. Больной и обрадовался, и взволновался.

— Умираю, батюшка, совсѣмъ умираю!—сказалъ князь.

— Никто какъ Богъ!—отвѣтилъ отецъ Никита.—Не всѣ болѣзни къ смерти...

— Нѣтъ, я знаю... Мнѣ нужно сказать многое... Сына ждалъ, думалъ, что доживу до его пріѣзда, но нѣтъ... Вы ему все передайте... Виноватъ я передъ нимъ, много виноватъ...

Отецъ Никита приготовился исповѣдовать больного.

— Вы знаете всю мою жизнь, отъ васъ никогда не было тайнъ,—началъ больной.—Вы знаете мои отношенія къ женѣ...

Отецъ Никита вздохнулъ.

— Я былъ обманутъ съ первыхъ же дней... Когда я узналъ, я готовъ былъ разстаться съ нею. Но она уже была матерью... Сестра Софья, покойная Ольга Родіоновна и, наконецъ, я самъ—всѣ мы поняли, что, наказывая мать, я накажу и ребенка... Да и она плакала, просила прощенья, каялась... Я простилъ... Потомъ мы жили долго сносною жизнью... Мнѣ даже казалось, что я если не особенно счастливъ, то все же и не несчастнѣе другихъ мужей изъ нашего круга... Вдругъ случай открылъ мнѣ глаза, поздно открылъ... У насъ уже былъ не одинъ ребенокъ, много дѣтей и... изъ всѣхъ этихъ дѣтей, можетъ-быть, только Соня была моею дочерью... Тогда я порвалъ всѣ отношенія къ женѣ и только оставилъ ее жить въ своемъ домѣ, только не отвергалъ дѣтей...

Больной перевелъ духъ.

— Я ихъ не отвергалъ, но я имъ не былъ отцомъ, я никогда не любилъ ихъ,—продолжалъ онъ.—Только Соня видѣла мои ласки, и то не я обратился съ ними къ ней, а она завоевала ихъ..., съ бою взяла... Александръ—не то... Онъ росъ безъ моей любви... Мало того, я мелочно придирался къ нему... Я не былъ мелочнымъ человѣкомъ, но онъ напоминалъ мнѣ другую ненавистную мнѣ личность... Онъ напоминалъ мнѣ, что ради него,—да, только ради него,—я пощадилъ эту женщину... Онъ казался мнѣ какимъ-то ничтожнымъ, безхарактернымъ, мелкимъ человѣкомъ...

Князь тяжело вздохнулъ.

— Я пренебрегъ его воспитаніемъ, я раздражалъ его свої пренебреженіемъ... Въ этомъ великій мой грѣхъ... Безсознател я мстилъ ребенку за мать... Богъ наказалъ меня за это...] того, кого я хотѣлъ затоптать въ грязь, Онъ сдѣлалъ хорош человѣка...

Отецъ Никита, безмолвно слушавшій князя, тихо замѣт ему:

— Это не наказаніе, а милосердіе Божіе.

— Да, да, я не такъ выразился... Да, это милосердіе жіе... Наказаніемъ мнѣ было бы то, еслибъ онъ погибъ изъ меня... Но я не о томъ хотѣлъ поговорить... Дѣло въ то что Александръ узналъ все и все понялъ... Онъ исправи. сталъ хорошимъ человѣкомъ, но отъ меня онъ отстранилс Онъ меня не упрекалъ, но я знаю, что онъ чувствуетъ ко мн Онъ помнитъ, онъ вѣчно будетъ помнить, что я своимъ о шеніемъ къ нему могъ довести его до гибели... Многихъ дѣ изъ нашего круга такія отношенія отцовъ погубили... Этого не забудетъ...

— Значитъ вы все еще не вполнѣ вѣрите, что онъ ст хорошимъ человѣкомъ?—спросилъ отецъ Никита.

Больной взволновался.

— Нѣтъ, нѣтъ, я вѣрю, вѣрю... Но онъ, можетъ-быть, вполнѣ сознаетъ, что я раскаялся, что я все понялъ, что я (таю себя виновнымъ... Я не хочу, чтобъ онъ думалъ, чт сталъ только снисходительнымъ къ нему, увидавъ, что онъ исп вился,—я хочу, чтобъ онъ зналъ, что я считаю себя вин тымъ передъ нимъ... Тогда онъ если не забудетъ всего, то] стить... Тяжело умирать, сознавая, что ты не примирился обиженнымъ тобою невиннымъ человѣкомъ; еще тяжелѣе жі затаивъ навсегда въ душѣ враждебное чувство къ тому, называлъ когда-то отцомъ... Передайте ему все это, скаж что я исповѣдовался въ этомъ передъ вами, готовясь предс передъ Богомъ...

Онъ вздохнулъ широкимъ вздохомъ, точно ему легче с послѣ этихъ признаній.

— И еще я долженъ покаяться передъ вами,—продолж онъ.—Высокомѣрія, гордости во мнѣ еще было много до э часа. Изъ гордости я откладывалъ и священный долгъ, мед исповѣдью... Все надѣялся, что пріѣдетъ онъ и тогда мнѣ нужно будетъ сознаваться въ томъ, въ чемъ я сознаюсь

нерь... Это великій мой грѣхъ, грѣхъ всей жизни, и за него Богъ меня наказываетъ.

— Это не наказаніе, а милосердіе Божіе,—снова повторилъ отецъ Никита.

— Да, да, милосердіе... Я понимаю, Богъ далъ мнѣ силы, далъ возможность примириться съ своею совѣстью, — прошепталъ больной.

Онъ поникъ головой и тихо слушалъ успокоительныя слова священника, читавшаго молитву.

Тяжелое, гнетущее чувство охватываетъ близкихъ людей, когда мимо нихъ проходитъ въ комнату больного священникъ съ св. дарами, когда передъ ними плотно затворяются двери комнаты умирающаго и тамъ происходитъ послѣдняя исповѣдь, послѣдній разсчетъ за грѣхи и ошибки всей жизни. До этой минуты въ сердцахъ окружающихъ все еще теплится искра надежды; въ эту минуту она вдругъ погасаетъ и невольно кажется, что тамъ, за этой запертою дверью, уже происходитъ таинство смерти. Княжна не могла подавить своихъ слезъ, когда отецъ Никита прошелъ къ князю, когда за нимъ затворились двери, когда началось печальное таинство исповѣди. Она подошла къ окну и, тихо плача, замерла на мѣстѣ. Она не шевелилась и только по ея вздрагивавшимъ плечамъ можно было угадать, что она беззвучно рыдаетъ. Къ ней подошелъ Благолѣповъ и тихо взялъ ее за талію.

— Полноте, милая моя, полноте!—мягкимъ, ласковымъ голосомъ проговорилъ онъ.

— Очень мнѣ тяжело, Никаноръ Ивановичъ,—тихо отвѣтила она.

— Знаю, знаю, да что же дѣлать!... Берегите себя... Ваша жизнь нужна...

Онъ безсознательно прижалъ ее къ себѣ, она также безсознательно опустила къ нему на грудь голову. Онъ гладилъ ея волосы, какъ гладятъ по головѣ, успокоивая расплакавшагося ребенка.

— Надо быть бодрѣе! Ваши слезы еще болѣе взволнуютъ старика. Это вѣдь неизбѣжный конецъ. Слава Богу еще, что вамъ не за что упрекать себя. Тяжело, когда теряешь человѣка да еще сознаешь, что не все исполнилъ въ отношеніи его. А вы были хорошею дочерью. Всю себя отдали на служеніе ему.

Онъ, какъ добрая нянька, усадилъ княжну, принесъ ей воды.

— Освѣжитесь, пусть старикъ не видитъ вашихъ заплаканныхъ глазъ. Исповѣдь его успокоитъ и вамъ не должно нарушать это спокойствіе своими слезами. Если уже ему суждено умереть, пустъ умретъ съ ясною улыбкой...

Исповѣдь между тѣмъ кончилась, старикъ пріобщился и тотчасъ же тихо заснулъ. Онъ спалъ довольно долго и когда онъ открылъ снова глаза, княжну изумило выраженіе его лица: такое выраженіе встрѣчается у больныхъ дѣтей, полное тихой, безмятежной грусти, съ томной улыбкой, съ утомленными глазами, словно только на минуту полуоткрывшимися въ отвѣтъ на ласки близкихъ и готовыми снова сомкнуться быть-можетъ на вѣчный сонъ, на вѣчный покой. Князь почти не говорилъ, не спрашивалъ уже о сынѣ; его голова безсильно склонялась на плечо, глаза по большей части были закрыты, даже когда онъ не спалъ. Именно въ такомъ положеніи засталъ отца Александръ Александровичъ Русовъ. Онъ, наскоро поздоровавшись съ сестрою, вошелъ къ отцу. Лицо старика озарилось ясной полусознательною улыбкой, онъ мягко взглянулъ на сына, приподнялъ слабую руку.

Князь Александръ опустился передъ нимъ на колѣни.

— Милый... мальчикъ... Сынишка мой, — едва слышно прошепталъ больной.—Вотъ и помирились... и все простили, забыли...

Князь Александръ въ слезахъ цѣловалъ руки отца. Старикъ продолжалъ улыбаться, продолжалъ пожимать руку сына, все слабѣе. Наконецъ онъ слабо вздохнулъ, закрылъ глаза—и все было кончено: рука замерла, голова свѣсилась на плечо, грудь перестала подниматься, только спокойная улыбка продолжала оживлять это лицо съ закрывшимися навсегда глазами. Всѣ, стоявшіе на колѣняхъ около кресла князя—сынъ и дочь, подошедшіе къ нему Орловъ и Благолѣповъ—точно замерли на минуту около этого старика, склонившаго свою голову съ сѣдыми длинными волосами. Они точно вдругъ всѣ сплотились вмѣстѣ въ одну тѣсно связанную между собою семью. А весеннее солнце, косыми лучами заглянувъ въ окно, заливало комнату прощальнымъ блескомъ. День кончался; наступалъ вечеръ.

Орловъ живо запомнилъ эту минуту и часто вспоминалась она ему. Когда все стало вполнѣ понятно всѣмъ присутствующимъ, когда рыданія княжны стали громче, онъ и Благолѣповъ подняли ее и увели въ другую комнату. Они ухаживали за ней,

какъ братья, и ни на минуту въ Орловѣ уже не проснулось чувство ревности, чувство вражды къ Благолѣпову, когда тотъ тихо шепталъ княжнѣ:

— Полно, милая, полно! Надо беречь себя!...

II.

Со смерти князя прошло уже не мало дней, недѣль, мѣсяцевъ. Много событій произошло въ это время и всѣ эти событія оставили неизгладимые слѣды въ сердцахъ всего кружка, тѣсно сплотившагося въ Русовѣ около гроба князя. Когда всѣ эти событія, пронесшіяся вихремъ надъ семьей князя, надъ Благолѣповымъ, надъ Орловымъ, стали дѣломъ прошлаго, Дмитрій Андреевичъ, отдыхая отъ тревогъ и опасеній пережитыхъ дней, перебирая въ своей квартирѣ старыя бумаги, письма, телеграммы, невольно вспомнилъ все это недавнее прошлое и какъ бы пережилъ, переболѣлъ его снова.

Навсегда запали въ память Орлову всѣ дни и вечера, проведенные имъ въ Русовѣ тотчасъ послѣ смерти князя. Кружокъ друзей тѣсно сплотился, какъ будто между всѣми этими людьми не было никогда никакихъ недоразумѣній, какъ будто всѣ они вдругъ инстинктивно поняли, что такъ или иначе они всѣ идутъ, или, по крайней мѣрѣ, могутъ идти къ одной цѣли. Правда, они всѣ шли разными путями, надѣясь на совершенно различныя средства, но они не спорили объ этихъ путяхъ и средствахъ, угадавъ чутьемъ, что эти споры не поведутъ ни къ чему, что каждый изъ нихъ на другомъ мѣстѣ, въ другой роли чувствовалъ бы себя неловко, что сама жизнь подсказала имъ, какъ и что долженъ былъ дѣлать каждый изъ нихъ. Новичкомъ въ ихъ кружкѣ была одна только личность—Настя. Но княжна сразу поняла, какое значеніе имѣла въ жизни ея брата эта женщина, не претендовавшая ни на какую роль, кромѣ роли подруги своего мужа, опоры своего мужа, помощницы своего мужа, и встрѣтила ее съ распростертыми объятіями, какъ добрую подругу. Настя была тронута добротой княжны и сразу прямо объявила ей, что она давно полюбила княжну уже за то, что та «такая же простая, какъ князь».

— Мы такъ спѣлись, что хоть коммуну изъ насъ составляй!—шутливо замѣтилъ какъ-то Благолѣповъ.

И онъ былъ правъ: они спѣлись. Одинъ вопросъ только немного смущалъ и какъ будто страшилъ всѣхъ,—вопросъ о кня-

гинѣ Маріи Львовнѣ Русовой. И на этомъ вопросѣ сходились всѣ, хотя и не касались его въ разговорахъ. Ее не хотѣлось видѣть ни княжнѣ, ни князю, ни Орлову, ни Благолѣпову, ни Настѣ. Всѣ сознавали, что эта женщина будетъ лишнею въ ихъ кружкѣ, будетъ лишнею у гроба старика. Но дать ей знать о смерти мужа все-таки было нужно,—этого требовало приличіе, это было необходимо и по дѣлу наслѣдства. Ей послали телеграмму за границу и въ душѣ всѣ надѣялись, что телеграмма не найдетъ ее, такъ какъ княгиня жила то въ Парижѣ, то въ Римѣ, то въ Женевѣ. Надежды эти сбылись только отчасти: телеграмма дошла до княгини, но княгиня отвѣтила, что она не можетъ поспѣть къ похоронамъ, а что дочь ея, вышедшая замужъ въ Парижѣ, не пріѣдетъ вовсе, такъ какъ ея положеніе не позволяетъ ей пускаться въ далекій путь. Отсрочка пріѣзда княгини какъ бы дала возможность этимъ людямъ передохнуть, подготовиться къ непріятной встрѣчѣ. Чѣмъ болѣе приближался день этой встрѣчи, тѣмъ тяжелѣе становилось на душѣ у всѣхъ.

Всѣ тайно спрашивали себя: «И зачѣмъ она пріѣдетъ? Разыграть ненужную комедію на могилѣ мужа? Разыграть комедію материнской любви въ отношеніи дѣтей?... Для этого можно бы и не пріѣзжать». Орлову хотѣлось уѣхать до ея пріѣзда, чтобы не встать въ ложное положеніе, чтобы не напомнить никому о прошломъ; Настя тоже какъ будто трусила встрѣчи съ нею, хотя и князь, и княжна давно уже рѣшили въ душѣ, что они отрекомендуютъ Настю, какъ жену князя; Благолѣповъ ругалъ мысленно извѣстную ему только по слухамъ княгиню, сознавая, что она взглянетъ на него или свысока, какъ на «какого-то» поповича управляющаго, или, чего добраго, еще заподозритъ его отношенія къ княжнѣ.

И вотъ вспомнилось теперь Орлову, какъ вдругъ все неожиданно измѣнилось, какъ всякіе разсчеты были спутаны, какъ всѣ были сбиты съ толку и совсѣмъ не тѣмъ, чего ждали. Какой-то ужасъ охватилъ всѣхъ въ одинъ прекрасный день, когда совершенно неожиданно въ Русово пріѣхали изъ города власти арестовать Благолѣпова и сдѣлали тщательный обыскъ въ занимаемомъ имъ помѣщеніи. Орловъ помнитъ мертвенно-блѣдное лицо Благолѣпова съ недобрымъ выраженіемъ въ глазахъ; онъ помнитъ, какъ, забывъ всѣхъ и все, княжна бросилась на грудь Никанора Ивановича и словно замерла, сжимая его въ объятіяхъ и какъ бы рѣшившись не выдавать, не уступать его никому;

какъ князь сдержанно и съ достоинствомъ объяснялъ, что это все вѣроятно одно недоразумѣніе, простая ошибка; какъ Настя со слезами на глазахъ увела потомъ изъ комнаты Благолѣпова княжну и просидѣла у нея всю ночь, ухаживая за ней, какъ за больнымъ ребенкомъ. Всѣ они, казалось, потеряли головы,—такъ непредвидѣнно было это событіе.

Съ тѣхъ поръ прошло не мало дней, недѣль, мѣсяцевъ, и теперь Орловъ зналъ уже всю закулисную сторону этой страшной катастрофы и понималъ, что ея нужно было ожидать съ часу на часъ; онъ распуталъ, въ качествѣ защитника Благолѣпова, всѣ нити этого происшествія и добрался до начала, до причины этой бѣды. Чѣмъ глубже вникалъ онъ въ это дѣло, тѣмъ яснѣе представали передъ нимъ образъ Благолѣпова и образъ княжны.

Когда Благолѣповъ былъ водворенъ на родинѣ подъ надзоръ полиціи, онъ остался безъ дѣла, безъ средствъ добывать хлѣбъ, безъ надежды выйти изъ этого положенія. При такихъ условіяхъ нечего было и думать о душевномъ спокойствіи, объ умиротвореніи человѣка. Благолѣпову приходилось сидѣть сложа руки или заняться чѣмъ-нибудь безъ надежды на практическіе результаты этихъ занятій, на примѣненія ихъ къ дѣлу. Онъ сталъ продолжать изученіе химіи и сельскаго хозяйства — предметовъ, любимыхъ имъ и прежде. Но какъ ни любилъ онъ ихъ, они не могли вполнѣ удовлетворить его въ его положеніи. Мало этого, у него подъ руками часто не было даже необходимыхъ книгъ, не было лабораторіи, не было руководителей. На каждомъ шагу онъ наталкивался на сознаніе, что при другихъ условіяхъ, при другой обстановкѣ онъ могъ бы не такъ работать. На душѣ начала накипать желчь. Дѣлиться ею приходилось по неволѣ съ людьми, такъ же выброшенными за бортъ изъ жизни, такъ же волновавшимися, какъ онъ. Не могъ же онъ ждать сочувствія къ себѣ отъ своего дяди архіерея, отъ какихъ-нибудь находившихся при мѣстахъ «совѣтниковъ», отъ какихъ-нибудь занятыхъ своею коммерціей купцовъ. Участіе и пониманіе встрѣтилось въ иной средѣ, родственной съ нимъ по развитію, по взглядамъ, по участи. Въ это время только-что начиналась эпоха хожденія въ народъ, только-что начали появляться люди, взявшіеся за пропаганду извѣстныхъ идей, за распространеніе въ народѣ разныхъ книжекъ и брошюръ съ извѣстнымъ направленіемъ. Нѣкоторые изъ этихъ людей были старыми знакомыми Благолѣпова; другіе сами нашли его, потому что видѣли въ немъ подходящій

элементъ. Когда Орловъ, впервые послѣ разлуки въ Петербургѣ, встрѣтился съ Благолѣповымъ въ провинціи, Благолѣповъ былъ уже въ сношеніяхъ со многими такими людьми. Самъ Благолѣповъ не видѣлъ особенной пользы въ хожденіи въ народъ для распространенія разныхъ книжекъ; онъ горячо спорилъ по этому поводу съ пріятелями, но онъ не видѣлъ ни нужды, ни цѣли разрывать связь съ ними, такъ какъ онъ видѣлъ въ нихъ людей, раздѣлявшихъ его главныя убѣжденія, думавшихъ о народѣ, любившихъ народъ. Можно сказать даже больше: иногда бездѣятельная жизнь становилась ему такъ противна, что онъ былъ самъ готовъ идти въ народъ, только бы дѣлать хоть что-нибудь. Мускульная сила, избытокъ здоровья, молодая кровь—все это требовало дѣятельности, свободы, простора. Въ это время онъ нерѣдко запивалъ или, какъ онъ выражался, «малодушествовалъ и напускалъ на себя». Каково было состояніе его души, этого никто не зналъ тогда и только послѣ мелькомъ онъ какъ-то замѣтилъ: «Чего же было разсказывать, что не разъ башкой объ стѣну колотился, да волосы свои рвалъ. Помочь-то никто не помогъ бы, а только посмѣялись бы, что такой большой и такъ реветъ, какъ баба». Бывали въ это время такія минуты, когда Благолѣповъ чаще и глубже начиналъ задумываться надъ вопросомъ «о чистой отставкѣ», какъ онъ называлъ самоубійство. Столкновеніе съ княжной, разговоръ съ нею указали ему исходъ: онъ могъ попробовать свои силы въ качествѣ волостного писаря, управляющаго, конторщика, учителя,—однимъ словомъ, лица, могущаго стоять близко къ народу и приносить послѣднему посильную пользу, указывая мужику на его практическіе интересы, разъясняя его законныя права, давая тѣ или другіе совѣты вообще. Придумать этотъ исходъ было не хитро: о такой дѣятельности не разъ серьезно думалъ Благолѣповъ и до встрѣчи съ княжною; но княжна дала ему толчокъ, какъ-то сразу заставила рѣшиться. Ему стала улыбаться перспектива этой дѣятельности: онъ зналъ отлично народъ, выросши среди народа; онъ долго изучалъ естественныя науки, сельское хозяйство, а теперь ему говорили о возможности приложить знанія къ практикѣ,—говорили именно въ то время, когда имъ начинало овладѣвать отчаяніе. Но этотъ шагъ можно было сдѣлать только съ фальшивымъ паспортомъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Сначала онъ не хотѣлъ оставаться въ Русовѣ, но княжна уговорила его. Да какъ было и не согласиться? Здѣсь просторъ для дѣятельности былъ полный, подъ рука-

ии были большое хозяйство, заводы, школы, больницы. Здѣсь были и лѣсъ, и рѣка, и желѣзная дорога подъ бокомъ. Здѣсь могъ быть сбытъ для всякой кустарной, заводской или фабричной производительности. Благолѣповъ остался здѣсь и энергично принялся за работу. Но Русово не на лунѣ. Въ Русово не запрещены входъ и въѣздъ никому. Что дѣлается въ Русовѣ, то не остается тайной для сосѣдей. И вотъ къ Благолѣпову нашли дорогу пріятели; въ его комнатѣ не разъ происходили крупные споры; къ нему не разъ долетали запрещенные листки, брошюры, книги. Съ другой стороны ни для кого не было тайной, что въ Русовѣ происходили какія-то вечернія чтенія для взрослыхъ въ школѣ, что въ Русовѣ безъ разрѣшенія правительства устроилось что-то въ родѣ формальнаго техническаго училища при заводѣ, что въ Русовѣ завелась ссудо-сберегательная касса, что въ Русовѣ подняли заработную плату, что въ Русовѣ крестьяне могли выжидать съ продажею хлѣба при помощи ссудъ изъ кармана князя и могли въ случаѣ недостатка хлѣба покупать его по болѣе дешевой цѣнѣ, при помощи опять-таки тѣхъ же ссудъ. Какъ растетъ, катаясь, комъ снѣга, такъ росли съ одной стороны опасныя сношенія съ пріятелями, а съ другой враждебныя отношенія съ окружающими лавочниками, кулаками, арендаторами и землевладѣльцами. И съ обѣихъ сторонъ шли преувеличенія: одни преувеличивали таинственное значеніе своихъ злоумышленныхъ плановъ; другіе преувеличивали реформаторскія попытки въ сущности еще не успѣвшаго ничего сдѣлать Благолѣпова. Его искали давно, уже у нѣсколькихъ арестованныхъ нашли его письма, уже въ немъ видѣли опаснаго агитатора, хотя сущность его дѣятельности и участія въ агитаціи и была еще не выяснена, но находить его не находили. Не нашли бы его, быть-можетъ, и еще нѣсколько лѣтъ, не нашли бы, быть-можетъ, и вовсе, еслибы чисто случай ни привелъ къ открытію его убѣжища.

Въ одинъ изъ храмовыхъ праздниковъ въ родномъ городѣ Благолѣпова преосвященный Филоѳей самъ служилъ обѣдню въ соборѣ. Народу въ церкви набралась масса; всѣ были въ праздничномъ настроеніи, всѣ восхищались архіерейскими пѣвчими и басомъ гиганта-дьякона. Среди извѣстной части купечества, тѣснившагося около свѣчной выручки, между крестными знаменьями и шепотомъ молитвъ, какъ это всегда бываетъ въ большія храмовыя торжества, шли толки и о преосвященномъ, и о пѣвчихъ, и о дьяконѣ. Какой-то старикъ купецъ замѣтилъ между прочимъ:

— Вотъ, жаль, не пошелъ въ духовное званіе Никаноръ-то Ивановичъ, племянникъ-то его преосвященства. То-то знатный бы дьяконъ былъ. Косая сажень въ плечахъ. Намеднись видѣлъ я, какъ онъ на пожарѣ въ Русовѣ работалъ, такъ что это за махина человѣкъ!

— Да что же онъ въ Русовѣ дѣлаетъ?... При должности какой, что-ли?—спросилъ кто-то.

— Управитель, кажись, у князя или секретарь,—отвѣтилъ купецъ.—Я еще вотъ преосвященному-то не говорилъ. Хотѣлъ все молодца-то похвалить. Ямщикъ разсказывалъ, что такой-то славный парень изъ него сдѣлался. Мужички не нахвалятся.

— Заливать-то вѣрно пересталъ?

— Ужь вѣрно, если князь при себѣ держитъ.

Купецъ сталъ распространяться о Никанорѣ Ивановичѣ, о своихъ отношеніяхъ къ преосвященному. Ему было очень пріятно даже прилгать, чтобы только всѣ знали, что онъ «свой человѣкъ у преосвященнаго» и чуть не на «ты» съ нимъ.

Кто слушалъ этотъ разсказъ? Кто передалъ о немъ кому слѣдовало знать объ этомъ? Все это осталось неизвѣстнымъ. Извѣстно было только то, что Благолѣпова нашли и онъ увидалъ при допросѣ, что противъ него имѣется цѣлая масса обвиненій, да такихъ, какихъ онъ и придумать не могъ бы самъ, заглянувъ въ свое прошлое. У него ночевалъ когда-то такой-то, ходившій въ народъ, пріятель,--его подозрѣвали, что у него былъ притонъ злоумышленниковъ. У него оставили двое знакомыхъ народниковъ двѣ-три однородныхъ брошюры,—его подозрѣвали въ томъ, что у него былъ «складъ запрещенныхъ сочиненій», что онъ намѣренъ былъ ихъ распространять. Откуда-то всплыли толки сосѣдей о томъ, что онъ вооружалъ народъ, побуждалъ къ стачкѣ рабочихъ,—и его подозрѣвали въ подстрекательствѣ. Все это было очень естественно, очень понятно. То была пора, когда дѣла подобнаго рода были чѣмъ-то совершенно новымъ, когда никто вообще—ни въ той, ни въ другой партіи—не составилъ себѣ яснаго понятія о нихъ, о ихъ размѣрахъ, о ихъ цѣляхъ, когда видѣли, что тутъ кроются преступные замыслы; но въ какой мѣрѣ преступны эти замыслы, какое участіе принимаютъ въ этихъ замыслахъ тѣ или другія лица, кто изъ этихъ лицъ дѣйствительно раздѣляетъ эти замыслы и кто только виноватъ тѣмъ, что не доносилъ на виновныхъ — всего этого никто не зналъ. Всѣ точно растерялись. Изъ первыхъ же допросовъ Бла-

голѣповъ понялъ, что противъ него нѣтъ никакихъ крупныхъ уликъ; но тѣмъ не менѣе онъ сознавалъ, что его не выпустятъ на всѣ четыре стороны, что слѣдователи будутъ докапываться настойчиво и упорно, чтобъ узнать, нѣтъ ли за нимъ чего-нибудь такого, что ускользало покуда отъ ихъ глазъ. Онъ понималъ, что его могутъ держать въ тюрьмѣ уже за одно то, что онъ бѣжалъ отъ надзора полиціи съ фальшивымъ паспортомъ. Отрицать этого было нельзя, оправдать себя въ этомъ проступкѣ было невозможно. Наконецъ, у него нашли нѣсколько записокъ, написанныхъ рукою захваченныхъ, замѣшанныхъ въ дѣло людей. Записки были пустыя, незначительныя, но онѣ говорили о сношеніяхъ. Зачѣмъ онъ хранилъ ихъ? Конечно, только потому, что не придавалъ имъ значенія, забылъ о нихъ, не бросилъ ихъ тотчасъ же по полученіи. А между тѣмъ онѣ-то и являлись уликами. Положеніе было безвыходное, впереди можно было ожидать только дурного. Но чаша горечи была бы далеко не полна, еслибъ оставили въ покоѣ княжну. Самъ Благолѣповъ готовъ былъ мужественно перенести все, сознавая, что онъ платился все-таки за что-нибудь—за неосторожность, за легкомысліе, за проступокъ; но когда онъ узналъ, что захватили и княжну,—онъ пришелъ въ отчаяніе. «Ее-то за что? Чѣмъ она виновата? Въ чемъ ее подозрѣваютъ? Какъ дошли до мысли объ ея арестѣ? Вѣдь за то, что онъ жилъ въ домѣ князя, взять ее было невозможно. Она могла и не знать, что у него фальшивый паспортъ, что у него были преступныя связи. Ея арестъ — крайняя несправедливость». Благолѣповъ проклиналъ тотъ день, когда онъ согласился вступить въ Русово управляющимъ, когда онъ согласился остаться въ княжескомъ домѣ. Онъ боялся даже и думать, что дѣлается съ княжною, какъ она переноситъ тюремное заключеніе. Каково было это заключеніе, онъ зналъ уже по опыту. Онъ, человѣкъ простой, не брезгливый, съ трудомъ мирился съ грязью, съ ѣдою, съ воздухомъ тюрьмы. А она?... Что она теперь чувствуетъ къ нему, Благолѣпову, виновнику всего этого несчастія? Вѣдь онъ былъ опытнѣе ея, онъ зналъ, или, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ знать, къ чему ведутъ сношенія съ опасными людьми; онъ игралъ съ огнемъ, забывая, что этотъ огонь можетъ испепелить другую, дорогую для него, жизнь.

Въ Русовѣ шла не меньшая тревога, хотя совсѣмъ въ другомъ родѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не переживу этого позора!—звучали теперь въ ушахъ Орлова восклицанія пріѣхавшей въ деревню княгини.— Я всегда ожидала, что она кончитъ какъ-нибудь не такъ, какъ всѣ, но этого не ждала... Она была противъ всѣхъ этихъ революціонеровъ за границей, она спорила съ ними, она отзывалась о нихъ съ неуваженіемъ и—вдругъ сошлась здѣсь съ какимъ-то бѣглымъ!... Александръ, мнѣ совѣстно, я боюсь выговорить это, но скажи мнѣ откровенно... Я—мать, я должна знать все, приготовиться ко всему!... Этотъ человѣкъ...—какъ его, Никаноръ?...—что, онъ въ связи съ нею?

Русовъ холодно взглянулъ на мать и сухо отвѣтилъ ей:

— Соня настолько чистое созданіе, что странно даже дѣлать подобные вопросы.

— Да, но вѣдь я—мать, я—мать!... Она носитъ наше имя... Это можетъ все огласиться, запятнать...

— Ахъ, полноте, мало ли кто таскалъ въ грязи нашъ княжескій гербъ! Теперь надо заботиться не объ имени, а о человѣкѣ... Ее спасти надо...

— Да развѣ это возможно? Я знаю, что за люди эти агитаторы, эти негодяи, желающіе затопить въ крови Россію. Я близко узнала ихъ за границею. Это—изверги, безъ сердца, безъ чести...

И княгиня разразилась цѣлымъ потокомъ громкихъ фразъ о тѣхъ, съ кѣмъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ она кокетничала, играя роль недовольной чѣмъ-то и кѣмъ-то, воображая себя госпожею Ролланъ.

— Да, это все послѣдствія матеріализма, послѣдствія безбожія!—продолжала ораторствовать княгиня, вспоминая разныя вычитанныя ею гдѣ-то фразы.—Когда люди забываютъ о Богѣ, когда они не вѣрятъ ни во что, когда у нихъ нѣтъ ничего святого,—они, конечно, готовы на все, на грабежъ, на убійство...

Княгиня теперь давно уже бросилась въ новую крайность и бредила католическими патерами, какими-то чудесами, какими-то знаменіями. Католическіе патеры явились ей послѣдними утѣшителями и друзьями и она такъ же повторяла теперь ихъ слова, какъ не особенно давно повторяла слова русскихъ эмигрантовъ, какъ прежде повторяла слова своихъ великосвѣтскихъ любовниковъ.

— Мнѣ кажется, вамъ лучше бы всего для своего спокойствія поселиться гдѣ-нибудь за границей,—спокойнымъ, но твер-

дымъ тономъ посовѣтовалъ ей князь.—Здѣсь вамъ будетъ слишкомъ тяжело постоянно слышать о Сонѣ.

— Но развѣ я могу уѣхать, когда моя дочь...—начала княгиня.

Сынъ перебилъ ее.

— Вы все равно не видите ее,—сказалъ онъ.—Наконецъ, для чего вамъ и видѣть ее? Любить ее вы уже не можете, облегчить ея участь вы не можете, передѣлать ее вы не можете. Вы только напрасно будете отказывать себѣ въ удовольствіи жить тамъ, куда васъ тянетъ все...

Онъ былъ сухъ и холоденъ съ матерью, но сдержанъ и вѣжливъ. Но эта холодность смѣнилась въ его душѣ почти враждебнымъ чувствомъ къ ней, когда она какъ-то свысока взглянула на Настю, услыхавъ отъ сына, что это его жена, что она приходится двоюродною сестрой Орлову. Княгиня, услыхавъ отъ сына, что онъ женился недавно, что онъ не писалъ объ этомъ, такъ какъ свадьба была тихая, скромная, сразу чутьемъ угадала, что сынъ сдѣлалъ maisalliance, что его жена какая-то мѣщанка, что, можетъ-быть, это даже и не жена вовсе.

— Мнѣ кажется, все-таки можно бы было написать объ этомъ мнѣ!—сказала княгиня сыну.

— Мнѣ казалось, что это дѣло касается только меня и моей невѣсты,—коротко отвѣтилъ князь.

— Но я—мать!

Не отвѣчая на это восклицаніе, слишкомъ уже часто повторявшееся въ эти дни, князь спокойно сказалъ:

— Къ тому же я даже не имѣлъ отъ васъ извѣстій о томъ, гдѣ вы находитесь въ извѣстную минуту, и думалъ, что одного этого довольно, чтобы не безпокоить васъ своими письмами.

— Что это, упрекъ?—спросила она.

— Нѣтъ, я просто объясняю причину, почему я не писалъ. Сводить же старые счеты—это будетъ очень длинно и едва ли поведетъ къ чему-нибудь,—отвѣтилъ онъ.

Между матерью и сыномъ было все порвано и оба они сознавали это. Княгиня начала даже какъ будто побаиваться сына. Ее не испугала бы его раздражительность или запальчивость, но ее пугала его холодная сдержанность. Она инстинктивно угадывала, что этотъ человѣкъ въ случаѣ необходимости не пощадитъ своего врага и съумѣетъ раздавить его желѣзною рукой. Были двѣ-три минуты, двѣ-три фразы, когда княгиня невольно

подумала, что онъ видитъ именно въ ней такого врага и что онъ въ случаѣ крайности не пощадитъ ее.

Еще холоднѣе, еще оффиціальнѣе были отношенія между княгиней и Орловымъ. Онъ начиналъ чувствовать къ ней почти ненависть, по мѣрѣ того, какъ передъ нимъ раскрывалась теперь вся мелочность, вся пустота, вся пошлость, вся дрянность этой натуры. Онъ ненавидѣлъ ее за то, что она унижала его въ его собственныхъ глазахъ, напоминая ему собою, что онъ могъ когда-то преклоняться передъ этой женщиной, могъ любить ее. Она была ходячимъ свидѣтельствомъ его ошибокъ, заблужденій, недальновидности. Онъ бы не ощущалъ этой ненависти, еслибы могъ хоть на минуту увѣрить себя, что онъ любитъ ее какъ кокотку, что онъ сошелся съ нею только какъ съ падшей женщиной.

Но она когда-то была его кумиромъ и онъ бѣсился, что онъ могъ хоть когда-то благоговѣть передъ тѣмъ, что стоило только презрѣнія. Княгиня сразу угадала, что онъ презираетъ ее, и подняла передъ нимъ голову, едва отвѣчая на его поклоны и не обращая вниманія на его замѣчанія во время разговоровъ. Впрочемъ, никому въ сущности не было и дѣла до нея, такъ какъ теперь всѣ помыслы были обращены на одно — на стремленіе спасти и выгородить Благолѣпова и княжну.

— Не жалѣй ничего, ни денегъ, ни хлопотъ, — говорилъ Александръ Александровичъ Орлову,—но постарайся спасти ихъ обоихъ, обоихъ, потому что спасти одну сестру — это значитъ поправить дѣло только на половину...

— Даже вовсе не поправить его, такъ какъ она пойдетъ теперь всюду за Никаноромъ,—отвѣтилъ Орловъ.

— Да, да, это вѣрно... Иначе и быть не можетъ!—согласился князь.

И вотъ Орловъ засѣлъ за это дѣло. Съ преданностью друга, съ умѣньемъ опытнаго дѣльца онъ слѣдилъ за ходомъ допросовъ, за характеромъ уликъ, за всѣми тѣми мелочами, которыя нужно было имѣть въ виду въ рѣшительную минуту. А дѣло все разросталось и расширялось, такъ какъ къ нему припутывались десятки лицъ.

Для Орлова настала пора горячей дѣятельности. Кромѣ дѣла княжны и Благолѣпова на его рукахъ было теперь дѣло семьи Русовыхъ по вводу во владѣніе, по дѣлежу наслѣдства. Князь, вышедшій въ отставку и обвѣнчавшійся въ уѣздномъ городишкѣ

съ Настею, занялся чисто хозяйственными дѣлами, перебравшись въ Русово, всѣ же судебныя и оффиціальныя сношенія предоставилъ вполнѣ Орлову. Наслѣдство покойнаго князя представляло очень крупную цифру, имѣнія его были разбросаны въ нѣсколькихъ губерніяхъ и потому возни было съ этимъ дѣломъ не мало. Александръ Александровичъ Русовъ предложилъ Орлову общепринятую плату за эти хлопоты и цифра вышла довольно крупная. Орловъ стѣснялся, но князь просто замѣтилъ ему:

— Что же, ты хочешь, чтобы кто-нибудь другой взялъ еще больше и не сдѣлалъ бы почти ничего или затянулъ бы дѣло?

— Но мы съ тобой стоимъ въ такихъ отношеніяхъ, — началъ Орловъ.

— Что я знаю, что ты человѣкъ небогатый и что ты ради меня теперь бросилъ всѣ другія дѣла,—докончилъ князь.

Орловъ очень хорошо понималъ, что дѣлать дѣло нельзя даромъ, что дѣйствительно изъ одной дружбы нельзя было бросить всѣ дѣла и отдаться дѣламъ князя, но его какъ-то досадливо смущало одно неотвязчивое сознаніе, что первое его очень крупное по доходу дѣло—было дѣло друга, что первая его яркая защита—будетъ защита друзей въ политическомъ процессѣ. Онъ мысленно сравнивалъ это съ чѣмъ-то въ родѣ того, что человѣкъ черезъ трупъ ближняго переступаетъ къ счастью.

— Мы, какъ доктора, аптекаря и гробовщики, — говорилъ онъ съ грустной улыбкой,—когда говоримъ объ удачѣ, о хорошихъ дѣлишкахъ, это значитъ, что Богъ далъ хоть маленькую холеру...

— Да вѣдь и въ большинствѣ случаевъ такъ бываетъ,—по крайней мѣрѣ, покуда,—сказалъ князь.—Кто-нибудь умретъ и у кого-нибудь развязались руки, кому-нибудь очистилось мѣсто, кто-нибудь получилъ наслѣдство...

Онъ вздохнулъ.

— Вотъ и я въ отставкѣ, женатъ, живу здѣсь, потому что умеръ отецъ... А сколько іезуитовъ будетъ ликовать, узнавъ объ этой смерти отъ матери!... Теперь она можетъ щедрою рукой разсыпать направо и налѣво свои собственныя деньги... Сдержать болѣе некому.

Всѣ эти событія, сцены, разговоры приходили на память Орлову, когда онъ приготовлялся къ защитѣ княжны и Благолѣпова.

Толкуя съ защитниками другихъ подсудимыхъ, долженствовавшихъ судиться въ одной группѣ съ княжной и Благолѣпо-

вымъ, онъ ясно сознавалъ, что его кліенты будутъ оправданы, что если ихъ и постигнетъ какое-нибудь наказаніе, такъ это въ крайнемъ случаѣ водвореніе куда-нибудь на жительство подъ надзоръ полиціи, да и то эта участь могла постигнуть развѣ Благолѣпова, если ему не вмѣнятъ въ наказаніе долговременное содержаніе въ тюрьмѣ.

III.

Благолѣповъ и княжна были оправданы.

Послѣ долгихъ лѣтъ впервые Орловъ снова поднимался по лѣстницѣ барскаго дома Русовыхъ. Едва переступилъ онъ порогъ входныхъ дверей, едва успѣлъ очутиться передъ широкою лѣстницей этихъ палатъ, какъ вдругъ въ немъ проснулось все давно минувшее прошлое и воспоминанія охватили его всего. Онъ вспомнилъ, какъ когда-то впервые робко входилъ онъ, дитя Захолустной улицы, по этимъ бѣлымъ мраморнымъ ступенямъ, какъ здѣсь краснѣлъ онъ, встрѣчая лакеевъ, ходившихъ въ гости къ его роднымъ, какъ на этой самой лѣстницѣ не разъ обнималъ и цѣловалъ его прелестный мальчикъ, его другъ, и какъ тутъ же онъ, Орловъ, впервые смутился до глубины души и назвалъ себя негодяемъ, встрѣтивъ этого же друга, уже юношу, и не имѣя силъ сознаться, что онъ только-что вышелъ изъ будуара матери этого друга, еще пьяный отъ ея жгучихъ ласкъ и поцѣлуевъ. О, сколько тутъ пережилось и свѣтлыхъ и мрачныхъ, и полныхъ надеждъ и полныхъ отчаянья дней! Да, полно, тѣ ли это палаты? Развѣ тогда освѣщалась такъ убого эта лѣстница? Развѣ были тогда такъ запылены эти статуи? Развѣ тогда тутъ не стояло массы цвѣтовъ? Теперь здѣсь было какое-то запустѣнье, заброшенность. Орлову вспомнилось, что этотъ домъ продается. «И Богъ съ нимъ»,—промелькнуло въ его головѣ.—Едва ли кто-нибудь изъ Русовыхъ пожалѣетъ, что у нихъ не станетъ этого гнѣзда, гдѣ было много внѣшняго блеска и внутреннихъ терзаній, гдѣ всѣ хорошія отношенія были полны только лицемѣріемъ и прикрывались только маской приличія.

Дмитрій Андреевичъ поднялся по лѣстницѣ, прошелъ по слабо освѣщенной бѣлой залѣ, по гостиной и ему стало жутко. Эта мебель подъ чахлами, эти люстры въ коленкоровыхъ мѣшкахъ, эти затянутыя кисеей картины походили на мертвецовъ

въ саванахъ, а его гулко раздававшіеся въ пустынныхъ комнатахъ шаги точно говорили ему, что онъ идетъ по плитамъ катакомбъ. Да это и точно была могила стараго барства. Не сегодня, такъ завтра эти палаты купитъ какой-нибудь разбогатѣвшій царекъ изъ Чухломы или Бердичева и здѣсь начнется новая, не похожая на прежнюю, жизнь. Уже не мало такихъ барскихъ домовъ перешло въ новыя руки. Орлову нужно было пройти не мало комнатъ, чтобы добраться до «дѣтскихъ», гдѣ, какъ сказалъ ему швейцаръ, помѣстились господа. Наконецъ, онъ услышалъ голоса и отворилъ дверь въ комнату. Онъ сразу вспомнилъ, что въ этой комнатѣ онъ впервые узналъ, что и у князей Русовыхъ можетъ быть горе: именно здѣсь маленькій Саша въ тишинѣ ночи плакалъ передъ нимъ, говоря о своихъ несчастіяхъ. Онъ не успѣлъ еще осмотрѣться, какъ на встрѣчу ему поднялись княжна, Благолѣповъ и Настя. Онъ обнялся и перецѣловался со всѣми:

— А Александръ?—спросилъ онъ.

— Уѣхалъ по дѣламъ,—отвѣтила княжна.

— За меня хлопотать поѣхалъ,—сказалъ Благолѣповъ.

— Ну, дай-то Богъ, чтобы какой-нибудь толкъ вышелъ,—сказалъ Орловъ.

Всѣ снова усѣлись. Разговоръ не вязался. Благолѣповъ что-то безсознательно чертилъ карандашомъ на бумагѣ. Княжна, плохо оправившаяся, слабая, полулежала на диванѣ, прислонившись щекой къ подушкѣ; во всемъ ея существѣ чувствовалась слабость. Настя что-то вышивала и по временамъ у нея невольно вырывались тяжелые вздохи. Повидимому, она работала какъ-то наобумъ, вовсе не думая о работѣ и принявшись за нее только для того, чтобы разсѣяться хоть чѣмъ-нибудь.

— Что, Настасья Даниловна, чай, не разъ деревня-то вспомнится?—спросилъ ее Благолѣповъ, затушевывая нетерпѣливо что-то написанное имъ на бумагѣ. — Велики эти хоромы, а тоже словно тюрьма...

— Могила какая-то,—тихо прошептала княжна.

— Да, не уютно стало тутъ,—замѣтилъ Орловъ, осматриваясь.

— И всегда было неуютно, всегда было тяжело, — сказала княжна.

— Ну, вѣдь это мы здѣсь на недѣлю, не больше,—отвѣтила Настя, стараясь быть бодрой.—Саша хотѣлъ остановиться въ

гостиницѣ, но... тамъ еще хуже: любопытные взгляды, кругомъ все слышно... Тутъ все же мы одни...

— Одни съ воспоминаньями,—задумчиво произнесъ Орловъ.

Княжна бросила мелькомъ взглядъ на него и кивнула утвердительно головой.

— Чортъ возьми, что же это онъ не ѣдетъ! Какъ задержали!—воскликнулъ Благолѣповъ и, бросивъ карандашъ, нетерпѣливо заходилъ по комнатѣ.

Когда, возвратившись домой, князь отворилъ дверь въ комнату, гдѣ собрался весь дружескій кружокъ, всѣ сразу угадали по его лицу, какой отвѣтъ онъ принесъ. Всѣмъ стало жутко и никто не рѣшался первый предложить вертѣвшійся у всѣхъ на языкѣ вопросъ. Князь самъ положилъ конецъ этому тяжелому положенію, коротко сказавъ, что «ничего не удалось». Благолѣповъ снова уже чертилъ что-то на бумагѣ, опустивъ низко голову.

Вдругъ онъ порывисто всталъ и сжалъ княжну въ объятіяхъ. До этой минуты она ни разу еще не заикнулась ему о свадьбѣ. Ничего не распрашивая, ничего не разъясняя, князь спросилъ ихъ:

— Когда же свадьба?

Орловъ замѣтилъ:

— Надо торопиться...

Княжна и Благолѣповъ отвѣтили, что они готовы хоть сейчасъ подъ вѣнецъ.

— Формальности разныя можно обдѣлать живо, — сказалъ Орловъ.—Я берусь за это.

Княжна подошла къ нему и обняла его.

— Вотъ, Митя, думалъ ли ты, что ты будешь устраивать мою свадьбу и при такихъ обстоятельствахъ?—проговорила она, ласково улыбаясь.

— Не этого я не думалъ, а не думалъ я никогда, что я тебя когда-нибудь буду такъ горячо любить, какъ теперь, и— ревновать не буду,—задушевно сказалъ онъ.—Вотъ чего я не воображалъ и не могъ бы вообразить...

Всѣ вдругъ точно обрадовались новой темѣ для разговора и наперерывъ стали вспоминать прошлое, свои взаимныя отношенія, недоразумѣнія, въ родѣ исторіи между Орловымъ и Благолѣповымъ. Орловъ изо всѣхъ силъ старался какъ можно комичнѣе изобразить, какъ онъ тогда бѣжалъ со станціи желѣзной дороги въ Русово, какъ онъ пѣтушился и придирался къ княжнѣ и къ Благолѣпову, увидавъ въ нихъ жениха и невѣсту, какъ онъ ночью

рылся въ своей душѣ и наконецъ утромъ, когда лакей спросилъ его, какъ онъ дойдетъ до желѣзной дороги, мелодраматически отвѣтилъ: «Что-жь, дойду и одинъ», то-есть дойдетъ одинъ до могилы, отверженный всѣми герой. Комизмъ разсказа былъ натянутъ, краски были слишкомъ густы, но всѣ старались улыбаться, даже княжна. Благолѣповъ тоже пустился въ разсказы о себѣ и опять-таки билъ на смѣшную сторону прошлыхъ событій, стараясь развеселиться и развеселить всѣхъ. Имъ хотѣлось обмануть себя, обмануть во что бы то ни стало, придумывая остроты, смѣясь надъ тѣмъ, что вовсе не было смѣшно, изобрѣтая что-то такое, что заставило бы их убѣжать отъ самихъ себя. Настя торопливо хлопотала около чайнаго стола и тоже шутила, глотая слезы. Князь весело замѣтилъ, что такъ какъ послѣ свадьбы они всѣ тотчасъ же уѣдутъ, то свадебный пиръ устраивается сегодня. Онъ присѣлъ къ піанино и заигралъ какой-то бурный вальсъ. Благолѣповъ замѣтилъ, что онъ очень жалѣетъ, что, медвѣдь этакій, не научился откалывать вальсъ. Кто-то,—кажется, Орловъ,—попросилъ князя что-нибудь спѣть. Князь позвалъ жену и они вдвоемъ запѣли какую-то развеселую цыганскую пѣсню, потомъ еще и еще пѣсню и, наконецъ, раздались звуки «Пловцовъ»:

Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна,
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина...

Звуки пѣсни лились широко и стройно; два молодыхъ свѣжихъ голоса удивительно хорошо сливались между собою, точно пѣли не двое, а одинъ человѣкъ. Орловъ и Благолѣповъ подошли къ піанино и заслушались пѣнія. Вдругъ въ комнатѣ, позади группы, образовавшейся около піанино, послышались какіе-то странные звуки, похожіе на тихія, глухія, подавленныя всхлипыванія. Друзья разомъ обернулись назадъ: княжна лежала на диванѣ, припавъ лицомъ къ подушкѣ, и все ея тѣло истерически вздрагивало. Пѣніе оборвалось на полусловѣ. Благолѣповъ бросился къ княжнѣ. За нимъ рванулись Орловъ и князь, но Настя удержала ихъ за руки и тихо шепнула имъ:

— Оставимъ ихъ однихъ!

Они всѣ трое тихо вышли изъ комнаты.

Не прошло и недѣли, какъ въ одной изъ небольшихъ церквей на окраинѣ Петербурга скромно, безъ гостей, только въ при-

сутствіи трехъ свидѣтелей было совершено бракосочетаніе княжны Русовой съ Благолѣповымъ. Въ тотъ же день молодые отправлялись въ маленькій уѣздный городишко. Съ ними вмѣстѣ уѣзжали князь Александръ Александровичъ и его жена, спѣшившіе въ свое имѣніе. Орловъ проводилъ друзей на дебаркадеръ Николаевской желѣзной дороги, и когда поѣздъ тронулся, онъ долго, долго стоялъ на платформѣ и слѣдилъ глазами за исчезающею цѣпью вагоновъ. Когда онъ очнулся, онъ былъ совершенно одинъ подъ темнымъ навѣсомъ дебаркадера.

IV.

«Нашъ талантливый публицистъ», «нашъ извѣстный присяжный повѣренный», «одинъ изъ нашихъ выдающихся дѣятелей по тюремному вопросу», «энергичный членъ комитета вспомоществованія неимущимъ классамъ столичнаго населенія»,—всѣ эти эпитеты, всѣ эти титулы давно уже стали неизмѣнно сопровождать имя Дмитрія Андреевича Орлова и въ газетахъ появлялись слухи о выборѣ его то въ гласные думы, то въ почетные мировые судьи, то въ члены того или другаго ученаго общества, того или другаго комитета, того или другаго акціонернаго общества. Его имя повторялось въ печати и въ обществѣ очень часто, даже слишкомъ часто, и теперь ему уже почти не надо было посылать самому о себѣ замѣтокъ, статей и телеграммъ въ газеты. Его матеріальное положеніе за время его пребыванія въ Петербургѣ значительно улучшилось. Кромѣ большого вознагражденія отъ князя онъ заполучилъ значительныя суммы еще по двумъ, по тремъ дѣламъ и, стремясь служить по выборамъ въ столицѣ, купилъ себѣ домъ, гдѣ и помѣстилъ отца, Мареу и Лешу. Андрей Ивановичъ былъ въ восторгѣ, что онъ живетъ теперь въ домѣ своего сына, въ «нашемъ домѣ», какъ онъ говорилъ всѣмъ и каждому изъ своихъ захолустенскихъ знакомыхъ, объясняя имъ во то же время, что сынъ его не живетъ въ своемъ домѣ потому, что ему далеко отсюда до суда, а купилъ онъ домъ именно здѣсь, а не въ центрѣ города собственно потому, что онъ, отецъ Дмитрія Андреевича, привыкъ къ этимъ мѣстамъ.

— Все обо мнѣ, все обо мнѣ, старикѣ, заботится!—говорилъ Андрей Ивановичъ.—А чего мнѣ еще нужно?... Какъ сыръ въ маслѣ катаюсь... Птичьяго молока развѣ только не достаетъ!...

И болѣе всего утѣшало старика то, что Дмитрій Андреевичъ нѣтъ-нѣтъ да и завернетъ къ нему въ воскресный или праздничный день въ гости.

— Отдохнуть къ тебѣ, отецъ, заѣхалъ, — говорилъ онъ, обнимая отца.—Пирогомъ накормишь?

— Ахъ, вотъ вѣдь бѣда-то какая, Митя! Пирога-то сегодня и не пекли!—съ лукавой усмѣшкой говорилъ старикъ.

— Что-ты! Какъ же это я такъ безъ пирога останусь?—говорилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Можно изъ трактира, братецъ, принести, — серьезно замѣчалъ Леша.

— Ну да, слушайте ихъ!—отзывалась Марѳа Ивановна.—Два дня ужь покою никому не давалъ Андрей Ивановичъ, все напоминалъ, чтобъ въ воскресенье непремѣнно пирогъ съ морковью былъ. Безъ него, видите, забыли бы...

Дмитрій Андреевичъ грозилъ пальцемъ старику и Лешѣ, усаживался въ кресло, начинались толки о житьѣ-бытьѣ, о домѣ, о томъ, что къ веснѣ надо бы кое-что поправить и ремонтировать. Андрей Ивановичъ пускался въ глубокія соображенія, какой краской окрасить лѣтомъ домъ, оставить ли его желтымъ или «иззелена-бѣлымъ цвѣтомъ пустить». Дмитрій Андреевичъ предоставлялъ это на его вкусъ, соглашаясь, что и «иззелено-бѣлый цвѣтъ» недуренъ, но что и желтый тоже хорошъ. Иногда всѣмъ вдругъ припадала охота утѣшить Лешу и поиграть въ «Акульку». Леша ничего не любилъ такъ, какъ эту игру въ карты. Эти дни оставляли въ душѣ Андрея Ивановича надолго свѣтлые слѣды. Онъ послѣ посѣщенія сына разсказывалъ всѣмъ и каждому, что вотъ у него какой сынъ: «съ аристократами свой братъ, во дворецъ даже ѣздитъ, а душу отвести никуда не поѣдетъ, какъ къ нему, къ отцу».

Старикъ былъ правъ: Дмитрій Андреевичъ если и не ѣздилъ во дворецъ, то давно уже вращался въ высшихъ кружкахъ общества и былъ тамъ своимъ человѣкомъ. Важныя барыни, представляя его своимъ знакомымъ или говоря о немъ, выражались не иначе, какъ «нашъ милѣйшій», «нашъ добрѣйшій», «нашъ дорогой» Дмитрій Андреевичъ, не считая даже нужнымъ прибавлять его фамилію. Одна высокопоставленная патронесса благотворительныхъ заведеній, услыхавъ, какъ читаетъ Орловъ, обратилась къ нему съ просьбой прочесть у нея въ интимномъ кружкѣ что-нибудь и съ этой минуты онъ сталъ и у нея сво-

имъ человѣкомъ, читая ей разныя новыя произведенія русскихъ писателей и при случаѣ добиваясь черезъ нее разныхъ милостей для разныхъ своихъ protégés изъ нуждающейся братьи. Онъ мало-по-малу вошелъ въ моду и ему уже прощались и небрежные туалеты, и разныя выходки, и даже приливы хандры и сплина, когда онъ являлся въ общество больше за тѣмъ, чтобы помолчать, чѣмъ для того, чтобы потѣшить это общество своимъ краснорѣчіемъ и остроуміемъ. Вставъ, такъ-сказать, на обѣ ноги, онъ сталъ смѣлѣе, независимѣе. Онъ не пряталъ своихъ взглядовъ и убѣжденій и вполнѣ понималъ, что теперь онъ можетъ говорить довольно открыто, не навлекая на себя сильныхъ подозрѣній въ неблагонадежности.

— Въ моемъ положеніи очень легко быть храбрымъ,—шутливо замѣчалъ онъ.

И точно, могъ ли онъ еще считаться опаснымъ, когда у него спереди на головѣ уже значительно порѣдѣли волосы, когда у него уже сказывалась наклонность къ полнотѣ, когда у него на лицѣ уже были прорѣзаны морщины, кожа потеряла молодую упругость, губы стали менѣе ярки и нѣсколько вытянулись, а углы рта опустились, когда на этомъ лицѣ если и вспыхивалъ румянецъ, то его могло вызвать развѣ только вино, выпитое на пріятельской пирушкѣ. Онъ чувствовалъ, что еще годъ-два — и онъ совсѣмъ опустится, состарится. Состарится? А когда же онъ былъ вполнѣ молодъ? Онъ вѣдь даже ни разу не любилъ! Вѣдь не животная же мимолетная страсть къ княгинѣ была поэзіей молодости? Или чисто разсудочная привязанность къ княжнѣ, только показавшаяся ему любовью, была тѣмъ чувствомъ, которое краситъ жизнь? Нѣтъ, жизнь прошла безъ поэзіи—то въ черномъ трудѣ, то въ борьбѣ за право на свободу, то въ какихъ-то похоронныхъ хлопотахъ, — прошла, какъ проходятъ у насъ тысячи жизней, однообразныхъ, сѣренькихъ, скучныхъ. Но какое горькое чувство испытываетъ человѣкъ, когда онъ говоритъ себѣ: «жизнь прошла!» Прошла и принесла только матеріальное довольство и больше ничего. Одно утѣшеніе доставила она — сознаніе, что подъ старость не придется голодать, не придется умереть на улицѣ. Онъ испытывалъ чувство зависти, думая о семейной жизни князя Александра, осчастливленнаго, наконецъ, рожденіемъ ребенка, оставшагося въ живыхъ. Онъ завидовалъ даже Благолѣпову, страстно любимому женой. Вопросъ о семьѣ, о домашнемъ очагѣ сталъ малу-по-

малу больнымъ мѣстомъ Орлова. Когда его спрашивали, отчего онъ не женился, онъ замѣчалъ:

— Не до женитьбы было въ молодости, когда приходилось думать о кускѣ насущнаго хлѣба. Поэзія любви—это роскошь богачей, это—гибель бѣдняковъ. Тяжело сознавать, что молодость прошла безъ этой поэзіи; но какъ разсудишь хладнокровно, такъ право нужно радоваться, что не наплодилъ нищихъ или не продалъ совѣсти для прокормленія дѣтей. У насъ вѣдь всегда такъ: бѣднякъ или пускаетъ по міру свою семью, или оправдываетъ всѣ свои грязные поступки однимъ мотивомъ: «у меня жена, дѣти».

Когда его спрашивали, почему онъ не женится теперь, онъ говорилъ:

— Спустя лѣто нечего по малину ходить. Моя пора прошла: на пожившей, на пожилой я не женюсь, а молодая сама за меня не пойдетъ,—по крайней мѣрѣ не пойдетъ по любви,—по разсчету же, пожалуй, пойдетъ и молодая, но избави Богъ отъ такого брака. Да, наконецъ, жизнь такъ дурна, мы живемъ въ такое время, когда трудно ждать чего-нибудь хорошаго въ близкомъ будущемъ, когда то и дѣло слышишь о самоубійствахъ съ мотивами «надоѣло жить», «скучно жить», «невыносимо жить», когда каждый изъ насъ готовъ сказать, что лучше бы вовсе не родиться,—такъ имѣемъ ли мы право обрекать на испытанія подобной жизни новыхъ членовъ общества, своихъ дѣтей?

Онъ такъ часто высказывалъ эти мысли, что одни привыкли къ этимъ фразамъ, другіе обвиняли его за нихъ въ рисовкѣ. Но какъ бы ни были иногда кудреваты эти фразы, какъ бы ни было въ нихъ много риторики, онъ все-таки высказывалъ ихъ искренно, страдая не на шутку своимъ одиночествомъ. Это одиночество еще сильнѣе почувствовалось имъ, когда совершенно неожиданно умеръ Андрей Ивановичъ. Это случилось поздно вечеромъ. За Дмитріемъ Андреевичемъ прикатилъ Леша, растерявшійся и взволнованный.

— Братецъ, братецъ, скорѣе!... Дядѣ очень худо! — заговорилъ онъ, вбѣгая въ кабинетъ Дмитрія Андреевича.

Орловъ вскочилъ съ мѣста.

— Что случилось? Захворалъ? Вдругъ?—отрывисто спрашивалъ онъ, поспѣшно одѣваясь.

— Совсѣмъ худо, совсѣмъ худо!... Онъ не приказывалъ васъ безпокоить... Говоритъ: пройдетъ!... А я, братецъ, вижу, что не пройдетъ... Совсѣмъ покойникъ онъ, братецъ!...

— За доктором послали?

— Былъ, былъ, да что докторъ!... Ему ужъ не встать, братецъ!

Дмитрій Андреевичъ уже ѣхалъ съ Лешей къ отцу и все торопилъ извощика.

— Господи, что за лошадь попалась! — то и дѣло восклицалъ онъ и уговаривалъ извощика ѣхать скорѣе.—Пожалуйста, торопись... Заплачу за все, только гони лошадь... Да онъ живъ еще?—обращался онъ къ Лешѣ.—Ты говори прямо, не скрывай.

— Живъ, братецъ, живъ!—увѣрялъ его Леша.

Наконецъ они доѣхали. Дмитрій Андреевичъ бѣгомъ поднялся по лѣстницѣ, сбросилъ въ передней пальто на полъ и прошелъ къ отцу. Андрей Ивановичъ сидѣлъ въ халатѣ на диванѣ, совсѣмъ скорчившись отъ боли. Увидавъ сына, онъ быстро распрямился, торопливо сталъ запахивать халатъ и, болѣзненно улыбаясь, проговорилъ:

— Вотъ вѣдь... встревожили-таки!... Ахъ, какіе, право! Ну, чего всполошились... Такъ прихворнулъ... Не въ первый разъ...

Страшная боль заставила его смолкнуть и онъ невольно схватился руками за грудь. Дмитрій Андреевичъ торопливо распрашивалъ Марѳу Ивановну, что велѣлъ дѣлать докторъ. Потомъ онъ быстро приказалъ отправить дворника снова за докторомъ. Между тѣмъ Марѳа Ивановна и служанка дѣлали уже компрессы.

— Ахъ, сколько хлопотъ надѣлалъ, сколько хлопотъ!—шепталъ Андрей Ивановичъ.—Просто на людей смотрѣть совѣстно.... Всѣ ужъ, поди, спятъ, а тутъ около меня возиться надо... Тебя-то, Митя, съ постели, чай, подняли?

— Нѣтъ, я еще не спалъ,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Ну, слава Богу... А то это со сна подняли бы такъ человѣка... Напугаютъ тоже... Вотъ тоже у насъ домъ загорѣлся, нашего мальчика, сыночка нашего, съ постели подняли, испугали... Маленькій мальчикъ былъ,—умереть тоже могъ со страху...

Онъ начиналъ бредить.

— Ты лягъ, отецъ, тебѣ легче будетъ,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ, укладывая старика.

— Да, да, лечь надо, надо лечь... Только хлопотъ-то сколько... Ты не сердись, Митя... А тамъ расходы опять, опять расходы... большіе... Похороны опять...

Дмитрій Андреевичъ наклонился къ старику.

— Да ты не волнуйся, не тревожься. Это главное!—сказалъ онъ и, взявъ его руку, поднесъ ее къ своимъ губамъ.

Старикъ впалъ въ забытье. На слѣдующій день его уже не стало.

Напрасно утѣшалъ себя Дмитрій Андреевичъ, что старикъ довольно пожилъ, что ему, Дмитрію Андреевичу, было легче потерять отца, чѣмъ было бы отцу похоронить его, что отецъ умеръ, проживъ хоть послѣдній годъ въ полномъ довольствѣ, ни въ чемъ не нуждаясь, на рукахъ преданныхъ людей. Но всѣ эти разсудочныя утѣшенія отходили на задній планъ, забывались при мысли о томъ, что теперь онъ, Орловъ, одинъ, одинъ, совершенно одинъ. Не явись онъ завтра въ обществѣ, не явись послѣзавтра, кто спроситъ о немъ? Развѣ только случайно какъ-нибудь замѣтятъ, почему это его долго нигдѣ не видать. «Да онъ умеръ», послышится отвѣтъ. «Неужели?»—удивятся люди. Порасспросятъ, какъ и отчего умеръ, и успокоются. Вѣдь онъ имъ чужой. Имъ ни тепло, ни холодно отъ того, что онъ живетъ. Умеръ онъ, на его мѣсто явятся другіе хорошіе собесѣдники, добрые пріятели, хорошіе адвокаты. Какое-то болѣзненное чувство пробуждалось въ немъ каждый разъ, когда кто-нибудь при немъ спѣшилъ домой, говоря, что его ждутъ жена, дѣти, мать, сестры. Его, Орлова, дома никто не ждалъ! Подобно большинству холостяковъ, онъ сталъ ощущать припадки мнительности. Каждая легкая болѣзнь начинала тревожить его, точно въ тишинѣ своей спальни онъ прислушивался къ біенію своего пульса, къ трепетанію своего сердца, къ дыханію своихъ легкихъ. Самъ не замѣчая того, онъ сталъ раздражительнѣе, въ характерѣ появились неровности, явилось какое-то желаніе забыться въ холостыхъ кутежахъ и въ то же время отвращеніе къ этимъ кутежамъ. Никогда прежде не игравшій въ карты, онъ теперь иногда садился играть, и непремѣнно «по большой», чтобы возбудить свои нервы, разгорячить себя, хоть на минуту очнуться отъ апатіи. Онъ пробовалъ даже играть на биржѣ. Но, къ величайшей его досадѣ, ему везло и въ картахъ, и въ биржевой игрѣ, а нервы по-прежнему не возбуждались.

Иногда ему становилось такъ невыносимо-скучно и тяжело, что онъ какъ бы безсознательно, какъ бы машинально отправлялся подышать воздухомъ, шелъ безцѣльно впередъ, доходилъ до своего дома, поднимался въ квартиру покойнаго отца и говорилъ:

— Леша, пойдемъ къ отцу и къ мамѣ!

— Я, братецъ, сейчасъ... Я радъ!—оживленно говорилъ Леша.—Я третьяго дня тамъ съ Мароой Ивановной былъ, новые вѣнки мы снесли туда, братецъ...

И они шли на Митрофаньевское кладбище, отмыкали дверь чугунной рѣшетки, поднимались по ступенямъ въ ограду, окружавшую могилы отца и матери Орлова.

— Вотъ, Леша, и мы тутъ ляжемъ. Это нашъ домъ,—говорилъ задумчиво Орловъ, садясь на скамью и смотря на мраморныя плиты съ надписями: «Марья Өедоровна Орлова», «Андрей Ивановичъ Орловъ».

— Вы, братецъ, меня куда положите: подлѣ дяди или подлѣ тети?—спрашивалъ Леша.

— Гдѣ хочешь, голубчикъ... Прежде меня придется положить... Это ужь ты съ Мароой Ивановной распорядишься,—отвѣтилъ Орловъ.

— Я не хочу, я не хочу, братецъ, чтобы вы прежде... Не надо братецъ!... Я—глупый, мнѣ можно, а вамъ нельзя еще, братецъ... Вонъ Маробa Ивановна все молится за васъ, говоритъ, еслибы не вы, голодать бы намъ пришлось...

У Орлова подступали къ глазамъ слезы. Онъ вдругъ поднимался съ мѣста. Ему становилось еще тяжелѣе. Безмолвныя могилы не давали ни утѣшенія, ни успокоенія.

Онъ не выдержалъ и передъ Пасхой уѣхалъ къ князю Александру въ имѣніе. Его пріѣздъ обрадовалъ всѣхъ и на Орлова точно пахнуло свѣжимъ воздухомъ. Онъ вдругъ почувствовалъ, что онъ хоть здѣсь «свой»,—такой же свой, какъ въ родной семьѣ. Его до глубины души тронули восклицанія юношей: «дядя Митя, дядя Митя пріѣхалъ!» Онъ сразу понялъ, что тутъ, за вечернимъ чаемъ, въ своемъ кружкѣ, говорятъ о немъ, говорятъ тепло, не какъ о чужомъ, а именно какъ о дядѣ Митѣ. Настя провела его въ дѣтскую и подвела къ маленькой кроваткѣ.

— А вотъ и твой крестникъ,—сказала она.—Мы вѣдь записали крестнымъ отцомъ тебя, а крестною матерью Соню.

Дмитрій Андреевичъ горячо пожалъ руку сестры. Есть неуловимыя мелочи, по которымъ человѣкъ угадываетъ симпатіи къ нему его ближнихъ, и эти мелочи проявлялись здѣсь во всемъ, сразу подкупивъ Орлова. Но кромѣ того въ домѣ князя и вообще дышалось легко. Здѣсь замѣчалось, какъ и въ петербургской квартирѣ князя, стремленіе избѣжать всего лишняго и

устроить все необходимое для удобства и комфорта. Во всемъ домѣ не было почти никакихъ украшеній, никакихъ дорогихъ, но ни на что не годныхъ бездѣлушекъ, никакихъ картинъ, обыкновенно надоѣдающихъ самимъ хозяевамъ и накупаемыхъ только на-показъ. Но въ то же время сразу можно было угадать, что этотъ домъ принадлежитъ людямъ богатымъ, далеко не скупымъ и не лишающимъ себя удовольствій: рояль и піанино, масса книгъ и нотъ, выхоленные цвѣты, превосходный залъ съ гимнастическими принадлежностями, билліардъ, мастерская съ токарнымъ станкомъ, съ принадлежностями химической лабораторіи, съ большимъ верстакомъ—все это говорило о вкусахъ хозяевъ. Орловъ сразу почувствовалъ, что здѣсь живется уютно, весело и мирно.

— Ну, ты, кажется, вполнѣ доволенъ своею жизнью?—спросилъ онъ у князя за вечернимъ чаемъ.

— Нужно удивляться, какъ люди въ моемъ положеніи не умѣютъ сдѣлать свою жизнь счастливою,—отвѣтилъ князь.

— Да, это правда,—сказалъ Орловъ.—Ты не испытываешь главнаго несчастія жизни—мелкой борьбы съ людьми изъ-за гроша. Это иногда дѣлаетъ человѣка и трусомъ, и мелочнымъ, и даже подлецомъ... Ну, а твоя дѣятельность?

— Какъ тебѣ сказать,—проговорилъ князь.—И тутъ не мудрено мнѣ быть ею довольнымъ. Ты знаешь мои денежныя дѣла. Я получаю, при всемъ желаніи не быть кулакомъ и эксплуататоромъ, столько, что этихъ доходовъ хватило бы на десятокъ не бѣдныхъ семействъ. При такомъ положеніи можно многое дѣлать, многое осуществлять изъ того, что кажется полезнымъ. Ты знаешь мои взгляды: я не вижу возможности дѣйствовать нелегально, такъ какъ это, по моему мнѣнію, стоитъ многихъ жертвъ и даетъ самые ничтожные результаты. Да, наконецъ, и не человѣку въ моемъ положеніи прибѣгать къ этимъ средствамъ. Вслѣдствіе этого мнѣ часто приходится убѣждаться, какъ узки права земскихъ дѣятелей съ одной стороны и какъ можетъ-быть именно потому плохи сами эти дѣятели. Это сознаніе, конечно, портитъ много крови, но однако не настолько, чтобъ опускались руки, чтобы всякое дѣло валилось изъ рукъ. У меня такъ много своихъ собственныхъ земель, заводовъ, школъ, больницъ, разныхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ на рукахъ, попечительствъ о бѣдныхъ, что если заниматься только всѣмъ этимъ, какъ слѣдуетъ, то и тогда едва достанетъ времени. А

не забудь, что мнѣ, какъ и всякому другому, еще хочется удѣлить хоть часокъ въ день лично на себя, на мою команду...

Онъ, улыбаясь, взглянулъ на жену и дѣтей.

— Положимъ, она научилась уже помогать мнѣ въ работѣ, чтобы только быть около меня,—замѣтилъ онъ,—ну, а эти баши-бузуки никакъ не могутъ понять, какъ это я цѣлый день не являюсь къ нимъ посмотрѣть, какъ они безчинствуютъ...

Онъ ласково погладилъ по головамъ своихъ «баши-бузуковъ» и было видно, какъ нѣжно, какъ искренно любитъ онъ ихъ. Ходя потомъ съ Орловымъ по залѣ, онъ говорилъ ему:

— Да, я вполнѣ счастливъ. Намъ удалось такъ сплотиться вмѣстѣ, что мы испугались бы и мысли о томъ, что мы можемъ жить порознь, разойтись. Но чѣмъ свѣтлѣе моя собственная жизнь, тѣмъ грустнѣе мнѣ думать о жизни Сони...

— Да, кстати,—сказалъ Орловъ.—Я получаю иногда письма отъ Сони и Никанора, но эти письма, дружескія, ласковыя, всегда какъ-то лаконичны, коротки, сдержанны. Я пробовалъ разузнавать о жизни Сони и Никанора, но слухи такъ странны...

Какое-то гнетущее чувство охватило и князя и Орлова. Они чувствовали, что гдѣ-то тамъ, далеко, съ дорогими имъ людьми можетъ-быть въ эту минуту совершается роковая драма. Не даромъ же она, Софья Александровна, писала: «но жить такъ дольше нельзя». И вдругъ всѣ опасенія, всѣ гаданія, всѣ сомнѣнія разрѣшились, когда, на третій день Пасхи, юноши вбѣжали въ кабинетъ князя съ криками:

— Папа, папа, письмо изъ-за границы! Мама сказала, что это отъ тети Сони...

Князь торопливо разорвалъ конвертъ и развернулъ коротенькую записку:

«Христосъ воскресъ, Саша, Настя! Обнимаемъ васъ и поздравляемъ съ свѣтлымъ праздникомъ. Поздравьте съ нимъ и насъ. Мы въ Женевѣ. Не знаемъ, что будетъ. Но прежде всего намъ нуженъ отдыхъ, отдыхъ и отдыхъ. Писать подробно будемъ послѣ. Адресъ: Женева, до востребованія. С. и Н. Б.»

Князь опустилъ письмо и вздохнулъ широкимъ вздохомъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ грусти покидалъ Дмитрій Андреевичъ семью князя, точно разставался съ родной семьей.

— Да, завидую я тебѣ, Александръ, — говорилъ Дмитрій Андреевичъ. — Какъ бы ни было не велико твое дѣло, но это уже дѣйствительно дѣло. Ты можешь работать съ народомъ и

для народа. Пусть рамки дѣятельности тѣсны и узки, но и въ нихъ можно что-нибудь сдѣлать человѣку искренне преданному народу. А я?...

Онъ усмѣхнулся.

— Платоническій любовникъ свободы слова и личности, ждущій всю жизнь появленія своей возлюбленной! Я работаю и чувствую, что у меня подъ ногами нѣтъ твердой почвы; я говорю и не вѣрю въ то, что я говорю, потому что мнѣ приходится говорить половину истины, приходится высказывать истину, когда уже ее не нужно высказывать, когда ее уже поздно высказывать.

Онъ на минуту смолкъ и потомъ продолжалъ:

— Я часто возвращаюсь къ одной мысли, поразившей меня еще въ юности. Когда окончилась Севастопольская война, когда мы уже все безвозвратно проиграли, — множество лицъ попало подъ судъ и въ литературѣ начались обличенія разныхъ злоупотребленій, совершенныхъ во время этой войны. Я слѣдилъ тогда уже за газетами и журналами и мнѣ пришелъ въ голову вопросъ: «какая польза въ томъ, что теперь судятъ и обличаютъ этихъ людей?» Ну, ихъ обвинятъ, опозорятъ, накажутъ. Но воротятъ ли украденные милліоны? Поправятъ ли военныя ошибки? Воскресятъ ли погибшихъ отъ этихъ злоупотребленій людей? Пойдетъ ли все въ будущемъ лучше, ради того, что были раскрыты злоупотребленія и мошенничества предшествовавшихъ дѣятелей? Тогда у меня не нашлось положительныхъ отвѣтовъ на эти вопросы. Но время показало мнѣ, что у насъ вообще возможно раскрывать истину только тогда, когда зло уже сдѣлано, и что это запоздалое раскрытіе истины не предупреждаетъ будущихъ золъ, такъ какъ они снова творятся подъ покровомъ непроницаемой тайны. Это сознаніе не покидало меня ни на минуту и парализовало мои силы. Я зналъ всегда, что если мнѣ позволяютъ касаться какой-нибудь язвы, то это значитъ, что эта язва уже принесла свои страшные плоды и отболѣла. Я знаю, что найдется много людей, которые скажутъ, что я не пробовалъ говорить, что я въ сущности трусилъ, что я былъ человѣкомъ-тряпкой. Я отвѣчу имъ вопросомъ: «а вы... какое зло раскопали вы во-время? Вы тоже критиковали министровъ, когда они слетали съ мѣстъ; вы тоже обличали интендантовъ, когда они уже были обвинены судомъ; вы тоже указывали на хищничество, когда все уже было разграблено». Я знаю, что настанетъ день, когда станутъ смѣло обличать всѣ злоупотребленія нашего времени, но это будетъ

тогда, когда наше время пройдетъ, когда вредъ будетъ принесенъ, когда злоупотребленія примутъ уже новую форму... Вотъ что грызло и грызетъ меня всю жизнь.

Въ его голосѣ слышались желчныя ноты.

— Я знаю, что есть счастливцы, стоящіе въ такомъ же положеніи, какъ я, и обманывающіе сами себя. Они высказываютъ запоздалую правду съ апломбомъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что они даютъ урокъ обществу, что они поднимаютъ нравственность, объясняя дѣтямъ, что ихъ отцы были воры и что воровать не хорошо. Къ сожалѣнію, я не принадлежу къ числу такихъ людей. Я знаю, что «Ябеда» Капниста была написана давно, что потомъ о томъ же писалъ Гоголь, что дальше то же повторялъ Щедринъ, а взятки и казнокрадство процвѣтаютъ у насъ и донынѣ.

Князь замѣтилъ ему:

— Но ты берешь только одну сторону своей дѣятельности— публицистическую...

Орловъ повернулъ къ нему голову.

— А ты думаешь, что я дорожу какими-нибудь другими сторонами своей дѣятельности?—спросилъ онъ.—Не защитой ли двухъ-трехъ бѣдняковъ? Не гражданскими ли дѣлами?... Тутъ—или мелкая филантропія, или нажива и—только! Правда, я членъ такихъ-то и сякихъ-то обществъ вспомоществованія кому-то и разработки чего-то. Но, милый мой, этого конечно и ты не считаешь за что-нибуть серьезное. Такой-то дѣятельности моей и въ годъ не перечтешь. Я вонъ даже написалъ изслѣдованіе о количествѣ римфованныхъ строкъ у Шекспира и о томъ, гдѣ и когда появляются у него рифмы, и какой характеръ носятъ преимущественно тѣ его строки, гдѣ есть рифмы... Знаешь ли, одного этого достаточно, чтобы понять, что я иногда дохожу до отчаянья. Писать объ этомъ въ странѣ, гдѣ голодаютъ сотни тысячъ людей, гдѣ живутъ чуть не въ нищетѣ милліоны, гдѣ нужны для всякаго чернаго дѣла и руки, и головы,—это вѣдь прямо похоже на то, еслибы врачъ въ зачумленной странѣ сталъ разучивать арію изъ итальянской оперы. Но еслибъ онъ дѣйствительно сталъ тратить время именно на это, а не на лѣченіе больныхъ, то это значило бы,—если онъ не пустой и не ничтожный человѣкъ,—что онъ отчаявается въ силѣ своихъ медицинскихъ средствъ. Это отчаяніе часто охватываетъ меня. Будь у меня земля, будь я воспитанъ ремесленникомъ, купцомъ, не будь я мыслящимъ пролетаріемъ,—о, я дѣлалъ бы свое скромное дѣло!

— Вотъ ты какъ-то замѣтилъ мнѣ, что у насъ большинство образованныхъ людей много говоритъ и мало дѣлаетъ. Этотъ упрекъ повторяется часто. И я не разъ въ увлеченіи говорилъ то же. Теперь это время прошло. Я теперь понимаю, что дѣлать дѣло можно только тогда, когда твердо вѣришь въ его благіе результаты. А гдѣ у насъ эта вѣра? Возьми въ примѣръ доктора. Его призываютъ къ больному и говорятъ: «Помогите ему!» Онъ хочетъ прежде всего естественно сдѣлать діагнозъ болѣзни, но ему говорятъ: «Этого вы не дѣлайте!» Скажи, можно ли винить доктора, если онъ станетъ лѣчить больного кое-какъ? — Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, уже потому, что онъ самъ не убѣжденъ, точно ли онъ понялъ болѣзнь, точно ли хороши его средства. А мы стоимъ въ такомъ положеніи. И кто понялъ это, тотъ или работаетъ изъ однихъ корыстныхъ видовъ, или работаетъ плохо, нерадиво, безъ вѣры въ свою работу.

V.

Вернувшись въ Петербургъ отъ князя Русова, Дмитрій Андреевичъ захандрилъ еще болѣе, почувствовавъ себя еще болѣе одинокимъ. Въ его головѣ уже начинала серьезно возникать мысль послѣдовать совѣту князя Русова, купить клочокъ земли по сосѣдству съ Русовыми и поселиться въ деревнѣ. Князь, шутя, замѣтилъ Орлову, что онъ и Настя приготовятъ ему невѣсту. Дѣйствительно, тамъ, въ деревнѣ, около Русовыхъ, онъ все-таки будетъ чувствовать себя не такъ одиноко. И что у него здѣсь дорого?—Однѣ могилы?... А Леша?—Что-жь, Леша будетъ вполнѣ счастливъ, если его взять въ деревню. Кстати и Марѳа Ивановна можетъ туда перебраться, экономкой у него будетъ... А дѣятельность? А всѣ мелкіе и крупные успѣхи, сопровождающіе его дѣятельность, льстящіе его самолюбію?—Что ему въ нихъ? Да онъ и въ провинціи не затеряется, можетъ наслаждаться такими же успѣхами... Да, да, надо будетъ рѣшиться, а то и печень начинаетъ болѣть въ этомъ проклятомъ климатѣ, среди этой безпутной столичной сутолоки, начинающейся чуть не въ полдень и кончающейся чуть не въ пять часовъ утра. Въ этомъ духѣ онъ началъ высказываться все чаще и чаще.

— Нѣтъ, батенька, встряхнуться вамъ просто нужно, за границу, что ли, съѣздить,—говорилъ ему въ отвѣтъ на это нѣкто Лопатинъ.—Засидѣлись вы въ Питерѣ, расхандрились, вотъ

и все. Деревня васъ не спасетъ. Знаю я деревню, самъ изъ нея бѣжалъ. Экую сладость нашли жить въ берлогѣ съ медвѣдями!

Николай Николаевичъ Лопатинъ принадлежалъ къ числу цѣлой массы дѣльцовъ, прошедшихъ огонь и воду и мѣдныя трубы. Онъ былъ когда-то кулакомъ-помѣщикомъ, гусаромъ-ремонтеромъ, какимъ-то чиновникомъ на хлѣбномъ мѣстѣ и, наконецъ, попалъ, при помощи связей и ловкости, въ директора одного изъ акціонерныхъ обществъ. Вѣчно сіяющій, вѣчно лоснящійся, тучный, но крайне подвижной, смѣющійся громкимъ смѣхомъ надъ своими мнимыми остротами, довольный всѣмъ и всѣми и прежде всего самимъ собой, онъ былъ въ сущности человѣкомъ себѣ на умѣ, порядочнымъ сутягой и очень любилъ говорить про себя добродушнымъ тономъ: «мы что, ротозѣи, все мимо рукъ пропускаемъ». Съ Орловымъ онъ познакомился года три тому назадъ и ухаживалъ за нимъ, какъ за нужнымъ человѣкомъ, такъ какъ этотъ человѣкъ, по знакомству, глядишь, и даромъ совѣтъ дастъ.

— Право, махните за границу,—настаивалъ онъ.

— Подняться трудно... Да, наконецъ, тамъ-то что я буду дѣлать?—лѣниво отвѣтилъ Орловъ.

— Ну, вотъ еще! Себя показать, людей посмотрѣть—вотъ что дѣлать.

— Стоитъ ли подниматься изъ-за этого?

— Да въ какомъ это уголкѣ въ васъ Обломовъ-то засѣлъ? Гоните его, гоните въ три шеи! — шутливо проговорилъ Лопатинъ, трепля по плечу Орлова.—Ну, лѣнь одному подняться, поѣзжайте съ нами. Я съ цѣлымъ войскомъ ѣду.

— Надо подумать.

— А вотъ заѣзжайте послѣзавтра отобѣдать, тогда и потолкуемъ.

Орловъ далъ слово, но уже на слѣдующій день началъ каяться въ этомъ. Что онъ будетъ дѣлать за границей? Ѣхать съ чужой семьей, чтобы смотрѣть на ея семейное счастье? Наконецъ, кто поѣдетъ изъ семьи Лопатина: самъ Лопатинъ съ женой, дочь ихъ Маша съ мужемъ? Ну, а если еще ребятишекъ этой Маши заберутъ? Отъ одного рева убѣжишь. Нѣтъ, надо отказаться отъ предложенія, во что бы то ни стало. Твердо рѣшившись на это, онъ отправился къ Лопатинымъ. Лопатинъ жилъ богато, на широкую ногу, нѣсколько по-купечески. Сбросивъ у швейцара пальто, Орловъ поднялся по лѣстницѣ, во

шелъ прямо въ переднюю, такъ какъ дверь была открыта, и остановился. На полу сидѣла дѣвушка лѣтъ семнадцати или восемнадцати и раздѣвала сидѣвшаго на стулѣ ребенка, закутаннаго въ разные шарфы, теплые рукавички и теплые сапожки. Орловъ не сразу узналъ эту дѣвушку, но она тотчасъ же узнала его.

— Здравствуйте!—проговорила она ему привѣтливо, приподнимая голову. — Взгляните, какой пупсикъ! Это кузины Маши сынъ.

Она ухватила мальчугана за обѣ щеки и чмокнула его въ губы.

— Ты пупсикъ?

— Пу-псикъ!—повторилъ ребенокъ.

— Это его такъ тетя зоветъ,—объяснила дѣвушка, стараясь стащить съ ребенка сапожки.

Это ей не удавалось.

— Помогите, милый Дмитрій Андреевичъ! — обратилась она къ Орлову.—Не могу справиться.

Орловъ опустился на полъ и сталъ помогать дѣвушкѣ снимать сапоги съ мальчугана. Она вдругъ засмѣялась.

— Вотъ, еслибы кто вошелъ, увидалъ бы картину. Усѣлись на полъ и возимся вдвоемъ надъ однимъ сапогомъ. Ай,— вдругъ воскликнула она какимъ-то плачевнымъ тономъ,—вы въ свѣтло-сѣрыхъ перчаткахъ! Какъ же это вы ихъ не сняли! Теперь совсѣмъ испортили!

Она взяла руку Орлова и начала разсматривать его перчатки, съ сожалѣніемъ качая головой. Орловъ успокоилъ ее, что это ничего.

— Ну, тетя узнала бы, такъ задала бы мнѣ гонку! — сказала дѣвушка.—Да вѣдь я не виновата, что я не могла справиться одна. А вотъ лакею все-таки не дала раздѣть пупсика.

Она опять съ любовью поцѣловала мальчугана.

— Вы очень любите дѣтей?—спросилъ Орловъ.

— Да развѣ ихъ можно не любить?... Вы вѣдь тоже, вѣрно, любите?—спросила она.

— Да.

— А у васъ уже есть дѣти?

— Я еще не женатъ...

— Отчего же?

— Ни одна дѣвушка не хотѣла замужъ выйти, — шутливо отвѣтилъ Орловъ.

— За васъ то?... Полноте!

Въ эту минуту въ дверяхъ изъ залы въ переднюю показалась довольно полная и щегольски одѣтая женщина лѣтъ пятидесяти. Увидавъ эту группу, она остановилась въ дверяхъ, качая головой, и укоризненнымъ тономъ проговорила:

— Вѣра, Вѣра!

Дѣвушка обернулась. Орловъ быстро поднялся и раскланялся съ хозяйкой дома, наскоро смахнувъ пыль съ колѣней.

— Какъ это тебѣ не стыдно заставлять Дмитрія Андреевича возиться съ пупсикомъ!—продолжала хозяйка и обратилась къ Дмитрію Андреевичу.—Вы ее извините, она у насъ совсѣмъ ребенкомъ осталась. Дѣтство, знаете, провела съ отцомъ въ деревнѣ, на вольной волѣ, потомъ пробыла въ институтѣ четыре года и вотъ только что-вышла оттуда на дняхъ. Совсѣмъ еще не умѣетъ себя держать...

Молодая дѣвушка потупилась и, незамѣтно дернувъ за сюртукъ Орлова, проговорила скороговоркой:

— Это, тетя, не я, право, не я... Это онъ самъ предложилъ услуги!

Дмитрій Андреевичъ невольно разсмѣялся.

— Ну, да, не ты!... Заставляешь возиться съ пупсикомъ незнакомаго тебѣ человѣка... Вы вѣдь, вѣроятно, ее даже и не помните!

— Нѣтъ... да,—смѣшался Орловъ.

— Года два тому назадъ встрѣчали ее у насъ,—объяснила хозяйка. — Помните, вы только-что кончили тогда защиту этой княжны... Вѣра бредила тогда вами... Извѣстно, дѣвочка еще совсѣмъ была... Вы еще тогда много смѣялись, когда она васъ вдругъ назвала «душкой»...

Молодая дѣвушка дергала теперь за платье тетку, умоляя ее взглядами не продолжать этого разговора. Всѣ направились въ залъ.

— А вѣдь я и точно не сразу узналъ Вѣру... Вѣру...—Орловъ подыскивалъ отчество.

— Ахъ, зовите просто Вѣрочкой, — сказала хозяйка и потомъ прибавила:—Она сильно выросла за послѣдніе два года...

— Похорошѣла,—прибавилъ Орловъ и невольно быстрымъ взглядомъ окинулъ дѣвушку.

Прежде всего ему бросились въ глаза горѣвшія яркимъ румянцемъ щеки, свѣжій смѣющійся ротикъ, молодыя, только-что вполнѣ развившіяся формы этого дѣвственнаго стана, обрисовывавшіяся подъ гладкимъ, простенькимъ, но сшитымъ по модѣ, платьемъ. Сколько во всемъ этомъ было молодости, свѣжести и здоровья!

Столъ уже былъ накрытъ и поджидали только Орлова, чтобы сѣсть за обѣдъ. Всѣ усѣлись за столъ и разговоръ начался о путешествіи. Лопатинъ, сіяющій и лоснящійся, ѣлъ, говорилъ и смѣялся за троихъ. Онъ объяснилъ Орлову, что онъ и его жена ѣдутъ «отъ животовъ» лѣчиться. Хозяйка дома пришла въ ужасъ отъ этого выраженія и укоризненно покачала головой мужу, сдѣлавъ въ то же время строгіе глаза Вѣрѣ, засмѣявшейся громкимъ смѣхомъ при словахъ дяди.

— Что-жь, матушка, скрывать!—сказалъ Лопатинъ.—Этого не скроешь. Да и долженъ же знать Дмитрій Андреевичъ, для чего мы ѣдемъ за границу и отъ чего будемъ лѣчиться, если онъ поѣдетъ съ нами. Ну, да, ѣдемъ мы жиру спустить тамъ, въ чужихъ-то краяхъ. Что-жь тутъ предосудительнаго? Или только тѣ и имѣютъ право ѣздить туда, кому нагулять животы нужно?

— Ахъ, да что ты затвердилъ животы да животы! — сказала хозяйка.—Онъ у меня, Дмитрій Андреевичъ, всегда такъ: понравится ему какое-нибудь словцо, онъ его и твердитъ сто разъ въ день, и непремѣнно вульгарное что-нибудь выберетъ.

— А она стыдится!—замѣтилъ хозяинъ.—Все боится, чтобы насъ за неотесанныхъ мужиковъ не сочли... Не бойся, матушка, и гербы, и грамоты, и все такое дворянское не вчера пріобрѣли; бояться нечего, что за іерусалимскихъ царей или сиволапыхъ коммерціи совѣтниковъ сочтутъ.

— Такъ вы, значитъ, на воды куда-нибудь думаете проѣхать?—сказалъ Орловъ.

— Да, пожалуй, и на воды, а то и такъ протрястись гдѣ-нибудь можно, на ослахъ тамъ, что ли, по горамъ проперетъ до облаковъ, на морѣ прополоскаться морской болѣзнью. Это все одно. Да тамъ одной ѣдой такъ доконаютъ, что десять жировъ спустишь. Отличныя страны... Да вы рѣшайтесь,—ей-Богу же, весело будетъ. Вотъ мы поѣдемъ, да Маша съ мужемъ.

— Я подумаю,—отвѣтилъ Орловъ.

— Эхъ, вы! Говорю я, что Обломовъ въ васъ гдѣ-то уголокъ себѣ нанялъ. Погодите, разопретъ его въ васъ такъ, что и не такимъ, какъ я, станете, а вотъ какимъ...

Хозяинъ показалъ, какимъ толстякомъ станетъ Орловъ.

— Ну, такого-то на балаганахъ показывать станутъ.

— И станутъ, и станутъ!... И по дѣломъ,—не сидите на одномъ мѣстѣ! Да мало, что за деньги показывать станутъ,—даромъ, даромъ, каждый уличный мальчишка въ васъ пальцемъ тыкать станетъ. Да такъ и надо, такъ и надо!

— Да не пугайте, и такъ страшно,—шутливо отвѣтилъ Орловъ.—А подумать все-таки надо.

Потомъ онъ любезно обратился къ дочери хозяевъ:

— А ваши милыя дѣтки тоже ѣдутъ?

Хозяинъ разразился гомерическимъ смѣхомъ.

— Такъ вотъ онъ чего боялся! А, теперь понимаю, понимаю!

— Да вы ошибаетесь!—оправдывался Орловъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, батенька, понимаю! Такъ нѣтъ же, не бойтесь! Милыя дѣтки не ѣдутъ, не ѣдутъ. Ну, ихъ!

— Да, право же, я вовсе и не думалъ,—говорилъ Орловъ.—Но есть масса препятствій...

— Ахъ, ты, Господи, что за нерѣшительный человѣкъ! — воскликнулъ Лопатинъ. — Да вы этакъ мохомъ поростете, плесѣнью покроетесь здѣсь, ей-Богу!

Сколько однако ни говорили за обѣдомъ, ничего все - таки не рѣшили. Послѣ обѣда всѣ вышли въ гостиную пить кофе. Вѣра прошла въ залу и сѣла за рояль.

— Это играетъ Вѣра... Вѣра?—началъ Орловъ и опять запнулся, не зная ея отчества.

— Да, Вѣрочка! Она у насъ музыкантша,—отвѣтила хозяйка.

Дѣйствительно, молодая дѣвушка играла хорошо, съ чувствомъ, со смысломъ. Орлову ужасно захотѣлось послушать ее поближе, посмотрѣть на нее за роялемъ. Онъ разсѣянно слушалъ разговоры и отвѣчалъ не впопадъ на вопросы. Наконецъ, воспользовавшись удобною минутой, когда разговоръ сдѣлался общимъ, онъ вышелъ въ залу и подошелъ къ роялю.

— Вы, однако, настоящая піанистка,—сказалъ онъ Вѣрѣ.

— Я люблю музыку,—коротко отвѣтила она.—А вы играете?

— Къ несчастію, нѣтъ! Это большое лишеніе, такъ какъ бываютъ минуты, когда хотѣлось бы отдохнуть за музыкой, за живописью.

— Да, я это понимаю. Когда мнѣ скучно, я всегда играю... Забудешься, по крайней мѣрѣ.

— Значитъ, вамъ и теперь скучно?

— Какъ вамъ сказать? Не скучно, а не по себѣ.

— Что такъ?

— Да вотъ за обѣдомъ говорили объ этой поѣздкѣ за границу. Всѣ уѣдутъ, а вѣдь меня пошлютъ съ дѣтьми къ бабушкѣ... Я очень, очень люблю дѣтей, но дѣти будутъ подъ надзоромъ няни, а я... съ бабушкой мнѣ придется быть...

— Развѣ вы не ѣдете за границу?

— Нѣтъ... Вѣдь дядѣ и безъ того дорого обойдется везти всѣхъ...

— А вамъ очень хотѣлось бы ѣхать?

— Что же вы спрашиваете! Развѣ можетъ не хотѣться, когда я ничего, ничего еще не видала въ жизни...

Потомъ она спросила его:

— А вы, вѣрно, много, много путешествовали, вездѣ, вездѣ?

— Почему вы такъ думаете?

— Потому что вы отказываетесь ѣхать... Вамъ должно-быть ужъ наскучило путешествовать.

— О, нѣтъ! Я просто боюсь соскучиться среди веселыхъ людей. На чужомъ пиру одиночество еще тяжелѣе, чѣмъ въ работѣ...

— Дмитрій Андреевичъ, что это вы, батенька, пропали? Въ картишки не хотите ли перекинуться? — крикнулъ Лопатинъ, входя въ залу.

«Чтобы чортъ побралъ тебя съ твоими картишками!»—промелькнуло въ головѣ Дмитрія Андреевича и онъ какъ-то сконфузился и началъ объяснять, что ему надо ѣхать.

— Я вотъ тутъ шляпу оставилъ, пришелъ за нею и заболтался,—объяснялъ онъ.—Мнѣ пора...

— Ну, да, въ какой-нибудь клубъ или на кутежъ! — сказалъ Лопатинъ.

Дмитрій Андреевичъ началъ горячо увѣрять хозяина, что у него дѣла, что онъ никуда не ѣздитъ почти, что онъ домосѣдъ, а въ головѣ его мелькали мысли: «и съ чего это я ему вру и сказки разсказываю! Съ чего смутился?» Онъ взялся за шляпу.

— Ну, такъ и есть, что жена была права! «Не тревожь, говоритъ, Дмитрія Андреевича, онъ музыку любитъ!» Вотъ потревожилъ и уходите!—сказалъ Лопатинъ.

Дмитрій Андреевичъ почти разсердился.

— Помилуйте, я очень радъ, что вы мнѣ напомнили о томъ, что мнѣ пора ѣхать, — сказалъ онъ и пошелъ откланиваться дамамъ.

Онъ пріѣхалъ домой, повертѣлъ въ рукахъ нѣсколько полученныхъ безъ него писемъ, бросилъ ихъ, не распечатывая, на столъ и прилегъ на диванъ. Его томили скука, хандра, безотчетное раздраженіе. «Точно въ могилѣ тихо и пусто»,—думалось ему и онъ закрылъ глаза, чтобы ничего не видать, чтобы задремать. А передъ нимъ носился образъ такой милый, такой живой образъ этой дѣвушки, наивно болтавшей съ нимъ, какъ съ другомъ. «Какъ это я могъ забыть ее,—думалъ онъ.—Правда, въ эти два года она такъ похорошѣла... Какъ это тогда случилось, что она назвала меня душкой за защиту княжны?» Онъ сталъ припоминать всѣ мелочи этой полузабытой имъ сцены. Онъ вспомнилъ все, онъ былъ тогда очень ласковъ съ Вѣрой, но онъ смотрѣлъ на нее какъ на дѣвочку. А теперь... Сколько ей лѣтъ? Семнадцать?—Нѣтъ, должно-быть, немного больше, и даже не немного, а можетъ-быть на цѣлый годъ. Да, ей непремѣнно минуло уже восемнадцать лѣтъ... Ему почему-то хотѣлось, чтобъ ей было даже больше восемнадцати лѣтъ... Вотъ еслибъ она была тутъ, опять сѣла бы за рояль, начала бы играть, онъ успокоился бы, онъ всталъ бы и подошелъ бы къ ней, тихо наклонился бы къ ней, она обернула бы къ нему личико. «Митя, ты скучаешь?» — «Съ тобой-то, милая крошка? Развѣ можно скучать съ тобой?...»—«Фу, какъ это глупо, какъ это глупо!—пробормоталъ Дмитрій Андреевичъ, очнувшись.—Лысина на головѣ начинаетъ появляться, а въ голову амуры лѣзутъ! Самъ съ собою діалоги веду! Чортъ знаетъ, что за пошлость!» Ему вдругъ вспомнились слова Лопатина о томъ, что госпожа Лопатина совѣтовала не мѣшать Дмитрію Андреевичу, такъ какъ онъ «музыку любитъ». «Хитрая баба, подмѣтила, вѣрно, что я нюни распустилъ, и женишка хочетъ прибагорить!—проворчалъ онъ.—Не съ этою ли цѣлью приказано было и музыку завести? Нѣтъ-съ, на эту удочку не клюнетъ!» И опять ему стало скверно при этой мысли. «Удочка», «женишка прибагорить», «музыку завести», «нюни распустилъ»—выраженія-то какія пошлыя лѣзутъ въ голову! Ни къ чему не можешь отнестись просто, безъ задней мысли, безъ подозрительности. Ну, пусть это—удочка, пусть госпожа Лопатина женишка хочетъ поймать, да ему-то,

Дмитрію Андреевичу, что до этого, если ему точно нравится эта дѣвушка? Вѣдь не потому она ему понравилась, что его умышленно свели съ нею,—онъ засматривался на нее и прежде. Да никто и не сводилъ его съ нею,—такъ какъ-то самъ сошелся». Ему такъ живо, такъ ясно представилось, какъ они рядомъ сидѣли на полу, раздѣвая пупсика, такъ близко, близко наклонившись къ нему, чуть не касаясь щеками другъ друга. «А что, еслибъ онъ тогда вздумалъ ее поцѣловать?» И опять его мечты перенесли эту дѣвушку сюда, въ его кабинетъ. Вотъ она присѣла къ нему на кушетку, онъ обнимаетъ ея талію, она наклоняется къ нему близко, близко и цѣлуетъ его... Онъ вскочилъ, раздраженный, желчный, и заходилъ по комнатѣ. «Нѣтъ, хорошъ должно-быть былъ я,—мысленно говорилъ онъ.—Всѣ сидятъ въ гостиной, всѣ разговариваютъ, а я на цыпочкахъ, крадучись, ухожу въ залъ, какъ гимназистъ влюбленный, смотрѣть, какъ дѣвушка играетъ на фортепьяно, переворачивать ноты, млѣть въ созерцаніи дѣвственной красоты. Рожа, должно-быть, хорошо выглядѣла. Вѣдь всѣ это замѣтили, переглядывались, я думаю, между собою. Прелестно! Не доставало, чтобъ я ей скамеечку подъ ноги подставилъ, платокъ ей съ полу подалъ...» Онъ, передернувъ плечами, опустился на кресло у письменнаго стола и началъ разбирать письма, бумаги. Но голова работала плохо, мысли возвращались все къ одной и той же темѣ. Это начинало просто утомлять. Напившись рано чаю, Дмитрій Андреевичъ улегся спать съ твердымъ рѣшеніемъ написать завтра Лопатину, что онъ не ѣдетъ за границу, и мысленно прибавилъ: «И Богъ съ ними, пусть ѣдутъ, я не загляну больше къ нимъ. И давно пора порвать съ ними. Онъ—первостепенный плутъ, она—продувная баба, зять—балбесъ, состоящій на посылкахъ у жены, у тестя, у тещи, у всѣхъ женниныхъ родственниковъ, дочь хочетъ разыгрывать... Да что мнѣ до нихъ за дѣло? Разыгрывай они, что имъ угодно, мнѣ-то что до этого?» Утромъ первою мыслью его было новое соображеніе о томъ, что ему все-таки не для чего обижать людей, что онъ долженъ соблюсти приличіе и самъ поѣхать къ Лопатинымъ, объяснить, что онъ не можетъ ѣхать, хотя и желалъ бы,—однимъ словомъ, не подать имъ повода думать, что онъ точно бѣжалъ отъ нихъ. Это уже нужно потому, чтобы не сдѣлаться смѣшнымъ въ ихъ глазахъ. Да, наконецъ, порвать сношенія съ ними такъ вдругъ и невозможно. У него есть общіе съ ними знакомые. Встрѣчи съ ними не избѣжишь.

Онъ поѣхалъ къ Лопатинымъ и, только поднимаясь по лѣстницѣ, вспомнилъ, что именно въ этотъ часъ Лопатинъ никогда не бываетъ дома. Онъ очень удивился такой непростительной съ его стороны забывчивости. «Ну, что-жь, подожду его. Не ѣхать же домой!» Онъ вошелъ въ квартиру Лопатиныхъ и встрѣтился въ залѣ съ Вѣрой.

— Ахъ, это вы!—воскликнула она.—А я сегодня въ горѣ! Тетя за завтракомъ окончательно рѣшила, что на будущей недѣлѣ меня начнутъ укладывать.

Дмитрій Андреевичъ невольно улыбнулся.

— Укладывать? Да развѣ вы вещь?—сказалъ онъ.

— Ну, вотъ, вы смѣетесь, а мнѣ, право, не до смѣха, — проговорила она.—Да, тетя такъ и сказала. Это значитъ—вещи, багажъ мой будутъ приготовлять. Къ бабушкѣ пошлютъ! Я бабушку совсѣмъ не знаю. Да она и не мнѣ бабушка. Она бабушка Машѣ, тетина мать. Какая же она мнѣ бабушка?

Дмитрій Андреевичъ взялъ ее за руку.

— Не могу ли я похлопотать за васъ? — ласково сказалъ онъ.—Можетъ-быть мнѣ удастся убѣдить взять васъ за границу.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! — проговорила она торопливо. — Не надо! Мнѣ теперь скучно, даже...—ну, да что же тутъ скрывать...—даже завидно; но вѣдь я понимаю, что это даже хорошо, что меня не берутъ за границу.

— Отчего же это хорошо?—спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Тамъ весело, тамъ такъ шумно, я могу привыкнуть къ этому, а потомъ мнѣ будетъ еще тяжелѣе жить гдѣ-нибудь въ деревнѣ въ гувернанткахъ. Тетя не даромъ мнѣ говоритъ, что бѣдной дѣвушкѣ не слѣдуетъ привыкать къ удовольствіямъ, къ роскоши...

Дмитрій Андреевичъ вспылилъ.

— Да, только имъ нужно наслаждаться жизнью, только имъ нужно весь вѣкъ на пиру быть! Могли бы, кажется, кое-что удѣлить и на вашу долю, еще не жившаго человѣка!

Она покачала отрицательно головой.

— Мнѣ чужого не надо!... Покойный папа всегда говорилъ: «мы, Вѣрочка, съ тобой не богаты, за то чужого хлѣба не ѣдимъ...» Ахъ, Дмитрій Андреевичъ, какъ мнѣ тяжело, что папа умеръ... Какъ славно мы жили съ нимъ въ деревнѣ!... Дядя его чудакомъ и сумасбродомъ звалъ, а онъ не былъ ни чудакомъ, ни сумасбродомъ, а просто былъ добрый и честный старикъ.

Онъ самъ училъ меня въ дѣтствѣ всему, всему... Онъ такъ много зналъ! Онъ вѣдь генераломъ былъ въ артиллеріи и всѣ говорили, что онъ ученый, а не строевой генералъ былъ... Я это помню, потому я вѣдь въ институтъ поздно поступила и не долго была тамъ. Папа бы и не отдалъ меня въ институтъ, такъ какъ онъ всегда говорилъ, что институтки больше ничего какъ дуры... Ну, а дядя, когда папа умеръ, взялъ и отдалъ меня въ институтъ... Какъ я тамъ плакала, долго, долго...

Она вдругъ покраснѣла и сконфуженно пробормотала:

— Впрочемъ, что же это я вамъ разсказываю. Вамъ это должно быть вовсе не интересно.

— Милое вы созданье, вы и не знаете, какъ меня интересуетъ каждое ваше слово, каждый вашъ взглядъ,—прошепталъ онъ, сжимая ей руки.

Она взглянула на него вопросительнымъ взглядомъ. Онъ нѣжно смотрѣлъ ей въ глаза.

— Вы, должно-быть, очень, очень добрый человѣкъ!—проговорила она.

— Да?... Вы думаете?

— Да... Васъ и папа считалъ хорошимъ человѣкомъ.

— Вашъ отецъ? Я не былъ знакомъ съ вашимъ отцомъ.

— Ахъ, да вѣдь вы писали въ газетахъ... Папа читалъ двѣ ваши статьи и потомъ долго говорилъ о нихъ, что именно такъ должны смотрѣть на народъ честные люди... Да развѣ я вамъ не говорила этого, когда два года тому назадъ я въ первый разъ увидала васъ?... Впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ! Я тогда и говорить боялась съ вами. Я вѣдь тогда на васъ какъ на писателя смотрѣла. Я только изподтишка смотрѣла на васъ и слушала, что вы скажете... А вы тогда такъ хорошо говорили объ этой княжнѣ Русовой, которую вы тогда защитили...

Послѣ небольшой паузы дѣвушка продолжала:

— Еслибы папа былъ живъ, я можетъ-быть тоже не такой... институткой была бы... Вы знаете, папа что дѣлалъ. Онъ передъ Рождествомъ, передъ Пасхой, передъ моими именинами спрашивалъ всегда: «Вѣра, что ты хочешь: чтобъ я тебѣ сдѣлалъ подарокъ, или чтобъ я тебѣ позволилъ отдать эти деньги вотъ той бѣдной крестьянкѣ, у которой больны мужъ и дѣти?...» Я не брала подарковъ... Но вѣдь это что же... Я знала, что у меня и такъ все будетъ, что я въ сущности не жертвую ничѣмъ... Это было совсѣмъ не то, что дѣлала эта княжна... А

знаете, что я думала, когда вы говорили о ней?... Я думала, что вы женитесь на ней.

— Гдѣ же мнѣ!—со вздохомъ отвѣтилъ Орловъ.—Она уже любила другого... Давно любила его... Я вообще давно перестанъ мечтать о женитьбѣ...

— Отчего же?

Орловъ хотѣлъ отвѣчать, но она сдѣлала серьезное лицо и проговорила ласковымъ тономъ:

— Вы не разсердитесь, если я вамъ что скажу?

— Говорите.

— Зачѣмъ вы ведете дурную жизнь?

— Дурную жизнь?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Да. Дядя говоритъ... Ради Бога не думайте, что я наушничаю... Нѣтъ, я такъ люблю васъ, что мнѣ больно, когда васъ бранятъ... Дядя говоритъ вотъ, что вы потому не ѣдете и за границу, что вы безпутничать здѣсь привыкли... Я не знаю, что онъ хотѣлъ этимъ сказать, но все же... для чего вы такъ живете, что васъ могутъ осуждать? Когда знаешь, что человѣкъ хорошій и про него при тебѣ...

Въ передней раздался рѣзкій звонокъ. Орловъ точно очнулся отъ сладкаго сна: онъ быстро поднялся съ мѣста, какое-то досадливое чувство передернуло всего его и онъ, точно сердясь на себя, точно издѣваясь надъ собою, съ ироніей проговорилъ:

— Должно-быть ужасно смѣшно смотрѣть со стороны, когда человѣкъ моихъ лѣтъ расчувствуется, какъ я теперь... Когда-нибудь, вспоминая сегоднешній день, вы еще посмѣетесь надъ мной...

Она глядѣла на него широко раскрытыми, удивленными глазами. Передъ ней стоялъ точно другой человѣкъ. Въ залу вошла хозяйка дома.

— А, дорогой Дмитрій Андреевичъ, очень мило, что не уѣхали и дождались! Сейчасъ пріѣдетъ и Nicolas, — проговорила она, крѣпко пожимая руку Орлова. — Съумѣла ли молодая хозяйка занять?

— О, мы тутъ исповѣдывались другъ передъ другомъ! — отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ съ усмѣшкой.—Я даже хочу покаяться во грѣхахъ и постричься въ монахи, чтобы покончить съ безобразіями холостой жизни.

— Зачѣмъ же въ монахи? Не лучше ли найти другой исходъ?—сказала Лопатина, не безъ лукавства глядя ему въ глаза.

— Старъ слишкомъ для другихъ-то исходовъ! Обращать-то на путь истинный многіе готовы, а спасти—никто не спасетъ! Вѣдь проповѣдывать легко, а помочь спастись — это совсѣмъ другое дѣло!

— Да вы просили ли о помощи?

— Избави Богъ! Въ жизни и безъ того много дается щелчковъ! Это вѣдь такъ забавно—подшутить надъ ближнимъ!

— Ой, да вы ужь очень трусите!—засмѣялась хозяйка.

— А вамъ очень хотѣлось бы, чтобъ я былъ храбрѣе? — спросилъ онъ почти дерзко.

Онъ говорилъ и злился на себя за этотъ разговоръ, за этотъ тонъ. Онъ понималъ всю пошлость этой сцены. Его бѣсило все это еще болѣе, потому что онъ видѣлъ, какъ на него смотрѣли удивленные, недоумѣвающіе глаза молодой дѣвушки. Лопатина попросила извиненія, что она на минуту удалится, чтобы сбросить шляпу. Когда она вышла, онъ снова остался съ глазу на глазъ съ молодой дѣвушкой и ему стало точно совѣстно поднять на нее глаза. Она стояла уже у рояля спиной къ нему и безцѣльно перебирала ноты.

Онъ приблизился къ ней.

— Вы сердитесь на меня?—спросилъ онъ тихо.

Она подняла на него глаза. Въ нихъ были слезы.

— Да, вы что-то нехорошее говорили,—такъ же тихо отвѣтила она.

— Нехорошее, нехорошее!... А развѣ было бы лучше, еслибъ я сталъ увѣрять вашу тетушку, что я безъ ума отъ васъ, что я люблю васъ, что я жить не могу безъ васъ, и вызвалъ бы...

Она подняла на него глаза и дрожащимъ голосомъ сказала:

— Зачѣмъ вы такъ шутите... надо мной шутите?...

Она повернулась и пошла изъ залы.

— Вѣра!... Вѣрочка!...—порывисто крикнулъ Дмитрій Андреевичъ, сдѣлавъ шагъ за нею.

И въ ту же минуту онъ послалъ «ко всѣмъ чертямъ» хозяйку и хозяина дома, входившихъ въ залъ изъ двухъ противоположныхъ дверей. «И какъ все это пошло слагается! Точно сатиры какіе-то около нимфы! Одинъ бѣгаетъ и заигрываетъ, другіе сторожатъ и подсматриваютъ», мелькало въ головѣ Дмитрія Андреевича. И вдругъ онъ почувствовалъ какую-то рѣшимость, смѣлость, необходимость кончить все вдругъ, разомъ, не

раздумывая. Это была такая же минута, какъ тогда, когда онъ соскочилъ съ поѣзда на станціи Русовкѣ.

— Извините, мнѣ нужно договорить съ Вѣрочкой, — рѣзко сказалъ онъ Лопатинымъ и быстро прошелъ за молодой дѣвушкой.

Онъ настигъ ее въ столовой и круто, безъ приступовъ, обратился къ ней:

— Вѣра, скажите: да или нѣтъ! Я или останусь съ вами навсегда, или никогда не обезпокою васъ своими глупыми...

Она взяла его за руки и, точно желая укрыться подъ грѣющимъ крыломъ, прижалась къ его груди, не проронивъ ни слова. Онъ уже цѣловалъ ея руки, ея голову, ея губы. Онъ не могъ говорить, не могъ оторваться отъ нея. Минуты шли за минутами, а хозяева въ недоумѣніи бродили по залѣ и ждали Дмитрія Андреевича. Они какъ будто растерялись.

— Я ее не предупредила... Пожалуй, откажетъ!—тихо сказала Лопатина. — Глупа еще... Покажется ей что-нибудь... Не молодъ, скажетъ, не красавецъ...

— Да, наконецъ, онъ-то не знаетъ, что за ней ничего нѣтъ! Тоже, чудакъ, не справился! Можетъ - быть разсчитываетъ на насъ!—проговорилъ Лопатинъ.—Живемъ широко,—ну, и можетъ думать...

— Ахъ, это глупости! Я боюсь за нее... вотъ что страшно!

— Да, а тоже хорошо, если она согласится, а онъ потомъ станетъ требовать отчетовъ... Тоже скандалъ! Я вѣдь опекунъ...

Въ столовой наконецъ послышался громкій смѣхъ. Это смѣялись Вѣра и Дмитрій Андреевичъ, вспомнивъ, что Лопатины все еще ждутъ ихъ въ залѣ. Они быстро пошли, почти побѣжали объявлять о результатѣ своей долгой бесѣды, — оба раскраснѣвшіеся, оба счастливые, оба чувствовавшіе потребность пошкольничать...

— Такъ вотъ вы о чемъ объяснялись! — воскликнула хозяйка.—Ай да, Дмитрій Андреевичъ, пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!

— Да, въ мои годы людей или женятъ, или нужно, чтобы они... скоропостижно женились, — пошутилъ Дмитрій Андреевичъ.—А то, мы, старые холостяки, всегда, если начнемъ думать такъ, какъ гоголевскій женихъ, въ окно выскочимъ.

— Зачѣмъ вы говорите, что вы старый холостякъ?—сказала Лопатина.

— Да, да, теперь уже не старый холостякъ, а молодой женихъ,—весело отвѣтилъ Орловъ.

— Ну, да полно вамъ пустяки городить! Пойдемте, поговоримъ о дѣлѣ!—озабоченно сказалъ Лопатинъ.

— Ахъ, мнѣ теперь не до дѣлъ! Ничего я въ нихъ не пойму,—отвѣтилъ Орловъ.

— А все же пойдемте! Иначе и поздравлять не буду!—настаивалъ хозяинъ.

Орловъ ушелъ съ нимъ въ кабинетъ.

— Дмитрій Андреевичъ,—дѣловымъ тономъ началъ хозяинъ,—я очень радъ за Вѣру. Вы такой завидный женихъ. Вѣдь она мнѣ родная племянница. Отца я ей замѣняю, сироткѣ...

Лопатинъ жирнымъ пальцемъ отеръ сухой глазъ.

— Но прежде чѣмъ объявить васъ женихомъ,—продолжалъ онъ,—я долженъ вамъ разъяснить ея положеніе. Вы видите, что Вѣра живетъ у насъ, ни въ чемъ не нуждается; но знаете ли вы ея средства?

— О деньгахъ хотите говорить?—перебилъ его Орловъ.— Я не покупаю, не сдѣлку дѣлаю...

— Постойте, постойте! Я ея опекунъ и потому долженъ буду отдать вамъ отчетъ.

Дмитрій Андреевичъ махнулъ рукой.

— Ну, васъ съ отчетомъ!

— Экій съумасшедшій! Поймите, что это мой долгъ. У Вѣрочки ничего нѣтъ!

— И не надо ничего!

— Ея отецъ, мой покойный братъ, былъ артиллерійскій генералъ. Люди въ его положеніи наживали сотни тысячъ...

— А онъ былъ старый сумасбродъ и ничего не нажилъ?

— Да.

— Ну, и отлично!

— Да погодите! У него остались кое-какія крохи, очень, очень немного, но намъ стоило...

— Ея воспитаніе, да? И все ушло на это?... Ну, и слава Богу!

— Тьфу ты пропасть! Ошалѣлъ совсѣмъ человѣкъ! Да отчетъ-то я долженъ же дать. Вѣдь я опекунъ!

— Голубчикъ, давайте вы кому хотите отчетъ, но не мучайте меня! Отступныхъ вамъ, что ли, надо? Приплатить я долженъ что-нибудь за воспитаніе ея? Ну, приплачу!

Лопатинъ только руками развелъ. Потомъ вдругъ все сообразилъ, расхохотался жирнымъ смѣхомъ и бросился душить въ объятіяхъ Орлова.

— Ну, и точно, къ чорту отчеты, къ чорту! Чего я въ самомъ дѣлѣ присталъ!—говорилъ онъ, цѣлуя сальными губами Орлова.—Ступайте, цѣлуйтесь съ ней, сколько душѣ угодно!

Онъ смѣялся и потиралъ руки. Малая толика денегъ Вѣры пристала къ этимъ жирнымъ рукамъ и осталась въ нихъ навсегда. Онъ никакъ не думалъ, что Орловъ можетъ такъ «опростоволоситься». Тоже вѣдь сталъ бы толковать, поприжалъ бы, пришлось бы кое-что дать. Такъ нѣтъ, голову потерялъ отъ любви. Вотъ они молодые-то, новые-то, нѣтъ-нѣтъ да и попадутся на ту или другую удочку. То изъ любви сумасбродничаютъ, то великодушіе выказываютъ, то изъ-за брезгливости многое между рукъ пропустятъ. Ну, да какъ бы тамъ ни было, а все же слава Богу, что такъ все кончилось, къ обоюдному удовольствію.

Орловъ никакъ не воображалъ, что онъ еще способенъ на разныя молодыя глупости, свойственныя всѣмъ влюбленнымъ. Онъ накупалъ разныхъ подарковъ невѣстѣ, возилъ ей ежедневно для чего-то конфекты, писалъ сумасбродныя письма о своемъ счастіи и князю, и Настѣ, и Благолѣпову, и Софьѣ Александровнѣ, заѣзжалъ къ Марѳѣ Ивановнѣ и Лешѣ, чтобы разсказать имъ о своемъ благополучіи, возилъ дорогіе вѣнки на могилу отца и матери и торопился свадьбой, точно боясь, что что-нибудь ей помѣшаетъ. По просьбамъ и настоянію Лопатиныхъ, свадьба должна была состояться въ день отъѣзда за границу, такъ чтобы черезъ два часа послѣ вѣнчанія вся семья могла отправиться въ путь. Отдѣлаться отъ сопутствія Лопатиныхъ было нельзя и Орловъ вдругъ передумалъ вѣнчаться въ Петербургѣ. «И какъ это я буду вѣнчаться на глазахъ у всѣхъ, точно на выставкѣ стоять буду? Не звать же никого неловко. Да, наконецъ, очень весело жениться и ѣхать съ этими сатирами. Нѣтъ, ужь лучше подождать, лучше гдѣ-нибудь въ Берлинѣ, въ Висбаденѣ обвѣнчаться и удрать отъ милыхъ родныхъ». Онъ сообщилъ объ этомъ Вѣрѣ и она вполнѣ согласилась съ нимъ, что такъ будетъ лучше. Женихъ и невѣста шепотомъ, смѣясь и дурачась, уговорились, что они «сбѣгутъ» отъ Лопатиныхъ на дорогѣ тотчасъ послѣ свадьбы и умчатся въ Италію вдвоемъ, не говоря никому ни слова о томъ, куда они ѣдутъ, гдѣ спрячутся на время отъ всѣхъ родныхъ, друзей и знакомыхъ.

Наконецъ насталъ желанный день.

Орловъ уѣзжалъ изъ Россіи за границу. Съ нимъ ѣхало семейство его будущихъ родственниковъ: Вѣра, Лопатинъ, его жена, ихъ дочь Маша, ея мужъ. Они заняли цѣлое купэ въ вагонѣ перваго класса, смѣясь и безпечно болтая. Прошло нѣсколько минутъ, раздался послѣдній звонокъ, пронесся свистъ оберъ-кондуктора, запыхтѣлъ локомотивъ, заскрипѣли колеса и поѣздъ двинулся впередъ... Вотъ съ правой стороны тянется Митрофаньевское кладбище, съ лѣвой виднѣется дѣвичій монастырь тоже съ кладбищемъ, какая-то часовня показалась вдали, а тамъ потянулись тощія поля, однообразныя равнины съ жидкими кустами, съ болотистыми ямами и кочками, покрытыми мохомъ.

— Экая картина-то, глазу не на чѣмъ остановиться,—сказалъ Лопатинъ, видя, что Дмитрій Андреевичъ засмотрѣлся на окрестные виды.

— Да, и такъ вплоть до Вильно,—отвѣтилъ Дмитрій Адреевичъ.

— Да, тамъ уже природа лучше; чѣмъ ближе къ границѣ, тѣмъ лучше,—проговорилъ Лопатинъ.

Дмитрій Андреевичъ не отвѣчалъ. Его вдругъ охватили невеселыя думы. Въ головѣ мелькали какія-то отрывочныя воспоминанія. То вспоминались некрасовскія строки:

Лѣсъ ли начнется—сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!

То приходили на умъ слова Тютчева:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа.

А тамъ вспоминались мать, отецъ, сестра Аня, тетка Дарья, Леша, Настя, разные много страдавшіе, много терпѣвшіе люди. Какъ немного спаслось изъ нихъ и сколько погибло!... Да и тѣ, кто спасся, спаслись чисто случайно, какъ спаслась Настя. Вотъ встали передъ нимъ и другіе образы: княжна, Благолѣповъ, князь Александръ, онъ самъ со всею своей будничною дѣятельностью. Что они сдѣлали?... Они всѣ, каждый по-своему, желали добра ближнимъ, народу, родинѣ. Они всѣ были полны

добрыхъ намѣреній. Но что они сдѣлали? Вотъ княжна, не подготовленная своею средой ни къ чему полезному, вотъ Благолѣповъ, выбитый изъ обычной колеи случайностями. А князь Александръ?... Полжизни — даже можетъ-быть больше, чѣмъ полжизни — ушло у него на самоисправленіе, на саморазвитіе, на выработку самостоятельныхъ взглядовъ. Какіе же эти взгляды? — Все прошлое привело его къ тому заключенію, что прежде всего человѣку нужно исправить самого себя, дойти до послѣднихъ тонкостей въ анализѣ своихъ поступковъ. Къ этому его привело сознаніе, что его отецъ, всѣми прославляемый за честность и доброту, совершившій чуть не подвигъ, признавъ чужихъ дѣтей своими, едва не погубилъ его, Александра, именно тѣмъ, что мало всматривался въ свои отношенія къ сыну, успокоившись на томъ, что сынъ признанъ имъ, какъ будто въ этомъ и заключалось все; къ этимъ же взглядамъ должно было привести отношеніе къ Настѣ его, Орлова, признаваемаго всѣми чуть не за генія по уму, чуть не за рыцаря по благородству стремленій, такъ какъ эти отношенія шли прямо въ разрѣзъ со всѣмъ тѣмъ, что говорилъ Орловъ: онъ пылалъ любовью къ голи, къ бѣднякамъ, а между тѣмъ на его глазахъ едва не погибла Настя, его двоюродная сестра, подруга дѣтства, и онъ пальца о палецъ не стукнулъ для ея спасенія, не изъ злобы, не изъ холодности, а по легкомыслію, по небрежному отношенію къ своимъ поступкамъ; наконецъ, именно эти взгляды должны была выработаться въ князѣ, когда онъ оглянулся на свою собственную жизнь. И вотъ князь Александръ проповѣдуетъ этотъ, и только этотъ, путь, говоря, что ничего не измѣнится, покуда мы сами не измѣнимъ себя. Сообразно съ этими взглядами онъ считаетъ нужнымъ добиваться всего легальнымъ путемъ, стоя на-сторóжѣ закона, стараясь пресѣчь злоупотребленія, воюя съ недобросовѣстными людьми, воспитывая людей. Онъ бьется, борется, но то, чего онъ добьется сегодня, то можетъ-быть завтра передѣлается иначе другими. Правда, онъ радуется, что около него уже стоятъ два-три единомышленника, но противъ нихъ тучей поднимается саранча противниковъ. Къ какимъ результатамъ приведетъ этотъ путь? Когда онъ приведетъ къ благимъ результатамъ? Не сведется ли вся дѣятельность князя на простую филантропію?—Отвѣта нѣтъ. «Нѣтъ, безъ свободы слова, безъ свободы личности ничего не подѣлаешь!» — мелькаетъ въ головѣ Орлова и что-то точно сжимаетъ ему сердце. Всю жизнь, —

да, всю жизнь,—повторялъ онъ эту фразу, повторялъ съ твердымъ убѣжденіемъ въ справедливости этой мысли, повторялъ искренно, какъ свой символъ вѣры, а жизнь шла все дальше и дальше, шла въ работѣ для насущнаго хлѣба, для денегъ, для личныхъ потребностей, замыслы же о трудѣ на пользу общества, о широкой дѣятельности на благо народа такъ и оставались замыслами.

— О чемъ размечтались?—спросилъ Лопатинъ, дотронувшись рукою до его колѣна.

— Итоги подвожу,—коротко отвѣтилъ Орловъ.

— Ну, батенька, рано начали! Порастрясите-ка мошну за границей да тогда ужь и сводите итоги!

— Ахъ, вы все о деньгахъ!

— А то о чемъ же? Какіе такіе еще итоги?

— Да вотъ думалъ, что сдѣлано... Больше полжизни прожито, а что сдѣлано?

Лопатинъ смотрѣлъ на него, широко открывъ глаза и ровно ничего не понимая.

— Да вы же успѣли-таки кое-что скопить, сколотили деньгу?

— Да, да, за верченье въ бѣличьемъ колесѣ нажилъ капиталъ... Да я не о себѣ! Я о томъ, что вотъ прошло столько лѣтъ съ начала реформъ, а поглядишь на эти полуразвалившіяся избы, на эти болота и тощія поля, и кажется, точно ничто не коснулось этого края...

— Это изъ вагона такъ кажется,—равнодушно отвѣтилъ Лопатинъ.—Гдѣ же такъ-то, когда несешься сломя голову впередъ, все разсмотрѣть...

Орловъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ смотрѣть въ окно.

— Вы вѣдь изъ недовольныхъ тоже,—продолжалъ Лопатинъ.—Вамъ какія реформы ни дай, все мало. Крестьянъ освободили—сѣтуете, что мало земли дали, тогда какъ въ другихъ-то государствахъ ни шиша не дали. Земскія учрежденія завели, такъ вамъ подавай сразу мѣстные парламенты. Свободу печати дали, такъ зачѣмъ не позволяютъ революцію на площадяхъ проповѣдывать? Суды новые устроили,—кажется, ужь совсѣмъ хорошо,—такъ нѣтъ, и тутъ сѣтуете, что правительство не нарожало для этихъ судовъ новыхъ царей Соломоновъ.

Орловъ слушалъ только на половину.

— Я не стану спорить противъ того, что многое у насъ не такъ вышло, какъ думали, что многое затормозилось,—продол-

жалъ Лопатинъ, давно уже соскучившійся сидѣть молча и обрадовавшійся возможности поговорить.—Ну, да вѣдь, батенька, одинъ Богъ безъ грѣха. А люди вездѣ—люди и ошибаться имъ свойственно. По-латыни даже могу сказать это: эрраре гуманумъ estъ. Да-съ, такъ-то! Тоже обернитесь на себя,—не мало, чай, глупостей натворили на своемъ вѣку. Ну, а вѣдь и общество, и правительство изъ тѣхъ же людей, какъ вы, состоятъ. Одни сразу закусили на радостяхъ удила да и рванулись очертя голову впередъ; другіе отъ страху сразу попятились назадъ, точно на краю пропасти себя увидали. Ну, сумбуръ и пошелъ. Одни кричатъ: «валяй, валяй впередъ!» Другіе орутъ: «стой, стой, назадъ!» Кто правъ, кто виноватъ — первые или вторые, теперь, пожалуй, и не разберешь; не разберешь даже, кто первый крикнулъ; вѣрно только, что и тѣ, и другіе испугались,— ну, и пошла сумятица, сиверка какая-то настала: не знаешь, откуда вѣтеръ дуетъ; не разберешь, снѣгъ или дождь идетъ, съ земли ли туманъ поднимается или на землю онъ падаетъ,—и всѣмъ жутко, всѣмъ кажется, что не туда другіе тянутъ, не туда ѣдутъ, куда слѣдуетъ.

Орловъ грустно усмѣхнулся.

— И потому никто ни съ мѣста,—проговорилъ онъ.

Лопатинъ опять дотронулся до его колѣна.

— Это вы, батюшка, потому такъ говорите, что сиверка и васъ съ толку сбила,—сказалъ онъ.—И всѣхъ она сбила съ толку. Въ сиверку, въ непогодь этакую всегда такъ: ѣдешь, ѣдешь, ничего кругомъ не видать, кругомъ все точно кружитъ, мокрый снѣгъ глаза слѣпитъ,—ну, и кажется, что кружишься на одномъ мѣстѣ. А вы вотъ обратите вниманіе на духъ-то общества, на духъ его, тогда и увидите, что сдѣлано-то много, что далеко мы уѣхали отъ прежней-то станціи.

Онъ вдругъ громко разсмѣялся своимъ жирнымъ, утробнымъ смѣхомъ.

— Да вотъ на меня взгляните,—сказалъ онъ.—Ну, какой чортъ дернулъ бы меня въ старые-то годы съ вами бесѣдовать объ этихъ матеріяхъ важныхъ? Какой толкъ видѣлъ я въ этихъ вопросахъ? А теперь, батенька, я тоже и земецъ, и гласный, и въ почетные мировые судьи наровлю, такъ эти общественные-то вопросы—своя шкура. Теперь каждый послѣдній лавочникъ въ политику да въ критику носъ суетъ: «финансы, говоритъ, у насъ разстроены», «рубъ, говоритъ, нашъ совсѣмъ въ цѣнѣ

упамши». Да-съ, каждая бестія теперь такъ и наровитъ въ министры финансовъ попасть. А положеніе народа? Вонъ вы, вѣдь, народолюбецъ,—ну, такъ вы мнѣ скажите, какія такія мѣры и крайности съ той или другой стороны заставятъ теперь забыть о народѣ, устранить его, такъ сказать, съ пути прогресса?

Онъ наклонился къ Орлову.

— Я вамъ вотъ что даже скажу,—проговорилъ онъ уже раздражительно, съ какимъ-то ожесточеніемъ:—надоѣлъ мнѣ вашъ народъ,—да, надоѣлъ! То его освобождаютъ, то люди въ народъ ходятъ съ просвѣщеніемъ да прокламаціями, то Некрасовъ вашъ тамъ донимаетъ меня плачемъ о народѣ, то какіе-то Рѣшетниковы, Успенскіе, Марки Вовчки и... какъ ихъ тамъ еще называютъ—за него распинаются да грязныя онучи мнѣ подъ носъ подносятъ, то вы, ораторы судейскіе, въ своихъ рѣчахъ тычете въ глаза каждымъ его горемъ, то земскіе врачи изъ либераловъ толками о его недугахъ аппетитъ мнѣ портятъ... И бѣжалъ бы, бѣжалъ бы я отъ всего этого, да бѣжать-то ужь некуда, потому что приперли насъ къ стѣнѣ и кричатъ: или по-міру ступай, или позаботься о народѣ. И забочусь, забочусь, потому что духъ времени требуетъ, чтобъ я заботился о народѣ, хоть мнѣ самому и плевать на него, на вашъ народъ-то! Вонъ голодъ былъ—въ комитетъ я записался, сборы между знакомыми дѣлалъ, хлѣбъ закупалъ, дочку отпустилъ въ спектаклѣ въ пользу голодающихъ горничную какую-то изображать. Прежде-то этого вашего народа я и знать не хотѣлъ, потому имѣлъ я дѣло со своими Филатками да Евтѣшками, которыхъ я на конюшнѣ дралъ, а теперь... теперь вонъ меня этотъ народъ-то вашъ недавно къ мировому тянулъ за то, что я какому-то сиволапому сгоряча въ зубы легонько потыкалъ... Да я въ глаза насмѣялся бы тому, кто въ былое время мнѣ сказалъ бы, что я буду на одной доскѣ со своими холопами передъ закономъ стоять да еще печатные репримандьі читать за то, что я мало о народѣ забочусь... Вотъ что вы сдѣлали! А вы говорите, ничего не сдѣлано.

Лопатинъ еще долго въ желчномъ одушевленіи ораторствовалъ на эту тему, на что-то жалуясь, на что-то сердясь. Но Орловъ уже не слушалъ его. Онъ думалъ о томъ, когда и какъ кончится эта сиверка смутъ и недоразумѣній. Среди этихъ мыслей все яснѣе и яснѣе становилось одно сознаніе, что сколько бы ни продлилась эта непогода, а все-таки «новаго духа» она дѣйствительно не убь-

етъ. Этотъ «новый духъ» создали обстоятельства, реформы и нововведенія; его развили люди, стоявшіе умѣло или не умѣло, по мѣрѣ силъ и способностей, за народъ. Да, теперь сознаютъ всѣ, бранясь или радуясь, что народъ нужно поднять, что безъ его благосостоянія немыслимо никакое дальнѣйшее развитіе, что онъ—все. Правда, покуда намѣчена только главная цѣль для всѣхъ, болѣе или менѣе плодотворныхъ, работъ и усилій, во взглядахъ же на средства для достиженія этой цѣли замѣчаются еще рознь, несогласіе, вражда. Много силъ тратится даромъ, погибаетъ безплодно, приноситъ даже вредъ вмѣсто пользы только потому, что эти средства для достиженія цѣли далеко еще не опредѣлились. Но не можетъ же долго такъ продолжаться... На душѣ Орлова становилось какъ-то легче, какъ-то свѣтлѣе. Наконецъ, по его уже довольно полному лицу скользнула самодовольная, буржуазная улыбка, онъ поднялъ голову, потянулся всласть, какъ потягивается сытый человѣкъ, и проговорилъ:

— Да, вы правы, время сдѣлало свое дѣло и будущность наша!

Лопатинъ сердито махнулъ головой.

— Не ваша, а этого хамова отродья!—проворчалъ онъ.

А. Михайловъ.

МАЗЕПА.

ГЛАВА XIV *).

Нерасположеніе малороссійскаго народа къ замыслу Мазепы.—Избраніе въ гетманы Скоропадскаго.—Проклятіе Мазепы.—Царскій манифестъ къ малороссійскому народу.—Царскія милости.—Движенія шведскаго войска послѣ перехода черезъ Десну.—Мазепа въ Бахмачѣ.—Универсалъ Мазепы къ народу.—Универсалъ Скоропадскаго къ народу.—Станъ шведскаго короля въ Ромнахъ.—Походъ Мазепы къ Гадячу.—Универсалы Карла XII къ малороссіянамъ.—Вѣрность малороссіянъ къ царю.—Миргородскій полковникъ Кгалаганъ.—Отвѣтъ Мазепѣ отъ канцлера Головкина.—Коварство Мазепы.—Перехваченное письмо къ Лещинскому.—Недовѣріе шведовъ къ козакамъ.—Походъ короля Карла и Мазепы къ Веприку.—Жестокая стужа.—Взятіе Роменъ русскими.—Взятіе Веприка шведами.—Занятіе шведами Зенькова.—Походъ Карла и Мазепы въ Слободскую Украину.—Сраженіе подъ Краснымъ Кутомъ.—Возвращеніе.—Внезапная распутица.—Успѣхи русскихъ въ Прилукахъ и въ Рашевкѣ.—Изгнаніе шведовъ изъ Лохвицы.—Главная квартира шведовъ въ Великихъ Будищахъ.—Царскія милости семейству Кочубея и другимъ.

Отступленіе Мазепы отъ царя ни въ какомъ случаѣ не могло увлечь по тому же пути малороссійскаго народа, въ особенности, когда великороссійское войско, съ самимъ царемъ во главѣ, находилось въ предѣлахъ гетманщины. Правда, малороссіяне показывали часто недовольство царскими служилыми людьми, тѣмъ болѣе въ военное тяжелое время, когда послѣдніе, иногда и сами того не хотя, обращались съ туземцами сурово; по этому поводу во всемъ малороссійскомъ краѣ раздавались рѣзкіе и враждебные крики противъ «московскаго панованья». Но тотъ очень ошибся бы, кто по этимъ крикамъ заключалъ бы, что народъ пристанетъ ко всякой иноземной силѣ, которая станетъ разжигать его противъ московской власти. Факты, возбуждавшіе въ народѣ нерасположеніе къ москалямъ, не были еще ни

*) *Русская Мысль*, кн. X.

столько многочисленны, ни столько сами по себѣ сильны, чтобъ образовать въ народѣ такую вражду, какая могла бы сплотить его ко всеобщему возстанію, а руководители къ такому возстанію не имѣли въ народѣ столько любви, чтобъ увлечь его. Гетманъ Мазепа до сихъ поръ главнымъ образомъ держался только могуществомъ московской власти; для малороссіянъ это былъ польскій панъ, передавшійся на московскую сторону, но оставшійся навсегда съ польскими панскими пріемами: всегда было огромное число такихъ, которые были бы рады, еслибы только узнали, что царь его смѣняетъ. Великорусскіе ратные люди съ полковникомъ Анненковымъ постоянно берегли его особу и гости, посѣщавшіе гетманщину, замѣчали, что еслибы не эти охранители, то малороссіяне скоро бы избавились отъ своего гетмана. Если въ народѣ малороссійскомъ, какъ доносилъ постоянно Мазепа, и была наклонность къ мятежамъ и переворотамъ, то ужъ никакъ не въ духѣ Мазепы. Народъ, при удобномъ случаѣ, могъ до нѣкоторой степени поддаться подущеніямъ запорожцевъ и неразлучныхъ съ ними «гультаевъ», т.-е. непосидячихъ бродягъ, искавшихъ сами не зная чего, — могъ начать истреблять пановъ и орандарей съ неяспыми и неосмысленными желаніями всеобщаго оказаченія; но это стремлеиіе, легко притомъ укротимое, какъ показало дѣло Петрика, никакъ не могло подготовить народъ къ тому, чтобы теперь идти за Мазепой. Противъ такого стремленія до сихъ поръ постоянно вооружался Мазепа и въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ въ согласіи съ московскою властію. Еслибы теперь онъ и сталъ вторить народнымъ инстинктамъ, то ему бы меньше, чѣмъ кому-нибудь иному, повѣрили. Но ужъ никакъ не долженъ былъ надѣяться на народное сочувствіе гетманъ, опиравшійся на вступившую въ предѣлы гетманщины иноземную шведскую силу, которой народъ почти вовсе не зналъ, и на поляковъ, которыхъ народъ изъ поколѣнія въ поколѣніе привыкъ ненавидѣть.

При такомъ настроеніи народныхъ умовъ и чувствованій не удивительно, что какъ только стало извѣстнымъ, что Мазепа отступилъ къ шведской сторонѣ, непріязненной царю, такъ тотчасъ же послѣдовали челобитныя, заявлявшія о преданности малороссіянъ московскому престолу, и притомъ не только изъ того края, гдѣ уже находились великороссійскія ратныя силы, но и изъ такихъ полковъ, гдѣ ихъ еще не было, — слѣдовательно, нельзя признавать ихъ только дѣйствіемъ страха. 5-го ноября пришли

къ царю челобитныя изъ Прилукъ *), Лубенъ **), городовъ—Лохвицы, Новгородъ-Сѣверска, изъ сотенъ полковъ Прилуцкаго (Варвинской, Сребненской, Иченской), Лубенскаго и Миргородскаго,—тѣхъ полковъ, откуда полковники ушли съ Мазепою,—всѣ въ одномъ духѣ, съ обѣщаніемъ вѣрной службы царю ***).

1-го ноября въ Богдановкѣ ****) явились по призыву царской грамоты къ государю полковники: стародубскій — Скоропадскій, черниговскій — Полуботокъ и наказные: переяславскій — Тамара и нѣжинскій — Жураховскій. Каждый приходилъ съ кружкомъ сотниковъ и войсковыхъ товарищей своего полка. Петръ мѣстомъ выбора назначилъ Глуховъ и поручилъ открыть избирательную

---

*) Жители Прилукъ и всей сотни прилуцкой наше нижайше отдавши работлѣнпѣ поклоненіе чрезъ сію нашу недостойную челобитную вѣрность и неотмѣнную зичливость освѣдчаемъ, ижъ яко мы прежде въ сердцу нашомъ жадноп и наименшои никогда не помышляли противъ пресвѣтлого престола монаршого зиѣны и противниками быти, такъ и теперь и въ потомніи часы маемъ вѣрне и ни въ чомъ не противне со всякимъ усердіемъ служить и повелѣніе в. в—ства должнисмо творити. Тилько зась найпокорнѣй ваше царское пресвѣтлое в—ство просимъ: не отрини насъ убогахъ отъ своей царской благодати и не предай насъ въ вѣчную работу и плѣненіе на насъ и на вѣру нашу православную настунаючимъ и паки о томъ смиренно просимъ (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 67).

**) Мы граждане Лубенцѣ яко духовного тако и мірского чину не токмо насъ наказной старшины и всѣхъ жителей нашихъ обрѣтаючихся за премощную милость челомъ бьемъ, обовязуючися въ единомысліи яко и преже вѣрными к вашему царскому пресвѣтлому в—ству подданными бути. Ради бы въ назначенный путь въ Глуховъ шествовати по указу в. ц. в—ства исполняючи совершенно ради бы всеусердственно отъѣхать, тилько подъ сей часъ не маемъ цѣлого началного въ городѣ, яко атаманъ и войтъ наказными зостаемъ а вашего царского повелѣнія не противни и неотступни. А городка нельзя оставити безъ досмотра яко и тое в. ц. п. в—ства яко защитника и предстателя всей Малой Россіи упрашаемъ, а самыхъ началныхъ нашихъ здесь нѣтъ и мы ихъ не вѣдаемъ где обрѣтаются на службѣ вашей монаршой. При покорственномъ чоломбитіи нашемъ записуемся веегдашними подножками и зостаемъ вѣрнѣйшими подданными подъ скридла в. и. в—ства бути яко и на завше зостаемъ (ibid.).

***)... Яко отъ чина духовнаго, такъ и отъ мірскаго сословія всѣ единостойно и единодушно такъ товариство войсковое, якъ и люди посполитые заховуючи теперь и на потомніи часы противно Е. Ц. маестату вѣрное наше сердце подданское не токмо теперешнихъ временъ, але и в потомныи часы за православного монарха, за милую малороссійскаго края нашего отчизну безъ жадноп нашеи здрады и зиѣны, единъ на другому даже до смерти противъ непріятелей нашихъ ку отпору отъ рода въ роды присно готовыми обѣцуемъ бути, на чомъ и крестное цѣлованіе предъ маестатомъ Божіимъ въ храмѣ его выконавши (ibid.).

****) Нынѣ село Новгородсѣвер. уѣзда, при р. Шосткѣ, въ 15 вер. отъ Новгородъ-Сѣверска и въ 3-хъ отъ Десны.

раду ближнему царскому боярину, князю Григ. Өед. Долгорукому, при которомъ долженъ былъ находиться дьякъ Посольскаго Приказа Родостамовъ съ двумя подъячими. Царь, для безопасности въ пути, придалъ имъ Бѣлозерскій драгунскій полкъ. Все дѣлалось по старымъ обычаямъ, съ тѣми пріемами, какіе всегда соблюдались при выборѣ гетмана.

3-го ноября всѣ прибыли въ Глуховъ. Сотникъ Туранскій встрѣчалъ ихъ какъ хозяинъ мѣста, куда они прибывали. Вечеромъ въ этотъ же день полковники и прочія начальныя лица были у князя Долгорукаго и обмѣнялись съ нимъ взаимными предположеніями о выборѣ. На другой день, 4-го ноября, прибылъ туда и самъ государь.

Князь Долгорукій, поговоривши такимъ образомъ съ полковниками, сообщилъ царю, что достойнѣйшими получить гетманскій санъ козаки считаютъ двухъ полковниковъ: черниговскаго и стародубскаго. «Полуботокъ очень хитръ,—сказалъ Петръ, — съ него можетъ выйти другой Мазепа. Лучше пусть выберутъ Скоропадскаго». Обстоятельства были таковы, что, при малочисленности участниковъ, выборъ вольными голосами могъ считаться только для вида, а на самомъ дѣлѣ гетманомъ долженъ стать тотъ, на кого укажетъ государь [1]).

5-го ноября совершено было отрѣшеніе Мазепы отъ гетманства. Оно совершилось театральнымъ способомъ. Устроенъ былъ эшафотъ, на немъ воздвигнута висѣлица; взнесли на эшафотъ куклу, изображавшую Мазепу въ андреевской лентѣ. Затѣмъ взошли на возвышеніе Меншиковъ и Головкинъ и разодрали патентъ на званіе кавалера. Потомъ прочитано было длинное писаніе, гдѣ излагались благодѣянія Петра, долговременная довѣренность государя къ гетману и неблагодарность послѣдняго. Вслѣдъ за тѣмъ сорвали съ куклы андреевскую ленту, палачъ зацѣпилъ куклу веревкою и повѣсилъ на висѣлицѣ [2]). Такая казнь надъ отсутствующимъ врагомъ была въ духѣ того времени. Почти около того же времени, по поводу политической вражды между Франціей и Англіей, во Франціи подобнымъ способомъ творили поруганіе надъ изображеніемъ англійскаго короля Вильгельма III, а въ Лондонѣ надъ изображеніемъ Людовика XIV.

[1]) *Ригельманъ,* ч. III, стр. 150.

[2]) *Nordberg,* франц. пер., стр. 251.

Въ-вечеру 5-го числа полковники, призванные одинъ по одному къ Долгорукову, объявили, что во всемъ будутъ поступать по произволенію царскому.

Рада совершилась 6-го ноября. Послѣ литургіи и молебна въ церкви Св. Троицы, всѣ вышли на улицу, гдѣ уже стояла толпа козаковъ и посполитыхъ. Князь Григорій Ѳедоровичъ проговорилъ къ нимъ вступительную рѣчь, а посольскій дьякъ Родостамовъ, взошедши на столъ, прочиталъ съ этого возвышенія царскую грамоту.

«Теперь,—сказалъ князь Долгорукій, — по древнему вашему обыкновенію пусть все войско малороссійское и народъ, съѣхавшійся на избраніе гетмана, подаютъ голоса, кому быть гетманомъ».

Онъ отошелъ. Должно было произойти совѣщаніе. Но все уже было рѣшено заранѣе.

«Быть гетманомъ стародубскому полковнику Ивану Ильичу Скоропадскому! — провозгласили начальные люди, — понеже онъ человѣкъ есть царскому величеству вѣрный и въ войскѣ малороссійскомъ заслуженный и въ дѣлахъ искусный».

— Я старъ,—отвѣчалъ Скоропадскій.—Я не могу снести такого тягостнаго уряда. Гетманомъ быть слѣдуетъ человѣку молодому и заслуженному. Изберите черниговскаго полковника Полуботка.

Большинство козаковъ дѣйствительно расположено было тогда избрать Полуботка. Его всѣ любили. Полуботокъ притомъ былъ всегда вѣренъ царю, не приставалъ къ замыслу Мазепы, да и самъ Мазепа не рѣшился бы открывать ему своего замысла: прежнія отношенія гетмана къ нему, а еще болѣе къ его родителю Леонтію, никакъ не могли подготовить въ немъ друга Мазепѣ. Но царь, заранѣе предувѣдомленный, что найдутся желающіе избрать въ гетманы Павла Полуботка, уже заявилъ, что его не желаетъ. Старшины, зная это, предупредили дальнѣйшіе толки, еще разъ провозгласили имя Скоропадскаго, схватили его подъ руки и поставили на столъ, съ котораго передъ тѣмъ посольскій дьякъ читалъ царскую грамоту. Скоропадскій еще разъ кланялся, говорилъ, что недостоинъ такой чести. «Нѣтъ, нѣтъ,— кричали старшины,—ты достоинъ! Ты—старый и вѣрный слуга царскаго пресвѣтлаго величества». Затѣмъ всѣ ему кланялись и поздравляли съ возведеніемъ въ гетманское достоинство.

Тогда князь Долгорукій, по принятому уже прежде обычаю, вручилъ новоизбранному гетману одинъ за другимъ клейноты:

бунчукъ, знамя, булаву, царскую грамоту и печать малороссійскаго края, сдѣланную по образцу печати, употреблявшейся прежними гетманами. По окончаніи этого обряда всѣ пошли въ церковь. Тамъ послѣ ектеніи, въ которой за именемъ царя помянули имя новаго гетмана, Скоропадскій присягалъ по присяжному листу, выданному изъ Посольскаго Приказа. Въ этой присягѣ, кромѣ обычнаго обѣщанія вѣрности, гетманъ обязывался не водить пересылки и сообщенія съ царскими непріятелями, особливо съ бывшимъ гетманомъ Мазепою, и доносить царю о всякой шатости и склонности къ сношеніямъ съ непріятелями въ малороссійскомъ народѣ. Произнесеніемъ присяги руководилъ глуховскій протопопъ Борзаковскій. Полковники съ своими полковыми старшинами стояли тутъ же, но сами присягнули уже послѣ, 9-го ноября, когда къ нимъ присоединился пріѣхавшій на избирательную раду наказной лубенскій полковникъ Василій Савичъ съ своими полковыми старшинами [8]).

Во время рады царь находился въ помѣщеніи Меншикова. Съ царемъ были: фельдмаршалъ Шереметевъ и канцлеръ Головкинъ. Новоизбранный гетманъ съ полковниками и полковыми старшинами явился къ царю на поклонъ. Царь поздравилъ его, а за царемъ поздравили и вельможи. Гетманъ отправился отъ царя съ почетомъ, въ каретѣ, запряженной шестью лошадьми, въ сопровожденіи князя Долгорукаго. Въ тотъ день былъ у гетмана обѣдъ и къ столу его приглашены были полковники и полковые старшины. Цѣлый день происходила стрѣльба, а народу разбрасывались отъ новоизбраннаго гетмана деньги въ бумажныхъ свертках отъ семи алтынъ до гривны въ каждомъ сверткѣ. Едва уѣхалъ отъ царя новоизбранный гетманъ, какъ явился пріѣхавшій на избраніе черниговскій архіепископъ Іоаннъ Максимовичъ, поднесъ государю образъ Пресвятой Богородицы Черниговской и былъ со всѣми своими духовными допущенъ къ рукѣ государевой, а потомъ отправился къ себѣ на подворье.

Царь, ближніе вельможи и походная канцелярія оставались въ Глуховѣ нѣсколько дней. 11-го ноября пріѣхали туда съ своимъ духовенствомъ кіевскій митрополитъ Іоасафъ Кроковскій и переяславскій епископъ Захарія Корниловичъ. 12-го ноября въ той же Троицкой церкви, гдѣ происходила присяга гетмана, послѣ литургіи, въ присутствіи царя, вельможъ и малороссійскихъ чи-

---

[8]) Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 181—182.

новъ, служился молебенъ, а послѣ молебна духовными властями провозглашена была анаѳема и вѣчное проклятіе вору и измѣннику Мазепѣ. Новгородсѣверскій протопопъ Аѳанасій Заруцкій говорилъ проповѣдь, въ которой пространно вспоминалъ прежде бывшихъ измѣнниковъ и оправдывалъ проклятіе, наложенное на Мазепу [4]). Малороссійскіе архіереи, черниговскій и переяславскій, издали отъ себя пастырское посланіе къ народу о преданіи Мазепы проклятію и увѣщевали повиноваться новоизбранному гетману Скоропадскому [5]). Въ тотъ же самый день, по заранѣе сообщенному царскому распоряженію, въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, послѣ литургіи, въ присутствіи царевича Алексѣя Петровича и царскихъ вельможъ, духовныя власти произнесли анаѳему надъ Мазепою. Митрополитъ рязанскій, блюститель патріаршаго престола, Стефанъ Яворскій произнесъ поученіе, сообразное настоящему событію, помянулъ съ похвалою прежнія доблести и добродѣтели Мазепы, потомъ порицалъ его измѣну и, заканчивая свою рѣчь, сказалъ: «Намъ, собраннымъ во имя Господа Бога Іисуса Христа и святыхъ апостоловъ, дано отъ самого Бога вязати и рѣшити, и аще что свяжемъ на земли, будетъ связано и на небеси! Измѣнникъ Иванъ Мазепа, за клятвопреступленіе и за измѣну великому государю, анаѳема!» Онъ провозгласилъ эти слова три раза. Всѣ остальные архіереи за нимъ возгласили трижды: «анаѳема, анаѳема, анаѳема, буди проклятъ» [6]).

Во время пребыванія своего въ Глуховѣ, царь издалъ два манифеста къ малороссійскому народу. Въ одномъ, отъ 9 ноября, онъ увѣщевалъ всѣхъ малороссіянъ не вѣрить «прелестнымъ» универсаламъ враговъ, старающихся увѣрить народъ, будто московская власть нарушаетъ права и вольности. «Можемъ непостыдно сказать, что нѣтъ ни одного народа подъ солнцемъ, который бы похвалился такою свободою и льготами, какъ малороссійскій, такъ какъ во всемъ малороссійскомъ краѣ мы не беремъ ни единаго пенязя въ казну». Объявлялась денежная награда за каждаго пойманнаго и приведеннаго шведскаго плѣнника, сообразно чину его: за генерала 2.000 рублей, за полковника—тысячу, за прочихъ офицеровъ менѣе по ихъ чинамъ, а за рядоваго по пяти рублей; за убіеніе же каждаго непріятельскаго воина по три рубля. Подъ страхомъ смертной казни запрещалось

---

[4]) Ibid., стр. 181.
[5]) Ibid., стр. 183.—Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 76.
[6]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 77.

привозить непріятелю на продажу всякіе припасы. Царь убѣждалъ народъ изъ селъ и деревень скрывать свои семьи и пожитки. Списки съ этого манифеста приказано прибить по городскимъ ратушамъ и по приходскимъ церквамъ и сверхъ того прочитывать ихъ народу [7]). Другимъ манифестомъ, отъ 10 ноября, царь убѣждалъ всѣхъ тѣхъ, которые «измѣною вора Мазепы заведены были въ непріятельскія руки», отлучиться отъ него и вернуться къ вѣрной службѣ своего государя. Объявлялось прощеніе тѣмъ, которые знали о зломъ намѣреніи Мазепы, «но не доносили, опасаясь его власти, и потому были съ нимъ въ согласіи». Имъ давался срока одинъ мѣсяцъ со дня 10-го ноября. Если въ теченіе этого срока они явятся, то имъ обѣщалось сохраненіе чиновъ и маетностей ихъ безъ всякаго умаленія, въ противномъ случаѣ они будутъ объявлены царскими измѣнниками, лишатся чиновъ, урядовъ и маетностей, которыя отдадутся другимъ лицамъ, вѣрнымъ государю, жены и дѣти измѣнниковъ будутъ посланы въ ссылку, а всякій изъ такихъ измѣнниковъ, когда будетъ пойманъ, подвергнется смертной казни [8]).

Пребывая въ Глуховѣ, царь оказалъ милости тѣмъ, которые показали свою вѣрность во время измѣны Мазепы. 14 ноября наказные полковники получили званіе настоящихъ и жалованныя грамоты на разныя села и маетности; Ивану Носу, получившему Прилуцкое полковничество, дана похвальная грамота за содѣйствіе при взятіи Батурина. Щедрѣе всѣхъ былъ тогда надѣленъ черниговскій полковникъ Полуботокъ: ему пожалованы маетности шурина его, бывшаго гадяцкаго полковника Михайла Василéвича *), котораго когда-то такъ настойчиво преслѣдовалъ Мазепа, и кромѣ того богатыя маетности въ Черниговскомъ полку **), — все это за вѣрность къ царю, какъ выражено въ жалованной грамотѣ [9]).

Переправившись черезъ Десну, шведы сразу увидали, что народъ не расположенъ принимать ихъ какъ своихъ избавителей; напротивъ, всѣ сельскіе жители разбѣгались при появленіи незванныхъ гостей. Исключеніе было, неизвѣстно почему, въ одной

---

[7]) Ibid., № 72.—Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 187 и 193.

[8]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., №№ 68, 69, 74. — Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 185—186.

*) Михайловская, Коровинцы.

**) Мѣстечко Любечь съ перевозами на Днѣпрѣ лоевскимъ и любецкимъ, села: Кувѣчичи, Выблое, Жабчичи, Новые Млины, Новые и Старые Боровичи, Орловку, Кизилевку, Оболонное съ мельницами, покосами и всякими угодьями.

[9]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 83.

Атюшѣ *), гдѣ ихъ встрѣтили съ хлѣбомъ-солью. 12 ноября переправились шведы черезъ Сеймъ близъ Батурина. Страшное зрѣлище представила имъ тогда гетманская резиденція, гдѣ Мазепа еще недавно надѣялся принимать своихъ союзниковъ и благодѣтелей. Все превратилось въ безобразную кучу угля и щебня; воздухъ былъ испорченъ испареніями отъ гніющихъ и полуобгорѣлыхъ человѣческихъ и скотскихъ труповъ, такъ что отъ смрада дышать было невозможно. Король остановился на нѣсколько дней въ Городищѣ **). На Мазепу видъ Батурина произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Онъ сталъ жалѣть, что ударился въ такой замыселъ, который, какъ ему теперь стало казаться, не будетъ имѣть успѣха. «О, злые и несчастные наши початки!—говорилъ онъ своему писарю.—Вижу, что Богъ не благословилъ мое намѣреніе! Но Богъ мнѣ свидѣтель, не желалъ я христіанскаго кровопролитія, а замышлялъ такъ: прибуду въ Батуринъ съ королемъ шведскимъ и оттуда напишу къ царскому величеству благодарственное письмо за его протекцію, да въ немъ же пропишу всѣ наши прежнія и теперешнія обиды, отнятіе правъ и вольностей, крайнее разореніе и приготовленную пагубу всему нашему народу, а наконецъ приложу, что мы, какъ добровольно ради единаго восточнаго православія отдались подъ царскую руку, такъ и теперь, будучи свободнымъ народомъ, добровольно отходимъ, благодарствуемъ царскому величеству за протекцію, не хотимъ рукъ нашихъ простирать на кровопролитіе и будемъ ожидать подъ протекціею шведскаго короля совершеннаго нашего освобожденія. Я надѣялся получить свободу не войною, а миромъ, черезъ трактатъ; я думалъ всякими способами склонить шведскаго короля къ такому миру съ царскимъ величествомъ. Но теперь все пойдетъ иначе: Украина, устрашенная судьбою Батурина, будетъ бояться держаться съ нами за одно» [10]). Конечно, не одно разореніе Батурина растревожило Мазепу: онъ слышалъ отовсюду—и ему самому въ значительной степени стало ясно, что народъ не туда обращается, куда онъ думалъ обратить его. Даже и между единомышленниками, приставшими разомъ съ нимъ къ шведамъ, онъ сталъ замѣчать колебаніе, особенно послѣ манифеста Петра, гдѣ царь обѣщалъ прощеніе и сохраненіе чиновъ и маетностей всѣмъ тѣмъ, кто захочетъ обратиться отъ непрія-

*) Село Атюша, Кролевецкаго уѣзда, въ 30 верстахъ отъ Кролевца.
**) Село Конотоп. уѣзда, при р. Дочи, въ 28 верстахъ отъ Конотопа.
[10]) Письмо Орлика.

теля къ законному государю. Это побудило Мазепу пригласить всѣхъ ихъ въ свою Поросючку подъ Бахмачемъ, гдѣ уцѣлѣлъ его дворецъ отъ разоренія, постигшаго Гончаровку подъ Батуриномъ. Тамъ Мазепа устроилъ съ ними совѣтъ и взаимную присягу на Евангеліи. Мазепа клялся, что не ради своихъ «приватныхъ выгодъ», а въ виду добра отчизны—Украины и всего Войска Запорожскаго, онъ принялъ протекцію шведскаго короля. Бывшіе тогда съ нимъ старшины, полковники, сотники и знатные войсковые товарищи присягнули оставаться вѣрными гетману и надѣяться на протекцію шведскаго короля. Съ ихъ совѣта Мазепа разослалъ по разнымъ сторонамъ универсалы, гдѣ излагалъ причины, побудившія его отступить отъ царя и искать покровительства шведскаго короля [11]). Причины къ такому поступку намъ извѣстны по опроверженіямъ, написаннымъ противъ нихъ въ универсалѣ Скоропадскаго отъ 8 декабря [12]). Мазепа писалъ, что Москва, издавна ненавистная малороссійскому народу, постоянно замышляла приводить его къ погибели, а въ послѣднее время хотѣла, опустошивши города, села, выгонять малороссіянъ на селитьбу въ Московщину *): благопріятели, бывшіе при царскомъ дворѣ, предостерегли гетмана о такихъ намѣреніяхъ, иначе его взяли бы въ неволю со всѣми генеральными старшинами, козаковъ обратили бы въ драгуны, все поспольство перевели за Волгу, а малороссійскій край заселили бы своими великороссійскими людьми. Мазепа выставлялъ вступленіе въ Украину Меншикова и Голицына дурнымъ замысломъ надъ малороссіянами, хотя всѣмъ генеральнымъ старшинамъ и полковникамъ хорошо было извѣстно, что такое вступленіе великороссійскихъ войскъ совершилось по его же ходатайству, для предотвращенія бунтовъ, о которыхъ онъ доносилъ правительству ложно, какъ выражается въ своемъ универсалѣ Скоропадскій. Въ добавокъ, въ числѣ причинъ приводилъ Мазепа и то, что шведы одерживали успѣхи надъ царскими войсками, а послѣдніе бѣжали **). Собственно говоря, это послѣднее, т. е. вѣра въ могущество шведскаго короля и

---

[11]) Ibid.

[12]) Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 197—205.—Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 108.

*) ...Москва хочетъ городы знищивши, его всю старшину енералную и полковниковъ въ неволю запровадити, козаковъ въ драгуны и солдаты устроити, народъ зась посполитый въ Московщину альбо за Волгу загоняти, а нашъ край великороссійскими людьми осадити.

**) ...же войска московскіе не военные и отъ шведа утѣкаючіи.

въ слабость московской державы предъ побѣдоноснымъ сѣвернымъ героемъ, и было настоящею и единственною причиною измѣны: Мазепа привыкъ всю жизнь соразмѣрять свои поступки съ тѣмъ, что казалось ему выгодно въ данную минуту, и здѣсь остался вѣренъ самому себѣ. Не трудно было Скоропадскому опровергнуть обвиненія противъ царя и великороссіянъ вообще: самые близкіе къ Мазепѣ люди не вѣрили въ правдивость того, что онъ тогда выдумывалъ *).

Не ограничиваясь общими универсалами, разсылаемыми чрезъ своихъ агентовъ повсюду, Мазепа посылалъ и особыя письма къ начальствующимъ лицамъ. Полковникъ полтавскій Левенецъ, котораго долго подозрѣвали въ склонности къ замысламъ Мазепы, отвѣчая канцлеру Головкину на его приглашеніе прибыть въ Глуховъ, препроводилъ къ нему Мазепины письма, но не успѣлъ схватить того, кто ихъ привозилъ **). Въ письмѣ, посланномъ къ запорожцамъ, Мазепа увѣрялъ, что передался шведскому королю ради защиты Украины отъ московской тиранніи ***), и убѣждалъ запорожцевъ пристать къ нему и постараться искоренить построенные близъ Сѣчи московскіе городки ****).

Нѣжинъ находился во власти великорусскаго войска; крѣпость нѣжинская была пунктомъ власти царской надъ окрестнымъ краемъ и Головкинъ туда велѣлъ отправить жену Мазепина управителя Быстрицкаго, схваченную на дорогѣ [18]). Нѣ-

*) ...а что онъ Мазепа въ тѣхъ же своихъ унѣверсалахъ велѣлъ приложить, будто онъ отъ зычливыхъ собѣ отъ министровъ царскаго величества пріятелей мѣлъ перестроги, то я вашей святынѣ подъ клятвою душевною объявляю, что жаденъ зъ министровъ, ани о измѣнѣ Мазепы не вѣдалъ, ани его ни въ чомъ не перестерегалъ (Письмо Орлика).

**) ... заразъ пославемъ по всѣхъ сотниковъ полку моего и тѣ якъ прибудуть и я з ними в дорогу выберусь. А же сими днями зъ Сѣчи Запорожской прибувши посланецъ гетмана бывшого измѣнника Мазепы з листами подалъ мнѣ оные до рукъ, а самъ удалился до господы, по якого кгды пославемъ, хотячи его взяти до вязеня, але вже его не знайшли, утеклъ; листы оные посылаю не вѣдаючи що въ нихъ написано (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 68. Письмо Левенца отъ 10 ноября).

***)... ради защиты отъ Москвы, которая добрами въ городахъ украинскихъ своихъ людей осадити желаетъ, а нашимъ людямъ чиня не малыя кривды и здирства и знущенія, пожаковати и зрабовати и въ Московщину загнати в вѣчное тяжкое неключимое мучителство тщится (Арх. Ин. Дѣлъ 1078 года, № 91).

****) ... абы для обороны отчизны забиралися къ намъ постаравшися искоренити по близу будучіе Каменный Затонъ и Самарскіе городки (Ibid.).

[18]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 68.

жинскій полковникъ Жураховскій былъ на царской сторонѣ. Желая удержать за собою Нѣжинскій полкъ, Мазепа писалъ къ веркѣевскому *) сотнику, побуждая его и козаковъ не слушаться московскихъ указовъ и обѣщая скорую помощь отъ шведовъ **).

И полковники, шедшіе съ шведскимъ войскомъ, разсылали отъ себя универсалы, возбуждая къ принятію Мазепина замысла. Такъ, миргородскій полковникъ Апостолъ 16 ноября изъ Краснаго-Колядина ***) писалъ къ своего полка обозному Онисимовичу, извѣщалъ, что шведскія войска разставляются отъ Борзны до Ромна, самъ король будетъ имѣть пребываніе въ Ромнѣ, а обозный съ полковымъ судьею и со всѣми сотниками долженъ спѣшить на поклонъ къ гетману; тѣхъ же, которые будутъ шататься съ грамотами царя и новаго гетмана Скоропадскаго, велѣно ловить и приводить въ шведскій станъ ****).

---

*) Веркѣевка — большое мѣстечко Нѣжинскаго уѣзда, въ 12 вер. отъ Нѣжина, на почтовой дорогѣ въ Черниговъ.

**) Ознаймуемъ ижъ головный всѣмъ намъ ворогъ Москва въ Нѣжинѣ зостаючися повелѣваетъ вамъ своимъ указомъ и примушаетъ цѣле чтобъ есте ишли въ осаду до фортецы нѣжинской за чимъ предостерегаемъ васъ, а оразъ пилно и приказуемъ абысьте жадныхъ московскихъ указовъ не слухали и на прелести ихъ не склонялися и в осаду помянутой фортецы не ишли, же бысте в оной з головами и з худобами не пропали; кгды жъ мы вскорѣ при помощи божіей и при помощи его милости короля шведского з данными намъ от его милости войсками не тилько около той нѣжинской фортеціи лечъ и около всѣхъ будучихъ в Малороссіи фортецъ московскихъ промыселъ чинити хочемъ. А вѣдаете вы всѣ тое, же и Москва, зостаючися въ Нѣжинѣ, войскомъ не можетъ дати отсѣчь, понеже и сами къ своимъ границамъ отъ войскъ тихъ уступаютъ, оставивши насъ и нашу Малую Россію безоборонною и безпомощною. И тое всѣмъ вамъ явно есть же тая нѣжинская фортеца московская цѣлому полку Нѣжинскому тяжкая на сердцѣ болячка. А такъ повторе предостерегаемъ и напомѣнаемъ васъ абы сте жаднымъ московскимъ указамъ не повиновалися и в осаду в нѣжинской фортецѣ не сходилися, лечь по прежнему на своихъ осѣдлостяхъ мѣшкаючи были певни цѣлости. Региментарскимъ словомъ и христіанскою совѣстію обнадежую (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 83).

***) Нынѣ село Конотопскаго уѣзда, въ 29 вер. отъ Конотопа, при рѣкѣ Зарукавной.

****) ... войска шведскіе почавши отъ Борзны всюды по городамъ и селамъ для защиты отчизны нашеи отъ наступленія московского ажъ до самого Ромна постановлены на станціяхъ, да и около Ромна въ полку Лубенскомъ стоятимуть; самъ зась король его милость зъ добродіемъ его милостію паномъ ґетманомъ въ Ромнѣ свою станцію имѣтимуть; завтрешняго дне цѣле 16 числа прибыти сподѣваемся з оттолъ не бавлячись скоро к Гадячу ясневельможный панъ добродій съ 10.000 шведовъ поспѣшати будетъ. За чимъ многократне о неповѣреню жаднымъ плѣткамъ вашимъ милостямъ листовне упоминалисьмо, такъ и теперъ упоминаемъ и пилно прекладаемъ абы сте прослухуючи о поворотѣ рейментара где обрѣтатимется и якъ скоро его милость до Гадяча

16 ноября шведскій король выступилъ изъ Городищъ на Голенки, откуда послалъ генерала Лимрота къ шедшимъ позади своимъ войскамъ, но козаки напали на него на дорогѣ и убили, въ добавокъ поиздѣвавшись надъ нимъ и надъ сопровождавшими его шведами, такъ что одинъ только шведскій воинъ, самъ раненый смертельно, былъ въ состояніи сообщить королю объ этомъ вѣсть [14]). Это было, такъ-сказать, первое заявленіе тѣхъ чувствованій, съ какими готовились малороссіяне принимать своихъ освободителей шведовъ.

17 ноября король былъ въ Дмитровкѣ *), а 18 въ Ромнѣ **).

На другой день, 19 ноября, Мазепа отправился къ Гадячу съ отрядомъ шведовъ подъ командой полковника Дальдорфа. Они овладѣли городомъ безпрепятственно. Мазепа оставилъ при Дальдорфѣ часть своихъ козаковъ, сдѣлалъ нѣкоторыя необходимыя распоряженія объ укрѣпленіи городка и отправился снова въ Роменъ, чтобы находиться при королѣ.

Шведская армія расположилась отъ Ромна и Гадяча до Лохвицы и Прилукъ на разстояніи десяти и двѣнадцати миль вокругъ. Край этотъ былъ довольно заселенъ, селъ и хуторовъ было много и въ началѣ все обѣщало шведамъ большое изобиліе; только малороссіяне, на первыхъ же порахъ, стали относиться къ нимъ такъ, что шведы начали сомнѣваться, едва ли въ этомъ краѣ будутъ они желанными гостьми. Такъ, въ городкѣ Смѣломъ ***) жители ни за что не хотѣли впустить шведовъ, которымъ отводились тамъ квартиры, и въ виду ихъ впустили отрядъ русскаго войска генерала Рена. Послѣ сраженія, которое было довольно кровопролитно и два шведскихъ полка потерпѣли пораженіе, Ренъ скоро удалился, а король послалъ сжечь Смѣлое [15]). Русскія войска расположены были на рубежѣ Гетманщины и Слободской Украины. Царь былъ въ Лебединѣ,

---

прибудетъ, такъ заразъ ваша милость з паномъ судьею и з панами сотниками для отданя поклону ясневельможному добродіеви пану гетману туды до Гадяча ѣдте, а если бы якіе мѣли з грамотою государскою и новаго гетмана Скоропадскаго пресмыкатися, тоды таковыхъ ловѣте и до насъ ихъ пришлѣте (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 84).

[14]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 162.

*) Нынѣ село Конотопскаго уѣзда при рѣкѣ Ромнѣ, въ 44 вер. отъ Конотопа, на Либаво-Роменской жел. дорогѣ.

**) Роменъ, иначе Ромны, городъ Полтавской губ.

***) Нынѣ большое мѣстечко Роменскаго уѣзда, при рѣкѣ Бышкинѣ, въ 25 вер. отъ Ромна.

[15]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 166 и 167.

Меншиковъ въ Хоружевкѣ *). Въ срединѣ Гетманщины остава-лось два отряда царскихъ войскъ: одинъ—въ Миргородѣ, другой—въ Нѣжинѣ.

Король распускалъ по Украинѣ свои универсалы, въ кото-рыхъ увѣрялъ, что пришелъ избавить малороссіянъ отъ москов-скаго владычества**), и убѣждалъ народъ повиноваться гетману Мазепѣ, такъ какъ онъ вступилъ въ союзъ со шведами не по легкомыслію и не ради собственной корысти, а изъ желанія осво-бодить свое отечество, и притомъ по настоятельному прошенію и желанію первенствующихъ въ народѣ лицъ ***). Такой универ-салъ, составленный въ подлинникѣ по-латыни Гермелиномъ и переведенный по-малорусски какимъ - нибудь мазепинцемъ (вѣ-роятно, Орликомъ), повторялся дважды и возбудилъ съ противной стороны царскій манифестъ, въ которомъ опровергались об-виненія, взводимыя царскимъ соперникомъ [16]). Такъ, между двумя воюющими сторонами возникла въ нѣкоторомъ родѣ полемика ма-нифестами, обращенными къ малороссійскому народу. И та и другая сторона хотѣла оправдать себя передъ этимъ народомъ и взвалить вины на противную сторону. Но, по признанію са-михъ шведовъ, универсалы Карла и Мазепы со всѣми увѣре-ніями въ желаніи возстановить права и вольности народныя, по-пранныя московскою властію, дѣйствовали на малороссійскій на-родъ менѣе, чѣмъ царскіе манифесты и универсалы гетмана Скоропадскаго [17]), потому что послѣдніе лучше съумѣли подѣй-ствовать на духъ народа, особенно увѣривши народъ, что въ дѣлахъ, найденныхъ у Мазепы во дворцѣ послѣ взятія Бату-рина, оказался договоръ бывшаго гетмана со Станиславомъ, по которому гетманъ отдавалъ Украину Польшѣ. Только тотчасъ з

---

*) Нынѣ село Роменскаго уѣзда, при рѣкѣ Гусѣ, въ 35 вер. отъ Ромна.

**) ... постановилисмо не токмо все насилство отъ тыхъ воздержати, кото-рыи споковнѣ противъ насъ и войскъ нашихъ будутъ поступовати, лечъ гет-мана, Войско Запорожское и весь народъ малороссійскій въ оборону наш принята, яко тежъ публичнымъ симъ универсаломъ же прнянялисмо оглашаем зъ тымъ намѣреніемъ яко его и ихъ отъ неправого и непріязненного моско-ского панованя при помощи божіей боронити хочемъ и поты охраняти и за-щищати обѣщаемъ, покы утѣсненый народъ низвергши иго московское д давныхъ своихъ не прійдетъ волностей (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 114.—Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 206—212).

***) ... уставичнымъ прошеніемъ и побудкою первенствующихъ въ народ семъ, которыи набожною купно присягою вѣрность свою обовязали... (ibid

[16]) Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 215—221.

[17]) *Adlerfeld*, нѣм. перев., ч. III, стр. 168.

прибытіемъ Мазепы съ королемъ въ Ромепъ явились къ бывшему гетману по его зову сотники: лохвицкій, лукомскій, чигиринъ-дубровскій, пирятинскій, чернукскій и сѣнецкій—и Мазепа приказалъ имъ собрать на шведовъ съ Лубенскаго полка провіанта 24.000 воловъ, 40.000 свиней, 60.000 «осмачекъ» ржаной и 40.000 «осмачекъ» пшеничной муки. Но собрать этого было невозможно, потому что народъ бѣжалъ, а шведы, не дожидаясь что имъ дадутъ, сами стали по-непріятельски брать себѣ все, въ чемъ нуждались, и тѣмъ еще болѣе озлобляли противъ себя малороссіянъ. Лохвицкій сотникъ Яковъ Еременко, по приказанію шведскаго генерала Мейерфельда, стоявшаго въ Лохвицѣ съ четырьмя тысячами шведовъ, поѣхалъ для сбора запасовъ въ Сѣнчи *), а тамошній атаманъ препроводилъ его въ Сорочинцы **) къ русскому генералу Волконскому, который отправилъ сотника въ Лебединъ въ главную квартиру на расправу [18]). Не многіе, однако, сотники подъ гнетомъ шведскихъ войскъ заявляли готовность повиноваться Мезепѣ; многіе сотники съ перваго раза отвергли его требованія, какъ, напримѣръ, въ Опошнѣ, Грунѣ, Котельвѣ, и за то получили отъ Головкина похвалу за свою вѣрность [19]). Полтавскій полковникъ остался вѣренъ царю, хотя на него, какъ уже было выше сказано, и бросалось подозрѣніе. Сосѣдъ его по полку, ахтырскій полковникъ Осиповъ, уже признанный вѣрнымъ человѣкомъ еще по Кочубеевскому дѣлу, писалъ Головкину, что полтавскій полковникъ Левенецъ не хочетъ повиноваться царской волѣ, не ѣдетъ въ Глуховъ и даже приказываетъ молиться въ церквахъ не за царя, а за шведскаго короля ***).

Однако, хотя Левенецъ и не поѣхалъ въ Глуховъ по зову Головкина, но ему за то не было преслѣдованія, такъ какъ онъ отговорился необходимостію находиться въ Полтавѣ, въ виду

---

*) Нынѣ Сенча, мѣстечко Лохвицкаго уѣзда, при р. Сулицѣ.

**) Большое мѣстечко Миргородскаго уѣзда, при р. Пслѣ, въ 24 верстахъ отъ Миргорода.

[18]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 54.

[19]) Ibid, № 93.

***) Полтава издавна нестатечная и теперъ з неи добра не сподѣватися. Сими недавными часы полковникъ збиралъ къ собѣ старшину, радились, чили ѣхати въ Глуховъ, и такъ полковникъ, чинячись болнымъ, самъ не поѣхалъ, а старшины хоть якъ чулемъ и хотѣли ѣхать, возбранилъ и повѣдалъ правѣ: кто къ намъ будетъ скорѣе, того мѣтимемо за пана. И такъ то есть: бо тамъ знайдуються Мазепины и Орликовы пріятели, а Чуйкевичовъ рожоный братъ полковый писарь всему голова (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 101).

опасности отъ шведовъ, и добровольно, по приказанію генерала Волконскаго, впустилъ военныхъ великороссійскихъ людей въ Полтаву [20]), а вслѣдъ затѣмъ возбуждалъ универсалами свой полкъ служить вѣрно царю и самъ привезъ въ Харьковъ заложниками своей вѣрности семью свою, отдавши своихъ сыновей въ тамошнее училище [21]). Самые запорожцы, впослѣдствіи горячо предавшіеся Мазепѣ, на первыхъ порахъ не довѣрялись его подущеніямъ и допрашивались отъ него, какую судьбу готовитъ имъ гетманъ, отводя ихъ отъ русскаго царя [*]). Правобережная Украина еще хуже отнеслась къ гетману. Бѣлоцерковскій полковникъ Михайло Омельченко, несмотря на то, что Мазепа прежде ему покровительствовалъ, заявлялъ царю, что на правой сторонѣ Днѣпра всѣ козаки вѣрны законнымъ властямъ и ненавидятъ имя Мазепы, тѣмъ паче, что Мазепа въ этой сторонѣ обращалъ козаковъ въ мужиковъ и заставлялъ ихъ исполнять разныя панщины [22]). Въ Чигиринѣ, въ Корсуни, въ Богуславѣ жители похватали Мазепиныхъ агентовъ, пріѣзжавшихъ туда съ возмутительными посланіями, и доставили ихъ въ Кіевъ. Тогда въ бѣлоцерковской крѣпости была забрана казна, которую туда заранѣе отправилъ для храненія Мазепа; другую не малую казну, принадлежавшую Мазепѣ, взялъ князь Голицынъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ [23]). Царь издалъ манифестъ, которымъ повелѣвалъ отыскивать повсюду пожитки Мазепы и всѣмъ объявлять, гдѣ найдется что-либо принадлежавшее измѣннику: половина указаннаго обѣщалась указателю, «понеже измѣнникъ раздаетъ свои пожитки единомышленникамъ для возмущенія народа» [24]).

Мужики, возбуждаемые универсалами гетмана Скоропадскаго, стали составлять шайки и нападать на шведовъ; «и мы,—замѣчаетъ Адлерфельдъ,—неожиданно очутились въ необходимости постоянно драться, какъ съ непріятелями, съ жителями того края, куда мы вошли. Это сильно огорчало старика Мазепу, который пришелъ въ неописанную скорбь, когда услышалъ, что

---

[20]) Ibid., № 94.

[21]) Госуд. Арх. Письма Меншикова.

[*]) ... хочемъ знати отдалившися отъ царя московского, подъ кимъ будемъ жити и кого себѣ за зверхнѣйшого пана мѣти (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 91).

[22]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 108.

[23]) *Ригельманъ*, ч. III, стр. 56.

[24]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 109.

русскіе овладѣли въ Бѣлой Церкви его сокровищами, а онъ на нихъ возлагалъ надежды» [25]).

Изъ перешедшихъ уже на сторону шведовъ и находившихся въ станѣ шведскаго короля малороссіянъ стали являться охотники воспользоваться обѣщаніями прощенія и милости со стороны царя. 21 ноября изъ шведскаго стана ушли миргородскій полковникъ Апостолъ и генеральный хоружій Иванъ Сулима. За ними послѣдовали нѣкоторыя другія лица, увлеченныя прежде надеждою на шведскаго короля. Адлерфельдъ говоритъ, что Мазепа приказалъ привезти ихъ семьи въ Роменъ и это было поводомъ къ побѣгу [26]). Но по нѣкоторымъ даннымъ оказывается, что они ушли съ тайнаго вѣдома самого Мазепы, который, уже разувѣрившись въ силѣ своего союзника, подумывалъ, какъ бы улизнуть отъ него и найти средства примириться съ царемъ. Онъ видѣлъ ясно, что обманулся въ разсчетѣ и нѣтъ возможности привлечь къ своему замыслу малороссійскій народъ. 21-го ноября Апостолъ пріѣхалъ въ свою маетность Сорочинцы и тотчасъ написалъ къ Скоропадскому, просилъ ходатайствовать передъ царемъ о смягченіи царскаго гнѣва, увѣрялъ, что былъ завлеченъ Мазепою по собственному незнанію и долженъ былъ поневолѣ повиноваться ему, пока не предсталъ случай освободиться *).

Царь потребовалъ Апостола въ Лебединъ, допустилъ его лично къ себѣ, принялъ чрезвычайно ласково, объявилъ ему, что за нимъ остаются его прежній чинъ и маетности, и обѣщалъ на будущее время царскія милости. Тогда Апостолъ сообщилъ государю тайное предложеніе Мазепы. Государь принялъ эту вѣсть съ веселымъ тономъ, но замѣтилъ, что это сомнительно, такъ какъ Мазепа не прислалъ съ Апостоломъ ничего письменнаго;

---

[25]) *Adlerfeld*, нѣм. перев., ч. III, стр. 168.—*Голиковъ*: „Дѣянія Петра Великаго", т. III, стр. 51 и 52.

[26]) *Adlerfeld*, нѣм. перев., ч. III, стр. 166.

*) ... абы его царское величество не мѣлъ на мене вѣрного подданного гнѣву и не похотѣлъ карати, же при измѣннику царского величества бывшему гетману до тыхъ часъ обавилемся, понеже усиловне з онымъ затягненъ будучи, жаднымъ способомъ не моглемъ свободитися и той его змѣнѣ, которая явна намъ була сопротивитися. Албо самъ вельможность ваша естесь свѣдкомъ добре в якомъ мы оного рикгорѣ и суровости всѣ зоставали. Яко теды з детинныхъ лѣтъ моихъ вѣрне во всемъ его царскому величеству служилемъ, такъ и до згону жития мого тому жъ монарсѣ въ непремѣнной вѣрности обовязуюся подъ владѣнемъ благоразумнымъ региментарства вашего (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 90).

впрочемъ, царь предоставилъ Головкину разсмотрѣть это предложеніе Мазепы. Канцлеръ позвалъ къ себѣ миргородскаго полковника и прежде всего приказалъ ему самому отъ себя присягнуть въ вѣрности, потомъ подвергъ секретному допросу и объясненію. Апостолъ сообщилъ, что, бывши съ Мазепою, видѣлъ у него привилегію Станислава Лещинскаго, въ которой обѣщались Украинѣ по окончаніи войны всѣ тѣ вольности, какими славились Польская Корона и Великое Княжество Литовское; Мазепа показывалъ ему и письма, полученныя отъ великаго канцлера короннаго Яблоновскаго и Щуки подканцлера литовскаго, увѣряющія въ томъ, что привилегія Станислава будетъ утверждена сеймомъ, но ни съ привилегіи, ни съ писемъ Апостолъ не могъ составить списковъ *). Вмѣстѣ съ тѣмъ Апостолъ сообщилъ, что изъ Бахмача Мазепа посылалъ къ королю Станиславу какого-то Нахимовича съ письмами отъ себя и отъ шведскаго короля, просилъ поспѣшать въ Украину и обѣщалъ для его польскаго войска помѣщеніе въ трехъ полкахъ: Кіевскомъ, Нѣжинскомъ и Переяславскомъ. Онъ, Апостолъ, слышалъ, что у непріятеля такой планъ: король шведскій пойдетъ на Москву, но подлинно неизвѣстно, черезъ какіе города, а Станиславъ—на слободскіе полки. Наконецъ,—что важнѣе всего,—миргородскій полковникъ сообщилъ, что Мазепа обѣщаетъ предать въ руки царя шведскаго короля съ знатнѣйшими генералами, но просилъ непремѣнно, чтобы договоръ съ нимъ о его безопасности гарантировали иностранные дворы, имъ указанные. Головкинъ нѣсколько затруднился относительно вопроса о гарантіи, но Апостолъ сразу сказалъ, со словъ Мазепы, что безъ этого условія ничего быть не можетъ. Тогда Головкинъ объявилъ, что согласны будутъ и на гарантію, но все еще не показывалъ къ этому дѣлу полнаго довѣрія и не позволялъ Апостолу давать письменный отвѣтъ Мазепѣ.

Черезъ нѣсколько дней явился къ Апостолу съ письмами отъ Мазепы цирульникъ, служившій у Войнаровскаго, и тогда Апо-

*) ... абы всюды по всей Украинѣ тотъ привилій былъ читанъ, а сеймомъ дальнимъ, якій потребовати бы мѣла Украина по укончeню войны, на все позволити обѣщано. Въ листѣ помянутыхъ (пановъ) подякованe до его жъ Мазепы за одозвъ той, который онъ писалъ до кроля, поддаючи Украину подъ ихъ власть и всякихъ правъ и вольностей о що тилько мѣли бъ потребовати, Украина и все Войско Зап. нѣчого не отмовити обѣщано. Старалемся всякими способами жебы привиліе и листъ канцлера переписати собѣ, але не моглемъ того доказати наветъ якого часу и чрезъ кого тое принесено не показано и не освѣдчено (Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр 213).

столъ писалъ Мазепѣ,—впрочемъ, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ,—о принятіи его предложенія *). Спустя мало времени явился новый перебѣжчикъ изъ шведскаго стана, охотный полковникъ Игнатъ Кгалаганъ **), и принесъ отъ Мазепы повтореніе преж-

*) ... и хотя на всѣ кондиціи предложенные именемъ вашей ясновельможности соизволено отъ его царскаго величества, однако жъ о гарантіи не малая трудность являлась. Но какъ отъ меня предложено, что жадною мѣрою безъ того быть не можетъ, то и на то соизволено, только утвержено о исполненіи съ вашей стороны (ibid. Письмо Апостола къ Мазепѣ).

**) Любопытныя подробности появленія Кгалагана передъ царемъ изложены въ лѣтописномъ повѣствованіи Ригельмана, слышавшаго ихъ отъ самого Кгалагана, жившаго въ глубокой старости въ Прилукахъ въ 1745 году. Изъ нихъ мы узнаемъ, что Кгалаганъ, ушедши изъ шведскаго стана съ своими компанейцами, успѣлъ напасть на шведскихъ драбантовъ и привелъ къ царю ихъ плѣнными въ числѣ шестидесяти, какъ доказательство своей искренности. Подходя къ мѣсту, гдѣ онъ долженъ былъ представиться государю, Кгалаганъ сбросилъ съ себя саблю, а увидавши царя, упалъ на колѣни, просилъ прощенія и милости, отдавая себя и своихъ козаковъ въ волю государя. Петръ, посмотрѣвши на него пристально, сказалъ:

— Кгалаганъ, ты измѣнилъ мнѣ вмѣстѣ съ Мазепою?

— Нѣтъ, государь,—отвѣчалъ Кгалаганъ.

— Однако ты съ нимъ убѣжалъ?—возразилъ Петръ.

— Не бѣжалъ я съ нимъ,—сказалъ Кгалаганъ:—намъ было сказано, что по царскому указу ведутъ насъ противъ шведовъ: когда мы уже подошли близко къ шведамъ, Мазепа объявилъ намъ тогда, что предался королю съ тѣмъ, чтобъ отбыть отъ Россіи и оставаться вольнымъ отъ всѣхъ монарховъ народомъ подъ его, Мазепинымъ, правленіемъ. Нѣкоторые бывшіе тамъ козаки разбѣжались, но меня съ моимъ полкомъ, какъ и другихъ, Мазепа взялъ за собою. Уйти отъ силы непріятельской было невозможно, и я рѣшился отдаться на волю судьбы и дожидаться времени, когда можно будетъ освободиться. Король шведскій принялъ насъ всѣхъ ласково и милостиво и приказалъ помѣстить внутри лагеря. На третій день я упросилъ Мазепу исходатайствовать намъ дозволеніе, ради продовольствія лошадей, расположиться не въ шведскомъ станѣ, а особо. Король съ тѣхъ поръ посылалъ насъ на поиски и разъѣзды, обязавши присягою не подумать объ измѣнѣ ему. Но я хотя и обѣщалъ ему служить, а въ мысляхъ своихъ держалъ, что не ему, а своему государю обязанъ присягою прежде. И вотъ, когда мы стали совсѣмъ на свободѣ, мы отправились какъ будто на разъѣзды, нечаянно напали вотъ на этихъ шведскихъ драбантовъ, которые, не опасаясь насъ, какъ своихъ людей, были оплошны. Мы окружили ихъ, взяли со всею аммуниціею, поскакали въ путь свой и теперь отдаемъ ихъ и себя въ волю вашего царскаго величества. Дозвольте намъ, государь, быть такими же вѣрными слугами вашими, какими были мы прежде.

— Смотри, Кгалаганъ, не сдѣлай со мною такой штуки, какъ съ Карломъ!—сказалъ Петръ.

— Государь,—отвѣчалъ Кгалаганъ,—развѣ понесу къ нему свою голову за этихъ взятыхъ его драбантовъ? Вотъ вамъ, государь, эти шведы въ залогъ нашей вѣрности.

Петръ объявилъ Кгалагану прощеніе и приказалъ ему съ своими компанейцами дѣлать разъѣзды и ловить непріятельскихъ языковъ. Кгалагану такъ посчастливилось, что онъ поймалъ и привелъ въ главную царскую квартиру шведскихъ

нято предложенія. Тогда уже Головкинъ написалъ Мазепѣ, что государь изъявляетъ полное согласіе на его предложеніе съ тѣмъ, чтобъ онъ постарался «добыть главнѣйшую особу», или по крайней мѣрѣ другихъ знатныхъ особъ *).

Апостолъ былъ обдаренъ очень щедро. Ему, черезъ гетманскій универсалъ, не только возвратили всѣ прежнія маетности **), но придали еще новыя во вниманіе къ ущербу, понесенному отъ непріятельскаго вторженія ***). И Апостолъ, и его товарищи, возвратившіеся изъ шведскаго стана, подписались «на выборѣ» гетмана Скоропадскаго заурядъ съ участвовавшими при избраніи [27]).

курьеровъ съ письмами, а потомъ захватилъ обозъ, слѣдовавшій изъ Польши къ шведской арміи съ аммуниціею и денежною казною. Царь милостиво пожаловалъ отнятую денежную казну Кгалагану съ его полкомъ, какъ ихъ военную добычу.

*) Ясневельможный господинъ! Доношеніе ваше чрезъ господина полковника миргородскаго его царскому величеству донесено, которой, видя ваше доброе намѣреніе и обращеніе, принялъ то милостиво и повелѣлъ мнѣ къ вамъ писать съ крѣпчайшимъ обнадеживаніемъ, что ежели вы въ томъ пребывати и начатое намѣреніе свое во исполненіе привесть потрудитесь, то не токмо что вашу милость въ прежній урядъ и свою милость принять, но оную къ вамъ умножить изволитъ, и на тѣ кондиціи чрезъ помянутаго г. полковника предложенные соизволилъ и гарантеровъ желанныхъ отъ васъ для содержанія той амнистіи принимаетъ (хотя только надлежитъ вашей милости постараться, дабы о извѣстной главнѣйшей особѣ, по предложенію своему, безопаснѣйшимъ образомъ постараться; буде же о самой той особѣ и невозможно, то хотя бъ о протчихъ знатнѣйшихъ то учинити по предложенію; а удобно то учиниться можетъ, понеже наши войска въ близости оттуду въ мѣстечкѣ Веприкѣ обрѣтаются въ готовности, куда и убѣжище безопасное можетъ отъ нихъ воспріято быть съ тѣми особами). Отвѣту же вашей милости на то предложеніе, съ господиномъ полковникомъ миргородскимъ посланное по се число не было того ради, понеже сумнѣвались истинноль то; но понеже царское величество изъ присылки сюда отъ васъ полковника компанѣйскаго Кгалагана съ полкомъ и изъ устнаго его доношенія отъ вашей милости ему приказаннаго истину того дѣла призналъ, того ради повелѣлъ мнѣ съ крѣпкимъ обнадеживаніемъ милости своей къ вамъ писать. Впрочемъ ссылаюся на письмо г. полковника миргородскаго, не смѣя болѣе и перу повѣрить и не вѣдая имѣетъ ли ваша милость при себѣ съ нами учиненную цифирь которую на удачу въ семъ письмѣ написалъ. Головкинъ. Изъ Лебедина. Декабря въ 22 день 1708 г. (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 120).

Слова заключенныя въ скобкахъ въ подлинникѣ писаны условною азбукою, которая прежде употреблялась въ сношеніяхъ съ Мазепою по секретнымъ дѣламъ. *Примѣч. автора.*

**) Собственныя его села и деревни: Крыловъ, Хомутецъ, Сакумовку, Савинцы, Поповку, Перевозъ, Хведоровку, Чухорабовку, Вергуны, Овдѣевку въ Миргородскомъ полку.

***) Села: Шаболтасовку, Хлопянско, Лузики, на р. Обѣдѣ стоячіе во владѣніе и зуполное подданство (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 110).

[27]) Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. 1, стр. 181.

Въ какой степени давалась вѣра не только предложенію Мазепы, но даже искренности самыхъ тѣхъ лицъ, которыя словесно передавали это предложеніе,—мы не знаемъ, но политика царя, сообразно тогдашнимъ нравамъ, не пренебрегала никакими случайностями, когда онѣ являлись и могли отнять у непріятеля надежду на дальнѣйшій успѣхъ. Предположеніе о примиреніи съ Мазепою не состоялось. Понятно, что со стороны Мазепы оно никакъ не могло быть искреннимъ; оно дѣлалось человѣкомъ способнымъ всѣхъ и каждаго обманывать и обращаться на всякую сторону, когда того требовать будутъ обстоятельства. Затѣвая сношенія съ царемъ и показывая готовность предать своего новаго союзника, Мазепа, однако, не зналъ, какъ посмотрятъ русскіе на его предложеніе, и продолжалъ дѣйствовать въ пользу Карла, такъ точно, какъ онъ прежде работалъ и дѣйствовалъ въ пользу Петра, когда изподтишка велъ во вредъ Петру сношенія съ Карломъ. Еще не получая никакого извѣстія отъ миргородскаго полковника, 5 декабря Мазепа отправилъ роменскаго жителя Ѳеська Хлюса съ письмомъ къ Станиславу Лещинскому, въ которомъ вторично убѣждалъ его поспѣшить съ войскомъ для взаимнаго дѣйствія оружіемъ противъ «Москвы», которая своими грамотами возбуждаетъ простой народъ въ Украинѣ *). Но посланецъ Мазепы былъ задержанъ въ Лисянкѣ и препровожденъ къ Кіевъ; тамъ у него вынули собственноручное письмо Мазепы съ его печатью и отправили къ Петру, а Петръ приказалъ передать его Скоропадскому, для того чтобъ обнародовать въ переводѣ **), въ обличеніе лживости Мазепы, который увѣрялъ

*) Nayiaśnieyszy Miłościwy Królu, Panie móy miłościwy! Już to powtórny list cum expressione paddańskiey moiey subiectiey do W. Królewskiey Msci adressuię wątpiąc ieśli mógł pierwszy in hoc turbido rerum statu suum adire Corinthum. A iakom w tamtym effuso corde et publico całey Ukrainy voto pokornie prosił Waszey Kr. Msci abyś ad salvandam haereditatem suam victricem raczył movere manum tak y teraz geminatâ prece toż samo powtarzam y expectans expecto szczęśliwego y prętkiego Waszey Kr. Mości przybycia żebyśmy mogli unitis armis et animis nieprzyiacielskiey Moskiewskiey imprezy in herba sopire draconem, teraz naybardziey kiedy Moskwa zaczęła Hramotami swemi prosty fomentować naród y civile wyrabiać bellum, y lubo go ieszcze żadney nie mamy apparencyi iednak te iskierki suppositas cineri doloso zawczasu by trzeba gasić żeby ztąd in publicum damnum iakowe nie wybuchnęły incendia dla czego tanquam patres in lymbo oczekiwamy przyyścia Wszey Kr. Msci iako salvatora naszego y supplikiując o to pokornie całuię mille basiis waleczną Jego rękę. Waszey Królewskiey Mości pana mego miłościwego wierny poddany y sługa nayniższy Jan Mazeppa Hetman. (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлинники).

**) Малороссійскій переводъ письма Мазепы:„ ...Якъ въ прежнемъ листу все-

соотечественниковъ, будто отступилъ отъ царя затѣмъ, чтобы малороссійскій край былъ независимъ и не находился ни подъ царскою, ни подъ польскою властію, на самомъ же дѣлѣ въ своемъ письмѣ обличаетъ себя, именуя себя подданнымъ Лещинскаго, а Украину называетъ его наслѣдіемъ и тѣмъ показываетъ, что у него было намѣреніе предать малороссійскій народъ подъ польское иго*). Кромѣ того, былъ схваченъ въ селѣ Коренцѣ, близъ Глухова, посланный Мазепою козакъ Грицько Пархоменко. Онъ показалъ, что посланъ Мазепою съ письмами къ черниговскому архіепископу и къ князю Четвертинскому и отдалъ имъ эти письма. Когда его подвергли пыткѣ, то онъ сознался, что ходилъ волновать народъ, а писемъ никакихъ съ нимъ не было, только Мазепа приказалъ ему разглашать о такихъ письмахъ, чтобы лицъ, не сочувствующихъ его замысламъ, привести въ подозрѣніе и немилость у государя. И это событіе, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о перехваченномъ письмѣ Мазепы къ Станиславу, царь огласилъ въ своемъ манифестѣ, чтобы внушить въ народѣ омерзѣніе къ злобѣ и коварству бывшаго гетмана [28]).

Станиславъ Лещинскій конечно не получилъ письма Мазепы, доставшагося Петру, но вѣрилъ ему и заохочивалъ своихъ по-

---

усерднымъ желаніемъ и общимъ всей Украины согласіемъ смиренно просилемъ вашеи кролевскои милости, абы для избавленія дѣдизны своей крѣпкую и незвитяжоную руку простерти изволилъ, такъ и сего часу повторнымъ прошеніемъ сіежъ едино повторяю и все глядаючи чекаю счастливого вашои кролевскои милости къ намъ прибытя, да возможемъ соединеннымъ оружіемъ и единомысліемъ непріятелскую московскую силу во способное побѣдити время, а найпаче теперъ, когда Москва зачала грамотами своими простый побужати народъ и съ согражданы творити брань, и аще по сіе время отъ неи не узналисьмо свѣдетельства, еднакъ же тые малые искры въ пепелѣ утаенные завчасу бы треба угашати, а бы зъ оныхъ на общую всѣхъ шкоду великыи не учинилис огнѣ. Того ради, аки овцы на кровѣ (далѣе по нечоткости разобрать было трудно)..... ожидаемъ пришествія вашеи кролевскои милости аки избавителя и прося о томъ покорно лобзаю тысячнократно непобѣдимую вашу десницу. В. кр. мил. моего милостивого пана вѣрный подданный и слуга нижайшій. Янъ Мазепа гетманъ (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 102).

*) ... и потому явно съ какою совѣстію оный богомерзкій измѣнникъ предаетъ себя Воевышняго суду, будто оный измѣну свою учинилъ для пользы Малороссійскаго края и содержанія вольностей и чтобъ имъ будто ни подъ нашею ни подъ польскою властію не быть, но особливо свободными остатися; а нынѣ, по тѣмъ его богоотступнаго измѣнника письмамъ, явилась явная ложь и предательство подъ польское иго малороссійскаго народу (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 102.—Чт. М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 194—196.—*Бант. Камен.*: „Исторія Малой Россіи", изд. 1-е, т. IV, стр. 175—178).

[28]) Арх. Ин. Дѣлъ 1709 г., январь. Манифестъ Петра.

ляковъ, указывая на примѣръ Мазепы, какъ на доблестный подвигъ достойный подражанія *).

И такъ, затѣвая устроить путь къ примиренію съ царемъ, Мазепа самъ себѣ испортилъ этотъ путь. Само собою разумѣется, царь, получивши въ руки доказательство, что Мазепа не оставляетъ своей измѣны, не хотѣлъ болѣе вести съ нимъ сношенія. Но и шведы, послѣ побѣга миргородскаго полковника, стали недовѣрять малороссіянамъ: такъ показывали лица одно за другимъ появлявшіяся въ русскомъ станѣ и бывшія передъ тѣмъ въ Ромнѣ. За Апостоломъ хотѣлъ было уйти лубенскій полковникъ Зеленскій, но шведы провѣдали о его замыслѣ и поставили во дворѣ его караулъ въ 50 человѣкъ: одни стояли у воротъ, другіе въ сѣняхъ, а третьи въ домѣ. Въ такой тѣснотѣ держали Зеленскаго, пока прибыла въ Роменъ его жена, и только тогда ему стало льготнѣе. Генеральный асаулъ Максимовичъ также находился подъ стражей за то, что хотѣлъ, какъ говорили, писать письмо къ царю. И за другими старшинами устроенъ былъ караулъ по два человѣка шведскихъ солдатъ за каждымъ. Болѣе довѣрія стали оказывать старшинамъ только тогда, когда ихъ жены пріѣхали къ нимъ, но все-таки и послѣ того шведы наблюдали надъ тѣми и другими и не дозволяли разомъ выходить изъ дома мужьямъ съ женами. У Мазепы стоялъ всегда неотступно почетный караулъ, какъ будто ради чести, а въ сущности за нимъ присматривали. Главную силу Мазепы составляли компанейцы, которыхъ у полковника Кожухова было 500, а у полковника Андріаша 150 человѣкъ. Изъ старшинъ близки были тогда къ Мазепѣ: Орликъ, Чуйкевичъ, Ломиковскій и Горленко; прочіе держались съ нимъ на благородной дистанціи. Самъ Мазепа, воротившись изъ похода къ Гадячу, постоянно болѣлъ и лежалъ въ постелѣ, обложившись пластырями. Недовѣріе шведовъ къ козацкимъ старшинамъ прекратилось только тогда, когда окончился срокъ, положенный царемъ для амнистіи, но и то несовершенно. Такимъ образомъ, еслибы царь имѣлъ поводъ возобно-

*) ... ponimus ad oculos dignum aeviterna laude et gloria ducem Zaporoviensem Mazeppam qui primus misertus patriae subdens se in nomen nostrum cum gente et terra sua priusque vias justitiae ingressus restituendo aliena antequam exercitus Kwarcianorum stipendiario titulo una cum ductoribus suis eat in leges debiti tam custodiendi quam recuperandi proprios limites. Quis non putaret tam praeclarum externorum exemplum aliis additurum alas ad festinandum eo quo tota se offert Ukraina et ecce signa militaria audimus Cracoviam versus dividi loco Kijoviae vel Ukrainae (*Zaluski:* „Epis. Hist. Fam.“, t. III, p. 867).

вить начавшіеся-было переговоры съ Мазепою, то уже самъ Мазепа мало имѣлъ возможности не только оказать царю обѣщанную услугу, но даже и вести дальнѣйшіе секретные переговоры съ Головкинымъ [29]).

Съ половины декабря открылись постоянно и надолго военныя дѣйствія между русскими и шведами. Въ Лебединѣ, въ главной царской квартирѣ, собирался военный совѣтъ и составилъ планъ выгнать шведскаго короля изъ Ромна. Для этого прежде положили сдѣлать нападеніе на Гадячъ—передовой пунктъ шведовъ; надѣялись выманить туда короля, разсчитывая, что съ своимъ горячимъ характеромъ онъ не утерпитъ, чтобы не пойти на выручку своимъ, а тѣмъ временемъ, какъ онъ выйдетъ изъ Ромна, отправить туда другой русскій отрядъ и занять этотъ городъ. Уже вблизи отъ Гадяча и прежде стояло русское войско. Въ 12-ти верстахъ отъ Гадяча есть мѣстечко Веприкъ; въ оное время оно было укрѣпленнымъ городомъ. Послѣ занятія Гадяча шведами и мазепинцами, вооруженные малороссійскіе мужики, не желая повиноваться Мазепѣ и предпочитая служить царю, просили себѣ помощи отъ русскихъ [30]). Къ нимъ пришелъ туда русскій гарнизонъ изъ 1.500 солдатъ [31]). По окрестнымъ селамъ и хуторамъ расположился отрядъ генерала Рена. Этому генералу поручено было взять Гадячъ, занятый непріятелемъ. Шведы, какъ только услышали, что русскіе собираются напасть на Гадячъ, бросились туда изъ Ромна, и какъ только подошли къ Гадячу, русскіе, стоявшіе подъ нимъ, ушли, успѣвши однако зажечь предмѣстье, и это не осталось безъ большаго вреда для шведовъ: они потеряли возможность имѣть тамъ помѣщеніе въ домахъ, а въ это время наступали жестокіе морозы.

Между тѣмъ, пользуясь удаленіемъ шведовъ, русскій генералъ Аллартъ пошелъ на Роменъ. Планъ, составленный заранѣе въ Лебединѣ, удался; шведскаго войска въ Ромнѣ не было и ночью, на 18 декабря, русскіе безпрепятственно вошли въ Роменъ. Мазепа за два часа до прихода русскихъ убѣжалъ изъ Ромна и едва-было не попался въ плѣнъ. Роменскіе жители,—говоритъ современникъ [32]),—обрадовались, но ихъ радость тотчасъ же обратились въ печаль: солдаты стали грабить и безчинство-

[29]) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 54. Бумаги чиселъ декабря: 8, 13, 18 и 19.
[30]) *Nordberg*, франц. пер., ч. II, стр. 263.
[31]) *Голиковъ:* „Дѣянія Петра Вел.“, т. III, стр. 54.
[32]) Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, № 8. Письмо А. И. Ушакова.

вать, а ихъ командиры не достаточно укрощали ихъ и допустили безъ нужды сжечь мѣстечко и пригородныя села. Впослѣдствіи Петръ, по поводу этого событія, посылалъ туда нарочно производить слѣдствіе и наказать виновныхъ [33]).

Между тѣмъ, потерявши Роменъ, Карлъ уже не воротился туда, но рѣшился оставить часть войска въ Гадячѣ, а съ другою идти далѣе. Едва онъ дошелъ до селенія Красная Лука *), какъ настала такая ужасная стужа, что невозможно было слѣдовать далѣе. Часть войска воротилась въ Гадячъ, но тамъ не доставало помѣщенія. Городъ былъ самъ по себѣ не великъ, а тутъ еще русскіе недавно сожгли цѣлую треть его и многіе шведы принуждены были проводить ночи на снѣгу на открытомъ воздухѣ за недостаткомъ хатъ [34]).

По общему свидѣтельству современниковъ, въ эту зиму по всей Европѣ была ужасная стужа. Въ Швеціи снѣжные сугробы до такой степени были высоки, что захватили въ себя деревья до самыхъ вершинъ; все Балтійское море стояло покрытое льдомъ; въ озерахъ вода замерзла до самаго дна. Въ средней Европѣ погибли всѣ плодовыя деревья; даже въ Италіи и Испаніи, гдѣ обыватели никогда не видывали льда на рѣкахъ, теперь замерзли рѣки и болота и земля очень глубоко промерзла. Въ открытыхъ украинскихъ равнинахъ морозы были тѣмъ нестерпимѣе, что тамъ свирѣпствовали бури и вьюги. Птицы падали на-лету; повсюду валялось множество замерзшихъ дикихъ животныхъ. Снѣга нападало такъ изобильно, что за непроѣздными сугробами прекращались сообщенія между жилыми мѣстностями. Тогда отъ трехъ до четырехъ тысячъ шведскихъ воиновъ погибло отъ невыносимой стужи. Конные окоченѣвали сидя верхомъ на лошадяхъ, пѣхотинцы примерзали къ деревьямъ или повозкамъ, на которые облокачивались въ послѣднія минуты борьбы со смертію. Самъ король приморозилъ себѣ носъ и долженъ былъ долго тереть его, пока не возбудилъ правильнаго кровообращенія. Иные шведскіе солдаты думали согрѣться водкою, которой было большое изобиліе въ малорусскомъ краѣ, но водка имъ не помогала: при ея содѣйствіи они только скорѣе дѣлались добычею смерти. Городъ Гадячъ обратился въ лазаретъ, такъ какъ туда при возможности тащили полуживыхъ отъ холода;

---

[33]) Ibidem, № 9.
*) Село Гадяцкаго уѣзда, при р. Груни, въ 7 вер. отъ Гадяча.
[34]) *Nordberg*, франц. перев., ч. II, стр. 263.

изъ домовъ слышались раздирающіе крики больныхъ, которымъ хирурги отпиливали отмороженные члены, а передъ домами валялись куски отрубленныхъ человѣческихъ членовъ и между ними ползали еще живые, но обезумѣвшіе отъ боли и отчаянія калѣки [35]). Но неутомимый шведскій король не хотѣлъ терять времени: 27 декабря онъ двинулся къ Веприку и хотѣлъ во что бы то ни стало взять его. Осажденные стали обороняться отчаянно. Комендантъ Веприка не хотѣлъ сдаваться, несмотря ни на какія убѣжденія и угрозы; между тѣмъ морозъ не ослабѣвалъ, мерзли волы и лошади, погибали бѣдные солдаты, оставаясь на открытомъ воздухѣ, такъ какъ не всѣмъ удалось подѣлать себѣ изъ соломы шалаши, гдѣ можно было спрятаться, хотя собственно и такая защита представляла мало надежды на спасеніе. Раздосадованные упорствомъ коменданта, шведскіе генералы кричали, что, взявши городокъ, непремѣнно слѣдуетъ коменданта повѣсить. Король принялъ сторону своего генералъ-квартирмейстера Гилленкрока, который доказывалъ своимъ товарищамъ, что, напротивъ, этотъ комендантъ достоинъ уваженія, потому что свято исполняетъ долгъ присяги своему государю. 30 декабря шведы отступили и пошли къ Зенькову. Тамъ засѣли вооруженные мужики, не хотѣвшіе впускать къ себѣ ни шведовъ, ни русскихъ: они были постоянно пьяны и горячились. Но городокъ Зеньковъ былъ укрѣпленъ худо: валъ былъ не высокъ, ровъ не глубокъ. Вся городская стѣна состояла изъ деревяннаго частокола. Шведы зажгли подгороднее село и бросились разбивать городскія ворота. Тогда осажденные сдались на милость побѣдителя.

Въ Зеньковѣ Карлъ встрѣтилъ новый 1709 годъ. Морозъ по прежнему былъ жестокъ, но Веприкъ не выходилъ изъ ума у короля. Когда, наконецъ, морозъ сталъ ослабѣвать, 6 января король снова явился подъ Веприкомъ и опять послалъ къ коменданту убѣжденіе сдаться, а въ случаѣ сопротивленія грозилъ всѣхъ истребить безъ пощады. Комендантъ отвѣчалъ въ почтительномъ тонѣ, что онъ, сообразно волѣ своего государя, будетъ защищаться до послѣднихъ силъ, но надѣется, что король, уважающій мужество своихъ воиновъ, оцѣнитъ это качество и у враговъ, если возьметъ крѣпость послѣ упорнаго сопротивленія. Пользуясь ослабленіемъ мороза, комендантъ приказалъ полить городскіе валы водою, такъ что они покрылись ледяною корою; ворота были завалены.

[35]) *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 139.

7 января, въ полдень, шведы начали приступъ. Они приставляли лѣстницы, думая взобраться до гребня вала, окаймлявшаго Веприкъ, но осажденные поражали ихъ и выстрѣлами, и камнями, и лили на нихъ кипятокъ; шведскія ядра отскакивали отъ оледенѣвшаго вала и наносили вредъ самимъ шведамъ. Вечеромъ король приказалъ прекратить приступъ, еще разъ послалъ коменданту предложеніе сдаться, обѣщалъ оставить плѣннымъ все ихъ имущество, но замѣчалъ, что крѣпость не можетъ быть невзятою, когда придетъ болѣе войска и тогда, во время новаго приступа, никого не оставитъ въ живыхъ [36]). Комендантъ согласился сдаться. Отворили ворота. Вошли шведы и взяли въ плѣнъ 1.400 русскихъ и 400 малороссіянъ; у нихъ были только четыре пушки [37]). Коменданта, родомъ шотландца, Карлъ принялъ ласково и оставилъ ему шпагу [38]). Плѣнный гарнизонъ былъ отправленъ въ Зеньковъ, много плѣнныхъ погибло отъ мороза, а прибывшіе въ Зеньковъ получали хорошее содержаніе и ходили почти на свободѣ. Каждому изъ нихъ король выдалъ по десять злотыхъ польскихъ. Веприкъ, по королевскому приказанію, былъ сожженъ маіоромъ Вильдемееромъ. Всѣ малороссіяне обоего пола были пущены на свободу по настоянію Мазепы [39]).

Съ этихъ поръ король, лишившись Ромна, которымъ овладѣли русскіе, заложилъ свою главную квартиру въ Зеньковѣ. Войско размѣстилось по окрестностямъ; генералъ Спарре съ шестью пѣхотными полками стоялъ въ Лютенкѣ *); весь обозъ съ канцеляріею находился въ Гадячѣ. Съ нимъ вмѣстѣ былъ и Мазепа. 13 января они перешли въ Зеньковъ. Побывавшіе въ шведскомъ станѣ говорили, что неизвѣстно почему Мазепу и въ Зеньковѣ постоянно сопровождалъ шведскій караулъ, тогда какъ взятымъ въ плѣнъ русскимъ въ Веприкѣ дозволялось ходить всюду безъ караула. Была надежда прибытія короля Станислава съ поляками своей партіи; уже русское войско, подъ начальствомъ генерала Гольца, выслано было препятствовать королю Станиславу соединиться со шведами. Но противъ Гольца стоялъ въ Лохвицѣ шведскій генералъ Крейцъ; Прилуки также были еще заняты шведами [40]).

---

[36]) Ibid., стр. 142.

[37]) *Nordberg*, франц. пер., ч. II, стр. 263.

[38]) Ibid., стр. 261.

[39]) Ibid., стр. 263.—*Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 79—182.

*) Большое мѣстечко Гадячскаго уѣзда, при рѣкѣ Лютенкѣ, въ 24 верстахъ отъ Гадяча.

[40]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 183.

Карлъ, не дождавшись Станислава, считалъ важнѣйшимъ дѣломъ выгнать русскія войска изъ Гетманщины и перенести войну за ея предѣлы. Графъ Пиперъ, всегда разсудительный и осторожный, а потому часто расходившійся въ планахъ съ пылкимъ и задорнымъ королемъ, совѣтовалъ, напротивъ, удалиться за Днѣпръ и открыть сообщеніе съ поляками Станиславовой партіи. «Черезъ это,—говорилъ онъ,—король умножилъ бы свои силы, тогда какъ теперь въ чужой странѣ, отрѣзанные отъ Швеціи, онѣ безпрестанно умаляются и отнюдь не пополняются». Нѣтъ,—отвѣчалъ Карлъ,—отступленіе за Днѣпръ походило бы на бѣгство; непріятель станетъ упорнѣе и высокомѣрнѣе. Мы прежде выгонимъ изъ козацкой земли русскихъ, укрѣпимъ за собою Полтаву, а между тѣмъ наступитъ лѣто и тогда оно покажетъ намъ, куда направляться [41]). Мазепа со всѣхъ силъ старался удерживать короля въ Гетманщинѣ и отклонить отъ совѣта переходить за Днѣпръ. Это было естественно: переходъ на правую сторону Днѣпра показывалъ бы совершенное оставленіе той цѣли, съ какой Мазепа затянулъ короля въ Гетманщину, и его-то вліянію главнымъ образомъ приписывали современники возникшее у короля желаніе во что бы то ни стало выгнать русскихъ изъ Гетманщины и овладѣть Полтавою.

Въ ночь съ 27 на 28 января король съ двумя тысячами конницы отправился лѣсомъ къ Опошнѣ *), гдѣ стоялъ русскій генералъ Шаумбургъ съ шестью драгунскими полками, съ 600 гренадеровъ и съ 2.000 козаковъ. Шведы получили успѣхъ, овладѣли городкомъ Опошнею, взяли у русскихъ много багажа, захватили даже обѣдъ, приготовленный Шаумбургомъ для Меншикова, который прибылъ туда, выѣхавши изъ Ахтырки для обозрѣнія Полтавы: оба русскіе генерала едва успѣли уйти. Но изъ письма Меншикова къ царю отъ 29 января видно, что успѣхъ шведовъ былъ не продолжителенъ и русскіе тотчасъ же овладѣли Опошнею [42]).

Карлъ изъ Опошни двинулся къ Котельвѣ**). Русскіе отступили въ Ахтырку [43]). Карлъ вступилъ въ Слободскую Украину

---

[41]) Ibid.

*) Мѣстечко Зеньковскаго уѣзда, при рѣкѣ Ташани, въ 30 верстахъ отъ Зенькова.

[42]) Гос. Арх. Письма Меншикова.

**) Мѣстечко Ахтырскаго уѣзда.

[43]) *Adlerfeld*, франц. пер., ч. IV, стр. 414.

съ своими драбантами, съ семью или восемью кавалерійскими полками и съ полевою артиллеріей [44]). Русскіе ждали, что король пойдетъ на Ахтырку, укрѣпили ахтырскій замокъ и сожгли предмѣстья, чтобы не дать непріятелю въ нихъ установиться. Но король двинулся на Красный Кутъ 11 февраля. Тамъ стоялъ генералъ Шаумбургъ съ семью драгунскими полками. Послѣ перваго нападенія русскіе отступили къ Городницѣ *). Шведскіе историки говорятъ, что русскіе убѣгали тогда въ галопъ и сподвижникъ Мазепы Герцикъ отличился передъ всѣми храбростію, убивши собственноручно до тридцати непріятельскихъ воиновъ [45]). Полковникъ Дукертъ вогналъ бѣгущихъ русскихъ въ городъ; сдѣлалась давка, суматоха, рѣзня; лошади, оставленныя павшими воинами, метались и увеличивали безпорядокъ; русскіе падали на землю, притворяясь мертвыми, чтобы снова встать на ноги, когда минетъ опасность. Между тѣмъ, слѣдуя за Дукертомъ, король, увлеченный погонею, сошелъ съ высоты на плотину съ тѣмъ, чтобъ опять взойти на другую высоту, но тутъ появился русскій генералъ Ренъ съ шестью драгунскими эскадронами и двумя баталіонами царской гвардіи, и такъ ударилъ на шведовъ, что они попятились назадъ на высоту, съ которой сходили и увлекли за собою короля. Русскіе заняли плотину; у русскихъ силы было больше, чѣмъ у шведовъ и воины короля были сильно истомлены. Оставалось отбиваться, дожидаясь подкрѣпленія. По русскому извѣстію, король ретировался тогда въ мельницу, которая была окружена русскими драгунами, и только наступившая ночная темнота спасла короля отъ плѣна [46]). По шведскимъ извѣстіямъ, полковникъ Дукертъ, прогнавши русскихъ въ Городню, ворочался назадъ и наткнулся на русскую засаду, установившуюся возлѣ болота, за плетнями и кустарниками. Шведы обратились въ бѣгство: сначала бѣжала прислуга, а за нею драгуны. Шведскій генералъ Крузе встрѣтилъ ихъ, остановилъ, привелъ въ порядокъ и повелъ туда, гдѣ находился король. Генералъ Ренъ не сталъ болѣе вести битвы и удалился къ Богодухову [47]). Шведы признавали эту стычку для себя по-

---

[44]) *Nordberg*, фр. пер., ч. III, стр. 268.—*Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 145.

*) Нынѣ слобода Богодух. уѣзда, при рѣкахъ Мерлѣ и Мерчикѣ.

[45]) *Nordberg*, фр. пер., стр. 269.—*Adlerfeld*, фр. пер., ч. IV, стр. 419.

[46]) *Голиковъ:* „Дѣянія Петра Вел.“, т. III, стр. 74.

[47]) *Adlerfeld*, фр. пер., ч. IV, стр. 419. — *Nordberg*, фр. пер., ч. III, стр. 269—272.

бѣдою; русскіе приписывали побѣду себѣ. Извѣстія объ этомъ дѣлѣ не ясны; достовѣрно только то, что это сраженіе, совершенно безполезное для шведовъ, какъ и весь походъ ихъ въ Слободской край, обезсилило шведскую армію [48]).

12 февраля Карлъ пошелъ на Мурахву *) и оттуда далъ приказаніе сжечь городки Красный Кутъ и Городню, а жителей вывести прочь. Генералъ Гамильтонъ опустошилъ и сжегъ нѣсколько городковъ и слободъ, лежавшихъ въ сторонѣ, и между прочимъ городокъ Олешну **): тамъ шведы встрѣтили сопротивленіе; нѣсколько сотъ русскихъ, составлявшихъ гарнизонъ, были истреблены, воевода взятъ въ плѣнъ [49]).

У русскихъ уже возникало опасеніе, какъ бы отважный король, для котораго, какъ говорится, было и море по колѣна, не вздумалъ прорваться до Воронежа, чтобъ истребить тамъ царскіе корабли; у шведовъ же были до такой степени слабы географическія свѣдѣнія о южнорусскомъ краѣ, что они, слыша, что царь строитъ суда въ Воронежѣ, думали, что этотъ городъ лежитъ у Чернаго моря [50]).

Но всякія отважныя затѣи разбивала природа. Послѣ ужаснѣйшихъ морозовъ, какихъ не помнили старожилы въ краѣ, наступила оттепель, а 13 февраля произошло странное явленіе: полился сильный дождь съ громомъ и молніей. Въ это время король ѣхалъ верхомъ рядомъ съ Мазепою, который получилъ тогда облегченіе отъ своей болѣзни и отважился пуститься въ путь съ королемъ. Приближались къ Коломаку ***). Мазепа, по своему обычаю, любившій говорить любезности, сказалъ: «война для вашего величества идетъ очень счастливо: мы уже дошли только за восемь миль отъ рубежей Азіи!» Король отвѣчалъ: «sed geographi non conveniunt (съ этимъ не согласятся географы)». «Это,—замѣчаетъ современный историкъ,—заставило покраснѣть добраго старика» [51]). Зная, что король часто толковалъ

---

[48]) *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 146.

*) Нынѣ слобода Богодух. уѣзда, при р. Мерчикѣ, въ 24 верстахъ отъ Богодухова.

**) Нынѣ слобода Лебидинскаго уѣзда, при р. Олешни, въ 35 верстахъ отъ Лебедина.

[49]) *Adlerfeld*, фр. пер., ч. IV, стр. 419.

[50]) *Nordberg*, франц. пер., т. III, стр. 273.

***) Нынѣ слобода Валковскаго уѣзда, при рѣкѣ Коломакѣ, въ 25 верст. отъ Валокъ.

[51]) *Adlerfeld*, франц. пер., ч. IV, стр. 420.

о подвигахъ Александра Македонскаго и во всемъ ставилъ себѣ за образецъ этого древняго героя, Мазепа, въ угоду королю, сочинилъ тогда, будто въ этихъ странахъ недавно отысканъ «александрійскій» камень, воздвигнутый Александромъ Македонскимъ.

Когда войско остановилось на отдыхѣ, король сообщилъ своему генералъ-квартирмейстеру Гилленкроку, что Мазепа сказалъ ему, будто отсюда не далеко до Азіи.—«Ваше величество шутите,—сказалъ Гилленкрокъ.—Не по этому направленію можно достигнуть предѣловъ Азіи».—«Я никогда не шучу,—отвѣчалъ король.—Ступайте и узнайте отъ Мазепы путь въ Азію точнѣе». Гилленкрокъ отправился къ Мазепѣ. Тотъ встревожился, узнавши, какое дѣйствіе произвела на короля его болтовня, и сознался, что говорилъ королю только изъ любезности. «Съ нашимъ королемъ опасно говорить пустяки о такихъ предметахъ,—сказалъ Гилленкрокъ.—Этотъ государь любитъ болѣе всего славу и легко поддастся желанію двинуться туда, куда нѣтъ необходимости идти для его цѣлей» [52]).

Началась полнѣйшая распутица; нельзя было идти въ невѣдомый путь. Короля убѣдили отложить свое намѣреніе и воротиться въ Гетманщину. Но и обратный путь не обошелся безъ затрудненій и потерь. Берега Коломака уже походили на большое озеро. Рѣка Мерла въ полсутки покрылась водою. Мелкія рѣчонки разливались съ неимовѣрною быстротою. Снѣгу въ предшествовавшую зиму было чрезвычайное изобиліе и теперь отъ быстраго таянія полились водные потоки. Пѣхота, въ продолженіи цѣлыхъ дней, шла въ водѣ по косточки и если не было возможности добраться къ вечеру до сухаго мѣста, то приходилось всю ночь оставаться въ водѣ. Воды вездѣ было такъ много, что впереди невозможно было замѣтить, гдѣ находятся рѣки и протоки, а на рѣчкахъ, покрывшихся водою, ледъ сталъ такъ хрупокъ, что многіе шведскіе солдаты потонули съ лошадьми, наткнувшись нечаянно на рѣку, которой не могли заранѣе распознать въ пространствѣ обнятомъ водою. Отъ Коломака до Будищъ было на пути нѣсколько плотинъ длинныхъ и высокихъ; на такихъ-то плотинахъ приключалась бѣда съ людьми и лошадьми, особенно въ темныя ночи: кто только на такой плотинѣ споткнется, тотъ и погибалъ [53]). На рѣкѣ Мерлѣ, прежде, когда шли шведы въ Слободскую Украину, была большая плотина: те-

[52]) *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 153.
[53]) Ibid., стр. 146.

перь отъ ней ни малѣйшаго слѣда не оставалось; кавалерія переходила рѣку вплавь; лошади плыли положивши головы на заднія части лошадей переднихъ; много тогда пропало и лошадей, и повозокъ. Переправа на Мерлѣ шла полтора дня. На Ворсклѣ шведскіе полки переправлялись вплавь въ теченіи четырехъ сутокъ и еще съ большими затрудненіями. Ворскла была наполнена маленькими островками, которыхъ вершины едва можно было замѣтить въ водѣ, а между островками рѣка была особенно глубока; многіе, попавши въ такія мѣста, потонули. Король благополучно переѣхалъ Ворсклу на лошади вплавь въ числѣ первыхъ; его примѣру слѣдовали многіе офицеры. По прибытіи въ Опошню, король приказалъ строить на Ворсклѣ мосты для переправы остальнаго войска и всего обоза. Много погибло шведовъ въ этомъ походѣ, но тѣ, которые вернулись цѣлыми, восхваляли своего короля за то, что онъ раздѣлялъ всѣ неудобства наравнѣ съ простыми солдатами [54]).

Въ то время, когда король совершалъ свой безполезный походъ въ Слободскую Украину, позади его, въ Гетманщинѣ, русская сторона брала верхъ. Еще въ январѣ князь Григорій Долгорукій, находившійся въ Нѣжинѣ, послалъ генералъ-майора Гинтера взять Прилуки. Шведы, занимавшіе этотъ городъ съ конца ноября, ушли оттуда, не дождавшись прихода русскихъ, а съ ними вмѣстѣ уѣхали находившіяся тамъ нѣкоторыя семейства лицъ, перешедшихъ къ Мазепѣ. Гинтеръ занялъ Прилуки, поставилъ тамъ комендапта и прислалъ къ царю составленную имъ опись этого города [55]). Изъ этой описи мы узнаемъ, что въ Прилукахъ былъ тогда довольно обширный зáмокъ или городъ съ высокимъ валомъ и рвомъ около него, но валъ требовалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ починки. Прилуки страдали недостаткомъ воды, такъ что въ зáмкѣ не было ни одного колодца и генералъ Гинтеръ приказалъ туда навозить льду, «дабы въ самой послѣдней нуждѣ можно оный вмѣсто воды употреблять». Вслѣдъ за Гинтеромъ явился новопоставленный царемъ прилуцкій полковникъ Носъ, былъ встрѣченъ подначальными съ покорностію и тотчасъ распорядился о сборѣ и доставленіи въ Прилуки провіанта. 22 января князь Долгорукій изъ Нѣжина послалъ туда солдатскій ямбургскій полкъ съ пушками, приказавши командиру этого полка Вестову держаться въ Прилукахъ до послѣдняго. Ревностнымъ

[54]) *Nordberg*, франц. пер., стр. 275.
[55]) Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, № 8.

дѣятелемъ въ пользу царя явился тогда миргородскій полковникъ, еще недавній соумышленникъ Мазепы. Онъ дѣятельно трудился противъ непріятеля, отбивалъ шведскіе и Мазепины возы, взялъ Гамалѣю и зятя своего съ женами ихъ, которыхъ везли шведы [86]), укрощалъ и искоренялъ своевольныхъ разбойниковъ, которые безчинствовали, пользуясь военнымъ временемъ и суматохою *). Мазепа много полагалъ надежды на правобережныхъ козаковъ, но обманулся въ своихъ надеждахъ. Не говоря уже о томъ, что бѣлоцерковскій полковникъ въ числѣ первыхъ объявилъ себя на сторонѣ царя, въ другихъ городахъ то и дѣло что ловили и доставляли русскому генералу Инфлянту Мазепинныхъ коммиссаровъ то подъ видомъ чумаковъ, то подъ другими видами являвшихся для возмущенія народа противъ царя **).

Въ февралѣ фельдмаршалъ Шереметевъ отправилъ бригадира Бема съ четырьмя драгунскими полками и съ двумя баталіонами лейбъ-гвардіи, въ числѣ которыхъ были преображенцы, выгнать изъ Рашевки ***) тамъ стоявшихъ шведовъ. Въ Рашевкѣ

[86]) Ibid., № 9. Письмо Долгорукова отъ 3 марта.

*) ... нѣкоторые своевольцы не зъ коша а знать з рѣчокъ зобравшися були въ Крыловѣ, а з Крылова пошли до Чигирина; теперъ зась листы мене поткали на дорозѣ же тые своевольцѣ людей много порабовали, навѣтъ и родича моего, который былъ отъ вельможнаго пана гетмана посланъ по указу монаршому въ Чигиринскій полкъ для повстягненя своеволѣ высланнымъ на смерть убили; прето ежели бы о тыхъ помененыхъ своевольцахъ прочулемъ же бы добре было на нихъ ударити и ихъ распудити, дабы з оныхъ болшая не повстала своеволя (Гос. Арх. Кабинетн. Дѣла, № 9. Письмо Апостола къ Долгорукому).

**) Сотеннаго городового письмо къ генералу Инфлянту: Велце намъ премилостивый и великоусердный добродѣю! Нижайшій мой поклонъ служебниче предположивши милости вашей извѣствуемъ, ижъ прибувши до насъ в городокъ некіи чумаки для прикупленія соли человѣка три полку Переяславскаго з межилкихъ сидючи в дому Давида Литвинка еденъ чумакъ зовомый Ѳесько шинкарь пани Мировичовыи мовилъ войту нашому и многимъ людямъ чили для прелщеня народу, чили що в таковый способъ: отъ вы не повѣрайте цару московському, бо онъ мѣлъ всѣхъ насъ запропаститн. Теды войтъ пытаетъ его: якже бъ тое чинилося? Ажъ онъ мовитъ: мѣлъ насъ всѣхъ царь на Сибиръ загнати, такъ вы теперъ его не слухайте що онъ письмами позасылалъ. Здоровъ бы, мовитъ, еще нашъ Мазепа з шведомъ, той насъ не подастъ в неволю московськую. Якую ту его блюзнерскую мову войтъ слышачи намъ ознаймилъ, в чомъ мы со всѣмъ желаніемъ нашимъ и вѣрностію служаще, его ц—скому пр—му вел—ству и не хотячи такого безчестя на высоцѣноважную особу отъ оного легкомысленника рыгованного оставити до вашей милости панской сіе до извѣщенія подаючи онаго росколника между народомъ вдаючагося посылаемъ. З Черкасъ іануарія 18 року 1709 в. пан. м—сти велце премилостивѣйшему панови и добродѣеви нижайшій слуга, Алексѣй Даниловичъ Сотенный городовый (ibid.).

***) Мѣстечко Гадячскаго уѣзда, при р. Пслѣ.

находился шведскій полковникъ Албедиль съ 325 драгунами, а къ нему изъ Гадяча отправлены были еще 130 пѣхотинцевъ съ артиллерійскими лошадьми и значительнымъ количествомъ скота подъ прикрытіемъ капитана Дидрона. Албедиль вышелъ къ нимъ на встрѣчу съ своими драгунами и наткнулся на русскихъ. Произошла схватка, Албедиль былъ взятъ въ плѣнъ, Дидронъ убитъ, а тѣ, которые пустились въ бѣгство, были переловлены и истреблены мужиками [57]). Тогда Шереметевъ покусился взять Лохвицу, гдѣ стоялъ шведскій генералъ-поручикъ Крейцъ и куда для безопасности Мазепа отправилъ свою текущую гетманскую казну. Въ Лохвицу пришли тогда шведы, ушедшіе изъ Прилукъ; тамъ же были козацкія госпожи изъ семействъ соучастниковъ Мазепы, послѣдовавшія за шведами изъ Прилукъ. Генералъ Крейцъ понималъ, какъ важно было охранить гетманскія богатства и не выпускать изъ шведскихъ рукъ малороссійскихъ госпожъ, заложницъ вѣрности шведскому королю своихъ мужьевъ. Крейцъ снялся изъ Лохвицы, перешелъ Хоролъ, потомъ Пселъ въ Савинцахъ *). Русскіе пытались помѣшать ихъ переправѣ и захватили нѣсколько возовъ, гдѣ, между прочимъ, были и пожитки Мазепы. Здѣсь-то съ русскими отличился и миргородскій полковникъ, захватившн въ плѣнъ, какъ уже было выше сказано, двухъ соумышленниковъ Мазепы—генеральнаго асаула Гамалѣя и своего зятя Андрея Горленка, сына прилуцкаго полковника: оба увѣряли, что слѣдовали за шведами съ намѣреніемъ уйти отъ нихъ и отдаться русскимъ. Крейцъ сталъ въ Рѣшетиловкѣ **). За Крейцомъ оставили свои позиціи шведы, стоявшіе въ Камышнѣ ***), въ Зуевѣ [4]), въ Лютенкѣ [5]), — и всѣ пошли къ главному войску, которое расположилось вдоль праваго берега Ворсклы, а главная квартира перенесена была въ Великія Будищи [6]). Шереметевъ стоялъ въ Голтвѣ [7]). Таково было расположеніе враждебныхъ войскъ въ мартѣ 1709 года. Скорой тре-

[57]) *Nordberg*, стр. 277. — Гос. Арх. Кабинет. Дѣла, № 9. Донесеніе маіора Глѣбова отъ 14 февраля.

*) Село Миргородскаго уѣзда, при р. Пслѣ.

**) Мѣст. Полтавскаго уѣзда, при р. Голтвѣ, въ 36 верст. отъ Полтавы.

***) Мѣст. Миргородск. уѣзда, въ 30 верст. отъ Миргорода.

[4]) Нынѣ село Зуевцы, Миргородск. уѣзда, на р. Хороли, въ 35 верст. отъ Миргорода.

[5]) Больш. мѣст. Гадяч. уѣзда, при р. Лютенкѣ.

[6]) Мѣст. Зеньковск. уѣзда, въ 47 верст. отъ Зенькова.

[7]) Мѣст. Кобылякск. уѣзда, при р. Пслѣ, у впаденія Голтвы.

воги не ожидалось до окончанія половодья, которое въ этомъ краѣ прекращается только въ іюнѣ, и въ это время не могло быть большихъ столкновеній между войсками. Тогда обыкновенно низменныя мѣста заливались водою и даже прерывалось сообщеніе между жителями различныхъ мѣстностей.

Время это можно считать завершеніемъ перваго періода военныхъ дѣйствій Карла противъ русскихъ въ Малороссіи. Начинается второй періодъ, завершившійся Полтавскимъ боемъ, эпоха самая знаменательная въ нашей исторіи.

Въ предшествовавшую зиму послѣдовало нѣсколько царскихъ милостей малороссіянамъ, оказавшимъ вѣрность своему государю. Первое мѣсто между ними занимаетъ семейство Кочубея. Вдова несчастнаго Василія Леонтьевича, какъ мы уже говорили, ограбленная, увезена была въ Батуринъ и содержалась тамъ подъ строгимъ карауломъ. Въ самое критическое время, когда Батурину угрожало разореніе, въѣхала въ Батуринъ какая-то черница въ возѣ крытомъ будкою. Содержавшіяся въ Батуринѣ вдовы казненныхъ Кочубея и Искры были кѣмъ-то предувѣдомлены объ этомъ, вышли переодѣтыя вмѣстѣ съ меньшимъ сыномъ Кочубея Ѳедоромъ, сѣли въ возокъ подъ видомъ черницъ и выѣхали изъ города, а дочь Кочубея Прасковія съ прислугою, переодѣвшись въ платье простолюдинки, вышла пѣшкомъ и соединилась съ остальными за городомъ. Такъ освободились онѣ и уѣхали въ село Шишаки *), маетность пана Кулябки, женатаго на одной изъ дочерей миргородскаго полковника Апостола. Оттуда пробрались онѣ въ Сорочинцы, маетность Апостола. Тамъ уже находился старшій сынъ Кочубея Василій съ женою; туда съѣхались и другіе родственники. Пробывши въ родномъ кругу нѣсколько дней, они разъѣхались: Василій Кочубей съ женою, тещею и своею сестрою Анною Обидовской уѣхалъ въ Крыловъ, а вдова Кочубея и сестра ея, Искрина, съ давнимъ пріятелемъ дома Кочубеевъ, Захаржевскимъ, поѣхали въ Слободскую Украину и остановились въ Ровненскомъ хуторѣ **) на Коломакѣ, принадлежавшемъ Искрѣ. Туда пріѣхалъ родственникъ ихъ Жученко и привезъ письмо отъ Меншикова, писанное изъ Конотопа къ сыну казненнаго Кочубея, такого содержанія: «Господинъ Кочубей! Кой часъ сіе писмо получишь, той часъ поѣзжай до цар-

*) Село Хорольск. уѣзда, на р. Хороли, въ 8 верст. отъ гор. Хорола.

**) Хуторъ Полтавскаго уѣзда, на р. Коломакѣ.

скаго величества въ Глуховъ и возьми матку свою и жену Искрину и дѣтей, понеже великая милость государева на васъ обращается». Мать немедленно послала въ Кременчугъ звать сына, а сама, въ ожиданіи, отправилась къ старому родителю своему и Искриной войсковому товарищу пану Жученку, жившему въ Жукахъ, въ 10 верстахъ отъ Полтавы. Но на дорогѣ ей случилось препятствіе, какъ она потомъ жаловалась, будто отъ полковника полтавскаго Левенца, находившагося въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Кочубеямъ. Вдова опасалась даже, что онъ отошлетъ ихъ къ Мазепѣ, и въ такомъ опасеніи они снова ушли въ Слободскую Украину, чуть-было не попавшись въ руки пьяныхъ мужиковъ въ селѣ Петровкѣ *), которые ихъ сначала не узнали, но узнавши тотчасъ отпустили [58]). Обѣ сестры изъ Жуковъ уѣхали въ Харьковъ, а оттуда пробрались въ Лебединъ, въ главную царскую квартиру, узнавши, что царь уже находится въ этомъ городѣ. Въ своемъ письмѣ къ кіевскому митрополиту Іоасафу Кроковскому онѣ описывали свои приключенія **).

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно свиданіе царя со вдовами несчастныхъ вѣрныхъ слугъ, осужденныхъ имъ на смерть по

---

*) Нынѣ село Полтавскаго уѣзда, въ 14 верстахъ отъ Полтавы.

[58]) *Чтенія* М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 153—154.

**) ... несмотря на ходатайство митрополита Мазепа нудилъ насъ заключеніемъ для того же хотѣлъ цѣле отдать шведу. Аже Господъ невинность пановъ нашихъ и великое терпѣніе въ увѣреніе всему народу объявилъ, такъ и насъ бѣдныхъ въ самую великую руину надъ непокоривыми людми ставшуюся отъ той тяжкой неволѣ свободилъ подавши намъ до выпровоженя з тое непокоривои и страшнои руины до належитыхъ мѣстъ черницю, которая насъ отоль вывела. А теперъ Божимъ изволенемъ от тои тяжкои неволи свободившися намѣрилисмо были поѣхати до дому отца нашого к Полтавѣ въ Жуки едно для полученія благословенія отцовского, где намъ въ той дорозѣ повелѣніемъ великаго государя отъ свѣтлѣйшого князя Александра Даниловича Меншикова указъ зашолъ, же бы мы бѣдные сироты, совокупно з наименьшимъ сыномъ нашимъ Кочубеемъ для полученія милости пресвѣтлѣйшаго монарха нашого становилися въ Глуховъ. Прето ради бысмо вседушно якъ наискорѣе поспѣшатися; еднакъ же учинилося намъ препятіе полтавского полковника измѣною и великому государю неповолною склонностію и великимъ бунтовствомъ ихъ старшинъ: не дали намъ з дому отца нашого въ Жукахъ въ ту дорогу убратися, а мусилисмо устрашившися полковника полтавского измѣны въѣхати въ Рашковъ, ожидаючи наимилшого сына своего, который по указу кн. Меншикова готовъ бы поспѣшити до его царскаго пресвѣтлого величества, но не можетъ за шведскими войсками переправити Днѣпръ и написалъ матери, чтобъ ѣхала въ великороссійскіе городы просить инстанціи предъ государемъ выручить ея сына, чтобъ мочно было ему ѣхать (Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. ноября 20. Письмо двухъ сестеръ въ митрополиту).

ошибкѣ, изъ довѣрія къ Мазепѣ. Но, по царскому повелѣнію, гетманъ Скоропадскій далъ универсалъ, которымъ возвращались вдовѣ Кочубея съ дѣтьми и ея сестрѣ вдовѣ Искры, оставшейся бездѣтною, всѣ маетности покойныхъ мужьевъ съ нѣкоторою прибавкою новыхъ *). Около того же времени, 16-го декабря, пожалованы были маетности разнымъ войсковымъ товарищамъ: Андрею Лизогубу, Ивану Бутовичу и другимъ **). Затѣмъ царь издалъ грамоту объ охраненіи малороссійскихъ обывателей отъ безчинствъ и самовольствъ великороссійскихъ солдатъ, которые безъ офицеровъ, малыми партіями, самовольно вторгались въ мѣстечки и селенія, брали насильно у жителей хлѣбъ, всякую живность, лошадей, рѣзали скотъ, врывались даже въ клѣти и выбирали оттуда платье, принадлежавшее хозяевамъ ***). Чтобы сколько-нибудь изгладить впечатлѣніе, произведенное въ малороссійскомъ народѣ разрушеніемъ Батурина и истребленіемъ его обывателей, Скоропадскій по царской волѣ издалъ универсалъ, дозволявшій разогнаннымъ остаткамъ батуринскаго населенія водворяться вновь на прежнихъ мѣстахъ ****).

Тогда вспомнили объ одной изъ прежнихъ жертвъ Мазепы— о Палѣѣ, томившемся въ сибирскихъ пустыняхъ. Первый, подавшій мысль объ его освобожденіи, былъ князь Григорій Долгорукій, который, находясь въ Нѣжинѣ, имѣлъ возможность прислушаться къ народному голосу и узнать, что память о Палѣѣ оставалась въ уваженіи у всѣхъ его соотечественниковъ, а это

---

*) Въ полку Полтавскомъ: село Диканьку, въ полку Нѣжинскомъ сёла: Ярославецъ, Дубовичи, слободку Ретикъ, съ другой стороны надъ Днѣпромъ сёла: Головенку, Змѣтневъ, Тиницу, Рудаково, за Днѣпромъ на правой сторонѣ хуторъ въ селѣ Стайкахъ, въ Стародубскомъ полку слободку Улицу и сверхъ того въ Полтавскомъ полку село Сталовцы, а въ Нѣжинскомъ село Курнаевку, принадлежавшія прежде измѣннику Герцику. Искриной—сёла: Ивашко, Звончицы, Демидовку, Трибовскій хуторъ съ мельницами на Ворсклѣ, Грабиновку и Ровничи на Коломакѣ съ разными лѣсными дачами и заведенными на нихъ пасѣками (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 127.— Чтенія М. О. И. и Др. 1859 г., т. I, стр. 206).

**) Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г. № 116—117.

***) Ibid., № 118—119.

****) ... на дозволеніе батуринскимъ жителямъ вновь селиться въ разоренныхъ дворахъ своихъ, въ посадахъ и хуторахъ. А яко оные батуринскіе жители не будучи ни въ чомъ винными при змѣнникахъ Мазепѣ единомышленныхъ пострадали не тилко худобы, но и многихъ сродниковъ своихъ также бы околичные городы и села жадного дѣла не мѣли укоризнами, досадами и долегливостями не важилися до остатку съ посадовъ и хуторовъ батуринскихъ розгоняти (Арх. Ин. Дѣлъ 1708 г., № 120).

казалось особенно важнымъ, когда Скоропадскій и миргородскій полковникъ старались склонить къ вѣрности царю запорожцевъ *).

Царь далъ указъ о возвращеніи Палѣя.

ГЛАВА XV.

Запорожцы.—Попытки русскихъ удержать ихъ въ покорности.—Кошевой Гордѣенко у Мазепы.—Колебаніе запорожцевъ.—Малороссійское посольство и запорожцы.—Запорожцы присягаютъ Карлу.—Взаимныя посольства царя и Карла.—Дѣятельность полковника Яковлева.—Шведы приступаютъ къ Полтавѣ.—Разореніе Сѣчи Яковлевымъ и Кгалаганомъ.—Руское войско подъ Полтавою.—Прибытіе фельдмаршала Шереметева.—Прибытіе царя Петра къ арміи.—Сношенія между Полтавою и арміею.—Стѣснительное положеніе шведовъ.—Взятіе русскими Стараго Санжарова.—Рана полученная шведскимъ королемъ.

Въ половинѣ февраля царь уѣхалъ въ Воронежъ, гдѣ постоянно устроивался его флотъ. По отношенію къ войнѣ съ Карломъ, Петръ намѣревался пустить нѣсколько кораблей въ Азовское и Черное море, чтобы внушить туркамъ уваженіе къ своимъ силамъ въ случаѣ, еслибы съ турецкой стороны оказалось поползновеніе къ нарушенію мира. Въ то же время царскій посланникъ въ Константинополѣ Толстой всѣми средствами старался вооружить Диванъ противъ Карла XII и его союзниковъ; онъ представлялъ, что предпріимчивый Карлъ, если удастся ему побѣдить Россію, оборотитъ свои завоевательные замыслы на Турцію [1]).

Въ Украинѣ военными дѣлами распоряжался главнымъ образомъ князь Меншиковъ, состоявшій въ постоянной перепискѣ съ царемъ. Съ 1 апрѣля его постоянное пребываніе было въ Харь-

---

*) ... о воровствѣ запорожцевъ неоднократно писалъ я до миргородскаго полковника, дабы оный, выбравъ изъ своего полка добрыхъ козаковъ и удовольствовавъ послалъ въ Запороги въ разные курени, чѣмъ бы возможно тамо заводчиковъ кошевого и судью испровергнуть и во всѣхъ противникахъ довѣріе учинить, такожъ и господинъ гетманъ въ свою сторону съ общого совѣту отвращая оныхъ своевольниковъ писалъ и другими способы тайно и неусыпно трудился, какъ и нынѣ удовольствовавъ деньгами, посылалъ съ письмами козаковъ, которые прежде сего были въ Сѣчѣ кошевыми... чрезъ которыхъ надѣемся съ помощію Божіею оныхъ удержать, а ежели отчего не дай Боже не можемъ удержать, не изволите ли на такое время въ Сѣвскъ или, гдѣ въ иныя мѣста приказать привезть ближе къ Москвѣ Палѣя, понеже онъ въ такихъ легкомысленныхъ имѣетъ любовь и не малый кредитъ, однако изволите приказать изъ онаго выразумѣть—какимъ себя признаетъ пріятелемъ богоотступника Мазепы, знаетъ что все его несчастіе и ссылка отъ онаго измѣнника (Гос. Арх. Кабинет. Дѣла, № 8. Письмо Долгорукаго 3-го марта 1709 г.).

[1]) *Голиковъ*: „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.“ т. VIII, стр. 207—208.

ковѣ, откуда онъ дѣлалъ недолговременные разъѣзды для осмотра войскъ и для наблюденія надъ театромъ военныхъ дѣйствій. Важнѣйшею задачею было удержать запорожцевъ въ покорности государю и отклонить отъ соединенія съ Мазепою. Для усовѣщенія запорожцевъ былъ посланъ въ Сѣчу архимандритъ межигорскій Иродіонъ Жураховскій. Съ нимъ царскіе стольники и гетманскій посланецъ повезли царское денежное жалованье и сверхъ того особые денежные подарки кошевому, старшинамъ и всѣмъ товарищамъ. По извѣстію малорусскаго лѣтописца, задорная толпа «гультаевъ» оскорбляла присланнаго къ нимъ духовнаго сановника и гетманскаго посланца: ихъ грозили сжечь или утопить [3]). Но такого рода обращеніе съ лицами, которыхъ запорожцы должны были уважать, было не рѣдкостью въ грубомъ запорожскомъ обществѣ и составляло обычную выходку, часто не имѣвшую послѣдствій. И въ эту пору на нѣкоторое время въ Сѣчѣ взяла было верхъ партія старыхъ козаковъ, всегда стоявшая на сторонѣ спокойствія и покорности царю. Расположеніе къ законности до того проявилось у сѣчевиковъ, что они послали къ Мазепѣ письмо, въ которомъ, именуя себя царскимъ войскомъ, извѣщали, что вмѣстѣ съ царскими ратями будутъ стараться объ освобожденіи Украины отъ вторженія иноплеменниковъ. Петръ писалъ, что надобно всѣми силами утвердить въ вѣрности къ царю кошевого атамана, какъ главнаго начальника и руководителя запорожцевъ. Но этимъ кошевымъ атаманомъ былъ тогда Костя Гордѣенко—непримиримѣйшій врагъ московской власти—и этотъ-то именно человѣкъ снова свелъ братію на противный путь. Мазепа послалъ къ запорожцамъ воззваніе, но Костя предупредилъ пріѣздъ мазепиныхъ посланныхъ въ Сѣчу, собралъ до тысячи единомышленниковъ, взялъ съ собою девять пушекъ и пошелъ къ Переволочной [4]), которую Запорожская Сѣча считала своею собственностію и держала тамъ начальника, называемаго полковникомъ. Въ это время запорожскимъ полковникомъ въ Переволочнѣ былъ Нестулей. По зову Гордѣенка, онъ выѣхалъ къ нему съ 500 запорожцевъ, находившихся въ Переволочнѣ при полковникѣ; туда уже прибыли ѣхавшіе въ Сѣчу мазепины посланцы—генеральный судья Чуйкевичъ, кіевскій полковникъ Мокіевскій и бунчуковый товарищъ Ѳедоръ Мировичъ сынъ переяславскаго полковника.

[3]) *Ригельманъ*, ч. III, стр. 57.

[4]) Мѣст. Кобылякскаго уѣзда, при р. Днѣпрѣ, близъ устья Ворсклы.

12 марта, въ субботу, собрали раду. Прочли длинное посланіе Мазепы. Въ немъ излагались разныя тягости, которыя терпѣла Украина отъ московскаго ига, а для Запорожья эти тягости выставлялись еще чувствительнѣе. Мазепа увѣрялъ, что самъ слышалъ, какъ царь говорилъ: «надобно искоренить этихъ воровъ и злодѣевъ запорожцевъ». У шведскаго короля,—объяснялъ Мазепа,—нѣтъ вовсе злыхъ умысловъ ни противъ Украины, ни противъ Запорожья. Король только преслѣдуетъ своихъ непріятелей—москалей, которые сами раздражили шведовъ, а теперь не въ силахъ противостоять имъ и бросились на Украину, гдѣ поступаютъ хуже, чѣмъ шведы, которыхъ выставляютъ чужими непріятелями. Запорожцы, вмѣстѣ съ малороссіянами, должны радоваться прибытію шведскаго государя, потому что оно подаетъ всѣмъ возможность свергнуть съ себя московское ярмо и стать свободнымъ, счастливымъ народомъ. Затѣмъ, въ посланіи Мазепы, приводилась прежняя сказка о намѣреніи царя перевести малороссіянъ за Волгу.

Мазепины посланцы привезли кошевому деньги. Костя Гордѣенко тотчасъ же сталъ раздавать ихъ товарищамъ и тѣ, выслушавши письмо Мазепы, кричали: «за Мазепою, за Мазепою! Правда,—разсуждали тогда на этой радѣ,—царь прислалъ въ Сѣчу деньги, но за это мы не должны служить царю противъ шведскаго короля и Мазепы: деньги, присланныя къ намъ, были прежде отняты москалями у нашихъ же братьевъ козаковъ». Вѣроятно, они разумѣли тутъ удержаніе назначаемаго въ Сѣчь жалованья по поводу бывшей жалобы турецкаго паши за грабежъ греческихъ купцовъ. Много подѣйствовало на запорожцевъ и полученное письмо крымскаго хана: онъ подавалъ совѣтъ держаться гетмана Мазепы и обѣщалъ помогать запорожцамъ въ нуждѣ. Нестулей съ своими товарищами, бывшими въ Переволочнѣ, нѣсколько-было поупрямился, но потомъ склонился на сторону Мазепы. Костя Гордѣенко написалъ къ шведскому королю, что всѣ запорожцы—на его сторонѣ, испрашиваютъ его покровительства, готовы на всякія усилія для возстановленія своей свободы и молятъ Бога объ успѣхахъ шведскаго короля [3]). По настоянію кошевого, съ письмомъ въ такомъ смыслѣ отправлена была депутація изъ запорожцевъ къ шведскому королю. Депутаты прибыли въ Будища [*]) 19 марта и были допущены къ королевской

[3]) *Nordberg*, стр. 284.—*Adlerfeld*, франц. пер., стр. 429.

[*]) Нынѣ большое мѣстечко Зеньковскаго уѣзда.

рукѣ. Имъ устроили угощеніе, но фельдмаршалъ Реншильдъ замѣтилъ, что запорожцы безобразно пьянствуютъ, и постановилъ съ ними условіе, чтобы десять изъ нихъ, которые представятся королю при послѣдней аудіенціи, не напивались ранѣе обѣда, потому что король пьяныхъ не терпитъ. Запорожцы сдержали свое обѣщаніе, но съ трудомъ [4]).

Въ то время, когда эти запорожскіе депутаты находились въ шведскомъ станѣ, другіе ихъ братія, возбужденные Костемъ Гордѣенкомъ и Нестулеемъ, начали непріязненныя дѣйствія противъ русскихъ. Сперва въ Кобылякахъ напали они врасплохъ на 60 человѣкъ сонныхъ и 40 изъ нихъ изрубили, а на другой день въ Цариченкѣ [*]) напали на бригадира Кампеля, стоявшаго тамъ съ тремя полками, и задали такой переполохъ, что Кампель едва убѣжалъ съ 400 своихъ солдатъ; 115 человѣкъ было взято запорожцами въ плѣнъ [5]). Этотъ успѣхъ сразу ободрилъ низовскую удаль; набралось тысячъ до пятнадцати сѣчевиковъ и гультаевъ; они овладѣвали городками по Орели и по Ворсклѣ, прогоняли великороссійскіе гарнизоны, а жители того края, которые передъ тѣмъ изъ боязни, не зная къ кому приставать, скрывались въ лѣсахъ, теперь возвращались въ свои жилища и, повинуясь запорожцамъ, доставляли запасы шведамъ [6]).

26-го марта прибылъ къ Будищамъ самъ Костя Гордѣенко съ своими товарищами. Не допуская ихъ за полмили до Будищъ, Мазепа послалъ къ нимъ на встрѣчу какихъ-то двухъ полковниковъ съ отрядомъ въ 2.000 человѣкъ, чтобъ ихъ провести въ Диканьку, куда приглашалъ Костю на свиданіе. Костя Гордѣенко вступилъ въ домъ, гдѣ уже находился Мазепа (вѣроятно, то былъ домъ Кочубея, котораго хозяйка находилась тогда въ Слободской Украинѣ). Запорожскихъ гостей встрѣтили Мазепины старшины—и Костя Гордѣенко, въ знакъ уваженія, склонилъ передъ ними свой бунчукъ. Въ другой комнатѣ стоялъ Мазепа передъ столомъ, на которомъ лежали знаки его гетманскаго достоинства. Гордѣенко поклонился ему, склонилъ передъ нимъ свой бунчукъ и говорилъ: «Мы войско запорожское низовое благодаримъ вашу милость за то, что вы, какъ и подобало главному вождю украинскому, приняли близко къ сердцу судьбу, по-

---

4) *Nordberg*, стр. 285.—*Adlerfeld*, нѣмецк. пер., ч. III, стр. 197.

*) Мѣст. Кобылякскаго уѣзда, при р. Орели.

5) *Adlerfeld*, ibid.— Гос. Арх. Кабинет. Дѣла. Отд. II, № 8.

6) *Nordberg*, стр. 285.

стигшую нашъ край, и предприняли освободить его отъ московскаго рабства. Мы увѣрены, что съ этою цѣлію, а не для вашихъ собственныхъ выгодъ, не изъ какихъ-нибудь приватныхъ видовъ, рѣшились вы прибѣгнуть къ протекціи шведскаго короля. Мы хотимъ вѣрно вамъ содѣйствовать, мы разомъ съ вами будемъ жертвовать и кровію и жизнію своею, будемъ во всемъ повиноваться вамъ, лишь бы достигнуть желанной цѣли. Умоляемъ вашу милость понести на себѣ эту тяготу, а мы, по возможности, станемъ помогать вамъ нести ее. Благодаримъ васъ равно и за то, что извѣстили насъ о намѣреніяхъ и о благосклонности къ намъ шведскаго короля. Мы за тѣмъ сюда прибыли, чтобы испросить у его величества протекцію себѣ и надѣемся получить ее при содѣйствіи вашей вельможности. Готовы предъ Богомъ принести присягу въ вѣрности и повиновеніи вашей милости, но желаемъ, чтобъ и ваша вельможность обязали себя присягою дѣйствовать въ согласіи съ нами и оказывать намъ содѣйствіе въ дѣлѣ спасенія отечества».

Мазепа отвѣчалъ: «Благодарю васъ, запорожцы, за довѣріе ко мнѣ. Славлю ваше ревностное желаніе добра отчизнѣ. Богъ мнѣ свидѣтель, что, отдаваясь въ руки шведскаго короля, я поступалъ не по легкомыслію и не изъ приватныхъ видовъ для себя, а изъ любви къ отчизнѣ. У меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей; я могъ бы удалиться въ Польшу, или куда-нибудь и спокойно провести тамъ остатокъ дней моей жизни; но, управлявши столько времени Украиною, съ заботливостію и вѣрностію, насколько доставало у меня способностей, я по долгу чести и сердечной любви не могу сложа руки оставлять этотъ край на произволъ неправеднаго угнетателя. Мнѣ слишкомъ извѣстно, что царь намѣревался переселить насъ всѣхъ въ иной край, а васъ, запорожцы, всѣхъ повернуть въ драгуны и ваши жилища разорить до тла. Если вы, запорожцы, еще сохранили вашу свободу, то этимъ обязаны вы только мнѣ, Мазепѣ. Еслибы замыселъ царскій осуществился, вы всѣ были бы перевязаны, перекованы и отправлены въ Сибирь. Уже Меншиковъ двигался съ ужасающею силою войска и нужно признать особое руководительство Провидѣнія надъ нами, что въ эту самую пору шведскій король вступилъ въ нашъ край и подалъ всѣмъ доброжелательнымъ людямъ надежду на освобожденіе отъ угнетателей. Я счелъ своимъ долгомъ обратиться къ шведскому королю и надѣюсь, что Богъ, избавившій насъ недавно отъ опасности, по-

можетъ намъ свергнуть съ себя постыдное иго. Будемте за одно, запорожцы! Я обяжусь вамъ присягою, а вы съ своей стороны присягните мнѣ въ неизмѣнной вѣрности и дружбѣ».

Всѣ бывшіе съ Гордѣенкомъ слушали этотъ разговоръ. Запорожцы не позволили бы своему кошевому говорить съ гетманомъ наединѣ безъ свидѣтелей. Ничто такъ не поддерживало независимости въ запорожскомъ товариществѣ, какъ обычай, всегда соблюдаемый, чтобы вождь не говорилъ ничего иначе, какъ отъ имени своихъ товарищей и въ ихъ присутствіи. Отъ этого—счастливый ли исходъ получали ихъ предпріятія или несчастливый—никто за то единично не отвѣчалъ, потому что всѣ принимали участіе на совѣщаніи и каждый могъ тамъ свободно высказать свое мнѣніе.

Не легко было воздержаться запорожцамъ отъ своихъ обычныхъ пріемовъ грубости и дикости. Послѣ представленія гетману, запорожцевъ пригласили къ обѣду; кошевой и старшины сидѣли за однимъ столомъ съ гетманомъ; всѣхъ равно угощали изобильно. Въ теченіи обѣда они всѣ хвалились своею привязанностію къ гетману и готовностію во всемъ повиноваться ему; но когда опьянѣли и стали уходить изъ гетманскаго покоя въ отведенное имъ помѣщеніе, то стали хватать и уносить съ собою разную утварь. Дворецкій дома хотѣлъ не допустить такого безчинства и обратился къ запорожцамъ съ жесткими замѣчаніями, хотя за обѣдомъ пилъ съ ними вмѣстѣ не меньше прочихъ. «Вы,—говорилъ онъ запорожцамъ,—рады были бы ограбить этотъ домъ; такой у васъ обычай—дѣлать подобное, куда вы только заберетесь». Запорожцы не стерпѣли такихъ замѣчаній отъ человѣка, котораго происхожденіе считали низкимъ, и пожаловались своему кошевому. Гордѣенко вообразилъ, что обида была сдѣлана умышленно ему лично и что самъ Мазепа напустилъ дворецкаго. Въ досадѣ Гордѣенко приказалъ всѣмъ запорожцамъ сѣдлать лошадей и хотѣлъ съ ними уѣзжать, не простившись съ гетманомъ. Но Мазепа узналъ объ этомъ впору и послалъ къ Гордѣенку сказать, что сожалѣетъ о случившемся безпорядкѣ, а чтобы доказать свою невиновность въ этомъ дѣлѣ, готовъ имъ отдать дворецкаго на расправу. Такая снисходительность утишила Гордѣенка и его товарищей. Дворецкій былъ имъ выданъ головою. Запорожцы повалили его на землю, топтали ногами, перебрасывали его между собою отъ одного къ другому, наконецъ одинъ изъ нихъ ударилъ дворецкаго ножомъ въ животъ и дворецкій умеръ подъ этимъ ударомъ.

На другой день послѣ того Гордѣенко съ 50 товарищами представлялся королю въ Будищахъ. Всѣ были допущены къ королевской рукѣ. Представили королю приведенныхъ съ собою 115 русскихъ плѣнныхъ, взятыхъ въ Царичнкѣ. Гордѣенко произнесъ рѣчь, выражалъ благодарность королю за обѣщаніе покровительствовать имъ и всей Украинѣ противъ общаго врага. Государственный секретарь Гермелинъ отъ имени короля произнесъ имъ отвѣтъ на латинскомъ языкѣ, а коммиссаръ Сольданъ перевелъ его. Въ этомъ отвѣтѣ увѣряли запорожцевъ въ неизмѣнной благосклонности къ нимъ короля и поставляли имъ на видъ, какъ много хорошаго могутъ они получить, если воспользуются представившимися обстоятельствами чтобъ утвердить свою старинную вольность; воздали, наконецъ, запорожцамъ хвалу за ихъ храбрость, оказанную въ Царичнкѣ. «Мы,—сказалъ Гордѣенко,—уже послали съ сотню москалей крымскому хану на-показъ и надѣемся, что когда ихъ увидятъ татары, то станутъ съ нами за-одно».

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней по королевскому приказанію угощали запорожцевъ; тѣ, которые воевали въ цариченской битвѣ, получили 1.000 золотыхъ въ раздѣлъ между собою. Гордѣенко и старшины получили еще особо суммы отъ короля при открытомъ письмѣ, которое надлежало прочитать въ Сѣчѣ на радѣ: иначе сѣчевики стали бы домогаться, что и эти суммы слѣдуетъ раздѣлить между всѣми поровну, какъ обыкновенно у нихъ дѣлилась добыча. Мазепа отъ себя подарилъ запорожцамъ 50.000 золотыхъ въ раздѣлъ, а сѣчевымъ старшинамъ особо каждому не малыя суммы. Запорожцы и украинскіе козаки заключали между собою обязательство дѣйствовать взаимно—и Мазепа, какъ гетманъ козацкій, за все украинское козачество присягнулъ на евангеліи и на распятіи, въ которомъ вложены были частицы св. мощей. Мазепа сдѣлался опять нездоровъ, не выходилъ изъ покоевъ и произнесъ присягу у себя. Запорожцы присягали въ будищанской церкви [7]).

Тогда составленъ былъ проектъ договора со шведами въ четырехъ пунктахъ и Мазепа представилъ его на утвержденіе королю. Король шведскій обѣщалъ не заключать съ царемъ мира иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ Украина и Запорожье навсегда были изъяты отъ московскаго владычества со своими древ-

---

[7]) *Adlerfeld*, франц. пер., стр. 430; нѣм. пер., ч. III, стр. 199.

ними правами и привилегіями, какими пользовались съ незапамятныхъ временъ. Король обѣщалъ во все время пребыванія шведовъ въ предѣлахъ Украины размѣщать свои военныя силы такъ, чтобъ онѣ занятіемъ квартиръ не причиняли обывателямъ вреда. Король обѣщалъ прощеніе сельскимъ жителямъ, покидавшимъ свои жилища и показывавшимъ вражду къ шведамъ, если они возвратятся въ мѣста своего жительства и станутъ доставлять шведамъ продовольствіе. Король дастъ своимъ войскамъ приказаніе по отношенію ко всѣмъ малороссіянамъ соблюдать строгую дисциплину. Все это подписалъ король шведскій.

Тогда запорожцы заявили передъ королемъ желаніе, какъ бы открыть поскорѣе генеральный бой съ непріятелемъ. На это отъ короля данъ былъ имъ въ такомъ смыслѣ отвѣтъ: военныя операціи зависятъ отъ времени и отъ намѣреній непріятеля, заранѣе невозможно опредѣлять времени и мѣста для битвы; но король похваляетъ запорожцевъ за ихъ воинственныя побужденія и будетъ по возможности имъ содѣйствовать. Запорожцы были довольны такимъ отвѣтомъ и въ знакъ удовольствія махали шапками и саблями [8]). Въ послѣдній день запорожцы были допущены къ цѣлованію королевской руки и приглашены къ королевскому обѣду на два стола [9]). Послѣ того они уѣхали.

Гордѣенко толковалъ съ Мазепою и присягалъ въ будищанской церкви съ 50 человѣками, какъ говорятъ шведскіе историки: то были, вѣроятно, курѣнные атаманы, но съ ними приходилъ въ королевскую квартиру не малый отрядъ сѣчевиковъ. По отходѣ отъ короля, проѣзжали они мимо Полтавы. Русскіе, завидя ихъ со стѣнъ, начали по нимъ палить. Тогда, по приказанію Гордѣенка, сотня запорожцевъ подскочила къ городскимъ стѣнамъ, дала залпъ и повалила нѣсколькихъ человѣкъ на стѣнахъ. Одинъ запорожецъ ловко попалъ пулею въ стоявшаго на башнѣ офицера царскаго войска въ расшитомъ золотомъ мундирѣ, и Гордѣенко замѣтилъ провожавшимъ его шведамъ, что у нихъ наберется 600 молодцовъ, умѣющихъ такъ мѣтко попадать изъ ружья. Запорожцы взялись провезти служившаго въ шведской арміи волоха Сандула съ письмами отъ Мазепы къ сераскиру. Мазепа извѣщалъ послѣдняго, что теперь самая удобная пора атаковать москалей. Король шведскій былъ тогда очень недоволенъ

---

[8]) *Nordberg*, стр. 287 и 288.
[9]) *Adlerfeld*, франц. пер., стр. 436.

медлительностію турецкаго двора и говорилъ: «турки ослѣпли: не видятъ случая воротить себѣ отнятыя у нихъ московитами провинціи».

То обстоятельство, что запорожцы объявили себя за Мазепу, отчасти могло поднять его дѣло хоть на короткое время. Малороссійское поспольство не любило гетмана Мазепу, издавна привыкши считать его ляхомъ, перекинувшимся въ козачество, но могло поддаться обаянію запорожцевъ, на которыхъ издавна смотрѣло какъ на борцовъ за простой народъ, и не даромъ князь Григорій Долгорукій писалъ царю отъ 3 апрѣля: «воръ кошевой ядъ свой злой продолжаетъ и непрестанно за Днѣпръ пишетъ, чтобъ побивали свою старшину и къ нему черезъ Днѣпръ переходили и уже такая каналія за Днѣпромъ собирается и разбиваетъ пасѣки» [10]).

Наказнымъ атаманомъ въ Сѣчѣ, за отсутствіемъ Гордѣенка, былъ Яковъ Симонченко. Неутомимый миргородскій полковникъ прислалъ въ Сѣчь козаковъ съ письменнымъ увѣщаніемъ не слушать Гордѣенка и пребывать въ вѣрности государю. Симонченко приказалъ прочитать письмо Апостола въ «радѣ» и спрашивалъ совѣта—что̀ дѣлать. Запорожцы закричали: послать кошевому «листъ» миргородскаго полковника, а тѣхъ, что привезли этотъ листъ, приковать за ноги къ пушкѣ. Немногіе стали говорить, что не нужно поступать такимъ образомъ, но голоса ихъ оказались въ меньшинствѣ. Перекричали сторонники Гордѣенка, приковали къ пушкѣ козаковъ и послали письмо Апостола къ Гордѣенку, совершенно отдаваясь на волю послѣдняго. Черезъ пять дней воротился въ Сѣчу асаулъ, ѣздившій къ Гордѣенку, и тогда козаковъ миргородскихъ приковали къ пушкамъ за шеи, а не за ноги, и сказали имъ, что наказной кошевой Симонченко хочетъ ихъ разстрѣлять. Но ловкіе козаки ночью разломали другъ у друга оковы и ушли изъ Сѣчи къ своему полковнику. Они сообщали, что въ Сѣчѣ осталось запорожцевъ не болѣе тысячи; изъ нихъ козаки старые не хотятъ измѣнять царю, но вѣрный товарищъ Гордѣенка, Симонченко, и съ нимъ вся «сиромà» склонны къ бунту противъ царя и ненавидятъ москалей [11]).

Вообще, однако, запорожское братство стояло на такой тряской нравственной почвѣ, что нельзя было поручиться за долго-

[10]) Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла, № 9.

[11]) Арх. Ин. Дѣлъ 1709 г. Подлинн. Допросы лицъ, прикосновенныхъ къ измѣнѣ Мазепы.

временность ни такого, ни иного направленія: сегодня въ Сѣчѣ возьметъ верхъ одна партія, на другой день пересилитъ ее противная. Не могли слишкомъ полагаться и шведы на обѣщанныя Гордѣенкомъ единодушіе и горячую готовность запорожцевъ идти въ бой противъ москалей. Самъ Гордѣенко, ворочаясь отъ короля и Мазепы въ Сѣчу, говорилъ на пути жителямъ: «разглядѣлъ я этихъ шведовъ,—полно при нихъ служить! Мнѣ теперь кажется, лучше намъ по прежнему служить царскому величеству». У него то было обычное запорожское «вередованіе» (капризничанье): часто запорожецъ говорилъ вслухъ совсѣмъ противное тому, что думалъ. Но дѣйствительно въ Сѣчѣ не совсѣмъ еще безсильна была партія старыхъ козаковъ, нерасположенныхъ вообще къ крутымъ перемѣнамъ. Еще не успѣлъ вернуться Гордѣенко въ Сѣчу, какъ къ нему прибыло 17 человѣкъ съ письмомъ, въ которомъ запорожцы писали своему кошевому: «какъ ты дѣлалъ, такъ и отвѣчай. Ты безъ насъ вымышлялъ, а мы, вѣрные слуги царскаго величества, выберемъ себѣ вмѣсто тебя другаго кошевого». Объ этомъ извѣстился 5 апрѣля Меншиковъ, находившійся въ Харьковѣ, а 12 апрѣля въ Харьковъ пришло извѣстіе, что въ Сѣчѣ «рада» отрѣшила Гордѣенка и выбрала въ кошевые атаманы Петра Сорочинскаго [12]). Этотъ человѣкъ правительственными лицами считался благонамѣреннымъ, и когда извѣстили царя Петра о такомъ выборѣ, онъ отвѣчалъ Меншикову: «Сорочинскій человѣкъ добрый, я его самъ знаю» [13]). Сначала этотъ новый кошевой такимъ дѣйствительно и показалъ себя: онъ отправилъ универсалъ къ запорожцамъ, находившимся при Гордѣенкѣ, и своею властію приказывалъ имъ покинуть отрѣшеннаго кошевого, воротиться въ Сѣчу и оставаться въ вѣрности государю. Но въ Сѣчѣ затѣмъ собирались рады за радою и на этихъ радахъ происходили междоусобныя драки; подробностей мы не знаемъ, но изо всего вышло то, что хваленый Петро Сорочинскій передался на сторону Мазепы и по его порученію отправился лично въ Крымъ просить у хана помощи противъ москалей [14]).

Еще въ февралѣ царь послалъ къ шведскому королю генералъ-аудитора предлагать размѣнъ плѣнныхъ. Русскимъ особенно хотѣлось освободить изъ плѣна русскаго резидента въ Швеціи Хилкова, арестованнаго при самомъ началѣ войны въ Сток-

---

[12]) Госуд. Арх. Письма Меншикова.
[13]) *Голиковъ:* „Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Великаго", т. VIII, стр. 235.
[14]) Госуд. Арх. Письма Меншикова.

гольмѣ, тѣмъ болѣе, что царь уже отпустилъ на свободу шведскаго резидента въ Россіи Клипперкрона. Карлъ не согласился отпускать Хилкова, представляя, что Клипперкронъ нѣсколько лѣтъ сряду прежде былъ резидентомъ въ Москвѣ, а Хилковъ пріѣхалъ и задержанъ тогда, когда уже царь началъ войну. Царскій посланникъ привезъ письмо отъ Головкина къ Пиперу съ предложеніемъ съѣзда уполномоченныхъ для заключенія мира съ тѣмъ условіемъ, чтобы Россіи уступлена была часть Кареліи, издавна составлявшая часть Русской державы, и часть завоеванной въ Ингріи полосы, гдѣ находился Петербургъ: за это, однако, изъявлялось желаніе дать Швеціи вознагражденіе деньгами. Сверхъ того царь хотѣлъ, чтобы обѣ стороны обязались не вмѣшиваться въ дѣла Польши, предоставивъ ей самой устроиться. Но такія предложенія были не новы для короля и Карлъ сказалъ: «Это предложеніе дѣлается намъ только для того, чтобы раздуть огонь войны. Пусть царь заплатитъ намъ всѣ убытки, нанесенные Швеціи войною, которую онъ поднялъ» [15]). Такіе убытки цѣнили тогда шведы до милліона рублей [16]). Послѣ того въ мартѣ пріѣхалъ къ царю въ Воронежъ, по дѣлу о размѣнѣ плѣнныхъ, посланникъ отъ короля шведскаго и между прочимъ просилъ у царя отъ имени Карла позволеніе купить лѣкарствъ и вина для шведскаго войска. Петръ не только дозволилъ, но велѣлъ отпустить то и другое безденежно *).

Между тѣмъ шведы, занявши Украину, нашли тамъ своихъ единоземцевъ, взятыхъ въ плѣнъ, между которыми были женщины и дѣти. Иные съ радостію обращались къ соотечественникамъ и просили ихъ взять съ собою, но были и такіе, что, живучи долгое время въ чужой землѣ, приняли православную вѣру, завели семейныя связи, а нѣкоторые, будучи невольниками, полюбили своихъ господъ и не хотѣли съ ними разлучаться [17]). Не зная, что̀ такое шведы, ненавидя Мазепу, приставшаго къ нимъ, и возбуждаемые царскою стороною, малороссіяне съ перваго раза от-

---

[15]) *Nordberg*, стр. 295.

[16]) *Катифора*: „Житіе Петра Вел.“, кн. IV, стр. 248.

*) Голиковъ предполагаетъ, что этотъ посланецъ Карла, пріѣзжавшій въ Воронежъ, былъ тотъ самый генералъ-аудиторъ, который ѣздилъ отъ царя къ Карлу, но у Нордберга, сообщающаго о пріѣздѣ перваго, онъ называется Эренросъ, а тотъ, который пріѣзжалъ отъ Карла къ царю въ Воронежъ, у барона Гизена, изъ котораго Голиковъ заимствовалъ извѣстія, носитъ имя Клингстерлона (*Голиковъ*: „Дополн. къ Дѣяніямъ Петра Вел.“, т. VIII, стр. 222).

[17]) *Nordberg*, стр. 291.

носились къ нимъ враждебно; но когда съ ними ознакомливались, то начинали относиться къ нимъ иначе. И это было замѣтно по окраинамъ Полтавскаго полка въ сосѣдствѣ съ запорожцами, которые всегда имѣли на жителей этого края нравственное вліяніе. Съ своей стороны русскіе военачальники не слишкомъ мягко относились къ тѣмъ малороссіянамъ, которые приставали къ шведамъ. Генералъ Ренъ, русской службы нѣмецъ и лютеранинъ, посылалъ народу универсалъ, угрожая бѣдою тѣмъ, которые будутъ оказывать расположеніе шведамъ, и честилъ послѣднихъ невѣрными. Другой русскій военачальникъ, также нѣмецъ, Кампель взялъ городки Маячку *) и Нехворощу **) и въ обоихъ городкахъ истребилъ всѣхъ жителей [18]). За то запорожцы овладѣли Новымъ Санжаровымъ ***) и другими городками вдоль Ворсклы до ея устья у Переволочны *), и просили шведовъ выгнать москалей изъ полтавской территоріи, чтобъ открыть сообщеніе съ Запорожьемъ. Король, въ содѣйствіе запорожцамъ, послалъ туда съ отрядомъ генерала Крузе. Шведы и козаки перешли Ворсклу у Соколки *) вплавь и 12 апрѣля нанесли пораженіе генералу Рену [19]).

Но этотъ успѣхъ былъ не долговремененъ. Шереметевъ отправилъ полковника Яковлева съ двумя тысячами солдатъ на Келеберду *). Приплывши къ этому мѣстечку 16 апрѣля, Яковлевъ послалъ требованіе, чтобы жители покорились царю. Келебердинцы, поджигаемые запорожцами, «учинились противны» [20]). Тогда Яковлевъ приказалъ идти на приступъ. Келебердинскій сотникъ предлагалъ покорность, но она показалась Яковлеву не искреннею, и онъ приказалъ солдатамъ продолжать приступъ. Сотникъ и жители успѣли уйти; сотникъ убѣжалъ въ Переволочну. Яковлевъ сжегъ Келеберду, пощадивши только церковь. Это сдѣлано было въ отместку за то, что прежде келебердинцы доставляли провіантъ Мазепѣ и запорожцамъ, а свои семьи отправили подъ защиту запорожцевъ. 18 апрѣля Яковлевъ прибылъ

---

*) Мѣстечко Кобыляк. уѣзда, при рѣкѣ Орели.

**) Мѣст. Константиноградскаго уѣзда, при рѣкѣ Орели.

[18]) Госуд. Арх. Письма Меншикова.

***) Больш. мѣст. Кобылякскаго уѣзда, при рѣкѣ Ворсклѣ.

*) Мѣст. Кобыляк. уѣзда, при рѣкѣ Днѣпрѣ, близъ устья Ворсклы.

*) Мѣст. Кобылякскаго уѣзда, при рѣкѣ Ворсклѣ.

[19]) *Nordberg*, стр. 297.—*Adlerfeld*, франц. пер., ч. III, стр. 434.

*) Мѣст. Кременчуг. уѣзда, при рѣкѣ Днѣпрѣ.

[20]) Гос. Арх. Письма Меншикова. Донесеніе Яковлева Меншикову.

къ Переволочной. Тамъ находился запорожскій полковникъ Зинецъ съ тысячью сѣчевиковъ. Ему повиновались тамошніе обыватели и набѣжавшіе въ Переволочну люди изъ окрестныхъ селеній въ числѣ двухъ тысячъ. Въ мѣстечкѣ Переволочнѣ былъ зàмокъ съ гарнизономъ изъ 600 запорожцевъ и достаточно запасовъ, такъ что можно было держаться нѣсколько дней. Яковлевъ, по данному ему наказу, прежде всего послалъ предложеніе сдаться и признать власть царя; запорожцы отвѣчали выстрѣлами изъ пушекъ и ружьевъ. Запорожцы считали себя искуснѣе москалей въ военномъ дѣлѣ, но ошиблись. Русскіе военные люди были многочисленнѣе и искуснѣе защитниковъ Переволочной: они ворвались въ мѣстечко, разсѣяли защищавшихъ его козаковъ и стали метать въ замокъ ядра и бомбы; защитники отстрѣливались, но ничего не могли сдѣлать. Послѣ двухчасоваго дѣла зàмокъ былъ взятъ, запорожцы въ числѣ 1.000 человѣкъ побиты, иные засѣли обороняться въ избахъ и сараяхъ и были тамъ сожжены вмѣстѣ съ ихъ убѣжищами; прочіе всѣ бросились спасаться бѣгствомъ, но попали въ Ворсклу и въ Днѣпръ и потонули. Взято было въ плѣнъ только 12 человѣкъ; солдаты въ погонѣ за бѣглецами безъ разбора всѣхъ убивали, не щадили ни женщинъ, ни дѣтей. Переволочна была самая удобная переправа черезъ Днѣпръ и потому тамъ находился большой запасъ судовъ, на которыхъ сразу можно было переправить черезъ рѣку до 3.000 человѣкъ. Полковникъ Яковлевъ приказалъ всѣ эти суда сжечь, также велѣлъ истребить огнемъ въ мѣстечкѣ мельницы и все хоромное строеніе, котораго тамъ было не мало, потому что Переволочна считалась въ Украинѣ городомъ богатымъ, торговымъ, гдѣ существовала и таможня, съ которой доходъ шелъ въ войсковый скарбъ Запорожской Сѣчи [21]). Неудача въ Переволочнѣ до такой степени навела уныніе на запорожцевъ, что они стали покидать городки на Ворсклѣ, гдѣ уже размѣстили свои гарнизоны.

Исключительно только тамъ, гдѣ находились запорожцы, проявлялось до нѣкоторой степени въ народѣ расположеніе къ шведской сторонѣ. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ Украины народъ продолжалъ выказывать вражду къ шведамъ. Въ апрѣлѣ, какъ только началась теплая погода, мужики, составляя шайки, уходили въ только что развившіеся лѣса и оттуда выскакивали на

---

[21]) Ibid.—*Nordberg*, стр. 298.

партіи шведскихъ солдатъ, ѣздившихъ за фуражомъ, а самые смѣлые даже безпокоили шведовъ въ ихъ квартирахъ: какъ только офицеры и солдаты выйдутъ за чѣмъ нибудь изъ своихъ помѣщеній, такъ внезапно и нападутъ на нихъ мужики; не было возможности помѣшать такимъ набѣгамъ послѣ того, какъ изъ Гадяча и Зенькова удалились шведскія войска. Напрасно Мазепа разсылалъ свои универсалы и въ нихъ убѣждалъ собиравшихся въ лѣса мужиковъ возвратиться въ свои дворы, увѣрялъ, что шведы люди добрые, за каждую малую услугу щедро вознаграждаютъ, что, наконецъ, напрасно хозяева прячутся въ лѣсныхъ трущобахъ, потому что шведы тамъ могутъ удобнѣе ихъ истребить и овладѣть всѣмъ, что они туда сносятъ, тогда какъ во дворахъ шведы съ хозяевами ничего дурного не дѣлаютъ. Малороссійскіе мужики выходили изъ своихъ лѣсныхъ берлогъ только за тѣмъ, чтобы красть шведскихъ лошадей или убивать шведскихъ солдатъ. Нѣкоторые были пойманы шведами и казнены. Въ Рѣшетиловкѣ *), гдѣ стоялъ генералъ Крейцъ, схватили двухъ мужиковъ, которые подкладывали огонь подъ избу; имъ отрѣзали уши и носы и въ такомъ видѣ отправили къ Шереметеву [22]). Но эти примѣры не прекратили повсемѣстной партизанской войны малороссіянъ противъ шведовъ. Въ самой главной квартирѣ короля и Мазепы, Будищахъ, дѣлалось опасно, ожидали ночныхъ нападеній, а смѣлый король, презирая всякія опасности, не заботился учреждать караулы.

Шведское войско, не пополняемое свѣжими силами, умалялось и начинало деморализоваться. Хотя короля своего всѣ уважали, но повиновеніе генераламъ ослаблялось. Возникали сомнѣнія въ счастливомъ исходѣ войны, а служившіе въ шведскомъ войскѣ чужеземцы стали мало-по-малу переходить къ русскимъ [23]). Въ военномъ совѣтѣ генераловъ происходила рознь. Нѣкоторые по прежнему совѣтовали отступить за Днѣпръ, въ польскую территорію. Пиперъ былъ того же мнѣнія, представляя, что тогда король можетъ соединиться съ Станиславомъ и съ корпусомъ генерала Крассова стоявшимъ въ Польшѣ. Мазепа болѣе всѣхъ противился этому и добивался прежде овладѣть Полтавою, дабы имѣть опору въ Украинѣ и находиться въ постоянномъ сношеніи съ Запорожьемъ. Карлу казалось, что Полтаву взять легко, по-

*) Больш. мѣст. Полтав. уѣзда, при рѣкѣ Голтвѣ.

[22]) *Nordberg*, стр. 279 и 292.

[23]) Ibid., стр. 302.

тому что она укрѣплена не особенно искусно, а работы осадныя предоставлялись запорожцамъ. Тогда генералъ-квартирмейстеръ Гилленкрокъ, вообще не расположенный оставаться въ Украинѣ и постоянный противникъ Мазепы, иронически сказалъ своему королю: «если съ нами не станется какое-нибудь чудо, то ни одинъ изъ насъ не выйдетъ изъ Украины; потеряетъ король и свое войско и свое государство и будетъ несчастнѣйшій изъ государей въ исторіи»[24]).

Еще 17 апрѣля Карлъ отправилъ часть своего войска держать въ блокадѣ Полтаву. Копанье траншей возложено было на запорожцевъ и на малороссійскихъ мужиковъ, которыхъ согнали туда по неволѣ. 24 апрѣля, по приказанію короля, вышелъ изъ Рѣшетиловки генералъ Крейцъ, счастливо избѣгнулъ преслѣдованія отъ Шереметева и примкнулъ къ королевскому войску[25]). 1 мая Меншиковъ изъ Харькова прибылъ съ частію царскаго войска къ Полтавѣ и установился по лѣвому берегу Ворсклы, противъ Опошни, до Котельвы. Шереметевъ 19 апрѣля сталъ между Сорочинцами и Голтвою и находился въ постоянной коммуникаціи съ Меншиковымъ, для чего учреждена была почта: письма передавались черезъ мужиковъ генералу Рену, стоявшему съ кавалеріею на берегу Ворсклы, ниже Полтавы. Нѣсколько времени не было никакихъ дѣйствій между непріязненными военными силами, которыхъ раздѣляла рѣка Ворскла. Но у самой Полтавы происходила дѣятельная работа: копались траншеи, насыпались шанцы, въ Полтаву бросались по немногу бомбы *). По временамъ посылались партіи для ловленія языковъ.

Между тѣмъ изъ шведскаго стана и изъ мазепинскаго кружка приходили перебѣжчики. Такъ, къ миргородскому полковнику пришли два ротмистра съ двумя волоскими хоругвями и Мазепинъ конюшій[26]), а потомъ отъ Мазепы ушелъ какой-то полковникъ съ 80 козаками—человѣкъ, въ которомъ Мазепа такъ былъ увѣренъ, что сказалъ: теперь не знаю кому вѣрить[27]).

---

[24]) *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 158.

[25]) Госуд. Арх. Письма Шереметева.—*Nordberg*, стр. 305.

*) ... Тому пятый день (писано 5 мая) непріятель пришедъ подъ Полтаву совсѣмъ блокировалъ и шанцы повелъ, а вчерашняго дня получили мы отъ коменданта Келина письмо, въ которомъ объявляетъ, что шанцы подъ самый ровъ проведены и бомбардируется, но не гораздо жестоко, въ сутки бомбъ по пяти пускаетъ, а оный комендантъ при помощи божіей, добрый отпоръ чинитъ (Гос. Арх. Письма Меншикова).

[26]) Госуд. Арх. Письма Меншикова.

[27]) *Nordberg*, стр. 303.

1-го мая шведскій король переѣхалъ въ Жуки поближе къ Полтавѣ. Мазепа съ обозомъ оставался въ Будищахъ. Король наблюдалъ надъ ходомъ осады.

7-го мая, когда шведская артиллерія дѣйствовала противъ Полтавы сильнѣе, чѣмъ прежде, Меншиковъ созвалъ генераловъ на военный совѣтъ. Порѣшили: для отвлеченія непріятеля отъ Полтавы, отправить внизъ по теченію Ворсклы сильный отрядъ подъ начальствомъ генерала Беллинга, перейти Ворсклу, обойти Полтаву и направляться къ Опошнѣ, а другой отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-квартирмейстера Гольца послать вверхъ по теченію Ворсклы, переправиться черезъ мостъ противъ Опошни и изъ этого отряда послать къ Будищу часть кавалеріи подъ командою генерала Шаумбурга и полковника Кропотова. Переходъ черезъ Ворсклу въ обоихъ пунктахъ совершился ночью съ большими трудностями: конница принуждена была переходить черезъ безмѣрныя болота и вплавь черезъ глубокія воды. Посланные вверхъ по теченію Ворсклы, по переходѣ ея, встрѣчены были сперва огнемъ изъ ретраншамента, устроеннаго на берегу, а потомъ натискомъ трехъ конныхъ и двухъ пѣшихъ шведскихъ полковъ, выдвинувшихся изъ Опошни на выручку сидѣвшимъ въ ретраншаментѣ; но русскіе отбились, заставили непріятеля уйти въ Опошню и зажгли предмѣстье за нимъ. Непріятель заперся въ замкѣ. Еслибы генералъ Беллингъ могъ подоспѣть, — замѣчалъ въ своемъ донесеніи Меншиковъ, — то ни одного бы человѣка не ушло тогда отъ русскаго оружія; но Беллингъ не могъ поспѣть впору и дѣйствовать на непріятеля съ-тыла, потому что ему приходилось совершить большой обходъ ночью. Тѣмъ не менѣе русскіе успѣли взять въ плѣнъ 750 шведовъ и освободить нѣсколько сотъ малороссійскихъ мужиковъ, согнанныхъ шведами изъ разныхъ селеній на работы къ Полтавѣ. Между тѣмъ изъ Будищъ поднималось шведское войско; самъ король шелъ на помощь къ своимъ съ графомъ Реншильдомъ. Русскіе благополучно отступили черезъ мостъ, разрушивши его за собою. Цѣль была достигнута. Непріятель встревожился, сталъ отступать отъ Полтавы. Комендантъ Келинъ сдѣлалъ вылазку; изрубили многихъ шведовъ, оторвали часть шведскаго обоза, а на другой день перекопали непріятельскій подкопъ, веденный подъ часть полтавскихъ укрѣпленій, называемыхъ Мазуровскимъ валомъ, и выбрали подложенный шведами порохъ [28]).

[28]) Госуд. Арх. Письма Меншикова.

Послѣ этого шведы оставили Будища и разрушенную Опошню—и все шведское войско приблизилось къ Полтавѣ. Главная квартира короля и Мазепы заложена была въ Жукахъ.

Русское войско перешло рѣку Мерлу и стало прямо противъ Полтавы. Почва, гдѣ оно расположилось, была болотиста; русскіе устроили себѣ родъ мостовой изъ фашинъ и возвели нѣсколько батарей; противъ нихъ король приказалъ устроить два редута съ четырмя орудіями [29]).

Полтавскій гарнизонъ умалялся. Надобно было впустить въ городъ свѣжія силы. Меншиковъ приказалъ въ разныхъ мѣстахъ насыпать новые редуты и строить мосты, показывая видъ, будто намѣренъ переправлять войско. Но то были ложныя аттаки, предпринимаемыя и вверхъ и внизъ по теченію Ворсклы, чтобы привлечь туда вниманіе шведовъ. Между тѣмъ, при помощи малороссійскихъ поселянъ, знавшихъ хорошо мѣстность, насыпана была въ иномъ мѣстѣ плотина и ночью съ 15 на 16 мая по этой плотинѣ благополучно проведенъ былъ бригадиръ Головинъ съ 1.200 солдатъ [30]) (а по инымъ извѣстіямъ съ 900) и со всею потребною аммуниціею въ Полтаву. Но за этимъ удачнымъ событіемъ, по оплошности того же Головина, произошло другое событіе, непріятное для русскихъ. 18 мая, когда между шведскими и русскими редутами шла горячая перестрѣлка, Головинъ изъ Полтавы сдѣлалъ вылазку съ 400 человѣкъ, но такъ неудачно, что шведы двѣ роты положили на мѣстѣ, а самъ бригадиръ Головинъ былъ взятъ въ плѣнъ съ сорока солдатами; остальные, «приведенные въ великую конфузію», ушли въ Полтаву [31]).

Въ то же время совершилась окончательная расправа съ Запорожьемъ. Полковникъ Яковлевъ 28 апрѣля получилъ изъ Харькова отъ Меншикова царскій указъ и поплылъ по Днѣпру въ Старый Кодакъ. Запорожскій полковникъ, начальствовавшій въ этомъ городкѣ, не сопротивлялся съ большинствомъ товарищества и принесъ повинную, но нѣкоторые удалые убѣжали на острова. Яковлевъ всѣхъ покорившихся законной власти отправилъ въ Новобогородскъ, а противъ убѣжавшихъ на острова послалъ погоню. Спасаясь отъ погони, многіе изъ бѣжавшихъ ушли изъ островов

---

[29]) *Nordberg*, стр. 307.

[30]) *Adlerfeld*, фран. пер., стр. 440—441.—Госуд. Арх. Письма Меншикова.—*Голиковъ*: „Дѣянія Петра Вел.“, т. III, стр. 94.

[31]) Госуд. Арх. Письма Меншикова.—*Adlerfeld*, фран. пер., стр. 441.—*Nordberg*, стр. 307.

въ степь. Русскіе успѣли нѣсколькихъ побить и взяли въ плѣнъ 11 человѣкъ, изъ которыхъ трое оказались великороссійскими бѣглыми солдатами изъ Кіева; были тамъ и бабы съ дѣтьми— остатки жителей, убѣгавшихъ изъ Украины въ Запорожскій край.

30 апрѣля Яковлевъ переплылъ черезъ Кодацкій порогъ; разбило у него два судна, но людей на нихъ не погибло никого. Причиною такой потери было то, что лоцмановъ, умѣвшихъ проводить суда черезъ пороги, не было: всѣ кодацкіе жители разбѣжались, а мѣсто ихъ на судахъ занимали новобогородскіе стрѣльцы. Тутъ стали приходить къ Яковлеву запорожцы съ повинною, но Яковлевъ замѣтилъ, что это дѣлается неискренно: взятые въ плѣнъ на островахъ показали, что пріѣзжавшіе къ нимъ запорожцы уговаривали ихъ, чтобъ они не склонялись на царскую сторону, а шли бы въ Сѣчу чинить отпоръ царскому войску. Полковникъ Яковлевъ приказалъ сжечь Старый и Новый Кодакъ съ ихъ предмѣстьями, съ тою цѣлію, чтобы тамъ уже не было болѣе пристанища «ворамъ». Онъ отправилъ въ обѣ стороны отъ Днѣпра въ степи отряды, въ одну сторону—царскаго войска подполковника Барина и козацкаго полковника Кандыбу, въ другую—царскаго войска подполковника Башмакова, и приказалъ истреблять безъ остатка бѣжавшихъ мятежниковъ. Скоро затѣмъ подоспѣла конница, отправившаяся по берегу Днѣпра въ то время, какъ пѣхота сѣла на суда. Тогда полковникъ Яковлевъ сообразилъ, что теперь плывущіе по Днѣпру будутъ обезопасены отъ внезапнаго нападенія противниковъ съ берега, и плылъ далѣе.

7 мая приплылъ Яковлевъ съ своимъ отрядомъ къ Каменному Затону, къ городку, построенному близъ самой Сѣчи. Вступать въ городокъ было небезопасно: слышно было, что тамъ есть люди, хворающіе заразительною болѣзнію. Яковлевъ расположился близко городка и послалъ въ Сѣчу козака Сметану съ увѣщательнымъ письмомъ князя Меншикова къ запорожцамъ. Сметана не возвратился. Пойманный запорожскій козакъ сказалъ, что посланца, привезшаго письмо, вмѣсто отвѣта, бросили въ воду. Яковлевъ попытался послать въ Сѣчу другое письмо, уже лично отъ себя, примѣняясь къ прежде посланному письму князя Меншикова. Пришелъ отъ запорожцевъ отвѣтъ—неизвѣстно, словесный или письменный — въ такомъ смыслѣ, что запорожцы не бунтовщики, держатся стороны царскаго величества, но царскихъ посланныхъ близко не допускаютъ. Между тѣмъ одинъ запоро-

жецъ, подвергнутый допросу, сообщилъ, что кошевой Петро Сорочинскій и Кирикъ Менько ѣздили въ Крымъ и потомъ ханъ прислалъ изъ Крыма въ Сѣчу 15 татаръ, которыхъ запорожцы отправили къ Мазепѣ, а сами съ часу на часъ ожидаютъ вспомогательной татарской силы. Яковлевъ послалъ сдѣлать осмотръ, какъ бы ему проникнуть въ Сѣчу. Оказалось, что, по случаю сильнаго половодья, вся Сѣчь была окружена водою и многіе курѣни затоплены. Невозможно было пристать къ Сѣчѣ судами, а по степи, гдѣ обыкновенно въ другія времена года былъ сухой путь, глубокая вода захватила пространство саженъ на тридцать. Яковлевъ послалъ офицеровъ, переодѣтыхъ въ козацкое платье, разсмотрѣть, откуда бы можно было приступить къ Сѣчѣ. Они сообщили, что вода нигдѣ не допускаетъ проходить. Посланная на лодкахъ партія солдатъ напала на запорожскій отъѣзжій караулъ; русскіе перебили и потопили многихъ запорожцевъ, привели живьемъ одного плѣнника и тотъ показалъ, что всѣ запорожцы, какъ одинъ человѣкъ, не хотятъ склоняться къ царскому величеству. «Замерзѣло воровство во всѣхъ», — выражался Яковлевъ въ своемъ донесеніи Меншикову.

Яковлевъ приказалъ насыпать шанцы и поставить на нихъ орудія, но стрѣлять приходилось трудно на далекое пространство черезъ воду, а сухопутьемъ никакъ нельзя было приблизиться къ Сѣчи. Приступъ начали на лодкахъ: онъ пошелъ неудачно для царскихъ силъ. У Яковлева было убито отъ 200 до 300 человѣкъ, а раненыхъ было еще больше и въ томъ числѣ офицеровъ; тѣ, которые попадались запорожцамъ въ плѣнъ, были подвергаемы безстыднымъ истязаніямъ и мучительной смерти*).

Но вдругъ поворотилось дѣло иначе. Явился присланный отъ генералъ-маіора Волконскаго компанейскій полковникъ Игнатъ Кгалаганъ съ своимъ полкомъ и съ драгунами, повѣренными ему отъ генерала Волконскаго. Кгалаганъ не былъ незнакомъ съ запорожцами. Онъ провелъ молодость въ Сѣчѣ, отличался много разъ въ удалыхъ козацкихъ подвигахъ; его избирали даже въ кошевые. Воротившись отъ Мазепы, онъ получилъ царское прощеніе и милость, сталъ вѣрно служить своему государю и теперь, исполняя царскую волю, шелъ громить Сѣчу, ему когда-то близкую и, такъ-сказать, родную. Онъ зналъ всѣ входы и

*) ... а которыхъ живьемъ они измѣнники побрали и тѣхъ такожъ срамно и тирански рубали (Гос. Арх. Письма Меншикова. Донесеніе Яковлева).

исходы этой Сѣчи; всѣ козацкіе «звычаи» сѣчевой братіи ему были извѣстны. Сначала запорожцы, увидя идущую къ нимъ новую ратную силу, думали: не татары ли это, которыхъ обѣщалъ ханъ прислать. Но потомъ, когда узнали, что̀ за гости прибыли къ нимъ, пришли въ смятеніе. Русскіе ворвались въ городъ и начали избіеніе. Кгалаганъ кричалъ: «положите оружіе и сдавайтесь, будетъ вамъ пощада!» Запорожцы впослѣдствіи говорили, что Кгалаганъ далъ тогда присягу, и только довѣрившись такой присягѣ, запорожцы покорились. 300 человѣкъ было взято въ плѣнъ; въ числѣ ихъ были старшины запорожскаго коша. Яковлевъ приказалъ знатнѣйшихъ изъ плѣнниковъ заковать, а прочихъ казнить на мѣстѣ «по достоинству». Запорожцы впослѣдствіи говорили, что казни эти сопровождались страшною свирѣпостію *). Всѣ пушки, военныя принадлежности и войсковые клейноты были описаны и взяты. Яковлевъ, исполняя царскій указъ, сжегъ всѣ курѣни и всякое строеніе въ Сѣчѣ, «чтобъ оное измѣнничье гнѣздо весьма искоренить», а Кгалаганъ, въ ревности къ исполненію царской воли, не остановился только на этомъ, но отправился въ погоню за разбѣжавшимися запорожцами, ловилъ ихъ и отдавалъ на расправу войсковому русскому начальству **).

Петръ, получивши извѣстіе о разореніи Сѣчи, былъ чрезвычайно доволенъ, потому что считалъ Запорожье важнѣйшимъ корнемъ измѣны и всякой смуты въ Украинѣ ***). Онъ издалъ

---

*) ... тое учинилося у насъ въ Сѣчи, где по присязѣ Кгалагановой и московськои товариству нашому головы луплено, шію до плахи рубано, вѣшано и иные тиранскіе смерти задавано, а надто що и въ поганствѣ за древнихъ мучителей не поводилося мертвыхъ изъ гробовъ многихъ не тилко товариства, но и чернецовъ откопувано, головы онымъ утинано, шкуры луплено и вѣшано (Арх. Ин. Дѣлъ 1710 г., № 3. Письмо кошевого Стефаненка гетману Скоропадскому).

**) ... ненаситившися таковаго душепагубного прибытку, а заостривши сердце свое жаломъ сатанинскимъ, чатами своихъ единомышленныхъ людей въ Тернувцѣ и по иныхъ годностяхъ и урочищахъ працею кровавою на добычахъ звѣриныхъ козаковъ невинныхъ въ московскіе тиранные безцѣнно запродалъ руки. И тотъ своего безчеловѣчія не престаючи, посылаетъ своихъ къ нимъ шпѣговъ и конѣ займати злодѣевъ и всякіе подступки чинити легкомысленныхъ людей, яко теды всякіе утиски, кривды и неволи людемъ украинскимъ за поводомъ и причиною его помянутого безбожника Кгалагана нанеслося (ibid.).

***) Царь писалъ Меншикову: „Сегодня получили мы отъ васъ письмо о разореніи проклятаго мѣста, которое корень злу и надежда неприятелю было что мы съ превеликою радостію услышавъ, Господу отомстителю злымъ бла-

манифестъ ко всѣмъ малороссіянамъ, излагалъ въ немъ вины запорожцевъ, ихъ коварство, съ какимъ они въ послѣднее время старались обмануть русское правительство, прикидываясь покорными, и въ то же время вели вредныя для Россіи сношенія съ непріятелями. Царь оповѣщалъ, что запорожцы сами виновны въ своей погибели, приказывалъ ловить убѣжавшихъ изъ Сѣчи и доставлять полковникамъ и сотникамъ для отсылки на расправу. Но тѣмъ изъ нихъ, которые сами явятся съ повинною и принесутъ раскаяніе, обѣщалась пощада [32]).

27-го мая къ войску, стоявшему напротивъ Полтавы, прибылъ Шереметевъ, а 1-го іюня пріѣхалъ туда же давно ожидаемый царь и привелъ съ собою свѣжія военныя силы.

Съ этихъ поръ сторона шведская замѣтно стала оказываться слабѣйшею въ сравненіи съ русскою. У русскихъ безпрестанно прибывали силы и скоро у нихъ было, какъ говорили, до 80.000; шведы, между тѣмъ, безпрестанно теряли свои силы отъ большаго числа побитыхъ въ бояхъ и умершихъ по причинѣ болѣзней и всякаго рода лишеній. Все чаще и чаще становились случаи перебѣга къ русскимъ. Добываніе Полтавы не удавалось такъ легко, какъ думалъ вначалѣ король, поддаваясь совѣтамъ Мазепы и своего фельдмаршала Реншильда, который надѣялся, что русскіе, неучи и варвары, не съумѣютъ вести правильной защиты и скоро сдадутся. Осада затянулась. Попытки небольшихъ приступовъ были отражены. Шведамъ удавалось иногда взобраться на крѣпостной валъ; тогда изъ Полтавы бѣжали отбивать ихъ не только царскіе воины, но и жители со всякимъ оружіемъ, даже старики, женщины и полувзрослые ребята. Шведы подводили подъ крѣпостной валъ мины, но одинъ унтеръ-офицеръ изъ шведскаго войска, похитившій ротныя деньги и страшившійся за то кары, убѣжалъ къ русскимъ и открылъ имъ куда ведется мина, а русскіе по его указанію устроили контрмину и выбрали порохъ, подложенный въ шведской минѣ. Король съ своею обычною отвагою и стойкостію употреблялъ вся-

---

годарили со стрѣльбою". Въ письмѣ къ Апраксину: „Полковникъ Яковлевъ Запорожье штурмовалъ, однакожъ оное проклятое гнѣздо взялъ и оныхъ воровъ всѣхъ порубили и тако послѣдній корень Мазепинъ съ помощію божіею выкорененъ, съ чѣмъ вашу милость поздравляю (Гос. Арх. Письма Петра. — *Голиковъ*. „Дѣянія Петра Великаго", т. III, стр. 90.—„Дополненіе къ Дѣян. Петра Вел.", т. VIII, стр. 241).

[32]) Чт. М. О. И. в Др. 1859 г., т. I, стр. 221 — 227.—*Ригельманъ*, ч. III, стр. 78.

кія усилія, чтобы воодушевить воиновъ собственнымъ примѣромъ. Онъ приказалъ устроить помѣщеніе для себя близко полтавскаго вала, такъ что до стѣнъ домика, построеннаго для короля, долетали непріятельскія пули. Все это поддерживало высокое уваженіе въ шведахъ къ своему государю, но дѣлу не могло помочь на столько, чтобы дать шведамъ перевѣсъ въ войнѣ. У шведовъ уже чувствовался недостатокъ пороха и боевыхъ запасовъ и шведскіе солдаты подбирали на полѣ непріятельскія пули, чтобы снова заряжать ими свои ружья. Почти всѣ инженерные офицеры были у нихъ побиты и ихъ замѣняли офицерами изъ строевыхъ полковъ, мало свѣдущими въ инженерномъ искусствѣ. Запорожцы, работавшіе въ траншеяхъ, послѣ нѣсколькихъ пораженій, нанесенныхъ имъ вылазками осажденныхъ, стали покидать свои земляныя работы и кричали, что копаться въ землѣ — дѣло мужицкое, недостойное ихъ рыцарскаго званія. Уже въ шведскомъ станѣ чувствовался и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; истощился небольшой округъ окрестностей Полтавы, гдѣ размѣщалось шведское войско; солдаты питались кониною и плохимъ хлѣбомъ, а кружка водки у маркитантовъ продавалась отъ семи до десяти талеровъ. Бѣдные голодные солдаты вопили: или смерти, или хлѣба!

Петръ, на другой сторонѣ Ворсклы, ошанцовалъ свой станъ и устроилъ на берегу редуты, откуда безпрестанно палили на шведское войско, стоявшее вдоль другого берега Ворсклы, а между русскимъ войскомъ на лѣвой сторонѣ рѣки и осажденною на правомъ берегу Полтавою — не прерывались сношенія. Русскіе передавали между собою извѣстія посредствомъ писемъ, заложенныхъ въ пустыхъ ядрахъ и пуляхъ [83]). Вскорѣ послѣ своего прибытія въ войску, 4-го іюня, Петръ послалъ въ пустой бомбѣ къ полтавскому коменданту письмо, извѣщалъ о своемъ пріѣздѣ, благодарилъ весь гарнизонъ за стойкость и утѣшалъ его скорымъ освобожденіемъ. Такимъ способомъ переброшено было въ Полтаву нѣсколько списковъ и къ солдатамъ и къ горожанамъ. Это возбудило въ Полтавѣ такую бодрость, что, по прочтеніи царскаго письма, дали въ соборной церкви присягу защищаться до послѣдней капли крови и заранѣе объявляли измѣнникомъ всякаго, кто захочетъ поступать противно этой присягѣ. Одинъ *благоразумный* обыватель на сходкѣ сталъ толко-

---

[83]) *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 161.

вать, что, въ виду ослабленія силъ и недостатка средствъ для осажденныхъ, не лучше ли будетъ сдать Полтаву, выговоривъ у непріятеля льготныя условія. Полтавцы, услышавши такое слово отъ своего земляка, пришли въ неистовство, тотчасъ позвали протопопа, приказали ему напутствовать оратора причащеніемъ Св. Таинъ, а когда дѣло духовное было исполнено, вывели изъ храма и побили каменьями и дубинами [34]). Въ русскую армію слались изъ Полтавы такимъ же способомъ письма съ извѣщеніями о положеніи гарнизона *). Кромѣ того, малороссіяне съ правой стороны Ворсклы безстрашно переплывали рѣку и приносили русскимъ извѣстія о томъ, что дѣлается у шведовъ, такъ что русскимъ извѣстны были всѣ движенія ихъ непріятелей.

14 іюня шведы потеряли городокъ Старый Санжаровъ **), лежавшій внизъ по Ворсклѣ, покоренный ими еще въ апрѣлѣ и съ тѣхъ поръ служившій пунктомъ опоры шведской линіи и связи съ запорожцами, которыхъ притонъ съ кошевымъ Гордѣенкомъ находился нѣсколько ниже по теченію Ворсклы въ городкѣ Новомъ Санжаровѣ. Въ Старомъ Санжаровѣ поставленъ былъ немногочисленный шведскій отрядъ, но туда отправлены были, въ качествѣ военноплѣнныхъ, русскіе, составлявшіе веприкскій гарнизонъ, сдавшійся шведамъ. Въ числѣ плѣнныхъ былъ тамъ подполковникъ Юрловъ. Онъ чрезъ шпіона далъ знать въ русскій станъ, что шведовъ, охраняющихъ Старый Санжаровъ, немного; стóитъ только послать поскорѣе войско и можно будетъ овладѣть имъ, потому что содержащіеся тамъ плѣнные русскіе тотчасъ помогутъ соотечественникамъ. По этому сообщенію, Петръ отрядилъ туда генералъ-поручика Гейкинга съ семью полками, который прежде прогналъ шведскаго генералъ-майора Крузе, потомъ 14 числа напалъ на Старый Санжаровъ. Русскіе плѣнные перебили своихъ караульныхъ и способствовали Гейкингу овладѣть городомъ. Шведы, однако, оборонялись упорно; 800 пало въ битвѣ, а остальные сдались въ числѣ 300 человѣкъ. Освобождено было 1.200 русскихъ плѣнныхъ. Эта побѣда стоила русскимъ убитыми и ранеными до двухсотъ слишкомъ человѣкъ [35]).

---

[34]) *Голиковъ*: „Дополненіе къ Дѣян. Петра Вел." т. XV, стр. 314—315.

*) Протопопъ полтавскій писалъ государю: „Спаси ны погибающихъ, пріиди и неукосни, простри руку помощи, изми ны изъ глубины обышедшихъ ны золъ", (ibid., стр. 292).

**) Нынѣ мѣст. Старый Санжаровъ, Полтавскаго уѣзда, въ 23 верст. отъ Полтавы.

[35]) *Голиковъ*: „Дополненіе къ Дѣян. Петра Вел.", т. XV, стр. 300.

Въ половинѣ іюня, къ довершенію неудобствъ для шведовъ стоявшихъ подъ Полтавою, наступили чрезвычайные жары, которые усиливали болѣзненныя страданія раненыхъ. Король собралъ военный совѣтъ затѣмъ, чтобы подумать, какъ далѣе вести дѣло. Шведскіе генералы находили, что всего лучше оставить осаду Полтавы и уйти за Днѣпръ въ польскія владѣнія. Но теперь это не такъ-то легко было: позади стоялъ гетманъ Скоропадскій съ малороссійскимъ войскомъ въ Сорочинцахъ, а къ нему примкнулъ князь Григорій Долгорукій съ шестью полками и съ 4.000 калмыковъ и волоховъ. Далѣе фельдмаршалъ-лейтенантъ Гольцъ вступилъ на правый берегъ Днѣпра, двинулся на Волынь и соединился съ польскимъ войскомъ Огинскаго, противника Станислава. Они въ половинѣ мая одержали побѣду надъ сторонникомъ Станислава, старостой бобруйскимъ Сапѣгою, при рѣкѣ Стыри, недалеко Берестечка [**]). Поэтому возвращеніе Карла назадъ, въ виду большого русскаго войска, стоявшаго за Ворсклой, было предпріятіемъ слишкомъ отважнымъ и не безопаснымъ.

Въ такомъ положеніи Карлъ началъ сходиться съ генераломъ Левенгауптомъ, на котораго косился за неудачную битву подъ Лѣснымъ. 16 іюня вечеромъ, когда Левенгауптъ не раздѣваясь легъ на постель, неожиданно вошелъ къ нему король, много дней уже не говорившій съ нимъ, и сталъ спрашивать совѣта—что̀ дѣлать. Левенгауптъ отвѣчалъ, что не можетъ дать никакого совѣта. Король сталъ ходить взадъ и впередъ и потомъ снова сталъ его спрашивать съ особенно ласковымъ видомъ. Левенгауптъ сказалъ: «остается оставить осаду Полтавы и ударить всѣми силами на непріятельскій станъ». Но генералъ тогда же замѣтилъ, что королю этотъ совѣтъ не понравился. Ударило 11 часовъ. «Я слышалъ,—сказалъ король,—что русскіе хотятъ переходить черезъ рѣку; поѣдемъ вмѣстѣ верхомъ къ рѣкѣ».

Поѣхали. Король сталъ ѣздить взадъ и впередъ по берегу неизвѣстно зачѣмъ и такъ прошла ночь. Стало разсвѣтать. Наступилъ день 17 іюня—день рожденія короля. Тутъ король спустился еще ниже къ рѣкѣ; изъ-за рѣки засвистали пули русскихъ, увидавшихъ непріятелей, совершающихъ рекогносцировку. Карлу такая прогулка подъ непріятельскими пулями составляла пріятнѣйшее удовольствіе. Это у него носило названіе: amusement à la moutarde—и онъ не рѣдко любилъ такимъ образомъ

**) Ibid., стр. 294.—Гос. Арх. Кабинет. Дѣла, № 9.

проѣзжаться съ своими генералами, чтобы показать врагамъ удальство и отвагу шведовъ. «Ваше величество,—сказалъ ему Левенгауптъ,—не оставайтесь здѣсь такъ долго. Безо всякой причины нельзя выставлять на убой простого солдата, не то что королевскую особу». Вдругъ въ это время непріятельская пуля убила подъ Левенгауптомъ лошадь. «Ваше величество!—закричалъ падающій Левенгауптъ,—ради самого Бога оставьте это мѣсто!»—«Bagatelle!—воскликнулъ Карлъ:—вы получите другую лошадь».

Послѣ этихъ словъ Карлъ спустился еще ниже къ рѣкѣ и сталъ ѣздить взадъ и впередъ, явно издѣваясь надъ опасностію. Левенгаупту привели другую лошадь. Его безпокоила безразсудная дерзость короля, онъ подъѣхалъ къ нему, пытался еще разъ отвлечь его и сказалъ ему въ дружескомъ тонѣ: «ваше величество! нельзя безполезно губить и солдатъ, не то что генераловъ. Я поѣду своею дорогой». И съ этими словами онъ повернулъ свою лошадь. Королю стало неловко: выходило, что онъ подвергаетъ опасности безъ всякой цѣли не только себя, но и своихъ вѣрныхъ генераловъ. Онъ поѣхалъ за Левенгауптомъ, но ѣхалъ медленно. Вдругъ король завидѣлъ или услышалъ, что непріятель пытается переходить Ворсклу. Встрѣтились ему свои воины и онъ приказалъ имъ ѣхать съ нимъ отгонять русскихъ. Русскихъ не было: быть-можетъ, королю невѣрно показалось, что они переходили, или, быть-можетъ, они уже отступили, сдѣлавши ложное движеніе. Король снова сталъ ѣздить по берегу то взадъ, то впередъ; наконецъ, когда онъ повертывалъ свою лошадь, чтобъ удалиться отъ рѣки, вдругъ непріятельская пуля задѣла ему пятку лѣвой ноги, прошла вдоль подошвы и застряла между ножными пальцами. Король держалъ себя такъ, какъ будто съ нимъ ничего не произошло. Служитель, провожавшій его верхомъ, замѣтилъ, что у него изъ сапога выступаетъ кровь. Карлъ не тревожился, но сталъ ослабѣвать и блѣднѣлъ. Подогнали его лошадь, чтобы скорѣе онъ могъ достигнуть стана. На пути встрѣчаетъ его Левенгауптъ. «Ахъ, ваше величество!—произнесъ онъ,—сталось таки то, чего я такъ боялся и что предрекалъ».—«Ничего,—отвѣчалъ король,—это только въ ногу; пуля въ ногѣ застряла, но я велю ее вырѣзать». Несмотря на свое ослабленіе, онъ поѣхалъ не къ себѣ, а къ траншеямъ, раздавалъ приказанія своимъ генераламъ Спарре и Гилленкроку и не раньше какъ черезъ часъ вернулся въ свое помѣщеніе. Рана между тѣмъ про-

извела воспаленіе, такъ что нога разбухла и нельзя было снять сапога: пришлось его разрѣзать—и это причинило королю жестокую боль. Много костей въ ступнѣ оказалось раздробленными. Хирургъ производилъ глубокіе взрѣзы и вынималъ осколки костей. Карлъ не кричалъ отъ боли, но ободрялъ хирурга, говоря: «рѣжьте живѣе,—это ничего». Онъ даже не допустилъ никого изъ присутствующихъ помогать себѣ и собственными руками поддерживалъ изуродованную ногу. Когда послѣ того явились къ нему генералы Реншильдъ и графъ Пиперъ, Карлъ увидѣлъ въ ихъ чертахъ соболѣзнованіе и сталъ ихъ утѣшать: «Не безпокойтесь за меня,—говорилъ онъ,—рана вовсе не опасна; я черезъ нѣсколько дней опять буду ѣздить верхомъ».

Однако, какъ ни бодрился отважный король, а рана заставила, противъ его воли, пролежать нѣсколько дней въ постелѣ. Послѣ первой операціи появилось дикое мясо; хирургъ боялся употреблять въ дѣло инструментъ и хотѣлъ выжигать больное мѣсто ляписомъ. Король не допустилъ его, взялъ у него изъ рукъ ножницы и собственноручно, по указанію хирурга, обрѣзывалъ себѣ дикое мясо. Была сильная жара,—всѣ боялись, что образуется гангрена и придется королю отнимать ногу. Медики оставляли уже ему какіе нибудь сутки жизни. Это состояніе постигло короля на пятый день послѣ полученія раны. Только тогда уговорили его принимать предписываемыя врачами лѣкарства, такъ какъ онъ всегда не терпѣлъ лѣчиться. Когда его, наконецъ, принудили принять медикаментъ, онъ заснулъ и послѣ того ему становилось лучше. Въ продолженіи того времени, когда раненый долженъ былъ оставаться въ постелѣ, его «тафельдекеръ» Гутманъ потѣшалъ больного короля разсказами о старыхъ скандинавскихъ битвахъ героическихъ временъ; особенно королю понравилась сага о Рольфѣ Гетрегсонѣ, который одолѣлъ русскаго волшебника на островѣ Ретузари, покорилъ своей власти русскую и датскую земли и черезъ то пріобрѣлъ себѣ славу на всемъ сѣверѣ. Очевидно, Карлу хотѣлось тогда сдѣлаться такимъ сказочнымъ богатыремъ [37]).

Н. Костомаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

[37]) *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 165.—*Nordberg*, нѣм. пер., ч. III, стр. 308.—*Adlerfeld*, франц. пер., ч. III, стр. 450.

Затишье.

Господи, сжалься! Мнѣ душно, мнѣ больно,
Сердце больное томится тоской.
Грудь мнѣ сжимаютъ рыданья невольно,
Злоба и грусть овладѣли душой.

Боже! безсиленъ я, слабъ и ничтоженъ,—
Мнѣ ли лѣнивыхъ отъ сна поднимать?
Мнѣ ли тотъ подвигъ завидный возможенъ—
Честныхъ подъ стягъ для борьбы призывать?

Что-жь вы молчите, вожди и пророки?
Всюду—неправда надмѣнно царитъ,
Всюду—предательство, рабства пороки...
Что же вашъ гнѣвъ вдохновенный молчитъ?

Больно мнѣ. Я не могу, не умѣю
Съ тьмой торжествующей мысль примирять.
Въ смерть идеаловъ я вѣрить не смѣю...
Боже, какъ страшно любя проклинать!

Счастливъ невидящій, кто безъ сомнѣній
Къ битвѣ неравной съ неправдой готовъ,
Кто не боится тревогъ и лишеній
И, какъ дитя, не считаетъ враговъ.

Вѣры незнанья въ груди не имѣя,
Жертвой ненужной я быть не могу.
Свѣтъ чуть замѣтенъ. Неправда сильнѣе.
Наши порывы не страшны врагу.

Господи, сжалься! Пусть призраки ночи
Сердце больное не мучатъ тоской.
Или закрой мои зрячія очи,—
Пусть я безъ пользы паду подъ грозой...

Н. Соколовъ.

Государственная роспись на 1882 годъ.

III *).

Расходы.

Приступая къ разсмотрѣнію государственной росписи на текущій годъ (*Русская Мысль*, кн. II), я высказалъ нѣсколько мыслей по поводу общей цифры предположенныхъ обыкновенныхъ расходовъ и, сравнивая эту цифру какъ съ смѣтной цифрой на предыдущій 1881 годъ, такъ и съ дѣйствительною цифрой расхода 1880 года, пришелъ къ заключенію, что эта цифра далеко не достаточна, такъ какъ она, составляя сумму въ 658.595.151 рубль, менѣе предположенной суммы въ 1881 году на 12 милл. руб. и менѣе дѣйствительнаго расхода, произведеннаго въ 1880 году, на 75 милл. руб. При этомъ я напомню читателю, что въ цифрѣ расхода 1880 года, показанной въ отчетѣ государственнаго контроля, мною сдѣлана поправка и изъ вѣдомости о чрезвычайныхъ расходахъ военнаго времени, показанныхъ особо, перенесена къ обыкновеннымъ расходамъ сумма въ 38.530.172 руб., такъ какъ эти расходы не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что̀ бы отличало ихъ отъ обыкновенныхъ ежегодныхъ издержекъ. Желающіе удостовѣриться въ правильности моего заключенія могутъ справиться въ объяснительной запискѣ къ отчету государственнаго контроля за 1880 годъ, стр. 41 и 42. Изъ числа указанныхъ здѣсь расходовъ въ суммѣ 54.818.163 руб. и отнесенныхъ къ разряду чрезвычайныхъ, вызванныхъ войною, только развѣ расходы по закаспійской экспедиціи могутъ быть причислены къ этому разряду. Всѣ же остальные встрѣчаются постоянно то въ той, то въ другой мѣстности нашего отечества. Такъ,

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

напримѣръ, расходы по принятію мѣръ предосторожности при переговорахъ съ Китаемъ могутъ потребоваться во всякое другое время при разрѣшеніи какихъ-либо щекотливыхъ вопросовъ со всякимъ другимъ государствомъ и не заключаютъ въ себѣ ничего чрезвычайнаго; то же можно сказать, и еще съ большимъ основаніемъ, о всѣхъ другихъ расходахъ, указанныхъ въ вѣдомости, какъ, напримѣръ, заготовленіе оружія, пополненіе неприкосновеннаго запаса, возведеніе укрѣпленныхъ пунктовъ и т. д.

Вслѣдствіе этого я прихожу къ заключенію, что обыкновенные расходы 1880 года доходили до 733 милл. руб., а не до 694 милл. руб., какъ указано въ отчетѣ государственнаго контроля. Само собою разумѣется, что сократить обыкновенный расходъ въ теченіе одного года на 75 милліон. рублей, безъ всякихъ радикальныхъ реформъ въ нашей системѣ государственнаго устройства и управленія, представляется положительно невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что постоянное возрастаніе нашего расходнаго бюджета идетъ неудержимо и обусловливается многими причинами экономическаго и политическаго характера, къ устраненію которыхъ до сихъ поръ не сдѣлано никакихъ попытокъ. Не говоря уже о томъ, что съ развитіемъ государственной и общественной жизни возникаютъ постоянно новыя нужды и потребности, требующія удовлетворенія, не говоря даже о томъ, что эти нужды, въ виду затруднительнаго положенія государственнаго казначейства въ послѣдніе годы, мало обращали на себя вниманія,—достаточно указать на паденіе нашей валюты въ теченіе настоящаго и исхода прошлаго годовъ, чтобъ убѣдиться въ недостаточности предположенной цифры расхода, такъ какъ это паденіе вызываетъ не только прибавку къ платежу процентовъ по металлическимъ государственнымъ и желѣзнодорожнымъ займамъ, но и возвышеніе цифры всѣхъ операціонныхъ расходовъ государства. Поэтому какъ бы ни было сильно стремленіе лицъ, стоящихъ во главѣ различныхъ вѣдомствъ, къ сокращенію установившихся обычаемъ расходовъ, но ожидать отъ подобныхъ усилій серьезныхъ послѣдствій рѣшительно невозможно, тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакихъ основаній при настоящемъ порядкѣ вещей предположить существованіе этихъ усилій. Напротивъ, всякое лицо, стоящее во главѣ извѣстнаго управленія, должно стремиться къ улучшенію той части, которая ему ввѣрена, а всякое улучшеніе требуетъ новыхъ средствъ. Такимъ образомъ экономія, достигнутая въ одномъ случаѣ, необходимо будетъ по-

глощена какою-нибудь новой, необходимою, потребностію, и въ общемъ окажется только превышеніе расходовъ въ сравненіи съ предыдущими годами. Въ виду подобныхъ соображеній не надобно быть пророкомъ, чтобы предсказать это послѣдствіе: для этого достаточно взглянуть на исторію нашего бюджета и анализировать его отдѣльныя цифры.

Общая сумма всѣхъ обыкновенныхъ расходовъ, предположенныхъ на 1882 годъ, распредѣляется по вѣдомствамъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

	Сумма.		Процентное отношеніе къ общей суммѣ расхода.
Государственный долгъ	198.776.278	р.	30,20
Военное министерство.	183.489.042	»	27,86
Министерство финансовъ . . .	78.430.477	»	11,90
Министерство внутрен. дѣлъ .	65.120.548	»	9,88
Морское министерство.	27.507.721	»	4,17
Министерство государственныхъ имуществъ.	19.244.882	»	2,92
Министерство народнаго просвѣщенія	18.030.867	»	2,73
Министерство юстиціи.	16.780.362	»	2,54
Министерство путей сообщенія.	16.072.905	»	2,44
Вѣдомство святѣйшаго синода.	10.300.800	»	1,56
Министерство Императорскаго Двора	8.954.000	»	1,34
Расходы гражданскаго управленія Закавказскаго края. .	7.252.291	»	1,10
Министерство иностран. дѣлъ .	3.686.185	»	0,56
Государственный контроль . .	2.367.225	»	0,34
Высшія государственныя учрежденія.	1.650.230	»	0,25
Главное управленіе государственнаго коннозаводства . . .	931.329	»	0,14
	658.595.151	»	усѣчен. дроби. 0,13
			100%

Такъ значится распредѣленіе суммъ обыкновенныхъ расходовъ по росписи. Но нѣкоторые расходы военнаго вѣдомства производятся по другимъ министерствамъ и поэтому необходимо сдѣлать въ этой таблицѣ нѣкоторую поправку. Къ этимъ рас-

ходамъ относятся, во-первыхъ, по министерству финансовъ: пенсіи и пособія разнымъ чинамъ военнаго вѣдомства; весь расходъ на этотъ предметъ составляетъ 24.614.000 рублей и, конечно, половина его должна быть отнесена на счетъ военнаго и морскаго вѣдомства, затѣмъ расходы по призыву и пріему на службу въ войска 2.462.000 руб.; во-вторыхъ, по министерству внутреннихъ дѣлъ мѣстныя военныя потребности въ губерніяхъ Царства Польскаго на сумму 1.666.087 руб., и, въ-третьихъ, по министерству государственныхъ имуществъ выдача арендныхъ денегъ составляетъ расходъ до 2.000.000 рублей, изъ которыхъ половина также должна быть отнесена на счетъ военнаго вѣдомства. Сводя общую сумму военныхъ расходовъ, производимыхъ по смѣтамъ другихъ вѣдомствъ, окажется, что они достигаютъ 17.435.087 руб., которые должны быть причислены къ расходамъ военнаго министерства. Такимъ образомъ эти расходы займутъ не второе, а первое мѣсто въ нашемъ бюджетѣ, такъ какъ они доходятъ до цифры 200.924.129 рублей и составятъ не 27,86% всего расхода, а 30,50%; если же присоединить сюда расходы морскаго вѣдомства, какъ относящіеся къ расходамъ на военную оборону государства, то окажется, что на этотъ предметъ мы тратимъ 34,67% всѣхъ вообще расходовъ или болѣе 1/3 нашего расходнаго бюджета. Затѣмъ если принять въ соображеніе, что на уплату процентовъ по государственному долгу предположено 30,20% всего бюджета и что, въ виду паденія цѣнности кредитнаго рубля, эта сумма должна быть увеличена почти на 8 милл. рублей, то оказывается, что двѣ статьи нашего бюджета, т. е. уплата процентовъ и оборона государства, поглощаютъ болѣе двухъ третей расходнаго бюджета и на удовлетвореніе всѣхъ остальныхъ насущныхъ нуждъ государства не остается и 1/3 всѣхъ свободныхъ средствъ государственнаго казначейства. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что я принялъ въ соображеніе лишь цифру смѣтнаго назначенія, а не дѣйствительнаго расхода, который всегда болѣе смѣтнаго. Такъ на 1880 г. назначено было по смѣтѣ 193 милл. рублей, а израсходовано 208 мил. руб., помимо тѣхъ, которые показаны въ числѣ чрезвычайныхъ; на 1879 годъ назначено 184 милл. руб., а израсходовано 187 милл. руб.; на 1878 годъ назначено 184 милл. руб., а израсходовано 186 милл. руб.; что же касается до расходовъ 1877 и 1876 годовъ, то они простирались до 190 милл. руб. и далеко превысили цифру нормальнаго бюджета, опредѣ-

леннаго въ 1873 году въ 170 милл. руб., съ тѣмъ, что въ послѣдующее пятилѣтіе онъ не долженъ былъ превысить суммы 180 милл. р. Если такое категорическое постановленіе, какъ опредѣленіе нормальнаго бюджета съ правомъ употреблять остатки одного года на потребности другаго, не могло удержать бюджетъ въ опредѣленномъ размѣрѣ и военные расходы увеличились на 10 милл. руб., то нѣтъ никакого основанія утверждать, что и нынѣ опредѣленная сумма 183 милл. руб. будетъ достаточна. Доказательство этой мысли читатель найдетъ при дальнѣйшемъ анализѣ означенной суммы.

Но прежде, нежели приступлю къ этому анализу, я считаю не лишнимъ указать, какъ возрастали наши расходы военнаго министерства. Нижеслѣдующая таблица указываетъ это возрастаніе съ 1866 года.

Годы.	Сумма расхода.	Процентное отношеніе ко всему расходу.
1866	129.687.366 р.	31,37%
1867	127.284.116 »	29,95
1868	136.717.623 »	30,98
1869	147.702.355 »	31,50
1870	145.211.211 »	29,91
1871	159.257.317 »	31,79
1872	165.924.570 »	31,49
1873	175.033.107 »	32,49
1874	172.479.924 »	31,74
1875	175.431.989 »	32,29
1876	190.304.276 »	33,38
1877	190.087.258 »	33,16
1878	186.449.499 »	31,04
1879	187.451.193 »	29,32
1880	208.577.436 »	30,05

Разсматривая эту таблицу, оказывается, что расходы военнаго вѣдомства возрастали не только абсолютно, но и относительно общей цифры расхода, т. е. поглощали все большую и большую часть изъ общей суммы издержекъ. Въ сравненіи съ 1866 годомъ они увеличились абсолютно на 79 милл. руб., или болѣе чѣмъ на 61%. Относительное же ихъ увеличеніе въ общей массѣ издержекъ въ 1876 году возросло до 33,38%, т. е. поглотило болѣе $^1/_3$ всѣхъ расходовъ. Затѣмъ въ послѣдніе четыре года замѣчается, повидимому, нѣкоторое пониженіе процентнаго отно-

шенія. Я говорю *повидимому* на томъ основаніи, что дѣйствительнаго сокращенія въ расходахъ не было и быть не могло, въ виду одновременно производившихся чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ войною, отдѣлить которые отъ обыкновенныхъ расходовъ съ достаточною точностію, конечно, было невозможно, въ особенности въ теченіе 1877 и 1878 годовъ. Само собою разумѣется, расходъ, напримѣръ, на продовольствіе арміи хотя и долженъ былъ возрости вслѣдствіе войны, но какая его часть должна быть отнесена на счетъ расходовъ военнаго времени, опредѣлить невозможно; а потому военное вѣдомство по необходимости придерживалось большею частію предѣловъ смѣтнаго назначенія, ограничивая значительно требованія сверхсмѣтныхъ кредитовъ и относя излишнія издержки къ расходамъ чрезвычайнымъ, что и подтверждается, какъ указано мною выше, номенклатурой этихъ расходовъ, а также сильнымъ возвышеніемъ обыкновенныхъ расходовъ въ 1880 году, когда дѣйствительная потребность въ чрезвычайныхъ расходовѣ значительно уменьшилась. Разсматривая вѣдомости чрезвычайныхъ расходовъ, нельзя предположить, чтобы цифра обыкновенныхъ расходовъ, вошедшихъ въ нихъ, была въ 1879 году менѣе 70 милл. руб., а въ 1880 году менѣе 35 милл. руб. Внося же эту поправку въ настоящую вѣдомость, окажется, что расходы по военному министерству въ 1879 году простирались до 257.451.193 руб., а въ 1880 году до 243.577.436 рублей. Прибавляя эти цифры къ общей суммѣ расхода, окажется, что процентное отношеніе расходовъ военнаго вѣдомства къ общей суммѣ издержекъ было въ 1879 году 36,10%, а въ 1880 году 33,41%, т. е. что въ оба эти года, несмотря на общее возрастаніе всѣхъ издержекъ, военный бюджетъ поглощалъ большую изъ нихъ часть, нежели когда-либо въ теченіе всѣхъ 15 лѣтъ.

Теперь, сопоставляя эти цифры съ вновь назначенною по смѣтѣ въ 183.489.042 р., приходится удивляться, какимъ образомъ можно было разсчитывать не только на экономію въ 60 милл. рублей въ сравненіи съ цифрой дѣйствительнаго расхода 1880 года, но даже на экономію въ 23 милл. руб. въ сравненіи съ смѣтнымъ назначеніемъ прошлаго года, которое предположено въ 206.718.302 руб. При этомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что цѣны на всѣ предметы войсковаго довольствія нисколько не понизились въ сравненіи съ 1880 годомъ, а на нѣкоторые предметы даже повысились. Говоря такимъ образомъ, я

вовсе не желаю утверждать, что расходы военнаго министерства не могутъ быть сокращены въ указанныхъ размѣрахъ, но я думаю, что такое сокращеніе невозможно одними административными мѣропріятіями безъ серьезныхъ законодательныхъ преобразованій въ военномъ министерствѣ или безъ серьезнаго сокращенія какъ штатнаго состава арміи, такъ и ея администраціи. Такія мѣры въ военномъ вѣдомствѣ предприняты только въ самомъ незначительномъ размѣрѣ, а именно уменьшенъ на 13.000 чел. призывъ новобранцевъ и сокращено отчасти число нестроевыхъ нижнихъ чиновъ въ войскахъ. Но подобныя мѣропріятія, какъ помнится мнѣ, обѣщали, по разсчету самого военнаго министерства, за удовлетвореніемъ новыхъ неизбѣжныхъ издержекъ, экономію не свыше 3½ милл. рублей. Такимъ образомъ вопросъ, въ чемъ именно военное вѣдомство разсчитываетъ сдѣлать сбереженіе расходовъ, можетъ быть разрѣшенъ только сличеніемъ отдѣльныхъ статей росписи съ дѣйствительнымъ расходомъ 1880 года и росписи на 1881 годъ, къ чему я и перехожу.

Не буду сличать статей на содержаніе личнаго состава и на хозяйственные расходы разныхъ военныхъ учрежденій, такъ какъ эти расходы опредѣляются штатами и не представляютъ такой значительной разницы изъ года въ годъ, которую слѣдовало бы принять въ соображеніе, но остановлюсь на операціонныхъ расходахъ, на которыхъ, повидимому, и предполагается сдѣлать указанную экономію. Сюда относятся по интендантскому вѣдомству: § 3, ст. 1—заготовленіе вещей и предметовъ обмундированія. Въ 1880 году по этой статьѣ издержано 17.148.370 руб. да подлежитъ къ отпуску 282.245 руб., итого расхода 17.430.615 рублей; но въ этой цифрѣ, какъ указано въ отчетѣ государственнаго контроля, 3.022.500 руб. израсходовано на заготовленіе вещей, для окончательнаго пополненія неприкосновенныхъ запасовъ послѣ минувшей войны, стало-быть дѣйствительный расходъ на потребность отчетнаго года составлялъ 14.408.115 руб. Между тѣмъ по смѣтѣ на текущій годъ назначено 4.772.695 руб., т. е. немногимъ болѣе одной трети расхода 1880 года. Имѣя въ виду, что на этотъ предметъ въ 1879 году издержано 15.602.202 руб., я не могу считать цифру расхода 1880 года преувеличенною, тѣмъ болѣе, что назначенныхъ въ томъ году по смѣтѣ 13.891.529 руб. оказалось недостаточно и по этой статьѣ былъ открытъ дополнительный кредитъ. Поэтому я считаю смѣтное назначеніе текущаго года положительно недостаточнымъ. Умень-

шеніе кредита по этой статьѣ было бы возможно, еслибы предполагалось сократить въ значительномъ размѣрѣ штатное число людей въ войсковыхъ частяхъ; но этого нѣтъ, такъ какъ на денежное довольствіе нижнихъ чиновъ ассигнована почти такая же сумма, какая израсходована въ 1880 году, а на приварочное довольствіе, исчисляемое также по числу людей, даже сумма большая въ сравненіи съ расходомъ 1880 года. Отсюда слѣдуетъ, что сокращенія численнаго состава войсковыхъ частей не предполагалось, а слѣдовательно и обмундированію подлежало то же число людей, какъ и въ 1880 году. Ясно, что подобное уменьшеніе расхода есть чисто фиктивное, такъ какъ въ виду настоятельной потребности недостатокъ вещей можетъ быть пополненъ или на счетъ сверхсмѣтнаго ассигнованія, или на счетъ запасовъ, а между тѣмъ такое уменьшеніе облегчаетъ сведеніе государственной росписи. То же слѣдуетъ замѣтить и по статьѣ 2 того же §—перевозка вещей и припасовъ. Дѣйствительный расходъ по этой статьѣ былъ въ 1879 году 2.145.399 руб., въ 1880 году — 2.136.699 руб., между тѣмъ на 1882 годъ назначенъ только въ 1.142.354 руб., т. е. уменьшенъ на 994.345 руб., или на 46%. Невозможность остаться въ предѣлахъ смѣтнаго назначенія представляется очевидною. По § 4 ст. 1—заготовленіе провіанта—въ 1879 году израсходовано 29.167.633 руб., въ 1880 году—24.264.248 руб., а на 1882 годъ назначено 21.576.393 руб. Такого уменьшенія на провіантъ рядомъ съ увеличеніемъ кредита на приварочное довольствіе я также понять не могу. Имѣя въ виду высокую цифру назначенія въ предыдущемъ году, когда кредитъ на этотъ предметъ достигалъ суммы 37.785.122 руб., можно было думать, что уменьшеніе кредита объясняется возможностію покрыть недостатокъ ожидаемымъ остаткомъ запасовъ 1881 года; но, во-первыхъ, такое смѣшеніе расходовъ двухъ отдѣльныхъ смѣтныхъ періодовъ было бы неправильно и, во-вторыхъ, министръ финансовъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ вовсе не ссылается на эту причину: онъ прямо обусловливаетъ уменьшеніе кредита на провіантъ и приварокъ сокращеніемъ штатовъ и пониженіемъ цѣнъ на предметы довольствія. Между тѣмъ мы не видимъ въ текущемъ году никакого пониженія цѣнъ въ сравненіи съ прошлымъ годомъ, а кредитъ на приварокъ не только не уменьшился, но значительно увеличился противъ дѣйствительнаго расхода 1880 года (17.631.196 руб.) и противъ смѣты 1881 года (17.661.052 руб.) и назначенъ въ размѣрѣ

19.964.467 руб. Такимъ образомъ и здѣсь слѣдуетъ предположить лишь фиктивное уменьшеніе. По ст. 6 того же §—на заготовленіе фуража—назначено 17.722.282 руб., почти то же, что и въ предыдущемъ году; между тѣмъ въ 1879 году на этотъ предметъ израсходовано 27 милл. рублей, а въ 1880 году — 20.334.000 рублей; трудно предположить, чтобъ ассигнованной суммы было достаточно на нынѣшній годъ, такъ какъ цѣны на фуражъ постоянно растутъ. Сводя весь расходъ по интендантскому управленію на 1882 годъ, оказывается, что онъ предположенъ въ суммѣ 136.539.213 руб., т. е. меньше предположенной цифры 1881 года на 14¼ милл. руб. и на 42 милл. руб. менѣе нежели дѣйствительный расходъ 1880 года. Въ виду этихъ цифръ нельзя не замѣтить, что интендантское вѣдомство отнюдь не пріучило насъ къ подобной экономіи и, какъ бы ни былъ дѣятеленъ и энергиченъ новый военный министръ, трудно ожидать, чтобъ онъ могъ добиться подобныхъ результатовъ. По всей вѣроятности, интендантское вѣдомство не возражало противъ предположенныхъ сокращеній, потому что увѣрено въ возможности назначенія сверхсмѣтныхъ ассигнованій въ случаѣ дѣйствительной надобности. Кромѣ того, запасы провіанта, фуража и вещеваго довольствія состоятъ въ его же распоряженіи и уменьшеніе кредитовъ можетъ повліять на уменьшеніе этихъ предметовъ лишь въ складахъ, войска же не могутъ почувствовать недостатка ни въ чемъ. Правда, что, вслѣдствіе подобныхъ распоряженій, можетъ возрости смѣта будущаго года, но тѣмъ не менѣе желаемый результатъ былъ достигнутъ и смѣта текущаго года сокращена. Что до меня касается, то я положительно не могу понять, для какой цѣли нужно подобное фиктивное сокращеніе смѣты расходовъ, когда заранѣе положительно извѣстно, что смѣтное исчисленіе недостаточно. Неужели прямое указаніе дефицита такъ опасно, что считается необходимымъ прибѣгать къ подобнымъ средствамъ? Наконецъ, неужели можно такимъ путемъ маскировать существующій дефицитъ? На вопросы эти приходится не только отвѣчать отрицательно, но и прибавить, что подобный образъ дѣйствій, подрывая довѣріе къ такому акту, какъ государственная роспись, даетъ поводъ предполагать гораздо худшее положеніе дѣлъ въ сравненіи съ дѣйствительностію. Мнѣ кажется, что откровенное признаніе дѣйствительнаго дефицита гораздо скорѣе поддержало бы государственный кредитъ, чѣмъ его маскированіе. Такъ поступала Италія въ теченіе многихъ лѣтъ и это не только не роняло ея

кредита, но дало ей возможность удовлетворить ея нуждамъ и ввести равновѣсіе въ бюджетѣ. Финансовый міръ Европы, создающій кредитъ каждому государству, очень хорошо понимаетъ, что палліативныя мѣры ни къ чему не ведутъ и что только коренными преобразованіями можно достигнуть и значительнаго увеличенія доходовъ, и сильнаго сокращенія расходовъ; этотъ дѣловой міръ трудно убѣдить въ возможности уничтожить 50-милліонный дефицитъ, указанный въ смѣтѣ прошлаго года, путемъ административныхъ распоряженій и дальнѣйшимъ возвышеніемъ прежнихъ, и безъ того обременительныхъ, налоговъ. Что же касается лицъ, способныхъ думать, что подобныя чудеса возможны, то они не въ состояніи поддержать кредитъ государства.

Совсѣмъ другое значеніе имѣютъ предположенія о сокращеніи расходовъ по артиллерійскому управленію. Не касаясь, разумѣется, расходовъ на содержаніе администраціи этого управленія и учебной части, которые могутъ быть сокращены только съ измѣненіемъ штатовъ, всѣ операціонные расходы этого вѣдомства могутъ быть сокращены чисто административнымъ путемъ. Приготовленіе оружія, артиллеріи, огнестрѣльныхъ припасовъ и зарядовъ можетъ быть сдѣлано въ тѣхъ размѣрахъ, какіе будутъ признаны нужными со стороны администраціи. Имѣя же въ виду, что въ 1879 и 1880 годахъ на эти предметы назначались особые дополнительные кредиты и цифра израсходованныхъ по артиллерійскому вѣдомству суммъ за эти два года достигаетъ 77 милліон. рублей, очень можно допустить, что въ дальнѣйшихъ усиленныхъ тратахъ на подобныя потребности не представляется надобности, въ особенности въ виду того обстоятельства, что Россія, въ виду своего внутренняго экономическаго положенія, не только не должна, но и не можетъ вдаваться ни въ какую политику приключеній. Вслѣдствіе этого очень понятно, почему ассигнованіе по артиллерійскому управленію уменьшено даже въ сравненіи съ прошлымъ годомъ и опредѣлено въ 20.531.401 руб. Можно думать, что эта экономія вполнѣ возможна, если только не встрѣтится какихъ-либо непредвидѣнныхъ обстоятельствъ.

Переходя къ разсмотрѣнію расходовъ инженернаго управленія, необходимо замѣтить, что въ 1880 году дѣйствительный расходъ по этому вѣдомству достигалъ 21.716.688 руб., въ истекшемъ году назначено было 17.665.572 руб., въ нынѣшнемъ же году предположено израсходовать 14.868.631 руб. Такимъ обра-

зомъ предполагается экономія почти въ 7 милл. руб. въ сравненіи съ дѣйствительнымъ расходомъ 1880 года и въ 2.800.000 руб. въ сравненіи съ смѣтнымъ назначеніемъ предыдущаго года. Имѣя въ виду, что въ вѣдѣніи этого управленія состоитъ производство нѣкоторыхъ расходовъ, размѣръ которыхъ зависитъ вполнѣ отъ усмотрѣнія распорядителей, говорить о возможности или невозможности подобной экономіи можно только при разсмотрѣніи отдѣльныхъ статей. Поэтому я остановлюсь на операціонныхъ расходахъ этого вѣдомства, такъ какъ только въ нихъ и возможна значительная экономія. Сюда относится § 1— расходы по помѣщенію войскъ и содержанію зданій. Но по этому § не предположено никакого сокращенія,—напротивъ, назначено 4.386.837 руб., т. е. болѣе дѣйствительнаго расхода 1880 года на 464.701 руб. Между тѣмъ по этой статьѣ можно было бы достигнуть значительной экономіи, еслибы министерство озаботилось пересмотрѣть положеніе объ отпускѣ отопленія въ войсковыя помѣщенія, такъ какъ главный расходъ по этому § составляетъ именно отопленіе, на что ассигновано 2.946.329 руб. Дѣло въ томъ, что положеніе объ отпускѣ топлива составлено Богъ знаетъ когда и вовсе не соотвѣтствуетъ дѣйствительной потребности настоящаго времени, въ виду тѣхъ улучшеній, которыя сдѣланы въ системѣ устройства печей. Установленная норма для отпуска матеріаловъ отопленія превосходитъ вдвое дѣйствительную потребность, а между тѣмъ отпускъ производится по этой нормѣ, несмотря на то, что преувеличеніе ея извѣстно всѣмъ и каждому. По этой нормѣ количество дровъ для отпленія жилыхъ помѣщеній полагается по одной сажени 12-вершковыхъ дровъ или по 1/2 сажени трехполѣнныхъ дровъ на каждую печку въ мѣсяцъ на весь зимній періодъ времени, который считается въ сѣверной полосѣ Россіи 7, въ средней 6, а въ южной 5 мѣсяцевъ. Между тѣмъ въ настоящее время уже давно извѣстно, что количество топлива должно сообразоваться отнюдь не съ количествомъ печей, а съ количествомъ нагрѣваемаго пространства. Всѣмъ хозяевамъ извѣстно, что самыя большія печи, устраиваемыя въ жилыхъ квартирахъ въ Петербургѣ, не въ состояніи сжечь въ зиму 7 саженъ даже мѣшанныхъ 9-вершковыхъ дровъ, не говоря уже о 12-вершковыхъ; всѣмъ извѣстно также, что 7 зимнихъ мѣсяцевъ требуютъ далеко не одинаковаго количества дровъ и что одной сажени на печку много даже въ декабрѣ и январѣ, въ особенности, если зданіе устроено въ

нѣсколько этажей. Положительно можно утверждать, что въ хорошо устроенныхъ зданіяхъ и половины этого количества было бы достаточно для отопленія; но, къ сожалѣнію, все это остается тайной до сихъ поръ для нашего инженернаго вѣдомства, которое продолжаетъ отпускать суммы на заготовку дровъ по прежнимъ нормамъ. Обстоятельство это даетъ поводъ къ цѣлой массѣ злоупотребленій и стачекъ съ подрядчиками.

Количество топлива, отпускаемое на отопленіе жилыхъ помѣщеній, значительно превышаетъ дѣйствительную потребность; но оно покажется ничтожнымъ, если сравнить его съ нормой, опредѣленною для отпуска топлива на приготовленіе пищи, въ особенности, когда дѣло идетъ о приготовленіи пищи на значительное число людей. Этою нормой назначается 2²/₃ сажени трехполѣнныхъ дровъ на каждыхъ десять человѣкъ въ годъ. Дѣйствительно здѣсь нѣтъ никакого преувеличенія, если дѣло идетъ о приготовленіи пищи только на 10 человѣкъ. Но дѣло въ томъ, что въ войскахъ пища приготовляется не на десятокъ, а на сотни и тысячи человѣкъ, а въ такомъ случаѣ значеніе установленной нормы измѣняется, потому что съ увеличеніемъ числа людей потребность топлива возрастаетъ все въ болѣе и болѣе уменьшающейся пропорціи, тогда какъ топливо отпускается въ вышеозначенной нормѣ на каждыхъ 10 человѣкъ. Чтобъ указать на размѣръ дѣйствительной потребности въ этомъ случаѣ, я приведу примѣръ устройства солдатскихъ кухонь въ казармахъ, которыя мнѣ случилось видѣть въ одной изъ нашихъ юговосточныхъ губерній. Въ этихъ казармахъ производилось приготовленіе пищи на 1.200 человѣкъ и для этой цѣли въ нижнемъ этажѣ зданія были устроены четыре кухни, на каждую роту по одной. Въ каждой кухнѣ было устроено по два котла съ отдѣльными топками для варки кушанья и большая хлѣбопекарная печь. Этихъ кухонь было вполнѣ достаточно для 1.200 человѣкъ команды. Полагая наибольшее количество дровъ, которое можетъ сгорѣть въ одной топкѣ, а именно двѣ сажени 12 вершковыхъ дровъ въ мѣсяцъ, на всѣ 12 топокъ нужно 24 сажени въ мѣсяцъ, между тѣмъ какъ по существующей нормѣ для приговленія пищи на 1.200 человѣкъ отпускалось по 80 саженъ 12-вершковыхъ дровъ, т.-е. болѣе чѣмъ втрое противъ дѣйствительной потребности.

Главная статья расхода по инженерному управленію—ремонтъ зданій, новыя постройки и капитальныя перестройки, на что по

§ 6 ассигновано 8.420.831 рублей, между тѣмъ дѣйствительный расходъ по этому параграфу въ 1880 году простирался до 13.450.546 руб. Имѣя въ виду, что въ текущемъ году предположено уменьшить расходъ на новыя постройки болѣе чѣмъ на четыре милліона рублей, я нисколько не сомнѣваюсь въ возможной экономіи на эту сумму; что же касается другихъ расходовъ, производимыхъ по этому параграфу, то нѣтъ никакихъ основаній предполагать сокращенія этихъ расходовъ, и потому я думаю, что всѣ остальныя статьи какъ этого параграфа, такъ и другихъ потребуютъ увеличенныхъ кредитовъ.

Расходы по главному управленію военноучебныхъ заведеній назначены по примѣру прежнихъ лѣтъ и не могутъ вызывать какихъ-либо замѣчаній, а потому я перехожу къ разсмотрѣнію расходовъ главнаго штаба. Общая сумма, назначенная на расходы по главному штабу, исчислена въ 3.590.743 руб., менѣе израсходованной въ 1880 году почти на 500.000 руб. и менѣе назначенной въ истекшемъ году на 300.000 руб. Имѣя въ виду, что всѣ главныя сокращенія предположены въ расходахъ на содержаніе личнаго состава, и притомъ на содержаніе людей заслуженныхъ, я не думаю, чтобы такое сокращеніе могло осуществиться, въ особенности вслѣдствіе возрастающей дороговизны жизни и расширенія потребностей нашего времени. По всей вѣроятности, нѣкоторые кредиты въ теченіе года будутъ увеличены дополнительными ассигнованіями, такъ какъ мудрено предполагать сокращеніе содержанія лицъ, служащихъ въ главномъ штабѣ и военно-окружныхъ совѣтахъ и штабахъ.

По главному управленію казачьихъ войскъ въ смѣтѣ на текущій годъ встрѣчается также сокращеніе противъ дѣйствительнаго расхода 1880 года съ 540.620 руб. до 410.959 руб. Но между разными цифрами этой смѣты не встрѣчается расхода въ 125.000 р., бывшаго въ 1880 году на покупку хлѣба для казачьяго населенія Амурской области, между тѣмъ какъ расходъ этотъ, повидимому, неизбѣженъ и производился также и въ 1879 году и даже въ большемъ размѣрѣ. Если же прибавить эту сумму къ внесенной по смѣтѣ, то и по этой статьѣ никакой экономіи не будетъ.

Расходы по вѣдомству главнаго медицинскаго управленія исчислены въ суммѣ 1.638.469 р., менѣе дѣйствительныхъ расходовъ 1880 года, когда они составляли сумму въ 1.822.417 р. Но такое сокращеніе произошло вслѣдствіе значительнаго умень-

шенія кредита на заготовленіе аптечныхъ предметовъ и исправленіе посуды, на каковой предметъ назначено круглою цифрой 500.000 р., тогда какъ въ 1880 году было израсходовано 736.118 руб., а въ 1879 году 762.686 руб. Ясно, что обойтись суммой въ 500.000 руб. въ текущемъ году будетъ невозможно и дополнительный кредитъ положительно необходимъ. Если же прибавится недостающая сумма, то расходъ текущаго года превзойдетъ бывшій въ 1880 году. Это увеличеніе расхода объясняется увеличеніемъ расходовъ на содержаніе военно-медицинской академіи и при ней клиники, такъ какъ въ текущемъ году на эти расходы назначено 511.230 руб., между тѣмъ какъ въ 1880 году израсходовано 452.825 руб. Нельзя не замѣтить, что академія, послѣ своего преобразованія, потребовала 60.000 руб. лишняго расхода, несмотря на то, что не имѣетъ даже опредѣленнаго штатами числа 300 слушателей. Между тѣмъ въ прежнее время, когда она была дѣйствительно ученымъ заведеніемъ, число слушателей близко подходило къ 2.000 человѣкъ. Вотъ какія послѣдствія вызываются необдуманными и нецѣлесообразным мѣропріятіями, продиктованными совершенно посторонними и далеко не научными цѣлями. Въ прежнее время ежегодно оканчивало курсъ болѣе 200 человѣкъ, при теперешнемъ же числѣ слушателей число выпускаемыхъ врачей не будетъ превышать 50 человѣкъ, не говоря уже о томъ, что уровень ихъ знаній будетъ далеко ниже прежняго. Спрашивается, насколько менѣе производительно будутъ затрачиваться государственныя средства и откуда армія будетъ получать необходимый для нея контингентъ врачей?

Остальные расходы на содержаніе военно-суднаго управленія и канцеляріи министра не представляютъ почти никакой разницы съ прежними расходами и, слѣдовательно, не вызываютъ особыхъ замѣчаній. Итакъ, разсмотрѣніе смѣты военнаго вѣдомства приводитъ къ заключенію о невозможности при данныхъ условіяхъ достигнуть тѣхъ сокращеній, которыя предположены военнымъ министерствомъ, и скорѣе указываетъ на то, что расходы этого вѣдомства превзойдутъ бывшіе въ 1880 году въ виду значительнаго паденія цѣнности нашей валюты. Между тѣмъ экономическое положеніе Россіи далеко не въ такомъ состояніи, чтобъ она могла выносить такой громадный бюджетъ и изъ этого бюджета выдѣлять почти цѣлую треть на содержаніе своихъ военныхъ силъ. Что это невозможно безъ особаго вреда для го-

сударственной жизни, то въ этомъ легко убѣдиться изъ сравненія нашего военнаго бюджета съ бюджетами другихъ государствъ. Ни одна изъ великихъ державъ не тратитъ на свои военныя издержки такой доли своихъ средствъ, какъ Россія. Нижеслѣдующая таблица указываетъ какъ абсолютную цифру издержекъ на содержаніе военно - сухопутныхъ силъ, такъ и процентное отношеніе ихъ къ общей суммѣ расходнаго бюджета. Для удобства сравненія сумма издержекъ показана во франкахъ и для русскаго рубля принятъ курсъ 38,4 коп. за франкъ. Этотъ разсчетъ не выражаетъ дѣйствительной цѣнности кредитнаго рубля на русскомъ рынкѣ, такъ какъ штатные расходы не повысились отъ паденія курса, и потому переводъ на франки уменьшаетъ сравнительное значеніе цифры русскихъ военныхъ издержекъ; но, за неимѣніемъ другаго выхода, я долженъ былъ допустить эту погрѣшность, хотя вслѣдствіе этого цифра военныхъ издержекъ Россіи становится меньше издержекъ Франціи. Для опредѣленія военныхъ расходовъ Пруссіи я взялъ часть военнаго бюджета Германіи (491.714.647 фр.) пропорціонально населенію, полагая въ Германіи 41 милл., а въ Пруссіи 24 милл. жителей.

	Военныя издержки.	Процентное отношеніе къ общей суммѣ расхода.
Соединенные Штаты Сѣверной Америки . . .	151.203.950 фр.	11,63
Италія	214.736.427 »	15,05
Пруссія	287.589.059 »	20,19
Австрія	306.343.090 »	13,88
Англія	328.965.027 »	14,42
Россія.	538.328.912 »	30,63
Франція	571.398.898 »	20,02

Изъ этой таблицы оказывается, что абсолютно болѣе всѣхъ государствъ затрачиваетъ на свои военныя силы Франція *), а за нею, несмотря на свою бѣдность, слѣдуетъ Россія, которая лишь на 32 милліон. фр. тратитъ менѣе. Но если принять въ соображеніе, какая часть бюджета поглощается военными расходами, тогда окажется, что Россія стоитъ на первомъ мѣстѣ и тратитъ въ полтора раза болѣе Франціи и Пруссіи, въ два раза болѣе чѣмъ Англія, Австрія и Италія и почти втрое болѣе чѣмъ

*) Благодаря паденію нашего курса, какъ указано выше.

Соединенные Штаты Америки. Самый бѣглый взглядъ на эти цифры указываетъ, что нашъ военный бюджетъ намъ не по силамъ. Но намъ говорятъ: нельзя же отставать отъ других государствъ и Россія должна слѣдовать въ этомъ отношеніи за другими, тѣмъ болѣе, что ея пограничная линія тянется на огромное протяженіе. Вышеозначенная цифра служитъ прямымъ возраженіемъ на такія мнѣнія. Изъ нихъ прямо выходитъ, что мы своими вооруженіями опережаемъ Европу, такъ какъ наши сосѣднія государства, которыхъ мы всего болѣе могли бы опасаться, тратятъ на свое вооруженіе гораздо менѣе, чѣмъ мы. Если сумма истрачиваемая Франціей нѣсколько выше нашей, то это понятно, такъ какъ содержаніе французскаго солдата много дороже, чѣмъ у насъ, и кромѣ того Франція обязана была пополнить вооруженіе, котораго она лишилась во время войны, и устроить новую оборонительную линію вдоль новой германской границы. Точно также и длина нашей пограничной линіи не можетъ оправдывать нашихъ тратъ на военныя издержки, такъ какъ линія, подлежащая дѣйствительной охранѣ съ нашей стороны, составляетъ только западную нашу границу; всѣ же остальныя мѣстности нуждаются лишь въ слабыхъ силахъ для охраны границъ. Сравнивая такимъ образомъ нашу пограничную линію съ пограничною линіей Австріи и Германіи, намъ слѣдуетъ признаться, что эти государства должны оберегать гораздо большую пограничную линію, такъ какъ они могутъ подвергнуться нападенію со всѣхъ сторонъ. Кромѣ того, Австрія состоитъ изъ такихъ разнородныхъ элементовъ, что ея внутреннее положеніе оправдывало бы до извѣстной степени увеличеніе ея военнаго бюджета. Тѣмъ не менѣе изъ указанныхъ цифръ видно, что эти государства тратятъ несравненно менѣе, чѣмъ Россія. Если же они достигаютъ лучшихъ результатовъ и могутъ выставить на извѣстный пунктъ болѣе многочисленныя силы и притомъ въ болѣе короткій срокъ, то это уже зависитъ не отъ количества средствъ, отпускаемыхъ въ распоряженіе министровъ, а отъ организаціи военнаго управленія и болѣе цѣлесообразнаго и производительнаго употребленія ассигнуемыхъ суммъ.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что какъ ни много заботятся европейскія государства о вооруженіяхъ, но они не тратятъ на этотъ предметъ болѣе того, чѣмъ они въ силахъ по состоянію своихъ финансовъ. Другія государственныя нужды ихъ не страдаютъ отъ подобныхъ тратъ и потому ихъ экономическое и фи-

нансовое положеніе постоянно улучшается. Ихъ расходы на военныя надобности далеко не поглощаютъ такого процента общихъ издержекъ, какъ у насъ. Еслибы въ другихъ государствахъ Европы считалось возможнымъ отпускать на военныя издержки такую же часть бюджета, какую отпускаетъ Россія, то Франція должна была бы прибавить къ своему военному бюджету 281 милл. франк., Австрія 349 милл., Англія 328 милл., а Пруссія 134 милл. фр. Очевидно, что эти суммы остаются въ ихъ распоряженіи для улучшенія экономическаго положенія страны, чего у насъ нѣтъ. Не удивительно послѣ этого, что нѣкоторыя части нашего государственнаго управленія нуждаются въ средствахъ и должны за отсутствіемъ ихъ откладывать необходимыя и самыя существенныя реформы. Вслѣдствіе этого является такая дилемма: экономическое положеніе государства не можетъ быть улучшено безъ необходимыхъ средствъ, а средствъ этихъ нѣтъ, потому что экономическое положеніе страны дурно. Какъ же выйти изъ этой дилеммы? Остается одно—сократить тѣ расходы, которые не содѣйствуютъ экономическому развитію страны. Очевидно, что къ такимъ расходамъ всего скорѣе можно отнести расходы военнаго вѣдомства. Итакъ, сокращеніе нашего бюджета положительно необходимо и это сокращеніе, безъ ущерба существеннымъ интересамъ государства, всего возможнѣе по смѣтѣ военнаго вѣдомства. Но оно можетъ быть сдѣлано не палліативными мѣрами въ родѣ незначительнаго сокращенія числа людей, а серьезнымъ преобразованіемъ всего военнаго управленія и всей системы довольствія нашей арміи. Въ чемъ же должны выразиться эти преобразованія?—вотъ вопросъ, который ставился и разрѣшался много разъ въ послѣднее время и который, повидимому, представляетъ неразрѣшимыя трудности.

Я говорю *повидимому* вслѣдствіе того, что при обсужденіи этого вопроса частныя соображенія и постороннія цѣли, а иногда и личные интересы брали верхъ надъ общими принципами. Организація военныхъ силъ и управленіе ими безъ всякаго сомнѣнія должны соотвѣтствовать прежде всего главному своему назначенію — боевой готовности; а потому и средства, назначаемыя на содержаніе военныхъ силъ при цѣлесообразномъ ихъ употребленіи должны быть направлены именно къ достиженію этой цѣли, т.-е. къ возможно большему увеличенію и улучшенію боевой силы арміи. Между тѣмъ что же мы видимъ въ дѣйствительности? Уже самый простой взглядъ на нашу роспись ука-

зываетъ, что изъ 183 милліон. руб., назначенныхъ по росписи 1882 г., одни административные расходы поглощаютъ около 40 милл. рублей, не считая тѣхъ суммъ, которыя отнесены къ статьѣ—денежное довольствіе войскъ, а по этой статьѣ смѣты получаютъ содержаніе всѣ военнослужащіе по чинамъ, независимо отъ ихъ административныхъ должностей, и кромѣ того всѣ прикомандированные къ военноадминистративнымъ учрежденіямъ и даже къ гражданскимъ вѣдомствамъ. Но этого мало. При существующихъ условіяхъ суммы, назначаемыя на операціонные расходы арміи, т.-е. на содержаніе и улучшеніе ея боевой силы, тратятся далеко не цѣлесообразно и не производительно и значительная ихъ часть идетъ на обогащеніе подрядчиковъ и лицъ, завѣдывающихъ дѣломъ. Не думаю, чтобы мнѣ нужно было доказывать эту послѣднюю мысль: каждый изъ моихъ читателей въ теченіе своей жизни могъ убѣдиться, что не даромъ ходитъ молва и про чиновъ интендантства, и про завѣдывающихъ казенными складами, и про начальниковъ отдѣльныхъ частей, завѣдывающихъ фуражнымъ довольствіемъ. Не даромъ же сложилась на Руси поговорка, что *стоитъ получить право на довольствіе казеннаго воробья, чтобы можно было содержать тройку лошадей*. Конечно, эта поговорка представляетъ дѣло въ преувеличенныхъ размѣрахъ, но въ основаніи ея много правды. Всѣ эти порядки или лучше безпорядки есть слѣдствіе того бюрократическаго строя, который охватилъ нашу жизнь уже давно, но развился съ особенною силой въ послѣднія 25 лѣтъ, въ военное же вѣдомство проникъ вмѣстѣ съ преобразованіемъ военнаго министерства. Я не хочу этимъ сказать, что въ прежнее время въ нашей арміи не было злоупотребленій,—напротивъ, Крымская война намъ показала, какихъ размѣровъ они достигали. Но нынѣшняя война не обошлась также безъ хищеній и чуть ли еще не въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ, а потому наши бюрократическія нововведенія врядъ ли улучшили дѣло. При сравненіи прежнихъ и нынѣшнихъ порядковъ, мнѣ кажется, что преимущество все-таки остается за прежнимъ способомъ хозяйства, такъ какъ оно обходилось государству много дешевле и прежніе хищники не могли бы расхитить и четвертой доли тѣхъ суммъ, на которыя увеличилось содержаніе и управленіе арміи. Мнѣ могутъ замѣтить, что нынѣшнее вооруженіе, патроны и снаряды стоятъ громадныхъ суммъ. Дѣйствительно, сравнивать эти расходы нельзя; но, даже вычитая ихъ изъ общей массы нынѣшнихъ военныхъ

издержекъ, все-таки окажется, что военное министерство обходится государству вдвое дороже, чѣмъ прежде, и прежнимъ хищникамъ далеко не доставалось того, что нынѣ издерживается въ видахъ предупрежденія хищничества.

Бюрократическій строй настолько охватилъ военное вѣдомство, что оно распалось на нѣсколько отдѣловъ или особыхъ вѣдомствъ, стремящихся къ совершенной самостоятельности: въ одномъ министерствѣ образовалось, такъ-сказать, нѣсколько министерствъ подъ названіемъ главныхъ управленій, имѣющихъ каждое особые органы на мѣстахъ въ видѣ мѣстныхъ окружныхъ управленій, которые обходятся очень дорого, а занимаются только переводомъ бумаги и тормозятъ живое дѣло устройства и улучшенія боевыхъ силъ государства.

Въ самомъ дѣлѣ, для чего нужно, напримѣръ, главное и окружныя интендантскія управленія?—«Для снабженія войскъ провіантомъ и вещевымъ довольствіемъ»—отвѣтятъ мнѣ защитники существующихъ порядковъ. Но, Боже мой, въ нашихъ двухъ столицахъ живетъ по 700.000 чел. населенія и нѣтъ никакого особаго управленія, которое бы заботилось объ удовлетвореніи его потребностей провіантомъ и вещевымъ довольствіемъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что потребности въ этомъ отношеніи петербургскаго и московскаго населенія гораздо сложнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ потребности войскъ, и тѣмъ не менѣе жители этихъ столицъ не терпятъ ни малѣйшаго затрудненія въ удовлетвореніи своихъ потребностей, не вступаютъ между собою ни въ какія соглашенія и не прибѣгаютъ ни къ какимъ мѣропріятіямъ по этому поводу. Промышленность и торговля въ виду собственнаго интереса берутъ на себя эту заботу и выполняютъ ее не хуже какого-либо интендантскаго вѣдомства. Почему же нужно предполагать, что какія-нибудь 50.000 войска, расположеннаго въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, не съумѣютъ воспользоваться услугами той же торговли и не найдутъ возможности пріобрѣсти нужные для нихъ предметы? Вѣдь каждая отдѣльная часть войска имѣетъ свое хозяйство и лицъ завѣдующихъ пріемомъ и провіанта, и вещеваго довольствія,—почему же они не въ состояніи отнестись прямо къ торговлѣ, а нужны особые посредники въ видѣ интендантскихъ чиновниковъ, заготовляющихъ предметы довольствія чрезъ особыхъ поставщиковъ и подрядчиковъ, которые сплошь и рядомъ являются только ширмами для прикрытія разныхъ злоупотребленій? Скажутъ, быть-можетъ, что нельзя

взвалить на начальство, завѣдывающее фронтовою службою, заботу о заготовленіи разныхъ предметовъ довольствія; но вѣдь въ этомъ нѣтъ и надобности. Въ полкахъ существуетъ хозяйственная часть, которая завѣдуетъ же приварочными и порціонными деньгами: стоитъ только распространить этотъ порядокъ вещей на провіантъ, и заботы интендантскаго вѣдомства въ этомъ отношеніи сдѣлаются ненужными. Боязнь злоупотребленій не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ обязанность продовольствія людей можетъ быть возложена на ихъ же артель, а избранные артельщики, состоя подъ контролемъ гг. офицеровъ и полковаго начальства, не будутъ въ состояніи злоупотреблять довѣріемъ своихъ товарищей. Впрочемъ, всякій допущенный безпорядокъ въ этомъ случаѣ будетъ не систематическимъ злоупотребленіемъ, а частнымъ ничтожнымъ случаемъ, устраненіе котораго всегда возможно. Къ тому же слѣдуетъ замѣтить, что и нынѣшній порядокъ нисколько не гарантированъ отъ злоупотребленій. Во всякомъ случаѣ можно положительно утверждать, что при указанномъ порядкѣ армія не можетъ встрѣтить никакого затрудненія въ продовольствіи, которое будетъ и лучше, и обойдется дешевле. Что же касается вещеваго довольствія, то во всѣхъ командахъ есть нестроевые офицеры, завѣдующіе хозяйственною частію, и они въ составѣ особой коммиссіи также могли бы пріобрѣтать нужныя вещи прямо на мѣстахъ, не адресуясь въ интендантскіе склады. Контроль полковыхъ и ротныхъ командировъ вмѣстѣ съ отчетностію коммиссій, которая подвергалась бы сравнительной оцѣнкѣ, устранили бы всякую возможность злоупотребленій и министерство могло бы извлекать изъ этой отчетности гораздо болѣе вѣрныя данныя о цѣнахъ на разные предметы довольствія, чѣмъ оно имѣетъ теперь, руководствуясь односторонними свѣдѣніями интендантскаго вѣдомства. Нынѣшній порядокъ вещеваго довольствія солдата настолько неудовлетворителенъ, что конечно въ защиту его могутъ говорить только люди заинтересованные. Укажу на одинъ примѣръ, который случалось видѣть конечно многимъ на улицахъ Петербурга во время призыва безсрочныхъ и запасныхъ нижнихъ чиновъ въ послѣднюю войну. Получая изъ складовъ военнаго вѣдомства сапоги, многіе изъ нихъ продавали ихъ на улицахъ Петербурга и покупали для себя болѣе прочную обувь съ прибавкой цѣны изъ своихъ скудныхъ средствъ: они утверждали, что казенные сапоги не только не годятся въ такой дальній походъ, но что въ нихъ не пройдешь и 20 верстъ, какъ

они развалятся. Я думаю, что этотъ фактъ замѣченъ многими столичными жителями.

Что интендантское вѣдомство не есть необходимое учрежденіе для снабженія арміи вещевымъ довольствіемъ, я приведу примѣръ снаряженія ополченія въ 1855 году. Въ теченіе одного мѣсяца была обмундирована и снабжена продовольствіемъ армія въ 350.000 человѣкъ безъ всякихъ предварительныхъ заготовокъ. Торговля нашла возможнымъ удовлетворить этотъ быстрый спросъ, потому что необходимые предметы заготовлялись въ разныхъ мѣстахъ. Будь эта операція поручена интендантскому вѣдомству, навѣрное можно сказать, что она не была бы исполнена и въ шесть мѣсяцевъ и обошлась бы гораздо дороже. Централизація всѣхъ возможныхъ заготовленій и отдача поставокъ оптовымъ подрядчикамъ возвышаетъ значительно заготовительныя цѣны, вредитъ сильно качеству поставляемыхъ предметовъ, порождаетъ массу злоупотребленій и создаетъ совершенно ненормальныя условія рынка. Постараюсь разъяснить мою мысль.

Прежде всего замѣчу, что сдача заготовокъ оптомъ съ подряда должна производиться гораздо прежде, чѣмъ возникаетъ потребность въ предметахъ потребленія, и, слѣдовательно, какъ размѣръ этой потребности, такъ и цѣны на предметы опредѣляются гадательно и могутъ вовсе не соотвѣтствовать дѣйствительности, вслѣдствіе измѣняющихся обстоятельствъ. Такія измѣненія всегда отзываются ущербомъ непремѣнно казеннаго интереса. Такъ, напримѣръ, уменьшился размѣръ потребности, или понизились цѣны на предметы поставки, тѣмъ не менѣе правительство обязано принять опредѣленное количество и уплатить слѣдующія за него деньги по условію, а выгода отъ подобныхъ обстоятельствъ остается въ рукахъ подрядчика. Но возьмемъ другой случай: потребность увеличилась и цѣна возвысилась. Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что подрядчикъ обязанъ исполнить условіе и правительство имѣетъ право дѣйствовать на счетъ его залоговъ, даже съ передачею цѣнъ. Но это бываетъ рѣдко, а чаще всего подрядчику даются льготы или прибавка цѣны и въ оправданіе подобныхъ распоряженій всегда найдутся основательныя причины, въ видѣ непредвидѣнныхъ и чрезвычайныхъ случайностей, или такія соображенія, что правительству не прилично пользоваться неудачнымъ разсчетомъ частнаго лица, тѣмъ болѣе, что такой строго формальный образъ дѣйствій будетъ вредить интересамъ казны на будущее время, ограничивая конкуренцію на торгахъ. Эти

соображенія пріобрѣтаютъ еще болѣе значенія, когда принятые залоги не могутъ быть легко реализированы, что бываетъ очень часто, и недостаточны на покрытіе возможныхъ убытковъ казны, въ особенности, если подрядчикъ умѣетъ подѣйствовать на людей, близко стоящихъ къ сильнымъ міра сего. Такимъ образомъ барышъ отъ пониженія цѣнъ идетъ въ пользу подрядчика, а убытокъ отъ ихъ повышенія несетъ казна.

Затѣмъ оптовый подрядчикъ, получая поставку на громадныя суммы, не можетъ дѣйствовать на собственный капиталъ впредь до окончательной поставки. По заведенному порядку онъ получаетъ, во-первыхъ, извѣстную сумму задаточныхъ денегъ подъ залоги, большею частію, трудно реализуемые; во-вторыхъ, по мѣрѣ заготовокъ предметовъ поставки на мѣстахъ производства онъ выговариваетъ себѣ часть уплаты, при доставкѣ ихъ на извѣстный пунктъ—другую часть и т. д., такъ что при окончательной доставкѣ получается уже незначительная часть. Подобныя условія даютъ въ руки поставщика, напримѣръ, казеннаго провіанта громадные капиталы, безъ всякаго платежа процентовъ, что дѣлаетъ его положительнымъ монополистомъ на хлѣбныхъ рынкахъ, на которыхъ онъ можетъ повышать и понижать цѣны по произволу и всякая конкуренція съ нимъ для другихъ торговцевъ, дѣйствующихъ собственнымъ капиталомъ или кредитомъ, не мыслима. При извѣстномъ соглашеніи съ чиновниками интендантства, которымъ поручено наблюденіе за заготовкой, подрядчикъ можетъ получать деньги гораздо ранѣе, чѣмъ приступитъ къ дѣйствительной заготовкѣ, и такимъ образомъ увеличивать свои операціи въ размѣрахъ далеко превышающихъ размѣръ казенной поставки, или производить другіе обороты, ничего общаго съ поставкой не имѣющіе. Имѣя такимъ образомъ громадныя средства въ рукахъ, ему не трудно убѣдить въ своихъ связяхъ съ высшими сферами низшихъ чиновниковъ интендантства и сдѣлать ихъ своими покорными слугами: люди эти могутъ успокоивать свою совѣсть тѣмъ, что за иной образъ дѣйствій они могутъ лишиться своихъ мѣстъ, не принеся никакой пользы дѣлу. Такъ деморализуется цѣлое вѣдомство и является цѣлая масса злоупотребленій сначала невольныхъ, а затѣмъ и сознательныхъ, вызвать которыя, занимаясь поставками на громадныя суммы, подрядчики всегда имѣютъ возможность.

Не буду говорить о всѣмъ извѣстныхъ сдѣлкахъ насчетъ пониженія качества товара или о выдачѣ денегъ вмѣсто поставки

товара, когда въ дѣйствительности его требуется меньшее количество, какъ, напримѣръ, при поставкѣ топлива, но укажу на тѣ случаи, когда по оптовому контракту требуется поставка многихъ разнообразныхъ и разнородныхъ предметовъ. Въ кондиціяхъ, предъявляемыхъ къ торгамъ, количество каждаго вида поставокъ опредѣляется приблизительно, на основаніи предварительныхъ соображеній; самая же поставка производится по особымъ нарядамъ, согласно съ дѣйствительною потребностію. Такой порядокъ при отдачѣ съ торговъ всѣхъ предметовъ одному оптовому подрядчику создаетъ для распорядителей возможность входить въ самыя вредныя для интересовъ казны стачки. Дѣло въ томъ, что тѣ предметы, которыхъ въ дѣйствительности требуется незначительное количество, въ кондиціяхъ, предъявляемыхъ къ торгамъ, исчисляются въ большемъ размѣрѣ; тѣ же, которыхъ въ дѣйствительности нужно много, въ кондиціяхъ исчисляются въ незначительныхъ количествахъ. Всякое постороннее лицо, явившееся на торги,—лицо, которому секретъ исчисленія количества предметовъ неизвѣстенъ,—будетъ держаться цѣнъ близкихъ къ дѣйствительнымъ на всѣ предметы, которыхъ по кондиціямъ требуется болѣе; но человѣкъ, который знаетъ этотъ секретъ и угоденъ распорядителямъ дѣла, безъ всякаго опасенія понизитъ цѣны именно на тѣ предметы, поставка которыхъ по кондиціямъ назначена въ большемъ количествѣ, и повыситъ цѣну тѣхъ, которыхъ назначено мало. Такимъ образомъ, при сличеніи общей суммы подряда у того и другаго подрядчика, на основаніи кондицій, сумма опредѣленная послѣднимъ всегда окажется ниже суммы потребованной первымъ. Но при дѣйствительномъ исполненіи выйдетъ какъ разъ наоборотъ и меньшая сумма обратится въ большую, въ виду измѣненія количества предметовъ по подрядамъ и замѣны дешевыхъ вещей дорогими. Пишущему эти строки не разъ попадались въ руки подобные случаи.

Изъ сказаннаго выше ясно можно видѣть весь вредъ оптовыхъ контрактовъ, въ особенности, если они заключаются на большія суммы. Подобныя мѣры для снабженія войскъ провіантомъ и вещевымъ довольствіемъ быть-можетъ и были нужны въ свое время при слабомъ развитіи торговли; но теперь, когда мы отпускаемъ за границу въ десять разъ большее количество хлѣба, чѣмъ сколько его нужно на продовольствіе арміи, когда вещевое довольствіе войскъ, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, въ нѣсколько дней можетъ быть доставлено съ одного конца Россіи на другой,—

нѣтъ никакой необходимости заключать контракты за годъ впередъ и выдавать авансы подрядчикамъ, стѣсняя хозяйственную дѣятельность отдѣльныхъ частей гадательными распоряженіями, иногда совершенно безполезными, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ. Въ настоящее время заблаговременно приготовить нужно только средства для довольствія войскъ, самое же удовлетвореніе потребностей по мѣрѣ ихъ возникновенія не представитъ никакихъ затрудненій. Такое дробленіе заготовокъ на мелкія партіи уничтожитъ классъ крупныхъ подрядчиковъ и скупщиковъ, главное стремленіе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобъ устранить всякое сближеніе потребителей съ производителями и, монополизируя казенныя поставки, возвышать цѣны предметовъ по произволу, пользуясь для этого всѣми возможными и невозможными средствами. На этомъ основаніи мнѣ кажется, что интендантское вѣдомство представляется совершеннымъ излишествомъ, на содержаніе котораго напрасно тратятся громадныя суммы и при посредствѣ котораго издерживается много лишнихъ денегъ.

Мнѣ могутъ возразить, что предлагаемый мною порядокъ можетъ существовать въ мирное время, но что во время войны отдѣльныя части не могутъ завѣдывать заготовленіемъ предметовъ довольствія, а организовать интендантскую часть во время мобилизаціи невозможно, и что вслѣдствіе этого такое учрежденіе необходимо имѣть и въ мирное время, тѣмъ болѣе, что заготовка и храненіе неприкосновенныхъ запасовъ на случай мобилизаціи должно производиться въ мирное время. Въ отвѣтъ на это возраженіе я прежде всего замѣчу, что передъ послѣднею войной у насъ существовало интендантское вѣдомство; но именно въ тотъ моментъ, когда дѣятельность его была всего болѣе необходима, оно оказалось положительно несостоятельнымъ и не могло взять на себя обязанности продовольствовать армію: пришлось замѣнить его коммерческимъ товариществомъ. Для чего же въ такомъ случаѣ содержать дорого стоющее учрежденіе въ мирное время, когда безъ него можно обойтись, если оно оказывается несостоятельнымъ на время военныхъ дѣйствій?—На этотъ вопросъ, повидимому, можетъ быть только одинъ отвѣтъ, что такое учрежденіе подлежитъ упраздненію. Но затѣмъ все-таки остается вопросъ, какъ же быть во время военныхъ дѣйствій, когда, дѣйствительно, отдѣльныя команды не могутъ заготовлять для себя продовольствіе? Образованіе вновь коммерческаго това-

рищества, какъ показалъ опытъ послѣдней войны, представляетъ порядокъ вещей положительно ненормальный и не можетъ быть допускаемъ на будущее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ, что организовать интендантскую часть во время мобилизаціи арміи невозможно. Вотъ съ этимъ-то послѣднимъ положеніемъ я и не могу согласиться. Если въ каждомъ полку и батареѣ будутъ люди завѣдующіе заготовленіемъ предметовъ довольствія, то вотъ вамъ уже и готовый контингентъ для интендантства цѣлой арміи, который можетъ явиться на сборныхъ пунктахъ гораздо ранѣе, чѣмъ мобилизованная армія. Стоитъ только заблаговременно выработать правила для организаціи и эти лица будутъ, конечно, не менѣе опытны въ заготовленіи предметовъ довольствія, чѣмъ наши интендантскіе чиновники. Что же касается неприкосновенныхъ запасовъ, хранящихся въ складахъ интендантства, то я не могу вѣрить въ ихъ пользу и необходимость и думаю, что для этого нужны лишь средства, а необходимое количество запасовъ всегда имѣется въ торговлѣ. Если и придется при спѣшномъ заготовленіи переплатить дороже обычной цѣны, то все это будетъ выгоднѣе, чѣмъ хранить вещи, подлежащіе порчѣ и растратѣ, и уплачивать проценты на затраченный капиталъ. Другое дѣло— предметы вооруженія или такія вещи, которыя нужны только для арміи и не требуются въ обыденной жизни: такія вещи каждая команда должна имѣть въ запасѣ на полный комплектъ людей военнаго времени.

Трудно, конечно, исчислить ту экономію, которая могла бы произойти отъ упраздненія интендантскаго вѣдомства, но мнѣ кажется, что она была бы не менѣе 5 милл. рублей, не считая той экономіи, которая могла быть слѣдствіемъ удешевленія заготовительныхъ цѣнъ. Теперь представьте себѣ, читатель, что со времени Крымской войны до послѣдней Турецкой, въ 20-лѣтній періодъ времени, такая экономія могла бы составить 100 милл. одной капитальной суммы, не считая процентовъ. Подобныя запасныя средства дали бы возможность начать минувшую войну безъ выпуска кредитныхъ билетовъ и наше экономическое положеніе въ настоящее время было бы совершенно иное.

То же, или почти то же, можно сказать и о военно-инженерномъ вѣдомствѣ. Нельзя, конечно, отрицать, что военное вѣдомство должно имѣть извѣстный инженерный составъ въ крѣпостяхъ, извѣстныя инженерныя команды въ войскахъ для постройки полевыхъ укрѣпленій, завѣдыванія понтонными мостами, по-

ходными телеграфами и т. д. Я понимаю также необходимость главнаго инспектора по инженерной части съ извѣстнымъ штатомъ офицеровъ при немъ для наблюденія за исправностію крѣпостныхъ работъ и инженерныхъ частей въ войскахъ. Но я позволю себѣ усомниться въ пользѣ и необходимости главнаго и окружныхъ инженерныхъ управленій, отдѣленій и дистанцій лицъ, состоящихъ въ вѣдѣніи окружныхъ управленій, смотрителей казармъ и т. д. Мнѣ могутъ замѣтить, что весь этотъ мѣстный персоналъ нуженъ для завѣдыванія казенными зданіями военнаго вѣдомства; но я отвѣчу, что зданіями могутъ завѣдывать начальства тѣхъ командъ, которыя помѣщаются въ зданіяхъ, что для такого завѣдыванія нѣтъ надобности имѣть цѣлую массу техниковъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ имѣется масса громадныхъ зданій, которыми завѣдываютъ и производятъ въ нихъ мелкій ремонтъ отнюдь не техники, почему же для казенныхъ зданій необходимы непремѣнно техники? Въ случаѣ надобности капитальнаго исправленія зданія, всегда можетъ быть приглашенъ техникъ губернскаго управленія. Мнѣ кажется, что упраздненіе военно-инженерныхъ окружныхъ управленій и начальниковъ дистанцій уменьшило бы не только расходы на содержаніе личнаго состава, но и расходы по ремонту зданій, такъ какъ въ настоящее время производятся многія работы только потому, что есть техники, которымъ нужно же что-нибудь дѣлать...

Но менѣе всего понятно существованіе главнаго военно-медицинскаго управленія, а равно и окружныхъ военно-медицинскихъ управленій. Дѣятельность этихъ учрежденій ограничивается опредѣленіемъ, увольненіемъ и командировками врачей, что можетъ быть исполняемо общею военной администраціей и для чего нѣтъ надобности ни въ какихъ медицинскихъ свѣдѣніяхъ. Руководить же дѣйствіями полковыхъ и батарейныхъ врачей ни окружныя, ни главное военно-медицинскія управленія ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Даже дивизіонные врачи составляютъ совершенно лишнюю мебель, не приносящую никакой пользы дѣлу. Дѣятельность врача должна быть непремѣнно самостоятельна и только тогда она можетъ приносить пользу, всякое же вмѣшательство въ эту дѣятельность со стороны начальства, при временныхъ наѣздахъ, приноситъ только вредъ. Лица, занимающія медицинскія административныя должности въ продолженіе многихъ лѣтъ, не только теряютъ изъ виду постоянное развитіе науки и новѣйшія открытія, но часто забываютъ даже практическіе пріемы

лѣченія, между тѣмъ какъ медицина идетъ впередъ съ каждымъ днемъ. Поэтому врачи, стоящіе на высшихъ ступеняхъ военно-медицинской іерархіи, не могутъ быть руководителями молодыхъ людей, у которыхъ на памяти послѣдніе выводы науки; они не могутъ имѣть въ глазахъ послѣднихъ никакого авторитета. На этомъ основаніи можно смѣло утверждать, что армія нуждается въ полковыхъ и батарейныхъ врачахъ, подчиненныхъ общей военной администраціи; вся же военно-медицинская администрація не имѣетъ никакого raison d'être. Было бы гораздо полезнѣе, еслибы профессора медицинской акамедіи въ вакаціонное время инспектировали полковые лазареты и подавали совѣты врачамъ, ими завѣдывающимъ. Точно также можно предложить вопросъ, зачѣмъ существуетъ военно-медицинскій ученый комитетъ, когда всякій теоретическій вопросъ гораздо правильнѣе можетъ быть разрѣшенъ въ совѣтѣ медицинской академіи лицами гораздо болѣе компетентными, чѣмъ заслуженные врачи-практики, давно отказавшіеся отъ всякихъ научныхъ занятій. Вообще всѣ ученые комитеты при административныхъ учрежденіяхъ не приносятъ равно никакой пользы и являются простыми синекурами для людей заслуженныхъ, а потому мнѣ бы казалось, что было бы гораздо правильнѣе оклады получаемые членами подобныхъ комитетовъ выдавать имъ въ видѣ пенсій, чѣмъ поручать имъ разрѣшеніе такихъ вопросовъ, о которыхъ они никогда не думали и думать не могутъ. Вопросы теоретическіе должны рѣшаться не комитетами, созданными административною властію, а учеными корпораціями, и рѣшенія этихъ корпорацій должны быть обязательны для администраціи,—такъ по крайней мѣрѣ дѣлается въ странахъ образованныхъ, гдѣ научное знаніе уважается.

Всѣ указанныя реформы въ военной администраціи и сосредоточеніе ея въ канцеляріи министра по части хозяйственной и въ главномъ штабѣ по части фронтовой много содѣйствовали бы единству управленія, котораго теперь нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ въ настоящее время каждый начальникъ главнаго управленія можетъ проводить на практикѣ свои взгляды и свою систему. Кромѣ того между отдѣльными вѣдомствами могутъ возникать пререканія, тормозящія дѣло и возбуждающія только бумажную переписку и сваливаніе своихъ ошибокъ и упущеній на другое вѣдомство. Съ финансовой же точки зрѣнія подобныя реформы не только сократили бы расходы на администрацію, но повели бы за собой значительную экономію и въ операціонныхъ

расходахъ военнаго вѣдомства, какъ вслѣдствіе указанныхъ причинъ, такъ и вслѣдствіе того, что центральное управленіе, устранившись отъ производства расходовъ, могло бы сдѣлаться дѣйствително контролирующимъ учрежденіемъ, тогда какъ теперь, завѣдуя большею частію заготовокъ, оно является учрежденіемъ отвѣтственнымъ за правильность операцій и потому естественно должно оправдывать и покрывать ошибки и упущенія второстепенныхъ органовъ власти.

Къ сожалѣнію, система обособленія и стремленіе къ образованію самостоятельныхъ управленій коренится глубоко во всемъ строѣ нашихъ государственныхъ учрежденій. Каждое изъ нашихъ министерствъ стремится обособиться отъ всѣхъ другихъ вѣдомствъ и собственными средствами удовлетворить всѣ свои потребности, создать такъ-сказать отдѣльное государство въ государствѣ, не желая знать ни нуждъ, ни потребностей другихъ вѣдомствъ. Что же мудренаго, что тѣми же тенденціями заражаются и подчиненныя министерствамъ лица, стремящіяся создать министерство въ министерствѣ. Такимъ стремленіемъ страдаетъ не одно военное министерство. Правда, въ военномъ вѣдомствѣ это стремленіе выразилось гораздо рельефнѣе многими чертами, но нельзя не замѣтить, что оно не чуждо и другимъ министерствамъ.

Чтобы меня не укорили въ голословности высказанной мысли о томъ, что въ военномъ вѣдомствѣ всего рельефнѣе выражается стремленіе создать государство въ государствѣ, я укажу на существованіе среди его особыхъ вѣдомствъ военно-учебнаго и военно-суднаго. Что касается перваго, то я бы понялъ необходимость такого учрежденія, еслибъ оно завѣдывало спеціальными учебными заведеніями, т. е. академіями—Главнаго штаба, Артиллерійской и Инженерной. Эти три академіи готовятъ особыхъ спеціалистовъ, нужныхъ только для арміи. Но этого нѣтъ: эти академіи состоятъ въ вѣдѣніи главнаго штаба и главныхъ управленій артиллерійскаго и инженернаго. Въ вѣдѣніи же главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній состоятъ среднія учебныя заведенія, имѣющія дѣло съ такимъ возрастомъ учащихся, при которомъ способности и склонности человѣка еще не опредѣлились, когда выборъ спеціальности невозможенъ, а нужно лишь общее образованіе. Создавая свои общеобразовательныя учебныя заведенія, военное вѣдомство прямо указываетъ на стремленіе обособиться отъ другихъ образованныхъ классовъ населенія и съ дѣтства приготовить людей спеціально для службы въ арміи.

Намъ могутъ возразить, что такое направленіе дѣйствительно существовало въ дореформенное время, но что по почину прежняго военнаго министра кадетскіе корпуса преобразованы въ военныя гимназіи и воспитанники ихъ, получая общее образованіе, нисколько не обязаны готовить себя исключительно для фрунтовой службы и могутъ избирать для себя родъ дѣятельности, какой пожелаютъ. На такое возраженіе я позволю себѣ замѣтить, что еслибы такая мысль дѣйствительно преобладала при образованіи военныхъ гимназій изъ кадетскихъ корпусовъ, еслибы мысли, высказанныя незабвеннымъ Пироговымъ, дѣйствительно взяли верхъ надъ желаніемъ приготовлять съ дѣтства офицеровъ, тогда слѣдовало передать эти учебныя заведенія въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія и совершенно отказаться отъ педагогической дѣятельности, положительно несовмѣстной съ характеромъ военнаго вѣдомства. Между тѣмъ этого сдѣлано не было, а напротивъ того принята была какая-то полумѣра, по которой воспитанники военныхъ гимназій имѣли право свободно избирать родъ дѣятельности, но фактически имѣли только одинъ выходъ— поступать въ военную службу. Сравнивая ту и другую систему, т. е. систему прежнихъ кадетскихъ корпусовъ и систему военныхъ гимназій, я готовъ предпочесть первую, такъ какъ она была искренняя, ни отъ кого не скрывала, къ чему она готовитъ воспитанника, тогда какъ вторая только заявляла, что она не обязываетъ воспитанника военною службой, въ дѣйствительности же не представляла послѣднему никакого другаго исхода. Такимъ образомъ послѣдствія той и другой системы одни и тѣ же—съ дѣтства приготовлять человѣка къ военной службѣ, и это не могло быть иначе при томъ преобразованіи, которое было сдѣлано, такъ какъ люди завѣдующіе этими заведеніями остались тѣ же, а слѣдовательно и характеръ ихъ отношеній къ учащемуся юношеству не могъ значительно измѣниться. Я не хочу этимъ сказать, что нѣтъ разницы между воспитаніемъ прежнихъ кадетскихъ корпусовъ и нынѣшнихъ военныхъ гимназій,— напротивъ, разница есть, но подкладка остается прежняя.

Указывая на это обстоятельство, я привожу его въ доказательство существующей тенденціи военнаго вѣдомства обособиться отъ вліянія другихъ вѣдомствъ и подготовлять нужныхъ для него людей при особыхъ условіяхъ и притомъ съ дѣтскаго возраста,—тенденціи оградить будущій контингентъ офицеровъ отъ тѣхъ понятій и воззрѣній, которыя развиваются въ другихъ

учебныхъ заведеніяхъ. Иначе трудно понять сохраненіе въ военномъ вѣдомствѣ учебныхъ заведеній, дающихъ общее образованіе.

Послѣднее замѣчаніе тѣмъ болѣе справедливо, что нынѣшній порядокъ требуетъ матеріальныхъ пожертвованій, такъ какъ содержаніе военныхъ гимназій и прогимназій обходится несравненно дороже, чѣмъ содержаніе гимназій и реальныхъ училищъ вѣдомства народнаго просвѣщенія. Еслибы средства, отпускаемыя на этотъ предметъ военному вѣдомству, находились въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, то они удовлетворили бы гораздо большему спросу на образованіе и министерству, быть-можетъ, не приходилось бы отказывать въ пріемѣ за неимѣніемъ вакансій, да и военное вѣдомство могло бы разсчитывать на большій контингентъ поступающихъ въ военную службу изъ числа окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ особенности при всеобщей воинской повинности. Если же такой порядокъ не вводится, то стало-быть считается неудобнымъ, что и требовалось доказать.

Теперь, когда военныя гимназіи вновь переименованы въ кадетскіе корпуса и изъ нихъ удалены воспитатели не военнаго званія, то этимъ еще болѣе подтверждается высказанная мною мысль, что военное вѣдомство стремится развить въ своихъ воспитанникахъ совершенно особый характеръ, свойственный только этому вѣдомству, т. е. возвратиться къ той системѣ дрессированія людей, которая господствовала въ дореформенное время. Если же для достиженія этой цѣли считается достаточнымъ замѣнить названіе учебныхъ заведеній и устранить воспитателей не военнаго званія, то это значитъ, что реформа графа Милютина не имѣла въ себѣ ничего существеннаго и была чѣмъ-то внѣшнимъ, формальнымъ.

Другое, еще болѣе ясное, доказательство стремленія военнаго вѣдомства создать изъ себя status in statu заключается въ учрежденіи главнаго военно-суднаго управленія, которое въ свою очередь имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи особое учебное заведеніе—военно-юридическую академію, приготовляющую *военныхъ юристовъ*, которые по окончаніи курса причисляются для практики къ военнымъ судамъ съ званіемъ кандидатовъ на военно-судебныя должности.

Признаюсь, я рѣшительно не понимаю, для чего необходимо подобное учрежденіе, если не допустить мысли, что военное вѣдомство не должно имѣть ничего общаго со всѣмъ строемъ го-

сударственнаго управленія. Неужели обязанности военно-служащаго такъ сложны и специальны, что судить объ ихъ нарушеніи и виновности подсудимаго можетъ только специальный судъ? Но вѣдь мы знаемъ, что въ государственной службѣ каждое вѣдомство имѣетъ особое специальное назначеніе, и правила, опредѣляющія обязанности служащихъ, во многихъ случаяхъ бываютъ гораздо сложнѣе и труднѣе для изученія, чѣмъ правила военной службы. Если проступки и преступленія по должности военно-служащихъ должны быть судимы особыми специальными судами, тогда каждое вѣдомство должно имѣть свой судъ, и притомъ не одинъ, а нѣсколько, смотря по числу специальностей, входящихъ въ составъ этого вѣдомства. Очевидно, что не специальность военной службы обусловливаетъ существованіе военныхъ судовъ, а что-то другое. Военные суды дѣйствительно нужны только въ военное время, но тогда они существуютъ въ видѣ особыхъ временныхъ военно-полевыхъ судовъ; я же говорю не объ этихъ учрежденіяхъ, а о судахъ постоянныхъ, дѣйствующихъ въ мирное время и даже въ такихъ случаяхъ, когда военно-служащій совершаетъ какое-либо преступленіе или проступокъ противъ общаго права. Установленіе особой подсудности для подобныхъ случаевъ однимъ фактомъ своего существованія влечетъ за собою ограниченіе правъ всѣхъ другихъ гражданъ государства и, разумѣется, должно вызывать весьма вредныя послѣдствія въ общей государственной жизни. Приведу примѣръ самый обыкновенный. Положимъ, военно-служащій наноситъ оскорбленіе словомъ или дѣйствіемъ или причиняетъ какой-либо другой вредъ простому смертному, т. е. совершаетъ проступокъ, не выходящій изъ юрисдикціи мироваго суда. Потерпѣвшій въ этомъ случаѣ не можетъ обратиться къ защитѣ мѣстнаго мироваго суда, но долженъ жаловаться по начальству; а если послѣднее признаетъ жалобу его основательною, тогда передастъ ее на разсмотрѣніе подлежащаго военнаго суда, который по такого рода дѣламъ есть полковой судъ товарищей. Право потерпѣвшаго является ограниченнымъ, во-первыхъ, усмотрѣніемъ начальства и, во-вторыхъ, необходимостію довольствоваться рѣшеніемъ такого суда, который не имѣетъ никакихъ юридическихъ свѣдѣній и можетъ взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія свойственной только военнымъ людямъ и чуждой мирнымъ обывателямъ. Въ такой судъ потерпѣвшій не пойдетъ: онъ или махнетъ рукой на причиненное ему оскорблечіе и нанесенный вредъ и

будетъ терять уваженіе къ существующему порядку, не ограждающему его правъ, или, наоборотъ, попробуетъ расправиться лично и прибѣгнетъ къ самоуправству. Тотъ и другой случай ведутъ къ весьма вреднымъ послѣдствіямъ. Теперь спрашивается, какими же мотивами могутъ обусловливаться подобныя исключенія изъ общаго порядка вещей?

Мнѣ кажется, что это есть остатокъ стараго привилегированнаго положенія, которымъ когда-то пользовались люди военнаго званія и считали себя стоящими значительно выше на общественной лѣстницѣ въ сравненіи съ чинами гражданскаго вѣдомства. Въ это доброе старое время считалось унизительнымъ для военнаго человѣка быть судимымъ людьми штатскими, а теперь поддерживается вслѣдствіе обычая, къ которому люди такъ привыкли, что не замѣчаютъ ни печальныхъ послѣдствій подобнаго обычая въ нравственномъ отношеніи, ни полной несовмѣстимости его съ уваженіемъ къ закону и суду *).

Между тѣмъ установленіе одинаковаго для всѣхъ гражданъ суда и упраздненіе военно-сухопутнаго и военно-морскаго судовъ сохранили бы государству около полутора милліона рублей. Вмѣстѣ съ нравственною пользой явилась бы и матеріальная выгода.

По величинѣ государственнаго расхода на военныя потребности, считая въ томъ числѣ издержки другихъ вѣдомствъ на этотъ предметъ, непосредственно слѣдуетъ сумма расхода по системѣ кредита, такъ какъ расходъ этотъ по смѣтѣ текущаго года опредѣленъ въ суммѣ 198.776.286 руб., которые составляютъ 30% общей суммы расхода. Возрастаніе издержекъ по этой статьѣ, точно также какъ и возрастаніе издержекъ военнаго вѣдомства, составляетъ одну изъ самыхъ больныхъ сторонъ нашего бюджета, а потому и самыхъ опасныхъ для будущности Россіи. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только бросить взглядъ на нижеслѣдующую таблицу, указывающую степень возрастанія не только абсолютной цифры этого расхода, но и процентнаго отношенія къ общей цифрѣ дохода и расхода:

*) Замѣчательно, что иногда военно-служащіе, совершившіе особенно тяжкое и притомъ позорное преступленіе, не предавались военному суду, а были исключаемы изъ службы и дѣло ихъ поступало на разсмотрѣніе въ гражданскій окружный судъ съ участіемъ присяжныхъ, хотя по закону преступленія за время нахожденія преступниковъ въ военной службѣ и не подлежатъ вѣдѣнію этого суда. Чѣмъ обусловливались подобныя распоряженія и почему окружный судъ признаетъ себя компетентнымъ въ этого рода дѣлахъ—неизвѣстно.

Авт.

Годы.		Расходъ по системѣ кредита.	% повышенія въ сравненіи съ 1866 годомъ.	Процентное его отношеніе: къ общему расходу.	Процентное его отношеніе: къ общему доходу.
По отчетамъ государственнаго контроля.	1866	74.746.690	—	18—	21,2
	1867	82.945.271	10,9	19,5	19,7
	1868	79.719.632	6,2	18—	18,9
	1869	88.154.411	18—	18,8	19,2
	1870	86.039.864	15,1	17,7	17,9
	1871	85.067.291	13,8	17—	16,7
	1872	88.281.652	19,4	17—	17—
	1873	93.380.609	24,9	17,3	17,3
	1874	93.843.136	25,5	17,2	17—
	1875	107.478.064	43,8	19,7	18,6
	1876	109.344.815	46,3	19—	19,5
	1877	115.086.332	55,3	19,6	20,9
	1878	140.326.910	87,7	23,3	22,4
	1879	172.448.303	130,6	26,7	26—
	1880	173.473.627	132,1	25—	26,6
По государ. росписи.	1881	193.338.684	158,7	28,8	30,7
	1882	198.776.287	166—	30,1	30,3

Изъ этой таблицы видно, что въ теченіе перваго десятилѣтія расходъ этотъ хотя и возрасталъ, но слабѣе, чѣмъ возрастали общія цифры бюджета; но съ 1875 года увеличеніе расхода по системѣ кредита идетъ несравненно быстрѣе, чѣмъ увеличеніе общаго дохода и расхода. При этотъ слѣдуетъ замѣтить, что цифры эти не выражаютъ дѣйствительнаго расхода, такъ какъ платежи въ металлической валютѣ при переводѣ ихъ на кредитные рубли опредѣляются по гадательному курсу и въ послѣдніе годы дѣйствительный платежъ производился постоянно по курсу болѣе низкому въ сравненіи съ тѣмъ, который принимался въ основаніе при составленіи государственной росписи и дополнительныхъ ассигнованій. Разница эта за послѣднія 6 лѣтъ составляла въ разное время отъ 2 до 4 пенсовъ на каждый кредитный рубль, а такъ какъ эти платежи по настоящей росписи превышаютъ 110 милл. руб. кредитныхъ, то оказывается, что государственное казначейство въ эти послѣднія 6 лѣтъ переплачивало противъ суммъ, показанныхъ въ вѣдомости, отъ 8 до 16 милл. рублей. Я утверждаю это на томъ основаніи, что государственный контроль въ своихъ отчетахъ, опредѣляя подлежащія къ отпуску суммы по этой статьѣ, по заключеніи смѣтнаго періода, исчислялъ ихъ не на основаніи предстоявшихъ еще платежей, а

опредѣлялъ простымъ вычитаніемъ израсходованныхъ суммъ изъ кредита, открытаго по росписи, и дополнительнымъ ассигнованіямъ, въ числѣ же послѣднихъ никогда не было ассигнованій на покрытіе разницы въ курсѣ, предположенномъ по росписи и дѣйствительномъ, если не считать въ послѣднемъ отчетѣ за 1880 годъ произведеннаго расхода на этотъ предметъ, по § 23, въ размѣрѣ 198.349 рублей 96 коп. Ничтожность этой цифры прямо указываетъ, что эта переплата послѣдовала по какой-либо отдѣльной статьѣ смѣты, которая случайно опредѣлилась по счетамъ государственнаго контроля и далеко не выражаетъ собою дѣйствительнаго расхода по этому поводу. Скорѣе всего цифра эта могла явиться слѣдствіемъ переплаты по металлическимъ 4% билетамъ государственнаго банка, такъ какъ оплата купоновъ по этимъ билетамъ производится внутри государства. Изъ какихъ источниковъ и какимъ образомъ удовлетворялся этотъ излишній расходъ по остальнымъ заграничнымъ займамъ, положительно неизвѣстно; но что онъ былъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Конечно, общихъ суммъ государственнаго казначейства у заграничныхъ банкировъ всегда бываетъ достаточно для производства платежей по предъявляемымъ купонамъ, тѣмъ болѣе, что предъявленіе ихъ къ платежу всегда значительно запаздываетъ. Вслѣдствіе этого министерство финансовъ можетъ обходиться продолжительное время безъ ассигнованія на этотъ предметъ особыхъ кредитовъ; но, конечно, такой порядокъ вещей долженъ имѣть конецъ и тогда придется разомъ снести со счетовъ значительную сумму. Винить въ этомъ случаѣ государственный контроль въ томъ, что онъ не показываетъ этого расхода по своимъ отчетамъ, не представляется возможнымъ, такъ какъ онъ по заграничнымъ расходамъ не производитъ документальной повѣрки, а заимствуетъ свѣдѣнія изъ счетовъ кредитной канцеляріи, которые, какъ оказывается, далеко не удовлетворительны. Мнѣ приходится уже не первый разъ указывать на неудовлетворительность счетоводства кредитной канцеляріи какъ по отношенію къ счетамъ съ желѣзнодорожными обществами, такъ и по отношенію къ государственнымъ долгамъ, и обстоятельство, на которое я указываю въ настоящемъ случаѣ, можетъ имѣть очень серьезное послѣдствіе и поставить министерство финансовъ въ весьма затруднительное положеніе.

Конечно, я не имѣю даже и приблизительныхъ данныхъ, чтобы судить о разницѣ дѣйствительныхъ расходовъ и показан-

ныхъ въ вѣдомости, но разница эта должна быть значительна, а потому и процентъ возрастанія этихъ расходовъ и процентъ бюджета, поглощаемый ими, долженъ быть выше, чѣмъ значится въ составленной мною вѣдомости. Но печальнѣе всего то, что возрастаніе этой статьи расхода далеко еще не завершилось и должно будетъ поглощать все болѣе и болѣе высокій процентъ нашего бюджета, хотя и въ настоящее время онъ намъ далеко не по силамъ. Дѣло въ томъ, что, при отсутствіи радикальныхъ финансовыхъ реформъ и невозможности сокращенія расходовъ бюрократическимъ путемъ, хроническій дефицитъ является неизбѣжнымъ и мы можемъ покрывать его только займами. Кромѣ того мы не имѣемъ никакихъ другихъ средствъ для уплаты государственному банку 350 милл. рублей за временно выпущенные въ обращеніе кредитные билеты,—уплаты, разсроченной, въ силу указа 1-го января 1881 года, на 8 лѣтъ. Такимъ образомъ даже при отсутствіи всякихъ случайностей и невзгодъ до начала 1889 года намъ придется увеличивать нашъ государственный долгъ по крайней мѣрѣ на 100 милл. руб. въ годъ. На внутреннемъ нашемъ рынкѣ мы не можемъ найти этихъ капиталовъ безъ серьезнаго стѣсненія или, лучше сказать, безъ окончательнаго подрыва промышленной дѣятельности, а потому единственный источникъ для удовлетворенія этой потребности есть заграничный рынокъ, на которомъ нашъ кредитъ при настоящихъ условіяхъ значительно пошатнулся. Нѣтъ сомнѣнія, что необходимость въ такихъ колоссальныхъ займахъ извѣстна на заграничныхъ рынкахъ лучше, чѣмъ у насъ, и конечно каждая попытка сдѣлать новый заемъ будетъ понижать курсъ прежнихъ нашихъ бумагъ и тѣмъ затруднять помѣщеніе новыхъ, вслѣдствіе чего каждый новый заемъ намъ будетъ обходиться дороже и возвышать наши издержки по системѣ государственнаго кредита.

Подобная перспектива конечно не заключаетъ въ себѣ ничего утѣшительнаго, но за то представляетъ много поучительнаго. Въ самомъ дѣлѣ, если бросить вновь взглядъ на таблицу, мною составленную, и на предстоящее увеличеніе государственнаго долга, то не трудно замѣтить, что настоящее неприглядное финансовое положеніе наше есть слѣдствіе послѣдней войны, такъ какъ только съ 1877 года начинается возрастаніе государственнаго долга быстрѣе, чѣмъ ростъ бюджета. Но при такомъ выводѣ невольно обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что съ 1877 года расходъ на уплату процентовъ по государственнымъ

долгамъ возросъ уже на 90 милл. рублей, да намъ предстоитъ еще увеличить эту статью расхода не менѣе какъ на 50 милл. рублей. Между тѣмъ военныя издержки наши не превышали милліарда рублей и могли возвысить сумму процентовъ на 60—70 милліон. руб., не болѣе; между тѣмъ, считая въ томъ числѣ погашеніе и реализацію, намъ приходится платить вдвое большую сумму. Гдѣ же причина того положенія дѣлъ, что, при излишнихъ издержкахъ въ одинъ милліардъ, государственный долгъ долженъ возрости на два милліарда? Подобное явленіе должно имѣть свою особую причину, такъ какъ мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго въ послѣдствіяхъ, напр., франко-германской войны, хотя эта война обошлась воюющимъ державамъ гораздо дороже, чѣмъ русско-турецкая. Государственный долгъ Франціи возросъ не болѣе какъ на сумму, въ которую обошлись ей военныя издержки и реализація займовъ, между тѣмъ какъ у насъ представляетъ по меньшей мѣрѣ двойную сумму. Само собою разумѣется, что причина такого явленія должна заключаться въ тѣхъ финансовыхъ мѣрахъ, которыя доставили средства для военныхъ расходовъ. Ни Франція, ни Германія не прибѣгали въ этомъ случаѣ къ выпуску бумажныхъ денегъ: онѣ вели и окончили войну съ помощію запасныхъ средствъ и кредита, а потому у нихъ и не было тѣхъ прикладныхъ расходовъ, которые должны были явиться слѣдствіемъ покрытія военныхъ расходовъ у насъ. Мы начали войну тѣмъ, что увеличили въ полтора раза количество бумажныхъ денежныхъ знаковъ на нашемъ рынкѣ, то-есть выпустили кредитныхъ билетовъ на громадную сумму—400 милліоновъ руб. серебромъ, и до сихъ поръ не подумали извлечь ихъ изъ обращенія. Само собою разумѣется, что курсъ этихъ денежныхъ знаковъ долженъ былъ понизиться значительно и, какъ показалъ опытъ, онъ упалъ болѣе чѣмъ на 30%. Соразмѣрно съ такимъ паденіемъ должно было произойти возрастаніе государственныхъ расходовъ сначала по всѣмъ заграничнымъ платежамъ, а затѣмъ и по внутреннимъ. Не говоря о тѣхъ потеряхъ, которыя несли и продолжаютъ нести при этомъ частныя лица, подобный способъ удовлетворенія военныхъ расходовъ нанесъ громадный ущербъ государственному казначейству. Займы при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ были бы гораздо менѣе убыточны, нежели подобная неразсчетливая мѣра, тѣмъ болѣе, что рынокъ и безъ того уже былъ переполненъ бумажными деньгами, которыя были единственными платежными знаками и новые ихъ выпуски долж-

ны были прямо понижать ихъ стоимость, за неимѣніемъ въ обращеніи звонкой монеты, которая своимъ отливомъ на заграничные рынки могла бы очистить мѣсто для новыхъ денежныхъ знаковъ. Если прежніе выпуски понизили курсъ кредитнаго рубля на 15%, то, повидимому, было ясно, что новые выпуски, и притомъ въ такомъ размѣрѣ, должны были его понизить еще болѣе. Принимая же въ соображеніе, что государственный доходъ въ 1876 году доходилъ до 560 милл. рублей, наше финансовое управленіе, прибѣгая къ выпуску 400 милл. рублей безпроцентныхъ бумажныхъ денегъ, понижало стоимость этого дохода по меньшей мѣрѣ на 15% и теряло 79 милл. рублей, то-есть въ дѣйствительности дѣлало заемъ по меньшей мѣрѣ за 20%, не считая тѣхъ потерь, которыя несли частные люди. Но до этихъ простыхъ соображеній наше финансовое управленіе того времени возвыситься не могло, несмотря на то, что подобныя мѣры были приняты во время Крымской войны, и гибельныя ихъ послѣдствія продолжали тяготѣть на нашемъ рынкѣ даже въ тотъ моментъ, когда приступали къ ихъ повторенію. Вотъ наглядный примѣръ, насколько бюрократическій строй управленія гарантируетъ интересы государства и насколько примѣры исторіи поучительны для него. Вотъ за эти-то промахи и приходится расплачиваться въ настоящее время, принимая на счетъ государства двойную сумму долга въ сравненіи съ произведенными издержками, а потеря прежняго времени и разстройство народнаго хозяйства остаются на придачу и ставятъ серьезное препятствіе къ улучшенію финансоваго положенія государства въ ближайшемъ будущемъ. При такомъ положеніи дѣлъ приходится откладывать всѣ реформы, необходимыя въ интересахъ провинціи, и приносить ихъ въ жертву интересамъ общегосударственнымъ.

Вотъ почему позволительно выразить желаніе, чтобы заботы министерства финансовъ были ограничены попеченіями о средствахъ, нужныхъ только для удовлетворенія потребностей арміи, флота и центральныхъ органовъ управленія; опредѣленіе же потребностей мѣстнаго управленія и завѣдываніе средствами, нужными для удовлетворенія этихъ потребностей, должно принадлежать мѣстному населенію и его выборнымъ. Тогда по крайней мѣрѣ ошибки центральнаго финансоваго управленія не будутъ задерживать успѣхъ развитія отдѣльныхъ мѣстностей, а здоровая жизнь провинціи дастъ возможность устранить всякое затруднительное положеніе центральнаго управленія.

При сравненіи нашихъ расходовъ по системѣ кредита съ расходами другихъ государствъ Европы оказывается, что Англія и Америка тратятъ на этотъ предметъ изъ своего бюджета большій процентъ, а именно 36%; но слѣдуетъ замѣтить, что провинціальные расходы этихъ государствъ не входятъ въ общіе бюджеты и потому общая сумма бюджета значительно сокращается. Кромѣ того эти державы не имѣютъ бумажныхъ денегъ, а потому имъ не предстоитъ возвышать расходовъ по этой статьѣ, тогда какъ намъ необходимо ихъ увеличить болѣе чѣмъ на 20%, чтобы консолидировать нашъ безпроцентный долгъ. Впрочемъ Англія не спѣшитъ погашеніемъ своихъ долговъ и, вслѣдствіе дешевизны % по государственнымъ долгамъ, предпочитаетъ обращать излишки своихъ доходовъ на пониженіе налоговъ. Франція, выдержавшая такую страшно-гибельную войну и заплатившая громадную контрибуцію въ пять милліардовъ франковъ, тѣмъ не менѣе издерживаетъ изъ своего бюджета не болѣе 30% на платежи по долгамъ и ей также не предстоитъ увеличивать этихъ расходовъ на извлеченіе изъ обращенія бумажныхъ денегъ. Италія тратитъ на этотъ предметъ также не болѣе 30% своего бюджета, несмотря на то, что она принуждена была дѣлать громадные займы послѣ своего объединенія, такъ какъ получила въ наслѣдство отъ прежнихъ государствъ, вошедшихъ въ ея составъ, самое печальное финансовое положеніе. Что же касается Германіи, то она вовсе не имѣетъ долговъ, а Пруссія тратитъ на уплату процентовъ по своимъ долгамъ менѣе 8% своего бюджета. Даже Австрія, о плачевномъ финансовомъ положеніи которой такъ часто говорятъ наши газеты, и та издерживаетъ на платежъ % по своимъ долгамъ менѣе 20% своего бюджета. Послѣ этого позволительно предложить вопросъ: лучше ли наше финансовое положеніе австрійскаго?

А. Головачовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ.

(Страница изъ исторіи судебной реформы.)

„По-истинѣ едва вѣрится, чтобы въ столь короткое время такъ крѣпко принялось дѣло столь великое и столь мало похожее на прежніе наши порядки, начиная съ основной идеи и до мельчайшихъ подробностей...“

„Наша судебная реформа есть не столько реформа, сколько *созданіе* судебной власти. Честь и слава правительственному вѣдомству, которое такъ дѣятельно и вѣрно приводитъ въ исполненіе зиждительную мысль Преобразователя, оберегая ее отъ явнаго и тайнаго недоброжелательства партій, неохотно входящихъ въ условія *новаго* гражданскаго порядка. Исторія не забудетъ ни одного изъ именъ, связанныхъ съ этимъ великимъ дѣломъ гражданскаго обновленія Россіи“.

Москов. Вѣдом. 1867 г., № 69.

I.

Послѣ «19-го февраля» самымъ славнымъ днемъ прошлаго царствованія, безспорно, должно быть признано «20-е ноября», день утвержденія нашихъ знаменитыхъ «Судебныхъ Уставовъ». До извѣстной степени день 20-го ноября даже можетъ съ успѣхомъ конкурировать съ днемъ освобожденія крестьянъ. Учрежденія, порожденныя 20-мъ ноября, если не въ отношеніи глубины, то въ отношеніи широты захватили большее пространство, коснувшись матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ большаго числа лицъ. Тогда какъ «Положеніе 19 февраля» затрогивало бытъ одного только крѣпостнаго населенія, учрежденіе новаго гласнаго суда, независимаго суда общественной совѣсти, затрогивало самые дорогіе интересы всѣхъ слоевъ населенія, всего государства. Только теперь, когда событія и дѣятели шестидесятыхъ годовъ начинаютъ уходить въ даль исторической перспективы, это колоссальное дѣло насажденія скораго, праваго и гласнаго суда совѣсти на мѣсто безконечной, продажной приказно-судебной воло-

житы и водвореніе началъ благоустроеннаго правоваго порядка въ исконной странѣ господства произвола — представляется во всемъ своемъ величіи и блескѣ. А уничтоженіе системы формальныхъ доказательствъ? Безграмотный судья, или вѣрнѣе главный вершитель дѣлъ секретарь, въ лучшемъ случаѣ, т. е. если не накидывалъ чего-нибудь за счетъ своей проданной совѣсти, производилъ, не видя и въ глаза подсудимаго, механическую выкладку надъ нѣмыми предустановленными доказательствами. При этихъ ариѳметическихъ выкладкахъ были нерѣдки такіе случаи, какъ разсказанный въ «Коробейникахъ»:

По ошибкѣ засѣдатели
Упекли его въ острогъ:
Нужно было изъ Спиридова
Вызвать Тита Кузьмича,
Описались—изъ Давыдова
Взяли Титушку-ткача.

или другой, упоминаемый Н. И. Стояновскимъ, случай: мужъ, на основаніи собственнаго признанія, былъ наказанъ плетьми и сосланъ въ каторжныя работы за убійство жены, которая оказалась живущею въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, гдѣ жилъ ея мужъ*). И эта счетная операція, при которой логику замѣняло предписаніе закона, а совѣсть—приказаніе начальства, эта machine à sentences, при дѣйствіи которой были неизбѣжны указанные случаи, называлась правосудіемъ и къ ней-то обращаютъ томные взоры современные обскуранты!

Теперь именно, когда есть возможность прослѣдить исторію подготовки и введенія судебной реформы, сравнивать между собою условія предшествовавшія, сопровождавшія и слѣдовавшія за этою реформою,— съ невольнымъ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ благоговѣніемъ, приходится останавливаться предъ этимъ, поистинѣ, богатырскимъ подвигомъ творцовъ и дѣятелей судебной реформы. Сколько нужно было имѣть любви къ дѣлу, сколько вѣры въ свой народъ, только-что освобожденный отъ помѣщичьяго самосуда, убивавшаго въ самомъ корнѣ всякое понятіе о правдѣ, чтобы задумать и такъ скоро и удачно выполнить задачу созданія народнаго суда совѣсти, самая мысль о которомъ показалась бы чѣмъ-то химерическимъ современному поколѣнію!

*) „Рѣчь *Н. И. Стояновскаго,* произнесенная 3 февраля 1880 года въ общ. собр. с.-петербургскаго Юрид. Общества“.

Возможно-полная исторія либеральной эпохи, создавшей судебную реформу, этой необычайно свѣтлой полосы нашей жизни, промчавшейся какъ метеоръ, была бы крайне поучительна. Появленіе исторіи судебной реформы, и именно теперь, было бы полезно и въ другомъ отношеніи. Въ наше время, когда въ иныхъ слояхъ, ради ложно понятой самобытности, такъ чуждаются всего, на чемъ лежитъ печать европейской общечеловѣческой мысли, исторія выработки и приложенія на дѣлѣ «Судебныхъ Уставовъ» представила бы много интереснаго. Они могутъ служить превосходнымъ образчикомъ того, какъ въ умѣлыхъ рукахъ и при доброй волѣ иноземное учрежденіе можетъ быть акклиматизировано съ сохраненіемъ основной идеи учрежденія и съ приспособленіемъ къ особенностямъ мѣстныхъ условій. У насъ же не только не имѣется прагматической исторіи судебной реформы, хотя бы въ такихъ рамкахъ, какъ трудъ профессора Иванюкова—«Паденіе крѣпостнаго права», но даже не имѣется такого собранія матеріаловъ, какъ изданный за границею сборникъ Скребницкаго по крестьянской реформѣ. Богатые и цѣнные матеріалы по судебной реформѣ находятся у частныхъ лицъ и недоступны для публики. А между тѣмъ славные дѣятели судебной реформы одинъ за другимъ сходятъ со сцены. Нѣтъ уже въ живыхъ ни князя Гагарина, ни Буткова, ни Буцковскаго, ни многихъ другихъ ихъ доблестныхъ товарищей. Самая свѣжая потеря была въ прошломъ году. Не стало 19-го октября и перваго генералъ-прокурора новыхъ судебныхъ учрежденій Д. Н. Замятнина; ему въ значительной степени обязана своимъ осуществленіемъ судебная реформа, великими благами коей, почти безсознательно, мы теперь пользуемся.

И съ дерева невѣдомаго плодъ,
Безпечные, безпечно мы вкушаемъ;
Намъ дѣла нѣтъ, кто возрастилъ его,
Кто посвящалъ ему и трудъ, и время,
И о тебѣ не скажетъ ничего
Своимъ потомкамъ сдержанное племя...

Задача написанія полной исторіи судебной реформы, частью по количеству, частью по качеству подлежащихъ изслѣдованію матеріаловъ, безспорно не легка, и вѣроятно не скоро мы ея дождемся. Поэтому біографическіе опыты о дѣятельности главнѣйшихъ участниковъ ея, кажется, будутъ небезполезны, хотя бы

какъ подготовительный матеріалъ для будущей исторіи. На симпатичной дѣятельности одного изъ нихъ, а именно Замятнина, игравшаго первостепенную роль въ выработкѣ, а въ особенности въ введеніи «Судебныхъ Уставовъ» въ дѣйствіе, мы и намѣрены остановиться. Намъ уже приходилось говорить, по порученію московскаго Юридическаго Общества, о дѣятельности Замятнина *). Нынѣ намъ удалось собрать матеріалы, могущіе служить къ болѣе рельефной обрисовкѣ этой замѣчательной личности, а потому считаемъ полезнымъ еще разъ вернуться къ своей темѣ. Впрочемъ, считаемъ нужнымъ оговориться, что, по свойству собраннаго нами матеріала, намъ придется говорить о дѣятельности Замятнина только по судебной реформѣ.

Дѣятельность Замятнина имѣетъ право на вниманіе еще по особой причинѣ. Въ наше время, когда и у недюжинныхъ людей руки опускаются въ безсиліи, когда всѣ жалуются на недостатокъ творческой мысли, когда всѣ ищутъ и не находятъ достойныхъ людей для разрѣшенія назрѣвшихъ серьезныхъ общественныхъ задачъ, очеркъ дѣятельности Замятнина можетъ дать не мало назидательныхъ указаній. По общему признанію всѣхъ лицъ, близко знавшихъ Замятнина, умственныя способности его не представляли чего-нибудь изъ ряда вонъ выходящаго. Для своего времени онъ былъ достаточно образованъ, начитанъ, знакомъ съ иностранными законодательствами, особенно съ французскимъ, но выдающимися чертами его личности были: безконечная доброта, нравственная чистота, идеальная честность. Обладая такими богатыми духовно-нравственными дарами, Замятнинъ, и при обыкновенныхъ умственныхъ способностяхъ, съумѣлъ занять выдающееся мѣсто въ сонмѣ дѣятелей судебной реформы. Однажды понявъ великое значеніе гуманныхъ и либеральныхъ основъ судебной реформы, онъ отдался ей такъ, какъ умѣютъ отдаваться подобныя натуры, то-есть всецѣло и навсегда, а не по соображеніямъ минутнаго оппортюнизма; онъ сдѣлался ихъ горячимъ сторонникомъ, распространителемъ, а впослѣдствіи бойцомъ за судебную реформу. Впрочемъ, въ этомъ явленіи нѣтъ ничего особенно новаго. Исторія нерѣдко отмѣчаетъ тотъ любопытный фактъ, что люди «чистые сердцемъ» гораздо сильнѣе откликаются на призывы освободительныхъ и гуманныхъ идей, открывающіе новые горизонты для человѣчества, нежели очерствѣвшіе

---

*) *Жур. Гражд. и Уголов. Права* 1882 года, № 2.

люди школьной мудрости, книжники. Не нужно, конечно, упускать изъ виду и ту великую собирательную силу, которая называется «общественнымъ воодушевленіемъ»,—силу, благодаря которой и пигмеи дѣлаются гигантами, и Терситы—Патроклами... Стало-быть, въ извѣстное время и при извѣстныхъ добрыхъ задаткахъ, и человѣкъ среднихъ способностей можетъ творить великія дѣла. А это случается тогда, когда правящія сферы умѣютъ вызвать и направить здоровыя интеллигентныя силы страны, которыхъ бываетъ въ запасѣ больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Нужно только умѣть разыскивать эти силы. Ищите и обрящете... Истина эта слишкомъ стара, но послѣдуемъ совѣту Гёте и «не будемъ уставать, защищая истину; заблужденіе дѣйствуетъ, не уставая никогда».

Какъ бы то ни было, благодаря частью личнымъ своимъ качествамъ, а главнымъ образомъ благотворному вліянію либеральныхъ теченій начала прошлаго царствованія, Замятнинъ сдѣлался какъ бы знаменемъ для судебной реформы и оставался имъ до конца своей жизни. У всякой исторической эпохи, для всякого важнаго историческаго предпріятія, народное—у насъ пока еще общественное — сознаніе создаетъ легендарнаго героя, воплощающаго основную идею этого дѣла. Такими легендарными носителями идеи являются не всегда тѣ, которые отчетливѣе всѣхъ ее поняли, а тотъ, который сердечнѣе, теплѣе всѣхъ усвоилъ ее и беззавѣтно, весь безъ остатка, отдался служенію ей. Кто не знаетъ, какъ много сдѣлали для судебной реформы покойные князь Гагаринъ, Бутковъ и многіе другіе (я не говорю о живыхъ), однако, по всеобщему признанію, истиннымъ олицетвореніемъ гуманныхъ и либеральныхъ принциповъ судебной реформы считался Замятнинъ.

Въ доказательство этой мысли приведу одинъ замѣчательный, но мало извѣстный фактъ. Въ 1874 году миновало первое десятилѣтіе со дня изданія «Судебныхъ Уставовъ». Замятнинъ, давно уже устраненный отъ любимаго дѣла, оффиціально стоялъ совершенно далеко отъ судебнаго вѣдомства. И что же? Вся мыслящая Россія продолжала считать живымъ воплощеніемъ основныхъ началъ судебной реформы его, Замятнина. Съ разныхъ концовъ Россіи — изъ Москвы, Харькова, Пскова, Ельца, Новгорода, Владиміра—многочисленные почитатели судебной реформы, какъ бы сговорившись, слали Замятнину свои привѣтствія по случаю исполнившагося десятилѣтія изданія «Судебныхъ Уставовъ».

Въ числѣ привѣтствій была трогательная телеграмма изъ Москвы отъ молодыхъ, начинающихъ юристовъ, по поводу которой невольно вспоминаются слова французскаго философа: «heureux celui qui est assez grand pour que les petits l'admirent». Вотъ какую добрую память оставилъ Замятнинъ послѣ своего кратковременнаго, но оставшагося навсегда памятнымъ, управленія дѣлами новаго суда. Безъ дальнѣйшихъ поясненій понятно, что дѣятельность такого человѣка заслуживаетъ вниманія.

II.

„Настоящее правительство не задерживаетъ народъ, не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ массы лучшія силы; оно не боится этихъ силъ; оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними".

С. Соловьевъ.

Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ родился въ 1805 году, въ дворянской семьѣ, въ Горбатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ лицейскомъ пансіонѣ, откуда за отличные успѣхи былъ переведенъ въ царско-сельскій лицей; здѣсь онъ окончилъ курсъ съ серебряною медалью въ 1823 году. Съ перваго же шага своего служебнаго поприща Дмитрій Николаевичъ попалъ въ хорошую школу знаменитаго Сперанскаго, который былъ занятъ въ то время кодификаціонными работами по составленію «Свода Законовъ». Съ закрытіемъ кодификаціонной коммиссіи въ 1826 году Дмитрій Николаевичъ перешелъ во вновь учрежденную собственную Его Императорскаго Величества канцелярію, гдѣ онъ и оставался до конца 1840 года. Въ теченіе этого времени онъ успѣлъ составить себѣ репутацію способнаго и трудолюбиваго, а главное—честнаго чиновника. Особенно благодаря послѣднему качеству Дмитрій Николаевичъ получилъ должность герольдмейстера. При назначеніи на эту должность Дмитрію Николаевичу поручено было заняться искорененіемъ злоупотребленій, проще—взяточничества, господствовавшаго въ департаментѣ герольдій. Говорятъ, Императоръ Николай Павловичъ, опредѣляя Дмитрія Николаевича на это мѣсто, предупреждалъ его, что ему придется имѣть дѣло съ «шайкою разбойниковъ». Въ первый же годъ своей службы по новому вѣдомству Дмитрій Николаевичъ успѣлъ показать себя способнымъ администраторомъ, искоренивъ многія злоупотребленія. Отчетъ его за 1841 годъ, заключавшій въ себѣ и тщательно

обдуманный планъ реформы дѣлопроизводства департамента герольдій, обратилъ на себя общее вниманіе. Затѣмъ Дмитрій Николаевичъ занималъ должности члена консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, оберъ-прокурора 2-го и 3-го департаментовъ сената. Въ этой должности онъ хорошо ознакомился со всѣми язвами нашего стараго тайнаго канцелярскаго судопроизводства, что принесло ему громадную пользу при послѣдующей его дѣятельности по судебной реформѣ. Въ 1852 году Дмитрій Николаевичъ былъ назначенъ сенаторомъ и до 1858 года онъ присутствовалъ въ 1-мъ и во 2-мъ отдѣленіяхъ 3-го департамента, въ 4-мъ и въ 1-мъ департаментахъ. 9-го мая 1858 года онъ былъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи, а въ 1862 году, послѣ отставки графа Панина, управляющимъ министерствомъ юстиціи. 1-го января 1864 года Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ былъ утвержденъ въ званіи министра юстиціи, постъ котораго онъ занималъ до 16 апрѣля 1867 года.

За симъ онъ перешелъ въ государственный совѣтъ, гдѣ присутствовалъ въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и назначался постоянно членомъ особой коммиссіи для разсмотрѣнія отчетовъ по министерству юстиціи и по кассаціоннымъ департатентамъ. 10-го мая 1881 года состоялось назначеніе Д. Н. Замятнина предсѣдателемъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта.

Не перечисляя разнообразныхъ должностей, которыя занималъ Дмитрій Николаевичъ въ разныхъ коммиссіяхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ, упомяну только, что онъ съ 1858 года служилъ по вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, а впослѣдствіи былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ съ присутствованіемъ въ опекунскомъ совѣтѣ. Д. Н. Замятнинъ скончался въ день лицейской годовщины—19-го октября 1881 года. За товарищескимъ обѣдомъ съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ и черезъ нѣсколько часовъ послѣ того его уже не стало.

Такимъ образомъ время пребыванія и управленія Замятнинымъ министерствомъ юстиціи совпало со временемъ наиболѣе горячихъ работъ по подготовкѣ, составленію и введенію въ дѣйствіе «Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 года». Эта-то самая важная эпоха жизни Дмитрія Николаевича составляетъ предметъ настоящаго очерка.

Но, говоря объ участіи Замятнина въ судебной реформѣ, считаю необходимымъ частью для связи изложенія, частью по не-

вольной, но пріятной ассоціаціи идей, сказать два слова о ходѣ этой реформы. И теперь, черезъ 20 лѣтъ, или, вѣрнѣе сказать, именно теперь нельзя безъ удивленія вспомнить объ этой классической работѣ составителей «Судебныхъ Уставовъ». Теперь, когда давно уже назрѣвшія реформы какихъ-нибудь опекунскихъ учрежденій, коммерческихъ судовъ напрасно ждутъ не дождутся очереди въ теченіе 20 лѣтъ, колоссальный трудъ людей 60-хъ годовъ, блистательно, такъ-сказать съ одного размаха, разрѣшившихъ сложную задачу, въ теченіе четверти вѣка не сходившей съ очереди, кажется чѣмъ-то легендарнымъ. Вотъ нѣкоторыя числа, которыя покажутся невѣроятными современному поколѣнію. Въ октябрѣ 1861 года покойный Государь повелѣлъ предварительно выработать «Основныя Положенія» реформы. Мысль эта оказалась въ высшей степени счастливою; но что не въ ней одной была сила, лучшимъ доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что въ послѣдующее время одно составленіе «Основныхъ Положеній» не подвигало впередъ работы. Примѣръ — ипотечная реформа. Но въ данномъ случаѣ счастливая мысль принесла обильные плоды, потому что ей благопріятствовали время или, что то же, состояніе умовъ. Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ состоявшагося повелѣнія государственный совѣтъ уже окончилъ разсмотрѣніе извѣстныхъ «Основныхъ Положеній преобразованія судебной части въ Россіи», Высочайше утвержденныхъ 29 сентября 1862 года и послужившихъ прочнымъ фундаментомъ для будущаго судебнаго законодательства. Лучшею похвалой для «Основныхъ Положеній» можетъ служить весьма сочувственный отзывъ, коимъ они встрѣчены были знаменитымъ германскимъ ученымъ Митермайеромъ *). 29-го же сентября повелѣно было образовать при государственной канцеляріи, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря В. П. Буткова, особую коммиссію для составленія проектовъ судоустройства и судопроизводства, согласно утвержденнымъ уже «Основнымъ Положеніямъ». Въ составъ коммиссіи вошли лучшіе юристы того времени, теоретически и практически изучавшіе право и судопроизводство. Коммиссія съ небольшимъ черезъ годъ уже внесла въ государственный совѣтъ готовые проекты Учрежденія судебныхъ мѣстъ и Уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводствъ. Скорость хода работъ отнюдь не отразилась неблагопріятно на внутреннемъ содержаніи

*) *Журн. Минист. Юст.* 1864 г., № 10.

и внѣшней отдѣлкѣ проектовъ. Напротивъ, въ нихъ замѣчается такая полнота и глубина мысли, такое дѣятельное участіе всѣхъ умственныхъ силъ тогдашняго интеллигентнаго общества, которыя ни раньше, ни позже болѣе не повторялись. Вотъ каковъ былъ ходъ работъ. Вышеупомянутыя «Основныя Положенія» были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе. Чтобы вызвать самодѣятельность общественныхъ силъ, коммиссія В. П. Буткова спеціально обратилась къ судебнымъ и административнымъ дѣятелямъ и профессорамъ, а черезъ періодическія изданія ко всѣмъ лицамъ, интересующимся судебною реформой, съ просьбой оказать содѣйствіе своими замѣчаніями. На приглашеніе коммиссіи откликнулось 448 лицъ, замѣчанія которыхъ составили шесть томовъ in folio. Припомнимъ, что это былъ первый опытъ обращенія къ обществу за содѣйствіемъ, ради успѣха законодательныхъ работъ, и мы поймемъ, какъ великъ долженъ быть въ то время подъемъ гражданскаго духа и сила всеобщаго воодушевленія, если, при бѣдности нашей юридической мысли, на приглашеніе отозвалось 448 человѣкъ. Эти практическія замѣчанія вмѣстѣ съ иностранными законодательствами и теоретическими изслѣдованіями послужили матеріаломъ, надъ которымъ работала коммиссія. Сначала проекты составлялись редакторами, потомъ переходили въ отдѣленія коммиссіи и наконецъ обсуждались въ общемъ собраніи коммиссіи при участіи особо приглашенныхъ лицъ, свѣдѣнія и опытность коихъ могли разъяснить встрѣчаемыя недоразумѣнія. Коммиссія работала такъ усердно и добросовѣстно, что, какъ уже замѣчено, черезъ годъ съ небольшимъ послѣ своего учрежденія приготовила проекты, снабженные превосходными объяснительными записками. Въ значительной степени благодаря такой образцовой работѣ коммиссіи, былъ созданъ лучшій памятникъ русскаго законодательнаго творчества. Внося проекты въ государственный совѣтъ, предсѣдатель коммиссіи напутствовалъ ихъ слѣдующими словами, все значеніе коихъ обнаружилось лишь впослѣдствіи. «Если при дальнѣйшемъ направленіи настоящаго дѣла,—писалъ статсъ-секретарь Бутковъ,—и въ особенности при введеніи въ дѣйствіе новыхъ Уставовъ судопроизводства и Учрежденія судебныхъ мѣстъ и при необходимомъ, по указаніямъ опыта, исправленіи ихъ, современемъ, будутъ тщательно сохраняемы начала, преподанныя «Основными Положеніями», и если притомъ судебная власть будетъ поставлена въ полную и совершенную независимость отъ власти

административной, то успѣхъ предпринятой у насъ судебной реформы едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію».

Такимъ образомъ съ небольшимъ въ два года были составлены «Основныя Положенія» и на основаніи ихъ проекты. Меньше чѣмъ въ годъ государственный совѣтъ обсудилъ проекты и уже 20 ноября 1864 года, то-есть меньше чѣмъ послѣ трехлѣтней работы, мы уже имѣли знаменитые «Судебные Уставы», составившіе эпоху въ общественномъ развитіи Россіи и вызвавшіе сочувствіе всего образованнаго міра. Развѣ мы не были правы, сказавъ выше, что современнымъ дѣятелямъ покажется легендарною быстрота, съ которою было выработано наше образцовое либеральное судебное законодательство?

При современномъ маразмѣ, охватившемъ все, что не принадлежитъ къ стану «ликующихъ, праздно болтающихъ», при отсутствіи творческой мысли, которое не могли восполнить ни свѣдущіе, ни несвѣдущіе люди, дѣлается непонятнымъ этотъ внезапный притокъ свѣжихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, помогшихъ совершить въ 60-хъ годахъ рядъ важныхъ либеральныхъ реформъ. Откуда взялись эти гигантскія силы и какъ создалось то взаимное довѣріе и благотворное взаимодѣйствіе правящихъ сферъ и «оторвавшагося отъ народа» интеллигентнаго общества, которыя донынѣ съ любовью припоминаются друзьями прогресса? Отвѣчу косвенно на этотъ вопросъ словами маститаго историка Соловьева: «Настоящее правительство не задерживаетъ свой народъ, не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ массы лучшія силы и употребляетъ ихъ на благо народа; оно не боится этихъ силъ, оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними. Чтобы не бояться ничего, правительство должно быть либерально и сильно. Оно должно быть либерально, чтобы поддерживать и развивать въ народѣ жизненныя силы, постоянно кропить его живою водою, не допускать въ немъ застоя, слѣдовательно—гніенія, не задерживать его въ состояніи младенчества, нравственнаго безсилія, которое въ минуту искушеній дѣлаетъ его неспособнымъ отразить ударъ, встрѣтить твердо и спокойно, какъ прилично мужамъ, всякое движеніе, всякую новизну, критически относиться къ каждому явленію; народу нужно либерально-прочное воспитаніе, чтобы ему не колебаться, не мястись при первомъ порывѣ вѣтра, не восторгаться первымъ жалкимъ и красивымъ словомъ, не дурачиться и не бить стеколъ, какъ дѣти, которыхъ долго держали взаперти и вдругъ выпустили на свободу».

III.

Независимо отъ коммиссіи государственной канцеляріи, но вполнѣ согласно съ ея освободительными стремленіями, работалъ въ качествѣ министра юстиціи Д. Н. Замятнинъ, при ближайшемъ сотрудничествѣ одного изъ славныхъ ветерановъ судебной реформы Н. И. Стояновскаго. Тутъ мы касаемся одного изъ важнѣйшихъ моментовъ жизни Дмитрія Николаевича, а потому слѣдуетъ попытаться обозначить основныя свойства его личности, коими опредѣлится и самый характеръ и размѣръ его участія въ судебной реформѣ.

Частью по личнымъ своимъ свойствамъ, частью благодаря господствовавшей въ 1825—1855 гг. военно-бюрократической системѣ, изъ Дмитрія Николаевича не выработалась рѣзко очерченная индивидуальность, рѣшительная иниціатива. Юные и зрѣлые годы Дмитрія Николаевича относятся къ эпохѣ, когда ad majorem gloriam означенной системы преслѣдовалось строго всякое проявленіе своеобразной индивидуальности и все пригибалось подъ однообразную, оффиціально утвержденную, формулу какъ для внѣшняго благоповеденія, такъ и для внутренняго міровоззрѣнія. Ни школьное, ни политическое воспитаніе, полученное Замятнинымъ, не способствовали развитію въ немъ высокаго полета мыслей, способности къ смѣлому творчеству. Въ личности Замятнина не столько замѣчалась присутствіе качествъ великаго духа, сколько чертъ прекрасной, возвышенной, чистой души. Преобладающею чертой въ личности Замятнина была необычайная доброта, о которой справедливо говоритъ Ренанъ: «c'est la bonté qui fait vivre». Дѣлать добро ближнему было для Дмитрія Николаевича истиннымъ наслажденіемъ, скажу болѣе—неодолимою потребностью его нравственной природы. Изъ другихъ чертъ характера Замятнина заслуживаютъ упоминанія: безусловная честность во всѣхъ поступкахъ, добросовѣстное до педантизма отношеніе къ своимъ обязанностямъ, вѣрность однажды сознательно избранному знамени. Въ сношеніяхъ съ равными себѣ и подчиненными у Дмитрія Николаевича замѣчались прямота, простота и ровность, умѣнье привязывать ихъ къ хорошему дѣлу и расшевеливать въ нихъ лучшія стороны души. Замѣчательна была въ Дмитріи Николаевичѣ, столь рѣдко наблюдаемая у людей въ его положеніи, скромность, открыто высказываемое желаніе учиться долго и прилежно у людей болѣе его свѣдущихъ

и отсутствіе того мелкаго самолюбія, которое не выноситъ около себя присутствія выдающихся талантовъ. Дмитрій Николаевичъ охотно выдвигалъ и въ министерствѣ, и впослѣдствіи въ судебныхъ учрежденіяхъ даровитыхъ дѣятелей, любуясь ихъ успѣхами и не боясь развитія ихъ дарованій. Незлопамятность, благодушіе, отвращеніе къ пересудамъ, какъ логическія послѣдствія его доброй натуры, замѣчались у Дмитрія Николаевича какъ въ частной жизни, такъ и оффиціальной дѣятельности. Въ сношеніяхъ съ просителями Замятнинъ отличался доступностію и внимательностію. Замятнинъ отзывался такъ: «Просителю, какъ бы больному, нужна помощь немедленная или объясненіе, что ему помощь невозможна». Онъ былъ всегда врагомъ пустыхъ широковѣщательныхъ обѣщаній, въ щедромъ расточеніи коихъ иные видятъ простое, но вѣрное средство для привлеченія просительскихъ сердецъ.

Приведенная краткая характеристика показываетъ, что если-бы не благодатное либеральное движеніе 60-хъ годовъ, то дѣятельность Замятнина, всегда честная и гуманная, прошла бы незамѣтно, не оставивъ послѣ себя глубокихъ слѣдовъ. Но, какъ выше уже было замѣчено, въ эпоху всеобщаго преобразовательнаго воодушевленія и среднія способности даютъ богатый разцвѣтъ и слабыя иниціативою натуры мужаютъ и крѣпнутъ. Присущій имъ недостатокъ иниціативы парализуется быстрымъ и глубокимъ общественнымъ теченіемъ, которое несетъ ихъ, не требуя отъ нихъ особыхъ усилій воли и смѣлаго творческаго полета. Такъ случилось и съ Замятнинымъ. Богатые духовные дары его, тлѣвшіе подъ пепломъ, благодаря однообразной начальственной нивелировкѣ, ожили при первомъ же соприкосновеніи съ здоровою атмосферой свободной общественной самодѣятельности.

До 1862 года дѣло судебной реформы шло мимо министерства юстиціи и даже противъ его тенденцій. Тогдашній министръ юстиціи графъ Панинъ дѣлалъ не мало усилій, чтобы смягчить или, вѣрнѣе, исказить основныя начала судебной реформы. Когда же «Основныя Положенія» прошли въ государственномъ совѣтѣ и удостоились 29 сентября 1862 года Высочайшаго утвержденія, графъ Панинъ нашелъ, что роль его сыграна, и онъ долженъ былъ подать въ отставку. Преемникомъ ему былъ назначенъ бывшій его товарищъ Д. Н. Замятнинъ. Первымъ дѣломъ Замятнина было избраніе себѣ въ товарищи Н. И. Стояновскаго,

бывшаго въ то время статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта. Раньше Замятнинъ не былъ даже знакомъ съ нимъ домами, а зналъ его только по службѣ. Высоко цѣня его способности и желая употребить ихъ на пользу судебной реформы, Замятнинъ искалъ въ своемъ товарищѣ помощника и даже, horribile dictu, наставника, въ совершенное отличіе отъ многихъ министровъ того времени, бравшихъ себѣ въ товарищи бездарности изъ опасенія, чтобы товарищи ихъ не затмили.

Съ назначеніемъ Замятнина въ министерствѣ юстиціи сталъ носиться иной духъ, водворились иные порядки. Послѣ такого черстваго, безжизненнаго бюрократа, чиновника до мозга костей, какимъ былъ графъ Панинъ, служившій истиннымъ олицетвореніемъ бездушнаго формализма, вдругъ занимаетъ министерскій постъ человѣкъ мягкій, ласковый, пріятный въ обращеніи, доступный для всѣхъ. Графъ Панинъ, никогда не покидавшій своего недоступнаго бюрократическаго Олимпа, не только для объясненія съ публикою, но и для выслушанія докладовъ, — чуть ли и съ курьеромъ своимъ объяснялся не иначе, какъ письменно. Преемникъ же его, не желая разыгрывать роли грознаго, но не видимаго далай-ламы, впервые назначилъ пріемные часы для личныхъ объясненій съ просителями. Что же касается правителя канцеляріи министерства юстиціи, Д. Б. Бэра, то онъ во всякое время принималъ просителей, просьбы коихъ въ тотъ же или на другой день докладывались министру.

Отношенія новаго министра къ чинамъ министерства были превосходныя. Еще раньше Д. Н. Замятнинъ, будучи товарищемъ министра, успѣлъ пріобрѣсти расположеніе департаментскаго персонала простотою своего обращенія, составлявшаго такой бьющій въ глаза контрастъ съ недоступностью тогдашняго министра юстиціи... «Вдругъ видимъ,—разсказывалъ мнѣ одинъ изъ департаментскихъ чиновниковъ того времени,—симпатичнаго старика, въ гороховомъ сюртукѣ, съ сигарою во рту расхаживающаго между столами и запросто знакомящагося съ подчиненными: то былъ новый товарищъ министра Замятнинъ». Одинъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Замятнина, сенаторъ Д. Б. Бэръ, слѣдующими чертами характеризуетъ личность его: «Всему вѣдомству (министерства юстиціи) уже давно была извѣстна въ высшей степени гуманная, симпатичная личность новаго начальника. Съ полнымъ къ нему довѣріемъ вѣдомство принялось за усиленную дѣятельность, стало готовиться къ предстоящей судеб-

ной реформѣ. Всегда спокойный, хладнокровный, чуждый мелочнаго самолюбія, онъ требовалъ серьезнаго отношенія къ дѣлу. Онъ обладалъ особымъ умѣньемъ выслушивать своихъ подчиненныхъ. Исполнитель, которому поручена была какая-либо работа, былъ увѣренъ, что онъ всегда придетъ во-время къ своему начальнику и будетъ выслушанъ имъ безъ малѣйшей тѣни неудовольствія и досады, хотя бы онъ представлялъ свои соображенія о невозможности исполнить отданное приказаніе. Каждое малѣйшее сомнѣніе обсуждалось, подвергалось строгой критикѣ, весьма часто коллегіально, и дѣло отъ такихъ пріемовъ выигрывало; притомъ же начальникъ этимъ путемъ узнавалъ своихъ подчиненныхъ. Это не было нерѣшительностью, а было напротивъ желаніемъ отыскать правду, наилучшимъ образомъ осуществить ее и поставить дѣло на законную, твердую почву» *).

Узнавъ изъ продолжительнаго жизненнаго опыта, что Русь «въ судахъ полна неправды черной», новый министръ направилъ всѣ силы своего вѣдомства для кореннаго излѣченія этого застарѣлаго недуга. Онъ усвоилъ себѣ либеральныя основанія судебной реформы, сдѣлался ихъ горячимъ сторонникомъ на всю жизнь. Этотъ почти шестидесятилѣтній, въ то время, старецъ, соединивъ въ себѣ твердость зрѣлаго возраста съ пыломъ молодаго увлеченія, организовалъ въ своемъ министерствѣ коллегію, соревновавшую съ коммиссіею для начертанія «Судебныхъ Уставовъ» въ работахъ для скорѣйшаго проведенія судебной реформы. Съ свойственнымъ ему умѣньемъ выбирать и привязывать къ себѣ людей, Замятнинъ, не обращая вниманія ни на возрастъ, ни на положеніе въ судебной іерархіи, сгруппировалъ около себя «могучую кучку» способныхъ и преданныхъ дѣлу реформы людей, воодушевленныхъ высотою предстоящей работы и искреннимъ желаніемъ поработать на пользу родины. На первомъ планѣ фигурировалъ — правая рука министра юстиціи — маститый государственный мужъ Н. И. Стояновскій, заложившій одинъ изъ первыхъ камней судебной реформы еще въ должности статсъ-секретаря государственнаго совѣта. Затѣмъ слѣдовали: директоръ департамента министерства юстиціи баронъ Врангель, вице-директоръ Б. Н. Хвостовъ, начальникъ законодательнаго отдѣленія Э. В. Фришъ, начальникъ уголовнаго отдѣленія Н. Н. Шрейберъ, старшій юрисконсультъ консультаціи Д. Г. Фонъ-Дервизъ, началь-

*) *Жур. Граж. и Угол. Права* 1881 года, № 6.

никъ гражданскаго отдѣленія О. В. Эссенъ, юрисконсультъ Г. К. Рѣпинскій, правитель канцеляріи министра юстиціи Д. Б. Бэръ и др. Люди съ мелкими страстишками, имѣя въ виду задѣть самолюбіе министра юстиціи, громко говорили, что онъ даетъ себя «начинять департаментскимъ либерализмомъ». Но Замятнинъ съ полнымъ равнодушіемъ и даже добродушіемъ выслушивалъ колкости и продолжалъ «учиться» у всякаго, кто могъ бы дать полезныя указанія для руководимаго имъ дѣла. А «ученіе» было серьезное и изученіе прилежное.

Для ближайшаго съ своей стороны обсужденія внесенныхъ въ государственный совѣтъ проектовъ судоустройства и судопроизводства, Замятнинъ образовалъ подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, въ присутствіи товарища своего Н. И. Стояновскаго, особыя совѣщательныя засѣданія, къ которымъ были приглашены способнѣйшіе чины министерства юстиціи. Засѣданія эти продолжались въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ (въ началѣ 1864 года) по три раза въ недѣлю, по вечерамъ, по пяти и болѣе часовъ каждое. Замятнинъ поражалъ на этихъ засѣданіяхъ своимъ терпѣніемъ и неутомимостью. Въ то время, когда молодые люди чувствовали утомленіе, онъ, несмотря на свои годы, засиживался до двухъ часовъ ночи, внимательно выслушивая всякое замѣчаніе и давая всякому высказаться вполнѣ, поощряя словомъ и личнымъ примѣромъ. По тщательномъ обсужденіи всѣхъ по порядку постановленій проектовъ судебной реформы, основаній приведенныхъ въ объяснительныхъ запискахъ коммиссіи В. П. Буткова и возбужденныхъ по разнымъ вопросамъ разногласій въ засѣданіяхъ помянутой коллегіи, по указанію Дмитрія Николаевича, устанавливалась сущность замѣчаній его на проекты. Потомъ эти замѣчанія, подробно редактированныя, подъ ближайшимъ надзоромъ товарища министра Н. И. Стояновскаго, окончательно просматривались Замятнинымъ, печатались и по мѣрѣ изготовленія разсылались ко всѣмъ членамъ соединеннаго присутствія департаментовъ государственнаго совѣта ко времени происходившихъ въ ономъ засѣданій. Такимъ образомъ доставлены были подробныя соображенія о необходимости измѣненія по существу до 1.100 статей проектовъ, а именно: до 600 статей проекта гражданскаго судопроизводства, до 300 проекта уголовнаго судопроизводства, до 80 статей проекта о проступкахъ подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ и до 120 проекта Учрежденій судебныхъ мѣстъ *).

*) *Журн. Мин. Юстиціи* 1866 г., № 4, стр. 31.

Вотъ какъ честно поработалъ Замятнинъ вмѣстѣ съ своими сотрудниками для судебной реформы!

Независимо отъ изложеннаго, Дмитрій Николаевичъ, желая еще болѣе споспѣшествовать успѣху судебной реформы, испросилъ соизволеніе покойнаго Государя на то, во-первыхъ, чтобы министру дозволено было по проектамъ судоустройства и судопроизводства сообщать государственному совѣту во время слушанія проектовъ, а затѣмъ представлять совѣту изустно разъясненія, какія окажутся необходимыми; во-вторыхъ, чтобы всѣ работы коммиссіи В. П. Буткова сообщены были для предварительнаго разсмотрѣнія сенаторамъ и оберъ-прокурорамъ, такъ какъ многіе изъ нихъ обладаютъ большимъ запасомъ знаній юридическихъ и практическою, въ судебныхъ дѣлахъ, опытностью; и въ-третьихъ, чтобы товарищъ министра Стояновскій находился во всѣхъ засѣданіяхъ государственнаго совѣта по дѣлу судебной реформы съ правомъ представлять объясненія и соображенія свои по проектамъ о преобразованіи судебной части.

Такимъ образомъ участіе Замятнина по подготовкѣ судебной реформы сводилось въ цѣлесообразномъ планѣ организаціи работъ министерства юстиціи, въ высшемъ руководствѣ и лучшемъ направленіи дѣятельности чиновъ министерства, сообразно способностямъ каждаго, и, наконецъ, въ воодушевленіи ихъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ и личнымъ примѣромъ неутомимости и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу.

IV.

Habent sua fata libelli.

Выше было указано, съ какою добросовѣстностью вырабатывалъ Замятнинъ свои замѣчанія на проекты «Судебныхъ Уставовъ». Въ совокупности «Замѣчанія министра юстиціи» образовали солидный томъ in folio въ 500 слишкомъ страницъ. Довольно странная судьба постигла этотъ замѣчательный трудъ. Публикѣ и даже спеціалистамъ онъ почти неизвѣстенъ. Въ «Судебныхъ Уставахъ» изданія государственной канцеляріи приводится масса соображеній изъ объяснительныхъ записокъ, журналовъ государственнаго совѣта и даже записки статсъ-секретаря Блудова, о замѣчаніяхъ же министра юстиціи Замятнина, имѣвшихъ результатомъ видоизмѣненіе многихъ статей проектовъ и стало-быть могущихъ служить наилучшимъ комментаріемъ къ новой редакціи статей, во-

шедшихъ въ измѣненномъ видѣ въ «Судебные Уставы»,—ни слова не говорится. Имѣемъ ли мы дѣло съ простою случайностью, или случаемъ проявленія jalousie de métier, но фактъ тотъ, что разностороннія замѣчанія министра юстиціи вовсе игнорируются оффиціальнымъ изданіемъ «Судебныхъ Уставовъ». Лучшею аттестаціей для этого труда можетъ служить то обстоятельство, что многія изъ предложенныхъ имъ поправокъ вошли въ дѣйствующее судебное законодательство, какъ одна изъ лучшихъ его частей; нѣкоторыя изъ серьезныхъ поправокъ были отвергнуты государственнымъ совѣтомъ, благодаря чему образовались въ «Судебныхъ Уставахъ» замѣтные пробѣлы и шероховатости, понынѣ еще неустраненные,—такъ, напримѣръ, порядокъ взысканія по безспорнымъ актамъ.

Общая черта всѣхъ «Замѣчаній» Замятнина — неуклонное слѣдованіе и неустанное отстаиваніе либеральныхъ «Основныхъ Положеній», легшихъ въ основаніе судебной реформы, иной разъ даже болѣе вѣрное слѣдованіе имъ, чѣмъ то замѣчается въ трудахъ коммиссіи Буткова. Въ виду малаго знакомства публики съ этими «Замѣчаніями», я считаю полезнымъ привести нѣкоторыя изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что они представляютъ цѣнный матетіалъ и для характеристики личности Замятнина. Велики заслуги составителей проектовъ судоустройства и судопроизводства, но справедливость и интересъ дѣла требуютъ отвести должное мѣсто и трудамъ того, кто своими замѣчаніями значительно способствовалъ улучшенію многихъ предположеній проекта.

§ 1. Замѣчанія на проектъ устава гражданскаго судопроизводства.

«Министръ юстиціи, глубоко сознавая всю важность этого дѣла (судебной реформы) для будущаго развитія гражданской жизни нашего отечества, считаетъ долгомъ выразить, прежде всего, искреннее убѣжденіе, что означенные проекты («Уставовъ») представляютъ собою обширный и замѣчательный трудъ, исполненный съ совершенною добросовѣстностью и съ полнымъ пониманіемъ величія предстоящей задачи». Такъ привѣтствовалъ Замятнинъ съ своего важнаго министерскаго поста дѣло реформы. Бросая затѣмъ общій взглядъ на внесенные въ государственный совѣтъ проекты, министръ замѣчаетъ, что они не вполнѣ согласованы между собою, что онъ объясняетъ тѣмъ, что коммиссія, составлявшая проекты, работала по отдѣленіямъ и не имѣла времени и возможности разсмотрѣть весь свой трудъ въ

совокупности и сообщить различнымъ его частямъ надлежащее единство и одну общую систему. Замѣчаніе весьма цѣнное, имѣвшее послѣдствіемъ новое размѣщеніе частей и приведеніе «Уставовъ» въ болѣе стройную систему.

Порядокъ изложенія правилъ мироваго судопроизводства по гражданскимъ дѣламъ былъ подробно разсмотрѣнъ «Замѣчаніями». Они находили, прежде всего, болѣе правильнымъ сначала изложить процессуальныя правила общаго порядка судопроизводства, а потомъ, какъ изъятіе, мироваго. «Замѣчанія» критиковали основательно и содержаніе этихъ правилъ. Проектъ, какъ извѣстно, начерталъ довольно подробныя правила для мировыхъ судей и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставилъ имъ примѣнять общія правила судопроизводства въ той мѣрѣ, какъ они могутъ быть согласованы съ производствомъ въ мировыхъ учрежденіяхъ. Такая постановка дѣла вмѣсто облегченія должна затруднить, по мнѣнію министра юстиціи, судей не-юристовъ. Онъ предлагалъ ст. 143 проекта изложить такъ: всѣ тѣ правила производства дѣлъ въ общихъ судахъ, которыя не отмѣнены или не замѣнены въ настоящей книгѣ, имѣютъ полное примѣненіе къ производству у мировыхъ судей (стр. 4 «Замѣч.»). Государственный совѣтъ болѣе склонился къ мнѣнію коммиссіи, вслѣдствіе чего въ Уст. гражд. суд. внесена была крайне неопредѣленнаго содержанія статья 80, причинившая не мало затрудненій и мировой судебной практикѣ, и кассаціонному сенату. Кто знаетъ, не этой ли статьѣ по преимуществу мы обязаны усиленіемъ въ мировыхъ учрежденіяхъ, въ разрѣзъ ихъ основной идеѣ, формализма?

По вопросу о размѣрѣ подсудности мировой юстиціи Замятнинъ коренным образомъ разошелся съ проектомъ коммиссіи. Она предполагала ограничить вѣдомство мироваго суда исками не свыше 100 руб. Министръ юстиціи энергично возсталъ противъ этого пункта и прежде всего возражалъ противъ того довода, что «единоличный судъ мироваго судьи, могущаго притомъ быть и не юристомъ, представляетъ менѣе гарантіи въ правильномъ рѣшеніи дѣлъ, чѣмъ коллегіальные суды». Не слѣдуетъ забывать, сказано въ «Замѣчаніяхъ», что наибольшую гарантію въ правильномъ рѣшеніи дѣлъ представляетъ хорошій *выборъ судей* (курсивъ въ подлинникѣ), а выборъ можетъ быть тѣмъ лучше и тѣмъ строже, чѣмъ менѣе лицъ потребуется для занятія судейскихъ должностей. Далѣе дѣлается весьма важное практическое замѣчаніе, что народное богатство у насъ не настолько

развито, какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, и поэтому именно и слѣдуетъ дать народу дешевый судъ (стр. 19). Министръ предложилъ возвысить подсудность мировой юстиціи до исковъ въ 500 руб., что и было принято государственнымъ совѣтомъ.

Вообще заслуживаетъ вниманія, что, въ отличіе отъ своего преемника, Замятнинъ относился съ большимъ довѣріемъ къ выборнымъ мировымъ судьямъ и старался возвысить ихъ положеніе, не видя, подобно другимъ, основанія брать ихъ въ подозрѣніе потому только, что на выборъ ихъ не можетъ вліять министерство юстиціи. Во всѣхъ, даже второстепенныхъ, случаяхъ Замятнинъ оставался вѣренъ этому взгляду. «Проектъ» предоставлялъ окружнымъ судамъ право поручать мировому судьѣ допросъ свидѣтелей, распросъ тяжущихся, повѣрку доказательствъ, осмотръ на мѣстѣ и т. п. «Замѣчанія» возстаютъ противъ этихъ правилъ, какъ умаляющихъ достоинство мировыхъ судей. Министръ при этомъ припоминаетъ слѣдующія соображенія, по коимъ государственный совѣтъ предъ тѣмъ счелъ невозможнымъ подчинить мировыхъ судей окружнымъ судамъ: «при такомъ подчиненіи надежда видѣть на этой должности мѣстныхъ, всѣми уважаемыхъ землевладѣльцевъ, поставленныхъ подъ *единственный* контроль избравшаго ихъ общества и уголовнаго суда, уничтожается, и затѣмъ новая должность вступаетъ въ общій разрядъ низшихъ судебно-полицейскихъ должностей». Мѣры, предлагаемыя коммиссіей, не могутъ не поставить, сказано въ «Замѣчаніяхъ» (стр. 67), мировыхъ судей въ совершенную зависимость отъ окружныхъ судовъ, такъ какъ немыслимо, чтобъ имѣющій право давать порученіе не имѣлъ права опредѣлять степень удовлетворительности исполненія этого порученія. Стараніе свое охранять достоинство мировыхъ судей Замятнинъ простиралъ такъ далеко, что онъ, въ видахъ привлеченія къ занятію этой должности людей высоко поставленныхъ въ общественномъ мнѣніи, не считалъ также удобнымъ, въ случаѣ недостатка въ членахъ окружнаго суда, приглашать мировыхъ судей. При этомъ онъ приводитъ слѣдующее деликатное соображеніе: «отсутствующія должностныя лица обыкновенно замѣняются, временно, лицами, стоящими въ служебной іерархіи ниже самихъ отсутствующихъ, а потому необходимо устранить возможность примѣненія подобнаго толкованія относительно званія мировыхъ судей и членовъ окружныхъ судовъ».

Ст. 103 и 104 проекта предоставляли истцу, недовольному распоряженіемъ предсѣдателя о возвращеніи прошенія, обжаловать дѣйствія предсѣдателя суду. «Замѣчанія» указываютъ, во-первыхъ, на то, что для обжалованія не положено никакого срока, и, во-вторыхъ, на неудобство для судебной коллегіи разсматривать дѣйствія своего предсѣдателя, такъ какъ подобный порядокъ можетъ возбудить сомнѣніе, быть-можетъ и не лишенное основанія, въ безпристрастіи членовъ суда къ дѣйствіямъ своего предсѣдателя (стр. 31). Согласно поправкѣ, внесенной «Замѣчаніями», составлена была нынѣшняя ст. 268-я Уст. гражд. судопр.

Признавая, что несправедливо было бы требовать обезпеченія судебныхъ издержекъ отъ иностранца, хотя и не состоящаго въ русской службѣ, но имѣющаго недвижимую собственность въ Россіи, министръ предложилъ видоизмѣнить въ этомъ смыслѣ проектъ (стр. 108). Поправка вошла въ нынѣшнюю ст. 571-ю, п. 5, Уст. гражд. судопр.

Ст. 476-ю проекта министръ юстиціи полагалъ видоизмѣнить и изложить слѣдующимъ образомъ: возраженія, что самое право на искъ вовсе не принадлежитъ тому лицу, которое ищетъ, либо прекратилось и погашено прежде начатія иска исполненіемъ обязательства, силою судебнаго рѣшенія, мировою сдѣлкою или истеченіемъ земской давности и т. п., не считаются отводами, а посему предъявляются суду и разсматриваются имъ не иначе, какъ вмѣстѣ съ возраженіями по существу иска (стр. 112). Поправка эта почти дословно вошла въ 589 ст. Уст. гражд. судопр.

Только благодаря «Замѣчаніямъ» министра внесено въ ст. 679 и 680 Уст. гражд. судопр. постановленіе о порядкѣ устраненія прокуроровъ, который былъ упущенъ изъ виду при составленіи проекта. «Замѣчанія» же способствовали значительному улучшенію постановленія о заочныхъ рѣшеніяхъ (стр. 126 и 127).

Въ книгѣ III проекта, ст. 74—77, излагался рядъ правилъ объ исправленіи ошибокъ въ рѣшеніяхъ. Министръ юстиціи въ принципѣ отвергалъ надобность въ подобныхъ правилахъ по слѣдующимъ основаніямъ: установленіе особаго порядка для исправленія ошибокъ предполагаетъ съ одной стороны недовѣріе къ суду, а съ другой—возможность ошибокъ съ его стороны. Если даже при дѣйствующемъ порядкѣ судопроизводства на практикѣ почти никогда не возбуждалось вопроса о невѣрности изложенія рѣшеній, то тѣмъ менѣе можно предположить, что по введеніи новаго судопроизводства случаи жалобъ на невѣрность изложенія

рѣшеній увеличатся. Наконецъ, если принять за основное правило, что въ окончательную законную силу входитъ только резолюція суда, а не изложеніе въ рѣшеніи обстоятельствъ дѣла, то подобное исправленіе ошибокъ потеряетъ всякое практическое значеніе. Согласно мнѣнію министра, государственный совѣтъ исключилъ изъ Устава правила объ исправленіи рѣшеній.

По вопросу объ организаціи кассаціоннаго производства министръ юстиціи радикально разошелся съ проектомъ. Министръ юстиціи исходилъ изъ болѣе строгаго правоваго воззрѣнія и полагалъ, что для упроченія правоваго порядка необходимо перечислить въ самомъ Уставѣ гражд. судопр. тѣ формы, нарушеніе коихъ влечетъ за собою недѣйствительность рѣшенія, коммиссія же считала невозможнымъ такое исчисленіе. Государственный совѣтъ согласился съ мнѣніемъ коммиссіи, но соображенія, приведенныя министромъ юстиціи, заслуживаютъ полнаго вниманія. Значеніе ихъ не только не ослаблено, но можетъ быть еще усилено послѣдующею кассаціонною практикой. «Конечно,—сказано въ «Замѣчаніяхъ»,—наука судопроизводства не выработала еще такихъ началъ по вопросу о формахъ, обусловливающихъ правильность судебнаго рѣшенія, которыя бы признавались всѣми безусловно справедливыми. Но изъ этого еще нельзя сдѣлать вывода, что нужно отказаться отъ попытки опредѣлить такія формы. Постановляя правила судопроизводства, законодатель долженъ стараться объ одномъ—исполнить свою задачу добросовѣстно. Безъ сомнѣнія, нельзя гоняться за совершенствомъ, потому что несовершенство человѣческой природы ставитъ тому непреодолимую преграду. Но законодатель тѣмъ не менѣе долженъ имѣть какія-либо убѣжденія и считать ихъ правильными. Иначе въ ожиданіи, что истины, признаваемыя нынѣ таковыми, со-временемъ должны потерять авторитетъ, пришлось бы отказаться отъ всякихъ убѣжденій и всякой общественной дѣятельности. Если же законодатель имѣетъ свои убѣжденія, то долженъ проводить ихъ, установлять правила, въ полезномъ дѣйствіи которыхъ онъ увѣренъ, и предоставить потомству судить о ихъ достоинствѣ и дѣлать исправленія и дополненія, которыя признаны будутъ нужными. Еслибы даже трудъ перечисленія всѣхъ упомянутыхъ формъ судопроизводства былъ очень сложенъ, то, несмотря на то, отъ него нельзя отказываться при начертаніи Устава судопроизводства, потому что съ теченіемъ времени для людей, не занимавшихся составленіемъ Устава и,

слѣдовательно, незнакомыхъ съ основаніемъ каждой статьи, трудъ этотъ сдѣлается *еще сложнѣе*». Затѣмъ министръ юстиціи предусмотрительно замѣчалъ, что пробѣлъ въ Уставѣ по сему предмету тяжело отзовется на практикѣ. «Сколько лѣтъ понадобится,—писалъ онъ,—на то, чтобы сенатъ изъ подлежавшихъ его разрѣшенію частныхъ случаевъ составилъ полныя правила для руководства на будущее время? Каково будетъ положеніе тяжущихся, знающихъ, что есть правила объ отмѣнѣ рѣшеній въ кассаціонномъ порядкѣ и не находящихъ въ законахъ никакихъ указаній на то, въ какихъ случаяхъ этотъ порядокъ примѣняется? Понятно, что, при всякомъ нарушеніи со стороны суда какихъ-либо формальностей, тяжущійся, незнакомый съ значеніемъ новаго въ Россіи кассаціоннаго производства, совершенно добросовѣстно пожелаетъ *попробовать*, не отмѣнитъ ли кассаціонный департаментъ по этому случаю судебнаго рѣшенія. Вслѣдствіе сего просьбы объ отмѣнѣ рѣшеній *во множествѣ* будутъ поступать въ правительствующій сенатъ. На разрѣшеніе такихъ просьбъ потратится много напраснаго труда и времени, большая часть изъ нихъ будетъ оставлена безъ послѣдствій, а слѣдовательно окажутся напрасными и значительныя издержки, сопряженныя съ производствомъ по просьбамъ объ отмѣнѣ рѣшеній». Въ заключеніе министръ представилъ состоявшій изъ 29 параграфовъ перечень формальностей, нарушеніе коихъ должно было влечь за собою отмѣну окончательныхъ рѣшеній. Послѣдующій опытъ показалъ, какъ правъ былъ Замятнинъ, опасаясь чрезмѣрнаго обремененія дѣлами кассаціоннаго суда и спутанности кассаціонной практики. Для предупрежденія такого обремененія, вопреки очевиднымъ началамъ судебной реформы, стали впослѣдствіи ставить барьеры для тяжущихся въ видѣ кассаціоннаго залога, сдѣлавшаго кассаціонный судъ недоступнымъ для людей недостаточныхъ. А въ какомъ незавидномъ состояніи находилась и отчасти находится наша кассаціонная практика, это всѣмъ извѣстно *).

При обсужденіи правилъ кассаціоннаго производства министръ юстиціи признавалъ цѣлесообразнымъ установленіе болѣе подробныхъ правилъ, что, къ сожалѣнію, однако же не было принято государственнымъ совѣтомъ. Пользуясь чрезвычайною краткостію «Судебныхъ Уставовъ» при изложеніи правилъ кассаціонна-

*) См. мою статью въ *Юридич. Вѣстникѣ* 1881 года, № 4: „О старомъ и новомъ направленіи гражданской кассаціонной практики“.

то производства въ реакціонномъ лагерѣ (см. *Берегъ* 1880 г.), стали, напримѣръ, впослѣдствіи настойчиво утверждать такой абсурдъ, что въ кассаціонномъ департаментѣ не допускаются словесныя объясненія. «Замѣчанія» министра юстиціи прямо устанавливали такое право. Кромѣ того министръ проектировалъ предоставленіе сенату права пріостановки рѣшеній, на кои поступили кассаціонныя жалобы, что, къ немалому ущербу для правосудія, не было принято (стр. 149). Взамѣнъ того появилась весьма непрактичная ст. 814 Уст. гражд. судопр., по которой рѣшеніе пріостанавливается лишь послѣ того, какъ послѣдуетъ опредѣленіе сената объ отмѣнѣ рѣшенія.

По вопросу о случаяхъ, въ которыхъ могутъ быть допущены просьбы о разрѣшеніи отыскивать убытки съ судей, въ коммиссіи возникло разногласіе. Министръ юстиціи высказался за то мнѣніе, что судья подвергается отвѣтственности не только въ томъ случаѣ, когда неправильное рѣшеніе постановлено имъ изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, но также когда оно было слѣдствіемъ ошибки судьи или неправильнаго, лишь по недоразумѣнію, толкованія законовъ (стр. 57). Въ этомъ видѣ и вошло это правило въ Уставъ, которое, впрочемъ, значительно смягчено кассаціонною практикой.

Нынѣшняя редакція важнѣйшей 893 ст. Уст. гражд. судопр. о законной силѣ рѣшенія обязана своимъ происхожденіемъ замѣчанію министра юстиціи. Затѣмъ онъ же, во избѣжаніе всякихъ сомнѣній, полагалъ оговорить положительно въ Уставѣ, что въ законную силу вступаетъ одна лишь резолюція. Поправка, къ сожалѣнію, отвергнута была государственнымъ совѣтомъ.

Одна изъ слабыхъ сторонъ Устава гражд. судопр.—это отсутствіе особыхъ правилъ для взысканія по такъ-называемымъ безспорнымъ актамъ. Министръ юстиціи полагалъ, что обращеніе взысканія по такимъ документамъ къ состязательному и сокращенному порядку судопроизводства *противорѣчило* бы основнымъ положеніямъ судебной реформы, что сокращенный порядокъ установленъ лишь для спорныхъ дѣлъ, и если актъ оказывается безспорнымъ, то судъ, вмѣсто всякаго судопроизводства, обязанъ просто дать приказъ объ исполненіи акта. Исходя изъ той мысли, что порядокъ производства дѣлъ о взысканіяхъ по безспорнымъ актамъ долженъ отвѣчать двумъ требованіямъ— справедливости и скорости, министръ юстиціи предложилъ подробный проектъ по этому предмету. Онъ проектировалъ дѣла

эти передать мировымъ судьямъ. Отвѣтчикъ можетъ защищаться по такимъ искамъ только установленными въ законѣ возраженіями. При наличности же другихъ возраженій судья рѣшаетъ искъ по безспорному акту, а отвѣтчику предоставляетъ встрѣчный споръ свой предъявить по подсудности въ подлежащемъ судебномъ мѣстѣ (стр. 235). Словомъ, министръ предлагалъ тѣ самыя правила, которыя въ послѣднее время нѣсколько разъ принимались внести, но все неудачно, въ Уставъ гражд. судопр.

Опуская массу весьма дѣльныхъ замѣчаній ко всѣмъ почти частямъ судопроизводства, въ большинствѣ уваженныхъ государственнымъ совѣтомъ, укажу на два замѣчанія Замятнина о дѣлахъ казеннаго управленія. Онъ возражалъ противъ проектированнаго исключительно письменнаго производства этихъ дѣлъ. Письменный порядокъ рекомендовался преимущественно въ тѣхъ видахъ, что онъ облегчаетъ контроль высшихъ мѣстъ надъ низшими и повѣренными казны. Противъ этого возражалъ министръ, ссылаясь на то, что нѣтъ основанія предполагать, что повѣренный частнаго лица долженъ имѣть больше интереса въ дѣлѣ, нежели уполномоченный казеннаго управленія. Притомъ повѣренными казны, кромѣ оффиціальныхъ ходатаевъ, могутъ быть только присяжные повѣренные (инициатива этого постановленія также исходила отъ министра), а при организаціи, какая дается этому учрежденію «Основными Положеніями», можно надѣяться, что, независимо отъ матеріальнаго интереса, нравственныя побужденія еще болѣе будутъ заставлять ихъ дѣйствовать правильно и согласно интересамъ ихъ вѣрителей (стр. 253). Министръ юстиціи возражалъ и противъ предположенія проекта, по которому искъ противъ казны, вытекающій изъ договора подряда, можно предъявлять только по окончаніи подряда. Питая къ суду полное довѣріе, министръ не соглашался съ такимъ ограниченіемъ. Замѣчаютъ,—говоритъ министръ,—что дѣла, возникающія изъ договоровъ съ казною, бываютъ иногда связаны съ важными государственными интересами, и что посему остановка исполненія подряда впредь до разрѣшенія судомъ возникающаго при исполненіи спора могла бы имѣть весьма опасныя послѣдствія; но замѣчаніе это падаетъ въ виду того, что предъявленіе иска не останавливаетъ распоряженія казеннаго управленія. Воспрещеніе подрядчику предъявить искъ до окончанія подряда, продолжающагося иногда нѣсколько лѣтъ, можетъ лишить его возможности получить когда-либо удовлетвореніе, такъ какъ въ теченіе этого

времени могутъ исчезнуть всѣ слѣды произведенныхъ имъ работъ и такимъ образомъ онъ можетъ быть лишенъ всѣхъ средствъ доказать свой искъ.

§ 2. Замѣчанія на проектъ Устава уголовнаго судопроизводства.

Какъ въ Уставѣ гражданскаго судопроизводства, такъ и уголовнаго министръ юстиціи Замятнинъ добивался расширенія подсудности мировой юстиціи. Проектъ предлагалъ предоставить мировымъ судьямъ право налагать взысканіе на сумму не болѣе 100 руб., министръ же юстиціи настаивалъ на возвышеніи этой цифры до 300 руб., что и было принято государственнымъ совѣтомъ.

Въ проектѣ довольно смутно разграничивалась власть судебнаго слѣдователя и полиціи по производству предварительнаго слѣдствія и дознанія. Министръ юстиціи въ подробныхъ объясненіяхъ указывалъ на то, что съ одной стороны власть полиціи не можетъ быть оставлена въ томъ видѣ, какъ она существовала на основаніи стараго «Наказа полиціи»,—такъ, напримѣръ, съ правомъ снимания формальнаго допроса съ обвиняемаго,—а съ другой стороны нельзя обязанности полиціи по производству дознанія возлагать на судебнаго слѣдователя, такъ какъ слѣдователь—не полицейскій сыщикъ, а слѣдственный судья, производящій изслѣдованіе о преступленіяхъ, а не о происшествіяхъ.

О гласности и защитѣ на предварительномъ слѣдствіи находимъ слѣдующія замѣчанія. По существующему на практикѣ порядку весьма многія дѣйствія слѣдователя гласны и это вытекаетъ изъ существа самихъ обязанностей слѣдователя и обстановки, при которой онѣ исполняются: напримѣръ, если слѣдователь пріѣзжаетъ въ деревню для производства слѣдствія и останавливается въ какой-либо избѣ, то хозяинъ дома со всею семьей дѣлается невольнымъ зрителемъ всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствій. По мнѣнію самихъ слѣдователей, допросъ самыхъ изворотливыхъ преступниковъ и самыхъ молчаливыхъ свидѣтелей, не желающихъ сказать правды, необходимо производить не съ глазу на глазъ, а въ присутствіи другихъ. Нахожденіе постороннихъ лицъ производитъ, въ особенности на свидѣтелей, такое вліяніе, что все то, чего бы не добился отъ нихъ никогда слѣдователь, допрашивая ихъ съ глазу на глазъ, дѣлается извѣстнымъ слѣдователю немедленно, когда онъ допроситъ свидѣтелей, въ присутствіи постороннихъ лицъ. По этимъ соображеніямъ министръ юстиціи по-

лагалъ предоставить слѣдователю разрѣшать присутствіе публики при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда присутствіе ея не можетъ препятствовать къ открытію истины. Государственный совѣтъ отвергъ и эту ограниченную гласность. Касательно защиты министръ юстиціи полагалъ, что защита на предварительномъ слѣдствіи свойственна исключительно процессу обвинительному и не можетъ имѣть мѣста въ процессѣ смѣшанномъ, какимъ представляется предначертанный «Основными Положеніями» для нашего отечества порядокъ уголовнаго судопроизводства (стр. 45).

Благодаря замѣчаніямъ министра юстиціи, значительно улучшены были предположенія проекта о пресѣченіи обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія. Въ проектѣ предположено было предоставить усмотрѣнію и благоразумію судебнаго слѣдователя принятіе той или другой мѣры обезпеченія. Министръ юстиціи выступилъ противъ этой обширной и ничѣмъ не регулированной дискреціонной власти, предоставленной слѣдователю, и заявилъ себя сторонникомъ большаго огражденія личностей обвиняемыхъ отъ произвола слѣдователей. «Порядокъ, установляемый проектомъ, — писалъ министръ, — поведетъ къ тому, что одинъ слѣдователь будетъ всѣхъ самыхъ тяжкихъ преступниковъ освобождать подъ залогъ или на поруки, а другой будетъ всѣхъ виновныхъ въ менѣе тяжкихъ преступленіяхъ содержать подъ стражею. Во всей Россіи, смотря по характеру и достоинству слѣдователя, установятся особые порядки пресѣченія, по тяжести своей совершенно различные, чего надлежитъ, насколько сіе возможно, избѣгать. По мнѣнію министра юстиціи, подобное широкое право въ рукахъ слѣдователя можетъ обратиться въ такое орудіе *произвола*, предъ которымъ произволъ нынѣшнихъ слѣдователя и полиціи, на который нерѣдко слышатся жалобы, покажется идеаломъ справедливости и законности. При начертаніи правилъ, которыми съ одной стороны ограничивается свобода гражданъ, а съ другой—обезпечивается общественная безопасность, нельзя *обольщаться* надеждою, что ни одно изъ должностныхъ лицъ, коимъ ввѣряется исполненіе этихъ правилъ, не уклонится отъ справедливости и своего долга. Если на практикѣ не всегда возможно предотвратить такое уклоненіе, то тѣмъ не менѣе на законодателѣ лежитъ обязанность поставить для сего *преграды*. Наконецъ, должно подумать и о добросовѣстномъ судебномъ слѣдователѣ. Обязанности слѣдователя весьма тяжки и

непріятны. Нынѣ, принимая ту или другую мѣру обезпеченія, слѣдователь можетъ сослаться, въ основаніе своихъ дѣйствій, на законъ. Если и при такомъ порядкѣ слѣдователямъ объявляютъ, что отъ нихъ все зависитъ, что они могутъ такъ растолковать законъ, что распоряженіе ихъ не повлечетъ для обвиняемаго содержанія подъ стражею, то на что укажетъ слѣдователь въ основаніе принятія имъ строгой мѣры обезпеченія, чѣмъ будетъ онъ оправдывать свои, согласныя съ предоставляемымъ ему закономъ правомъ, дѣйствія? Самаго добросовѣстнаго и свято исполняющаго свой долгъ слѣдователя будутъ обвинять въ произволѣ, и не можетъ быть иначе, когда, по буквѣ самаго закона, принятіе той или другой мѣры обезпеченія по всѣмъ преступленіямъ зависитъ единственно отъ власти слѣдователя». Въ силу этихъ соображеній министръ юстиціи предложилъ систему постепеннаго усиленія мѣръ пресѣченія соотвѣтственно тяжести преступленія, которая и вошла въ дѣйствующій Уст. угол. судопр.

По совершенно непонятной непослѣдовательности «проектъ» постановлялъ, что подсудимому назначается защитникъ не по всѣмъ дѣламъ вообще, а только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло подлежитъ суду присяжныхъ, или когда подсудимый по малолѣтству, недостаточному развитію умственныхъ способностей, дряхлости, увѣчью, или какимъ-либо недугамъ—не въ состояніи самъ себя защищать. Министръ юстиціи, ссылаясь на 60 и 68 ст. «Основ. Полож.», настаивалъ на томъ, чтобы всякому подсудимому было предоставлено просить о назначеніи защитника, причемъ предсѣдатель могъ, за недостаткомъ присяжныхъ повѣренныхъ и кандидатовъ на судебныя должности, назначать защитниковъ изъ чиновниковъ канцеляріи, или другихъ лицъ, которыя пожелали бы принять на себя защиту подсудимаго безвозмездно.

Проектъ вмѣнялъ предсѣдателю въ обязанность не употреблять «ухищреній» для склоненія подсудимаго къ признанію и не допрашивать его съ сею цѣлью о подробностяхъ такого преступленія, въ совершеніи коего не сознается. Министръ юстиціи полагалъ, что правило это отнимаетъ у предсѣдателя суда всякую возможность исполнить главнѣйшую, лежащую на немъ, обязанность—способствовать открытію истины. Статья эта налагаетъ,—писалъ Замятнинъ,—на уста предсѣдателя печать молчанія, несмотря на убѣжденія его въ совершенномъ неразъясненіи сторонами какого-либо обстоятельства дѣла. По этимъ соображеніямъ министръ полагалъ предоставить предсѣдателю, членамъ суда и

присяжнымъ засѣдателямъ право предлагать подсудимому вопросы, что и вошло въ ст. 684 Уст. угол. суд.

Проектъ разрѣшалъ неограниченному числу лицъ изъ принадлежащихъ къ судебному вѣдомству и сословію присяжныхъ повѣренныхъ присутствовать въ судѣ во время засѣданія, происходящаго при закрытыхъ дверяхъ. Министръ юстиціи полагалъ, что, при дѣйствіи этого правила, дѣла, возбуждающія всеобщее вниманіе, будутъ привлекать массу постороннихъ лицъ, къ составу присутствія не принадлежащихъ, и различіе закрытаго засѣданія отъ публичнаго будетъ состоять только въ томъ, что вмѣсто частныхъ лицъ будутъ присутствовать должностныя лица судебнаго вѣдомства и присяжные повѣренные. Такимъ образомъ цѣль закона—посредствомъ закрытія дверей суда устранить при судебномъ слѣдствіи гласность—во многихъ случаяхъ не будетъ достигнута. Не отрицая пользы, которую могутъ извлечь означенныя лица, присутствуя при разсмотрѣніи дѣлъ при закрытыхъ дверяхъ, министръ юстиціи находилъ, что, въ видахъ достиженія цѣли, съ коею двери суда объявлены закрытыми, слѣдовало бы постановить, что означенныя лица допускаются въ засѣданіе съ разрѣшенія предсѣдателя (стр. 80). Ограниченіе это вошло въ ст. 623 Уст. угол. суд.

Дѣйствующій порядокъ составленія присутствія присяжныхъ засѣдателей и правила отвода ихъ въ значительной степени составлены подъ вліяніемъ поправокъ министра юстиціи. По его же замѣчаніямъ исключены предположенія проекта, требовавшія, чтобы судъ непремѣнно удалялся для совѣщанія изъ залы засѣданія, чтобы всѣ протоколы судебныхъ засѣданій прочитывались въ засѣданіи суда, и многое другое. По тѣмъ же соображеніямъ, которыя высказаны были при разсмотрѣніи проекта Устава гражданскаго судопроизводства и даже a fortiori, Замятнинъ полагалъ необходимымъ озаботиться, чтобы лицамъ, приносящимъ кассаціонную жалобу, было положительно извѣстно, нарушеніе какихъ формъ судопроизводства можетъ быть поводомъ къ отмѣнѣ приговора суда, въ противномъ случаѣ, полагалъ министръ, всѣ подсудимые, единственно въ видахъ отдаленія приведенія приговора въ исполненіе, будутъ приносить напрасныя жалобы. Тутъ же министръ предложилъ состоящій изъ 24 пунктовъ примѣрный перечень существенныхъ формъ, отступленіе отъ коихъ влечетъ за собою кассацію приговора. Мнѣніе Замятнина не было принято государственнымъ совѣтомъ, о чемъ теперь приходится сожалѣть. Еслибъ

оно было принято, то, вѣроятно, мы не дошли бы ни до нынѣшняго невозможнаго состоянія кассаціоннаго суда, изрекающаго, подобно оракулу, не мотивированные категорическіе императивы, тогда какъ рѣшенія его должны быть обязательны по преимуществу силою приведенныхъ въ нихъ соображеній, imperio rationis,—ни до того несправедливаго порядка вещей, который бѣднымъ подсудимымъ, стало быть 90% изъ общаго числа, ставитъ такую альтернативу: или откажись отъ права принесенія кассаціонной жалобы, или ступай въ тюрьму...

Изъ замѣчаній, сдѣланныхъ Замятнинымъ на 3-ю книгу объ изъятіяхъ изъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства, заслуживаетъ вниманія слѣдующее. Министръ юстиціи предлагалъ въ постановленіи о судѣ за преступленіе должности внести слѣдующее правило: если лицо, съ котораго назначено начальствомъ взысканіе, будетъ просить о преданіи его суду, то производство взысканія пріостанавливается впредь до разсмотрѣнія судомъ дѣйствій должностныхъ лицъ (стр. 6).

§ 3. Замѣчанія на проектъ Учрежденія судебныхъ мѣстъ.

Правильная точка зрѣнія для сужденія о замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ на эту часть судебнаго законодательства, получится тогда, когда мы примемъ во вниманіе не только то, что сказано было Замятнинымъ, но и то, что оставлено было имъ безъ возраженія. «Учрежденіе судебныхъ мѣстъ», имѣвшее цѣлью посредствомъ новой организаціи обезпечить полную самостоятельность новыхъ судебныхъ учрежденій и поставить ихъ внѣ зависимости какъ отъ министерства юстиціи, такъ и других административныхъ вѣдомствъ, по преимуществу касалось исконныхъ, такъ сказать патримоніальныхъ, правъ министерства юстиціи. Вслѣдствіе этого можно было ожидать, что министерство юстиціи черезчуръ цѣпко ухватится за свои древнія прерогативы по судебному вѣдомству. Ничуть не бывало! Замятнинъ вполнѣ соглашался почти со всѣми важными предположеніями проекта касательно организаціи судебнаго сословія. Притомъ согласіе согласію рознь. Бываетъ вынужденное согласіе, когда соглашающійся, уступая потоку движенія, уступаетъ ему неискренно, дѣлая bonne mine au mauvais jeu. Не таково было отношеніе къ дѣлу Замятнина. Нѣтъ, онъ уступалъ важнѣйшія права своего министерства сознательно и искренно.

Замятнинъ сильно былъ озабоченъ вопросомъ о наилучшей организаціи мироваго института. Онъ стремился не къ тому, чтобъ обезличить и угнетать этотъ институтъ, а привлечь къ нему лучшихъ и достойнѣйшихъ людей общества. Для достиженія этой цѣли,—писалъ онъ,—надлежитъ облечь званіе мировыхъ судей возможнымъ почетомъ и сдѣлать положеніе ихъ твердымъ и независимымъ; надо заботиться о томъ, чтобы мировые судьи, видя положеніе свое удовлетворительнымъ, какъ можно долѣе оставались въ своихъ должностяхъ. Но тутъ сталкивался Замятнинъ съ вопросомъ о выборахъ мировыхъ судей. Выборное начало онъ вполнѣ одобрялъ, но онъ хорошо понималъ, что оно дѣлало положеніе мироваго судьи шаткимъ, ненадежнымъ и затруднительнымъ. Для разрѣшенія этой дилеммы Замятнинъ предложилъ слѣдующее, не совсѣмъ практичное, но заслуживающее вниманія, средство: «Въ теченіе трехъ лѣтъ каждый изъ избирателей, а также земскія собранія должны имѣть право указывать на тѣхъ мировыхъ судей, которые не оправдали оказаннаго имъ довѣрія и подлежатъ, по мнѣнію большинства, перебаллотировкѣ. Подобныя заявленія должны быть представляемы сенату, который, по разсмотрѣніи означенныхъ заявленій, составлялъ бы списокъ тѣхъ судей, кои подлежатъ на слѣдующемъ земскомъ собраніи новой баллотировкѣ, остальные же мировые судьи, о коихъ не было сдѣлано заявленій и которые не помѣщены въ означенный списокъ, почитались бы утвержденными на слѣдующее трехлѣтіе» (стр. 6). Мысль эта, которой нельзя отказать въ оригинальности, не имѣла никакихъ послѣдствій. Далѣе, для столичныхъ мировыхъ округовъ Замятнинъ проектировалъ совершенно особую организацію. Такъ какъ здѣсь мировые съѣзды должны быть болѣе или менѣе постоянными, то онъ предлагалъ учредить вмѣсто съѣздовъ городовые суды изъ постоянныхъ предсѣдателей и опредѣленнаго числа членовъ и столичныхъ мировыхъ судей, присутствующихъ по установленной очереди.

Министръ юстиціи сознавалъ хорошо всю трудность цѣлесообразнаго установленія ценза для присяжныхъ засѣдателей. Назначить цензъ слишкомъ высокій—значитъ, съ одной стороны, всю тяжесть обязанностей присяжныхъ возложить на богатыхъ собственниковъ, а съ другой стороны—придать имъ быть-можетъ слишкомъ большое вліяніе на отправленіе правосудія. Установить цензъ слишкомъ низкій—значитъ допустить людей, быть-можетъ,

совершенно необразованныхъ и даже неразвитыхъ къ разрѣшенію участи подсудимыхъ. Министръ юстиціи цензъ въ 100 руб. дохода съ ремесла или промысла считалъ слишкомъ низкимъ и предлагалъ возвысить до 200 руб. (стр. 25), что и было принято государственнымъ совѣтомъ.

Проектъ предлагалъ сдѣлать прокурора независимымъ отъ его начальства. По этому вопросу министръ юстиціи замѣчаетъ: полная независимость судей, конечно, необходима, она нужна для поддержанія достоинства судебной власти, для устраненія всякаго подозрѣнія въ пристрастіи и угодливости; но начало независимости лицъ прокурорскаго надзора не можетъ быть согласовано ни съ принципомъ строгаго единства прокурорскаго надзора, ни съ правиломъ подчиненія младшихъ лицъ сего надзора старшимъ. Государственный совѣтъ согласился съ мнѣніемъ министра.

Въ развитіе «Основныхъ Положеній» проектъ установилъ рядъ правилъ, опредѣляющихъ съ одной стороны точныя условія, коимъ должны соотвѣтствовать лица, представляемыя министромъ юстиціи на судебныя должности, а съ другой—ввелъ новое и важное право *представленія* кандидатовъ самими судебными мѣстами. Министръ юстиціи нисколько не считалъ для себя стѣснительнымъ, что власть его вводится въ точныя рамки. Онъ съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтилъ право судебныхъ коллегій избирать кандидатовъ въ судьи и внесъ нѣсколько поправокъ, имѣвшихъ цѣлью еще больше развить и укрѣпить это неизвѣстное дотолѣ право судебныхъ мѣстъ. «Уставъ,—пишетъ Замятнинъ,—старается облегчить министра юстиціи въ избраніи кандидатовъ на судебныя должности; установляются рамки, въ предѣлахъ которыхъ можетъ послѣдовать избраніе. Уставъ идетъ далѣе: онъ предоставляетъ самимъ судебнымъ мѣстамъ право избирать кандидатовъ. Мысли этой нельзя не сочувствовать; съ приведеніемъ ея въ исполненіе, правительство для судебныхъ назначеній пріобрѣтаетъ *вѣрныя* свѣдѣнія о достойныхъ лицахъ съ ручательствомъ самихъ судебныхъ мѣстъ за ихъ благонадежность и знаніе дѣла». Все значеніе этого сочувствія будетъ вполнѣ понятно, если принять на видъ, съ какою систематическою настойчивостью преемникъ Замятнина игнорировалъ представленія судебныхъ мѣстъ и настойчиво домогался только о проведеніи своихъ людей. — Замятнинъ пошелъ еще дальше коммиссіи: онъ нашелъ, что проектъ даетъ своей мысли ненадлежащее развитіе. Проектъ признавалъ нужнымъ допустить участіе прокурора при судебныхъ

совѣщаніяхъ объ избраніи кандидатовъ. Министръ юстиціи возражалъ противъ этого на основаніи слѣдующихъ соображеній: формальныя условія, начертанныя въ Уставѣ, столь опредѣлительны, что едва ли можно ожидать, чтобы примѣненіе оныхъ возбудило на практикѣ сомнѣніе; слѣдовательно вопросы, подлежащіе обсужденію суда при избраніи кандидатовъ, будутъ весьма просты. Къ чему же затѣмъ участіе прокурора при подобнаго рода совѣщаніяхъ? Участіе его представляется совершенно излишнимъ; напротивъ, весьма желательно совсѣмъ устранить его отъ подобнаго рода дѣлъ и не представлять никакого по этому предмету вмѣшательства. Это необходимо для того, чтобы сохранить за представленными кандидатами собственно значеніе лицъ, которыхъ судебныя мѣста считаютъ съ своей стороны достойными занять открывшееся мѣсто.—Министръ юстиціи столь же энергично возсталъ и противъ ст. 176 проекта, по коей представленіе объ избранныхъ судебными мѣстами кандидатахъ должно было поступить къ министру юстиціи чрезъ старшаго предсѣдателя судебной палаты съ его заключеніями. Отвергая эту статью, министръ юстиціи разсуждалъ такъ: «судъ при избраніи кандидата можетъ судить объ однихъ формальныхъ условіяхъ, но старшій предсѣдатель не ограничивается одними формальными условіями,—замѣчанія его на представленія суда могутъ касаться какъ внѣшнихъ, т. е. формальныхъ, такъ и внутреннихъ условій представленнаго кандидата; другими словами: онъ аттестуетъ представленнаго кандидата, или же опорочиваетъ. Такимъ образомъ изъ судьи старшій предсѣдатель становится администраторомъ и не только ему подчиняются члены предсѣдательствуемой имъ палаты, но члены и предсѣдатели всѣхъ судебныхъ мѣстъ той области, которая подвѣдома судебной палатѣ. При существованіи правила, въ ст. 176 изложеннаго, смѣшеніе власти судебной и административной въ лицѣ старшаго предсѣдателя очевидно, посему правило это не можетъ быть удержано, такъ какъ оно противорѣчитъ «Основнымъ Положеніямъ» и соображеніямъ, которыя имѣлись въ виду у государственнаго совѣта при ихъ утвержденіи. Правило это дѣлаетъ изъ старшаго предсѣдателя главнаго судью области, между тѣмъ какъ предположеніе объ установленіи главнаго судьи было окончательно отвергнуто государственнымъ совѣтомъ». Въ ст. 214 «Учрежд. судеб. установ.» слова: «съ его заключеніями»—выпущены. Тутъ кстати будетъ замѣтить, что подъ ст. 214 «Учр. судеб. установ.» (изданія государственной

канцеляріи) не приведено ни одного мотива. Ясно для всякаго, какъ умѣстно было бы привести только-что изложенныя соображенія министра юстиціи, легшія въ основаніе ст. 214.

Побуждаемый желаніемъ какъ можно чище сохранить основныя начала новаго судоустройства, министръ юстиціи указалъ еще на одно смѣшеніе административной функціи съ судебною, допущенное проектомъ. По ст. 209 и 210, предсѣдатели и члены судовъ имѣютъ право на прибавки къ жалованью въ извѣстныхъ случаяхъ, но правомъ этимъ могутъ воспользоваться только тѣ, которые будутъ признаны заслуживающими прибавки общими собраніями суда и палаты. Противъ этого постановленія возражалъ министръ юстиціи слѣдующими доводами: «Такимъ образомъ,—писалъ онъ,—вводится совершенно новое начало аттестаціи члена судебнаго мѣста самими его сочленами, а затѣмъ и высшимъ судомъ,—начало, смѣшивающее власть судебную и административную, начало, противорѣчащее «Основнымъ Положеніямъ» и потому подлежащее исключенію изъ проекта. Ст. 210 не обозначаетъ, за что именно членъ судебнаго мѣста можетъ быть лишенъ прибавки къ содержанію, тогда какъ онъ удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ, опредѣленнымъ въ законѣ; она допускаетъ возбужденіе въ судѣ внѣ дисциплинарнаго производства за тотъ или другой совершенный поступокъ какого-то общаго сужденія о нравственныхъ качествахъ лицъ; однимъ словомъ, при всей означенной обстановкѣ ст. 210 даетъ членамъ судебнаго мѣста какихъ-то безграничныхъ и безконтрольныхъ надзирателей въ вопросахъ нравственныхъ, и будетъ несомнѣнно лишь одно послѣдствіе—возбужденіе нескончаемыхъ между членами суда распрей и ссоръ». Ст. 210 была исключена государственнымъ совѣтомъ. Вотъ до какой степени Замятнинъ старался оберегать судей даже отъ произвола товарищей!

По вопросу о награжденіи судей чинами Замятнинъ высказалъ такое мнѣніе: «до тѣхъ поръ, пока существуютъ у насъ чины, желаніе выдѣлить должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства изъ ряда прочихъ едва ли можетъ быть осуществлено *на практикѣ* и можетъ легко случиться, что стремленіе поставить судебное званіе выше всѣхъ почестей приведетъ на практикѣ къ противоположнымъ результатамъ. Если отмѣнить чины только для судебнаго вѣдомства, то можно ли предположить, чтобы должностныя лица судебнаго вѣдомства были совершенно равнодушны къ тому, что̀ для всѣхъ прочихъ ихъ согражданъ составляетъ

награду и почетное отличіе, съ чѣмъ связаны даже нѣкоторыя существенныя права? Такимъ образомъ, вмѣсто ожидаемаго коммиссіею результата, не будетъ ли напротивъ того вѣроятнѣе, что отмѣна чиновъ отниметъ у судебной карьеры для многихъ извѣстную долю привлекательности и послужитъ не къ увеличенію, а можетъ-быть и къ уменьшенію числа лицъ, желающихъ вступить на означенное поприще?»

Дѣйствующія постановленія объ устройствѣ сословія присяжныхъ повѣренныхъ заключаютъ въ себѣ многія изъ поправокъ, внесенныхъ министромъ юстиціи, какъ-то: о порядкѣ образованія отдѣленій совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, о послѣдствіяхъ исключенія изъ сословія совѣта, о правѣ совѣта отказывать въ пріемѣ въ присяжные повѣренные на основаніи собранныхъ свѣдѣній о нравственныхъ качествахъ просителя. Въ «Учрежд. судеб. устан.» изданія государственной канцеляріи подъ 380 ст. не приведено ни одного мотива. Въ виду этого не безъинтересно ознакомиться съ соображеніями министра, въ силу коихъ измѣнены были предположенія проекта.

По ст. 342 проекта только формальныя препятствія, предусмотрѣнныя закономъ, давали совѣту право отказать въ припискѣ къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ. Министръ юстиціи къ этой статьѣ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «практическимъ послѣдствіямъ этого правила,—писалъ онъ,—можетъ быть, что совѣтъ будетъ обязанъ принимать въ присяжные повѣренные такихъ лицъ, неблагонадежность коихъ общеизвѣстна, а между тѣмъ они удовлетворяютъ всѣмъ формальнымъ условіямъ. Во избѣжаніе сего, необходимо предоставить въ этомъ отношеніи совѣту присяжныхъ повѣренныхъ право отказывать лицамъ, которыя по нравственнымъ качествамъ не могутъ быть приняты въ число присяжныхъ повѣренныхъ. Предоставленіе этого права совѣту необходимо въ виду тѣхъ важныхъ обязанностей, которыя возлагаются на повѣренныхъ, и было бы согласно съ цѣлью новаго учрежденія. При семъ нельзя не замѣтить, что въ случаѣ основаннаго на соображеніяхъ о неблагонадежности лица, конечно, неудобно требовать, какъ постановляетъ проектъ, чтобъ объяснены были просителямъ причины, по которымъ имъ отказано, но въ случаѣ принесенія жалобы судебной палатѣ совѣтъ обязанъ объяснить ей причины отказа». Хотя послѣднее правило и не вошло въ «Учрежд. суд. уст.», но оно столь цѣлесообразно, что, сколько мнѣ из-

вѣстно, всегда практиковалось въ петербургскомъ и московскомъ судебныхъ округахъ.

Изъ другихъ поправокъ, предложенныхъ Замятнинымъ, но не прошедшихъ въ государственномъ совѣтѣ, заслуживаютъ вниманія слѣдующія. Министръ юстиціи возражалъ противъ ограниченія присяжныхъ повѣренныхъ правомъ ходатайства только въ предѣлахъ одного судебнаго округа и разсуждалъ такъ: «при обсужденіи настоящаго вопроса нельзя не обратить вниманія на то, что при введеніи въ дѣйствіе учрежденія столь новаго для нашей жизни, какъ учрежденіе присяжныхъ повѣренныхъ, нельзя быть достаточно осторожнымъ въ принятіи той или другой мѣры и нельзя не опасаться дать учрежденію ложное направленіе. Если съ одной стороны желательно видѣть у насъ скорое появленіе присяжныхъ повѣренныхъ при настоятельной въ нихъ съ осуществленіемъ реформы надобности, то, съ другой стороны, не менѣе желательно, чтобы новое сословіе соотвѣтствовало вполнѣ своему назначенію, чтобъ оно оправдало общія надежды, на него возлагаемыя. Намъ, безъ сомнѣнія, необходимы присяжные повѣренные, но необходимы не какія-нибудь личности, которыя только бы назывались присяжными, а присяжные повѣренные—честные, добросовѣстные и знающіе дѣло. Можно быть твердо увѣреннымъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ жизнь развилась, гдѣ количество гражданскихъ исковъ достаточно для содержанія сословія присяжныхъ повѣренныхъ, тамъ повѣренные появятся. Если на мѣстѣ будетъ хорошій присяжный повѣренный, то трудно предположить, чтобы тяжущіеся вздумали обратиться къ столичному повѣренному и тѣмъ подвергать себя излишнимъ издержкамъ. Боятся установленія монополіи присяжныхъ повѣренныхъ. Подобное опасеніе неосновательно. Право словесной защиты предоставляется всѣмъ присяжнымъ повѣреннымъ, а не однимъ столичнымъ; слѣдовательно, если даже и согласиться, что появится монополія, то это не будетъ монополія столичныхъ повѣренныхъ, а монополія таланта, знанія и добросовѣстности. Неужели можно препятствовать установленію подобной монополіи? Напротивъ того, подобнаго порядка вещей надобно желать; онъ даже необходимъ, чтобъ уничтожить ту монополію, которая непремѣнно разовьется, если повѣреннымъ не будетъ разрѣшено принимать повсемѣстно словесную защиту,—монополію замкнутыхъ отдѣльныхъ кружковъ съ посредственными познаніями и дарованіями. Мѣстная монополія можетъ дать ложное направленіе

нашей адвокатурѣ и погасить въ ней мало-по-малу всякое стремленіе къ совершенствованію».

Министръ юстиціи, не находя основанія лишать кого-либо права жалобы, если онъ считаетъ неправильнымъ постановленіе совѣта, полагалъ, вопреки проекта, предоставить присяжнымъ повѣреннымъ, какъ и судьямъ, право обжалованія во всѣхъ случаяхъ, не исключая и того, когда совѣтъ постановилъ сдѣлать предостереженіе или выговоръ. Все важное значеніе приведенныхъ замѣчаній будетъ очевидно, если вспомнить, какія превратныя, даже, можно сказать, дикія, представленія объ адвокатурѣ господствовали въ нашемъ обществѣ и даже въ правительственныхъ сферахъ. Приведу одинъ образчикъ. Оберъ-прокуроръ Семеновъ предлагалъ исключить изъ формулы присяги, установленной для присяжныхъ повѣренныхъ, слова: «честно исполнять обязанности принимаемаго званія»,—ссылаясь на то, что честное исполненіе обязанностей несовмѣстно съ званіемъ адвоката.

Отъ заботливаго вниманія Замятнина не ускользнули даже самые младшіе члены новой судебной организаціи —помощники присяжныхъ повѣренныхъ. По «Учр. судеб. уст.» помощники находятся въ положеніи похожемъ на состояніе неустойчиваго равновѣсія: они едва прикрѣплены къ судебнымъ мѣстамъ при помощи одной статьи. Объ нихъ упоминается въ двухъ послѣднихъ строчкахъ ст. 354. «Учр. суд. уст.», констатирующей только фактъ ихъ существованія и больше ничего. Жизнь явилась на помощь и кое-какъ организовала бытъ этого немаловажнаго для будущихъ судебъ адвокатуры сословія. Но замѣчательно, что то, что впослѣдствіи совѣтамъ присяжныхъ повѣренныхъ, съ большимъ трудомъ приходилось проводить въ жизнь, все это было намѣчено и предусмотрѣно въ «Замѣчаніяхъ министра юстиціи».

Смотря на сословіе помощниковъ какъ на лучшій новиціатъ для адвокатуры, министръ юстиціи, для лучшей подготовки ихъ къ будущему званію присяжныхъ повѣренныхъ, проектировалъ слѣдующія правила: 1) каждый присяжный повѣренный можетъ имѣть помощниковъ, опредѣленіе которыхъ, по его представленію, зависитъ отъ усмотрѣнія совѣта присяжныхъ повѣренныхъ; 2) помощниками присяжныхъ повѣренныхъ могутъ быть опредѣлены лица, кончившія курсъ юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; 3) помощники присяжныхъ повѣренныхъ занимаютси дѣлами по порученію и подъ наблюденіемъ присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ они состоятъ; 4) помощники при-

сяжныхъ повѣренныхъ имѣютъ право хожденія по дѣламъ наравнѣ со всѣми посторонними лицами; 5) въ случаѣ порученія помощнику присяжнаго повѣреннаго дѣла въ такой мѣстности, гдѣ исключительное право хожденія по дѣламъ предоставлено присяжнымъ повѣреннымъ, присяжный повѣренный имѣетъ право ходатайствовать въ совѣтѣ о дозволеніи помощнику вести порученное ему дѣло; 6) въ дѣлахъ уголовныхъ помощникамъ можетъ быть поручаема председателемъ судебныхъ мѣстъ защита подсудимыхъ; 7) при веденіи принятыхъ дѣлъ помощники пользуются одинаковыми съ присяжными повѣренными правами и несутъ одинаковыя съ ними обязанности; 8) присяжные повѣренные обязаны представлять совѣту отчетъ о занятіяхъ своихъ помощниковъ (стр. 75).

Замятнинъ, принимая близко къ сердцу дѣло судебной реформы, подробными соображеніями доказывалъ необходимость обезпеченія матеріальнаго положенія судей. Справедливость многихъ изъ этихъ соображеній блистательнымъ образомъ доказана послѣдующимъ опытомъ. Министръ юстиціи указывалъ прежде всего на то, что молодые люди, имъ подготовляемые, въ скоромъ времени оставляютъ службу по вѣдомству министерства юстиціи и переходятъ въ другія, гдѣ существуютъ лучшіе оклады; такимъ образомъ оно подготовляло лучшихъ дѣятелей для другихъ вѣдомствъ. Неудобство это будетъ устранено, по мнѣнію министра, если предположенные коммиссіей оклады содержанія не будутъ уменьшены. Въ такомъ случаѣ не будетъ недостатка въ способныхъ и честныхъ дѣятеляхъ къ осуществленію судебной реформы и должно съ полною надеждой ожидать, что и у насъ за симъ въ ходѣ правильнаго, постепеннаго развитія образуется судебное сословіе, вполнѣ достойное занять то положеніе, которое ему приготовлено новыми уставами. «Совершенно иныхъ результатовъ нужно ожидать,— писалъ Замятнинъ,— не съ меньшею увѣренностью отъ скудныхъ, или даже стоящихъ въ уровень съ должностями по другимъ вѣдомствамъ окладовъ содержанія. Можно ли ожидать полезныхъ для судебнаго вѣдомства результатовъ, если окладъ содержанія окружнаго судьи будетъ одинаковъ съ окладомъ начальника отдѣленія департамента, а если назначить 2.200 руб. члену окружнаго суда, то это будетъ даже нѣсколько меньше того, что получаютъ начальники отдѣленій въ большей части департаментовъ, если принять въ соображеніе прибавочныя выдачи и награды. Между тѣмъ можно

ли сравнивать эти должности, въ отношеніи самостоятельности, круга дѣятельности и ввѣренныхъ интересовъ? Результаты уменьшенія окладовъ, предположенныхъ коммиссіей, не замедлятъ оказаться на дѣлѣ въ самомъ скоромъ времени и опять повторится прежнее явленіе: чиновники судебнаго вѣдомства станутъ переходить на службу въ другія вѣдомства, потому что въ окладахъ содержанія не будетъ разницы, за то будетъ меньше отвѣтственности и исполненіе обязанностей будетъ подъ контролемъ начальника, а не подъ гласнымъ контролемъ всего общества. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать и того, что при всемъ этомъ судебному вѣдомству будетъ угрожать иного рода опасность. Съ введеніемъ новой формы суда открывается совершенно новое и обширное поприще для образованныхъ и честныхъ дѣятелей, — поприще въ высшей степени привлекательное какъ по роду дѣятельности, такъ и по значительному матеріальному обезпеченію. Явится возможность поступать въ присяжные повѣренные. Очень много лицъ, весьма способныхъ къ дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ,— лицъ, которыя были бы между ними одни изъ первыхъ,—останется однако продолжать службу по судебному вѣдомству. Несмѣняемость, обезпеченный окладъ и самыя условія коронной службы — вотъ обстоятельства, которыя при предположенныхъ коммиссіей размѣрахъ окладовъ будутъ удерживать многихъ способныхъ лицъ отъ поступленія въ присяжные повѣренные; условія эти будутъ уравновѣшивать матеріальныя выгоды адвокатской дѣятельности. Но если оклады содержанія будутъ уменьшены, то *равновѣсіе* нарушится; большая часть даровитыхъ и знающихъ личностей поступитъ въ присяжные повѣренные; конечно, такимъ образомъ у насъ весьма скоро образуется сословіе присяжныхъ повѣренныхъ и сословіе это станетъ сильнымъ, но сильнымъ *на счетъ* судебнаго сословія и въ ущербъ ему. Судебное вѣдомство будетъ обезсилено переходами лучшихъ своихъ представителей въ другія вѣдомства — въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. При ежедневныхъ столкновеніяхъ въ судебныхъ преніяхъ по дѣламъ, часто не лишеннымъ и весьма важныхъ государственныхъ интересовъ, судебное вѣдомство вынуждено будетъ противопоставлять присяжнымъ повѣреннымъ не вполнѣ опытныхъ, а иногда бездарныхъ представителей. Плачевные результаты подобнаго положенія слишкомъ очевидны: судебное сословіе станетъ игралищемъ, если даже не посмѣшищемъ, въ рукахъ сословія повѣренныхъ». Сохраненію проектированныхъ

окладовъ Замятнинъ придавалъ такое важное значеніе, что онъ ставилъ отъ него въ зависимость самое осуществленіе судебной реформы. «Если по какимъ-либо соображеніямъ,—писалъ онъ,— признано будетъ необходимымъ уменьшить оклады и *отмѣнить прибавки* (а извѣстно, что прибавки отмѣнены), то лучше *отказаться* отъ судебной реформы, лучше остановиться приведеніемъ ея въ исполненіе, чѣмъ съ самаго начала дать реформѣ ложное направленіе, поставить ее въ невыгодныя условія и отказаться отъ благихъ послѣдствій, которыхъ по справедливости можно было бы ожидать отъ предначертанныхъ уставовъ. Если судебное вѣдомство не будетъ въ состояніи привлечь и удержать способныхъ и честныхъ дѣятелей, то несмѣняемость судей принесетъ больше вреда, чѣмъ пользы, и правительству даже опасно будетъ предоставить обширный кругъ дѣятельности, огромную власть и ввѣрить охраненіе важнѣйшихъ интересовъ государства такимъ людямъ, большинство которыхъ остается въ судебномъ вѣдомствѣ только потому, что не нашло себѣ другихъ, лучшихъ, мѣстъ». Мы съ намѣреніемъ сдѣлали эту длинную выписку: она наглядно показываетъ, какъ серьезно относился Замятнинъ къ дѣлу и стремился къ осуществленію не «показной» судебной реформы, а полной и всесторонней.

Прекращаемъ дальнѣйшее изложеніе «Замѣчаній» Замятнина. Приведенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно для того, чтобы судить, какъ трезво онъ смотрѣлъ на задачу водворенія въ Россіи прочнаго, обезпеченнаго правоваго порядка и какъ настойчиво добивался онъ послѣдовательнаго проведенія либеральныхъ началъ судебной реформы.

Гр. Джаншіевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Мать и сынъ.

(Мел. Мих. Лаврову.)

—Поди, родная, сядь ко мнѣ...
Ты слышишь: въ мертвой тишинѣ
Видѣній странный рой,
Сомкнувшись въ тѣсный хороводъ,
Толпой тѣснится и поетъ
И пляшетъ надо мной?

—Сюда стеклися изъ могилъ—
Во что я вѣрилъ, чѣмъ я жилъ—
Надежда и любовь...
Къ себѣ зовутъ онѣ меня;
Ихъ голосъ, ласкою звеня,
Во мнѣ волнуетъ кровь.—

«—Мой сынъ, не вѣрь ночной мечтѣ!
Молись Творцу,—видѣнья тѣ
Исчезнутъ всѣ какъ разъ...
О, Боже!—съ теплою мольбой
Во прахъ склоняюсь предъ Тобой—
Спаси, помилуй насъ!»—

— Я вновь таковъ, какимъ я былъ,
Во мнѣ кипитъ избытокъ силъ
И, вѣруя въ судьбу,
Я, ратникъ истины святой,
Стремлюсь со зломъ, неправотой
На смертную борьбу.

— Близка побѣда, смутенъ врагъ...
Еще напоръ—падутъ во прахъ
Насиліе и гнетъ;
Позорный смолкнетъ звонъ оковъ
И средь людей, а не рабовъ,
Свобода разцвѣтетъ!...—

«—Очнись!... Кругомъ царитъ лишь тьма;
Сырая, мрачная тюрьма
Въ объятьяхъ душитъ насъ...
Сокрылось солнце за горой,
Послѣдній лучъ его златой
Давно уже погасъ.

— Вонъ тамъ мелькнула тѣнь отца;
Онъ, какъ фанатикъ, до конца
Своихъ печальныхъ дней
Могучей вѣры не терялъ
И мощный свѣтлый идеалъ
Хранилъ въ душѣ своей.

— Онъ веселъ, радостенъ на видъ,
Онъ мнѣ прощеніе сулитъ...
Вотъ онъ зоветъ меня
Туда, гдѣ радость и покой,
Гдѣ тучка не затмитъ собой
Безоблачнаго дня....—

«—Молчи, мой милый! Умеръ онъ...
Онъ былъ героемъ въ свѣтъ рожденъ
И гордой головой
Не преклонялся никогда,
Хотя гнела его нужда,
Отецъ несчастный твой!»—

— Взгляни, родная, вотъ она...
Сверкаетъ прудъ, блеститъ луна...
Головкою на грудь
Ко мнѣ прижалась... Я любимъ.
Она зоветъ меня своимъ,
Въ далекій манитъ путь!...

За ней, за ней пусти меня!
Пусть, обожая и кляня,
        У этихъ милыхъ ногъ
Я позабуду цѣлый свѣтъ
И мирно отдохну отъ бѣдъ,
        Отъ горя и тревогъ!...—

«—Мой милый сынъ, не вспоминай...
Она измѣною твой рай
        Разрушила сама,
И ясный свѣтъ веселыхъ дней
Исчезъ на вѣки изъ очей
        И воцарилась тьма...

О, мой страдалецъ! Отчего
Всю кровь изъ сердца моего
        Я не могу отдать?...
Но ты молчишь, ты блѣденъ сталъ...
Творецъ небесъ! ты сына взялъ,—
        Возьми къ себѣ и мать!»

В. Л.

Москва.
10-го октября.

ЧАРТИЗМЪ *).

Такимъ образомъ въ концѣ 1839 года чартизмъ, повидимому, былъ убитъ,—430 душъ самыхъ выдающихся и талантливыхъ людей были перехватаны и разсажены по тюрьмамъ. Ньюпортское неудачное возстаніе, повидимому, навсегда обезсилило тѣ идеи, которыя пытались выражать собою безсознательное недовольство и стихійное броженіе массы. Благонамѣренная пресса изображала Джона Фроста соединеніемъ всѣхъ самыхъ низкихъ побужденій, самыхъ ужасныхъ пороковъ и чуть - что не рекомендовала матерямъ пугать его именемъ дѣтей. Люди средняго класса считали себя побѣдителями и позволяли себѣ вездѣ, гдѣ только возможно, лягать мертваго льва. Рабочему достаточно было быть заподозрѣну въ причастности къ чартистскимъ идеямъ, чтобъ его разсчитали. Подсудимому довольно было заикнуться или быть уличеннымъ свидѣтельскимъ показаніемъ въ знакомствѣ съ чартистами, чтобы судья съ полною увѣренностію въ своей «внутренней правотѣ» постановлялъ обвинительные приговоры, а прокуроръ рекомендовалъ таковые присяжнымъ. Уликами же въ чартистскихъ заблужденіяхъ часто служили прямые и вполнѣ искренніе отвѣты, противорѣчившіе лицемѣрнымъ правиламъ англійской благопристойности и общественной морали. Словомъ, чартистомъ считался чуть не всякій, имѣвшій свои собственныя и независимыя убѣжденія, причемъ не обращалось вниманія на ихъ содержаніе. Людямъ, разъ скомпрометтированнымъ, приходилось переѣзжать изъ одного города въ другой, чтобы только убѣжать преслѣдованія «общественнаго мнѣнія» средняго класса. Чартистъ и преступникъ сдѣлались почти синонимами.

*) См. *Русская Мысль*, кн. X.

Не то, конечно, было среди чернорабочей массы въ мануфактурныхъ, минныхъ и другихъ округахъ. Тамъ ихъ не боялись, ихъ не презирали, имъ симпатизировали, но за то большею частію и не понимали ихъ. Нужда здѣсь слишкомъ неотступно тѣснила людей, чтобъ они могли оторваться, хоть мысленно, отъ голыхъ фактовъ окружающей ихъ дѣйствительности, охватить сразу все положеніе дѣлъ въ странѣ и намѣтить ту самую чувствительную почву его, на которую должно было направить всѣ свои усилія для того, чтобы, пробивши ее, получить возможность лѣчить свои раны. Нужда и идеи на время потеряли другъ друга изъ вида. Паника гоненій заставила на минуту замолчать неотступную назойливость первой, вторыя же перестали быть слышными за стѣнами тюремъ и крѣпостей.

Всякому понятно, что такое положеніе долго тянуться не могло. Бѣдствія массы продолжали существовать и, какъ мы скоро увидимъ, въ слѣдующіе же годы выразились въ еще болѣе настойчивомъ стихійномъ броженіи, болѣе отчаянномъ требованіи хлѣба. Что же касается до идей, то одно чартистское движеніе съ его ближайшей чисто политическою задачей слишкомъ недостаточно для того, чтобы выяснить, почему его идеи приняли то направленіе, а не другое; почему люди «нравственной силы» еще дальше разошлись съ людьми «политической борьбы» и чисто демократическихъ стремленій; почему, наконецъ, въ средѣ той или другой изъ этихъ двухъ фракцій народились свои ереси, ослабившія силу партій, которыя въ минуту взрыва народныхъ массъ оказались настолько слабыми, что сыграли лишь роль орудія въ рукахъ вождей капиталистической буржуазіи. Чтобы выяснить это, необходимо вспомнить кое-что объ овенизмѣ. Но прежде всего обратимся къ фактамъ.

29 іюля 1840 года въ Манчестерѣ собрались 23 делегата отъ разрушенныхъ на половину чартистскихъ группъ Англіи и Шотландіи, а преимущественно мануфактурныхъ округовъ Ланкашира и Йоркшира, съ цѣлью, во-первыхъ, принять нѣкоторыя мѣры въ пользу семействъ заключенныхъ товарищей и, во-вторыхъ, реорганизовать движеніе. До сихъ поръ всѣ группы чартистовъ хотя и имѣли одну общую цѣль, но не составляли одного организованнаго цѣлаго. И вотъ теперь конференція въ нѣсколько засѣданій выработала проектъ соединенія всѣхъ ихъ въ одну *національную чартистскую ассоціацію Великобританіи*. За основаніе ея организаціи приняты 6 пунктовъ хартіи,

а средствомъ добиться ея узаконенія признана мирная агитація. Членомъ новой организаціи могъ быть всякій сочувствующій ея цѣлямъ. Ему выдавался членскій билетъ, за который взимались 2 пенса. Во главѣ ассоціаціи стоялъ исполнительный комитетъ изъ 7 человѣкъ, избранныхъ всѣми членами и получающихъ постоянное жалованье. Гдѣ было возможно, члены ассоціаціи раздѣлялись на десятки, которымъ исполнительный комитетъ назначалъ лидеровъ. На исполнительномъ же комитетѣ лежала обязанность вести агитацію, устраивать демонстраціи и митинги, посылать на нихъ ораторовъ, печатать памфлеты и, согласно плану Бронтерра О'Брайена, руководить агитаціей во время выборовъ, выставляя своихъ кандидатовъ, а также пользоваться всякими другими политическими событіями въ пользу чартизма.

Къ странѣ былъ изданъ адресъ и выбраны временно 12 кандидатовъ изъ делегатовъ конференціи, изъ которыхъ ассоціаціи предлагалось выбрать постоянный комитетъ. Предсѣдателемъ комитета былъ выбранъ Джемсъ Личъ, а секретаремъ—Вильямъ Тильманъ. Затѣмъ рѣшено было предпринять по всей странѣ рядъ лекцій.

Около того же времени начали отворяться двери тюремъ для многихъ вождей 1839 года, и чартизмъ сталъ оживать. Первыми вышли изъ варвикской тюрьмы Ловеттъ и Коллинсъ 24 іюля 1840 года. Вслѣдъ за оваціями, которыми друзья встрѣтили ихъ въ этомъ городѣ, они получили приглашенія изъ Бирмингэма, Уэльса и Лондона, гдѣ ихъ ожидали огромныя демонстраціи съ музыкой, знаменами, представителями ремеслъ и т. п., напоминавшія собой время перваго взрыва энтузіазма въ 1839 году. Ловеттъ былъ настолько изнуренъ тюрьмой, что не могъ принимать участія во всѣхъ этихъ оваціяхъ, и скоро удалился въ Уэльсъ для поправленія здоровья. Для его встрѣчи въ Бирмингэмѣ собрались делегаты отъ такихъ чартистскихъ группъ, которыя не были представлены на манчестерской конференціи 29 іюля, хотя и они приняли ея постановленія.

Въ августѣ изъ Честерскаго замка выпустили Макъ-Дуэла и Уайта, появленіе которыхъ вызвало еще большее оживленіе, такъ какъ они вышли изъ тюрьмы едва ли не болѣе энергичными, чѣмъ вошли въ нее. Макъ-Дуэлъ говорилъ: «Я только-что оставилъ стѣны тюрьмы и уже началъ забывать ихъ; теперь я начинаю помнить лишь тѣхъ, кто посадилъ меня туда,— помнить съ тѣмъ, чтобы мстить имъ; но моя месть будетъ —

народная хартія». Уайтъ же по обыкновенію ободрялъ слушателей ѣдкою насмѣшкой и остротами и былъ готовъ на все. Они вмѣстѣ объѣхали Шотландію и были встрѣчены между прочимъ въ Глазго демонстраціей въ 200.000 человѣкъ.

Наконецъ, въ началѣ 1841 года были освобождены О'Конноръ изъ Йоркскаго и О'Брайенъ изъ Ланкастерскаго замковъ. Первый за нѣсколько дней до выхода потребовалъ себѣ платье рабочаго, чтобы надѣть его въ день освобожденія и тѣмъ «доказать, какъ онъ близокъ рабочему классу».

Такихъ политическихъ пересоловъ въ его карьерѣ бездна, несмотря на весь его талантъ агитатора и огромное вліяніе на массы. Его встрѣтили пѣніемъ чартистской пѣсни, сложенной, какъ потомъ оказалось, одной уэльскою чартисткой въ честь его самого:

«Левъ свободы выходитъ изъ своего логовища;
Мы снова и снова собираемся вокругъ него:
Мы увѣнчаемъ его лаврами, нашего бойца,
Патріота О'Коннора, въ честь дорогой свободы!» и т. д.

Затѣмъ онъ поѣхалъ по Шотландіи, а слѣдомъ за нимъ пасторъ Брюстеръ, проповѣдывавшій противъ политики насилія. О'Брайенъ отказался отъ демонстрацій, находя ихъ несвоевременными, и началъ читать лекціи.

Вотъ что дѣлалось въ то время, по словамъ Томаса Купера *), въ провинціи. Онъ—Куперъ—бывшій сапожникъ, потомъ школьный учитель и наконецъ репортеръ провинціальныхъ газетъ — пріѣхалъ въ Лейчестеръ и мало-по-малу сблизился съ фабричнымъ людомъ, сталъ бывать на ихъ собраніяхъ и скоро заявилъ себя чартистомъ. Съ перваго раза его поражали не столько принципы и задачи чартизма, сколько нищета и бѣдствія рабочихъ. Я уже имѣлъ случай привести, съ его словъ, одну изъ картинъ ужаснаго и безвыходнаго положенія лейчестерскихъ чулочниковъ. Онъ естественно началъ симпатизировать имъ, потомъ защищать ихъ, а затѣмъ и искать для нихъ выхода; на этомъ пути онъ скоро самъ пришелъ къ чартизму и высказывалъ это на собраніяхъ. Тогда ему предложили редижировать маленькую чартистскую еженедѣльную газетку за постоянную плату. Онъ согласился, но денегъ на это у чартистовъ во вторую же недѣлю не оказалось и онъ взялъ изданіе на свою

*) The Life of Thomas Cooper, written by himself.

собственную отвѣтственность. Съ этихъ поръ онъ сдѣлался естественнымъ и формальнымъ лидеромъ своей партіи.

Одна часть рабочихъ, говоритъ онъ, была за хартію прежде всего; другая стояла за хартію и отмѣну хлѣбныхъ законовъ въ одно и то же время. Всѣ же дѣятели старыхъ политическихъ партій хотѣли только отмѣны хлѣбныхъ законовъ и ничего больше и сюда принадлежала большая часть людей средняго класса, тогда какъ первая—составляла большинство всѣхъ публичныхъ и рабочихъ собраній. Нѣкоторые изъ фабрикантовъ послѣдняго лагеря хотѣли идти на компромиссъ съ рабочими и признать хартію рядомъ со свободой торговли, другіе же настаивали на своемъ.

Около Купера, какъ вождя, группировалась самая бѣдная часть рабочихъ; они же были и сторонники физической силы. Но въ томъ же Лейчестерѣ были и другіе чартисты, тяготѣвшіе къ партіи нравственной силы; во главѣ ихъ стоялъ нѣкій сапожникъ, онъ же и бывшій методистскій проповѣдникъ Маркгашомъ. Сначала обѣ партіи жили дружно, но скоро отношенія начали портиться, и онѣ разошлись даже въ разныя части города: послѣдователи методиста—подъ именемъ «чартистской ассоціаціи», а куперисты—подъ именемъ «шекспировской ассоціаціи лейчестерскихъ чартистовъ». Тамъ же были и овенисты или, какъ ихъ тогда уже называли, соціалисты, которые отъ времени до времени вызывали чартистовъ на публичные диспуты.

Куперъ скоро соединилъ въ своемъ помѣщеніи вмѣстѣ съ продажей своей газеты продажу и другихъ газетъ, а также и хлѣба, и кромѣ того устроилъ комнату для собраній.

Позднѣе онъ основалъ для своихъ чартистовъ воскресные классы для молодежи и взрослыхъ, гдѣ учились всему, начиная съ грамоты и кончая френологіей; онъ преподавалъ все, что зналъ. Учебными книгами,—говоритъ онъ,—служили Библія, «Самовоспитаніе» Чанинга и т. под. Каждое воскресенье онъ держалъ рѣчи на базарной площади города и начиналъ ихъ всегда съ молитвы; затѣмъ онъ бралъ текстъ Св. Писанія и соединялъ религіозные вопросы съ политическими.

Среди лейчестерскихъ чартистовъ были два поэта-самородка; они писали стихи и гимны вродѣ слѣдующихъ: «Сыны бѣдности, собирайтесь вмѣстѣ и распространяйте вашу хартію, и пусть трепещутъ тираны! Лучше умереть отъ сабли, чѣмъ отъ нужды и голода». Или поэму — «Богъ создалъ человѣка, но не раба; раба создалъ человѣкъ». Тутъ же проповѣдывалось и воздержа-

ніе отъ спиртныхъ напитковъ, причемъ вмѣсто обыкновенной клятвы, употреблявшейся въ странѣ, была составлена особая: «Клянусь не пить до тѣхъ поръ, пока хартія не сдѣлается закономъ». Кромѣ того читались отрывки изъ Шекспира, исторіи Англіи, жизни ея знаменитыхъ людей, а также и книги по естественнымъ наукамъ.

Во время безработицы чулочники собирались подлѣ лавки Купера и онъ занималъ ихъ или лекціями, или разговорами, или прогулками за городъ съ этою же цѣлью, или наконецъ устраивалъ процессіи по городу. Это послѣднее особенно возмущало благонамѣренныхъ гражданъ: лавочники запирали свои лавки, экипажи не могли двигаться по тѣмъ улицамъ, гдѣ чартисты маршировали въ военномъ порядкѣ по 4, 6 или 8 въ рядъ, съ пѣніемъ своихъ пѣсенъ вродѣ «Левъ свободы» или чего-нибудь подобнаго, подъ предводительствомъ своего «Шекспировскаго генерала», какъ звалъ себя самъ Куперъ. Разъ случился даже такой фактъ, что до 500 чулочниковъ, доведенные безработицей до страшной нищеты, ничего не сказавши Куперу, отправились медленными шагами мѣрять улицы города и, распѣвая гимны, просить милостыню. За это «генералъ» ихъ конечно не похвалилъ.

Куперъ самъ былъ большой энтузіастъ, сильно и легко увлекался и увлекалъ за собой другихъ. Его вліяніе въ околодкѣ было громадно. На публичныхъ митингахъ и разныхъ политическихъ собраніяхъ онъ управлялъ партіей какъ истинный военоначальникъ и гордился этимъ.

Такимъ образомъ казалось, что движеніе оживало и обновлялось. Но въ исторіи ничто не повторяется, и скоро на сцену начали выступать одинъ за другимъ такіе элементы, которымъ прежнія рамки казались тѣсными и которые требовали самостоятельнаго существованія.

Ловеттъ съ Коллинсомъ, по выходѣ изъ тюрьмы, напечатали брошюру «Чартизмъ», составленную ими во время заключенія. Въ ней доказывалось, что «истинная» свобода получается не путемъ парламентскихъ актовъ, а самовоспитаніемъ, развитіемъ и внутреннимъ освобожденіемъ народа отъ рабства передъ предразсудками и слабостями. Они предлагали планъ основанія *національной ассоціаціи Соединеннаго Королевства для содѣйствія политическому и соціальному усовершенствованію народа,* которая должна заняться устройствомъ общеобразовательныхъ,

техническихъ и учительскихъ нормальныхъ школъ, летучихъ и постоянныхъ библіотекъ, общественныхъ клубовъ и залъ, гдѣ бы сосредоточивались всѣ эти учрежденія, гдѣ бы устраивались для рабочихъ собранія, лекціи, дебаты, увеселенія, концерты и т. п. Кромѣ того предлагалось издавать брошюры и книги, а впослѣдствіи даже и періодическій журналъ. Словомъ, это былъ планъ овеновскаго «Гармони-Голла», какъ онъ устраивалъ его и въ Нью-Ланоркѣ, и въ Новой-Гармоніи, и въ Гомпширѣ. По разсчету Ловетта выходило, что еслибы каждый изъ подписавшихся подъ народною хартіей чартистъ давалъ бы по 1 пенсу въ недѣлю, то можно было бы построить 80.000 школъ, считая по 3.000 фунт. стерл. на каждую, устроить 710 летучихъ библіотекъ, послать на пропаганду 4-хъ миссіонеровъ, напечатать 20.000 брошюръ, и за всѣмъ этимъ осталось бы еще 700 ф. стерл. на почтовые и 700 ф. стерл. на непредвидѣнные расходы.

Ловеттъ имѣлъ большое вліяніе на всѣ элементы чартизма, тяготѣвшіе не только къ политическому, но къ моральному, интеллектуальному и соціальному перерожденію англійскаго рабочаго народа, а потому, особенно въ первое время, произвелъ своею брошюрой сильный расколъ. Онъ сталъ вмѣстѣ со своими приверженцами въ оппозицію политическому движенію и отказался отъ участія въ національной чартистской ассоціаціи на томъ основаніи, что она «незаконна» и участіе въ ней, по парламентскому акту, грозитъ всякому ссылкой *).

Въ это же время Винцентъ еще изъ нью-портской тюрьмы началъ настаивать на проповѣданіи воздержанія и предлагалъ для распространенія послѣдняго основать особое общество.

Наконецъ въ Бирмингэмѣ, а еще больше въ Шотландіи начала распространяться школа христіанскихъ чартистовъ, которые превратили чартизмъ въ религіозно-политическую доктрину и проповѣдывали ее съ каѳедръ въ своихъ церквахъ. Они привлекали къ себѣ тысячи народа, особенно же женщинъ. Таковы были тѣ различныя формы, въ которыя теперь выливалось ученіе «нравственной силы»; это были его неизбѣжные выводы, его дальнѣйшее развитіе. Этихъ людей поражало вопіющее противорѣчіе окружавшей ихъ дѣйствительности съ тѣмъ, что обѣщала христіанская доктрина жертвы и идеализма при своемъ появленіи въ міръ. Они страдали и искали выхода, но гдѣ? — въ усиліяхъ воли, въ самоусовершенствованіи («Self - Cultur» Ча-

*) „Life and struggles“ of W. Lovett.

нинга) и самопросвѣщеніи, т. е. въ давно развѣнчанныхъ свѣточахъ и потерянныхъ надеждахъ. Говорю «давно» потому, что большая часть изъ нихъ уже пережила овенизмъ, который отрекся отъ всего этого въ принципѣ. Окружающая ихъ жизнь казалась имъ движимой какими-то иными пружинами, а не тѣми, которыя они привыкли уважать и любить, считать законными и продуктивными съ моралистически-христіанской точки зрѣнія. И они взывали къ борьбѣ съ ними. Они не узнавали своихъ собственныхъ идеальныхъ свѣточей, когда встрѣчались съ ними въ ихъ реализированной или даже матеріализированной формѣ, въ реальной жизни, т. е. въ формѣ существующихъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій и денежнаго фетиша: *философская истина и знаніе*, продающіяся на рынкѣ или служащія интересамъ одного класса, казались имъ не истинымъ знаніемъ; *свобода и справедливость*, доступныя лишь богатому, талантливому и сильному, а за этими предѣлами связанныя по рукамъ и ногамъ существующимъ порядкомъ въ лицѣ пристрастнаго и принудительнаго закона,—казались имъ не истинною свободой и справедливостью; наконецъ, *благо народовъ*, принявшее форму капитала и сосредоточившееся въ рукахъ немногихъ организаторовъ народнаго труда, казалось имъ не истиннымъ благомъ. И понятно, почему: они сами не были ни учеными, ни членами парламента, ни фабрикантами, а простыми рабочими-самоучками, безправными и обездоленными, и они протестовали. Дѣйствительность и ихъ ежедневный опытъ стояли въ такомъ же полномъ противорѣчіи съ ихъ моралистическими христіанскими упованіями, какъ и вся ихъ доктрина съ требованіями времени. Они чувствовали глубину этого раскола, пугались его послѣдствій и искали спасенія—въ чемъ же?—въ обновленіи морали, въ раціоналистическомъ сектантствѣ и исключительномъ субъективизмѣ. Они при этомъ не искали новыхъ формъ интеллектуальной и нравственной жизни, а возвращались къ старымъ, пытаясь обновить ихъ. Вотъ почему мы должны признать этотъ элементъ «нравственной силы» въ чартистскомъ движеніи за элементъ реакціонный, боявшійся довѣриться жизни и ея требованіямъ, боявшійся служить прежде всего удовлетворенію насущныхъ и неотложныхъ нуждъ человѣческихъ,—за элементъ искуственнаго примиренія со старымъ и враждебный новому.

О'Конноръ написалъ еще изъ тюрьмы громовое письмо въ *Northern Star* противъ этихъ трехъ ересей, гдѣ *чартизмъ*

знанія, чартизмъ воздержанія и чартизмъ христіанскій одинаково клеймились именемъ отступничества, предательства и измѣны (особенно же досталось первому), единственной же истинною формой движенія выставлялась та, которая была выработана манчестерскою конференціей 1840 г., т. е. ставившая на первый планъ политическую задачу. Протестъ О'Коннора сильно подѣйствовалъ на многихъ, приставшихъ было къ Ловетту, и они возвратились въ ряды политическаго движенія, чѣмъ и заслужили себѣ отъ О'Коннора названіе «крысъ, избѣжавшихъ ловушки». Борьба съ этими ересями, особенно же съ интеллектуалистами, доходила до такого ожесточенія, что нѣкто Уаткинсъ, о'коннористъ, на публичныхъ собраніяхъ взывалъ къ мести измѣнникамъ и грозилъ Ловетту смертью, какъ продавшемуся агенту средняго класса. За это сторонники Ловетта какъ тогда, такъ еще и до сихъ поръ продолжаютъ обвинять О'Коннора въ неискренности и въ стремленіи единственно къ власти. Въ такомъ духѣ, напримѣръ, написанъ только-что появившійся въ Лондонѣ романъ Генри Солли—«Джемсъ Вудфордъ, чартистъ и плотникъ». Этотъ самый Солли уже тогда былъ преподобнымъ H. Solly, который доказывалъ, что чартизмъ есть лишь очищенное христіанство.

Наконецъ, по выходѣ О'Коннора и О'Брайена изъ тюрьмы, между ними загорѣлась война уже на самой политической почвѣ. Дѣло въ томъ, что въ 1841 г. предстояли общіе выборы, такъ какъ вигское министерство оказалось неспособнымъ управлять страной. Его непопулярность дошла до крайнихъ предѣловъ. Насилія надъ чартистами, новые законы о бѣдныхъ и многое другое возстановили противъ него народную массу, а сопротивленіе отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ—средній классъ. Чартистамъ на предстоящихъ выборахъ приходилось избрать для себя опредѣленный образъ дѣйствій. О'Конноръ, какъ человѣкъ политической интриги, предлагалъ вотировать съ тори, тогда какъ О'Брайенъ предпочиталъ пользоваться выборами для своей агитаціи, но не смѣшиваться ни съ одною партіей. Вслѣдствіе всеобщаго возбужденія противъ виговъ, къ первому направленію приставало большинство чартистовъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ чартисты на предварительныхъ избирательныхъ собраніяхъ ставили своихъ кандидатовъ, огромное большинство рукъ поднималось за нихъ, потому что это были руки не только законныхъ избирателей, но и рабочихъ. За то, когда приходилъ день самыхъ выборовъ и вотировали одни люди

ценза и средняго класса, чартисты получали ничтожное меньшинство. Борьба двухъ мнѣній доводила обѣ стороны до самыхъ неполитичныхъ выходокъ. Тѣмъ не менѣе О'Конноръ самъ предпочелъ играть въ политическую игру со всѣми, а не вотировать за торійскихъ кандидатовъ. Куперъ въ своей автобіографіи разсказываетъ въ подробностяхъ, какъ О'Конноръ въ Ноттингэмѣ стоялъ за либеральнаго кандидата Сторджа и даже дрался на площади вмѣстѣ съ толпой своихъ приверженцевъ за обладаніе платформой въ его пользу, цѣлую ночь ходилъ по улицамъ города съ цѣлью предупредить торійскіе подкупы, поднималъ Сторджа среди ночи съ постели для того, чтобы пожелать ему успѣха, а передъ самымъ началомъ выборовъ, на разсвѣтѣ, сѣлъ въ поѣздъ и уѣхалъ въ Лондонъ. Благодаря этому, чартисты разошлись, Сторджъ провалился, а торійскій кандидатъ хотя и былъ выбранъ, но не былъ принятъ парламентомъ вслѣдствіе открывшагося подкупа. Такимъ образомъ сразу были убиты два врага. Это совершенно въ духѣ Фергюса. Всѣ такія и подобныя, повидимому, личныя разногласія на политической почвѣ выражали собою конечно болѣе глубокій расколъ въ самой партіи, который позднѣе принялъ еще болѣе рѣзкую форму. Не нужно было быть особенно проницательнымъ для того, чтобы видѣть, что чартизмъ, какъ одно цѣлое, не представлялъ изъ себя однородной и прочной силы; масса различныхъ оттѣнковъ нарождалась съ каждымъ днемъ и ослабляла его силу. А между тѣмъ хартія продолжала казаться такою же необходимостью, какъ и прежде. Несмотря на рѣшительность, съ которой О'Конноръ утверждалъ, что всѣ, кто не держится программы національной чартистской ассоціаціи 1840 года, измѣнники,—число ихъ росло съ каждымъ днемъ, и всякій, кому дѣло чартизма было дорого, естественно долженъ былъ искать новыхъ путей для объединенія. Отсюда вытекла попытка примиренія съ средними классами въ формѣ движенія для пріобрѣтенія «*полнаго* права голоса» (complet suffrage) вмѣсто *всеобщаго* права голоса (universal suffrage).

Съ тѣхъ поръ, какъ по всей Англіи, а потомъ и Европѣ и Америкѣ пронеслась слава Роберта Овена, какъ великаго филантропа и чудеснаго переродителя порочнаго и озлобленнаго англійскаго рабочаго въ человѣка и гражданина, прошло цѣлыхъ 20 лѣтъ и многое радикально измѣнилось въ самомъ Овенѣ и его послѣдователяхъ. Изъ филантропа онъ превратился въ коммуниста, изъ воспитателя молодаго поколѣнія и исправителя нравовъ—въ

разрушителя семьи и религіи, изъ талантливаго фабриканта и вліятельнаго хозяина — въ отрицателя личной собственности и конкуренціи. «Религія, бракъ и собственность, — провозгласилъ онъ въ тридцаттыхъ годахъ, — это троица зла, которой люди обязаны своимъ невѣжествомъ, пороками и рабствомъ». Все это, конечно, говорилось въ «извѣстномъ» отношеніи, въ сущности довольно невинномъ смыслѣ; но во всякомъ случаѣ тѣмъ, кто былъ расположенъ пугаться, все это казалось очень страшнымъ. То, что прежде ему казалось хорошимъ средствомъ избавить общество отъ временнаго пауперизма (его проектъ 1819 года о «прямоугольныхъ фермахъ» для пауперовъ, поданный въ коммиссію о бѣдныхъ), теперь считалось имъ единственнымъ выходомъ изъ роковыхъ противорѣчій вѣка и путемъ для спасенія страждущаго человѣчества. Вмѣсто того, чтобы быть протежѐ герцога Кента, Бентама, Аллена и тому подобныхъ аристократовъ и знаменитостей, чтобъ адресоваться съ широкими планами государственной благотворительности къ парламенту Соединеннаго Королевства или конгрессу Соединенныхъ Штатовъ, онъ находилъ гораздо болѣе цѣлесообразнымъ обращаться съ своей неутомимою проповѣдью прямо къ рабочимъ классамъ. И по мѣрѣ того, какъ онъ падалъ въ глазахъ первыхъ, онъ выигрывалъ во мнѣніи послѣднихъ, и къ 1839 году успѣлъ собрать вокругъ себя до 100.000 *) послѣдователей, разбросанныхъ въ большей части городовъ Англіи (въ Лондонѣ до 40.000, въ Манчестерѣ до 10.000 и т. д.) подъ именемъ раціональнаго общества (rational society). Вся эта масса людей болѣе или менѣе дѣятельно занималась устнымъ и печатнымъ распространеніемъ идей овенизма и ставила себѣ цѣлью *широкіе коммунистическіе опыты для перевоспитанія человѣчества*. Въ два года они распространили до 2 милліоновъ памфлетовъ, въ одинъ годъ прочитали 1.450 лекцій, держали около 50 публичныхъ диспутовъ. Самъ Овенъ въ Манчестерѣ и другихъ мѣстахъ часто привлекалъ на свои чтенія по 2½ тысячъ слушателей и увлекалъ своимъ пламеннымъ реформаторскимъ энтузіазмомъ. Другіе миссіонеры овенизма, въ числѣ которыхъ было не мало женщинъ, ежегодно объѣзжали до 350 городовъ Англіи. Во многихъ изъ нихъ, какъ въ Манчестерѣ, Ливерпулѣ, Сальфордѣ и друг., овенисты имѣли свои собственные дома для собраній, лекцій и т. п., построенные на деньги своихъ приверженцевъ.

*) Rooth. *Robert Owen*: „Founder of socialism in England". London, 1869 г.

Таковы были наружные результаты дѣятельности Овена въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ. Его идеи, очевидно, проникли въ самую толщу общественнаго организма. Но прежде, чѣмъ достигнуть этого состоянія, они должны были пройти черезъ цѣлый рядъ практическихъ испытаній. Соціалистическая или, какъ ее тогда называли въ Англіи, реформаторская благотворительность въ Нью-Ланоркѣ во второмъ и третьемъ десятилѣтіи этого столѣтія заставила задуматься не только реформаторовъ и недовольныхъ, но и законодателей, королей и императоровъ, и заставила французскую академію вотировать ему благодарность. Малоуспѣшная кооперативная самопомощь въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, какъ въ формѣ потребительныхъ и производительныхъ обществъ, такъ и въ формѣ обмѣнныхъ рынковъ труда, вызвала самодѣятельность наиболѣе выдающихся элементовъ рабочаго класса и заставила ихъ на минуту повѣрить въ возможность помирить въ новой формѣ труда враждебные элементы снизу до верху расколотаго стараго общества. Въ 1828 году въ Соединенномъ Королевствѣ было до 700 такихъ обществъ; въ 1832 году обмѣнные рынки Лондона дѣлали обороты на 40.000 рабочихъ часовъ въ недѣлю.

Наконецъ, совсѣмъ неуспѣшныя попытки коммунальной жизни и труда въ Новой-Гармоніи (въ Соединенныхъ Штатахъ), Гампширѣ и другихъ мѣстахъ приводили людей къ вѣчно вѣрному выводу, что новыя формы требуютъ и новаго содержанія, что современные люди нуждаются въ широкомъ перевоспитаніи прежде, чѣмъ сдѣлаются способными жить такою жизнью, и что имъ необходимо пройдти путемъ долгаго опыта. Но въ чемъ долженъ заключаться этотъ опытъ: въ широкой ли жизненной борьбѣ за нужды живаго человѣчества, въ самоусовершенствованіи ли путемъ внутренней дисциплины и обращеніи къ возвышеннымъ предметамъ или, наконецъ, въ накопленіи знаній и интеллектуальномъ развитіи—это оставалось рѣшить будущему. Вопросъ былъ широко поставленъ и открытъ. Сами овенисты пытались рѣшить его при помощи ряда интернаціональныхъ конгрессовъ, широчайшихъ организацій, вродѣ знаменитой A. A. C. A. N. (т. е. *Association of All Classes and All Nations*) и, наконецъ, въ формѣ своей раціональной религіи. Едва ли кому нужно объяснять, что это рѣшеніе ищется и до сихъ поръ.

Такимъ образомъ, что же далъ людямъ овенизмъ?—Въ смыслѣ положительныхъ рѣшеній—ничего. Но за нимъ остается одно —

сильное вліяніе на развитіе идей современнаго ему реформаторскаго движенія и окраска послѣдняго въ болѣе или менѣе соціалистическій цвѣтъ. Въ извѣстномъ смыслѣ можно смѣло сказать, что идеи чартизма были прямымъ послѣдствіемъ того броженія умовъ въ Англіи, которому Овенъ далъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ толчковъ.

Такъ какъ доктрины Овена уже не разъ излагались въ русской литературѣ, то я позволю себѣ коснуться ихъ здѣсь лишь настолько, насколько онѣ стоятъ въ прямой связи съ различными оттѣнками чартизма.

«*Пауперизмъ не можетъ быть уничтоженъ*,—писалъ Овенъ въ упомянутомъ выше докладѣ коммиссіи о бѣдныхъ въ 1819 году,—пока среди массъ народа не распространено широко *образованіе*, пока люди съ малыхъ лѣтъ не будутъ окружены условіями, направляющими ихъ *характеръ къ добру*, и пока *правительство страны не обезпечитъ народу производительный трудъ*. Безъ этихъ трехъ условій всѣ законы о бѣдныхъ не уменьшаютъ, а развиваютъ пауперизмъ... Бѣдность происходитъ,—писалъ онъ дальше,—не отъ недостатка въ капиталахъ или предметахъ потребленія, а отъ недостатка средствъ у производительныхъ классовъ покупать предметы потребленія. А это всецѣло происходитъ отъ рабства рабочихъ классовъ системѣ заработной платы, системѣ найма, которая можетъ быть устранена только введеніемъ прямого обмѣна продуктовъ труда безъ посредства золота» (Отсюда позднѣе его обмѣнные рынки.) Въ основаніи этихъ раннихъ выводовъ, очевидно, лежалъ его нью-ланоркскій опытъ, гдѣ онъ, постепенно улучшая условія труда и жизни рабочихъ, увеличивая заработную плату, устроивши различныя школы, воспитательный домъ для малолѣтковъ, организовавши чтенія, концерты, балы и т. п., общественныя кухни, столовыя, — устранивши изъ употребленія спиртъ и въ значительной степени подчинивши людей своему личному вліянію, добился того, что рядомъ съ процвѣтаніемъ его фабрики существовало довольство рабочихъ, пороки почти исчезли, нужда перестала колоть глаза и, какъ онъ самъ любилъ выражаться, «характеры, вкусы и привычки начали уравниваться».

Что все это было достигнуто не путемъ свободной самодѣятельности самихъ рабочихъ, а его благодѣтельной опекой, и не въ такой идеальной степени, какъ бы ему самому хотѣлось, доказывается уже тѣмъ, что онъ самъ не могъ довольствоваться

своимъ успѣхомъ и сталъ искать условій для болѣе широкихъ опытовъ на почвѣ государства и коммиссіи о бѣдныхъ, а потомъ на почвѣ международныхъ конгрессовъ и организацій.

«*Человѣкъ отъ природы ни золъ, ни добръ,* — говорилъ позднѣе Овенъ,—*и весь его характеръ зависитъ отъ условій, въ которыхъ онъ воспитывается*». Отсюда выводъ, что, во-первыхъ, соотвѣтственнымъ *воспитаніемъ съ молодымъ поколѣніемъ можно сдѣлать все,*—стóитъ дать воспитанію въ жизни настоящее мѣсто,—*характеръ же взрослыхъ при его помощи можетъ быть радикально измѣненъ;* во-вторыхъ, *что никто не отвѣтственъ за свои поступки*; и въ-третьихъ, что *эта отвѣтственность должна падать на общество*, т. е. воспитателей, правительство и учрежденія.

Кто знаетъ старую англійскую систему воспитанія съ вѣчнымъ «ломаньемъ» и насилованьемъ дѣтей, тотъ пойметъ, почему Овену отводятъ почетное мѣсто въ ряду новаторовъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ дѣйствительно основалъ его на совершенно противоположномъ пріемѣ—мягкости, внутреннемъ интересѣ и уваженіи личности въ ребенкѣ.

Относительно невмѣняемости опять-таки нужно знать, какую важную роль въ складѣ англійской жизни играетъ даже до сихъ поръ доктрина отвѣтственности и наказанія, чтобы понять, насколько жизненна и революціонна для своего времени была идея Овена о невмѣняемости.

Что же касается до вліянія общества на человѣка, то Овенъ, во-первыхъ, выставлялъ положеніе, что *конкуренція*, какъ стимулъ, сама плодитъ многіе пороки, съуживаетъ чувства людей и должна быть замѣнена принципомъ *ассоціаціи*; а во-вторыхъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ личная иниціатива и естественное «равенство вкусовъ, привычекъ и мнѣній» *) оказывались неспособными примирить людей въ достиженіи общихъ цѣлей, онъ считалъ необходимымъ ихъ «уравненіе» по иниціативѣ правительства, причемъ не разъ высказывался, что деспотическое правительство, понимающее нужды народа, часто бываетъ полезнѣе для перевоспитанія людей, чѣмъ самое либеральное, а *потому самъ отрекался отъ всякаго участія въ текущей политической жизни страны*. Ловеттъ

*) Овенъ полагалъ, что при нормальныхъ условіяхъ люди непремѣнно должны имѣть на всѣ вещи одинаковыя воззрѣнія, и практиковалъ это убѣжденіе.

разсказываетъ одинъ фактъ, гдѣ Овенъ самымъ безцеремоннымъ образомъ нарушилъ постановленіе огромнаго собранія своихъ приверженцевъ, распорядившись въ типографіи напечатать въ общей газетѣ то, чего они не хотѣли печатать, и отвѣчалъ на ихъ формальный протестъ тѣмъ, что когда близорукіе люди не понимаютъ достаточно широко своихъ интересовъ, онъ считаетъ себя въ правѣ поступать деспотически.

Ко всему сказанному остается прибавить, что Овенъ въ теченіе своей длинной жизни истратилъ на всѣ свои предпріятія до 140.000 фунтовъ (1.400.000 руб.), что покупка земли для одной Новой-Гармоніи, въ Индіанѣ, стоила ему 140.000 далларовъ, что кромѣ того масса подобныхъ же предпріятій его послѣдователей погибала, едва увидавши свои первые дни, за недостаткомъ земли и средствъ для начальнаго обзаведенія, и, наконецъ, что все кооперативное движеніе приводило людей къ неизбѣжному выводу о невозможности ни широко развить его, ни конкурировать съ крупнымъ капиталомъ, не имѣя въ рукахъ политическаго вліянія. Стоитъ, говорю, принять все это во вниманіе, чтобы понять, что идея государственнаго кредита и государственнаго соціализма Луи Блана съ одной стороны, а Наполеона III и Бисмарка съ другой—вовсе не были такъ чужды времени Овена и чартизма, какъ это часто думаютъ. Узаконеніе *народной хартіи* и основаніе *народнаго государства* и *законодательства* являлось такимъ образомъ прямымъ средствомъ для осуществленія многихъ тогдашнихъ pia desideria, начиная скромными желаніями ограничить рабочій день десятью часами и кончая обольстительными грёзами натуръ болѣе мечтательныхъ, чѣмъ самъ Робертъ Овенъ.

Съ другой стороны, нельзя не видѣть, что на практикѣ нравственное перерожденіе людей, поставленное на почву самообразованія, воспитанія и уничтоженія пороковъ, плохо мирится съ требованіями политической борьбы изъ-за обладанія властью тѣмъ или другимъ классомъ. Самъ Робертъ Овенъ служитъ тому живымъ доказательствомъ,—онъ самымъ усерднымъ образомъ проповѣдывалъ политическій индифферентизмъ. Политическій разсчетъ всегда требуетъ извѣстнаго эффекта на умы, всегда нѣсколько отзывается интригой, актерствомъ и, наконецъ, часто неизбѣжно ведетъ къ вмѣшательству физической силы. Все это никакъ не укладывается въ рамки «возвышенія и просвѣщенія рабочихъ классовъ или создаванія новаго общественнаго мнѣнія», на ко-

торыхъ обыкновенно, а въ 1842 году въ особенности, опирались люди «нравственной силы».

Что касается до проповѣди воздержанія, то Овенъ практиковалъ ее, какъ одно изъ необходимыхъ условій для самаго начала своихъ предпріятій.

Наконецъ и тотъ деистическій элементъ въ чартизмѣ, который въ 1842 году началъ требовать себѣ самостоятельнаго существованія, также имѣлъ свой прецедентъ въ овенизмѣ. Дѣло въ томъ, что, исходя изъ своей доктрины о невмѣняемости, Овенъ и его послѣдователи въ тридцатыхъ годахъ настолько увлеклись полемикой съ христіанскимъ ученіемъ объ отвѣтственности за поступки, что начали отрицать и другіе его догматы, прослыли за безбожниковъ и мало-по-малу, сами того не замѣчая, превратились въ секту поклонниковъ «неизвѣстной причины» и скоро сдѣлались извѣстны подъ именемъ «раціональныхъ религіонистовъ». Каждое воскресенье они собирались въ своихъ залахъ пѣть гимны въ честь разума, неизвѣстной причины, любви и т. п. и читать извлеченіе изъ сочиненій Овена, а особенно его «New Moral World» (новый нравственный міръ). Ожесточеніе противъ нихъ въ обществѣ доходило до того, что рабочіе лишались мѣстъ за имѣніе у себя «New Moral World'a»; овенистамъ часто не давали мѣста на англиканскихъ кладбищахъ, отказывали въ присягѣ на судахъ и держали въ тюрьмахъ. Наконецъ, епископъ эксшерскій внесъ въ 1840 году въ палату общинъ предложеніе формально преслѣдовать ихъ, на что̀, впрочемъ, получилъ отказъ.

Все это не могло не оставить слѣда въ настроеніи недовольныхъ элементовъ и до извѣстной степени стоитъ въ прямой связи съ религіознымъ чартизмомъ Стефенса, Флетчера, О'Нейля,Міалла и другихъ, имѣвшихъ свои церкви и паству, каждое воскресенье говорившихъ религіозныя проповѣди, ѣздившихъ по странѣ, издававшихъ газеты, статьи, памфлеты и т. д.

Кромѣ того въ это же время въ Англіи существовало нѣсколько чисто моралистическихъ коммунъ, какъ *конкордіумъ* около Ричмонда, основанная мистикомъ Гаплиномъ, *коммунистическая церковь*, устроенная пантеистомъ Бармби, *чартисты-соціалисты* или *образцовые республиканцы*, откладывавшіе осуществленіе своихъ республиканскихъ задачъ до полученія народомъ политическихъ правъ, и многія другія, описаніе которыхъ можно найти въ книгѣ Томаса Фроста —«Forty years recollectoins».

Такимъ образомъ, если нельзя утверждать, что овенизмъ породилъ собою всѣ разнообразныя теченія мысли сороковыхъ годовъ въ Англіи, то во всякомъ случаѣ не будетъ ошибкой сказать, что онъ, какъ доктрина, соединялъ ихъ въ себѣ и мирилъ въ виду одной широкой цѣли—*перевоспитанія человѣчества*. За такой же взглядъ говоритъ и тотъ фактъ, что въ рядахъ чартизма было не мало людей, особенно среди партіи «нравственной силы», которые прямо прошли черезъ школу ученичества Овена и принимали участіе въ его кооперативныхъ и коммунистическихъ предпріятіяхъ, но потомъ почему-либо разошлись съ нимъ и пристали къ чартизму.

Такова была одна сторона идейной подкладки чартизма. Другую сторону ея составляла реформа 1832 года, которая неудовлетворяла народъ даже съ чисто политической точки зрѣнія и побуждала искать болѣе радикальнаго разрѣшенія вопроса, такъ что чартизмъ сороковыхъ годовъ съ идейной стороны можно считать и совпаденіемъ, и дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ двухъ теченій—утопическаго и политически-практическаго тридцатыхъ годовъ. Тогда они составляли два совершенно отдѣльныя движенія, шедшія своими дорогами, въ разсматриваемое же нами время они переплелись и слились въ одинъ потокъ, часто чувствуя, что они чужды другъ другу, но и не рѣшаясь, не желая избрать себѣ отдѣльныя русла. Отсюда—ихъ вражда, недоразумѣнія и взаимныя обвиненія.

Въ теченіе 1841 и весной 1842 года въ нѣкоемъ журналѣ *Nonconformist*, издаваемомъ преподобнымъ Міалломъ, начали появляться статьи, призывавшія чартистовъ къ союзу съ радикалами изъ средняго класса. Формой этого компромисса предлагалась агитація и борьба не за «всеобщее» право голоса, а за «полное» право голоса; для веденія же такой агитаціи предлагалось основать лигу, которую самъ Міаллъ характеризовалъ такимъ образомъ:

1. Ея цѣль должна состоять въ распространеніи права голоса на всякаго, «платящаго налоги».

2. Средства. Честная и мирная попытка оказать справедливость непредставленнымъ классамъ, распространивши на нихъ въ должной пропорціи политическія права, должна находиться подъ возможно строгимъ контролемъ людей извѣстныхъ своею преданностью миру и доказавшихъ прошлою жизнью свою ненависть къ несправедливости, твердость въ принципахъ и заинтересованность

въ успѣхѣ. Чѣмъ болѣе дѣло будетъ становиться популярнымъ, тѣмъ старательнѣй должны будутъ устраняться спекулирующіе политиканы. Развитые работники должны быть включены въ «либеральной пропорціи» въ комитеты управленія. Здравый смыслъ, сознательная преданность дѣлу, дѣловыя привычки и по возможности скромныя религіозныя убѣжденія составляютъ самыя важныя качества членовъ дѣятельныхъ комитетовъ.

3. Движеніе должно быть чисто избирательное: каждый имѣющій голосъ долженъ быть снабженъ свѣдѣніями, аргументами и доведенъ до убѣжденій въ правильности задачи. Возраженія должны быть обсужены въ комитетѣ и спокойно опровергнуты. Пусть помнятъ, что полное избирательное право должно быть введено палатой общинъ, выбранной по-старому.

Самъ Міаллъ принадлежалъ къ только-что описаннымъ христіанскимъ чартистамъ и стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ парламентскимъ радикаламъ, изъ которыхъ къ нему скоро пристали Кроуфордъ, Спенсеръ, Перри и др. Извѣстный филантропъ Джозефъ Сторджъ въ это же время разошелся съ «лигой противъ хлѣбныхъ законовъ», объявилъ себя за право всякаго человѣка быть представленнымъ и сталъ во главѣ проектированной Міалломъ лиги. Онъ составилъ меморіалъ королевѣ въ этомъ духѣ, въ которомъ требовалось, чтобы назначались только такіе министры, которые согласились бы сдѣлать этотъ вопросъ министерскимъ. Документъ этотъ предлагалось подписывать всякому желающему и согласному со взглядами лиги, такъ что меморіалъ Сторджа скоро сдѣлался новою хартіей. Особенно много послѣдователей онъ имѣлъ въ западной Англіи. Между прочими, подъ нимъ подписались Ловеттъ, Винцентъ, Филпъ, членъ комитета чартистской ассоціаціи, и другіе (послѣдній за это былъ забаллотированъ при слѣдующихъ выборахъ комитета по настоянію О'Коннора).

5-го апрѣля въ Бирмингэмѣ собралась такъ-называемая Сторджевская конференція. Изъ числа 84 делегатовъ изъ Лондона пріѣхали Ловеттъ, Перри, Низомъ и другіе люди «нравственной силы», а также и Бронтерръ О'Брайенъ, всегда стоявшій на сторонѣ политическаго чартизма. Благодаря ихъ соединеннымъ усиліямъ, конференція приняла всѣ шесть пунктовъ народной хартіи. Что же касается до самаго документа «хартіи», то люди средняго класса, которыхъ тамъ было большинство, отказались принять его за основаніе новой организаціи, такъ какъ, будто бы, самое слово «хартія» имѣетъ за собой такую традицію, которая пугаетъ мирныхъ лю-

дей. По поводу этого разногласія было рѣшено, что въ декабрѣ 1842 года соберется другая, болѣе популярная и болѣе правильно выбранная, конференція, которая и рѣшитъ детали. Достойно замѣчанія, что на этой конференціи въ первый разъ появился молодой, дѣятельный и богатый квакеръ съ сѣвера—Джонъ Брайтъ.

Такимъ образомъ основался національный союзъ «полнаго» права голоса (national complet suffrage union). Онъ скоро повелъ дѣятельную агитацію и имѣлъ нѣкоторый успѣхъ; Кроуфордъ два раза вносилъ въ парламентъ шесть пунктовъ хартіи, конечно, безъ всякаго результата; по странѣ читались лекціи, происходили собранія, издавались брошюры; во многихъ мѣстахъ были организованы отдѣленія союза, вербовавшія новыхъ членовъ среди рабочихъ. Однако-жь большая часть послѣднихъ не записывалась и ждала исхода второй конференціи. О'Конноръ въ *Northern Star* самымъ рѣзкимъ образомъ нападалъ на «полное» избирательное право и билъ тревогу, и люди нравственной силы снова обвиняли его за это въ низменныхъ мотивахъ и ревности. Изъ приведеннаго отрывка статьи Міалла легко понять, къ чему сводилось это «полное избирательное право»: оно размѣнивало народную хартію на самую жалкую парламентскую реформу,—ту самую хартію, которая столько лѣтъ сулила народу новую эру въ его тяжелой жизни, за которую онъ столько боролся, страдалъ и потерялъ столькихъ друзей. И дѣйствительно, рабочимъ классамъ нужно было улучшеніе ихъ положенія, освобожденіе отъ вѣчной и безконечной нужды, невѣжества, безправія и т. п. Они избрали всеобщую подачу голосовъ средствомъ получить все это. Средство оказалось непригоднымъ, безсильнымъ—и, вотъ, имъ совѣтуютъ вмѣсто отыскиванья другаго, болѣе дѣйствительнаго, средства обратиться къ самому парламенту привилегированныхъ классовъ, чтобъ онъ отказался отъ своихъ привилегій и самъ низложилъ себя. Пораженіе было неизбѣжно,—до того неизбѣжно, что даже въ случаѣ временнаго успѣха долженъ бы былъ народиться новый слой средняго класса «народныхъ представителей», а народъ все-таки остался бы въ своемъ прежнемъ, подавленномъ и полуголодномъ, состояніи. Полемика О'Коннора, по обыкновенію, скоро превратилась въ личные нападки на О'Брайена, который, по его мнѣнію, вмѣстѣ съ Ловеттомъ предалъ дѣло чартизма среднему классу.

Прежде чѣмъ успѣла состояться вторая конференція полнаго избирательнаго права, чартизмъ пережилъ очень важный кризисъ, о которомъ рѣчь впереди; мы же теперь сдѣлаемъ скачокъ и по-

кончимъ съ ней тотчасъ же. Для того, чтобы собрать дѣйствительно болѣе полную конференцію, заранѣе были выработаны правила выборовъ. Малые города имѣли право послать двухъ представителей, большіе—четырехъ, а столицы—по шести. При этомъ половина должна была избираться народомъ на публичныхъ собраніяхъ, а другая—одними избирателями. Прежде чѣмъ выборы успѣли начаться, О'Конноръ объявилъ, что чартисты постараются быть на конференціи въ большинствѣ. Такъ и вышло. Куперъ подробно рисуетъ картину этихъ выборовъ, какъ «респектабельные» избиратели особо собираются выбирать своихъ двухъ делегатовъ въ Лейчестерѣ и какъ плебеи врываются въ это собраніе и требуютъ предоставленія имъ права участвовать въ выборахъ. «Респектабельные» избиратели оскорблены и удаляются, а плебеи выбираютъ всѣхъ четырехъ делегатовъ. То же самое повторялось и въ другихъ городахъ. Антагонизмъ между двумя фракціями росъ съ необычайною быстротой, такъ что когда, наконецъ, конференція собралась, чартисты всеобщаго права оказались дѣйствительно въ большинствѣ и на соглашеніе разсчитывать было невозможно.

Это случилось 27 декабря 1842 года въ Бирмингэмѣ; на конференцію собрались 374 делегата; предсѣдателемъ былъ избранъ Сторджъ. Скоро оказалось, что парламентскіе радикалы и представители средняго класса уже выработали новый проектъ закона подъ именемъ «новаго билля правъ», которымъ они и предполагали замѣнить ненавистную имъ «народную хартію». Представители рабочихъ объ этомъ ничего не знали и слышали о биллѣ правъ въ первый разъ. Ихъ это тѣмъ болѣе оскорбило, что на первой конференціи было рѣшено, что ни одна изъ сторонъ безъ согласія другой не будетъ ничего предпринимать. Ловеттъ первый возсталъ противъ этой безцеремонной замѣны и потребовалъ, чтобы народная хартія была принята за основаніе. Чартисты всеобщей подачи голосовъ никакъ не ожидали такого поступка съ его стороны и были сильно тронуты, такъ что даже на минуту повѣрили въ возможность примиренія съ партіей «нравственной силы». Но напрасно. Соглашеніе съ среднимъ классомъ при двухъ основныхъ документахъ дѣлалось совершенно невозможнымъ: баллотировка дала большинство 193 голосовъ за хартію и только 44—за билль правъ. Послѣдніе, т. е. представители средняго класса, вмѣстѣ со Сторджемъ, Винцентомъ и другими, рѣшили держать свою конференцію особо и удалились. Ловеттъ, Солли и еще нѣ-

которые изъ людей «нравственной силы» хотя и не пошли съ ними, но не хотѣли мириться и съ чартистами «физической силы», и тоже удалились. Тѣмъ и окончилась эта примирительная попытка.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1842 года исполнительный комитетъ чартистской ассоціаціи рѣшилъ подать новую петицію въ парламентъ объ узаконеніи 6 пунктовъ хартіи, къ которымъ на этотъ разъ былъ прибавленъ 7-ой—объ отмѣнѣ сліянія съ Ирландіей. Противъ этого послѣдняго возстали шотландскіе чартисты; тѣмъ не менѣе онъ былъ утвержденъ. Подписка петиціи шла успѣшнѣй, чѣмъ можно было ожидать, такъ что къ 12-му апрѣля было собрано 3.300.000 подписей. Ассоціація выбрала коммиссію изъ 25 человѣкъ для подачи ея; въ числѣ ихъ оказалось всего 6 лицъ, участвовавшихъ въ прежнихъ конвентахъ, какъ О'Конноръ, О'Брайенъ, Лоури, Уайтъ и др., остальные же всѣ— новые люди, пришедшіе на смѣну уставшихъ и погибшихъ. 2-го мая 1842 г. петиція была торжественно привезена въ парламентъ съ процессіей по главнымъ улицамъ Лондона, причемъ полиція старательно расчищала ей дорогу и останавливала ѣзду, чтобъ избѣжать какихъ бы то ни было замѣшательствъ. Въ палату общинъ документъ съ 3.300.000 подписей былъ внесенъ 16 человѣками. Адвокатомъ чартистовъ на этотъ разъ взялся быть Данкомбъ. Онъ предложилъ парламенту дать просителямъ право самимъ защищать передъ нимъ свое ходатайство, на что конечно посыпались возраженія.

Главнымъ ораторомъ противъ явился маститый историкъ Маколей. Онъ назвалъ претензію о всеобщемъ правѣ голоса равносильной посягательству на собственность богатыхъ и приписывалъ рабочимъ классамъ такія лестныя качества, какія навѣрно не снились ихъ худшимъ врагамъ. За предложеніе Данкомба высказались 56 голосовъ, а противъ него—203. Авторъ его объявилъ, что послѣ такого пріема онъ въ другой разъ уже не рискнетъ представлять народныя петиціи.

Геммэджъ *) по этому поводу говоритъ: «Палата была слишкомъ труслива и индифферентна къ условіямъ жизни народа, чтобы согласиться стать лицомъ къ лицу съ представителями страждущихъ бѣдняковъ и выслушать разсказъ объ ихъ нуждахъ отъ тѣхъ, кто ихъ дѣйствительно близко знаетъ».

*) „History of the chartist movement". R. G. Hammage.

Еще разъ затаили свою горечь и оскорбленіе непризнанные представители трехъ милліоновъ безправныхъ массъ и понесли имъ безцеремонный отказъ отъ учрежденія, очевидно назначеннаго составлять исключительную привилегію господствующихъ классовъ.

Въ числѣ новыхъ людей этого времени было нѣсколько талантливыхъ ораторовъ, какъ Вил. Джонсъ, Дж. Мáсонъ, или энтузіастовъ, какъ Бейстроу, или наконецъ скромныхъ дѣльцовъ, какъ Дж. Личъ, Дж. Кэмпбелль—секретарь исполнительнаго комитета ассоціаціи; но не было ни одной очень крупной личности, какихъ выдвинуло первое движеніе 1838 и 1839 годовъ. Не вызвалъ ихъ къ жизни и еще одинъ фактъ этого времени, глубоко тронувшій всякое искренно преданное дѣлу народа сердце.

Въ тюрьмахъ Шеффильда и Йорка умерли отъ непосильной муки два молодые чартиста—Гольбери и Клантонъ. Первый много разъ жаловался на невыносимыя условія заключенія и пищу въ Шеффильдѣ, но безуспѣшно. Затѣмъ онъ началъ болѣть, но и тутъ не встрѣтилъ къ себѣ ни малѣйшаго снисхожденія. Тогда его дѣло какимъ-то образомъ вышло наружу и его велѣно было перевести въ Йоркъ; но было уже поздно,—черезъ нѣсколько дней онъ умеръ. Похороны этихъ обоихъ чартистовъ сопровождались многочисленными демонстраціями и надѣлали много шума, но не оживили движенія.

Приближался августъ мѣсяцъ. Положеніе промышленныхъ дѣлъ въ странѣ все ухудшалось и ухудшалось: въ теченіе іюля мѣсяца въ мануфактурныхъ округахъ нѣсколько крупныхъ фирмъ, владѣльцы которыхъ принимали дѣятельное участіе въ лигѣ противъ хлѣбныхъ законовъ, въ нѣсколько пріемовъ до невозможности сбавили заработную плату и наконецъ въ началѣ августа совершенно закрыли свои фабрики. Тысячи рабочихъ остались безъ хлѣба и крова. Въ Стокпортѣ, наприм., уже въ маѣ мѣсяцѣ, по отчету мера города, изъ 15.823 рабочихъ полную работу имѣли только 1.204 чел., 2.866 работали иногда $^1/_4$, иногда $^1/_2$ дня, 4.148 были безъ работы, хотя могли ее исполнять, и наконецъ остальные 7.605 отъ истощенія даже не были способны къ этому. Средній заработокъ этихъ 15.823 въ недѣлю былъ 1 шилл. $4^3/_4$ пенса (около 70 коп.), а заработокъ нанимавшихся на цѣлый день — 7 шилл. $6^1/_4$ пенса.

Въ Ливерпулѣ специальная коммиссія посѣтила 4.814 семействъ и нашла, что полную работу изъ нихъ имѣли только

1.490, неполную—1.587, а остальные 1.737 семействъ не имѣли никакой *).

Когда такимъ образомъ въ началѣ августа фабрики усиленно стали закрываться, рабочіе убѣждали хозяевъ не дѣлать этого, но получали отвѣты вродѣ слѣдующаго: «Пойдите лучше поиграйте теперь нѣсколько дней!»

Въ Аштонѣ, Сталейбриджѣ, Гайдѣ и другихъ мѣстахъ, получивши такіе отвѣты, рабочіе прямо съ фабрикъ отправились на извѣстное поле Мотрамъ-Муръ, гдѣ и совѣщались въ теченіе нѣскольких дней подъ рядъ о томъ, что дѣлать. Наконецъ, было рѣшено объявить всеобщую стачку и продолжать ее до тѣхъ поръ, пока народная хартія не сдѣлается закономъ страны. 8-го августа тамъ же, въ присутствіи нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ, было рѣшено отправиться по сосѣднимъ фабричнымъ городамъ и «turn the hands out», то-есть остановить работу и звать рабочихъ присоединяться къ стачкѣ. Такъ и сдѣлано: 9-го августа до 5.000 стачниковъ ткачей и другихъ ремесленниковъ пошли въ обходъ черезъ города Сталейбриджъ, Дентонъ, Гайдъ, Аштонъ и другіе со знаменемъ, на которомъ было написано:

«Люди Сталейбриджа готовы на все!»
«Лучше умирать отъ меча, чѣмъ отъ голода!» (текстъ Св. Пис.).

Они вездѣ провозглашали стачки и приглашали товарищей «turn out». По дорогѣ толпа отъ времени до времени останавливалась и слушала рѣчи своихъ ораторовъ, большая часть которыхъ рекомендовала стачку, пока хартія не сдѣлается закономъ; но были и такіе, которые настаивали на стачкѣ для повышенія заработной платы. Все это, конечно, дѣлалось на голодный желудокъ и не обѣщало хлѣбникамъ и другимъ лавочникамъ ничего хорошаго.

Наконецъ, было рѣшено идти на Манчестеръ—«справиться, какъ стоятъ дѣла на биржѣ». Сказано — сдѣлано. И вотъ нѣсколько тысячъ человѣкъ съ палками въ рукахъ идутъ въ городъ труда объявлять тотъ самый священный мѣсяцъ, о которомъ было столько разговоровъ въ 1839 г. При входѣ въ городъ ихъ встрѣтило войско съ главнымъ мировымъ судьей во главѣ, который потребовалъ, чтобъ они разошлись. Стачники дали обѣщаніе, что не будутъ нарушать порядка, и были пропущены

*) *Northern Star* 1842 г.

черезъ мостъ. Затѣмъ толпа раздѣлилась на меньшія кучки и разсыпалась по фабрикамъ провозглашать «turn out». Тамъ, гдѣ не соглашались, выбивались краны (plug) изъ паровиковъ, заливался такимъ образомъ огонь и работа дѣлалась невозможной. Обыкновенно дѣло было такъ: подходитъ толпа къ фабрикѣ и требуетъ, чтобъ ее впустили во дворъ. Въ случаѣ согласія хозяина, они входили, уговаривали рабочихъ бросить работу и вмѣстѣ съ ними продолжали путь дальше. Въ случаѣ же отказа, ломали ворота и окна, если могли, расправлялись съ хозяиномъ и, наконецъ, выбивали кранъ, а рабочихъ выгоняли или уводили съ собой. Такъ было на фабрикахъ Бирлей въ Манчестерѣ, Бредшау — въ Болтонѣ и другихъ мѣстахъ. Бредшау такъ избили, что онъ скоро умеръ. По дорогѣ съ фабрики на фабрику заходили въ лавки и требовали хлѣба.

Такимъ образомъ въ теченіе трехъ дней Манчестеръ былъ въ полномъ распоряженіи стачниковъ и ни изъ одной трубы не показывалось дыма. Что же дѣлали власти? — спроситъ читатель. Подробный отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ найдетъ далѣе, теперь же достаточно будетъ сказать, что и въ Манчестерѣ, и въ Болтонѣ, и въ другихъ мѣстахъ въ распоряженіи меровъ, мировыхъ судей и другихъ мѣстныхъ властей войска было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы сразу же остановить это волненіе.

Вскорѣ по вступленіи стачниковъ въ Манчестеръ былъ собранъ митингъ на Гроуби-Роу, гдѣ рѣзко обозначились два направленія, управлявшія этимъ движеніемъ. Представителемъ перваго на митингѣ былъ нѣкій Чаллендеръ, дѣятельный членъ лиги противъ хлѣбныхъ законовъ, а другаго—чартистъ Диксонъ. Первый убѣждалъ толпу, что она пришла въ Манчестеръ не за тѣмъ, чтобы разорять собственность и производить безпорядки, а за содѣйствіемъ манчестерскихъ работниковъ. Ихъ дѣло — стачка и больше ничего. Второй же утверждалъ, что «turn out» полезно не кому иному какъ «партіи свободы торговли», потому что оказываетъ давленіе на парламентъ и земледѣльческіе округи и заставляетъ аристократическое правительство отмѣнить хлѣбные законы. Онъ самъ знаетъ людей, которые нарочно понижаютъ заработную плату, чтобы вызвать волненія. Но рабочіе не должны быть орудіемъ въ рукахъ какой бы то ни было политической партіи, а бороться только за свое дѣло.

12 августа въ Манчестерѣ, въ церкви, собралась конференція чартистскихъ делегатовъ, въ числѣ 358. Большинство ихъ вы-

сказалось за продолженіе стачки, пока хартія не сдѣлается закономъ, причемъ многіе ожидали, что стачка неизбѣжно приведетъ къ возстанію. Изъ остальныхъ же большая часть была за стачку для повышенія заработной платы. А 6 человѣкъ, съ Гарнеемъ и Хилломъ, издателемъ *Northern Star*, во главѣ, были совсѣмъ противъ стачки, такъ какъ «она вызвана самими фабрикантами и играетъ имъ въ руку». Гарней, какъ и всегда, настаивалъ на прямомъ и открытомъ возстаніи. Конвентъ издалъ адресъ, составленный Макъ-Дуэломъ и заключавшій въ себѣ обращеніе къ богу войны; онъ былъ подписанъ всѣми членами исполнительнаго комитета чартистской ассоціаціи.

15 августа полиція разогнала конференцію и начала насильственныя дѣйствія противъ стачниковъ. Первая встрѣча съ толпой произошла въ Люнъ-стритѣ. Полиція требовала разойтись, но толпа отвѣчала камнями; мировой судья началъ было читать актъ о мятежѣ, но бумага была вышибена у него изъ рукъ камнемъ. Женщины подносили камни въ фартукахъ, а мужчины кидали ихъ. Войско сдѣлало залпъ и убило 4-хъ человѣкъ, но толпа продолжала стоять какъ бы въ оцѣпенѣніи. Однако скоро были сдѣланы уступки съ той и другой стороны и толпа разошлась. Движеніе распространилось далеко за предѣлы города: на 50 миль вокругъ не было ни одного мѣстечка, гдѣ бы рабочіе не волновались и не держали въ страхѣ все состоятельное и богатое населеніе. Въ этотъ же день полиція арестовала членовъ комитета: Личъ былъ взятъ въ своемъ домѣ въ Манчестерѣ, а Кэмпбелль— въ Лондонѣ; Бейрстоу отправился съ Куперомъ въ Лейчестеръ и арестованъ тамъ позднѣе, также какъ и самъ Куперъ; Макъ-Дуэллъ послѣ длиннаго ряда приключеній предпочелъ бѣжать во Францію, гдѣ и оставался два года.

Впрочемъ волновались далеко не одни мануфактурные округи. Въ Стафордширѣ, въ такъ-называемыхъ гончарняхъ, расположенныхъ на югъ отъ Ланкашира (т.-е. мануфактурнаго округа), дѣла приняли даже болѣе серьезный характеръ, чѣмъ въ самомъ Манчестерѣ. Углекопное населеніе Генлей, Лонгтона, Фентона, Стафорда и другихъ мѣстъ было доведено до послѣдняго истощенія и возбужденія; манчестерскія событія лишь подлили масла въ огонь. Героемъ дня случайно оказался Томасъ Куперъ, случившійся тамъ проѣздомъ на конференцію въ Манчестеръ, причемъ по пути онъ читалъ лекціи и говорилъ рѣчи. До гончарень онъ добрался какъ разъ къ 14-му августа. Въ

этотъ день онъ сказалъ въ Лонглей передъ громаднымъ митингомъ длинную рѣчь на тему «не убій» и доказывалъ, что всѣ партіи въ теченіе всей исторіи нарушали эту заповѣдь; что она нарушается и теперь всѣми тѣми, кто поддерживаетъ хлѣбные законы, законы объ охотѣ, поземельной монополіи,—тѣми, кто понижаетъ заработную плату углекопамъ, чулочникамъ, гвоздильщикамъ, которые не въ состояніи содержать своихъ семействъ и принуждены рисковать своей жизнью для хозяевъ и т.д. Толпа слушала его съ восторгомъ, такъ что талантливому оратору пришлось закончить свою рѣчь совѣтомъ не отвѣчать местью на все это и самимъ не нарушать заповѣди.

Въ это время получилось извѣстіе о манчестерскомъ рѣшеніи. Куперъ по этому поводу увѣрялъ народъ, что если онъ выполнитъ это постановленіе до конца, никакое правительство не устоитъ противъ него, также какъ никакая кара закона не коснется его, если онъ сохранитъ «миръ, законъ и порядокъ».

Вечеромъ того же дня рабочіе захватили оружіе милиціи и пошли по окрестнымъ мѣстечкамъ. Куперъ, очевидно, испугался того, что отчасти самъ вызвалъ, и началъ говорить рѣчи въ такомъ духѣ: «Друзья, если вы дѣйствительно намѣрены разрушать собственность, какъ про васъ говорятъ, то вы—не друзья, а враги свободы,—вы губите хартію. «Миръ, законъ и порядокъ!» Это говорилъ тотъ самый человѣкъ, который въ ту же ночь пѣшкомъ бѣжалъ изъ этой мѣстности въ Манчестеръ и тамъ на конференціи одинъ изъ первыхъ подалъ голосъ за стачку, «потому что она ведетъ прямо къ возстанію».

По дорогѣ онъ случайно наткнулся въ одномъ городкѣ на двухъ ночныхъ констаблей; они арестовали его и представили мировому судьѣ, котораго подняли съ постели. Хотя тотъ и убѣдился, что передъ нимъ былъ чартистскій агитаторъ, но за неимѣніемъ уликъ долженъ былъ его отпустить. Эти два констабля оказались двумя самыми крупными фабрикантами околодка, добровольно взявшими на себя обязанность полицейскихъ, чтобы цѣлыя ночи, подъ дождемъ, охранять свою собственность. Судья же оказался тѣмъ самымъ Паркеромъ, у котораго въ эту же ночь въ Генлей сожгли домъ.

Въ то время, когда Куперъ бѣжалъ въ Манчестеръ, въ гончарняхъ дѣла приняли дѣйствительно серьезный оборотъ. Въ Лонгтонѣ сожгли дома судьи Роза и ректора Вейла, а все имущество и мебель переломали и разбросали по улицамъ. Въ Ген-

лей та же участь постигла дома Паркера, священника Аткинса и Форрестера, агента лорда Гренвилля. Въ теченіе слѣдующихъ дней огромныя толпы въ нѣсколько миль длиной ходили изъ города въ городъ и наводили ужасъ на уцѣлѣвшихъ собственниковъ.

Съ 28-го августа до 11-го октября въ стафордской тюрьмѣ сидѣло за волненія въ гончарняхъ до 800 человѣкъ.

Въ самомъ Стафордѣ углекопы-стачники тоже навели не мало страха на мирныхъ обывателей, избравши одну изъ городскихъ площадей мѣстомъ своихъ собраній. Меръ города скоро озаботился усмиреніемъ ихъ; онъ явился во главѣ отряда войска и полиціи, прочелъ актъ о мятежѣ и выгналъ стачниковъ за городъ; а когда они попробовали возвратиться, ихъ встрѣтили залпами и били на улицахъ прикладами.

Въ Шеффильдѣ по поводу манчестерскаго постановленія углекопы тоже было заволновались, собрали митингъ въ 10.000 человѣкъ, но явились войска и разогнали ихъ.

То же самое повторилось въ Вокфильдѣ, Ноттингамѣ, Бирмингэмѣ и другихъ мѣстахъ. Этимъ собственно и закончился знаменитый «plug plot». Дальше начались безконечные судебные процессы, ссылки и сидѣнье въ тюрьмахъ.

Купера судили за «участіе въ поджогахъ и за возбужденіе словами». По первому обвиненію онъ былъ оправданъ, а по второму приговоренъ къ двумъ годамъ тюрьмы. На судѣ онъ допрашивалъ свидѣтелей въ теченіе нѣсколькихъ дней, говорилъ одну рѣчь 10 часовъ, а другую 8 часовъ, за что судьи его буквально возненавидѣли. Онъ въ тюрьмѣ написалъ «Purgatory of suicides» (Чистилище самоубійцъ) — поэму, заслужившую себѣ довольно громкую извѣстность въ литературѣ.

Точно по такому же обвиненію Эллисъ, въ дѣйствительности гораздо менѣе виновный, былъ приговоренъ къ ссылкѣ за океанъ на 20 лѣтъ. Особенно характеренъ судъ надъ В. Джонсомъ. «Я всегда говорилъ о мирѣ и порядкѣ,—защищался онъ.—Я называлъ тираническимъ лишь правительство».—Судья: «Это-то вотъ и значитъ, что вы поступали совершенно противузаконно».—Джонсъ: «Но это мое убѣжденіе». — Судья: «Вы можете имѣть какія вамъ угодно убѣжденія, но не имѣете права высказывать народу, что правительство его тираническое». Его осудили на 6 мѣсяцевъ тюрьмы. Въ то же самое время О'Нейль былъ осужденъ на 12 мѣсяцевъ тюрьмы.

О'Коннора и 58 другихъ судили во время ланкаширскихъ ассизовъ въ 1843 году. Изъ этого процесса ясно было, что правительство съ удовольствіемъ согласилось бы совсѣмъ не имѣть его. Вотъ почему всѣ эти люди были или оправданы за неуказаніемъ мѣста преступленія, или обязаны подпиской явиться по требованію суда, который никогда не воспользовался этимъ правомъ.

Вообще же о чартистскихъ доктринахъ и общественныхъ язвахъ говорить не позволялось,—судьи прерывали подсудимыхъ.

Не обошлось и безъ такихъ фактовъ, что вся публика и часть судей плакали, слушая разсказы подсудимыхъ объ ужасномъ положеніи рабочаго народа. Такъ было съ рѣчью нѣкоего Пиллинга. Другіе защищались въ такомъ духѣ: «10.000 преслѣдованій не могутъ измѣнить моего убѣжденія, что набатъ чартизма есть смертный приговоръ тираніи и заговора. 10.000 приговоровъ и тюремъ не измѣнятъ меня,—я останусь чартистомъ». Такъ защищался В. Бизлей.

Во время отбыванія приговоровъ осужденными членъ парламента, Данкомбъ, представилъ палатѣ общинъ жалобы 22-хъ заключенныхъ на тюремную жизнь, пищу, обращеніе и т. п. За его предложеніе разсмотрѣть эти жалобы высказалось однако-жь всего 32 голоса, а противъ него—196.

Для того, кто читалъ либеральныя исторіи движенія сороковыхъ годовъ въ Англіи, а также для того, кто вообще знакомъ съ «захватываньемъ во всей Европѣ жирнаго пирога въ то время, когда идеальные друзья народа мечтали о прекрасномъ будущемъ», въ интересахъ истины должно быть обязательно рѣшить вопросы: во имя чего и въ чьихъ интересахъ совершалось движеніе противъ хлѣбныхъ законовъ? Изъ кого состояли ряды «лиги» и насколько самъ народъ признавалъ ее своимъ дѣломъ? Эти вопросы навѣрно не разъ тревожили читателя; но едва ли ему удастся найти отвѣты на нихъ безъ помощи такихъ данныхъ, какія не пишутся въ либеральныхъ исторіяхъ. Большая часть ихъ составлены или участниками, или сторонниками движенія, а потому въ нихъ, какъ, наприм., у Молесворта, находимъ подробный перечень успѣховъ лиги, восхваленія энергіи и самопожертованія ея вождей и членовъ, наконецъ умиленіе тріумфомъ побѣды надъ реакціей и монополіей. И всякій читатель невольно радуется и умиляется.

Совсѣмъ другое получается, когда заглянешь въ другаго рода источники: хроники тѣхъ людей, которымъ, видя неизбѣжность

своего паденія, ничего больше не осталось, какъ тщательно слѣдить за успѣхами своего врага и преемника и подмѣчать тѣ закулисныя тайны, тѣ скрытыя отъ посторонняго зрителя пружины, которыя пускались въ дѣло промышленниками и дѣлателями денегъ, — или когда роешься въ необработанномъ сырьѣ жалобъ, обвиненій и проклятій тѣхъ, кому плоды цивилизаціи кажутся нисколько не слаще ея корней, кто не читаетъ либеральныхъ исторій, а слѣдовательно и не можетъ уличить своихъ «лучшихъ людей» въ честномъ лганьѣ и умалчиваньи о томъ, что всему свѣту вѣдать надлежитъ...

Господство аристократіи въ Англіи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, строилось на трехъ привилегіяхъ: во-первыхъ, на привилегіи господствующей церкви пользоваться политическими правами, которыхъ ни диссиденты, ни католики не имѣли; во-вторыхъ, привилегіи землевладѣльцевъ назначать кандидатовъ въ народные представители; и, въ-третьихъ, привилегіи парламента облагать всѣ ввозимые товары пошлинами и тѣмъ самымъ поддерживать искуственно высокія цѣны на продукты домашняго производства, прежде же всего земледѣлія.

Первая изъ нихъ была отмѣнена въ 1829 году, вторая — парламентскою реформой 1832 года, а третья — оставалась послѣднимъ оплотомъ крупнаго землевладѣнія и препятствіемъ для развитія мануфактурной промышленности, а слѣдовательно и усиленія средняго класса. Въ тридцатыхъ годахъ четверть пшеницы въ Англіи стоила 67—68 шилл., тогда какъ въ Гамбургѣ ее продавали за 30 шилл. Та же четверть теперь, спустя пятьдесятъ лѣтъ, стоитъ въ Англіи около 50 шилл. И главною причиной такихъ искуственно-высокихъ цѣнъ были произвольныя пошлины на ввозимый хлѣбъ, налагаемыя парламентомъ крупныхъ землевладѣльцевъ и аристократовъ; иначе говоря, рыночныя цѣны на хлѣбъ регулировались землевладѣльцами, которые были въ то же время и его главными поставщиками. И понятно, что для средняго класса, видѣвшаго въ свободѣ торговли и свободной конкуренціи необходимое условіе для промышленнаго развитія страны и своего собственнаго обогащенія, — борьба съ хлѣбными законами равнялась борьбѣ съ деспотизмомъ аристократіи и монополіей.

Центромъ движенія противъ хлѣбныхъ законовъ былъ Манчестеръ и его окрестности, т. е. такъ-называемый мануфактурный округъ. И понятно почему. Этотъ городъ издавна былъ

извѣстенъ своими дымящимися трубами, дождями, суровыми и длинными зимами и въ лѣтнее время отсутствіемъ солнца. Въ парламентѣ онъ очень недавно получилъ представительство, а его муниципальныя учрежденія мало чѣмъ отличались отъ деревенскихъ. Округъ производилъ очень мало хлѣба и большую часть его долженъ былъ покупать, тогда какъ его мануфактурныя произведенія повсюду встрѣчались съ пошлинами и налогами, которые мѣшали его развитію. Такимъ образомъ удешевленіе предметовъ пищи и освобожденіе мануфактурныхъ произведеній отъ налоговъ и пошлинъ составляли насущный интересъ округа.

Первая ассоціація противъ хлѣбныхъ законовъ была основана въ Лондонѣ въ 1836 году по поводу тогдашняго голода и состояла изъ 92 членовъ. Но успѣхъ ея былъ весьма ограниченный, такъ что основателямъ скоро пришлось придти къ заключенію, что Лондонъ—плохое мѣсто для политическаго движенія, и перенести его въ Манчестеръ. Бѣдствія, постигшія въ 1838 году этотъ округъ, дали дѣлу сильный толчокъ. Въ это время въ Бонтонѣ изъ 50 фабрикъ 30 были закрыты, 5.000 челов. буквально умирали съ голода, грудные младенцы умирали на рукахъ своихъ матерей, а отцы бѣжали отъ семей, чтобы не видать ихъ мученій. Четвертая часть домовъ была пуста; за то всѣ тюрьмы—полны. Въ это-то время и явился здѣсь нѣкій талантливый докторъ Паультонъ, экспромтомъ начавшій свою агитацію за свободу торговли и имѣвшій неожиданный успѣхъ.

Въ это же время Вильерсъ вносилъ въ парламентъ предложеніе объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, а Дж. В. Смитъ адресовался съ тѣмъ же предметомъ къ манчестерской торговой палатѣ. Первый потерпѣлъ неудачу, за то второй имѣлъ полный успѣхъ,—за него были шесть голосовъ противъ одного; тогда же къ нему присталъ талантливый ситцепечатникъ Кобденъ. Тогда-то, въ январѣ 1839 года, и была основана лига противъ хлѣбныхъ законовъ (anti corn law league), которой предстояло скоро играть такую видную роль. Подписка въ ея пользу сразу дала 1.800 фунт. стерл. въ нѣсколько дней; вносилось по 50, даже 100 фунт., да кромѣ того дѣлались обѣщанія, что если понадобится, то дадутъ и тысячи.

Исполнительный комитетъ лиги былъ составленъ изъ В. Смита, четырехъ альдерменовъ и девяти мировыхъ судей, между которыми были меры Манчестера, Бонтона, Стокпорта и Сальфорда. Одинъ этотъ составъ уже отчасти отвѣчаетъ на вопросъ, изъ кого со-

стояла лига. Тогда же была начата дѣятельная и систематическая агитація въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ и основана на средства лиги спеціальная газета *Anti Corn Law Circular*.

Позднѣе Джонъ Брайтонъ, скоро сдѣлавшійся однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ лиги, такъ характеризовалъ въ публичной рѣчи *) ея успѣхи: «Въ 1839 году мы въ первый разъ попросили у публики денегъ и получили по подпискѣ 5.000 фунтовъ стерлинг. Въ 1840 году мы просили еще и получили до 8.000 фунтовъ стерлинг. Въ 1841 году конференція изъ 700 духовныхъ лицъ, собравшихся въ Манчестерѣ, въ одинъ голосъ одобрила наше дѣло и обѣщалась рекомендовать его своей паствѣ, возвратившись домой. Въ 1842 году мы собрали съ базара въ Манчестерѣ 10.000 фунтовъ стерлинг. Въ 1843 году мы просили 50.000 фунтовъ стерлинг. и получили ихъ. Въ 1844 году мы просили 100.000 фунтовъ стерлинг. и теперь (это говорилось въ началѣ 1845 года) уже получили около 90.000 фунт. стерл., а въ маѣ мѣсяцѣ предвидится еще сборъ съ базара. (Этотъ базаръ дѣйствительно далъ 25.000 фунт. стерл., такъ что всего было собрано 115.000 фунт. стерл.) Наконецъ, мы предложили нашимъ друзьямъ въ Ланкаширѣ и Йоркширѣ помѣщать свои свободные капиталы въ земли и такимъ образомъ пріобрѣтать цензы для парламентскихъ выборовъ,—и мы получили ихъ на 250.000 фунт. стерл.». Мало того, прибавимъ мы отъ себя, въ декабрѣ 1845 года публикѣ было предъявлено требованіе на 250.000 фунт. стерл. наличными; созваны 70 человѣкъ главныхъ жертвователей и ознакомлены съ подробностями положенія дѣлъ. Въ 1½ часа было подписано 60.000 ф. стерл.; остальные не замедлили получиться, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ кассѣ лиги лежали полные 250.000 фунт. стерл. Но мало и этого: въ 1842 году въ мануфактурныхъ округахъ не было почти ни одного мироваго судьи, не принадлежавшаго къ лигѣ. Большая часть ихъ заняли свои мѣста подъ вліяніемъ администраціи Джона Росселя и принадлежали, конечно, къ либеральной партіи. Возвращаюсь къ фактамъ.

Что касается до агитаціи лиги, то уже въ январѣ 1840 г. она печатала въ своемъ отчетѣ, что распространила въ годъ 150.000 памфлетовъ, 160.000 экземпляровъ своего циркуляра, прочитала 400 лекцій и израсходовала 4.500 фунт. стерл., причемъ задолжала 1.200 фунт. стерл.

*) *Anti Bread Tax Circular* 1845 г. Рѣчь Дж. Брайтона въ Лондонѣ.

Самые извѣстные вожди ея, какъ Смитъ, Кобденъ, Томпсонъ, Вильерсъ и другіе, отъ времени до времени дѣлали объѣзды по земледѣльческимъ округамъ и ознакомляли такимъ образомъ съ своей агитаціей такіе слои общества, до которыхъ не касались ни печатное слово, ни городская жизнь. Вотъ картинка одного изъ такихъ собраній, нарисованная съ натуры Томасомъ Фростомъ въ его «Воспоминаніяхъ» *). Въ 1842 г. Кобденъ и прочая аристократія лиги собрали митингъ въ Кройдонѣ. Былъ базарный день, когда въ городѣ бываетъ много окрестныхъ крестьянъ, приносящихъ продавать свои продукты, городскіе же работники, исключая немногихъ ремесленниковъ или неимѣющихъ работы, бываютъ заняты. Такой день былъ выбранъ, конечно, не безъ причины. На телѣгѣ, замѣнявшей трибуну, помѣщался Кобденъ, Томпсонъ, Вильерсъ и друг. Рѣчь Кобдена была принята довольно дружно, а въ заключеніе предложена и принята резолюція въ пользу свободы торговли. Но вотъ на телѣгу взбирается человѣкъ въ черномъ фартукѣ и начинаетъ говорить. «Имя, имя!»—раздается въ толпѣ.—«Блакеби»,—отвѣчаетъ ораторъ и начинаетъ излагать, что свобода торговли—прекрасная вещь, но только тогда, когда народъ можетъ противопоставить ей свою законодательную силу и предохранить себя черезъ своихъ представителей отъ монополіи грядущаго капитализма. Тогда Кобденъ прерываетъ его и объявляетъ, что этотъ человѣкъ, надѣвшій на себя фартукъ, чтобъ имѣть видъ работника, переодѣтый агитаторъ и что онъ является на каждомъ публичномъ собраніи лиги, чтобы мѣшать ей и нарушать порядокъ. «Нѣтъ, нѣтъ! — раздается нѣсколько голосовъ около телѣги,—мы его знаемъ, онъ здѣшній сапожникъ». Самъ Блакеби протестуетъ, что онъ уже нѣсколько лѣтъ не выѣзжалъ изъ Кройдона, но все напрасно,—Кобденъ стоитъ на своемъ и толпа, состоящая большею частію изъ пришлыхъ людей, отдаетъ предпочтеніе ему, и Блакеби не даютъ докончить его рѣчи. Позднѣе Фростъ познакомился съ этимъ сапожникомъ. Онъ оказался однимъ изъ тѣхъ самородковъ-поэтовъ и мыслителей, какихъ выдвинула волна чартистскаго движенія изъ народной массы и какихъ мы уже видѣли въ Ловеттѣ, Куперѣ, Винцентѣ и многихъ другихъ.

Вытекало ли подобное голословное утвержденіе Кобдена изъ ошибки, или просто изъ желанія легко отдѣлаться отъ непріят-

*) *Thomas Frost:* „Forty years recollections“.

наго оппонента, судить трудно; вѣрно только то, что дѣйствительно не проходило ни одного митинга лигеровъ безъ того, чтобы чартисты не выставили имъ оппозиціи. Я уже имѣлъ случай привести образчикъ чартистскихъ аргументовъ въ этихъ случаяхъ. Главнымъ изъ нихъ было, что «*дешевый хлѣбъ* для рабочаго класса означаетъ *дешевый трудъ*». Нѣкоторые же изъ нихъ шли дальше и утверждали, какъ Б. О'Брайенъ, что свобода торговли при всѣхъ другихъ неизмѣнныхъ условіяхъ въ принципѣ вещь вредная для интересовъ производительнаго населенія. «Дешевый хлѣбъ,—говорилъ онъ,—значитъ дешевый товаръ и дорогія деньги, т. е. увеличеніе покупательной силы всякихъ цѣнностей, а слѣдовательно—и власти всѣхъ тѣхъ, кто живетъ процентами съ цѣнностей, надъ тѣми, кто живетъ своимъ трудомъ.» Отсюда выводъ, что свобода торговли неизбѣжно должна вредно отразиться на положеніи трудящихся и должниковъ и увеличить ихъ зависимость отъ нетрудящихся и кредиторовъ. Единственное средство предупредить такой исходъ онъ видѣлъ въ обложеніи налогомъ доходовъ со всѣхъ цѣнностей въ той же самой пропорціи, въ какой удешевятся товары. А это можетъ сдѣлать только народное законодательство. «Единственный отвѣтъ, который мы можемъ дать этимъ господамъ,—говорилъ онъ,—вотируйте за наше право голоса прежде, чѣмъ за дешевый хлѣбъ, или мы не будемъ довѣрять вамъ,—вы слишкомъ ловкіе плуты». Одинъ чартистскій ораторъ Мáсонъ такъ выражался въ Лейчестерѣ: «Умоляю васъ, не позволяйте отвлечь себя отъ народной хартіи! И не потому, что отмѣна хлѣбныхъ законовъ вредна сама по себѣ,—когда мы получимъ хартію, мы отмѣнимъ ихъ, какъ и всѣ другіе дурные законы,—но потому, что если вы отступитесь отъ агитаціи за хартію ради помощи людямъ свободной торговли, они потомъ не будутъ помогать вамъ добывать вашу хартію. Вы не должны позволять среднему классу снова обмануть васъ. Вы помогали этимъ людямъ добыть ихъ голоса, вы поддерживали ихъ крики: «Билль, весь билль и ничего больше какъ билль!»—и что же? Гдѣ всѣ тѣ прекрасныя обѣщанія, которыя они давали вамъ?—Пущены на вѣтеръ! Они говорили, что, получивши свои голоса, помогутъ вамъ добыть ваши. Но добывши, что имъ было нужно, никогда даже и не вспоминали о васъ. Всѣ прежнія реформы служили ихъ интересамъ. Отмѣны хлѣбныхъ законовъ теперь они хотятъ тоже для себя, а не для васъ. «Дешевый хлѣбъ»—значитъ «дешевый

трудъ». Не слушайте ихъ лжи и стойте за хартію! Безъ права голоса вы—настоящіе рабы!» Въ маѣ 1840 года лордъ Россель внесъ въ парламентъ предложеніе о замѣнѣ прежнихъ пошлинъ на хлѣбъ постояннымъ налогомъ въ 8 шилинговъ на четверть, и всѣ старанія лигеровъ склонить палату на свою сторону остались тщетны. Это заставило ихъ усилить свою агитацію и стараться во что бы то ни стало заручиться поддержкой рабочей массы. Поэтому въ ихъ политикѣ и агитаціи съ этого момента замѣчается рѣзкій поворотъ. Ихъ газета была переименована изъ *Anti Corn Law Circular* въ *Anti Bread tax Circular*. Народъ неясно понималъ, что такое corn laws, т.-е. хлѣбные законы, но прекрасно зналъ bread taxes, потому что испытывалъ горькіе плоды ихъ каждый день и часъ. Въ Корляйлѣ одинъ хлѣбникъ выставилъ у себя въ окнахъ рядомъ хлѣбы обложенные и необложенные съ надписью, что оба сорта стоятъ то же самое. И когда покупатели брались за больщій, онъ требовалъ съ нихъ *налогъ*. Въ другихъ городахъ по улицамъ возили деревянныя модели двухъ хлѣбовъ, изъ которыхъ на одной, меньшей, было написано: «*Англійскій хлѣбъ въ 8 пенсовъ, заработная плата 2 шиллинга*», а на другой, больщей—«*Американскій хлѣбъ въ 8 пенсовъ, заработная плата 4 шиллинга*». Долой хлѣбный налогъ! Петиція! Петиція!! Петиція!!!» Или:

«Что понижаетъ заработную плату?—Хлѣбный налогъ.
Что заставляетъ голодать работника?—Хлѣбный налогъ.
Что разоряетъ хозяина?—Хлѣбный налогъ.
Долой же ненавистный хлѣбный налогъ!»

Въ Лондонѣ по улицамъ возили два хлѣба: одинъ большой—«хлѣбъ Росселя» и «малый — Пилля». Въ заголовкѣ *Circular'a* стоялъ текстъ Св. Писанія: «Насущный хлѣбъ—жизнь народа; и кто лишаетъ его этой жизни, тотъ есть убійца» (Eccles. XXXIV, 21). И «кто удерживаетъ этотъ хлѣбъ, того народъ долженъ покарать» (Prov. XI, 26 *). Однако-жь всѣ эти уловки и популярничанье для привлеченія рабочаго народа на свою сторону плохо удавались: народъ имъ не довѣрялъ; и лигеры сами хорошо понимали это, какъ мы скоро увидимъ. Во всякомъ случаѣ въ это время лигеры начинаютъ принимать участіе въ чартистскихъ ми-

*) *Anti Bread Tax Circular*, № 62

тингахъ и объявляютъ себя за хартію съ тѣмъ условіемъ, чтобы чартисты подавали голоса за отмѣну хлѣбныхъ законовъ. Чартисты же съ своей стороны всегда говорили, что въ принципѣ они ничего не имѣютъ противъ отмѣны налога на хлѣбъ и сами отмѣнятъ его вмѣстѣ съ другими вредными законами; но прежде всего хотятъ хартіи, потому что, въ противномъ случаѣ, получивши отмѣну налога, средній классъ не будетъ помогать имъ.

Въ февралѣ 1841 года въ Манчестерѣ держался одинъ изъ такихъ митинговъ. Народъ стоялъ на площади, а лигеры совѣщались въ меріи. И вотъ что тамъ говорилось Греемъ, однимъ изъ членовъ комитета лиги: «... *Стоитъ послать полмилліона рабочихъ въ земледѣльческіе округи и вся рента живо будетъ съѣдена!*» (Возгласъ среди слушателей: тогда посылайте ихъ на слѣдующей же недѣлѣ!) Затѣмъ они вышли на площадь и въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ нападали на аристократію, которая держитъ ихъ въ голодѣ. Въ Сальфордѣ, Стокпортѣ и другихъ мѣстахъ были такія же собранія. Кобденъ предлагалъ никому не держать у себя безъ размѣна на золото билетовъ англійскаго банка больше 24 часовъ. Черезъ недѣлю послѣ этого во всемъ околодкѣ заработная плата была понижена на 10—20%.

Въ началѣ 1842 года въ *Stockport chronicle* стояло: «Два мѣсяца тому назадъ мы рекомендовали всѣмъ крупнымъ нанимателямъ труда *планъ, который состоялъ въ томъ, что всякій способный къ труду пауперъ долженъ быть выброшенъ въ деревню, на содержаніе землевладѣльцевъ...*»

Въ маѣ 1842 года лигеры хотѣли созвать на Керсаль-Мурѣ, около Манчестера, гигантскую демонстрацію изъ 500.000 рабочихъ разныхъ ремеслъ за отмѣну хлѣбныхъ законовъ и хартію. Для этого дѣлались спеціальныя обращенія къ ремесленнымъ союзамъ; но народъ не довѣрялъ имъ и не шелъ на демонстрацію. 27-го іюня, т. е. за полтора мѣсяца до «plug plot», въ Лондонѣ была созвана конференція делегатовъ отъ различныхъ вѣтвей лиги по случаю новой попытки провести въ парламентѣ билль Вильерса; изъ Манчестера были посланы Кобденъ и Раусонъ. Послѣдній здѣсь говорилъ: «Не будучи пророкомъ, онъ можетъ предсказать, что черезъ мѣсяцъ заработная плата будетъ остановлена во всѣхъ отрасляхъ промышленности, если только они (фабриканты) не добьются отъ парламента «пособія» (relief). Кобденъ же на другой день въ парламентѣ говорилъ: «Я не вѣрю, чтобы народъ возсталъ, если у него не будетъ совсѣмъ отнятъ хлѣбъ...

Если вы не готовы съ вашими мѣрами помощи, онъ будетъ въ правѣ насильно брать пищу для себя и своихъ семей». Въ Стокпортѣ и Болтонѣ меры, дѣятельные лигеры, заявляютъ на митингахъ, что есть предѣлъ терпѣнію и что они не отвѣчаютъ за послѣдствія упорства правительства. Въ іюлѣ въ Манчестерѣ лигеры постановляютъ резолюціи: «они вѣрятъ, что страна наканунѣ революціи. Они не имѣютъ надежды, чтобы законодательство оказало справедливость пауперизованнымъ милліонамъ. Они считаютъ справедливымъ, необходимымъ и полезнымъ остановить колеса правительства» *).

Подобныя же резолюціи приняты и въ другихъ отдѣленіяхъ лиги. За 10 дней до взрыва «plug plot'a» Финиганъ, лигеръ, читалъ лекцію въ Манчестерѣ: «Насиліе должно быть отражено насиліемъ!»

2-го августа мировой судья Чаппелъ говорилъ въ меріи: «По его мнѣнію, единственный планъ, который могутъ принять фабриканты, это—*остановить фабрики; деревенскіе приходы должны содержать рабочихъ* **) до тѣхъ поръ, пока карманы монополистовъ (должны понимать землевладѣльцевъ) не будутъ тронуты; а до тѣхъ поръ фабриканты не могутъ ожидать ничего хорошаго» (въ залѣ аплодисменты и крики: останавливайте фабрики!). Этотъ же самый судья Чаппелъ присутствовалъ, вмѣстѣ съ альдерменомъ Бруксомъ и меромъ Лидса, на собраніи въ Галлендъ-Хоулѣ, гдѣ главный мировой судья Сальфорда объявилъ, что мировые судьи собираются выходить въ отставку, чтобы не быть орудіями въ рукахъ аристократіи въ настоящихъ событіяхъ.

Наконецъ вѣнецъ всего составляетъ письмо, появившееся въ *Anti Bread Tax Circular* 25 іюля 1842 года: «М. Г.,—гласило оно,—мы всѣ признаемъ желательнымъ обезпечить за собой содѣйствіе рабочихъ классовъ въ нашей борьбѣ за отмѣну; *но усилія, сдѣланныя нами, съ цѣлью показать рабочимъ, что ихъ интересы связаны съ этимъ важнымъ вопросомъ, не привели къ желаемому результату*. Въ ихъ умахъ укоренилось убѣжденіе, что съ отмѣной хлѣбныхъ законовъ понизится и заработная плата, а потому единственный способъ, какимъ можно опровергнуть это заблужденіе,—*это заставить ихъ чувствовать, что они прямо заинтересованы въ этой перемѣнѣ*. Мой ку-

*) *Circular*.

**) Приходскія суммы пополнялись главнымъ образомъ землевладѣльцами.

зенъ сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ пробу, которая, по моему мнѣнію, достойна подражанія и, если будетъ имѣть послѣдователей, можетъ произвести желательный эффектъ. Обстоятельства дѣла таковы: двѣ недѣли тому назадъ нанятые имъ рабочіе (около 300 человѣкъ) забастовали, а на прошлой недѣлѣ прислали къ нему депутацію для переговоровъ и соглашенія. Между другими вопросами ему задали такой: «если *дѣло выгоритъ*, повыситъ ли онъ заработную плату?» Онъ отвѣтилъ: «да, я обѣщаю повысить въ самый день отмѣны хлѣбныхъ законовъ». Эти слова были повторены огромному собранію (2.000 человѣкъ) на площади, и кто-то даже предложилъ три апплодисмента «отмѣны», что и было принято съ энтузіазмомъ. Еслибъ этотъ *argumentum ad homines* былъ принятъ всѣми фабрикантами, черезъ недѣлю массы были бы на нашей сторонѣ.—Искренно преданный B. W.».

И вотъ черезъ нѣсколько дней, т. е. 5-го августа, одна за другой самыя крупныя фирмы объявляютъ своимъ рабочимъ, что имъ теперь лучше нѣсколько дней *поиграть* (!). Послѣдствія этого уже изложены выше.

Но и это еще не все. За два дня до взрыва главнаго мироваго судью въ Песлей, Пендерсона, спросили, будетъ ли онъ стрѣлять въ народъ въ случаѣ волненій. Онъ отвѣчалъ: «Богъ позволилъ мнѣ занять мѣсто провоста, но не стрѣлять въ людей!»*).

Дальше. Въ первые дни волненій, пока народъ не началъ разрушать собственности, мировые судьи, меры и альдермены, большинство которыхъ были членами лиги, не только не употребляли противъ него военной силы, а напротивъ способствовали стачникамъ. Когда, напримѣръ, въ Манчестерѣ фабрикантъ Бирлей сопротивлялся стачникамъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меріи и попросилъ у властей помощи, ему отвѣтили, что не хотятъ крутыхъ мѣръ противъ массы, а на другой день судья Бруксъ обвинялъ Бирлея въ возбужденіи своихъ рабочихъ къ бунту. Конечно, Бирлей не принадлежалъ къ лигѣ. Меръ г. Стокпорта въ самую критическую минуту, когда стачники подошли къ мосту, ведущему въ городъ, имѣя подъ рукой войско, сказалъ, что онъ *получилъ изъ Манчестера совѣтъ быть умѣреннымъ съ народомъ*, и пропустилъ ихъ. Наканунѣ того дня, когда въ Лонгтонѣ народъ убилъ фабриканта и добровольнаго констабля Бредшау, его убѣждали въ меріи не сопротивляться стачникамъ и

*) *Quarterly Review 1842*, *№ 141* „Anti Corn Law League"—полна фактовъ и достойна вниманія всякаго, кто хочетъ знать истину объ этомъ движеніи.

сдаться добровольно. Когда же на другой день онъ началъ сопротивляться и послалъ въ мерію за подкрѣпленіемъ, клеркъ отвѣтилъ: «пока миръ не нарушенъ, подкрѣпленія не будетъ». Бредшау былъ скоро убитъ. За то, когда народъ осадилъ рабочій домъ и захватилъ провіантъ, меръ выслалъ войско. Это очевидно уже не входило въ программу «лиги».

Едва ли нужно продолжать дальше этотъ перечень фактовъ открытаго предательства, двуличной и кровавой игры, которыми въ глазахъ всякаго честнаго человѣка опозорила себя лига. Мнѣ остается привести лишь обращикъ того, что въ это время говорилось въ демократической прессѣ, которую обыкновенно любятъ винить въ голословности.

«Лигеры вызвали дьявола,—какъ-то они сумѣютъ справиться съ нимъ!—писалось въ *Northern Star* 20 августа 1842 года.—Они подняли народъ,—какъ-то они успокоятъ его!... А прежде всего—чѣмъ они вознаградятъ его за потерянныя жизни, за личныя утраты, за выстрѣлы, за рѣзню, за кровь, за тюрьму, за ссылку? Чѣмъ вознаградятъ они его за все, что сами вызвали? Да, мы опять и опять повторяемъ: они, лигеры, вызвали все это, ихъ интрига лежитъ въ основаніи всего этого!»

Послѣ всего этого и мы съ своей стороны спросимъ—пусть отвѣтятъ—кто былъ дѣйствительной и ближайшею причиной «plug plot'а», кто вызвалъ его? И пусть справятся, кто черезъ нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ судилъ, ссылалъ за океанъ и запиралъ въ тюрьмы тысячи чартистовъ и мятежниковъ, оставляя сотни ихъ семействъ безъ всякихъ средствъ къ существованію и поддержки отцовъ и мужей?—Никто другой какъ тѣ же судьи, меры и альдермены, радѣтели свободы торговли!

Съ «plug plot'омъ» повторилось то же, что съ мятежомъ на Bull Ring (да и вообще волненіями 1830—31 годовъ): тамъ люди созывали народъ въ 1831 году на ту же самую площадь, на которой въ 1839 году отъ него отреклись и предали палачамъ. А здѣсь люди, 2-го августа, подстрекавшіе народъ нападать на аристократовъ и разорять ихъ, 15 августа уже стрѣляли и убивали его, 28-го сажали его тысячами въ тюрьмы и крѣпости Великобританія, а въ октябрѣ ссылали на 20 лѣтъ въ Австралію.

И пусть же послѣ этого отвѣтятъ, не правы ли были чартисты, говорившіе: «не довѣряйте этимъ людямъ, не вѣрьте ихъ обѣщаніямъ,—они уже обманули насъ въ 1831 году? Они рабо-

таютъ въ интересахъ своего класса, а не народа; они предаютъ народъ, какъ Іуда предалъ Христа!»

Лига преуспѣвала. Въ 1843 году ея вожаки задавали ряды банкетовъ, вечеровъ и просвѣщали публику лекціями о вредѣ хлѣбныхъ законовъ. Въ Лондонѣ за 3.000 ф. ст. въ годъ былъ нанятъ громадный театръ Ковенъ-гарденъ. Вигскій *Times* торжественно провозгласилъ: «Лига—великій фактъ, что бы про нее ни говорили! Ни одинъ моралистъ не можетъ игнорировать ее, ни одинъ политикъ не можетъ пройти ее улыбкой, ни одинъ государственный человѣкъ уменьшить ея цѣну!» Маркизъ Вестминстеръ адресуется къ предсѣдателю ея Смиту съ поздравительнымъ письмомъ по поводу ея успѣховъ и жертвуетъ 500 ф. ст. И такъ далѣе, и такъ далѣе, въ обществѣ, въ парламентѣ—всюду «лига» становится все большей и большею силой и, наконецъ, въ 1846 году Робертъ Пилль, первый министръ и вождь землевладѣльцевъ, аристократовъ и консерваторовъ, объявляетъ, что не можетъ болѣе отказывать въ правотѣ сторонникамъ свободы торговли и предлагаетъ сложить съ хлѣба всѣ налоги въ теченіе трехъ лѣтъ. Въ іюнѣ 1846 года его предложеніе проходитъ въ обѣихъ палатахъ и дѣлается закономъ.

Такимъ образомъ закончилась эта громкая кампанія, доставившая торжество принципу *laisses faire, laissez passer* и его олицетворенію—крупному капитализму въ Англіи.

Н. Ч.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

«...НЕ СЛУЧИСЬ...»

(ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКАГО ДНЕВНИКА.)

Недавно въ газетахъ былъ напечатанъ не большой, но въ высшей степени замѣчательный уголовный процессъ. Слушался онъ въ вологодскомъ окружномъ судѣ и состоитъ въ слѣдующемъ. Болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, именно около Петрова дня 1880 года, желѣзнодорожный сторожъ нашелъ въ рѣкѣ Шаграшъ, около моста Ярославско-Вологодской линіи, джутовый мѣшокъ, въ которомъ, по вскрытіи, оказался трупъ убитаго человѣка, разложившійся до такой степени, что только по одеждѣ можно было догадаться, что убитый—мужчина. Открытіе этого трупа напомнило (не знаемъ—властямъ или обществу) о загадочномъ исчезновеніи, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, одного изъ посѣтителей гостиницы «Вологда», пользующейся весьма сомнительною репутаціей. Началось слѣдствіе, которое черезъ нѣсколько времени и открыло виновнаго. Убійцей оказался коридорный или половой гостиницы «Вологда», крестьянинъ Иванъ Васильевъ Горюновъ, и вотъ какое поразительное и потрясающее показаніе далъ этотъ Иванъ Горюновъ на судѣ:

«Года за два раньше, какъ я убилъ Крамскаго (фамилія убитаго), къ намъ въ гостиницу «Вологда» пріѣзжалъ какой - то господинъ, повидимому купецъ. Жилъ онъ у насъ въ гостиницѣ дня четыре и больно сильно кутилъ, пьянствовалъ. Когда этотъ господинъ уѣзжалъ, онъ подарилъ мнѣ золотые часы съ цѣпочкой и сказалъ: «Спасибо тебѣ, что ты сберегъ меня,—все въ цѣлости; у меня, говоритъ, было девяносто три тысячи рублей». Потомъ гость этотъ попросилъ проводить его на вокзалъ; я проводилъ и тутъ онъ еще далъ мнѣ двадцать пять рублей и еще

три рубля. Пришелъ я домой и показалъ буфетчику и хозяину часы, что мнѣ подарилъ гость. Хозяинъ спросилъ: «за что-жь онъ подарилъ?»—«За то, молъ, что у него девяносто три тысячи съ собой было и всѣ остались въ цѣлости».—«Эхъ ты,—говоритъ хозяинъ,—не умѣешь деньги наживать! Такъ будешь дѣлать—и помрешь бѣднякомъ»... Потомъ хозяинъ говоритъ, чтобъ я заманивалъ гостей, обѣщая имъ продавать какіе-то банковые билеты съ большой уступкой... Зимой 1880 года къ намъ въ нумера пріѣхалъ какой-то господинъ съ дѣвушкой... Выпивали они тутъ. На другой день часовъ въ девять дѣвушка ушла, а господинъ остались одни. Стали разсчитываться и дали мнѣ сторублевую бумажку. Ну, я пошелъ въ буфетъ, увидалъ тамъ хозяина и говорю: «Господинъ должно-быть богатый,—все сторублевки». Хозяинъ сказалъ: «Погоди-ко носить сдачу, я взгляну сначала, что за господинъ такой». Вернулся онъ и говоритъ: «Это человѣкъ мнѣ знакомый, денежный человѣкъ».—«*Какъ же тутъ быть*?»—спрашиваю.—«Самъ, говоритъ, знаешь,—не малолѣтокъ... Рѣка все унесетъ».—«Страшно, говорю, какъ-то»...—«А ты выпей стакана два водки,—страхъ-то какъ рукой сниметъ... А чтобъ свидѣтелей лишнихъ не было, мальчишку-то въ полицію пошли за паспортной книгой»... Сказалъ это, а самъ ушелъ въ другую свою гостиницу «Россію», черезъ дорогу. Выпилъ я водки, прослалъ подручнаго Николая въ полицію и понесъ сдачу въ третій номеръ. Господинъ лежали на постелѣ, опершись на локотки, и выпивали... Столъ около кровати стоялъ съ бутылками... Тутъ же лежалъ молотокъ, который я принесъ наканунѣ, чтобы вбить задвижку, какъ господинъ приказалъ... Я взялъ молотокъ и ударилъ господина по головѣ разъ и два... Какъ ударилъ—спереди или сзади—хорошенько не помню. Вытащилъ деньги изъ кармана брюкъ и, не считая, сунулъ ихъ себѣ въ карманъ. Вытащилъ покойника въ четвертый номеръ, а самъ сталъ прибирать въ третьемъ. Окровавленную простыню и навлочку засунулъ въ печь и сжегъ. Обои около кровати оборвалъ, полъ подтеръ, а пятна на матрасѣ и подушкѣ слегка замылъ водой. Потомъ вернулся къ покойнику, перетащилъ его черезъ пятый номеръ въ чуланчикъ, который былъ рядомъ, и спряталъ его въ сундукъ подъ лѣстницей, отодравъ для этого плинтусъ. Въ это время, слышу, вернулся Николай. Я пошелъ къ нему навстрѣчу и велѣлъ прибрать въ номерѣ третьемъ. Онъ послѣ спрашивалъ: «Что это вода въ тазу кровавая и на полу кровь?»—«Это, го-

ворю, гость не расплатился съ дѣвицей, она ему и раскровянила морду».—«Какъ же, говоритъ, онъ ушелъ въ такомъ видѣ?»—«Умылся, говорю, да и ушелъ»... Ну, онъ и повѣрилъ. Часа черезъ два послѣ убійства пришелъ хозяинъ. Я ему и подалъ всѣ деньги, не считая. «Мало, говорю, денегъ-то».—«Врешь, говоритъ, не можетъ быть столько, ты утаилъ». Я побожился. Онъ взялъ всѣ деньги, а мнѣ далъ немного мелочи... На другой день начались розыски покойника. Въ гостиницу пріѣзжала его родственница съ знакомымъ, ходила полиція... Мы отвѣтили, что гость расплатился и уѣхалъ неизвѣстно куда. *Такъ какъ околодочный пьетъ у насъ завсегда водку и все такое*, *то* номера осматривать онъ *постыдился*... Тутъ меня взялъ страхъ, тоска напала... Я все ходилъ въ рундукъ, смотрѣлъ, лежитъ ли тамъ покойникъ, иногда сидѣлъ тамъ и плакалъ... Хотѣлъ идти дать знать полиціи, сказалъ объ этомъ хозяину, а онъ говоритъ: «Дуракъ и будешь,—ни за грошъ пропадешь. Меня все равно не оговоришь,—не повѣрятъ; я и въ гостиницѣ-то въ это время не былъ». Ну, я и не пошелъ. Послѣ Рождества отпросился я у хозяина домой въ деревню, взялъ у него денегъ и уѣхалъ, захвативъ шубу покойника, которую раньше спряталъ... И въ деревнѣ тосковалъ, но роднымъ объ этомъ ничего не говорилъ. Пріѣхалъ опять въ городъ къ хозяину. Передъ Пасхой сукровица проникла черезъ потолокъ, пошелъ по номерамъ скверный духъ. Меня все пуще стала тоска забирать и я все чаще сталъ ходить къ покойнику, смотрѣть на него... Потомъ перетащилъ его изъ рундука въ другой уголъ чуланчика и положилъ подъ рамы. Духъ все сильнѣй по номерамъ расходится... Гости стали жаловаться... Я все собирался вывезти, да все случая не было, а хозяинъ не помогаетъ и тоже говоритъ: «Убери!» Въ концѣ іюня я положилъ покойника въ мѣшокъ, завязалъ веревкой, пошелъ взялъ извощика и ночью поѣхалъ окольною дорогой за городъ на рѣку Шаграшъ. Бросилъ тамъ мѣшокъ и возвратился... Потомъ вскорости слышу, что нашли покойника. Полиція пришла и взяла съ меня росписку о невыѣздѣ... Я сказалъ хозяину. Онъ говоритъ: «Ты поди въ полицію и скажи, что у тебя просроченъ паспортъ, чтобъ они отпустили тебя». Полиція не отпустила. Тогда я самъ ушелъ домой... Но тутъ меня арестовали и представили въ станъ. Я и открылся, что я убилъ»...

Вотъ показаніе главнаго дѣйствующаго лица, которое мы привели отъ слова до слова.

Здѣсь все въ высшей степени любопытно и поучительно. Поучительно то, что хозяинъ, который, какъ видно изъ показанія, былъ душою всей этой операціи, признанъ виновнымъ не «въ подстрекательствѣ съ корыстною цѣлью», а только «въ знаніи и укрывательствѣ». Любопытна и поучительна фигура и этого блюстителя порядка—околодочнаго, который, помня трактирную хлѣбъ-соль «и все такое», *стыдится* осматривать нумера, гдѣ совершено убійство, — убійство, которое онъ несомнѣнно чуялъ и можетъ-быть даже зналъ о немъ навѣрное, такъ какъ это знаніе или догадка—только одно и могло заставить его «*постыдиться*», смотрѣть сквозь пальцы, помня хлѣбъ-соль «*и все такое*». Въ то же время, принимая во вниманіе такъ-называемыя «нонѣшнія времена», невольно представляешь себѣ, какъ много развелось теперь такихъ блюстителей, которые, выпивая въ гостинницѣ, гдѣ надъ головой выпивающихъ «и все такое» полгода лежитъ и гніетъ убитый человѣкъ, котораго они «стыдятся» розыскать, навѣрное не упускаютъ случая высматривать «неблагонадежныхъ личностей» и, запримѣтивъ таковыхъ (а примѣты въ этомъ отношеніи годятся всякія, какія только взбредутъ въ голову), не только не постыдятся, а прямо безъ разговоровъ «сгребутъ» и заточатъ... Вѣдь вотъ «сгребъ» же одинъ блюститель мирнаго сельскаго жителя за романъ Шпильгагена,—сгребъ и засадилъ, не зная и не имѣя понятія о томъ, что значатъ слова: «романъ» «Шпильгагенъ» «Впередъ». Сгребъ же другой такой-то блюститель сельскаго учителя, который сидѣлъ на вокзалѣ въ провинціи, ожидая поѣзда, и читалъ брошюру «О дезинфекціи» сочиненія Нечаева. Что такое «дезинфекція»—это блюстителю знать не полагается. *Тотъ ли* это Нечаевъ или другой—тоже можно и не знать. Но мелькнуло ему въ голову слово «Нечаевъ» и—«сгребъ!» Вездѣ теперь только и слышишь: «сгребъ, да сгребъ», или «чуть не сгребъ», или «да и сгребъ бы, а то что же?... И ей-богу бы сгребъ»... И всѣ эти сгребанья всегда почти оказываются вполнѣ нелѣпыми и неосновательными; но нелѣпости и отсутствіе всякихъ основаній не запрещаютъ «сгребать» и не заставляютъ стыдиться несправедливой жестокости и безобразія, а осмотрѣть нумера, въ которыхъ пропалъ и убитъ человѣкъ, «стыдно», потому хлѣбъ-соль «и *все такое*»...

Но всего замѣчательнѣе въ этомъ процессѣ—это, разумѣется, личность самого убійцы—несчастнѣйшаго Ивана Горюнова. Воистину не даромъ судьба надѣлила его такимъ именемъ и фа-

миліей. «Господинъ» «приказалъ» прибить въ нумерѣ задвижку, Иванъ Горюновъ взялъ молотокъ и исполнилъ приказаніе, а утромъ, черезъ нѣсколько часовъ, исполнилъ этимъ же молоткомъ другое, почти, приказаніе хозяина—убилъ этого самаго господина. За часъ, за нѣсколько мгновеній до убійства, у него и мысли не было объ убійствѣ; сторублевая бумажка ставитъ его въ недоумѣніе: «какъ же теперь быть?» Ему говорятъ—какъ, и онъ дѣлается убійцей, онъ бьетъ молоткомъ господина по головѣ съ такимъ же точно покорнымъ настроеніемъ «слуги», какъ бы подавалъ на столъ порцію солянки или прибивалъ задвижку. «Какъ же тутъ быть?»—говоритъ онъ, и вы видите, что еслибъ ему было сказано, какъ быть: «возьми, да отдай сдачу»,—такъ онъ бы и не былъ убійцей и отдалъ бы сдачу. Зачѣмъ онъ убиваетъ—неизвѣстно. Деньги онъ отдалъ хозяину, а самъ получилъ немного мелочи. Ему когда-то сказали: «Дуракъ будешь»—и онъ думалъ, что не дуракъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ. Самъ онъ не знаетъ доподлинно, глупо или умно грабить и убивать, и потому спрашиваетъ у «хозяина»: «Какъ же теперь быть?» Онъ, *самъ лично*, дѣйствительно не имѣетъ понятія о томъ, что умно, что глупо,—кто дуракъ, кто уменъ,—что хорошо, что дурно. Выслушавъ его разсказъ о томъ, какъ баринъ подарилъ ему золотые часы и двадцать восемь рублей денегъ, хозяинъ говоритъ ему: «Дуракъ будешь, если такъ станешь жить,—такъ и помрешь бѣднякомъ». И онъ думаетъ, что онъ дуракъ,—думаетъ такъ, какъ ему сказано, такъ какъ побуждаетъ думать его и поступать постороннее вліяніе, чужое приказаніе, чужая воля: «прибей задвижку»—прибилъ, «убей барина»—убилъ, и однимъ и тѣмъ же молоткомъ, безъ малѣйшей тѣни собственной своей мысли и собственной своей воли. Вѣдь, еслибъ онъ «самъ» могъ думать, понимать и соображать, т. е. еслибъ онъ самъ имѣлъ какой-нибудь взглядъ на человѣческія отношенія, такъ вѣдь случай съ бариномъ, который щедро наградилъ его, долженъ бы былъ убѣдить его какъ разъ въ противномъ тому, что говорилъ хозяинъ: за честность и добросовѣстность онъ *на дѣлѣ*—на фактѣ самомъ реальномъ, самомъ ощутительномъ—оказался не только не въ дуракахъ, но прямо въ умникахъ. За то, что онъ не ограбилъ, не укралъ, а берегъ и смотрѣлъ, чтобы не обокрали барина, онъ получилъ сравнительно огромное вознагражденіе—золотые часы и двадцать восемь рублей денегъ. Кажется, еслибы человѣкъ могъ и имѣлъ бы привычку самостоятельно думать

о чемъ-нибудь, этого случая было бы для него весьма достаточно, чтобъ убѣдиться, что хорошіе и добросовѣстные поступки не пропадаютъ безслѣдно: результатъ на-лицо—золотые часы и деньги... Но онъ не умѣетъ думать самъ и потому убиваетъ безкорыстно, безъ всякой выгоды, отдавъ деньги хозяину, а самъ получаетъ «немного мелочи»...

Вотъ эти-то черты нравтвенности Ивана Горюнова и потрясаютъ васъ самымъ угнетающимъ образомъ. Какъ бы внимательно ни всматривались вы въ душу этого человѣка, вы не можете отвѣтить мало-мальски утвердительно ни на одинъ изъ вопросовъ, которые должны возникнуть при этомъ въ вашемъ сознаніи. Жаденъ ли онъ?—Нѣтъ,—деньги отдалъ хозяину... Жестокъ?—Ни чуть,—онъ убилъ не подумавши, не задумываясь, а такъ, какъ прибилъ задвижку, и потомъ самъ же плачетъ и терзается надъ трупомъ въ-тихомолку по ночамъ... Скрытенъ, хитеръ и злобенъ?—Опять нѣтъ,—вѣдь онъ «побожился», что не утаилъ денегъ, а всѣ сполна отдалъ хозяину; онъ—не обманщикъ... Добровольно, когда мало-мальски проясняется умъ, онъ хочетъ идти въ полицію — объявить, но ему опять говорятъ: «дуракъ будешь» — и онъ не идетъ. Послушаніе его примѣрное. Его награждаютъ за честность, но ему говорятъ, что безчестно поступать лучше, — и онъ вѣритъ вопреки фактамъ, доказывающимъ противное. Ему говорятъ: прибей задвижку, — прибилъ; убей, — убилъ. Затѣмъ полгода трупъ лежитъ въ чуланѣ, — лежитъ до тѣхъ поръ, пока хозяинъ не сказалъ: «Убери», — и Иванъ убралъ. Словомъ, Иванъ Горюновъ—весь—чужой, человѣкъ посторонняго вліянія, чужаго приказанія, даже чужаго желанія. *Своего* по части убѣжденій и нравственности у него ничего нѣтъ, — хоть шаромъ покати. Это совершенно пустой сосудъ, который можетъ быть наполненъ чѣмъ угодно. Не попади онъ въ такой темный притонъ, можете ли вы сказать, что онъ сдѣлалъ бы что-нибудь подобное тому, что̀ его принудили сдѣлать? Былъ ли бы онъ убійцей, еслибы «попалъ» вмѣсто трактира въ столяры, въ сапожники, въ кучера къ хорошему барину, въ лавочники, въ хлѣбопеки?... Наконецъ, еслибы попалъ даже опять-таки въ трактиръ же, только не въ такой вертепъ, какъ «Вологда», а такой, гдѣ все честно и благородно?... Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ вы не можете отвѣчать утвердительно, потому что предъ вами человѣкъ, внутренній міръ котораго, какъ траву, какъ тонкую вѣтку колеблютъ внѣшнія ду-

новенія, дыханіе чуждыхъ ему, со стороны идущихъ, вліяній,— человѣкъ, который покоряется всему, на что его «Богъ нанесетъ»,—всему, что волею судебъ «набѣжитъ» на него...

А вѣдь такихъ Ивановъ Горюновыхъ уже въ настоящее время можно считать на Руси сотнями тысячъ, а въ будущемъ, если только народная жизнь будетъ такъ же, какъ и до сихъ поръ, оставаться въ условіяхъ царствующей и въ ней и внѣ ея неурядицы, — Ивановъ Горюновыхъ будетъ тьма, тьмы темъ,—тьмы темъ пролетаріата, выброшеннаго разстройствомъ деревенскаго быта и духа, готоваго подчиниться въ чуждой ему средѣ всевозможнымъ вліяніямъ и съ наивностію ребенка не имѣющаго возможности знать и понимать, что̀ въ этихъ вліяніяхъ худо, что̀ добро,—словомъ, пролетаріата, который съ наивностію ребенка можетъ однимъ и тѣмъ же молоткомъ и одной и тою же рукой прибить задвижку по приказанію «гостя» и разбить тому же гостю голову по чьему-нибудь другому указанію и наставленію.

Отчего же все это происходитъ?

Вѣроятно, не разъ, а милліоны и милліоны разъ тотъ же вопросъ, только примѣненный къ самому себѣ и къ своей ужасной исторіи, задавалъ и задаетъ Иванъ Горюновъ, задавали и задаютъ сотни другихъ Ивановъ Горюновыхъ. Сидя въ слезахъ и тоскѣ за желѣзною рѣшеткой тюрьмы, или на пароходѣ-клѣткѣ, перевозящей арестантовъ и осужденныхъ въ сибирскія тюрьмы и рудники, Иванъ Горюновъ и ему подобные мучительно ломаютъ, уже погибшія, головы свои надъ этими вопросами: какъ, и зачѣмъ, и отчего?—и, ничего не понимая, но только ужасаясь и недоумѣвая, невольно переносятся мыслію въ родную деревню и инстинктивно ищутъ здѣсь, въ ней, въ условіяхъ ея современной жизни—корни и основаніе всему, что случилось потомъ. Оплакавъ утраченное спокойствіе и цѣломудренность деревенской жизни, оплакавъ утраченную возможность жить какъ люди, работать, играть свадьбу, пить вино на праздникахъ и т. д., и дорываясь до корня своего огромнаго горя, своихъ огромныхъ утратъ, вѣковѣчныхъ, на всю жизнь, — всякій такой Иванъ Горюновъ непремѣнно найдетъ въ самой глубинѣ, на самомъ днѣ своихъ бѣдъ, какую-нибудь деревенскую «случайность», благодаря которой человѣкъ долженъ былъ оторваться отъ дома, отъ деревни и идти въ невѣдомый міръ, плыть безъ кормила и весла... Непремѣнно въ корнѣ корней окажется какое-нибудь, на нашъ взглядъ ничтожное, обстоятель-

ство, отъ котораго и вышло потомъ все, вплоть до конца, до Сибири и каторги. «Не случись» того-то или того-то въ деревнѣ, въ хозяйствѣ — и не надо было бы уходить оттуда и отдавать себя на волю непонятныхъ вліяній, непонятныхъ условій жизни. Не случись, что умеръ отецъ или братъ, не случись, что пала лошадь, не случись, что старшая сестра сломала ногу и пролежала годъ больная, не случись падежа, неурожая, засухи—и не было бы тысячи случайностей, которыя потомъ захватили человѣка и стали имъ вертѣть по-своему, какъ *имъ* угодно...

Этихъ случайностей, иногда ничтожныхъ какъ пылинка, никогда не тяготѣло надъ крестьянскою жизнью такъ много, какъ теперь. Земледѣльческій трудъ, весь, сполна, находящійся во власти велѣній природы, самъ по себѣ уже таитъ въ этихъ велѣніяхъ и прихотяхъ природы неисчерпаемый источникъ случайностей. Въ успѣхѣ или неуспѣхѣ этого труда,—слѣдовательно, въ благосостояніи и нравственномъ равновѣсіи, или въ разореніи и нравственномъ паденіи крестьянъ,—играютъ важную роль не только такіе пособники труда, какъ животныя, скотъ, не только своя личная сила, свое здоровье и т. д., но даже самыя ничтожнѣйшія атмосферныя явленія — направленіе и сила вѣтра (обилъ хлѣбъ и т. д.), сила и время дождя, засухи и т. д., и т. д. безъ конца. Все это можетъ осчастливить, все это можетъ и разорить. Всѣ эти случайности необходимо имѣть въ виду. А ихъ въ настоящее время столько развелось, что вся современная жизнь деревни зависитъ именно отъ этихъ случайностей—и стихійныхъ, и всякихъ другихъ, неизвѣстно почему скопившихся надъ деревней какъ нарочно въ такое время, когда она не въ силахъ противопоставить ни «кузькѣ», ни «мглѣ», ни «красному пѣтуху» ничего кромѣ отчаяннаго вопля и безцѣльнаго бѣгства «на сторону».

При крѣпостномъ правѣ (намъ не для чего заглядывать дальше для того, чтобы сравнить прошлое народа съ настоящимъ) всѣ эти случайности *волей-неволей* долженъ былъ устранять баринъ, если онъ не былъ, что называется, живорѣзомъ. Онъ, въ видахъ пользы собственной своей, долженъ былъ кормить въ неурожай, давать скотъ во время падежа, помогать свадьбѣ, понукать жениха,—словомъ, онъ долженъ былъ всячески экономизировать людьми. Негодныхъ къ одному труду онъ ставилъ на другой, ни къ чему негодныхъ сдавалъ въ солдаты, а беэпомощнаго старика ставилъ къ уткамъ или такъ кормилъ на дворнѣ.

Это былъ скотный дворъ, организованный изъ людей, но—организованный. Возвращенія къ нему не можетъ быть, но возвратиться къ «организаціи», перейти отъ полнаго невниманія къ массамъ къ самому искреннему вниманію—необходимо. Всѣ эти случайности, обставляющія крестьянскій трудъ,—слѣдовательно, играющія огромную роль въ благосостояніи массъ,—въ настоящее время почти не составляютъ предмета серьезнаго вниманія со стороны такъ-называемыхъ командующихъ классовъ. Страхованіе скота, какъ извѣстно, объявлено только на дняхъ, да неизвѣстно еще, будетъ ли оно удобно для крестьянъ; по части организованнаго кредита тоже въ высшей степени плохо; крестьянскій банкъ все еще продолжаетъ быть журавлемъ въ небѣ; земскія подачки въ неурожайные годы—предметъ для хищническихъ злоупотребленій и плохое подспорье для большинства крестьянъ. Да, наконецъ, времени «даромъ» ушло такъ много, что теорія хищничества уже вошла въ моду и въ деревнѣ, и теперь уже нельзя поручиться въ томъ, что даже самое благодѣтельное мѣропріятіе не будетъ здѣсь же, въ деревнѣ, повернуто такъ, что окажетъ выгоду меньшинству и вредъ огромному большинству. Отпаденіе отъ «хозяйственнаго», крестьянскаго, чисто земледѣльческаго ядра, составляющаго силу деревни и силу крестьянской массы, все увеличивается; случайности, никѣмъ и ничѣмъ неотстраняемыя, съ одной стороны выбрасываютъ за бортъ общиннаго корабля ослабѣвшихъ, опустившихъ руки, идущихъ искать гдѣ лучше, съ другой—эти же случайности возвышаютъ незначительное меньшинство, которое, владѣя лишнею копѣйкой, пользуется нуждой ослабѣвающихъ, дешево покупаетъ скотъ, пашню и другое имущество и богатѣетъ, но въ свою очередь также отпадаетъ отъ крестьянства трудящагося. Одни уходятъ потому, что нельзя трудиться, другіе потому, что можно и не трудиться, можно отдавать «изъ прокату» сѣнной прессъ, получать за прокатъ деньги, сидѣть въ трактирѣ и играть на гармоніи «Стрѣлочка». Такимъ образомъ отъ общиннаго земледѣльческаго ядра, деревни, въ одну сторону уходятъ, «по разстройству», Иваны Горюновы и поступаютъ лакеями въ трактиры, а въ другую—уходятъ люди вслѣдствіе достатка, уходятъ въ тѣ же трактиры, но не въ качествѣ лакеевъ, а гостей. Эти люди достатка и досуга требуютъ водки и закуски «и все такое», а Иваны Горюновы подаютъ имъ и водку, и закуску, «и услуживаютъ по части всего прочаго». Одни учатся, «что приказывать», а другіе исполняютъ приказанія:

«прибей задвижку» — и прибьетъ, «убей» — и убьетъ, и все однимъ и тѣмъ же молоткомъ.

Несмотря на имущественную разницу между Иванами Горюновыми, перестающими быть крестьянами, «послугою» по нуждѣ, и другимъ типомъ отщепенцевъ крестьянства, бросающихъ его и отвыкающихъ отъ него вслѣдствіе достатка,—въ нравственномъ отношеніи оба типа не представляютъ ни малѣйшей разницы. Оба они, уходя изъ одного общества въ другое,—не вносятъ въ него ничего *своего*, а обречены—по крайней мѣрѣ на долгіе годы—подчиняться тому, что Богъ нанесетъ на нихъ, или что само на нихъ набѣжитъ. Оба эти типа, несмотря на разницу состояній по части матеріальныхъ благъ, одинаково нищіе, одинаково безнравственны. Слово «безнравственны» не слѣдуетъ понимать исключительно въ дурномъ смыслѣ, въ смыслѣ дурной нравственности,—вовсе нѣтъ; просимъ понимать его *только* буквально, т. е. только какъ отсутствіе какого-нибудь опредѣленнаго нравственнаго содержанія, какихъ-нибудь опредѣленныхъ нравственныхъ принциповъ... Намъ могутъ многое возразить на это, указать на сектантовъ и т. д., но мы, очень хорошо зная, что этою «безнравственностію» не исчерпываются всѣ свойства народной души, тѣмъ не менѣе не имѣемъ намѣренія доказывать здѣсь, что эти «другія» стороны извѣстны намъ, также какъ и возражателямъ,—не будемъ дѣлать этого именно потому, что мы беремъ спеціально эти, безнравственныя, а не какія другія черты народной души, хотимъ указать именно на пустыя мѣста этой души,—мѣста, которыя помимо естественныхъ причинъ, держащихъ народную душу въ постоянномъ колебаніи по части «убѣжденій», — какъ будто еще умышленно оставляются пустыми, тщательно ограждаются отъ всякаго вторженія въ эту пустоту общечеловѣческихъ интересовъ, идей общаго блага и обязанностей къ ближнему и къ самому себѣ. «Не отвѣчать» за свои поступки какъ лично, такъ и по отношенію къ сосѣду, къ ближнему, народную массу учитъ, и заставляетъ даже насильно, ея трудъ, весь подчиненный прихотямъ природы. «Не отвѣчать» пріучило народъ крѣпостное право, при которомъ за всякія безобразія, за все хорошее и дурное—отвѣчалъ, хотя бы только оффиціально, помѣщикъ. Теперь, когда это право миновало, надобно отвѣчать самимъ... Но вотъ этой-то отвѣтственности не только никто не требуетъ отъ народа, но, напротивъ, все, что командуетъ имъ, какъ бы умышленно стремится

отучить его отъ всякой мысли о томъ, что кромѣ отвѣтственности въ исправной уплатѣ податей есть еще другая отвѣтственность— за этого сироту, который можетъ сдѣлаться воромъ, за эту старуху, за этого старика, за эту случайно ослабшую семью, которая можетъ разориться и пустить по міру кучу нищихъ. Ни въ школѣ, ни въ церкви, ни въ другихъ вліяющихъ сферахъ мы не видимъ ни малѣйшихъ попытокъ, не слышимъ ни единаго слова, которое обратило бы вниманіе молодого и стараго деревенскаго люда на массу явленій, за которыя по привычкѣ не принято отвѣчать, но за которыя отвѣчать непремѣнно слѣдуетъ. Одинъ деревенскій мальчикъ сказалъ мнѣ: «Сколько разъ я видалъ зиму, и носъ отмораживалъ, и ноги знобилъ, и въ снѣжки игралъ, а все не думалъ, что такое зима... А вотъ какъ прочиталъ стишокъ сочиненія Пушкина про ту же зиму и про тотъ же снѣгъ—и стала мнѣ зима любопытна». Вотъ такого-то слова, которое бы сдѣлало любопытнымъ тысячи явленій, къ которымъ народъ приглядѣлся, которыя онъ видитъ каждый день, но о которыхъ не думаетъ, какъ мальчикъ не думалъ о зимѣ, хотя и отмораживалъ носъ и знобилъ ноги,—и нѣтъ у насъ. Какъ были выраженіемъ общественныхъ заботъ въ старыя времена мірской быкъ, староста, кабакъ и холодная, такъ и теперь—то же. А когда къ этимъ быку, старостѣ, кабаку и холодной прибавится что-нибудь теплое, въ родѣ постояннаго фельдшера (изъ своихъ и для своихъ), въ родѣ мірской каморки, въ которой могли бы доживать свой вѣкъ старики бездомные, въ родѣ другой каморки, въ которой больной, вывихнувшій ногу, или больная, обжегшая солнцемъ на жнивѣ спину, могли найдти койку и помощь, и т. д., и т. д.,—когда все это будетъ, неизвѣстно. Нигдѣ, повторяемъ, ни въ школѣ, ни въ церкви—мы не слышимъ ни о злѣ ни о добрѣ, ни о добромъ ни о худомъ, ни о безнравственномъ ни о нравственномъ... Конечно, этимъ мертвымъ молчаніемъ нельзя убить въ человѣкѣ душу и совѣсть и она такъ или иначе выразитъ себя въ стремленіи къ свѣту и правдѣ; но какъ бы ни были прекрасны эти, никѣмъ не поощряемыя, проявленія благородныхъ стремленій души, нельзя не видѣть, что покуда къ общиннымъ хозяйскимъ распорядкамъ не будетъ *прибавлено* права широко и свободно дѣлать все и думать обо всемъ, что только можетъ расширить размѣры народной впечатлительности по отношенію къ горю и благу ближняго,—до тѣхъ поръ деревня будетъ поставлять изъ своей среды, подчиненной слу-

чайностямъ удачи и неудачи, съ каждымъ годомъ все большее и большее количество людей съ нравственностью Ивана Горюнова,—нравственностью, колеблемою, какъ листъ, отъ малѣйшаго дуновенія въ ту или другую сторону.

Не знаю, скоро ли интеллигентный человѣкъ (т. е. человѣкъ исключительно интеллигентныхъ цѣлей, а не служащій по найму въ интеллигентныхъ должностяхъ) отвоюетъ для деревни право пещись не о единомъ хлѣбѣ. Это—его обязанность и другой обязанности нѣтъ у русскаго интеллигентнаго человѣка. Конечно, сперва ему необходимо отвоевать это право и для себя... Очевидно, что и то и другое будетъ не скоро. А покуда мы дождемся этого, позволю себѣ возвратиться къ прерванной рѣчи о значеніи «случая» въ современной народной жизни,—«случая», противъ котораго не спасаетъ община, при всѣхъ своихъ хозяйственныхъ совершенствахъ, и который выбрасываетъ изъ «крестьянства» массы безпомощныхъ неудачниковъ на волю Божію. Разскажу по этому поводу кое-что изъ того, что почти сейчасъ происходило предъ моими глазами, но при этомъ заранѣе предупреждаю читателей, что разсказанное будетъ мѣстами производить впечатлѣніе непріятное и грубое. Что дѣлать? Дѣйствительность куда хуже того, что я разскажу сейчасъ.

Почти каждый вечеръ прошлогодняго лѣта, за рѣкой, «на той сторонѣ», среди всеобщаго мира и тишины, вдругъ и неожиданно начинались какіе-то крики, брань, ругань и плачъ... Иногда эти крики, этотъ плачъ и шумъ поднимались среди ночи, когда все покоилось мертвымъ сномъ, и будили не только мирныхъ обывателей деревни, но и насъ, жителей противуположнаго берега,—такъ они были громки, столько тамъ было женскаго визга и мужскаго рева. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что дѣло не ограничивалось одними криками, а иногда разыгрывалось и въ драку, и что драки эти бывали большею частію пьяныя. Очень часто послѣ того, какъ свалки и крикъ прекращались на той сторонѣ, на нашу сторону переправлялись черезъ рѣчку и шли по нашему берегу какія-то пьяныя, ругавшіяся и грозившія кулаками фигуры,—фигуры, весьма плохо владѣвшія ногами, судя по нетвердой походкѣ, и не менѣе плохо владѣвшія языкомъ, судя по безсвязности рѣчи, иногда переходившей въ простое мычанье. Но какъ ни безсвязно бывало иногда это бормотанье пьяныхъ гулякъ, все-таки, слушая его, можно было по-

нять, что и сами пьяные, и ихъ пьяныя рѣчи имѣютъ какую-то связь съ только-что затихшей на той сторонѣ свалкой. Не разъ смущали меня эти ночныя исторіи и эти толпы пьяныхъ людей, по ночамъ шатавшіяся около моей дачи. Дача была совершенно одинокая, а народу, какъ говорятъ, тамъ, въ деревнѣ, «много всякаго». По неволѣ подумаешь о томъ, что это за люди, которые чуть не каждый вечеръ производятъ драку, съ криками и со слезами, и потомъ по ночамъ шляются съ какими-то угрозами около дома. Не разъ я спрашивалъ у крестьянъ «съ той стороны», случайно сталкиваясь съ ними, когда они иной разъ перебирались на нашу сторону за сѣномъ или за дровами, такъ какъ ихніе луга и лѣсъ были на нашей сторонѣ,—но никто изъ нихъ не далъ мнѣ опредѣленнаго отвѣта: «Пьянствуютъ поди. Вѣдь нонѣ воля,—свободно стало».—«Вѣдь нонѣ нешто мало безобразіевъ-то?» — «Намъ, батюшка, недосугъ за этимъ глядѣть,—намъ впору съ своей работой управиться, а не то чтобы на какихъ подлецовъ смотрѣть. Нонѣ всякаго есть — и хорошаго, и худого, сколько угодно... Кто такое шумитъ?—А Господь ихъ вѣдаетъ. Такъ должно-быть какіе-нибудь пьяницы...» и т. д. А шумъ и драки на той сторонѣ продолжали повторяться, какъ и прежде, черезъ день, черезъ два. По праздникамъ и по воскреснымъ днямъ они бывали ужъ непремѣнно.

Заходитъ однажды ко мнѣ волостной старшина, съ которымъ я познакомился уже давно, проситъ посидѣть—«подождать одного человѣчка». Человѣчекъ долженъ проходить какъ разъ мимо моей дачи, такъ вотъ старшина и сѣлъ къ окошку, которое выходитъ на дорогу.

— Что это за драки на той сторонѣ?—спросилъ я его.

— Какъ драки?

— Черезъ день, черезъ два ужъ непремѣнно и шумъ, и драки, и крикъ на той сторонѣ.

— О, да, да... Ужъ давно я думалъ вывести, искоренить это гнѣздо, да все недосугъ. Проститутки живутъ,—ну, и пьянство...

— А драки-то?

— Да ужъ одно безъ другаго не ходитъ. Что и за гулянье безъ драки...

— Да какія же тутъ у васъ проститутки?

— Очень просто—гулящія...

— Какимъ же образомъ завелись онѣ тутъ?

— Завелись-то онѣ въ прежнее время.... Началось это, видите ли... стоялъ полкъ по близости. Вотъ откуда пошло направленіе это самое... Да и по сейчасъ не вдалекѣ войска стоятъ и солдаты шляются... Началось-то съ войсковъ,—ну, а потомъ и пошло, и свои пошли баловаться... Вѣдь нонѣ народъ распустивши, не дай Богъ... Хлопотъ-то, ежели бы знали, сколько, не приведи Господи! Какъ есть съ этой должностью всего хозяйства рѣшишься. Вотъ хоть бы сейчасъ: шлялись къ этимъ проституткамъ солдаты, а потомъ и стали въ лазаретъ поступать... Таперича вотъ предписано мнѣ всѣхъ этихъ шкуръ представлять, каждый вторникъ, къ доктору,—нарочно земскій докторъ пріѣзжаетъ. Четверыхъ я ужь сегодня представлялъ, — отпустили; а вотъ пятую,—она-то должно-быть и корень всему,— вотъ и дожидаюсь теперича... Докторъ тамъ сердится, а я сиди вотъ, гляди... А свое дѣло стоитъ.

— Такъ вы эту «пятую» дожидаетесь?

— То-то и есть... Докторъ сердится, а гдѣ я ее возьму? Она вонъ на покосъ ушла,—жди ее!

— Такъ она и на покосъ ходитъ, и проститутка?

— Да вѣдь надо жрать-то что-нибудь? Теперь поденно, на хозяйскихъ харчахъ, бабѣ тридцать копѣекъ даемъ въ сутки,— какъ же не идтить-то? А гулянкой вѣдь не проживешь. Видите, каковы гулянки-то: рубль пропьютъ да на три цѣлковыхъ реберъ поломаютъ... Кажный вечеръ сами слышете, какъ плачутъ гулянки-то... Вѣдь иной пьяный соврасъ какъ разойдется-то, кулачище-то разсучитъ... Да съ эстихъ съ гулянокъ и не прожить: нонича хлѣбъ дорогой, а вѣдь надо каждый день что-нибудь покушать... Водкой-то, пожалуй, напоятъ, да кулаками накормятъ,—съ этого сытъ не будешь,—такъ какъ же ей на косовицу-то не идтить? Я думаю, она и горячаго-то не ѣстъ по цѣлымъ зимамъ, а тутъ каждый день какъ-никакъ—похлебка...

— Какъ же это такъ? Кто же онѣ такія?

— Какъ сказать?... Бѣдность!... Вотъ теперича,—которую я жду женщину,—отца у нея нѣтъ, и матери нѣтъ, а братъ въ Питерѣ... Тоже, сказываютъ, пьянствуетъ,—за паспортъ деньги не присылаетъ. Хочу вытребовать, ужь и бумагу послалъ... Вотъ и живетъ... Какъ одной-то справиться въ разстройствѣ? Вотъ и идетъ въ грѣхъ... А по нонѣшнему времени много охотниковъ-то: и солдаты есть, и свои, сѣнники, прикащики,—разнаго народу много... А вотъ никакъ и мои красавицы!...

Въ самомъ дѣлѣ, по дорогѣ, направляясь къ перевозу черезъ рѣчку, шла толпа крестьянскихъ женщинъ, босикомъ, съ граблями на плечахъ, въ подоткнутыхъ платьишкахъ и въ однихъ повойникахъ, съ голыми, черными отъ солнечнаго загара, шеями. Старшина взялся за шапку, распрощался и торопливо вышелъ на дорогу. Изъ окна я видѣлъ, какъ онъ помахалъ бабамъ рукой, приглашая остановиться, какъ вошелъ въ толпу, говорилъ что-то и какъ потомъ одна изъ женщинъ, передавъ грабли сосѣдкѣ, вышла изъ толпы и отошла съ старшиной въ сторону... Бабы постояли еще съ минуту, столпившись кучей, но потомъ опять выстроились въ шеренгу и пошли своею дорогой къ перевозу. Старшина и несчастная проститутка остались одни на дорогѣ и разговаривали. Высокая, сгорбленная, нищенски одѣтая и уже не совсѣмъ молодая баба, потупившись, слушала то, что ей говорилъ старшина. Раза два она пробовала что-то отвѣтить ему, крестясь и ударяя рукою въ грудь, но голоса не было у нея. Видно было, что она съ огромными усиліями старается сдѣлать свою рѣчь звучной, но не выходитъ ничего кромѣ хрипоты. Но вотъ она взялась за фартукъ, заплакала, поднесла фартукъ къ глазамъ и поплелась вслѣдъ за старшиной. Старшина, въ новомъ черномъ картузикѣ, въ опрятненькомъ пиджачкѣ, надѣтомъ сверхъ красной русской рубахи, выпущенной изъ-подъ жилета, и въ новенькихъ блестящихъ сапогахъ съ бураками, шелъ, пожимая плечами и разводя руками, впереди, а баба, поминутно утиравшая фартукомъ то носъ, то ротъ, то глаза, шла за нимъ. Они шли въ волостное правленіе, которое помѣщалось въ деревнѣ на нашей сторонѣ и куда заѣзжалъ по временамъ земскій врачъ.

Тяжелое впечатлѣніе этой сцены, горькая участь этой несчастной деревенской проститутки (да, читатель, у насъ *уже* есть деревенская проституція!), которой нечего ѣсть, которая по цѣлымъ зимамъ не ѣстъ горячаго, которую поятъ водкой и бьютъ и которая въ то же время охотно работаетъ обыкновенную крестьянскую работу, находя очень выгоднымъ получать тридцать копѣекъ въ сутки и похлебку,—все это было новой прибавкой къ той массѣ впечатлѣній «ненужнаго зла»,—зла, которое можетъ не быть у насъ, но которое, однако, плодится и множится вопреки всякому смыслу человѣческому, котораго такъ много даетъ разстроенная деревня каждый день и каждый часъ. Что дѣлать съ впечатлѣніями такого рода? Обыкновенно они не

то чтобы забываются, а какъ-то изнываютъ въ душѣ, прибавивъ къ постоянному ощущенію какой-то душевной тяготы, испытываемой въ деревнѣ при видѣ, повторяю, явленій «ненужнаго» зла, еще новую тяжесть. Но на этотъ разъ новое тяжелое впечатлѣніе не имѣло обычнаго результата,—ему суждено было осложниться новыми, не менѣе тяжелыми подробностями. Во-первыхъ, въ этотъ же день, часа черезъ два послѣ того, какъ старшина увелъ бабу въ волость, мнѣ опять пришлось встрѣтиться съ нимъ.

Я сидѣлъ у воротъ дачи, когда онъ возвращался изъ волости.

— Ну, что?—спросилъ я его какъ-то машинально.

— Посадилъ!—отвѣчалъ онъ, пожавъ плечами и поздоровавшись.

— Кого посадилъ?

— Да эту самую проститутку-то... Посадилъ въ холодную.

— За что же?

— Да куда я ее дѣну?... Доктора ждалъ, ждалъ—не дождался; обѣщался пріѣхать послѣ, а пока-что оставилъ записку «надзирать»... А какъ я буду надзирать за ней? Не караульщика же въ самомъ дѣлѣ нанимать мнѣ... На какія деньги?... Ну, и распорядился запереть въ темную... Накормить—накормить... А вѣдь такъ-то пустить на волю,—она вонъ совсѣмъ ужь голоса лишилась,—такъ ее пустить нельзя.

— Почему же въ холодную?

— Да куда же-съ? Вѣдь нѣту... Вѣдь у насъ ничего этого нѣту... Больница за пятьдесятъ верстъ... Вѣдь нѣту этого ничего... У насъ холодная за все—и клиника, и тюрьма, и исправляемъ, и отрезвляемъ, и внушаемъ,—все въ одномъ мѣстѣ. Заперъ въ холодную и—все! Кабы какіе прочіе способы были, или что-нибудь по-христіански, а то вѣдь нѣту. Холодная—это есть. Ну, и сажаемъ... Даже странники, которые, бываетъ, ко святымъ мѣстамъ идутъ, ночевать просятся—и тѣхъ бывало въ холодную на ночлегъ запираемъ, потому народъ набаловавши, распустивши... Иной странникъ попросится ночевать, да и обмолебствуетъ что-нибудь изъ сундука...

Старшина помолчалъ, отеръ платкомъ лобъ и проговорилъ:

— Конечно, воетъ, сидитъ... Я и самъ понимаю, что за удовольствіе за желѣзной рѣшеткой сидѣть, да вѣдь, матушка моя, ничего не подѣлаешь... Вѣдь эдакую болѣзнь въ народѣ раз-

водить — тоже не хвалятъ за это... Я ужь и такъ отвѣчаю, отвѣчаю, ужь и отвѣчать-то усталъ...

Прибавивъ своимъ разсказомъ къ тяжелому впечатлѣнію дня еще новую тяжелую и непривѣтливую черту, старшина ушелъ. Но этимъ дѣло не кончилось и на другой же день послѣдовало новое дополненіе.

— Петръ Петровичъ васъ спрашиваетъ, — сказали мнѣ утромъ слѣдующаго дня.

Петръ Петровичъ былъ все тотъ же старшина.

— Гдѣ онъ?

— Онъ на лошади, въ телѣгѣ.

Я вышелъ на дорогу. Петръ Петровичъ сидѣлъ, а внизу, въ ногахъ у него, на мѣшкѣ, сидѣла дѣвочка лѣтъ четырехъ и во всю мочь заливалась горючими слезами. Вся она была въ грязи, въ одномъ ситцевомъ платьишкѣ, которое замѣняло и рубашку; ноги были босыя, грязныя, а голова простоволосая.

— Что мнѣ вотъ съ этой дѣвочкой дѣлать? Матку-то сегодня въ лазаретъ отправили, а вотъ дочка осталась.

— Это той, про которую вы вчера разсказывали?

— Вотъ этой самой дочь... Мать-то, должно-быть, не сказала доктору,—думала, отпуститъ,—а онъ уѣхалъ, приказавъ отвезть ее въ лазаретъ, а про дѣвочку ничего не сказано... Отдать къ матери,—ну-ко и дѣвочка захвораетъ? Такъ чтобы чего, на ней непримѣтно, ничего худого... Оставить здѣсь,—никто не беретъ, боятся. И въ самомъ дѣлѣ, можетъ и дѣвочка больна... Куда я съ ней дѣнусь?

Дня черезъ два - три дѣвочку эту удалось пристроить у одной вдовы, но теперь, въ эту минуту, о которой я разсказываю, положеніе ея было самое трогательное.

— Взять?... Но можетъ быть она больна?... Не взять, такъ куда же она дѣнется?

Къ телѣгѣ подошло еще нѣсколько человѣкъ, два мужика и баба. Всѣ мы стояли и думали, но ничего не могли придумать.

— Ну, куда я ее дѣну? — спрашивалъ старшина. — Да не кричи ты! Чего горло-то пялишь?... Не пропадетъ твоя мамка.

— Больная ежели, не возьмутъ! — говорила баба и мужики подтверждали.

«Холодная» и тутъ рисовалась, какъ единственное нейтральное спасительное мѣсто, но оставить дѣвочку въ холодной было невозможно.

— Н-нѣтъ! — подумавши и покачавъ головой, проговорилъ одинъ изъ зрителей и пошелъ прочь.

— Кабы знато, что здорова, а то нѣтъ! — сказала баба и тоже ушла.

— Еслибы здорова...—сказалъ я.

— Ахъ ты Господи!—произнесъ старшина и послѣ нѣкотораго молчанія и раздумья сказалъ кучеру: — Н-ну, дѣлать нечего, трогай!...

— Куда ѣхать-то?

— Трогай, я тебѣ говорю!... Поѣзжай прямо.

— Куда прямо? Ѣхать, такъ надо къ мѣсту.

— Да и безъ тебя знаю, что къ мѣсту. Не въ лѣсъ поѣдемъ... Садись на передокъ-то!

— Мнѣ сѣсть не долго... А ѣхать-то куда? Мнѣ тоже лошадь-то самому нужна.

— Ну, не разговаривай, потрогивай... Знаемъ, куда ѣхать.

Говоря: «знаемъ куда ѣхать», старшина, однако, не отдавалъ какого-либо опредѣленнаго приказанія; онъ поправлялся на сидѣньи, усаживался поудобнѣе, но видимо недоумѣвалъ, куда направить путь. Но вдругъ его осѣнила мысль, онъ усѣлся и крикнулъ:

— Пошелъ назадъ! Поворачивай за рѣку!... Не знаю, куда ѣхать... Авось, найдемъ... Потрогивай-ка, а не разговаривай!

— Куда-жь вы?—спросилъ я.

— А къ старостѣ, сдамъ ее — вотъ и все. Общество, такъ и отвѣчай за своихъ.

— А какъ и тамъ никто не возьметъ?

— А мнѣ какое дѣло? Что я нянька, что ли? У меня двое сутокъ ушло, а мнѣ каждый день пятнадцать цѣлковыхъ убытку... Поворачивай-ка съ Господомъ!

— А какъ не возьметъ староста-то?—повторилъ я еще разъ, когда телѣга стала поворачивать отъ дома на дорогу.

— А въ холодную не хочешь?—обернувшись назадъ, отвѣтилъ старшина и раскланялся.

Телѣга поѣхала назадъ, за рѣку, и дѣвочка снова залилась горючими слезами.

Дня черезъ два, черезъ три, какъ я уже говорилъ, кое-какъ удалось устроить эту дѣвочку у одной престарѣлой вдовы, — это я зналъ навѣрное,—но что съ нею, куда она дѣвалась и гдѣ

ея мать, до сихъ поръ ничего неизвѣстно. Не разъ встрѣчаясь послѣ того, какъ дѣвочка была устроена, со старшиной, я спрашивалъ его и о дѣвочкѣ, и о матери, но онъ ничего не зналъ. «Слава тебѣ, Господи, хоть съ рукъ сбылъ,—вѣдь, ей-Богу, и безъ этого хлопотъ не оберешься». Но за то неожиданный случай далъ мнѣ возможность узнать всю исторію разстройства этой семьи, изъ которой вынпли эта гулящая, избитая и больная мать, отправленная въ лазаретъ, эта дѣвочка, которая неизвѣстно гдѣ находится, и братъ ея матери, про котораго старшина сказалъ, что онъ пьянствуетъ въ Петербургѣ и не высылаетъ денегъ на паспортъ. Читатель помнитъ, что старшина не хотѣлъ высылать ему паспорта и что, слѣдовательно, онъ волей-неволей долженъ былъ воротиться въ деревню.

И онъ дѣйствительно воротился.

Нѣсколько разъ говорилъ я знакомымъ мужикамъ, чтобъ они прислали кого-нибудь выкосить дворъ и садъ при дачѣ,—они за лѣто сильно заросли травой,—и всякій разъ мнѣ говорили: «хорошо, ладно, придемъ или пришлемъ»; но такъ какъ пора работы была горячая, то отрываться отъ нея для такого ничтожнаго дѣла, какъ косьба сада, было не изъ чего. «Успѣется». Но вотъ однажды въ ворота дачи вошелъ человѣкъ, неся на плечѣ косу; повидимому, это былъ представитель той деревенской голи, которой такъ много теперь возвращается изъ столицъ въ деревни, съ пьяными синяками по всему лицу, безъ копѣйки и иногда буквально безъ одёжи, если не считать рубахи и штановъ за единственную одежду, прикрывающую отъ непогоды. Росту онъ былъ высокаго, въ кости широкъ, но худъ и вялъ, хоть и молодъ. При первомъ же взглядѣ на его лицо, носившее слѣды пьянства и болѣзни, не трудно было видѣть, что онъ только-что продолжительно хворалъ. Голосъ, лазаретный цвѣтъ лица, голова обстриженная подъ гребенку и мѣстами совершенно облѣзлая и какія-то розовыя язвы, какъ бы чуть-чуть затянутыя кожей, говорили, что онъ былъ боленъ крѣпко и притомъ нехорошо... (Я предупреждалъ читателей насчетъ непривлекательныхъ подробностей и еще разъ предупреждаю.) Снявъ рыжій рваный картузъ и обнаживъ больную голову, онъ сказалъ, что прослышалъ насчетъ косьбы, и просилъ дать ему эту работу. «Что пожалуешь,— сказалъ онъ относительно цѣны.—Какая это работа!... Нѣшто такія работы работывали?... Теперь и косы-то вотъ нѣтъ». Коса была со сломанною ручкой и лезвіе ея, почернѣвшее отъ сырой

травы, было тонко и глубоко выѣдено брускомъ: видно, что коса много послужила на своемъ вѣку.

Сталъ онъ косить. Косилъ плохо, хоть и съ жаромъ принялся за работу: видно было, что онъ разучился, если и умѣлъ, и что недавняя болѣзнь ослабила его силы. Съ двухъ-трехъ взмаховъ покраснѣлъ, вспотѣлъ и ужь вытиралъ лобъ. И все время онъ говорилъ, что «такъ ли кашивали!... Первый косакъ былъ... А теперь и косу-то занялъ у людей, и то насилу-насилу дали,—хоть помирай». Разговорились мы и скоро оказалось, что это тотъ самый Михайло, пьяница петербургскій, про котораго говорилъ старшина и сестру котораго увезли въ лазаретъ. Эта куча больныхъ, и битыхъ, и пьяныхъ людей—безъ кола, безъ двора и безъ хлѣба—невольно заставила меня подробнѣе распросить о причинѣ разстройства ихъ семейства, и вотъ что объ этомъ разсказалъ мнѣ Михайло.

«...Какъ вспомнишь, какъ въ прежнее-то время жили,—вѣрите ли, сердце кровью обольется... Теперича, говорю, вотъ и коса чужая, и на себѣ ничего нѣту, и сестра эва въ какомъ мѣстѣ находится,—срамота, не глядѣлъ бы на бѣлый свѣтъ... И не знаю, за что и взяться, и съ чего начинать... Взяться-то не съ чего,—синя пороха нѣтъ,—а все было, все было хорошо, исправно... И давно ли? Почитай, есть ли годовъ пятокъ, много-много лѣтъ шесть, какъ людьми жили, семействомъ, а теперь вотъ... (Разсказчикъ утеръ слезу.) Конечно, маменька покойница рано померла, а все жили ладно; отецъ-родитель,—царство ему небесное!—крѣпкій былъ человѣкъ, неустанный работникъ, и въ ту пору, какъ бѣдѣ-то случиться, было у насъ земли на три души. Первый работникъ—родитель, второй—я,—мнѣ ужь тогда подъ двадцать годовъ подошло,—а третья—сестра, вотъ которая теперича занапрасно пропадаетъ... Въ ту пору была она дѣвка славная, годовъ подъ семнадцать. И что дальше, то все бы лучше должно выходить: первое — сестру замужъ, — хотѣли работника въ домъ взять, потому тятенька нашъ добрѣющій былъ человѣкъ, душевенный, жалостливый. Любилъ онъ насъ, родитель нашъ милостивый, отъ сердца любилъ. «Не отдамъ, говорилъ, Маѳутку въ чужіе люди, найду ей жениха, — пусть на

моихъ глазахъ живутъ»; да и мнѣ пора ужь была въ законъ вступать... И была бы у насъ семья полная, въ полномъ видѣ. Такая семья выходила первый сортъ, все молодые, а большакъ — добрый и ласковый... И непремѣнно бы такъ и было, и въ ту же осень все бы такъ и исполнилось, потому урожай страшенный былъ въ тотъ годъ. Страсть, что былъ за урожай, — старики не запомнятъ этакого года благословеннаго. Все выходило по-хорошему, по-пріятному, — анъ и случись невѣдомо что... Охъ, Господи помилуй, Господи помилуй!... Подумаешь, подумаешь... Я вотъ теперь плелся изъ Питера-то, Христовымъ именемъ побирался, и чего-чего не передумалъ, чего-чего не намучился вспоминаючи-то... И думается такъ: коли бы ежели въ тотъ годъ не случилась весна ранняя, такъ и не было бы ничего этого, и все бы было по-хорошему, и тятенька былъ бы живъ-живёхонекъ, и Мареутка бы въ законѣ жила, да и я бы былъ вполнѣ какъ должно человѣку быть, а не ежели подобнымъ какъ есть подлецомъ... То-то вѣдь Господь-то, премудры его велѣнія...

«И случилось въ тотъ годъ, — говорю я вамъ, — ранняя весна. Никогда старики такой ранней весны не видывали. Зиму почитай-что и снѣгу не было, — все тепло, и туманъ... А ежели и снѣжокъ выпадалъ, такъ сейчасъ и дождь. И стала весна вполнѣ въ такую пору, когда въ прочія времена еще сугробы снѣга лежатъ и метели крутятъ по дорогамъ... Старики долго остерегались её, этой весны-то, — думали, не ударятъ ли морозы, — нѣтъ, тепло, и травка... Погодили, погодили и принялись за работу... И отработали мы весеннія дѣла почитай-что недѣли за двѣ раньше, чѣмъ въ прочіе-то годы... Отработали мы такъ-то, глядь — и весь порядокъ у насъ сдвинулся на бокъ, и вышло у насъ такъ, что передъ Петровымъ днемъ вылупились двѣ лишнихъ недѣли... Что по весеннимъ работамъ слѣдовало, то ужь пошабашили; а что надо было насчетъ лѣтнихъ, то — рано. И межупары прошло, а все двѣ недѣли пустого мѣста остается; все передѣлали — какія мелочи, починки, а все много время... Чисто вотъ какъ трещина какая вышла!... Хоть что хошь, а нѣту никакой работы... И направо работа была, и налѣво взять работы будетъ, а по середкѣ — ровно дыра какая... Ужь мы въ это время и пѣсни играли, и такъ лежишь-спишь, сколько влѣзетъ, и опять за пѣс-

ни,—все некуды дѣвать. До того дошло дѣло, что ужь старые старики, почтенные, и тѣ не знаютъ, какъ распорядиться, даже въ ладыжки,—побожиться, не лгу,—игрывали... Вѣдь даже смѣху достойно было смотрѣть, какъ прародители-то эти соберутся... «Ну-ко, — говорятъ, — кости-то поразмять...» И въ рюхи игрывали. Иной старикъ на одной ногѣ съ дубиной скачетъ, точно ребенокъ малый,—вспомнить, такъ посейчасъ смѣхъ разбираетъ...

«Вотъ разъ такъ-то вечеркомъ и разыгрались—и старики и молодые, и дѣвки и бабы, и малые ребяты... Веселое время было, у всѣхъ на сердцѣ было весело, потому урожай Господь давалъ небывалый... А ужь какъ хлѣба много будетъ, такъ мужикъ прямо отъ веселья пьянъ... Разыгрались до того, что даже староста обмотался весь холстами, да вмостился на ходули и сталъ народъ пугать... А мы, молодые, кто какъ—кто колесомъ, кто какъ обдумалъ... Вотъ и я тутъ же. А я въ ту пору, хоть и было мнѣ подъ двадцать годовъ, какъ вспомню, такъ былъ я подобенъ малому ребенку. Ничего я тогда этого не зналъ— ни водки, ни трактировъ... Игралъ такъ, какъ ребяты играютъ... Всѣмъ весело, а мнѣ пуще всѣхъ... И была у меня въ рукахъ дубина... Перво-наперво «въ рюхи» игралъ, дубиной бросалъ, а потомъ и такъ сталъ махать зря, старосту съ ходуль этой дубиной снесъ, только всѣхъ насмѣшилъ... А надо вамъ сказать вотъ что: пришлось мнѣ везти на станцію какого-то прикащика и далъ мнѣ тотъ прикащикъ двадцать копѣекъ на чай: «поди, говоритъ, выпей чаю». Вотъ я и былъ однова въ трактирѣ. Пилъ я чай и все глядѣлъ, какъ на биліартѣ играютъ... Я ужь послѣ узналъ, что это биліартъ называется, а тогды я только смотрѣлъ, что за игра такая, и слушалъ, что говорятъ. Вотъ и запомнилъ я три слова: «Дуплетомъ—въ уголъ—мимо!» Вотъ какъ разыгрались мы по деревнѣ, я и упомнилъ эти слова-то: и въ рюхи игралъ, а все повторялъ ихъ; и какъ съ палкой гулять сталъ, тоже все они на языкъ лѣзутъ. Тятенька покойникъ,—веселый, помню, сидѣлъ на заваленкѣ,—говоритъ: «что бормочешь?» А я не знаю, что эти слова и значутъ... Размахнулся дубиной, пустилъ ее въ рюху или въ сабаку,—а языкъ самъ прибавилъ: «Дуплетомъ—въ уголъ—мимо!» Играли, играли такъ-то, ужь и

темнѣть начинало,—ужь не одинъ староста, а человѣкъ пять на ходуляхъ по селу пошли дѣвокъ и бабъ пугать,—стали медвѣдями наряжаться, а я все во всѣхъ мѣстахъ съ своей дубиной и все: «Дуплетомъ—въ уголъ—мимо...» Вдругъ какъ шарахнетъ на меня изъ-за плетня мужикъ, прямо подъ ноги, на четверенькахъ, овчиной вверхъ одѣлся, заревѣлъ, а я не поостерегся да дубиной-то, значитъ «дуплетомъ—въ угомъ—мимо», какъ рѣзну, съ разбѣгу-то, глядь—медвѣдь-то и растянулся... Застоналъ, распластался весь... Такъ я и ахнулъ... Вѣдь отца родного... Батюшки мои, батюшки мои миленькіе!... (разсказчикъ плакалъ въ три ручья и косилъ). Онъ, родимый мой, сидѣлъ, сидѣлъ на заваленкѣ-то, любовался баловствомъ нашимъ, потомъ (сестра сказывала) «погоди,—говоритъ,—я ихъ пугану...» Пошелъ, надѣлъ овчину, да на четверенькахъ и сунулся въ народъ, замычалъ по-медвѣжьи... Тутъ-то я его и...

«Ужь тутъ-то я рыдалъ, тутъ-то я тятеньку моего родного, батюшку, цѣловалъ-обнималъ, тутъ-то я убивался! Кажется, все нутро у меня какъ печь раскаленная отъ горя, отъ тоски... А ужь кончено, ничего не подѣлаешь... Аминь!... Какъ что было, ничего не помню: какъ хоронили, какъ меня мыкали-судили, какъ въ темной сидѣлъ, какъ въ судѣ былъ, что говорилъ — все равно какъ во снѣ это для меня было... Окончилось дѣло,—на годъ на покаяніе въ монастырь. Покуда судъ да всякая волочба шли, такъ еще все я опамятоваться не могъ, все какъ сонный... А какъ опредѣлили меня въ монастырь,—въ лѣсу онъ стоялъ, тихо тамъ, народу нѣту, праздники осенніе,—какъ остался я тутъ, и сталъ думать, сталъ соображаться, какъ быть, что дѣлать... Сталъ думать-то, а дѣлать ужь нечего,—ужь все пошло прахомъ, все повалилось... Замѣсто того, чтобъ объ осени двѣ свадьбы играть, да на двѣ души силы прибавить,—ежели бы то-есть сестринъ мужъ и моя жена прибавились,—пришлось дому остаться совсѣмъ безъ народу: меня нѣту, родителя нѣту, осталась одна сестра... Пришло бѣднягѣ такъ, что продала на корню весь хлѣбъ, подати еле-еле отдала, двѣ души въ общество сдала и ужь кое-какъ выплакала земельки на одну душу,—думаетъ, ворочусь я все какъ-нибудь... Какая была скотина лишняя, продала, наняла работника, посѣялась и перебивается зиму-то съ

хлѣба на квасъ... А зима опять безъ снѣгу стояла и опять весна ранняя, да тутъ ужь не такъ, какъ въ прошлый годъ. Вся деревня съ весны тосковать стала, потому въ позапрошлую зиму хоть и не было снѣгу, да мѣста у насъ и такъ мокры, тепло-то и взялось за эту сырь, да за лѣто-то всю ее и вытянуло изъ земли-то. Урожай былъ точно на диво... Ну, а ужь на другой-то годъ, безъ снѣгу-то, ужь трудно землѣ-то стало. А весна-то пришла жаркая, сухая; стало палить-нажаривать съ самыхъ первыхъ дёнъ, выдернуло колосъ сразу, а потомъ и стало его жечь. Земля стала бѣлая, и что дальше, то крѣпче... Молились, молебны служили, а не далъ Богъ дождя; сдѣлалась земля какъ камень крѣпкая. Тутъ ужь не до гулянки. Не то, чтобы пѣсни пѣть, а, разсказываютъ, принялись бабы выть, да обмирать, да за обѣдней выкликать зачали... Пошли слухи про свѣтопреставленіе, про антихристово пришествіе... Затосковалъ народъ... А солнце палитъ, какъ печка раскаленная. Прижгло все начисто. Еле-еле на двѣ недѣли травы собрали, сѣмянъ только-только на посѣвъ, да и то у исправныхъ, богатыхъ, а ужь нашъ домъ совсѣмъ развалился. Осталась сестра безъ всего... Какія были деньжонки или скотина—все разошлось въ годъ-то по-мелочи... Одному мнѣ сколько сердечная передавала! Все надо: и по судамъ, и въ монастырѣ—письмо написать, сторожу дать, караульнаго поблагодарить, когда булочку купить, изъ одёжи тоже нуждался... Все по-мелочи, по-мелочи, а все не въ домъ, все изъ дому... А въ монастырѣ братія тоже не ласкова, коли не угостишь... Тутъ я съ тоски по разоренью и самъ сталъ рюмочки придерживаться, а до этого капли не бралъ... Исхудалъ я тутъ, истосковался, измучился, — не знаю, что и будетъ... Отбылъ свой терминъ, пошелъ въ деревню... Ничего нѣтъ! И послѣдней души удержать не могу,—сдалъ. Тутъ вступилъ Ермолаевскій полкъ (должно-быть Ингерманландскій), въ десяти верстахъ сталъ. Стала сестра ходить тýда стирку брать... А я и не знаю, за что взяться. Стали у насъ на деревнѣ ребяты собираться въ Питеръ на поденщину,— ну, подумалъ-подумалъ и ушелъ съ ними... Авось, думаю, счастье Богъ дастъ... И что же вѣдь?—Послалъ Господь, да дуракъ я былъ, не умѣлъ я понимать... Вотъ наше горе мужицкое—обломы, неотесы!... А вѣдь какая штука-то навернулась, сказать ли тебѣ?...

Разсказчикъ помолчалъ, заинтересовывая меня и этимъ молчаніемъ, и затадочно-развеселившимся лицомъ.

— Въ любовники прямо, съ одного маху, влетѣлъ, почитай-что только носъ показалъ въ Питеръ-то!... Да вѣдь, братъ ты мой, порцыя-то какая попалась! Своихъ, чистыхъ, денегъ скоплено было у ей, у этой самой Аграфены, подъ пять сотъ рублей, да два сундука всякаго добра нажито, пудовъ по двѣнадцати въ сундукѣ! Вѣдь вотъ какая штучка подвернулась! Мнѣ бы,—ежели бы, то-есть, имѣлъ я человѣческій умъ,—мнѣ бы самому надобно бы ее на бракъ склонять. Я бы самъ долженъ былъ вовлекать ее въ эфто дѣло, да на пять-то сотъ въ своей же деревнѣ кабакъ либо лавочку открыть, и были бы всѣ сыты, и все бы было честно, благородно. То-то ума-то нѣтъ!... На мѣсто того, за всю ейную любовь только и было моихъ мыслей, какъ бы ей хуже сдѣлать, чтобъ ей было какъ поскверпѣй. Вотъ какая дубина!... Потому что не понималъ я этихъ любовныхъ поступковъ; представилось мнѣ все это какъ подлость одна... Неотесъ!...

«Перво-наперво, недѣли съ двѣ, какъ въ Питеръ-то пришли мы, шлялся я безъ всякаго пропитанія... Еле-еле три копѣйки на ночлегъ выпросишь Христа-ради... Думалъ, подохну гдѣ-нибудь какъ собака... А тутъ иду однова по Пескамъ, по восьмой улицѣ,—сидитъ у воротъ старичокъ дворникъ... Иду и самъ не знаю куда. Увидалъ старичка, говорю: «Нѣтъ ли какой работы?» Сначала-то говорилъ—нѣту, а потомъ поразговорился, пораспросилъ,—«постой,—говоритъ,—я къ барынѣ пойду...» Пошелъ и вскорости воротился.—«Хочешь,—говоритъ,—три рубля, оставайся!» Я и остался, въ подручные ему. Домикъ былъ невеликъ, деревянный, шесть квартиръ, да во флигелѣ еще три махонькія... Вотъ я и сталъ ворочать и воду, и дрова, и соръ... Радъ, что хошь щи-то ѣшь каждый Божій день. Вотъ въ эфто время и увидалъ я Аграфену. Принесъ я въ первый разъ дрова въ хозяйскую кухню, вижу—женщина, одѣта по-хорошему, ростомъ коротковата, волосомъ черная, а годовъ ей на видъ ужь за тридцать, однако не похожа на старуху. Увидала она меня и остановилась, и смотритъ,—я дрова складываю, а она смотритъ; потомъ вздохнула и пошла, а потомъ опять пришла. Она мнѣ потомъ сама сказывала: «ты,—говоритъ,—сразу мнѣ полюбил-

ся. Я,—говоритъ,—какъ увидала тебя, такъ въ ту же пору о тебѣ затосковала...» А меня,—я по совѣсти говорю,—ежели бы съ недѣлю покормить въ ту пору хорошо, такъ я бы послѣ голодовки-то ловко выправился... Вотъ Аграфена-то и поняла это. Пришелъ я на другое утро съ дровами, опять она въ куфнѣ.—«Ты,—говоритъ,—усталъ, вотъ тебѣ кофейникъ, пей кофій съ чернымъ хлѣбомъ». Выпилъ я тутъ стакановъ съ десятокъ—до того, что ужь одинъ кипятокъ въ стаканъ наливаю, а Аграфена только ухмыляется, головой качаетъ. Съ тѣхъ поръ стала она меня въ свою комнату звать кофій пить. Приду, сложу дрова, или воду выдью въ кадку,—«иди кофеи пить». Заведетъ меня подъ лѣстницу, принесетъ булокъ, калачей,—ѣшь! Я пью, ѣмъ, а она на свою горькую участь жалуется. «Всю жизнь,—говоритъ,—свѣту не видала. Сирота круглая. Съ малыхъ дёнъ жила въ казенномъ пріютѣ, кормили плохо, строгости большія, все божественному учили, чтобы потомъ въ прислуги въ хорошіе дома отдавать... Взяли,—говоритъ,—потомъ въ прислуги, прожила я въ хорошемъ домѣ двадцат лѣтъ,—ни дня, ни ночи не видала покою. Барыня была старуха божественная, поѣдомъ ѣла. Сколько,—говоритъ,—жениховъ сваталось, всѣхъ прогнала барыня-то. Жениха прогонитъ, а мнѣ пригрозитъ: въ аттестатѣ напишу!... А не то,—говоритъ,—иди: ни жалованья, ни одёжи не дамъ. Такъ и жила какъ въ тюрьмѣ». Померла эта божественная-то барыня, поступила Аграфена къ другой—къ той самой, у которой домъ и гдѣ я мѣсто получилъ. Жила она здѣсь свободно, барыня была вдовà, все плакала по мужчинамъ,—все они ее обманывали... И Аграфена также все о мужчинахъ тосковала, что дожила она до какихъ лѣтъ, а никакого удовольствія не видала. Вотъ онѣ обѣ и сошлись—и барыня, и ключница. И у куфарки былъ любовникъ—музыкантъ полковой. Такъ у нихъ у всѣхъ и было согласно все по любовной части. Однѣ женщины да любовники, только Аграфена все разыскивала себѣ по сердцу. А тутъ и нанеси меня нелегкая... Вотъ и стала она меня кофіемъ поить, да про горькую участь свою разсказывать... Я пью-ѣмъ, а она говоритъ, говоритъ, какимъ хорошимъ женихамъ отказала, какъ свѣту не видала, да и заплачетъ. Я поѣмъ, попью и—уйду. А сталъ я шибко разъѣдаться съ этихъ кофіевъ.

Стала Аграфена меня даже котлетами кормить съ барынинаго стола и, между прочимъ, плачетъ и говоритъ: «И кто бы меня успокоилъ?» Я поѣмъ и—пойду. Проходитъ время, стала Аграфена такъ говорить: «Миша, неужто ты меня не успокоишь? Развѣ ты не понимаешь, что я тебя кофіемъ пою и прочія предлагаю закуски не зря?... Вѣдь зря-то,—говоритъ,—я и собакамъ могу выкинуть». А я, ей-Богу, передъ Богомъ сказать, въ толкъ не возьму, чѣмъ я ее успокою... Три рубля жалованья всего-то на мѣсяцъ,—изъ чего тутъ угощать?—«Нечѣмъ, говорю, мнѣ тебя успокоить». Что день, то она все явственнѣе стала доказывать, а я все отвѣта ей не даю, потому порядковъ не знаю... День за день, день за день, наконецъ, того, однажды плакала, плакала она, покуда я пилъ-ѣлъ, потомъ видитъ, что отъ меня нѣту ей никакого смысла, отерла глаза платкомъ и говоритъ, проворно таково: «Ну,—говоритъ,—коли ты до сихъ поръ ни въ чемъ не имѣешь понятія и словъ моихъ не слушаешь, такъ должна же я какъ-нибудь сама присодѣйствовать. Ступай, одѣвайся и жди меня за воротами». Допилъ я кофій, пошелъ—одѣлся и вышелъ за ворота. Спустя время выходитъ Аграфена. «Иди,—говоритъ,—за мной». Ну, я и пошелъ. Она все по-переду идетъ... Шли, шли и пришли въ Большую Мѣщанскую... Есть тамъ гостиница «Ломбардія», потому она какъ разъ напротивъ ломбарту помѣщается. Аграфена все впередъ, а я все за ней... Такъ нéшто я понималъ что? Вѣдь никто ей не велѣлъ,—сама догадалась...

«Н-ну, послѣ этого случаю и стала она меня подвергать къ себѣ—что ни день, то крѣпче,—что ни день, то все строже... Первымъ долгомъ подвела подъ барыню мину—стараго дворника-старичка вонъ согнала съ мѣста. Двадцать лѣтъ онъ жилъ—и вдругъ его выкинули. Даже заплакалъ пошелъ... Куфарка было вступилась за старичка, да Аграфена подвела тарпеду—и ее вонъ, и съ любовникомъ, всѣхъ прочь... Меня въ дворницкую. Подручнаго мальчишку изъ дворницкой—вонъ: спи гдѣ хочешь, хоть помирай... Дворницкую вымыла, прибрала, выклеила; мнѣ—поддевку, сапоги, жилетку, часы—все за первый сортъ... Ну, а чтобы куда-нибудь отлучиться или что-нибудь—ужь извини! Такъ и смотритъ изъ куфни на дворъ, точно ястребъ... Чуть мало-мало замѣшкалъ съ дровами гдѣ-нибудь въ

квартирѣ,—зоветъ на весь дворъ:—«Михайла, Михайла! Гдѣ мой Михайла?» Цѣльный день по всему дому только и слышно: «мой Михайла, мой Михайла, мой Михайла, и мой, и мой, и мой...» Чистая срамота! А у ней даже ни капли нѣту... Куфарокъ всѣхъ коститъ нехорошими словами во всю пасть; по всѣмъ кабакамъ по восьмой улицѣ обѣгала, чтобъ мнѣ водки не давать: «если будете моему Михайлѣ водку давать,—я васъ всѣхъ въ каторжныя работы отдамъ, денегъ не пожалѣю». Иной гдѣ-нибудь съ какимъ человѣкомъ или съ квартирантомъ поговоришь, хвать—ужь она всѣ портерныя облетала, во всѣхъ лавкамъ побывала: «не видали ли моего Михайлу?» И все ко мнѣ въ дворницкую: какъ урвется минутка—тутъ! А нѣтъ меня, опять: «Михайла, Михайла!» или: «иди, иди, иди!... Домой, домой, домой!...» То-есть загоняетъ меня какъ скотину хворостиной—и съ того боку, и съ другаго, а ужь вгонитъ въ дворницкую, или къ себѣ въ куфню... Народъ-то сталъ смѣяться. Куфарки стали подражать,—тоже принялись изъ кухонь въ форточки кричать: «Михайла, Михайла! иди ко мнѣ ночевать!» А это ее пуще мутитъ... Однова лавочникъ въ шутку ей сказалъ: «твой Михайла вонъ къ той куфаркѣ пошелъ»,—такъ, въ шутку,—такъ она, ни слова ни молвя, прямо ему въ виски впилась, еле отняли. Потомъ отдала у мирового пятнадцать цѣлковыхъ штрафу. «Только посмѣй кто, все рыло оборву!...» Вѣдь вотъ что за характерная женщина!...

«И стала она, братецъ ты мой, противна мнѣ. Кажется, дѣйствительно, что надо бы мнѣ ей уваженіе дѣлать за всѣ ея угожденія: подручнаго на свой счетъ наняла, а меня ужь прямо въ куфню перевела, чтобъ я ничего не дѣлалъ,—а нѣтъ, мутитъ меня и вся тутъ... И народъ смѣется, — говоритъ: «нанялся въ любовники!...» И воли-то нѣту, да и грѣхъ... Она было сама мнѣ насчетъ браку,—«примемъ законъ!» Нѣтъ, думаю, «сравнить ли экую шкуру съ нашей деревенской!» А пуще всего стала она меня сердить сестрой. Я было ей сказалъ: «надо сестрѣ денегъ послать,—чай она тамъ пропадаетъ съ голову». Ни копѣйки не дала: «Я, говоритъ, всю жизнь мучилась, да деньги свои буду давать. Мнѣ самой хочется имѣть отдыхъ». Такъ и не дала... Разъ я погрозилъ: «уйду, найду себѣ другое мѣсто,—такъ какъ чортъ осатанѣла: «всю одёжу отберу, жалованье не

отдамъ, барыню упрошу и въ пачпортѣ напишетъ такъ, что никто не возьметъ». Конечно, со зла болтала, а случись, и ей-богу бы сдѣлала. А безъ одёжи куда я пойду?... Скрѣплюсь, молчу, а дюже, дюже она мнѣ противна... А тутъ случилось — пришло письмо изъ деревни: пишутъ, сестра родила, гулять пошла... Вспомнилъ я нашу деревню, сестру, все наше горе и разоренье — и такъ меня засосало съ этого дня, и такъ мнѣ показалась горька моя кабала... Сталъ я пить, а Аграфену колотить... Раздумаешься, затоскуешь — и прямо въ кабакъ... Какъ Аграфена показалась, — а ужъ она сейчасъ мчится, — такъ кулаки сами и зачнутъ сучить... И больно ей доставалось. Долго я крѣпился, покорялся ей; а какъ сорвался, да какъ пошелъ на отчаянность, такъ что дальше, то чаще. Придешь пьяный, разорешься, раздерешься, нашкандалишь, — барыня сама выйдетъ: «Сейчасъ убирайся со двора долой!» И сейчасъ Аграфена меня выручитъ. Спрячетъ, уложитъ, упроситъ, а сама передъ барыней — и на пяточкахъ и на носочкахъ, и лапочками и бочками, и словами и глазами, и такъ и эдакъ, и вползетъ и выползетъ, — хвать, и выпутала. Придетъ, говоритъ: «оставайся», — и все цѣлуетъ, да плачетъ... Послѣ этого я недѣли съ двѣ погожу, подкрѣплюсь, — потому куда я въ самомъ дѣлѣ дѣнусь? Послѣ сестринаго горя и въ деревню - то срамъ показаться... А потомъ опять сдѣлаю скандалъ, барыня опять: «чтобъ сейчасъ твоего духу не было», — а Аграфена опять заюлитъ, зазмѣитъ, замутитъ передъ барыней, заборможетъ, замерячитъ, вплететъ и выплететъ, — глядишь, и выюлила, и вызмѣила... Опять бѣжитъ: «оставайся!...»

«Долго всего разсказывать... Только сколь она меня ни выправляла, а все я хуже и хуже сталъ забаловывать. Стала она мнѣ все противнѣй... Какъ вспомню деревню, бабъ нашихъ умницъ-работницъ, сестру мою горькую, — убилъ бы, кажется, Аграфену съ маху... Сталъ я отъ ней бѣгать по два, по три дня. Сталъ вещи пропивать, да принялся шляться по нехорошимъ мѣстамъ... Долго ли, коротко ли, а дошлялся я до того, что надо ложиться въ больницу... И что-жь вы думаете? Какъ дошлялся я до этого, вдругъ мнѣ стало Аграфену жаль... Такъ мнѣ стало ее жаль — страсть! Вспомнилъ я, сколько она бѣдная меня лю-

била, какъ за мной ходила, всѣ деньги свои кровныя на меня провела—и вдругъ я ей скажу... Вѣдь она померѣть должна отъ огорченія... Мнѣ бы сейчасъ сказать, а я пожалѣлъ и не сказалъ... Вижу я, что и она пропадаетъ, молчу и жалѣю. А она видитъ, что я жалѣю,—рада, горькая, радёшенька, не знала какъ и угодить... Наконецъ того стали ей говорить: «Михайла твой такъ и такъ...» Куды тебѣ! Такъ и лѣзетъ къ мордѣ тому, кто скажетъ. Ни капли вѣры не даетъ. «Чтобы мой Михайла? Онъ меня любитъ (а я только полюбилъ ее какъ сталъ виноватъ), да чтобы онъ... Всѣ глаза выцарапаю, кто скажетъ то...» А я гляжу, затаилъ свою подлость, да еще больше ее жалѣю... А она все пуще влюбляется, даже не спрашиваетъ,—«не можетъ быть этого». А ужь гдѣ не можетъ быть...

«Барыня сама все раскрыла, запримѣтила и тую же минуту обоихъ насъ вонъ... Аграфену и меня полиція въ больницу отвезла. Какъ узнала Аграфена правду, только поглядѣла на меня, ничего не сказала и сдѣлалась съ ней точно какъ падучая... Вспоминать-то страшно объ этомъ, передъ Богомъ скажу!... Какъ отвезли ее въ лазаретъ, такъ я съ тѣхъ поръ и не видалъ ее. А и самъ дюже я по ней тосковалъ и сейчасъ сосетъ тоска... Долго я въ лазаретѣ маялся... Вышелъ вонъ мѣсяца четыре назадъ, всю одёжу въ больницѣ проѣлъ, лицо у меня видите какое, не всякій пуститъ,—сейчасъ видно, что нехорошо хворалъ... Идти мнѣ некуда. Думаю, «не розыскать ли Аграфену?» Справлялся и въ адресномъ, и въ участкѣ,—нигдѣ нѣтъ. Пошелъ въ больницу, далъ писарю послѣдній рубль (сапоги продалъ), чтобы розыскалъ... Розыскалъ: «Сейчасъ, говоритъ, она на Преображенскій вокзалъ свезена. Померла вчерась... Пошелъ я на Преображенскій вокзалъ, въ Гончарной улицѣ,—по желѣзной дорогѣ покойниковъ отправляютъ,—спрашиваю: не знаютъ. Нужно, говорятъ, нумеръ знать. Гробовъ - то много, нумера обозначены, а который гробъ Аграфенинъ—неизвѣстно... Паренекъ тутъ сидѣлъ на станціи, плакалъ: «отправилъ онъ мать покойницу, значитъ, багажомъ сдалъ на преображенскую машину, а квитанцію-то отъ матери потерялъ... Теперь и боится, какъ бы ему на кладбищѣ-то какого-нибудь другого покойника-то не выдали, а пуще всего какъ бы въ материну могилу другого покойника не положили.

У одной генеральши,—тоже вотъ такъ-то квитанцію отъ мужа потеряла, — такъ вмѣсто мужа-то бухарца зарыли. Вотъ и я такъ-то безъ квитанціи-то... Гробовъ-то много, а которая тутъ Аграфена—не знаю... Постоялъ я, поглядѣлъ, поплакалъ и пошелъ пѣшкомъ въ деревню... Видите, каковъ вернулся?»

Онъ снялъ картузъ и повелъ ладонью по облѣзлой головѣ. На глазахъ его были слезы.

— А сестра-то!—сказалъ онъ и заплакалъ, залился и, утирая лицо концомъ рваной рубахи, шепчетъ:—теперь бы ужь не то што кабакъ, ужь и трактиръ бы...

«Ну,—скажетъ читатель,—вѣдь нельзя же предвидѣть такихъ случайностей, какъ «убійство играючи...» Такихъ мелочей, конечно, нельзя предвидѣть; но «сиротство», какъ результатъ этихъ мелочей безчисленныхъ, благодаря случайностямъ, обставляющимъ крестьянскій трудъ,—надо видѣть и надо думать, чтобы оно не было отдано на волю случая и полной безпомощности. На то на свѣтѣ и живутъ умные и ученые люди, чтобы неученый человѣкъ не пропадалъ понапрасну.

Г. Успенскій.

ЭНЕРГІЯ СОЛНЦА *).

(Посвящается Ѳ. А. Бредихину.)

Most glorious orb!... Thou material God,
And representative of the Unknown...
Manfred.

Солнце—этотъ «свѣточъ міра», по выраженію Кеплера—стало въ послѣднія 25 лѣтъ предметомъ усиленнаго изученія со стороны астрономовъ и физиковъ. Сложилась цѣлая наука,—назовемъ ее *геліологія*,—имѣющая свои методы, свои обсерваторіи, свою богатую литературу. Въ предлагаемомъ очеркѣ мы намѣрены разсмотрѣть одну сторону обширнаго предмета: мы будемъ говорить о количествѣ солнечной энергіи, объ ея таинственныхъ источникахъ, объ условіяхъ ея сохраненія или истощенія. Рядъ новыхъ работъ, новыхъ гипотезъ по этимъ вопросамъ дѣлаетъ такой обзоръ довольно своевременнымъ.

О размѣрахъ, составѣ, строеніи солнца напомнимъ лишь немногое. Громадная сфера солнца имѣетъ діаметръ въ 109 разъ болѣе діаметра земли и почти вдвое болѣе діаметра лунной орбиты. Разстояніе солнца отъ земли слишкомъ въ 100 разъ болѣе его діаметра и составляетъ около 150 милліоновъ метровъ **).

*) Настоящая статья представляетъ, въ нѣсколько дополненномъ видѣ, рефератъ, читанный въ годичномъ собраніи Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы 3-го октября сего года.

**) Изъ числа различныхъ иллюстрацій этого огромнаго разстоянія приведемъ одну, ради ея оригинальности. Физіологи измѣрили быстроту, съ какою передается нервами раздраженіе органовъ чувствъ. Вообразимъ себѣ на землѣ,—говоритъ профессоръ Менденголлъ,—дитя съ такою длинною рукой, что, протянувъ ее, оно коснется солнца. Дитя состарится и умретъ естественною смертью прежде, чѣмъ успѣетъ почувствовать обжогъ.

Благодаря слабой плотности (она лишь 1/4 средней плотности земли и только въ 1²/5 раза больше плотности воды), солнце только въ 330.000 разъ массивнѣе земли, что̀ составляетъ однако болѣе 100.000 квадрилліоновъ (1 съ 29-ю нулями) пудовъ. Эта масса оказываетъ на своей поверхности силу притяженія въ 28 разъ больше, чѣмъ сила тяжести на поверхности земли.

Солнце вращается около оси, почти перпендикулярной къ плоскости эклиптики, дѣлая оборотъ въ 25 сутокъ. Слѣдствіемъ этого должно быть, какъ и на землѣ, нѣкоторое ослабленіе силы тяжести подъ экваторомъ солнца отъ вліянія центробѣжной силы.

Спектроскопъ обнаружилъ намъ отчасти химическій составъ солнца, или, по крайней мѣрѣ, наружныхъ его слоевъ. Здѣсь съ достовѣрностію найдены, въ состояніи раскаленныхъ газовъ, около 20 металловъ, знакомыхъ намъ на землѣ *), въ томъ числѣ водородъ. Изъ металлоидовъ указано съ довольно большою вѣроятностью присутствіе кислорода; менѣе убѣдительно обнаружены углеродъ, сѣра, азотъ; вовсе не найдено кремнія, хлора, брома, іода, составляющихъ значительную часть земной коры. Наконецъ, прослѣжены два загадочныя вещества, которыхъ не встрѣчаемъ на землѣ (одно изъ нихъ названо *геліемъ*).

Несомнѣнно, что наружные слои солнца состоятъ изъ паровъ и облаковъ раскаленнаго вещества, причемъ особенно видную роль играетъ легчайшій изъ газовъ—водородъ. Фильтруясь сквозь эти газы и пары, лучъ солнца, идущій изнутри солнечной массы, лишается нѣкоторыхъ своихъ составныхъ частей и даетъ въ спектрѣ черныя (Фраунгоферовы) линіи, помощію которыхъ и распознали присутствіе названныхъ веществъ. Въ какомъ состояніи аггрегаціи (твердомъ, жидкомъ или газовомъ) находится внутреннее ядро солнца, дающее этотъ фильтруемый наружными слоями *непрерывный спектръ*, это—вопросъ не порѣшенный окончательно. Съ тѣхъ поръ, какъ утвердилось болѣе точное представленіе объ отношеніяхъ между тремя состояніями вещества, вопросъ для физика сводится къ другому: какія вещества составляютъ внутреннюю массу солнца и какова ихъ температура? Для всякаго вещества есть своя температура, такъ-называемая *критическая точка*, выше которой оно не дѣлается жидкимъ или

*) Желѣзо, титанъ, кальцій, марганецъ, никкель, кобальтъ, хромъ, барій, натрій, магній, мѣдь, водородъ, палладій, ванадій, молибденъ, стронцій, свинецъ, ураній, алюминій, церій, кадмій.

твердымъ, какому бы давленію ни подвергалось. Если считать, что химическая родственность состава между солнцемъ и землею простирается и на внутреннюю массу солнца, — если притомъ температура солнца такъ высока, что превосходитъ критическія точки всѣхъ земныхъ веществъ,—то слѣдуетъ заключить, что внутренняя масса солнца газообразна. Этотъ газъ, благодаря громадному давленію, могъ сдѣлаться плотнѣе воды и потерять многія изъ свойствъ газа, взятаго въ обыкновенныхъ условіяхъ; спектръ сильно сдавленнаго газа такъ же непрерывенъ, какъ спектръ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ. Большинство ученыхъ склоняется теперь къ такому представленію о солнцѣ, какъ массѣ газообразной.

Впрочемъ, температура солнца извѣстна намъ только гадательно. Было время, когда, опираясь на нѣкоторые опыты, эту температуру считали милліонами градусовъ (Секки). Но послѣ болѣе обстоятельной обработки тѣхъ же данныхъ можно полагать температуру наружныхъ слоевъ солнца, грубымъ счетомъ, около 10.000° Ц. (Россетти); температура внутреннихъ массъ должна сильно превышать эту цифру.

Эти температуры во всякомъ случаѣ гораздо выше всѣхъ тѣхъ, какихъ достигали на землѣ путемъ горѣнія или электрическаго тока (не болѣе 4.800° Ц.), и можно думать, что онѣ выше критическихъ точекъ земныхъ веществъ, хотя съ точностью мы знаемъ лишь немногія изъ этихъ критическихъ точекъ. Локьеръ изъ сопоставленія нѣкоторыхъ спектроскопическихъ данныхъ заключаетъ, что при подобныхъ температурахъ не могутъ существовать всѣ или многіе металлоиды, что они разлагаются на составныя части, хотя въ нашихъ земныхъ условіяхъ являются неразложимыми. Этимъ Локьеръ объясняетъ отсутствіе многихъ металлоидовъ на солнцѣ. Мы безсильны пока провѣрить такой выводъ. Наши средства искуственно производить высокія температуры ограничены извѣстными предѣлами. Единственный путь къ расширенію масштаба знакомыхъ намъ температуръ откроется, какъ думаетъ Р. Питé, когда обратимся къ тому же солнцу, направляя на него громадныя зажигательныя зеркала.

Отъ этого очага, далеко оставляющаго за собой всѣ его земныя подражанія, льется въ пространство непрерывный потокъ лучистаго тепла—потокъ энергіи въ формѣ работы волнъ эѳира, идущихъ впередъ и впередъ и подновляемыхъ новыми толчками

изъ центра. Лишь ничтожная доля этого пучка лучей перехватывается тѣлами планетной системы и утилизуется ими. Земля живетъ на *одну двухмилліардную* долю этого потока, ибо такую долю занимаетъ ея дискъ на небесномъ сводѣ солнца. И эта кроха достаточна, чтобы поддерживать на нашей планетѣ и циклъ метеорологическихъ явленій, и органическую жизнь! Изъ этого источника прямо или косвенно ведетъ начало работа воды (исключая приливъ и отливъ моря), работа вѣтра, пара, гальваническихъ машинъ, мускульной силы. *Внѣ* этого источника энергіи на землѣ стоятъ лишь немногіе процессы—частію собственно земнаго происхожденія (вулканическія явленія, химическая энергія самородной сѣры и т. п.), частію космическаго (работа прилива и отлива, отчасти обусловливаемая тоже солнцемъ, но не *лучами* его)—и ничтожная энергія сгаранія метеоритовъ (Томсонъ).

Утилизуя косвенно энергію солнца въ работѣ воды, угля, пара, гальванизма, сравнительно не такъ давно вздумали обратиться и прямо къ источнику. Обширныя степи Африки и Азіи безплодно поглощаютъ громадное количество солнечнаго тепла, которое могло бы кипятить воду нашихъ паровиковъ и стать источникомъ механической работы. Таковы машины Эриксона, Мушó, Пи́фра, собирающія теплоту солнца помощію большихъ вогнутыхъ зеркалъ и употребляющія ее въ дѣло. Понятно, что такой солнечный двигатель удобенъ лишь для странъ, гдѣ много безоблачныхъ дней. Въ послѣднее время двѣ коммиссіи въ Монпельѐ (Ю. Франція) и Константинѣ (Алжирія) разрабатывали практическую сторону вопроса о «солнечныхъ машинахъ». Лѣтомъ 1882 года, на одномъ праздникѣ въ Тюльерійскомъ саду, подобная машина приводила въ движеніе типографскій прессъ и печатала (по 500 экземпляровъ въ часъ) импровизованную газету *Soleil*.

Энергія солнечныхъ лучей на землѣ проявляется непосредственно въ трехъ видахъ: какъ тепло, какъ свѣтъ и какъ химическое дѣйствіе. Только часть солнечныхъ лучей дѣйствуетъ на нашъ глазъ. Разлагая лучъ солнца въ видѣ спектра посредствомъ стеклянной призмы, мы найдемъ, что за предѣлами видимыхъ, цвѣтныхъ лучей лежатъ, по обѣ стороны спектра, еще невидимые лучи, присутствіе которыхъ можно обнаружить дѣйствіемъ на термометръ и на фотографическую бумагу. Въ прежнее время думали, что темные лучи, лежащіе за *нижнимъ* (краснымъ)

концомъ спектра (ультракрасные), могутъ *только* грѣть, что темные лучи другого *(верхняго)* конца (ультрафіолетовые) дѣйствуютъ *только* химически (наприм., въ процессѣ фотографіи). Полагали даже, что ультракрасные лучи—суть теплые по преимуществу—теплѣе свѣтлыхъ.

Въ эту ошибку вводилъ отчасти обычный снарядъ для полученія спектра—призма. Въ спектрѣ, который она даетъ, лучи разсѣваются неравномѣрно: нижніе скучиваются болѣе, чѣмъ верхніе, почему дѣйствіе первыхъ кажется сильнѣе. Равномѣрно разсѣянный *(нормальный)* спектръ даетъ такъ-называемая *диффракціонная сѣтка*. Это—пластинка стекла или металла, на которой начерчены тонкія параллельныя линіи, въ равныхъ и микроскопически-малыхъ разстояніяхъ между собою. Пропуская черезъ такую пластинку, или отражая отъ нея, лучъ солнца, мы получимъ тоже спектръ (даже цѣлый рядъ спектровъ), но съ болѣе равномѣрнымъ распредѣленіемъ цвѣтовъ, такъ что красный конецъ кажется шире, фіолетовый у́же, чѣмъ въ спектрѣ призмы. Чѣмъ тоньше промежутки между чертами сѣтки, чѣмъ больше ея площадь, тѣмъ сѣтка дѣйствуетъ лучше. Въ послѣднее время въ Америкѣ фабрикація такихъ сѣтокъ получила важныя усовершенствованія: профессоръ Рòуландъ (Rowland) въ Балтиморѣ дѣлаетъ сѣтки до 160 квадр. сантиметровъ (25 кв. дюйм.) величиною, имѣющія до 43.000 черточекъ на ширинѣ 1 дюйма (на 1 миллиметръ приходится до 1.700)! Тотъ же ученый чертитъ сѣтки на вогнутомъ металлическомъ зеркалѣ: такое зеркало замѣняетъ разомъ и призму, и тотъ телескопъ, который служитъ для подробнаго разматриванія спектра.

Но возвратимся къ свойствамъ солнечныхъ лучей. Нынѣ дознано, что *всѣ* лучи спектра дѣйствуютъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, и нагрѣвательно, и химически. Съ одной стороны, удается фотографировать не только верхнюю часть спектра, какъ прежде, но и нижнюю—красную и ультра-красную. Съ другой стороны, даже ультрафіолетовые лучи имѣютъ, хотя слабое, термическое дѣйствіе. Только на нашъ глазъ дѣйствуютъ одни средніе лучи спектра — отчасти потому, что прочіе мало пропускаются оболочками и жидкостями глаза. Далѣе найдено, что *maximum* какъ нагрѣвательной, такъ и химической силы въ нормальномъ спектрѣ соотвѣтствуетъ среднимъ, именно оранжевымъ, лучамъ, — тѣмъ, которые и на глазъ кажутся наиболѣе яркими (Лянглей, Абней).

Такимъ образомъ чувствительный термометръ можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ всей вообще энергіи солнечнаго луча. Не таковъ нашъ глазъ: изъ полнаго протяженія нормальнаго спектра солнца мы видимъ только $1/7$ долю, а отъ полной энергіи солнечнаго луча, падающаго на глазъ, ощущаемъ лишь одну четверть. Ощущаемыя глазомъ эѳирныя волны имѣютъ длину волны отъ $4/10$ до $7/10$ микра (микръ—тысячная доля миллиметра); между тѣмъ какъ термометромъ и фотографіей можно прослѣдить волны съ длиною отъ $3/10$ до 3 микровъ (Лянглей) *). Такимъ образомъ вся совокупность извѣстныхъ намъ эѳирныхъ волнъ, идущихъ отъ солнца, представляетъ (говоря по аналогіи со звукомъ) болѣе трехъ октавъ.

Какова же цифра энергіи, испускаемой солнцемъ въ данное время, напримѣръ—въ каждую минуту? Здѣсь, повидимому, не трудно получить точный отвѣтъ. Слѣдуетъ, во-первыхъ, измѣрить, какую теплоту приноситъ съ собою въ одну минуту лучъ солнца, имѣющій извѣстную площадь сѣченія (напримѣръ, одинъ квадр. метръ). Зная размѣры земли, найдемъ, сколько надаетъ тепла на всю землю; а зная, что земля перехватываетъ $1/2250000000$ долю полнаго излученія, подведемъ окончательный итогъ.

Какъ ни проста задача, едва ли можно сказать, что мы ее рѣшили,—мы знаемъ только *minimum* искомой цифры. Легко уловить и оцѣнить ту теплоту, которая доходитъ до поверхности земли; но сколько осталось ея въ верхнихъ слояхъ атмосферы, сильно поглощающей нѣкоторые лучи солнца, этого въ точности не знаемъ.

Наблюдая нагрѣваніе тѣлъ солнцемъ на различныхъ высотахъ надъ уровнемъ моря, при различныхъ высотахъ солнца надъ горизонтомъ (слѣдовательно при различной длинѣ *пути* лучей *сквозь атмосферу*), старались отсюда заключить, сколько отнимаетъ атмосфера, и найти ту цифру теплоты, которая получилась бы, еслибы дѣлать опытъ *внѣ* атмосферы. Такимъ путемъ Пульé находилъ около 18 калорій въ минуту на квадратный метръ (предполагая, что лучи падаютъ перпендикулярно); позднѣйшіе наблюдатели (Віоль, Крова́ и другіе) находятъ 22—25 калорій.—Калорія—это то количество тепла, какое нужно, чтобы

*) Самый высокій *тонъ*, еще слышимый ухомъ, даетъ воздушныя волны длиною немного менѣе 9 миллиметровъ.

нагрѣть килограммъ воды на 1° Ц., или фунтъ воды на 2½°.— Объясняясь проще, количество лучистаго тепла, падающее перпендикулярно на какую-нибудь площадь въ теченіе одной минуты, нагрѣетъ лежащій на ней слой воды въ 1 дюймъ толщиной на 4° Ц.,—если допустимъ, что вся эта теплота остается въ водѣ. Не забудемъ, что вода нагрѣвается съ трудомъ (имѣетъ большую теплоемкость); такой же слой ртути, золота или платины нагрѣется на 120°. Чѣмъ тоньше слой, тѣмъ значительнѣе будетъ нагрѣваніе.

Но и въ этой оцѣнкѣ есть еще сомнѣніе,—и она, повидимому, слишкомъ низка. Въ способахъ измѣренія есть недостатки; притомъ лучи, исходящіе изъ солнца, весьма разнородны и не всѣ въ равной мѣрѣ пропускаются атмосферой: она дѣйствуетъ какъ желтое или красное стекло, поглощая съ одной стороны много темныхъ лучей тепла, а съ другой — много верхнихъ (синихъ, фіолетовыхъ, ультрафіолетовыхъ) лучей спектра; снявъ атмосферу, или, иными словами, перенесшись за ея предѣлы, мы увидали бы солнце *голубымъ* *). Чтобы вѣрно оцѣнить поглощеніе въ атмосферѣ и энергію солнца *до* этого поглощенія, слѣдуетъ порознь перебрать всѣ полоски, всѣ линіи солнечнаго спектра. Но это требуетъ уже очень чувствительнаго къ теплотѣ снаряда, такъ какъ на такую полоску приходится немного теплоты. Этой цѣли удовлетворяетъ до нѣкоторой степени извѣстный термоэлектрическій столбикъ Меллони; но еще лучше, еще гораздо чувствительнѣе недавно изобрѣтенный снарядъ—*болометръ*—американскаго профессора Лянглея (Langley). Этотъ ученый пользуется для измѣренія теплоты извѣстнымъ свойствомъ металловъ увеличивать, по мѣрѣ нагрѣванія, свое гальваническое сопротивленіе. Гальваническій токъ пропускается чрезъ развѣтвленіе проволокъ, извѣстное подъ именемъ «Уитстонова моста» и уже давно примѣненное Сименсомъ къ устройству электрическаго термометра. У Лянглея двѣ изъ этихъ проволокъ—чрезвычайно длинныя и чрезвычайно тонкія нити или полоски изъ стали, платины или палладія: онѣ имѣютъ до 1/1000 доли миллиметра (!) въ толщину и около 1/8 миллиметра въ ширину. Двѣ полоски эти лежатъ рядомъ.

*) По соображеніямъ Лянглея, объ опытахъ котораго говоримъ ниже, солнце внѣ атмосферы имѣетъ цвѣтъ голубой линіи спектра водорода (линія *F* Фраунгофера).

Если онѣ равно нагрѣты, гальванометръ не показываетъ тока; но достаточно разницы въ $^1/_{100000}$ градуса, чтобы токъ обнаружился. Этотъ чувствительный и быстро дѣйствующій снарядъ Лянглей подвергаетъ дѣйствію тонкой полоски солнечнаго спектра, полученнаго помощію диффракціонной сѣтки. Такимъ образомъ можно измѣрить отдѣльно энергію каждой спектральной полоски, можно отдѣльно прослѣдить для нея законы атмосфернаго поглощенія. Опыты производились частію на Аллеганской обсерваторіи, частію же на горѣ Уитней (Whitney) въ Калифорніи—почти на высотѣ Монблана (три наблюдательныя станціи на этой горѣ находились на 800, 4.000 и 4.800 метровъ надъ уровнемъ моря). Для опытовъ служила одна изъ вогнутыхъ сѣтокъ Роуланда. Результаты изслѣдованія, еще не оконченнаго, повидимому, заставятъ сильно повысить цифру полнаго итога солнечной теплоты: покамѣстъ Лянглей даетъ, какъ приблизительную цифру, 30 калорій въ минуту на квадратный метръ.

Допустимъ пока, что эта цифра—30 калорій въ минуту на квадратный метръ—опредѣлена вѣрно. Припоминая механическій эквивалентъ теплоты (одной калоріи соотвѣтствуютъ почти 430 килограмметровъ работы), видимъ, что эта теплота представляетъ собою энергію въ 215 килограмметровъ въ секунду, или около трехъ паровыхъ лошадей *). Припоминая размѣры земли, заключаемъ, что работа солнца на землѣ составляетъ около 360 билліоновъ лошадиныхъ силъ. Вся поверхность солнца испускаетъ въ 2.250.000.000 разъ большее количество энергіи, т. е. *800.000 трилліоновъ силъ*, и на каждый квадратный метръ поверхности солнца приходится болѣе 130.000 силъ.

Не съ чѣмъ сравнить, нечѣмъ пояснить воображенію эти громадныя цифры. Самые колоссальные механическіе процессы на землѣ—только малыя доли этого великаго цѣлаго. Изъ этихъ отпрысковъ солнечной энергіи на первомъ мѣстѣ стоитъ разрушительная сила ураагановъ, которую оцѣниваютъ нерѣдко сотнями милліоновъ (но не билліоновъ!) паровыхъ лошадей **). Во-

---

*) *Паровою лошадью*, или *лошадиною силой*, или просто *силой*—называется напряженность работы, равная 75 килограмметрамъ (15 пудофутамъ) въ секунду.

**) Рейе высчитываетъ, что ураганъ, свирѣпствовавшій въ октябрѣ 1844 г. на островѣ Кубѣ, работалъ трое сутокъ съ силою $473^1/_2$ милл. паровыхъ лошадей.

допадъ Ніагары представляетъ работу лишь около 20 милл. силъ. Работа всѣхъ людей, животныхъ и машинъ земного шара также не превышаетъ нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ.

Не только количественная сторона солнечной энергіи, но и качественная важна для насъ,—въ частности важны тѣ лучи, которые освѣщаютъ насъ и для которыхъ нашъ глазъ имѣетъ свою особую мѣрку. Примемъ за единицу свѣта тотъ, который даетъ свѣча на 1 метрѣ разстоянія *). Сколько такихъ свѣчъ замѣняетъ собою солнце?—Около 70.000. Но разстояніе солнца отъ насъ—не 1 метръ, а 150 милл. метровъ. Принявъ это въ разсчетъ, заключаемъ, что та люстра, которая, будучи помѣщена на мѣстѣ солнца, замѣнила бы его нашему глазу, должна состоять изъ *6.000 квадрилліоновъ свѣчъ* (6 съ 27 нулями)!

Мы сравниваемъ здѣсь полный свѣтъ двухъ свѣтящихъ поверхностей. Если хотимъ сравнить *напряженность* ихъ свѣта, то должно сравнить дѣйствіе ихъ при *одинаковой видимой величинѣ*. Тогда для свѣчи результатъ еще скромнѣе: пламя свѣчи на разстояніи метра имѣетъ бо́льшую видимую величину, чѣмъ солнце. Но для ярчайшаго изъ земныхъ источниковъ—Вольтовой дуги или «электрическаго солнца»—приговоръ выходитъ гораздо утѣшительнѣе: эта небольшая свѣтлая точка только въ 3—4 раза (иногда, быть-можетъ, только въ половину) слабѣе *соотвѣтственной* части солнца, т.-е. части, имѣющей такую же видимую величину. Этому очередному чуду нашего времени не столько недостатокъ напряженности, сколько малость свѣтящей площади не дозволяетъ соперничать со «свѣточемъ міра». Въ этомъ отношеніи первая Вольтова дуга была истиннымъ откровеніемъ.

Познакомившись съ количествомъ солнечной энергіи, съ ея оптическою стоимостію, перейдемъ въ область гипотезъ. Спросимъ себя: какимъ процессомъ производится этотъ свѣтъ и эта теплота? Есть ли это процессъ преходящій, грозящій болѣе или менѣе близкимъ концомъ, или онъ обезпеченъ навсегда?

Испускаемая солнцемъ энергія теряется для солнца. Для вселенной она не потеряна,—она продолжаетъ жить въ волнахъ эѳи-

*) Слово *свѣча* слишкомъ неопредѣленно. Подразумѣвается такая, которая служитъ фотометрической единицей у англичанъ (спермацетовая свѣча въ $^{1}/_{6}$ фунта, сжигающая 120 граммъ ($7^{3}/_{4}$ грамма) въ часъ.

ра, пока не упадетъ на какое-нибудь небесное тѣло, гдѣ частію поглотится и станетъ источникомъ новыхъ явленій. Но замѣтимъ, что на всѣ планеты въ совокупности приходится лишь одна двухсотмилліонная доля этой траты (въ десять разъ больше, чѣмъ на одну землю). Роль всего остального расхода энергіи для солнечной системы является, по нашимъ настоящимъ представленіямъ, какъ чистый убытокъ. Мы не знаемъ, на что нужны, что и гдѣ дѣлаютъ эти безполезныя, мимо идущія эѳирныя волны; для насъ онѣ—мертвый капиталъ. Еслибы мы могли доказать, что онѣ, напримѣръ, участвуютъ въ механизмѣ явленій тяготѣнія; еслибы мы, разсуждая въ духѣ Рэнкина, могли думать, что, отражаясь отъ предѣловъ эѳира (за которыми, по мысли этого ученаго, слѣдуетъ *совершенная пустота*), эти лучи собираются опять въ солнцѣ и тѣмъ отчасти вознаграждаютъ его лучеиспусканіе,—мы примирились бы съ этою тратой. Но для такихъ гипотезъ нѣтъ точекъ опоры, и трата представляется непроизводительною.

А эта трата уже давно заботитъ спекулятивные умы,—хотя заботою, такъ-сказать, безкорыстною: на памяти исторіи нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ истощенія солнца:

Die Sonne tönt nach alter Weise...

Какъ объяснить это? Такъ ли громадна *полная* энергія солнца, что даже этотъ страшный расходъ ея за цѣлыя тысячелѣтія составляетъ лишь непримѣтную долю цѣлаго? Или есть нѣчто питающее эту энергію извнѣ, по мѣрѣ ея расходованія?

Большинство ученыхъ склонилось къ *первому* допущенію. Такъ Вилльямъ Томсонъ и Стоксъ просто полагаютъ, что внутренность солнца хранитъ громадный запасъ первобытнаго тепла, который тратится, относительно говоря, очень скупо. Наружные слои солнца сравнительно холодны, и такъ какъ вся масса жидка или газообразна, то эти слои, по мѣрѣ остыванія, спускаются въ глубь и замѣняются восходящими токами изнутри. Такіе нисходящіе токи постоянно происходятъ и въ нашей атмосферѣ. При такомъ порядкѣ вещей температура наружныхъ слоевъ солнца можетъ поддерживаться постоянною и весь процессъ охлажденія происходить съ непримѣтною для насъ медленностію.

Но мало этого. Гельмгольтцъ остроумно указываетъ источникъ тепла въ самомъ процессѣ остыванія солнца. Остывающее

тѣло сокращается въ размѣрахъ; въ массѣ жидкости или газа это сокращеніе выражается преобладаніемъ нисходящихъ потоковъ надъ восходящими. Отъ этого сжатія массы, осѣданія наружныхъ слоевъ къ центру, является теплота—какъ въ опытѣ съ воздушнымъ огнивомъ, гдѣ сгущеніемъ воздуха зажигаютъ трутъ. Гельмгольтцъ, принимая ядро солнца твердымъ или жидкимъ, вычислилъ, что сокращеніе на $^{1}/_{10000}$ видимаго діаметра солнца достаточно, чтобы покрыть расходъ тепла за 2.000 лѣтъ; а такое сокращеніе непримѣтно даже для астрономовъ. Американецъ Ленъ (Lane) доказываетъ даже такую мысль, которая на первый взглядъ кажется парадоксомъ. Если солнце все газообразно, — говоритъ онъ,—то отъ остыванія въ окружающей средѣ оно должно дѣлаться *теплѣе*, хотя меньше въ объемѣ. Для массы газа, помѣщенной въ холодную среду, прибыль теплоты вслѣдствіе сокращенія болѣе чѣмъ наверстываетъ убытокъ. Но съ уплотненіемъ массы, съ увеличеніемъ притяженія на ея поверхности, наружные слои должны будутъ, наконецъ, обращаться въ жидкость, и съ этихъ поръ начнется та стадія процесса, которая разсмотрѣна Гельмгольтцемъ: дальнѣйшее остываніе дѣйствительно поведетъ къ пониженію температуры, хотя оно будетъ отчасти парализоваться сжатіемъ массы. Въ какой изъ двухъ стадій процесса находится теперь солнце, отвѣтъ зависитъ отъ того—можно ли считать хотя наружные слои его жидкими, или же вся масса есть газъ? Развивая эту точку зрѣнія, Ньюкомъ (Newcomb) вычисляетъ, что современныя условія жизни на землѣ могли поддерживаться до 10 милліоновъ лѣтъ въ прошедшемъ и обезпечены настолько же въ будущемъ.

Эти соображенія о сжатіи солнца черезъ остываніе, о восходящихъ токахъ, возстановляющихъ температуру его свѣтящей поверхности, основываются на извѣстныхъ намъ законахъ и не требуютъ вспомогательныхъ гипотезъ. Они представляются поэтому наиболѣе естественными. Съ такой точки зрѣнія исторія солнца есть *угасаніе*—непрерывное, но непримѣтно медленное.

Въ другихъ гипотезахъ предполагается, что энергія солнца пополняется извнѣ. Я не буду долго останавливаться на извѣстной гипотезѣ Мейера и Томсона, по которой солнце есть какъ бы гигантская наковальня, ударяемая, какъ молотами, роемъ метеоритовъ (падающихъ звѣздъ) или массъ, составляющихъ около солнца такъ-называемый зодіакальный свѣтъ.—Сравненіе

впрочемъ не совсѣмъ точно: массы, которыя стремятся на солнце, должны обращаться въ паръ съ приближеніемъ къ нему и низвергаться на него въ видѣ газовыхъ потоковъ.—Отъ этой идеи отрекся самъ знаменитый ея приверженецъ, В. Томсонъ, считая, что она обезоружена и астрономическими, и спектроскопическими данными: чтобы солнце могло возстановляться такимъ, и *только такимъ* путемъ, нужна слишкомъ большая масса падающихъ тѣлъ, слишкомъ громадная быстрота потоковъ.

Весною нынѣшняго года новая гипотеза о *питаніи* солнца надѣлала много шума, и дѣйствительно, при всей рискованности нѣкоторыхъ положеній, въ ней не мало оригинальнаго и возбудительнаго. Гипотеза принадлежитъ Вилльяму Сименсу, одному изъ двухъ знаменитыхъ братьевъ-электриковъ, и сообщена Лондонскому Королевскому Обществу 2 марта (н. ст.) текущаго года.

По Сименсу солнечный процессъ есть не что иное какъ *горѣніе*. Мысль простая; но еслибы допустить горѣніе безъ подвоза топлива, она не выдержала бы критики. Еслибы все солнце состояло изъ угля, горящаго въ кислородѣ, оно сгорѣло бы въ 6.000 лѣтъ и уменьшилось бы на одну треть отъ Р. Х. до нашего времени. Всѣ другіе знакомые намъ химическіе процессы — эти другія формы горѣнія — повели бы къ подобному же результату.

Но гдѣ же искать этого подвоза топлива?... А подвозъ долженъ быть огромный. Вся годичная добыча каменнаго угля на земномъ шарѣ могла бы поддержать солнечную теплоту лишь на одну сорокамилліонную долю секунды; вся земля,—если представимъ себѣ, что она состоитъ изъ угля,—напитала бы солнечную печку на $1^1/_2$ сутокъ, хотя та же земля, падая съ своей орбиты на солнце, дала бы теплоты на 95 лѣтъ. По теоріи горѣнія подвозъ свѣжаго матеріала долженъ быть еще больше, чѣмъ по Мейровой гипотезѣ метеоритовъ (что̀ и побуждало физиковъ предпочесть эту послѣднюю).

По Сименсу это топливо солнца *разсѣяно повсюду* — въ междузвѣздномъ пространствѣ. Оно потребляется постоянно, но постоянно же возстановляется тѣми *лишними лучами* солнца, о которыхъ мы говорили ранѣе. Лучи эти, по мнѣнію Сименса, тратятся на то, чтобы перерабатывать продукты горѣнія въ новое топливо. Такимъ образомъ солнце съ окружающей его средой представляетъ нѣчто въ родѣ *регенеративной газовой печи*

братьевъ Сименсъ, и, конечно, самое это изобрѣтеніе и вызвало разбираемую гипотезу въ умѣ одного изъ изобрѣтателей.

Междузвѣздное пространство наполнено, по Сименсу, не однимъ только свѣтоносными эѳиромъ физиковъ. Въ немъ разсѣяны крайне разрѣженные газы, можетъ-быть и твердыя пылинки, въ томъ числѣ—водородъ, кислородъ, азотъ, углеродъ и ихъ соединенія. Сгущаясь около солнца и планетъ отъ силы тяготѣнія, они составляютъ атмосферы этихъ тѣлъ. Прямое указаніе на присутствіе этихъ веществъ въ пространствѣ Сименсъ находитъ въ томъ фактѣ, что падающіе на землю изъ пространства метеориты (падающія звѣзды) переполнены газами, особенно водородомъ и окисью углерода (угарнымъ газомъ). Нужно признаться, что этотъ аргументъ слабъ: при той низкой температурѣ и томъ низкомъ давленіи, какія мы должны приписать междупланетной средѣ, метеориты не могли *такъ сильно* напитаться ея газами,—поглощеніе ими газовъ должно было совершиться гдѣ-то при иныхъ условіяхъ. Недавнія наблюденія Абнея (Abney) скорѣе могутъ служить въ пользу Сименса: находя въ спектрѣ солнца нѣкоторыя линіи водоуглеродовъ (бензина, этиля), не исчезающія даже при наблюденіи на большихъ высотахъ надъ уровнемъ моря, Абней заключаетъ, что эти водоуглероды находятся гдѣ-то между землею и солнцемъ.

Солнце, вращаясь въ той средѣ, какую воображаетъ Сименсъ, вызываетъ въ ней извѣстный круговоротъ. Вслѣдствіе болѣе сильнаго притяженія у полюсовъ солнца, менѣе сильнаго при экваторѣ (гдѣ дѣйствуетъ центробѣжная сила), образуется постоянное всасываніе матеріи у полюсовъ и выталкиваніе ея въ экваторіальныхъ широтахъ солнца. Междузвѣздное вещество постоянно притекаетъ къ полюсамъ и затѣмъ, спускаясь къ экватору, растекается отсюда во всѣ стороны. Намекъ на это обратное теченіе Сименсъ видитъ въ той сплюснутой туманной массѣ, которая окружаетъ солнце вдоль плоскости его экватора и называется зодіакальнымъ свѣтомъ.

Въ потокѣ всасывающемъ, водородъ, кислородъ, водоуглероды переходятъ изъ состоянія крайняго разрѣженія и холода къ большей плотности (вслѣдствіе возрастающаго притяженія къ солнцу) и къ высокой температурѣ. Наконецъ, они воспламеняются съ большимъ развитіемъ теплоты. Результатомъ сгаранія будутъ водяной паръ и углекислота, и эти-то продукты горѣнія испод-

воль выбрасываются въ пространство обратнымъ токомъ, представляющимъ какъ бы дымовую трубу солнечной печи.

Извѣстно, что химически-сложныя тѣла могутъ подвергаться болѣе или менѣе полной *диссоціаціи* (разложенію) отъ измѣненія температуры и давленія. По С. Клеръ-Девиллю, которому принадлежитъ открытіе явленій диссоціаціи, водяной паръ подъ давленіемъ атмосферы разлагается на половину (половина массы дѣлается простою смѣсью водорода и кислорода), если температура доведена до 2.800° Ц.; но если повысить давленіе, часть смѣси снова возсоединится, и нужно повысить температуру, чтобы вернуться къ прежнему составу массы. Наоборотъ, съ уменьшеніемъ давленія температура диссоціаціи понижается. По опытамъ самого Сименса, водяной паръ, разрѣженный до $^1/_{1800}$ атмосферы, диссоціируется отъ одного дѣйствія лучей солнца (послѣ такой инсоляціи онъ даетъ подъ электрическимъ разрядомъ спектръ водорода). Вообще лучи солнца производятъ частную диссоціацію, даже не нагрѣвая особенно. Такъ углекислота и вода диссоціируются въ листьяхъ растеній. Опыты Тиндаля, показывая, что сложные газы сильно поглощаютъ лучи, тогда какъ простые свободно пропускаютъ ихъ, — также косвенно намекаютъ на то, что въ сложныхъ газахъ энергія лучей отчасти тратится на диссоціацію.

На основаніи этихъ данныхъ Сименсъ полагаетъ, что горѣніе водорода и углерода въ полярномъ солнечномъ потокѣ возможно: благодаря сильному давленію, тѣла *могутъ* вступать у поверхности солнца въ химическое соединеніе, хотя температура и высока. Но въ *обратномъ* потокѣ, идущемъ отъ солнца, съ пониженіемъ давленія диссоціація понемногу возникаетъ вновь, несмотря на низкую температуру. Этой диссоціаціи помогаютъ солнечные лучи, пронизывая продукты горѣнія и возвращая имъ первоначальную ихъ химическую энергію. Такимъ образомъ количество горючихъ веществъ въ пространствѣ возстановляется по мѣрѣ ихъ расхода и постоянно готовится новое топливо для солнца.

Гипотеза встрѣтила много возраженій,—многіе пункты ея несомнѣнно слабы. Не убѣдительно доказано, что циркуляція среды можетъ поддерживаться въ потребномъ размѣрѣ вращеніемъ солнца и что при той степени разрѣженности, какую необходимо признать по астрономическимъ соображеніямъ, среда дастъ доста-

точно матеріала для возобновленія солнца *). Сколько-нибудь точная смѣта здѣсь невозможна, по отсутствію многихъ данныхъ.

Такимъ образомъ гипотеза затрогиваетъ рядъ вопросовъ, которые не по силамъ современному знанію; но въ этомъ—ея возбудительная сторона. Какъ бы то ни было, не лишена заманчивости эта мысль о матеріальномъ общеніи небесныхъ тѣлъ,—вмѣсто той изоляціи ихъ другъ отъ друга, какая допускается въ общепринятомъ представленіи, гдѣ только непонятный законъ тяготѣнія и обмѣнъ лучей сквозь абстрактный эѳиръ связуетъ небесныя тѣла между собою. Развивая свою мысль, Сименсъ спрашиваетъ: не питается ли и земля на счетъ продуктовъ горѣнія солнца? Не отъ него ли она, находясь въ дыму солнечной печи, получаетъ свой ежедневный запасъ углекислоты и водяного пара, «какъ свѣжія булки къ завтраку»? Этимъ объяснилось бы, по его мнѣнію, то громадное количество углекислоты, какое должно было существовать въ нашей атмосферѣ, чтобъ образовать залежи доломитовъ и известняковъ, составляющія значительную часть земной коры.

Мысль о подобномъ составѣ междузвѣзднаго эѳира, о возможной роли его для питанія небесныхъ тѣлъ — встрѣчается еще у Ньютона. Въ одной запискѣ Ньютона (1675 г.), о которой вспомнили по настоящему поводу, находимъ любопытныя соображенія. «Не слѣдуетъ полагать,—говоритъ онъ объ эѳирѣ,—что эта среда есть однородное вещество: она состоитъ частію изъ главнаго флегматическаго тѣла эѳира, частію изъ разныхъ другихъ эѳирныхъ веществъ (ethereal spirits) — вродѣ того, какъ воздухъ составленъ изъ флегматическаго воздуха, смѣшаннаго съ другими парами и испареніями. Этотъ сложный эѳиръ, простирающійся всюду, находится въ непрерывномъ движеніи и обмѣнѣ. Ибо природа—вѣчный круговращатель — порождаетъ жидкое изъ тверда-

*) Для плотности междузвѣздной среды (эѳира) физика можетъ съ нѣкоторою вѣроятностью указать только *minimum*. Зная энергію солнечнаго луча и скорость свѣта, можно вычислить, слѣдуя Томсону, что эѳиръ *не болѣе* какъ въ полтрилліона разъ легче водорода, взятаго въ нормальныхъ условіяхъ (при 0° Ц. и атмосферномъ давленіи). По этому разсчету, въ объемѣ земнаго шара умѣщается не менѣе 200 килограммовъ (12 пудовъ) эѳира. Гланъ находитъ основанія увеличить въ 7.000 разъ этотъ *minimum*. Цифры во всякомъ случаѣ ничтожныя, даже сравнительно съ самою совершенною „пустотою", какую можемъ получать искуственно (въ опытахъ В. де-ла-Рю разрѣженіе газовъ доводилось до 1/15 милліонной доли атмосферы). Но эти теоретическія числа, повторяемъ, даютъ только *низшій* предѣлъ плотности эѳира.

го и твердое изъ жидкаго, неподвижное изъ летучаго и летучее изъ неподвижнаго, тонкое изъ грубаго и грубое изъ тонкаго,— заставляетъ одни предметы подыматься и образовать верхніе соки земли, рѣки и атмосферу, а другіе, вслѣдствіе того, опускаться въ замѣнъ предъидущихъ. И какъ земля, такъ можетъ-быть и солнце обильно впиваютъ въ себя этотъ духъ (spirit), чтобы сохранить свой свѣтъ и сдерживать планеты отъ дальнѣйшаго удаленія; и желающіе могутъ предположить, что этотъ духъ приноситъ съ собою топливо для солнца и матеріальное начало жизни и что огромныя эѳирныя пространства между нами и звѣздами суть достаточное вмѣстилище для этой пищи солнца и планетъ... Такъ, быть-можетъ, всѣ вещи происходятъ изъ эѳира». Слова замѣчательныя,—не пророческія ли?—это покажутъ дальнѣйшіе успѣхи науки. Можетъ-быть не въ той, такъ въ другой формѣ возникнетъ снова эта мысль, опираясь на болѣе вѣскія данныя, и мы дѣйствительно проникнемъ въ секреты «питанія» небесныхъ тѣлъ...

Механизмъ воображаемый Сименсомъ не есть, конечно, невозможное *perpetuum mobile*. Во-первыхъ, та часть солнечной энергіи, которая задержана планетами, пропадаетъ для солнца. Во-вторыхъ, наполняя пространство вещественною средой вмѣсто идеальнаго эѳира, — средой, способною сколько-нибудь сопротивляться движенію, — мы тѣмъ самымъ вносимъ извѣстную непрочность въ нашу планетную систему; будущее грозитъ замедленіемъ планетныхъ движеній и паденіемъ планетъ на солнце. Наконецъ, мы не спасаемся отъ того роковаго исхода, который является неизбѣжнымъ выводомъ всѣхъ настоящихъ свѣдѣній о природѣ, — не спасаемся отъ того закона *расточенія энергіи*, который уживается рядомъ съ закономъ объ ея *сохраненіи*. По ученію физиковъ, энергія природы, оставаясь себѣ равною количественно, должна постепенно переходить въ такую форму, откуда нѣтъ пути къ дальнѣйшимъ перемѣнамъ, — и вселенная въ концѣ концовъ должна превратиться въ инертную, равномѣрно нагрѣтую массу.

Но даже принимая эти выводы,—принимая, что все, чтó мы знаемъ о природѣ, указываетъ на начало и конецъ ея настоящаго порядка,—необходимо искать въ ней той экономіи, благодаря которой эта неизбѣжность конца примиряется съ кажущеюся неизмѣнностью міроваго процесса.

Природа представляетъ намъ разомъ—и видимую безграничность повторенія, и общій законъ рожденія, развитія и смерти. Эти два аспекта совпадаютъ съ субъективными потребностями нашего духа—потребностью начала и конца и потребностью безсмертія. Какъ міровое пространство мы не можемъ себѣ ясно представить ни конечнымъ, ни безконечнымъ, такъ и для міровой исторіи мы не поймемъ ни предѣловъ, ни безпредѣльности.

Попытки угадать эту исторію всегда выходятъ за область строгаго знанія. Здѣсь наука, сознавая свои настоящія границы, но условно переходя ихъ, старается дорисовать безконечную картину по тѣмъ немногимъ чертамъ подлинника, которыя она успѣла подглядѣть. Но эти трансцендентныя попытки, понимаемыя въ надлежащемъ смыслѣ, имѣютъ свою великую цѣну—какъ балансъ нашихъ свѣдѣній, какъ стимулъ къ дальнѣйшему труду. И едва ли есть болѣе поучительная мѣрка развитія человѣчества, какъ исторія нашихъ воззрѣній на жизнь космоса.

А. Столѣтовъ.

Наука и женщины.

Эдвиги Домъ.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

IV*).

Возвратимся теперь къ г. фонъ-Бишофу. Въ то время, какъ философъ валкимъ и невѣрнымъ шагомъ пробирается сквозь дремучій лѣсъ столь противорѣчивыхъ воззрѣній, что трудно уловить руководящую нить для точныхъ и методическихъ опроверженій, анатомъ ясно и опредѣленно, во всеоружіи своего ординарно-профессорскаго авторитета, ставитъ свои положенія. За одно съ философомъ, онъ тоже отказываетъ женщинамъ во всякомъ внутреннемъ призваніи къ научнымъ занятіямъ и мотивируетъ свой отказъ, во-первыхъ, *органическимъ устройствомъ женскаго тѣла* и, во-вторыхъ, *свойствами души и характера женщины*.

Займемся прежде всего вторымъ доводомъ.

Г. фонъ-Бишофъ справляется съ нимъ чрезвычайно легко, удовольствуясь однимъ спискомъ мужскихъ и женскихъ свойствъ, которыя онъ, по собственному сознанію, заимствовалъ у опытныхъ знатоковъ людей и психологовъ. Для подтвержденія своихъ измышленій онъ приволокъ Шиллера, Канта и Жанъ-Поля.

Великіе люди нисколько не теряютъ своего величія отъ того, что они повторяютъ общія мѣста о такихъ предметахъ, которые, въ ихъ время, не были надлежащимъ образомъ обслѣдованы. Платонъ и Сократъ, величайшіе мудрецы своей эпохи, считали рабство нормальнымъ и законнымъ учрежденіемъ, ничуть не на-

---

*) *Русская Мысль*, кн. X.

влекая на себя черезъ то порицаній своихъ современниковъ и потомства; тогда какъ новѣйшій философъ, который осмѣлился бы отстаивать рабство, покрылъ бы свое имя вѣчнымъ позоромъ.

«Время,—говоритъ Гейне,—это—сфинксъ, который низвергается въ пропасть, лишь только загадка разрѣшена». Но новыя загадки не отгадываются посредствомъ старыхъ формулъ.

Насколько ревниво г. фонъ-Бишофъ охраняетъ себя отъ малѣйшей оригинальности, могутъ показать слѣдующія положенія изъ его характеристики: «Мужчина бодръ, смѣлъ, силенъ, упрямъ, грубъ, несообщителенъ; женщина—робка, мягка, нѣжна, кротка, чувствительна, болтлива, лукава. Мужчина дѣйствуетъ на основаніи убѣжденій, женщина—по чувству; у того разумъ преобладаетъ надъ чувствами, у этой же, наоборотъ, чувства надъ разумомъ. Женщина стыдливѣе, и склонность къ грубымъ чувственнымъ наслажденіямъ у ней вообще слабѣе, нежели у мужчины. Ея благонравіе, кротость, терпѣніе, добросердечіе, способность самопожертвованія и сострананія, набожность—гораздо болѣе велики, чѣмъ у индивидуума мужскаго пола», и проч.

Какъ видите, г. фонъ-Бишофъ довольствуется признаніемъ такихъ гипотетическихъ свойствъ, которыя удовлетворяютъ его предубѣжденіямъ. Примите, какъ за доказанную, такую теорію, которая еще должна быть доказана, назовите эту наивную болтовню, это милое принятіе на вѣру и доброе слово настоящимъ способомъ доказательствъ и въ число прочихъ выводовъ влѣпите также этотъ: «Истинный духъ точнаго естествознанія останется для женщины навсегда непознаваемымъ...»

Согласимся, пожалуй, что распредѣленіе свойствъ человѣческихъ, какое соблаговолилъ учинить г. фонъ-Бишофъ между мужчиной и женщиной, совершенно правильно,—все же останется непонятнымъ, почему можетъ заниматься науками съ успѣхомъ только такой человѣкъ, который смѣлъ, силенъ, грубъ, скрытенъ, тогда какъ тотъ, котораго благосклонная природа одарила нѣжной, мягкой, чувствительной, кроткой, способной на самопожертвованіе душой, съ успѣхомъ заниматься науками не можетъ!

Между мужчинами мы находимъ столько же мягкихъ, сколько твердыхъ,—столько же жестокихъ, сколько добросердечныхъ натуръ. Одинъ обнаруживаетъ высокое остроуміе, другой—непроходимое безсмысліе. Вообще такихъ противоположностей въ характерахъ, которыхъ нельзя было бы найти между мужчинами, я не знаю.

И до тѣхъ поръ, пока не удалятъ отъ государственной службы и не выгонятъ изъ храмовъ науки, какъ неспособныхъ и недостойныхъ, всѣхъ кроткихъ, терпѣливыхъ, цѣломудренныхъ и способныхъ на самопожертвованіе индивидуумовъ мужскаго пола, я не буду видѣть никакого законнаго основанія лишать женщинъ, обладающихъ тѣми же свойствами, благословенія науки.

И не согласится ли всякій безпристрастный человѣкъ, что существуетъ не мало мирныхъ занятій, при которыхъ терпѣніе, кротость и самопожертвованіе гораздо умѣстнѣе, нежели грубость, упорство и жестокость.

Въ характеристикахъ à la Бишофъ, конечно, нѣтъ недостатка въ несогласимыхъ противорѣчіяхъ. Да будетъ мнѣ позволено привести нѣсколько, особенно бросающихся въ глаза, примѣровъ, которые мы неизбѣжно найдемъ у него тамъ, гдѣ дѣло касается душевныхъ свойствъ женщины.

Въ подобныхъ характеристикахъ постоянно съ особенною силой нападаютъ на чувственную природу женщины, которая, т.-е. чувственная природа, лишаетъ ее всякой способности къ отвлеченному мышленію. Составители государственнаго права (чтобъ оправдать законъ, лишающій женщинъ права голоса) говорятъ: трудно не согласиться съ тѣмъ, что у женщинъ вообще чувственная сторона непропорціонально развита и т. д.

Но вдругъ тамъ, гдѣ это свойство женскаго характера можетъ помѣшать благодушію и счастію мужчинъ, тамъ они зануздываютъ женщину и говорятъ: «Правда, ты—неразумное, чувственное созданіе, но въ половомъ отношеніи—нѣтъ: здѣсь мы чувственны,—таковъ законъ природы... Замѣть же себѣ, что для тебя поэтому нѣтъ оправданія, если ты осмѣлишься уклониться отъ стези добродѣтели въ этомъ отношеніи».

Второе противорѣчіе: «Женщина покорна и терпѣлива, мужчина—запальчивъ». Ужь не есть ли запальчивость доказательство того, что разумъ господствуетъ надъ чувствами? Или можетъ-быть, какъ разъ наоборотъ, запальчивость — результатъ такого смѣшенія духовныхъ силъ, въ которомъ чувства преобладаютъ надъ разумомъ?... Отвѣчать на этотъ вопросъ я предоставляю читателямъ.

Господинъ профессоръ, можете ли вы по доброй совѣсти утверждать, что васъ когда-либо въ жизни занималъ внутренній, духовный міръ какой-либо женщины? Я даже думаю, что вы, какъ хозяинъ, не имѣли дѣла съ какою-нибудь служанкой, иначе рѣчь о кро-

тости, смиренія и способности къ самопожертвованію женскаго пола навѣрно застряла бы въ вашемъ горлѣ,—развѣ только слѣдуетъ предположить, что въ Мюнхенѣ обитаетъ какая-то совершенно особая, невѣдомая для меня порода женщинъ. Я лично, по крайней мѣрѣ, въ жизнь свою,—а изъ нея, къ сожалѣнію, уже утекло больше, нежели я бы того желала,—никогда не знавала ни одной кроткой и безотвѣтной кухарки.

Нѣмецкіе мужчины вообще только разъ въ жизни интересуются внѣшней и внутреннею жизнью женщины, именно—въ молодости своей, когда они влюблены; ясно, что подобное ненормальное настроеніе мѣшаетъ правильному пониманію душевныхъ свойствъ женщины. И тѣмъ паче нѣмецкій профессоръ университета, который по уши погруженъ «во кладези премудрости»,—какая же ему охота и гдѣ у него время дѣлать подобныя наблюденія? Если сей мужъ въ гостиной какого - нибудь сильнаго міра хоть разъ улыбнется на веселую болтовню своей сосѣдки, то онъ ужь весьма, весьма любезно обошелся съ прекраснымъ поломъ. Бóльшаго вниманія онъ не позволяетъ себѣ въ отношеніи къ «Frauenzimmer», какъ онъ обыкновенно аттестуетъ всякую женщину.

Безспорно, конечно, что занятіе, воспитаніе и образъ жизни имѣютъ весьма существенное вліяніе на свойства характера. Женщина, въ ея нынѣшнемъ соціальномъ положеніи, имѣетъ мало случаевъ развивать и воспитывать извѣстныя нравственныя свойства. И я убѣждена, что салонная дама, не выкупавшаяся въ волнахъ житейскаго моря, выкажетъ мало воли и энергіи. Извѣстная же степень внѣшней скромности или нѣги часто будетъ считаться знакомъ ея внутренней пустоты.... то бишь.... полноты, и тонкій ароматъ ея характера и ея носоваго платка не преминетъ, въ глазахъ опытныхъ знатоковъ людей и психологовъ, украшать ея чело ореоломъ благородной женственности.

Но, г. фонъ-Бишофъ, можете ли себѣ представить содержательницу трактира кроткой, нѣжной, терпѣливой и т. д.? Или, если ваша солидность возбраняетъ вамъ посѣщать трактиры, то выйдите когда-нибудь изъ вашего ученаго кабинета на базаръ житейскій, или же просто на базаръ Шиллерплаца или Дёнгофсплаца, въ Берлинѣ, и осмѣльтесь какою-нибудь своеобразной оригинальностью—важно - разсѣянной миной, старомодною шляпой, необыкновенномъ пальто и т. д. обратить на себя внима-

ніе засѣдающихъ тамъ членовъ прекраснаго пола,—бѣдный г. профессоръ, мнѣ кажется, что прохожденіе вашей достойной особы сквозь строй языковъ этихъ дѣтей природы существенно измѣнитъ ваше излюбленное мнѣніе о врожденной скромности и кротости женщинъ!...

Нѣмцы въ нашемъ любезномъ отечествѣ, какъ только дѣло касается женщинъ, вообще имѣютъ въ виду лишь однѣхъ нѣмецкихъ женщинъ (чуть же только они попадаютъ за границу, ихъ мнѣніе, конечно, весьма быстро измѣняется). Кто же могъ бы утверждать, не вызвавъ смѣха, что испанки, француженки, креолки и другія огнеглазыя южанки обладаютъ кроткимъ, терпѣливымъ, податливымъ темпераментомъ? А вѣдь онѣ такія же женщины, какъ и флегматическія сѣверянки. Тысячи женщинъ умнѣе, тверже, смѣлѣе тысячи мужчинъ, и тысячи мужчинъ смирнѣе, добросердечнѣе и болѣе способны къ жертвамъ, нежели тысячи женщинъ.

Но строить изъ нѣкоторыхъ душевныхъ свойствъ женщины баррикады для защиты мужчинъ отъ предполагаемаго вторженія этой «спальной героини» въ завѣтную страну знанія, гдѣ млеко премудрости течетъ лишь для сильной половины человѣчества, это—потѣшная, чудовищная дичь, которую по достоинству оцѣнитъ только позднѣйшее время.

Кромѣ свойствъ характера, неспособность женщины къ высшей умственной культурѣ, по свидѣтельству г. фонъ-Бишофа, доказываютъ также психологическія ея свойства, судя по устройству ея черепа.

У кого есть охота подробно ознакомиться съ разными недостатками женскаго черепа, тотъ пусть просмотритъ брошюру г. фонъ-Бишофа. Онъ узнаетъ, что малый объемъ мозговой массы, незначительное развитіе всѣхъ выступовъ и паховъ костной поверхности, что видимыя окостенѣлости на лбу и черепной плоскости, что малая высота черепа и т. д. доказываютъ, что женщина—особая и низшая порода вида «человѣка».

При этихъ изслѣдованіяхъ г. фонъ-Бишофъ обнаруживаетъ не только свое совершенное невѣжество, но и свою весьма несовершенную честность.

Невѣжество потому, что онъ допускаетъ френологическую локализацію духовныхъ силъ, тогда какъ наше незнаніе законовъ природы относительно спеціальныхъ отправленій мозга и тѣхъ

условій, при которыхъ онъ развивается, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Произвольныя гипотезы выдавать за научныя истины — будетъ уже черезчуръ «мужественно», — подобная попытка обманетъ лишь убогихъ разумомъ или круглыхъ невѣждъ, но на научное достоинство она не имѣетъ никакого права.

Г. фонъ-Бишофъ поступаетъ нечестно, потому что онъ приводитъ результаты только тѣхъ изслѣдованій, которыя отвѣчаютъ его предразсудкамъ, тѣ же, которыя имъ противорѣчатъ, онъ игнорируетъ.

Мои физіологическія познанія равны почти нулю; однакоже я знаю, что г. профессоръ, само собою разумѣется, долженъ знать въ тысячу разъ лучше меня, что изъ другихъ различій мужскаго и женскаго организма можно вывесть совершенно противуположныя заключенія.

Французскій физіологъ Тусснель, книгу котораго, къ сожалѣнію, я не могла добыть, пытался доказать превосходство женщины на основаніи физіологическихъ изслѣдованій.

Клювье, авторитетъ котораго ни одинъ анатомъ не рѣшится не признать, какъ я уже упомянула въ другомъ мѣстѣ, опредѣлялъ низшія и высшія ступени лѣстницы животнаго царства изъ отношеній между лицевыми костями и черепною полостью. Зёммерингъ признаетъ, что насколько человѣкъ, въ этомъ отношеніи, стоитъ выше животныхъ, настолько женщина стоитъ выше мужчины.

Г. фонъ-Бишофъ самъ сознается, что, по Ветле, абсолютный средній вѣсъ мозга относительно равенъ у обоихъ половъ и что, по Рейду и Бурдаху, голова и мозгъ женщинъ хотя не много меньше, чѣмъ у мужчины, но, по отношенію къ остальному тѣлу, они гораздо тяжелѣе и больше по объему, нежели у послѣдняго.

Профессоръ Рекламъ въ своей книгѣ — «Тѣло человѣка» — высказалъ ясно и *совершенно* рѣшительно слѣдующее: «Въ то время, какъ мозгъ женщины, по своему среднему вѣсу, самъ по себѣ немного меньше, чѣмъ мозгъ мужчины,—первый, по отношенію къ общему вѣсу всего тѣла или сравнительно со всей нервною системой, наоборотъ, имѣетъ относительно большій вѣсъ, нежели послѣдній. Слѣдовательно, мужчину и женщину нельзя сравнивать по вѣсу ихъ мозга, такъ какъ тѣлесныя отношенія обоихъ половъ образуютъ столь значительныя уклоненія, что одн

сличеніе отдѣльныхъ частей ихъ организмовъ не можетъ привести ни къ какимъ вѣрнымъ заключеніямъ. Необходимо, поэтому, сравнивать между собою вѣсовыя тяжести мозга одного и того же пола, что возможно лишь относительно мозга мужчинъ, ибо мы имѣемъ весьма мало взвѣшиваній мозга высоко даровитыхъ женщинъ.

«Но если сравнивать вѣсовыя тяжести мозга извѣстныхъ умственно-даровитыхъ мужчинъ, подвизавшихся на поприщѣ науки, и средній вѣсъ мозга просто здоровыхъ мужчинъ зауряд,— то окажется, что мозговая масса атлетовъ ума только не многимъ тяжелѣе, нежели средній вѣсъ мозга крѣпкихъ мужчинъ вообще, а то бываетъ и легче. Такъ, мозгъ знаменитаго натуралиста Кювье вѣсилъ 1.861 граммъ, поэта Байрона—1.807 гр., глубокаго математика Дирихле́ —1.520 гр., великаго мыслителя въ математической области Гаусса—1.492 гр., мозгъ замѣчательнаго хирурга Дюпюитрена только 1.487, мозгъ Германна, проложившаго новые пути въ филологической наукѣ, только 1.353 гр.,—вѣсъ же мозговой массы ученаго Гаусмана, очень высокаго человѣка, не превышалъ 1.226 граммовъ, уступая такимъ образомъ среднему вѣсу женскаго мозга. Итакъ, величина массы не обусловливаетъ продуктивной силы мозга». Такъ заключаетъ Рекламъ *).

Или г. фонъ-Бишофъ въ подобныхъ данныхъ сомнѣвается, или онъ не придаетъ имъ никакого значенія. Удивительная сила субъективнаго пониманія!...

Онъ остается при своемъ: «подобно тому,—говоритъ онъ,— какъ бо́льшіе и крѣпчайшіе мускулы обусловливаютъ бо́льшую физическую силу, такъ точно и бо́льшій вѣсъ мозга неизбѣжно увеличиваетъ умственную силу». Г. фонъ-Бишофъ замѣтилъ, что мужчина обладаетъ бо́льшимъ носомъ, нежели женщина,—лучше ли онъ, поэтому, обоняетъ?

---

*) Нашъ, русскій, профессоръ Груберъ, нѣсколько лѣтъ руководившій занятіями женщинъ по анатоміи, въ рѣчи во время своего юбилея высказался, что, по его мнѣнію, „съ *анатомической* точки зрѣнія женщины столько же способны къ ученымъ трудамъ, какъ и мужчины“. Не говоря о другихъ наукахъ, русскія женщины доказали на дѣлѣ свою способность также и къ трудамъ въ области медицины. Вѣнскій профессоръ и ученый Мейнертъ, въ цѣломъ рядѣ лекцій, недавно читанныхъ имъ въ вѣнскомъ домѣ умалишенныхъ, на основаніи собственныхъ изслѣдованій мозга, положительно приходитъ къ тому заключенію, что различія между мозговыми органами мужчинъ и женщинъ не существуетъ. *Прим. перев.*

Люди науки весьма сильно расходятся въ результатахъ своихъ френологическихъ изысканій. Приведу лишь два-три примѣра:

Различные изслѣдователи приписываютъ неграмъ меньшій мозгъ, чѣмъ европейцамъ, въ то время какъ столь же замѣчательные ученые держатся того мнѣнія, что никакой существенной разницы не существуетъ. Иные ученые считаютъ малайскій черепъ самой меньшей емкости, между тѣмъ Велькеръ (г. фонъ-Бишофъ часто его цитируетъ) нашелъ одинъ малайскій черепъ почти равный по внутренней вмѣстимости съ германскими черепами.

Наукѣ еще до сихъ поръ не удалось разгадать значеніе уклоняющихся формъ мужскаго и женскаго череповъ, и только шарлатану, фантазеру или фанатическому любителю скороспѣлыхъ выводовъ можетъ придти въ голову изъ различныхъ особенностей череповъ обоихъ половъ строить базисъ для серьезной аргументаціи противъ умственныхъ способностей женщины.

Впрочемъ, различія между мужскими и женскими черепами вовсе не такъ велики, какъ обыкновенно полагаютъ.

Карлъ Фогтъ считаетъ для антропологическихъ изслѣдованій величайшею трудностью съ достовѣрностью опредѣлить у разныхъ племенъ, кому принадлежитъ тотъ или другой черепъ, мужчинѣ или женщинѣ.

И еслибы мы знали хоть одну умершую женщину, которая мыслила глубже всѣхъ нынѣ живущихъ мюнхенскихъ профессоровъ (напримѣръ, Софья Жерменъ, математикъ и философъ, которую Дюрингъ, въ своей исторіи философіи, ставитъ, какъ оригинальнѣйшую мыслительницу, непосредственно подлѣ Огюста Конта), — то это было бы достаточнымъ доказательствомъ, что выпуклости на лбу, выдающіеся отростки на лобной и черепной поверхности не суть необходимые факторы мыслительной способности.

Но допустимъ еще разъ, что г. фонъ-Бишофъ и теперь правъ, и организація мозга женщины доказываетъ ея слабѣйшія умственныя силы. Мы знаемъ, что у животныхъ и у человѣка органы, которые не употребляются въ дѣло и остаются пассивными, съ послѣдующими генераціями атрофируются. «Рудиментарными органами» наука называетъ такія части тѣла, которыя устроены для извѣстной цѣли, но не функціонируютъ, какъ, напримѣръ, нѣкоторые ушные мускулы у человѣка. Къ самымъ разительнымъ примѣрамъ рудиментарныхъ органовъ при-

надлежать глаза, которые не видятъ. Таковые мы находимъ у очень многихъ животныхъ, которыя живутъ въ темнотѣ, напримѣръ—въ пещерахъ, вообще подъ землею. Когда эти животныя, мало-по-малу, начинаютъ привыкать къ подземной жизни и избѣгать дневнаго свѣта, ихъ глаза, отъ неупотребленія, постепенно вырождаются.

Другой, столь же наглядный, примѣръ рудиментарныхъ органовъ — крылья животныхъ, которыя не умѣютъ летать.

Ужь не есть ли, въ самомъ дѣлѣ, мозгъ женщины такой же рудиментарный органъ?

Было ли бы удивительно, еслибъ умственныя очи, къ которымъ никогда не подносили свѣтила науки, разучились видѣть, еслибы крылья духа, связанныя четырьмя стѣнами дома и баррикадами изъ горшковъ, котловъ и тарелокъ, потеряли способность размаха и силу паренія?

Если это такъ, то улучшимте же эти вздорные женскіе черепа! Освѣтимъ же свѣтомъ эти кудрявыя головки, въ которыхъ еще доселѣ гнѣздятся влеченія дѣтей природы! Населимте же пустыри ихъ большихъ полушарій плодотворными мыслями мужчинъ! Быть-можетъ, съ теченіемъ тысячелѣтій, они также и у нихъ выработаютъ импозантные отростки и внушительные выступы...

Ученые естествоиспытатели признаютъ, что у цивилизованныхъ націй образованные классы вообще имѣютъ черепа бóльшаго объема, нежели необразованные.

Согласно съ ученымъ Брока, черепа изъ частныхъ гробницъ имѣютъ бóльшій объемъ, нежели черепа изъ общихъ гробницъ, въ которыхъ погребаютъ только людей изъ низшихъ классовъ.

Аве-Лалвманъ утверждаетъ, что черепъ американскихъ негровъ модифицируется и стремится къ кавказской формѣ.

Стало-быть, по признанію этихъ ученыхъ, знаніе и умственное развитіе, въ теченіе столѣтій, измѣняютъ форму черепа.

Какъ же должна быть трогательна эта забота ученыхъ мужей объ охраненіи нашихъ слабыхъ мозговъ отъ чрезмѣрнаго напряженія! Наука, должно-быть, очень, очень солоно приходилась этимъ мудрецамъ.

Мое личное мнѣніе таково: то, что можетъ вмѣститься въ черепѣ тупоумнаго юноши (всякому извѣстно, что даже между стражами храма наукъ удивительно часто попадаются совершенно

невѣжественные и ограниченные субъекты), вмѣстится и въ черепѣ женщины.

Позволяю себѣ предложить г. ф.-Бишофу еще одинъ вопросъ: есть ли мозгъ единственно мѣстопребыванiе *мыслей*?

Сколько я знаю, всѣ анатомы, физiологи, медики etc. согласны въ томъ, что мозгъ—органъ души, центръ *ощущенiя и мысли*. Многiе ученые новѣйшаго времени признаютъ, что полушарiя большаго мозга, кромѣ работы мысли и чувства, исполняютъ еще какую-то тайную функцiю.

Когда въ изслѣдованiяхъ череповъ различныхъ расъ, на основанiи развитости или неразвитости ихъ формъ, опредѣляютъ высшую или низшую расу, то, само собою разумѣется, подъ низшей расой понимаютъ такую, у которой слаба не только одна *сила мысли*, но равномѣрно *мысль* и *чувство*, *способность ощущенiя* и *пониманiя*.

Но подчиненность женщины доказывается лишь ея *умственною* несостоятельностью.

Что же касается ея чувствъ, то они намъ изображаются болѣе глубокими, тонкими, разнообразными и возвышенными,—словомъ, количествомъ и качествомъ превосходящими чувства мужчинъ.

Слѣдовательно, недостаточная сила мыслительной функцiи уравновѣшивается болѣе богатою жизнью чувства. Не приходится ли думать, что, въ продолженiе тысячелѣтiй, глубокое и мощное *чувство женщины* должно было организовать столь же хорошiй и богатый мозгъ, какъ и глубокая, мощная *мысль мужчины*?

Къ самымъ притупляющимъ чувствамъ принадлежатъ, безъ сомнѣнiя, страданiя, забота, скорбь.

Если мужчины такъ заботятся о благополучiи нашего мозга, отчего же они съ такою же нѣжною заботливостью не удаляютъ отъ насъ (сколько въ ихъ силахъ) горя и страданiй, съ какою они оберегаютъ насъ отъ язвы науки?

Когда моя душа страдаетъ, я чувствую невыносимое угнетенiе въ задней части головы; когда я читаю брошюру, подобную книгѣ г. фонъ-Бишофа, я чувствую сильное бiенiе въ вискахъ—и не вслѣдствiе умственнаго напряженiя, могу васъ увѣрить, а отъ гнѣва.

Откуда же вамъ, г. фонъ-Бишофъ, или какому-либо другому мужчинѣ знать, чтò ослабляетъ женщину и что нѣтъ?

Для меня, напримѣръ, очень затруднительно еженѣсячно заниматься домашнимъ грязнымъ бѣльемъ. Я всегда, по выполненіи этой черной обязанности, смертельно утомлена. Когда я полдня провожу за прессъ-бретонъ, то я должна вторую половину употребить для отдыха отъ этого убійственнаго труда.

Въ заключеніе г. фонъ-Бишофъ дѣлаетъ подробный очеркъ различій мужскаго и женскаго тѣла, какой мы можемъ найти во всякомъ руководствѣ по физіологіи.

Резюмируя тѣлесные (особенно мозговые) и душевные отличительные признаки обоихъ половъ, онъ заключаетъ: «Изъ этого различія половъ въ физическомъ и духовномъ отношеніи *неотразимо* вытекаетъ, что женскій полъ неспособенъ къ занятію науками, особенно же медициною».

Ну, да, *неотразимо*, еслибы только г. фонъ-Бишофъ, вмѣсто обыкновеннаго смертнаго, былъ непогрѣшимымъ папою физіологіи!

Странно и непостижимо! Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, изъ того обстоятельства, что въ мужчинѣ обмѣнъ матеріи совершается быстрѣе и энергичнѣе, нежели у женщины, вывести то заключеніе, что онъ долженъ занимать всѣ выгодныя государственныя должности, кухня же и швейная машина составляютъ *ея* удѣлъ?

«Мужчина имѣетъ ноги длиннѣе, чѣмъ женщина», — весьма справедливо замѣчаетъ г. Фонъ-Бишофъ.

Страстный любитель заключеній могъ бы, во всякомъ случаѣ, изъ этого вывести то, что мужчина можетъ быть лучшимъ почталіономъ, нежели женщина; но, на этомъ основаніи, возъимѣть поползновеніе запретить женщинамъ изученіе греческаго и латинскаго языковъ — будетъ болѣе отважно, чѣмъ логично. Длинныя ноги тутъ не при чемъ.

«Голосовая щель ýже и гортань меньше», поучаетъ насъ г. ф.-Бишофъ. Этимъ я объясню фактъ, что когда въ какомъ-нибудь дуэтѣ мужчина будетъ пѣть теноромъ, то женщина — сопрано. Но причинная связь между голосовою щелью и правомъ голоса для меня не выяснена нисколько.

«Женщина имѣетъ нѣжную, тонкую кожу» — значится далѣе.

Еслибъ это было въ моей власти, я, на основаніи этой тѣлесной особенности, статью прусскаго закона, гласящую: «въ низшихъ классахъ мужу позволяется умѣренная потасовка по отношенію къ женѣ» — переиначила бы такъ: женщинѣ позволяется умѣренная потасовка по отношенію къ мужу, — толстая кожа гораздо легче переноситъ затрещины, нежели тонкая.

«Желудокъ женщины меньше желудка мужчины». Конечно, когда вопросъ о научномъ образованіи женщины имѣетъ точкою исхода желудокъ, то онъ, т.-е. вопросъ этотъ, долженъ имѣть мѣсто.

Быть-можетъ неравенство желудковъ можно объяснить и тѣмъ, что женскій чаще наполняется черствою булкой съ сывороткою, тогда какъ мужской предпочитаетъ филе и трюфели.

Какъ бы мало мы ни знали о таинственныхъ дѣйствіяхъ силъ природы, но то одно мы знаемъ достовѣрно и несомнѣнно, что развитію силъ человѣка нельзя положить никакого точнаго предѣла. Никто, ни даже ординарный профессоръ не можетъ сказать человѣческому уму, хотя бы и уму женщины: до сихъ поръ и не далѣе!

Цѣлые милліоны лѣтъ предстоитъ еще развиваться человѣческому уму. Только ребяческая дерзость можетъ отважиться уже нынѣ предначертать его границы.

V.

Послѣ полемики противъ научнаго образованія женщины вообще г. ф.-Бишофъ переходитъ къ изученію ими медицины въ частности. Здѣсь-то именно и лежитъ центръ тяжести всей его брошюры, имѣющей спеціальною цѣлью—отпугнуть женскій полъ отъ этой области знанія. Намъ кажется страннымъ, что такой ученый мужъ, какъ г. ф.-Бишофъ, повидимому, вовсе и не знаетъ, что женщины уже играли довольно видную роль въ исторіи медицины.

Насколько достовѣрныя свѣдѣнія позволяютъ намъ судить, женщины искони выказывали особенную склонность къ медицинѣ. У древнихъ сѣверныхъ народовъ друиды, по обычаю, отдавали на попеченіе женщинъ тяжело больныхъ, и суевѣріе приписывало имъ способность излѣчивать даже неизлѣчимыя болѣзни.

Въ одиннадцатой пѣснѣ «Иліады» упоминается Мулій, у котораго былъ зять Эгей, «женатый на его старшей дочери, бѣлокурой Апамедѣ, знавшей всѣ цѣлебныя травы, которыя только растутъ на земномъ шарѣ». И въ «Гиполитѣ» Эврипида няня говоритъ больной Федрѣ: «И если болѣзнь, которою ты страдаешь, потайная,—женщины готовы тебѣ помочь». Отсюда мы должны заключить, что въ древнемъ мірѣ женскія болѣзни лѣчили женщины.

Между гречанками мы находимъ Олимпію, родомъ изъ Ѳивъ, о которой упоминаетъ Плиній, и Аспазію, сочиненія которой о женскихъ болѣзняхъ сохранены Аэціемъ, знаменитымъ месопотамскимъ врачомъ.

Такому авторитету, какъ Гигіенъ, мы обязаны исторіей одной аѳинской дѣвушки, Агнодиссы, оказавшей такія услуги медицинѣ, которыя вынудили у государства допущеніе женщинъ къ изученію этой науки.

Изложеніе этой исторіи сдѣлано м-ссъ Целлеоръ, повивальною бабкой во время царствованія Якова II, и хранится нынѣ въ Британскомъ музеѣ *).

М-ссъ Целлеоръ разсказываетъ, что долгое время въ Аѳинахъ дѣйствовалъ законъ, по которому женщинамъ, подъ страхомъ смертной казни, воспрещалось какъ изученіе медицины, такъ и медицинская практика, и что, вслѣдствіе этого постановленія, много женщинъ погибало отъ родовъ и другихъ болѣзней, такъ какъ ихъ стыдливость не позволяла имъ обращаться къ мужчинамъ. Но,—продолжаетъ она далѣе,—Господь пробудилъ духъ Агнодиссы, одной благородной дѣвы. Она преисполнилась состраданія къ злополучію своихъ сестеръ и, рискуя своей жизнью, задумала имъ помочь. Она переодѣлась мужчиной и сдѣлалась ученикомъ Гіерофила, ученѣйшаго врача своего времени, и, изучивъ его искусство, нашла женщину, которая долго изнемогала отъ тайной болѣзни; она предложила ей свои услуги и обѣщала излѣчить ее. Когда же Агнодисса открыла ей свой полъ, женщина ввѣрилась ей и выздоровѣла. Съ тѣмъ же искусствомъ и радѣніемъ она вылѣчила и много другихъ и въ непродолжительномъ времени сдѣлалась любимѣйшимъ врачомъ всѣхъ аѳинскихъ женщинъ. Но ея полъ провѣдали и, за нарушеніе закона, она была приговорена къ смертной казни. Когда эта вѣсть дошла до ушей благородныхъ аѳинянокъ, онѣ бросились къ ареопагу и окружили его; многія изъ нихъ предстали предъ судьями и громкимъ голосомъ обвиняли всѣхъ мужчинъ въ томъ, что они поступаютъ съ женщинами не какъ друзья и супруги ихъ, но какъ жесточайшіе враги, ибо они приговариваютъ къ смерти тѣхъ, которые сохраняютъ ихъ здоровье и жизнь; онѣ заклинали судей лучше предать всѣхъ ихъ смерти

---

*) Это свѣдѣніе, какъ и нѣкоторыя изъ слѣдующихъ, заимствованы изъ англійскаго сочиненія: „Woman's Work and Woman's Culture“, edited by Josphine Butter.

вмѣстѣ съ Агнодиссою, нежели дѣлать ихъ зрительницами, какъ будутъ волочить ее на казнь. Этотъ случай побудилъ высокое судилище уничтожить старый законъ и утвердить новый, въ силу котораго благороднымъ женщинамъ позволялось практиковать и изучать всѣ отрасли медицины, которыя касаются ихъ пола.

Въ Греціи, даже во времена императоровъ, женщины посвящали себя изученію медицины. Историкъ Амеде Тьерри разсказываетъ объ одной богатой и прекрасной дѣвушкѣ, по имени Никарета, которая, вмѣстѣ съ Хризостомусомъ и Эвдоксія, прибыла въ Константинополь, въ виду того, что тамъ, гдѣ царствуютъ величайшія бѣдствія, можно съ большею пользой употребить свое наслѣдство. Одушевляемая почти сверхчеловѣческимъ милосердіемъ, она, по его свидѣтельству, стала изучать медицину и фармакологію и, превративъ свой домъ въ фармацевтическую лабораторію, отдала ее въ безплатное пользованіе больнымъ. Вскорѣ она сдѣлалась врачомъ константинопольскаго населенія, которое вѣрило ей до того, что сложило о ней поговорку: «Лѣкарства Никареты всегда помогаютъ».

Тысячи лѣтъ колдунья была единственнымъ врачомъ народа. Императоры, короли, папы и богатые феодалы держали при себѣ салернскихъ докторовъ, евреевъ и мавровъ; но народъ прибѣгалъ къ помощи знахарки (saga) или колдуньи. Когда Парацельзъ въ 1524 году сжегъ всѣ свои лѣкарства, онъ объяснилъ это тѣмъ, что не желаетъ знать больше того, чему научили его знахарки.

Въ средніе вѣка прославилось много врачей-женщинъ.

Именнымъ повелѣніемъ отъ 1225 года назначено одной женщинѣ, которая, въ качествѣ médecin royal, сопровождала Людовика IX и его семью въ крестовомъ походѣ, пожизненный пенсіонъ.

Особенно медицинскія знанія были распространены въ феодальныхъ зáмкахъ между дамами, которыя высказывали большую ревность къ пользованію своихъ слугъ и ловко умѣли перевязывать раны. Такъ, баронесса Рабутенъ-Шанталь была знаменита своимъ медицинскимъ искусствомъ. Въ средневѣковой поэзіи женщина-медикъ—типъ совершенной женщины. Врачомъ описываютъ ее бретонскія пѣсни; такою же она изображается въ одномъ знаменитомъ романѣ XIII столѣтія—«Патенопея» де-Блуа, героиня котораго изучила всѣ семь свободныхъ искусствъ, знала толкъ въ лѣкарствахъ и умѣла лѣчить болѣзни.

Изъ большаго числа врачей женскаго пола, упоминаемыхъ Клеммомъ и другими, я укажу лишь нѣкоторыхъ.

Въ Испаніи, въ XVI столѣтіи, въ Альцарецѣ жила Оливія Сабуно де-Нантесъ, которая имѣла громадныя познанія въ медицинской наукѣ и сочиненія которой напечатаны въ 1580 году въ Мадридѣ.

Даже тамъ, гдѣ заниматься медициной женщинамъ было запрещено, онѣ, повидимому, довольно часто практиковали тайно; ибо въ 1421 году Генриху V англійскому была подана петиція, содержаніе которой таково: «да будетъ женщинамъ, подъ опасеніемъ тяжелаго заключенія, воспрещена медицинская практика» *).

Между англійскими женщинами-врачами въ XVII вѣкѣ встрѣчаемъ знаменитую леди Анну Галькетъ **).

Нѣкоторые изъ первостепенныхъ врачей королевства нисколько не чувствовали себя оскорбленными, когда очень знатныя лица приглашали эту леди на консультаціи во время своей болѣзни, и многихъ больныхъ женщинъ, которымъ не въ состояніи бывали помочь, они сами препоручали ей.

Другая весьма извѣстная женщина-медикъ была Елизавета Лавренса, родившаяся въ 1644 году. Въ исторіи ея жизни, написанной ея мужемъ Самуиломъ Бюри ***), онъ убѣждаетъ насъ, что въ мірѣ никогда не существовало такой кроткой, нѣжной и доброй женщины, какъ его жена. Онъ разсказываетъ, что лучшіе профессора факультета изумлялись ея точному и остроумному изложенію труднѣйшихъ вопросовъ медицины и тому великому недовѣрію, которое она, вопреки своимъ обширнымъ познаніямъ и необыкновеннымъ способностямъ, питала къ самой себѣ. Случаи,—прибавляетъ біографъ,—въ которыхъ она своимъ искусствомъ спасла людямъ жизнь, неисчислимы.

Французскія женщины-медики: m-lle де-Рецé, весьма извѣстная и родившаяся въ 1719 году, г-жа де-Цутландтъ, высоко-цѣнимая медицинская писательница, г-жи Сукардъ и Анжелика Лабурзьé-де-Кондрé. Какъ превосходный анатомъ, прославилась г-жа Буавенъ, которая въ 1814 году была назначена товарищемъ директора (при маркизѣ де-Беллуа) генеральнаго госпиталя Сены и Оазы, а въ 1815—директоромъ военнаго лазарета. За услуги,

*) Нью-Йоркъ, *Medical Gazette*, 24 апрѣля 1752 г.

**) *Ballards*: „Memoirs of several Ladies of Great-Britain“. Oxford, 1752.

***) „An account of the life and death of m-rs Elizabeth Bury“. Bristol, 1721.

которыя она оказала въ этой должности, ей была вотирована публичная благодарность *).

Итальянскія женщины-медики: 1400—1436 г. Доротея Лукка занимала въ Болоньи каѳедру по медицинѣ. Въ XVIII вѣкѣ Анна Маццалини Моранди, родомъ изъ Болоньи, кромѣ живописи и скульптуры, спеціально изучила анатомію и почти всѣ академіи Италіи считали ее своимъ членомъ. Знамениты ея анатомическіе препараты изъ воска, составляющіе нынѣ украшеніе болонскаго музея. Іосифъ II, въ 1769 году, призывалъ ее къ себѣ и, послѣ многократныхъ бесѣдъ, публично осыпалъ почестями.

Ея дочь, Цуффини Феретти, повидимому, унаслѣдовала талантъ матери. Она также въ Болоньи слушала курсъ медицины и удостоилась докторской степени. Далѣе: Марія делла-Донне, которая въ одной біографіи «Raccoglitore medico» приводится какъ одна изъ ученыхъ знаменитостей Болоньи. Замѣчательнымъ флорентинскимъ врачомъ была Марія-Магдалина Петрацини, супруга д-ра Феретти, издавшая сочиненіе о физическомъ воспитаніи дѣтей. Клеммъ особенно обращаетъ вниманіе на то, что она была прекрасною матерью и весьма достойною женщиной.

Марія Маштеллари-Коллицоли-Зега получила докторскую степень въ 1799 году. Клеммъ говоритъ, что она была превосходная хозяйка и отличная мать. Повторяю здѣсь, что этотъ писатель—самый закоренѣлый врагъ современныхъ стремленій женщинъ, но очень добросовѣстный ученый.

Изъ нѣмецкихъ знаменитостей въ медицинскомъ мірѣ приведу: фонъ-Зибольдъ и фонъ-Гейденрейхъ, Доротею Лепоринъ (1715—1762 г.), которая не покидала практики до самой смерти, и Анну, супругу курфирста Августа саксонскаго.

Что большая часть изъ этихъ женщинъ добились докторской степени черезъ посредство денегъ и большихъ усилій, которыя были бы совершенно излишни при другихъ условіяхъ, ясно какъ день.

Да будетъ мнѣ позволено сказать еще нѣсколько словъ о той части медицины, практика которой, по естественному и положительному праву, вполнѣ и безусловно принадлежитъ женщинѣ,—о *родовспомогательномъ искусствѣ*.

Въ древней Франціи законодательство воспрещало врачамъ родовспоможеніе, и церковь за нарущеніе этого воспрещенія карала экскоммуникаціей.

*) *Quérard*: „Litterature Française“.

Повивальныя бабки, отъ которыхъ требовались основательныя знанія, въ томъ числѣ секціи женскихъ и дѣтскихъ труповъ, пользовали также больныхъ женщинъ вообще и дѣтей.

Присяжныя повивальныя бабки экзаменовали кандидатокъ. Во время публичныхъ церемоній, бабки-повитухи сидѣли рядомъ съ врачами, украшенные орденами. Бабки королей носили зеленую шляпу (chaperon vert). Онѣ оставили цѣнныя сочиненія и почитались во всѣхъ отношеніяхъ наравнѣ съ врачами.

То же находимъ мы и въ Англіи. Одинъ англійскій врачъ констатируетъ тотъ фактъ, что въ прежніе вѣка родовспоможеніе исключительно находилось въ рукахъ женщинъ и что мужчины лишь въ исключительныхъ случаяхъ изучали акушерство, чтобы тамъ или сямъ помочь женщинѣ. Но дѣятельность этихъ врачей считалась не совсѣмъ пристойной, ибо ихъ иначе не называли, какъ «men midvives» (мужчины-повитухи). Въ одной нѣмецкой медицинской книгѣ XVI вѣка, попавшейся мнѣ въ руки, тамъ, гдѣ трактуется объ акушерствѣ, всегда рѣчь идетъ объ акушеркахъ, но никогда о врачахъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ говорится: «Ненормальные роды должны быть вспомоществуемы милостью Бога и—добрымъ совѣтомъ и содѣйствіемъ опытной повивальной бабки».

Однако-жь, акушеры уже въ XVII вѣкѣ начали мало-помалу пріобрѣтать право гражданства, съ половины же прошлаго столѣтія повивальныхъ бабокъ стали оттѣснять на задній планъ.

Въ царствованіе Карла II бабки-повитухи въ Лондонѣ пользовались большимъ благосостояніемъ и принадлежали къ почтеннѣйшимъ адептамъ медицины. Онѣ владѣли прекрасными домами въ лучшихъ мѣстностяхъ Лондона и считались gentlewomen'ами— не *наперекоръ*, а *вслѣдствіе* образа своего занятія.

Во Франціи, въ XVII и XVIII вв., акушеровъ-мужчинъ употребляли только въ исключительныхъ случаяхъ.

Когда, во время родовъ m-me де-Лавальеръ, въ первый разъ былъ приглашенъ врачъ, то этотъ чудовищный поступокъ старались скрыть отъ публики. Однако же фактъ вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ и тотчасъ много знатныхъ людей стало подражать своему властелину.

Но какимъ же образомъ случилось, что мужчины могли завладѣть такой отраслью медицины, отъ которой и законъ, и церковь, и обычай въ прежніе вѣка, по возможности, держали ихъ въ сторонѣ?—Очень просто: законодательный произволъ въ одинъ пре-

красный день воспретилъ женщинамъ заниматься медицинскою наукой и практикой. Законодатель вызвалъ къ жизни акушеровъ и, вопреки здравому смыслу, обычаю и индивидуальной свободѣ, извратилъ естественное право.

Одинъ писатель конца XVIII столѣтія, который еще и вообразить себѣ не могъ, чтобъ акушерская практика мужчинъ въ XIX вѣкѣ будетъ освящена закономъ, испустилъ пророческій вопль надъ этимъ безобразнымъ нововведеніемъ и смотрѣлъ на него какъ на знакъ исчезновенія женской стыдливости. Но онъ не предвидѣлъ, что уже въ слѣдующемъ вѣкѣ заставятъ женщину приглашать врача и что въ наше время не та женщина будетъ считаться безстыдницей, которая пользуется услугами акушера, а та, которая посвящаетъ себя изученію акушерскаго искусства.

Еще въ прошломъ вѣкѣ бывали женщины, которыя, подобно прежнимъ вѣдьмамъ и колдуньямъ, владѣли превосходными медицинскими средствами. Вольтеръ, котораго никто не заподозритъ въ суевѣріи, при всякомъ случаѣ хвалилъ «les bonnes femmes» и не разъ предпочиталъ ихъ практическія знанія ученымъ теоріямъ доктора Трончина. Онъ хвалилъ ихъ за то, что онѣ прививали оспу, не взирая на запрещеніе парламента, который и знать не хотѣлъ ничего объ оспопрививаніи, и за то, что онѣ излѣчивали такія болѣзни, надъ которыми врачи только резонировали. Вотъ что Вольтеръ писалъ въ одномъ посланіи къ m-me Дюдеванъ: «Мои глаза почти цѣлыхъ два года были двумя болячками, но одна bonne femme меня почти-что совершенно вылѣчила». Онъ оканчиваетъ свой разсказъ слѣдующими словами: «C'était à mr. Tronchin a m'enseigner ce qu'il fallait faire, et c'est une vieille ignorante, qui m'a rendu le jour. Il faut à la gloire des bonnes femmes que je vous dise, que nous sommes fort sujets au ver solitaire, c'est encore une bonne femme qui en guérit, et le grand Tronchin en raisonne fort bien».

До самой французской революціи этотъ прирожденный медицинскій талантъ женщинъ проявлялся повсюду.

M-me Ролланъ, изучившая медицину, сообщаетъ, что она употребляла эти познанія для блага поселянъ.

Шатобріанъ разсказываетъ о трехъ сѣдыхъ сестрахъ, которыя днемъ и ночью ухаживали за больными. Онъ хвалитъ ихъ кротость и, особенно, умѣнье вправлять переломанные члены.

Только нашъ вѣкъ можетъ похвалиться печальною заслугой полнаго изгнанія врачей-женщинъ въ Старомъ Свѣтѣ. Что же ка-

сается Новаго Свѣта, Америки, то онъ въ настоящемъ же вѣкѣ разрѣшилъ этотъ вопросъ окончательно. Въ различныхъ частяхъ Америки въ настоящее время практикуютъ болѣе 300 врачей-женщинъ съ неоспоримымъ и неоспариваемымъ успѣхомъ. Елизавета Блеккуэль — піонеръ, которая первая проложила этотъ путь для женскаго пола и тѣмъ оказала благодѣяніе человѣчеству, степень котораго нынѣ мы еще не въ состояніи оцѣнить.

Луси Абботъ и Элиза Шапенъ, завѣдуя нью-йоркскою больницей, въ одинъ годъ пользовали 6.887 женщинъ и дѣтей.

Въ Филадельфіи шесть женщинъ-врачей зарабатываютъ ежегодно отъ 10 до 50.000 фр. каждая. Въ Оранжѣ (Нью-Джерсеѣ) доходъ одной женщины-медика простирается до 75.000 фр. и другая въ Нью-Йоркѣ вырабатываетъ 80.000 фр. Нѣкоторыя изъ нихъ соперничаютъ съ замѣчательнѣйшими и знаменитѣйшими хирургами.

К. В.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Безвѣстнымъ братьямъ.

Плохо живется... Но, мнится, средь свѣта
Я не одинъ лишь страдаю, но гдѣ-то
Тоже страданье живетъ...
Пусть же къ порогу далекаго брата,
Мимо чертоговъ, притоновъ разврата,
Вѣтеръ мой вздохъ донесетъ.
Другъ мой безвѣстный, бѣднякъ горемычный!
Кто бы ты ни былъ—работникъ, фабричный,
Слесарь, пахатель, поэтъ...
Да, кто бы ни былъ ты, труженикъ бѣдный,
Жизнью измученный, грустный и блѣдный, —
Шлю я тебѣ мой привѣтъ!
Плохо, мой милый, живется намъ что-то,
Душатъ насъ горе, нужда и забота, —
Душатъ обоихъ заразъ...
Эхъ, подадимъ же другъ другу мы руки, —
Общее горе и общія муки,
Общія слезы у насъ!
Только разрознены, другъ, мы съ тобою...
Что, если связаны общей судьбою,
Мы бы мольбу къ небесамъ
Вмѣстѣ послали? И небо, быть-можетъ,
Общая наша молитва встревожитъ, —
Небо и сжалится къ намъ...
Вѣтеръ полночный! лети же по свѣту,
Пѣсню сердечную, тихую, эту
Къ братьямъ снеси поскорѣй, —
Къ братьямъ далекимъ средь жизненной битвы...
Слившись же въ хоръ, голоса и молитвы
Тронутъ судьбу поскорѣй...

Весенняя ночь.

Хрустально-свѣтлая весенней ночи мгла
Прозрачнымъ сумракомъ на все вокругъ легла.
Вонъ мѣсяцъ золотой въ водѣ пруда зеркальной
Глядится съ высоты... Чу, свищетъ соловей!...
Струится ароматъ съ воскреснувшихъ полей.
Но отчего я полнъ весь думою печальной?
Не все-ль—одна игра слѣпыхъ, безумныхъ силъ?...
Цвѣты!... Они растутъ изъ тлѣющихъ могилъ...
А этотъ мѣсяцъ что?—Онъ факелъ погребальный
У трупа блѣднаго надъ мертвой головой...
Безъ смысла блещетъ онъ надъ бездной мiровой,
Гдѣ, твари глупыя, точь-въ-точь въ безумномъ домѣ,
Мы бредимъ жизнiю въ волненьи и истомѣ...
А соловей въ ночи, поющiй при лунѣ
Надъ этой бездною и скорбною, и тлѣнной—
Псаломщикъ, что, дремля надъ гробомъ въ тишинѣ,
Безсмысленно твердитъ какой-то гимнъ священный...

Л. Пальминъ.

Замѣтки о русской и нѣмецкой восточной политикѣ въ связи съ славянскимъ вопросомъ.

III *).

Пропаганда федеральныхъ идей и восточно-славянской миссіи Австріи.

Предлагая читателямъ, въ концѣ послѣдняго нашего очерка объ австрійской восточной политикѣ, познакомить ихъ съ пропагандой федераціи и восточно-славянской миссіи Австріи, которая такъ дѣятельно ведется теперь во всѣхъ концахъ и во всѣхъ общественныхъ сферахъ Габсбургской монархіи, мы, въ поясненіе этого предложенія, замѣтили, что «можетъ-быть мы найдемъ въ этой пропагандѣ кое-что полезное и для насъ». Ясное пониманіе плановъ и цѣли противника — половина побѣды надъ нимъ. Надѣемся поэтому, что читатели—по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые со вниманіемъ прочтутъ настоящую главу—сами признаютъ справедливость этого и не посѣтуютъ на нѣсколько длинныя выписки, которыя намъ по необходимости пришлось сдѣлать. Учиться всегда слѣдуетъ, а у враговъ тѣмъ паче, хотя бы ужь по тому одному, что, какъ справедливо говоритъ мусульманская пословица, слышанная нами на Востокѣ: «если ты находишься въ затрудненіи, что дѣлать, то спроси совѣта у врага и ты будешь знать навѣрное, чего тебѣ слѣдуетъ избѣгать. Другъ можетъ иногда ошибиться, врагъ не ошибется никогда: онъ непремѣнно посовѣтуетъ тебѣ то, что для тебя всего хуже». Въ данномъ случаѣ мы не встрѣтимъ, правда, совѣтовъ, прямо обращенныхъ къ намъ, но за то найдемъ множество косвенныхъ указаній — въ видѣ опасеній, или мѣръ, которыя, по мнѣнію ведущихъ пропаганду, Австріи слѣдуетъ принять противъ такихъ или иныхъ, предполагаемыхъ или только возможныхъ съ нашей стороны, дѣйствій; а эти указанія стоютъ всякихъ совѣтовъ. И дѣйствительно, разъ врагъ боится, чтобы мы не сдѣлали того, или этого, и заранѣе готовится чѣмъ-либо парализовать

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

наши дѣйствія въ этомъ страшномъ для него направленіи, то не ясно ли что это именно и есть то направленіе, котораго намъ слѣдуетъ держаться, и что, поступая въ противоположномъ смыслѣ, мы тѣмъ самымъ играемъ прямо въ руку врагу? Впрочемъ, и помимо этой чисто отрицательной пользы, мы изъ австрійской пропаганды можемъ извлечь еще гораздо больше пользы положительной, научившись изъ нея не только тому, чего намъ слѣдуетъ избѣгать и какого направленія въ общемъ слѣдуетъ намъ держаться, но еще и тому, какъ по этому направленію идти шагъ за шагомъ. Въ особенности поучительны въ этомъ отношеніи произведенія не разъ упоминавшагося нами австрійскаго публициста Фишгофа (Fischhof), съ котораго поэтому мы и начнемъ теперь наше изложеніе. Ему первое мѣсто принадлежитъ по всѣмъ правамъ, во-первыхъ, потому, что добросовѣстность и искренность этого честнѣйшаго изъ австрійскихъ патріотовъ-демократовъ не могутъ подлежать сомнѣнію и, во-вторыхъ, потому, что онъ положилъ начало публицистической пропагандѣ федеральныхъ идей и первый же изложилъ до мельчайшихъ подробностей программу того, что теперь приводится въ исполненіе самимъ австрійскимъ правительствомъ. Фишгофъ писалъ очень много, но мы ограничимся одной брошюрой: «Oesterreich und die Burgschaften seines Bestandes», такъ какъ въ ней собственно изложена въ цѣломъ упомянутая программа.

Итакъ, вотъ что говоритъ Фишгофъ въ предисловіи къ своей брошюрѣ:

«Ни одна изъ большихъ національностей Австріи не можетъ сама по себѣ упрочить существованіе монархіи, но каждая изъ нихъ можетъ, своимъ противодѣйствіемъ, нанести государству вредъ; разрушительно можетъ дѣйствовать каждая въ отдѣльности, а созидательно—только всѣ вмѣстѣ. Если правительство, народное представительство и публицистика какъ по сю, такъ и по ту сторону Лейты, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и начинаніяхъ, будутъ имѣть эту истину передъ глазами, тогда Австрія укрѣпится, а если нѣтъ—нѣтъ. Прискорбно, когда въ учредительномъ собраніи большинство не принимаетъ во вниманіе желанія меньшинства. Именно въ этомъ невниманіи кроется причина безплодности большей части подобныхъ собраній. Но если парламентское меньшинство представляетъ національную партію, а за этою партіей стоитъ большинство населенія, тогда подобное невниманіе можетъ сдѣлаться прямо опаснымъ. Ну, а что *за меньшинствомъ* австрійскаго *рейхсрата* стоитъ именно *большинство* цислейтанскаго *населенія*, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, потому что въ славяно-нѣмецкихъ коренныхъ земляхъ численность славянъ относится къ численности нѣмцевъ какъ 10 къ 6.

«Въ однородномъ національномъ государствѣ національная идея служитъ преобладающей идеей. Ей безпощадно подчиняется, приносится въ жертву все прочее; а такъ какъ въ Европѣ нѣтъ ни одного большого государства безъ примѣси чуждыхъ народностей въ его населеніи, то это удовлетвореніе государственной національной идеи достигается лишь на-

счетъ справедливости по отношенію къ народнымъ меньшинствамъ. Такъ безпощадно поступала Франція противъ своего населенія нефранцузскаго языка, такъ Россія—противъ поляковъ и т. п. Напротивъ того Австрію, въ которой ни одна народность не достаточно сильна, чтобы подчинить себѣ остальныя и наложить свою печать на государство, въ которомъ всѣ народности почти равносильны между собою и каждая служитъ важнымъ факторомъ общественной жизни,—Австрію, говорю я, собственный ея интересъ заставляетъ быть одинаково справедливой ко всѣмъ національностямъ. Благодаря этимъ условіямъ, въ Австріи преобладающею идеей можетъ быть лишь *идея справедливости*, и если только правительство въ ней вполнѣ соотвѣтствуетъ ея внутреннему существу, то въ этомъ отношеніи Австрія, по *этическому* значенію своего государственнаго бытія, стоитъ выше всѣхъ прочихъ великихъ державъ Европы. Разъ удастся доказать, что, какъ скоро эта идея найдетъ себѣ ясное и опредѣленное выраженіе въ австрійской конституціи, всѣ народы Австріи вѣрнѣе, безъ всякой помѣхи могутъ идти по пути культурнаго развитія и лучше охранить свои матеріальныя и нравственныя блага, чѣмъ въ какомъ бы ни было иномъ общежитіи (государственномъ),—разъ удастся доказать это, тѣмъ самымъ ставятся внѣ всякаго сомнѣнія и высокое фактическое значеніе Австріи, и обусловливаемая имъ прочность ея существованія. Разъ австрійскіе народы придутъ къ сознанію, что они только въ гармоническомъ единеніи между собою могутъ обезпечить себѣ драгоцѣннѣйшія блага жизни, тогда солидарность ихъ интересовъ побудитъ ихъ единодушно стоять и за государство, которое эти интересы оберегаетъ; тогда изъ пониманія частнаго блага каждаго въ отдѣльности само собой выростетъ въ нихъ сознаніе общаго блага, разовьется чувство единства, которое свяжетъ въ органическое цѣлое всѣ эти разнородныя части и медленно, но вѣрно возникнетъ то *австрійское самосознаніе*, которое до сихъ поръ тщетно старались привить насильно. Носительница высшей этической идеи, имѣющая корни своей силы въ сознаніи единства своихъ народовъ, Австрія будетъ уже не случайнымъ конгломератомъ, но необходимымъ политическимъ организмомъ, высоко-важнымъ, богато-сложеннымъ (reichgegliedert), могучимъ государственнымъ существомъ. Наконецъ, если будетъ доказано, что съ распаденіемъ Австріи нѣмецкое населеніе ея утратитъ принадлежащую ему великую культурную задачу, а прочія племена будутъ по большей части или искалѣчены, или безжалостно попраны совсѣмъ, и что, далѣе, на юго-востокѣ Европы развиваются обстоятельства, нарушающія европейское равновѣсіе и угрожающія западной культурѣ, то этимъ одновременно доказывается и то, что существованіе Австріи имѣетъ не только мѣстное, но и великое общеевропейское значеніе. Но это значеніе Австрія имѣетъ только до тѣхъ поръ, покуда она твердо и непоколебимо сохраняетъ свой *этическій* центръ тяжести: сдвинетъ она его хоть малость, въ какое бы то ни было

направленіе, въ пользу той или другой національности, она тотчасъ же утратитъ равновѣсіе и сдѣлается шаткой. Все государственное тѣло разрыхлѣетъ и предчувствіе близкаго распаденія овладѣетъ умами...

«Австрія имѣетъ лишь такія провинціи, которыя безъ принужденія входятъ въ ея составъ *), и народы, которые добровольно присоединились къ ней. Если, несмотря на то, ей все еще угрожаютъ рецидивы (т.-е. повтореніе возстаній), если она все еще не могла установить мира между своими народами, то причина этого лежитъ не въ натурѣ отношеній, а въ близорукой внутренней политикѣ,—въ политикѣ, которая, игнорируя истинное существо Австріи, создала конституцію, представляющую лишь игрушку партій вмѣсто того, чтобы быть знаменемъ государства».

Ужь изъ этого предисловія видно, что произведеніе Фишгофа хоть и имѣетъ въ виду исключительно Австрію, но можетъ относиться ко всѣмъ вообще государствамъ съ неоднороднымъ составомъ населенія. Дальше же идетъ изложеніе общихъ положеній политики, значеніе которой пойметъ каждый разумный читатель.

«Австрія не есть *національное* государство, она есть государство *національностей*. Первое представляетъ *народную семью*, второе—*союзъ народовъ*. Въ первомъ *все* населеніе тѣсно связано физическими узами крови, духовными узами языка, общностію историческихъ судебъ, литературной и военною славой и пр. и пр. Тысячи неуловимыхъ движеній души и сердца связываютъ гражданъ между собою. Общей народной семьѣ каждый единичный членъ ея охотно жертвуетъ частію своихъ правъ, потому что могущество и блескъ государства озаряетъ всѣми своими лучами каждаго въ отдѣльности. Тамъ единство міровоззрѣній, единство національныхъ стремленій, слѣдовательно тамъ и единство государственное дано само собой. Совсѣмъ иное дѣло въ государствѣ національностей: тутъ нѣтъ ни глубокихъ физическихъ условій—единства крови, ни общности языка, ни общности славныхъ воспоминаній,—тутъ, словомъ, нѣтъ *однороднаго народа*, тутъ, какъ сказано, союзъ *народовъ*,—союзъ, въ которомъ составныя части скрѣпляются другъ съ другомъ и держатся вмѣстѣ лишь *общностію интересовъ*. А какъ отдѣльныя лица, соединяясь въ какое-либо частное общество, лишь ровно настолько уступаютъ въ пользу этого общества изъ своихъ личныхъ правъ, насколько это необходимо для достиженія вызвавшихъ образованіе общества цѣлей, такъ точно и народы различныхъ племенъ и различныхъ языковъ, образуя государственный союзъ, лишь настолько соглашаются и желаютъ уступить въ пользу государства изъ своихъ естественныхъ правъ, насколько это необходимо требуется для наиболѣе вѣрнаго обезпеченія вза-

*) Такъ можетъ говорить только австрійскій нѣмецъ, ставящій ни во что австрійскихъ подданныхъ русскихъ въ Галиціи и угроруссовъ (см. *Русскую Мысль* за 1880 г., кн. III: „Голосъ изъ Угорской Руси", этотъ отчаянный вопль измученныхъ русскихъ австрійскихъ подданныхъ). *Ред.*

жиныхъ интересовъ и общихъ цѣлей. Заботу о тѣхъ политическихъ и національныхъ интересахъ, которые каждый изъ нихъ легко можетъ охранить и безъ посторонней помощи, народы эти никогда не отдадутъ добровольно въ чужія руки.

«Въ существованіи національнаго государства все населеніе его заинтересовано безусловно, такъ какъ въ немъ государство и нація составляютъ одно. Какая бы ни возгорѣлась сильная борьба между партіями, между народомъ и правительствомъ, столкновеніе между государствомъ и націей лежитъ внѣ всякихъ вѣроятностей, потому что нація такъ же мало можетъ быть враждебной государству, какъ и государство ненаціональнымъ. Въ существованіи государства національностей, наоборотъ, народы его заинтересованы лишь условнымъ образомъ, такъ какъ въ немъ государство и нація не идентичны и между ихъ стремленіями возможны коллизіи, которыя могутъ поставить часть населенія передъ роковой альтернативой—пожертвовать или собой, или государствомъ. Поэтому тутъ нецѣлесообразныя учрежденія и ложная правительственная система могутъ серьезно угрожать не только благосостоянію населенія, или прочности правительства, но и самому существованію государства. Вслѣдствіе этого, конституціонное государство національностей, заключающее въ себѣ нѣсколько самосознающихъ себя и приблизительно равныхъ другъ другу по числу и значенію народностей,—такое государство, если оно желаетъ такъ же прочно обезопасить свое существованіе отъ всевозможныхъ превратностей измѣнчивыхъ теченій общественной жизни, какъ безопасно національное государство,—должно тщательно избѣгать всякихъ столкновеній съ жизненными интересами своихъ народностей. Оно должно непремѣнно ввести у себя такія учрежденія, подъ охраною которыхъ самобытная жизнь каждой національности была бы вполнѣ обезпечена, какія бы ни происходили перемѣщенія въ господствѣ политическихъ партій.

«Полная независимость въ вопросахъ національныхъ должна быть въ народномъ сознаніи такъ же прочно гарантирована отъ возможныхъ посягательствъ или оскорбленій, посредствомъ постановленій случайнаго большинства, какъ въ вопросахъ религіозныхъ—свобода совѣсти. *Такая полная гарантія невозможна въ централизованномъ государствѣ*, потому что тамъ и законодательство, и администрація находятся въ рукахъ парламентскаго большинства и исходящаго изъ его среды правительства. Одна какая-нибудь, наиболѣе благопріятствуемая конституціей, національность, или коалиція такихъ національностей (что въ Австро-Венгріи и имѣетъ мѣсто) захватываютъ, въ качествѣ парламентскаго большинства, управленіе внутренней и внѣшнею политикой и всей государственной жизни придаютъ печать своей національности. Государство становится такимъ образомъ національною партіей и, какъ таковая, дѣлается объектомъ вражды всѣхъ, оставленныхъ при меньшинствѣ, національностей, которыя становятся угрозой ему, потому что чувствуютъ, что оно угрожа-

етъ имъ. Совершенно невозможно ожидать, чтобы въ важныхъ вопросахъ *національное* меньшинство безъ принужденія подчинилось рѣшеніямъ большинства, какъ дѣлаетъ это меньшинство *политическое*. Между тѣмъ и другимъ слишкомъ велика разница. *Политическая партія* защищаетъ *идеи* или *интересы*, которые, если на нихъ сегодня не обращаютъ вниманія, могутъ восторжествовать завтра. Она можетъ временно пасть, не погибая. Напротивъ, національная партія служитъ представительницей самаго существованія націи, а нація не можетъ развиваться, когда ей постоянно грозитъ опасность, и съ трудомъ можетъ снова разцвѣсть, когда разъ подверглась серьезной задержкѣ на пути развитія. По всѣмъ этимъ причинамъ, необходимымъ условіемъ упроченія государства національностей служитъ то, чтобы ни одна народная особь въ немъ не чувствовала себя поставленной ниже и тѣмъ менѣе подчиненной другой, потому что нѣтъ для народа ничего оскорбительнѣе, какъ господство иноземца, хотя бы этотъ послѣдній предлагалъ ему наисвободнѣйшія учрежденія, и ничто не лежитъ ему такъ близко къ сердцу, какъ желаніе имѣть свое, національное, правительство. Щадить эти чувства своихъ народовъ, удалять отъ нихъ все, что содержитъ хотя намекъ на чужеродное господство, и выполнять всѣ ихъ желанія, осуществлять всѣ ихъ стремленія, какія только не противны общегосударственной безопасности— такая политика предписывается жизненными интересами самого государства національностей. Оно должно обставить всевозможными гарантіями то условіе, что народы, входящіе въ его составъ, будутъ не субъординированы другъ другу, а координированы, будутъ идти не какъ партіи противъ другъ друга, а какъ союзники — рядомъ и вмѣстѣ, ибо что для національнаго государства *единство народа*, то для государства національностей *единеніе народовъ*. Первое дано само собою, второе достигается посредствомъ децентрализаціи, посредствомъ обезпеченія автономіи, которая должна быть тѣмъ шире и идти тѣмъ дальше, чѣмъ сильнѣе народы численностію и политическимъ значеніемъ; тѣмъ компактнѣе они живутъ, чѣмъ сильнѣе развито въ нихъ національное чувство, особенно если къ нему присоединяется еще и провинціальное самосознаніе, и, наконецъ, чѣмъ больше можетъ быть въ нихъ тяготѣнія къ родственнымъ народамъ въ сосѣднихъ государствахъ. Тамъ, гдѣ всѣ эти условія встрѣчаются одновременно, автономія должна быть настолько обширна, чтобы каждый народъ распоряжался у себя *вполнѣ самостоятельно* какъ законодательствомъ, такъ и администраціей въ сферѣ всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые, не касаясь непосредственно общихъ интересовъ всѣхъ, не *требуютъ безусловно* совмѣстнаго обсужденія общимъ представительствомъ. Парламентское общее представительство и единая исполнительная власть должны вѣдать и управлять *только* такими дѣлами, съ которыми ни одинъ народъ не можетъ разсчитывать съ успѣхомъ справиться отдѣльно отъ другихъ, т.-е. имъ должна быть предо-

ставлена внѣшняя политика, охраненіе политическихъ и экономическихъ общегосударственныхъ интересовъ и внутри та доля авторитета и власти, которая давала бы возможность государству наиуспѣшнѣйшимъ образомъ охранять законныя права всѣхъ своихъ народовъ и гражданъ.

«Въ такъ организованномъ государствѣ національностей каждый народъ съ одной стороны чувствуетъ себя, благодаря предоставленному ему широкому самоуправленію, настолько прочно обезпеченнымъ въ своей культурной жизни, въ развитіи своихъ національности и языка, какъ еслибъ онъ былъ вполнѣ самостоятеленъ, а съ другой—сознаетъ, что государственный союзъ съ другими и энергическое дѣйствіе соединенныхъ силъ всѣхъ даютъ ему такую опору и охрану извнѣ, противъ покушеній большихъ сосѣднихъ государствъ, какихъ ни одинъ изъ нихъ, будучи изолированнымъ, не могъ бы достичь.

«*Такимъ образомъ децентрализація въ государствѣ національностей приноситъ съ собою миръ и удовлетвореніе народовъ внутри и силу и прочность государства извнѣ*, между тѣмъ какъ *централизація влечетъ къ гражданскимъ ссорамъ и порабощенію внутри*, *а въ международныхъ отношеніяхъ обрекаетъ государство на безсиліе*, *такъ какъ оно не только не можетъ разсчитывать на тѣ національности*, *которыя преисполнены противъ него враждебныхъ чувствъ*, *но еще въ минуту опасности принуждено раздѣлять военныя силы преданныхъ ему національностей для сдержанія въ повиновеніи враждебныхъ*, что натурально ослабляетъ его и дѣлаетъ мало способнымъ къ противодѣйствію непріятелю...

«Для австрійскаго политика,—продолжаетъ Фишгофъ,—нѣтъ лучшаго практическаго учебнаго курса, какъ путешествіе по Швейцаріи. Каждый шагъ въ этой странѣ обогащаетъ его познанія, расширяетъ его кругозоръ. Онъ встрѣчаетъ здѣсь осуществленнымъ въ полнѣйшей мѣрѣ все то, чего онъ тщетно ищетъ въ своемъ отечествѣ. Обособленное провинціальное самосознаніе и общій патріотическій духъ, разноплеменные народы и—отсутствіе племенной вражды, разнообразныя области, многочисленные округи и — ни малѣйшаго поползновенія къ сепаратизму, много властей и—никакихъ столкновеній. Управленіе всею страной не приводится однообразно и механически въ движеніе изъ центра, но множество административныхъ организмовъ дѣйствуютъ самостоятельно въ границахъ своихъ кантоновъ. Управляемые и управители не стараются отдаляться другъ отъ друга, но находятся въ постоянномъ живительномъ и оживляющемъ общеніи другъ съ другомъ. Каждое кантональное правительство можетъ окинуть собственнымъ взглядомъ всю область своего воздѣйствія, а потому и можетъ дѣйствительно управлять ею; *тогда какъ въ большихъ централизованныхъ государствахъ глазъ министра, какъ бы таковой ни былъ дальнозорокъ, видитъ лишь какъ въ туманѣ, а то такъ и вовсе не видитъ ничего изъ находящагося чуть-чуть даль-*

ше поверхности, *и самая благая мысль правителей по большей части утрачиваетъ совершенно свой первоначальный видъ*, *покуда*, *проходя черезъ длинную цѣпь чиновниковъ, дойдетъ, наконецъ, до низшихъ исполнительныхъ органовъ.* Какимъ благодѣтельнымъ и творческимъ образомъ дѣйствуютъ возможныя лишь въ маленькихъ административныхъ округахъ интимныя взаимныя отношенія между народомъ и правительствомъ, съ особенною рельефностію выказывается въ Швейцаріи. Нигдѣ во всей Европѣ нельзя найти такого мощнаго споспѣшествованія общественному благосостоянію при такомъ бережномъ и умѣренномъ отношеніи къ плательщикамъ податей. Порядокъ и экономія господствуютъ во всѣхъ отрасляхъ управленія и вездѣ во всемъ высказывается самая старательная и любящая заботливость объ умственныхъ и матеріальныхъ интересахъ населенія. Почти всюду зритель видитъ состоятельность и довольство, а гдѣ нужда и страданіе проводятъ глубокія борозды, тамъ милосердіе и гуманность сѣютъ свои самыя богатыя сѣмена. Если вы видите въ Швейцаріи великолѣпное, похожее на дворецъ, зданіе, то это непремѣнно или разсадникъ образованія, или больница, попечительство о страждущихъ, или пріютъ для неимущихъ. Управленіе, обыкновенно во всемъ такое экономное, позволяетъ себѣ роскошь тамъ, гдѣ требуется дать юности образованіе, болѣзни и бѣдности—помощь, старости—пріютъ и удобство. Ни въ одномъ государствѣ европейскаго континента ремесленный трудъ не приноситъ такихъ богатыхъ плодовъ, торговля не прокладываетъ себѣ такихъ далекихъ путей, какъ въ Швейцаріи».

И все это имѣетъ мѣсто подъ вліяніемъ и благодаря управленію маленькихъ кантоновъ.

«*Трезвое изслѣдованіе политическаго*, *соціальнаго и экономическаго положенія Швейцаріи доказываетъ несомнѣнно справедливость воззрѣній тѣхъ*, *кто считаетъ децентрализацію управленія важнѣйшимъ условіемъ благосостоянія и важнѣйшимъ оплотомъ свободы и прочности государства.* Но что составляетъ главнѣйшій пунктъ поучительности Швейцаріи собственно для австрійскихъ политиковъ, это—тотъ фактъ, что въ этой странѣ, благодаря ея самоуправленію, національныя распри и столкновенія изъ-за употребленія того или другаго языка представляютъ дѣло невѣдомое. Національности живутъ тамъ въ братскомъ согласіи, потому что ни одна изъ нихъ не заявляетъ претензій на какія бы то ни было привилегіи для себя и своего языка въ отправленіяхъ общественной жизни, а каждая свои личные матеріальные и умственные интересы охраняетъ самостоятельно и заботится о своемъ національномъ развитіи безъ всякой помѣхи со стороны сосѣдей.

«Три національности, три племени: нѣмцы, французы и итальянцы—живутъ тамъ въ братскомъ единеніи. Никакія междоусобицы не нарушаютъ общественнаго мира, никакое національное сопротивленіе не задерживаетъ теченія администраціи. Сильвіо Пелико говоритъ о Швейцаріи: «Тутъ

живутъ люди, съ трудомъ понимающіе другъ друга, ибо они говорятъ на разныхъ языкахъ. Вы можетъ-быть думаете, что въ нихъ нѣтъ любви къ отечеству? Вы заблуждаетесь. Это все *швейцарцы*: тѣ—изъ французскаго, эти — изъ итальянскаго, третьи — изъ нѣмецкаго кантона. Единство охраняющаго всѣхъ ихъ политическаго союза пополняетъ недостатокъ общаго языка, связуетъ ихъ сердца и побуждаетъ ихъ къ великодушнѣйшимъ жертвамъ для блага отечества, не имѣющаго національности». Ключъ къ тайнѣ этой гармоніи находится въ самоуправленіи, которое въ Швейцаріи не составляетъ монополіи одного племени, но есть *ненарушимое право всѣхъ*. Ни одна народная семья не посягаетъ на домашнія права другой; каждая живетъ подъ защитою законовъ, которые *она сама и на своемъ собственномъ языкѣ* создала себѣ, подъ своимъ національнымъ управленіемъ, *которое она сама выбрала*, и только то рѣшается всѣми сообща, что дѣйствительно касается одинаково всѣхъ, т.-е. общегосударственныя дѣла. Народы тамъ свободно соединились въ федерацію, а не насильственно втиснуты въ единообразное государство. Они — хорошіе швейцарцы, потому что ничто не препятствуетъ имъ быть хорошими нѣмцами, хорошими французами и итальянцами. Дайте Швейцаріи учрежденія, противныя ея государственному существу, навяжите ей централистскую конституцію и—она въ самомъ непродолжительномъ времени сдѣлается театромъ политической и національной борьбы, горечь и опасная страстность которой ни мало не уступятъ нашимъ. *Цѣль современнаго конституціоннаго государства состоитъ въ предоставленіи народамъ права участвовать самимъ, черезъ посредство представительныхъ собраній, въ управленіи своими судьбами. Поэтому, въ виду этой цѣли, не можетъ быть болѣе явнаго нарушенія конституціоннаго принципа, какъ перенесеніе централистскихъ учрежденій на почву государства національностей*, потому что централистская конституція *не каждой націи предоставляетъ право* самоопредѣленія и рѣшенія всего, до нея касающагося, а *всецѣло отдаетъ въ руки одной націи* право рѣшающаго голоса объ участи всѣхъ прочихъ. Этимъ путемъ тотъ народъ, который располагаетъ парламентскимъ большинствомъ и посредствомъ его вліяетъ на администрацію не менѣе, чѣмъ на законодательство,—этотъ народъ становится *господствующимъ*, а прочіе — *ему подчиненными*, какъ бы тамъ утѣшительно параграфы конституціи ни разглагольствовали о *равноправности*. При преобразованіи абсолютистскаго государства національностей въ *централистско*-конституціонное большинству народовъ приходится только мѣнять господина: *на мѣсто автократіи одного лица получать гегемонію одного народа*.

«Бросимъ взглядъ на западную половину Австрійской монархіи. Развѣ тамъ, благодаря распредѣленію парламентскаго большинства, нѣмцамъ не досталась гегемонія? Развѣ не нѣмецкое большинство провело границу автономіи народовъ и дало имъ путеводную нить въ конституціонной обще-

ственной жизни? Развѣ не нѣмцы во всѣхъ важныхъ случаяхъ рѣшаютъ законодательнымъ порядкомъ и исполняютъ административнымъ? Все это для не нѣмецкихъ народовъ Австріи обозначаетъ не *самоопредѣленіе и самоуправленіе*, а *опредѣленіе и управленіе нѣмцами*,—другими словами, *нѣмецкое господство*. А таковое при наилучшихъ и благодѣтельнѣйшихъ намѣреніяхъ представляется народамъ не чѣмъ инымъ, какъ тираніей,—тѣмъ родомъ тираніи, о которой еще Монтескьё сказалъ, что при ней правительство, ни въ малѣйшей степени не прибѣгая къ насилію и не желая прибѣгать къ нему, тѣмъ не менѣе «оскорбляетъ міровоззрѣніе народа» (Montesquieu: «Esprit des Lois», livre XIX, chapitre 3). И этотъ родъ тираніи тѣмъ опаснѣе, что ее по большей части вовсе и не сознаютъ ея виновники, между тѣмъ какъ подвергающіеся ей чувствуютъ ее чрезвычайно болѣзненно. Только этимъ и объясняется то обстоятельство, что нѣмцы въ Австріи въ высшей степени изумлены раздраженіемъ другихъ національностей, а этихъ съ своей стороны въ высшей степени раздражаетъ изумленіе нѣмцевъ,—что, далѣе, нѣмцамъ кажется непостижимымъ, какъ это свобода можетъ представляться людямъ чѣмъ-то невыносимымъ, тогда какъ другимъ національностямъ кажется столь же непостижимымъ, какъ это можно положеніе невыносимое называть свободой. Поверхностные наблюдатели, желая объяснить это странное противорѣчіе взглядовъ, ошибочно утверждаютъ, будто славянскіе народы Австріи лишены чувства свободы. Говорю: «ошибочно», потому что бываютъ народы, которые не умѣютъ собственными силами добиться свободы, но такихъ, которые не желали бы достичь ея—такихъ нѣтъ... Общераспространенное мнѣніе о прирожденномъ отвращеніи славянъ къ свободѣ не мало повліяло на уничиженіе ихъ политическаго положенія и мнѣніе это находитъ кажущуюся опору въ томъ, что они (т.-е. славяне) вотъ уже 20 лѣтъ идутъ рука объ руку съ реакціей. Между тѣмъ весьма немногіе задаютъ себѣ трудъ изслѣдовать дѣйствительныя причины этого явленія.

«Такъ какъ только взаимное пониманіе ведетъ къ соглашенію, то я сдѣлаю бѣглый обзоръ политическихъ преобразованій послѣднихъ 20 лѣтъ и докажу, что славяне вовсе не по своей винѣ, а по винѣ обстоятельствъ брошены были въ объятія реакціи».

Тутъ слѣдуетъ весьма обстоятельный историческій обзоръ, въ которомъ авторъ разсматриваетъ поведеніе каждаго славянскаго племени въ отдѣльности и при этомъ фактами доказываетъ, какъ въ началѣ стремленіе къ свободѣ охватило славянъ наравнѣ съ нѣмцами и мадьярами и они всѣ приняли участіе въ общемъ движеніи какъ 1848 г., такъ и послѣдующихъ. Но затѣмъ несправедливость, которой они подвергались со стороны не столько правительства, сколько именно своихъ согражданъ *господствующей національности*, заставила ихъ перемѣнить фронтъ и охотнѣй поддерживать все уравнивающую реакцію, чѣмъ отдающую ихъ въ руки инородческаго господства конституціонную свободу.

«Именно, преимущественно самими же нѣмцами и мадьярами поставленная впереди всего, національная идея сообщила стремленіямъ австрійскихъ народовъ различныя, часто противуположныя цѣли, и то, что нѣмцы и мадьяры считали свободой, необходимо представлялось славянамъ невыносимымъ гнетомъ, противъ котораго они реагировали. Такимъ образомъ эта реакція возникла вовсе не изъ недостатка любви къ свободѣ, а изъ отвращенія къ такой свободѣ, плоды которой достаются лишь посторонним... Нѣмцамъ все это можетъ казаться очень непріятнымъ, но, очевидно, не справедливо было бы упрекать за это славянъ. Никому не охотно тащить тріумфальную колесницу своего противника.

«Если австрійскіе нѣмцы желаютъ найти образецъ, которому они должны подражать въ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ, то пусть они берутъ примѣръ съ Швейцаріи, гдѣ ихъ нѣмецкіе братья утвердили умѣренностію то, что они добыли силой. Швейцарскіе нѣмцы не захотѣли быть *повелителями* другихъ національностей своего государства,—они пожелали быть лишь ихъ *товарищами*, предпочли *дружескій союзъ* насильственному единству и такимъ образомъ достигли той цѣли, которой добивались тяжкимъ трудомъ, что намъ, австрійцамъ, никогда не удавалось... Нельзя съ достаточною настойчивостью выставлять это на видъ тѣмъ, которые такъ громко кричатъ о культурной миссіи нѣмцевъ и въ то же время такъ шумно уничтожаютъ эту самую миссію тѣмъ, что не щадятъ самолюбія народовъ, къ облагороженію которыхъ стремятся, и сѣютъ плевелы ненависти тамъ, гдѣ желаютъ пожать плоды цивилизаціи. Если мы искренно желаемъ мира и свободы, то въ нашей средѣ также не должно быть *господствующей націи*, какъ и *господствующаго сословія* или *господствующей церкви*. Централизація въ Австріи—анахронизмъ, она—преступленіе передъ духомъ времени. Да нѣмцамъ вовсе и нѣтъ надобности въ этомъ политическомъ преступленіи. Они превосходятъ своихъ инородческихъ согражданъ и не взбираясь на пьедесталъ привилегіи. Ихъ моральное превосходство даетъ имъ болѣе прочныя гарантіи, чѣмъ искуственно составленное парламентское большинство, потому что съ пьедестала привилегіи ихъ легко можетъ сбросить грубое физическое насиліе, но никакая сила не сброситъ съ высоты культуры. Не опекунами, но образцами должны они быть для другихъ народовъ, не становиться *надъ* этими народами, или *противъ нихъ*, а смѣло *идти впереди* ихъ, и тѣ, кто нынѣ лишь по неволѣ и съ сопротивленіемъ подчиняются ихъ повелѣніямъ, тогда добровольно послѣдуютъ ихъ *примѣру* *). Дадимъ и мы своимъ народамъ такую же полную мѣру самоуправленія, какъ швейцарское! Теперь такъ скупо удѣляемая имъ частица автономіи

*) Только нѣмецъ могъ привести этотъ аргументъ, взятый отъ различія культуръ въ Цислейтаніи, о которой идетъ рѣчь. Цислейтанскіе славяне по культурѣ не уступаютъ австрійскимъ нѣмцамъ, а чехи далеко превосходятъ послѣднихъ въ этомъ отношеніи. *Ред.*

только возбуждаетъ, не удовлетворяя, ихъ аппетитъ. Она слишкомъ велика, если желаютъ денаціонализировать народъ, и слишкомъ недостаточна, если желаютъ ею удовлетворить. *Она даже въ административномъ отношеніи не достигаетъ своей цѣли, потому что двойственная бюрократическая и земская администрація, параллельное дѣйствіе государственныхъ и автономныхъ органовъ отнюдь не послужили ни къ упрощенію, ни къ улучшенію дѣятельности нашего административнаго аппарата. Не уменьшивъ нисколько государственныхъ расходовъ, она значительно увеличила расходы мѣстные и привела лишь къ тому, что сдѣлала самоуправленіе непопулярнымъ среди тѣхъ классовъ, для которыхъ количество налоговъ служитъ мѣриломъ достоинства политическихъ учрежденій. Только всеобъемлющая швейцарская автономія въ одно время и дѣйствительна, и экономна, и она безъ всякаго сомнѣнія пуститъ корни и у насъ, какъ скоро наши государственные люди уяснятъ себѣ настоящую сущность нашего государства и согласно съ нею станутъ управлять имъ.*

«Спросятъ: какъ же намъ выполнить нашу задачу и въ то же время сохранить свое мѣсто? Отвѣчаю: путемъ соразмѣренія нашихъ дѣйствій съ обстоятельствами и нашихъ стремленій съ наличностію нашихъ силъ. Аппетитъ не долженъ превышать способность пищеваренія и, поэтому, такъ какъ мы не можемъ ни поглотить наши народы, ни политически абсорбировать ихъ, то мы должны постараться духовно ассимилировать ихъ съ собою, но не посредствомъ умерщвленія, а, напротивъ, посредствомъ оживленія ихъ національнаго духа... Наиболѣе рельефное воплощеніе во внѣшнихъ формахъ и въ то же время лучшее выраженіе глубочайшихъ нѣдръ духа, души народа, есть его языкъ. Никакое чувство не пробуждается въ насъ безъ того, чтобы не вылиться въ звукахъ родного языка. Все, что въ видѣ мысли вызываетъ движеніе нашего ума, что въ видѣ предчувствія волнуетъ нашу душу, въ видѣ нѣжнѣйшихъ ощущеній заставляетъ биться наше сердце,—все это воплощается для насъ въ формахъ родного языка. Правда, говорятъ, будто умственный элементъ въ языкѣ, мысль, и чувство не зависятъ отъ матеріальнаго выраженія его, отъ слова, и будто бы поэтому фанатизмъ родного языка есть не что иное какъ сумасбродство. Однако мыслитъ въ насъ душа, а не матерія; но своеобразная внутренняя связь и взаимнодѣйствіе ихъ другъ на друга обусловливаютъ нашу индивидуальность. Точно также единство каждаго языка покоится на безчисленныхъ связяхъ и взаимнодѣйствіи духовнаго и матеріальнаго элементовъ въ языкѣ. Поэтому каждый народъ не только имѣетъ право, но и обязанность сохранять свой языкъ. Національность, которая гибнетъ, сама того не подозрѣвая, представляетъ печальное зрѣлище; но такая, которая сознательно отдала бы себя на погибель, представила бы зрѣлище самое отвратительное въ мірѣ... Народъ вмѣстѣ съ языкомъ растетъ, поднимается, вмѣстѣ съ нимъ падаетъ и погибаетъ.

«Будемъ же вмѣсто того, чтобы, какъ дѣлалось до сихъ поръ, при помощи нѣмецкаго языка, насильственно навязывать народамъ культуру, будемъ понемногу привязывать ихъ къ нѣмецкому языку при помощи образованія, полученнаго ими на своемъ родномъ языкѣ... *На чужомъ языкѣ можно народъ учить, но образовать его нельзя. Образованіе разцвѣтаетъ только на почвѣ родного языка, изъ собственнаго генія каждаго народа. Преподнося народу духовную пищу на ненавистномъ блюдѣ чуждаго языка, можетъ быть и увеличиваютъ сумму его знаній, но характеръ его унижаютъ, національный духъ калѣчатъ; а неужели кто-нибудь думаетъ, что изъ искалѣченныхъ народовъ можно образовать сильное государство?!*... Вмѣсто того, чтобы становиться фронтомъ противъ народовъ или съ досадой и ворчаніемъ позволять имъ вырывать у насъ уступку за уступкой, мы должны дружественно и съ любовью соединиться съ ними и поспѣшить добровольно, отъ всего сердца, даровать имъ то, чего они въ правѣ отъ насъ требовать. Не будемъ оставлять ихъ языкъ прозябать въ подземельяхъ самыхъ низшихъ ступеней народной жизни, или жалкимъ образомъ развиваться въ нижнемъ этажѣ одной народной школы. Будемъ, напротивъ, заботливо помогать ему живымъ и радостнымъ перейти во всѣ этажи государственнаго зданія, подняться въ обширныя и свѣтлыя хоромы общественной жизни, чтобы онъ, находясь въ постоянномъ движеніи на этой широкой аренѣ и подстрекаемый соревнованіемъ съ другими, развивался и пріобрѣталъ силу. Это нужно потому, что народы развиваются вмѣстѣ съ своимъ языкомъ, и для того, чтобы быть полезными и дѣятельными элементами государства, они должны не только жить, но и быть могучими. Итакъ, дадимъ родному языку нашихъ народовъ полную свободу движенія въ школахъ, въ церкви, въ администраціи, въ судѣ, и мы весьма скоро, къ великой радости своей, увидимъ, что эти народы добровольно станутъ учиться языку нѣмецкому, отъ котораго они стараются отдалиться теперь только потому, что имъ его навязываютъ. Будутъ они учиться ему потому, что малымъ по количеству народностямъ ихъ родной языкъ окажется недостаточнымъ, чтобы при помощи его одного идти въ ровень съ культурой нашего времени. Теперь великія задачи цивилизаціи по плечу только великимъ націямъ. Въ наше время невозможно болѣе, какъ бывало въ древности, чтобы маленькіе богато одаренные народы могли не только соперничать съ большими, но даже превосходить ихъ. Современная умственная дѣятельность движется на широкой демократической почвѣ и духовное богатство человѣчества составляетъ не по-прежнему лишь то, что добыто нѣсколькими избранными умами, а все, что пожато общимъ трудомъ и изъученіемъ въ области науки. Не одни только коронные брилліанты царей мысли, но и массы пріобрѣтеній, накопленныхъ скромными буржуазными изслѣдователями, составляютъ драгоцѣнное содержаніе современной литературной казны. А такъ какъ количество изслѣдователей и сумма результатовъ изслѣдованій

въ значительной степени зависятъ отъ количества народонаселенія одного и того же племени, то маленькіе народы всегда будутъ находиться въ неблагопріятныхъ условіяхъ сравнительно съ большими.

«Надо имѣть въ виду, что раздѣленіе труда, которое также содѣйствуетъ развитію науки, какъ и промышленности, возможно только при такомъ богатствѣ рабочихъ силъ, какимъ маленькіе народы не могутъ располагать. Поэтому они всегда будутъ нуждаться въ помощи еще другаго языка, кромѣ ихъ родного. Этого послѣдняго, какъ бы онъ ни былъ развитъ, хватитъ имъ лишь настолько, чтобы возбудить въ нихъ жажду знанія. Чтобъ эту жажду утолить, имъ придется непремѣнно черпать изъ болѣе богатаго источника, и, конечно, какъ скоро ихъ не будетъ болѣе отталкивать чувство антипатіи, они обратятся къ источнику нѣмецкаго языка, который къ нимъ ближе всѣхъ и который богатствомъ и полнотой превосходитъ всѣ европейскіе языки. И не только наши собственныя инородческія національности, но и родственныя имъ народности за юго-восточною границей нашей привлечемъ мы къ нѣмецкому духу справедливымъ и разумнымъ отношеніемъ (къ дѣлу образованія и языка). Если сербскому и румынскому правительствамъ удастся перегнать насъ въ устройствѣ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, то наши сербы и румыны немедленно начнутъ гравитировать туда, *потому что политическій центръ гравитаціи народа всегда совпадаетъ съ центромъ его умственной гравитаціи...»* (Просимъ нашихъ читателей особенно замѣтить это вполнѣ справедливое правило. Оно понадобится имъ ниже, когда мы будемъ излагать другія, болѣе непосредственно касающіяся Россіи, части «пропаганды».)... «Наоборотъ, если мы заведемъ у себя югославянскіе и румынскіе высшіе образовательные центры, школы техническія, ремесленныя, земледѣльческія, торговыя, то юношество тѣхъ странъ будетъ приходить учиться къ намъ и по неволѣ будетъ чувствовать влеченіе и привязанность къ государству, доставляющему своимъ народамъ такія богатыя средства умственнаго развитія. Да,—говоримъ съ особеннымъ удареніемъ,—будущность Австріи гораздо больше зависитъ отъ ея системы образованія, чѣмъ отъ военной...

«Но употребленія національныхъ инородческихъ языковъ въ однѣхъ школахъ, отъ народныхъ до высшихъ включительно, и въ администраціи—недостаточно. На нихъ же должно вестись и законодательство. «Языкъ,—по свидѣтельству глубочайшаго изслѣдователя онаго, Алек. Гумбольдта,—есть органъ мышленія; только посредствомъ его возникаетъ мысль». Изгнать народный языкъ хотя бы изъ одной сферы умственной дѣятельности—значитъ тѣмъ самымъ исказить національный органъ мышленія. Ну, а сфера законодательная является одной изъ важнѣйшихъ областей національной мыслительной дѣятельности. Геній народа проявляется въ законодательствѣ не менѣе, чѣмъ въ литературѣ и въ искусствѣ. Нигдѣ онъ не выражается жизненнѣе, разнообразнѣе и глубже. Только при развитіи об-

щественной жизни достигаетъ языкъ полной мужественной зрѣлости. Какъ черезъ поэзію и беллетристику вырабатывается красота и прелесть, а черезъ научную литературу — серьезность и глубина, такъ черезъ законодательство, черезъ господство въ общественной жизни вырабатываются достоинство, сила и характеръ. Сдѣлать для языка какого-либо народа недоступными высокія сферы законодательства—значитъ закрыть для этого народа самую плодотворную область національной умственной дѣятельности, значитъ подвергнуть его духовной ссылкѣ и превратить его лингвистическое отечество въ безплодную пустыню. Поэтому-то каждый народъ, какъ скоро въ немъ пробуждается національное самосознаніе, тотчасъ же старается избавиться отъ гнета чуждаго языка, все равно мертвый онъ или живой. У насъ говорятъ, что законы переводятся съ нѣмецкаго на всѣ языки, употребляемые въ государствѣ, и такимъ образомъ каждая національность все равно пользуется своими правами. Но развѣ возможно переводъ чужихъ законовъ считать суррогатомъ національнаго законодательства? Языкъ, на которомъ написаны законы, если онъ хочетъ быть живымъ и оживляющимъ, долженъ быть не съ трудомъ и лишь механически связанъ со смысломъ закона, а органически сростись съ духомъ національнаго законодателя. Съ точно такимъ же правомъ можно бы приказать народу отказаться отъ всякой самостоятельной литературной дѣятельности и ограничиться одними переводами. Еслибы какой-либо народъ согласился подчиниться подобному приказанію, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого была бы порча характера и искаженіе какъ языка, такъ и народа. Точно также народы, которые должны отказаться отъ самостоятельнаго законодательства на ихъ родномъ языкѣ, непремѣнно утратятъ всякую самостоятельность и достоинство характера и, посреди высшей общественной жизни, въ которой не течетъ ни капли ихъ національной крови, они будутъ неудержимо разлагаться политически, умственно и нравственно... *И по крайней мѣрѣ хоть могутъ ли нѣмцы...»* (или всякій другой народъ при подобныхъ же условіяхъ)... *«извлечь выгоды для себя изъ того, что потеряютъ прочіе народы? — Никогда! Превращеніе въ стоячее болото общественной жизни многочисленныхъ инородческихъ національностей должно неизбѣжно вызвать застой и пониженіе нравственнаго уровня и среди нѣмцевъ»* (господствующей націи), *«потому что моральные міазмы, развиваемые политическимъ гигіеніемъ, распространяютъ свое тлетворное дѣйствіе далеко за предѣлы тѣхъ мѣстностей, которыя сдѣлались источниками заразы...»* Поэтому-то «со стороны нѣмцевъ такъ же не умно, какъ и не благородно не только препятствовать маленькимъ народамъ развиться самимъ и развивать свой языкъ, но еще при этомъ и поднимать ихъ на смѣхъ. Еслибы тяжелые удары судьбы низвели насъ, австрійскихъ нѣмцевъ, на степень илотовъ, то и тогда мы все-таки съумѣемъ снова подняться, благодаря высотѣ и могучей силѣ нашего языка, потому что какъ бы

сами мы ни были умственнно лѣнивы, мы все-таки не можемъ не чувствовать духовной связи своей со всѣмъ тѣмъ, что добывается во всѣхъ сферахъ науки трудами и силами нашихъ братьевъ. Но маленькіе народы—какъ тяжело имъ обработывать худородную почву ихъ языка! Никто не помогаетъ имъ при этомъ; они сами съ усиліемъ должны собирать и приносить каждый камешекъ, нужный для созиданія литературы; при ничтожномъ количествѣ умственныхъ работниковъ, архитекторамъ приходится самимъ быть и поденщиками. Такъ великодушно ли это намъ, утопающимъ въ полученной въ наслѣдство роскоши языка, насмѣхаться надъ нашими бѣдными инородческими согражданами?... Ограбить ихъ родной языкъ у маленькихъ народовъ, или потихоньку, незамѣтно, украсть его у нихъ было бы грубой, или гнусною низостью».

Такъ проповѣдуетъ Фишгофъ, призывая своихъ братьевъ-нѣмцевъ къ болѣе человѣчному отношенію къ славянамъ Австріи. Но было бы большой ошибкой думать, что имъ руководятъ однѣ идеальныя цѣли и стремленія. Его называли и до сихъ поръ называютъ въ Австріи идеалистомъ, и онъ дѣйствительно, если хотите, идеалистъ, но лишь въ томъ отношеніи, что онъ идеально честенъ, идеально твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ и принципахъ. Въ сущности этотъ предполагаемый идеалистъ есть въ то же время глубокій и тонкій политикъ. Обширная, всесторонняя образованность (Фишгофъ—одинъ изъ образованнѣйшихъ людей въ столь богатой образованіемъ нѣмецкой Австріи) привела его къ уразумѣнію той истины, что, во-первыхъ, общепринятое мнѣніе о позволительности (нѣкоторые говорятъ даже—обязательности) коварства, надувательства и насилій въ политикѣ представляетъ великую и печальную ложь, одно изъ тѣхъ грустныхъ вѣковыхъ заблужденій человѣчества, которыя, составляя наслѣдіе варварскихъ, языческихъ временъ и передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, служатъ лишь для благовиднаго прикрытія и оправданія всяческой неправды и безнравственныхъ правонарушеній; во-вторыхъ, что если еще въ отдаленныя эпохи первобытной жизни человѣчества насиліе и могло иногда приводить къ благопріятнымъ результатамъ, то въ наше время и при современной высокой степени европейской культуры честность, справедливость и гуманность въ политикѣ несравненно выгоднѣе и могущественнѣе, чѣмъ самыя хитроумныя козни и самая съ виду непреоборимая физическая сила. Уразумѣвъ эту истину, Фишгофъ главнымъ образомъ ее и выставляетъ на видъ своимъ соотечественникамъ, въ ней ищетъ и исходный пунктъ, и точку опоры для своей проповѣди. Онъ не говоритъ нѣмцамъ: будьте великодушны и честны относительно славянскихъ народностей, потому что этого требуютъ великіе христіанскіе принципы справедливости и гуманности,—нѣтъ, онъ слишкомъ хорошо знаетъ, что черезчуръ возвышенной, далеко превосходящею умственный уровень слушателей рѣчью никого не убѣдишь и даже до конца дослушать себя не заставишь. Поэтому онъ говоритъ: будьте великодушны, честны, спра-

ведливы и гуманны *потому*, что этого требуютъ прежде всего *ваши собственные* интересы и жизненные интересы монархіи. Если вы будете продолжать насиловать славянъ, Австрія неминуемо должна распасться, а вы сами сдѣлаетесь тогда пасынками прусской Германіи. Вотъ какими соображеніями поясняетъ и подкрѣпляетъ онъ свою горячую защиту интересовъ славянъ:

«Какъ нравственно испорченные, такъ и незрѣлые, необразованные народы представляютъ серьезную опасность для государства. Оставимъ, напримѣръ, наши южнославянскія народности въ первобытномъ состояніи, *и они сдѣлаются добычей панславизма*, *жертвами Россіи*... Славяне, составляющіе приблизительно на половину населеніе всей Габсбургской монархіи и огромное большинство въ ея западной части (Цислейтаніи), имѣютъ чрезвычайно важное значеніе для Австріи. Только невѣжество можетъ отрицать это значеніе и только легкомысліе — умалять его. Въ виду этого положенія, государственная мудрость повелѣваетъ тщательно изслѣдовать направленіе общественнаго мнѣнія въ славянскомъ мірѣ и съ точностію узнать, куда оно тяготѣетъ, потому что Австрія подвергалась бы серьезной опасности, еслибы пунктъ этого тяготѣнія находился внѣ ея предѣловъ. Но среди славянскихъ народовъ существуетъ двоякое воззрѣніе на вопросъ, гдѣ собственно долженъ находиться ихъ національный центръ тяжести.

«Согласно одному изъ этихъ воззрѣній, каждая славянская національность должна сама въ себѣ искать свой центръ тяжести, въ сферѣ своей собственной національной жизни. Согласно другому—всѣ славяне должны имѣть единый національный и политическій центръ для того, чтобъ единство племенное, единство расы получило свое выраженіе и въ единствѣ политическомъ. Первое воззрѣніе—*партикуляристское*, второе—*панславистское*. Панслависты, слѣдуя естественному закону тяготѣнія, гравитируютъ къ большому славянскому государству—къ Россіи. *Такимъ образомъ Россія является естественною покровительницей идеи панславизма.* Стремленія же партикуляристовъ вращаются въ тѣсномъ кругѣ отдѣльныхъ народностей, т.-е. (по отношенію къ австрійскимъ славянамъ) *въ такомъ кругѣ, который лежитъ въ границахъ Австріи.* Слѣдовательно *Австрія*, если она правильно понимаетъ свои интересы, *должна быть естественною покровительницей славянскаго партикуляризма.* Самъ по себѣ партикуляризмъ ея славянскихъ народовъ не только не опасенъ для Австріи, но онъ служитъ гарантіей ея упроченія. *Стараніе ослабить* этотъ *партикуляризмъ было бы самоистребленіемъ*, *возращиваніемъ панславизма*, *отказомъ отъ своего положенія въ пользу Россіи*... Еслибы въ славянскихъ народахъ не было партикуляристскаго духа, *наши государственные люди должны бы приложить всѣ старанія*, *чтобъ его пробудить*. Ужели имъ пристало усыплять его теперь, когда онъ есть, да еще такой живой и могучій?... Племя, раса есть только по-

слѣдняя линія отступленія угнетаемыхъ народовъ,—собственное непреодолимое влеченіе сердца отнюдь не тянетъ ихъ къ этому направленію. Такъ племенное родство французовъ, итальянцевъ и испанцевъ и таковое же нѣмцевъ, англичанъ и пр. никогда не способствовало утвержденію идей панроманизма и пангерманизма. И это по той причинѣ, что *не родство*, а *тождество* происхожденія, языка и литературы органически связываетъ народы... Если славяне (австрійскіе) тяготѣютъ теперь въ Россіи, то это доказываетъ лишь одно, что положеніе ихъ въ Австріи не удовлетворяетъ ихъ желаніямъ и ихъ законнымъ стремленіямъ. Поэтому они ищутъ, и не могутъ не искать, выхода и опоры для себя извѣ.

«Какъ скоро мы не будемъ мѣшать развитію у насъ національной идеи, она глубоко пуститъ корни въ отечественную почву, сростется съ нею и послужитъ къ процвѣтанію всего государства. Но если мы у нея эту почву вырвемъ, или слишкомъ съузимъ рамки, необходимыя для ея полнаго развитія, тогда—и только тогда—національная идея превратится въ опасное ползучее растеніе, которое цѣпляется за чуждые стволы, ища себѣ внѣшней опоры... Какъ легко славянскимъ народностямъ, жизнь которыхъ будетъ лишена высшаго содержанія и яснаго самосознанія, а языкъ не будетъ имѣть литературы, — какъ легко имъ поддаться убѣжденіямъ московскихъ посланцевъ, соблазняющихъ ихъ приманкой племеннаго единства!... Наоборотъ, дайте славянскимъ народамъ глубокое чувство собственнаго достоинства, ихъ народной жизни—съ мощною силой пульсирующій политическій центръ, а ихъ языку—исторію, и они никогда не дадутъ увлечь себя никакой московской крикотнѣ о племенномъ родствѣ. Они сами съумѣютъ и станутъ энергически охранять' свою индивидуальность... Панславизмъ былъ до сихъ поръ одной лишь фантастическою мечтой, національной утопіей, а частенько и простымъ пугаломъ, выставляемымъ на показъ для устрашенія политическихъ враговъ. Выше было уже замѣчено, что только тождество происхожденія и языка неразрывно связываетъ народы и путемъ глубокой, сильной симпатіи часто ведетъ къ политическому единству, тогда какъ простое родство языка и происхожденія никакихъ сердечныхъ корней не имѣетъ и въ политическомъ отношеніи обладаетъ лишь весьма слабой притягательною силой. Но въ томъ же самомъ мѣстѣ было сказано, что *раса есть послѣдняя линія отступленія находящихся подъ тяжелымъ давленіемъ народовъ*. Народы, какъ и отдѣльныя лица, живя въ счастіи и изобиліи, лишь изрѣдка вспоминаютъ о своихъ дальнихъ родственникахъ; но въ нуждѣ и въ несчастіи они невольно чувствуютъ влеченіе къ нимъ, потому что естественно ждутъ болѣе сочувствія себѣ отъ родныхъ, чѣмъ отъ посторонниxъ... Итакъ, панславизмъ покуда только утопія»... Славяне еще надѣются получить право на полное человѣческое существованіе въ Австріи. Но «если политика нашихъ государственныхъ людей не оставитъ имъ никакого иного выбора, какъ только дать себя поглотить или родственнымъ соплемен-

нымъ русскимъ, или безусловно чуждымъ имъ по языку и по крови нѣмцамъ, они выберутъ первое. Опять-таки народы, какъ и отдѣльныя единицы, предпочитаютъ *жизнь* на чужбинѣ *смерти* на родинѣ. Но если смерть неизбѣжна, то они начинаютъ жаждать умереть по крайней мѣрѣ въ средѣ своихъ. Если полякамъ, чехамъ и пр. суждено погибнуть въ Россіи, *какъ таковымъ*, то, *какъ славяне*, они все же будутъ жить и слѣдовательно сохраненіе расы хоть до нѣкоторой степени вознаградитъ ихъ за потерю національной самобытности. *И горе Австріи, горе Западу, если призывъ примкнуть къ Россіи раздастся по всему славянскому міру!* Горе Европѣ, если въ ту минуту, какъ она, разрозненная соперничествомъ государствъ, чего добраго, будетъ раздираема войной,—если въ такую минуту Россія развернетъ знамя великой національной идеи и, повелительница всѣхъ разнузданныхъ силъ неисчислимаго племени, двинетъ свои колоссальные ряды на Западъ и станетъ угрожать тѣмъ германской культурѣ!...» (Тутъ, для подкрѣпленія своей мысли, авторъ приводитъ слова знаменитаго профессора государственнаго права Цахаріи, который говоритъ, что русскій народъ, вмѣстѣ съ принадлежащими къ нему племенами, можетъ современемъ уготовать германской культурѣ и цивилизаціи ту же участь, которая постигла римскія, когда нѣмцы затопили своими волнами Западную Римскую имперію.) «*Этому воспрепятствовать—вотъ миссія Австріи, культурная задача австрійскихъ нѣмцевъ. «Единство расы»—лозунгъ московскій; «самобытная отдѣльность каждаго племени»—должно быть лозунгомъ австрійскимъ!*

«Германизаціонными попытками австрійскіе нѣмцы отнюдь не выполняютъ своей культурной задачи, а только возбуждаютъ національную ненависть и тѣмъ споспѣшествуютъ цѣлямъ Россіи. Дѣлу германизма и интересамъ Европы начнутъ они служить лишь тогда, когда станутъ прокладывать пути самостоятельному развитію западныхъ и южныхъ славянъ и тѣмъ все болѣе и болѣе расширять пропасть между ними и Россіей. Австрійскіе нѣмцы обязаны сохранить для западной культуры тѣ народы, которые отъ ихъ же предковъ получили эту культуру, а отчасти и западную церковь. Только эти народы, которые они воспитали, они должны объявить, наконецъ, совершеннолѣтними и самимъ имъ предоставить заботу о ихъ личныхъ домашнихъ дѣлахъ. Самый превосходный опекунъ навѣрное лишился бы расположенія своихъ питомцевъ, еслибы вздумалъ и по достиженіи ими совершеннолѣтія продолжать держать ихъ въ своей власти. Лишь именно совершеннолѣтній, самосознательный славянинъ будетъ сознательнымъ австрійцемъ. У опекаемыхъ же и притѣсняемыхъ въ централизованной Австріи славянъ національное самосознаніе и патріотизмъ вынуждены находиться въ постоянномъ противорѣчіи».

Такова въ общемъ программа Фишгофа (рекомендуемыя имъ подробности приведенія ея въ исполненіе мы, разумѣется, пропустили). Мы ниже будемъ имѣть случай вернуться къ ней, по крайней мѣрѣ къ нѣко-

торымъ изъ высказанныхъ въ ней мыслей. Теперь же займемся другими писателями, пропагандистами тѣхъ же идей,—писателями менѣе глубокими и талантливыми, чѣмъ Фишгофъ, но за-то имѣющими передъ нимъ то важное преимущество, что они говорятъ не сами отъ себя, высказываютъ не свои личныя убѣжденія и мысли, а мысли правительства. Словомъ, это не писатели въ строгомъ смыслѣ, а скорѣе писцы, пишущіе подъ диктовку, или—чтобъ употребить ужъ совсѣмъ подходящее сравненіе—это маляры высшаго разбора, раскрашивающіе стѣны и потолки по трафаретамъ. (Въ Вѣнѣ же, кстати, такихъ очень много, такъ какъ тамъ лишь въ рѣдкихъ домахъ употребляютъ обои; почти вездѣ стѣны штукатурятся и потомъ раскрашиваются подъ обои.) Этимъ господамъ даютъ тему и планъ литературнаго произведенія, которое они обязаны представить,—планъ очень подробный, со всѣми главными положеніями, съ фактами и выводами, а они ужъ должны только разукрасить это собственнымъ краснорѣчіемъ. Но прежде, чѣмъ представить читателямъ образчики этого рода трафаретныхъ произведеній, мы должны познакомить ихъ съ однимъ курьезнымъ и, какъ читатели убѣдятся, вовсе не дурнымъ, хотя оно и пользуется дурною словой, австрійскимъ учрежденіемъ, именно съ тамошнимъ *бюро печати*. Такое предварительное ознакомленіе совершенно необходимо для того, чтобы читатели могли вполнѣ отчетливо уяснить всю важность *политическаго* значенія тѣхъ публицистическихъ произведеній, которыя мы будемъ цитировать дальше.

Австрійское «бюро печати» совсѣмъ не то, что наше «главное управленіе по дѣламъ печати». Цѣли у нихъ, пожалуй, и однѣ, но средства достиженія этихъ цѣлей совершенно различныя. Бюро печати не стоитъ ни въ какихъ начальственныхъ отношеніяхъ къ настоящей печати. Оно даже не получаетъ обязательно всѣхъ газетъ и журналовъ, издаваемыхъ въ Австріи, т.-е. получать то получаетъ, конечно, по крайней мѣрѣ вѣнскіе и главные изъ провинціальныхъ, но получаетъ за подписную плату и лишь тѣ, на которые подписывается, а не то чтобъ издатели обязаны были представлять ему извѣстное количество экземпляровъ. Такихъ экземпляровъ представляется всего одинъ—въ мѣстную прокуратуру, и на ея обязанности лежитъ, въ извѣстныхъ (впрочемъ, чрезвычайно рѣдкихъ), предусмотрѣнныхъ закономъ, случаяхъ *) конфисковать газету и затѣмъ предать редактора суду. Бюро печати до всего этого не касается. Его задача состоитъ не въ пассивномъ препятствованіи выраженію обще-

*) Въ обыкновенное время случаи эти слѣдующіе: оскорбленіе общественной нравственности, оскорбленіе личности главы государства или его семейства, грубое оскорбленіе личности главы какого-либо иностраннаго государства, открытое подстрекательство къ государственной измѣнѣ, возмущенію, или къ междуусобицѣ между народами или классами; въ военное же время сюда присоединяется еще разглашеніе о мѣрахъ, принимаемыхъ военнымъ вѣдомствомъ, и движенія войскъ.

ственнаго мнѣнія, а, наоборотъ, въ активномъ воздѣйствіи на него. Оно не подавляетъ общественную мысль, не ставитъ преградъ свободѣ слова; оно само говоритъ громче всѣхъ и этой своей громкою рѣчью, подчасъ весьма краснорѣчивой, даетъ общественной мысли извѣстное направленіе. Словомъ, это не гасильникъ, а тоже въ своемъ родѣ свѣточъ мысли, только свѣточъ особенный, имѣющій свойство придавать специфическую, однообразную окраску всему, на что падаютъ его лучи, и именно окраску желательную правительству. Горкій опытъ привелъ австрійское правительство къ сознанію той простой, но, къ сожалѣнію, не всѣми понимаемой, истины, что гробовое молчаніе, особенно когда оно подневольное, нимало не служитъ ни доказательствомъ, ни гарантіей душевнаго спокойствія молчащихъ,—что, подавленная во внѣшнихъ своихъ проявленіяхъ, мысль человѣческая тѣмъ дѣятельнѣе и упорнѣе работаетъ внутри и эта работа, за которой нѣтъ возможности услѣдить, приводитъ къ опаснымъ результатамъ. И вотъ, сознавъ это, австрійское правительство сняло всякія оковы, всякія путы съ общественной мысли и устранило почти, можно сказать, совсѣмъ правительственную опеку надъ печатью, — по крайней мѣрѣ опека эта, какъ объяснено въ примѣчаніи, вдвинута въ такія узкія рамки и такъ строго ограничена закономъ, что ее почти и не замѣтно. Но, устранивъ опеку видимую и потому оскорбительную для общества, справедливо почитающаго себя совершеннолѣтнимъ, оно однако же не отказалось отъ опеки невидимой и нечувствительной, для примѣненія которой придумало необыкновенно ловкое и остроумное средство. Именно, предоставляя всѣмъ писать и читать, что кому вздумается, правительство, въ лицѣ непосредственно подчиненныхъ ему чиновниковъ, само стало въ ряды писателей-публицистовъ.

Независимо отъ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ правительственныхъ органовъ (это штука не хитрая, хотя бы ужь потому одному, что она вездѣ существуетъ,—въ Европѣ нѣтъ ни одного государства, гдѣ бы каждое министерство и даже каждый выдающійся общественный дѣятель не имѣли своего органа),—независимо отъ такихъ органовъ, австрійское правительство завело еще цѣлую литературно-публицистическую лабораторію, въ которой многочисленный штатъ чиновниковъ, состоящихъ на коронной службѣ и получающихъ жалованье, чины и отличія, спеціально занимается писаніемъ газетныхъ статей, предназначенныхъ отнюдь не для правительственныхъ, а именно для независимыхъ органовъ, корреспонденцій, посылаемыхъ въ правительственныя и иностранныя газеты, и, наконецъ, брошюръ, ужь непосредственно представляемыхъ публикѣ. Лабораторія эта работаетъ всегда, но въ обыкновенное, спокойное время работа не особенно оживлена. Но какъ скоро возникаетъ какой-нибудь «вопросъ», внутренній или внѣшній, или требуется подготовить общественное мнѣніе къ чему-нибудь такому, что рѣшено произвести въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ и противъ чего можно ожидать оппозиціи, тогда въ лабо-

раторіи начинается самая кипучая дѣятельность. Публицисты-чиновники строчатъ день и ночь и цѣлый ливень газетныхъ статей, замѣтокъ, корреспонденцій, журнальныхъ очерковъ и брошюръ, въ особенности брошюръ, проливается надъ счастливой Австріей и надъ Европой. Немногочисленный кружокъ посвященныхъ знаетъ, разумѣется, откуда все это происходитъ, и такъ и относится къ произведеніямъ лабораторіи. Но публика читаетъ и подчасъ зачитывается, потому что многія изъ этихъ своеобразныхъ литературныхъ произведеній написаны очень талантливо,—зачитывается, нимало не подозрѣвая, что это ни болѣе, ни менѣе какъ тоже своего рода давленіе на ея мнѣніе, только въ мягкой и культурной формѣ. Такимъ образомъ австрійское правительство съумѣло осуществить въ полномъ объемѣ извѣстную пословицу: «и волки сыты, и овцы цѣлы». Открытаго, грубаго насилія никакого нѣтъ, ибо давленіе никто не чувствуетъ, да и нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, назвать «насиліемъ» прямое участіе правительства въ дѣятельности печати, особенно имѣя въ виду, что оно даже никакихъ особенныхъ привилегій себѣ не присвоиваетъ: никому не возбраняется вести съ нимъ какую угодно полемику (что въ большинствѣ случаевъ и дѣлается), назойливая опека никому не лѣзетъ въ глаза и ею потому никто не возмущается, а общественное мнѣніе между тѣмъ болѣе чѣмъ когда-либо находится подъ контролемъ и въ распоряженіи правительства. Оно находится тѣмъ вѣрнѣе, что правительство всегда имѣетъ возможность воздѣйствовать на общество въ желательномъ ему направленіи гораздо раньше всѣхъ прочихъ дѣятелей печати и даже раньше представительныхъ собраній. Такъ оно дѣйствительно и происходитъ. Усиленная работа лабораторіи начинается обыкновенно задолго до появленія на политической аренѣ того или другаго вопроса, такъ что когда таковой дѣйствительно появляется и становится предметомъ общаго вниманія, общество если не все, то добрая доля его, оказывается какъ нельзя лучше подготовленнымъ взглянуть на дѣло именно съ той точки зрѣнія, на какую хотѣло бы его поставить правительство. Случается нерѣдко,—а это-то и вводитъ въ заблужденіе наивную публику,—что публицисты лабораторіи находятся въ прямомъ противорѣчіи съ оффиціозными, т. е. общеизвѣстными за таковые, органами, а подчасъ даже вступаютъ съ ними въ открытую полемику, т. е. нѣкоторымъ образомъ какъ бы дѣлаютъ оппозицію правительству. На дѣлѣ они-то именно и служатъ настоящимъ цѣлямъ правительства, а полемика и противорѣчіе обозначаютъ просто, что правительству почему-либо неудобно еще открыто дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи и оно поэтому постепенно подготовляетъ общественное мнѣніе къ имѣющему совершиться volte-face. Маленькая военная хитрость, которая представляетъ еще и то удобство, что въ такихъ случаяхъ можно, старательно скрывъ, откуда идутъ полемизирующія съ завѣдомо-оффиціозными произведенія, изобразить видъ, будто дѣлается «уступка общественному мнѣнію». Все это до такой степени обычно, что люди, хорошо зна-

комые съ дѣломъ, никогда и не заглядываютъ въ оффиціозные органы, если хотятъ узнать, куда собственно клонитъ и чего желаетъ достичь австрійская политика даннаго времени. Они тщательно слѣдятъ за работами лабораторіи и по исходящимъ оттуда произведеніямъ выводятъ безошибочныя заключенія...

Эта лабораторія и есть «бюро печати», раздѣляющееся на два отдѣла: одинъ состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и вѣдающій вопросы внутренней политики, другой—при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ для вопросовъ политики внѣшней. Въ обоихъ есть, конечно, директоры, называемые шеффбюро, которые ежедневно дѣлаютъ отчетъ лично подлежащему министру и непосредственно отъ него же получаютъ инструкціи. Чиновники, весьма многочисленные и тщательно избранные, раздѣляются на двѣ категоріи: чтецовъ и писателей. На обязанности первыхъ лежитъ читать газеты внутреннія и иностранныя и составлять изъ нихъ обстоятельный комплексъ, а на обязанности вторыхъ—писать, что кому указано. Эти послѣдніе занимаютъ различные ранги: одни пишутъ простыя корреспонденціи въ неважныя провинціальныя и незначительныя иностранныя газеты, другіе—корреспонденціи же, но во вліятельные органы, третьи—передовыя и иныя политическія статьи и, наконецъ, четвертые, пользующіеся особеннымъ довѣріемъ начальства,—брошюры. Всѣ эти господа ежедневно являются на службу (пишутъ обыкновенно тутъ же въ помѣщеніи бюро) и ежедневно же получаютъ инструкціи, но только главные изъ представителей трехъ послѣднихъ ранговъ, такъ сказать мастера писательскихъ дѣлъ, непосредственно отъ шеффбюро, остальные же, простые рабочіе и мелкота, довольствуются тѣмъ, что эти передадутъ имъ. Впрочемъ и они, если пожелаютъ, могутъ идти къ шеффбюро и лично просить у него свѣдѣній, какія желаютъ имѣть. Субординаціи ради, это рѣдко дѣлается ими, но запрета нѣтъ. Вообще директоры бюро печати самыя доступныя лица во всей Вѣнѣ. Ихъ двери всегда открыты для всѣхъ представителей печати—иностранцевъ, какъ и своихъ,—враговъ, какъ и друзей. Это даже показная сторона самого учрежденія, которое, предполагается, т. е. оффиціально предполагается, существуетъ собственно для доставленія правительству вѣрнаго отчета объ общественномъ мнѣніи, выражающемся въ печати (не могутъ же министры самолично читать все, что пишется), а печати—вѣрныхъ свѣдѣній и справокъ, какія могутъ ей понадобиться.

Въ извѣстный часъ (не опредѣленный, а когда придется между 1 и 4 часами) въ директорскомъ кабинетѣ раздается звонокъ, который немедленно повторяется во всѣхъ комнатахъ, гдѣ занимаются «мастера». Это—знакъ, что шеффбюро вернулся отъ министра и ожидаетъ гг. мастеровъ. Послѣдніе гурьбой являются въ кабинетъ, усаживаются вокругъ стола съ своими записными книжками и начинается «чтеніе». Г. шеффбюро сообщаетъ новости дня и читаетъ, по составленнымъ въ министерствѣ замѣт-

камъ, взглядъ правительства на различные предметы, съ каковымъ взглядомъ чиновники-писатели должны сообразовать свои произведенія. Послѣ этого общаго «чтенія» начинается отдѣльное собесѣдованіе г. шеффбюро съ главными «мастерами», поставщиками наиболѣе выдающихся органовъ. Имъ и свѣдѣнія доставляются болѣе важныя, новости наисвѣжѣйшія. Этимъ поддерживаются хорошія отношенія съ самими органами. Попросту *купить* лучшія, наиболѣе вліятельныя и распространенныя европейскія газеты, въ большинствѣ случаевъ, нельзя ни за какія деньги, но заслужить ихъ благорасположеніе услугами по части доставленія самыхъ свѣжихъ и вѣрныхъ новостей—можно, потому что этимъ дорожитъ каждая хорошая редакція и, разумѣется, отзывается если не всегда безусловно дружественно, то всегда деликатно и осторожно о политикѣ такого правительства, которое служитъ источникомъ столь драгоцѣнныхъ въ наше время «послѣднихъ извѣстій». Австрійское правительство знаетъ это очень хорошо и въ совершенствѣ эксплуатируетъ эту слабую струнку всѣхъ редакцій въ мірѣ. Между прочимъ этимъ путемъ пользуются въ такихъ случаяхъ, когда желаютъ незамѣтно подставить ножку какому-нибудь «дружественному» правительству, преждевременно распустивъ по свѣту вещи, которыя тому нужно или желательно до времени держать въ тайнѣ. Итакъ, мастерамъ доставляютъ важнѣйшія свѣдѣнія и кромѣ того даютъ нарочитыя инструкціи насчетъ статей, которыя подчасъ почти цѣликомъ диктуются и часто представляются на предварительный пересмотръ. Впрочемъ, статьи и корреспонденціи просматриваются обыкновенно лишь въ общихъ чертахъ,—исключенія довольно рѣдки и только въ случаяхъ особенной важности. Но что уже абсолютно всегда подвергается обстоятельной цензурѣ, это—брошюры. Для производства этого товара, во-первыхъ, выбираются корифеи между мастерами и, во-вторыхъ, имъ вмѣняется въ обязанность произведеніе свое представлять въ рукописи, которая подвергается редакторской корректурѣ ближайшихъ помощниковъ министра, а въ случаяхъ особенной важности и самого г. министра. Корифеи имѣютъ всегда доступъ къ его превосходительству и бываетъ нерѣдко, что пишутъ прямо по его личнымъ приказанію и указаніямъ, минуя всякихъ посредствующихъ лицъ, въ родѣ шеффбюро и т. под. Дѣлается это тогда, когда по компрометирующему содержанію брошюры требуется сохранить особенную тайну насчетъ ея происхожденія. Такая безусловная тайна потребна, разумѣется, прежде всего по вопросамъ внѣшней политики, въ виду международныхъ отношеній. Да, впрочемъ, только по такимъ вопросамъ она и можетъ быть дѣйствительно соблюдена (т.-е. въ смыслѣ неразоблаченія въ печати), потому что оппозиціонные литературные кружки, не будучи непосредственно заинтересованы въ дѣлѣ, хоть и отлично знаютъ, въ чемъ суть, но не выдаютъ никогда даже и намекомъ. У каждаго министра бываютъ, конечно, свои «правыя руки», т.-е. особенно довѣренные мастера литературныхъ дѣлъ, работающіе подъ

личнымъ наблюденіемъ своего превосходительнаго патрона. Но, тогда какъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ персоналъ этихъ избранныхъ мастеровъ почти вездѣ мѣняется чуть не въ полномъ составѣ вмѣстѣ съ перемѣной министра, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ они, напротивъ, почти всегда передаются такъ сказать по наслѣдству отъ одного министра другому. Причина очень понятна. Во внутренней политикѣ измѣненіе направленія вездѣ, а въ Австріи особенно, бываетъ гораздо чаще и рѣзче. Случается, что политика сегоднешняго министра прямо противуположна политикѣ его предшественника (какъ это и имѣло мѣсто при замѣнѣ кн. Ауэршперга гр. Таафе). Во внѣшней политикѣ такихъ радикальныхъ измѣненій быть не можетъ, по крайней мѣрѣ въ государствахъ, политика которыхъ ведется сознательно, а не стихійно,—по обдуманному плану, а не какъ Богъ на душу положитъ. Здѣсь измѣняются большею частію подробности, да иногда внѣшнія формы, внутренняя же суть остается та же. Натурально, что эта устойчивость направленія политики дѣлаетъ совершенно излишнею перемѣну такихъ пассивныхъ и совершенно лишенныхъ всякой возможности имѣть какое-либо личное вліяніе орудій, какъ чиновники для писанія брошюръ. Не то, чтобъ эти господа повинны были въ вѣрности своимъ политическимъ убѣжденіямъ,—какія ужь убѣжденія у людей, открыто и спеціально занимающихся писаніемъ по заказу,—а просто выдающіеся парламентскіе дѣятели и высшіе сановники администраціи, изъ которыхъ выбираются обыкновенно министры внутреннихъ дѣлъ, всегда заранѣе ужь окружены разными клевретами и имѣютъ приближенныхъ «правыхъ рукъ», которыхъ естественно и приводятъ съ собою, когда занимаютъ министерскій постъ. Министры же иностранныхъ дѣлъ большею частію выбираются изъ числа пословъ и посланниковъ, вообще изъ дипломатическаго персонала, которые, будучи сами лишь орудіями и исполнителями воли короны и министерскихъ предписаній, не нуждаются въ клевретахъ, въ особенности въ публицистикѣ. Становясь министрами въ свою очередь, они опять-таки гораздо менѣе своихъ коллегъ по внутреннимъ дѣламъ чувствуютъ потребность въ лично имъ преданныхъ орудіяхъ, потому что они гораздо менѣе самостоятельны и гораздо болѣе подчинены власти и личной волѣ главы государства, чѣмъ министры внутреннихъ дѣлъ. Само собою разумѣется, что, въ виду всѣхъ этихъ условій, и оффиціозныя трафаретныя произведенія, касающіяся внѣшнихъ вопросовъ и отношеній, имѣютъ болѣе важное политическое значеніе. Тутъ ужь нельзя сказать, что это говоритъ лично такой-то министръ,—тутъ дѣйствительно говоритъ *правительство*, въ полномъ, всеобъемлющемъ смыслѣ этого слова.

Однако, если въ иностранномъ отдѣленіи бюро печати рѣдко происходятъ дѣйствительныя перемѣны, за то весьма часты фиктивные выходы въ отставку. Какой-нибудь записной «мастеръ», завѣдомо для всѣхъ довѣреннѣйшая изъ министерскихъ «правыхъ рукъ», вдругъ, безъ всякой

видимой причины, увольняется въ отставку. Проходитъ мѣсяцъ, другой—рѣдко до полугода—глядишь, мастеръ опять на службѣ и опять въ рангѣ «правой руки» и болѣе прежняго взысканный милостями высшаго начальства. Что такое произошло?—А просто только то, что въ короткій промежутокъ воображаемой отставки мастера вышла какая-нибудь брошюра настолько компрометирующаго свойства, что оставайся авторъ ея на службѣ, изъ-за нея могли бы произойти если не прямо недоразумѣнія, то во всякомъ случаѣ непріятныя объясненія съ посольствомъ какой-либо иностранной державы. Фиктивная отставка спасаетъ дѣло en mettant à couvert нравственную отвѣтственность правительства. Опять—и волки сыты, и овцы цѣлы. Руководящій принципъ учрежденія сохраняется незыблемо.

А теперь, когда мы познакомили читателей съ хитрымъ механизмомъ австрійскаго бюро печати, приступимъ къ изложенію оффиціозной пропаганды, ведущейся изъ этого бюро, подъ диктовку руководящихъ государственныхъ людей. Начнемъ мы съ произведенія, появившагося въ концѣ 1878 года, т.-е. въ самомъ началѣ пропаганды, затѣмъ возьмемъ по образчику изъ послѣдующихъ годовъ до текущаго включительно. Это дастъ намъ возможность прослѣдить наглядно, какъ энергія пропагандистовъ шла crescendo, усиливаясь постепенно до оглушительнаго fortissime.

Какъ извѣстно, въ концѣ 1878 года (при подписаніи Берлинскаго трактата) началась уже та усиленная «примирительная» дѣятельность приближенныхъ къ коронѣ лицъ, результатомъ которой явилось совершившееся въ 1879 году торжественное возвращеніе чеховъ въ имперскій австрійскій рейхсратъ. По поводу этого примиренія, въ виду съ одной стороны яростной оппозиціи нѣмцевъ, кричавшихъ по всей странѣ, будто замышляется нарушеніе конституціи, съ другой—нѣкотораго упорства чеховъ, боявшихся, какъ бы это не повредило ихъ историческимъ правамъ,—и написана та брошюра (названіе ея мы, къ сожалѣнію, не припомнимъ), изъ которой заимствованы слѣдующія цитаты:

«Въ тѣ времена, когда еще писали на пергаментѣ, большіе народы недостаточно знали самихъ себя, а малые совершенно непроизводительно растрачивали свои силы на массу мелочныхъ мѣстныхъ интересовъ. Наслѣдованія по завѣщанію создавали государство или же ихъ образовывалъ насильственно кровавый мечъ. Цѣлыя страны можно было дарить, а людей кстати, въ придачу отдавать. Мало того, можно было—и для констатированія этого намъ стòитъ заглянуть въ прошлое не далѣе, какъ за одно поколѣніе назадъ—можно было, въ виду необходимыхъ будто бы интересовъ европейскаго равновѣсія, перерѣзывать и перекраивать цѣлыя государства и народы. Тогда, конечно, политическія права въ узкомъ смыслѣ имѣли самое важное значеніе и ограниченіе власти государя могло казаться альфой и омегой права, а защита таковаго представляться единственною задачей доброжелателей народа. Но нынѣ, когда большія націи изучили другъ друга и

достигли полнаго самосознанія и самоуваженія; когда малѣйшее движеніе въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ производитъ повсюду прямыя или косвенныя усложненія и вызываетъ соотвѣтствующія проявленія во всей части свѣта (Европѣ); когда самыя маленькія народности, въ сознаніи своихъ національныхъ правъ, рѣшительно сопротивляются всякому насильственному покушенію на эти права; когда парламенты въ гораздо большей степени, чѣмъ конгрессы, держатъ въ своихъ рукахъ вѣсы политической судьбы; когда требующее уваженія къ себѣ стремленіе народовъ къ освобожденію болѣе или менѣе грозитъ вытѣснить существующія государственныя формы, чтобы принудить государство стать на естественный путь *національныхъ федерацій*; когда, однимъ словомъ, каждый народъ хочетъ вращаться отдѣльнымъ самостоятельнымъ тѣломъ въ системѣ міровой дѣятельности и считаться филологическимъ индивидуумомъ (sprachliches individuum) въ лексиконѣ народовъ, а не туманнымъ пятномъ въ общей картинѣ насильственно втиснутаго въ рамки одного государства, агломерата странъ, — нынѣ, говоримъ мы, когда все это совершается и когда весь цивилизованный міръ отрицаетъ теорію права сильнаго и возстаетъ противъ всякаго насилія, когда даже единичнымъ личностямъ, не говоря ужъ о цѣлыхъ народахъ, нельзя болѣе отказывать въ правѣ самимъ распоряжаться своею судьбой, — теперь можно смѣло предсказать счастливую будущность политикѣ примиренія національстей и политическаго соглашенія, поставленной на мѣсто прежней, основанной лишь на насиліи, государственной политики. Швейцарія уже давно была бы стерта съ карты, еслибы не вела въ самомъ безусловно-либеральномъ смыслѣ именно такую политику. Въ ней вступили въ союзъ маленькіе обломки трехъ большихъ націй и прочно держатся вмѣстѣ собственными силами, безъ малѣйшаго поползновенія присоединиться каждая къ своей великой націи—матери. Австрія искони вѣковъ была какъ бы ублюдкомъ двухъ различныхъ понятій, нѣкіимъ централизованнымъ среднимъ между федеративнымъ и союзнымъ государствомъ, только съ тою разницею, что этотъ союзъ заключили между собою *страны и земли*, а *не націи*. Въ наше же время *національныя права народовъ* неизмѣримо важнѣй *историческихъ правъ на земли*, и въ этомъ отношеніи Австрія какъ бы нарочно создана для того, чтобы, *на основахъ этого единственно справедливаго и достойнаго человѣчества фактора, сдѣлаться величайшею въ мірѣ монархической Швейцаріей и укрѣпиться прочно и твердо посредствомъ волшебнаго могущества политики національностей*. Кто въ Австріи придаетъ наибольшее значеніе географически обозначеннымъ «землямъ» и съ *этой* точки зрѣнія, не принимая во вниманіе этнографическихъ отношеній, думаетъ и ближайшее отечество свое удовлетворить, и государство въ цѣломъ упрочить, тотъ совершаетъ ошибку, которую можно извинить развѣ только благимъ намѣреніемъ. Франція, Италія, Испанія, Германія—государства національныя, тогда какъ Австрія, Турція—госу-

дарства *національностей*. Первыя могутъ и должны централизоваться, въ видахъ усиленія и охраненія себя, какъ національныхъ государствъ; вторыя же только при помощи широкой децентрализаціи, при помощи полнѣйшаго удовлетворенія отдѣльныхъ народностей и всяческаго споспѣшествованія ихъ національному развитію могутъ устроить у себя правильное, дешево стоющее народное хозяйство и прочно гарантировать свое положеніе могущественныхъ державъ. Покуда еще народы Австріи обрѣтались въ патріархальныхъ снахъ и о своей правоспособной самобытности имѣли лишь неясныя предчувствія и благочестивыя пожеланія, до тѣхъ поръ политика «земель» была у мѣста; теперь же возможна *только* политика *національностей*, которая одна принесетъ монархіи пользу и силу и одна же можетъ удовлетворить народы...»

Такъ говорили въ 1878 году, а въ 1879 стали ужь гораздо глубже и шире ставить вопросъ и еще точнѣе опредѣлять цѣли. Беремъ для примѣра одну брошюру, надѣлавшую, при своемъ появленіи, много шуму и которую въ публикѣ многіе упорно приписывали собственному перу извѣстнаго гр. Гогенварта. Онъ въ то время, какъ и теперь, *оффиціально* не занималъ никакого вліятельнаго поста, но интимныя отношенія и безпрестанныя совѣщанія съ нимъ, по дѣламъ внутренней политики, только-что вступившаго тогда въ министерство гр. Таафе ни для кого не составляли тайны и потому его мнѣніе не безъ основанія считалось мнѣніемъ и правительства. Послѣ обязательнаго во всѣхъ произведеніяхъ этого рода краткаго очерка исторіи образованія Австріи, брошюра, носящая названіе «Die Deutschen in Oesterreich», говоритъ:

«Исторія послѣднихъ 20—30 лѣтъ извѣстна. За это время приведено къ концу то, что подготовлено было прежде. Австрія вынуждена была предоставить Италію и Германію ихъ собственнымъ національнымъ стремленіямъ и развитію и этимъ именно сама направлена была, наконецъ, къ своимъ настоящимъ и великимъ задачамъ. Она сдѣлалась «Восточною монархіей» (Ostreich), «Дунайскимъ государствомъ», т. е. тѣмъ, къ чему призывало ее все ея прошлое,—Восточною монархіей, великою и сильною самой по себѣ, а не посредствомъ лишь союза съ другими великими державами, самостоятельнымъ членомъ европейской общины государствъ и народовъ, призванныхъ имѣть и защищать свои собственные интересы. *Разрѣшить культурную задачу въ себѣ самой*, *сдѣлаться твердымъ оплотомъ противъ новѣйшаго восточнаго варварства и въ то же время стать политическимъ и нравственнымъ регенераторомъ Востока—вотъ миссія*, *до которой доросла теперь Австрія*. Но еще одна пальма предоставлена ей, и пальма, смѣемъ думать, не менѣе славная въ глазахъ мыслителей. Французская революція разрушила старое общество и старое государство. Было бы можетъ-быть преждевременнымъ утверждать, что на мѣстѣ стараго порядка возникъ уже прочный новый. Сама наука, изслѣдующая теоретически и идущая всегда далеко впереди

существующихъ въ практической дѣйствительности формъ, повсюду чувствуетъ потребность подвергнуть обстоятельному пересмотру ученіе объ обществѣ и государствѣ. Очень мало или вовсе ничего законченнаго еще не видать,—весь міръ находится, такъ-сказать, въ состояніи провизуарности. Мы переживаемъ эпоху переходную отъ стараго, во многомъ уже разрушеннаго и невозобновимаго, порядка къ новому, еще не вполнѣ выяснившемуся. Въ наукѣ, литературѣ и искусствѣ это полусознаніе провизуарности, переходности всѣхъ условій жизни выражается въ поклоненіи реализму и въ низверженіи идеаловъ, что ясно указываетъ на потребность вернуться къ фактамъ (хотя въ то же время и на одностороннее лишь признаніе ихъ логики). Въ общественной жизни то же чувство нашло себѣ проявленіе въ постоянно повторяющихся (и усиливающихся) попыткахъ такъ-называемой соціалъ-демократіи. Въ политической жизни государствъ проявилось оно въ единственномъ донынѣ плодѣ, который дала борьба между идеями божественнаго права династій и верховенства народа: въ идеѣ національностей, въ идеѣ государства, построеннаго на историческомъ принципѣ національности. Конечно, населеніе Соединенныхъ Штатовъ построило уже на замѣчательно своеобразныхъ основаніяхъ государство совершенно инаго характера. Но одинъ примѣръ не можетъ служить для всѣхъ и въ Европѣ собственно народамъ необходимо соединяться въ политическомъ государственномъ общежитіи въ видѣ собирательныхъ индивидуумовъ. Показать примѣръ осуществленія на дѣлѣ политическаго принципа еще болѣе высокаго, чѣмъ простое національное государство; провести въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это когда-либо было сдѣлано, первую попытку союза народовъ различныхъ національностей для преслѣдованія общихъ цѣлей культуры и свободы; соединить эти народы, отнюдь не лишая національнаго своеобразія ни одинъ изъ нихъ, въ одно разнообразное, но именно въ большомъ разнообразіи частей почерпающее силы и гармонію цѣлое—вотъ блестящая и славная задача Австріи!... Всѣ прочія государственныя формы суть формы прошлаго. Національное государство нашихъ дней—единственная форма даннаго историческаго момента, *будущая же форма — «монархическіе соединенные штаты»*, и она возможна только въ новыхъ государствахъ. *Призваніе Австріи—создать это государство будущаго*, и потому сама Австрія не что иное, какъ государство будущаго... Если всѣ признаки не обманываютъ насъ, то близки уже тѣ времена, когда, послѣ многократныхъ неудачныхъ попытокъ, будутъ, наконецъ, положены вѣрныя и прочныя основанія государственнаго зданія, которое мы призваны закончить для собственной и потомковъ нашихъ безопасности и благосостоянія, а остальному человѣчеству въ примѣръ и образецъ».

Вотъ полный, ясно, опредѣленно, рельефно выраженный идеалъ, который ставится теперь передъ современною Австріей современными Габсбургами: *монархія соединенныхъ штатовъ*, *союзъ вполнѣ независимыхъ*

въ сферѣ своихъ частныхъ интересовъ, *самостоятельныхъ національныхъ государствъ*, *соединяющихся въ единое цѣлое*, *подъ руководствомъ наслѣдственнаго президента*, *для достиженія общихъ цѣлей культуры и свободы*... Кто скажетъ, кто повѣритъ, что этотъ идеалъ указывается какъ цѣль, къ которой надобно стремиться, тѣми самыми Габсбургами — и притомъ тѣми самыми не въ родовомъ только, а въ личномъ смыслѣ: именно тѣ самыя личности, которыя всего тридцать лѣтъ тому назадъ считали призваніемъ своимъ и Австріи — безпощадно подавлять всякую свободу, и стояли, руководя ею, во главѣ самой чудовищной реакціи, какую только видѣло наше столѣтіе. Кто это скажетъ?! А между тѣмъ это такъ. Вотъ рѣчь, произнесенная въ томъ же 1879 году, при открытіи рейхстага, императоромъ Францемъ-Іосифомъ, уже занимавшимъ престолъ въ 1848 году, а слѣдовательно и въ послѣдующихъ, въ годахъ стадіоновскихъ, баховскихъ и т. д., и т. д.... «Тѣмъ обстоятельствомъ, что нынѣ и депутаты моего возлюбленнаго королевства Богеміи, отвѣчая *на мой* призывъ, рѣшились, несмотря на разницу своихъ взглядовъ, въ полномъ составѣ вступить на почву общихъ совѣщаній, *что*, *впрочемъ*, *отнюдь не вредитъ неприкосновенности ихъ политическихъ убѣжденій*,—этимъ обстоятельствомъ сдѣланъ важный шагъ впередъ ко всеобщему примиренію и соглашенію, *которое всегда было цѣлью моихъ стремленій*. Я твердо надѣюсь, что, при общей умѣренности и *взаимномъ уваженіи къ правамъ каждаго*, вашимъ совѣщаніямъ удастся дѣйствительно достигнуть этой цѣли, которую, *въ интересахъ величія монархіи*, слѣдуетъ всегда имѣть передъ глазами и такимъ образомъ *обезпечить за конституціей равно добровольное признаніе ея всѣми народами*... Многочисленныя заявленія любви и преданности моихъ народовъ ко мнѣ и моему дому, а равно и все громче раздающіяся изъ среды населенія воззванія къ сохраненію единства, въ которомъ народы мои въ теченіе столѣтій уже мирно живутъ другъ подлѣ друга, очень тронули мое сердце. Эти заявленія *) служатъ мнѣ гарантіей, что и вы, одушевленные тѣмъ же духомъ единодушія и умѣренности, придете къ соглашенію и къ спокойному и неуклонному развитію общаго блага на почвѣ конституціонной дѣятельности. *Австрія*, *вѣрная своему историческому призванію*, *должна быть убѣжищемъ для правъ всѣхъ своихъ земель и народовъ*, *незыблемымъ оплотомъ права и истинной свободы*».

Въ этой рѣчи вышесказанный идеалъ очерченъ далеко не такъ ярко,

---

*) Они дѣйствительно были; это не риторическая фигура оффиціальной фразеологіи только. Въ то время передъ выборами безпрестанно происходили митинги и въ городахъ и въ селахъ. И на этихъ митингахъ „непримиримыхъ" ораторамъ всѣхъ партій зачастую случалось или совсѣмъ умолкать, или значительно понижать тонъ своихъ рѣчей передъ громкимъ неодобреніемъ слушателей, въ особенности сельчанъ, энергически требовавшихъ примиренія и соглашенія.

не съ той скульптурною точностію, какъ, мы видѣли, сдѣлано въ оффиціозныхъ брошюрахъ; но отъ оффиціальной, да еще *тронной* рѣчи этого и требовать нельзя,—въ нихъ уклончивость выраженій такъ сказать обязательна. Тѣмъ не менѣе, несмотря на эту обязательную, вслѣдствіе общепринятости, уклончивость, невозможно отрицать, что смыслъ, идея, проникающіе тронную рѣчь, тѣ же самые, что и въ брошюрахъ. Право и свобода земель и народовъ, добровольный союзъ въ лонѣ единой монархіи, служащей очагомъ и оплотомъ правъ каждаго и свободы всѣхъ—общій лозунгъ какъ тамъ, такъ и здѣсь. Замѣтны ли, есть ли во всемъ этомъ хоть малѣйшій слѣдъ, хоть легкая тѣнь тѣхъ дѣяній, которыя совершались, и тѣхъ рѣчей, которыя велись оффиціальными лицами,—неоффиціальныя хранили гробовое молчаніе,—послѣ подавленія революціи 1848 года?—Нѣтъ, нѣтъ ни слѣда, ни тѣни, да о нихъ никто и не думаетъ, никто ихъ не вспоминаетъ. На будущее, а не на прошлое устремлены взоры всѣхъ; ради свѣтлаго будущаго всѣ готовы позабыть мрачное прошлое. И само собою понятно, какимъ воодушевляющимъ образомъ дѣйствуетъ при этомъ то обстоятельство, что глава государства, монархъ, при такой торжественной обстановкѣ, какъ открытіе имперскаго представительнаго собранія, самолично произноситъ такія слова, какъ «право и свобода народовъ»! Благодаря этому обстоятельству, публицистическая пропаганда пріобрѣтаетъ такой вѣсъ и такое вліяніе на общество, какихъ она сама по себѣ никогда не могла бы достичь. Все то, что теперь неустанно, во всѣхъ видахъ и формахъ, такъ сказать съ крышъ и на перекресткахъ, проповѣдуется въ Австро-Венгріи, не самими нынѣшними проповѣдниками открыто и формулировано,—они только передаютъ въ сжатомъ видѣ, популяризуютъ тѣ выводы, которые давно уже сдѣланы наукой. Не ходя далеко, не покидая Австріи и самой Вѣны, можно указать на множество ученыхъ и выдающихся политическихъ дѣятелей, какъ, напримѣръ, Шпрингеръ, Шефлэ, баронъ Адріанъ, Мюлефельдъ, Этвёшъ, которые всѣ писали совершенно то же самое *), что теперь повторяется оффиціозными публицистами: такъ же указывали на союзный характеръ Австріи и рекомендовали ей, въ качествѣ наилучшей формы государственнаго строя, форму федеративнаго союза; такъ же развивали подробно національную идею, дѣйствіе ея на народы и потребности, которыя она вызываетъ; даже такъ же проводили параллель между Австріей и Швейцаріей, называя первую «монархическою Швейцаріей». Но истины отвлеченной науки такъ и оставались въ сферѣ отвлеченностей, не переходя въ жизнь. Въ общемъ наука безспорно могущественнымъ образомъ способствуетъ умственному и по-

*) Мы разсчитывали первоначально познакомить нашихъ читателей и съ относящимися къ нашему предмету произведеніями этихъ ученыхъ и писателей. Но такъ какъ это заняло бы слишкомъ много времени и мѣста, то мы и отказались отъ этого намѣренія, тѣмъ болѣе, что для нашихъ цѣлей оффиціозной пропаганды совершенно достаточно.

литическому развитію общества, которое двигаетъ впередъ. Но непосредственныхъ, осязательныхъ результатовъ въ практической жизни даннаго момента она не даетъ и не можетъ дать. Ея дѣйствіе медленно, а жизнь требуетъ быстроты. Но вотъ политическія условія измѣнились. Плоды тѣхъ сѣмянъ, которыя заготовлены наукой и составляли до сихъ поръ духовную пищу немногихъ избранныхъ, понадобилось необходимо сдѣлать достояніемъ всѣхъ, достояніемъ массы. Люди практики, руководящіе государственные люди взялись за эти сѣмяна и принялись полными пригоршнями разсѣвать ихъ всюду. Академическая пропаганда отвлеченныхъ научныхъ истинъ, перешедши на страницы чиновничьихъ популярныхъ брошюръ и въ уста министровъ, получила значеніе политическаго факта. А этотъ фактъ въ свою очередь принялъ въ глазахъ электризуемаго имъ общества характеръ безповоротной эпохи въ государственной жизни съ тѣхъ поръ, какъ къ голосамъ, призывающимъ народы къ пользованію полнотою національныхъ правъ и свободы, присоединился и голосъ всѣми любимаго и, что важнѣе еще, пользующагося народнымъ довѣріемъ монарха. «Національность и свобода» — это такія волшебныя, такія чудотворныя слова! Могутъ ли они гдѣ-нибудь не найти отклика, есть ли на свѣтѣ хоть одно человѣческое сердце, въ которомъ они не зажгли бы пламя страстнаго энтузіазма?

Однако, австрійскіе государственные люди, искусившіеся въ высшей школѣ габсбургской политики, слишкомъ хорошо знаютъ людей вообще и своихъ въ частности, чтобы полагаться исключительно на одинъ энтузіазмъ. Указывая своимъ народамъ на великіе идеалы національности, права и свободы, они не упускаютъ изъ вида и менѣе возвышенные, но за то непосредственно близкіе и понятные каждому отдѣльному человѣку идеалы меркантильныхъ интересовъ, а также и на многихъ еще могущественно дѣйствующіе идеалы славы и величія. Вотъ какъ цитированная выше брошюра «Die Deutschen in Oesterreich» объясняетъ необходимость восточной миссіи Австріи, первымъ этапомъ въ исполненіи которой является занятіе Босніи и Герцеговины:

«Наша задача на Востокѣ Европы та же самая, что предназначена Россіи въ Сѣверной Азіи, и какъ Германія принудила насъ обратиться къ нашему дѣлу, такъ *можетъ-быть и намъ придется принудить Россію взяться за свое. Это сознаютъ въ Германіи* *) *и въ этомъ смыслѣ признаютъ въ Европѣ необходимость для самой Европы существованія дунайской державы*. Австрія и есть дунайская монархія. Какъ таковая, она впервые образовалась, какъ таковая, выросла, сдѣлалась великой и могущественной...»

На Дунаѣ же долженъ находиться и центръ той «монархіи соединенныхъ штатовъ», которая вообще пропагандируется теперь въ Австріи и

*) Sapienti sat.—*Ред.*

съ особенной яркостью рисуется цитируемою брошюрой. Монархія эта, разумѣется, должна образоваться мирнымъ путемъ, путемъ добровольнаго согласія *) и ради общаго блага всѣхъ равноправныхъ членовъ будущаго монархическаго союза. Но самому этому союзу и въ его собственныхъ жизненныхъ интересахъ можетъ-быть понадобится вести войну, а также и дѣлать завоеванія, вынуждаемыя необходимостію поддержать міровое положеніе союза, въ особенности въ сферѣ экономическихъ интересовъ. Куда же могутъ быть направлены эти завоеванія?—Вотъ куда:

«Австрія—дунайское государство. Однако же этотъ неразрывно связанный съ Дунаемъ, какъ съ золотоносною жилой монархіи, характеръ Австріи вовсе не требуетъ непремѣнно государственнаго обладанія всѣми лежащими по Дунаю землями... Въ плодоноснѣйшихъ равнинахъ, расположенныхъ по нижнему теченію Дуная, живутъ юныя и юношески-свѣжія народности, которыя положили уже начало собственной государственной жизни и своеобразной культурѣ послѣ того, какъ неоднократно повторявшіяся сильныя движенія освободили ихъ, наконецъ, отъ гнета азіятскаго варварства...» Онѣ, эти народности, не могутъ и не должны служить матеріаломъ завоеванія. «*Надо только позаботиться о томъ, чтобы эти новыя государственныя формаціи тяготѣли именно къ нашей монархіи, какъ къ ближайшему и удобнѣйшему культурному центру, что для цѣлесообразной государственной* (внутренней, веденной въ смыслѣ образованія штатовъ) *политики довольно не трудно сдѣлать* **). Здѣсь подразумѣваются собственно Румынія и Сербія, но необходимо тоже, по крайней мѣрѣ, *попробовать привлечь къ такому же дружественному общенію и Болгарію*... Область завоеваній возможныхъ и которыя, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ сдѣлаться необходимыми,—они отчасти нужны уже и теперь,—лежитъ на пути къ Солоникамъ. Едва одно столѣтіе прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы ознакомились со всѣмъ земнымъ шаромъ, во всѣхъ его существеннѣйшихъ направленіяхъ; но переворотъ, который это ознакомленіе произвело въ культурѣ человѣчества, по громадности своей далеко превосходитъ другія измѣненія, происходившія въ неизмѣримо большее количество времени. Для нашей цѣли достаточно указать лишь на то дѣйствіе, которое широкое ознакомленіе съ земнымъ шаромъ имѣло на то, что принято называть «міровымъ положеніемъ» (Weltstellung) государствъ. Это положеніе имѣетъ болѣе или менѣе преимуществъ, смотря по тому, обладаетъ ли государство большей или меньшею возможностью принимать участіе въ міровой торговлѣ.

«Міровая торговля повсюду ищетъ себѣ кратчайшихъ, т.-е. наиболѣе прямыхъ линій, путей сообщенія. Ближайшая дорога отъ Лондона въ

*) Что блистательно доказывается въ настоящее время подвигами монархической Швейцаріи въ Босніи и Герцеговинѣ. *Ред.*

**) То-есть примучить эти новыя государственныя формаціи, что и осуществляется теперь на дѣлѣ. *Ред.*

Сидней и Мельбурнъ, т.-е. отъ сѣверо-запада къ юго-востоку восточнаго полушарія, проходитъ черезъ Вѣну, Солоники, Смирну или Кипръ, долину Евфрата и Цейлонъ. Вотъ кратчайшій путь, и онъ перерѣзываетъ Германію, Австрію и Турцію. И Германія, и Австрія уже дѣлали и будутъ еще дѣлать все, что нужно для удовлетворенія потребностей быстраго сообщенія по этой линіи, ведущей съ одного конца земли на другой. Но за Австріей лежитъ Турція, государственное тѣло умирающее, не принимающее никакого жива о участія въ европейской культурѣ и даже неспособное принять, потому что попытка насильственно привить ему эту культуру, повидимому, только повредила ему и ускорила его распаденіе... Германія уже позаботилась о томъ, чтобы прострація Турціи не могла повредить ея интересамъ въ дѣлѣ міровыхъ торговыхъ путей сообщенія. Своимъ коммерческимъ вліяніемъ она ускорила сооруженіе Сенъ-Готтардской желѣзной дороги, которой помогла и большими денежными суммами. Сознавая, какія преимущества доставляетъ ей это предпріятіе, Италія поступила точно такъ же, какъ и Германія, и, кромѣ того, съ великою поспѣшностію построила цѣлую сѣть желѣзныхъ дорогъ, ведущихъ отъ Сенъ-Готтарда къ Бриндизи, и истратила безчисленные милліоны на улучшеніе порта въ Бриндизи. Всѣ эти напряженныя усилія наши сѣверные и юго-западные сосѣди сдѣлали для того, чтобы не быть сброшенными съ великаго міроваго торговаго пути, а также и для того, чтобъ извлечь для себя какъ можно скорѣе и какъ можно большія выгоды изъ легкаго отклоненія этого пути на западъ,—отклоненія, для котораго нѣтъ никакой иной причины, какъ только умственная и политическая неспособность Турціи. Между тѣмъ, если только удастся направить міровую торговлю на этотъ путь Сенъ-Готардъ—Бриндизи, то намъ впослѣдствіи развѣ только послѣ неимовѣрныхъ жертвъ удастся снова вернуть ее на ея естественную дорогу. Но покуда ей это удастся, Австрія будетъ притиснута къ Востоку, ея живое участіе въ культурной жизни Запада будетъ стѣснено и урѣзано, а чрезъ то главнѣйшія жизненныя стремленія государства придутъ въ застой и въ упадокъ. Кажется, достаточно ясно, что то, чего Турція не въ состояніи была сдѣлать въ то время, когда располагала всѣми необходимыми для того средствами, не сдѣлалось легче для нея теперь, когда она только-что вышла изъ несчастной, гибельной войны, утративъ и могущество свое, и всякое уваженіе къ ней извнѣ. Австріи же совершенно необходимо имѣть дорогу въ Солоники, и *если* эта дорога *не можетъ* достаться ей иначе, какъ только посредствомъ захвата земель, черезъ которыя долженъ пролегать рельсовый путь, то она такъ или иначе *должна* ихъ захватить, хотя бы пришлось ихъ добывать кровію... Въ этомъ-то и заключается корень боснійскаго дѣла. Борьба въ Босніи велась за сохраненіе міроваго положенія Австріи... Рядомъ съ этимъ міровымъ значеніемъ поступательное движеніе Австріи къ Эгейскому морю имѣетъ еще и частное, тоже огромное и важное, значеніе, ближе всего

интересующее какъ разъ нѣмецкія провинціи, какъ главные центры австрійской промышленности. Свобода торговли есть, безъ сомнѣнія, идеалъ, послѣдняя совершеннѣйшая ступень въ политико-экономическомъ развитіи народовъ и ихъ торговыхъ сношеній между собою. Вопросъ только въ томъ, созрѣли ли уже народы для этого идеала, или не сдѣлались ли бы они, еслибы, внимая сладкимъ рѣчамъ искреннихъ или неискреннихъ пророковъ фритредерства, преждевременно ввели у себя свободу торговли,— не сдѣлались бы они скорѣе всего жертвами той ловкой и разсчетливой націи, которая, благодаря особенно благопріятному стеченію физическихъ и моральныхъ обстоятельствъ, съумѣла изъ всей своей страны сдѣлать одинъ колоссальный промышленный и торговый домъ? Континентальная промышленность всѣхъ странъ, до нѣкоторой степени, можетъ-быть исключая одну Францію, не пользовавшаяся такими выгодами географическаго и совершенно исключительнаго политическаго положенія, никогда не была въ состояніи достичь той высокой степени развитія, какъ промышленность тѣхъ островитянъ. И Австрія не была настолько счастлива, чтобы составить въ этомъ отношеніи исключеніе изъ общаго неблагопріятнаго положенія континентальныхъ державъ. Поэтому она, какъ и ея сосѣди, въ торговыхъ сношеніяхъ съ этими ближайшими сосѣдями, также какъ и съ болѣе отдаленными странами, нуждается въ хорошо приспособленной къ условіямъ ея производства таможенной системѣ. Открытый рынокъ для сбыта у нея только и имѣется, что на юго-восточной границѣ; а такъ какъ страны, прилегающія къ этой границѣ, съ другой стороны омываемы моремъ, путь по которому не нуждается ни въ шоссированіи, ни въ прокладкѣ рельсовъ, то дешевая волна несетъ къ ихъ гаванямъ производимые при болѣе благопріятныхъ условіяхъ западные товары. Эту конкуренцію наша промышленность не въ состояніи выдержать. Когда же на будущихъ солоникскихъ набережныхъ станутъ австрійскія, черножелтыя, гауптвахты, тогда рядомъ съ ними помѣстятся и австрійскія таможни, а передовые и сторожевые посты нашихъ армій будутъ въ то же время и развѣдчиками, и путешествующими прикащиками нашихъ фабрикантовъ и купцовъ»*).

Какъ видитъ читатель, блестящій идеалъ «монархіи соединенныхъ штатовъ» предлагается не однимъ народамъ Австріи собственно **). А priori

*) Что и нужно для вѣнскихъ банкировъ и торговцевъ-жидовъ, этихъ всемірныхъ эксплуататоровъ, для которыхъ льется теперь кровь сербская въ Босніи и Герцеговинѣ и заносится хищная рука на западную часть Балканскаго полуострова вплоть до Солоникъ, подъ сладкій голосъ великихъ и прекрасныхъ цѣлей. *Ред.*

**) Хорошо предлагается этимъ народамъ этотъ идеалъ „монархіи соединенныхъ штатовъ“— подъ условіями отреченія отъ своей народной вѣры и своего языка и въ случаѣ непринятія такого предложенія подъ страхомъ кровавой расправы!... Честные идеалисты Фишгофы съ ихъ великодушными идеями не

допускается возможность вступленія въ союзъ и мелкихъ балканскихъ государствъ. Относительно Сербіи и Румыніи это даже считается фактомъ вѣроятнымъ, если не рѣшеннымъ, а Болгарію «надо попытаться склонить». Но почему такая разница въ отношеніи къ этимъ тремъ государствамъ? Почему Болгарію надо только «попытаться склонить»,—выраженіе, изъ котораго ясно слѣдуетъ, что если она не согласится, то ее надо предоставить самой себѣ,—потому ли только, что Болгарія не граничитъ съ нынѣшней Австріей, или потому еще, что на нео имѣются какіе-нибудь особые виды? Мы имѣемъ основаніе думать, что послѣднее предположеніе вѣрнѣе и что дѣйствительно въ Вѣнѣ смотрятъ на Болгарію какъ на государство, предназначенное для исполненія одной спеціальной задачи, имѣющей близкое отношеніе къ безопасности и величію будущей союзной монархіи, но которой она сама, по разнымъ причинамъ, не можетъ и не желаетъ брать на себя. Впослѣдствіи, говоря о болгарахъ, мы будемъ имѣть случай поговорить подробно о разсчетахъ Австріи въ этомъ отношеніи, а также и о томъ, имѣетъ ли она какой-нибудь шансъ на успѣхъ, соотвѣтствуетъ ли заранѣе возлагаемая на нее миссія дѣйствительному положенію и потребностямъ Болгаріи. Теперь же мы попросимъ только читателя обратить вниманіе на тотъ характерный фактъ, что ни въ одной изъ цитированныхъ брошюръ ни единымъ словомъ не упоминается о Константинополѣ. И не въ однѣхъ только этихъ. Для цитатъ мы выбрали, конечно, не многія, наиболѣе выдающіяся и характерныя, произведенія правительственной печати и притомъ такія, оффиціозное происхожденіе которыхъ намъ достовѣрно извѣстно. Но сами мы, разумѣется, читали десятки подобныхъ брошюръ и сотни газетныхъ статей одного съ ними направленія и смѣемъ увѣрить читателя, что рѣшительно нигдѣ и никогда не встрѣтили и намека на Константинополь и на Босфоръ. Въ теперешней казенно-публицистической пропагандѣ, какъ и въ прежней государственной политикѣ австрійской, этотъ важнѣйшій пунктъ морскаго торговаго пути находится внѣ габсбургскихъ политическихъ комбинацій. По-прежнему подъ словами «Востокъ», «восточная миссія», «культурныя задачи на Востокѣ» подразумѣвается исключительно сѣверозападная часть Балканскаго полуострова. Это постоянное ограниченіе круга культурныхъ задачъ на Востокѣ кажется намъ чрезвычайно замѣчательнымъ, въ особенности если принять во вниманіе съ одной стороны прошлое самихъ Габсбурговъ, когда они не видѣли конца своимъ задачамъ, усматривая ихъ не только во всѣхъ концахъ Европы, но даже и на другомъ полушаріи, съ другой—настоящее родственной имъ прусской Германіи, которая тоже такъ-сказать съ каждымъ днемъ расширяетъ свои предполагаемыя задачи, кидаясь

замѣчаютъ того, что они обращаются въ сладкогласныхъ сиренъ, завлекающихъ въ сѣти плановъ вѣнскихъ іезуитовъ и жидовъ,—плановъ, направленныхъ противъ сосѣдняго славянскаго государства Россіи, если оно не пойметъ ни своего положенія, ни своей міровой задачи. *Ред.*

съ ними рѣшительно во всѣ стороны. «Qui trop embrasse mal étreint», говоритъ французская пословица, и намъ всегда сдавалось, что эта мудрая поговорка должна бы служить общимъ девизомъ всѣмъ дипломатамъ...

Однако если Австрія осталась вѣрна себѣ по отношенію къ Константинополю, за то она теперь въ другую сторону простираетъ виды, которыхъ прежде никогда не имѣла. Какая это сторона, покажетъ намъ третья оффиціозная *) брошюра, вышедшая въ 1880 г. и имѣющая непосредственное отношеніе къ намъ, т. е. къ Россіи, вслѣдствіе чего мы рекомендуемъ ее особенному вниманію читателей.

Н. С.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

*) О несомнѣнно оффиціозномъ происхожденіи этой брошюры мы можемъ говорить съ тѣмъ большею достовѣрностію, что имѣемъ удовольствіе лично знать того чиновника бюро печати (и понынѣ, если не ошибаемся, состоящаго въ немъ на службѣ), который ее писалъ и который былъ такъ любезенъ, что давалъ намъ читать свое произведеніе въ рукописи. Не называемъ мы его единственно потому, что имена людей, пишущихъ при подобныхъ условіяхъ, не имѣютъ рѣшительно никакого интереса для читателей. Разъ сочиненіе, какое бы оно ни было, вышло изъ бюро печати, его отвѣтственный авторъ — правительство, а не тотъ, кто исполнялъ механическую часть работы.

О новыхъ книгахъ.

Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Можайскаго, Волоколамскаго и Звенигородскаго уѣздовъ. *А. В. Погожева.* Съ 12 планами фабричныхъ заведеній. Изданіе московскаго губернскаго земства. Москва. 1882 г.

Санитарные изслѣдователи фабрикъ и заводовъ Московской губерніи до того неутомимо и усердно работаютъ, что едва успѣваешь слѣдить за выходомъ издаваемыхъ ими трудовъ.

Названная книга составляетъ третью большую работу г. Погожева по санитарному изслѣдованію фабрикъ и заводовъ. Уже во второмъ трудѣ этого изслѣдователя мы замѣтили бо́льшую сдержанность и бо́льшее спокойствіе, чѣмъ въ его первой книгѣ—«Кирпично-гончарное производство». Третій трудъ: «Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Можайскаго, Волоколамскаго и Звенигородскаго уѣздовъ», отличаясь указанными достоинствами, производитъ особенно пріятное впечатлѣніе большей опредѣленностью и стройностью плана. Здѣсь уже нѣтъ подробнаго описанія технической стороны того или другого производства, чему отводилъ не мало мѣста г. Погожевъ въ своихъ предшествующихъ работахъ и что̀, казалось, по своему детальному изложенію переходило въ лишній грузъ, тормозившій спеціальную задачу автора. Данная книга, повторяемъ, цѣльнѣе и стройнѣе по своему плану. Но мы этимъ не хотимъ сказать, чтобы г. Погожевъ совсѣмъ сталъ игнорировать и пренебрегать встрѣчающимся случайно интереснымъ матеріаломъ, не имѣющимъ тѣсной, близкой связи съ планомъ его труда. Нѣтъ, и здѣсь онъ не упускаетъ случая занести мимоходомъ встрѣтившійся какой-нибудь характерный фактъ или услышанный разсказъ, какъ, напримѣръ, сообщеніе старика-рабочаго о заработанной платѣ и продовольствіи въ прежнее время на фабрикѣ князя Гагарина (Можайскаго уѣзда) или разсказъ женщины объ отхожихъ женскихъ промыслахъ жителей Волоколамскаго уѣзда. Первое даетъ автору возможность — хотя, правда, и вскользь, и весьма поверхностно—сравнить положеніе фабричнаго рабочаго въ старое время и теперь. Встарину на фабрикѣ князя Гагарина дѣти работали только съ 12-лѣт-

няго возраста; продовольствіе рабочіе получали отъ конторы, за что въ годъ изъ заработной платы у нихъ дѣлался вычетъ ²/₃ всего жалованья. Для помѣщенія заболѣвающихъ имѣлся особый трехъ-этажный корпусъ.

Разумѣется, на основаніи такихъ данныхъ, какъ разсказы старожила, и притомъ крайне малочисленныхъ, неосмотрительно дѣлать категорическіе выводы хотя бы въ родѣ слѣдующихъ: «Современныя фабрики, — говоритъ авторъ, — несмотря на исполинскіе успѣхи техники и цивилизаціи, очень недалеко ушли впередъ въ санитарно-фабричномъ отношеніи...» Разумѣется, лучше поудержаться отъ всякихъ заключеній, а любопытные разсказы старожила, женщины и т. п., для сохраненія за работой большей стройности, привести въ видѣ выносокъ, примѣчаній и т. д.

Самой большой похвалы, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ трудъ г. Погожева за его непрерывное памятованіе во время работы о современномъ движеніи вопроса по улучшенію быта рабочихъ. Онъ не пропускаетъ при малѣйшемъ удобномъ случаѣ указать будущимъ фабричнымъ инспекторамъ на ту или другую особенность производства или фабрики, которыми бы имъ не мѣшало воспользоваться при ихъ новой дѣятельности. Такъ, онъ указываетъ, напримѣръ, на обычай, существующій на нѣкоторыхъ маленькихъ фабрикахъ — кончать работу по субботамъ въ 3 часа, а то и въ 12 часовъ, съ тѣмъ, чтобы дать женщинамъ время убраться передъ праздникомъ, привести въ порядокъ свое семейное помѣщеніе. Разсказывая объ этомъ, авторъ не забываетъ замѣтить, что при составленіи будущихъ фабричныхъ законовъ не мѣшаетъ обратить вниманіе на этотъ прекрасный обычай, который встрѣчался ему не разъ на изслѣдуемыхъ фабрикахъ.

Данное изслѣдованіе г. Погожева касается трехъ уѣздовъ Московской губерніи: Можайскаго, Волоколамскаго и Звенигородскаго. Всѣ три уѣзда относятся къ числу мало промышленныхъ, причемъ каждый имѣетъ свою типическую особенность. Напримѣръ, крестьянское населеніе Можайскаго уѣзда работаетъ на фабрикахъ или уходитъ на отхожіе промыслы въ другіе уѣзды, забросивъ совсѣмъ землепашество или оставивъ его на рукахъ женщинъ. Народонаселеніе въ этомъ уѣздѣ съ каждымъ годомъ замѣтно уменьшается, а недоимки почти въ равной степени возрастаютъ. Въ Волоколамскомъ уѣздѣ крестьяне тоже начинаютъ пренебрегать земледѣліемъ и уходятъ далеко на отхожіе промыслы, такъ какъ въ этомъ уѣздѣ, кромѣ мелкаго ручнаго ткачества, нѣтъ другихъ производствъ. Народонаселеніе и здѣсь уменьшается, а недоимки увеличиваются. Въ Звенигородскомъ уѣздѣ уходящихъ на отхожіе промыслы несравненно меньше. Здѣсь сильно развита кустарная промышленность. Размѣръ недоимокъ незначительный; народонаселеніе значительно прибываетъ.

Эти три уѣзда, по словамъ самого автора, прекрасно представляютъ постепенное вытѣсненіе кустарнаго производства крупнымъ капиталистическимъ и неминуемое отраженіе этого явленія на благосостояніи и чис-

ленности народонаселенія названныхъ уѣздовъ. Только для болѣе яснаго представленія картины такого явленія было бы несравненно лучше расположить описаніе этихъ уѣздовъ въ обратномъ порядкѣ, чѣмъ то сдѣлано у автора, т.-е. сперва помѣстить изслѣдованіе Звенигородскаго уѣзда, затѣмъ Волоколамскаго и наконецъ Можайскаго.

Число фабрикъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ съ 1871 года увеличилось такъ же, какъ и число рабочихъ. Всѣхъ фабрикъ здѣсь считается 49, а рабочихъ—2.392 человѣка. Въ этомъ уѣздѣ автору пришлось измѣрить и опросить 1.037 работниковъ, изъ которыхъ моложе 12 лѣтъ оказалось 16 человѣкъ, и 481 работницу, между которыми моложе 12 лѣтъ оказалось 9, — слѣдовательно, всѣхъ малолѣтнихъ 25 человѣкъ. Здѣсь особенно процвѣтаетъ кустарное производство: изготовленіе мебели, портняжничество, плетеніе изъ прутьевъ, дѣланіе сахарныхъ цвѣтовъ, стѣнныхъ часовъ... Кустарнымъ промысломъ въ этомъ уѣздѣ занято 9% всего народонаселенія, а фабричнозаводскою промышленностью—не болѣе 4%.

Авторъ въ своемъ изслѣдованіи останавливается, разумѣется, только на фабрично-заводской промышленности. Здѣсь встрѣчаются на первый взглядъ довольно благоустроенныя фабрики: напримѣръ, суконная фабрика г-жи Цуриковой, гдѣ находится до 1.500 рабочихъ. Но, при ближайшемъ знакомствѣ, и она представляетъ ту же безотрадную картину жизни рабочихъ, съ какой знакомы читатели изъ прежнихъ работъ г. Погожева и г. Эрисмана: тѣ же безбожные штрафы, то же дурное помѣщеніе, та же грязь и т. д., то же плохое питаніе рабочихъ. Рабочіе на этой фабрикѣ, по ихъ собственнымъ словамъ, пробуютъ мясо только въ Свѣтлый день, а то у нихъ «круглый годъ—постъ»; заработокъ не позволяетъ вести артельное хозяйство: «жирно поѣшь—семьѣ ничего не останется» (стр. 169).

При данной фабрикѣ существуетъ школа, но только съ довольно страннымъ правиломъ—*не принимать дѣтей работающихъ на фабрикахъ*, а также и мальчиковъ старше 16—18 лѣтъ.

Есть при фабрикѣ и больница, но только больше для вида...

Авторъ довольно подробно останавливается на послѣдней. Онъ говоритъ: хотя и существуетъ здѣсь больница на шесть кроватей, хотя и существуютъ при ней врачъ и фельдшеръ, но все это существуетъ только для преформы. Къ имѣющимся въ больницѣ оффиціальнымъ записямъ авторъ относится съ вполнѣ заслуженнымъ больницею недовѣріемъ. «Мы считаемъ долгомъ,—говоритъ онъ,—*больше для куріоза* привести ниже годовыя вѣдомости о больныхъ, такъ какъ по оффиціальнымъ вѣдомостямъ никоимъ образомъ нельзя получить правильнаго понятія о дѣйствительныхъ формахъ заболѣванія и причинахъ смерти» (стр. 176).

Но на данной фабрикѣ есть и врачъ и фельдшеръ. Авторъ, впрочемъ, старается выгородить и того, и другаго. Онъ оправдываетъ врача, напримѣръ, тѣмъ, что заведенный въ больницѣ порядокъ пріема больныхъ

не допускаетъ послѣдняго къ болѣе раціональному веденію записей. Порядокъ этотъ представляетъ слѣдующій, выходящій изъ ряда вонъ, курьезъ. Больной прежде всего является къ фельдшеру. *Фельдшеръ опредѣляетъ его родъ болѣзни*, отмѣчаетъ больнаго въ извѣстной рубрикѣ оффиціальныхъ вѣдомостей и съ *запиской*, *на которой обозначена его болѣзнь*, отсылаетъ къ врачу. Послѣдній производитъ изслѣдованіе, прописываетъ рецептъ и снова отсылаетъ больнаго къ фельдшеру. Фельдшеръ выдаетъ по рецепту лѣкарство и даетъ необходимыя наставленія, какъ его употреблять.

Въ этомъ видитъ г. Погожевъ оправданіе для врача. Но мы въ описанномъ порядкѣ не только не находимъ никакихъ оправдывающихъ обстоятельствъ, а усматриваемъ, какъ разъ наоборотъ, крайне унизительно-пассивное отношеніе врача къ дѣлу. Какъ бы ни безсмысленны казались для новѣйшей медицины оффиціальныя вѣдомости, онѣ нисколько не мѣшаютъ врачу быть хотя нѣсколько болѣе активнымъ,—ну, напримѣръ, самому ставить діагнозъ, а не поручать это фельдшеру, и вести свои особыя записи по программѣ, составленной врачами московскаго земства... На нашъ взглядъ, несостоятельная программа оффиціальныхъ медицинскихъ вѣдомостей еще болѣе обязываетъ врача къ веденію такихъ записей. На чемъ собственно основываетъ авторъ оправданіе своего коллеги за уклоненіе отъ прямой обязанности, трудно понять...

Останавливаться на ручномъ мелкомъ ткачествѣ этого уѣзда мы не будемъ, но замѣтимъ, что оно значительно падаетъ, несмотря на все его благотворное вліяніе на мѣстное народонаселеніе. Авторъ высказывается о необходимости его поддержки со стороны земства.

Волоколамскій уѣздъ переполненъ мелкими ткацкими фабричками, которыя представляютъ переходный фазисъ кустарнаго производства въ крупное фабричное. Такихъ мелкихъ фабричекъ осмотрѣно г. Погожевымъ 31. Число рабочихъ на этихъ фабричкахъ весьма непостоянно, такъ какъ въ извѣстное время жители нѣкоторыхъ волостей этого уѣзда, собираясь въ артели, уходятъ въ Москву рубить капусту или же въ Костромскую и Нижегородскую губерніи, гдѣ берутъ на себя изготовленіе валенокъ изъ шерсти на разныхъ заказчиковъ. Около Рождества они возвращаются домой и садятся за станокъ. Число станковъ на такихъ фабрикахъ бываетъ отъ 20 до 100.

Здѣсь между рабочими и хозяевами не существуетъ никакихъ письменныхъ обязательствъ. Штрафовъ здѣсь совсѣмъ не полагается. «И радъ бы взять,—говоритъ хозяинъ, —да не изъ чего вычитать». Выдача денегъ производится въ неопредѣленные сроки. Рабочій уходитъ, когда ему вздумается. Наканунѣ праздниковъ работа кончается къ 3 часамъ, а на иныхъ женщины кончаютъ даже въ 12.

При измѣреніи роста и груди у рабочихъ этихъ фабрикъ автору встрѣчались субъекты съ хорошо развитою грудью и крѣпкою мускулатурой. А

если же между ними и попадался какой-нибудь захудалый, то оказывалось, что онъ былъ раньше на какой-нибудь крупной ткацкой фабрикѣ.

Такое отрадное явленіе, составляющее почти исключеніе среди рабочаго люда, г. Погожевъ объясняетъ слѣдующими благопріятными условіями мелкаго ткачества: «1) разнообразіе фабричнаго труда, причемъ работа на фабричкѣ часто смѣняется работой при домѣ или въ полѣ, 2) благотворное вліяніе семейной жизни и 3) отсутствіе ночной работы» (стр. 96).

Въ этомъ уѣздѣ попадаются еще такіе хозяева фабрикъ, которые нѣкогда занимались кустарнымъ производствомъ и вотъ теперь расширили его до фабричнаго, сохранивъ въ себѣ нѣкоторыя симпатичныя черты хозяина-кустаря. Таковъ, напримѣръ, Евтихій Ивановичъ Власовъ.

Въ Можайскомъ уѣздѣ мелкій ткацкій промыселъ почти совсѣмъ исчезъ и замѣнился крупными фабриками. Изъ послѣднихъ мы остановимся на самой большой—бумагопрядильной и самоткацкой фабрикѣ въ сельцѣ Ваулинѣ.

По налагаемымъ на рабочихъ штрафамъ эта фабрика, кажется, превосходитъ всѣ остальныя. Мы укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. Если рабочій запаздываетъ *на десять минутъ* послѣ звонка, то онъ *штрафуется полнымъ рабочимъ днемъ*; если же прогуливаетъ *одинъ день*, то съ него вычитается плата *за три рабочихъ дня*. Но всего любопытнѣе штрафъ, установленный *«въ пользу бѣдныхъ рабочихъ»*: «за возвращеніе рабочихъ,—говоритъ авторъ,—живущихъ на самой фабрикѣ, позднѣе десяти часовъ лѣтомъ или восьми часовъ зимой въ *праздничные дни* полагается взысканіе платы *за цѣльный рабочій день въ пользу бѣдныхъ фабричныхъ и рабочихъ»* (стр. 24). На этой фабрикѣ рабочій штрафуется за все, чуть не за каждый свой шагъ: за куреніе табаку, за игру въ карты, за игру въ орлянку, за неприличныя слова и т. д., и т. д. Штрафамъ нѣтъ конца, также какъ и изобрѣтательности администраціи въ подыскиваніи той или другой провинности рабочаго.

Гарантируя себя отъ малѣйшаго непріятнаго шага со стороны рабочихъ, хозяева не берутъ на себя по отношенію этого же рабочаго даже такого обязательства, какъ выдача ему жалованья въ опредѣленный срокъ. «Опредѣленнаго срока на это не положено,—говорятъ хозяева,—а выдаютъ около Петрова дня и когда придется». «Вообще,—говоритъ авторъ,—за конторой всегда остается заработокъ 2—3 мѣсяцевъ и притомъ заработанныя деньги никогда не выдаются сразу: если, напримѣръ, за конторой состоитъ 10 рублей, то рабочій получаетъ на руки 2 руб., черезъ двѣ недѣли—еще два рубля и т. д.».

Кромѣ этого, хозяева для разсчета всегда являются поздно ночью и заставляютъ рабочихъ, только-что смѣнившихся съ работы, прободрствовать ночь и остаться безъ отдыха!...

Много приходилось читать, слыхать и видать плачевнаго положенія фабричныхъ рабочихъ, но данная фабрика въ этомъ отношеніи перещеголяла всѣ другія фабричныя заведенія Московской губерніи. Фабричная администрація свою безцеремонность съ рабочими довела здѣсь до того, что, нанявши ихъ по одной цѣнѣ, вдругъ черезъ нѣсколько недѣль вывѣсила объявленіе о пониженіи рабочей платы на 20%. Дѣло, разумѣется, не обошлось безъ недовольства рабочихъ и вмѣшательства полиціи.

Для того, чтобы не распространяться много о невозможномъ помѣщеніи рабочихъ на этой фабрикѣ, мы ограничимся указаніями на величину ихъ спальныхъ чуланчиковъ. «Въ каждомъ чуланчикѣ, имѣющемъ въ длину отъ $1\frac{1}{2}$ до $1\frac{3}{4}$ арш., въ ширину—отъ $1\frac{3}{4}$ до 3 арш. и въ вышину—отъ $2\frac{1}{4}$ до 3 арш., помѣщается *отъ трехъ до четырехъ* человѣкъ, а въ нѣкоторыхъ даже *шесть* человѣкъ» (!) (стр. 27).

Относительно продовольствія рабочихъ данной фабрики приходится встрѣтить еще менѣе утѣшительнаго. Если хозяева и не обязываютъ рабочихъ забирать въ фабричной лавочкѣ, то, какъ мы знаемъ изъ послѣдней книги г. Эрисмана, это нисколько не облегчаетъ ихъ положенія: хозяинъ, не давая имъ ни денегъ, ни своего ручательства для забора въ другихъ частныхъ лавочкахъ, этимъ самымъ вынуждаетъ рабочихъ забирать у себя. Случается, что иногда рабочему нуженъ такой товаръ, котораго въ фабричной лавкѣ нѣтъ, тогда рабочій бываетъ вынужденъ прибѣгнуть къ слѣдующему маневру: изъ фабричной лавки онъ беретъ на книжку, напримѣръ, фунтъ сахару, который стоитъ въ фабричной лавкѣ 25 коп., и отдаетъ, вмѣсто платы за нужную ему вещь, въ частную лавку, гдѣ фунтъ сахару принимается уже не за 25 коп., какъ стоилъ рабочему, а за 17; слѣдовательно на фунтъ рабочій несетъ убытку *восемь копѣекъ!*

Изъ сравненія цѣнъ на товары въ фабричной лавкѣ съ существующими рыночными цѣнами въ Можайскѣ оказывается, что фабричная лавка беретъ дороже, напримѣръ, на фунтъ сахару 2 коп., на фунтъ конопляннаго масла $1\frac{1}{2}$ копѣйки и т. д.

Но этимъ еще не кончаются всѣ вольные и невольные поборы съ фабричныхъ па Ваулинской фабрикѣ: изъ жалованья каждаго рабочаго съ каждаго заработаннаго рубля берется $1\frac{1}{2}$% за пользованіе баней и больницей, по 10 коп. въ годъ съ каждаго за разсчетную книжку...

Но рядомъ съ невозможною картиной жизни рабочихъ и на этой фабрикѣ замѣчается одно отрадное явленіе—это касса ссудосберегательнаго товарищества. Она открыта 18 апрѣля 1881 года. Въ ней находится въ настоящее время капитала 1.200 руб. Рабочіе понимаютъ удобство отъ этого учрежденія и относятся къ нему съ довѣріемъ и расположеніемъ. Но, разумѣется, ссудосберегательная касса не умаляетъ всѣхъ ужасовъ жизни рабочихъ Ваулинской фабрики; ихъ умалить могутъ будущіе законы о фабричныхъ рабочихъ, болѣе широкая дѣятельность фабричныхъ

инспекторовъ, чѣмъ намѣченная въ данное время и ограничивающаяся заботою объ однихъ малолѣтнихъ...

Въ концѣ изслѣдованія всѣхъ трехъ уѣздовъ авторъ прилагаетъ таблицы «измѣренія роста и обхвата груди рабочихъ» всѣхъ трехъ уѣздовъ, гдѣ у него также ведется и статистика грамотныхъ и неграмотныхъ среди рабочихъ. Изъ всѣхъ 1.943 рабочихъ грамотныхъ оказалось только 538, а между работницами и того меньше...

Заканчивая обзоръ данной книги, мы считаемъ долгомъ сказать, что авторъ весьма удачно сравнилъ въ санитарно-гигіеническомъ отношеніи крупныя фабрики съ большими, хорошо устроенными во время войны госпиталями, гдѣ, несмотря на все ихъ устройство, несмотря на всѣ заботы, воздухъ несравненно заразительнѣе, чѣмъ въ госпиталяхъ барачной системы, расположенныхъ въ видѣ маленькихъ домиковъ, рекомендуемыхъ г. Пироговымъ. Этимъ домикамъ, этимъ госпиталямъ барачной системы авторъ и уподобляетъ мелкія фабрички.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796). Историческое изслѣдованіе *Дмитрія Кобеко*. С.-Петербургъ. 1882 года.

Историческія монографіи составляютъ одинъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ исторической литературы. Полное освѣщеніе извѣстной эпохи, детальное изображеніе фактовъ избраннаго историческаго событія—какъ нельзя лучше знакомятъ съ цѣлымъ вѣкомъ, его духомъ, направленіемъ и взглядами. Таковы историческія монографіи г. Костомарова. Публика читаетъ ихъ охотно, съ большимъ интересомъ. Умѣнье г. Костомарова освѣтить и живо изобразить эпоху нерѣдко заставляетъ даже не очень высоко интеллигентнаго читателя предпочесть его монографію какому-нибудь роману. А это уже весьма много!...

Къ несчастію, наша литература весьма небогата такого рода историческими произведеніями. Писателей историковъ, къ которымъ бы такъ относилась публика, весьма немного: г. Костомаровъ, г. Семевскій и... всѣ.

Лежащая передъ нами книга: «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ» тоже есть историческая монографія. Эпоха, выбранная авторомъ для изслѣдованія, точно обозначена въ заглавіи: это годы отъ 1754 до 1796, т. е. отъ рожденія до воцаренія Павла Петровича.

Эпоха интересная. Монографистъ обрисовываетъ—по скольку касается Павла Петровича—личность его матери, отца, всѣхъ приближенныхъ... Впрочемъ, объ отцѣ онъ говоритъ вскользь. Да и дѣйствительно, Петръ III не имѣлъ никакого вліянія на сына, равно какъ въ первое время не имѣла и сама мать, императрица Екатерина Алексѣевна. Ребенокъ былъ взятъ отъ нея тотчасъ послѣ рожденія и отнесенъ къ Елизаветѣ Петровнѣ. Послѣдняя взяла на себя попеченіе объ его воспитаніи. Она приставила къ нему,

кромѣ разныхъ нянекъ и мамокъ, графа Скавронскаго, Алексѣя Григорьевича Жеребцова и, наконецъ, Ѳедора Дмитріевича Бехтѣева. Послѣдній ввелъ любопытный педагогическій пріемъ въ дѣлѣ воспитанія цесаревича: о поведеніи великаго князя печатали вѣдомости и эти вѣдомости давали ему прочитывать. Здѣсь упоминалось обо всѣхъ его поступкахъ и проступкахъ. Его увѣряли, что эти вѣдомости разсылаются по всей Европѣ.

Самое главное вліяніе на душу цесаревича авторъ приписываетъ личности митрополита Платона и графа Н. И. Панина.

Объ отношеніи къ послѣднему императрицы Екатерины II мнѣніе автора какъ бы стоитъ мѣстами въ противорѣчіи. То какъ будто императрица не довѣряла Панину и приставляла въ бытность его при царевичѣ надсмотрщиковъ: «двухъ кавалеровъ и двухъ камердинеровъ не столько съ цѣлью быть у него (у царевича) въ услугахъ, сколько для того, чтобы передавать все, что тамъ (во дворцѣ) происходитъ» (стр. 15); то оказывалось, что Панинъ пользовался «полнымъ довѣріемъ» государыни. На страницѣ 41 говорится: «представился въ эту минуту прекрасный случай положить основаніе паденію Панина, но такъ какъ почти невозможно было разомъ свергнуть человѣка, *пользовавшагося полнымъ довѣріемъ императрицы...*»

Такихъ противорѣчивыхъ мнѣній въ названной книгѣ, правда, немного. Она, напротивъ, отличается замѣчательною цѣльностью по симпатіи автора къ Павлу Петровичу и по его крѣпкой вѣрѣ въ компетентность императрицы Марьи Ѳедоровны въ дѣлѣ воспитанія.

Авторъ хотя и назвалъ свое сочиненіе изслѣдованіемъ, но оно скорѣй напоминаетъ прекрасно составленный сборникъ историческихъ фактовъ и воззрѣній, размѣщенныхъ въ строго-хронологическомъ порядкѣ. Размѣщая эти извѣстія, авторъ не мѣняетъ слога памятниковъ, а, напротивъ, самъ старается говорить ихъ языкомъ. Поэтому иногда дѣлается трудно понять, гдѣ кончилась выписка и началась рѣчь автора.—Г. Кобеко и самъ больше смотритъ на свою книгу какъ на лѣтопись, чѣмъ на законченное изслѣдованіе. Онъ не предпосылаетъ ей предисловія, а на манеръ древнихъ лѣтописцевъ въ концѣ книги прикладываетъ «послѣсловіе», въ которомъ самъ подтверждаетъ высказанный нами взглядъ на значеніе его труда.

«Въ настоящемъ трудѣ я старался,—говоритъ онъ,—*собрать и привести въ порядокъ извѣстія* о жизни и дѣятельности цесаревича великаго князя Павла Петровича до вступленія его на престолъ...»

И надо отдать автору справедливость: собранные имъ факты и извѣстія весьма любопытны, читаются съ большимъ интересомъ. Безъ сомнѣнія, данная книга будетъ прочтена не однимъ спеціалистомъ историкомъ, но и каждымъ учителемъ исторіи, а пожалуй и любителемъ отечественнаго бытописанія. Послѣднему, правда, придется при чтеніи дѣлать выпуски чисто оффиціальныхъ извѣстій, характерно отличающихся по своей сухости.

При книгѣ приложены портреты первой и второй супруги Павла Петровича, а также и самого цесаревича. Всѣ портреты изданы прекрасно, равно какъ и вся книга г. Кобеко.

Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Два общедоступные очерка *К. Тимирязева*, профессора Московскаго университета и Петровской академіи. Изданіе второе, книгопродавца *А. Л. Васильева*. Москва. 1882 г.

Не прошло еще года со времени смерти Чарльза Дарвина, а въ русской литературѣ появляется уже вторая книжка, носящая названіе этого великаго ученаго. Сперва появилось въ русскомъ переводѣ его сочиненіе о червяхъ, затѣмъ данная книга г. Тимирязева—«Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе».

Послѣдняя содержитъ двѣ статьи: 1) «Дарвинъ, какъ типъ ученаго» и 2) «Краткій очеркъ теоріи Дарвина».

Несмотря на то, что обѣ статьи уже извѣстны публикѣ, составляютъ перепечатку стараго, тѣмъ не менѣе про книжку можно сказать, что она вышла какъ разъ ко времени. Впечатлѣніе о смерти Дарвина еще очень живо. Утрата его еще слишкомъ свѣжа и сильно чувствуется тѣми, кто привыкъ уважать его имя. А такихъ почитателей Дарвина среди русской интеллигенціи не мало. Потому не мало найдется и читателей на первую статью г. Тимирязева: «Дарвинъ, какъ типъ ученаго», читанную въ видѣ публичной лекціи въ Московскомъ университетѣ въ 1878 году.

Здѣсь авторъ съ своимъ обычнымъ умѣньемъ прекрасно рисуетъ колоссальную личность англійскаго ученаго, представляющаго изъ себя самаго строгаго критика своихъ произведеній. Дарвинъ относился съ неподражаемой осторожностью и осмотрительностью къ каждому изъ тѣхъ выводовъ, которые ему пришлось сдѣлать во время своей неутомимой, трудовой жизни. Всѣмъ извѣстно, какой громадный переворотъ пришлось сдѣлать этому ученому не только въ области зоологіи, ботаники, но и физіологіи, психологіи, этики и т. д., такъ какъ нѣтъ области знанія, которыхъ бы не коснулись его выводы. И потому тѣмъ поразительнѣе кажется замѣчательно смиренное отношеніе Дарвина къ своимъ трудамъ и своимъ силамъ. Это составляетъ одну изъ выдающихся, выпуклыхъ чертъ англійскаго естествоиспытанія,—чертъ, которыя такъ замѣтно отсутствуютъ не только въ жалкой посредственности, но нерѣдко и въ тѣхъ, которые стоятъ головою выше толпы... Какъ послѣ этого поразительно величественъ кажется образъ Дарвина, набросанный г. Тимирязевымъ! «Но всего болѣе поражалъ его тонъ,—пишетъ авторъ,—когда онъ говорилъ о собственныхъ изслѣдованіяхъ: это не былъ тонъ авторитета, законодателя научной мысли, который не можетъ не сознавать, что каждое его слово ловится на лету; это былъ тонъ человѣка, который скромно, почти робко, какъ бы постоянно оправдываясь, отстаиваетъ свою идею,

добросовѣстно взвѣшиваетъ самыя мелкія возраженія, являющіяся изъ далеко не авторитетныхъ источниковъ» (стр. 41). Какъ поразительно недосягаемо высокъ кажется Дарвинъ, когда онъ предлагаетъ г. Тимирязеву пойти посмотрѣть на производимые имъ опыты съ росянкой («О насѣкомоядныхъ растеніяхъ») и при этомъ скромно прибавляетъ, что, «*кажется, онъ не ошибается въ своихъ выводахъ*» (стр. 41).

Весь очеркъ проникнутъ искреннимъ глубокимъ уваженіемъ и почитаніемъ русскаго ученаго къ покойному Дарвину и потому, повторяемъ, появляется весьма кстати и ко времени.

Другая статья, помѣщенная въ данной книжкѣ: «Краткій очеркъ теоріи Дарвина», представляетъ перепечатку ряда статей, помѣщавшихся въ шестидесятыхъ годахъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Здѣсь толково и довольно ясно изложено ученіе Дарвина. Статья предназначается авторомъ для тѣхъ изъ читателей, которые не имѣютъ времени или охоты изучать теорію Дарвина непосредственно по его сочиненіямъ.

Въ заключенія статьи авторъ ввелъ краткій перечень всѣхъ вышедшихъ впослѣдствіи сочиненій Дарвина и указалъ вкратцѣ ихъ значеніе и мѣсто въ его теоріи.

Прогрессъ воздухоплаванія. *Д. Печковскаго.* Москва. 1882 г.

Прогрессъ естественныхъ наукъ идетъ такъ быстро, такими гигантскими шагами совершается его поступательный путь, что дилетанту, стоящему въ сторонѣ отъ этого потока, въ качествѣ наблюдателя, приходится постоянно встрѣчать пріятные, неожиданные сюрпризы. Безпрестанно дѣлаются новыя изобрѣтенія, усовершенствованія, практическія примѣненія какой - нибудь изъ извѣстныхъ силъ природы. Въ послѣднее время особенно замѣтно стремленіе примѣнить къ жизни, воспользоваться на практикѣ добытыми наукою истинами. Слѣдствіемъ этого является цѣлая вереница новыхъ изобрѣтеній: телефонъ, микрофонъ, фонографъ, примѣненіе электричества, какъ силы двигающей, освѣщающей, и т. д.

Всѣ эти изобрѣтенія при ихъ широкомъ употребленіи въ жизни должны имѣть громадное вліяніе на самую жизнь, на ея условія экономическія, соціальныя и другія. Сторонники воззрѣнія—«ничто не ново подъ луной»—должны, наконецъ, согласиться, что многія изъ силъ природы хотя и хорошо извѣстныя встарину, — съ каждымъ не только столѣтіемъ, а даже десятилѣтіемъ вліяютъ на жизнь, осложняютъ или упрощаютъ ее.

Да вотъ, напримѣръ, сила солнечнаго свѣта. Какое громадное измѣняющее вліяніе она должна имѣть на жизнь, какъ скоро она будетъ примѣнена въ широкихъ размѣрахъ, какъ даровое отопленіе и освѣщеніе! Массѣ несомнѣнно будетъ легче, общая сумма горя значительно уменьшится...

Не малое измѣненіе въ соціальной жизни должно вести за собой и введеніе воздухоплаванія. Г. Печковскій, авторъ брошюры — «Прогрессъ воздухоплаванія» — вѣритъ въ скорое распространеніе этого способа сообщенія. «Надѣюсь, — говоритъ онъ, — что кто прочтетъ мою книгу (?), увидитъ (!), что воздухоплаванію вовсе не такъ долго придется ждать того времени, когда аэростаты будутъ совершать такіе же правильные рейсы, какъ совершаютъ теперь пароходы, и лучшимъ, и дешевѣйшимъ удовольствіемъ будетъ считаться прогулка на аэростатѣ».

Изъ «Краткаго очерка исторіи аэростовъ», какъ озаглавлена первая статейка брошюры, мы узнаемъ, что воздушные шары пускались еще въ 1306 году, въ Россіи же первымъ воздухоплавателемъ въ 1804 году былъ академикъ Захаровъ. Вторая глава — должно-быть для того, чтобы возбудить желаніе къ воздухоплаванію, разъохотить читателя — посвящается «Впечатлѣніямъ воздухоплавателя». Авторъ наполняетъ ее переводами изъ записокъ разныхъ французскихъ путешественниковъ.

Другая половина брошюрки занята описаніемъ аэростатовъ, летательныхъ снарядовъ и способовъ наполненія аэростатовъ водородомъ, свѣтильнымъ газомъ, аммiакомъ, горячимъ воздухомъ и перегрѣтымъ паромъ. Послѣдній способъ авторъ предлагаетъ отъ себя. Всѣ эти способы примѣненія онъ переводитъ на формулы и довольно долго останавливается на управленіи шаромъ какъ посредствомъ механическихъ приспособленій, такъ и съ помощью воздушныхъ теченій.

Въ заключеніи брошюры г. Печковскій отдаетъ предпочтеніе своему аэростату (наполняемому перегрѣтымъ паромъ) съ плоскимъ парашютомъ и рулемъ. Въ концѣ концовъ предлагаетъ даже устроить общество для постройки такого аэростата, — общество, которое помощію аэростата могло бы производить метеорологическія изслѣдованія, установить постоянные рейсы между Петербургомъ и Москвой и т. д.

Авторъ заканчиваетъ брошюру увѣреніемъ, что на его предложеніе отзовутся и книжку его не оставятъ безъ вниманія.

Изъ приведеннаго содержанія видно, что первая половина брошюры, доступная всѣмъ, не представляетъ ничего новаго; другая же часть, въ которой авторъ предлагаетъ свой способъ устройства и движенія аэростата, вся испещрена формулами и предназначена для спеціалистовъ. Потому отзывъ о ней здѣсь не умѣстенъ. Его надо искать въ спеціальныхъ журналахъ, гдѣ сдѣлаютъ надлежащую оцѣнку и аэростату, и рулю, предлагаемому г. Печковскимъ. Впрочемъ, подробное устройство ихъ авторъ настолько держитъ въ секретѣ, что даже не даетъ ихъ изображенія рядомъ съ другими приводимыми имъ изображеніями эростатовъ и летательныхъ снарядовъ.

Въ забытомъ краю. Разсказы изъ быта сибирскихъ крестьянъ. *Н. И. Наумова.* С.-Пб. 1882 г. Изданіе *Попова* и *Тыртова*.

Если припомнитъ читатель, мы разъ уже высказали свой взглядъ на произведенія г. Наумова: признали за его разсказами изъ сибирской жизни большой интересъ въ этнографическомъ отношеніи, но не нашли въ нихъ тѣхъ достоинствъ, которыя составляютъ принадлежность беллетристовъ «съ собственнымъ голосомъ». То же можемъ повторить и теперь. Г. Наумовъ вѣрно записываетъ встрѣчи, событія, разговоры, которые приходилось слыхать, разъѣзжая по Сибири въ качествѣ судебнаго слѣдователя, и все это издаетъ въ видѣ небольшихъ разсказовъ сперва въ журналахъ, а потомъ въ видѣ отдѣльныхъ книжекъ.

Книжка: «Въ забытомъ краю» содержитъ восемь такихъ разсказовъ: 1) Поскотникъ, 2) Зажора, 3) Горная идиллія, 4) Деревенскій аукціонъ, 5) Святое озеро, 6) Ночь на озерѣ, 7) Одинъ изъ способовъ сближенія съ народомъ и 8) Фургонщикъ.

Самъ авторъ указываетъ на спеціальный интересъ этихъ разсказовъ: «Разсказы изъ быта сибирскихъ крестьянъ». Но «Въ забытомъ краю», какъ и въ предшествующей книжкѣ этого автора, названной: «Въ тихомъ омутѣ», далеко не всѣ разсказы носятъ мѣстный колоритъ,—по крайней мѣрѣ половина изъ нихъ можетъ легко быть перенесена изъ Сибири въ любой изъ отдаленныхъ отъ центра уголковъ Россіи. Таковъ, напримѣръ, разсказъ (да это даже не разсказъ, а сцена): «Деревенскій аукціонъ», гдѣ нѣтъ и тѣни мѣстныхъ красокъ. Авторъ изображаетъ картину деревенскаго аукціона. Назначены торги на движимое имущество одного крестьянина, который по простотѣ сердечной поручился за одного казеннаго подрядчика, оказавшагося несостоятельнымъ. На торги собрались мѣстные мужики и кулакъ—торговецъ скотомъ. Мужики сгоряча, не желая уступить кулаку, а то и просто по мужицкой темнотѣ, надбавляютъ цѣну на продаваемое имущество. Вещь остается за ними. Когда приходится расплачиваться, они находятъ, что вещь куплена дорого, и требуютъ сбавки, не додаютъ грошей.

Картина, правда, довольно вѣрная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мало интересная. Кто не знаетъ, какъ галдятъ мужики? А авторъ съ стенографическою точностью записываетъ ихъ споры, приговариванья:

«Ахъ, ѣшь-тѣ мухи... а?... Это три-то рубля за сбрую, а?... Ну-у... Ахъ, окаянный... Ну... на-а-агрѣлся... А... вотъ-тѣ... на-а-а... да... ты... того... ваше благородіе»... (стр. 143—144).

И тянутся, безъ конца тянутся, неотвязно надоѣдая читателю, всѣ эти междометія и нарѣчія, а выраженіе «ѣшь-тѣ мухи» повторяется чуть не десять разъ. И къ чему вся эта азбука междометій? И причемъ тутъ Сибирь?—спрашиваетъ читатель. Выражаться междометіями и нарѣчіями нашъ мужикъ вездѣ и всегда выражается; даже сама крымская природа,

если судьба случайно забрасываетъ его въ эти южные края, не дѣлаетъ его краснорѣчивѣе. Въ подобныхъ случаяхъ становится досадно на автора, зачѣмъ онъ такъ стенографически точенъ въ своихъ записяхъ.

Не менѣе безъинтересенъ кажется разсказъ: «Одинъ изъ способовъ сближенія съ народомъ», гдѣ чиновникъ любезно принимаетъ у себя мужика, засаживаетъ его за картежный столъ и обыгрываетъ.

Болѣе интересными со стороны этнографической, а также и болѣе заслуживающими названія разсказовъ будутъ: «Горная идиллія», «Поскотникъ» и «Фургонщикъ».

Въ первомъ разсказѣ авторъ сообщаетъ много интереснаго о жителяхъ Алтая: теленгутахъ, черневыхъ татарахъ, объ ихъ нравахъ, обычаяхъ, о тѣхъ страшныхъ притѣсненіяхъ, какимъ они подвергаются со стороны русскихъ чиновниковъ. Авторъ самъ смотритъ на этотъ разсказъ какъ на чисто этнографическую статью: онъ весьма обстоятельно сообщаетъ географическія и историческія подробности объ этихъ инородцахъ, заимствуя ихъ изъ интересныхъ сочиненій гг. Потанина и Ядринцева.

«Фургонщикъ» же, которымъ заканчивается книга г. Наумова, несмотря на всѣ недостатки въ беллетристическомъ отношеніи, представляетъ сравнительно съ другими разсказами больше цѣнности и законченности.

Фургонщиками въ Сибири называютъ торговцевъ мелочными товарами, разъѣзжающихъ по деревнямъ.

Авторъ встрѣтился съ однимъ изъ такихъ фургонщиковъ въ сибирской деревушкѣ, куда попалъ по дѣлу въ качествѣ судебнаго слѣдователя. Деревушка по своей отдаленности, а также и вслѣдствіе разлива рѣкъ до того была изолирована отъ города и другихъ жилыхъ мѣстностей, что когда у судебнаго слѣдователя вышла вся бумага, ея негдѣ было достать и нужно было остановить слѣдствіе. Въ эту-то критическую минуту появился фургонщикъ. У него нашлись и бумага, и сахаръ, и чай, которые отсутствовали у судебнаго слѣдователя. Фургонщикъ явился спасителемъ. Но прежде, чѣмъ удовлетворить автора, онъ несказанно надоѣлъ ему предложеніемъ разныхъ товаровъ, имѣвшихся въ его коробѣ...

Каждый знаетъ, какъ надоѣдливо-неотвязчивы эти офени при встрѣчѣ съ покупателемъ не только въ какой-нибудь захолустной сибирской деревнѣ, а даже просто на дачѣ невдалекѣ отъ города. Но автору, должно-быть, пришлось натолкнуться на фургонщика въ первый разъ, и чтобы надоѣсть читателю настолько же, насколько фургонщикъ надоѣлъ автору, г. Наумовъ съ своей обычною точностью почти на двухъ страницахъ приводитъ слѣдующія выкрикиванія фургонщика:

— Чернилъ, можетъ, не потребуется ли,—превосходнѣйшія есть: ализаринъ... Перья и сургучъ, карандаши, резина, буде изволите взять, ножи

нерочинные завьяловскіе новаго качества,—худыхъ не продаемъ-съ», и т. д. (стр. 290).

Что приведенная здѣсь рѣчь фургонщика вѣрна, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но къ чему же на цѣлыя двѣ страницы растягивать эту безсмыслицу? Вѣдь, это значитъ положительно не знать мѣры... Кто же не знаетъ, что есть люди, которые говорятъ много, очень много, но невозможно же все это писать? Вѣдь, надо же, наконецъ, хоть сколько-нибудь щадить и жалѣть читателя...

Купивши у фургонщика, что было надо, авторъ по обычаю писателя усадилъ его и началъ съ нимъ бесѣдовать. Изъ разговора онъ узналъ, что фургонщикъ за поджогъ высланъ изъ Москвы въ Сибирь на поселеніе. Поджогъ совершилъ у хозяина торговца, у котораго онъ жилъ въ прикащикахъ,—поджогъ совершилъ изъ мести. Ему полюбилась дочь хозяина. Онъ ей тоже былъ любъ. Но отецъ на его просьбу выдать за него дочь—изругалъ его и прогналъ. Давно уже онъ теперь живетъ въ Сибири. Недавно случай свелъ его здѣсь свидѣться съ своей милой: она, оказывается, волею отца выдана за купца въ Сибирь.

Года черезъ три послѣ этой встрѣчи автору пришлось во время своихъ разъѣздовъ натолкнуться на свадьбу. Оказалось, что вѣнчаютъ его знакомаго фургонщика съ его прежней зазнобой,—она овдовѣла...

Въ разсказѣ есть одинъ изъ интересныхъ эпизодовъ, который, правда, имѣетъ весьма мало связи со всей фабулой «Фургонщика» и представляетъ нѣчто вставочное, а между тѣмъ это самое интересное мѣсто всего разсказа. Это разговоръ фургонщика съ мужиками, собравшимися смотрѣть его товаръ. Онъ имъ показываетъ портреты генераловъ и характеризуетъ каждаго...

Впрочемъ, пусть лучше самъ авторъ передастъ этотъ любопытный разговоръ, записанный имъ съ его обычною точностью.

«Вы энтого генерала покупайте,—уговаривалъ фургонщикъ стоявшихъ передъ нимъ крестьянъ, показывая имъ литографированный и раскрашенный портретъ какого-то генерала. — Это, братцы, генералъ-то, коли поскавать вамъ всю подноготную про него—звѣ-ѣ-ѣрь. Ну, однимъ только бралъ: къ нашему брату страсть былъ доберъ.

— А-а-а, къ мужикамъ-то будто!—раздались голоса среди окружающихъ его, и десятки рукъ потянулись за литографіей, изображавшей генерала.

— Ну, ну, не гляди, братцы, что генералъ, а къ мужику даже очень былъ доступенъ. Ну, ежели кольми паче попадалъ ему на зубы чиновникъ, и-и-и, Боже мой, какую острастку питалъ онъ къ нимъ.

— А-а-а-а-ха! къ чиновникамъ-то это,—снова перервали его нѣсколько голосовъ...

— Ну, это, братъ, видать, что форменный енаралъ...

— Покупайте и этотъ: вѣдь, сибирскаго генерала-то графа Муравьева Амурскаго слыхали, можетъ?—заговорилъ, возвышая голосъ, фургон-

щикъ:—по крайности у васъ память будетъ—хорошій былъ генералъ, и всего-то я съ васъ четвертакъ буду брать за него. А этого генерала по правдѣ-то сказать, и за рубь бы не грѣхъ продавать, потому мужику то очень льстилъ»... (стр. 306—307).

Но такими краткими характеристиками дѣло не всегда ограничивалось. Когда доходило до такихъ популярныхъ генераловъ, какъ Кутузовъ, т изобрѣтательность фургонщика принимала широкіе размѣры. Чтобы воз будить большій аппетитъ къ портрету и разъохотить покупателя, онъ со здавалъ цѣлую легенду. Мужикъ слушалъ, развѣсивъ уши, и въ конц концовъ покупалъ генерала.

Легенда о Кутузовѣ, созданная фургонщикомъ и записанная авторомъ довольно занятна. Въ ней говорится, какъ Кутузовъ продалъ русское вой ско французу, получилъ деньги, отослалъ ихъ къ русскому царю, а по томъ и говоритъ французу: «Пали въ моихъ солдатиковъ». Французъ па литъ. Русскіе солдатики стоятъ живехоньки, а французы такъ и валятся Пуля-то какъ ударится въ русскаго, такъ сейчасъ отъ него рикошетомъ и отскочитъ, да прямо во французскіе ряды. Французъ видитъ, что дѣл плохо,—ну и бросился бѣжать.... «Да такъ, милые, бѣжалъ (заврался фур гонщикъ), што земля стонала; по эвтому и празднуется изъ вѣки въ вѣ ковъ изгнаніе галловъ и двунадесятъ языкъ въ день Рождества Христова,— слыхали, можетъ?...

— Темное дѣло-то, гдѣ слыхивать, отъ стариковъ-то былъ сказъ, што французъ-то Москву палилъ.

— Это ужь онъ опосля, милые,—ловко вывернулся фургонщикъ,— жогъ-то ее, когда ужь Кутузова смертный часъ постигъ, потому Куту зовъ-то старичокъ слово этакое зналъ, што вражьи пули заговаривалъ...» и т. д. (стр. 311).

Весь разсказъ, какъ и весь приведенный разговоръ, кажется въ выс шей степени правдоподобенъ, прекрасно рисуетъ ловкость и изворотли вость фургонщика и темноту нашего мужика, который слушаетъ всякую ерунду, развѣсивъ уши, и котораго развѣ только лѣнивый не надуваетъ и не обираетъ. Эту послѣднюю мысль и проводитъ г. Наумовъ во всѣхъ своихъ разсказахъ, которые, отсутствуя беллетристическими достоинствами полны гуманныхъ и человѣчныхъ чувствъ не только къ мужику, но и къ каторжникамъ, среди которыхъ очень и очень часто приходилось ав тору встрѣчать честныхъ и хорошихъ людей. А если другой и осатанѣлъ между ними, если про другаго и можно сказать: «тигра не тигра, змѣй не змѣй, а только не человѣкъ», то авторъ проситъ вспомнить слов «Поскотника», клейменаго каторжника Ларіона, который говаривалъ: «Не вини человѣка, что онъ сталъ подобенъ звѣрю». «И дѣйствительно,—го воритъ авторъ,—можно ли ждать состраданія отъ людей, къ которы никто въ свою очередь не имѣетъ состраданія, которые стоятъ внѣ за коновъ, ограждающихъ жизнь и права другихъ, съ которыми обращаютъ

самымъ варварскимъ образомъ за ничтожное слово, сказанное передъ начальникомъ, сказанное иногда не съ цѣлью нагрубить ему, а по невѣжественной наивности, или за поступокъ вызванный злоупотребленіями самой же надзирающей за ними власти?» (стр. 24).

Такими гуманными и сочувственными къ бѣдняку и гонимому люду взглядами проникнуты всѣ разсказы г. Наумова, какъ вошедшіе въ эту книгу, такъ и болѣе ранніе.

Разсказы *Всеволода Гаршина*. С.-Пб. 1882 года.

Писатель-художникъ, беллетристъ «съ искрой Божіей»—это лучшій выразитель своего времени, своего народа. Онъ живетъ, думаетъ лучшими думами современнаго ему общества, является представителемъ его лучшихъ желаній, лучшихъ помысловъ. Его чуткимъ нервамъ передается съ большею силой и быстротой, какъ бы посредствомъ электрическаго тока, всякое умственное и нравственное движеніе общества. Къ нему, какъ къ центральному организму, на которомъ съ большей чувствительностью отражается и радость, и горе общественное, пробѣгаютъ отъ каждаго общественнаго факта и явленія проводящія токъ мельчайшія струны...

Именно такого рода выдѣляющеюся изъ ряда вонъ чуткостью, переходящею какъ бы въ само реальное переживанье общественныхъ нравственныхъ золъ, обладаетъ одинъ изъ новыхъ, юныхъ писателей. Мы разумѣемъ Всеволода Гаршина. Онъ мучается, болѣетъ отъ общественныхъ недуговъ не въ думахъ, не въ мысляхъ только,—онъ испытываетъ реально, непосредственно, и нравственную, и физическую боль. Его чуткость, тонкое пониманіе психической стороны человѣка (составляющей главный предметъ его наблюденій и интереса), до реальной боли доходящая отзывчивость рѣзко отдѣляютъ его отъ другихъ писателей-художниковъ. Все, чѣмъ богата молодость—вѣра, любовь—самая искренняя, самая святая, неуспѣвшая еще окутаться обыденной пошлостью, стирающей все чистое и живое—все найдете у В. Гаршина, но найдете одновременно, почти рядомъ съ наводящимъ ужасъ и подкашивающимъ всякую энергію отчаяніемъ: авторъ видитъ «дно жизни...» *).

Всеволодъ Гаршинъ въ первый разъ «выступилъ съ своимъ разсказомъ «Четыре дня» въ *Отечественныхъ Запискахъ*, кажется, въ 1878 году. Въ настоящее время онъ издалъ маленькую книжку, которая содержитъ восемь маленькихъ разсказовъ. Всѣ они извѣстны публикѣ. Большинство было напечатано въ *Отечественныхъ Запискахъ*; послѣдніе два появились въ *Русскомъ Богатствѣ* и *Устояхъ*. Эти послѣдніе несравненно слабѣе первыхъ и носятъ тотъ аллегорическій характеръ, который со-

---

*) Рецензентъ *Отечественныхъ Записокъ* въ своей прекрасной замѣткѣ на книжку В. Гаршина совершенно вѣрно усматриваетъ въ авторѣ „Разсказовъ“ одновременное существованіе двухъ людей: одинъ—полный вѣры, жизни, энергіи, лучшихъ стремленій, другой—парализующій все это.

ставляетъ отличительную особенность литературы послѣдняго времени, потерявшей способность говорить прямо, безъ обиняковъ. Къ тому же и аллегорія въ нихъ какая-то смутная, трудно понимаемая, въ особенности въ послѣднемъ, который прозывается: «То, чего не было». Въ немъ передается разговоръ, происходящій въ одинъ жаркій іюньскій день въ саду на полянкѣ между муравьемъ (мужикъ), жукомъ (нѣчто въ родѣ чиновника), гнѣдымъ (люди не широко смотрящіе), улиткой (консерваторъ), кузнечикомъ (либералъ), ящерицей (люди «и насимъ и васимъ служащіе»), бабочкой (люди вѣрующіе) и мухой (люди, живущіе мамономъ)... Разговоръ неясный, отрывочный. Авторъ, надо думать, изображая этотъ сумбуръ, имѣлъ въ виду представить хаотическое положеніе современнаго общества.

Разсказъ «Attalea princeps», гдѣ аллегорія болѣе ясна и менѣе допускаетъ сомнѣній въ толкованіи, привела многихъ читателей въ полное недоумѣніе своимъ конечнымъ выводомъ. Здѣсь авторъ заставляетъ одну изъ пальмъ, растущую въ оранжереѣ, хотѣть свѣта, воздуха, свободы, яснаго неба, яркаго солнца... Attalea напрягаетъ всѣ силы, чтобы расти какъ можно выше, доростаетъ до потолка оранжереи, тужится, собирается съ силами--и выпираетъ потолокъ. Всѣ остальныя растенія ей не сочувствуютъ, исключая одной безсильной былинки, обвивающей эту же пальму. Но лишь только она выставила на воздухъ свою вершину, лишь только добилась, чего такъ страстно и долго хотѣла,—вѣтеръ и дождь сгубили ее, а хозяинъ оранжереи приказалъ срубить у корня вмѣстѣ съ былинкой и выбросить вонъ, а потомъ велѣлъ туда же выкинуть и корень.

И неужели не надо хотѣть и стремиться къ лучшему?—спрашиваетъ удивленный читатель, такъ какъ, кромѣ этого, отбивающаго всякую энергію, вывода изъ приведеннаго разсказа сдѣлать нельзя. Такой выводъ кажется ему диссонансомъ въ общей гармоніи мыслей и картинъ, съ которыми онъ встрѣчался въ болѣе раннихъ разсказахъ. Но это только такъ «кажется» и кажется потому, что нигдѣ такъ рѣшительно и отчаянно не вырывалось у автора мучительнаго крика «не стоитъ!».

Вопросы: «зачѣмъ?» и «куда?»—не переставали парализовать стремленія и порывы молодой жизни и въ предшествовавшихъ разсказахъ. Онъ искалъ отъ нихъ забвенья въ творчествѣ, въ искусствѣ, но и тутъ эти докучные, неотвязно-мучащіе душу, вопросы не даютъ покоя. Въ разсказѣ «Художники» авторъ прекрасно передалъ эту, гнетущую душу, тоску художника Рябинина.

Рябининъ до «боли» страдаетъ отъ чужаго горя. Чтобъ облегчить это горе, надо указать на него обществу,—указать такъ, чтобы общество почувствовало его, измучилось имъ. Для этого онъ обращается къ помощи искусства. Съ этою цѣлью онъ рисуетъ картину: «Глухарь» *).

*) Такъ называютъ на чугунно-литейныхъ заводахъ работниковъ, которые, сидя внутри котла, поддерживаютъ грудью заклепку, на которой снаружи молотомъ выбиваютъ шляпку.

«Вотъ онъ сидитъ передо мною въ темномъ углу котла, скорчившійся въ три погибели, одѣтый въ лохмотья, задыхающійся отъ усталости человѣкъ. Его совсѣмъ не было бы видно, еслибы не свѣтъ, проходящій сквозь круглыя дыры, просверленныя для заклепокъ. Кружки этого свѣта пестрятъ его одежду и лицо, свѣтятся золотыми пятнами на его лохмотьяхъ, на всклокоченной и закопченной бородѣ и волосахъ, на багровокрасномъ лицѣ, по которому струится потъ, смѣшанный съ грязью, на жилистыхъ надорванныхъ рукахъ и на измученной, широкой, впалой груди. Постоянно повторяющійся страшный ударъ обрушивается на котелъ и заставляетъ несчастнаго глухаря напрягать всѣ свои силы, чтобъ удержаться въ своей невѣроятной позѣ» (стр. 143).

Картина готова. Она производитъ сильное впечатлѣніе на художниковъ. Но ея творцу не этого надо. Ему нужно, чтобы то, что онъ создалъ изъ этого полотна, ужаснуло своимъ видомъ эту чистую, прилизанную, ненавистную толпу. «Прійди,—говоритъ онъ, взывая какъ бы къ «духу» въ Фаустѣ,—силою моей власти прикованный къ полотну, смотри съ него на эти фраки и трэны, крикни имъ: я—язва растущая! Ударь ихъ въ сердце, лиши ихъ сна, стань передъ ихъ глазами призракомъ! Убей ихъ спокойствіе, какъ ты убилъ мое...» (стр. 145).

Вотъ чего онъ хочетъ, чего требуетъ отъ искусства. И если оно не въ силахъ при всей своей силѣ сдѣлать человѣка лучше, то художникъ въ отчаяніи бросаетъ палитру, мольбертъ и бѣжитъ изъ своей мастерской въ сельскую школу. Тамъ хочетъ онъ научить понять, что тѣло дорого, что можно и должно не отдавать его на такія муки, на какія отдаетъ глухарь...

Но и тамъ всѣ его усилія оказываются безполезны и напрасны.

Художникъ до того изболѣлъ и истрадался, что даже его видѣнія представляютъ однѣ беконечныя адскія муки.

Еслибъ эти видѣнія не были писаны кровью и нервами, то рецензентъ могъ бы упиваться художественнымъ восторгомъ отъ набросанныхъ авторомъ картинъ. Но разсказы Гаршина—не плодъ обдуманнаго творчества по заранѣе составленному детальному плану, это—крикъ наболѣвшей души... Гаршинъ—это лирикъ въ прозѣ.

Пусть прочтетъ читатель слѣдующую картину видѣній Рябинина:

«Чудится мнѣ, что я опять на заводѣ, только не на томъ, гдѣ былъ съ Дѣдовымъ. Этотъ гораздо громаднѣе и мрачнѣе. Со всѣхъ сторонъ гигантскія печи чудной, невиданной формы. Снопами вылетаетъ изъ нихъ пламя и коптитъ крышу и стѣну зданія, уже давно черныя, какъ уголь. Машины качаются и визжатъ, и я едва прохожу между вертящимися колесами и бѣгущими и дрожащими ремнями; нигдѣ ни души. Гдѣ-то стукъ и грохотъ: тамъ-то идетъ работа. Тамъ неистовый крикъ и неистовые удары; мнѣ страшно идти туда, но меня подхватываетъ и несетъ, и удары все громче, и крики все страшнѣе. И вотъ все сливается въ ревъ, и я вижу...

«Вижу—страшное, бозобразное существо корчится на землѣ отъ ударовъ, сыплющихся на него со всѣхъ сторонъ. Цѣлая толпа бьетъ, кто чѣмъ попало. Тутъ всѣ мои знакомые съ остервенѣлыми лицами колотятъ молотами, ломами, палками, кулаками это существо, которому я не прибралъ названія. Я знаю, что это — все онъ же... Я кидаюсь впередъ, хочу крикнуть: «Перестаньте, за что!»—и вдругъ вижу блѣдное, искаженное, необыкновенно страшное лицо,—страшное потому, что это мое собственное лицо. Я вижу, какъ я самъ, другой я самъ, замахивается молотомъ, чтобы нанести неистовый ударъ... Тогда молотъ опустился на мой черепъ. Все исчезло; нѣкоторое время я сознавалъ еще мракъ, тишину, пустоту и неподвижность, а скоро и самъ исчезъ куда-то...» (стр. 151 и 152).

Здѣсь нѣтъ ни слова, ни звука по соображенію; это—крикъ, просящійся неудержимо наружу, крикъ больной, подавляющій душу. Этотъ искренній, неподдѣльный лиризмъ въ прозѣ, который звучитъ съ первой до послѣдней страницы въ разсказѣ «Художники», составляетъ оригинальную особенность этого автора. Послѣдняя чувствуется также, кромѣ психологическаго направленія его разсказовъ, и въ самой манерѣ писать кратко, лаконично, просто. Періодическая рѣчь встрѣчается рѣдко и то больше при сравненіяхъ цѣлыми картинами, какъ бы откуда-то вырванными эпизодами, напоминающими нѣсколько манеру Гоголя.

Вотъ одно изъ такихъ удачныхъ сравненій въ разсказѣ «Художники»:

«И вдругъ то необыкновенно хорошее, радостное и мирное, чего я не испытывалъ съ самаго дѣтства, нахлынуло на меня вмѣстѣ съ сознаніемъ, что я далекъ отъ смерти, что впереди еще цѣлая жизнь, которую я навѣрно съумѣю повернуть по-своему (о, навѣрно, съумѣю!), и я хотя съ трудомъ повернулся на бокъ, поджалъ ноги, поджалъ ладонь подъ голову и заснулъ точно такъ, какъ въ дѣтствѣ, когда бывало проснешься ночью, возлѣ спящей матери, когда въ окно стучитъ вѣтеръ, и въ трубѣ жалобно воетъ буря, и бревна дома стрѣляютъ, какъ изъ пистолета, отъ лютаго мороза, и начнешь тихонько плакать, и боясь и желая разбудить мать, и она проснется, сквозь сонъ поцѣлуетъ и перекреститъ, и успокоенный свертываешься калачикомъ и засыпаешь съ отрадой въ маленькой душѣ...» (стр. 155).

Надѣемся, что каждый, прочитавши хоть одинъ изъ слѣдующихъ «разсказовъ: «Четыре дня», «Происшествіе», «Трусъ», «Ночь», «Художники» (за исключеніемъ «Встрѣчи», которая производитъ впечатлѣніе нѣчто шаблоннаго, фельетоннаго, обличительнаго), согласится, что В. Гаршинъ—писатель весьма симпатичный. Его разсказы тотчасъ при своемъ появленіи обратили на себя вниманіе и внушили къ автору ту дорогую симпатію, которая существуетъ теперь между немногими писателями и публикой. Всеволодъ Крестовскій (псевдонимъ), годъ или два тому назадъ, сказалъ теплое и вѣрное слово объ этомъ молодомъ талантѣ, вѣрно выразилъ

симпатію и чувства публики къ Всеволоду Гаршину, несомнѣнно обладающему «искрой Божіей» и «собственнымъ голосомъ».

Е. Н.

Баллады Шиллера. Опытъ объясненія. *Г. Цвѣтаева.* Воронежъ. 1882 года.

Въ предисловіи къ этой книгѣ авторъ говоритъ, что «Шиллеръ принадлежитъ къ тому немногочисленному кругу поэтовъ-художниковъ, чье положеніе не смогли поколебать у насъ ни стремленіе къ реализму, ни взмахи противо-эстетической критики, особенно сильные въ шестидесятыхъ годахъ». Полное собраніе сочиненій Шиллера на русскомъ языкѣ вышло уже пятымъ изданіемъ, и такимъ образомъ значеніе поэзіи Шиллера для русскаго общества не только не умаляется, но возрастаетъ въ значительной степени.

Естественно поэтому, что сочиненіе г. Цвѣтаева имѣетъ большой интересъ. *Изученіе* нѣмецкаго поэта у насъ только начинается, и передъ такими истинно-поэтическими твореніями,—говоритъ авторъ,—какъ творенія Шиллера, невольно смолкаютъ эгоистическія стремленія, слабѣютъ тенденціи, зависть партій и сами собой возникаютъ эстетическіе вопросы. «Если желаемъ,—справедливо замѣчаетъ г. Цвѣтаевъ,—имѣть своихъ учениковъ хоть сколько-нибудь *зрѣлыми*, необходимо натолкнуть ихъ на возможно большее количество вопросовъ, дать имъ осязательно почувствовать, что въ умственной сокровищницѣ различныхъ вѣковъ и народовъ много такого, что стóитъ знать, къ пріобрѣтенію чего должно стремиться каждому, кто намѣренъ принять участіе въ умственной дѣятельности народа; каждому хоть сколько-нибудь интеллигентному человѣку необходимо знать важнѣйшія явленія отечественной и отчасти иностранной литературы». Эти истины, вновь подвергаемыя въ наше время отрицанію, небезполезно повторять, и особенно пріятно слышать ихъ отъ педагога по профессіи,—въ этомъ отношеніи русское общество не избаловано.

Въ книгѣ г. Цвѣтаева (она составляетъ начало его трудовъ) помѣщены объясненія слѣдующихъ балладъ: *Кубокъ, Перчатка, Поликратовъ перстень, Ивиковы журавли.* Это сочиненіе можетъ принести не малую пользу, и мы обращаемъ на него вниманіе читателей, вполнѣ раздѣляя слѣдующій взглядъ г. Цвѣтаева: «Подобно тому, какъ лицу, чтобы сдѣлаться дѣйствительно прекраснымъ, недостаточно однѣхъ прекрасныхъ чертъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и это главнымъ образомъ, необходимо выраженіе, просвѣчивающаяся въ глазахъ мысль,—безсмысленное лицо не имѣетъ никакой прелести,—въ красивомъ лицѣ всегда прежде ищемъ прекрасной души; такъ точно и въ поэтическихъ произведеніяхъ ихъ форма необходимо должна насквозь проникаться идеей, просвѣтляться съ красотой. Степень и прочность очаровательности поэтическихъ произведеній всегда связываются съ качествомъ одушевляющей ихъ идеи».

В. Г.

Иностранная библіографія.

Исторія реставраціи. *Эрнеста Додэ* (**Histoire de la restauration 1814—1830** *Ernest Daudet*. Paris. 1882).

Поучительное время возстановленія Бурбоновъ на французскомъ престолѣ уже подвергалось изслѣдованіямъ писателей различныхъ направленій, отъ реакціоннаго до революціоннаго. Эрнестъ Додэ, братъ знаменитаго романиста, задумалъ написать безпристрастную исторію этой эпохи, достаточно полную для того, чтобы получить вѣрное понятіе о ходѣ событій съ 1814 года до іюльской революціи.

Восторгъ, съ которымъ роялисты встрѣчали иностранныя войска, побѣдившія Наполеона, свидѣтельствовалъ бы о паденіи патріотизма,—говоритъ Эрнестъ Доде, — еслибы страна не была подавлена несчастіями, навлеченными на нее неукротимымъ честолюбіемъ императора, еслибы Франція не была истомлена деспотизмомъ. Во всякомъ случаѣ невѣрно то, что Бурбоны были вновь посажены на тронъ иностранцами. Населеніе желало прекращенія войнъ, свободы и благосостоянія, и ждало всего этого отъ возстановленія древней династіи, которую долженъ былъ умудрить ужасающій историческій опытъ. Императоръ Александръ I, первоначально относившійся неблагосклонно къ мысли о реставраціи Бурбоновъ, употребилъ свое могущественное вліяніе на то, чтобы возвращеніе это сопровождалось конституціей, обезпечивавшей націи подобающую долю участія въ законодательствѣ и управленіи.

Сенатъ, руководимый Талейраномъ, предложилъ графу д'Артуа, впослѣдствіи Карлу X, условія, на которыхъ должна быть возстановлена королевская власть его старшаго брата. На эти условія пришлось по-неволѣ согласиться, съ оговорками. Сенатъ требовалъ двухъ палатъ, голосованія въ нихъ податей, свободы печати и совѣсти, несмѣняемости судей и т. п. Людовикъ XVIII подписалъ декларацію, въ которой, не признавая права сената обязывать его къ изданію конституціи, торжественно принималъ упомянутыя выше основанія будущаго государственнаго устройства Франціи.

Въ составъ перваго министерства реставраціи вошли: Талейранъ, Монтескью, Малуэ, Дамбрэ, баронъ Луи, генералъ Дюпонъ, Витролль, Блакасъ. Но возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы, знаменитые *сто дней* прервали въ самомъ началѣ правильную работу палатъ и правительства. Наполеонъ однако высказался за сохраненіе и развитіе конституціи. Онъ призвалъ къ управленію страной Карно и знаменитаго либеральнаго публициста Бенжамена Констана. Но Россія, Австрія, Англія и Пруссія не захотѣли допустить вторичнаго царствованія Наполеона I, и ватерлооская битва рѣшила судьбу побѣдителя подъ Аустерлицемъ и Фридландомъ.

На Францію легло новое униженіе, новое бремя: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, разоренная и измученная страна должна была содержать на своей территоріи побѣдоносныя иностранныя войска. Страсти были возбуждены, ненависть партій достигла страшной силы. Крайняя роялистская группа депутатовъ требовала обширныхъ измѣненій въ составѣ администраціи и чуть ли не полнаго возвращенія къ дореволюціоннымъ порядкамъ. Но слышались и голоса благоразумія и справедливости. Въ палатѣ депутатовъ де-Серръ предостерегалъ отъ ослѣпленія ненавистью, отъ поощренія политическихъ доносовъ. «Берегитесь,—восклицалъ онъ,—все колеблется, все парализуется въ странѣ, и доносъ — ужасающая язва—начинаетъ разъѣдать Францію, искажать національный характеръ» (стр. 143). Къ счастію, Людовикъ XVIII не былъ расположенъ нарушать торжественно даннаго слова и уступать сторонникамъ крайней реакціи. Но система представительства, основанная на имущественномъ цензѣ, совершенно отстраняя отъ управленія страной громадное большинство населенія, лишала палату надлежащей устойчивости и авторитета, такъ какъ она являлась въ дѣйствительности представительницею только высшихъ классовъ французскаго народа.

При такихъ условіяхъ придворныя интриги, личные разсчеты и оскорбленное тщеславіе могли играть—и на самомъ дѣлѣ играли—очень большую роль во время реставраціи. Но благодѣтельное вліяніе далеко неполнаго признанія нѣкоторыхъ изъ главныхъ принциповъ разумнаго государственнаго устройства уже давало себя чувствовать. Страна начала богатѣть и освободилась ранѣе срока отъ присутствія иностранныхъ войскъ, выплативши огромную контрибуцію. Вдругъ, въ февралѣ 1820 года, герцогъ Беррійскій падаетъ подъ кинжаломъ Лувеля. Убійство это произвело страшное впечатлѣніе и вызвало отставку либеральнаго министерства Деказа. Не въ первый разъ,— говоритъ Додэ,—и не въ послѣдній, отдѣльное преступленіе вызывало общія реакціонныя мѣры (стр. 213). Однимъ закономъ отмѣнялась личная свобода французскаго гражданина и предписывались чрезвычайныя мѣры для охраны короля и его семейства; другимъ — любимѣйшая мѣра реакціонеровъ — газеты подвергались на пять лѣтъ предварительной цензурѣ. Чтобы поддержать это направленіе

внутренней политики, не остановились передъ гнуснымъ средствомъ: короля познакомили съ красивою и ловкою женщиной, которая пріобрѣла большое вліяніе на Людовика XVIII, служа реакціоннымъ стремленіямъ (madame de Cayla). Эта фаворитка существеннымъ образомъ отличалась отъ своихъ предшественницъ, но Эрнестъ Додэ приводитъ свѣдѣнія о ней въ доказательство старой и до сихъ поръ еще справедливой мысли о томъ, что ничтожныя, повидимому, явленія могутъ производить важные результаты. Само собою разумѣется, что для этого необходимы нѣкоторыя условія общественной жизни и строя.

Но реакціонеры все выше и выше подымали свои требованія и добились паденія весьма умѣреннаго министерства Ришелье, котораго замѣнилъ Виллель. Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалось и вліяніе клерикаловъ, стремившихся забрать въ свои руки низшія, среднія и высшія учебныя заведенія Франціи.

16 сентябри 1824 года Людовикъ XVIII скончался. Карлъ X просилъ Виллеля остаться во главѣ министерства. Недовольство реакціонными мѣрами правительства усиливалось въ странѣ, которая покрывалась развѣтвленіями политическихъ тайныхъ обществъ. Реакціонеры старались напугать короля, отождествляя оппозицію стѣснительнымъ для общества мѣрамъ правительства съ борьбой противъ монархической власти. Однако результаты новыхъ выборовъ въ палату депутатовъ побуждаютъ Карла X дать отставку Виллелю и поручить составленіе новаго кабинета Мартиньяку, человѣку либеральнаго образа мыслей. Но король не любилъ парламентскаго правленія. Придворныя интриги поэтому скоро ниспровергли министерство Мартиньяка, а реакціонныя мѣры смѣнившаго его министерства, съ Полиньякомъ во главѣ, повели къ іюльской революціи, къ изгнанію Карла X и воцаренію Людовика-Филиппа. Карлъ палъ жертвой заблужденія, въ которое его ввели, утверждая, что общество не нуждается въ либеральныхъ преобразованіяхъ и не желаетъ ихъ *).

Эрнестъ Додэ указываетъ на заслуги реставраціи, во время которой униженная и разоренная Франція оправилась отъ печальныхъ послѣдствій наполеоновскихъ войнъ и заняла подобающее ей мѣсто среди европейскихъ державъ. Разцвѣтъ умственной и общественной жизни повелъ бы къ самымъ благодѣтельнымъ результатамъ, еслибы реакціонная политика не сѣяла недовѣрія и озлобленія, которыя чувствовались долгое время спустя послѣ паденія Карла X.

---

*) Наканунѣ революціи палата депутатовъ обратилась къ королю съ декларaціей, направленною противъ министерства. Палата указывала на то недовѣріе правительства къ обществу, которое сквозило въ каждомъ актѣ административной власти, и добавляла: „Это недовѣріе не приблизится къ вашему благородному сердцу. Нѣтъ, государь, Франція не хочетъ анархіи, какъ вы не желаете деспотизма“.

Книга Додэ не отличается выдающимися достоинствами, но съ интересомъ и пользою можетъ быть прочтена каждымъ, кто захочетъ познакомиться, не особенно подробно, съ событіями французской исторіи отъ 1814 до 1830 года.

О роли государства въ хозяйственномъ строѣ. *Эдмунда Виллея* (**Du rôle de l'état dans l'ordre économique.** *Edmond Villey*. Paris. 1882).

Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ увѣнчала названное сочиненіе профессора политической экономіи юридическаго факультета въ Канѣ, Эдмунда Виллей, преміей графа Росси. Эту награду раздѣлилъ съ нимъ профессоръ факультета въ Э, г. Журданъ.

У насъ принято относиться свысока къ преміямъ, которыя раздаются французскимъ институтомъ. Думаютъ нерѣдко, что награду получаетъ не сочиненіе, отмѣченное печатью высокаго ума и дарованія, а сочиненіе, *духъ котораго* отличается приличною умѣренностью. Нельзя отрицать, что очень смѣлыя теоріи не встрѣтятъ одобренія отъ французскихъ академиковъ; но за то и награды выдаются ими за дѣйствительныя заслуги, за серьозные труды.

Разборъ книги Виллея былъ порученъ извѣстному экономисту, Эмилю Лавассёру, который въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросахъ возражаетъ противъ положеній автора.

Виллей является горячимъ защитникомъ личной свободы, безъ которой не можетъ быть и свободы политической. Онъ опровергаетъ парадоксальныя мысли защитника централизаціи, Дюпонъ-Уайта, и видитъ въ личной свободѣ основное условіе историческаго развитія. Авторъ не изъявляетъ притязанія вывесть алгебраическую формулу, которая могла бы прилагаться ко всѣмъ народамъ безразлично. Различныя ступени цивилизаціи обусловливаютъ различія въ отношеніяхъ между государствомъ и личностью и не говорятъ, что одинаковыя правила управляютъ общественною жизнью французовъ, русскихъ и китайцевъ.

Изслѣдованію экономической роли государства у Виллея предшествуетъ философское введеніе—о личности и государствѣ.

Авторъ находитъ въ человѣкѣ два существенныхъ свойства: свободу и общественность (par nature, l'homme est libre et sociable). Первая неразлучна съ равенствомъ, правильнѣе—равенство и свобода суть два названія одного и того же предмета. Поэтому свобода и самоуправленіе (автономія)—правило, подчиненность и авторитетъ—исключенія.

Что такое государство?—спрашиваетъ Виллей.—Абстракція, форма, способъ существованія (une manière d'être). Въ этомъ—источникъ *обязанностей* государства, но не *правъ* его. Однако черезъ страницу авторъ признаетъ, что изъ обязанностей государства, изъ его назначенія рождается право, которое должно различать отъ совокупности индивидуальныхъ правъ.

Государство имѣетъ право самосохраненія и развитія, иногда въ ущербъ настоящему поколѣнію. Вслѣдствіе этого не должно смѣшивать никогда государство съ правительствомъ.

Виллей возстаетъ и противъ теоріи всеобщаго благополучія, по которой государство должно вмѣшиваться повсюду, и противъ теоріи крайняго индивидуализма, которая требуетъ отъ власти только охраненія права, *административнаго нигилизма,* по выраженію одного англійскаго писателя. Но,—прибавляетъ авторъ, — еслибъ ему пришлось выбирать лишь между этими двумя теоріями, онъ высказался бы за послѣднюю.

Въ свободной странѣ необходимо признать, какъ общее правило, что люди, стоящіе у власти, будутъ выше средняго уровня людей всего общества. Отсюда вытекаетъ возможность для государства содѣйствовать развитію цивилизаціи, имѣя въ виду *общіе интересы* гражданъ, что требуется справедливостью.

Въ экономическомъ отношеніи государство либо дѣйствуетъ, либо побуждаетъ, либо устанавливаетъ правила. Во всякомъ случаѣ должно быть доказано, что государственное вмѣшательство, въ той или другой изъ указанныхъ формъ, необходимо, что этого требуютъ интересы общежитія. Это приводитъ Виллея къ анализу *необходимыхъ*, *естественныхъ* и случайныхъ аттрибутовъ государства. Къ числу первыхъ относятся такія обязанности государства, имѣющія цѣлью достиженіе общаго блага, которыя не могутъ быть переданы на произволъ отдѣльныхъ лицъ. Сюда принадлежатъ внѣшняя и внутренняя безопасность государства, судъ, пути сообщенія *), денежное обращеніе, *общественная поддержка нуждающимся* (assistance publique) и *общественное образованіе*, и т. д. Остановимся на двухъ послѣднихъ.

Въ исторіи мы не найдемъ государства, достойнаго этого имени, которое не оказывало бы помощи слабымъ и больнымъ, которое не имѣло бы благотворительныхъ учрежденій. Конечно, частная благотворительность имѣетъ за себя много преимуществъ, въ особенности когда ея сила въ стократъ увеличивается ассоціаціею. Но полагаться на нее исключительно невозможно, потому что помощь бѣдняку и страдающему должна быть оказана навѣрное, а обезпечить такую помощь можетъ только государство.

Въ дѣлѣ народнаго образованія, по мнѣнію Виллея, государство *обязано* содѣйствовать распространенію просвѣщенія. Но законъ былъ бы тираннческимъ, еслибъ онъ распространялъ обязательность обученія свыше опредѣленнаго minimum'а, то-есть начальнаго образованія. Виллей возстаетъ противъ безплатности этого образованія, предлагая давать его даромъ только бѣднымъ дѣтямъ. Извѣстно, что Поль Бертъ, во имя равенства, требовалъ противоположнаго рѣшенія. Виллей высказывается за полную свободу средняго и высшаго образованія.

*) Обыкновенныя дороги: шоссе и т. п. Каналы, по мнѣнію Виллея, могутъ быть дѣломъ частнаго предпріятія, такъ какъ они служатъ не всему населенію.

Виллей высказывается также и противъ безусловной свободы банковъ и горячо осуждаетъ злоупотребленіе выпускомъ бумажныхъ денегъ. «Tout papier-monnaie est une orgie du despotisme ou délire» (слова Мирабо).

Подъ *естественными* аттрибутами государства авторъ разумѣетъ такія дѣйствія, которыя могутъ быть, при обыкновенныхъ условіяхъ, дѣломъ частнаго почина, но по обстоятельствамъ времени, при данномъ состояніи цивилизаціи, не будутъ произведены, безъ помощи государства, съ достаточною полнотою и удовлетворительностью. Сюда относятся: порты, каналы, желѣзныя дороги, страхованіе.

Вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ отличается сложностью,—говоритъ Виллей.—Необходимо подвергнуть отдѣльному разсмотрѣнію постройку желѣзныхъ дорогъ, ихъ эксплуатацію и желѣзно-дорожный тарифъ.

Въ Европѣ въ настоящее время 140.000 километровъ рельсовыхъ путей, изъ которыхъ только 1/6 эксплоатируется государствомъ (въ Бельгіи—2.300 кил., въ Германіи—17.000, въ Австро-Венгріи—2.274, и т. д.). Виллей высказывается противъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ и приводитъ цифры въ доказательство того, что повсюду, за исключеніемъ Швейцаріи, желѣзныя дороги въ рукахъ частныхъ обществъ приносятъ болѣе дохода, чѣмъ въ рукахъ правительства. Старый аргументъ, относительной важности котораго не отрицаетъ и сторонникъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, но далеко не уравнивающій доводовъ въ пользу противоположнаго мнѣнія *).

Виллей не хочетъ обезоруживать государство къ дѣлѣ регулированія желѣзнодорожнаго тарифа и допускаетъ необходимость, въ извѣстныхъ случаяхъ, постройки рельсовыхъ путей государствомъ. Что касается до страхованія, то заботливость французскаго экономиста о свободѣ личности достигаетъ въ этомъ отношеніи необычайной силы. Какъ,—восклицаетъ онъ,—установить обязательное страхованіе? «Предусмотрительность есть добродѣтель; можетъ ли добродѣтель быть предписана закономъ»? Это наивное соображеніе не имѣетъ, конечно, серьезнаго значенія, если даже и согласиться съ Виллеемъ, что предусмотрительность есть добродѣтель (vertu). Безъ обязательнаго страхованія часто бываетъ совершенною невозможностью правильно поставить дѣло, и пришлось бы *добродѣтель* однихъ принести въ жертву порочности другихъ. Самъ Виллей говоритъ, что государство должно просвѣщать общество относительно великаго значенія учрежденій страхованія и сбереженія, оказывать особыя льготы ассоціаціямъ съ подобною цѣлью и даже само учреждать, напримѣръ, сберегательныя кассы при почтовыхъ отдѣленіяхъ.

Въ послѣдней части своего труда Виллей разсуждаетъ о вліяніи цивилизаціи на роль государства въ экономическомъ строѣ. Цивилизація,

---

*) Въ Голландіи желѣзныя дороги, принадлежащія государству, эксплуатируются частными обществами, которыя изготовляютъ весь подвижной составъ.

по мнѣнію французскаго писателя, непрестанно развиваетъ духъ общенія, все болѣе и болѣе усиливаетъ число и значеніе ассоціацій. Государство нисколько не теряетъ отъ этого хода развитія человѣчества, потому что хотя сфера его дѣятельности съуживается, за то благодѣтельное значеніе необходимыхъ аттрибутовъ государственной власти постоянно возрастаетъ. Государство,—говоритъ Виллей,—и ни зло, и ни добро: это—ребяческія опредѣленія. Государство есть организмъ націи, полный ея совокупною силою, которая необходима для удовлетворенія общественныхъ потребностей и можетъ быть полезна во многихъ случаяхъ, когда не хватаетъ личной иниціативы (стр. 470). Мы такимъ образомъ далеки отъ опредѣленія, первоначально даннаго авторомъ, гдѣ государство было отвлеченіемъ, формою, manière d'être. Все, что составляетъ общій интересъ и въ то же время не можетъ быть съ достаточною удовлетворительностью и съ несомнѣнною достовѣрностью сдѣлано отдѣльномъ лицомъ или частными обществами, все это составляетъ существенную обязанность государства.

Книга Виллея прочтется не безъ пользы людьми, которыхъ занимаетъ одинъ изъ величайшихъ вопросовъ нашего времени—вопросъ объ отношеніи между государствомъ и личностю. Лавассёръ, въ разборѣ этой книги, дѣлаетъ слѣдующее признаніе, знаменательное въ устахъ одного изъ главнѣйшихъ современныхъ представителей экономической науки во Франціи: первое благодѣяніе, которое оказываетъ современное государство, заключается въ обезпеченіи личной свободы; второе—въ удовлетвореніи общественныхъ нуждъ, которыя не по силамъ частнымъ лицамъ и ассоціаціямъ *и число которыхъ увеличивается съ матеріальнымъ и духовнымъ развитіемъ общества.*

Исторія пролетаріата древняго и современнаго. *Виллара* (**Histoire du prolétariat ancien et moderne.** *Villard.* Paris. 1882.)

Авторъ этого сочиненія поставилъ себѣ цѣлью прослѣдить историческія судьбы рабочихъ, рабовъ, крѣпостныхъ и наемныхъ.

Современный пролетаріатъ, напоминая своимъ названіемъ,—но только названіемъ,—римскій пролетаріатъ, составляетъ новую и высшую ступень развитія, которую занялъ европейскій рабочій. Французская революція унесла всѣ феодальныя льготы, окончательно освободила и нравственно возвысила трудъ—и умственный, и физическій. Пролетарій въ наши дни является труженикомъ, существованіе котораго не обезпечено капиталомъ или какимъ-либо опредѣленнымъ общественнымъ положеніемъ.

Въ первой части своего труда Билляръ говоритъ о землѣ, о первобытномъ человѣкѣ, о семьѣ и племени въ доисторическую эпоху. Въ бѣглыхъ очеркахъ этихъ нѣтъ, конечно, ничего важнаго и новаго. Затѣмъ авторъ переходитъ къ азіятскимъ народамъ, къ Греціи, Риму, среднимъ вѣкамъ. Здѣсь собрано Билляромъ довольно много интереснаго матеріала,—

интереснаго не для историковъ, разумѣется, а для людей незнакомыхъ подробно съ развитіемъ рабства, колоната, крѣпостнаго права. Для русскаго читателя имѣютъ болѣе живое значеніе послѣднія части сочиненія Виллара, посвященныя современному пролетаріату.

Французская революція,—говоритъ авторъ,—заставила массу невѣжественнаго населенія перейти сразу отъ вѣковаго подневольнаго состоянія къ полной свободѣ. Естественно, что этотъ быстрый переходъ сопровождался и многими неблагопріятными результатами. Нашлись люди, которые стремились къ тому, какъ Талліенъ, напримѣръ, чтобы «возмутить нищету противъ роскоши». Но насилія и жестокости, бывшія прямымъ послѣдствіемъ долгаго рабства и невѣжества, скоро прекратились. Положеніе французскихъ крестьянъ послѣ революціи улучшилось во всѣхъ отношеніяхъ. Не то было въ городахъ, гдѣ увеличивался бездомный и безпомощный пролетаріатъ. Республиканское правительство хорошо понимало, какъ страна нуждается въ просвѣщеніи, въ поддержкѣ оставшихся безъ работы, въ содѣйствіи къ упорядоченію экономическихъ отношеній. Но войны, возстанія, всеобщая смута не давали возможности перейти къ осуществленію справедливыхъ задачъ правительственной власти, а сумасбродныя попытки насильственнаго введенія въ жизнь французскаго общества придуманныхъ системъ не могли принести никакой пользы бѣдствовавшей части населенія.

Возникла реакція, стала быстро расти деспотическая власть Наполеона. Съ воцареніемъ Бурбоновъ для Франціи наступило относительное спокойствіе. Общественные вопросы подвергаются въ это время горячему обсужденію; идеи экономистовъ школы Ж. Б. Сэ сталкиваются съ идеями соціалистовъ и коммунистовъ. Законодательство дѣлаетъ нѣсколько робкихъ шаговъ въ сторону удовлетворенія существенныхъ потребностей рабочаго населенія. Это вызываетъ протесты во имя свободы. Противодѣйствіе встрѣчаетъ стремленіе палаты депутатовъ, въ 1840 году, регулировать работу малолѣтнихъ на фабрикахъ. Всякія стачки рабочихъ строго преслѣдовались, и это вело только къ озлобленію, къ насиліямъ. Ошибки правительства, тяжелое положеніе рабочихъ и усиленная агитація между ними привели сначала къ февральской революціи, потомъ къ долгому царствованію Наполеона III, съ блескомъ военной славы въ первый его періодъ и съ позорнымъ пораженіемъ въ концѣ, съ развратомъ и хищничествомъ, которые принесли неисчислимый вредъ французскому обществу, печальныя послѣдствія которыхъ сказываются и до настоящаго времени.

Вилляръ за историческимъ очеркомъ движенія законодательства о рабочихъ во Франціи приступаетъ къ изложенію ученій соціалистовъ и коммунистовъ, начиная съ Ликурга и Платона и кончая Луи Бланомъ и Прудономъ. Ученія эти извѣстны, конечно, образованному русскому читателю.

Вилляръ заявляетъ себя сторонникомъ экономическихъ теорій Ж. Б. Сэ и его послѣдователей.

Современный пролетаріатъ не удовлетворяется этими теоріями. Среди рабочихъ образовались общества, изъ которыхъ одни стремятся къ насильственному ниспроверженію существующаго строя, другіе ищутъ выхода въ постепенныхъ преобразованіяхъ. Вилляръ сообщаетъ нѣкоторыя подробности о международномъ обществѣ рабочихъ, о конгрессахъ, на которые съѣзжались въ разное время представители пролетаріата и друзья рабочаго класса *).

Вилляръ упоминаетъ о такъ-называемомъ *катедеръ-соціализмѣ* Германіи, о стремленіяхъ князя Бисмарка и архіепископа (покойнаго) Кеттлера, и т. д. Во Франціи однимъ изъ виднѣйшихъ представителей *христіанскаго соціализма* является депутатъ de-Mun.

Симпатія Вилляра на сторонѣ разнообразныхъ ассоціацій, имѣющихъ цѣлью сбереженіе, кредитъ, взаимную помощь, производство. Онъ даетъ историческій очеркъ развитія ассоціацій съ отдаленныхъ временъ и, наконецъ, приступаетъ къ изложенію своихъ взглядовъ на вопросъ, волнующій современное человѣчество. Для Вилляра вполнѣ ясно и достовѣрно, что соціальный вопросъ, такъ озабочивающій умы, разрѣшается ежедневно, самъ собою, единственно содѣйствіемъ времени, сбереженнаго капитала, распространенія образованности, благотворительности, свободы (стр. 692). Это необыкновенно идиллическое разрѣшеніе задачи, стоившей столькихъ мукъ человѣчеству, можетъ повергнуть въ недоумѣніе каждаго читателя, уклонившагося отъ кандидовскаго міровоззрѣнія, по которому все прекрасно въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Въ концѣ всѣхъ благодѣтельныхъ результатовъ дѣйствія времени должны явиться,—говоритъ Вилляръ,—производительныя товарищества, когда рабочій, сильный своими сбереженіями, своею опытностью, сочтетъ моментъ удобнымъ для успѣха подобнаго предпріятія. Французскій экономистъ спѣшитъ прибавить: тому, кто захочетъ пойти по этому пути, надо имѣть мѣдное сердце (un coeur d'airain), неустанный трудъ и, въ особенности, постоянную бережливость. Эти совѣты, конечно, вызвали бы улыбку, еслибы не вызывали раздраженія, ибо о глубокихъ и скорбныхъ вопросахъ нельзя говорить съ мѣднымъ сердцемъ. Въ жизненной борьбѣ,—кончаетъ свою книгу Вилляръ,—торжествуютъ добрые и мужественные, другіе остаются позади, третьи падаютъ и заслу-

*) Вилляръ говоритъ про интернаціональное общество: „La France, l'Angleterre, la Russie, l'Allemagne, etc, en sont également imprégnés à des dagrés divers. Mais tandis que dans les pays libres le socialisme publie des journaux et organise publiquement des congrès et des banquets sans troubler la tranquilité publique, partout ailleurs, où on le persécute, il a recours à la conspiration, au poignard et à la dynamite“ (стр. 533).

живаютъ поддержки. Большая часть послѣднихъ не подымется: таковъ законъ природы и человѣчества (!),—нечего поэтому и проклинать это явленіе.

А между тѣмъ человѣчество будетъ проклинать этотъ *законъ природы*, вѣчно будетъ бороться съ нимъ, во имя справедливости, любовью и знаніемъ. Напрасно Вилляръ старается увѣрить насъ, что въ борьбѣ за существованіе всегда побѣждаютъ лучшіе: мы знаемъ, что, когда нѣтъ великаго Патрокла, живъ презрительный Терситъ.

Размышленія о законѣ прогресса.—Моральная статика и религіозная истина. *Дюсэрта* **(Méditations sur la loi du progrès.—La statique morale et la vérité religieuse.** *Colonel E. Dusaert.* Paris. 1882.)

Полковникъ Дюсэртъ говоритъ въ предисловіи, что его привлекаетъ серьезное изученіе вопросовъ, интересующихъ человѣчество. Онъ не останавливается передъ трудностями этого изученія и любитъ истину, какъ любятъ солнце. Поэтому, года четыре или пять тому назадъ,—авторъ не можетъ этого точно опредѣлить, — онъ задумалъ большое сочиненіе и увѣренъ, что многіе важные вопросы получатъ въ новомъ трудѣ болѣе правильное освѣщеніе, чѣмъ до настоящаго времени. Полковникъ говоритъ, что его особенно безпокоило то обстоятельство, что современныя религіи совсѣмъ не занимаются участью животныхъ, судьба которыхъ предусмотрѣна однако древними религіями и, между прочимъ, въ договорѣ Ноя (dans le pacte d'alliance, conclu par Dieu avec Noé). Этотъ важный пробѣлъ, по мнѣнію Дюсэрта, необходимо пополнить.

Но сочиненіе принимало огромные размѣры, и авторъ рѣшился представить на судъ читающей публики покуда только сжатое изложеніе основныхъ выводовъ своего труда, угрожая напечатаніемъ *полудюжины томовъ* въ недалекомъ будущемъ.

Въ изученіе истинъ исторіи, религіи, философіи и науки,—заявляетъ Дюсэртъ,—слѣдуетъ ввести новые элементы, и поэтому *онъ освобождаетъ себя отъ заботы слѣдовать избитыми тропинками этнологовъ, философовъ, богослововъ и ученыхъ* (какъ будто этнологи—не ученые). Естественно, что, освобождаясь отъ заботъ подобнаго рода, Дюсэртъ пріобрѣтаетъ быстроту движеній по-истинѣ удивительную.

Полковникъ сознается, что ему плохо удается слѣдовать примѣру Тацита и включать большое содержаніе въ малое число словъ (multa paucis). Дюсэртъ, подобно многимъ писателямъ, говоритъ немногое въ пространномъ изложеніи (pauca multis). «Моею цѣлью было,—замѣчаетъ онъ,—выразить мои чувства и бросить истинный свѣтъ на важные вопросы, волнующіе и раздѣляющіе мыслящее человѣчество». Полковникъ Дюсэртъ,—

отмѣтимъ мимоходомъ,—не признаетъ существованія православной греко-россійской церкви: главныя современныя религіи—по его счету—католическая, протестантская, еврейская и магометанская. Разсужденія въ exposé авторъ заканчиваетъ ссылкою на прежнее свое сочиненіе, въ которомъ онъ предлагалъ существенныя измѣненія въ устройствѣ пѣхоты и конницы. Военная выправка сказывается и въ терминологіи автора, называющаго основателей различныхъ религій божественными инструкторами (Dieu a dû pourvoir à l'éducation morale et religieuse des hommes et, à cet effet, choisir des instructeurs et les inspirer de son ésprit).

Дюсэртъ нашелъ вѣрный способъ согласованія утвержденій вѣры съ требованіями разума: надо отвергать все, что явно возмущаетъ этотъ разумъ, и признавать все то, что приводитъ въ удивленіе или непонятно. Еслибъ это было вѣрнымъ положеніемъ, то авторъ «Размышленій о законѣ прогресса» имѣлъ бы полную возможность сдѣлаться основателемъ новой религіи.

Въ первой главѣ Дюсэртъ говоритъ о доказательствахъ бытія божія, о человѣкѣ, его судьбѣ и способностяхъ. Благодаря тому, что авторъ пренебрегъ тропинками, съ великими усиліями проложенными длиннымъ рядомъ ученыхъ мыслителей, и скользитъ по философскимъ системамъ и научнымъ даннымъ, разсужденія его не представляютъ никакого интереса и читаются не безъ труда, такъ какъ безполезность этого чтенія очевидна съ самаго начала. Дюсэртъ съ особенною подробностію останавливается на брошюрѣ аббата Брассёра, о древнѣйшемъ племени міра, имѣвшемъ одну изъ древнѣйшихъ, если не самую древнюю, религію,— объ американскихъ *карахъ* (cares) *).

Глава вторая «Размышленій» полковника Дюсэрта посвящена разбору Библіи и истинамъ еврейской и христіанской религій. Авторъ при этомъ приходитъ къ заключенію, что въ высокой степени плодотворна дѣятельность свободныхъ мыслителей, которая разрушаетъ массу суевѣрій и предразсудковъ. Повсюду, и въ наукѣ, и въ морали, существуетъ постепенное развитіе, повинующееся благодѣтельному закону. Прогрессъ, въ особенности нравственный, не непрерывенъ и правиленъ, какъ склонны это думать. Часто добро рождается,— печально сказать,— отъ избытка зла, отъ его чрезмѣрной продолжительности. Въ физическомъ отношеніи (ordre matériel ou physique) человѣчество все болѣе и болѣе слабѣетъ (L'espèce humaine est en progression décroissante, relativement à la force de sa constitution physique). Дюсэртъ не считаетъ нужнымъ приводить доказательства въ защиту этого мнѣнія. Въ умственномъ отношеніи индиви-

*) Брошюра носитъ оригинальное заглавіе: „Существуютъ ли источники первобытной мексиканской исторіи въ египетскихъ памятникахъ и первобытной исторіи Стараго Свѣта въ американскихъ памятникахъ“.

дуальныя способности понижаются, но средній уровень массы увеличивается. Пониженіе умственныхъ качествъ личности обусловливается, по мнѣнію Дюсэрта, относительнымъ уменьшеніемъ физической силы. Средній уровень всего народа повышается потому, что достояніемъ массы становятся всѣ истины, открытія и изобрѣтенія, достигнутыя усиліями отдѣльныхъ лицъ. Въ нравственномъ отношеніи,—утверждаетъ авторъ «Размышленій»,—добро и зло, единовременно существующія въ мірѣ, полезны для развитія человѣчества. Зло даже, въ извѣстныхъ случаяхъ, способно болѣе ускорить прогрессъ, чѣмъ добро. Зло необходимо, чтобы можно было вполнѣ оцѣнить добро, по противоположности; зло служитъ для того, чтобы человѣчество развивалось, согласно божественному предопредѣленію, не слишкомъ скоро и не слишкомъ медленно; можетъ-быть оно необходимо и для того, чтобы, какъ думалъ Оригенъ, въ нашей жизни не было тоскливаго однообразія. Великія явленія въ мірѣ нравственномъ происходятъ, подобно движеніямъ въ мірѣ физическомъ, благодаря притяженію и отталкиванію, то-есть добру и злу. Если первое развиваетъ любовь къ справедливости, то второе пробуждаетъ ненависть къ несправедливости, и т. д. Такимъ образомъ, Дюсэртъ возвышается до кандидовскаго міровоззрѣнія. Онъ увѣряетъ даже, что пороки и бѣдствія человѣчества зависятъ отъ двухъ главныхъ причинъ: отъ упомянутаго уже міроваго зла и отъ свободной воли человѣка, столь же необходимой, какъ и зло. Надобно замѣтить, что къ свободной волѣ предусмотрительно присоединено влеченіе къ добру, медленное, но постоянное (attraction lente, mais constante vers le bien). Это влеченіе Дюсэртъ называетъ темпераментомъ, и оно, среди заблужденій свободной воли, дозволяетъ человѣку держаться истиннаго направленія.

Личные интересы, руководящіе дѣйствіями людей, порождаютъ разладъ и распри, что приводитъ къ сознанію необходимости взаимныхъ уступокъ. Существованіе этихъ компромиссовъ ведетъ къ смягченію нравовъ, уменьшенію эгоизма, къ прогрессу человѣчества и къ сближенію мнѣній. Еслибъ это сближеніе состоялось, то развитіе человѣчества сдѣлалось бы непрерывнымъ.

Дюсэртъ выставляетъ, какъ очевидное положеніе, что цивилизація, съ точки зрѣнія нравственности, противополагается цивилизаціи съ матеріальной точки зрѣнія. Чѣмъ меньше потребностей имѣетъ народъ, тѣмъ чище его нравы, тѣмъ сходнѣе существующія въ странѣ мнѣнія, тѣмъ ближе они къ истинѣ, удаляясь отъ противоположныхъ крайностей *).

Много страницъ своего сочиненія Дюсэртъ посвящаетъ *нравамъ* и спо-

*) Говоря о правительствѣ, Дюсэртъ утверждаетъ (не имѣя достаточныхъ доказательствъ), что въ представительныхъ или народныхъ собраніяхъ справедливость почти всегда на сторонѣ меньшинства.

собностямъ животныхъ. Мы не будемъ останавливаться на этой главѣ, а замѣтимъ только, что авторъ вполнѣ признаетъ возможность существованія кентавровъ, сиренъ, фавновъ, и т. д. Въ защиту этого мнѣнія онъ приводитъ *неоспоримые* факты появленія сиренъ въ океанѣ. Полковникъ утверждаетъ, что въ 1823 году доставили живую сирену въ Лондонъ. Королевское общество хотѣло выдать ее замужъ (это намѣреніе Дюсэртъ не признаетъ заслуживающимъ серьезнаго вниманія). Къ несчастію, сирена умерла... Опираясь на эти и подобныя соображенія, авторъ «Размышленій» строитъ систему, во главу угла которой кладетъ *переселеніе душъ*. Каждое существо, при вступленіи въ новую фазу жизни, занимаетъ такое положеніе, какое заслужило оно своею прежнею жизнью. Отсюда выводится возможность безконечнаго совершенствованія, и въ этомъ пунктѣ Дюсэртъ соприкасается съ ученіемъ знаменитаго Лорана, автора Études sur l'histoire de l'humanité.

Въ послѣдней главѣ своего сочиненія Дюсэртъ разсуждаетъ объ общественной статикѣ и поражаетъ читателя, какъ и прежде, горячею любовью къ справедливости, ненавистью ко лжи и странностью мысли. Онъ защищаетъ право рабочихъ на участіе въ выгодахъ предпріятія; онъ нападаетъ на недобросовѣстность въ торговыхъ сношеніяхъ и требуетъ, чтобъ общественныя должности, въ особенности высшія, занимались людьми испытанной честности и высокаго ума. Особенно важенъ въ этомъ отношеніи выборъ судей, и Дюсэртъ справедливо вооружается противъ близорукости тѣхъ республиканцевъ, которые хотятъ отмѣнить во Франціи несмѣняемость судей.

Конецъ книги Дюсэрта занимаютъ разсужденія о средствахъ поднятъ французскую армію.

Мы остановились на этомъ довольно странномъ сочиненіи болѣе, чѣмъ оно этого заслуживало по своимъ достоинствамъ, въ виду того, что, по нашему мнѣнію, такія книги являются довольно любопытнымъ признакомъ времени.

Письма и соціально-политическія статьи. *Родбертуса-Ягецова.* Два тома (**Briefe und social-politische Aufsaetze, herausgegeben von D-r Rudolph Meyer.** *Rodbertus-Jagetzow*).

Въ послѣднее время русскіе читатели, благодаря статьямъ въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*, въ *Отечественныхъ Запискахъ*, благодаря переводамъ нѣкоторыхъ сочиненій Родбертуса-Ягецова, получили возможность нѣсколько познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ ученымъ. Въ началѣ прошлаго года въ Берлинѣ напечатапъ первый томъ писемъ Родбертуса, а въ нынѣшнемъ году вышелъ второй томъ. Изданы эти любопытныя письма извѣстнымъ Рудольфомъ Мейеромъ. Само собою разумѣется, что о подоб-

ныхъ изданіяхъ трудно дать короткій отчетъ, въ виду отрывочности писемъ, въ виду разнообразія вопросовъ, затрогиваемыхъ Родбертусомъ. Мы остановимъ поэтому вниманіе читателей на нѣкоторыхъ только письмахъ, содержаніе которыхъ наиболѣе должно быть интересно для русскаго читателя.

Въ письмѣ отъ 25 января 1871 года Родбертусъ сообщаетъ, что онъ работаетъ, между прочимъ, надъ монографіей о капиталѣ. Монографія эта была направлена противъ Карла Маркса, но рукопись, вѣроятно, затерялась, и трудъ Родбертуса въ печати не появился. 8 сентября того же года Родбертусъ пишетъ, что точное понятіе о капиталѣ получится лишь тогда, когда изслѣдуютъ его истинное содержаніе въ трехъ различныхъ историческихъ состояніяхъ (Man wird den Capitalbegriff nicht eher präcis herausstellen, als bis man seinen realen Inhalt an drei verschiedenen Weltzuständen prüft). Эти стадіи развитія Карлъ Марксъ называетъ общественными формаціями (Gesellschaftsformationen). Такихъ стадій три, по мнѣнію Родбертуса: въ античномъ мірѣ человѣкъ былъ собственностью, въ современномъ мірѣ господствуетъ земельная и движимая (Capitaleigenthum) собственность, а въ третьей, идеальной, эпохѣ будетъ существовать только подоходная собственность (Einkommenseigenthum). Карлъ Марксъ ошибается,—говоритъ Родбертусъ,—признавая рабочую стоимость (Arbeitswerth) за реализованную уже въ настоящее время, тогда какъ это происходитъ только вслѣдствіе вмѣшательства законодательства. Другая ошибка Маркса заключается въ томъ, что онъ считаетъ аномаліей неполученіе рабочимъ всей произведенной имъ цѣнности, ибо такой порядокъ вещей является нормальнымъ при нынѣшнемъ состояніи общества. Родбертусъ думаетъ, что коллективная собственность, къ которой стремятся теперь соціалъ-демократы, то-есть земельныя общины и производительныя товарищества, не только не принесетъ ожидаемыхъ отъ нея благъ, но будетъ худшимъ видомъ собственности и поведетъ къ болѣе несправедливымъ послѣдствіямъ, чѣмъ индивидуальная собственность на землю и капиталъ. Сочиненіе Карла Маркса вообще,—говоритъ Родбертусъ (письма отъ 20 сентября 1871 года),—не столько изслѣдованіе о капиталѣ, сколько полемика противъ *существующей формы копитала*, которую онъ смѣшиваетъ съ самымъ капиталомъ. Рабочіе никогда не могутъ быть собственниками своихъ продуктовъ; они имѣютъ право только на доходъ съ произведенной ими цѣнности (Dann scheidet er (Marx) auch noch nicht genug den Arbeitstheilungorganismus und den Eigenthumsorganismus in der menschlichen Gesellschaft und weist nicht nach, dass sich in den Subjecten beide niemals decken können, m. a. W., das der Arbeiter (der Arbeitsgemeinschaft wegen) niemals Eigenthümer seines Products werden kann, sondern nur Einkommensberechtiger zu einem Theil seines Productwerths).

XIX столѣтіе,—пишетъ Родбертусъ 29-го ноября 1871 года,—произвело двухъ исполиновъ: Наполеона I и князя Бисмарка. Но первый былъ

побѣжденъ въ снѣгахъ Россіи, и Родбертусъ опасается, что соціальный вопросъ будетъ имѣть значеніе этого несчастнаго похода для Бисмарка. Рудольфъ Мейеръ замѣчаетъ по этому поводу, что онъ имѣетъ слѣдующія опасенія: Франція какъ будто производитъ реформу въ положеніи фабрично-заводскихъ рабочихъ, а Россія играетъ въ земельный коммунизмъ, для того, чтобъ агитировать противъ Германіи. А князь Бисмаркъ,— горько восклицаетъ Мейеръ,—нашелъ только одно средство для разрѣшенія соціальнаго вопроса—осадное положеніе. Напомнимъ читателю, что Рудольфъ Мейеръ не въ первый разъ высказываетъ подобное обвиненіе противъ Россіи: въ своей книгѣ объ освободительной борьбѣ четвертаго сословія онъ говоритъ, что извѣстный эмигрантъ Бакунинъ былъ агентомъ русскаго правительства для произведенія революціонной смуты на западѣ Европы. Нелѣпость обвиненія поразительна.

Родбертусъ не соглашается съ Лассалемъ, который думалъ произвести полный экономическій переворотъ при помощи всеобщей подачи голосовъ, и требуетъ совершеннаго отстраненія отъ политическихъ вопросовъ, ибо въ противномъ случаѣ пришлось бы имѣть противниками *консервативныхъ соціалистовъ*. Направленіе Гнейста, Шмоллера и другихъ катедеръ-соціалистовъ Родбертусъ называетъ (письмо отъ 17 октября 1872 года) соціализмомъ на сахарной водѣ (Zuckerwasser-Socialismus). Что касается до Родбертуса, то онъ соціальный *вопросъ* считаетъ менѣе опаснымъ, чѣмъ соціальную *реакцію* *) (письмо отъ 3 декабря 1872 года). Для разрѣшенія этого вопроса, для его правильнаго освѣщенія, необходимо установленіе вполнѣ ясныхъ и точныхъ политико-экономическихъ терминовъ, и быть-можетъ къ этому великому дѣлу призванъ нѣмецкій народъ. Общественный переворотъ долженъ совершиться на почвѣ закона и подъ авторитетомъ монархической власти, и въ будущемъ монархія и соціализмъ соединятся естественно и неразрывно (письмо 23 декабря 1872 г.). Истинная собственность будущаго, — повторяетъ Родбертусъ въ приложеніи къ письму отъ 18 сентября 1873 года,—есть подоходная собственность, собственность, основанная и соотвѣтствующая заслугѣ (Verdienst- oder Einkommerseigenthum). Одна часть этого вознагражденія или этой собственности, слѣдующая за механическій трудъ, опредѣляется нормальнымъ рабочимъ днемъ **); другая часть — за квалифицированный трудъ, за трудъ по управленію, напримѣръ — опредѣляется волею государственной власти. Поэтому Родбертусъ рѣшительно высказывается за сохраненіе заработной платы (Lohnform), какъ формы полученія дохода. И онъ,

---

*) Подъ реакціей вообще Родбертусъ понимаетъ возстановленіе прежняго учрежденія, несоотвѣтствующаго новой ступени развитія (письмо отъ 15 декабря 1872 г.).

**) Въ его опредѣленіи Родбертусъ отчасти расходится съ Марксомъ.

и Лассаль считаютъ столѣтіями время завершенія соціальнаго переворота. Въ программѣ Родбертуса, которая напечатана во второмъ томѣ Мейеровскаго изданія, сохраняется свобода земельной собственности, но ея необходимымъ спутникомъ является *принципъ ренты* (Rentenprincip). Въ библіографической замѣткѣ мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, возможности остановиться на этомъ чрезвычайно важномъ вопросѣ.

Послѣднее письмо Родбертуса въ сборникѣ Мейера, написанное чужою рукой и только подписанное этимъ мыслителемъ, было отъ 29 октября 1875 года. Переписка Родбертуса представляетъ важный матеріалъ для его характеристики, какъ ученаго и какъ человѣка.

В. Гольцевъ.

«Парсифаль» Рихарда Вагнера.

Рихардъ Вагнеръ представляетъ собою рѣдкій примѣръ художника, въ которомъ сочетаются сильная творческая дѣятельность, стремленіе къ идеалу и непреклонная воля для достиженія разъ намѣченной цѣли. Его байрейтовскій театръ служитъ яркимъ доказательствомъ тому, какъ этотъ поэтъ-музыкантъ съ неустанною энергіей, приводящею въ удивленіе даже враговъ его, осуществляетъ свою идею и проводитъ ее въ жизнь, ни предъ чѣмъ не отступая. Изгнанный изъ своего отечества вслѣдствіе участія въ революціонномъ движеніи 1849 года, лишенный всякихъ матеріальныхъ средствъ, Вагнеръ задумываетъ устройство своего театра; мысль такого театра должна была казаться химерой даже для самаго пламеннаго воображенія. Какъ всякій реформаторъ, Вагнеръ долженъ былъ выстрадать свою идею и вступить въ жестокую борьбу противъ современной ему банальности и рутины въ оперномъ дѣлѣ. Сидя за капельмейстерскимъ пюпитромъ въ оперныхъ театрахъ Дрездена и Риги, онъ позналъ ту глубокую пропасть, которая раздѣляла современную оперу отъ его собственныхъ стремленій и идеаловъ. Музыкальная драма, которая должна бы служить, какъ трагедія у древнихъ грековъ, выразительницей идеальнѣйшихъ стремленій народнаго духа, почти съ самаго возникновенія оперы, въ началѣ XVII столѣтія, служила большею частью только концертною эстрадой для колоратурныхъ пѣвцовъ, въ томъ числѣ и для уродовъ-кастратовъ, или выставкой, потѣшающей праздное любопытство необразованной массы. Реформа Глюка, отдѣльныя попытки Моцарта, Керубини, Бетховена и Вебера поднять значеніе оперы—все разбивалось объ укоренившуюся рутину. Для Вагнера было ясно, что въ существующихъ оперныхъ театрахъ онъ своей реформы не проведетъ, и устройство особаго театра, который бы соотвѣтствовалъ его идеямъ и художественнымъ цѣлямъ, сдѣлалось его завѣтною мечтой. Въ 1872 году положенъ былъ первый камень байрейтовскаго театра, а въ 1876 году уже дано было

на этомъ театрѣ его «Кольцо Нибелунга». Театръ выстроенъ въ маленькомъ баварскомъ городкѣ Байрейтѣ. Мѣста въ немъ расположены амфитеатромъ. Ложъ нѣтъ, кромѣ одной большой прямо противъ сцены, «Fürstenloge». Оркестръ помѣщенъ въ углубленіи передъ сценой и для публики совершенно невидимъ.

Лѣтомъ настоящаго года дано было на этомъ театрѣ послѣднее произведеніе Вагнера—«Парсифаль», съ которымъ мы и постараемся познакомить читателя.

Легендарный міръ, изъ котораго Вагнеръ черпаетъ сюжеты для своихъ музыкальныхъ драмъ, представляетъ неизсякаемый источникъ для опернаго композитора. Главныя фигуры и идею для своего «Парсифаля» Вагнеръ заимствовалъ изъ той же области легендъ. Легенда о «Святомъ Граалѣ» и сказаніе о рыцарѣ «круглаго стола» короля Артура, Парсифалѣ, слились въ одно цѣлое, также какъ и у французскаго поэта Кретьена-де-Труа—въ рыцарскомъ эпосѣ Эшенбаха, жившаго въ началѣ XIII столѣтія. Пользуясь всѣми этими источниками, Вагнеръ создалъ совершенно самостоятельное драматическое произведеніе, пользуясь правомъ поэта видоизмѣнять данный матеріалъ согласно съ *своимъ* міросозерцаніемъ и съ *своею* идеей. Если великіе поэты позволяютъ себѣ передѣлывать на свой ладъ даже историческіе факты, какъ, напримѣръ, Шиллеръ въ «Орлеанской дѣвѣ» и «Вильгельмѣ Теллѣ» или Гёте въ «Эгмонтѣ», то тѣмъ болѣе такія видоизмѣненія необходимы по отношенію къ міру легендъ и сказаній. Заимствованный сюжетъ, кромѣ того, подвергся передѣлкѣ сообразно съ требованіями сцены, не допускающей тѣхъ длинныхъ и безконечныхъ событій, которыми переполненъ романъ Эшенбаха.

Сказаніе о «Святомъ Граалѣ»—одно изъ древнѣйшихъ сказаній. Грааль—это драгоцѣнный сосудъ, обладаніе которымъ доставляетъ высшее блаженство. Только въ рукахъ чистыхъ, непорочныхъ людей онъ проявляетъ свою чудодѣйственную силу. Сосудъ этотъ—тотъ самый, въ которомъ Іосифъ Аримаѳейскій собралъ кровь Христа. Онъ хранится въ великолѣпномъ храмѣ, построенномъ на неприступной горѣ «Монтсальватъ» (гора спасенія). Духовные рыцари—его служители. Чудодѣйственная сила Грааля возобновляется ежегодно въ страстную пятницу: съ неба слетаетъ лучезарный голубь и опускаетъ въ чашу священные дары. Подкрѣпляемые духовно и физически «Святымъ Граалемъ», рыцари его посвящаютъ свою жизнь высокимъ подвигамъ любви и христіанской добродѣтели. Кромѣ священной чаши, въ обладаніи служителей находится и копье, которымъ рабъ Лонгинъ нанесъ ударъ распятому Христу. Копье это служитъ оружіемъ тому изъ рыцарей Грааля, который отправляется въ путь на добрыя дѣла. Храмъ Грааля построенъ былъ первымъ королемъ духовныхъ рыцарей, Титурелемъ, отъ котораго власть перешла потомъ къ его сыну Амфортасу. Надъ послѣднимъ тяготѣетъ великій грѣхъ: онъ отдался

увлеченіямъ чувственной страсти и съ тѣхъ поръ страдаетъ отъ ужасной раны. Рану эту можетъ исцѣлить только тотъ, кто проникнетъ на обитаемую рыцарями священную гору и предложитъ Амфортасу вопросъ о причинѣ его страданій. Этимъ рыцаремъ является Парсифаль, сынъ Гамурета и Герцелойды. Послѣ смерти Гамурета, убитаго на рыцарскомъ состязаніи, мать Парсифаля, желая избавить сына отъ возможности такой же участи, воспитываетъ его вдали отъ людей, въ уединенномъ лѣсу, дабы онъ не имѣлъ никакого понятія о рыцарствѣ и сопряженныхъ съ нимъ опасностяхъ. Тѣмъ не менѣе матери не удается уберечь его отъ знанія свѣта. Встрѣтивъ однажды въ лѣсу блестящихъ рыцарей, онъ покидаетъ свою мать и цѣлымъ рядомъ подвиговъ добивается того, что его принимаютъ въ число рыцарей «круглаго стола» короля Артура. Старый рыцарь Гурнеманцъ преподаетъ ему нѣкоторыя рыцарскія правила и житейскіе совѣты, между прочимъ—не стараться слишкомъ много знать, не ставить слишкомъ много вопросовъ. Случайно попавъ затѣмъ на священную гору служителей Грааля, Парсифаль видитъ чудесныя дѣйствія Грааля и страданія короля Амфортаса, но, помня совѣтъ Гурнеманца — какъ можно меньше спрашивать, онъ не предлагаетъ Амфортасу того вопроса, отъ котораго единственно зависитъ его исцѣленіе. Парсифаля изгоняютъ изъ храма и, когда онъ вновь появляется при дворѣ Артура, посланница Грааля, Кундри, проклинаетъ его: онъ былъ такъ близокъ къ блаженству, но въ своей сердечной простотѣ не съумѣлъ предложить необходимаго вопроса и потерялъ шедшее ему на-встрѣчу счастье. Послѣ долгихъ странствованій и скитаній, во время которыхъ Парсифаль получаетъ свое религіозное воспитаніе у отшельника Треврецента, онъ снова появляется въ храмѣ Грааля, предлагаетъ требуемый вопросъ, исцѣляетъ Амфортаса и становится королемъ на мѣстѣ послѣдняго. Фигурирующая въ легендѣ Кундри любила Іоанна Крестителя и засмѣялась, когда понесла на блюдѣ его главу. Съ тѣхъ поръ Кундри проклята и принуждена скитаться по бѣлу свѣту, проявляя то добрыя, то дурныя качества своей женской натуры. Если ко всѣмъ этимъ фигурамъ легенды присоединить Клингсора, язычника-чародѣя, проживающаго въ волшебномъ замкѣ «Châtel Merveil», главнаго врага цѣломудрія и непорочности служителей Грааля, то мы исчерпаемъ весь тотъ матеріалъ, который послужилъ Вагнеру для созданія его «Парсифаля».

Мы были въ Байрейтѣ на первыхъ двухъ представленіяхъ «Парсифаля», предназначенныхъ только для такъ-называемыхъ *патроновъ*, 14 и 16 іюля, и постараемся познакомить читателей съ содержаніемъ, музыкой и постановкой этой музыкальной драмы.

Послѣ краткой интродукціи для оркестра, построенной на чудныхъ мотивахъ, фигурирующихъ впослѣдствіи въ самой оперѣ, раздвигается занавѣсъ (въ байрейтовскомъ театрѣ занавѣсъ состоитъ изъ двухъ поло-

винокъ, раздвигающихся на обѣ стороны) и взорамъ публики открываются владѣнія Св. Грааля. Лѣсъ, на заднемъ планѣ свѣтлое озеро. Хранитель Грааля, Гурнеманцъ, покоится подъ сѣнью деревьевъ. Утро. За сценой раздается «мотивъ причастія». Гурнеманцъ съ отроками просыпаются и молча совершаютъ утреннюю молитву. Онъ приказываетъ отрокамъ сдѣлать нужныя приготовленія для купанья больнаго короля Амфортаса. Вбѣгаетъ Кундри. Она въ дикомъ одѣяніи. На ней поясъ изъ змѣиныхъ шкуръ. Черные волосы распущены. Лицо темно-красноватаго цвѣта. Глаза то дико блестятъ, то мертвенно неподвижны. Она принесла цѣлительный бальзамъ для облегченія страданій короля. На носилкахъ вносятъ больного Амфортаса, отправляющагося къ озеру купаться. Онъ провелъ ужасную ночь и теперь радуется прекрасному утру. Онъ благодаритъ Кундри за доставленный бальзамъ. Она отклоняетъ благодарность и въ изнеможеніи опускается на землю. Короля уносятъ къ озеру. Гурнеманцъ объясняетъ отрокамъ, какъ Амфортасъ потерялъ копье и кто такая—Кундри. Она—язычница, волшебница. Она часто служитъ рыцарямъ Грааля, но когда она надолго исчезаетъ, всегда приключается съ рыцарями несчастіе. Недалеко отъ священной горы поселился волшебникъ Клингсоръ. Онъ также нѣкогда стремился къ спасенію, но, не имѣя достаточно силы воли, чтобы побороть въ себѣ земныя страсти, онъ построилъ волшебный замокъ, наполнилъ его прекрасными женщинами и заманиваетъ въ ихъ объятія служителей Грааля. Не одинъ рыцарь Грааля уже погибъ такимъ образомъ. Амфортасъ задумалъ положить конецъ этому соблазну. Вооруженный священнымъ копьемъ, онъ идетъ въ опасный замокъ, чтобы побороть злого чародѣя, но въ роскошномъ саду Клингсора онъ самъ дѣлается жертвой своихъ страстей. Клингсоръ отнимаетъ у него копье и наноситъ ему страшную рану. Съ тѣхъ поръ въ обители Грааля царствуютъ печаль и страданіе. Послѣ долгихъ молитвъ Амфортаса и всей братіи на священной чашѣ показалась надпись, гласящая, что спасти короля можетъ только человѣкъ съ чистою, непорочною душой, всѣ познанія котораго основаны на состраданіи.

«Durch Mitleid wissend, der reine Thor,
Harre sein, den ich erkor».

Въ то время, когда окружающіе Гурнеманца отроки повторяютъ это изреченіе, вдругъ раздается за сценой сильный шумъ и крикъ. Только-что раненный стрѣлою, дикій бѣлый лебедь влетаетъ и съ опущенными крыльями медленно падаетъ. Вбѣгающіе рыцари вводятъ Парсифаля. Это онъ — тотъ преступникъ, который святотатственною рукой подстрѣлилъ лебедя, считающагося въ предѣлахъ Грааля священнымъ. Гурнеманцъ будитъ въ Парсифалѣ состраданіе и въ великодушномъ порывѣ Парсифаль

ломаетъ свой лукъ и стрѣлы. Изъ всѣхъ отвѣтовъ Парсифаля ясно, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о добрѣ и злѣ. Онъ не знаетъ—ни кто его отецъ, ни какъ онъ попалъ сюда; даже имени своего онъ не знаетъ. У него есть мать Герцелойда, воспитавшая его въ лѣсу. Онъ самъ себѣ сдѣлалъ лукъ и стрѣлы, чтобы подстрѣливать дикихъ орловъ. Разъ онъ встрѣтилъ въ лѣсу блестящихъ мужей на чудныхъ животныхъ. Онъ побѣжалъ за ними, но не могъ ихъ догнать. Съ тѣхъ поръ онъ скитается, защищаясь своимъ лукомъ отъ звѣрей и великановъ. Кундри объявляетъ ему о смерти матери. Въ порывѣ бѣшенства Парсифаль хочетъ ее задушить. Ее освобождаютъ отъ ярости Парсифаля. Въ глубинѣ сцены проносятъ возвращающагося съ купанья короля. Гурнеманцъ, предполагая въ Парсифалѣ человѣка, предназначеннаго спасти короля, приглашаетъ его слѣдовать за нимъ въ храмъ Грааля. Сцена мѣняется на виду у зрителя подъ звуки продолжительной музыки. Гурнеманцъ и Парсифаль все время остаются на сценѣ, какъ бы шествуя по направленію къ храму въ то время, когда разнообразнѣйшія и все мѣняющіяся декораціи двигаются вправо. Этотъ способъ такъ-называемой *чистой* перемѣны сцены — Вагнеровское изобрѣтеніе и производитъ удивительную иллюзію. Лѣсъ и озеро мало-по-малу исчезаютъ. Дикія скалы всевозможныхъ контуровъ смѣняются новою картиной. Виднѣется дорога, ведущая къ священной горѣ. Раздается колокольный звонъ все сильнѣе и сильнѣе и взорамъ зрителей открывается великолѣпный храмъ съ колоннами и широкимъ куполомъ. Рыцари Грааля собираются вокругъ разставленныхъ столовъ, готовясь къ религіозному обряду. Въ глубинѣ сцены возвышеніе, на которое ставятъ носилки съ больнымъ Амфортасомъ. Предъ королемъ столъ. На немъ ставятъ хранилище, въ которомъ помѣщается священная чаша. Въ куполѣ невидимо для зрителей помѣщенъ хоръ мальчиковъ, а пониже—хоръ юношей. Гурнеманцъ вводитъ Парсифаля. Онъ стоитъ поодаль все время религіозной церемоніи и не выражаетъ никакого участія къ происходящему. Король отказывается открывать хранилище священнаго сосуда. Онъ желаетъ только смерти. За сценой слышится загробный голосъ отца Амфортаса, Титуреля, приказывающаго открыть хранилище. Амфортасъ повинуется и ставитъ на столъ священную чашу. Когда всѣ съ благоговѣніемъ преклоняютъ предъ Граалемъ колѣни, чаша мало-по-малу начинаетъ блестѣть и горѣть огненнымъ свѣтомъ, озаряющимъ всю сцену. Амфортасъ благословляетъ, съ чашей въ рукахъ, хлѣбъ и вино. Свѣтъ въ чашѣ тускнѣетъ и всѣ усаживаются за трапезу. По окончаніи трапезы рыцари обнимаютъ другъ друга. Сцена пустѣетъ. Остаются только Гурнеманцъ и Парсифаль. Парсифаль видѣлъ священный Грааль, видѣлъ страданія короля, но ничего не понялъ. На вопросъ объ этомъ Гурнеманца онъ качаетъ только головой и судорожно схватывается за сердце. Несчастіе короля возбудило въ немъ состраданіе, но онъ еще

не знаетъ источника этого великаго несчастія. Онъ стало-быть не тотъ, о которомъ пророчествовалъ Грааль, и Гурнеманцъ изгоняетъ его изъ храма.

Второй актъ представляетъ собою полнѣйшій контрастъ съ первымъ. Мы находимся въ одной изъ башенъ замка кудесника Клингсора. Предъ нимъ разставлены всевозможныя приспособленія хиромантики. Въ металлическомъ зеркалѣ онъ уже видитъ приближеніе Парсифаля. Парсифаль слишкомъ чистъ и Клингсоръ долженъ его погубить, какъ онъ погубилъ Амфортаса. Онъ вызываетъ Кундри и приказываетъ ей соблазнить Парсифаля. Она долго противится. Она *не хочетъ*, но *она должна* ему подчиниться. Клингсоръ видитъ чрезъ отверстіе башни приближеніе Парсифаля. Сцена превращается въ волшебный садъ. Громадные цвѣты сказочныхъ размѣровъ. Дѣвушки-цвѣты вбѣгаютъ въ отчаяньи. Парсифаль перебилъ всѣхъ ихъ возлюбленныхъ, захотѣвшихъ помѣшать его входу въ садъ. Онѣ сначала накидываются на Парсифаля, но вскорѣ сами увлекаются имъ и начинаютъ ссориться изъ-за него. Парсифаль остается глухъ къ ихъ соблазну. Вдругъ за сценой раздается голосъ Кундри. Дѣвушки исчезаютъ. Цвѣты съ правой стороны раздвигаются и на роскошномъ ложѣ покоится красавица Кундри. Она разсказываетъ ему про его мать и про ея смерть и, подъ видомъ привѣтствія отъ его матери, обнимаетъ его и долго, долго его цѣлуетъ. Болѣе ехиднаго средства для соблазна Парсифаля трудно было придумать. Тутъ драма достигаетъ своей высшей точки. Поцѣлуй Кундри, вмѣсто соблазна, даетъ ему «познаніе». Онъ вскакиваетъ, какъ ужаленный. «Такъ вотъ что погубило Амфортаса! Такъ вотъ источникъ его страданій!...» Онъ отталкиваетъ Кундри. Онъ сознаетъ свое назначеніе спасти Амфортаса. Но она, Кундри, въ первый разъ любитъ; она полюбила Парсифаля. Она засмѣялась, когда распинали Христа, и долго ждетъ того, кто спасетъ ее отъ тяготѣющаго надъ нею проклятія. Парсифаль долженъ быть ея спасителемъ. Парсифаль, помня свое высокое назначеніе, отвергаетъ всѣ мольбы. Онъ требуетъ, чтобъ она показала ему путь къ Амфортасу. Въ изступленіи за отверженную любовь Кундри проклинаетъ Парсифаля, обрекая его на вѣчное скитаніе. На крикъ Кундри появляется Клингсоръ и бросаетъ въ Парсифаля священное копье, отнятое у Амфортаса. Копье останавливается надъ головой Парсифаля, не касаясь его. Парсифаль схватываетъ копье, дѣлаетъ имъ крестное знаменіе и въ мигъ цвѣтущій садъ превращается въ пустыню. Кундри падаетъ. Парсифаль, съ копьемъ въ рукѣ, убѣгаетъ.

Третій актъ. Страстная пятница. Прелестный лугъ, усѣянный роскошною зеленью и цвѣтами. Гурнеманцъ живетъ отшельникомъ въ одинокой кельѣ. Прошло много времени. Гурнеманцъ теперь уже старъ. Въ храмѣ Граала печаль и страданія усилились. Рыцари утратили свое мужество и не отправляются болѣе на подвиги добра. Титурель, отецъ Ам-

фортаса, умеръ. Гурнеманцъ находитъ Кундри лежащею въ кустахъ и совершенно оцѣпенѣвшею. Благодаря усиліямъ Гурнеманца, она оживаетъ, но это уже не та Кундри, что была прежде. Она теперь — олицетворенное смиреніе. Она желаетъ только «служить, служить». Появляется Парсифаль. Онъ долго скитался и блуждалъ и цѣлымъ рядомъ подвиговъ сдѣлался достойнымъ носить высокое званіе короля Грааля. Гурнеманцъ и Кундри узнаютъ Парсифаля и находящееся при немъ священное копье. Парсифаль снимаетъ съ себя шлемъ и латы. Онъ въ длинномъ бѣломъ одѣяніи. Кундри обмываетъ ему ноги и вытираетъ ихъ своими распущенными волосами. Гурнеманцъ поливаетъ его голову елеемъ. Парсифаль креститъ Кундри и она, въ первый разъ послѣ долгаго времени, плачетъ. Она спасена,—ея грѣхъ искупленъ. Гурнеманцъ ведетъ опять Парсифаля въ храмъ Грааля. Служители Грааля отпѣваютъ Титуреля. Амфортасъ раздираетъ на себѣ одежды и проситъ смерти. Появляются Парсифаль съ Гурнеманцомъ и Кундри. Парсифаль дотрогивается копьемъ до раны Амфортаса. Всеобщее просвѣтлѣніе. Амфортасъ исцѣленъ. Парсифаль становится королемъ и совершаетъ богослуженіе, аналогическое съ тѣмъ, какое происходитъ въ первомъ дѣйствіи. Бѣлый голубь спускается съ купола и опускаетъ дары въ священную чашу. Кундри, спасенная, умираетъ у ногъ Парсифаля.

Вагнеръ называетъ свое произведеніе не оперой, а трудно переводимымъ словомъ «Bühnenweihfestspiel». Музыка «Парсифаля» превосходитъ все, что до сихъ поръ написано было для сцены. Вагнеръ, какъ извѣстно, создалъ особый способъ такъ-называемой «тематической работы». Онъ употребляетъ «путеводящіе мотивы». Какой-нибудь мотивъ является выразителемъ либо извѣстнаго лица въ драмѣ, либо какого-нибудь душевнаго настроенія или внѣшняго событія. Мотивы эти, смотря по требованію драматическаго дѣйствія, часто повторяются, но при этомъ подвергаются всевозможной тематической разработкѣ и разнообразнѣйшей гармонизаціи и оркестровкѣ. Это—полное примѣненіе принципа, давшаго жизнь инструментальной музыкѣ, къ условіямъ драматическаго дѣйствія. Въ изображеніи характерныхъ мотивовъ Вагнеръ мастеръ своего дѣла. Вся тематическая работа происходитъ въ оркестрѣ, а пѣвцы только декламируютъ неизвѣстные музыкальные интервалы; но эта декламація такъ вѣрна, такъ правдива, что никакая кантилена не сравнится съ нею въ выразительности. Еслибы мы захотѣли исчислить всѣ музыкальныя чудеса партитуры «Парсифаля», мы бы никогда не кончили. Укажемъ только на интродукцію, на сцены въ храмѣ съ ихъ чудными религіозными хорами, на хоръ дѣвушекъ - цвѣтовъ и на всю сцену появленія Парсифаля въ страстную пятницу предъ кельей Гурнеманца.

Постановка соотвѣтствовала грандіозности сюжета. Декораціи, сдѣланныя большею частью по рисункамъ русскаго художника Павла Жуков-

скаго, сына поэта, были поразительно хороши. Хоры и оркестръ, подъ управленіемъ знаменитаго дирижера мюнхенской оперы Леви, звучали прелестно. Главныя роли были въ рукахъ лучшихъ теперешнихъ нѣмецкихъ пѣвцовъ и пѣвицъ: Амфортасъ—Рейхманъ, Гурнеманцъ—Скаріа и Зиръ, Парсифаль—Винкельманъ и Гудеусъ, Клингсоръ—Гилъ, Кундри—Матерна и Брандтъ.

Послѣ насъ «Парсифаль» шелъ на байрейтовскомъ театрѣ еще 13 разъ. Успѣхъ былъ полный, такъ что лѣтомъ будущаго года предполагается возобновить эти представленія.

О. Л—нъ.

Земство и народное образованіе.

Въ ряду важнѣйшихъ нашихъ современныхъ вопросовъ самое видное мѣсто принадлежитъ вопросу о народномъ образованіи, о правильной постановкѣ нашей начальной школы. Просвѣщеніе народа находится у насъ въ крайне неудовлетворительномъ состояніи: громадное большинство населенія, даже въ центральныхъ мѣстностяхъ, совершенно безграмотно; число училищъ недостаточно,— ихъ услугами могутъ пользоваться лишь немногіе, а масса подростающаго населенія остается обреченной на невѣжество. Вслѣдствіе отсутствія у насъ статистики народнаго образованія, не представляется возможности выразить въ цифрахъ состояніе народной грамотности по всей Имперіи, но и тѣ немногія данныя, которыя встрѣчаются по этому предмету въ земскихъ статистическихъ трудахъ, даютъ ясное представленіе о положеніи этого дѣла. По свѣдѣніямъ, напримѣръ, собраннымъ земскою статистикою Тверской губерніи, оказывается, что грамотныхъ, вмѣстѣ съ учащимися, въ 1878 году было 123.286 челов., въ томъ числѣ 109.882 мужчинъ и 14.404 женщинъ. По отношенію къ общему числу негородскаго населенія грамотные мужчины составляютъ 16% всего мужскаго, грамотныя женщины—1,75% всего женскаго населенія. За исключеніемъ дѣтей моложе 7 лѣтъ, составляющихъ 20% всего населенія, въ губерніи насчитывается 543.698 мужчинъ и 616.152 женщинъ, а всего 1.156.850 чел. Сравнивая эти числа съ числомъ грамотныхъ, находимъ, что грамотные мужскаго пола составляютъ въ уѣздахъ 20% всего числа мужчинъ старше 7 лѣтъ, а грамотныя женскаго пола—2,2% женщинъ старше 7 лѣтъ. Безграмотныхъ мужскаго пола въ уѣздахъ (кромѣ городовъ) 433.816 человѣкъ, что составляетъ 80% всего уѣзднаго мужскаго населенія старше 7 лѣтъ. По отдѣльнымъ уѣздамъ грамотность стоитъ гораздо ниже средней по губерніи: въ Зубцовскомъ она падаетъ до 11,6% для мужчинъ и 0,6% для женщинъ, въ Осташковскомъ — грамотные мужчины составляютъ 10%, женщины — 0,7%, въ Ржевскомъ—мужчины 9%, женщины 0,6% *). По другимъ мѣстностямъ имѣются не болѣе утѣшительныя свѣдѣнія. Въ Вологодскомъ уѣздѣ на-

*) „Протоколы засѣданій тверскаго губернскаго земскаго собранія за 1878 годъ“, стр. 143 и 170.

личнаго населенія въ 1881 году числилось: мужскаго 57.704, женскаго—64.084, всего 121.788, а грамотныхъ: мужчинъ 14.512, женщинъ 2.458, всего 16.970; слѣдовательно, грамотные обоего пола составляютъ 13,9%, мужчины—25,1%, женщины—3,8% [1]). Въ трехъ уѣздахъ разныхъ губерній, подробно обслѣдованныхъ въ послѣдніе два года, грамотность населенія найдена въ слѣдующемъ состояніи [2]):

	Населеніе.			Грамотные (съ учащимися).			% грам.		
	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.
Московскій .	49.317	53.047	102.361	15.729	2.344	18.073	31,8	4,4	17,6
Рязанскій . .	76.217	78.581	154.798	14.805	625	15.430	19,4	0,7	9,9
Борисоглѣбск.	113.788	116.359	230.147	9.914	598	10.512	8,7	0,5	4,5

Въ самомъ просвѣщенномъ изъ приведенныхъ уѣздовъ, Московскомъ, который по степени грамотности населенія занимаетъ, по всей вѣроятности, одно изъ первыхъ мѣстъ въ Имперіи, болѣе $^4/_5$ населенія коснѣетъ въ невѣжествѣ, не умѣя ни читать, ни писать.

Болѣе или менѣе вѣрнымъ показателемъ состоянія народнаго образованія служитъ грамотность призывнаго возраста. Обращаясь къ свѣдѣніямъ по этому предмету, мы находимъ, что въ Московскомъ уѣздѣ, по среднему выводу за 8 лѣтъ, процентъ грамотныхъ къ общему числу лицъ, внесенныхъ въ призывные списки, не превышаетъ 41,2 (3.139 грамотныхъ на 7.610); въ Тверской губерніи за 1875—1877 гг. изъ 12.040, принятыхъ на службу, грамотныхъ было только 4.579, или 38,1%, причемъ по отдѣльнымъ уѣздамъ процентъ грамотныхъ падаетъ: въ Ржевскомъ до 20,3, въ Старицкомъ—до 15,7 въ 1875 и до 13,4 въ Ржевскомъ въ 1877 году [3]). По Новгородской губерніи за послѣдніе три года призывъ далъ слѣдующіе результаты:

Принято въ войска [4]):

	Всего	Грамот.	% гр.
1879	2.759	770	26,6
1880	3.138	1.016	32,3
1881	3.000	1.012	33,7

Въ Бессарабской губерніи въ 1879 году изъ 3.048 принятыхъ на службу новобранцевъ грамотныхъ было всего 183, т.-е. 6%, такъ что неграмотные составили 94% общаго числа новобранцевъ [5]). Въ Рязан-

---

[1]) Отчетъ и доклады земской управы Вологодскаго уѣзда 1881 г., стр. 90 и 130.

[2]) См. издан. земствомъ: „Сборники статист. свѣдѣній“, экономическія таблицы.

[3]) „Протоколы“ 1878 г., стр. 169.

[4]) Свѣд. о выполн. призыва въ „Сборникахъ постановленій земск. собран. Новгородской губ.“ за 1879—1881 гг.

[5]) „Обзоръ Бессараб. губ.“, стр. 52.—*Вѣстн. Бессарабск. земства* 1881 года, №№ 1 — 2.

ской губерніи въ призывъ 1876 года на 3.653 неграмотныхъ новобранцевъ оказалось грамотныхъ всего 984, или 27%, причемъ въ 8 уѣздахъ изъ 12 процентъ грамотныхъ стоялъ ниже средняго, понижаясь въ Пронскомъ до 11, въ Данковскомъ—до 10, въ Рязанскомъ—до 9 *). Насколько ничтожны эти величины, можно уяснить себѣ только изъ сравненія ихъ съ данными по западно-европейскимъ странамъ. Въ германскую армію, напримѣръ, за пять призывовъ послѣднихъ лѣтъ поступило неграмотныхъ: 2,37, 2,12, 1,73, 1,80, 1,57%. Въ Пруссіи въ призывъ 1878—79 года поступило не получившихъ школьнаго образованія (ohne schulbildung) 2,30%, причемъ въ Восточной Пруссіи—5,50, въ Западной—8,26, Бранденбургѣ—0,53, въ Помераніи—0,63, въ Познани—10,99, въ Силезіи—2,30, въ Саксоніи—0,27, Шлезвигъ-Гольштейнѣ—0,20, въ Ганноверѣ—0,34, Вестфаліи—0,34, въ Гессенъ-Нассау—0,34, въ Рейнской провинціи—0,36 и въ Гогенцоллернѣ—0 **).

Что мы отстали въ дѣлѣ просвѣщенія отъ нашихъ западныхъ сосѣдей, это весьма естественно, такъ какъ за это дѣло мы взялись гораздо позже ихъ; но и въ томъ, что нами дѣлается въ настоящее время для распространенія образованія въ народѣ, мы остаемся далеко позади ихъ. Вотъ цифры о положеніи народнаго образованія въ разныхъ странахъ, извлеченныя В. А. Гольцевымъ изъ составленной сѣвероамериканскимъ Bureau of education «Сравнительной статистики элементарнаго образованія»***):

		Населеніе.	Школъ.	Учащихся.	На сколько душъ. 1 школа.	На сколько душъ. 1 учащ.
Сѣвероамер. Штаты	(за 1879 г.)	50.152.866	—	9.424.086	—	5,3
Австрія	(» 1878 »)	21.752.000	15.166	2.134.683	1.434	10,1
Венгрія	(» 1877 »)	15.666.000	15.486	1.559.636	1.011	10,0
Англія	(» 1872 »)	25.165.336	17.166	3.710.883	1.466	6,7
Шотландія	(» 1879 »)	3.358.613	2.134	451.324	1.573	7,4
Ирландія	(» 1879 »)	5.411.416	7.522	1.031.995	719	5,2
Италія	(» 1876 »)	26.801.000	47.411	1.931.617	565	13,8
Франція	(» 1877 »)	36.905.788	71.547	4.716.935	515	7,8
Пруссія	(» 1871 »)	25.742.404	34.988	4.007.776	735	6,4
Испанія	(» 1870 »)	16.507.000	—	1.410.476	—	11,7
Японія	(?)	34.245.323	—	2.162.926	—	15,8
Россія	(?)	78.500.000	28.357	1.213.235	2.768	64,6

*) „Журналы рязанск. губернск. земск. собран. XI очер. соз.“, стр. 421.

**) Meyer's Konversat. Lexik. XVIII bd. Jahres-supplem. 1880—1881. Статья „Unterrichtswesen“, стр. 943.

***) „Замѣтка о народныхъ школахъ“, *Голосъ* 1882 г., № 191.

Изображенное здѣсь положеніе начальнаго образованія въ Россіи весьма печально, между тѣмъ оно въ такомъ именно видѣ представляется и на основаніи нашихъ оффиціальныхъ данныхъ. Возьмемъ свѣдѣнія за 1872—1874 гг., опубликованныя центральнымъ статистическимъ комитетомъ въ 1879 году. По этимъ даннымъ числилось: «низшихъ и начальныхъ учебныхъ заведеній» въ Европейской Россіи, безъ Привислянскаго края *):

	1872		1873		1874	
	Уч. завед.	Учащ. об. п.	Уч. завед.	Учащ. об. ц.	Уч. завед.	Учащ. об. п.
Въ губ. городахъ	1.408	165.703	1.454	178.375	1.639	216.665
» проч. городахъ	1.746		1.762		2.316	
» уѣздахъ	17.064	689.070	17.572	747.790	19.174	861.198
Всего	20.218	854.773	20.788	926.165	23.129	1.077.863

Если принять прирость школъ за время съ 1874 года понынѣ, на основаніи опыта приведеннаго трехлѣтія, въ 7% въ годъ, а учащихся — въ 14%, то къ настоящему времени число училищъ опредѣлится въ 34.693, а учащихся въ два съ небольшимъ милліона. Выведенная нами цифра, по всей вѣроятности, не далеко уклоняется отъ дѣйствительности, но и она не можетъ идти въ сравненіе съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находится начальное обученіе даже въ сравнительно отсталыхъ западныхъ странахъ. Мы далеко позади просвѣщенныхъ странъ старой Европы, но и сравненіе съ странами молодыми, лишь въ недавнее время вступившими на путь цивилизаціи, оказывается не въ нашу пользу. Въ изданной въ 1879 году барономъ Н. А. Корфомъ книжкѣ «Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ» помѣщена любопытная сравнительная таблица, въ которой «наше отечество, къ несчастію, вновь занимаетъ послѣднее мѣсто», несмотря на то, что составитель таблицы «не допустилъ въ нее ни одного европейскаго государства, кромѣ Сербіи, а изъ сѣвероамериканскихъ взялъ только крайне мало просвѣщенную Мексику». По этой таблицѣ на 10.000 жителей приходится учащихся:

Викторія (Австралія)	2.914
Новый Валлисъ (тоже)	1.750
Сандвичевы острова	1.292
Тасманія	1.238
Ямайка	867
Аргентинская республика	594
Японія	588
Мексика	380

* „Статистическій Временникъ Россійской имперіи", серія II, вып. 16, отд. I, стр. 90.

Новая Зеландія	300
Египетъ, безъ Нубіи и Абиссиніи	169
Сербія	164
Бразилія	156
Европейская Россія.	109

Число учащихся въ Россіи принято барономъ Корфомъ 1.500.000, а населеніе—76.000.000.

Всѣ эти данныя весьма наглядно показываютъ, на какой низкой ступени стоитъ народное образованіе въ Россіи и какія энергическія усилія необходимы для того, чтобы подвинуть его впередъ, чтобы распространить въ массѣ населенія хотя начальную грамотность.

Вопросы начальнаго народнаго образованія обратили на себя серьезное вниманіе правительства и общества лишь въ послѣднія два десятилѣтія. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, началась усиленная дѣятельность по устройству народныхъ училищъ: объ ихъ открытіи хлопотали и губернаторы, и мировые посредники; собирались приговоры вновь образованныхъ сельскихъ обществъ о пожертвованіяхъ на школы; устраивались училища и при церквахъ, и при волостныхъ правленіяхъ. Каковы были эти школы—вопросъ другой, но въ открытіи ихъ сказалось стремленіе крестьянъ къ образованію съ одной стороны и желаніе образованнаго общества содѣйствовать распространенію грамотности въ народѣ—съ другой. Въ концѣ 1863 г., наканунѣ введенія земскихъ учрежденій, число начальныхъ школъ, сравнительно, было довольно велико. По свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета, въ это время во всей Европейской Россіи считалось 32.968 начальныхъ училищъ разныхъ наименованій, съ 802.817 учащимися обоего пола, что по отношенію къ общему количеству населенія того времени (60.909.309) составляло: одна школа на 1.847 душъ и одинъ учащійся—на 75 душъ *). Въ это число входили училища:

	Училищъ.	Учащихся.
Министерства народнаго просвѣщенія—приходскія и приготовительные классы	1.070	54.333
Духовнаго вѣдомства—сельскія училища при церквахъ.	20.578	387.447
Министерства государственныхъ имуществъ—сельскія училища и школы	7.885	281.549
Министерства удѣльнаго—сельскія, волостныя и частныя школы.	1.117	15.379
Разныхъ вѣдомствъ (военныя школы, пріюты и проч.)	2.318	64.109

*) „Статистическій Временникъ Россійской имперіи“, т. I. С.-Пб. 1866 г., отд. III, стр. 49—58.

Въ такомъ положеніи застало школьное дѣло введеніе земскихъ учрежденій. На первыхъ же порахъ своего существованія, эти, вновь созданные, органы самоуправленія озаботились приведеніемъ въ извѣстность наличныхъ образовательныхъ средствъ и, убѣдившись въ ихъ недостаточности, должны были приступить къ устройству народной школы, къ чему очень скоро призвало ихъ и правительство. Въ 1867 году послѣдовала передача въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій и училищныхъ совѣтовъ училищъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, до тѣхъ поръ содержавшихся на средства мірскихъ общественныхъ сборовъ и находившихся въ вѣдѣніи палатъ государственныхъ имуществъ. Другое вѣдомство, содержавшее сельскія школы, удѣльное — отступилось отъ нихъ еще ранѣе. Огромное большинство существовавшихъ въ моментъ введенія земскихъ учрежденій сельскихъ училищъ осталоеь въ совершенно необезпеченномъ положеніи, такъ какъ обязательность содержанія ихъ для обществъ упразднялась. Земскимъ учрежденіямъ пришлось взять на себя всѣ заботы и по поддержанію прежнихъ училищъ, и по устройству новыхъ. Большая часть земствъ съ большимъ рвеніемъ взялись за это дѣло и, благодаря болѣе или менѣе щедрымъ земскимъ ассигновкамъ и заботамъ очень многихъ земскихъ дѣятелей, число училищъ и учащихся быстро возросло. Въ дѣятельности земства по народному образованію встрѣчалось, правда, не мало ошибокъ; на этомъ поприщѣ ему приходилось дѣлать не мало опытовъ, оказавшихся совершенно неудачными, принесшихъ, пожалуй, болѣе вреда, нежели пользы; новые дѣятели, взявшіеся за устройство школы, нерѣдко поддавались увлеченіямъ, торопились примѣненіемъ на практикѣ мѣръ, удобопримѣнимость которыхъ не была надлежащимъ образомъ доказана. Все это было, да и не могло не быть,—вѣдь земству приходилось творить, создавать школу; оно не могло довольствоваться тѣмъ скуднымъ наслѣдіемъ, которое ему досталось. Несмотря на всѣ свои промахи и ошибки, земство добилось цѣли: въ теченіе пятнадцати лѣтъ оно создало цѣлую сѣть школъ, дало имъ постановку — если и не вполнѣ безупречную, то во всякомъ случаѣ болѣе цѣлесообразную, нежели та, въ которой находилась прежняя школа. Что̀ бы ни говорили противники земства, какимъ бы градомъ упрековъ и насмѣшекъ не осыпали они его прошлую и настоящую дѣятельность, заслуга земства въ дѣлѣ народнаго образованія не подлежитъ сомнѣнію.

Къ сожалѣнію, именно на этомъ поприщѣ, болѣе нежели на какомъ-либо иномъ, земская дѣятельность на каждомъ шагу встрѣчала много затрудненій и препятствій; она часто разбивалась о недостатокъ средствъ, вынуждавшій отказываться отъ самыхъ благихъ намѣреній, и о противодѣйствіе вліятельныхъ общественныхъ элементовъ, въ просвѣщеніи народа видѣвшихъ опасность для себя; она, наконецъ, встрѣтила крупныя препоны и въ законодательствѣ, нормирующемъ школьное дѣло. Въ короткій промежутокъ 18 лѣтъ земству пришлось испытать рѣзкое измѣ-

неніе въ отношеніяхъ къ нему администраціи, пришлось быть свидѣтелемъ крупной перемѣны въ школьномъ законодательствѣ.

То положеніе, въ которое въ настоящее время поставлена дѣятельность земства по народному образованію, давно уже вызывало жалобы и ходатайства объ отмѣнѣ стѣснительныхъ для нея законовъ и распоряженій. Жалуясь на это положеніе, посвященные школьнымъ вопросамъ земскіе доклады изображаютъ его въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Вотъ какъ описываетъ его, напримѣръ, коммиссія тульскаго губернскаго земскаго собранія: «Почти полное устраненіе земства отъ непосредственнаго вліянія на внутреннюю, учебную сторону школы; стѣсненіе земской, общественной и частной инициативы во всемъ, что касается до веденія школьнаго дѣла; обиліе регламентаціи и недовѣріе къ представителямъ земства даже въ тѣхъ предѣлахъ, которые были открыты для ихъ дѣятельности— таковы черты, характеризующія положеніе народной школы въ теченіе многихъ послѣднихъ лѣтъ. Въ этомъ отношеніи законодательство и практика отступили отъ того направленія, которое самимъ правительствомъ было положено въ основаніе школьнаго дѣла» *). «Земство,—говоритъ рязанская губернская управа,—чувствовало, какъ постепенно стѣснялась его дѣятельность въ школьномъ дѣлѣ, какъ, вслѣдствіе этого, оно было поставлено въ такое положеніе, при которомъ немыслимо было ожидать быстраго развитія школы; но въ то же время, сознавая, что дѣло школы есть самая насущная и неотложная потребность земства, оно не могло совершенно устраниться отъ этого дѣла, оно продолжало вести его, сообразно обстоятельствамъ, разсчитывая на перемѣну ихъ, такъ какъ все и всегда чѣмъ-нибудь да кончится»**). По словамъ коммиссіи черниговскаго губернскаго земства, «въ послѣдніе годы дѣятельность земства и частныхъ лицъ, за весьма немногими исключеніями, не только пріостановилась, но даже есть примѣры сокращенія средствъ, ассигнуемыхъ земствомъ на народное образованіе. Такое нежелательное положеніе, вслѣдствіе котораго задерживается, по временнымъ причинамъ, естественный и необходимый ростъ дѣла народнаго образованія, не можетъ быть объясненъ апатіей или другими свойствами самого земства; причина его лежитъ въ томъ положеніи, въ какомъ находятся наши школы, ихъ преподаватели и администрація школьнаго дѣла. Положеніе о народныхъ училищахъ 1874 г. проникнуто духомъ недовѣрія къ земству и обществу и подчиняетъ дѣятельность ихъ строгому и ничѣмъ не вызываемому контролю бюрократіи и лицъ, стоящихъ внѣ земства. Исполненіе же этого положенія на практикѣ, особенно въ послѣдніе годы, при существованіи многочисленныхъ циркуляровъ министерства народнаго просвѣщенія, которые, вдаваясь въ слиш-

---

*) „Журналы XVI очер. тульскаго губерн. земск. собр.“ (1880 г.). Приложеніе, стр. 6.

**) „Журналы рязанскаго губерн. зем. собр. XVI очер. созыва“, стр. 742.

комъ подробную регламентацію дѣла, не оставили никакого простора для мѣстной дѣятельности, еще усилили невыгодныя его стороны» *).

«Ежедневныя пререканія земскихъ людей съ инспекціей, иногда по самымъ пустымъ, формальнымъ вопросамъ, иногда же по весьма существеннымъ, отвлекали земскихъ дѣятелей отъ ихъ прямыхъ обязанностей,— говоритъ тверская губернская управа въ поданной А. А. Сабурову запискѣ «о нуждахъ народнаго образованія въ Тверской губ.»—Всѣ эти пререканія кончались въ пользу инспекціи, поддерживаемой ея начальствомъ. Земство сначала пробовало просить, жаловаться, но, видя безуспѣшность своихъ жалобъ, стало терять энергію. Много терпѣнія и выносливости нужно было земству, чтобы продолжать вести дѣло народной школы, къ которому оно призвано какъ по закону, такъ и по глубокому сознанію, что только при его починѣ, средствахъ и вмѣшательствѣ можно создать народную школу, удовлетворяющую потребностямъ населенія» **). «Положеніе 1874 г.,—говоритъ А. И. Кошелевъ въ предложеніи, внесенномъ въ сапожковское уѣздное земское собраніе,—оставило за земствомъ расходованіе денегъ, безъ права вмѣшательства въ учебные распорядки, которые поручены правительственнымъ инспекторамъ и дворянству, призванному стать на стражу по народному образованію. Это узаконеніе поставило земство въ крайне затруднительное и неловкое положеніе: оставлены на земствѣ матеріальныя обязанности и отняты у него почти всѣ права по веденію училищнаго дѣла; училищный совѣтъ перестаіъ быть земскимъ органомъ и сталъ чѣмъ-то страннымъ—полуправительственнымъ и полудворянско-земскимъ учрежденіемъ. Много дано ему правъ, но почти никакихъ средствъ къ пользованію этими правами, а потому и не удивительно, что этотъ совѣтъ ничего не дѣлалъ и что учебное дѣло по сельскимъ школамъ идетъ вяло и малопроизводительно» ***). Жалуясь на современное положеніе школьнаго дѣла, земскія коммиссіи часто указываютъ на преимущество прежняго порядка, основаннаго на «Положеніи» 14 іюля 1864 г. Русская народная школа,—говоритъ тульская коммиссія,— возникла главнымъ образомъ послѣ 1864 года, причемъ основнымъ закономъ служило «Положеніе», изданное въ этомъ году и проникнутое началами, благопріятными для развитія школы. Самодѣятельности земства и общества былъ отведенъ достаточный для начала просторъ, такъ что живое дѣло народнаго образованія могло развиваться при живомъ участіи наиболѣе заинтересованныхъ въ томъ органовъ и лицъ. Успѣхи, сдѣланные школьнымъ дѣломъ того времени, несомнѣнны. Казалось бы, что слѣдовало бы продолжать путь, однажды столь удачно избранный. Земскія учрежденія

*) „Журналы черниговскаго губ. зем. соб., очер. сессіи 1880 г., состоявшейся въ январѣ 1881 г.", стр. 659.

**) „Протоколы засѣданій тверск. губернск. земск. собр. очередн. въ декабрѣ 1880 г." Записка управы, стр. 36.

***) „Журн. рязанск. губерн. земск. собр. XVI сессіи", стр. 735.

и дѣятели пріобрѣтали нужный навыкъ, слагался опытъ народной школы, опираясь на который, земство могло бы съ успѣхомъ воспользоваться новыми правами, еслибы таковыя были ему предоставлены. Надзоръ и регламентація, не чуждые совершенно и Положенія 1864 г., если вызывались въ началѣ новизною дѣла, то могли бы постепенно сокращаться, когда дѣло стало на твердую ногу. Между тѣмъ произошло обратное» (стр. 6).

И дѣйствительно, если сравнить Положеніе 1864 г. съ замѣнившимъ его въ 1874 г. новымъ «Положеніемъ», то нельзя не признать, что первое представляетъ гораздо болѣе благопріятныхъ для развитія общественной дѣятельности условій, нежели послѣднее. По Положенію 1864 г., «завѣдываніе» начальными народными училищами всѣхъ вѣдомствъ (народнаго просвѣщенія—приходскія въ городахъ, посадахъ и селахъ, и народныя—министерства государственныхъ имуществъ и удѣльнаго; вѣдомства духовнаго—церковно-приходскія—и всѣ вообще воскресныя школы) поручалось уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ, въ составъ которыхъ, кромѣ лицъ, избираемыхъ земскими собраніями и городскими думами, въ городахъ, содержащихъ школы на свои средства, входили и попечители городскихъ и сельскихъ училищъ, по назначенію губернскаго училищнаго совѣта. «Завѣдываніе» училищныхъ совѣтовъ заключалось, главнымъ образомъ, въ «наблюденіи за преподаваніемъ во всѣхъ начальныхъ народныхъ училищахъ города и уѣзда и съ сею цѣлію въ обозрѣніи ихъ тѣмъ способомъ, какой будетъ признанъ совѣтомъ болѣе удобнымъ»; въ «предоставленіи желающимъ званія учителей и учительницъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ», «снабженіи училищъ, по мѣрѣ средствъ, учебными пособіями и руководствами». Результаты годичной дѣятельности совѣта должны были выражаться въ ежегодномъ отчетѣ о состояніи всѣхъ народныхъ училищъ города и уѣзда, представляемомъ губернскому совѣту. Хозяйственная часть училищъ предоставлялась вѣдѣнію тѣхъ вѣдомствъ, которыми школы учреждаются, но на обязанность училищныхъ совѣтовъ возлагалось «попеченіе объ открытіи новыхъ начальныхъ народныхъ училищъ и объ улучшеніи уже существующихъ». Открытіе школъ обществами и частными лицами обусловливалось разрѣшеніемъ училищнаго совѣта; но разъ открытыя школы обезпечивались отъ всякаго произвола. Въ этомъ отношеніи Положеніе 1864 г. стоитъ на одинаковой почвѣ съ Уставомъ 1828 года: какъ этотъ послѣдній допускалъ закрытіе училища «только по особеннымъ, достойнымъ уваженія, причинамъ» и не иначе, какъ съ разрѣшенія высшаго мѣстнаго органа народнаго просвѣщенія—университета (§ 14), такъ Положеніе 1864 г. предоставляетъ примѣненіе этой крайней мѣры губернскому училищному совѣту, обусловливая ее притомъ случаями «безпорядка и вреднаго направленія ученія» (ст. 10). Такими же гарантіями было обставлено и увольненіе учителей: «о тѣхъ учителяхъ и учительницахъ, коихъ, по неблагонадежности, слѣ-

дуетъ удалить отъ должности, или же коимъ слѣдуетъ воспретить дальнѣйшее занятіе преподаваніемъ», уѣздный училищный совѣтъ представляетъ губернскому, такъ что сложный вопросъ о «неблагонадежности» подвергается, въ каждомъ данномъ случаѣ, обсужденію двухъ коллегіальныхъ учрежденій, причемъ рѣшающій голосъ принадлежитъ учрежденію, стоящему вдали отъ всякихъ личныхъ дрязгъ и столкновеній.

Такова, по Положенію 1864 г., организація школьнаго управленія. Въ дѣлѣ устройства училищъ мѣстному обществу предоставляется широкій просторъ: это дѣло оставлено всецѣло на усмотрѣніе городскихъ и сельскихъ обществъ. (О земствѣ въ «Положеніи» не упоминается, такъ какъ, повидимому, устройство школъ непосредственно земствомъ не предполагалось.) Требованіе для открытія новой школы разрѣшенія училищнаго совѣта не могло представлять затрудненій, ибо составъ этого учрежденія былъ таковъ, что въ немъ были представлены всѣ заинтересованные въ школьномъ дѣлѣ мѣстные элементы, почему едва ли возможенъ былъ какой-либо антагонизмъ между совѣтомъ и обществомъ. Въ училищномъ совѣтѣ объединялось все училищное дѣло въ уѣздѣ, ему подвѣдомы были всѣ безъ изъятія начальныя училища, а такъ какъ руководство ими предоставлялось коллегіи, въ составъ которой, въ качествѣ равноправныхъ членовъ, входили и общественные представители, то, очевидно, обществу была предоставлена значительная доля вліянія на устройство и направленіе не только хозяйственной, но и учебной части. Пользуясь правомъ предоставленія желающимъ званія учителей и учительницъ, совѣтъ могъ предъявлять ищущимъ учительскаго званія требованія, соотвѣтствующія желаніямъ и стремленіямъ мѣстнаго общества, и подбирать составъ педагогическихъ силъ, соотвѣтственныхъ мѣстнымъ условіямъ. Правда, представители земства въ совѣтѣ были въ меньшинствѣ,—ихъ было два противъ трехъ, назначаемыхъ правительственными вѣдомствами; но самому обществу была предоставлена полная возможность усиливать долю свою вліянія. Каждому городу стоило только принять участіе въ содержаніи училищъ и онъ получалъ право посылать въ совѣтъ своего представителя. Съ другой стороны, предоставленное губернскому училищному совѣту право назначать членами уѣздныхъ совѣтовъ попечителей начальныхъ училищъ имѣло важное значеніе. Этимъ путемъ въ составъ совѣтовъ могли быть вводимы тѣ именно элементы, участіе которыхъ въ данное время представлялось желательнымъ. Если, напримѣръ, совѣтъ страдалъ отсутствіемъ спеціальныхъ педагогическихъ знаній, открывалась возможность пополнить его спеціалистами-педагогами, проводя ихъ черезъ званіе попечителя школы (какъ это и дѣлалось иногда; мы можемъ указать на примѣръ Московскаго уѣзда, въ училищномъ совѣтѣ котораго, до введенія новаго «Положенія», засѣдалъ приглашенный земствомъ педагогъ въ качествѣ попечителя одной изъ сельскихъ школъ). Такая мѣра представляется, пожалуй, болѣе полезной, нежели учрежденіе особыхъ земскихъ инспекторовъ,

о которыхъ хлопочутъ многія земства, такъ какъ, во-первыхъ, попечитель школы, назначенный членомъ училищнаго совѣта, облекается всѣми правами члена завѣдующаго школами учрежденія, входитъ въ непосредственную связь съ этимъ учрежденіемъ, что̀ устраняетъ возможность разногласій, распрей и двоевластія, столь вредныхъ для дѣла. Во-вторыхъ, попечитель школы избирается обществомъ и потому является въ совѣтъ проводникомъ тѣхъ именно воззрѣній, которыя въ данное время наиболѣе дороги избирающему его обществу. Точно такъ же, посредствомъ пополненія совѣта попечителями училищъ, въ составъ его могутъ быть введены представители крестьянства, участіе которыхъ въ обсужденіи вопросовъ, относящихся до устройства школьнаго дѣла, весьма желательно. Толковый крестьянинъ можетъ познакомить училищный совѣтъ съ воззрѣніями массы, сообщить ему тѣ требованія, которыя крестьянство предъявляетъ школѣ, предостеречь его отъ увлеченій, которыя, порою, могутъ повлечь за собою весьма нежелательныя послѣдствія. Участіе крестьянъ устранило бы тѣ, къ счастію рѣдкія, столкновенія школы съ народомъ изъ-за способовъ преподаванія, на которыя теперь такъ усиленно указываютъ, ибо съ одной стороны крестьянинъ могъ бы вызвать училищный совѣтъ на уступки народнымъ требованіямъ, а съ другой—онъ явился бы проводникомъ въ народѣ тѣхъ идей, которыя самъ, путемъ бесѣдъ и разъясненій, усвоилъ бы въ засѣданіяхъ совѣта.

Не менѣе выгодною стороной Положенія 1864 года является и то условіе, что предсѣдательство въ немъ предоставлялось лицу, избираемому самимъ совѣтомъ изъ своей среды на два года и утверждаемому губернскимъ совѣтомъ. Избраніе товарищами по дѣлу служило ручательствомъ за то, что важный постъ предсѣдателя совѣта будетъ замѣщенъ лицомъ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе усерднымъ и способнымъ посвятить свой досугъ этому дѣлу; а утвержденіе губернскимъ совѣтомъ ручалось за «благонадежность» избраннаго. Организація губернскаго совѣта кажется намъ также довольно удачной: соединеніе въ немъ высшихъ представителей всѣхъ заинтересованныхъ въ школьномъ дѣлѣ отраслей администраціи—архіерея, губернатора и директора училищъ съ представителями земства—ставило этихъ лицъ въ близкія отношенія къ дѣлу, содѣйствовало устраненію розни и борьбы между разными вѣдомствами.

Предоставляя завѣдываніе школами коллегіальнымъ правительственно-общественнымъ училищнымъ совѣтамъ, Положеніе 1864 года не устраняло спеціальнаго надзора за религіозно-нравственнымъ направленіемъ въ училищахъ. Ближайшее наблюденіе въ этомъ отношеніи возлагалось на мѣстнаго приходскаго священника, облеченнаго правомъ сообща̀ть свои замѣчанія учителю и лицамъ, завѣдывающимъ училищами, а въ случаѣ непринятія ихъ—училищному совѣту (ст. 17); наблюденіе же за преподаваніемъ закона̀ Божія во всѣхъ училищахъ и обозрѣніе ихъ въ этомъ

отношеніи оставлялось на обязанности духовнаго начальства, чрезъ духовныхъ лицъ, имъ для сего назначаемыхъ (примѣч. къ § 1 ст. 24).

Школьная система, установленная Положеніемъ 1864 года, дѣйствовала недолго. 29-го мая 1869 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи новой должности—инспекторовъ народныхъ училищъ, по одному на губернію—«для наблюденія за народными училищами». Тѣмъ же закономъ министру народнаго просвѣщенія предоставлено открывать «образцовыя училища», съ пособіемъ изъ государственныхъ средствъ. Обѣ эти мѣры окончательно опредѣлились нѣсколько позднѣе. Обязанности инспекторовъ, намѣченныя въ первоначальномъ законѣ лишь въ общихъ чертахъ *), были подробно очерчены въ Высочайше утвержденной 29 октября 1871 года инструкціи, а правила объ «образцовыхъ» училищахъ установлены инструкціей, утвержденной министромъ народнаго просвѣщенія въ 1875 году. Измѣненіе, внесенное этими узаконеніями въ строй школьной администраціи, заключается 1) въ изъятіи изъ вѣдѣнія училищныхъ совѣтовъ цѣлаго разряда начальныхъ школъ—«образцовыхъ» министерства народнаго просвѣщенія, подчиненныхъ «исключительному наблюденію» инспекторовъ (§ 2 Инструкціи 29 октября 1871 г.), и 2) въ учрежденіи спеціальныхъ, стоящихъ внѣ училищныхъ совѣтовъ, правительственныхъ агентовъ, надзирающихъ за школами наряду съ совѣтами и помимо ихъ. Установленная Положеніемъ 1864 года система, такимъ образомъ, начала подвергаться разрушенію и въ этомъ кроется корень многихъ столкновеній и недоразумѣній, ознаменовавшихъ послѣдующее время.

Обязанности инспектора народныхъ училищъ, по Инструкціи 1871 г., двояки. Съ одной стороны онъ служитъ совѣтникомъ и пособникомъ мѣстныхъ органовъ въ дѣлѣ устроенія и веденія школьнаго дѣла: онъ руководитъ своими совѣтами и указаніями малоопытныхъ учителей (§ 9), принимаетъ мѣры для пріисканія болѣе достойныхъ преподавателей (§ 10), обращается къ учредителямъ съ ходатайствами объ удовлетвореніи нуждъ школы (§ 29), заботится объ избраніи попечителей «изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ общества и могущихъ оказать училищамъ какъ нравственную, такъ и матеріальную поддержку» (§ 38), ходатайствуетъ о награжденіи лицъ, «особенно содѣйствующихъ преуспѣянію училищъ» (§ 39), о пособіи училищамъ со стороны правительства (§ 42 и др.) и т. д. Съ другой стороны обязанности инспектора имѣютъ характеръ полицейскій, и въ этомъ отношеніи ему предоставлены права, которыми до тѣхъ поръ единоличная власть въ школьномъ дѣлѣ не пользовалась: «положительно неблагонадежные преподаватели временно устраняются имъ

*) „Съ должностью инспектора народныхъ училищъ соединяется званіе непремѣннаго члена губернскаго училищнаго совѣта, которому инспекторъ обязанъ всѣми средствами содѣйствовать въ устроеніи и распространеніи начальнаго народнаго образованія“.

отъ исполненія обязанностей преподавателя, или вообще наставника, съ доведеніемъ о томъ до свѣдѣнія подлежащаго вѣдомства или лицъ, отъ которыхъ зависитъ окончательное увольненіе такихъ учителей» (§ 10). По отношенію къ училищнымъ совѣтамъ инспекторъ занимаетъ положеніе лица надзирающаго: «еслибы въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ по какому-либо вопросу возникло разногласіе между инспекторомъ и прочими членами совѣта и инспекторъ не призналъ бы для себя возможнымъ согласиться съ общимъ рѣшеніемъ, то дѣло препровождается на разсмотрѣніе попечителя учебнаго округа, котораго заключеніе, съ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла, представляется затѣмъ совѣтомъ на разсмотрѣніе министерства народнаго просвѣщенія» (§ 56). При этомъ инспектору предоставляется вмѣшательство въ дѣла не только педагогическія, но и хозяйственныя, съ тою, впрочемъ, разницею, что разногласія по дѣламъ этого рода «подлежатъ обсужденію и окончательному разрѣшенію по соглашенію вѣдомствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ» (примѣч. къ § 56) *). Тѣми же правами пользуется инспекторъ и по отношенію къ уѣзднымъ совѣтамъ, постановленія которыхъ, несогласныя съ мнѣніемъ инспектора, переносятся на усмотрѣніе губернскаго совѣта (§§ 57 и 58). Перемѣна, внесенная Инструкціей 1871 года въ ходъ дѣлъ губернскихъ училищныхъ совѣтовъ, весьма существенна: до тѣхъ поръ ихъ рѣшенія были окончательны и подлежали обжалованію въ правительствующій сенатъ (ст. 33 Полож.), теперь же былъ допущенъ пересмотръ и необжалованныхъ рѣшеній ихъ, и не коллегіальнымъ сенатомъ, а единоличною властью министра народнаго просвѣщенія.

Образованіе наряду съ училищными совѣтами новыхъ надзирающихъ за школами органовъ, съ изъятіемъ притомъ изъ вѣдѣнія первыхъ одного разряда начальныхъ школъ, неминуемо должно было внести рознь между тѣми и другими, и главнымъ образомъ между земствомъ и инспекторами. Рознь эта, конечно, возникла не вездѣ; благодаря личнымъ качествамъ многихъ инспекторовъ, согласіе между ними и земствомъ не нарушалось, но мѣстами вспыхнула ожесточенная борьба, имѣвшая печальные результаты. Вотъ что случилось въ Тверской губерніи.

Въ 1871 году тверскимъ губернскимъ земствомъ была учреждена въ Ржевѣ «техническая школа, имѣвшая цѣлью дать учащемуся юношеству общее образованіе и такія свѣдѣнія по математикѣ, механикѣ, химіи и описательнымъ естественнымъ наукамъ, чтобы вышедшій изъ школы воспитанникъ былъ готовъ, послѣ непродолжительнаго практическаго обученія, къ дѣятельности техника или же къ поступленію въ одно изъ выс-

---

*) Въ видѣ примѣра вопросовъ по хозяйственной части, могущихъ вызвать разногласіе, приведены: „изысканіе средствъ къ обезпеченію училищъ, постройкѣ и найму помѣщеній для нихъ, учрежденіе надзора со стороны земства за употребленіемъ по назначенію употребляемыхъ имъ на содержаніе училищъ суммъ“.

шихъ техническихъ учебныхъ заведеній». Просуществовавъ всего два года и испытавъ за это время многія неудачи («одного изъ избранныхъ земствомъ учителей забраковало министерство народнаго просвѣщенія; нѣкоторыя учительскія мѣста оставались вакантными по нѣскольку мѣсяцевъ»), школа прекратила свое существованіе. 20 сентября 1873 года тверская губернская управа была оффиціально извѣщена о томъ, что, *«по ходатайству»* начальника Московскаго учебнаго округа, министерство народнаго просвѣщенія рѣшило закрыть ржевскую земскую техническую школу. Рѣшеніе это упало, что называется, какъ снѣгъ на голову. «Можно подумать, — говоритъ управа, — что произнесенію его и закрытію школы предшествовало тщательное изслѣдованіе школы во всѣхъ подробностяхъ ея быта, что въ результатѣ этого изслѣдованія было раскрытіе какихъ-либо существенныхъ нарушеній устава, что, наконецъ, земство не пожелало подчиниться какимъ-либо существеннымъ педагогическимъ требованіямъ со стороны учебнаго вѣдомства. Но ничего подобнаго не было». Школу посѣщали и помощникъ попечителя учебнаго округа, и окружной инспекторъ, и инспекторъ народныхъ училищъ — и «никто изъ нихъ не заявлялъ ни совѣту школы, ни губернской земской управѣ о чемъ-либо дурномъ, замѣченномъ ими въ школѣ». Земство со вниманіемъ относилось къ высшимъ учебно-воспитательнымъ указаніямъ министерства народнаго просвѣщенія и его органовъ; оно наконецъ многократно обращалось къ мѣстному инспектору народныхъ училищъ А. И. Дружинину, состоявшему, по уставу, непремѣннымъ членомъ совѣта ржевской технической школы, съ просьбой сообщить, не замѣтилъ ли онъ какихъ-либо существенныхъ недостатковъ, и всякій разъ получало отвѣтъ успокоительный. «Но,—говоритъ тверская губернская управа,—успокоивая земство своими, повидимому, доброжелательными, словесными сообщеніями, г. инспекторъ совершенно иное сообщалъ попечителю округа и окружному инспектору». Вотъ какъ описываетъ губернская управа образъ дѣйствій инспектора народныхъ училищъ г. Дружинина:

«Еслибы,—говоритъ она,—цѣлью административно-учебной инспекціи было непремѣнно добиться закрытія такъ неохотно дозволенной школы, то лучшее, чѣмъ г. Дружининъ, орудіе для достиженія этой цѣли найти было трудно. Это былъ очень дѣятельный учебный администраторъ: часто посѣщалъ онъ Ржевъ и всякій разъ бывалъ въ технической школѣ, останавливался иногда въ квартирѣ ея директора и учителей, съ которыми поддерживалъ самыя, повидимому, пріятельскія и откровенныя отношенія. Но, несмотря на такую близость съ преподавателями, несмотря на такую возможность изучить всю жизнь, даже интимную жизнь всѣхъ и каждаго въ школѣ, инспекторъ народныхъ училищъ, до происшествія, послужившаго поводомъ къ закрытію школы, ни разу не заявилъ ни совѣту ея, ни органамъ земства о какихъ-либо серьезныхъ недостаткахъ школы. Мало того, несмотря на частыя свои поѣздки въ Ржевъ, г. инспекторъ такъ

искусно умѣлъ уклониться отъ участія, въ качествѣ непремѣннаго члена, въ засѣданіяхъ совѣта ржевской технической школы, что во всѣ два года ея существованія ни разу въ немъ не присутствовалъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда совѣтъ назначался на время ожидаемаго прибытія Дружинина въ Ржевъ, этотъ педагогъ-администраторъ умѣлъ находить причины для внезапнаго отъѣзда въ Тверь, за два или за три часа до засѣданія совѣта. Всему этому трудно повѣрить, но это—фактъ, засвидѣтельствованный тверскою губернской управой на стр. 73 доклада ея губернскому земскому собранію о народномъ образованіи за 1873 годъ. Несмотря, однако, на такое игнорированіе совѣта, г. инспекторъ дѣлалъ, какъ уже сказано, весьма частыя и подробныя донесенія въ учебный округъ, результатомъ которыхъ было сначала дескредитированіе школы въ глазахъ окружнаго начальства, а въ концѣ концовъ закрытіе школы. Нужно ли что-нибудь прибавлять къ этой, конечно, слишкомъ краткой, но совершенно вѣрной характеристикѣ отношеній учебнаго вѣдомства и его органовъ къ земству?»—добавляетъ управа.

Мотивомъ къ закрытію школы послужили: «распущенность учениковъ въ нравственномъ и легкомысліе ихъ въ религіозномъ отношеніи, неспособность руководителей школы привести ее въ должный порядокъ, недѣйствительность устроеннаго за школою надзора, такъ какъ инспекторъ народныхъ училищъ не могъ за нею слѣдить съ непрерывною дѣятельностью, тѣмъ болѣе, что даже касательно такого простаго обстоятельства, какъ удаленіе изъ нея неблагонадежныхъ учениковъ, онъ, инспекторъ, принужденъ былъ вступать въ препирательство съ земскою управою». По поводу послѣдняго заявленія управа сообщаетъ, что требованіе попечителя учебнаго округа объ удаленіи пяти указанныхъ имъ учениковъ не было исполнено потому, что, какъ оказалось изъ произведеннаго на мѣстѣ дознанія, «изъ числа поименованныхъ г. попечителемъ и предназначенныхъ къ увольненію лицъ *одного, а именно Рейнвальда*, въ ржевской технической школѣ *нѣтъ и никогда не было*, другой оставилъ школу самъ, по своему желанію, остальные трое отличались до сихъ поръ хорошимъ поведеніемъ, одинъ же изъ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ выказалъ и очень хорошія способности». «Вотъ этотъ-то отвѣтъ,—говоритъ управа,—единственный по однажды только поднятому учебнымъ вѣдомствомъ вопросу объ исключеніи учениковъ, послужилъ поводомъ къ послѣднему изъ приведенныхъ мотивовъ о закрытіи школы» *). Мы не беремся судить о дѣйствительной подкладкѣ этого дѣла; побужденія, которыми обусловливался болѣе чѣмъ странный образъ дѣйствій инспектора народныхъ училищъ Тверской губерніи, намъ совершенно неизвѣстны. Быть-можетъ,

---

*) Записка тверской губ. управы „о нуждахъ народнаго образованія въ Тверской губ.“, стр. 14—18. Протоколы засѣданія тверскаго губ. зем. собр. очереди. въ декабрѣ 1880 г.

въ этомъ дѣлѣ не безъ вины было и земство; быть-можетъ поводъ къ разладу былъ, въ какомъ-либо отношеніи, поданъ самими земскими дѣятелями, хотя для такого предположенія цитируемая нами записка губернской управы не даетъ никакихъ поводовъ. Во всякомъ случаѣ поведеніе г. Дружинина весьма характерно: оно является, на нашъ взглядъ, знаменіемъ той борьбы, которая съ учрежденіемъ инспекціи должна была завязаться, и дѣйствительно завязалась, между земствомъ и учебной администраціей.

Эта борьба, пагубная для дѣла, скоро разгорѣлась съ полною силой. Въ сентябрѣ 1873 года подверглась закрытію первая земская техническая школа, а черезъ три мѣсяца послѣдовалъ важный правительственный актъ, засвидѣтельствовавшій перемѣну во взглядахъ правительства на школу и на завѣдывавшіе ею до тѣхъ поръ органы. Мы говоримъ о Высочайшемъ рескриптѣ 25 декабря 1873 года. Изъ этого документа видно, что въ правительственныхъ сферахъ возъимѣли мѣсто опасенія, что школа можетъ обратиться въ орудіе для проведенія въ народѣ противогосударственныхъ и противорелигіозныхъ ученій. «То, что въ предначертаніяхъ Моихъ,—читаемъ въ рескриптѣ,—должно служить къ истинному просвѣщенію молодыхъ поколѣній, могло бы, при недостаткѣ попечительнаго наблюденія, быть обращаемо въ орудіе нравственнаго растлѣнія народа, къ чему уже обнаружены нѣкоторыя попытки, и отклонить его отъ тѣхъ вѣрованій, подъ сѣнью коихъ, въ теченіе вѣковъ, собиралась, крѣпла и возвеличилась Россія». Министру народнаго просвѣщенія повелѣвалось «обратиться къ мѣстнымъ предводителямъ дворянства, дабы они, въ званіи попечителей начальныхъ училищъ въ ихъ губерніяхъ и уѣздахъ, на основаніи правъ, которыя имъ будутъ предоставлены особымъ о томъ постановленіемъ, способствовали ближайшимъ своимъ участіемъ къ обезпеченію нравственнаго направленія этихъ школъ, а также къ ихъ благоустройству и размноженію». Надзоръ за школами такимъ образомъ усиливался; наряду съ училищными совѣтами и правительственной инспекціей выдвигалась новая надзирающая инстанція—предводитель дворянства. Необходимо было такъ или иначе связать эти три органа, и это сдѣлано Положеніемъ о начальныхъ училищахъ 25 мая 1874 года. И предводитель дворянства, и инспекторъ введены теперь въ училищный совѣтъ, составъ котораго не измѣнился, но поставлены въ немъ такъ, что коллегія ими замѣняется, если не упраздняется совсѣмъ. Положеніе 1874 года является дальнѣйшимъ и болѣе послѣдовательнымъ развитіемъ началъ, проведенныхъ въ Инструкціи 1871 года. Новый законъ съуживаетъ, почти приводитъ къ нулю обязанности уѣзднаго училищнаго совѣта: «изысканіе и обсужденіе способовъ для открытія новыхъ начальныхъ народныхъ училищъ, согласно съ дѣйствительно обнаружившеюся въ нихъ потребностью, и для улучшенія состоянія уже существующихъ училищъ»; снабженіе училищъ, «по мѣрѣ средствъ», руководствами; «окончательное утвержде-

ніе въ должности «допущенныхъ» инспекторомъ учителей и разсмотрѣніе жалобъ на «недопущеніе»; представленіе губернскому совѣту объ утвержденіи избираемыхъ земствомъ, городами и сельскими обществами попечителей начальныхъ школъ и объ ихъ увольненіи; исходатайствованіе наградъ учителямъ; упраздненіе «вредныхъ» училищъ и удаленіе «неблагонадежныхъ» преподавателей; наконецъ, разсмотрѣніе и окончательное утвержденіе составляемаго ежегодно инспекторомъ отчета и обсужденіе «общаго состоянія и направленія начальнаго народнаго образованія въ уѣздѣ, для представленія упомянутаго отчета губернскому училищному совѣту»—вотъ подробный перечень правъ и обязанностей училищныхъ совѣтовъ. Важнѣйшія изъ возлагавшихся на нихъ Положеніемъ 1864 года обязанностей — «завѣдываніе начальными народными училищами» и «наблюденіе за преподаваніемъ въ нихъ», равно какъ и право разрѣшать открытіе новыхъ училищъ—перешли теперь къ правительственной инспекціи: по ст. 20 «Положенія», «завѣдываніе учебною частью всѣхъ начальныхъ народныхъ училищъ въ губерніи ввѣряется директору народныхъ училищъ и инспекторамъ сихъ училищъ, какъ непосредственно ему подчиненнымъ помощникамъ». Инспекторъ облеченъ широкою властью: по соглашенію съ предсѣдателемъ совѣта—предводителемъ дворянства, онъ можетъ закрывать временно начальныя училища, учреждаемыя, съ его разрѣшенія, земствомъ, городскими и сельскими обществами и частными лицами, «въ случаѣ безпорядка и вреднаго направленія ученія»; можетъ «устранять неблагонадежныхъ преподавателей отъ исполненія ихъ обязанностей», съ доведеніемъ о принятой мѣрѣ до свѣдѣнія уѣзднаго училищнаго совѣта, въ ближайшее его засѣданіе; словомъ, инспекторъ является полнымъ хозяиномъ всего школьнаго дѣла въ уѣздѣ. Перемѣна въ организаціи школьной администраціи оказала весьма существенное вліяніе на судьбы народныхъ училищъ. Относительно дѣятельности предводителей дворянства, поставленныхъ Положеніемъ 1874 года во главѣ училищныхъ совѣтовъ, мы имѣемъ мало свѣдѣній. Знаменитый, въ свое время, походъ, предпринятый бывшимъ московскимъ губернскимъ предводителемъ кн. А. В. Мещерскимъ противъ земской школы, едва ли заслуживаетъ упоминанія, такъ какъ не имѣлъ никакихъ практическихъ послѣдствій; за то есть указанія на то, что предводители старались идти рука объ руку съ земствомъ, содѣйствовать развитію народнаго образованія. «Внимательно слѣдя за уѣздами,— говоритъ членъ рязанскаго губернскаго училищнаго совѣта Д. Д. Дашковъ, — я не замѣтилъ въ Рязанской губерніи ни одной попытки съ его (дворянства) стороны ослабить вліяніе и значеніе земства въ училищномъ вопросѣ; нѣкоторые предводители сочли даже для себя честью самимъ докладывать земскимъ собраніямъ о положеніи начальнаго образованія въ ихъ уѣздахъ» *). Во всякомъ случаѣ, дѣятельность предводителей дво-

*) „Журн. рязанск. губернск. земск. собр. XI очер. созыв. 1875 г.“, стр. 416.

рянства въ теченіе восьми лѣтъ выдавалась очень мало и оставалась незамѣтной; за то дѣятельность инспекціи сказалась весьма сильно и, къ сожалѣнію, въ далеко не благопріятномъ смыслѣ.

Жалобы на инспекторовъ раздаются со всѣхъ сторонъ, и это, главнымъ образомъ, обусловливается неудачнымъ выборомъ лицъ для замѣщенія этой важной и вліятельной должности. «Инспекція школъ,—говоритъ коммиссія черниговскаго земства,—постоянно усиливаемая въ своемъ составѣ, болѣе и болѣе теряетъ чисто педагогическій характеръ. Между инспекторами народныхъ училищъ въ послѣдніе годы почти нѣтъ людей съ высшимъ образованіемъ или спеціальною подготовкой, что, на ряду съ тою политическою струей, которая внесена въ провинціальную жизнь въ послѣдніе годы, сдѣлало инспекторскій надзоръ за школами гораздо болѣе полицейскимъ, чѣмъ педагогическимъ» *). По словамъ коммиссіи курскаго земства, «вообще бюрократическій формализмъ отличалъ до сихъ поръ дѣятельность участковой инспекціи, причемъ чины оной не столько обращали вниманіе на учебную часть народныхъ училищъ, на преуспѣяніе ея и не старались, по крайней мѣрѣ, уравновѣсить въ своей служебной дѣятельности исполненіе учебныхъ обязанностей съ административными, а наоборотъ, давая послѣднимъ перевѣсъ, обратились въ учебныхъ администраторовъ, и притомъ полицейскаго характера». Свои педагогическія обязанности «они исполняютъ весьма слабо: не говоря о томъ, что они не объѣзжаютъ періодически земскихъ народныхъ училищъ своего участка, во многихъ училищахъ они не были со времени ихъ существованія совсѣмъ; въ экзаменаціонныхъ коммиссіяхъ, составляемыхъ ежегодно для выдачи льготныхъ по воинской повинности свидѣтельствъ ученикамъ, окончившимъ курсъ въ народномъ училищѣ, они не участвуютъ; учительскихъ съѣздовъ, для ознакомленія съ учительскимъ персоналомъ народныхъ училищъ и педагогическою его правоспособностью, составлять не пытаются; ежегодныхъ отчетовъ училищныхъ совѣтовъ о состояніи народнаго образованія въ уѣздахъ не составляютъ; остается одно—завѣдываніе дѣлопроизводствомъ училищныхъ совѣтовъ, которое они не упускаютъ изъ своихъ рукъ, по соображеніямъ матеріальнаго свойства, и затѣмъ общее наблюденіе за ходомъ народнаго образованія, и то внѣ своихъ участковъ, такъ какъ большинство инспекторовъ имѣютъ свое мѣстопребываніе не въ центрѣ своихъ участковъ, а въ губернскомъ городѣ». Для полноты картины коммиссія прибавляетъ, что «участковые инспектора избираются преимущественно изъ штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ, далеко не извѣстныхъ педагогическою опытностью, которою они должны бы отличаться, по ст. 21 Положенія, и, не обладая среднимъ образованіемъ, врядъ ли могутъ не только руководить, а даже контролировать учителей народныхъ училищъ, изъ коихъ весьма многіе стоятъ, по своимъ познаніямъ,

*) „Журн. черниговскаго губ. земск. собр. очер. сессіи 1880 г.", стр. 660.

выше своего ближайшаго начальства. Этимъ также объясняется отчасти формализмъ отношеній между участковыми инспекторами и учительскимъ персоналомъ народныхъ училищъ и то ревнивое отношеніе къ своей власти, которое отличаетъ ихъ дѣятельность» *). На бездѣятельность инспекціи жалуется и бѣлозерское, Новгородской губерніи, земство. Уѣздная управа заявляетъ, что «гг. инспектора народныхъ училищъ, на которыхъ земское собраніе созыва 1877 года возлагало свои надежды относительно того, что они будутъ лучшими руководителями учителей со стороны педагогической (тѣмъ болѣе, что это главная ихъ обязанность по закону), рѣшительно не оправдываютъ надеждъ земства. Въ настоящее время г. инспекторъ настолько занятъ канцелярскою работой, что не имѣетъ возможности на простое посѣщеніе даже правительственныхъ школъ, и какъ земскія, такъ и правительственныя школы остаются совершенно безъ всякаго живаго педагогическаго руководительства». Къ этому земская коммиссія добавляетъ, что у инспектора «нѣтъ даже времени на простое посѣщеніе образцовыхъ правительственныхъ школъ, что въ настоящемъ (1879) году даже окончательные экзамены во всѣхъ образцовыхъ училищахъ произведены подъ предсѣдательствомъ членовъ училищнаго совѣта. Это послѣднее крайне неудобно въ томъ отношеніи, что г. инспекторъ отрицаетъ даже право у члена училищнаго совѣта, производившаго экзаменъ, дать отчетъ о положеніи училищному совѣту. Такимъ образомъ не только земскія школы, но и правительственныя школы остаются безъ необходимой инспекціи со стороны педагогической» **). Такія же жалобы на недостатокъ педагогическаго надзора слышатся и въ Камышинскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи. Въ 1875 году членъ училищнаго совѣта, штатный смотритель М. Вальтеръ, обращая вниманіе земскаго собранія на «безотрадное положеніе училищнаго дѣла», указывалъ, какъ на главную причину этого явленія, на отсутствіе всякаго надзора за училищами въ учебномъ отношеніи. «Такъ, въ теченіе прошлаго учебнаго года и въ текущемъ году, съ самаго введенія Положенія о нар. училищ. 25 мая 1874 года, ни одно училище въ уѣздѣ не было осмотрѣно ни членами училищнаго совѣта, ни инспекторомъ народныхъ училищъ», если не считать посѣщеній, сдѣланныхъ двумя членами совѣта съ цѣлью экзамена. «Заглянуть хоть однажды въ годъ во всѣ училища уѣзда ему (инспектору) нѣтъ физической возможности, не говоря уже о подробномъ осмотрѣ; и, несмотря на то, что со времени его назначенія прошло болѣе года, онъ еще не успѣлъ быть ни въ одномъ изъ училищъ нашего уѣзда» ***).

---

*) „Журн. засѣданій XVI очер. соз. курскаго губ. земск. собр.“, стр. 671.

**) „Сборникъ постановленій земскихъ собр. Новгородской губерніи за 1879 годъ“, стр. 201.

***) „Постановленія очер. камышинскаго уѣзднаго земск. собр. 1875 г.“, стр. 208 и 211.

Бездѣятельность инспекторовъ по надзору за школами объясняютъ чрезвычайнымъ множествомъ лежащей на нихъ канцелярской работы. «Здѣсь, въ этомъ самомъ собраніи,—говоритъ гласный бѣлозерскаго уѣзднаго земскаго собранія г. Пушторскій,—одинъ изъ инспекторовъ, на упрекъ земства, что онъ не ревизуетъ училищъ даже образцовыхъ, смѣло и рѣшительно отвѣтилъ, что по 10 августа у него 2.000 нумеровъ исходящихъ» *). Оправданіе совершенно уважительное, если принять въ разсчетъ, что на попеченіи каждаго инспектора находится по 2—3 уѣзда. Такъ или иначе, но школы, вслѣдствіе бездѣятельности инспекторовъ, остаются безъ призора не только въ смыслѣ педагогическомъ, но и въ отношеніи «благонадежности». При настоящемъ положеніи дѣла,—говоритъ камышинскій штатный смотритель г. Вальтеръ,—«ученье во всѣхъ училищахъ остается безъ всякаго направленія: учителямъ не кому указать на недостатки ихъ преподаванія, не кому познакомить ихъ съ лучшими методами и пріемами обученія; точно также не кому обратить вниманіе и па матеріальныя нужды училища—убѣдить вліятельныхъ лицъ въ обществѣ, или подѣйствовать какимъ-либо другимъ способомъ къ улучшенію состоянія школы; *не кому удалить неблагонадежнаго учителя*, не кому, наконецъ, разъяснить жителямъ, какую видимую пользу приноситъ обученіе». Остаются, затѣмъ, училищные совѣты, но мы уже видѣли, насколько роль и значеніе ихъ съ введеніемъ Положенія 1874 года измѣнились: «завѣдываніе» школами у нихъ отнято, матеріальными средствами для «удовлетворенія потребностей населенія въ начальномъ образованіи» они не обладаютъ,—имъ остается одна формальная дѣятельность. При такихъ условіяхъ, при преобладающемъ вліяніи предводителей дворянства и въ особенности инспекторовъ, едва ли справедливо ставить имъ въ вину ту апатію, на которую такъ часто слышатся жалобы. «Училищные совѣты, составленные изъ людей *случайныхъ*,—говоритъ черниговская коммиссія,—зачастую ничѣмъ не связанныхъ съ дѣломъ народнаго образованія и имѣющихъ, каждый, свои спеціальныя обязанности, болѣе для нихъ важныя, чѣмъ участіе въ училищномъ совѣтѣ, въ самой своей организаціи носятъ начала безжизненности и канцеляризма. Отсюда мертвенный формализмъ, безполезная для дѣла борьба внутри совѣта, если въ составъ его случайно попадаютъ люди, неудовлетворяющіеся формальною стороной дѣла, затѣмъ—апатія и почти повсемѣстное превращеніе училищныхъ совѣтовъ въ какія-то особыя отдѣленія предводительскихъ канцелярій, въ общій рядъ съ разными другими присутствіями, комитетами и коммиссіями, въ которыхъ предсѣдательствуетъ предводитель дворянства».

Недостаточность надзора за школами вызывала со стороны земскихъ собраній многочисленныя ходатайства объ учрежденіи инспекторовъ въ

*) Сборн. постан. земск. собр. Новгор. губ. 1880 г., стр. 208.

каждомъ уѣздѣ, причемъ многія принимали и содержаніе ихъ на счетъ земства. Ходатайства этого рода были удовлетворяемы, но учрежденіе инспекторовъ не всегда приносило ожидавшуюся пользу. Были случаи, когда инспектора, получая жалованье изъ земскихъ суммъ, становились къ земству во враждебныя отношенія, возбуждали пререканія и тѣмъ напрасно тормозили дѣло. Въ Елабужскомъ уѣздѣ, напримѣръ, «пререкательства» между управою и инспекторомъ дошли до того, что въ 1877 году земское собраніе, по предложенію ревизіонной коммиссіи, постановило предложить инспектору г. Соболеву «оставить службу уѣздному земству; если г. Соболевъ не оставитъ службы, то ходатайствовать предъ начальствомъ объ его удаленіи» *). Но особенно дорого поплатилось за успѣхъ подобнаго ходатайства бердянское земство. Еще съ 1872 года начало оно ходатайствовать о назначеніи для Бердянскаго уѣзда отдѣльнаго инспектора, съ содержаніемъ на счетъ земства и по его выбору, но это ходатайство было отклонено; наконецъ, на новое ходатайство о назначеніи въ уѣздъ правительственнаго инспектора послѣдовало въ 1877 году назначеніе на эту должность статскаго совѣтника Ивана Демьяновича Гарусова. «Какъ ни лестно было для нашего земства,—говоритъ бердянская уѣздная управа, — видѣть хотя одинъ разъ успѣхъ въ своемъ ходатайствѣ, но оно въ скорости глубоко пожалѣло о томъ, что возбуждало подобное ходатайство». Съ пріѣздомъ инспектора «канцелярскій бюрократизмъ и бездушный педантизмъ сразу сдавили желѣзными тисками всѣ первоначальные порывы и стремленія нашего земства въ такомъ святомъ дѣлѣ, какъ народное образованіе. Вновь назначенный испекторъ на первыхъ же порахъ показалъ земству, что оно совершенно бѐзправно въ школьномъ дѣлѣ и что его обязанность состоитъ только въ томъ, чтобы давать деньги». Въ самомъ началѣ своей дѣятельности г. Гарусовъ «своими административными распоряженіями въ дѣлѣ опредѣленія, увольненія и перемѣщенія съ одного мѣста на другое учителей, безъ всякихъ къ тому основаній, видимо причинялъ вредъ школьному дѣлу, оставивъ школы въ самое дорогое учебное время безъ учителей», а на просьбы управы о прекращеніи такихъ распоряженій отвѣчалъ слѣдующее: «считаю долгомъ предупредить управу, что я не буду вовсе отвѣчать ни на какія отношенія ея, въ которыхъ будутъ заключаться разсужденія о причинахъ успѣха или безуспѣшности школъ»,—и послѣ того не обращалъ вниманія ни на какія сообщенія управы. Эта послѣдняя пробовала обращаться съ жалобами къ начальству инспектора, но ея жалобы не имѣли успѣха. Между тѣмъ г. Гарусовъ «продолжалъ свою дѣятельность въ такомъ вредномъ для школьнаго дѣла направленіи». «Лучшіе учителя, запуганные инспекторскимъ могуществомъ «удалить каждаго однимъ почеркомъ пера», что онъ заявлялъ всѣмъ и каж-

*) *Земскій Ежегодникъ* 1877 г., № 2723.

дому, начали бросать уѣздъ, а когда инспекторъ, для укрѣпленія своего могущества, взвелъ на нѣкоторыхъ учителей обвиненія въ политической неблагонадежности,—обвиненія, впослѣдствіи совершенно не оправдавшіяся,—то на учителей напалъ такой паническій страхъ за свою судьбу, что они не знали, что имъ дѣлать». Инспекторъ не оставилъ въ покоѣ и заведенныхъ въ школахъ порядковъ: «всѣ инструкціи и указанія училищнаго совѣта и управы о порядкѣ преподаванія отмѣнилъ, не давъ взамѣнъ ничего, и отъ этого въ школахъ явился опять прежній хаосъ, порожденный въ особенности несистематичностью, непрактичностью и противорѣчивостью дѣлаемыхъ инспекціей распоряженій въ дѣлѣ преподаванія, такъ что учителя положительно растерялись, не зная, какому изъ циркуляровъ слѣдуетъ подчиняться». Образъ дѣйствій г. Гарусова былъ «настолько тягостенъ для всѣхъ», что предводитель дворянства счелъ необходимымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія, но и это ни къ чему не повело, и только вмѣшательство временнаго одесскаго генералъ-губернатора избавило Бердянскій уѣздъ отъ «такого громовержца-инспектора». Графъ Тотлебенъ, «разсмотрѣвъ дѣло по обвиненію г. инспекторомъ въ политической неблагонадежности одного учителя, призналъ дѣйствія инспектора настолько пристрастными и неправильными, что не счелъ возможнымъ имѣть долѣе такого чиновника на службѣ». Съ удаленіемъ г. Гарусова, однако, бѣдствія бердянскаго земства не кончились. Мѣсто инспектора занялъ Петръ Ивановичъ Янковскій, который пошелъ прямо по стопамъ своего предшественника, т. е. началъ изгонять учителей безъ всякихъ основаній, дѣлать придирки вновь приглашеннымъ учителямъ и сразу сталъ во враждебныя отношенія къ земству. На просьбу управы о прекращеніи гоненій противъ одной учительницы, о которой самъ онъ отозвался хорошо, г. Янковскій прислалъ управѣ такой отвѣтъ, который «сразу охарактеризовалъ его личность и показалъ, что можно ожидать отъ его дѣятельности. Въ этомъ отвѣтѣ инспекторъ, начавъ рѣчь съ политическаго положенія Россіи и о своихъ правахъ, которыя, въ виду этого, онъ имѣетъ надъ всѣми, написалъ управѣ цѣлый ультиматумъ, обвиняя ее въ политической неблагонадежности,—разумѣется, не скупясь при этомъ на выраженія и укоризны. Этою бумагой г. инспекторъ не ограничился; послѣдующія затѣмъ были въ такомъ же родѣ, съ дополненіемъ обвиненій въ какомъ-то самоуправствѣ и съ угрозой предать управу уголовному суду чрезъ прокурора. Вообще отношенія инспектора стали таковы, что почти не поступило въ управу ни одного сообщенія отъ него такого, въ которомъ бы онъ не обвинялъ управу въ какомъ-либо нарушеніи закона или его, инспекторскихъ, правъ, изобрѣтая эти нарушенія собственной фантазіей, такъ какъ на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было». Мы не будемъ подробно описывать здѣсь дѣятельность г. Янковскаго, для характеристики которой обильные матеріалы даетъ докладъ бердянской управы, а за-

мѣтимъ только, что и къ училищному совѣту онъ сталъ въ такія же отношенія, какъ и къ управѣ. По словамъ предсѣдателя бердянскаго земскаго собранія, и «здѣсь также пришлось наблюдать многое такое въ дѣйствіяхъ инспектора Янковскаго, что прямо говоритъ, что для него школьное дѣло не дорого ни съ какой стороны. Не желая утомлять собраніе перечисленіемъ всѣхъ фактовъ, онъ, какъ предсѣдатель училищнаго совѣта, заявляетъ лишь только, что училищный совѣтъ, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій, послѣ горькаго опыта, пришелъ къ заключенію, что характеръ дѣйствій инспектора Янковскаго, тонъ и выраженія его въ оффиціальныхъ сношеніяхъ и распоряженіяхъ постоянно вносятъ въ дѣло духъ произвола, пристрастія и легкомыслія, что̀, именно, порождаетъ разнообразныя и безконечныя столкновенія, ставя каждаго и весь училищный совѣтъ въ самыя напряженныя и тяжелыя отношенія къ инспектору,—отношенія, вредно отзывающіяся на всемъ ходѣ учебнаго дѣла въ уѣздѣ» *).

Конечно, появленіе въ одномъ уѣздѣ подрядъ двухъ такихъ дѣятелей, какъ гг. Гарусовъ и Янковскій, есть не болѣе, какъ несчастная случайность. Оба они были скоро удалены отъ занимаемыхъ ими должностей и теперь въ Бердянскомъ уѣздѣ начинаютъ, повидимому, устанавливаться дружелюбныя отношенія между земствомъ и инспекціей. Мы можемъ указать, что въ другихъ уѣздахъ той же губерніи оба эти вѣдомства живутъ въ мирѣ и согласіи. Такъ, напримѣръ, въ 1879 г. днѣпровская уѣздная управа считала «священною обязанностью свидѣтельствовать предъ земскимъ собраніемъ о той энергической и въ высшей степени полезной дѣтельности инспектора народныхъ училищъ П. А. Синимскаго, которую онъ оказалъ въ текущемъ году» **). Гг. Гарусова и Янковскаго нельзя признавать за типы инспекторовъ народныхъ училищъ,—это скорѣе печальныя исключенія,—тѣмъ не менѣе, благодаря ихъ дѣятельности, въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ парализовалось и тормозилось дѣло народнаго образованія въ такомъ уѣздѣ, земство котораго болѣе многихъ другихъ положило на него труда и заботъ. Гоненію, упрекамъ въ политической неблагонадежности, даже угрозамъ подверглось земство, которое въ то же самое время удостоилось Высочайшаго вниманія и одобренія. Изъ отчета бердянской управы за 1880—81 учебный годъ мы узнаемъ, что на всеподданнѣйшемъ отчетѣ таврическаго губернатора за 1880 годъ, «по объясненіи о томъ, что сельскія школы Бердянскаго уѣзда, будучи поставлены раціонально, вполнѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію,—послѣдовала Высочайшая Его Императорскаго Величества собственноручная отмѣтка: «очень отрадно». Отзывъ таврическаго губернатора под-

*) „Постановленія бердянскаго очеред. уѣздн. зем. собр. 1880 г.“, стр. 219 и слѣд., и 23.

**) „Постановленія днѣпровскаго уѣздн. зем. собр. очередн. сессіи 1879 г.“, стр. 125.

тверждается и преемникомъ гг. Гарусова и Янковскаго, который свидѣтельствуетъ, что въ осмотрѣнныхъ имъ 48 школахъ онъ нашелъ «правильную постановку школьнаго дѣла и въ каждой видѣлъ доказательство попечительныхъ заботъ управы о снабженіи школъ всѣмъ необходимымъ для успѣшнаго веденія преподаванія... Вездѣ проглядываетъ дѣятельное участіе земства, не жалѣющаго громадныхъ расходовъ для преуспѣянія народнаго образованія, установившаго во всемъ образцовый порядокъ, берегущаго школу, какъ дорогое дѣтище свое, и зорко слѣдящаго за тѣмъ, чтобы все было направлено къ наилучшему состоянію школьнаго дѣла»*). При такомъ отношеніи къ школѣ мѣстнаго земства не должно бы, казалось, быть мѣста какимъ - либо пререканіямъ между нимъ и инспекціей, обязанною заботиться объ успѣхахъ школы; между тѣмъ именно здѣсь разыгралась описанная выше борьба, въ которой, что всего страннѣе, воинствовавшіе инспектора встрѣчали поддержку со стороны своего начальства. Мало того, что жалобы оставлялись безъ послѣдствій, начальство даже поощряетъ инспектора на борьбу. «Г. директоръ училищъ Таврической губерніи въ бумагѣ, данной инспектору въ августѣ 1880 года, не признаетъ даже никакого права ни за предводителемъ дворянства, ни за членами училищнаго совѣта провѣрять знанія учениковъ на экзаменахъ, производимыхъ предъ окончаніемъ учебнаго года, говоря, въ своей бумагѣ, что такая повѣрка есть контроль надъ педагогическою частью, подлежащею вѣдѣнію только одной инспекціи, а экзаменаціоннымъ коммиссіямъ предоставлено только право сдѣлать выпускной экзаменъ, чтобъ опредѣлить право окончившихъ школу учениковъ на льготу по воинской повинности» **).

Учрежденіе инспекторовъ народныхъ училищъ имѣло цѣлью усиленіе надзора за школою, но эта цѣль отнюдь не достигнута, такъ какъ инспектора, вслѣдствіе ихъ малочисленности, не въ состояніи близко, на мѣстѣ, слѣдить за ходомъ преподаванія; ихъ мимолетные наѣзды не даютъ имъ возможности ни ознакомиться со школою, ни снабдить учителя полезными указаніями. Для той цѣли, для которой они учреждены, они оказываются—въ большинствѣ, по крайней мѣрѣ—совершенно безполезными. Благодаря своему, главнымъ образомъ, полицейскому назначенію, инспекторы народныхъ училищъ поставлены совершенно изолированно, и усердное исполненіе ими неправильно понятыхъ обязанностей нерѣдко приводитъ ихъ въ столкновенія съ другими заинтересованными въ школьномъ дѣлѣ элементами. Положеніе нынѣшнихъ училищныхъ совѣтовъ очень похоже на положеніе присутствій по крестьянскимъ дѣламъ: и въ тѣхъ и въ другихъ изъ коллегіи выдвинутъ одинъ изъ ея членовъ, облечен-

*) „Постановленія бердянскаго уѣзднаго земскаго собранія 1881 г.“, стр. 363 и 373.

**) „Постановленія 1880 г.“, стр. 233.

ный особыми правами, которыми не пользуются остальные его товарищи, пользующійся полною возможностью парализовать всѣ дѣйствія коллегіи. Инспекторъ училищъ, по отношенію къ училищному совѣту, играетъ ту же почти роль, какая въ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ принадлежитъ исправнику. Но такъ какъ ни тотъ, ни другой не пользуются властью исключительной и вынуждены раздѣлять ее съ коллегіей, не всегда съ ними согласной, то въ обѣ отрасли управленія, которыми завѣдуютъ оба эти правительственные агента, вносится крайне вредное для дѣла много-и разновластіе, устраняющее всякое единство направленія. Одна изъ главныхъ жалобъ на нынѣшнее положеніе волостныхъ правленій заключается въ томъ, что надъ ними слишкомъ много начальства, что имъ приходится исполнять разнообразныя и часто разнорѣчивыя распоряженія разныхъ вѣдомствъ. Таково же положеніе и сельской школы. Свободная фактически отъ всякаго контроля, она въ то же время находится въ подчиненіи у множества различныхъ начальствъ, не всегда между собою солидарныхъ, а это, конечно, только смущаетъ ее и сбиваетъ съ толку. «Та же политическая струя, которая внесена въ провинціальную жизнь въ послѣдніе годы,—говоритъ черниговская коммиссія,—привела къ вмѣшательству въ дѣла школы цѣлаго ряда вѣдомствъ и лицъ, не могущихъ оказать никакой помощи школѣ съ положительной стороны, и все это поставило школьнаго учителя, который поставленъ подъ распоряженіе множества начальствъ, начиная отъ училищныхъ совѣтовъ, предводителей дворянства, директоровъ и инспекторовъ училищъ, земской управы, до становаго, урядника и, косвеннымъ образомъ, священника и волостнаго писаря, изъ которыхъ каждое предъявляетъ къ школѣ свои права и свои требованія,—въ такое положеніе, что онъ теряетъ, наконецъ, всякую почву, лишается возможности серьезно вести дѣло, требующее прежде всего нравственной увѣренности въ себѣ и спокойствія духа, а отсюда—фактъ постояннаго скитанія учителей, бѣгство ихъ куда попало изъ школы, лишь бы найти гдѣ-нибудь болѣе сносное положеніе» *).

Ничего подобнаго не случилось бы, еслибы правительственный инспекторъ былъ введенъ въ составъ училищнаго совѣта, какъ равноправный членъ его, не облеченный никакими исключительными полномочіями, еслибы школьное дѣло продолжало оставаться въ полномъ завѣдываніи всего училищнаго совѣта. Надзоръ центральной власти за ходомъ народнаго просвѣщенія мы считаемъ безусловно необходимымъ, но для этого нѣтъ надобности въ особой школьной полиціи; вполнѣ достаточно, чтобы лицо, избранное для этой цѣли правительствомъ,—непосредственно ли, или при участіи мѣстнаго общества,—находилось въ составѣ учрежденія, завѣдывающаго и надзирающаго за школами, пользовалось въ немъ правомъ

*) „Журн." 1880 г., стр. 660.

голоса и такимъ образомъ служило посредникомъ между мѣстнымъ школьнымъ управленіемъ и центральнымъ. Положеніе самого инспектора, при такихъ условіяхъ, оказалось бы много выгоднѣе. Не находясь, по должности, такъ-сказать, въ антагонизмѣ съ училищнымъ совѣтомъ, онъ, какъ лицо, обладающее опытностью и надлежащей подготовкой, въ силу вещей получилъ бы въ немъ первенствующее значеніе и фактически сдѣлался бы руководителемъ учебнаго дѣла. Заслуживъ довѣріе товарищей, онъ объединялъ бы ихъ дѣятельность и тѣмъ вносилъ бы необходимое единство въ направленіе начальнаго обученія во всей находящейся въ завѣдываніи совѣта мѣстности. Теперь такого единства нѣтъ; начальныя школы, находящіяся въ одномъ уѣздѣ, преслѣдующія одну и ту же цѣль, не только идутъ различными путями, сообщаютъ своимъ ученикамъ не одинакій объемъ знаній, но даже состоятъ подъ управленіемъ разныхъ вѣдомствъ. Такъ-называемыя «образцовыя» училища министерства народнаго просвѣщенія—одноклассныя и двухклассныя—изъяты изъ вѣдѣнія училищныхъ совѣтовъ и предоставлены исключительному завѣдыванію инспекторовъ и директоровъ. О подчиненіи этихъ школъ училищнымъ совѣтамъ были возбуждаемы ходатайства, но не имѣли успѣха. Въ 1878 году такое ходатайство возбудило петербургское губернское собраніе, мотивируя его слѣдующими соображеніями: «двухклассныя училища содержатся не на одни средства министерства народнаго просвѣщенія, но и, въ весьма значительной степени, на средства, отпускаемыя сельскими обществами и частными лицами; мѣстное населеніе не довольно означенными училищами, въ виду того, что отъ участія въ распоряженіи даже хозяйственною частью оно устранено, что надзора за означенными училищами нѣтъ, такъ какъ единственное лицо, чиновникъ министерства, на обязанности котораго надзоръ этотъ лежитъ, не можетъ слѣдить за этими училищами, насколько это необходимо. Въ виду означеннаго, отдаленнаго, почти несуществующаго, надзора за двухклассными училищами и въ то же время весьма значительнаго расхода, который несутъ сельскія общества, а также сравненія въ этомъ отношеніи съ одноклассными училищами—заставляло не разъ выражать сельскія общества желаніе закрыть двухклассныя училища». Министерство народнаго просвѣщенія, разсматривая доводы губернскаго собранія, «приняло во вниманіе, что затрата казны на устройство двухклассныхъ училищъ составила единовременно 23.858 руб. и составляетъ ежегодно 13.070 руб., тогда какъ частные и общественные источники даютъ 10.550 руб. ежегодно и единовременно дали 5.530 руб.; о недовольствѣ отъ сельскихъ обществъ и частныхъ лицъ по поводу устранія ихъ отъ распоряженія училищами министерство не получило никакихъ данныхъ, и, по дѣйствующимъ правиламъ, участвующіе въ содержаніи училищъ не устранены отъ участія въ распоряженіи хозяйственною и учебною ихъ частями. Въ виду отсутствія затѣмъ отзывовъ уѣздныхъ земскихъ собраній о причинахъ несодѣйствія съ ихъ стороны развитію двухклассныхъ

училищъ, ходатайство губернскаго собранія признано не подлежащимъ удовлетворенію» *).

Сосредоточеніе всего школьнаго дѣла въ рукахъ коллегіальнаго училищнаго совѣта имѣло бы, безъ сомнѣнія, послѣдствіемъ усиленіе надзора за школами, который сдѣлался бы не фиктивнымъ, какъ теперь, а дѣйствительнымъ, такъ какъ члены совѣта могли бы принять въ немъ дѣятельное участіе. Тогда каждая школа во всей подробности, со всѣми мелочными ея особенностями, сдѣлалась бы извѣстной совѣту, и не приходилось бы, какъ теперь, жаловаться, что «некому удалить неблагонадежнаго учителя». Высказывая эти надежды, мы основываемся на опытѣ: припомнимъ дѣятельность хотя бы прежняго, временъ барона Корфа, александровскаго училищнаго совѣта; припомнимъ обстоятельные, во всѣ подробности входившіе отчеты его членовъ, распредѣлившихъ между собою завѣдываніе училищами. Намъ могутъ возразить, что такая дѣятельность возможна только тамъ, гдѣ найдутся энергическіе, преданные дѣлу люди, которые захотятъ и съумѣютъ возбудить энергію и въ другихъ. Согласны; но думаемъ, что тамъ, гдѣ мѣстныхъ силъ окажется недостаточно, гдѣ среди мѣстныхъ дѣятелей не найдется достаточнаго усердія къ дѣлу народнаго образованія, тамъ роль двигателя этого дѣла, роль возбудителя уснувшей энергіи должна выпасть на долю представителя правительственной власти—инспектора. Дѣло народнаго образованія—не мѣстное только дѣло; успѣхи просвѣщенія одинаково интересуютъ и мѣстное общество и государство, а потому вмѣшательство послѣдняго въ это дѣло безусловно необходимо. Государство не можетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ, лишь со стороны слѣдящимъ за мѣстною дѣятельностью: оно не должно безъ нужды стѣснять послѣдней, но въ то же время должно приходить ей на помощь, поддерживать и нравственно, и матеріально. Наше правительство до сихъ поръ воздерживалось отъ прямой иниціативы въ школьномъ устройствѣ, предоставляя его на полный произволъ мѣстныхъ земствъ и обществъ и оказывая свою помощь только тамъ, гдѣ уже сказалась, въ видѣ матеріальныхъ пожертвованій, мѣстная иниціатива. Такое пассивное положеніе правительства, къ сожалѣнію, направившаго свою дѣятельность главнымъ образомъ на надзоръ, а не на поощреніе, привело къ печальнымъ результатамъ. Въ то время, какъ одни уѣзды напрягаютъ всѣ свои силы на удовлетвореніе потребностей народа въ образованіи и, исчерпавъ всѣ свои источники, бываютъ вынуждены остановиться, не доведя дѣла до конца, другіе относятся къ этому дѣлу безучастно, не заботятся о распространеніи школъ, не помогаютъ имъ, даже задерживаютъ ихъ развитіе. Есть земскіе дѣятели, которые считаютъ образованіе народа ненужнымъ или невыгоднымъ, и тѣ со-

---

*) „Сборникъ постановленій с.-петербургскаго губернск. земск. собранія съ 1865 по 1879 г.“, стр. 751.

бранія, которыя находятся подъ вліяніемъ такихъ дѣятелей, оставляютъ дѣло на произволъ судьбы.

«Обращаясь къ дѣятельности уѣздныхъ земствъ,—говорилъ рязанскій губернаторъ Н. С. Абаза, въ первый разъ, по вступленіи въ должность, открывая губернское собраніе въ 1874 году,—вниманіе мое не могло не остановиться на той поразительной неравномѣрности этой дѣятельности въ разныхъ уѣздахъ губерніи, на томъ непонятномъ равнодушіи, которыя должны бы быть немыслимы послѣ 9-лѣтняго существованія земства. Рядомъ съ уѣздами, гдѣ дѣло отлично организовано, гдѣ къ каждому серьезному вопросу дѣятели земства относятся съ чрезвычайнымъ вниманіемъ и осторожностью, гдѣ ассигнуютъ значительныя суммы на народное образованіе, народное здравіе и другія необходимости населенія, я нахожу уѣзды, гдѣ очень мало сдѣлано, и есть уѣзды, гдѣ всѣ старанія направлены къ тому, чтобы на повинности необязательныя не давать, по возможности, ничего, а отъ неизбѣжнаго существованія земства оставалось какъ можно менѣе послѣдствій. Я укажу на нѣкоторые факты: въ Данковскомъ уѣздѣ, наприм., въ теченіе истекшихъ девяти лѣтъ, земствомъ израсходовано на народное образованіе около 47 тыс., въ Сапожковскомъ—38 тыс., въ Касимовскомъ и Зарайскомъ около 35 тысячъ въ каждомъ,—въ Михайловскомъ уѣздѣ, въ теченіе тѣхъ же девяти лѣтъ, ассигновано было 3.400 руб., да расходованіе и этой ничтожной суммы представляло затрудненія, такъ какъ отъ нея ежегодно были значительные остатки. Причиною такого скуднаго назначенія на предметъ столь важный выставляется нежеланіе крестьянъ учить своихъ дѣтей и давать что-либо на школу. Почему же въ уѣздахъ Данковскомъ, Сапожковскомъ, Касимовскомъ и др., гдѣ было обращено вниманіе на народное образованіе, крестьяне жертвуютъ большія суммы, значительныя же средства, ассигнуемыя земствомъ, не въ состояніи нерѣдко удовлетворять всѣмъ просьбамъ объ открытіи школъ?... Конечно, не недостатокъ средствъ тому причиною, такъ какъ платежныя силы Михайловскаго уѣзда гораздо больше Касимовскаго, Данковскаго и многихъ другихъ» *).

Характеристика михайловскаго земства, сдѣланная въ 1874 году губернаторомъ, всецѣло можетъ быть примѣнена и къ прежней его дѣятельности. Въ отчетѣ члена губернскаго училищнаго совѣта Д. Д. Дашкова, представленнаго рязанскому собранію въ 1869 г., читаемъ слѣдующее: «Я желалъ бы остановить вниманіе собранія на Михайловскомъ уѣздѣ, котораго грустная лѣтопись во многомъ для насъ поучительна. Земское собраніе пришло тамъ еще въ 1867 г. къ убѣжденію, что участіе его въ дѣлѣ народнаго образованія преждевременно. Въ 1868 г., докладывая о томъ, что въ уѣздѣ 19 школъ съ 644 учащимися, управа находила, что

*) „Журналы рязанскаго губернскаго собранія IX очеред. созыва (1874 г.)", стр. 2.

обученіе грамотности идетъ довольно удовлетворительно и что болѣе успѣшнаго хода этого дѣла пока ожидать невозможно, по причинамъ, которыя управа, вникая въ нихъ глубже въ теченіе цѣлаго года, изложила полнѣе въ своемъ докладѣ собранію уже въ прошломъ сентябрѣ. Преданное земледѣльческимъ занятіямъ, населеніе не чувствуетъ потребности въ грамотности; таково положеніе, которое, съ легкой руки бывшаго предсѣдателя михайловской управы, почти стереотипно повторяется каждый годъ въ ея докладахъ... Вслѣдствіе дробности раздѣловъ,—продолжаетъ управа,—мало семействъ могутъ отпускать въ школы дѣтей, нужныхъ для домашнихъ работъ, такъ что недостатокъ—не въ учителяхъ, а въ учащихся. Учителей управа находитъ довольно въ рядахъ духовенства, и мы съ своей стороны должны добавить, что въ этомъ михайловская управа, кажется, не ошиблась. Затѣмъ, видя, что число школъ убавилось въ теченіе года на 4, число учениковъ на 60, находя, что у временно-обязанныхъ крестьянъ школы поддерживаются искуственно пособіемъ частныхъ лицъ, управа предлагала и на будущій годъ отложить попеченіе объ этомъ предметѣ, что собраніемъ и принято къ свѣдѣнію» *) Укажемъ еще одинъ уѣздъ, подобный Михайловскому. Это—Одоевскій, Тульской губерніи. По свѣдѣніямъ *Земскаго Ежегодника*, этотъ уѣздъ три года (1877—1879) ассигнуетъ на народное образованіе неизмѣнную сумму—300 руб. Въ уѣздахъ, подобныхъ указаннымъ, гдѣ руководящія общественныя партіи не хотятъ помогать народному образованію, необходимо воздѣйствіе извнѣ, въ видахъ вызова къ дѣятельности силъ, которыя готовы, но, вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ, не могутъ работать на этомъ поприщѣ. Такія силы въ каждомъ уѣздѣ найдутся. Въ томъ же Михайловскомъ уѣздѣ, о которомъ мы говоримъ, крестьяне гласные, по свидѣтельству гласнаго кн. Л. Н. Гагарина, являются самыми ярыми противниками просвѣщенія: «Михайловское собраніе,—говорилъ кн. Гагаринъ, возражая на отчетъ г. Дашкова,—состоитъ преимущественно изъ крестьянъ; мы въ настоящее трехлѣтіе потеряли пять гласныхъ изъ землевладѣльцевъ, которыхъ нельзя не жалѣть. Сумма, назначенная на народное образованіе, была баллотирована въ михайловскомъ собраніи, но забаллотирована крестьянами. Я могу представить подлинный журналъ, гдѣ гласные отъ крестьянъ, объ образованіи которыхъ мы заботимся, заявили, что они ничего не хотятъ дать на народное образованіе»**). Между тѣмъ изъ отчета г. Дашкова мы узнаемъ, что въ существующихъ школахъ Михайловскаго уѣзда обучаютъ священники, получая отъ крестьянъ «весьма порядочное вознагражденіе за ученье и квартиру, мѣстами около 200 р.», что «общество большаго села, въ которомъ издавна распространена грамотность, отправляетъ своихъ выборныхъ и волостное начальство въ сосѣднее село, собираетъ тамъ сходку, убѣждаетъ тамошнихъ

---

*) Тоже, V очер. соз. (1869 г.), стр. 189.

**) „Журн. V очер. собр.", стр. 205.

крестьянъ открыть школу и обложить себя на это по 30 коп. съ каждой души. Еще въ одномъ селѣ, гдѣ крестьяне недовольны своимъ учителемъ, небрежно занимающимся обученіемъ дѣтей, просятъ дать имъ хорошаго наставника и обязываются, если только онъ будетъ обучать и церковному пѣнію, безпрекословно подчиняться всѣмъ нововведеніямъ школы и аккуратно посылать въ нее дѣтей своихъ, боязливо спрашиваютъ они, наконецъ, неужели начальство не позволитъ обучать и дѣвочекъ? Въ двухъ селахъ, гдѣ священники образовали при церквахъ хоры, они пользуются съ тѣхъ поръ огромнымъ вліяніемъ на общество и въ обоихъ селахъ возникли уже нынѣшней осенью школы. Когда одна изъ нихъ недавно открылась, привели священнику столько дѣтей, что онъ долженъ былъ отказать всѣмъ моложе 8-ми лѣтъ, и то набралось у него въ классѣ 115 мальчиковъ и нѣсколько дѣвочекъ, при населеніи въ 2.500 душъ» *). Все это факты, несомнѣнно доказывающіе склонность крестьянскаго населенія къ образованію и находящіеся въ полномъ противорѣчіи съ указываемымъ кн. Гагаринымъ настроеніемъ крестьянъ-гласныхъ. Но вопросъ въ томъ, свободно ли эти послѣдніе подавали голоса въ собраніи,—не въ угоду ли вліятельному меньшинству забаллотировали они сумму, предназначавшуюся на народное образованіе?

Итакъ, средства въ Михайловскомъ уѣздѣ есть; нужно только умѣть привлечь ихъ къ дѣлу. Есть тамъ, оказывается, и силы, готовыя служить народному просвѣщенію. «Упомянемъ,—говоритъ г. Дашковъ,—съ благодарностью и уваженіемъ имена нѣсколькихъ михайловскихъ помѣщиковъ, гг. Гольдерекера и Сѣкириныхъ, которые поняли, что въ ознакомленіи крестьянъ съ хорошею школой нѣтъ ничего искуственнаго, а есть честное исполненіе прямого долга, лежащаго на всякомъ образованномъ человѣкѣ» (стр. 191). Почему же эти почтенные люди, жертвующіе на школу деньги, не возвышаютъ въ ея защиту голоса въ земскомъ собраніи и училищномъ совѣтѣ, почему не пропагандируютъ они свои идеи среди мѣстныхъ дѣятелей?—Быть-можетъ потому, что въ мѣстныхъ учрежденіяхъ имъ нѣтъ мѣста; быть-можетъ господствующая партія держитъ ихъ въ сторонѣ отъ дѣла. Откройте такимъ людямъ доступъ къ дѣятельности, поддержите ихъ словомъ и дѣломъ въ ихъ благихъ начинаніхъ—и можно быть увѣреннымъ, что дѣло двинется впередъ.

Средствомъ для привлеченія къ школьному дѣлу людей, могущихъ быть ему полезными, но расходящихся въ стремленіяхъ съ господствующимъ большинствомъ, могло бы служить отмѣненное нынѣ назначеніе попечителей училищъ членами уѣзднаго училищнаго совѣта. Людей, достойныхъ этой чести, укажетъ общественное мнѣніе: тамъ, гдѣ бездѣйствуетъ земство и активная роль принадлежитъ крестьянскимъ обществамъ, отъ этихъ послѣднихъ зависитъ и избраніе попечителей; имъ же могло бы быть пре-

*) Тамъ же, стр. 191.

доставлено право ходатайства передъ губернскимъ училищнымъ совѣтомъ о назначеніи попечителей членами училищнаго совѣта. Избраніе съ одной стороны и назначеніе съ другой—могутъ считаться достаточною гарантіей того, что этимъ путемъ въ составъ училищнаго совѣта и въ руководители школьнаго дѣла не попадутъ люди вредные.

Измѣненіе состава и назначенія училищныхъ совѣтовъ крайне необходимо, какъ это указывалось многочисленными ходатайствами земскихъ собраній. Особенно обстоятельно изложена организація школьной администраціи въ неоднократно уже цитированномъ нами докладѣ черниговской коммиссіи, утвержденномъ губернскимъ собраніемъ. Коммиссія признаетъ необходимымъ, чтобы «устроено было одно учрежденіе, въ завѣдываніе котораго было бы передано возможно полное завѣдываніе школьнымъ дѣломъ въ уѣздахъ.

„Такимъ учрежденіемъ могъ бы быть уѣздный училищный совѣтъ, еслибы онъ былъ преобразованъ въ надлежащемъ направленіи. Училищный совѣтъ долженъ быть живымъ учрежденіемъ, прямо заинтересованнымъ въ успѣхахъ мѣстнаго народнаго просвѣщенія, помимо всякихъ служебныхъ и иныхъ соображеній. Въ совѣтѣ должно, даже численно, преобладать большинство мѣстныхъ земскихъ представителей, а поэтому необходимо, чтобы число ихъ было не менѣе пяти, причемъ было бы весьма полезно, чтобы предсѣдатель уѣздной земской управы, какъ лицо, ближе другихъ стоящее къ исполнительной сторонѣ земскаго дѣла, былъ во всякомъ случаѣ и членомъ училищнаго совѣта. Для того же, чтобы земское собраніе не было стѣснено въ выборѣ лицъ, могущихъ принести пользу, въ качествѣ членовъ училищнаго совѣта, слѣдуетъ допустить избраніе такихъ членовъ не только изъ земскихъ гласныхъ, но и изъ всѣхъ земскихъ избирателей уѣзда. Если правительство сочтетъ необходимымъ ближе слѣдить за ходомъ народнаго образованія, при посредствѣ представителей отъ разныхъ вѣдомствъ въ училищномъ совѣтѣ, то эти представители не должны предпринимать никакихъ отдѣльныхъ дѣйствій и распоряженій по школамъ, помимо училищнаго совѣта, который долженъ получить характеръ единственнаго авторитетнаго учрежденія по школьному дѣлу въ уѣздѣ. Само собою разумѣется, что инспекторъ народныхъ училищъ по вопросамъ чисто педагогическимъ дѣлаетъ свои замѣчанія и совѣты въ школахъ помимо училищнаго совѣта, но всѣ заявленія и желанія инспекторовъ относительно той или другой перемѣны въ извѣстной школѣ должны быть вносимы въ училищный совѣтъ, къ которому должны перейти функціи, вообще, всѣхъ распорядительныхъ властей относительно школъ; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, вообще, что только освобожденіе инспекторовъ народныхъ училищъ отъ административныхъ обязанностей, отъ всякихъ отчетовъ, обязательной рекомендаціи учителей и т. п. можетъ придать этой должности тотъ характеръ, при которомъ онъ можетъ принести наибольшую пользу, т. е. характеръ спеціалиста-педагога, совѣтника и помощника мѣстныхъ земскихъ людей въ дѣлѣ народнаго образованія. Еслибы земство пожелало имѣть у себя такихъ спеціалистовъ-педагоговъ съ вознагражденіемъ на счетъ земства, то такому желанію не слѣдовало бы дѣлать никакихъ препятствій. Засѣданія совѣта должны быть сдѣланы срочными, для правильнаго теченія дѣлъ; общее же направленіе дѣла выгоднѣе всего предоставить тому изъ членовъ, который, по общему мнѣнію совѣта, окажется къ тому наиболѣе способнымъ, т. е. предоставить избраніе предсѣдателя совѣта самому совѣту. При такомъ положеніи дѣлъ можно ожи-

дать, что уѣздные совѣты станутъ живыми учрежденіями, въ которыхъ сосредоточится вся дѣятельность по наблюденію и руководству надъ школами уѣзда. Уѣзднымъ управамъ остается наблюденіе за хозяйственною стороной дѣла и пріисканіе учителей изъ лицъ, имѣющихъ на то право. Затѣмъ на долю губернскаго училищнаго совѣта, который долженъ быть организованъ подобнымъ же образомъ, остается попеченіе о школахъ губерніи, передача въ уѣзды распоряженій правительства по школьному дѣлу, объединеніе дѣйствій уѣздныхъ совѣтовъ, общая отчетность и статистика школьнаго дѣла, разсмотрѣніе и разрѣшеніе жалобъ на постановленія уѣздныхъ совѣтовъ, относящіяся до открытія школъ, увольненія учителей и недопущенія ихъ къ преподаванію, принятіе такихъ общихъ по губерніи мѣръ, какъ устройство учительскихъ съѣздовъ, книжныхъ складовъ и т. п.

Ближайшую заботу о каждой школѣ въ отдѣльности слѣдовало бы организовать такимъ образомъ, чтобы заинтересовать, во-первыхъ, само мѣстное общество, зачастую участвующее и въ матеріальныхъ издержкахъ на школу; во-вторыхъ, поднять мѣстное значеніе учителя, на котораго часто смотрятъ какъ на наемника, къ которому можетъ предъявить свои претензіи всякій, кто только имѣетъ къ этому охоту. При каждой школѣ могло бы быть устроено мѣстное попечительство изъ избираемаго земствомъ попечителя школы, законоучителя, учителя и двухъ выборныхъ членовъ отъ мѣстнаго сельскаго общества. Попечительство, заботясь объ изысканіи и улучшеніи матеріальныхъ средствъ школы, должно быть подчинено указаніямъ уѣзднаго училищнаго совѣта по всѣмъ дѣламъ, касающимся веденія дѣла школы. Было бы полезно присутствіе попечителей, какъ лицъ, близко знающихъ практическое положеніе школъ, въ засѣданіяхъ училищнаго совѣта въ то время, когда они будутъ имѣть на то возможность".

Признавая предлагаемую черниговскою коммиссіей организацію школьнаго управленія, съ указанными выше дополненіями, вполнѣ цѣлесообразной, мы полагаемъ, что такая постановка школьнаго дѣла одна въ состояніи устранить, наконецъ, ту рознь, которая, къ несчастію, такъ долго существовала между органами министерства народнаго просвѣщенія и земствомъ, тратившими свои силы на безплодную борьбу, вредно отзывавшуюся на успѣхахъ просвѣщенія. Въ проектируемомъ совѣтѣ—единственномъ органѣ, вѣдающемъ все школьное дѣло въ уѣздѣ, сольются всѣ элементы, заинтересованные въ дѣлѣ школы; въ немъ формализмъ правительственнаго чиновника будетъ смягчаться живымъ вліяніемъ представителей общества; въ немъ апатія земцевъ будетъ разсѣяваться подъ натискомъ правительственнаго агента; въ немъ будетъ раздаваться и голосъ представителей народа, который такимъ образомъ станетъ въ болѣе близкое отношеніе къ школѣ и получитъ возможность вліять на ея направленіе; въ немъ, наконецъ, найдется мѣсто и вліянію церкви. Мы вѣримъ, что сплоченіе всѣхъ силъ, готовыхъ служить дѣлу народнаго образованія, для дружной совмѣстной работы принесетъ великую пользу этому святому дѣлу.

В. Скалонъ.

Письмо изъ Египта.

Египетъ и египетскій вопросъ.

Совершающіяся нынѣ въ Египтѣ событія возможно было предвидѣть въ то время еще, когда бывшій хедивъ Измаилъ-паша отказался уплачивать проценты по сдѣланнымъ Египтомъ въ Европѣ займамъ. Образъ дѣйствій парижскаго и с.-джемскаго кабинетовъ тогда же возбудилъ нѣкоторыя подозрѣнія относительно тайныхъ намѣреній Англіи и Франціи. Послѣдующія событія доказали, что подозрѣнія эти были вполнѣ основательны. Подъ предлогомъ обезпеченія интересовъ владѣльцевъ египетскихъ займовъ, англійское и французское правительства постоянно стремились къ пріобрѣтенію въ Египтѣ такого положенія, которое ставило бы эту страну въ зависимость отъ нихъ не только въ финансовомъ, но и въ политическомъ отношеніи. Это-то стремленіе Англіи и Франціи и должно было довести египетскій вопросъ до настоящаго кризиса.

Вслѣдъ за отказомъ Измаилъ-паши выполнить принятыя египетскимъ правительствомъ на себя обязательства по отношенію къ кредиторамъ отправлены были въ Египетъ спеціалисты для ознакомленія съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ странѣ. Бывшій хедивъ, желая избавиться отъ англо-французской опеки, съ своей стороны принялъ всѣ мѣры, чтобы воспрепятствовать этимъ спеціалистамъ изслѣдовать Египетъ.

Послѣдствіемъ подобнаго образа дѣйствій Измаилъ-паши былъ рядъ полумѣръ, неудовлетворившихъ ни одну изъ сторонъ. Лица, командировавшіяся изъ Франціи и Англіи, смѣняли одинъ другаго, не приходя ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Единственно, что выяснилось, это—полнѣйшая состоятельность Египта.

Впослѣдствіи Англія и Франція начали дѣйствовать болѣе энергично; но такъ какъ при Измаилъ-пашѣ онѣ не могли разсчитывать достичь своей цѣли, то въ Парижѣ и Лондонѣ начали выказывать недовольство хедивомъ. Когда же Измаилъ-паша явно обнаружилъ стремленіе совершенно освободиться отъ англо-французскаго вліянія и пало преданное Англіи

министерство Нубаръ-паши, то недовольство хедивомъ еще болѣе усилилось. Неожиданнымъ союзникомъ Англіи въ это время явилась Германія и, благодаря содѣйствію князя Бисмарка, Измаилъ-паша былъ низложенъ, а на вице-королевскій престолъ возведенъ неопытный сынъ его Тевфикъ. Въ настоящее время въ Египтѣ всѣ убѣждены, что, содѣйствуя низверженію хедива, князь Бисмаркъ имѣлъ въ виду ускорить тотъ кризисъ, который мы переживаемъ въ настоящую минуту, и отвлечь на Востокъ силы нѣкоторыхъ великихъ державъ.

Съ восшествіемъ на престолъ Тевфикъ-паши Египетъ быстро началъ приближаться къ настоящей развязкѣ. Вліяніе Англіи и Франціи, въ особенности первой, постоянно усиливалось.

Обезпеченіе интересовъ кредиторовъ Египта служило этимъ державамъ предлогомъ для прямаго вмѣшательства во внутреннее управленіе страною.

Между тѣмъ устраненіе финансоваго затрудненія, послѣдовавшее благодаря работамъ ликвидаціонной коммиссіи, значительно улучшило экономическое положеніе Египта, но права, пріобрѣтенныя, съ устраненіемъ этихъ затрудненій, нѣкоторыми великими державами поставили Египетъ въ зависимое положеніе въ политическомъ отношеніи. Иностранные генеральные контролеры явились самыми вліятельными египетскими сановниками. Ни одно рѣшеніе совѣта министровъ, требующее даже самыхъ незначительныхъ расходовъ, не могло быть приведено въ исполненіе, если оно не было одобрено генеральными контролерами. Даже такого рода расходы, какъ, напримѣръ, постройка школъ или назначеніе пенсіи старому чиновнику, не могли быть произведены безъ согласія генеральныхъ контролеровъ.

Естественно, что подобный порядокъ вещей могъ продолжаться лишь короткое время; тайное же соперничество Англіи и Франціи еще болѣе ускорило развязку. Но еще до установленія контроля обнаружилось, что англичане начинаютъ занимать болѣе выгодное положеніе. Такъ, напримѣръ, при ликвидаціи египетскихъ долговъ Великобританіи удалось превратить займы, находившіеся въ рукахъ англійскихъ капиталистовъ, въ «Dette Priviligiée», займы же обращавшіеся на французскихъ биржахъ составили «Dette Unifiée». Этимъ вполнѣ и навсегда обезпечивались интересы англійскихъ кредиторовъ, такъ какъ проценты по «Priviligiée» оплачивались изъ сборовъ желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и первыхъ государственныхъ доходовъ. Проценты же по «Unifiée» отчисляются изъ государственныхъ средствъ лишь по уплатѣ процентовъ по «Priviligiée». Даже и нынѣ, несмотря на разореніе, которому подвергся Египетъ, купоны по «Priviligiée» будутъ уплачены. Поэтому-то надо полагать, что на поддержку, оказываемую англійскому правительству въ египетскомъ вопросѣ состоятельными классами, имѣла нѣкоторое вліяніе увѣренность, что доходы ихъ отъ разоренія Египта не уменьшатся. Совершенно въ

иномъ положеніи находились французы-кредиторы, которые могли вслѣдствіе египетскихъ смутъ потерять состояніе.

Впрочемъ и въ политическомъ отношеніи англичане быстро съумѣли занять сравнительно болѣе выгодное для себя положеніе; этимъ, однако, они были обязаны отчасти бывшему французскому генеральному контролеру г. Блиньеру, который неоднократно являлся защитникомъ англійскихъ интересовъ и умѣлъ устранять тѣхъ представителей Франціи въ Египтѣ, которые вступали въ борьбу съ нимъ.

При содѣйствіи Блиньера Англія пріобрѣла на хедива громадное вліяніе и во главѣ египетскаго правительства поставлены были преданныя ей лица. Самымъ выдающимся изъ этихъ лицъ былъ Ріазъ-паша, котораго обвиняли въ намѣреніи поставить Египетъ по возможности въ зависимое положеніе отъ европейцевъ. Его обвиняли также въ томъ, что онъ не препятствовалъ европейцамъ эксплуатировать мѣстное населеніе, чѣмъ усилилъ приливъ переселенцевъ изъ Европы. Дѣйствительно, во время его управленія, въ руки послѣднихъ перешла нѣкоторая часть недвижимой собственности египтянъ. Переходу этому также много способствовало учрежденіе поземельнаго банка. Для уплаты податей феллахи закладывали землю, которая потомъ и продавалась съ публичнаго торгу. Но за то во время управленія Ріазъ-паши подати уплачивались весьма аккуратно. Противниковъ своей системы Ріазъ-паша не щадилъ. Нѣкоторая часть населенія считала Ріазъ-пашу орудіемъ англійской политики и поэтому нелюбовь къ Англіи возрастала. Политика Ріазъ-паши вызвала усиленіе въ Египтѣ національной партіи.

Несмотря на самыя строгія мѣры министерства, число сторонниковъ національной партіи постоянно увеличивалось и въ движеніи, наконецъ, приняло участіе и войско. Минувшей осенью дворецъ хедива окруженъ былъ возмутившимися солдатами, которымъ сочувствовала часть интеллигенціи, и министерство Ріазъ-паши вышло въ отставку. Составилось популярное министерство Шерифъ-паши, но съ этого времени начинается распаденіе національной египетской партіи. Большинство, съ Шерифомъ и Султанъ-пашами во главѣ, желало добиться мирными и законными путями освобожденія Египта изъ-подъ власти оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ эксплоататоровъ; меньшинство же, подъ руководительствомъ Махмудъ Самихъ-паши и Араби, упоенное легко одержанною надъ Ріазъ-пашей побѣдой, предпочитало рѣшительныя мѣры.

Такъ какъ на сторонѣ послѣднихъ было сочувствіе войскъ, то власть послѣ пронунціаменто неизбѣжно должна была перейти къ нимъ. Между тѣмъ нежеланіе Англіи и Франціи предоставить египетскому представительному собранію право безконтрольно распоряжаться, остающимися отъ покрытія расходовъ по уплатѣ долговъ и процентовъ, государственными доходами сильно раздражило большинство египтянъ, а отсутствіе единодушія въ политикѣ великихъ державъ дало военной партіи надежду до-

стичь своей цѣли. Составившееся тогда министерство Самихъ-паши, смѣнившаго Шерифъ-пашу, открыто выступило съ програмой борьбы.

Чтобъ избѣжать грозившихъ серьезныхъ затрудненій, Англія и Франція, повидимому, готовы были сдѣлать въ то время значительныя уступки Египту, но министерство, къ сожалѣнію, открыто высказывало намѣреніе вполнѣ освободить Египетъ отъ иностраннаго вліянія; Тевфикъ же паша видимо не сочувствовалъ програмиѣ министерства и, по мѣрѣ возможности, старался противодѣйствовать его намѣреніямъ. Чтобы подчинить себѣ хедива и устрашить всѣхъ его сторонниковъ, Араби рѣшился эксплоатировать ничтожный заговоръ черкесскихъ офицеровъ и придалъ ему громадное значеніе. Несмотря, однако, на всѣ усилія военной партіи, исходъ процесса черкесскихъ офицеровъ былъ неблагопріятенъ для нея и сильно скомпрометировалъ Араби. Тогда-то рѣшено было угрозами побудить хедива дѣйствовать совмѣстно съ военною партіей и совершенно отстраниться отъ англичанъ. Тевфику открыто начали грозить умерщвленіемъ или сверженіемъ съ престола, но онъ, находя постоянно поддержку въ англійскомъ представителѣ Мэлетѣ, не подчинялся требованіямъ сторонниковъ Араби. Слишкомъ рѣшительный образъ дѣйствій арабистовъ возбудилъ опасенія въ Англіи совершенно утратить пріобрѣтенное ею въ Египтѣ вліяніе. Въ Лондонѣ признали тогда необходимымъ удалить изъ Каира руководителей военной партіи. Достичь этой цѣли предполагали возможнымъ благодаря полному разрыву арабистовъ съ хедивомъ и отдѣленію отъ военной партіи націоналистовъ, не одобрявшихъ явной борьбы съ хедивомъ и одно время открыто даже ставшихъ на сторону Тевфика. С.-джемскій кабинетъ находилъ въ то время, что достаточно будетъ отправить сильный англо-французскій флотъ, чтобы сломить военную партію, не поддержанную ни хедивомъ, ни національною партіей. Французское же правительство во всемъ этомъ дѣлѣ было лишь слѣпымъ орудіемъ Великобританіи. Представитель Франціи, Сенкевичъ, все время былъ увѣренъ, что онъ руководитъ Тевфикомъ совмѣстно съ англійскимъ генеральнымъ консуломъ Мэлетомъ; но впослѣдствіи открылось, что всѣ вопросы предварительно рѣшались хедивомъ съ представителемъ Англіи, а Сенкевичъ слѣдовалъ лишь ихъ указанію. Только близорукостью Сенкевича и можно объяснить принятіе Франціей участія въ морской демонстраціи, безплодность и вредныя послѣдствія которой предвидѣло большинство европейцевъ, находившихся въ Египтѣ.

Дѣйствительно, присылкою флота въ Александрійскій портъ, западныя державы возбудили негодованіе въ народѣ и поколебали власть хедива въ глазахъ египтянъ. Съ этого времени многіе начали смотрѣть на Тевфика недоброжелательно. Отсутствіе дессанта на судахъ было также серьезною политическою ошибкой западныхъ державъ. Сторонники Араби предполагали, что державы не имѣютъ въ виду прибѣгнуть къ вооруженному вмѣшательству, и только поэтому рѣшились сопротивляться. Но, несмотря

на усилія агентовъ Араби, сельское населеніе оставалось спокойно. Поэтому-то положеніе Араби-паши до бомбардировки Александріи было непрочно: онъ опирался лишь на военныхъ и часть городскаго населенія, громадное же большинство египтянъ относилось къ нему индифферентно, а часть національной партіи даже порицала арабистовъ.

Араби-паша, которому хорошо это было извѣстно, разсчитывалъ достичь успѣха только благодаря недостатку единодушія между великими державами.

Чтобъ убѣдить Европу въ необходимости сохранить за нимъ власть, Араби тайно началъ подготовлять въ Александріи враждебную европейцамъ демонстрацію, которую онъ имѣлъ въ виду подавить и тѣмъ доказать державамъ, что безъ него спокойствіе въ странѣ не обезпечено. Но въ то время и англійскіе агенты начали возбуждать народъ, въ надеждѣ вызвать серьезные безпорядки и подать этимъ поводъ къ вооруженному вмѣшательству. Но ни Араби, ни англичане не достигли своей цѣли. Движеніе александрійской черни 11 іюня перешло границы простой демонстраціи, но не достигло такихъ размѣровъ, чтобы потребовалось иностранное вмѣшательство. Тѣмъ не менѣе англійское министерство воспользовалось имъ, какъ поводомъ къ дальнѣйшимъ враждебнымъ Египту дѣйствіямъ. Министерство Раибъ-паши, составленное при содѣйствіи Германіи, Австріи, Россіи и Италіи для примиренія интересовъ обѣихъ сторонъ, не только не достигло цѣли, но даже ускорило кризисъ. Замѣна вліянія Англіи и Франціи вліяніемъ четырехъ великихъ державъ должно было побудить великобританское правительство принять рѣшительныя мѣры для спасенія своего положенія въ Египтѣ.

Укрѣпленіе александрійскихъ фортовъ послужило Англіи предлогомъ для вооруженнаго вмѣшательства. Англійскому адмиралу хорошо было извѣстно, что форты не представляютъ для флота ни малѣйшей опасности, потребовался предлогъ и поэтому поспѣшили воспользоваться первымъ представившимся случаемъ. Однако, начавъ борьбу безъ основательнаго повода, англичане дали орудіе Араби-пашѣ для веденія этой борьбы.

Въ іюнѣ еще египетская армія пополнялась насильно приводимыми рекрутами; послѣ же бомбардировки въ лагерь Араби начали являться добровольцы. Такимъ образомъ борьба съ Египтомъ значительно осложнилась-было, чего не предвидѣло британское правительство. Дурная же организація англійской арміи и недостатокъ воинственности въ солдатахъ служили серьезнымъ препятствіемъ для достиженія цѣли. Поэтому-то, несмотря на успѣхи англичанъ, борьба затянулась бы на нѣсколько мѣсяцевъ, еслибъ Араби, имѣя военное образованіе и талантъ, во-время съумѣлъ укрѣпиться въ Каирѣ или же послѣ первой серьезной неудачи отступилъ въ Средній Египетъ.

Тель-эль-кебирская побѣда ясно показала, какъ еще однако мало сочувствовала арабистскому движенію народная масса. Египтянинъ столѣ-

тія привыкъ находиться подъ чуземнымъ владычествомъ и мало дорожитъ теперь своею независимостью. Завѣтная мечта его — это имѣть маленькій клочокъ земли, который онъ могъ бы спокойно обрабатывать. Поэтому-то если Англія удовлетворитъ этимъ весьма скромнымъ требованіямъ сельскаго жителя, то спокойствію страны не будетъ грозить въ настоящее время ни малѣйшая опасность. Но, чтобъ упрочить свое положеніе въ Египтѣ, англичанамъ необходимо также расположить къ себѣ и мѣстную европейскую колонію. Достичь этого едва ли, впрочемъ, будетъ особенно затруднительно. Три четверти европейскаго населенія въ Египтѣ составляютъ эксплоататоры, гоняющіеся за наживой, и достаточно предоставить имъ продолжать тѣ занятія, которыя доставляли имъ средства, чтобы купить ихъ услуги. Естественно, что при подобныхъ условіяхъ и при поддержкѣ хедива Англіи не трудно укрѣпиться въ Египтѣ и изъ ничтожной тель-эль кебирской побѣды с.-джемскій кабинетъ можетъ извлечь теперь громадныя выгоды.

Поэтому-то надежды нѣкоторыхъ великихъ континентальныхъ державъ на обсужденіе Европой египетскаго вопроса представляются по меньшей мѣрѣ неосновательными. Англію можно заставить согласиться на это, но добровольно она не подчинится указаніямъ другихъ государствъ. А кто можетъ рѣшиться принудить ее? Правда, въ Европѣ сознаютъ, что египетскій вопросъ — международный (объ обязанности же трактатовъ и о томъ, что Англія явно нарушила Берлинскій, повидимому, вспоминать не хотятъ), но ни у кого не хватаетъ рѣшимости сказать и поддержать свое заявленіе, что никакія перемѣны въ Египтѣ не могутъ быть признаны законными, если они будутъ сдѣланы безъ согласія великихъ державъ.

Не къ чему, слѣдовательно, и утѣшать себя ложными надеждами. Въ настоящее время Египетъ должно признать отчасти уже достояніемъ Великобританіи и слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы хотя временно по возможности ограничить тамъ власть англичанъ. Этого требуютъ также и интересы Россіи. Рано или поздно намъ неизбѣжно придется принимать участіе въ разрѣшеніи запутаннаго восточнаго вопроса, гдѣ наши интересы непремѣнно столкнутся съ интересами Англіи. Если же Египетъ сдѣлается къ тому времени добычею послѣдней, то Англія несравненно менѣе будетъ нуждаться въ насъ, тогда какъ для Россіи поддержка Англіи получитъ въ то время большое значеніе.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что непосредственно Египетъ не имѣетъ для насъ политическаго значенія, но, какъ существенная часть цѣлаго, судьба котораго зависитъ отъ разрѣшенія восточнаго вопроса, страна эта весьма даже важна для Россіи. Поэтому-то теперь всѣ наши усилія должны быть направлены къ тому, чтобы воспрепятствовать тамъ упроченію англійскаго вліянія, въ чемъ намъ оказали бы содѣйствіе и нѣкоторыя другія великія державы. Достигнуть же этого отчасти можно

предоставленіемъ контроля надъ финансами Египта всѣмъ великимъ державамъ на равныхъ правахъ, возстановленіемъ statu quo ante и расширеніемъ правъ учрежденныхъ уже въ Египтѣ международныхъ судовъ. Въ настоящее время въ вѣдѣніи этихъ судовъ находятся только гражданскія дѣла, а надо, чтобъ и уголовныя дѣла разбирались въ международныхъ судахъ и были изъяты изъ консульствъ.

На первое время достаточно будетъ и этого, чтобы хотя нѣсколько обуздать англичанъ. Но на этомъ не слѣдуетъ останавливаться. Со-временемъ должно настоятельно требовать удаленія изъ Египта англійскихъ войскъ. Понятно, что великобританское правительство не пожелаетъ подчиниться этому требованію, но достаточно уже и то, что за Англіей не будетъ признаваемо право оставлять на неопредѣленное время въ Египтѣ вооруженныя силы. Если Европа поставлена въ невозможность заставить сообразоваться съ ея интересами, то все же мы можемъ открыто протестовать противъ того или другаго образа дѣйствій, оставляя за собою право принять свои мѣры при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Надо полагать, что при другихъ обстоятельствахъ мы и въ минувшее лѣто воспротивились бы занятію Египта, или же допустили бы его только въ случаѣ соглашенія между Россіей и Англіей. Воспрепятствовать же этому занятію было не невозможно, хотя и требовалось бы прибѣгнуть къ весьма рѣшительнымъ мѣрамъ, т. е. двинуть экспедиціонный корпусъ къ границамъ Арменіи и заявить, что для обезпеченія своихъ интересовъ вынуждены будемъ занять эту провинцію, въ случаѣ высадки въ Египетъ англійскихъ войскъ. Отъ султана же потребовать немедленной отправки турецкаго корпуса въ Египетъ, чтобы лишить Англію повода къ вторженію въ эту страну. Угроза занять Арменію подѣйствовала бы и на султана, и на Англію. Наше же формальное обѣщаніе Портѣ, что не нарушимъ ея правъ, если первая этого не сдѣлаетъ Англія, побудило бы Порту энергически воспротивиться англійскому занятію Египта и поспѣшить отправить въ долину Нила вооруженныя силы. Да едва ли и Англія рискнула бы тогда сдѣлать рѣшительный шагъ, тѣмъ болѣе, что она обезпечила Турціи цѣлость ея азіятскихъ владѣній.

Несмотря на нашу угрозу, симпатіи турокъ несомнѣнно были бы на нашей сторонѣ; возмущенные посягательствомъ Англіи на Египетъ, они поняли бы, что, угрожая занять Арменію, мы дѣйствуемъ въ ихъ интересахъ и сами не ищемъ никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, въ случаѣ же занятія Арменіи готовы будемъ вывести оттуда свои войска, если и Англія въ свою очередь очиститъ Египетъ. Все это возможно бы было своевременно разъяснить Портѣ и выяснить ей также, что не въ нашихъ интересахъ ослаблять Турцію въ Азіи и Африкѣ; напротивъ, Россія можетъ только желать, чтобы тамъ образовалось сильное мусульманское государство и такимъ образомъ центръ тяжести мусульманскаго міра перенесенъ бы былъ съ Босфора въ другой болѣе благопріятный для насъ

пунктъ. Азіятско-же африканское мусульманское государство можетъ быть нашимъ искреннимъ и вѣрнымъ союзникомъ. Поэтому всякое ослабленіе тамъ власти калифа крайне невыгодно для насъ, и нашей программѣ, въ основаніи которой лежало бы поддержаніе власти Турціи въ Азіи и Африкѣ, естественно должны бы были сочувствовать всѣ мусульмане. При подобныхъ условіяхъ угроза Россіи занять Арменію не нарушила бы нашихъ дружественныхъ отношеній съ турецкимъ правительствомъ, а лишь воспрепятствовала бы Великобританіи достичь ея цѣли. Но для всего этого требовались болѣе благопріятныя обстоятельства.

И. Пашковъ (Влад—овъ).

Хроника французской жизни.

Рабочій вопросъ и рабочіе конгрессы. — Фракціи рабочей партіи. — Легитимисты. — Общественное настроеніе.—Распространеніе порнографической литературы: „La bouche de m-me X.", Адольфа Бело, и „Histoire sans nom", Барбе д'Орвильи.—Появленіе третьяго тома „Переписки Жоржъ-Зандъ".—Обзоръ журналовъ.

Французская буржуазія мало тревожится современнымъ соціалистическимъ движеніемъ. А между тѣмъ пролетаріатъ сплачиваетъ свои силы. Изъ періодической прессы довольно трудно составить себѣ ясное понятіе о настоящемъ положеніи дѣла; большая часть газетъ систематически игнорируетъ его, а меньшинство ограничивается необузданными похвалами какому-нибудь излюбленному дѣятелю. Послѣдній національный рабочій конгрессъ, собравшійся въ С.-Этьенѣ въ концѣ сентября, обратилъ однако на себя вниманіе всей періодической прессы. Это счетомъ шестой годичный конгрессъ; первые пять собирались въ Парижѣ, Ліонѣ, Марсели, Гаврѣ и Реймсѣ. Первый конгрессъ дѣйствовалъ ощупью, не успѣвъ еще выработать ясной и опредѣленной цѣли; второй разрабатывалъ вопросъ о взаимной помощи; третій основалъ рабочую партію, какъ политическую группу, отдѣльную отъ другихъ партій, къ которымъ принадлежатъ правящіе и привилегированные классы; Францію раздѣлили на шесть округовъ, а каждый округъ составленъ изъ федераціи ремесленныхъ корпорацій и изъ группъ, изучающихъ соціальныя науки. На четвертомъ конгрессѣ между членами возникло несогласіе и конгрессъ распался на двѣ партіи: одна, дѣйствовавшая по внушенію правительства, стремилась удержать рабочихъ въ скромныхъ предѣлахъ улучшенія ихъ быта и умѣренныхъ требованій; другая ратовала за радикальную эмансипацію труда, осуществимую лишь путемъ соціальной революціи. Большинство высказалось противъ аккомадаціи съ буржуазнымъ правительствомъ. Въ виду предстоявшаго тогда общаго голосованія, гаврскій конгрессъ выработалъ программу неотлагательныхъ требованій, обязательную для всѣхъ кандидатовъ партіи; каждый мѣстный комитетъ получилъ право расширенія этой программы, ограниченіе же программы отнюдь не допускалось подъ угрозой отлученія отъ партіи. Эта программа, получившая названіе «Minimum», потерпѣла фіаско при общемъ голосованіи. На конгрессѣ, собравшемся въ Реймсѣ въ слѣдующемъ году, многія группы потребовали ея отмѣны; обсужденіе вопроса было передано на разсмотрѣніе федерацій и окончатель-

ное голосованіе мнѣній отложено до слѣдующаго конгресса. Собравшись въ С.-Этьенѣ, конгрессъ рѣшилъ предоставить право федераціямъ составлять свои мѣстныя програмы. Подъ названіемъ «considérants uniques», конгрессомъ выработано сокращенное изложеніе политическихъ убѣжденій партіи; они тождественны съ воззрѣніями интернаціональной рабочей партіи 1864 года: «эмансипація рабочихъ должна быть создана самими рабочими», — идеалъ, къ которому стремится партія, основаніе общества, гдѣ каждый будетъ получать вознагражденіе соразмѣрное приложеннымъ способностямъ и труду. На предварительныхъ совѣщаніяхъ различныхъ группъ въ Парижѣ, гдѣ обсуждались вопросы, поступившіе на разсмотрѣніе конгресса, формула, что въ идеальномъ обществѣ каждый долженъ получить вознагражденіе соразмѣрное приложеннымъ способностямъ и труду, вызвала не мало возраженій. Многіе доказывали, что эта мысль, прекрасная въ принципѣ, столь же неумѣстна въ сводѣ закона, какъ христіанское правило: «Люби ближняго, какъ самого себя»,—и то и другое служитъ нравственнымъ принципомъ, но не можетъ имѣть силы гражданскаго законодательства. Нѣкоторые члены возстали противъ названія «коммунистовъ», присвоеннаго себѣ крайнею группой, и доказывали, какъ неосновательно выражать новую идею старымъ именемъ, имѣющимъ свое опредѣленное значеніе, установившееся въ общемъ пониманіи. Это возраженіе не имѣло успѣха и названіе «коммунистовъ» было принято и утверждено на конгрессѣ частью по недостатку развитія большинства присутствующихъ, а преимущественно потому, что главные вожди партіи желали избавиться отъ названія «коллективистовъ», принятаго умѣренными.

Первый рабочій конгрессъ составился по иниціативѣ Поліа, издававшаго вмѣстѣ съ Барбере съ 1872 года цѣлый рядъ брошюръ о рабочемъ вопросѣ. Впослѣдствіи Поліа сдѣлался редакторомъ Nouvelle Revue и началъ обсуждать дѣло съ точки зрѣнія сочувственной интересамъ буржуазіи; Барбере же получилъ мѣсто директора департамента промышленныхъ обществъ, созданное для него при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Это своего рода справочная контора рабочаго движенія; но рабочіе чуждаются вліянія чиновника, оплаченнаго правительствомъ, и, несмотря на всѣ усилія Барбере, ему не удалось забрать въ руки рабочія синдикальныя палаты. Онъ захотѣлъ собрать конгрессъ въ Бордо, но результатъ вышелъ самый плачевный: приглашенные делегаты изъ провинцій не пріѣхали, и присутствовали только одни мѣстные члены партіи. Однимъ изъ главныхъ вождей рабочей партіи въ 1876 году былъ Жюль Гедъ, прожившій послѣ коммуны нѣсколько лѣтъ въ Римѣ, откуда онъ писалъ корреспонденціи о рабочемъ вопросѣ. Вернувшись въ Парижъ, онъ сталъ во главѣ рабочаго движенія. Вмѣстѣ съ Карломъ Марксомъ онъ составилъ въ Лондонѣ програму, извѣстную подъ именемъ «Minimum». Непринятіе этой програмы на конгрессѣ въ Реймсѣ затронуло его самолюбіе и онъ отнесся

къ этому рѣшенію слишкомъ раздражительно, а его неуступчивость и высокомѣріе оттолкнули отъ него главный комитетъ рабочей партіи; его паденіе почти совпадаетъ съ паденіемъ Гамбетты. Духъ времени сказывается въ этихъ паденіяхъ. Гедъ пробовалъ отыграться на рабочемъ конгрессѣ центра, собравшемся въ Парижѣ въ прошломъ маѣ. Онъ составилъ контръ-федерацію и надѣялся одержать побѣду надъ противниками на національномъ конгрессѣ въ С.-Этьенѣ, но скоро увидалъ, что его шансы на успѣхъ весьма слабы. Тогда онъ ретировался и собралъ контръ-конгрессъ въ Роанѣ. Послѣ длиннаго доклада, въ которомъ подробно были изложены всѣ произвольныя дѣйствія Геда, конгрессъ въ С.-Этьенѣ постановилъ исключить Геда и его приверженцевъ изъ среды рабочей партіи, а контръ-конгрессъ въ Роанѣ съ своей стороны разразился громомъ на противниковъ.

Представители рудокоповъ бассейна Луары отказались присутствовать на конгрессѣ, желая сдѣлать послѣднюю попытку къ примиренію съ директорами. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ нѣкоторые изъ депутатовъ крайней лѣвой явились посредниками между директорами каменно-угольныхъ копей Grande Combe и Bessige и рабочими. Желая поставить преграду слишкомъ сильному распространенію соціалистическихъ идей между рабочими, депутаты тѣхъ же каменно-угольныхъ бассейновъ согласились пріѣхать въ С.-Этьенъ для совѣщанія съ выборными изъ рудокоповъ. Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ депутата г. Буассе. Рабочіе сообщили плачевныя подробности о своемъ бѣдственномъ положеніи и о тѣхъ уловкахъ, которыми директора отклоняются отъ отвѣтственности за несчастные случаи; требованія рабочихъ были самыя умѣренныя, о чемъ даже свидѣтельствуютъ отзывы консервативныхъ органовъ печати. Делегаты прямо заявили, что если они не получатъ удовлетворенія, то всею массой примкнутъ къ рабочей партіи. Кловисъ Гюгъ, поэтъ, депутатъ города Марселя, присутствовавшій на конгрессѣ въ С.-Этьенѣ, какъ делегатъ одной изъ кооперативныхъ группъ своего родного города, вызвался быть представителемъ интересовъ рабочей партіи въ палатѣ депутатовъ; въ парижскомъ муниципальномъ совѣтѣ ту же роль принялъ на себя рабочій Жофренъ. Конгрессъ въ С.-Этьенѣ выработалъ проектъ организаціи національнаго рабочаго комитета, составляемаго изъ членовъ, избираемыхъ шестью федераціями: Центра въ Парижѣ, Юга въ Марселѣ, Сѣвера въ Лиллѣ, Востока въ С.-Этьенѣ и Запада въ Реннѣ.

Седьмой національный рабочій конгрессъ соберется въ Парижѣ въ сентябрѣ 1883 года; за нимъ послѣдуетъ международный конгрессъ. Въ настоящее время вся партія разбита на нѣсколько группъ. Гедъ и его послѣдователи проводятъ свои воззрѣнія въ ежедневной газетѣ Le Citoyen и еженедѣльной — Egalité. Ихъ направленіе самое крайнее; они составляютъ меньшинство и извѣстны подъ названіемъ «autoritaires». Члены, участвовавшіе на конгрессѣ въ С.-Этьенѣ, составляютъ большин-

ство партіи; ихъ зовутъ «libertaires»; у нихъ нѣтъ признаннаго вождя, но между ними болѣе другихъ пользуются значеніемъ рабочій Малонъ и докторъ медицины Бруссъ; ихъ органъ—еженедѣльная газета Le Prolétaire. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ фракцій, есть еще анархисты, которыми руководитъ докторъ правъ Эмиль Готье. Они пропагандируютъ въ еженедѣльной газетѣ La Bataille, издаваемой Лиссагаре, и въ анонимномъ еженедѣльномъ изданіи L'étendard révolutionaire. Эта фракція эксплоатируетъ распри двухъ главныхъ группъ, въ надеждѣ перетянуть сочувствіе на свою сторону; но врядъ ли это имъ удастся,—простой народъ инстинктивно сочувствуетъ порядку, анархическія теоріи не прельщаютъ его, онъ сторонится отъ распрей и чуетъ, что личная интрига въ данномъ случаѣ играетъ болѣе важную роль, чѣмъ идея и принципъ. Мы можемъ указать на отрадное явленіе, что многіе рабочіе уже отворачиваются отъ крикуновъ и необузданныхъ ораторовъ; рѣчи же спокойныя и ясно изложенныя привлекаютъ къ себѣ вниманіе и сочувствіе слушателей. Въ XI округѣ, въ Парижѣ, на дняхъ собиралось засѣданіе общества «Alliance socialiste résрublicaine», состоящаго изъ самыхъ умѣренныхъ членовъ рабочей партіи. Предсѣдатель собранія, Железъ, былъ первоначально однимъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ первыхъ рабочихъ конгрессовъ и работалъ въ редакціи Le prolétaire. Онъ прочелъ собранію программу, напечатанную въ первыхъ нумерахъ этой газеты, предоставляющую каждому полную свободу мнѣній, указалъ, насколько настоящее направленіе газеты отклонилось отъ заявленной цѣли, и въ заключеніе назвалъ лицъ, которыхъ личное честолюбіе повредило общему дѣлу. Собраніе рукоплескало ему, но одинъ изъ присутствующихъ членовъ «Union fédérale» возразилъ, что программа «Alliance cocialiste» не имѣетъ даже тѣни соціалистическаго ученія; разбирая программу по параграфамъ, онъ доказывалъ, что она можетъ быть смѣло подписана не только членами академіи наукъ, но и самимъ графомъ de-Chambord. При этомъ ораторъ замѣтилъ, что если буржуазія во-время вспомнитъ положеніе дворянства въ ночь 4 августа 1789 года и сама отречется отъ своихъ преимуществъ, не раскаиваясь въ томъ, — на другой день, какъ сдѣлало дворянство,—то неизбѣжный соціальный переворотъ совершится мирнымъ путемъ.

Легитимистская партія въ нашемъ политическомъ безсиліи видитъ возможность монархической реставраціи; рожденіе графа de-Chambord чествовалось во многихъ мѣстахъ обѣдами, на которыхъ сказано было не мало пошлыхъ рѣчей. Несомнѣнно, что партія легитимистовъ стала очень незначительна во Франціи, но воззванія такихъ людей, какъ генералъ Шареттъ, способны возбудить междоусобную войну—хотя и не опасную, но все-таки непріятную. Благоразумные люди, озабоченные общимъ благомъ, не желаютъ репрессіи ни той, ни другой партіи; для нихъ важнѣе всего увидать правительство на пути дѣятельнаго прогрессивнаго развитія. А этого-то и нѣтъ.

Многіе изъ депутатовъ и даже министровъ объѣзжали провинціи во время вакацій и говорили рѣчи своимъ избирателямъ; ихъ выслушивали съ крайнимъ равнодушіемъ,—всѣмъ надоѣли обѣщанія, которыя не выполняются, и оправданія, противорѣчащія настоящему положенію дѣла. Государственные дѣятели и вожди оппозиціи всѣ наравнѣ утратили свой престижъ. Ничтожество правительства вселило общее политическое безвѣріе.

Гамбетта, подстрекаемый своими клевретами, жаждущими власти, и проголодавшимися аферистами, мечтаетъ какъ можно скорѣе опять забрать въ руки бразды правленія. Всѣ копошутся въ интригахъ. Достигнетъ ли Гамбетта своей цѣли?—Все возможно. На безлюдьи и Ѳома дворянинъ. Но онъ можетъ купить верховную власть только цѣной огромныхъ уступокъ своимъ противникамъ.

Journal Officiel издалъ безконечный списокъ ссыльныхъ 2 декабря 1851 года, которымъ правительство платитъ пожизненныя пенсіи. Многіе изъ нихъ уже давно обезпечены выгодными правительственными должностями. Въ числѣ пенсіонеровъ есть депутаты и сенаторы. Газета La France, желая подтрунить надъ ними, напечатала пуфъ, будто бы составился комитетъ богатыхъ для раздачи субсидій болѣе бѣднымъ пенсіонерамъ. Несомнѣнно, что жестокія преслѣдованія того времени разорили не мало честныхъ людей; но до 1851 года, пока существовала еще республика, генералъ Кавеньякъ также сослалъ безъ суда и расправы тысячи людей, которыхъ никто не подумалъ вознаградить за самоуправство республиканскаго правительства. Послѣ коммуны версальская армія разстрѣливала направо и налѣво, не давая осужденнымъ даже времени доказать свою личность и непричастность къ дѣлу; на каждаго члена коммуны перестрѣлено по десятку лицъ, ради случайнаго съ нимъ сходства. Многіе находятъ, что было бы логичнѣе карать тѣхъ, которые были причиною несчастій, но и это неудобоисполнимо и на провѣрку выходитъ, что директоръ ссылочной коммиссіи, выслужившій свою пенсію, получаетъ вознагражденіе за свое усердіе изъ того же бюджета, изъ котораго выдается пособіе жертвѣ, отъ него пострадавшей.

Правительство декретировало уничтоженіе тюльерійскаго дворца. Коммиссія перестройки историческихъ зданій поручила архитектору Гарнье расчистить мѣсто; монархисты во Франціи питаютъ суевѣрную привязанность къ развалинамъ дворца и желали, во что бы то ни стало, видѣть его возстановленіе. Правительство нашло лишнимъ тратить милліоны на эту перестройку и монархисты должны навсегда отказаться отъ дорогихъ мечтаній, рисовавшихъ имъ хотя еще въ смутномъ будущемъ пышную придворную жизнь въ этихъ, осужденныхъ теперь на окончательное разрушеніе, стѣнахъ: изящныя рѣшетки, уцѣлѣвшія отъ пламени, будутъ скоро продаваться въ ломъ, а мраморныя колонны нѣкогда пышной фельдмаршалской залы раскупятся на аукціонѣ. Недавно императрица Евгенія была въ Парижѣ. Проѣзжая мимо своего бывшаго жилища, она бросила

вѣроятно послѣдній взглядъ чернымъ руинамъ, въ которыхъ она царила въ блестящіе годы своей жизни.

Въ то время, какъ французскій пролетаріатъ осыпаетъ бранью свои правящіе классы, они сами подписываютъ себѣ приговоръ своими нравами на сценѣ и въ беллетристикѣ. Мы не касаемся исключеній, а говоримъ о текущей литературѣ, о тѣхъ авторахъ, которые моментально распродаютъ по 60.000 экземпляровъ своихъ сочиненій. Если романы раскупаются и читаются съ явнымъ предпочтеніемъ, то, значитъ, они удовлетворяютъ нравственнымъ потребностямъ читателей и потому произведенія современныхъ романистовъ дѣлаются невольно мѣрилами нравственнаго развитія если не всей Франціи, то по крайней мѣрѣ ея высшихъ классовъ. Два писателя двухъ различныхъ лагерей, антагонисты въ убѣжденіяхъ, издали на дняхъ два романа, которымъ слѣдуетъ отвести мѣсто на двухъ противоположныхъ полюсахъ парижскаго растлѣнія: это «La bouche de m-me X.», Адольфа Бело, и «Histoire sans nom», Барбе д'Орвильи. Бело — буржуа-циникъ; для него женщина—гастрономическое блюдо, которое онъ вкушаетъ подъ самыми разнообразными приправами и охотно дѣлится рецептами съ читателемъ. Наружностью онъ маленькаго роста, вульгаренъ въ своихъ пріемахъ, румяный, съ дерзкимъ взглядомъ. Барбе д'Орвильи выражается изящнѣе, чѣмъ Бело, но любитъ не менѣе его барахтаться въ нравственной грязи. Онъ легитимистъ и придерживается католическаго духа Луи Вельо. Развратъ онъ прикрашиваетъ ханжествомъ и нравится довольно многочисленному кружку читателей. Наружностью онъ высокій, худой, одѣтъ не по модѣ, безъ вкуса и смахиваетъ на авантюриста. Сластолюбіе атеиста и ханжи, свободнаго мыслителя и клерикала сливается въ немъ воедино. Безстыдство, дающее тонъ литературѣ, есть явленіе, которое уже не разъ повторялось въ исторіи французскаго народа, и это всегда было признакомъ подступающихъ внутреннихъ кризисовъ. Нѣкоторые талантливые люди стараются остановить общее теченіе, но оно влечетъ за собой толпу, которая съ жадностью бросается на порнографическую литературу. Самыя скабрёзныя сочиненія XVIII вѣка перепечатаны, красуются въ витринахъ и разбираются охотниками. Правительство было вынуждено обратить вниманіе на литературу самаго гнуснаго разряда и послѣдовало запрещеніе дешевыхъ порнографическихъ сочиненій; но дорогія изданія освобождены отъ строгой цензуры, которой подвергнуты дешевыя брошюры.

Какое дѣло до рабочихъ конгрессовъ въ С.-Этьенѣ и Роанѣ читателямъ, раскупающимъ тридцать девятое изданіе только-что появившагося романа Бело «La bouche de madame X.» Не легкая задача сдѣлать разборъ этой книги; она пропитана развратомъ умытымъ, причесаннымъ, раздушеннымъ, а все-таки развратомъ. Бело изображаетъ свой собственный идеалъ въ исповѣди своего героя: «Денежный вопросъ никогда не озабочивалъ меня; я родился богатымъ, мое состояніе обезпечено отъ всякихъ

краховъ. Чѣмъ я занимаюсь?—Ничѣмъ. Когда-то изучалъ право, но послѣ этого усилія остановился; гляжу, какъ другіе работаютъ, и эксплуатирую ихъ трудъ. Я слишкомъ люблю всѣхъ женщинъ, чтобы когда - нибудь полюбить одну». Дѣло дошло до того, что герои Бело влюбляются въ руку, ногу, глазъ, носъ, губы; на этотъ разъ нѣкто Д*** полюбилъ ротъ одной женщины. Авторъ на многихъ страницахъ описываетъ намъ съ весьма пикантными подробностями особенныя примѣты женщинъ разныхъ странъ; его герой находитъ, что богатый парижанинъ, умѣющій тратить свои деньги, можетъ, сидя у камина, угостить себя продуктами всего земнаго шара; онъ разсылаетъ своихъ клевретовъ за границу и они привозятъ ему «образцы», которыми онъ довольствуется, примиряясь съ тѣмъ, что они «не первой свѣжести». Онъ называетъ это «интернаціональною любовью».

Романъ завязывается тѣмъ, что господина Д., въ извѣстномъ мѣстѣ, знакомятъ съ женщиной подъ вуалью. Ему не удается довести интригу до финала. Незнакомка скрывается. Д. влюбляется въ ея ротъ, начинаетъ ее разыскивать и, наконецъ, встрѣчается съ ней въ Пиренеяхъ. Незнакомка оказывается графиней, которой надоѣла честная жизнь и захотѣлось испробовать запретнаго плода. Послѣдовала неудача перваго свиданія. Д. спасаетъ жизнь графини въ Пиренеяхъ, напоминаетъ ей о своей особѣ и уговариваетъ продолжать интригу. Героиня соглашается безъ особенныхъ затрудненій. Вотъ образчикъ романа, увѣнчаннаго блестящимъ успѣхомъ. Мы находимъ въ немъ одно только качество, и то отрицательное, отсутствіе всякаго лицемѣрія. Нельзя сказать того же о соперникѣ Бело; романъ Барбе д'Орвильи не менѣе безнравственъ, да къ тому пропитанъ ханжествомъ. Дѣйствіе происходитъ въ концѣ XVIII вѣка. Madame и mademoiselle de Ferjol, «набожныя какъ ангелы», отправились слушать великопостныя поученія капуцина, «котораго одѣяніе такъ поэтично и живописно». Barbey d'Aurevelly рисуетъ г-жу Фержоль какъ женщину рѣдкой энергіи, созданную для обузданія самыхъ строптивыхъ и непокорныхъ, но на долю которой выпало быть лишь руководительницею невинной дѣвочки. Авторъ романа считаетъ себя христіаниномъ по преимуществу, но у него всюду фатумъ играетъ роль deus et machina. Во всякомъ случаѣ Barbey d'Aurevelly въ правѣ называть себя писателемъ католическимъ,—никто полнѣе его не изобразилъ современное положеніе католичества.

Если произведенія этого писателя грѣшатъ порою вычурностью и неясностью, то они все-таки выше сочиненій его соперника—Belot. Кого выводитъ въ своихъ романахъ Belot? — Людей вульгарныхъ, грубыхъ, единственной цѣлью жизни ставящихъ наслажденіе. Это—манекены, надѣленные всѣми пороками своего времени, а не люди. Barbey d'Aurevelly даетъ намъ живыя лица, выхваченныя изъ среды аристократіи и духовенства. Всѣ эти лица порочны, развращенны, всѣ обладаютъ искусствомъ примирять страсти съ суровыми требованіями церкви и тради-

ціонными предразсудками замковъ. Паденіями своихъ героевъ Barbey d'Aurevelly наслаждается, причемъ его нравственное чувство не страдаетъ.

Религія Barbey d'Aurevelly—религія либерализма добраго стараго времени: днемъ онъ самоуслаждается непристойными воспоминаніями, а ночью—очищаетъ свою совѣсть нѣсколькими ударами бича.

Характеръ дочери г-жи Ферэколь, Lasthénie, не лишенъ прелести. «Дѣтская наивность,—говоритъ Barbey d'Aurevelly,—не покидала ее съ колыбели... Подобно фіалкѣ, она ютилась у подошвы горъ Фортеца и, какъ ландышъ, затерялась въ его сырой и темной зелени. Въ ея время единственнымъ наставникомъ молодыхъ дѣвушекъ были великія чувства и онѣ довольствовались этимъ; появляясь въ свѣтъ ничего не вѣдая, онѣ все угадывали. Теперь,—продолжаетъ авторъ,—ихъ учатъ всему, но онѣ ни до чего не доходятъ сами». Весь романъ переполненъ сравненіемъ стараго порядка съ новымъ и на каждой страницѣ униженіе послѣдняго.

Barbey d'Aurevelly склоненъ къ трагическому. Героиня его—сонамбулистка, бродитъ по ночамъ. Въ такомъ состояніи ее встрѣтилъ монахъ Riculf и, обезчестивъ, скрылся. Дѣвушка стала чахнуть. Черезъ нѣсколько времени обнаруживается ея беременность. Мать въ отчаяніи. Она осыпаетъ вопросами дочь, которая молчитъ, не зная что сказать, сама ничего не вѣдая. Мать принимаетъ молчаніе несчастной жертвы за упорство грѣшницы и съ жестокостью ханжи мучаетъ свое дѣтище. Lasthénie дѣлается матерью мертваго ребенка, сходитъ съ ума и умираетъ. Мать переживаетъ ее.

Въ роковую для Lasthénie ночь у нея съ пальца слѣзло кольцо, исчезновеніе котораго она ни себѣ, ни матери не могла объяснить и только черезъ 25 лѣтъ г-жа Ферэколь случайно узнала все. Пользуясь безпорядками революціи, монахъ Riculf становится предводителемъ шайки разбойниковъ и однажды нападаетъ на одного богатаго купца; въ борьбѣ послѣдній схватываетъ злоумышленника за руку и привязываетъ его. Не желая отдаться во власть правосудія, Riculf отрубаетъ себѣ руку, на пальцѣ которой оказалось кольцо. Это чудовище умираетъ въ монастырѣ траппистовъ, раскаявшись въ своихъ преступленіяхъ. Кольцо доставляютъ г-жѣ Ферэколь и она, наконецъ, убѣждается въ невиновности своей несчастной дочери. «Не монахъ убилъ мою дочь,—восклицаетъ она,—я сама докончила его преступленіе!» Узнавъ о благочестивой кончинѣ Riculf'а, она говоритъ: «Если онъ на небѣ, я не хочу быть тамъ съ нимъ». Подъ вліяніемъ страшной ненависти, эта страдающая ханжа идетъ къ траппистамъ, чтобы посмотрѣть въ открытую могилу своего врага. Тамъ существовалъ обычай не зарывать яму; изъ горстей земли, бросаемыхъ всѣми, сама собой образуется насыпь въ шесть дюймовъ; здѣсь у разверстой могилы эта женщина завидовала червямъ, пожиравшимъ трупъ этого оставшагося безнаказаннымъ злодѣя.

Католики нападаютъ на своего писателя: можно ли, говорятъ они, выставлять такихъ монаховъ—прелюбодѣевъ и преступниковъ и такихъ безсердечныхъ женщинъ-ханжей!

Третій томъ «Переписки Жоржъ-Зандъ» начинается 1848-мъ годомъ. Февральская революція приводитъ въ восторгъ знаменитую женщину. «Чудный сонъ,—пишетъ она 9 марта,—великая радость въ Парижѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ какой порядокъ, какая дисциплина въ городѣ! Я только-что вернулась, выбѣжала на улицу и моимъ глазамъ предстали, у моихъ ногъ выросли послѣднія баррикады. Я видѣла народъ—великій, чудный, наивный и великодушный, собранный въ сердцѣ Франціи, въ сердцѣ всего свѣта. Прекраснѣйшій народъ въ цѣломъ мірѣ! Я провела много ночей безъ сна, много дней ни присѣвъ ни на минуту. Счастье, опьяненіе, какой-то бредъ охватываютъ, когда засыпаешь въ грязи и просыпаешься на небѣ».

Несмотря на свой энтузіазмъ, Жоръ-Зандъ понимала несостоятельность людей временнаго правительства, которому предстояло выполнить задачи, «требующія генія Наполеона и сердца Спасителя», но настроеніе парижскаго народа ее ободряетъ. Она говоритъ: «прочность такого настроенія — это идеалъ». Временное правительство дѣлаетъ все, чтобъ охладить общее возбужденіе, но Жоржъ-Зандъ продолжаетъ восторгаться. «Всѣ мои физическіе недуги, всѣ нравственныя страданія забыты; я живу, я сильна, дѣятельна, мнѣ снова 20 лѣтъ». Въ это время она составляла правительственные циркуляры.

Ея сынъ Морисъ былъ меромъ своей общины. «Меня забавляетъ,—говоритъ она сыну,—что все это къ тебѣ обращается, а ты самъ оффиціальнымъ путемъ получаешь предписанія отъ твоей матери». Она, какъ художница, любовалась восторгомъ толпы, сравнивая происходившее у нея на глазахъ съ итальянскими жнецами, изображенными на картинахъ Леопольда Робера. «Народъ въ движеніи здѣсь дивно хорошъ. Я встрѣчаю его вездѣ. Вчера я видѣла толпу человѣкъ въ пятьдесятъ, несущую громадную сосну — дерево свободы. Во главѣ барабанщикъ и знамя; отрядъ этихъ мощныхъ, крѣпкихъ земледѣльцевъ — съ зелеными вѣнками на головахъ, съ заступомъ, стрѣлой или топоромъ за плечами—восхитительнѣе, великолѣпнѣе всѣхъ картинъ на свѣтѣ!»

Политическій медовый мѣсяцъ Жоржъ-Зандъ длился четыре недѣли. Въ апрѣлѣ уже ею овладѣваетъ безпокойство; она видѣтъ, какъ Ламартинъ поддается внушеніямъ интригановъ, и обращается къ нему съ страстными заклятіями: «Вы вынесли изъ блѣднаго тумана и суетнаго дыма тщеславнаго свѣта, желающаго удержать все для себя, свѣточъ, блистающій въ вашей душѣ, а теперь вы не вѣрите тому, что Провидѣніе, сотворившее такое чудо съ однимъ человѣкомъ, можетъ зажечь тотъ же свѣтъ правды и въ сердцахъ цѣлаго народа? Вы думаете, что народъ будетъ ждать еще цѣлыя столѣтія, чтобъ осуществить великолѣпную картину, которую ему мелькомъ показали?—О, нѣтъ, нѣтъ!... Не кажется ли вамъ, что вы живете въ эпоху, когда обязанности человѣка добраго и человѣка геніальнаго тождественны, когда оба должны стремиться задержать паденіе еще хорошаго, неотжившаго общества? Быть-можетъ вы думаете, что начавшееся

разрушеніе пріостановится передъ послѣднимъ камнемъ?—Нѣтъ, оно уже совершилось. Неужели вы желаете быть этимъ послѣднимъ препятствующимъ камнемъ, причиной, источникомъ нечистоты свода, — вы, который въ глубинѣ души такъ ненавидите все нечистое и во всеуслышаніе, въ лирическихъ порывахъ, клеймите поклоненіе Мамону? Еслибы люди дѣла, до которыхъ вы снизошли, прямо, открыто работали надъ освобожденіемъ человѣческой семьи, я бы стала обожать васъ, какъ святаго. Я бы сказала, что вашему генію дано кроткое сердце Христа, которое заставляетъ трапезовать съ мытарями, чтобы просвѣтить ихъ истиною. Но вѣдь вы знаете, что не достигнете этого. Сила способная обращать, умилять испорченныя или огрубѣвшія души—въ рукахъ Предвѣчнаго, но, кажется, Онъ не съ нихъ хочетъ начать возрожденіе человѣчества,—не озарилъ, не смягчилъ ни одного изъ нихъ. Зачѣмъ вы съ тѣми, кого Богъ не хочетъ просвѣтить, а не съ тѣми, кого Онъ призвалъ? Зачѣмъ вы встали между буржуазіей и пролетаріатомъ, чтобы проповѣдывать однимъ самоотреченіе, т. е. продолженіе ихъ страданій, до новаго приказа, который ваши дѣловые люди возможно дольше не будутъ давать, а другихъ склонять къ маленькимъ уступкамъ, дѣлаемымъ скорѣе изъ страха, чѣмъ по убѣжденію?»

Слова Жоржъ-Зандъ не отрезвляютъ Ламартина; онъ тѣснѣе сближается съ врагами республики,—той самой республики, которая создала его власть. 17 февраля она пишетъ о немъ: «Онъ бережетъ всѣ идеи и всѣхъ людей, не вѣруя ни въ одну идею, не любя ни одного человѣка». Далѣе она объясняетъ причину зла. Оно происходитъ не потому, что народъ, какъ многіе говорятъ, не доросъ до пониманія идей, и не потому, что сами идеи будто бы не дозрѣли, но люди проповѣдующіе эти идеи не добры, воли и прямоты нѣтъ, а истина плодотворна лишь тогда, когда она исходитъ изъ чистаго сердца. Люди же фальшивы, честолюбивы, тщеславны, эгоисты и лучшіе изъ нихъ не лучше чорта».

Жоржъ-Зандъ, конечно, и волоса на головѣ не пожертвовала бы для политическихъ дѣятелей, подобныхъ Распайлю, Бланки, Кабету. «Я съ замираніемъ сердца слѣжу за тѣмъ, съ какимъ легкомысліемъ эти «педанты»,—такъ она называла ихъ,—подбиваютъ толпу къ возстанію, не заботясь о томъ, подготовлена ли она къ нему и царствуетъ ли единодушіе среди нихъ самихъ». 28 мая она отвѣчаетъ Торэ, который вѣроятно укорялъ ее въ недостаткѣ смѣлости. «Не говорите мнѣ: не знайте страха,—страхъ не французское слово. Я слишкомъ утомлена жизнью, чтобъ упустить случай ее потерять, — слишкомъ врагъ собственности, чтобы не желать освободиться отъ нея. Я слишкомъ привыкла къ усталости и труду, чтобы не цѣнить отдыха. Но моя совѣсть робка и угрызенія ея черезчуръ велики, когда дѣло идетъ о возбужденіи народа къ возстанію. Какъ бы ни были новы и смѣлы доктрины, осуществлять ихъ наобумъ нельзя. Я вѣдаю, подобно мужчинѣ, и волненіе борьбы, и неотра-

зимость перваго выстрѣла ружья. Въ молодости я послѣдовала бы за діаволомъ, призывающимъ къ огню и мечу, но теперь, многому научившись, я дрожу за день слѣдующій за побѣдой. Готовы ли мы настолько, чтобы дать достойный отчетъ Богу и людямъ? Я говорю *мы*—въ прошломъ, въ настоящемъ же я не могу отдѣлить себя отъ народа. Народъ не созрѣлъ и, насильственно толкая его впередъ, мы задержимъ его на пути развитія».

Затѣмъ она опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ роль побѣжденныхъ при покушеніи на національное собраніе, произведенномъ 15 мая 1848 г.: «Они хотѣли навязать народу неожиданностью, нахальствомъ,—силы у нихъ не было,—идеи, которыя онъ не могъ усвоить. Они желали водворить для него братство, но не какъ Христосъ, а какъ Магометъ его водворялъ. Вмѣсто религіи у насъ былъ бы фанатизмъ. Нѣтъ, идеи и истины не такимъ путемъ водворяются. Послѣ трехъ мѣсяцевъ такой физической узурпуціи изъ республиканцевъ мы бы обратились въ варваровъ».

Вплоть до coup d'état 1851 года республика не жила, а влачила свое существованіе. Вслѣдъ за 2 декабря Жоржъ-Зандъ обратилась къ принцу Луи-Наполеону съ длиннымъ посланіемъ, въ коемъ она склоняетъ его къ амнистіи. Многіе друзья и до сихъ поръ не простили ей этого. Новый глава государства при личномъ съ нею свиданіи согласился сдѣлать многое для тѣхъ, о комъ она просила. «Въ награду мнѣ всѣ говорятъ и всѣ пишутъ: «Вы—бонапартистка... Просите за насъ, получайте, но ненавидьте дающаго человѣка. Если вы не будете утверждать, что онъ пожираетъ живыхъ дѣтей, мы поставимъ васъ внѣ закона». Все это меня не удивляетъ,—я ни на что другое не разсчитывала,—но раздоръ партій и ихъ направленіе возбуждаютъ во мнѣ глубокое отвращеніе, и я чувствую благодарность не къ президенту, который не просилъ меня о ней, а къ Богу, за то, что лучше многихъ понимаю *свои политическія уступки*».

Маццини горько упрекаетъ Жоржъ-Зандъ за ея новые романы. «Вы удивляетесь,—пишетъ она ему 15 декабря 1853 г.,—что я занимаюсь литературой, а я благодарю Бога, что Онъ сохранилъ мнѣ эту способность, которая даетъ возможность моей совѣсти преслѣдовать дѣло нравственнаго просвѣщенія. Что бы стала я дѣлать, покинувъ мою скромную дѣятельность?... Заговоры?—Я на нихъ неспособна. Памфлеты?—У меня нѣтъ для нихъ достаточно ума и желчи. Придумывать теоріи?—У насъ ихъ слишкомъ много и онѣ довели насъ до ссоръ и распрей—могилы правды и всякой власти».

Читая эту интересную переписку, выносишь впечатлѣніе, что среди всѣхъ превратностей, которыя бросали Францію изъ стороны въ сторону за періодъ отъ 1848 до 1856 г., Жоржъ-Зандъ была одной изъ самыхъ мужественныхъ и дальновидныхъ личностей этой эпохи. Здѣсь же можно познакомиться со всѣми дѣйствующими политическими партіями Франціи, которыя вопреки всѣмъ урокамъ жизни остались такими же, какъ были 20—30 лѣтъ раньше.

Въ сентябрской книжкѣ Revue des Deux Mondes помѣщена статья г. Габріеля Шармъ — «Французская республика и ея интересы на Востокѣ». Онъ начинаетъ съ того положенія, что республика дала уже доказательства своей состоятельности внутри, но не доказала ее во внѣшнихъ дѣлахъ. «Противники республики,—говоритъ онъ,—облегчаютъ ей ея обязанности; ихъ неловкія и неумѣлыя нападки доставили ей не одинъ блестящій успѣхъ и мало-по-малу страна стала тѣмъ, чѣмъ должна быть, относясь съ полнымъ довѣріемъ къ будущему, которымъ она будетъ обязана республикѣ.

На послѣднихъ выборахъ почти вездѣ монархическая оппозиція поражена и почти вездѣ республиканское движеніе достигло небывалой силы, которую признали и самые ярые скептики. «Но, подъ вліяніемъ опьяненія, — говоритъ авторъ, — торжествомъ, ошибочно строить иллюзіи относительно общественнаго мнѣнія, подвижнаго и всегда легко мѣняющагося. Какъ бы ни были велики несчастія, постигшія Францію въ 1870 и 1871 годахъ, но въ моментъ созиданія республики она ни внутри, ни внѣ не была тревожима. Правда, она была одинока,—постигшее ее бѣдствіе отдалило отъ нее тѣхъ, кто любитъ опираться на мощную націю; правда, она потеряла двѣ провинціи, границы ея искажены, флангъ разстроенъ,—но осталось прошлое съ его славными завоеваніями,—наслѣдство, которое можетъ быть сохранено и умножено. Побѣжденная на сушѣ, Франція въ приморскихъ странахъ удержала свои владѣнія и свой престижъ.

Завѣтная мысль автора разсматриваемой статьи, чтобы Франція заняла на сѣверѣ Африки положеніе, какого Англія достигла въ Индіи и Россія въ центральной Азіи. Онъ между прочимъ обращается къ Англіи, уговаривая ее «не злоупотреблять своими побѣдами на сушѣ»,—другими словами, присоединить Францію къ урегулированію египетскихъ дѣлъ. Онъ укоряетъ французскихъ демократовъ за равнодушіе къ потерѣ французскаго вліянія на Востокѣ. «Занятые постройкою парижской ратуши и реформою магистратуры, они этихъ потерь,—говоритъ г. Шармъ,—не замѣчаютъ, но правительство, которое постепенно заставитъ Францію играть роль Бельгіи или Швейцаріи, не имѣющихъ никакого вліянія на міровыя событія, заслужитъ презрѣніе потомства».

Въ Nouvelle Revue за сентябрь г. Турмье знакомитъ съ путешествіемъ Проспера Мериме по Востоку. Въ 1841 году Мериме вмѣстѣ съ извѣстнымъ ученымъ Ленорманомъ объѣздилъ Грецію и Турцію. Пріѣхавъ въ Элладу, холодная душа Мериме, насколько могла, растаила. Вотъ что онъ пишетъ: «Наши дни проходятъ въ восторгахъ, въ постоянныхъ восторгахъ; ни плохія жилища, ни отвратительныя дороги не въ состояніи лишить Грецію той поэзіи, которая ее окружаетъ, которою въ ней все дышетъ. Никто безъ волненія не ступалъ на почву этой священной страны, гдѣ столь великія воспоминанія заключены въ такія малыя пространства». Но скептицизмъ Мериме быстро входитъ въ свои права и, у Ѳермопилъ сорвавъ цвѣтокъ, онъ спрашиваетъ: «Быть-можетъ въ составъ

его атомовъ вошло нѣсколько атомовъ Леонида?» Насмѣшка—господствующая черта его ума: «Азіятки,—пишетъ онъ,—или восхитительно хороши, или невѣроятно смѣшны, и съ утра до ночи мы переходимъ отъ смѣха къ восторгу.... Намъ вездѣ оказывали много вниманія,—продолжаетъ онъ,—и потому насъ всюду встрѣчали жандармы; завидѣвъ насъ издали, они готовили намъ кофе. Въ этой странѣ обычай провѣрять паспорты; мой паспортъ великолѣпенъ,—въ немъ надѣлили меня перьями горлицы и глазами льва. Въ Эфесѣ мы нашли столько же памятниковъ, какъ въ Римѣ, но они всѣ разрушены. Впечатлѣніе все-таки поразительное». Нѣкоторые факты у Мериме преувеличены до анекдота. Такъ онъ приводитъ мнѣніе одного просвѣщеннаго восточнаго человѣка объ европейской прессѣ: «Мой добрый другъ, смирнскій паша Османъ, носящій такой же, какъ и мы съ вами, покрой платья, сказалъ мнѣ однажды: «Хорошая выдумка европейскіе журналы,—они дѣлаютъ время незамѣтнымъ».—«Ваши трубки,—отвѣчалъ я,—для этой цѣли пригоднѣе». — «Да, моя трубка хороша, но иногда, когда куришь, печальныя мысли приходятъ въ голову, а читая европейскіе газеты и журналы, совсѣмъ перестаешь думать». Мериме подсмѣивается надъ цивилизованными турками: Гафизъ-пашѣ французское посольство давало обѣдъ; за столомъ одинъ изъ секретарей посольства спросилъ, не утомляютъ ли его превосходительство такія празднества, столь не похожія на турецкіе обѣды?» — «Нѣтъ, нисколько; я очень люблю европейцевъ. Я нисколько не похожу на большинство турокъ,—они всѣ какія-то животныя, которыя не умѣютъ цѣнить удобствъ жизни, изысканную вѣжливость, изобрѣтенную французами». Говоря это, любитель европейскаго комфорта и вѣжливости расчесывалъ вилкой свою бороду...

Въ той же книжкѣ Nouvelle Revue G. Valles оканчиваетъ свой разсказъ «Инсургентъ», въ которомъ онъ излагаетъ исторію своихъ личныхъ приключеній во время коммуны, и тѣ страницы, гдѣ авторъ описываетъ ужасы коммуны, производятъ потрясающее впечатлѣніе. Его встрѣчаетъ федератъ словами: «Измѣнникъ! вы не желаете запачкать вашихъ рукъ на случай, когда будете призваны передъ трибуналомъ или исторіей. Конечно, мы, рабочіе, должны своими руками исполнить грязную работу, чтобы потомъ вы на нихъ наплевали, не правда ли?» На улицѣ среди жаркой борьбы, среди страшныхъ жестокостей Valles видитъ нищаго, который все стоитъ на одномъ мѣстѣ съ протянутой чашкой и монотоннымъ припѣвомъ: «la charitée s'il vous plait». «О, несчастный! — восклицаетъ авторъ, — ты и подъ пушками не опускаешь твоей руки. Среди криковъ человѣческой борьбы, ты продолжаешь свои монотонныя причитанія съ кажущимся самообладаніемъ героя и стоишь безучастный къ этой безпощадной рѣзнѣ. О, механизмъ, устроенный для подлости!»

W**.

Парижъ.
31 окт. 1882 г.

Два слова въ память десятилѣтія московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ.

Въ день *перваго ноября 1872 года* петербургская медико-хирургическая академія открыла свои двери для женщинъ. Въ этотъ же день происходило открытіе *въ Москвѣ высшихъ женскихъ курсовъ*.

Желая хоть чѣмъ-нибудь напомнить о первомъ праздникѣ русской женщины, я хочу вызвать изъ воспоминаній уходящій уже въ Лету день открытія *первыхъ* высшихъ женскихъ курсовъ въ Россіи.

То было въ среду. Въ 12-мъ часу дня обычное движеніе экипажей по Пречистенкѣ замѣтно усилилось. Большинство направлялось къ зданію первой мужской гимназіи. Здѣсь должно было происходить молебствіе и открытіе московскихъ курсовъ, извѣстныхъ теперь подъ именемъ курсовъ г. Герье.

Поднимаясь по чугунной ажурной лѣстницѣ, ведущей изъ швейцарской вверхъ, въ актовую залу, невольно переносило воображеніе въ Петербургъ: «тамъ тоже, думалось, тянутся теперь вереницы женщинъ на Выборгскую сторону, въ зданіе академіи, тамъ тоже теперь собираются на молебствіе...»

Вся актовая зала (будущая аудиторія слушательницъ) была уставлена стульями. Курсистки сидѣли, стояли, говорили группами... Многія изъ нихъ были знакомы между собой по Лубянскимъ курсамъ, открытымъ въ Москвѣ тремя годами раньше. Темой оживленныхъ разговоровъ была неясная для собравшихся женщинъ программа и ближайшая цѣль курсовъ. Изъ поступавшихъ никто не зналъ, какъ и что̀ будутъ читать: будутъ ли это спеціальные филологическіе курсы, или общеобразовательные съ программой нѣсколько выше средняго уровня, было пока загадкой...

Въ залу въ день открытія допускали не одиѣхъ слушательницъ,—сюда могли входить всѣ, кто хотѣлъ. Потому среди взрослыхъ дѣвушекъ мелькали и дѣвочки—курсистки въ будущемъ. Онѣ пріѣхали сюда съ матерями и гувернантками посмотрѣть на торжество открытія.

У подъѣзда стояло нѣсколько каретъ; въ залѣ шумѣли шлейфы шелковыхъ платьевъ. Мнѣ помнится этотъ шумъ на московскихъ курсахъ

весь первый годъ... Потомъ, черезъ годъ, черезъ два, этихъ звуковъ, нарушающихъ тишину аудиторіи, уже не было, и не оттого, чтобы на слѣдующій годъ контингентъ слушательницъ оказался другой,—нѣтъ: у подъѣзда по-прежнему стояли разные домашніе экипажи, среди слушательницъ по-прежнему встрѣчались княжескія фамиліи. Но колоритъ простоты быстро сдѣлался преобладающимъ, смѣнилъ прежнюю пышность костюмовъ, сгладилъ въ общей массѣ выдѣлявшійся сравнительно малочисленный элементъ.

Тутъ же въ толпѣ стояли и будущіе преподаватели курсовъ, профессора университета: г. Тихонравовъ, г. Стороженко, основатель курсовъ В. И. Герье...

За́ла все больше и больше переполнялась публикой. Пробило часъ. Профессоръ Герье, замѣнявшій и замѣняющій также въ настоящее время собою все начальство курсовъ, пригласилъ присутствующихъ пройти въ церковь, которая помѣщалась тутъ же рядомъ.

Слушательницы размѣстились впереди, профессора—у входа.

Начался молебенъ.

Много читалось молитвъ съ просьбой: «вложить отроковицамъ память, разумѣніе...»

Опять невольно приходило на мысль: «теперь и въ Петербургѣ молятся и тамъ думаютъ о томъ же...»

Передъ окончаніемъ молебна священникъ вышелъ на амвонъ и сказалъ длинную, весьма пространную рѣчь. Онъ старался доказать ею, что образованіе женщины нисколько не противорѣчитъ христіанской религіи. Сама церковь возвысила женщину,—говорилъ онъ,—церковь сама сравняла ее съ мужчиною, установивъ особую должность «діакониссъ». Въ исторіи христіанства,—продолжалъ духовный пастырь,—женщина высоко стоитъ, какъ мать, какъ жена. Последнюю мысль онъ развивалъ и подкрѣплялъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ изъ разныхъ житій святыхъ, подвиговъ мученицъ, рисуя тѣ образы женщинъ, какими богата духовная литература...

Приложившись ко кресту, окропленныя святою водой, слушательницы двинулись опять въ ту же актовую залу и по приглашенію профессора Герье заняли мѣста.

Профессора стали группой у стѣнки.

На каѳедру поднялся убѣленный сѣдинами историкъ Соловьевъ (на имя котораго было дано разрѣшеніе открыть курсы).

Съ своимъ обычнымъ умѣньемъ хорошо говорить, профессоръ указалъ на неудовлетворительность существующаго въ настоящее время образованія женщинъ: женщины не въ силахъ ни понять, ни раздѣлить интересовъ, идеаловъ образованнаго мужа... Съ ними тяжело. Чтобы поднять женщину, поднять ея развитіе, рѣшено открыть высшіе женскіе курсы, которые могли бы ей дать высшее общее образованіе.

Этимъ какъ бы опредѣлялась и программа, и цѣль курсовъ: общее образованіе и—никакой спеціализаціи.

Отъ того,—продолжалъ профессоръ,—что изъ среды женщинъ выдѣлятся двѣ-три и станутъ корпѣть надъ микроскопомъ, женщина въ общемъ не выиграетъ и не станетъ выше. Но если между ними найдутся десятки безъ общаго образованія, то отъ этого она много проиграетъ. У насъ недостатокъ общаго образованія чувствуется и въ мужчинахъ - спеціалистахъ, которымъ часто приходится играть жалкую роль, когда заходитъ рѣчь, не касающаяся ихъ спеціальности. Происходитъ это оттого, что молодые люди прямо изъ гимназіи переходятъ у насъ въ университетъ, гдѣ тотчасъ же начинаютъ спеціализироваться. Чтобы не впасть въ ту же ошибку и въ дѣлѣ образованія женщинъ, мы рѣшили устроить общеобразовательные высшіе курсы.

Вотъ приблизительно содержаніе рѣчи г. Соловьева, оставшейся въ воспоминаніи. Сходя съ каѳедры и обращаясь къ профессору Герье, онъ закончилъ ее слѣдующими словами: «Такъ съ Богомъ, товарищъ, за дѣло!» И за нимъ на каѳедру вошелъ основатель курсовъ, г. Герье.

Рѣчь послѣдняго была короче. Онъ доказывалъ, что образованіе женщины не противорѣчитъ указаніямъ исторіи, что въ исторіи есть примѣры не только образованныхъ, но и ученыхъ женщинъ... Упомянулъ и объ открывающихся въ Петербургѣ врачебныхъ курсахъ. Намѣтилъ программу будущихъ чтеній. Сообщилъ, что число слушательницъ превзошло ожиданіе: записавшихся ко дню открытія оказалось 53. Тогда казалось это много, тѣмъ болѣе, что одновременно открывавшіеся курсы въ Петербургѣ сильно оттягивали къ себѣ женщинъ. Рѣчь была закончена приглашеніемъ присутствовать въ этотъ же день, въ три часа, на первой лекціи, которую долженъ былъ читать профессоръ Бредихинъ...

Я не буду останавливаться на этой лекціи, какъ и вообще на дальнѣйшей жизни и ростѣ курсовъ. Мнѣ хотѣлось,—какъ я уже сказала,—ради совершившагося десятилѣтія вспомнить день открытія, возстающій въ памяти со всѣми его подробностями. Помню, какъ многія слушательницы остались недовольны рѣчью г. Соловьева: нѣкоторыя потому, что хотѣли спеціализаціи, а не *общихъ* курсовъ; другія были крайне оскорблены, что цѣль курсовъ,—по словамъ г. Соловьева,—какъ бы сводилась къ созданію изъ курсистокъ въ будущемъ образованныхъ женъ...

Въ то время, т. е. десять лѣтъ тому назадъ, женщина мечтала о полной самостоятельности, независимости, даже какъ бы объ обособленности отъ мужчины, и потому, принявъ съ извѣстнымъ освѣщеніемъ слова г. Соловьева, нѣкоторыя были шокированы, считали себя оскорбленными...

Съ тѣхъ поръ русская женщина сильно измѣнилась: она много выросла, смотритъ шире, не тѣмъ узко-одностороннимъ взглядомъ, какимъ смотрѣла тогда, охваченная литературнымъ направленіемъ шестидесятыхъ годовъ; къ тому же теперь она достаточно испробовала свои силы и

крѣпко вѣритъ въ нихъ. Потому теперь уже нѣтъ у нея того нервно-враждебнаго отношенія къ другой половинѣ человѣческаго рода, какъ было въ тѣ годы. Теперь честное исполненіе обязанностей матери она ставитъ не ниже ученыхъ степеней, а задачи матери-воспитательницы—выше и труднѣй всякихъ ученыхъ изысканій и теорій, требующихъ большой и широкой подготовки...

Провожая первое десятилѣтіе курсовъ и привѣтствуя идущее на встрѣчу новое, хочется еще разъ обернуться назадъ съ тѣмъ, чтобъ именно сегодня, въ день десятилѣтія, вспомнить добрымъ словомъ одну изъ свѣтлыхъ личностей, отдавшую курсамъ большую долю своихъ молодыхъ, богатыхъ силъ. Я говорю о рано сошедшемъ въ могилу и такъ благотворно вліявшемъ на своихъ слушательницъ — г. Шаховѣ. Онъ читалъ на курсахъ исторію всеобщей литературы, преимущественно XIX вѣкъ, — читалъ съ осени 1873 года до весны 1875, когда доктора послали его на югъ, страшно изнуреннаго грудною болѣзнью. Черезъ годъ онъ вернулся и возобновилъ чтенія, но чахотка, подкравшаяся къ нему такъ рано, несмотря на лѣченье и на заграничную поѣздку, свела его въ 1877 году въ могилу.

Молодой, энергичный, высокій, худой по наружности, съ горящими глазами, серьезно сосредоточенный, взошелъ онъ въ первый разъ на каѳедру. Едва раздалась его энергичная, полная художественныхъ образовъ рѣчь, какъ въ аудиторіи вдругъ все притихло... Такъ бывало и во всѣ послѣдующія его лекціи: боялись проронить, не дослушать хотя бы одно слово изъ богатой по содержанію и увлекательной по формѣ рѣчи молодаго преподавателя. Слушательницы съ восторгомъ внимали ему. «Интересно! Чудно хорошо!»—вотъ отзывы, какіе слышались послѣ каждой его лекціи.

Г. Шаховъ не читалъ,—онъ говорилъ, и говорилъ увлекательно, со всѣмъ жаромъ и пыломъ, на какую способна молодость, да къ тому же еще одаренная несомнѣннымъ талантомъ.

Передавая въ своей лекціи то или другое положеніе научнымъ, отвлеченнымъ языкомъ, онъ сейчасъ же возвращался къ конкретному образу изъ области той же литературы. Выбранный имъ примѣръ до осязательности ясно передавалъ его мысль и настолько бывалъ цѣленъ, что самъ по себѣ представлялъ нѣчто законченное въ художественномъ отношеніи.

«Шаховъ—это талантъ,—писала одна изъ его слушательницъ въ своемъ дневникѣ.—Никогда не слыхала я такой пылкой, горячей рѣчи, никогда не видала на каѳедрѣ такого истиннаго, неподдѣльнаго увлеченія своимъ предметомъ! Свѣтлый взглядъ Шахова не можетъ пройти для насъ безъ вліянія; его пламенная рѣчь, полная вѣры въ ближайшее лучшее, никогда не забудется его слушательницами...»

Пусть же со днемъ *перваго ноября* для слушательницъ московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ связывается также и воспоминаніе объ этой свѣтлой личности юнаго и рано сошедшаго въ могилу преподавателя!

Е. Некрасова.

Изъ провинціи.

Еще о женскихъ врачебныхъ курсахъ.

Въ IX книгѣ текущаго года редакція *Русской Мысли* помѣстила замѣтку «О печальномъ положеніи женскихъ врачебныхъ курсовъ», гдѣ послѣ краткаго обзора полезности этого учрежденія и заявленія о томъ, что курсы закрываются за неимѣніемъ больницы, при которой они могли бы пріютиться, редакція обращается къ обществу съ просьбой удѣлить хоть маленькую долю своего заработка или излишка для созданія пріюта врачебнымъ курсамъ.

Полезность врачебныхъ курсовъ и добросовѣстное отношеніе слушательницъ къ учебнымъ занятіямъ давно уже сдѣлались извѣстными большинству русскихъ образованныхъ людей. Существованіе курсовъ составляло нашу гордость передъ многими иностранными государствами, которыя съ восторгомъ, чуждымъ всякой зависти, указывали на прекрасный починъ Россіи въ разрѣшеніи женскаго вопроса. Кромѣ того, десятилѣтнее существованіе врачебныхъ курсовъ, непричастныхъ во все это время ни къ какимъ политическимъ демонстраціямъ, фактически опровергло тенденціозно-ложное мнѣніе нашихъ охранителей, будто бы съ медициною усвоивается учащимися духъ своеволія. Заявленіе нѣкоторыхъ о томъ, что занятіе женщинъ медицинскими науками разрушаетъ ихъ нравственность и отвлекаетъ отъ семьи, до такой степени невѣжественно и пошло, что разсужденіе на эту тему вызываетъ чувство брезгливости. Неужели къ этому заявленію пристаютъ и наши дамы, такъ охотно и спокойно идущія съ своими женскими болѣзнями къ мужчинѣ-врачу? Безразсудно было бы осуждать ихъ, когда женщинъ-врачей пока еще очень мало, а лѣчиться необходимо; но ужъ если зашла рѣчь о женской нравственности и стыдливости, то прекрасный полъ да и мы, ихъ отцы, братья и мужья, должны бы огорчаться, а не злорадствовать по поводу закрытія женскихъ врачебныхъ курсовъ. Что касается до отвлеченія отъ семьи, то я не знаю ни одной медицинской науки, которая отрицала бы семью. Если предполо-

жить, что медицинская практика способна отвлекать женщину отъ семьи, то и всякое занятіе—учительницы, телеграфистки, конторщицы и т. п.—можетъ отвлекать не менѣе медицины; но усиленно предаются внѣ-домашнимъ занятіямъ только свободныя и преимущественно бездѣтныя женщины. А сколько пользы въ физіологическомъ и гигіеническомъ отношеніяхъ можетъ принесть своей семьѣ женщина, спеціально знающая медицину? Прошу извиненія у редакціи за разъясненія о томъ, что день свѣтлѣе ночи, но что же дѣлать, когда противоположное мнѣніе наноситъ существенный вредъ полезному дѣлу: вѣдь закрытіе женскихъ врачебныхъ курсовъ—ужь не слова, а печальное дѣло...

Я почти увѣренъ, что лучшіе люди изъ насъ съ готовностію удѣлили бы свою лепту на поддержку врачебныхъ курсовъ, но только необходимо знать степень практической пользы отъ этихъ пожертвованій. Редакція указываетъ, что деньги нужны для учрежденія больницы при курсахъ. Прекрасно. Женскіе врачебные курсы находятся нынѣ въ завѣдываніи городской думы; почему же въ завѣдываніи этой думы нѣтъ городскихъ больницъ? У насъ, въ большихъ городахъ провинціи, больницы, смотря по своему назначенію, вѣдаются и содержатся или земствомъ, или городомъ. Если въ Петербургѣ городскія больницы нельзя довѣрить думѣ, то будетъ ли допущена частная больница при курсахъ? Затѣмъ какая сумма ежегодно нужна для содержанія подобной больницы? Наконецъ, необходимо, чтобы всѣ пожертвованія сдавались въ одно мѣсто, которое ежемѣсячно публиковало бы общую сумму взносовъ. Такъ какъ поступающіе взносы единовременные, то для прочности существованія больницы нужно, чтобы бюджетъ ея покрывался процентами съ суммы пожертвованій. Затѣмъ интересно намъ, провинціаламъ, знать, не нуждаются ли курсы, кромѣ больницы, въ физическомъ и анатомическомъ кабинетахъ, химической лабораторіи и т. п.? Все это важно для того, чтобы жертвователи знали, какая примѣрно сумма нужна для курсовъ и обусловливается ли существованіе ихъ единственно денежною стороной вопроса. Если то и другое будетъ намъ доподлинно извѣстно, то женскіе врачебные курсы не умрутъ безславною для русскаго общества смертью.

К. Г.

Казань.
19 окт. 1882 г.

Редакторъ С. Юрьевъ.
Редакторъ-издатель В. Лавровъ.

перемѣнѣ адреса сообщается редакціи своевременно, не позже 20 числа каждаго мѣсяца, мъ слѣдуетъ обозначить напечатанный на старомъ адресѣ нумеръ.

ри переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ родныхъ въ городскіе—50 к., изъ городскихъ или иногородныхъ въ заграничные—недоне до цѣны, назначенной для иностранныхъ подписчиковъ. За перемѣну адреса на ь той же категоріи уплачивается 25 коп.

алоба на неполученіе какой-либо книги журнала препровождается въ редакцію съ обознаъ напечатаннаго на адресѣ нумера **и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной вой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была полутою конторой**. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообъ редакціи не позже полученія слѣдующей книги.

акція окрыта ежедневно отъ *2-хъ* до *4-хъ* часовъ пополудни, кромѣ воскресныхъ и праздиъ дней. Лицъ, представляющихъ рукописи, редакція проситъ сдавать ихъ **исключительно** арю редакціи, который выдаетъ въ принятіи оныхъ установленныя квитанціи; въ проъ случаѣ редакція за сохранность рукописей не отвѣтствуетъ. Доставляемыя рукописи ы быть четко написаны, подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ, а также укаъ размѣра желаемаго гонорара. При невыполненіи послѣдняго условія разсчетъ произъ редакціей по ея усмотрѣнію. **Гонораръ уплачивается только за статьи, вышедъ свѣтъ.**

ь прочтеніе редакціей поступившихъ къ ней рукописей полагается срокъ отъ *одного* до *ъ мѣсяцевъ*, по истеченіи котораго рукописи, къ помѣщенію въ журналъ не принятыя, соятся редакціей въ продолженіе шести мѣсяцевъ, за исключеніемъ тѣхъ, размѣръ коихъ шести листовъ писчей бумаги; послѣднія храненію и возвращенію не подлежатъ.

сылка рукописей по почтѣ производится не иначе, какъ по предварительной уплатѣ ія почтоваго расхода деньгами или марками, причемъ отправку простыми письмами ія на себя не принимаетъ.

ь всякаго рода запросы редакція отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого жена почтовая марка. **Относительно же присылаемыхъ въ редакцію и не нтыхъ ею для помѣщенія въ журналѣ стихотвореній редакція ни въ капереписку не входитъ, еслибы даже на то прилагались марки.**

нимаемыя для помѣщенія въ журналѣ произведенія и статьи подлежатъ, въ случаѣ мости, сокращенію и исправленію.

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

*

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ДЕКАБРЬ.

МОСКВА.

1882.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИГА XII.

МОСКВА.

1882.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская улица, въ домѣ Дреземейеръ.
Отдѣленіе конторы: Петровскія торговыя линіи, кварт. № 61.

Типо-Литографія И. Н. Кушнерева и К°, Пименовская ул., д. Кушнеревой.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЛИТВИНКА.

Поэма Михаила Юрьевича Лермонтова.

1.

Чей старый теремъ на горѣ крутой
Рисуется съ зубчатою стѣной?
Безсмѣнный царь синѣющихъ полей,
Кого хранитъ онъ твердостью своей?
Кто темнымъ сводамъ повѣрять привыкъ
Молитвы шепотъ и веселья кликъ?...
Его владѣльца назову я вамъ:
Подъ именемъ Арсенія друзьямъ
И недругамъ своимъ онъ былъ знакомъ
И не мечталъ объ имени другомъ.
Его права оспаривать не смѣлъ
Еще никто, — онъ больше не хотѣлъ.
Не вѣдалъ онъ владыки и суда,
Не повѣщалъ сосѣдей никогда,
Богатый въ мирѣ, славный на войнѣ:
Когда къ нему являлися они,
Онъ избѣгалъ довѣрчивыхъ бесѣдъ;
Презрѣніемъ дышалъ его отвѣтъ:
Онъ даже лаской гостя унижалъ,
Хотя, быть-можетъ, самъ того не зналъ, —
Не потому-ль, что слишкомъ рано онъ
Повелѣвать толпой былъ пріученъ?

2.

На ложѣ наслажденья и въ бою
Провелъ Арсеній молодость свою.

Когда звучалъ ударъ его меча
И красная являлась епанча,
Бѣжалъ татаринъ, и бѣжалъ литвинъ,
И часто стоилъ войска онъ одинъ...
Вся въ ранахъ грудь отважная была,
И посреди морщинъ его чела,
Приличнѣйшій нарядъ для всякихъ лѣтъ,
Краснѣлъ рубецъ — литовской сабли слѣдъ.

3.

Разъ, возвратясь домой съ полей войны,
Онъ не прижалъ къ устамъ уста жены;
Онъ не привезъ парчи ей дорогой,
Отбитой у татарки кочевой;
И даже для подарка не сберегъ
Ни жемчуговъ, ни золотыхъ серегъ.
И, возвратясь въ отцовскій, старый домъ,
Онъ не спросилъ о сынѣ молодомъ;
О подвигахъ своихъ въ чужой странѣ
Онъ не хотѣлъ разсказывать женѣ;
И, въ часъ свиданья, радости слеза
Хоть оросила нѣжные глаза,
Но прежде, чѣмъ упасть она могла,
Страданія слезою ужь была...
Онъ измѣнилъ ей... Что святой обрядъ
Тому, кто ищетъ лишь земныхъ наградъ?
Какъ путники по небу, облака,
Свободно сердце и любовь легка...

4.

Два дня прошло, и юная жена
Исчезла; и старуха лишь одна
Изгнанье раздѣлить рѣшилась съ ней,
Въ монастырѣ, далеко отъ людей
(И потому поближе къ небесамъ);
Ихъ жизнь — одна молитва будетъ тамъ.
Но женщины обманутой душа,
Для свѣта умертвясь и имъ дыша,
Могла-ль забыть того, кто столько лѣтъ

Одинъ былъ для нея и жизнь, и свѣтъ?
Онъ измѣнилъ, увы! Но потому
Ужель ей должно измѣнить ему?...
Печаль несчастной жертвы и законъ —
Все презиралъ для новой страсти онъ,
Для плѣнницы, литвинки молодой,
Для гордой дѣвы изъ земли чужой.
Въ угодность ей, за пару сладкихъ словъ
Изъ хитрыхъ устъ, Арсеній былъ готовъ
На жертву принести жену, дѣтей,
Отчизну, душу, все — въ угодность ей.

5.

Свѣтило дня, краснѣя сквозь туманъ,
Садится горделиво за курганъ,
И, отдѣливъ ряды дождливыхъ тучъ,
Вдоль по землѣ скользитъ прощальный лучъ
Такъ сладостно, такъ тихо и свѣтло,
Какъ будто міра мрачное чело
Его любви достойно. Наконецъ
Оставилъ онъ долину и вѣнецъ
Горы высокой — теремъ—озарилъ
И пламень свой негрѣющій разлилъ
По стекламъ росписнымъ свѣтлицы той,
Гдѣ такъ недавно, съ радостью живой,
Облокотясь на столикъ, у окна,
Ждала супруга вѣрная жена;
Гдѣ съ дѣтскою досадой сынъ ее (ея)
Чуть поднималъ отцовское копье.
Теперь гдѣ сынъ и мать?... На мѣстѣ ихъ
Сидитъ литвинка, дочь степей чужихъ;
Безмолвная подруга лучшихъ дней —
Разстроенная лютня — передъ ней,
И, по струнѣ оборванной скользя,
Блеститъ зари послѣдняя струя.
Устала Клара отъ душевныхъ бурь...
И очи голубыя, какъ лазурь,
Она сидитъ, на западъ устремивъ;
Но не зари плѣнялъ её разливъ:
Тамъ — родина. Пѣвецъ и воинъ тамъ

Не разъ къ ея склонялися ногамъ.
Тамъ вольны дѣвы. Тамъ никто бы ей
Не смѣлъ сказать: «Хочу любви твоей!...»

6.

Она должна съ покорностью нѣмой
Любить того, кто грозною войной
Опустошилъ поля ея отцовъ;
Она должна привѣты нѣжныхъ словъ
Затверживать и ненависть, тоску
Учить любви святому языку,—
Младую грудь къ волненью принуждать
И страстью небывалой объяснять
Летучій вздохъ и влажный пламень глазъ.
Она должна... Но мщенью будетъ часъ!

7.

Вечерній пиръ готовъ; рабы шумятъ;
Въ покояхъ пышныхъ блещетъ свѣтъ лампадъ;
Въ серебряномъ ковшѣ кипитъ вино.
Къ его игрѣ привыкнувши давно,
Арсеній пьетъ янтарную струю,
Чтобъ этимъ совѣсть потопить свою...
И плѣнница, его встрѣчая взоръ,
Читаетъ въ немъ къ веселью приговоръ,
И ложная улыбка, громкій смѣхъ
Въ устахъ ея обманываютъ всѣхъ.
И вѣря той улыбкѣ, восхищенъ
Арсеній, и литвинку обнялъ онъ,
И кудри золотыхъ ея волосъ,
Нѣжнѣе шелка и душистѣй розъ,
Скатилися прозрачной пеленой
На грубый ликъ, отмѣченный войной.
Лукаво посмотрѣвъ, принявши видъ
Невольной грусти, Клара говоритъ:
«Ты любишь ли меня?»—«Какой вопросъ!—
Воскликнулъ онъ.—Кто-жь больше перенесъ
И для тебя такъ много погубилъ,
Какъ я?... И твой Арсеній не любилъ?!

Я—человѣкъ—я-бъ могъ обнять тебя,
Не трепеща душою, не любя?...
О, шутками меня не искушай!
Мой адъ — среди людскихъ заботъ, мой рай —
У ногъ твоихъ... И если я не тутъ,
И если рукъ твоихъ мои не жмутъ,
Дворецъ и плаха для меня равны!
Досадой дни мои отравлены.
Я непороченъ у груди твоей,
Суровъ и дикъ между другихъ людей!
Тебѣ въ колѣни голову склонивъ,
Я, какъ дитя, безпеченъ и счастливъ
И теплое дыханье устъ твоихъ
Пріятнѣй мнѣ куреній дорогихъ!...
Ты рождена, чтобъ повелѣвать:
Моя любовь то можетъ доказать.
Пусть я — твой рабъ, но лишь не рабъ судьбы!
Достойны ли тебя ея рабы?
Повѣрь, когда-бъ меня не создалъ Богъ,
Онъ ниспослать бы въ міръ тебя не могъ!» —

8.

«О, еслибъ точно ты любилъ меня, —
Сказала Клара, голову склоня, —
Я не жила бы въ теремѣ твоемъ.
Ты говоришь: онъ—мой; а что мнѣ въ немъ?
Богатствомъ дивнымъ, гордой высотой
Очамъ онъ милъ, но сердцу онъ чужой.
Здѣсь въ рощѣ воды чистыя текутъ,
Но рѣчку ту не Виліей зовутъ;
И вѣтеръ здѣсь, колеблющій траву,
Мнѣ не приноситъ пѣсни про Литву...
Нѣтъ, русскій, я не вѣрую любви!
Безъ милой воли — что̀ дары твои?»
И отвернулась Клара, и укоръ
Изобразилъ ея прекрасный взоръ.
Недвижимъ былъ Арсеній близъ нее (нея)
И кромѣ воли отдалъ бы онъ все,
Чтобъ получить одинъ, одинъ лишь взглядъ
Изъ тѣхъ, которыхъ все блаженство—ядъ.

9.

Но что за гость является ночной?
Стучитъ въ ворота сильною рукой,
И сторожъ, быстро пробудясь отъ сна,
Кричитъ: кто тамъ?—«Впустите! Ночь темна...
Въ долинѣ буря свищетъ и реветъ,
Какъ дикій звѣрь, и тьмитъ небесный сводъ.
Впустите обогрѣться хоть на часъ,
А завтра... завтра мы оставимъ васъ;
Но никогда въ моленіяхъ своихъ
Гостепріимный кровъ степей чужихъ
Мы не забудемъ...» Стражъ не отвѣчалъ;
Но ключъ въ замкѣ упрямомъ завизжалъ,
Объ доски тяжкій загремѣлъ затворъ;
Расхлопнулись ворота—и на дворъ
Два странника въѣзжаютъ. Фонаремъ
Озарены, идутъ въ господскій домъ.
Широкій плащъ на каждомъ, и порой
Звенитъ и блещетъ что-то подъ полой.

10.

Арсеній приглашаетъ ихъ за столъ
И съ ними рѣчь привѣтную завелъ;
Но странники, хоть имъ владѣлецъ радъ,
Не много пьютъ и мало говорятъ.
Одинъ изъ нихъ еще во цвѣтѣ лѣтъ,
Другой, согбенный жизнью, худъ и сѣдъ,
И по рѣчамъ замѣтно, что привыкъ
Употреблять не русскій онъ языкъ.
И младшій гость по виду былъ смѣлѣй:
Онъ не сводилъ пронзительныхъ очей
Съ литвинки молодой, и взоръ его
Для многихъ бы не значилъ ничего...
Но видно ей когда-то былъ знакомъ
Тотъ мрачный взоръ подъ пасмурнымъ челомъ,
Иль что-нибудь онъ ей о прошлыхъ дняхъ
Напоминалъ,—какъ знать!... Не женскій страхъ
Ее заставилъ вздрогнуть и вздохнуть,
И голову поспѣшно отвернуть,

И бѣлою рукой закрыть глаза,
Чтобъ измѣнить не смѣла ей слеза...

11.

«Ты поблѣднѣла, Клара!»—«Я больна...»
И въ комнату свою спѣшитъ она.
Окно открывши, сѣла передъ нимъ,
Чтобъ освѣжиться воздухомъ ночнымъ.
Туманъ въ широкомъ полѣ; огонекъ
Блеститъ въ дали, забытъ и одинокъ;
И вѣтеръ, нарушитель тишины,
Шумитъ, скользя во мракѣ вдоль стѣны;
То лай собакъ, то колокола звонъ
Его дыханьемъ въ полѣ разнесенъ.
И Клара внемлетъ... О, какъ много думъ
Вмѣщалъ въ себѣ встревожившійся умъ!
О, еслибъ кто-нибудь увидѣть могъ
Хоть половину всѣхъ ея тревогъ,
Онъ на себя, не смѣя измѣрять,
Всю тягость ихъ рѣшился бы принять,
Чтобы чело, гдѣ радость и любовь
Смѣнялись прежде, прояснилось вновь,
Чтобъ заигралъ румянецъ на щекахъ,
Какъ радуга въ вечернихъ облакахъ...
И что могло такъ дѣву взволновать?
Не пришлецы-ль?... Но гдѣ и какъ узнать?...
Чѣмъ для души страданія сильнѣй,
Тѣмъ вѣчный слѣдъ ихъ глубже тонетъ въ ней,
Покуда все, что небомъ ей дано,
Не превратятъ въ страданіе одно.

12.

Раздвинулъ тучи мѣсяцъ золотой,
Какъ херувимъ—духовъ враждебныхъ рой,
Какъ упованья сладостный привѣтъ
Отъ сердца гонитъ память прошлыхъ бѣдъ.
Свидѣтель равнодушный тайнъ и дѣлъ,
Которыхъ день узнать бы не хотѣлъ,
А тьма укрыть,—онъ странствуетъ одинъ,
Небесной степи блѣдный властелинъ.

Обрисовавъ литвинки юный ликъ,
Въ окно свѣтлицы лучъ его проникъ
И, придавая чудный блескъ стеклу,
Безпечно разыгрался на полу
И озарилъ персидскій онъ коверъ,
Высокихъ стѣнъ единственный уборъ.
Но что за звукъ раздался за стѣной?!
Протяжный стонъ, исторгнутый тоской,
Подобный звуку пѣсни... Еслибъ онъ
Невѣдомымъ пѣвцомъ былъ повторенъ...
Но, вотъ, опять!... Такъ точно... Кто-жъ поетъ?...
Ты, плѣнница, узнала: вѣрно, тотъ,
Чей взоръ туманный съ пасмурнымъ челомъ
Тебя смутилъ, тебѣ давно знакомъ...
Несбыточнымъ мечтаньямъ предана,
Къ окну склонившись, думаетъ она:
Въ одной Литвѣ такъ сладко лишь поютъ!
Туда, туда меня они зовутъ,
И имъ отозвался въ груди моей
Такой же звукъ, залогъ счастливыхъ дней...

13.

Минувшее дышало въ пѣснѣ той,
Какъ вольность вольной, какъ она—простой;
И все, чѣмъ сердцу родина мила,
Въ родимой пѣснѣ плѣнница нашла.
И въ этомъ наслажденьи былъ упрекъ;
И все, что женской гордости лишь могъ
Внушить позоръ, явилось передъ ней
Хладнѣй презрѣнья, мщенія страшнѣй...
Она схватила лютню, и струна
Звенитъ, звенитъ... и вдругъ, пробуждена
Восторгомъ и надеждою, въ отвѣтъ
Запѣла дѣва... Этой пѣсни нѣтъ
Нигдѣ. Она мгновенна лишь была
И въ чьей груди родилась—умерла.
И понялъ, кто внималъ,—не мудрено:
Понятье о небесномъ намъ дано;
Но слишкомъ для земли насъ создалъ Богъ,
Чтобъ кто-нибудь ее запомнить могъ.

14.

Взошла заря и отдѣлился лѣсъ
Стѣной зубчатой на краю небесъ.
Но отчего же сторожъ у воротъ
Молчитъ и въ доску мѣдную не бьетъ?
Что теремъ не обходитъ онъ кругомъ?
Уже-ль онъ спитъ?—Онъ спитъ, но... вѣчнымъ сномъ!
Тяжелый кинутъ на землю затворъ
И близъ него старикъ: закрытый взоръ,
Уста и руки сжаты навсегда
И вся въ крови сѣдая борода.
Сбѣжалась куча боязливыхъ слугъ.
Съ бездѣйствіемъ отчаянья вокругъ
Убитаго, при первомъ свѣтѣ дня,
Они стояли, головы склоня;
И каждый съ состраданіемъ взиралъ,
Но что начать, никто изъ нихъ не зналъ...
И гдѣ ночной убійца? Чья рука
Не дрогнула надъ сердцемъ старика?
Кто растворилъ высокое окно
И узкое оттуда полотно
Спустилъ на дворъ? Чей поясъ голубой
Въ пескѣ затоптанъ маленькой ногой?...
Гдѣ странники? Къ воротамъ видѣнъ слѣдъ...
Понятно все: ихъ нѣтъ... И Клары нѣтъ!

15.

И долго неожиданную вѣсть
Никто не смѣлъ Арсенію принесть.
Но, наконецъ, рѣшились: онъ внималъ,
Хотѣлъ вскочить и неподвиженъ сталъ,
Какъ мраморный кумиръ, какъ бы мертвецъ,
Съ открытымъ взоромъ встрѣтившій конецъ.
И этотъ взоръ, не зря, смотрѣлъ впередъ,
Блестя огнемъ, былъ холоденъ какъ ледъ;
Рука, сомкнувшись, кверху поднялась
И рѣчь отъ синихъ губъ оторвалась.
На клятву походила рѣчь его,
Но въ ней никто не понялъ ничего;

Она была на языкѣ родномъ,
Но глухо пронеслась, какъ дальній громъ...

16.

Бѣжали дни. Арсеній сталъ опять,
Какъ прежде, видѣть, слышать, понимать;
Но сердце, пораженное тоской,
Ужь было мертво, хоть въ груди живой.
Умѣлъ изгнать онъ изъ него любовь...
Но что прошло, небывшимъ сдѣлать вновь
Кто подъ луной умѣетъ? Кто мечтамъ
Назначилъ кругъ завѣтный, какъ словамъ?
И отъ души какая можетъ власть
Отсѣчь ея мучительную часть?
Бѣжали дни. Ничѣмъ ужь не былъ онъ
Отнынѣ опечаленъ, удивленъ;
Надъ нимъ висѣть, чернѣть гроза могла,
Не измѣнивъ обычный цвѣтъ чела...
Но если онъ, не зная отвести,
Ударъ судьбы умѣлъ перенести;
Но если показать онъ не желалъ,
Что могъ страдать, какъ нѣкогда страдалъ:
То язва, имъ презрѣнная, потомъ
Все становилась глубже день за днемъ...
Онъ Клару не умѣлъ бы пережить,
Когда бы только смерть; но измѣнить!...
И прежде презиралъ ужь онъ людей,
Отнынѣ изъ безумца сталъ злодѣй.
И чѣмъ же могъ онъ сдѣлаться другимъ
Съ его умомъ и сердцемъ огневымъ?

17.

Есть сумерки души, несчастья слѣдъ,
Когда ни мрака въ ней, ни свѣта нѣтъ.
Она сама собою стѣснена;
Жизнь ненавистна ей и смерть страшна;
И небо обвинять нельзя ни въ чемъ,
И, какъ на зло, все весело кругомъ.

Въ прекрасномъ мірѣ—жертва тайныхъ мукъ,
Въ созвучіи вселенной—ложный звукъ,
Она встрѣчаетъ блескъ природы всей,
Какъ встрѣтилъ бы улыбку палачей
Приговоренный къ казни, и назадъ
Она кидаетъ безпокойный взглядъ;
Но слѣдъ волны потерянъ въ безднѣ водъ,
И листъ отпавшій вновь не зацвѣтетъ...
Есть демонъ, сокрушитель благъ земныхъ;
Онъ радость намъ даритъ на краткій мигъ,
Чтобы ударъ судьбы сразилъ скорѣй.
Врагъ истины, врагъ неба и людей,
Нашъ слабый духъ ожесточаетъ онъ,
Пока страданья не умчатъ, какъ сонъ,
Все, что мы въ жизни цѣнимъ только разъ,—
Все, что ему еще завидно въ насъ...

18.

Противъ Литвы пошелъ великій князь.
Его дружины, местью воспалясь,
Грозятъ полямъ и рощамъ той страны,
Гдѣ загорится пламенникъ войны.
Желая защищать свои права,
Дрожитъ за вольность гордая Литва,
И клювы хищныхъ птицъ, и зубъ волковъ
Скользятъ ужь по костямъ ея сыновъ.

19.

И въ русскій станъ, осеннимъ, сѣрымъ днемъ,
Явился разъ, одинъ, безъ слугъ, пѣшкомъ,
Боецъ извѣстный храбростью своей,
И сдѣлался предметомъ всѣхъ рѣчей.
Давно не поднималъ онъ щитъ и шлемъ,
Заржавленный покоемъ... И зачѣмъ
Явился онъ?—Не честь страны родной
Онъ защищать хотѣлъ своей рукой;
И между многихъ вражескихъ сердецъ
Одно лишь поразить хотѣлъ боецъ.

20.

Вдоль по рѣкѣ, съ бѣгущею волной,
Разноситъ вѣтеръ бранный шумъ и вой.
Въ широкомъ полѣ цвѣтъ своихъ дружинъ
Свели сегодня русскій и литвинъ.
Чертой багряной сѣрый небосклонъ
Отъ голубыхъ полей ужь отдаленъ;
Темнѣютъ облака на небесахъ,
И вихрь несетъ въ глаза песокъ и прахъ...
Все бой кипитъ, ужь гнется русскій строй
И, окруженъ отчаянной толпой,
Хотѣлъ бѣжать... Но чей знакомый гласъ
Всѣ души чудной силою потрясъ?...
Явился воинъ: красный плащъ на немъ;
Онъ безъ щита; онъ уронилъ шеломъ.
Вооруженъ сѣкирою стальной,
Предсталъ—и врагъ валится, и другой,
Съ запекшеюся кровью на устахъ,
Упалъ съ нимъ рядомъ... Обнялъ тайный страхъ
Сыновъ Литвы. Ослушные кони́
Браздамъ не вѣрятъ. Тщетно бы они
Хотѣли вновь побѣду удержать:
Ихъ гонятъ, бьютъ,—они должны бѣжать.
Но даже въ бѣгствѣ, обратясь назадъ,
Они ударовъ тяжкихъ сыплютъ градъ.

21.

Арсеній былъ чудесный тотъ боецъ.
Онъ кровію рѣшился, наконецъ,
Огонь въ груди проснувшійся залить.
Онъ ненавидитъ міръ, чтобъ не любить
Одно созданье!... Кучи мертвецовъ
Вокругъ него простерты безъ щитовъ.
И радостью блистаетъ этотъ взоръ,
Которымъ месть владѣетъ съ давнихъ поръ.
Арсеній шелъ, опередивъ своихъ,
Какъ метеоръ межъ облаковъ ночныхъ;
Когда-жь замѣтилъ онъ, что былъ одинъ
Среди жестокихъ, вражескихъ дружинъ,

То было поздно... «Вижу, часъ настала!»—
Подумалъ онъ, и мечъ его искалъ
Своей послѣдней жертвы. «Это онъ!»—
За нимъ воскликнулъ кто-то. Пораженъ,
Арсеній обернулся и хотѣлъ
Проклятье произнесть, но не успѣлъ...
Какъ ангелъ брани, въ легкомъ шишакѣ,
Стояла Клара съ саблею въ рукѣ
И юноши тѣснилися за ней;
И словомъ, и движеніемъ очей
Распоряжаясь пылкою толпой,
Она была, казалось, ихъ судьбой;
И, встрѣтивши Арсенія, она
Не вздрогнула, не сдѣлалась блѣдна,
И твердъ былъ голосъ дѣвы молодой,
Когда, взмахнувши бѣлою рукой,
Она сказала: «Воины, впередъ!
Надежды нѣтъ, покуда не падетъ
Надменный этотъ русскій! Передъ нимъ
Они бѣгутъ, но мы не побѣжимъ.
Кто первый мнѣ его покажетъ кровь,
Тому моя рука, моя любовь!»

22.

Арсеній отвернулъ надменный взоръ,
Когда онъ услыхалъ свой приговоръ.
«И ты противъ меня!»—воскликнулъ онъ.
Но эта рѣчь была скорѣе стонъ,
Какъ будто сердца лучшая струна
Въ тотъ самый мигъ была оборвана.
Съ презрѣньемъ мечъ свой бросилъ онъ потомъ
И обернулся медленно плащомъ,
Чтобы изъ нихъ никто сказать не смѣлъ,
Что въ часъ конца Арсеній поблѣднѣлъ...
И три копья пронзили эту грудь,
Которой такъ хотѣлось отдохнуть,
Гдѣ столько лѣтъ съ добромъ боролось зло
И, наконецъ, оно превозмогло.
Какъ царь дубравы, гордо онъ упалъ,—
Не вздрогнулъ, не взглянулъ, не закричалъ;

Хотя-бъ молитву или злой упрекъ
Онъ произнесъ; но, нѣтъ, онъ былъ далекъ
Отъ этихъ чувствъ,—онъ вѣкъ счастливый свой
Опередилъ невѣрющей душой.
Онъ кончилъ жизнь съ досадой на челѣ,
Жалѣя, мысля объ одной землѣ;
Свой адъ и рай онъ здѣсь успѣлъ сыскать,—
Другихъ не зналъ и не хотѣлъ онъ знать...

23.

И опустѣлъ его высокій домъ
И странниковъ не угощаютъ въ немъ;
И дворъ заросъ зеленою травой;
И пыль покрыла сѣрой пеленой
Святые образа, дубовый столъ
И пестрые ковры; и гладкій полъ
Не скрипнетъ ужь подъ легкою ногой
Красавицы лукавой, молодой;
Ни острый мечъ въ серебряныхъ ножнахъ,
Ни шлемъ стальной не блещутъ на стѣнахъ,—
Они забыты въ полѣ роковомъ,
Гдѣ онъ погибъ. Въ покоѣ лишь одномъ
Все, все—какъ прежде: лютня у окна,
И вкругъ нея обвитая струна;
И двѣ одежды женскія лежатъ
На мягкомъ ложѣ, будто бы назадъ
Тому лишь день, какъ дѣва странъ чужихъ
Сюда небрежно положила ихъ.
И, раздувая пологъ парчевой,
Скользитъ по нимъ прохладный вѣтръ ночной,
Когда сквозь тонкій занавѣсъ окна
Глядитъ одна нескромная луна...

24.

Есть монастырь... И тамъ, въ недѣлю разъ,
За упокой молящихъ слышенъ гласъ,
И съ честью, передъ набожной толпой,
Арсеній поминается порой.
И блещетъ въ церкви длинный рядъ гробовъ,

Украшенный гербомъ его отцовъ;
Но никогда межъ нихъ не будетъ тотъ,
Съ которымъ славный кончился ихъ родъ.
Ни свѣжій дернъ, ни пышный мавзолей
Не тяготитъ сырыхъ его костей;
Никто объ немъ не плакалъ, лишь одна
Монахиня... Богъ знаетъ, кто она...
Богъ знаетъ, что пришло на мысли ей
Жалѣть о томъ, кто не жалѣлъ о ней.
Увы! онъ не любилъ, онъ не жалѣлъ,
Онъ даже быть любимымъ не хотѣлъ,
И для нея одной былъ онъ жестокъ...
Но развѣ лучше поступилъ съ нимъ рокъ?
И какъ не плакать вѣчно ей о томъ,
Кто такъ обманутъ былъ, съ такимъ умомъ,
Кто на землѣ съ ней разлученъ судьбой
И къ счастью не воскреснетъ въ жизни той?...
Въ печальномъ только сердцѣ можетъ страсть
Имѣть неограниченную власть.
Такъ въ трещинѣ развалинъ иногда
Береза выростаетъ—молода,
И зелена, и взоры веселитъ,
И украшаетъ сумрачный гранитъ;
И часто отдыхающій пришлецъ
Груститъ о ней и мыслитъ: наконецъ,
Порывамъ бурь и зною предана,
Увянетъ преждевременно она...
Но что-жь?—Усилья вихря и дождей
Не могутъ обнажить ея корней,
И пыльный листъ, встрѣчая жаръ дневной,
Трепещетъ все на вѣткѣ молодой!...

Поэма эта писана Лермонтовымъ въ бытность его въ Московскомъ университетѣ или, вѣрнѣе, въ университетскомъ пансіонѣ. Это была эпоха, когда поэтъ положилъ основаніе лучшимъ своимъ твореніямъ. Его еще не коснулось то печальное для развитія его направленіе, которое сказывается со времени поступленія въ «школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ». Развитію юнаго поэта способствовало время московской его жизни, но никакъ не пребываніе въ Петербургѣ въ «школѣ подпрапорщиковъ». Къ со-

жалѣнію, о годахъ жизни въ Москвѣ не было еще сдѣлано серьезныхъ изысканій. Мнѣ удалось собрать кое-какія свѣдѣнія, которыми подѣлюсь съ читателями въ VII и VIII главахъ біографіи Михаила Юрьевича.

«Литвинка» въ первый разъ въ небольшомъ отрывкѣ была помѣщена въ изданіи его сочиненій подъ редакціею Дудышкина въ 1860 году (т. II, стр. 287), затѣмъ отрывокъ перепечатывался и во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ, равно какъ и въ изданіи 1880 года подъ редакціею г. Ефремова. Перепечатывалось и примѣчаніе г. Дудышкина, который *предполагаетъ*, что «Литвинка»—подраженіе или передѣлка на русскіе нравы нѣмецкой баллады, а какой—г. Дудышкинъ не говоритъ. Мнѣніе его, вѣроятно, основано на томъ, что героиню зовутъ нѣмецкимъ именемъ «Клара». Вслѣдъ за г. Дудышкинымъ и г. Ефремовъ («Сочин. Лермонтова», т. II, стр. 618) выражаетъ мнѣніе, что «Литвинку» можно назвать первымъ очеркомъ «Боярина Орши». Это ужь совершенно невѣрно, и сходство заключается развѣ въ томъ только, что въ обѣихъ поэмахъ встрѣчается имя «Арсеній», хотя между Арсеніями обоихъ произведеній сходства нѣтъ.

Напротивъ, я скорѣе нахожу въ «Литвинкѣ» мотивы «Демона». Такъ мѣсто (пѣсни 11 и 13), гдѣ Клара сидитъ у окна въ свѣтлицѣ своей и въ душевной тоскѣ схватываетъ лютню и поетъ, напоминаетъ Тамару у окна, особенно во второмъ очеркѣ «Демона», гдѣ героиня—испанка и еще не носитъ имени Тамары. Затѣмъ въ «Литвинкѣ» встрѣчается намекъ на сторожа, который бьетъ въ доску подъ окномъ героини. Первая жена Арсенія постригается мужемъ въ монахини и отправляется въ монастырь,

.... и старуха лишь одна
Изгнанье раздѣлить рѣшилась съ ней,
Въ монастырѣ, далеко отъ людей
(И потому поближе къ небесамъ);
Ихъ жизнь—одна молитва будетъ тамъ...

Въ «Демонѣ»:

Какъ будто ближе къ небесамъ
Теплѣй посмертное жилище;
Какъ будто дальше отъ людей...

Извѣстно, что Лермонтовъ не разъ брался за сюжетъ «Демона» и видоизмѣнялъ его. Даже при третьемъ очеркѣ сдѣлалъ замѣтку: «я хотѣлъ писать эту поэму въ стихахъ, но, нѣтъ,

въ прозѣ лучше». Не мудрено, что такъ-называемая «Юношеская повѣсть», появившаяся впервые въ *Вѣстникѣ Европы* (октябрь 1873 г. См. тоже «Сочин. Лермонтова», 1880 г., т. II, стр. 261), именно и есть эта попытка. Но объ этомъ въ другой разъ.

Я совершенно не хочу настаивать на сходствѣ «Литвинки» съ «Демономъ», но только говорю, что повѣсть эту никакъ нельзя назвать «первымъ очеркомъ Боярина Орши», какъ это утверждаетъ г. Дудышкинъ и за нимъ г. Ефремовъ. Ко всему сказанному прибавлю еще, что въ рукописи непосредственно подъ чертой, въ слѣдъ за послѣднею строкой «Литвинки», Лермонтовъ помѣстилъ: «Демонъ. Сюжетъ».

Рукопись «Литвинки», находящаяся въ публичной библіотекѣ, писана не Лермонтовскою рукой. Я пользовался рукописью, предоставленною мнѣ г. Хохряковымъ, который давалъ ее и г. Дудышкину. На этой рукописи Дудышкинымъ сдѣланы краснымъ карандашомъ помѣтки, что̀ печатать. Съ этою рукописью я свѣрилъ списокъ, полученный мною отъ г. Панафутина въ Пензѣ.

И Дудышкинъ, и Ефремовъ относятъ поэму къ 1832 году. Этотъ годъ выставленъ на рукописи не Лермонтовскою рукой. Судя по списку, весьма еще не совершенному, повѣсть писана раньше; все писанное Лермонтовымъ въ 1832 году гораздо зрѣлѣе, и стихъ и языкъ лучше. Я полагаю, что «Литвинка» писана до 1831 года,—слѣдовательно, еще въ пансіонѣ. На это указываетъ не только вышеприведенная мною помѣтка въ концѣ ея, говорящая о намѣреніи взяться за «Демона», но еще и нѣсколько стиховъ послѣдней главы, гдѣ рѣчь идетъ о березѣ:

Такъ въ трещинѣ развалинъ иногда
Береза выростаетъ—молода, и т. д.

Это самое сравненіе съ тѣми же стихами въ началѣ встрѣчается въ стихотвореніи «11-го іюля 1831 года» («Сочин. Лермонтова», т. II, стр. 142, 13, тоже конецъ VI главы моей біографіи—*Русск. Мысль* 1882 г., кн. II-я); но здѣсь Лермонтовъ исправилъ недостатки, стихъ глаже и яснѣе выражена мысль. Не могъ же онъ, еслибы писалъ «Литвинку» въ 1832 году и въ нее перенесъ строки изъ стихотворенія «11-го іюля», а не наоборотъ,—испортить стихъ свой. Итакъ, я полагаю, что «Литвинку» надо отнести къ 1830-му или даже къ 1829 году.

Удержать крайне неправильную ороографію, которая и позднѣе, хотя не до такой степени, хромала у Лермонтова, я не счелъ удобнымъ, равно какъ и сохранить знаки припинанія, разставленные совершенно наугадъ. Многія погрѣшности читатель легко самъ замѣтитъ. Такъ Лермонтовъ пишетъ «ее» и «нее», вмѣсто «ея» и «нея». Въ двухъ мѣстахъ я не рѣшился исправить эту ошибку потому, что иначе пострадала бы риома, и только въ скобкахъ поставилъ исправленія.

Зачѣмъ же,—спросятъ можетъ-быть многіе,—печатать столь незрѣлое произведеніе? Конечно, самъ поэтъ не напечаталъ бы его. Изданное имъ самимъ въ 1840 году содержитъ лишь 28 стихотвореній. Если, слѣдовательно, придерживаться мнѣнія, что издавать надо лишь то, что самъ поэтъ призналъ бы достойнымъ печати, то пришлось бы къ этому числу добавить еще три-четыре стихотворенія. Не слѣдовало бы печатать ни «Демона», ни «Измаилъ-бея, ни всего того, что печатается во второмъ томѣ «Сочин. Лермонтова»... Нѣтъ, всякая строка славнаго поэта дорога, и каждое образованное общество каждаго народа собираетъ и бережетъ все, что касается знаменитыхъ ея дѣятелей. Дѣло въ томъ только, чтобы дать возможность каждому, по усмотрѣнію, пріобрѣтать или полное собраніе сочиненій, или избранныя, лучшія творенія поэта. Теперь опять готовится изданіе сочиненій Лермонтова; надо пожелать, чтобъ оно было полное. Пускай первый томъ—сочиненія избранныя—будетъ изданъ въ большомъ числѣ экземпляровъ и продаваться отдѣльно, но пусть же явится и второй, и третій томы, содержащіе все, что оставлено поэтомъ.

Пав. Висковатый.

Дерптъ.
28 февраля 1882 г.

МАЗЕПА.

ГЛАВА XVI *).

Переходъ русскаго войска на правый берегъ Ворсклы. — Приготовленія шведовъ къ сраженію.—Ночь наканунѣ битвы.—Утро.—Нападеніе шведовъ на русскіе редуты. — Неудача у русскихъ.—Выступленіе Меншикова на поле битвы.—Плѣнъ шведскихъ генераловъ Шлиппенбаха и Рооса. — Принятіе Петромъ главной команды надъ арміею. — Носилки шведскаго короля.—Плѣнъ Реншильда.—Совѣтъ Левенгаупта.—Карлъ въ своемъ обозѣ.—Совершенное пораженіе шведовъ. — Мужество Карла и Петра. — Плѣнъ Пипера и шведскихъ генераловъ. — Пиръ царя Петра.—Тостъ за Карла и за учителей.— Погоня за разбитымъ непріятелемъ.— Погребеніе убитыхъ.—Вступленіе Петра въ Полтаву.—Мирныя предложенія Карла.— Отвѣтъ Петра. — Царскія именины. — Вторичный пиръ на полѣ битвы.— Шведскіе плѣнники.—Мазепинцы.

Для обѣихъ враждующихъ сторонъ стало одинаково несносно стоять долгое время на двухъ берегахъ рѣки и не предпринимать ничего рѣшительнаго. Обѣ стороны желали скорѣе чѣмъ нибудь кончить. Шведы въ чужой землѣ оставались безъ свѣжихъ силъ, имъ грозило оскудѣніе средствъ къ жизни, но и русскихъ не могли не безпокоить извѣстія изъ Полтавы, что жизненныхъ средствъ могло тамъ стать не болѣе какъ на двѣ недѣли. Сначала Петръ думалъ освободить Полтаву отъ осады, не вдаваясь въ генеральное сраженіе, но 18 іюня пришелъ къ иному убѣжденію. На военномъ совѣтѣ вечеромъ этого дня рѣшено перевести всю армію на правый берегъ Ворсклы. 19 іюня русскіе начали переходъ подъ селомъ Петровкою **) по устроенному тамъ мосту, а 20 числа все войско уже было переправлено [1]). 25 іюня русскіе подвинулись къ Полтавѣ и выстроились версты за полторы отъ шведскаго войска. Съ чрезвычайною быстротою рус-

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

**) Нынѣ село Полтавскаго уѣзда при рѣкѣ Ворсклѣ, въ 14 верстахъ отъ Полтавы.

[1]) Госуд. Арх. Кабинет. Дѣла, № 9. Письма царя къ Григорію Долгорукому.

скіе вывели въ одну ночь ретраншементъ, по правую сторону отъ него расположили свою кавалерію между лѣсомъ, а впереди кавалеріи устроили 10 редутовъ [2]).

Ни въ русскомъ военномъ совѣтѣ, ни въ шведскомъ стратеги не пришли окончательно къ рѣшенію—начинать ли аттаку, или ожидать ее отъ противниковъ. Этотъ вопросъ рѣшилъ Карлъ съ своей обычною отвагой и горячностію. Въ шведскій станъ явился изъ русскаго перебѣжчикъ нѣмецъ и сообщилъ, что русскіе ожидаютъ прибытія многихъ тысячъ калмыковъ. Такимъ образомъ русскія силы должны будутъ умножиться. Король рѣшилъ, что надобно предупредить усиленіе непріятеля и вызвать русскихъ на бой ранѣе, чѣмъ успѣютъ присоединиться къ нимъ калмыки [3]). Русскія силы въ ихъ настоящемъ размѣрѣ несравненно превосходили количествомъ шведскія, но король не вѣрилъ ни въ храбрость, ни въ искусство русскихъ, и потому при малочисленности своихъ войскъ не устрашился еще и разъединить ихъ. Двѣ тысячи человѣкъ послалъ онъ охранять траншеи, прорытыя около полтавскаго вала, такъ какъ не оставлялъ желанія во что бы то ни стало овладѣть упрямою Полтавою. 2.400 человѣкъ посланы были для охраненія багажа, гдѣ находился Мазепа, который отъ старости и тревогъ видимо уже день ото дня угасалъ. 1.200 человѣкъ посланы были караулить Ворсклу ниже Полтавы, чтобы не дать русскимъ въ этихъ мѣстахъ переправиться и окружить шведовъ съ тыла. Сверхъ того, шведы разставлены были въ городкахъ: Ново-Санжаровѣ, Бѣликахъ [*]), Соколкахъ и Кобылякахъ, что составляло вмѣстѣ до 1.200 человѣкъ. У Карла оставалось въ дѣлѣ, по шведскимъ источникамъ, въ строю только 13.000, кромѣ запорожцевъ [4]). По русскимъ источникамъ шведовъ было около сорока тысячъ [5]). Нѣтъ сомнѣнія, что шведскія свѣдѣнія о такой малочисленности войска, бывшаго въ дѣлѣ на полтавскомъ полѣ, не выдерживаютъ никакой критики, какъ показываетъ извѣстное намъ число убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ.

Въ воскресенье, 26 іюня, послѣ вечерней молитвы, которую Карлъ XII, какъ благочестивый лютеранинъ, всегда слушалъ въ походахъ, было объявлено въ шведскомъ станѣ, что завтра бу-

---

[2]) *Голиковъ*: „Дѣянія Петра Великаго", т. III, стр. 102.

[3]) Ibid., „Дополненіе къ Дѣян. Петра Велик.", т. XV, стр. 330.

[*]) Мѣстечко Кобылякскаго уѣзда при рѣкѣ Ворсклѣ.

[4]) *Fryxel*, нѣмец. пер., ч. I, стр. 169.

[5]) *Голиковъ*: „Дѣянія Петра Великаго", т. III, стр. 112.

детъ генеральное сраженіе. Карлъ объявилъ, что будетъ принимать участіе въ битвѣ, но по причинѣ раны не можетъ командовать войскомъ лично: онъ назначилъ вмѣсто себя на время битвы главнокомандующимъ фельдмаршала графа Реншильда. Король былъ въ самомъ бодромъ настроеніи духа и говорилъ своимъ генераламъ: «завтра мы будемъ обѣдать въ шатрахъ у московскаго царя. Нѣтъ нужды заботиться о продовольствіи солдатъ,—въ московскомъ обозѣ всего много припасено для насъ».

И въ русскомъ войскѣ готовились къ генеральному сраженію. Петръ объѣзжалъ свои войска и, остановившись передъ дивизіею Аларта, произнесъ такую ободрительную рѣчь:

«Король шведскій и самозванецъ Лещинскій привели къ своей волѣ измѣнника Мазепу и клятвенно утвердились отторгнуть Малую Россію, учинить изъ оныя независимое княжество подъ властію того измѣнника, присоединивъ къ оному Волынь и подчиня ему же, Мазепѣ, козаковъ запорожскихъ и донскихъ. Такою надеждою льстяся, измѣнникъ уповалъ собрать войска козацкаго до двухсотъ тысячъ, подкупилъ Порту, крымскаго хана и орды на насъ, и для исполненія сего злоумышленія призвалъ въ Малороссію короля шведскаго со всѣми его силами и Лещинскаго, поспѣшавшаго уже въ соединеніи съ нимъ съ 25.000 польскихъ войскъ. Но помощію Божіею козацкіе и малороссійскіе народы вразумлены, остались намъ вѣрными, шведскаго войска чрезъ разныя побѣды и лютость прешедшей зимы истребилось до половины, войскà Лещинскаго побиты и разогнаны, султанъ миръ съ нами подтвердилъ и отъ помощныхъ войскъ имъ отказалъ, хану и ордамъ соединяться съ ними строго воспретилъ; и нынѣ непріятельскаго войска противъ насъ осталось только 34 полка и тѣ неполные, изнуренные, оробѣвшіе. Остается надъ сими оставшими довершить вамъ побѣду. Порадѣйте же товарищи! Вѣра, церковь и отечество сего отъ васъ требуютъ» [6]).

Въ сумерки вся шведская пѣхота была выведена въ поле. Приказано было всѣмъ каждоминутно быть готовыми къ бою. Кавалеристамъ данъ былъ приказъ, чтобъ у всѣхъ лошади были осѣдланы. Наступила ночь темная; луна была въ ущербѣ. Карлъ велѣлъ обвязать себѣ больную ногу свѣжею повязкою, другую ногу обулъ въ сапогъ и сѣлъ въ носилки, держа обнаженную шпагу въ рукѣ. Его главный министръ Пиперъ, генералы Рен-

[6]) Ibid., стр. 108.—„Дополненіе къ Дѣян. Петра Великаго", т. XV, стр. 336.

шильдъ и Левенгауптъ легли на землѣ около королевскихъ носилокъ. Нѣкоторые изъ шведовъ на короткое время уснули, другіе не хотѣли заснуть и развлекали себя разговорами, толковали, какъ на этихъ самыхъ поляхъ, по ихъ представленію, Тамерланъ покорилъ себѣ западные народы [7]). Съ полуночи, когда взошла луна и стало виднѣться, шведы стали двигаться впередъ различными колоннами. Занялась заря; шведы замѣтили, что и въ русскомъ станѣ уже копошатся. Стало всходить солнце и шведамъ представилась русская кавалерія: она уже стояла въ строю, прикрытая только-что выведенными редутами, изъ которыхъ три не были еще вполнѣ оконченными.

Черезъ два часа послѣ солнечнаго восхода Реншильдъ приказалъ сдѣлать аттаку на русскіе редуты. Начальство надъ этою пѣхотою поручено было генераламъ—Акселю Спарре и Роосу; первый долженъ былъ овладѣть тремя редутами влѣво, а Роосъ—другими четырьмя вправо. Первый удачно исполнилъ свое дѣло. Русская кавалерія была смята, пѣхота покинула редуты. Впослѣдствіи Петръ сознавался плѣннымъ шведскимъ генераламъ, что въ это мгновеніе въ русскомъ станѣ произошелъ большой переполохъ; русскіе собирались уже запрягать багажныя телѣги и отступать. Увидя замѣшательство русскихъ, Пиперъ испросилъ у короля дозволеніе двинуть генерала Крейца, командовавшаго лѣвымъ крыломъ, въ содѣйствіи со Спарре и вмѣстѣ съ нимъ преслѣдовать русскихъ, покинувшихъ свои редуты, и не допустить ихъ придти въ себя послѣ пораженія; но Реншильдъ оскорбился: какъ смѣютъ другіе безъ его вѣдома вмѣшиваться въ распоряженія, когда король назначилъ его одного главнокомандующимъ. Прибѣжавши къ Пиперу, Реншильдъ, въ присутствіи короля, сталъ выговаривать министру. Король остановилъ порывъ своего фельдмаршала, но въ угоду ему тотчасъ послалъ приказаніе Крейцу оставить преслѣдованіе русскихъ и занять лѣсное возвышеніе, находившееся на западной сторонѣ, внѣ дѣйствія русскихъ орудій.

Эта ошибка внезапно поправила дѣло русской арміи, начинавшей уже разстроиваться. Кавалерія, порученная генералу Боуэру, за раною командовавшаго прежде генерала Рена, пришла въ порядокъ, а тѣмъ временемъ царь приказалъ Меншикову, командовавшему лѣвымъ крыломъ русской арміи, ударить на непріятеля

[7]) *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 170.

съ десятью полками, составлявшими 10.000 воиновъ. Тутъ судьба всей битвы повернулась иначе. Меншиковъ ударилъ на часть корпуса Рооса, находившуюся подъ командою Шлиппенбаха, и нанесъ ему такое пораженіе, что самъ Шлиппенбахъ со всѣмъ своимъ штабомъ былъ взятъ въ плѣнъ. Генералъ Роосъ обратился въ бѣгство, но Меншиковъ отправилъ за нимъ въ погоню генерала Ренцеля: тотъ загналъ Рооса до шанцовъ, воздвигнутыхъ шведами подъ самою Полтавою, и принудилъ его сдаться въ плѣнъ со всѣмъ отрядомъ.

Былъ девятый часъ утра. Между шведскими военачальниками не было никакого ладу. Когда генералу Спарре былъ данъ приказъ спѣшить на выручку Рооса, онъ, воротившись безъ успѣха, говорилъ, что у Рооса достаточно войска, и если Роосъ съ нимъ не сможетъ оборониться, то пусть идетъ къ чорту. Левенгаупту король далъ приказаніе соединиться съ Крейцомъ, но Реншильдъ, уже прежде не ладившій съ Левенгауптомъ, раздражился за то, что это дѣлается безъ его вѣдома, и началъ браниться съ Левенгауптомъ, а король заперся въ томъ, что самъ далъ Левенгаупту приказъ. Отдѣлы шведскаго войска двигались съ мѣста на мѣсто, не зная сами что дѣлаютъ. Это замѣтилъ царь Петръ, двинулъ на нихъ все свое войско и принялъ надъ нимъ самъ верховное начальство.

Тогда наступило полное замѣшательство. Короля повезли въ носилкахъ лошадьми; 12 драбантовъ и 24 гвардейца окружали его. Карлъ велѣлъ везти себя въ самый огонь битвы. Подъ его носилками убита была лошадь; гвардейцы выпрягли изъ-подъ носилокъ остальную лошадь и понесли носилки на рукахъ. Но близь короля пало трое драбантовъ, побиты были носильщики и наконецъ самыя носилки раздроблены пулями. Тафельдекеръ Гутманъ кое-какъ связалъ ихъ уздами съ павшихъ лошадей. Пользуясь минутнымъ перерывомъ битвы, Карлъ выпилъ воды, приказалъ перевязать себѣ раненую ногу и нести себя далѣе въ разгаръ битвы, чтобы собственнымъ примѣромъ отваги возбуждать своихъ воиновъ. Генералы: Левенгауптъ, Спарре, Гердъ— употребляли всѣ усилія, чтобы привести въ порядокъ войско, но все было напрасно. Вдругъ подъ королемъ опять раздробило носилки и онъ упалъ на землю. Солдаты, издали увидѣвъ эту сцену, думали, что король уже убитъ, и это увеличило смятеніе. Король, лежа на землѣ, думалъ еще какъ нибудь остановить потерянныхъ воиновъ и кричалъ: «шведы! шведы!..»—но его от-

чаянный крикъ терялся въ суматохѣ. Подбѣжалъ къ королю Реншильдъ и, обращаясь на всѣ стороны, громко вопилъ: «наша пѣхота пропала,—ребята, спасайте короля!» Затѣмъ самъ Реншильдъ бросился въ омутъ битвы и тотчасъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Подобно кораблю, разбитому бурею, метался остатокъ разбитой шведской арміи,—говоритъ шведскій историкъ. Офицеры были побиты или взяты въ плѣнъ; солдаты безъ команды метались то въ ту, то въ другую сторону, сами не зная, что имъ нужно дѣлать. Левенгауптъ, увидя, что дѣлается съ королемъ, кричалъ: «ради самого Христа не оставляйте короля въ бѣдѣ!» Кучка солдатъ подняла короля, къ нимъ пристали конные. Драбантъ Брадке посадилъ короля на свою лошадь. Положивши больную ногу на шею лошади, Карлъ отдался другимъ спасать его отъ опасности быть убитымъ или полоненнымъ. «Что теперь дѣлать?» — спрашивалъ онъ, встрѣтивши Левенгаупта. — «Отступать къ багажу»,—говорилъ Левенгауптъ. Но отступленіе было уже немыслимо. Происходило полное безпорядочное бѣгство разбитаго въ пухъ и прахъ войска. Командиры кричали на подчиненныхъ: «стой», подчиненные кричали одинъ къ другому: «стой!»—и всѣ бѣжали. Вдругъ непріятельская пуля поразила лошадь, на которую посадили Карла, и въ это время настигали его русскіе; шведскій король неизбѣжно попалъ бы въ плѣнъ, но капралъ Гіерта поспѣшно далъ ему свою лошадь. Не безъ труда Карлъ, при помощи другихъ, сѣлъ на нее и ускакалъ во всю прыть, все-таки каждую минуту ожидая, что его или убьютъ выстрѣломъ, или нагонятъ и возьмутъ въ плѣнъ. Капралъ Гіерта, отдавши королю свою лошадь и самъ будучи раненъ, дотащился подъ плетень, чтобы тамъ умереть, но увидѣлъ его королевскій конюхъ, который велъ одну изъ королевскихъ лошадей, посадилъ на лошадь и такимъ образомъ капралъ Гіерта догналъ короля, скакавшаго къ тому мѣсту, гдѣ находился шведскій обозъ.

Если Карлъ въ этотъ день показалъ рѣдкій примѣръ храбрости, отваги и неустрашимости, то не менѣе его доблестнымъ оказался и соперникъ его Петръ. На немъ была прострѣлена пулею шляпа, другая пуля попала въ пуговицу на сѣдлѣ, на которомъ онъ сидѣлъ, третья ударила его въ грудь, но наткнулась на длинный крестъ (тѣльникъ) и это спасло царя.

Графъ Пиперъ, постоянно находившійся при своемъ государѣ, когда увидалъ, что все уже пропало, поворотилъ къ обозу вслѣдъ

за Карломъ. Пипера сопровождало нѣсколько особъ и въ числѣ ихъ былъ историкъ Карла XII, Нордбергъ, котораго сочиненіе служило намъ въ числѣ источниковъ. Онъ описываетъ, что когда они, слѣдуя за бѣжавшимъ королемъ, переходили небольшую долину, заросшую кустарникомъ, и уже выходили на ровное мѣсто, вдругъ появились калмыки и татары. Идти далѣе казалось невозможнымъ, чтобы не попасться въ руки этимъ азіятскимъ варварамъ, отъ которыхъ европейцы шведы не ждали пощады. Они повернули къ Полтавѣ и сами отдались въ плѣнъ. Ихъ привели въ русскій станъ къ Шереметеву. Фельдмаршалъ принялъ графа Пипера очень любезно и почетно. Ему приготовили богато убранный шатеръ. Шереметевъ бесѣдовалъ съ нимъ о тогдашнемъ положеніи дѣлъ и шведамъ рѣчь его показалась очень умною.

Много шведскихъ генераловъ попалось тогда въ плѣнъ. Изъ нихъ знатнѣйшіе были: Реншильдъ, Стакельбергъ, Шлиппенбахъ, Гамильтонъ, Роосъ, принцъ Максимиліанъ Виртембергскій. Когда ихъ представили царю, Петръ принялъ послѣдняго за короля и, узнавши свою ошибку, воскликнулъ: «неужели таки я не увижу сегодня брата Карла?» Но тутъ царю принесли разбитыя носилки короля, до сихъ поръ показываемыя въ сокровищницѣ московской Оружейной палаты. Нѣсколько времени Петръ думалъ, что Карлъ убитъ; вскорѣ, однако, принесли ему извѣстіе, что король успѣлъ убѣжать къ обозу, и Петръ, узнавши, что Карлъ живъ, былъ этимъ очень доволенъ. Онъ питалъ большое уваженіе къ своему врагу [8]).

Послѣ полудня всему русскому войску приказано было выстроиться. Царь выѣхалъ безъ шляпы, благодарилъ всѣхъ за храбрость, далъ приказаніе перевязывать раны и лѣчить раненыхъ, показывалъ къ нимъ состраданіе. Между тѣмъ на полѣ приготовлена была походная церковь. Въ часъ пополудни тамъ отслужили благодарственный молебенъ, и во время пѣнія «Тебе Бога хвалимъ» дано было три пушечныхъ залпа. По окончаніи молебна, царь позвалъ сподвижниковъ на пиръ, устроенный въ шатрахъ. Царь съ генералитетомъ пировалъ въ особомъ царскомъ шатрѣ, котораго полы были подобраны, а передъ шатромъ на караулѣ стояла гренадерская рота Преображенскаго полка. Къ этому пиру приглашены были знатные шведскіе плѣнники—генералы и полковники. Во время пира привели Пипера; и его уса-

---

[8]) *Катифора*: „Житіе Петра Вел.“, кн. IV, л. 248.

дили также за столъ. Царь ласково обращался со всѣми плѣнниками, собственноручно вручилъ фельдмаршалу Реншильду шпагу и похвалилъ его за храбрость и вѣрное исполненіе своего долга. У прочихъ плѣнниковъ хотя шпаги были отобраны, но тутъ же милостиво возвращены царемъ. «Господа! — сказалъ обратившись къ плѣнникамъ Петръ,—братъ мой Карлъ приглашалъ васъ на сегодня къ обѣду въ шатрахъ моихъ, но не сдержалъ королевскаго слова; мы за него исполнимъ и приглашаемъ васъ съ нами откушать» [9]). Поднявши налитой виномъ заздравный кубокъ, Петръ воскликнулъ: «пью за здоровье моего брата Карла!» Потомъ, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ, Петръ провозгласилъ тостъ за здоровье своихъ учителей.—«Кто эти учителя?»—осмѣлился спросить Реншильдъ. «Вы, шведы»—отвѣчалъ царь.—«Хорошо же ваше величество отблагодарили своихъ учителей»—сказалъ Реншильдъ [10]).

Еслибы русскіе,—говоритъ шведскій историкъ [11]),—неустанно преслѣдовали шведское войско, то, безъ сомнѣнія, не выпустили бы съ полтавскаго поля ни короля, ни всего остатка его арміи, но Петръ увлекся пиромъ на радости о побѣдѣ, одержанной въ такой степени, въ какой быть можетъ онъ даже и не ожидалъ, и не прежде, какъ уже вечеромъ спохватился отправить въ погоню за отступившимъ съ поля непріятелемъ генералъ-поручиковъ: князя Мих. Голицына и Боуэра. Они не застали уже непріятеля, и дѣйствительно это была большая ошибка со стороны Петра: вся цѣль Сѣверной войны была бы уже достигнута въ этотъ день и Россія безъ дальнѣйшихъ потерь пріобрѣла бы все то, что получила по Ништадтскому миру.

На другой день утромъ, по приказанію царя, съ 4-хъ часовъ начали копать могилы для погребенія убитыхъ. Все войско было выстроено на этомъ мѣстѣ. Двѣ могилы были готовы и въ 6 часовъ прибылъ туда государь. Въ одну могилу положили тѣла офицеровъ, въ другую унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ солдатъ; всѣхъ ихъ клали въ мундирахъ, въ которыхъ они пали

---

[9]) *Голиковъ*: „Дополненіе къ Дѣян. Петра Вел.“, т. XV, стр. 388.

[10]) Ibid., „Дѣян. Петра Вел.“, т. III, стр. 104—113.—„Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.“, т. XV, стр. 324—373.—*Өеоф. Прокоповичъ*: „Исторія Петра Вел.“, стр. 247—252.—*Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 264—282.—*Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 169—179.—*Nordberg*, франц. пер., ч. II, стр. 310—315.—*Ригельманъ*: „Лѣтоп. Пов. о Малой Россіи“, ч. III, стр. 80, 82, 85 и 88.—Брошюры, означенныя въ перечнѣ источниковъ подъ №№ 47—54.

[11]) *Fryxel*, ч. I, стр. 179.

на полѣ битвы. Отслужили надъ ними обычное послѣдованіе погребенія. Царь, обращаясь къ убитымъ, произнесъ предъ всѣми такую рѣчь: «Храбрые воины, за благочестіе, отечество и родъ свой души свои положившіе! вѣмъ, яко страдальческими вѣнцами вы увѣнчалися и у праведнаго подвигоположника Господа дерзновеніе имате: споспѣшествуйте мнѣ въ праведномъ оружіи моемъ противъ враговъ отечества и благочестія, молитвами вашими да возможемъ въ мирѣ прославлять Бога и ваши подвиги» [12]). Затѣмъ царь положилъ передъ убитыми три земныхъ поклона и первый собственноручно сталъ засыпать могилы землею. Другіе командиры послѣдовали ему, и такъ совершилось погребеніе при громѣ пушекъ, бѣглой ружейной пальбы и звукахъ полковой музыки. Образовался высокій курганъ; на его вершинѣ Петръ собственноручно водрузилъ крестъ съ надписью: «воины благочестивіи за благочестіе кровію вѣнчавшіеся лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709 іюня 27 дня».

Послѣ отправленія всего обряда надъ убитыми русскими, Петръ приказалъ похоронить непріятельскія тѣла, поручивши совершить надъ ними погребальный обрядъ плѣннымъ протестантскимъ священникамъ. Дано было приказаніе жителямъ вездѣ отыскивать и хоронить человѣческіе и конскіе трупы *).

Наконецъ послѣ всего этого, въ тотъ же день, Петръ, вообще любившій торжественные въѣзды и выходы, въ сопровожденіи своихъ генераловъ въѣхалъ въ Полтаву, принималъ поздравленія отъ освободившихся изъ осады солдатъ своихъ и всѣхъ полтавскихъ жителей, хвалилъ ихъ за храбрость и стойкость и при

---

[12]) *Голиковъ*: „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел", т. XVI, стр. 9.

*) Въ „Гисторіи Шведской войны" царь разсказываетъ о Полтавской битвѣ: хотя и зѣло жестоко оба войска бились, однакожъ то все долѣе двухъ часовъ не продолжалось, ибо непобѣдимые господа шведы скоро хребетъ показали и отъ нашихъ войскъ съ такою храбростію вся непріятельская армія съ малымъ урономъ нашихъ войскъ еже найвящше удивительно есть. Кавалерія и инфантерія весьма опровергнуты, такъ что шведское войско ни единожды потомъ не остановилось, но безъ остановки отъ нашихъ шпагами и байонетами колоты и даже до обрѣтающагося лѣса, гдѣ оные предъ баталіею строились, гнаты, притомъ въ началѣ генералъ-маіоръ Стакельбергъ, потомъ генералъ-маіоръ Гамильтонъ, также послѣ фельдмаршалъ Реншильдъ и принцъ виртембергскій купно съ многими полковники и иными полковыми и ротными офицеры и нѣсколько тысячъ рядовыхъ, которыхъ большая часть съ ружьемъ и съ лошадьми отдались и въ полонъ взяты. Непріятельскихъ труповъ мертвыхъ перечтено на боевомъ мѣстѣ и у редутъ 9234, кромѣ тѣхъ, которые врозни по лѣсамъ и по полямъ побиты и отъ ранъ померли (Гос. Арх. „Гист. Шведск. войны". Рукопись).

всѣхъ, въ знакъ своей милости, поцѣловалъ въ голову коменданта Келина. Въ Полтавѣ царь слушалъ въ церкви благодарственное молебствіе при пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣлахъ, посѣщалъ раненыхъ, объявлялъ награды и въ заключеніе сталъ обѣдать у коменданта «чѣмъ Богъ послалъ» [13]). Во время этого обѣда явился къ царю въ Полтаву шведскій генералъ Мейерфельдъ. Карлъ послалъ его изъ подъ Стараго-Санжарова безъ всякаго письменнаго вида, по съ словеснымъ заявленіемъ согласія заключить миръ на такихъ условіяхъ, на какихъ самъ царь предлагалъ прежде. Петръ сказалъ: «поздно король принимается за миръ; прежде предложенныя нами кондиціи уже не соотвѣтствуютъ настоящему положенію дѣлъ. Впрочемъ, я не отрицаюсь отъ мира, но только на условіяхъ приличныхъ и сходныхъ со справедливостію». Онъ послалъ такой отвѣтъ съ трубачомъ, пріѣхавшимъ съ Мейерфельдомъ, а самого генерала Мейерфельда на время задержалъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ явился безъ письменнаго вида [14]). Вслѣдъ за тѣмъ царь отправилъ Меншикова съ цѣлымъ корпусомъ преслѣдовать шведовъ, давши приказаніе, если поймаютъ въ плѣнъ Карла, то возвратить ему шпагу и провожать его не стѣсняя, съ подобающимъ уваженіемъ, а измѣнника Мазепу везти заковавши подъ строгимъ карауломъ и наблюдать, чтобы онъ надъ собою чего нибудь не учинилъ. Вѣроятно, эта отправка происходила уже не рано, послѣ всѣхъ описанныхъ церемоній, и это было причиною, что Меншиковъ уже не могъ поймать ни Карла, ни Мазепы, какъ этого желалъ государь.

29 іюня былъ день царскихъ именинъ. Устроенъ былъ въ шатрахъ другой такой же пиръ, какъ и въ день побѣды, и опять были приглашены къ нему шведскіе плѣнные военачальники [15]). На этомъ второмъ пирѣ былъ между прочимъ и шведскій историкъ Нордбергъ. По его извѣстіямъ, шатры, въ которыхъ происходилъ этотъ пиръ, были каждый болѣе чѣмъ въ 50 аршинъ длиною. Шведскихъ плѣнныхъ было тамъ много. Когда уже вставали изъ-за стола, вошелъ царь, заговорилъ ласково съ нѣкоторыми изъ плѣнниковъ и провозгласилъ тостъ за здравіе шведскаго короля. Нордбергъ при этомъ замѣчаетъ, что хотя писали

---

[13]) Ibid., стр. 8 и 9.

[14]) *Adlerfeld*, нѣмецк. перев., ч. III, стр. 290. — *Голиковъ*: „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.", т. XVI, стр. 11.

[15]) *Голиковъ*: „Дѣянія Петра Великаго", т. III, стр. 115.

и разглашали, будто Петръ ласково говорилъ съ Пиперомъ, но онъ, Нордбергъ, какъ очевидецъ, можетъ удостовѣрить, что Петръ не сказалъ ни единаго слова шведскому министру [16]). Послѣ пира въ тотъ же день плѣнные шведскіе военачальники розданы были подъ наблюденіе русскимъ вельможамъ: Меншикову порученъ былъ принцъ виртембергскій, Головкину Пиперъ, Шереметеву Реншильдъ, — всѣ другіе были розданы русскимъ офицерамъ, сообразно чинамъ, какіе носили шведскіе плѣнники, до самыхъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Всѣхъ отправили въ Россію черезъ нѣсколько дней. Худшая участь постигла малороссіянъ мазепинцевъ, которые взяты были въ плѣнъ и большею частію сами сдались, увидя шведское дѣло проигранными. Нордбергъ, въ качествѣ очевидца, говоритъ, что ихъ подвергали ужаснѣйшимъ истязаніямъ, ломали имъ руки и ноги и выставляли на колесахъ изуродованныя тѣла ихъ; другихъ вѣшали и на колъ сажали [17]). Шведскій историкъ, сообщая эти извѣстія, тутъ же счелъ умѣстнымъ опровергать какого-то другаго историка, котораго имени онъ не называетъ и который утверждалъ, будто Петръ оказалъ козакамъ милость. Нордбергъ положительно заявляетъ, что такой милости не было. Мы не можемъ безусловно отвергать извѣстія Нордберга, такъ какъ свирѣпыя казни надъ мятежниками и царскими измѣнниками были въ обычаѣ у Петра; но есть несомнѣнныя оффиціальныя свѣдѣнія, что нѣкоторые самые крупные изъ Мазепиныхъ соумышленниковъ еще до полтавскаго сраженія добровольно явились съ повинною въ русскій станъ. То были бывшіе генеральный судья Чуйкевичъ, генеральный асаулъ Максимовичъ, лубенскій полковникъ Зеленскій, компанейскій полковникъ Кожуховскій, сердюцкій полковникъ Яковъ Покотило, Антонъ Гамалѣя, Семенъ Лизогубъ, канцеляристъ Григорій Григоровичъ и писарь Яковъ Гречаный. Имъ не было объявлено прощенія, какъ они того просили,—напротивъ, ихъ подвергли аресту какъ преступниковъ, и уже послѣ 8 августа сняли съ нихъ допросы, которые сохранились въ дѣлахъ архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ [18]). Всѣ они увѣряли, что не были заранѣе въ соумышленіи съ гетманомъ, прикидывались завлеченными посредствомъ обмана *). Но срокъ, объявленный

[16]) *Nordberg*, стр. 315.

[17]) Ibid.

[18]) Арх. Ин. Дѣлъ 1709 года, августъ, № 52.

*) ... Судья Чуйкевичъ показалъ: Прежде перехода за Десну онъ не зналъ объ измѣнѣ, ибо гетманъ всѣмъ говорилъ, что идетъ на слученіе съ Шереме-

для тѣхъ, которые отстанутъ отъ Мазепы, давно прошелъ и ясно было, что эти малороссіяне явились уже только тогда, когда увидали, что затѣи освободиться отъ московской власти никакъ удаться не могутъ. Ихъ увертки не были приняты во вниманіе. Царь указалъ, что хотя они за измѣну достойны смертной каз-

---

тевымъ, а уже когда перешли Десну, тогда только сказалъ мнѣ, что идетъ подъ протекцію шведскую, опасаясь чтобы царское величество по бывшему доносу на него отъ Кочубея когда нибудь не велѣлъ его взять. Я говорилъ ему, зачѣмъ это дѣлать и вести насъ невѣдомо куда, а Мазепа меня лаялъ и приказалъ гречанину Згурѣ Стиглѣеву смотрѣть за мною и Згура всегда былъ въ квартирѣ со мною и смотрѣлъ, чтобы я не ушелъ. Въ близкихъ совѣтахъ съ Мазепою не былъ ни я, ни другіе старшины, кромѣ родственника Мазепина Мокіевскаго, да генеральнаго писаря Орлика. Жены своей я не бралъ съ собою, жила она за 15 миль отъ Батурина, а потомъ перебралась въ Гадячъ и хотѣла оттуда ѣхать въ слободскіе полки, но гадяцкіе жители не пустили ее до прихода шведскихъ войскъ. Меня, Чуйкевича, Мазепа посылалъ одинъ разъ въ Переволочну къ запорожцамъ вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ Мокіевскимъ, я отговаривался, но Мазепа слушать меня не хотѣлъ, потому, какъ онъ говорилъ, что я генеральный судья. Однако, приказъ данъ былъ не мнѣ, а Мокіевскому и я запорожцевъ къ измѣнѣ не подговаривалъ и съ собою къ непріятелю не проваживалъ и воръ кошевой съ запорожцами приходили къ Мазепѣ по его письмамъ и подговору Мокіевскаго. Мокіевскій держалъ меня за карауломъ и поѣхалъ въ Крымъ съ племянникомъ кошевого, а я поѣхалъ назадъ къ Мазепѣ, но подъ карауломъ у запорожцевъ. Наипаче я былъ въ подозрѣніи у Мазепы оттого, что сватомъ былъ покойному Кочубею и онъ часто мнѣ про то словами напоминалъ и называлъ бунтовщикомъ противъ себя. Я все собирался уйти да не могъ, оттого что гречанинъ Згура Стиглѣевъ меня стерегъ, а когда этотъ гречанинъ въ Гадячѣ умеръ, то ко мнѣ приставили шведскій караулъ, который оставался при мнѣ до полтавской баталіи. Я давно только о томъ и думалъ, какъ бы уйти и совѣтовался о томъ съ Максимовичемъ, Зеленскимъ и Кожуховскимъ и они писали о томъ къ миргородскому полковнику и къ Сулимѣ, только никакъ не подручно было уйти намъ.

Генеральный асаулъ Димитрій Максимовичъ показалъ: Прежде перехода за Десну я объ измѣнѣ не зналъ. Когда же перешли Десну и были за полверсты отъ шведскаго обоза, то послалъ меня Мазепа съ капитаномъ иноземцемъ и Згурою Стиглѣевымъ и со слугою Быстрицкаго къ шведамъ, только объявлялъ не я, а капитанъ, который отъ нихъ же шведовъ былъ прежде посланъ къ Мазепѣ. Посыланы были также къ шведамъ Ломиковскій и Орликъ. Мнѣ Мазепа говорилъ, будто убѣгаетъ отъ Меншикова, который хотѣлъ его, гетмана, и всѣхъ старшинъ казнить. Потомъ посылалъ меня Мазепа трижды провѣдывать, гдѣ будетъ шведскаго короля квартира занята. Жена моя была въ Лубнахъ. Тамъ ее взяли шведы и препроводили въ Роменъ съ лубенскимъ полковникомъ. По уходѣ Апостола и Сулимы, посылалъ меня Мазепа въ Гадячъ, будто для раздачи денегъ компанейцамъ, и велѣлъ меня держать за карауломъ. И послѣ, находясь при Мазепѣ, я былъ постоянно за карауломъ и подъ надзоромъ.

Лубенскій полковникъ Зеленскій показалъ: Объ измѣнѣ Мазепы я прежде ничего не зналъ, какъ приближаясь къ Деснѣ были мы подъ Коропомъ, говорилъ Мазепа, что ѣдетъ для свиданія съ Шереметевымъ, а какъ уже перешли

ни, но онъ ихъ милуетъ и даруетъ имъ жизнь, замѣняя смертную казнь ссылкою — однихъ въ отдаленныя мѣста Сибири, другихъ въ городъ Архангельскъ. Послѣ этого приговора слѣдовало ихъ отправить въ Москву, но они оставались въ Украинѣ за карау-

---

Десну, то онъ сказалъ, что Меншиковъ хочетъ его и всѣхъ старшинъ забить въ колодки. Я на это сказалъ: мы вины своей передъ царемъ не вѣдаемъ и намъ невозможно убѣжать отъ царскаго гнѣва. А Мазепа сказалъ: смотрите на меня: куда пойду я, туда и вы идите. На другой день привелъ насъ гетманъ къ шведскому войску. Какой былъ у него уговоръ со шведами—я того не знаю. Въ дѣло меня не употреблялъ Мазепа, жилъ я при немъ какъ плѣнникъ. Получивши вѣсть о смерти моей дочери, отправился я въ Лубны, и въ этомъ помогъ мнѣ миргородскій полковникъ; по его прошенію меня отпустили, но за шведскимъ карауломъ. Когда же миргородскій полковникъ убѣжалъ, то Мазепа прислалъ въ Лубны 500 человѣкъ, изъ нихъ 300 осталось въ Лубнахъ, а 200 меня препроводили въ Роменъ, а черезъ нѣсколько дней привезли туда мою жену и жену Максимовича. Уйти мнѣ было никакъ невозможно, а я хотѣлъ уйти, и на то имѣю свидѣтельства—письма Меншикова и Головкина.

Полковникъ компанейскій Юрій Кожуховскій показалъ: О замыслахъ Мазепы я не зналъ, былъ въ походѣ противъ Булавина, а воротившись прожилъ недѣлю въ своемъ дому и получилъ приказъ ѣхать въ Борзну. Мазепа разглашалъ будто ему присланъ царскій указъ идти въ слученіе съ царскимъ войскомъ. Узналъ я, Кожуховскій, правду только тогда, когда меня со 150 человѣкъ моего полка привелъ Мазепа къ шведамъ. Когда Кгалаганъ ушелъ, Мазепа боялся, чтобы и я того же не сдѣлалъ и держалъ меня за карауломъ вмѣстѣ съ женою моею, которая и умерла у шведовъ. Я думалъ убѣжать, и по совѣту съ Чуйкевичемъ, Максимовичемъ и Зеленскимъ писалъ къ Меншикову съ нарочнымъ, но Мазепа о томъ увѣдалъ и держалъ меня за крѣпчайшимъ карауломъ.

Сердюцкій полковникъ Яковъ Покотило показалъ: Я былъ при гетманѣ, а моего полку было меньше ста человѣкъ; остальныхъ Мазепа оставилъ въ Батуринѣ. Я узналъ объ измѣнѣ уже тогда, когда прибылъ къ шведамъ. Въ Гадячѣ мнѣ отдали жену мою и я содержался подъ карауломъ. Ни въ какую службу меня Мазепа не посылалъ, а послѣ ухода Апостола и Кгалагана мнѣ не довѣрялъ.

Антонъ Гамалѣя показалъ: Объ измѣнѣ Мазепы я прежде не зналъ и жилъ въ маетностяхъ своихъ все лѣто, а какъ шведъ пришелъ въ Ромны, тогда за мною прислалъ Мазепа компанейщиковъ 50 человѣкъ, которые меня привезли въ Ромны и шведы отдали меня за караулъ. Жену свою до взятія своего за недѣлю я выслалъ въ Сумы и самъ хотѣлъ вслѣдъ за нею туда же ѣхать, но удержался для прибранія дому моего, потому что мои подданные стали бунтовать и домы грабить. Ни въ какой службѣ я прежде при Мазепѣ не былъ и уряда на мнѣ не было никакого.

Семенъ Лизогубъ показалъ: Былъ въ войскѣ, когда перешли Десну, но объ измѣнѣ не зналъ. Въ Черниговѣ домъ нашъ ломали для шатровъ и крѣпости и потому жена моя съѣхала въ Переяславъ къ дядѣ своему Томарѣ, нынѣшнему полковнику переяславскому, а потомъ вернулась опять въ Черниговъ. Ни въ какую службу меня Мазепа не посылалъ. Не разъ я пытался бѣжать, но меня ловили: одинъ разъ, какъ Мазепа шелъ черезъ разоренный Батуринъ, другой—въ Будищахъ.

ломъ до апрѣля 1711 года. Предлогомъ къ такой отсрочкѣ служило появившееся въ краѣ моровое повѣтріе. Изъ этого видно, что все-таки смертная казнь не постигла ихъ. Если извѣстіе Нордберга о жестокихъ казняхъ, совершенныхъ надъ малороссійскими измѣнниками, не вовсе ложно, то оно можетъ относиться къ какимъ-нибудь запорожцамъ, взятымъ въ плѣнъ въ полтавскомъ сраженіи.

ГЛАВА XVII.

Карлъ послѣ пораженія.—Ужасъ Мазепы.—Отступленіе шведовъ.—Карлъ въ Новомъ Санжаровѣ.—Кобыляки.—Переволочна.—Толки о переправѣ. — Упорство Карла.—Король соглашается на переправу.—Переправа Мазепы.—Послѣднія распоряженія Карла.—Помощь, оказанная запорожцами.—Переправа короля и шведовъ.—Прибытіе Меншикова съ войскомъ.—Упадокъ духа въ шведскомъ войскѣ.—Капитуляція шведскаго войска.—Отчаяніе запорожцевъ.— Бѣгство шведовъ и мазепинцевъ за Днѣпромъ въ степи.— Недостатокъ съѣстного.—Погоня за бѣглецами.—Прибытіе къ Бугу.—Толки съ турецкимъ пашею.—Переправа черезъ Бугъ.—Русскіе берутъ въ плѣнъ шведовъ, не успѣвшихъ переправиться.—Прибытіе въ Бендеры.—Пріемъ оказанный сераскиромъ.—Смерть и погребеніе Мазепы.—Новый гетманъ.—Историческое значеніе личности Мазепы.

Карлъ XII, убѣгая отъ погони съ поля битвы, достигъ своего обоза въ первомъ часу пополудни и увидѣлъ тамъ раненыхъ генерала Мейерфельда и полковника Гіерта. Верховая ѣзда, и притомъ быстрая, разбередила рану короля и причинила ему страданіе. Онъ кричалъ: «снимите меня съ лошади и посадите въ коляску!» Карла сняли и внесли въ шатеръ. Онъ съѣлъ холоднаго жаркого и спрашивалъ про своихъ генераловъ, которыхъ не видалъ близъ себя. «Гдѣ Реншильдъ?» — Въ плѣну, отвѣчали ему. Гдѣ тотъ, гдѣ другой генералъ, гдѣ Пиперъ?—въ плѣну!—былъ одинъ отвѣтъ. «Въ плѣну у русскихъ!—воскликнулъ король.—Да это хуже чѣмъ у турокъ... Впередъ!» Онъ думалъ сначала, что съ русскими придется еще схватиться. Но тутъ одинъ за другимъ возвращались съ поля битвы растрепанные отряды пораженнаго войска. Явился къ королю и Мазепа, во все время битвы находившійся въ своемъ шатрѣ въ обозѣ.

Намъ теперь трудно вообразить себѣ тѣ ужасныя минуты, которыя переживалъ тогда украинскій гетманъ. Всѣ надежды

Яковъ Гречаный показалъ: Въ войскѣ при переходѣ черезъ Десну я не былъ, а сидѣлъ дома въ Гадячѣ; когда шведы заняли Гадячъ я ушелъ въ Кіевъ, меня поймали на дорогѣ шведы, а я ушелъ отъ нихъ и ночевалъ въ Лохвицѣ у своего зятя; но на слѣдующее утро меня опять взяли шведы и повезли вмѣстѣ съ женою. До баталіи я не могъ уйти, потому что находился за карауломъ (Ibid.).

его разбились, все рушилось, все пропало. Жизнь его кончалась. Ни на что не пригодился ему весь рядъ коварствъ и козней, которыми такъ богатъ былъ пройденный имъ путь. Уже скоро послѣ своей измѣны сталъ онъ предчувствовать неудачу. Уже не разъ сожалѣлъ онъ, что ступилъ на скользкую дорогу, и пробовалъ сойти съ нея, но ему не удалось. Тоска и раскаяніе мучили его уже не одинъ день. И вотъ ударилъ рѣшительный, страшный часъ. Медлить было невозможно. Никто въ побѣжденномъ станѣ не имѣлъ такого повода страшиться, какъ Мазепа. Русскіе съ минуты на минуту могли появиться, взять его и повезти—куда?—къ царю! Что̀ тамъ ожидало его—отъ одного воображенія должна была останавливаться въ жилахъ кровь у слабаго старика. Онъ принялся просить, умолять Карла немедленно бѣжать съ остатками силъ своихъ въ турецкія владѣнія. Не было иного притона. Въ Польшу невозможно было пробраться. Однѣ русскія силы преслѣдовали бы бѣгущихъ сзади, а за Днѣпромъ стоялъ Гольцъ съ другими. Бѣжать степью въ Турцію казалось тогда самымъ подходящимъ дѣломъ. Запорожцы брались перевезти короля черезъ Днѣпръ [1]).

— Позвать Левенгаупта!—закричалъ король.

Прибылъ Левенгауптъ.

— Ну, что теперь намъ дѣлать?—спрашивалъ Карлъ.

Левенгауптъ сходился въ мнѣніи съ Мазепою.

— Ваше величество!—отвѣчалъ онъ,—остается поступить такъ, какъ сдѣлано было подъ Лѣснымъ: бросить всѣ тяжести, артиллерію, провіантъ, аммуницію, лошадей распредѣлить между воинами, сколько кто можетъ взять, а остальное все сжечь и уходить какъ можно скорѣе. Русскіе скоро здѣсь будутъ.

Воспоминаніе о Лѣсномъ не понравилось Карлу. Онъ никакъ не могъ забыть этой неудачи своего лучшаго генерала. Карлъ услалъ Левенгаупта по какому-то незначительному поводу. Тогда Мазепа опять сталъ настаивать, чтобъ уходить какъ можно скорѣе. Къ нему присоединили свой голосъ нѣкоторые шведскіе военачальники: всѣ хоромъ умоляли Карла не терять времени и уходить. Карлъ все еще храбрился, кричалъ, что бѣгство постыдно, что лучше биться съ врагомъ до послѣдней капли крови, когда онъ наступитъ, но потомъ, наконецъ, склонился на усиленныя моленія Мазепы и своихъ генераловъ. Впрочемъ, онъ

---

[1]) *Adlerfeld*, нѣм. перев., ч. III, стр. 283.

далъ приказъ отступленія совершенно противный тому, что совѣтовалъ Левенгауптъ: онъ приказалъ забирать съ собою весь багажъ и артиллерію съ 31 пушкою и двигаться вдоль Ворсклы по направленію къ ея устью. Въ виду у него было—присоединить къ себѣ отряды шведскаго войска, разставленные въ городкахъ: Ново-Санжаровѣ, Бѣликахъ, Кобылякахъ и Соколкахъ. Карлъ, вмѣстѣ съ Мазепою, сѣлъ въ коляску генерала Мейерфельда. Вечеромъ шведы двинулись съ распущенными знаменами. Они надѣялись переправиться черезъ Днѣпръ у Переволочны, какъ обѣщали имъ запорожцы. Но русскіе успѣли уже заранѣе истребить тамъ суда и паромы.

Шведскія войска шли довольно медленно и спокойно, такъ что отступленіе ихъ на первыхъ порахъ не походило на бѣгство. Кромѣ военной силы, при шведскомъ обозѣ было множество рабочихъ малороссіянъ; были тамъ сверхъ того и поселяне, привозившіе въ шведскій станъ живность на продажу. Карлъ не хотѣлъ чтобъ эти люди попались въ руки великороссіянъ и приказалъ не спѣшить, чтобы дать имъ время уйти [2]).

Передъ свѣтомъ на другой день Карлъ былъ въ Новомъ Санжаровѣ. Хирургъ перевязалъ ему раненую ногу; Карлъ уснулъ глубокимъ сномъ. Но едва сталъ заниматься день, какъ короля разбудили.

— Русскіе гонятся за нами, ваше величество,—сказали ему.— Прикажете слѣдовать далѣе?

— Дѣлайте, что хотите!—отвѣчалъ Карлъ.

Тогда генералъ Крейцъ, взявши на себя отвѣтственность, сталъ поступать такъ, какъ совѣтовалъ прежде Левенгауптъ. Зажгли тяжелый багажементъ, а лошадей роздали пѣхотѣ. Съ этой поры походъ сталъ совершаться такъ быстро, что русскіе не успѣвали гнаться за шведами. Въ погоню за ними шли еще только генералы Голицынъ и Боуэръ; Меншиковъ съ корпусомъ выступилъ только послѣ полудня 28-го числа [3]). Съ Карломъ въ этотъ день случилось приключеніе: коляска его повредилась и онъ принужденъ былъ приказать посадить себя снова на лошадь, а съ наступленіемъ ночи съ 28-го на 29-е число король заблудилъ въ лѣсу и это, разумѣется, замедлило еще болѣе бѣгство шведовъ [4]). Къ счастію шведовъ, Мен-

---

[2]) Ibid, стр. 284.

[3]) *Туманскій*: „Записки о Петрѣ Великомъ", т. IX, стр. 8.

[4]) *Голиковъ*: „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.", т. XV, стр. 399.

шиковъ съ своимъ корпусомъ былъ еще не близко. На разсвѣтѣ бѣглецы добрались до Кобылякъ. Къ восьми часамъ утра прибылъ туда Меншиковъ. Но шведовъ тамъ уже не было; только, при переходѣ черезъ рѣчку Кобылячку, шведскій аріергардъ задерживалъ переправу русскихъ съ цѣлію дать время уйти далѣе своему войску съ королемъ *).

Къ вечеру 29-го числа бѣглецы достигли Переволочны. Она была расположена въ углу, образуемомъ Днѣпромъ и устьемъ впадающей въ него Ворсклы. Пространство между этими рѣками было не велико, покрыто болотистыми топями и открыто для непріятельскихъ выстрѣловъ, если они начнутся съ возвышенностей. Не было ни судовъ, ни паромовъ, не было и людей въ Переволочнѣ; торчали только груды развалинъ послѣ посѣщенія ея русскими. Шведы успѣли отыскать запасъ строеваго дерева, годнаго для постройки паромовъ, но имъ не доставало ни цѣпей, ни веревокъ, а главное—недоставало времени: непріятеля могли ожидать каждую минуту. Нельзя было помышлять объ отпорѣ: мало было у шведовъ пушекъ, ядеръ не было, порохъ былъ подмоченъ и войско упало духомъ. Господствовалъ безпорядокъ; незамѣтно было ни заботливости о спасеніи арміи, ни дисциплины. Король, всегда отважный и самонадѣянный, все еще вѣрилъ въ стойкость своихъ шведовъ и въ волшебную силу своихъ рѣчей.

— Пусть только увидятъ меня солдаты верхомъ на лошади,—станутъ они сражаться такъ же храбро, какъ и прежде,—говорилъ онъ.

— Нѣтъ, ваше величество,—отвѣчалъ ему Гилленкрокъ,—если непріятель явится, то многіе наши солдаты или положатъ оружіе, или бросятся въ воду, чтобы спасти свою честь.

Тотчасъ стало оказываться, что король заблуждался насчетъ воинственной стойкости своихъ воиновъ. Многіе самовольно стали овладѣвать паромами, приготовленными ихъ товарищами для себя, а не для нихъ [8]). Тогда Мазепа сталъ умолять короля переправиться какъ можно скорѣе черезъ Днѣпръ и уходить въ

*) Письмо Меншикова къ царю изъ Кобылякъ въ 8 часовъ утра 29 іюня: „Поздравляю ваше величество съ днемъ тезоименитства. Мы сейчасъ съ кавалеріею пришли до Кобылякъ и черезъ рѣчку Кобылячку переправляемся, гдѣ отъ непріятеля была стрѣльба, не хотѣлъ нашихъ пропустить. Однако мы съ помощію Божіею чуть не всѣ перебрались, и какъ переберемся, то съ помощію Божіею за ними слѣдовать будемъ“ (Госуд. Арх. Письма Меншикова).

[8]) *Fryxel*, нѣм. перев., ч. I, стр. 182.

турецкія владѣнія. Стали разсуждать, какимъ путемъ уходить, потому что представлялось два пути: въ Крымъ къ хану—подручнику турецкаго султана, или въ Бендеры—къ сераскиру-пашѣ. Многіе склонялись къ тому, чтобъ уходить въ Крымъ, полагая, что тамъ за нихъ станетъ готовая воинственная сила орды. Случившійся здѣсь какой - то татарскій мурза обѣщалъ Левенгаупту самъ проводить войско черезъ степь. На пути въ Крымъ,—представлялъ онъ,—послѣ Днѣпра не будетъ уже большихъ рѣкъ, черезъ которыя трудно было бы переправиться. Но Мазепа совѣтовалъ избрать путь на Бендеры. «Слѣдуя въ Крымъ, — говорилъ онъ,—намъ придется проходить слишкомъ большое степное пространство и русскіе, погнавшись за нами съ большою силой, могутъ нагнать насъ, тогда какъ много-много на пятый день мы уже достигнемъ границы и будемъ безопасны» [6]). Король не рѣшался ни на то, ни на другое; онъ никакъ не могъ побѣдить въ себѣ чувство стыда при мысли, что онъ побѣжитъ отъ непріятеля.

Тогда Левенгауптъ, уговаривая короля, сталъ передъ нимъ на колѣни и говорилъ:

— Всемилостивѣйшій государь! дозвольте спасти вашу особу, пока еще возможно. Если непріятель сюда явится, то всѣхъ насъ истребитъ или въ плѣнъ заберетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что,—говорилъ съ жаромъ король,—не покину своихъ солдатъ. Вмѣстѣ будемъ обороняться, вмѣстѣ погибнемъ!

— Невозможно, — говорилъ Левенгауптъ: — солдаты видимо упали духомъ; мѣстоположеніе здѣсь неудобно для обороны. Повторяю: насъ непремѣнно или истребятъ, или въ плѣнъ заберутъ. Богъ поставилъ ваше величество правителемъ народа и вы должны будете отдать Богу отчетъ за него. Если спасете вашу особу, то найдете еще способъ спасти отечество и всѣхъ насъ, своихъ несчастныхъ подданныхъ. Если же попадете въ непріятельскія руки, тогда все пропало.

— Я,—сказалъ рѣшительно король,—согласенъ скорѣе попасть въ непріятельскія руки, чѣмъ умышленно покинуть войско.

Пришелъ Гилленкрокъ и присталъ къ совѣту Левенгаупта.

— А что будетъ со мною, если русскіе возьмутъ меня въ плѣнъ?—спрашивалъ король.

---

[6]) *Adlerfeld*, нѣм. перев., ч. III, стр. 293.

Гилленкрокъ отвѣчалъ:

— Сохрани насъ Богъ отъ этого!... Но еслибы такая бѣда насъ постигла, то русскіе влачили бы вашу особу съ тріумфомъ по своей землѣ и вынудили бы отъ васъ унизительныя для Швеціи условія.

На это Карлъ сказалъ:

— Шведы не будутъ обязаны соблюдать условія, вынужденныя отъ меня насиліемъ.

— Вы сами,—сказалъ Гилленкрокъ,—не предадите себя такому безчестію и не подумаете о своихъ вѣрныхъ подданныхъ, чтобъ они нарушили обѣщанія, данныя ихъ королемъ хотя бы вслѣдствіе насилія.

Карлъ вдругъ опомнился и сказалъ:

— Господа! не вѣрьте тому, что я сейчасъ говорилъ.

Но когда генералы принялись снова его уговаривать, Карлъ уже не возражалъ имъ, а порывисто произнесъ:

— Господа, оставьте меня въ покоѣ!

Всѣ въ тихой скорби отъ него удалились. Но вошелъ къ королю генералъ Крейцъ и неизвѣстно—одумался ли король, или рѣчи Крейца подѣйствовали на него болѣе, чѣмъ рѣчи Левенгаупта и Гилленкрока, только Крейцъ, вышедши отъ короля, сказалъ генераламъ:

— Король рѣшается оставить свою армію и переправиться черезъ Днѣпръ [7]).

Мазепа, видя упорство короля, которое могло довести до того, что появятся русскіе, сталъ заботиться о собственномъ спасеніи и, не дожидаясь болѣе, чѣмъ кончатся толки у короля съ его генералами, поспѣшилъ воспользоваться стоявшими судами и часовъ въ шесть вечера переправился черезъ Днѣпръ съ своими единомышленниками и съ нѣсколькими козацкими госпожами [8]). Онъ успѣлъ захватить съ собою два боченка съ золотыми монетами [9]). Мазепа заторопился бѣжать именно тогда, когда у короля съ генералами шла рѣчь о томъ, что̀ станется съ королемъ, если его возьмутъ въ плѣнъ: онъ зналъ, что какъ ни тяжелъ былъ бы такой плѣнъ для шведскаго короля и для шведскаго войска, но о томъ, что сталось бы съ нимъ, приходилось уже думать только ему самому, а не его союзникамъ. Говорятъ,

---

[7]) *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 184.

[8]) *Nordberg*, франц. пер., ч. III, стр. 317.

[9]) *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 185.

что въ это время Карлъ выказалъ Мазепѣ свое неудовольствіе и назвалъ его своимъ обольстителемъ, и хотя шведскій историкъ [10]), сообщая это свѣдѣніе, отвергаетъ его, но оно не лишено правдоподобія, тѣмъ болѣе, что самъ этотъ историкъ не находился тогда уже при королѣ.

Послѣ отплытія Мазепы, король назначилъ Левенгаупта главнокомандующимъ оставляемой на берегу Днѣпра арміи, а съ собою переправляться черезъ Днѣпръ опредѣлилъ генераламъ Акселю Спарре, Лагеркронѣ, генералъ-квартирмейстеру Гилленкроку, полковникамъ Герду, Гіертѣ, Дальдорфу и Гротгузену, статсъ-секретарю Мюллерну, нѣсколькимъ писцамъ и служителямъ. Для прикрытія взялъ онъ изъ войскъ, не участвовавшихъ въ полтавскомъ сраженіи, 1.100 человѣкъ и сверхъ того оставшихся цѣлыми драбантовъ и такъ-называемыхъ одноупряжныхъ (einspänner). Нѣкоторые офицеры и солдаты заранѣе успѣли уйти за Днѣпръ и могли пристать къ королю въ степи, такъ что всей военной силы, сопровождавшей короля въ Турцію, могло набраться отъ двухъ до трехъ тысячъ [11]).

Гилленкрокъ успѣлъ отыскать на берегу Ворсклы нѣсколько паромовъ и пустить ихъ до Переволочны. На эти паромы посадили избранное войско [12]). Запорожцы проводили черезъ Днѣпръ шведскихъ лошадей и приводили въ изумленіе своихъ иноплеменныхъ союзниковъ ловкостію, съ какою они переправлялись вплавь, держась за гривы лошадей. Когда королю приближалось время переправляться, то кромѣ тѣхъ, которыхъ король назначилъ для переправы съ собой, на берегу стали толпиться шведскіе солдаты, пытаясь и сами, вслѣдъ за прочими, какимъ нибудь способомъ перебраться за рѣку. Ломали багажныя телѣги, усаживались на нихъ—и на такихъ, на-скоро сработанныхъ, плотахъ пускались въ волны, а вмѣсто веселъ употребляли тележныя колеса. Однако, сравнительно немного нашлось тогда шведовъ, которые такимъ способомъ перебрались на противоположный берегъ. Нѣкоторые тутъ же утонули. Запорожцы переправляли войско, отобранное королемъ и посаженное на паромахъ. Они приготовляли веревки, одинъ конецъ вправляли въ паромъ, а другой держали въ рукахъ, и даже брали въ зубы, и такимъ образомъ, плывя верхомъ на своихъ лошадяхъ, пере-

[10]) *Nordberg*, стр. 318.

[11]) *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 184.—*Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 293.

[12]) *Fryxel*, ч. I, стр. 185.

тащили союзниковъ на другой берегъ. Переправа окончилась въ одиннадцать часовъ ночи. Въ это время понесли и короля на берегъ рѣки, чтобы посадить его для отплытія. Успѣли взять его серебряный сервизъ и немалыя денежныя суммы, доставшіяся ему съ контрибуціи, наложенной на Саксонію. Короля посадили въ коляску, самую же коляску поставили на двухъ судахъ, такъ что переднія колеса стояли на одномъ, а заднія на другомъ.

У берега подошелъ къ нему Левенгауптъ и сказалъ: «Ваше величество, всемилостивѣйшій государь! я человѣкъ небогатый. Если со мною что нибудь случится, не оставьте моей жены и дѣтей, чтобъ имъ не пришлось нищенствовать».

— Ваша просьба будетъ исполнена,—отвѣчалъ король,— только и вы исполните въ точности мои приказанія—сохранить въ цѣлости войско и перейти въ татарскую степь.

Левенгауптъ поцѣловалъ королю руку.

Въ полночь отчалили отъ берега. 12 драбантовъ служили королю гребцами [13]).

Отправивши своего короля, утомленное до крайности войско легло спать, а для безопасности оставлены были караулы [14]).

Утромъ Левенгауптъ и Крейцъ стали приводить въ извѣстность и порядокъ свои военныя силы. Тутъ Крейцъ первый провозгласилъ зловѣщую новость: «Мы опоздали,—Меншиковъ уже за высотами». Вслѣдъ затѣмъ на возвышеніи появилось 9.000 русской кавалеріи съ прибавкою пѣхоты. Русскіе отъ одного пойманнаго шведскаго полковаго квартирмейстера узнали уже о бѣгствѣ короля за Днѣпръ. Такимъ образомъ главная цѣль—взятіе въ плѣнъ короля и Мазепы—достигнута быть не могла [15]). Оставалось русскимъ раздѣлаться съ оставшимся шведскимъ войскомъ.

Но русское войско было тогда чрезвычайно истомлено быстрымъ маршемъ. Меншиковъ приказалъ бить въ барабаны, чтобы шведамъ показалось, что на нихъ идетъ большая сила, а князь Михайло Голицынъ позади войска, вдали, поставилъ нѣсколько сотъ лошадей съ солдатами при нихъ, чтобъ издали они могли показаться шведамъ еще однимъ наступающимъ корпусомъ русскихъ войскъ. Въ шведскомъ войскѣ сразу наступило уныніе и

---

[13]) Ibid., стр. 186.—*Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 293.—*Nordberg*, франц. пер., ч. III, стр. 318.

[14]) *Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 294.

[15]) *Ригельманъ*, ч. III, стр. 83.

Левенгауптъ сообразилъ, что нечего и думать бороться съ непріятелемъ. Онъ послалъ къ Меншикову генерала Крейца, полковника Дукера, подполковника Траутфетера и капитана Дугласа узнать, не расположенъ ли русскій военачальникъ, не вступая въ бой, заключить какія-либо условія. Меншиковъ отъ имени царя объявилъ имъ, что они должны сдаться на капитуляцію какъ военноплѣнные и выдать побѣдителямъ всѣ запасы и оружіе. Шведы, чтобы дать время своему королю уѣхать подалѣе, думали тянуть переговоры о сдачѣ и просили у Меншикова дозволенія снестись о такомъ важномъ дѣлѣ съ Левенгауптомъ. Меншиковъ дозволилъ Дукеру ѣхать къ Левенгаупту, а Крейца съ другими его товарищами задержалъ. Тогда Крейцъ, находясь у русскихъ въ станѣ, видѣлъ непріятную для него сцену: козаки приводили плѣнными къ Меншикову шведовъ, бѣжавшихъ изъ шведскаго лагеря, а другіе шведы кучками сами являлись въ русскій станъ, заранѣе избѣгая возможности сраженія, котораго не надѣялись выиграть. Левенгауптъ, получивъ черезъ полковника Дукера требованіе Меншикова, собралъ военный совѣтъ. Шведовъ было отъ тринадцати до четырнадцати тысячъ, но изъ нихъ тысячъ до пяти было нездоровыхъ и раненыхъ, такъ что годныхъ къ бою могло набраться не болѣе какъ отъ восьми до девяти тысячъ. Левенгауптъ сказалъ полковникамъ: «Проѣзжайте по своимъ полкамъ и спросите солдатъ, будутъ ли они драться».

Когда сдѣланы были полковниками такіе запросы, три полка объявили, что готовы биться на жизнь и на смерть. Мужественнѣе всѣхъ заявила себя рота Альбедиля, состоявшая изъ самыхъ опытныхъ солдатъ. Когда подошли къ нимъ, они лежали на землѣ и читали молитвенники. Имъ сдѣлали запросъ. «Зачѣмъ это насъ спрашиваютъ?—сказали они, поднявши головы.— Насъ прежде не спрашивали; скажутъ, бывало, только: впередъ!— и мы идемъ». Но иные не съ такою охотой отзывались, хотя и не противились изъ чувства стыда, чтобы не показаться трусами; нѣкоторые же не дали никакого отвѣта. Обо всемъ этомъ принесъ Дукеръ извѣстіе Левенгаупту, замѣтивши тогда же, что тѣ, которые больше обѣщаютъ и храбрятся, первые убѣгаютъ. Дисциплины въ войскѣ совсѣмъ не стало. Солдаты самовольно расхищали багажъ.

Между тѣмъ Меншиковъ, вслѣдъ за Дукеромъ, прислалъ парламентера къ Левенгаупту и торопилъ шведскаго военачальника скорѣйшимъ отвѣтомъ. Левенгауптъ выпросилъ еще одинъ часъ

и поѣхалъ самъ лично обозрѣвать свое войско. Онъ узналъ, что во многихъ полкахъ не достаетъ уже половины солдатъ, а многіе сдались уже русскимъ, не дождавшись команды. Ясно было, что Менщиковъ не станетъ уже ждать болѣе, и надобно было на что нибудь рѣшаться. Въ полдень Левенгауптъ, соображая, что король уже отъѣхалъ далеко, послалъ сказать Меншикову, что сдается на капитуляцію. Запорожцы умышленно были изъяты отъ капитуляціи Меншиковымъ. Узнавши это, они бросались въ рѣку, предпочитая добровольную смерть мукамъ, которыя ожидали бы ихъ, еслибъ они сдались русскимъ. Ихъ примѣру послѣдовали нѣкоторые раненые шведы; они не хотѣли идти въ плѣнъ къ русскимъ, которыхъ считали лютыми варварами. Они срывали сами съ себя повязки и бросались въ Днѣпръ. Два шведскихъ офицера прокололи другъ друга шпагами. Но большинство вообще было довольно. Сдались въ качествѣ военноплѣнныхъ: три генерала, 11 полковниковъ, 14 подполковниковъ, 20 маіоровъ, 250 капитановъ, 300 поручиковъ, 320 корнетовъ и фендриховъ и отъ тринадцати до четырнадцати тысячъ рядовыхъ [16]). По русскимъ извѣстіямъ число плѣнныхъ—по одному [17]) простиралось до 16.275 человѣкъ, по другому [18])—15.753, по третьему [19]) всѣхъ взятыхъ въ полтавскомъ бою и въ Переволочнѣ—16.947 *).

Всѣ запорожцы лишены были всякой надежды на сколько нибудь милостивое и человѣколюбивое снисхожденіе къ себѣ, по не

---

[16]) *Fryxel*, ч. I, стр. 186—192.—*Adlerfeld*, нѣм. пер., ч. III, стр. 296—298.—*Nordberg*, франц. пер., стр. 320.—Specification 1709.

[17]) *Голиковъ*: „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.“, т. XVI, стр. 23—37.

[18]) *Ригельманъ*, ч. III, стр. 83.

[19]) *Соловьевъ*: „Истор. Россіи“, т. XV, стр. 379.

*) Письмо Меншикова къ царю изъ Переволочны 30 іюня, въ 2 часа по полудни: „Сего числа мы непріятеля здѣсь въ Переволочнѣ настигли, который сталъ уже перебираться, а имянно: король самъ съ драбантами и съ Мазепою перебрался прошедшей ночи, а на сей сторонѣ остался Левенгауптъ, который противъ насъ въ ордеръ баталію построился. А какъ мы усмотрѣли, что не въ маломъ числѣ обрѣтаются, а имянно, что по послѣдней мѣрѣ будетъ у него войска около восьми тысячъ, того ради разсудили мы, что если съ такимъ не безсильнымъ и отчаяннымъ непріятелемъ въ бой вступить, то не безъ великаго урона у насъ было бы и для того я построя своихъ людей противъ онаго непріятеля въ ордеръ баталію, послалъ къ нему Левенгаупту своего генералъ-адъютанта съ такимъ предложеніемъ, что понеже они къ спасенію своему никакого иного способа не имѣютъ, то хотятъ ли сдаться на аккордъ или нѣтъ. На что отповѣдью присланъ къ намъ генералъ Крейцъ, и хотя отъ онаго и были къ ихъ пользѣ нѣкоторые запросы, однако съ малою имъ пользою тотъ аккордъ учиненъ и всѣхъ ихъ какъ генераловъ, такъ и прочихъ офицеровъ и рядовыхъ со всею аммуниціею черезъ тотъ аккордъ мы приняли, которые сего

у всѣхъ достало отчаянной рѣшимости утопиться въ Днѣпрѣ. Со шведскимъ войскомъ взято было ихъ въ плѣнъ русскими 220 человѣкъ [20]).

Вслѣдъ за Меншиковымъ пріѣхалъ въ Переволочну самъ государь. Тогда бывшіе съ Мазепою малороссіяне, не успѣвшіе съ нимъ переправиться, терпя голодъ, рѣшились отдаться на милосердіе государя. По извѣстію Голикова, царь оказалъ всѣмъ имъ пощаду, ограничивши кару надъ ними только тѣмъ, что приказалъ ихъ обратить изъ козаковъ въ посполъство, т. е. въ мужиковъ, и запретилъ имъ носить оружіе [21]). Это вѣроятно были прежніе мужики, только недавно поступившіе въ козаки, по приглашенію Мазепы, увлекшись давно уже господствовавшею въ посполъствѣ страстію окозачиваться. Такихъ было тогда 2.700 человѣкъ. Не такъ милостиво относился царь къ запорожцамъ, которые съ своею Сѣчею были уже обречены царемъ на истребленіе въ видахъ государственной безопасности и спокойствія. Ихъ заковали и болѣе виновныхъ отправили на казнь, а другихъ на вѣчныя времена въ Сибирь. Государь принялъ очень ласково плѣннаго Левенгаупта и всѣхъ его офицеровъ. Узнавши отъ нихъ, что шведскій король побѣжалъ въ Турцію, Петръ отправилъ въ погоню за нимъ бригадира Кропотова и генералъ-майора Волконскаго съ четырьмя конными полками.

Шведскій король съ остаткомъ своей арміи и Мазепа съ кучкою соумышленниковъ бѣжали по дикой степи въ совершенномъ бездорожіи. Сначала за Днѣпромъ почва была болотиста, покрыта кое-гдѣ камышомъ и осокою, но потомъ бѣглецы очутились въ необозримой степной равнинѣ, въ которой однообразіе нарушалось кое гдѣ выдававшимися изъ степнаго уровня возвышеніями. По всѣмъ сторонамъ не могъ увидѣть глазъ ни человѣческаго жилья, ни людей, ни домашнихъ животныхъ; бѣглецы увидали только множество дичи въ высокой травѣ, никогда не кошеной и не сожигаемой. Не было ни малѣйшаго признака лѣса. Туда шелъ путь въ Брацлавское воеводство,—путь, по которому ходили чумаки; тамъ была проложенная послѣдними дорога; тамъ были

числа пришли и всѣ строемъ кладутъ оружіе и нашъ караулъ къ нимъ приставленъ. Также и плѣнные наши, колько ихъ въ непріятельскихъ рукахъ было, всѣ выручены, межъ которыми и зять мой и иные многіе офицеры" (Гос. Арх. Письма Меншикова).

[20]) *Голиковъ*: „Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.", т. XVI, стр. 36.

[21]) Ibid., стр. 45.

еще развалины прежняго жительства, уничтоженнаго эпохою *руины*. Бѣглецы не пошли по этому пути, потому что ихъ тамъ могли удобнѣе нагнать русскіе. Они свернули влѣво и пошли не по проложенной дорогѣ, а по такой дѣвственной степи, что, казалось, нога человѣческая не ходила тамъ съ сотворенія міра. Идучи по степи, шведы охотились за дичью и за одичалыми овцами, которыхъ встрѣчали тамъ во множествѣ. У нѣкоторыхъ шведовъ сохранилась провизія, взятая съ собою. По замѣчанію очевидцевъ, нужда заставила всѣхъ дѣлаться бережливыми и скупыми; всѣ припрятывали полученную добычу. Самъ король ѣлъ овсянку. Все войско было раздѣлено на двѣ половины: одна шла за королемъ, другая за Мазепою и его козаками. Конные ѣхали верхомъ; у рѣдкихъ не было въ началѣ лошадей; пастбища были превосходныя; дикая степь для лошадей представляла болѣе удобствъ, чѣмъ для людей. Самъ Мазепа ѣхалъ въ коляскѣ съ какою-то козачкою-госпожею, которая, какъ видно, ухаживала тогда за дряхлымъ старикомъ. Потрясенный послѣднимъ пораженіемъ, онъ видимо приближался къ своему концу: постоянно лежалъ въ подушкахъ, едва въ состояніи былъ привстать на ноги, и притомъ находился въ ужасающей душевной тревогѣ, ожидая съ минуты на минуту русской погони, отъ которой отбиться было уже невозможно. Тѣмъ не менѣе злосчастный измѣнникъ приносилъ еще своимъ союзникамъ большую пользу. Ему были извѣстны всѣ пути по этой дикой степи; онъ ходилъ по ней много разъ и въ молодости, и во время своего гетманства, когда воевалъ турецкіе городки. Впрочемъ, не одинъ Мазепа, а и другіе бывшіе съ нимъ козаки обладали также знаніемъ примѣтъ въ безграничной степи и тѣмъ приводили въ изумленіе шведовъ. Первый день бѣглецы проколесили по степи подъ томительнымъ зноемъ въ безпрестанномъ страхѣ появленія погони, а къ вечеру, руководимые Мазепою, добрались до какого-то болота. Тогда они обрадовались, думали, что послѣ знойнаго дня могли наконецъ прохолодиться и напиться воды. Но вода оказалась дурная, хотя солдаты всетаки набирали ее себѣ во фляги, такъ какъ вожи предупреждали ихъ, что на другой день долго не увидятъ воды. Тутъ бѣглецы постояли не болѣе двухъ часовъ и притомъ не выпуская изъ рукъ лошадей въ опасности заснуть и потерять ихъ, а нѣкоторые, не въ силахъ будучи преодолѣть усталости, задремали и лошади ушли отъ нихъ искать пастбища. Проснушись, они должны были пѣшкомъ ловить ихъ, и было нѣсколько такихъ несчаст-

ныхъ, что не поспѣли за отходившими товарищами и остались въ степи на произволъ дикихъ звѣрей или русской погони. Въ два часа по полуночи бѣглецы двинулись далѣе, не выспавшись и не поѣвши какъ бы слѣдовало. На разсвѣтѣ они стали жаловаться на холодъ, который, къ ихъ удивленію, казался для нихъ почти такъ же несноснымъ, какъ дневной зной. Съ восходомъ солнца продолжали бѣглецы спѣшить, а часамъ къ восьми началась такая же томительная жара, какъ и прежде, и еще хуже, потому что не утолялась даже и маленькимъ вѣтеркомъ. Къ полудню увидали бѣглецы воду и сдѣлали привалъ. Вода здѣсь была чистая, гораздо лучше той, какою довольствовались на ночлегѣ, но голодъ безпокоилъ многихъ. Козаки, привыкшіе къ татарскимъ обычаямъ, рѣзали лошадей отставшихъ и неспособныхъ къ дальнѣйшему пути, сушили на солнцѣ мясо, или клали подъ сѣдло, чтобы оно тамъ помякло и согрѣлось; шведы отвращались отъ такой ѣствы. На бѣду здѣсь не видно было дичи. Простоявши три часа, бѣглецы отправились снова и продолжали свой путь до полуночи.

Въ слѣдующій, въ третій день своего пути (14 іюля нов. ст.) голодные бѣглецы увидали по сторонамъ зайцевъ, дикихъ овецъ, дрофъ и стрепетовъ. Они занялись охотою. Травы были такъ высоки, что овцы бродили въ нихъ какъ въ лѣсу, а птицы не могли летать высоко, и козаки не только ихъ стрѣляли, но даже ловили руками. Набрали они не мало такой добычи; но у нихъ не доставало дерева развести огонь. Тогда козаки показали шведамъ туземный, степной способъ топлива: они набрали конскаго навоза, скоро высушили его, благодаря необычному солнечному жару, и, смѣшавши съ сухою травой и камышомъ, сдѣлали кизякъ, развели огонь и приготовили себѣ жареную баранину и дичь. Шведы научались отъ нихъ такому неизвѣстному для нихъ способу. Другіе козаки въ густой травѣ нашли кустарники дикихъ вишень, на которыхъ, сообразно времени года, поспѣвали ягоды. Хотя онѣ были кислы, но зной и жажда мучили всѣхъ пуще голода, и эта находка показалась очень пригодною. Слѣдуя далѣе въ путь, шведы, по указанію козаковъ, безпрестанно бѣгали въ сторону рвать ягоды на вишневыхъ кустахъ.

На слѣдующій за тѣмъ день (15 іюля н. с.) наткнулись бѣглецы на дорогу, которая вела изъ Брацлавскаго воеводства въ Украину. По ней ѣхали чумаки съ солью. Козаки отняли у

нихъ соль, чтобы не давать этого необходимаго матеріала непріятелю, которому соль должна была достаться. Они отняли также и лошадей, которыхъ также, по татарскому обычаю, употребили въ пищу. Такъ повѣствуетъ современникъ, хотя для насъ странно, что чумаки везли соль на лошадяхъ, а не на волахъ, какъ это обыкновенно водилось.

Вотъ уже проходилъ четвертый день, а погоня, которой всѣ такъ боялись, не показывалась. Русскій отрядъ Волконскаго и Кропотова, посланный царемъ за Днѣпръ, пустился въ степь, не зная хорошо ея примѣтъ, и напалъ на слѣдъ оставленный повозкою. Ѣхалъ какой-то больной шведскій офицеръ; онъ отсталъ отъ своихъ и заблудился. Хотя Волконскій, какъ говорили, надъ этимъ офицеромъ выместилъ свой собственный промахъ, но уже не могъ догнать короля; самый шведъ, котораго русскіе принуждали быть ихъ вожемъ, не могъ указать имъ пути [22]). Это-то неожиданное событіе спасло бѣглецовъ въ эти опасные дни.

Мазепа, слѣдившій за движеніемъ этого похода, объявилъ, что уже пройдена большая половина разстоянія между Днѣпромъ и Бугомъ; по его совѣту, Карлъ отправилъ польскаго генерала Понятовскаго и своего секретаря Клинковстрема къ турецкому коменданту Очаковской крѣпости просить сообщить Дивану о прибытіи шведовъ и распорядиться приготовленіемъ судовъ для переправы черезъ Бугъ. «Паша,—говорилъ Мазепа,—мой давній пріятель и все для меня сдѣлаетъ». Понятовскій отправился, взявши съ собой козаковъ въ путеводители. Доѣхавши до Буга, онъ не увидалъ тамъ никакихъ признаковъ переправы и нашелъ тамъ только пять рыбаковъ, показавшихся ему по наружному ихъ виду разбойниками. Они за деньги перевезли его на лодкѣ на другой противоположный берегъ: это были уже турецкія владѣнія. Тамъ онъ нашелъ турецкихъ рабовъ, изъ которыхъ одинъ оказался понимавшимъ по-французски; съ нимъ могъ Понятовскій объясниться, не зная турецкаго языка. Турецкій рабъ далъ ему лошадь и Понятовскій на ней доскакалъ до Очакова. Остановившись въ городскомъ предмѣстьѣ, Понятовскій просилъ караульныхъ доложить объ немъ пашѣ; но паша заставилъ прождать его до 9 часовъ слѣдующаго утра. Когда, наконецъ, его допустили къ пашѣ и онъ изложилъ ему просьбу короля дать

---

[22]) *Adlerfeld*, нѣм. перев., ч. III, стр. 304. Записка Понятовскаго.

суда для перевозки, то паша оказался вовсе не такимъ любезнымъ, какимъ описывалъ его Мазена. Онъ не прежде согласился, какъ послѣ предложенія ему 2.000 дукатовъ. Тогда паша сказалъ, что пришлетъ пять суденъ съ запасами для продажи шведамъ и на этихъ судахъ можетъ переправиться король. Понятовскій обратнымъ путемъ принесъ извѣстіе королю. Между тѣмъ паша очаковскій послалъ дать знать сераскиру въ Бендеры.

Тѣмъ временемъ шведы, отправивши впередъ Понятовскаго, шли за нимъ и вступили въ край нѣсколько отличный отъ той степи, которую проходили прежде. Они дошли до Великаго Ингула—первой рѣки, встрѣтившейся имъ послѣ Днѣпра. Почва была песчана и безтравна. Они перешли Ингулъ и достигали до Буга. Не доходя за милю отъ этой рѣки, пришлось имъ спать на ночлегѣ. И людямъ, и лошадямъ стало тяжело. Вмѣсто превосходной травы, на солонцеватой степи росло плохое зелье. И воды хорошей не было. Къ счастію, козаки отыскали маленькій родникъ, и когда разнесся объ этомъ слухъ, всѣ шведы бросились туда и въ одну минуту родникъ могъ быть исчерпанъ, такъ что къ роднику приставили караулъ, чтобы сохранить свѣжей воды по крайней мѣрѣ для короля. На этомъ ночлегѣ явилась близъ шведскаго стана стая волковъ, и своимъ страшнымъ воемъ произвела большой переполохъ. Шведы долго не могли сообразить, что̀ это значитъ.

Утромъ 6 іюля (16 нов. ст.), послѣ двухчасоваго пути, бѣглецы приблизились къ Бугу, который въ этомъ мѣстѣ, уже за нѣсколько миль отъ своего устья, былъ шириною около двухъ верстъ. У берега стояли турецкія суда съ присланными турецкими запасами. Голодные шведы съ жадностію бросались покупать ихъ, но, не зная по-турецки, только пальцами указывали на то, что желали купить, а сами развязывали свои кошельки, и продавцы брали изъ нихъ, что хотѣли: шведы замѣтили, что турки съ особенною жадностію хватались за червонцы. Всего привезли въ изобиліи: баранины, говядины, куръ, хлѣба, сухарей, разныхъ пряностей, крымскаго и греческаго вина, преимущественно краснаго, смоквъ, которыя, по турецкому обычаю, продавались нанизанными наниткахъ. Баранина оказалась превосходнаго достоинства, хлѣбы были свѣжи и вкусны, вино пріятное и крѣпкое. Самъ король накупалъ всего этого для своихъ солдатъ, а одинъ турецкій купецъ представилъ ему въ даръ барана, нѣсколько куръ и хлѣба, за что ко-

роль отблагодарилъ его 12 червонцами. Увидя это, другіе турки стали подносить Карлу дары, чтобъ и себѣ получить что нибудь отъ его щедротъ.

Но королю сообщили, что присылаютъ судно только одно, для переправы его лично съ нѣсколькими господами, а для переправы всего войска нужно подождать разрѣшенія изъ Константинополя. Ждать было невозможно. Козаки, рыскавшіе по сторонамъ, принесли извѣстіе, что уже русская погоня приближается. Волконскій, проблудивши въ степи, исправилъ свою ошибку; онъ потерялъ время, чтобы нагнать бѣглецовъ въ степи между Днѣпромъ и Бугомъ, но потомъ напалъ на слѣдъ бѣгущихъ и шелъ къ Бугу. Король послалъ къ пашѣ снова, ссылался на то, что сераскиръ уже прежде обѣщалъ ему пріютъ въ Турціи съ его войскомъ. Паша остался непреклоненъ. Онъ дозволялъ переправиться только королю съ приближенными особами, а прочимъ шведамъ запретилъ давать суда. Нѣкоторые тогда же толковали, что очаковскій паша потому именно не пускаетъ шведовъ, что съ ними находится Мазепа и козаки: турки мстятъ теперь козакамъ за то, что они дѣлали нападеніе на Очаковъ. Другіе подозрѣвали даже, что турки нарочно хотятъ задержать шведовъ и козаковъ, чтобъ ихъ выдать русскимъ и за то получить отъ царя награду. Тогда шведы и козаки обратились къ купцамъ, пріѣхавшимъ съ товарами, и обѣщали имъ не мало денегъ, лишь бы они дали суда переправиться на другую сторону. Купцы ортачились, хотѣли сорвать съ нихъ побольше и отговаривались тѣмъ, что не смѣютъ этого сдѣлать безъ дозволенія паши. Такъ прошелъ цѣлый день, прошла за нимъ ночь. Утромъ 8 іюля (18 нов. ст.) шведы самовольно начали хватать суда, бросая, однако, за нихъ деньги хозяевамъ, и поплыли. Въ одномъ суднѣ сѣлъ король съ Мазепою, генералы и козацкіе старшины; запорожцы были у нихъ гребцами. Хозяинъ судна, увидя, что королевскіе офицеры и драбанты хотятъ взять другое судно, поднялъ крикъ и требовалъ, чтобы шведы вернулись назадъ. Шведы не слушали. Турокъ кричалъ: стрѣлять!—шведы стали показывать ему карабины и сабли. Однако, все ограничилось взаимною перебранкою. Турки успокоились и даже помогали шведамъ и козакамъ въ переправѣ, потому что имъ заплатили по два червонца за каждаго человѣка. Козаки переправлялись вплавь, держась за хвосты своихъ лошадей. За полмили вверхъ они уви-

дали отмоль, поплыли туда и оттуда тѣмъ же способомъ удобнѣе добрались до противоположнаго берега.

По винѣ упрямаго очаковскаго паши, продержавшаго бѣглецовъ понапрасну на лѣвомъ берегу Буга, не всѣ шведы и козаки успѣли благополучно перебраться на турецкій берегъ. Наскочила русская кавалерія съ Волконскимъ, когда еще отъ 800 до 900 человѣкъ шведовъ не успѣли отчалить отъ берега. Часть ихъ была загнана въ рѣку и утонула; другіе, числомъ до пяти сотъ, были взяты въ плѣнъ и принуждены были совершать обратно пройденный уже ими путь по дикой степи; нѣкоторые изъ такихъ не вынесли утомленія и умерли. Были такіе, что, завидя русскихъ, бросались въ рѣку, но не утопились подобно своимъ отчаяннымъ товарищамъ, а, запрятавшись въ тростникахъ, просидѣли тамъ до тѣхъ поръ, пока русскіе не отошли; потомъ благополучно перешли черезъ рѣку вплавь и соединились со своими. Удачно избѣжали бѣды и козаки, которые не успѣли прежде переправиться: они, какъ только завидѣли русскихъ, тотчасъ пустились бѣжать въ широкую безпримѣтную степь; она многимъ изъ нихъ была извѣстна, а русскіе не осмѣливались искать ихъ тамъ, какъ въ морѣ.

Переправившись черезъ Бугъ, слѣдовало идти въ Бендеры. Путь лежалъ вблизи Чернаго моря вдоль Днѣстра. «Мы думали,— говоритъ шведскій описатель этого послѣдняго путешествія Карла съ Мазепой,—что теперь наши неудобства кончились, мы будемъ проходить черезъ жилыя мѣста, находить вездѣ пріютъ и средства содержанія. Но еще не пришелъ конецъ всѣмъ нашимъ печалямъ. Опять пустыня, зной, томительная жажда, безсонница». Теперь, правда, бѣглецамъ было что ѣсть, потому что за ними изъ Очакова ѣхали торгаши съ съѣстными припасами; они хотя были не высокаго достоинства и продавались по высокимъ цѣнамъ, но все-таки и то было хорошо, что шведы могли что-нибудь достать, а не терпѣть голодъ, какъ прежде. Нѣкоторые закупили себѣ въ Очаковѣ крытыя войлокомъ повозки въ одну лошадь, и такія повозки служили имъ для спасенія отъ зноя, а ночью для спанья. Въ нихъ сберегали они себѣ и дорожные запасы.

Два дня простояли шведы близъ Очакова. Въ это время Карлъ отправилъ въ Константинополь нѣмца Нейгебауэра, который служилъ нѣкогда въ Московскомъ Государствѣ, былъ въ приближеніи у царя, училъ его сына, а потомъ перешелъ къ

шведамъ. Король вручилъ ему письмо къ падишаху. Въ этомъ письмѣ король сообщалъ о своемъ несчастіи, просилъ дать ему убѣжище въ султанскихъ владѣніяхъ и оказать содѣйствіе къ возвращенію въ отечество черезъ Польшу. О полтавскомъ пораженіи и о бѣгствѣ шведовъ падишахъ уже зналъ отъ аги, бывшаго недавно у шведскаго короля и скоро побѣжавшаго домой, чтобъ извѣстить своего государя о томъ, что сталось подъ Полтавою.

На другой день послѣ отправки Нейгебауэра (23 іюля новаго стиля) пріѣхалъ къ Карлу отъ сераскира посланецъ изъ Бендеръ. Сераскиръ писалъ королю разныя мудрыя утѣшенія и приглашалъ въ Бендеры. Онъ присылалъ королю въ даръ разные турецкіе товары и между прочимъ превосходный шатеръ, въ чемъ дѣйствительно король нуждался. Крымскій ханъ прислалъ Карлу въ подарокъ коляску, запряженную четырьмя лошадьми. Король подарилъ обоимъ посланцамъ—и ханскому и сераскирову—по тысячѣ червонцевъ.

Послѣ продолжительнаго и спокойнаго пути по знойной аккерманской степи, полтавскіе недобитки достигли, наконецъ, Бендеръ 1 августа (10 новаго стиля). Тамъ королю сообщили, что царь посылалъ просить падишаха не принимать подъ свое покровительство измѣнника Мазепу, а выдать его царю. Падишахъ отвергъ такое домогательство. У мугамеданъ считалось противнымъ Корану выдавать тѣхъ, которые, будучи гонимы судьбою, прибѣгаютъ подъ ихъ покровительство. Царскій посолъ Толстой напрасно предлагалъ великому муфтію 300.000 талеровъ за содѣйствіе къ выдачѣ Мазепы. Два раза сряду была повторена царемъ такая просьба къ падишаху (іюля 10-го и 27-го стараго стиля). Подобное предложеніе царь сдѣлалъ и своему сопернику. Пока была надежда поймать бѣжавшаго изъ-подъ Полтавы шведскаго короля, Петръ задержалъ присланнаго къ нему генерала Мардефельда; но узнавши, что соперникъ перебрался въ турецкія владѣнія, царь отпустилъ Мардефельда и бывшаго въ плѣну королевскаго секретаря Цедергельма и поручилъ имъ словесно сообщить шведскому королю, что онъ, царь, готовъ заключить миръ, если Карлъ уступитъ ему всю Ингрію, Карелію съ городомъ Выборгомъ, Эстляндію съ городомъ Ревелемъ и Лифляндію, признаетъ Августа польскимъ королемъ и выдастъ царю измѣнника Мазепу. Такія условія были сообщены Карлу въ Бендерахъ. Король отвергъ ихъ и особенно раздражился за требо-

ваніе выдать Мазепу. Въ такомъ смыслѣ онъ послалъ протестъ свой графу Пиперу, находившемуся въ плѣну. Когда Петру сообщили этотъ протестъ, онъ замѣтилъ, что его требованіе относительно выдачи Мазепы таково, каково было требованіе Карла отъ Августа выдать ему Паткуля. Это настойчивое желаніе гнѣвнаго царя во что бы то ни стало добыть въ свои руки павшаго измѣнника окончательно потрясло старика. Его жизненныя силы и безъ того уже были такъ надорваны послѣдовательными ударами судьбы, что нужна была необыкновенно твердая, закаленная въ бѣдахъ, козацкая натура, чтобъ эти силы еще держались. Теперь онѣ окончательно исчезли. Сераскиръ принялъ Мазепу ласково, сообщилъ ему, что падишахъ приказывалъ беречь его; но Мазепа хорошо зналъ нравы и обычаи мусульманскаго Востока. Онъ зналъ, что при оттоманскомъ дворѣ червонцы пользуются громаднымъ могуществомъ. Если Петръ, котораго Мазепа зналъ всегда бережливымъ, не щадилъ уже большихъ суммъ единственно изъ-за того только, чтобы добыть хилаго старика въ свои руки, то Мазепа могъ опасаться, что еще два-три такихъ настойчивыхъ домогательства, сопровождаемыхъ подарками, и Диванъ прикажетъ его выдать. Этотъ страхъ ускорилъ разрушеніе одряхлѣвшаго организма. Съ прибытія своего въ Бендеры Мазепа уже не покидалъ постели и съ каждымъ днемъ угасалъ все болѣе и болѣе. Онъ умеръ 22 августа. Распространяли слухъ, будто онъ, отъ страха быть выданнымъ Петру, отравилъ себя ядомъ, но это извѣстіе не имѣетъ за собою никакой исторической достовѣрности. Его опустили въ землю недалеко отъ королевскаго стана въ Варницѣ, близъ Бендеръ [23]). Но спустя немного времени перевезли гробъ его въ Яссы и тамъ совершили торжественные похороны, описанные современниками. Карлъ присутствовалъ при погребеніи своего союзника. Впереди погребальнаго поѣзда играли королевскіе трубачи; гробъ обитый краснымъ бархатомъ съ широкими золотыми позументами везли на повозкѣ, запряженной шестью бѣлыми лошадьми. По обѣимъ сторонамъ его шли рядами козаки съ обнаженными саблями. Передъ гробомъ гетманскій бунчужный несъ гетманскую булаву, блиставшую жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. За гробомъ шла толпа малороссіянокъ, послѣдовавшихъ за мужьями и родными, приставшими къ гетману: по народному обычаю онѣ го-

---

[23]) *Бантышъ-Каменскій*: „Исторія Малой Россіи“, т. III, стр. 116.

лосили и кричали. Сзади за ними ѣхали верхомъ два тогдашніе претендента на гетманство: неизмѣнный товарищъ и довѣренный Мезепы Орликъ и болѣе всѣхъ родственно-любимый покойникомъ его племянникъ Войнаровскій. За ними слѣдовали всѣ старшины. Козаки шли съ опущенными внизъ знаменами и оружіемъ; гробъ малороссійскаго гетмана опустили въ могилу, приготовленную въ церкви, находившейся за городомъ, и козаки, въ знакъ почести, въ эту минуту дали залпъ изъ своихъ мушкетовъ.

Въ Малороссіи составилось преданіе, сохранившееся до сихъ поръ, будто Мазепа не умеръ и не былъ погребенъ въ Молдавіи, а для вида устроили тамъ фиктивные похороны; самъ же бывшій гетманъ тайкомъ пробрался въ Кіевъ, принялъ иночество, а потомъ схиму въ Печерской Лаврѣ подъ чужимъ именемъ и тамъ окончилъ дни свои въ покаяніи. Эта легенда, переходившая изъ устъ въ уста, не подтверждается никакими фактами и соображеніями, также точно какъ и анекдотъ, сообщенный фальшивою исторіей Конискаго, будто Мазепа передъ смертію приказалъ принести къ себѣ свои бумаги и сжегъ ихъ съ тѣмъ, чтобы не открылось участіе въ его замыслѣ такихъ лицъ, о которыхъ никому и въ голову не приходило. «Пусть,—говоритъ онъ,—я одинъ буду несчастенъ; я хотѣлъ счастія своему отечеству, но судьба рѣшила иначе на непредвидѣнный конецъ».

О послѣднихъ минутахъ гетмана не осталось намъ достовѣрныхъ извѣстій. Мазепа оставилъ послѣ себя 160.000 червонцевъ, изъ которыхъ король взялъ себѣ 40.000 въ займы; по другимъ извѣстіямъ [24]), Карлъ еще прежде занялъ у Мазепы 240.000 талеровъ, обѣщая въ случаѣ кончины Мазепы заплатить его племяннику Войнаровскому. Это подало поводъ къ извѣстію совершенно легендарнаго свойства, будто Мазепа, собираясь приставать къ шведамъ, послалъ Карлу 30 возовъ наполненныхъ золотыми и серебряными монетами [25]). Какъ бы то ни было, Мазепа успѣлъ увезти съ собой въ изгнаніе и оставить послѣ своей смерти значительную по тому времени сумму. Все это были ничтожные обломки огромнаго богатства, которое онъ пріобрѣлъ въ Украинѣ во время своего гетманства, благодаря щедротамъ искренно любившаго его Петра. Всѣ его имѣнія—и жалованныя, и купленныя—были конфискованы. Множество движи-

---

[24]) *Scherera:* „Annales de la Petite Russie", I, 226. — *Engel:* „Geschichte der Ukrain", 322.

[25]) *Ригельманъ:* „Лѣтописн. повѣств. о Малой Россіи", т. III, стр. 99.

маго имущества и принадлежавшихъ ему денежныхъ суммъ отнято русскими. Все нажитое имъ и правыми и кривыми способами пошло прахомъ, какъ и всѣ его планы, замыслы и затѣи [26]).

Послѣ смерти Мазепы, по волѣ короля, козаки должны были выбрать себѣ новаго гетмана. Но голоса раздѣлились. Два соперника стали одинъ противъ другаго: Орликъ и Войнаровскій. Споръ между ними доходилъ до того, что Орликъ подозрѣвалъ у Войнаровскаго замыслы на свою жизнь [27]). Тогда выдвинулся еще третій претендентъ—прилуцкій полковникъ Горленко, свойственникъ Мазепы по женѣ послѣдняго *). Однако избранъ былъ Филиппъ Орликъ, такъ какъ ему покровительствовалъ король шведскій, прежде расположенный къ Войнаровскому, но потомъ увидавшій, что Войнаровскаго за молодостью не хотятъ выбрать. Новаго гетмана въ его званіи могли признавать только одни чужіе люди—шведы, да немногіе козаки, которые находились съ нимъ въ изгнаніи, такъ какъ во владѣніи у него не было ни одного сажня козацкой земли [28]).

Гетманъ Мазепа, какъ историческая личность, не былъ представителемъ никакой національной идеи. Это былъ эгоистъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Полякъ по воспитанію и пріемамъ жизни, онъ перешелъ въ Малороссію и тамъ сдѣлалъ себѣ карьеру, поддѣлываясь, какъ мы видѣли, къ московскимъ властямъ и отнюдь не останавливаясь ни передъ какими безнравственными путями. Самое вѣрное опредѣленіе этой личности будетъ сказать, что это была воплощенная ложь. Онъ лгалъ передъ всѣми,

---

[26]) *Fryxel*, нѣм. перев., ч. I, стр. 186—211.—*Adlerfeld*, нѣм. перев., ч. III, стр. 298—342. Дневникъ, приложенный къ сочиненію Адлерфельда.—*Nordberg*, француз. перев., ч. III, стр. 322—339.—*Голиковъ*: „Дѣянія Петра Великаго", т. III, стр. 118 и 166.—„Дополн. къ Дѣян. Петра Вел.", т. XVI, стр. 20—44.—*Ригельманъ*, ч. III, стр. 83—84, 96—97.—*Бантышъ-Каменскій*: „Исторія Малой Россіи", т. III, стр. 115—116. Примѣч., стр. 157 и 158.

[27]) Письмо Орлика.

*) Starszyzna Kozacka znayduie się z żonami i z dziećmi in continuo planctu do swoiey ziemi, nie maią się po co кwapić znaiąc rygorem cara, a bardziej justiciae. Kojarzyła się elekcya hetmańska na mieysce Mazeppy, posłał był na to i król szwedski votum na Wojnarowskiego siestrzeńca Mazeppy, ale kozactwo starszyzna nie pozwoliła na to dando rationem: mołod na hetmaństwo. Horlenki tedy półkownika przyłuckiego obrać suadeband, ale y ta konkordancya ustała a to z tey przyczyny Kiedy uważali że nie maią żadney nadziei od Porty... (Рукопись Импер. Публ. библ. Польская, folio. № 39, стр. 126. Письмо Тургута къ воеводѣ Бельзскому въ февралѣ 1710 года).

[28]) *Fryxel*, нѣм. пер., ч. I, стр. 222.

всѣхъ обманывалъ—и поляковъ, и малороссіянъ, и царя, и Карла, всѣмъ готовъ былъ дѣлать зло, какъ только представлялась ему возможность получить себѣ выгоду или вывернуться изъ опасности. Онъ воспользовался существовавшимъ у малороссіянъ желаніемъ сохранить автономію своей страны и свою національность и обманывалъ старшинъ, будто у него планъ—пріобрѣсть для Украины самостоятельность. Но на самомъ дѣлѣ, какъ показываетъ его тайный договоръ съ Лещинскимъ, онъ думалъ отдать Украину подъ власть Польши,—иначе сказать, онъ въ старости дѣлалъ то, что дѣлалъ въ юности, когда король Янъ-Казимиръ посылалъ его агентомъ въ Украину проводить планъ возвращенія этого отпавшаго отъ Польши края къ прежнему господству. Онъ и не могъ добиваться передъ королями шведскимъ и польскимъ независимости Украинѣ: Станиславъ, какъ польскій король, не могъ и не долженъ былъ отрекаться отъ наслѣдственныхъ правъ Рѣчи Посполитой на Украину; притомъ самъ Мазепа зналъ хорошо, что народъ, ненавидѣвшій его, не будетъ повиноваться новой династіи, которая должна была бы начаться съ него, Мазепы. Онъ благоразумно выговаривалъ себѣ владѣніе въ бѣлорусскомъ краѣ, а Малороссію отдавалъ на жертву междоусобной войны, которая неминуемо вспыхнула бы съ поляками, еслибы Украина поступила подъ польскую власть: это Мазепа зналъ по опыту, разыгравшемуся уже въ правобережной Украинѣ. Но ему не жаль было того народа, у котораго онъ за 20 лѣтъ своего правленія не могъ пріобрѣсть любви. Что онъ только обманывалъ своихъ малороссійскихъ соумышленниковъ призракомъ независимости, а на самомъ дѣлѣ собирался ввергнуть ихъ со всею страною въ рабство—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, и Петръ, обличавшій въ томъ Мазепу передъ всѣмъ малороссійскимъ народомъ, былъ совершенно правъ; шведскій историкъ, королевскій секретарь, близко стоявшій къ дѣлу и лично видѣвшій Мазепу, сообщаетъ о его коварномъ замыслѣ, безъ всякой задней цѣли чернить новаго шведскаго союзника. Недовѣрять этому источнику нѣтъ никакого основанія. Ясно, что Мазепа не измѣнилъ бы царю Петру, еслибы не показалось ему, что, такъ сказать, акціи царя падаютъ, а акціи Карла подымаются. Карлъ заставилъ Августа отречься отъ польской короны, Карлъ ограбилъ Саксонію контрибуціями; польскіе паны одинъ за другимъ спѣшили признавать королемъ Станислава; государства европейскія присылали Карлу поздравленія и благожеланія.

Карлъ собирался идти расправляться съ царемъ. Между тѣмъ въ царской державѣ происходили внутреннія смуты, а царскія войска терпѣли отъ шведовъ и поляковъ пораженія за пораженіями. Уже царь трепеталъ даже за свою столицу и собирался увозить оттуда всѣ драгоцѣнности, чтобъ онѣ не попали въ руки враговъ. Въ такихъ-то обстоятельствахъ эгоистъ-гетманъ не задумался измѣнить своему благодѣтелю и, конечно, думалъ, что онъ совершаетъ актъ мудрой и проницательной политики. Но не прошло и мѣсяца, какъ Мазепа увидалъ, что онъ ошибся. И большинство козаковъ, и весь малороссійскій народъ—все пошло не за него, а противъ него. Думая оказать важную услугу царскому непріятелю, онъ причинилъ ему только зло. И что же?—Не задумался Мазепа измѣнить и своему свѣжему союзнику, замышлялъ онъ, какъ мы видѣли, купить его гибелью свое примиреніе съ оскорбленнымъ царемъ. Никогда во всю свою жизнь не проявилъ себя этотъ человѣкъ во всей полнотѣ, какъ въ этомъ новомъ замыслѣ. Но коварство не удалось. Нить, которую онъ началъ вести такъ осторожно, оборвалась прежде времени. Приходилось, вмѣстѣ съ подведеннымъ въ бѣду героемъ, отважиться на конечную гибель...

Во всей русской исторіи ни одно сраженіе не имѣло такихъ важныхъ послѣдствій, какъ полтавское, и ни одно, исключая развѣ Куликовской битвы, не отпечатлѣлось до такой степени въ народной памяти. Церковь русская освятила его на вѣки ежегоднымъ воспоминаніемъ. И въ самомъ дѣлѣ счастіе для русскаго государства было неизмѣримое. Честь Русской державы вырвана была изъ бездны почти неминуемой. Опасность была чрезмѣрно велика. Еслибы, какъ того надѣялся Карлъ, малороссійскій народъ прельстился обольщеніями своего гетмана и славою сѣвернаго побѣдителя, Петру ни за что бы не сладить съ своимъ соперникомъ. И если кто былъ истиннымъ виновникомъ спасенія Русской державы, то это—малороссійскій народъ, хотя эта сторона дѣла не выставлялась до сихъ поръ исторіею въ настоящемъ свѣтѣ. Въ послѣднее время много было говорено о внутреннемъ смыслѣ, какой проявляетъ масса народная въ важныя минуты своего историческаго бытія. Нигдѣ эта истина не явилась такъ наглядно, какъ въ эпоху Мазепы. Нельзя сказать, чтобы въ тѣ времена народъ малороссійскій питалъ какую-то привязанность къ Русской державѣ и къ соединенію съ «москалями»; напротивъ, мы на каждомъ шагу натыкаемся, такъ ска-

зать, на факты взаимнаго недружелюбія и даже вражды между двумя русскими народностями. Нельзя сказать также, чтобы народъ малороссійскій не сознавалъ своей народной личности и не желалъ національной независимости. Много было условій, дѣлавшихъ возможнымъ отпаденіе малороссіянъ отъ вѣрности къ русскому царю. И однако вышло не то. Народъ инстинктивно почуялъ ложь въ тѣхъ призракахъ свободы, которые ему выставляли. Онъ уже и прежде лучше самого Петра и его министровъ раскусилъ своего гетмана, считалъ его ляхомъ, готовымъ измѣнить царю съ тѣмъ, чтобъ отдать Украину въ рабство Польшѣ. Никакія увѣренія измѣнника, никакія лживыя обвиненія, разсыпаемыя имъ на московскія власти, не перемѣнили къ нему народной антипатіи. Народъ инстинктивно видѣлъ, что его тянутъ въ гибель, и не пошелъ туда. Народъ остался вѣренъ царю, даже не изъ какой-либо привязанности, не изъ благоговѣйнаго чувства къ монарху, а просто оттого, что изъ двухъ золъ надобно было выбирать меньшее. Какъ бы ни тяжело было ему подъ гнетомъ московскихъ властей, но онъ по опыту зналъ, что гнетъ польскихъ пановъ сталъ бы для него тяжелѣе. Подъ русскою властію по крайней мѣрѣ оставалось для него всегда духовное утѣшеніе—вѣра его отцовъ, которую никакъ уже не могли бы попирать «москали», какъ бы ни относились они ко всѣмъ остальнымъ народнымъ правамъ. Этого одного уже было достаточно.

Между тѣмъ послѣдующая исторія показала, что русская власть, еще менѣе чѣмъ русскіе историки, оцѣнила въ этомъ дѣлѣ здравый смыслъ малороссійскаго народа и заслугу, оказанную имъ Русскому Государству. Измѣна Мазепы ни въ какомъ случаѣ не могла падать на малороссійскій народъ, который въ продолженіе двадцати лѣтъ такъ не любилъ этого гетмана, что послѣдній долженъ былъ охранять свою особу великороссійскими стрѣльцами и солдатами, присылаемыми ему по царской милости. Малороссійскому народу слѣдовало быть совершенно изъятымъ отъ пятна, павшаго на Мазепу: народъ за Мазепой не пошелъ. Память о Мазепѣ не испарилась совершенно въ народѣ, но осталась никакъ не въ привлекательномъ видѣ. Въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ—это какое-то злое и враждебное существо, это даже не человѣкъ, а какая-то лихая, проклятая сила: «Проклята Мазепа!» Болѣе всего сохранилась въ народной памяти его борьба съ Палѣемъ: Мазепа хочетъ самъ свергнуть царя съ престола и клевещетъ на Палѣя. Палѣя ссылаютъ, или засажива-

ютъ въ тюрьму, но скоро открывается злоба «проклятой Мазепы». Палѣй, хотя уже дряхлый старикъ, получаетъ свободу и побѣждаетъ Мазепу. Самая полтавская побѣда, по народному міровоззрѣнію, приписывается Палѣю. Однако измѣна Мазепы оставила надолго, если не на вѣки, подозрѣніе русскихъ властей на малороссійскую народность. Во все остальное царствованіе Петра въ отношеніи къ Малороссіи замѣчалась осторожность, переходившая неоднократно въ насиліе. Преемникъ Мазепы Скоропадскій былъ до того стѣсненъ недовѣрчивостію верховной власти, что долженъ былъ терпѣть нарушеніе своихъ правъ, предоставленныхъ ему закономъ. Послѣ кончины его, одно только вполнѣ справедливое и законное ходатайство о выборѣ новаго гетмана повергло Полуботка съ его товарищами въ заточеніе и повело къ устройству фальшиваго отзыва будто бы отъ всего народа о нежеланіи имѣть гетмана *). Потомъ въ продолженіи многихъ лѣтъ заставляли Малороссію управляться безъ выборныхъ властей при посредствѣ особо учрежденной малороссійской коллегіи, состоявшей главнымъ образомъ изъ великороссіянъ, мало знакомыхъ съ малороссійскимъ бытомъ и языкомъ. Появленіе избраннаго гетмана въ особѣ Апостола было только короткимъ промежуткомъ. Такъ было до избранія въ гетманы Разумовскаго, при императрицѣ Елисаветѣ, которая, однако, только по особому расположенію къ семейству Разумовскихъ, повидимому, оказала уваженіе къ стариннымъ формамъ. Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II, русская государственная политика нашла окончательно несообразнымъ съ своими видами удерживать отдѣльное гетманское устройство. Оно дѣйствительно имѣло рядомъ съ хорошими сторонами и нѣкоторыя отжившія, требовавшія коренныхъ измѣненій. Но предприняты ли были такія измѣненія въ пользу народа? Если и были, то мало,—напротивъ, изъ видовъ политики, принято было извѣстное правило: divide et impera. Опасались, чтобъ уничтоженіе порядка, къ которому страна привыкла уже вѣками, не возбудило въ ней смутъ, и, вотъ, создали небывалое въ Малороссіи дворянство, которое, какъ показываетъ исторія, всегда бываетъ язвою тамъ, гдѣ не вырабатывается само собою изъ исторической жизни, а навязывается по теоріи. Посполѣство закрѣпощается во власти этого новоизмышленнаго дворянства, и такимъ образомъ народъ разбивается на два сословія, противопо-

*) Мои „Историческія монографіи", т. XIV, статья: „Павелъ Полуботокъ".

ложныя по своимъ интересамъ. Правда, зародыши такого строя существовали уже прежде въ отношеніяхъ между богатыми землевладѣльцами и селившимися у нихъ бѣдняками. Но то бывали злоупотребленія, всегда сознаваемыя какъ таковыя, а съ новаго порядка вещей они узаконились и Малороссія, наравнѣ со всею остальною Россіей, подверглась надолго всей мерзости крѣпостничества, отъ котораго облегчилась только въ недавнее время. Кромѣ того, въ великорусскомъ народѣ измѣна Мазепы, несмотря даже на царскіе указы, объяснявшіе непричастность малороссійскаго народа къ поступку бывшаго когда-то гетмана, не забывалась — и память о ней набрасывала всячески тѣнь на всѣ грядущія поколѣнія. Великороссіянинъ, разсердившись на малороссіянина, первымъ дѣломъ считаетъ помянуть Мазепу, и выраженіе: хохолъ-Мазепа—остается во всей силѣ до нашего времени. Даже въ послѣднее, близкое къ намъ, время, чему, какъ не памяти о Мазепѣ и его измѣнѣ, можно приписать гоненіе на «украинофиловъ»,—подозрѣніе, что въ намѣреніяхъ дать малороссійскому народу воспитаніе съ сохраненіемъ своей рѣчи и своей индивидуальности, въ стремленіи поднять путемъ литературной обработки родное нарѣчіе малороссійскаго края—кроется какое-то тайное политическое измышленіе—вредное для государственной цѣльности Русской имперіи? Все это—прямое послѣдствіе не вполнѣ понятаго администраціей и литературой отношенія малороссійскаго народа къ самому себѣ и къ своимъ сосѣдямъ въ эпоху Мазепы. Если въ тѣ времена, когда дѣйствительно поступки московскихъ властей возбуждали въ народѣ возможность стать враждебно къ Русской державѣ, народъ этотъ изъ инстинктивнаго чувства остался вѣренъ этой державѣ, то невозможно подозрѣвать что нибудь подобное теперь, когда эти два народа настолько сблизились и соединились, что ихъ расторженіе уже немыслимо въ силу освященнаго опытомъ сознанія обоюдной пользы ихъ соединенія.

Н. Костомаровъ.

ТРУДЪ И ОТДЫХЪ.

Разсказъ изъ нижневолжскаго быта.

I.

Надъ недалекой Астраханью, раскинувшейся по пологимъ холмамъ южнаго горизонта, стоитъ не совсѣмъ раннее утро послѣднихъ дней мая. Послѣ восхода солнца прошло уже часа три и металлическій звукъ тяпанья топоровъ, жесткій стукъ молотка по широкой шляпкѣ шпигоря, храпъ и сопѣнье пилъ, визгъ и свистъ рубанковъ, покрываемые звонкимъ сухимъ гуломъ перекладываемаго и кидаемаго дерева—дровъ, тёса, подтоваринъ, рѣшетинъ, верехъ и балочника,—весь этотъ дикій деревянный хоръ, пересыпаемый речитативомъ людскихъ голосовъ, давнымъ-давно стоитъ въ воздухѣ надъ правымъ берегомъ широкой Болды *). Она только-что отдѣлилась отъ матери Волги и залита солнцемъ. Лѣсныя пристани покрываютъ правый берегъ ея, начиная съ истока,—съ мыса, разъединяющаго ее и Волгу. Довольно своеобразное зрѣлище представляютъ собою эти пристани города, недавно еще бывшаго портовымъ.

Вся торговля лѣсомъ, часть судостроенія и даже мелкаго крестьянскаго домостроенія смѣшиваются тутъ, разнообразя общее впечатлѣніе.

Гигантскія, широкія, золотистыя бѣляны, колоссально и тѣсно нагруженныя лѣсомъ и дровами, высокія, точно деревянные бастіоны и крѣпостцы древней Руси, жмутся къ самому берегу или, тихо и тяжко колеблясь, поскрипываютъ на близкой Волгѣ, между черными парусными судами, точно бѣлыя, крупныя, тяже-

---

*) Болда—рукавъ Волги, откидывающійся влѣво, версты за двѣ выше Астрахани.

лыя птицы-бабы средь стаи черныхъ баклановъ. У пристаней грузятся лѣсомъ рыбницы и морскія ловецкія лодки: кладутъ бревна, тесъ и дрова для ватагъ и ловецкихъ селъ дельты и прибрежій моря; бѣлыя каспійскія шкуны персовъ, армянъ и русскихъ чинятся, конопатятся и красятся, скрененныя у берега, и строятся на берегу.

Далѣе, за валомъ *), ограждающимъ пристани отъ высокихъ вешнихъ водъ, тѣсно и высоко скученъ лѣсной матеріалъ всевозможныхъ видовъ, сортовъ и именованій, начиная съ легкаго бондарнаго и подѣлочнаго и кончая огромными деревьями строеваго. Высокая, кубообразная кладка образуетъ цѣлый лабиринтъ въ кварталахъ этого деревяннаго города, съ узкими пролетами, глухими переулками и проѣзжими дорогами, необходимыми для вывозки. Длинныя ленты обручей и пирамиды черныхъ угольныхъ кулей тамъ и сямъ выдѣляются на общемъ блѣднозолотистомъ фонѣ древесной массы. Впереди, ближе къ берегу, почти на каждой пристани, кучками, стоятъ еще безлюдные домики, безъ оконъ и дверей, сверкающіе чистотою и дѣвственностью новизны, плачущіе янтарными слезами смолы и обдающіе живительнымъ, бодрящимъ запахомъ родной верховой хвои. Готовыя избы для сельскаго промысловаго люда. А въ глубинѣ, за лѣснымъ лабиринтомъ, виднѣются пристанскія конторки и строенія, съ мачтами и флюгарками, снятыми съ бѣлянъ, давно уже потемнѣвшія и будничныя, засаленныя присутствіемъ человѣка, точно старыя, измятыя жизнью, увядшія лица, позабывшія о своей внѣшности. Въ довершеніе гула и стука, царящихъ кругомъ, изъ маленькаго домика-конторки, торчащаго на верху одной изъ бѣлянъ, у пристани, несется тоже храпъ, сопѣнье и присвистъ, точно тамъ тоже кто-то работаетъ. Несмотря на то, что производится инструментомъ, носящимъ названіе человѣческаго носа, храпъ этотъ мало чѣмъ уступаетъ любой изъ рабочихъ пилъ. Въ единственной горенкѣ домика-конторки, на самодѣльномъ ложѣ, наглухо пришитомъ (прикрѣпленномъ гвоздями) къ стѣнѣ — не то нарахъ, не то кровати — спитъ богатырскимъ сномъ дебѣлый, румяный, откормленный малый, разметавшійся отъ духоты тѣсной, низкой горенки.

---

*) Такимъ валомъ отъ половодья окруженъ весь городъ, но очень небрежно, такъ что въ большія воды валъ почти всегда гдѣ-нибудь прорывается, причемъ обыкновенно терпятъ низменныя части города и, разумѣется, бѣдный людъ, ихъ населяющій.

Несмотря на испарину, давно смочившую курчавыя бѣлокурыя пряди волосъ, и стаи мухъ, облѣпившія широкораскрытый ротъ и вѣки спящаго, сонъ его продолжался бы вѣроятно долѣе, если бы въ эту минуту въ городѣ не ударили къ раннимъ обѣднямъ. Спящаго точно толкнулъ этотъ звукъ — голосъ жилого мѣста. Онъ открылъ глаза, безсмысленно уставилъ ихъ въ низкій потолокъ и потянулся, зѣвая и крестя ротъ.

Прошло нѣсколько минутъ тихаго, безсмысленнаго столбняка. Проснувшійся лежалъ безъ движенія, уставя глаза на одну точку и тяжело дыша, пока нестерпимая духота не вывела его изъ сладкаго, лѣниваго одеревенѣнія. Наконецъ, спустивъ большія босыя ступни съ кровати, онъ тяжело застучалъ ими по легкому деревянному полу и, отдернувъ занавѣску, быстро распахнулъ настежъ одно изъ маленькихъ оконъ. Волны влажнаго, свѣжаго утренняго воздуха хлынули снаружи, веселый блескъ позлащенной воды полоснулъ по заспаннымъ глазамъ. Онъ прищурился и тяжело опустился на складной рѣшетчатый стулъ, раздвинутый въ видѣ буквы X, захлебываясь чистымъ воздухомъ во всю ширину разгоряченной груди.

Нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ на тихое раздолье Болды, на лѣсокъ на противоположномъ берегу и прислушивался къ суетѣ работы, кипѣвшей на бѣлянѣ. Выгрузчики, съ носилками въ рукахъ или на плечѣ, съ ношами дровъ или пустые, сновали взадъ-впередъ, перекидываясь шутками, наивно грубыми остротами и мѣткими замѣчаніями, иногда совсѣмъ непечатнаго свойства. Слышался хохотъ, точно легкую работу работали они, когда знакомый голосъ возбудилъ вниманіе слушателя. Онъ высунулся въ оконце и крикнулъ:

— Семенычъ!... Эй, Семенычъ!

— Чево изволишь, Прохоръ Тимоѳеичъ?—послышался густой, грубоватый голосъ подъ окномъ.

— Дакось харю сплеснуть... Да самоваръ бы... Экъ я прòспалъ! Обѣдни раннія...

— Я ужь заглядывалъ, да спишь, вижу... Сейчасъ, сейчасъ наставлю и воды зачерпну—мигомъ!

Минутъ черезъ пять, въ низенькой двери конторки показалась темная, курчавая голова согнувшагося вдвое высокаго мужика, настоящаго русскаго богатыря по сложенію и благообразію. Въ одной рукѣ онъ держалъ ведерко съ водой, въ другой—ковшъ,

которымъ наполнилъ черный двуносный умывальникъ, висѣвшій надъ новою лаханью, въ углу.

— Што, выгружаютъ?—обратился Прохоръ Тимоѳеичъ къ вошедшему, готовясь умыться и засучивая рукава розовой ситцевой рубахи.

— Эва!... Со свѣтомъ начали.

— Много еще въ бѣлянѣ-то?—продолжалъ допрашивать плескавшійся около чернаго двулицаго Януса, клевавшаго носами.

— Мало ли добра въ бѣлянѣ,—али ее скоро проберешь?... Половины еще не выгрузили.

— Какъ же быть-то, а? Посудину-то я просваталъ, только къ сроку штобы, а то покупателя упустишь,—не переставалъ умывшійся, утиравшій красное влажное лицо грязнымъ, грубымъ утиральникомъ, сорваннымъ съ гвоздя.

— Срокъ-отъ долгъ ли?

— Да дёнъ десять, полторы недѣли договаривались. Праходъ *) у нихъ на промыселъ идетъ,—взять штобъ.

Богатырь покачалъ кудрявою головой.

— Ты што, Прохоръ Тимоѳеичъ, рази успѣешь экую махину кончить?... Тутъ и лошадьми не вывозишь, а не то што въ-рушную.

— Еще бортъ пропилимъ **), народу прибавимъ.

— Да, какъ хошь, не успѣешь... Мѣсто не дозволитъ. Не въ мѣру много народу поставить—другъ другу только мѣшать станутъ... Толкотня одна!

— Ну, ужь, какъ-никакъ, а сдѣлать надо. Не покупателя изъ этого упускать... Опосля́ не довелось бы на мели сидѣть да ха̀рчиться—у моря погоды ждать... А покупатель хорошій и деньги хошь сичасъ бери.

— Не знаю ужь, какъ будемъ... Ай за̀дорого пошла статья-то?

— Безъ Кати двѣ тыщи надавали... Можетъ и всѣ двѣ на-стою. Ко времени дѣло-то, главное,—прибавятъ сотельную-то.

— Цѣна, пущай, ладная, да, вотъ, какъ со срокомъ-то быть...

— Чево тутъ! Чай не впервой съ бѣляной-то сплыли. Ну, на аккордъ отдадимъ, на срокъ; цѣну-то за выгрузку прибавить

*) Праходъ—исковерканное *верховыми* (по Волгѣ) слово пароходъ.

**) Для выгрузки бортъ бѣляны къ берегу пропиливаютъ, причемъ образуется отверстіе въ видѣ воротъ, черезъ которые и производится выгрузка, иначе немыслимая по причинѣ высокихъ бортовъ.

доведется—пёсъ ихъ дери!... Однако, вотъ што, время не терпитъ,—вели давать самоваръ-то, а самъ кого посмышленѣе изъ выгрузчиковъ волоки сюда: потолкуемъ,—можетъ, сладимся.

Высокій, кудрявый богатырь опять согнулся вдвое и исчезъ за дверью.

Черезъ нѣсколько минутъ, на столикѣ межъ окнами, пыхтя, шипя и наполняя комнатку бѣлымъ паромъ, улетавшимъ въ окно, кипѣлъ маленькій самоваръ. Въ теченіе этого времени Прохоръ обулся, облекся въ единственный верхній костюмъ — жилетъ, заварилъ чай и поставилъ чайникъ на бурлившій самоварчикъ, напоминавшій собою Крыловскую моську,—такъ онъ кипятился.

На порогѣ показались двое выгрузчиковъ въ сопровожденіи Семеныча.

Одинъ былъ небольшой, коренастый парень, съ восточнымъ типомъ и черными, иногда жостко сверкавшими, плутовскими глазами; другой сильно смахивалъ на здоровеннаго отставного гвардейца, которымъ и былъ въ дѣйствительности, пока не попалъ въ число штрафованныхъ. Усы, бритая борода и своеобразный казарменный говоръ и ухватки тотчасъ выдавали его. Добродушіе, юморъ и какая-то безшабашная веселая откровенность свѣтились въ глазахъ, замершихъ на прикащикѣ, по привычкѣ когда-то замирать на всякомъ начальникѣ, съ тою впрочемъ разницею, что теперь бездна молчаливой ироніи глядѣла изъ нихъ, вмѣсто выраженія прежняго страха. Это сразу располагало къ нему. Оба были достаточно обтрепаны, обдерганы и плохо обуты.

— Сказывалъ ты имъ? — обратился Прохоръ къ Семенычу, тщетно прождавъ привѣтствія пришедшихъ, и, несолоно хлебнувъ, подсѣлъ къ самовару.

— Ничево не говорилъ. Посмышленѣе только коихъ спросилъ въ артели. Вотъ привелъ,—самъ перетолкуешь.

— Ну, такъ вотъ што, ребята,—обратился прикащикъ къ смышленымъ:—выгрузка-то у насъ не спорится быдто...

— Какъ же такъ—не спорится? Какой еще выгрузки? Кажись, ходомъ идетъ. Для себя работаемъ, сами знаете,—запротестовалъ восточный типъ, чисто говоря по-русски и съ нѣкоторымъ изумленіемъ, потому что выгрузка дѣйствительно шла ходомъ; но прикащику нужно было упрекнуть ее только для того, чтобы не приступать къ дѣлу прямо и не переплатить за свою торопливость.

— Одно слово, по командѣ работаемъ, ваше степенство, ровно на штурмъ—разъ, два, три, чтобы... деньги и—маршъ въ кабакъ! Вотъ какъ!... Скучился чай объ насъ, сердешный,—улыбаясь, весело отрапортовалъ служивый.

— Вотъ, то-то, объ кабакѣ больше думаете, а не о дѣлѣ,—наставительно замѣтилъ прикащикъ, хотя самъ оттого и проспалъ, что наканунѣ, просватывая бѣляну, потерялъ счетъ выпитому и сейчасъ еще ощущалъ трескъ, круженіе и боль въ головѣ.

— Точно-што, купецъ почтенный, правое твое слово это, —хмуро и съ жостнимъ блескомъ въ глазахъ, вставилъ черномазый,—оттово у насъ и кишки-то свело на бѣлянѣ на твоей, што о кабакѣ все думали, въ струнку вытягивали ихъ мало. Ты попытай, впрягись хошь на денекъ въ оглобли-то въ наши,—самъ о кабакѣ думать станешь.

— Не на чужіе пьемъ, ваше степенство. Хребтомъ взяты, нутромъ вымотаны денежки-то. А безъ кабака намъ не жить... Надорваны мы, запалены, ровно походныя клячи въ степи... Пить—умереть и не пить—умереть!... Лучше ужъ пить—умереть, ваше степенство,—съ ужасающимъ безшабашнымъ добродушіемъ засмѣялся солдатъ. — Хошь нà-время отведешь сердце-то, — все мое.

— Ну, ну, ладно; знаемъ мы это, — слыхали неоднова... А вы вотъ што, объ дѣлѣ-то лучше толкуйте — какъ, то-есть, съ бѣляной-то управиться думаете.

— А кто-жь ее знаетъ... Ишь въ ней добра-то понатискано... Недѣли чай на три хватитъ работы, и то управиться дай Богъ,—не торопясь и какъ бы соображая, отвѣтилъ черный.

— Ну, а если бортъ-отъ еще выпилить, народу прибавить, усилить выгрузку, одно слово, тутъ какъ дѣло будетъ?

— Недѣли двѣ все, чай, потребуется... Пока дѣло, пока што—бортъ пилить, сходни класть, народъ припасти... Время-то идетъ.

— А поскорѣе еслибы?

— Не приведется скорѣе-то... Главное, не знаемъ мы, сколь много остается въ ней, въ бѣлянѣ-то, — не сообразишь.

— Это какъ не сообразить, — у насъ видно. На погрузку выписка есть, а што выгружено, извѣстно,—сами знаете. Вотъ онъ все скажетъ вамъ, — мотнулъ на Семеныча головой Прохоръ.—А нельзя ли дёнъ въ десять штобы?—какъ бы раздумы-

вая, обратился онъ къ стоявшимъ, хотя думать тутъ ему было нечего. — Аккордно не хотите ли — на срокъ, на десятый день штобы кончить, а?... Некогда мнѣ валандаться-то здѣсь. Хозяинъ пишетъ, штобы торопиться — кончать, да и вверхъ. Не у чево тутъ проживаться-то...

Стоявшіе переглянулись и почесали затылки, словно искали тамъ добраго совѣта и разрѣшенія своихъ недоумѣній. Они недоумѣвали, потому что хитрый прикащикъ ни единымъ словомъ не упомянулъ о запродажѣ бѣляны, — тогда былъ бы разговоръ иной и рыться въ затылкѣ не потребовалось бы.

— Работа-то эта анаѳемская, ваше степенство, не скоро на нее охотниковъ найдешь. Кому пробовать доводилось, знаетъ, какова она... Самая каторжная работа это, — какъ бы размышляя, произнесъ солдатъ, съ лица котораго однако не сходила беззаботно-веселая улыбка.

— А цѣна какъ? — серьезно полюбопытствовалъ черномазый.

— Што-жъ цѣна! Извѣстно, набавлю... Вы о дѣлѣ-то толкуйте: можно ли? — а о цѣнѣ потомъ говорить будемъ. Смекните спервоначала, съ артелью столкуйтесь, народу припасите, тогда и приходите... Сойдемся, авось, въ цѣнѣ-то.

— Ты што, купецъ почтенный, кто-жъ это тебѣ безъ цѣны, безъ договора, народъ припасать станетъ? Аль ево безъ цѣны на такую работу возьмешь?... Вѣдь тутъ тебѣ малость што не душу запродать приводится, ты то подумай!

— Да вы хошь промежъ себя-то сговоритесь, черти! Еще подойдетъ ли линія-то?... Вѣдь ежели, къ примѣру, не выгрузишь ты мнѣ къ сроку, тогда за што я тебѣ набавлять буду, а?... Лѣшій, пра лѣшій! Чать эти дѣла-то по договору дѣлаются. Выгрузилъ къ сроку — получай набавку, не выгрузилъ — по старой цѣнѣ разочту... Ну, такъ ступайте — толкуйте, да живѣе, то-ли сё-ли... До обѣда не споетесь, другихъ кликну. Нынче што у насъ... середа?... Ну, такъ въ пятницу на той недѣлѣ кончить штобы.

— Какъ, въ пятницу?... Посчитай-ко, — въ субботу чай. Съ утрева рабочій день-то считать надо. Таперь куда повернуть день-то? Ни бортъ не выпиленъ, ни сходень нѣтъ, ни народа...

— Ну, ну, ладно, въ субботу, такъ въ субботу. Согласны будете, приходите, — да живѣй поторапливайтесь, коли што!

— Да ужъ, вѣстимо, для себя стараться будемъ... Бортъ-отъ,

да сходни-то вели готовить. Идемъ, Иванъ Семенычъ, покажь, што у тебя тамъ, на остаткѣ-то.

Посѣтители исчезли и Прохоръ прилежно принялся за чай, отъ котораго раньше безпрестанно отрывался.

II.

Не мѣшаетъ узнать поподробнѣе, что значитъ взять выгрузку на аккордъ, къ сроку, и кто за нее обыкновенно берется.

Изъ предыдущей главы не трудно понять, что трудъ этотъ экстренный, каторжный, какъ понимаетъ его самъ рабочій, вынужденный обстоятельствами съ одной стороны и быстрымъ, и выгоднымъ заработкомъ—съ другой. Не даромъ онъ и предлагается по возвышенной цѣнѣ и производится съ упорствомъ, постоянствомъ и почти неестественнымъ напряженіемъ послѣднихъ силъ человѣка. Не даромъ и берется на себя почти только тѣмъ отребіемъ рабочей массы, которая равно готова рискнуть своей отпѣтой жизнью и въ кабакѣ, и въ грязнѣйшемъ развратномъ домѣ, и въ темномъ уголовномъ дѣлѣ.

Въ значительныхъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ и преимущественно на окраинахъ государства, въ городахъ благодатнаго юга, прививается и живетъ бездомная птица, не вьющая гнѣзда—видъ голаго пролетарія, стаи которой носятъ разнообразныя клички: золотой роты, воровской артели, босоногой команды, кабацкой голи и т. п.

Артель, работавшая на знакомой бѣлянѣ, очевидно, принадлежала къ числу подобныхъ корпорацій, къ роду такихъ бездомныхъ птицъ, привлеченныхъ нечистотою и падалью города, неизбѣжной въ борьбѣ за существованіе. Въ существѣ это былъ сбродъ, члены котораго соприкасались только въ темныхъ ночныхъ похожденіяхъ, въ кабацкихъ засѣданіяхъ и въ тяжеломъ непостоянномъ трудѣ, плоды котораго пропивались сообща. Тутъ были люди Богъ вѣсть откуда—кто съ борку, кто съ сосенки,—люди едва ли на самомъ дѣлѣ не забывшіе своего происхожденія. Тутъ встрѣчались и татаринъ, и персъ, и армянинъ, и отставной или бѣглый солдатъ, и чиновникъ; даже купцы попадались тутъ, переименованные въ Ивановъ, не помнящихъ родства.

Тѣмъ не менѣе было тутъ кое-что и общее: это — обычаи, часто теплые и гуманные, часто суровые, какъ драконовскіе за-

коны, но несомнѣнно выросшіе изъ вѣчнаго зерна правды. Не лицо создало ихъ, а цѣлый рядъ, жизнь цѣлаго ряда такихъ бездомныхъ птицъ. Лица мѣнялись, а традиціи жили, росли и продолжаютъ жить, несмотря на новыя лица.

Кто могъ, умѣлъ и захотѣлъ бы войти въ эту сферу, чтобы познакомиться съ нею, пріобрѣсти ея довѣріе, только тотъ понялъ бы, какое тутъ обширное поле для наблюденія контрастовъ человѣческой природы, какой это неистощимый рудникъ для психолога, философа, поэта—искателей золота человѣческой души. Только дикой фантазіи доступно представленіе человѣка, стоящаго внѣ общественныхъ условій, выкидыша соціальнаго чрева, не знающаго никакихъ узъ,—дикаго плотояднаго звѣря на просторѣ съ одной стороны—и наивнаго смѣющагося ребенка, юноши съ женственно-чуткими, тонкими инстинктами, мужа сильнаго духомъ, патріарха, полнаго ветхозавѣтной мудрой кротости и всепрощенія—съ другой. А между тѣмъ такіе люди есть. Это нѣчто вродѣ змѣечеловѣка Дантовскаго ада, гдѣ не отыщешь границы между областью химеры и жизни, между человѣкомъ и гадомъ.

Нѣчто подобное представляли собою и люди, о которыхъ идетъ рѣчь. Несмотря на гнетущія условія существованія, на темныя и грязныя пятна, густо положенныя на нихъ жизнью, не надо было много времени, чтобы разглядѣть и признать во множествѣ изъ нихъ теплый, ясный, иногда глубоко сочувственный образъ человѣка, полнаго дѣтски-незлобивыхъ, наивныхъ взглядовъ на міръ, на человѣка, брата по несчастію, и на долю, которую терпѣливо переносили они сами. Подъ толстой, грубой, нечистой корой почти всегда оказывалось живое, чувствительное тѣло нравственно-здороваго организма.

И вотъ такіе-то, или подобные люди, не щадя себя, брались за всякій каторжный трудъ, видя впереди разливанное море безпросыпнаго пьянства и самозабвенія на нѣсколько дней. Бѣдняки можетъ-быть только и жили въ эти минуты.

Такъ было лѣтомъ, въ навигацію, когда работы въ-волю, но не то было зимой, когда часто приходилось класть зубы на полку или щелкать ими, какъ голоднымъ волкамъ. Зима, въ особенности на югѣ, сезонъ преступленій. Только кабатчики не оставляли отпѣтаго люда, даже пропитывая его кое-какъ. За то не было вѣрнѣе плательщиковъ и лучшихъ покупателей. Какъ скоро являлись деньги, человѣкъ кончалъ тѣмъ, что оставлялъ въ

кабакѣ все, чуть не раздѣваясь и даже раздѣваясь до-нага. Въ Астрахани нерѣдко можно было встрѣтить и такого первобытнаго человѣка, иже стыда не иметь.

Дѣло на бѣлянѣ кончилось, по обыкновенію, тѣмъ, что артель взяла на себя аккордную, срочную выгрузку ея къ немалому удовольствію Прохора. Въ десять дней заработокъ на человѣка долженъ былъ дать болѣе двадцати пяти рублей, и человѣкъ, разумѣется, забывалъ о своемъ надорванномъ рабочемъ механизмѣ, какъ о совершенно негодной вещи.

Вдосталь поломается, — кабакъ починитъ.

Однако полнаго комплекта рабочихъ не набиралось и двое изъ артельщиковъ, болѣе надежныхъ и трезвыхъ, отправились въ городъ договорить на-завтра подходящій народъ.

Несмотря на май мѣсяцъ, наступалъ гнетущій невыносимый полдневный жаръ, когда посланные вернулись изъ города съ приговоренными людьми.

Только-что пошабашившіе выгрузчики бѣляны, въ ожиданіи обѣда, большею частію лежали въ-растяжку или сидѣли на солнцепекѣ, не находя малѣйшей полоски тѣни, чтобъ укрыться отъ солнца, бывшаго въ зенитѣ и палящаго немилосердно. Нѣкоторые курили, болѣе дѣятельные готовили ѣду. Отдыхавшіе видимо собирались ашать *), что доказывали незатѣйливые гастрономическіе припасы, состоявшіе изъ хлѣба, калача **), не по жарѣ холоднаго квасу, луку, огурцовъ и воблы, когда кучка новобранцевъ показалась на берегу, подъ предводительствомъ посланныхъ.

— А-а, вотъ и нашенскіе!—весело указалъ на подходящихъ солдатъ, толковавшій поутру съ прикащикомъ и теперь окруженный большинствомъ курильщиковъ, съ хохотомъ слушавшихъ его росказни. Оказывалось, что Марченковъ, какъ звали солдата, былъ любимцемъ артели, потому что немедленно умѣлъ сдѣлаться душою всякаго общества, въ которое попадалъ. Начавъ съ гвардіи, штрафованный онъ успѣлъ искрестить всю южную Россію, побывать на Кавказѣ и на западной и восточной границахъ, извѣдавъ на собственной шкурѣ, какъ говорилъ самъ, свойство палокъ даже самыхъ безлѣсныхъ губерній ея.

---

*) Ашать (киргизское) — ѣсть.

**) Калачъ—вѣсовой хлѣбъ изъ пшеничной муки перваго, втораго и третьяго сорта, смотря по потребителю.

«Придешь на мѣсто, — разсказывалъ онъ, — кажись, на что ужь голо—на сто верстъ кругомъ опричь травы ничѣмъ ничего нѣтъ, а потребуются палки—тутъ, какъ тутъ. И откуда, песъ ихъ знаетъ, лознякъ какой-нибудь тамъ, али верба!... Или, вотъ, чего лучше, хоть бы подъ Дарьей въ такія мѣста заходили, што ущипнуть нечего, трубки не раскуришь,—степь матушка, песокъ одинъ,—анъ и тутъ Господь о нашемъ братѣ позаботился: саксаулъ или жидовинникъ для солдатской мякоти есть,—бѣда чистая!... У молдаванъ стояли, такъ, чай, она, родная, всякіе фрухты перепробовала — и кизилъ, и вишню, и тутовицу, — однимъ словомъ, всякой сласти навидалась на своемъ вѣку!»

И несмотря на порядочный лѣсокъ, изломанный на мякоти Марченкова, объ этомъ говорилось съ такимъ добродушіемъ и юморомъ, что малозакорузлаго слушателя морозъ подиралъ по кожѣ даже въ тридцатиградусную жару,—и подиралъ тѣмъ сильнѣе, что незлобивый разсказчикъ въ сущности былъ скорѣе неисправимый проказникъ и шутникъ, нежели дрянной, безнравственный человѣкъ. О какихъ извергахъ, ротныхъ и батальонныхъ, разсказывалъ онъ, нельзя было вспомнить безъ ужаса и чувства жалости къ терпѣливости русскаго человѣка. Это—пытки инквизиціи въ теченіе двадцатипяти лѣтъ, и въ недавнее время!

— Ишь забрили народу-то!—вглядывался Марченковъ въ подходившихъ.

— Зачѣмъ—«забрили»... Взглянемъ еще, годны ли,—предусмотрительно замѣтилъ знакомый восточный типъ.—Можетъ такіе есть, что и хлѣба не стоютъ.

— А-а... Такимъ, значитъ, *затылокъ?* Што-жь, по мѣркѣ, надо быть, принимать будемъ?—прищуривъ глазъ, иронически отнесся онъ къ прожженному восточному человѣку, не совсѣмъ-то удачно покушавшемуся сдѣлаться мозгомъ артели и руководить товарищами, какъ мускулами.

— Безъ мѣрки увидимъ,—не слѣпые... Нечево зубы-то скалить!—угрюмо и рѣзко отвѣтилъ тотъ.

— Такъ ужь ты, сдѣлай милость, и за дохтура будь,—не унимался Марченковъ.—Тебя энтимъ дѣламъ-то, чай, тоже не учить стать. Ребята, скидавай портки и рубахи,—досмотръ будетъ!—озадачилъ онъ подошедшихъ. Кругомъ хохотали.

— Ну, вотъ вамъ, договорили и привели, — обратился къ артели одинъ изъ посланныхъ.—Штобы мѣсто, значитъ, знали

и завтра со свѣтомъ были. Да, вотъ што, робята, которые изъ нихъ задатокъ просятъ.

— Это какой такой задатокъ?—съ изумленіемъ обратился восточный человѣкъ къ пришедшимъ.—Задатокъ-то, чай, съ васъ надо брать: мы—люди здѣшніе—не уйдемъ, а васъ кто знаетъ? Да и работа, опять, незнамая для васъ: можетъ, не по скусу придетъ,—гдѣ тебя искать тогда?

— Зачѣмъ же... Мы пашпорты дадимъ. Это ужь дѣло такое. А што работа, такъ мы, поштенный, всякую видали,—не испужаешь насъ работой-то. Съ измалѣтства на ней,—не привыкать!—заговорили въ кучкѣ, состоявшей, повидимому, изъ верхоты, которую работой, дѣйствительно, не удивишь.

— То-то не всякую! Значитъ такой еще не видывали, если съ собой вонъ энтого гусенка притащили,—указалъ говорившій на молодого бѣлокураго паренька, съ открытымъ, красивымъ, но задумчивымъ лицомъ, который по наружности былъ строенъ, но тщедушенъ, и едва ли много старѣе двадцати лѣтъ. — Чего онъ будетъ дѣлать тутъ? И самъ не снесетъ, да и товарищу-то бѣда съ нимъ. Не такіе пытали, да отказывались...

— Зачѣмъ отказываться!—серьезно возразилъ тотъ, слыша, что рѣчь идетъ о немъ.—Взялся за дѣло, не бойсь, не уступлю, съ любымъ потягаюсь. Ты по виду-то не суди,—не смотри, што велика Ѳедóра. Видали мы такихъ-то!

— Што и говорить, видать по всему, каковъ ты богатырь...

— А ты попытай, чѣмъ брехать-то,—можетъ ошибешься.

— Чево такое?!—съ вызывающимъ тономъ, сдвинувъ густыя черныя брови и вскочивъ съ земли, подошелъ черномазый къ парню. Тотъ не шевельнулся и прямо, серьезно и смѣло смотрѣлъ въ сверкавшія, рѣжущія глаза подошедшаго. Даже что-то вродѣ мимолетной усмѣшки на секунду тронуло серьезное, нервное, молодое лицо.

— Ну!—зарычалъ тотъ, поймавъ эту усмѣшку.

— Чево нукаешь-то? Чай я не лошадь, зря брыкаться не стану. Попытай, говорю, путемъ.

Марченковъ, который давно съ одобреніемъ смотрѣлъ на молодого новобранца, въ эту минуту тоже всталъ и подошелъ къ спорившимъ, вытряхая закоптѣлую, обожженную деревянную трубчонку, сидѣвшую на коротенькомъ чубучкѣ.

За Марченковымъ поднялись другіе и вокругъ спорящихъ быстро образовался живой кругъ любопытныхъ разнообразныхъ фи-

зіономій. Дѣло, видимо, начинало интересовать перелетныхъ птицъ. Слышались подзадориванія, замѣчанія и отчасти что-то вродѣ ропота на нападающаго.

— Ты чево къ нему чалишься зря! Чай кажный жрать хочетъ,—тихо и миролюбиво замѣтилъ Марченковъ черномазому товарищу, втираясь между нимъ и вновь пришедшимъ.

— Не въ свое дѣло не лѣзь!—крикнулъ тотъ, раздосадованный вмѣшательствомъ, и попробовалъ въ первую минуту отодвинуть непрошеннаго заступника.

— Легше, легше,—съ улыбкой повторялъ, какъ скала неподвижный, солдатъ.—Погоди малость хозяйствовать-то, Самсонъ! Тутъ дѣло артельное, не одинъ ты. Какъ артель обсудитъ, такъ и будетъ. Тебя какъ по имени-то?—внезапно обратился онъ къ молодому парню.

— Семенъ.

— Ну, такъ вотъ што, ребята, какъ же съ Семеномъ—примаете што ли?...

Толпа переминалась нѣсколько секундъ, осматривая новобранца, какъ рѣдкость, потомъ въ ней послышались отдѣльныя замѣчанія, не совсѣмъ рѣшительныя, но не въ пользу избираемаго, вродѣ—молодъ, жидковатъ, несвыченъ и т. п. Были впрочемъ и такіе, которые говорили за парня: ничево, што нужды, охота была бы, пріобыкнетъ, втянется, видно будетъ; но такихъ было меньшинство.

Сначала, слыша неодобрительные отзывы, Семенъ было потупился и смѣшался, но вскорѣ открытое серьезное лицо его разгладилось, голова поднялась и задумчивые глаза сознательно и прямо окинули окружавшихъ.

— Што-жь это за покоръ, што молодъ?—обратился онъ къ нимъ.—Значитъ, по-вашему, въ годахъ сила-то? Кабы я мальчонка былъ, такое дѣло, а то поработалъ на свой пай,—славате Господи, поворочалъ землю-то. А што жидковатъ, говорите, такъ вѣдь съ виду-то и лошадь не торгуютъ. Иная и гладка, да безъ кнута съ мѣста не тронетъ, другая и лосная, да отрубь одинъ въ ей, на показъ,—такъ старики сказываютъ. Ошибетесь, люди добрые, по виду-то! Чать силу-то и сноровку въ дѣлѣ видать, а не въ шкурѣ,—такъ я слыхалъ.

Рѣчь парня видимо понравилась и вызвала общее одобреніе, только Самсонъ не согласился съ ней и, не выдержавъ, выскочилъ изъ-за Марченкова.

— Какъ не такъ, всякаго щенка въ дѣлѣ пытать!... Ты думаешь въ игрушки играть мы здѣсь?...

— Зачѣмъ дѣлу мѣшать. Самъ попытать можешь, коли охота есть—одинъ на одинъ. Все одно, не работаете сичасъ,—невозмутимо и сдержанно предложилъ Семенъ.

— Да ты вправду никакъ?—обратился къ Семену Марченковъ, изумленный и восхищенный отвагою парня.—Ты съ ума сперъ,—рази онъ рòвня тебѣ? Молодецъ, што не трусишь, а пустое затѣвать нечего—младенцу съ чортомъ связываться!

— Што ты его уговариваешь-то, али не видишь — мальчишкѣ жизнь надоѣла? — насмѣшливо и презрительно вставилъ Самсонъ.—На какую-жь ты работу безъ головы-то пойдешь, гусенокъ? Въ похлебку, што ли?—съ пренебреженіемъ усмѣхнулся онъ въ сторону Семена.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты што надумалъ! Ушпбетъ онъ тебя,—майданщикъ *) вѣдь, — послышались голоса окружавшихъ, видимо сочувствовавшихъ смѣлому молодому парню.

— Зачѣмъ драться... Побороться можно, чай,—миромъ попытать другъ друга, — на всѣ убѣжденія бросить дѣло упрямо и твердо отвѣтилъ тотъ.

Однимъ словомъ, какъ ни уговаривали и не стращали Семена артельщики, съ какимъ презрѣніемъ ни смотрѣлъ на него Самсонъ, парень не взялъ назадъ своего слова и не отказался отъ неравной борьбы,—не попятился, сдѣлавъ неосторожный шагъ впередъ, несмотря на неоспоримую силу и прочную постройку противника.

Дѣйствительно, не будучи высокъ ростомъ, Самсонъ былъ сложенъ брусомъ, широкъ въ плечахъ, бедрахъ и бревнообразныхъ толстыхъ ногахъ, такъ что пошатнуть эту приземистую башню, даже сильному человѣку, казалось, не было никакой возможности. Совершенно противоположное впечатлѣніе производилъ собою новичокъ, котораго, казалось, и не такому, какъ Самсонъ, легко было швырнуть за нѣсколько саженъ. Тѣмъ не менѣе, послѣ недолгихъ переговоровъ о правилахъ борьбы, она началась.

---

*) Майданщикъ—по мѣстной терминологіи *кулачный боецъ*, отъ слова Майданъ, мѣста и сборища такихъ бойцовъ и боевъ, происходившихъ въ Астрахани по праздникамъ, большею частію одинъ-на-одинъ, между русскими съ одной стороны и татарами и армянами съ другой. Бои эти прекращены не очень давно и нерѣдко кончались общею свалкой, причемъ доставалось и любопытной публикѣ, несмотря на то, что среди ея попадались и интеллигентные любители, даже дамы въ экипажахъ, не покидаемыхъ изъ похвальной предосторожности.

Любопытные окружающіе разступились и дали мѣсто, когда восточный человѣкъ пренебрежительно согласился малость поучить гусенка.

— Ты легше, смотри,—видишь, съ кѣмъ связываешься,—сторонясь, тихо, но настойчиво бросилъ Марченковъ товарищу.—Зашибешь либо повредишь—на себя пеняй! Нечево взять съ мальчишки,—лежачаго не бьютъ.

Слова эти были понятны Самсону, не разъ испытавшему силу Марченкова. Онъ только прорычалъ недовольно и неразборчиво.

Противники подтянули кушаки и, обнявшись, ухватились за нихъ за спиной другъ друга. Прошло нѣсколько секундъ мертваго молчанія, пока они оправлялись. Ноги борцовъ были широко разставлены, груди слились вмѣстѣ, смуглыя, точно темно-бронзовыя, руки Самсона сдавили парня, какъ тиски, и ждали, что отъ него будетъ. Семенъ хорошо понималъ, что его дѣло не нападать, а защищаться, но не выдержалъ и сдѣлалъ первый натискъ съ такой стремительностью и энергіей, что ошеломленный противникъ невольно подался назадъ.

Кругомъ загудѣли одобрительные крики, покрываемые голосомъ изумленнаго Марченкова. Дѣлалось ясно, что все сочувствіе было на сторонѣ парня.

Самсонъ молча сдержалъ порывъ противника и недружелюбно повелъ агатовыми зрачками и синеватыми бѣлками сердитыхъ глазъ по шумной толпѣ. Ровные бѣлые зубы его тихо скрипнули и бронзовыя руки какъ-то странно, судорожно перетряхнули жидковатое, гибкое тѣло Семена, словно хотѣли удостовѣриться, что именно держутъ. Холодное, непріятное, тяжелое впечатлѣніе нестерпимаго гнета охватило въ эту минуту сердце парня, точно тяжелыя глыбы сырой земли рушились и давили его. Ощущеніе торжества неразумной, издѣвающейся силы переполнило гнѣвомъ все молодое существо его. Блѣдный, серьезный и сосредоточенный, онъ инстинктивно рѣшилъ постоять за себя, не сдаваться, пока не истощитъ всѣхъ силъ.

Первыми маневрами Самсона, видѣвшаго гибкость и податливость противника, было притянуть его и, обезсиленнаго, подмять подъ себя; однако этого не удавалось. Ловкій и, какъ становилось замѣтнымъ, опытный въ борьбѣ парень ревниво не позволялъ этого,—для него было слишкомъ довольно силы Самсона, чтобы почувствовать на себѣ еще его массу. Превосходство роста и крѣпость рукъ и ногъ, пріобрѣтенная въ полѣ, за сохой,

косой и цѣпомъ, не мало помогали ему въ томъ. Такимъ образомъ, напрасно и долго топтались противники на одномъ мѣстѣ. Слышались только тяжелыя ступни, да критическія замѣчанія артели, ободрявшія одного и раздражавшія другаго. Восточный человѣкъ видѣлъ теперь, что ошибся въ противникѣ, что слишкомъ понадѣялся на себя и что необходимо перемѣнить тактику, но это не послужило ему въ пользу и еще болѣе выводило изъ себя. Приходилось потрудиться ему, думавшему кончить дѣло однимъ махомъ. Препятствіе раздражало тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе ожидалось. Нетерпѣніе побудило Самсона быстро перемѣнить систему борьбы.

До сихъ поръ онъ дѣйствовалъ сверху внизъ, надѣясь подмять противника подъ себя, теперь сталъ дѣйствовать снизу вверхъ, пытаясь оторвать его отъ земли, чтобы бросить на нее, какъ легкаго беззащитнаго ребенка. Это казалось по началу удалось ему лучше, потому что дѣйствительно легкій, худощавый парень не разъ взлеталъ на воздухъ, но всякій разъ крѣпко становился на ноги, имѣя точкой опоры надежную фигуру Самсона, не имѣвшаго силъ оторвать его отъ себя. Семенъ держался за противника, какъ за скалу утопающій, кидаемый и подмываемый волнами, но выгода была на его сторонѣ. Постоянное и упорное напряженіе истощало силы раздраженнаго Самсона, а одобренія артели противнику окончательно выводили его изъ себя. Онъ утомлялся и физически, и нравственно, не сознавая того, помня и видя только одно, что проклятый гусенокъ не сдавался, мелькая въ его воспаленныхъ глазахъ. А гусенокъ, менѣе утомленный, молча, внимательно и серьезно наблюдалъ слабыя стороны противника.

— Молодецъ Семенъ, молодецъ, лихо, не поддавайся! Ай да новичокъ, не уважаетъ Самсону, даромъ-что онъ силенъ!... Накось! Какъ бы не такъ,—держи карманъ!... Да, вотъ тебѣ и гусенокъ— не поддается и шабашъ... Тю-тю-тю! Держись, держись!... Вотъ такъ—опять на ногахъ! Ровно кошка, братецъ ты мой, не валится!

Такими и подобными восклицаніями артели и прибывавшихъ зѣвакъ сопровождалась борьба. Интересъ дѣлался всезахватывающимъ,—объ обѣдѣ забыли, не окончивъ даже приготовленія его. Все вниманіе было поглощено борцами. Оживленныя, подвижныя, возбужденныя физіономіи смотрѣли отовсюду. Казалось, самая усталость зрителей исчезла.

Хотя происходившее совершалось быстрѣе, нежели разсказано здѣсь, но противники, истощавшіе силы подъ немилосердными лучами жгучаго солнца, видимо утомились, особенно Самсонъ, которому принадлежала роль нападающаго. Крупныя капли пота выступили на его смугломъ лбу; на рукахъ, на вискахъ и на шеѣ, точно веревки, вздулись темно-синія жилы; онъ дышалъ тяжело и отрывисто. Семенъ только блѣднѣлъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, точно небольшое количество крови, бывшее въ немъ, ушло въ оконечности напряженныя борьбой. Инстинктивно парень видѣлъ, что изнемогаетъ, что силъ хватитъ не надолго, что остается сдѣлать еще одно-два напряженія и— отдаться въ руки противника или отказаться отъ борьбы.

Какъ разъ въ эту минуту Самсонъ употребилъ еще новый пріемъ. Онъ выставилъ впередъ слонообразное колѣно, стараясь на него положить и опрокинуть парня. Не спохватившійся противникъ чуть было не потерялъ равновѣсія и двѣ-три секунды былъ на волоскѣ отъ паденія.

Въ толпѣ уже послышались соболѣзнованія, превратившіяся въ радостный гулъ, какъ только Семенъ опять оправился.

Онъ былъ выше и ловчѣе противника, это и пособило ему. Короткаго колѣна Самсона не хватало, чтобы вразъ захватить и скосить обѣ длинныя и крѣпкія ноги гусенка, однако онъ повторилъ пріемъ, не обращая вниманія, что въ этомъ положеніи жертвуетъ собственною точкой опоры, оставляя большинство ея только въ одной ногѣ.

Мысль объ этомъ, какъ молнія, озарила парня, указывая ему единственный выходъ изъ страдательнаго положенія и воспламеняя рѣшимость *попытать*. До настоящаго момента онъ напрягалъ всѣ силы, сопротивляясь намѣренію Самсона подтащить его ближе, чтобы скосить разомъ, тутъ же не только свободно отдался влеченію противника, но стремительно, какъ звѣрь, бросился на него, обвилъ своими гибкими и крѣпкими ногами его отставленную ногу и внезапнымъ, нежданнымъ натискомъ—напряженіемъ послѣднихъ силъ — опрокинулъ неуспѣвшаго ахнуть Самсона, падая вмѣстѣ съ нимъ.

Все легко объяснялось внезапностью и неожиданностью толчка вмѣсто сопротивленія, нападенія вмѣсто защиты, но поздно и безполезно было разсуждать объ этомъ.

Толпа взревѣла въ сумасшедшемъ восторгѣ, пораженная такъ же неожиданно и внезапно.

Взбѣшенный паденіемъ, стыдомъ и собственною оплошностью, разсвирѣпѣвшій Самсонъ вцился въ противника, чувствуя потребность сорвать свой гнѣвъ. Онъ быстро стряхнулъ его съ себя и, разумѣется, смялъ бы, еслибы Марченковъ и другіе, не вырвали Семена изъ замерѣвшихъ рукъ, которыя насилу-насилу разжали.

Однако побѣдитель не вставалъ. Онъ сидѣлъ на землѣ съ помутившимися глазами, съ руками судорожно прижатыми къ лѣвой сторонѣ груди и страшно блѣднымъ и какимъ-то изумленно-оробѣвшимъ серьезнымъ лицомъ. Въ моментъ, когда его оторвали отъ Самсона, парень почувствовалъ въ себѣ что-то странное, чего не понималъ, но инстинктивно страшился. Точно сильный электрическій токъ пошелъ по его тѣлу и непріятно сжалъ сердце, задерживая и измѣняя правильность его біенія до остановки на нѣсколько секундъ. Потомъ парня точно кто толкнулъ въ сердце, не больно, но хуже, нежели больно—непріятно и грубо. Толчокъ разъ—и опять задержка, два—и опять задержка, три—и что-то точно пробило себѣ путь и потекло къ верху, къ головѣ, на минуту отуманивъ ее. Вотъ во время этихъ толчковъ-то онъ и сжималъ себѣ грудь, точно боясь, чтобы они не разбили сердца, въ которое стучались. Онъ, разумѣется, ничего не понималъ; онъ потому и ощущалъ страхъ, что подозрѣвалъ въ себѣ какую-то самостоятельную, невѣдомую силу, съ которою была невозможна и безполезна борьба. На всѣ вопросы сочувствующихъ онъ могъ объяснить только одно, что *это* поднималось въ немъ не разъ послѣ горячей работы. «Поработаешь иной въ охотку, на споръ, али поспѣшишь зря,—надорвешься што-ли,—ну, и *придетъ*, *навалитъ на тебя*; отдохнешь—опять отпуститъ... И что это за оказія—Богъ ее вѣсть!»

Кто-то изъ окружающихъ принесъ Семену воды, помочили ему голову и онъ всталъ, какъ ни въ чемъ ни бывало.

Нечего говорить, что, послѣ подвига, парня приняли въ артель на работу единогласно и, покормивъ новобранцевъ, чѣмъ Богъ послалъ, отпустили до слѣдующаго утра.

III.

Немногимъ изъ читателей будетъ понятно, съ какимъ трепещущимъ радостью сердцемъ шелъ съ лѣсныхъ пристаней Семенъ, продавшійся въ *каторжную* работу.

Несмотря на невыносимую жару и блѣдно-сѣрую тончайшую пыль, стоявшую въ воздухѣ, бодрыя, веселыя ноги несли парня точно крылья,—радужныя мечты подмывали и подгоняли все существо его. Разгадка такого настроенія заключалась въ томъ, что въ десять дней заработать двадцать пять рублей верховому земледѣльцу, только-что оторванному отъ сохи, не видавшему свѣта внѣ своей деревни и денегъ въ рукахъ, казалось чѣмъ-то баснословнымъ; а между тѣмъ это было такъ, было на яву, а не во снѣ,—въ дѣйствительности, а не въ сказкѣ. Не мудрено, что онъ едва вѣрилъ себѣ и добрымъ людямъ, подтверждавшимъ это; не мудрено, что и самая *каторжная* работа, какъ ему называли ее, совсѣмъ не страшила и не казалась такою. «Эка невидаль,—про себя соображалъ онъ,—дрова таскать!»

Только тотъ понялъ бы, какъ упало давеча его сердце, когда Самсонъ старался забраковать его, кто, какъ онъ, прошелъ за этою работой сотни верстъ, изъ-за нея покинулъ все родное и искалъ, и ждалъ ее долгіе дни. Только тотъ посочувствовалъ бы ему, кто, какъ онъ, бѣжалъ отъ долгаго непроизводительнаго, невознаграждаемаго труда, напрасно убитаго и похороненнаго въ тощей землѣ, какъ въ могилѣ, день за днемъ, годъ за годомъ повторяемаго въ лишеніяхъ и безъ надежды на лучшее будущее.

Нечего говорить, что предстоящее казалось парню едва осуществимымъ волшебнымъ праздникомъ, пиромъ жизни, послѣ тяжелой темной школы, которую прошелъ онъ. Кстати, онъ не былъ одинокъ въ Астрахани, куда закинула его судьба, и теперь, послѣ томительной безработицы, гордый достигнутымъ успѣхомъ, спѣшилъ, задыхаясь отъ жара, подѣлиться имъ съ единственнымъ дорогимъ лицомъ, за которымъ, не задумываясь, покинулъ мать и родную семью, пашню и кладбище и пошелъ бы всюду, куда тотъ ни повелъ бы его.

Человѣкъ этотъ былъ дядя его Павелъ, котораго парень съ дѣтства почиталъ за отца и любилъ всею душой, горячо сочувствуя ему, непоколебимо вѣря и понимая его больше сердцемъ, нежели головой. Да и не мудрено,—таковъ былъ этотъ своеобразный продуктъ новой деревенской жизни.

Но пока Семенъ, подгоняемый мыслью о дядѣ и проводя нехитрую параллель между настоящимъ и прошедшимъ, подвигается впередъ, попробуемъ съ своей стороны сдѣлать то же и мы, побуждаемые тѣми же мыслями о дядѣ Павлѣ, образъ котораго, что ни шагъ разсказа впередъ, оживаетъ передъ нами.

Вотъ мѣрнымъ шагомъ, напрягая привычныя руки, всѣмъ корпусомъ навалившись впередъ, идетъ онъ за сохой, идетъ и думаетъ тяжелую, непривычную думу. Ни отецъ, ни дѣдъ, ни прадѣдъ его, ни пращуръ не знавали ее, не таскали по кормилицѣ родной землѣ, а у него та мысль ни ночь, ни день изъ ума нейдетъ, руки опускаетъ, голову клонитъ,—работать не даетъ.

Съ дѣтства Павелъ былъ истымъ, кореннымъ пахаремъ, на пядь не отходившимъ отъ земли, и, вотъ, чувствовалъ теперь, каково покидать эту родимо-неродимую землю, бросать непереносное тягло и идти изъ роднюго міра на весь вольный свѣтъ, не имѣя за душой ничего, кромѣ горькой, скорбной, возмущенной мысли, зерно которой, разъ пустивъ свой чужеядный корень, не можетъ не расти въ человѣкѣ.

Не день и не годъ думалъ и надѣялся онъ, мертвымъ терпѣніемъ, безотвѣтнымъ смиреніемъ и тяжелымъ, упрямымъ трудомъ, отогнать, искоренить, заглушить въ себѣ эту мысль, но не сбылись эти надежды, — безпощадная дѣйствительность и протестующая мысль оказались упорнѣй и властнѣй.

Напрасно напрягалъ онъ всѣ силы и работалъ, мокрый отъ пота, отъ зари до зари, это не мѣшало ему думать о безплодно губимомъ времени, о напрасномъ трудѣ, о тощей родимой пашнѣ подъ ногами. Часто ему сдавалось, что сама чахлая, скудная, изнемогшая землица тихо и жалобно шептала ему о пощадѣ и что этотъ шепотъ встаетъ и несется землистымъ паромъ съ каждой вновь проводимой борозды. «Брось!—слышалось ему,—нечего ждать отъ меня... Нѣтъ у меня ни силы, ни плодородія пропитать тебя. Сама алчущая, обнаженная, изнасилованная, что могу дать тебѣ, какой плодъ принести? Пожалѣй меня—брось!... Тепло, пища, отдыхъ мнѣ самой нужны». Самъ не отдавая себѣ отчета—какъ, онъ слушалъ ее, понималъ и жалѣлъ. Все непереноснѣе и чаще онъ чувствовалъ боль въ сердцѣ, которой не выговоришь словомъ,—боль сына, отторгаемаго отъ матери. Молчаливая, скорбная дума и странная, недобрая улыбка все чаще ложились на его загорѣломъ, серьезномъ лицѣ, пока не оттиснули тамъ складки, рѣзкія черты — печать свою, точно клинообразную надпись на древнемъ кирпичѣ.

Еще недавно добрый, простой, тихій парень, день ото дня, дѣлался нелюдимомъ и начиналъ сторониться отъ міра и своихъ— въ сторону подростковъ и дѣтей, гдѣ отдыхалъ, чувствуя, что

ему не милъ Божій бѣлый свѣтъ. Онъ не зналъ, чѣмъ объяснить это, и не сознавалъ, что прозрѣлъ. Богъ вѣсть, сознавалъ ли онъ даже то, какъ критически и враждебно относился ко вновь нарождавшемуся міру, пока не почувствовалъ, что не могъ оставаться въ немъ.

Разумѣется, все это сдѣлалось не вдругъ. Съ чувствомъ какой-то невольной жалости и досады, мало-по-малу начиналъ онъ смотрѣть кругомъ и видѣть невеселыя вещи, которыхъ доселѣ не замѣчалъ. Съ недоумѣніемъ онъ видѣлъ, какъ слабѣлъ и пошатывался тотъ міръ, въ которомъ жилъ и въ незыблемость котораго вѣровалъ. Съ инстинктивнымъ враждебнымъ чувствомъ онъ встрѣчалъ все, что вползало въ его сердцевину извнѣ и подтачивало его,—тѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ паразитовъ, что портили и пожирали его корни и листья, цвѣтъ и плодъ.

Не формулируя ничего, Павелъ не могъ не видѣть египетскихъ казней, посылавшихся съ неба на мужика, этого тысячелѣтняго младенца, освобожденнаго отъ помѣщичьихъ пеленокъ, но за то обнаженнаго. Онъ самъ былъ такимъ младенцемъ и чувствовалъ это на собственномъ тѣлѣ. Вмѣсто чаемаго благосостоянія онъ видѣлъ тѣсноту и нужду, вмѣсто крѣпкаго мірского организма—кулаковъ и міроѣдовъ, порождаемыхъ даже родимой землей, вмѣсто стройнаго мірскаго порядка — общую неурядицу и хозяйничанье писарей и старшинъ. Онъ глядѣлъ на взысканіе податей, которыхъ платить было нечѣмъ, на скудный урожай хлѣбовъ на истощенной землѣ и изобиліе недоимокъ, кабаковъ и нищеты. Однимъ словомъ, библейская песья муха отроилась черезъ тысячи лѣтъ и пожирала крестьянство, и Павелъ со скрежетомъ зубовъ рѣшилъ уйти куда бы то ни было, куда глаза глядятъ, лишь бы не видѣть окружавшаго. Онъ чувствовалъ, что не могъ оставаться въ немъ.

Павелъ родился и росъ крестьяниномъ богатаго барина, въ большомъ людномъ селѣ Тамбовской губерніи, лежавшемъ на границѣ Моршанскаго и Шацкаго уѣздовъ. Ему было невступно семнадцать лѣтъ, когда объявилась воля, и онъ хорошо помнилъ, какъ года за два до этого ихъ выселили изъ южной, болѣе плодородной, части огромнаго помѣстья въ сѣверную, малоплодородную. Послѣдствія показали, въ какихъ видахъ это было сдѣлано. Отъ этого перваго толчка благосостоянію крестьянъ оно

пошло внизъ быстрыми шагами, образуя въ данное время тотъ сельскій пролетаріатъ, который едва ли желательнѣй и, пожалуй, несчастнѣй городского, потому что у него отнята почва для труда. Что можетъ быть горше положенія земледѣльца безъ земли, кочующаго пахаря, который привыкъ держаться за землю, если это даже только могила? Этого не понять никому, кто не лежалъ у ея сердца. Это—корень, выкинутый изъ нѣдръ земли, а между тѣмъ, ко времени нашего разсказа, множество такихъ людей покинули міръ и родимую землю, особенно тамъ, гдѣ она была тяжела въ прямомъ и переносномъ смыслѣ—и по самому существу своему, и по тяготамъ обременявшимъ ее.

Мы знаемъ, что не одни экономическія причины гнали Павла изъ родимаго міра, что нравственное существо его возмутилось и не находило почвы тамъ. Однако, какъ скоро въ немъ сложилась твердая рѣшимость бросить все и идти, куда глаза глядятъ, онъ почувствовалъ, что сдѣлать это не легко. Около были привязанности, которыя держали его тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе прикасались къ нему. Напрасно даже поиски лучшей доли онъ искренне оправдывалъ ихъ благомъ и тѣснотой, гдѣ не у чего жить,—сердце не слушало этихъ оправданій. Молча, серьезно и тепло онъ столько пожертвовалъ близкимъ, что успѣлъ полюбить эти жертвы и людей, ради которыхъ приносились онѣ. Къ чести Павла надо сказать, что онъ смотрѣлъ на это, какъ на дѣло жизни, ясно, просто, и видѣлъ здѣсь прямую обязанность, которую исполнялъ, какъ умѣлъ, какъ подсказывало ему сердце. Въ него не западало и мысли, что тутъ была какая-то жертва съ его стороны, хотя дѣло было такъ:

До двадцатичетырехлѣтняго возраста Павелъ хозяйствовалъ и жилъ вмѣстѣ со старшимъ братомъ, женатымъ уже. Они жили дружно и безбѣдно, благодаря покойному отцу, который оставилъ послѣ себя хорошее хозяйство, скопленное еще до выселенія деревни, да и первые годы по выселеніи, пока не выпахалась долго пустовавшая земля. Дѣла еще не были такъ плохи, какъ въ послѣднее время, и Павелъ начиналъ было уже подумывать о женитьбѣ, имѣя на примѣтѣ женщину, къ которой лежало его сердце, просившее привязанности. Къ сожалѣнію, баба была солдатка, вдова, и, отличаясь внѣшней красотой и веселостью, не берегла внутренней, которая была необходима парню. Созданный для семейной жизни, онъ переломилъ себя и отвернулся отъ нея. Никто не узналъ, чего это ему стоило. А

сердце ныло и просило привязанности. Нежданное обстоятельство положило предѣлъ тоскѣ Павла.

У братьевъ въ той же деревнѣ была выдана старшая сестра. Бракъ оказался несчастнымъ, мужъ—не трезвымъ, буйнымъ человѣкомъ, и баба не видала ясныхъ дней. Къ ней-то и ея семьѣ все тѣснѣе привязывался Павелъ. У старшаго брата дѣтей не было, а теплое сердце парня просило дѣтской ласки и сочувствовало дѣтскому горю, да и горькую мученицу-сестру хотѣлось утѣшить ему.

Не было ничего удивительнаго, что дѣти сестры привыкли почитать Павла за отца, потому что только дядя вносилъ миръ и ласку въ семью, гдѣ глубоко и сильно привязался къ младшему племяннику Сенькѣ, съ которымъ почти не разлучался. И мальчикъ дѣйствительно стоилъ того. Это была чуткая, любящая натура, не совсѣмъ заурядная въ нашемъ крестьянскомъ быту. Не зная, что такое отцовская ласка, ребятишки, а особенно Сенька, всею душою прилѣпились къ дядѣ, съ дѣтства обратившагося въ няньку послѣдняго. Длинные лѣтніе багряные вечера, вмѣсто того, чтобъ идти на отдыхъ послѣ долгой работы, просиживалъ дядя Павелъ съ племяшами на завалинѣ своей или сестриной избы, сплетая имъ не хитрыя тихія сказки, пока любимецъ не засыпалъ у него на рукахъ и біеніе дѣтскаго кроткаго сердца не умиротворяло страдавшаго сердца взрослаго.

Между тѣмъ зять Павла, очень зажиточный сначала, въ это время допился до нищеты и во время наступившей зимы замерзъ на дорогѣ изъ сосѣдняго села, гдѣ справляли храмовой праздникъ. Женщина осталась одна, съ тремя малыми дѣтьми и почти безъ средствъ къ жизни. Павелъ предложилъ брату взять сестру съ ребятами къ себѣ, говоря, что навсегда покончилъ съ женитьбой, а ему Богъ не даетъ дѣтей и имъ не для кого жить. Видно братъ былъ другого мнѣнія, потому что отказалъ за тѣснотой. Они подѣлились и дядя Павелъ обстроился и захозяйничалъ у бѣдной вдовы. Богъ далъ ему святое наслѣдство! Далъ бы и святое спокойствіе, еслибы не то, о чемъ мы говорили, еслибы чужеядныя мысли не принялись и не росли въ немъ. Не даромъ въ это время дядя уходилъ отъ взрослыхъ къ дѣтямъ,— онъ отдыхалъ среди нихъ.

Не успѣлъ курносый, вздернутый носишко Семенки выглянуть на свѣтъ Божій, за околицу деревни, какъ владѣлецъ его сталъ увязываться за дядей на работы, и не разъ вечеркомъ видали

ихъ вмѣстѣ возвращавшихся домой по пыльному проселку—дядю, шедшаго мѣрными, усталыми шагами, и племянника, верхомъ на пѣгомъ меринѣ, пылившаго упрямою сохой, глядѣвшею, сошникомъ вверхъ, въ багряно-синее, потухавшее небо. Дядѣ Павлу рѣдко удавалось выбраться на мельницу, на базаръ, даже за дровами зимою безъ того, чтобы шустрый Семенка не сидѣлъ у него въ саняхъ или телѣгѣ, понукая лукавую лошаденку. Такъ росъ ребенокъ при взросломъ, душой прилѣпляясь къ нему, и сдѣлался его правою рукой, помощникомъ, сначала въ бороньбѣ, покосѣ и дома кругъ лошадей и скота. Только школа разлучала ихъ и перемѣняла роли. Семенка, въ свою очередь, сталъ разсказывать дядѣ вещи болѣе хитрыя, нежели тѣ богатырскія сказки, которыя когда-то слыхалъ отъ него.

Вотъ о комъ болѣло привязчивое сердце Павла, когда онъ рѣшилъ уйти. А между тѣмъ теперь, когда ему самому перевалило за тридцать пять лѣтъ, когда все семейство сестры было поставлено на ноги и три молодца-сына готовы на поддержку матери, Павлу было можно уйти. Онъ понималъ это, но чувствовалъ давно, что родственныя узы обратились въ узы сердца.

Семену, самому младшему, минулъ двадцать одинъ годъ, а старшій племянникъ Павла, Алёкса, отслужилъ уже свой терминъ солдатомъ и его ждали домой на постоянное жительство, въ то время, когда дядя сообщилъ любимцу свое непреложное намѣреніе уйти, хмуро и смущенно смотря въ землю, мѣстами уже обнаженную отъ снѣга. До настоящей минуты никто и не подозрѣвалъ ничего подобнаго, потому нечего говорить, въ какое недоумѣніе пришелъ Семенъ. Онъ просто не вѣрилъ ушамъ и остался нѣкоторое время неподвижнымъ, точно на него нашелъ столбнякъ, не говоря ни слова, словно боялся подтвержденія слышаннаго.

Въ самомъ дѣлѣ, узнать ранѣе о намѣреніи Павла въ домѣ никому не было никакой возможности. Была половина великаго поста и онъ съ обычною заботливостью велъ домашній обиходъ и съ особымъ рвеніемъ приводилъ въ исправность орудія для предстоящихъ работъ, точно готовился въ свое время приступить къ нимъ. Онъ чинилъ бороны, сохи, поправлялъ ветхую сбрую, заготовилъ сѣмяна, вошелъ даже въ долги въ чаяніи будущаго,—однимъ словомъ, дѣлалъ все, продѣлываемое обыкновенно подъ весну мужикомъ-земледѣльцемъ. Только по усиленной дѣятельности, да по подробностямъ, въ которыя входилъ Павелъ

по хозяйству съ сестрой и племянниками, можно было предполагать что-то необычное, но что именно — это никому и въ голову не приходило.

Дѣло было на задахъ, у креста, на поворотѣ проселка, гдѣ остановились дядя съ племянникомъ, намѣренно медля войти въ деревню. Видно было, что первый искалъ случая переговорить съ любимцемъ.

Пасха приходилась не ранняя и весна настойчиво вступала въ свои права. Влажный, обогрѣтый воздухъ яснаго, сверкавшаго послѣполудня па́рилъ, съѣдая послѣдній снѣгъ, бѣлизна котораго рѣзала глаза. Подъ нимъ сочилась и, пробираясь по склонамъ, тихо шептала и журчала вода. Проталины захватывали все большее пространство, въ лужахъ глядѣлось солнце и купались вороны къ теплу. Любовь къ родному воскресавшему міру и чувство глубокой жалости и тоски давило Павла. Онъ поднялъ смущенные глаза на пораженнаго спутника.

— Ты не вѣришь, што ли?... Чево молчишь-то?—тихо спросилъ онъ.

— Да какъ же?...Я въ толкъ не возьму. Ужли вправду это?— прерывающимся, надтреснутымъ голосомъ, вдругъ заволновался Семенъ, жалобно взглянувъ на дядю глазами полными слезъ. — Ты што-жь это?...

— А ты не сумлѣвайся,—не въ могилу собираюсь, не пропаду!... Не мало добрыхъ людей по бѣлу́ свѣту ходятъ, не всѣ до́ма на полатяхъ сидятъ. Посидѣлъ дома-то довольно, пора и на людей взглянуть. Подъ лежачій камень вода не течетъ,—слыхалъ ты это, ай нѣтъ?

Очевидно, говорившій хотѣлъ ободрить и племянника, и себя.

— Да какъ же такъ-то... вдругъ?... Куда-жь ты надумалъ?— почти шепотомъ спросилъ Семенъ, не поднимая поникшей головы. Онъ просто боялся заплакать.

— А куда Богъ приведетъ, увижу тамъ,—не клиномъ земля сошлась... Куда ни поди, чай тѣснѣй нашего не будетъ, самъ видишь. Ай умирать у себя дома-то?! Пойду туда, гдѣ работа нужна.

— Чай работа-то вездѣ равна,—все на барина, али на суму на толстую работать приведется,—помолчавъ, выговорилъ Семенъ, пытаясь разговорить дядю.—Такая чай и здѣсь не подалеку найдется...

— А найдется—и ладно,—отъ добра добра не ищутъ. Только врядъ ли по нашимъ мѣстамъ есть такая, подходящая-то. Вдо-

воль нашего брата, а самому штобы хозяйствовать—не на чемъ. Гдѣ она, земля-то?... На помѣщика только хлопотать доведется. Есть, сказываютъ, такія мѣста, гдѣ земли не въ-пропахъ, гдѣ ей цѣна—грошъ, да люди дороги, вотъ куда бы пробраться!

— А мы-то, дядя? Какъ же мы-то безъ тебя?—испуганно и растерянно спросилъ Семенъ, видя, что въ дядѣ Павлѣ засѣла такая мысль, съ которой нечего бороться, и что такія обѣтованныя мѣста вѣроятно находятся за тридевять земель.

— Што-жь вы?! Кругъ своей-то земли и вамъ дѣлать нечево,—безъ меня управитесь. Вотъ, ждемъ, Александра въ отпускъ придетъ,—самимъ будетъ жить не у чево.

— Родимой земли-то... ай не жаль тебѣ?—печально спросилъ Семенъ.

— Не родимая она намъ,—обманная!... У барина наша исконная земля-то осталась. Съ этой все одно—долго ли, коротко ли—всѣмъ уйти приведется. Вотъ и надумалъ я лучше загодя попытать, чѣмъ ждать послѣдняго дѣла—съ голоду на ней пухнуть. Поможетъ Господь найти подходящее што—для васъ же. Ай я объ васъ думать забылъ?... Эхъ, парень, этакъ ты дядю-то понимаешь!—съ теплымъ упрекомъ и грустью покачалъ онъ головой.—Мнѣ што? Много-ль моего вѣку-то осталось, штобъ объ себѣ думать?... Вотъ што съ вами станется,—думается, день и ночь думается, Сеня!... Гдѣ тотъ святъ человѣкъ на землѣ, што наши мужичьи слезы услышитъ, што наши мужичьи дѣла безъ обиды распутаетъ?... Чай, видишь, не кормитъ она, земля-то, по сейчасъ не кормитъ, у чево-жь жить-то? Если таперь такъ, што-жь съ вами будетъ, а? Вѣдь грызться міряне-то станутъ, што волки голодные! Глянь кругомъ, али не видишь, куда дѣло идетъ?... Казнь лютая смотрѣть-то на это!... Пожалѣй ты меня, не перечь, если любишь,—порѣшилъ я это дѣло!

— Дядя, родимый, замолвь слово у матушки,—я съ тобой пойду! Заработки высылать буду. Пусть рабочаго найметъ, коли што, коли самихъ управа не возьметъ.

Скрѣпя сердце, но совершенно напрасно старался Павелъ уговорить племянника обождать годикъ-другой и остаться дома до полученія доброй вѣсти отъ него,—тотъ стоялъ на своемъ всю дорогу домой.

Въ сущности Павелъ давно мечталъ объ этомъ, но боялся взять сына отъ матери, не зная, какъ устроится самъ и куда закинетъ его судьба.

Дѣло однако устроилось легче, нежели предполагалось, когда въ домѣ узнали рѣшеніе Павла и вскорѣ пришелъ Александръ. Въ самомъ дѣлѣ, для собственнаго, падавшаго и безвыгоднаго хозяйства дома оказывались лишнія рабочія руки и рты, такъ что работа и пропитаніе на сторонѣ были прямою пользой и необходимостью,—пособіемъ сами по себѣ, даже не принимая во вниманіе грёзъ Павла объ обѣтованной землѣ, гдѣ-то ожидающей крестьянскихъ рукъ. Не мудрено, что мать безъ труда согласилась отпустить съ дядей его любимца.

Сборы были не долги и въ концѣ Ѳоминой недѣли, наказавъ и отказавъ сестрѣ все свое хозяйство, дядя съ племянникомъ вышли за околицу деревни и простились съ домашними у креста, гдѣ впервые заговорили о разлукѣ. Слава Богу, они были вмѣстѣ и міръ не клиномъ сошелся, какъ говорилъ Павелъ. Былъ хмурый, ненастный день. Они помолились на старый, скривленный осьмиконечный крестъ, земно простились съ своими и пошли по дорогѣ на Моршанскъ, чтобы выбраться на Волгу. А тамъ, что Богъ дастъ. Они шли молча, глядя подъ ноги; языкъ не шевелился ни у того, ни у другаго, и только одинъ разъ оглянулись назадъ на поворотѣ, когда деревня готова была скрыться за холмомъ. Родные стояли на томъ же мѣстѣ.

IV.

Человѣку, не наблюдавшему дѣла собственными глазами въ послѣднее время, трудно повѣрить, чтобы постоянный сельскій житель, коренной землепашецъ, могъ бросить родное поле и домъ во время наступающихъ вешнихъ работъ и идти куда глаза глядятъ, не имѣя въ виду впереди привычнаго земледѣльческаго труда, то-есть почти никакого знакомаго опредѣленнаго заработка. Немного лѣтъ назадъ, такое явленіе, если и было возможно, встрѣчалось единичнымъ, какимъ-то исключеніемъ изъ общаго правила, совсѣмъ не то, что теперь. Стоитъ перезимовать въ одномъ изъ торговыхъ и особенно портовыхъ городовъ нашего юга, чтобы наблюдать тамъ этотъ сѣрый сельскій пролетаріатъ, уже охваченный затхлой, зловонною мутью города. Стоитъ встрѣтить тамъ весну, чтобы видѣть, какія массы этого сыраго почвеннаго продукта, сѣраго трудоваго люда, приносятъ туда одни только водяные наши пути, не говоря о желѣзныхъ. Правда, и прежде даже пахарь черноземной полосы выходилъ на заработки

въ степныя губерніи, но не покидая родного, свычнаго ему дѣла около той же матери-земли, покосовъ и уборки хлѣбовъ. Тучная неоглядная степь, колыхаясь злаками, какъ море, не отрывала, а звала закорузлыя рабочія руки на тотъ же родной трудъ, къ родимой землѣ, и, мирно стихая, ложилась подъ косою. Теперь не то. Борьба за существованіе уводитъ ихъ дальше и дальше, гонитъ прочь, чтобы не вернуть почвѣ никогда. Какіе люди выйдутъ изъ такой борьбы на чужой территоріи—вопросъ, о которомъ стоитъ подумать. Нельзя успокоиться на дикой мысли, что народу во благо эти испытанія,—это значило бы рѣшить, что «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше».

Шло время, шли и дядя съ племянникомъ. Путь лежалъ на Моршанскъ, а въ Кирсановѣ предстояло сѣсть на Саратовскую чугунку, еслибы ранѣе не представилось подходящаго дѣла. Впрочемъ твердымъ намѣреніемъ Павла было, какъ упомянуто, выбраться на Волгу, про которую не мало заманчиваго доводилось наслушаться ему. Онъ не вѣрилъ ни въ молочныя рѣки, ни въ кисельные берега, но ему, какъ большинству русскаго люда, особенно недалекаго отъ великой рѣки, она казалась еще какимъ-то особымъ міромъ, артеріей, ведущей къ обѣтованной землѣ, какимъ - то стихійнымъ просторомъ, источникомъ мощи и свободы, живою водой богатырскаго эпоса, заживлявшею раны и воскрешавшею мертвецовъ. По разсказамъ, тамъ чудилось ему, да отчасти и Семену, что-то доброе, широкое, дѣвственное, чего они не могли бы передать, но чего просила душа, вырвавшаяся изъ непереносной, гнетущей тѣсноты, духовной и матеріальной, родного темнаго міра, лишеннаго возможности существовать.

Они шли и видѣли, какъ исчезали послѣдніе снѣга, притаившіеся кое-гдѣ, по лѣсамъ и оврагамъ, отъ зоркаго, теплаго глаза солнца, тщетно надѣясь, что ихъ пощадятъ и дыханіе вешняго вѣтра, и горячія объятія пробужденной земли. Послѣдніе замиравшіе потоки, сочившіеся здѣсь и тамъ по промоинамъ и овражкамъ, уносили ихъ ко вздувшимся полымъ рѣкамъ. Темный бархатъ свѣже вспаханной пашни и изумрудные ковры озимей и луговъ начинали устилать просыхавшую землю. На глазахъ шедшихъ надувались и лопались сочныя почки и деревья подернулись мутно-зеленымъ флеромъ и затрепетали дѣвственной зеленью молодаго листа. Шелковистые землекопы-грачи, каркая, бродили по рыхлымъ пашнямъ; надъ зеленями, сверкая, залива-

лись жаворонки; ласточки со щебетомъ носились по водамъ и сырымъ берегамъ. Съ дѣтства знакомыя, ласкающія, родныя картины всюду встрѣчали и провожали шедшихъ, точно хотѣли остановить ихъ своею благодатью, красотой и лаской, о которыхъ пѣли и говорили птицы полей, лѣсовъ и водъ.

Сердца шедшихъ не разъ съ болью прислушивались и отзывались на эти пѣсни, но Павелъ наружно оставался глухъ. Даже любимцу онъ отвѣчалъ коротко и говорилъ мало. Молча, хмуро и упрямо онъ шелъ впередъ и впередъ, пока локомотивъ, сверкая и блестя мѣдью, шипя и свистя, дыша дымомъ и паромъ, не встрѣтилъ его съ Семеномъ на Саратовской чугункѣ крикомъ и оханьемъ, точно понималъ предстоящій трудъ. Только теперь съ замѣтнымъ недоумѣніемъ, возбужденіемъ и интересомъ смотрѣлъ Павелъ и говорилъ любимцу объ этомъ новомъ для него зрѣлищѣ.

Въ самомъ дѣлѣ Сызранская дорога тогда только-что строилась и ѣзду по чугункѣ домосѣдъ-дядя зналъ только по слухамъ. Теперь это было первымъ чудомъ новаго міра, поразившимъ его, по уходѣ изъ дома.

Съ давно неощущаемымъ оживленіемъ смотрѣлъ онъ на маневрирующіе локомотивы, работавшіе колѣнями стальныхъ ногъ, послушныхъ желанію человѣка. Когда онъ видѣлъ, какъ то или другое изъ этихъ чудовищъ переходило съ рельсовъ на рельсы, шло впередъ, останавливалось или отступало назадъ, наливалось водой или набирало и тащило тендеры полные дровъ и тихо возвращалось и занимало свое мѣсто, не тревожа поѣзда, ему казалось, будто что-то живое и разумное дѣйствовало и сознательно работало въ этомъ желѣзномъ огнедышащемъ богатырѣ.

Когда, наконецъ, послѣ незнакомой желѣзнодорожной суетни и толкотни, наши путники усѣлись въ вагонъ и поѣздъ тронулся, съ каждою секундой ускоряя ходъ и все чаще отбивая темпъ по рельсамъ, они невольно перекрестились и припали къ открытому окну, уже весело и бодро смотря на широкую панораму, огромнымъ круговоротомъ проносившуюся мимо.

Быстро уносившійся поѣздъ точно порвалъ въ нихъ послѣднія нити горькой мысли о покинутомъ домѣ. Масса новыхъ впечатлѣній возбуждала и поглощала вниманіе,—родъ какой-то новой силы и бодрости просыпался въ угнетенной душѣ при видѣ общей дѣятельности. Все властнѣе захватываемые водоворотомъ новаго міра, въ который окунулись, ни дядя, ни племянникъ не

сознавали, да и не могли бы сознать, что̀ съ ними. Они ощущали невольно родъ какой-то неловкости и недовѣрія къ себѣ, свойственныя всякому новичку. Даже между собою дѣлились они только рѣдкими и отрывистыми замѣчаніями, какъ бы опасаясь ихъ неумѣстности, наивно и недоумѣло переглядывались между собой и внимательными, любопытными глазами озирались кругомъ, словно ища толковаго объясненія окружавшаго, словно опасаясь попасть въ-просакъ и нарушить обычныя условія незнакомаго міра, въ который попали.

А міръ кругомъ былъ дѣйствительно не тотъ, изъ котораго ушли дядя съ племянникомъ. Люди, вещи, разговоры мало или почти не напоминали о тѣсномъ, замкнутомъ деревенскомъ углѣ. Тутъ некому было провести параллели между тѣмъ и другимъ, некому указать, что̀ скорлупа и что ядро.

А въ сущности какъ бѣдны, ничтожны и узки были отношенія лицъ и темы вагонныхъ разговоровъ передъ міровоззрѣніемъ и непрерывнымъ отношеніемъ мужика къ кругообороту матери-природы, къ потребностямъ и жизни кормилицы-земли и къ той части дикаго животнаго царства, что отнята у него и обращена въ друга человѣка.

Да, міръ былъ иной. Разговоры, долетавшіе изъ всѣхъ угловъ вагона, носили на себѣ торгашествующій, меркантильный отпечатокъ, въ которомъ земледѣлію оставалось немного мѣста. Говорилось больше о цѣнахъ и всякаго рода операціяхъ хлѣбомъ, гдѣ на даръ Божій смотрѣли только какъ на товаръ и на предметъ азартной игры. Тутъ не было мѣста ни живому золотому колосу, ни крестьянскому поту, ни солнцу, которыми поливался и наливался онъ.

— Откель Богъ несетъ?—обратился сосѣдъ къ Павлу, первоначально нѣсколько разъ смѣривъ его торопливыми глазами и очень хорошо видя, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— Изъ своихъ мѣстовъ, шацкіе будемъ,—неторопливо отвѣтилъ тотъ, въ свою очередь оглядывая любопытствующаго.

Одѣтый въ короткомъ сѣромъ чекменѣ на ватѣ, въ картузѣ и высокихъ сапогахъ съ оторочкою, расшитой яркими шелками, онъ казался чѣмъ-то въ родѣ прикащика или мелкаго торговца, ведущаго операціи съ народомъ и на его счетъ. Такіе люди, точно червякъ кузька или гессенская муха, шнырятъ теперь по всѣмъ угламъ и закоулкамъ нашей огромной Россіи, пожирая продукты полей и деревень.

— Далече ли поднялись?... По дѣлу, што ли, по какому?— продолжалъ любопытствовать онъ.

— Извѣстны наши дѣла-то—на работу идемъ. До Саратова покудова, а тамъ... што Богъ дастъ.

— Тэ-экъ! — не очень одобрительно протянулъ онъ.—Не близко. Чай у васъ подъ руками роботы-то вдоволь,—подъ чугунку полотно ведутъ... Ай кончили?...

— Нѣтъ, роютъ, да не свычны мы,—не наша работа эта. Опять... не одобряютъ наши, которые пытали.

— Тэ-экъ... Какую-жь вы работу работать можете?

— Да, правду тебѣ сказать, добрый человѣкъ, кругъ земли наша работа,—крестьяне мы споконъ вѣка были. Топоромъ малость можемъ, правда, да и то отъ нужды; кругъ скота, вотъ, либо ошто—это наше дѣло тоже. Сами хозяйствовали съ измалѣтства,—по хозяйству все можемъ.

— Чай, у васъ вплоть такая работа-то?

— Это на барина то-есть?

— А хоть бы и на барина.

Павелъ нахмурился и отвѣчалъ не вдругъ.

— Не подходяще. Такая-то работа не рука,—проку отъ её нечево ждать. Барщина она—барщина и есть! Не затѣмъ намъ слобо̀ду дали, штобъ изъ чужихъ рукъ смотрѣть, на барской землѣ колотиться. Ай мужику-то опричь того на бѣломъ свѣтѣ и доли нѣтъ?

— А вотъ узнаешь въ Саратовѣ,—можетъ, Богъ приведетъ на купца поработать,—съ усмѣшкой произнесъ сѣрый чекмень и, крутя папиросу, переложилъ ногу на ногу, выставляя на-показъ щегольскіе сапоги.

— Не въ ту силу ты меня понялъ. Чаялось намъ такія мѣста найти, гдѣ бы Богъ привелъ, по времени, на своей землѣ похозяйствовать, а не то што... Правду тебѣ сказать, эта самая статья и въ даль-то насъ ведетъ. Не столь далеко за Волгой, сказываютъ, есть такія мѣста-то.

— Ну, братъ, не знаю,—не слышно што-то. Оно, конечно, и по нашимъ мѣстамъ за землей не далеко ходить, съ капиталомъ если, а безъ того и думать нечево. Сдается много и казенныхъ земель, и обчественныхъ, да деньги тутъ нужны хорошія... Опять дотошному человѣку, надо быть, не дадутъ зря-то,—отобьютъ. По тыщи десятинъ есть запашки у нашего брата.

— А вы сами-то какіе будете?—спросилъ Павелъ, ошеломленный почтенною цифрой.

— Самарскіе и по Саратовской губерніи дѣло ведемъ. Хутора у насъ. По времени хлѣбъ покупаемъ, сало опять,—изъ-подъ Оренбурга барановъ-то гонятъ... Вотъ тамъ, сказываютъ, есть земли пустопорожнія, по четвертаку за десятину скупаютъ. Это ужь я тебѣ доподлинно говорю,—подтвердилъ онъ, видя полное недовѣріе, даже что-то въ родѣ обиды на лицѣ собесѣдника, вполнѣ увѣреннаго, что надъ нимъ хотятъ потѣшиться.—Да ты не вѣришь, никакъ?—усмѣхнулся онъ.

— Богъ тебя знаетъ, шутишь ты, аль нѣтъ, только плохо вѣрится... Не оповѣщали насъ объ земляхъ-то объ этихъ... Можетъ болотина какая, али песокъ?—въ недоумѣніи отозвался Павелъ, не зная, вѣрить сказанному или нѣтъ.

— Черноземъ, да еще съ лѣсомъ съ мелкимъ, сказываютъ.

— Ну, братъ, это ужь старъ я сказки-то слушать. Али не оповѣстили бы насъ, еслибъ захотѣли по четвертаку крестьянамъ такія земли раздать, мужичью бѣду развязать?

— Ну, вотъ! Кто про што, а ты свое. Такія дѣла-то, чай, попрежъ мужика дѣлаются. По-вашему только и свѣта, што въ окошкѣ. Тутъ баре были, господа-чиновники, али хоть бы нашъ братъ-купецъ... Одинъ, сказываютъ, такую палестину, ровно царство, себѣ купилъ. Еще впередъ другихъ угодилъ.

Разсказчикъ не подозрѣвалъ, что разрывалъ сердце слушателя на части. Павелъ и вѣрилъ, и не вѣрилъ, но досада, гнѣвъ, ожесточеніе поднимались и душили его. Точно о позорѣ и неволѣ матери или жены слушалъ онъ эти вѣсти, точно объ увозѣ суженой, которой желалъ и ждалъ многіе годы.

— Какъ же это такъ?—произнесъ онъ растерянно, будучи рѣшительно не въ состояніи переварить вопіющаго дѣла или грубой шутки, такъ безучастно передаваемыхъ ему, словно они были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, или происходили на другой планетѣ.—Значитъ, не наша эта земля-то?... Не въ Россіи она, што ли?

Долго, а можетъ-быть и безполезно пришлось бы сѣрому чекменю втолковывать сомнѣвавшемуся слушателю, какая это земля и наша ли она, еслибы въ разговоръ не вмѣшалось новое лицо.

Близъ толковавшихъ, доселѣ молча прислушиваясь, сидѣлъ высокій старикъ, скромной, но серьезной и почтенной наружности, представлявшій собою по виду что-то среднее между под-

городнымъ крестьяниномъ и небогатымъ мѣщаниномъ глухого городка, неуспѣвшимъ еще покинуть крестьянскихъ обычаевъ и внѣшности. Можно было предположить скорѣй всего, что это былъ мелкій торговецъ или ремесленникъ, какихъ много кочуютъ по Россіи, промышляя нехитрыми дешевыми товарами и такимъ же мастерствомъ. Только отпечатокъ какой-то торжественной степенности и достоинства противорѣчили этому. Выбритая маковка, сѣдые волосы и такая же клинообразная борода напоминали ликъ старой иконы, что, впрочемъ, ни мало не мѣшало житейской обходительности старика, обратившагося къ Павлу.

— Ништо же сумняшеся... Али въ диво тебѣ такія дѣла, что сильные міра мзду имутъ?—вдругъ, точно что заученное, улыбнувшись въ сторону его, тихо заговорилъ онъ.—Самъ будучи изъ отдаленныхъ мѣстъ тѣхъ, я рѣкомаго купца самолично знаю и многое тебѣ о тѣхъ мѣстахъ, какъ очевидецъ, повѣдать могу. Имѣяй уши слышати, да слышитъ.

Послѣ такого неожиданнаго приступа, всякій другой на мѣстѣ Павла могъ бы ожидать, что кочующій витія скажетъ подобающую случаю рѣчь, вынетъ неизвѣстно откуда жестяную кружку съ мѣднымъ замочкомъ или засаленую и закапанную воскомъ книжку въ плисовомъ черномъ чехлѣ съ мишурнымъ крестомъ и потребуетъ подаянія на монастырь, храмъ или образъ, но въ дѣйствительности этого не случилось.

Совершенно напротивъ, старикъ немедленно принялъ самый добродушный и теплый житейскій тонъ и съ видимою любовью заговорилъ о тихихъ сокровенныхъ мѣстахъ нашихъ отдаленныхъ окраинъ, куда уходитъ русскій людъ, простой и чистый сердцемъ, ради тишины и мира, отъ тѣсноты матеріальной и нравственной.

Вскорѣ говорившій и слушатель тѣсно сидѣли вмѣстѣ. Доселѣ несообщительный, долгіе годы замкнутый въ себѣ и ни съ кѣмъ, кромѣ неровни племянника, не отводившій души, парень пожиралъ каждое слово почтеннаго сосѣда и безусловно вѣрилъ ему, умѣвшему понять, сочувствовать и тронуть его сердце.

— Да, братикъ, — проговорилъ тотъ, когда точно на исповѣди узналъ долгія недоумѣнія и рѣшеніе Павла,—не иметъ тѣснота, а иметъ лихота! Не отъ одного малоземелья и скудости бросаются старыя насиженныя гнѣзда. До нищеты сидятъ въ нихъ, не безъ слезъ покидаютъ... Плоть поборолась бы, притерпѣлась, да духу тѣсно,—вѣдь смердитъ міръ-то сельскій, черви въ немъ!

А вѣдь чѣмъ народъ крѣпокъ? Имъ, единеніемъ,—общей радостью и общимъ горемъ. На людяхъ и смерть красна, говорится. Вѣдь имъ мы—ни много, ни мало—тысячу лѣтъ жили, всѣ наши бѣды перенесли, ты то подумай!

Старикъ видимо сочувствовалъ Павлу, можетъ-быть потому, что самъ давно ушелъ отъ міра малаго въ міръ большой, ведомый, впрочемъ, совсѣмъ иными побужденіями,—отъ жизни дѣятельной къ жизни созерцательной, отъ Мареы къ Маріи. Онъ оказался старообрядцемъ-начётчикомъ, ради истинъ древле-христіанскаго благочестія искрестившимъ Русь повсюду, гдѣ привилось, жило и укрывалось оно, начиная съ Соловецкой обители до поселеній некрасовцевъ на Дунаѣ. Не мудрено, что многое могъ пораэсказать онъ и о тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ гадалъ Павелъ.

Онъ говорилъ ему объ Иргизѣ, объ Узеняхъ, объ Яикѣ—золотомъ днѣ и о другихъ болѣе отдаленныхъ тихихъ мѣстахъ, куда шелъ народъ русскій по стопамъ древлеправославія, бѣгущаго отъ антихриста и его печати. Съ истиннымъ краснорѣчіемъ рисовалъ онъ миръ, тишину, незлобіе и ангелоподобную простоту братской жизни въ тѣхъ мѣстахъ. Тамъ, по его словамъ, произволеніемъ Бога, сама земля растворила свои нѣдра, чтобы дать человѣку успокоеніе, благоденствіе и миръ. Обрисовавъ темные лѣса, высокія горы и многоводныя рѣки и озера, полные всякой твари на потребу людскую, онъ говорилъ о цвѣтущихъ степяхъ и лугахъ, питающихъ тучный скотъ, и о нивахъ, утонувшихъ въ золотѣ тяжелой колосистой ржи.

Эти рѣчи казались музыкой, картины захватывали духъ Павла,—ему хотѣлось летѣть въ прекрасную, благодатную даль, безъ думъ, безъ сожалѣній о томъ, что оставалось назади. По одному мановенію старика въ то время онъ, казалось, пошелъ бы всюду. Только станція, гдѣ вышелъ собесѣдникъ, прервала иллюзію. Остановка была короткая; онъ оборвалъ разсказъ, прозаически заторопился, собралъ свои пожитки и исчезъ въ толпѣ, забывъ о недавнемъ сосѣдѣ и едва ли подозрѣвая неутолимую жажду новой жизни, которую возбудилъ въ немъ.

Вѣроятно, долго продумалъ бы Павелъ о слышанномъ, еслибы не здравый смыслъ русскаго человѣка, который неотступно напоминалъ ему, что райскія мѣста далеко, а подъ носомъ у него Саратовъ, о которомъ тоже необходимо было кое-что узнать, такъ какъ приходилось дѣятельность свою начать съ него, приближавшагося съ каждымъ оборотомъ колеса.

Утѣшительнаго, впрочемъ, для дяди съ племянникомъ изъ возобновленнаго разговора о немъ съ сѣрымъ чекменемъ выходило немного. Работу, по словамъ послѣдняго, на Волгѣ, во время навигаціи, найти было не трудно, но кромѣ того, что она была временна, требовалась еще и свычка съ ней.

Впрочемъ то, что свычку ко всевозможной работѣ русскій человѣкъ пріобрѣтаетъ быстро, Павлу и Семену вскорѣ предстояло подтвердить на дѣлѣ.

Первое время по пріѣздѣ въ Саратовъ, онъ встрѣтилъ нашихъ сѣрыхъ гостей довольно дружелюбно, несмотря на то, что рабочаго народа скопилось уже въ немъ довольно и вновь прибывало съ каждымъ новымъ пароходомъ и поѣздомъ чугунки. Дѣло въ томъ, что они прибыли во-время—въ самый развалъ открывавшагося судоходства, когда еще спѣшили догрузкою хлѣбныхъ каравановъ и работой на пароходахъ и баржахъ, подходящихъ съ низу.

Дядя съ племянникомъ вскорѣ успѣли пристроиться на одной изъ пароходныхъ пристаней и несомнѣнно укрѣпились бы тамъ, въ силу своей нелицемѣрной, безотвѣтной готовности работать всякую работу, какова бы ни была она, на что мѣстный и пришлый избалованный и искусившійся рабочій людъ смотритъ искоса, принимается за нее нехотя и дѣлаетъ черезъ пень-колоду, какъ скоро она хоть мало выходитъ за рамки его договора. Потому наниматель, даже несмотря на неумѣлость, часто предпочитаетъ сѣрый сырой продуктъ нашей деревни самому опытному мѣстному. Часто, кромѣ того, главную роль въ дѣлѣ предпочтенія играетъ безъ сравненія высшая благонадежность крестьянина, еще не тронутаго и не обработаннаго растлѣвающей городскою средой. Однако, мысль о возможности присмотрѣть себѣ подходящую землицу и мечты о невозмутимомъ мирѣ сокровенныхъ, далеко притаившихся поселеній, о счастливцахъ, ушедшихъ отъ зла, такъ прочно укоренились въ головѣ и сердцѣ Павла, что не давали ему спать и вскорѣ заставили покинуть Саратовъ. Его тянуло дальше,—ему казалось невозможнымъ, чтобы не было гдѣ-то такой земли, которая не можетъ оттолкнуть его рабочихъ заскорузлыхъ рукъ, выросшихъ и окрѣпшихъ на ней и ради ея. Только мысль о страшной отдаленности удерживала его на мѣстѣ. Ближайшія мѣста оказывались далеко не тѣмъ, чѣмъ были въ глазахъ сектанта, воздѣлывателя духовной нивы. Работа по Яику, у казаковъ, изъ доли, была доступна только сосѣднему

русскому крестьянству, сидѣвшему на собственныхъ земляхъ. Она, правда, была не безвыгодна, потому что вся дѣлалась мужичьими руками, орудіями и знаніемъ, за что оплачивалась все-таки сравнительно львиною долей этимъ щедро надѣленнымъ помѣщикамъ, самымъ безхозяйнымъ въ мірѣ, сотни тысячъ десятинъ которыхъ вѣка лежатъ впустѣ, словно среднеазіятскія степи. Безъ ошибки и пристрастія можно бы сказать, что даже монгольское владычество было дѣятельнѣе, цвѣтущѣе, производительнѣе современной скудости, лѣни и первобытной формы труда, существующей здѣсь. Сотни тысячъ головъ въ полѣ зимующаго барана, лошадей и измельчавшаго рогатаго скота, безконечные стоги Богомъ сѣемаго и Ураломъ поливаемаго сѣна, да рыболовство, предусмотрительно дарованное природою, и затѣмъ—ничего, что бы не было доставлено изъ Россіи, начиная съ насущнаго хлѣба, гвоздя, мыла, сальной свѣчи, сбруи, обуви, которые возвращаются въ эту первобытную страну переработанными изъ матеріаловъ ея же скотоводства. Еслибы не бѣдные, рѣдкіе, чуть не одичалые форпосты, никто бы не принялъ за осѣдлую эту страну номадовъ и рыболововъ, не тронувшуюся съ мѣста въ теченіе болѣе столѣтія. Тутъ было самое настоящее мѣсто для скита старообрядца, а не для производительнаго крестьянскаго труда. Основныя положенія замкнутой казачьей общины отрицали его. Только подъ видомъ ничѣмъ не гарантированнаго рабочаго земледѣлецъ могъ прокрасться за ея китайскую стѣну.

Когда Павелъ узналъ все это отъ бывалыхъ практическихъ людей, оно не охладило его, а только направило въ другую сторону. Онъ сталъ наводить справки о ближайшихъ подходящихъ мѣстахъ по Волгѣ, съ которою, увидавъ и извѣдавъ се разъ, онъ не хотѣлъ бы разстаться.

На его счастіе или горе вскорѣ онъ узналъ отъ сослуживца, водолива баржи, знавшаго низовья Волги вдоль и поперекъ, что есть такія подходящія мѣста по Ахтубѣ, самому восточному и длинному рукаву Волги, почти пограничному съ Внутреннею Киргизскою ордой,—что земли тамъ новыя, почти не видавшія сохи-бороны, съ незапамятныхъ временъ удобряемыя разливами и дающія благодатные урожаи,—что по Ахтубѣ множество большихъ, богатыхъ, цвѣтущихъ селъ, куда можно приписаться и переселиться. Нечего говорить, что съ тѣхъ поръ на эту Ахтубу были обращены всѣ помыслы и вожделѣнія Павла. Узнавъ, что пробраться туда почти безъ расходовъ легко черезъ Владиміровку,

откуда идутъ караваны съ солью Баскунчакскаго озера и изъ Астрахани, по постоянному сообщенію съ рыболовными ватагами, и что заработки въ послѣдней не хуже, а лучше саратовскихъ, онъ съ Семеномъ, при первомъ же представившемся случаѣ, сплыли внизъ по Волгѣ. Недолгій благословенный путь—лучшіе дни въ жизни плывшихъ—ничего не стоилъ, напротивъ за него заплатили имъ, потому что зачислили въ комплектъ баржевыхъ рабочихъ.

Такимъ образомъ, недѣли за полторы до побѣдоносной борьбы и поступленія Семена въ работу, дядя съ племянникомъ очутились въ Астрахани, гдѣ обстоятельства на время раздѣлили ихъ, хотя они видались въ день раза по два.

Дѣло было въ томъ, что мѣсто Павлу нашлось немедленно на пристани привезшаго ихъ парохода, а Семену такого не оказывалось, хотя оно и было обѣщано впредь. Парню по неволѣ пришлось пока поселиться въ семьѣ пароходнаго кочегара, квартировавшей на селеніи, въ бѣдномъ домикѣ одного изъ астраханскихъ ловцовъ, которыми въ данное время была полна та часть города. Квартира была удобна тѣмъ, что дешева и находилась вблизи отъ пристани пароходства, при которой остался дядя, совсѣмъ нечаявшій и не желавшій разставаться съ племянникомъ.

Между тѣмъ проходили дни, мѣста Семену не оказывалось и онъ, не желая сидѣть сложа руки и ждать у моря погоды, сталъ выходить на базаръ и наниматься на поденную работу, если такая представлялась, и такимъ путемъ попалъ на выгрузку бѣляны.

Теперь мы знаемъ, съ какимъ торжествующимъ сердцемъ и съ кѣмъ торопился подѣлиться неожиданнымъ счастьемъ, возвращавшійся съ лѣсной пристани, Семенъ.

V.

Прошла недѣля. Работа около бѣляны кипѣла и по времени приближалась къ концу, но добра въ ея вскрытой огромной утробѣ оставалось еще довольно. Артель начинала побаиваться не кончить работы къ сроку и, напрягая послѣднія силы, уничтожила единственный отдыхъ, обычный и необходимый здѣсь, въ самые жаркіе часы раскаленнаго дня. Люди отдыхали только за ѣдой, то-есть не дѣлали, какъ слѣдуетъ, ни того, ни другаго.

Если самые привычные и сильные изъ артели не чувствовали подъ собою ногъ, не знали куда дѣвать болѣзненно нывшихъ рукъ и едва разгибали согбенныя, сведенныя тяжестью спины, то не трудно догадаться, каково было новичкамъ и слабѣйшимъ. Люди работали почти безсознательно, автоматически, точно зубья одной шестерни, которая вращалась, заведенная золотымъ ключомъ выгоднаго заработка. Только артелью, гдѣ одинъ работалъ за другими, пропадая въ общемъ механизмѣ и покоряясь его ходу, могло дѣлаться такое дѣло, — личной энергіи не хватило бы на него.

На-лицо доказательство. Цѣлые дни, отъ зари до зари, солнцемъ палимая, смокшая пóтомъ, ходитъ ужасная шестерня и бѣдный Семенъ въ ней. Нѣтъ, это не родимая пашня, не влажная рыхлая борозда, не жаворонки поютъ надъ ней, да и самъ онъ не тотъ,—у него въ глазахъ туманъ, а не на полѣ. Въ пламенномъ небѣ южное солнце стоитъ,—груди дышать нечѣмъ, рубаху хоть выжми, раскаленная почва глаза рѣжетъ и ноги палитъ... Что за дѣло? Не ждетъ дорогая работа! Торопятся, идутъ товарищи спереди, по пятамъ настигаютъ сзади,—нечего дѣлать, несутъ и его затекшія, одеревенѣвшія ноги, носитъ и онъ съ товарищемъ тяжелый срочный грузъ, — носитъ, надрывается, а молчитъ. Стыдно жаловаться, не на кого пенять. «Взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ», какъ-то механически и случайно мелькаетъ у него въ головѣ, мало помогая тяжелому дѣлу. Приходится испытать на себѣ, что значитъ выгрузка къ сроку и какова эта желанная работка. Только общее дѣло да надежда скораго избавленія отъ него напрягаютъ и поддерживаютъ послѣднія силы артельщиковъ, особенно тѣхъ, у которыхъ ихъ мало. «Дотянуть бы до срока, покончить съ Божіей помощію, а тамъ прахъ ее возьми,—калачомъ не заманишь», думаютъ многіе и работаютъ молча и упрямо, спѣша покончить съ непосильнымъ трудомъ. Не отставать же Семену! Развѣ не онъ, недѣлю назадъ, съ глубокою радостью принесъ дядѣ извѣстіе о предстоявшей работѣ? Развѣ не онъ со рвеніемъ и горячностью принялся за нее въ охотку въ первые дни? Не самъ ли онъ скрылъ тягость ея отъ родного, не вѣря ей и до послѣдняго времени думая, что не Богъ вѣсть какое дѣло—дрова таскать?...

Теперь онъ знаетъ, каково оно, да дѣться некуда,—надо кончать... И вотъ онъ идетъ, идетъ, идетъ, несмотря на одеревенѣвшія ноги, и боится отдохнуть, задыхаясь отъ напряженія и

жара, точно робкая, запаленная, нервная кляча, побуждаемая впередъ и впередъ длиннымъ рядомъ родного обоза и соловьинымъ свистомъ хозяйскаго кнута.

Въ день начала работы, только-что забрезжило на востокѣ недавно потухшее небо, свѣжій, бодрый и счастливый, проснулся Семенъ и заторопился на пристань, боясь опоздать на свое мѣсто. Еще полусвѣтъ-полумракъ лежалъ надъ пустыннымъ безмолвнымъ полемъ, которымъ торопливо шагалъ онъ, и послѣднія звѣзды, блѣднѣя, мигали въ прозрачномъ, чуть-чуть синеватомъ небѣ. Несмотря на то, что, съ каждымъ шагомъ впередъ, окрестность, свѣтлѣя, выдѣлялась изъ сѣрой туманной мглы утра, пристани спали мертвецкимъ предразсвѣтнымъ сномъ. Даже сторожа, уставъ бродить, трещать и стукать въ чугунныя доски, повалились тамъ и сямъ, пьяные свѣжимъ влажнымъ дыханіемъ и невозмутимою тишиной вновь наступавшаго дня. Даже собаки, набѣгавшіяся за ночь, растянулись безъ движенія, какъ трупы, наповалъ убитыя сладкой смертельной отравой отдыха и нѣги.

Семенъ тихо и безпрепятственно вошелъ въ лабиринтъ мертваго деревяннаго города и пересѣкъ его поперекъ, направляясь къ Болдѣ. Тамъ тоже все спало. На берегу не было живой души, ни единаго звука, кромѣ соннаго, чуть слышнаго гуда комара, отлетавшаго на покой. Парень сѣлъ на валу, опоясывавшемъ пристани отъ полыхъ водъ, и смотрѣлъ кругомъ, пока его самого не начала охватывать сладкая дрожь и непреоборимая нѣга дремоты и сна. Съ нимъ была кое-какая одежонка, онъ бросилъ ее подъ голову и сладко, судорожно протянулся на прохладной песчаной постели. Бѣляна была противъ и не замѣтить его не могли.

Но сонъ пришелъ не вдругъ и лежавшій бродилъ тихими, спокойными глазами по обширному глубокому небу, гдѣ бѣлѣли легкіе паруса облаковъ, чуть гонимые заштилѣвшимъ вѣтромъ. Ему было хорошо. Въ полубдѣніи-полуснѣ онъ слѣдилъ, какъ реили они, брасуя и уходя то тѣмъ, то другимъ галсомъ.

Слѣва, дремлющимъ, упавшимъ строемъ уха, слышалъ онъ тихій всплескъ волнъ о крутыя груди и бока судовъ, убаюкивавшій своимъ ритмомъ; справа, отъ пристаней, начиналась веселая болтовня просыпавшихся скворцовъ — отцовъ и дѣтей. Но гдѣ это было — во снѣ или на яву, въ дѣйствительности или въ грёзахъ—Семенъ уже не могъ опредѣлить. Онъ помнилъ, какъ

верхи облаковъ-парусовъ ожили, точно блѣдныя лица, къ которымъ прилила кровь, заалѣли, вспыхнули румянцемъ и блескомъ; но гдѣ это было—въ морѣ неба или сна—парень не зналъ. Онъ спалъ, не помня, какъ слилось то и другое.

Когда его разбудили, солнце поднялось надъ горизонтомъ, артель была въ сборѣ и шумѣла — галдѣла, какъ выражалась сама. Подбирались товарищи, то-есть распредѣлялось, кому съ кѣмъ работать, такъ какъ носилки требовали двухъ человѣкъ. При этомъ имѣлась въ виду равномѣрность работы, но только въ смыслѣ ея большей успѣшности вообще, а не силъ того или другого человѣка въ частности. Достигалось это довольно простымъ, хотя едва ли справедливымъ, путемъ.

Дѣло въ томъ, что точкой отправленія здѣсь очевидно служила мысль, что каждый членъ артели долженъ внести въ нее, по возможности, совершенно одинаковый съ прочими пай труда, не взирая на личныя физическія средства, и, разумѣется, съ непремѣннымъ условіемъ успѣшнаго исполненія предпринятаго дѣла. Для этого сильный спрягался со слабымъ, опытный съ неумѣлымъ, ретивый съ лѣнивымъ, чтобы первые служили регуляторомъ и побуждали послѣднихъ. Въ силу ли это имъ, артель не хотѣла знать, потому что никого не тащила въ дѣло насильно, а, напротивъ, предупреждала, что оно — каторжное, чтобы вступившему не на кого было пенять.

По настоянію Марченкова, Семену пришлось работать съ нимъ. Это не испугало парня только потому, что онъ не вполнѣ понималъ разсчеты артели, избѣгалъ связки съ Самсономъ и чувствовалъ радушіе и покровительство добраго, веселаго солдата.

Не мудрено, что онъ въ охотку бодро принялся за работу, сдерживаемый, а не понуждаемый товарищемъ.

Артельная шестерня легко и дружно пошла въ ходъ.

Но миновалъ день, прошелъ другой и третій—и медаль стала оборачиваться другою стороной. Мускулы напрягались и жилы вытягивались за предѣлы сокращенія, связки ослабѣвали, хрящи и кости наминались и ломили,—рабочій механизмъ расклёпывался и развинчивался тѣмъ быстрѣй, чѣмъ менѣе прочень и устойчивъ былъ. Люди, отъ зари до зари работавшіе длинные дни, вмѣсто отдыха, начинали страдать и стонать короткими ночами, забываясь безпокойнымъ, болѣзненнымъ сномъ. Они чувствовали, что все болѣло, ныло и надрывалось въ нихъ, пока въ цѣломъ организмѣ не оставалось живого мѣста.

Болты и гайки, поршни и муфты, колѣна и плечи рычаговъ живой машины расшатывались, теряли точку опоры и, не исправленные отдыхомъ, вновь поступали въ работу. Такимъ образомъ прошла недѣля, работать оставалось три дня, да и слава Богу,—долго такое дѣло не могло тянуться...

А оно тянулось чѣмъ далѣе, тѣмъ мучительнѣе, однообразнѣе, медленнѣе, пока часъ не сталъ казаться за день и день за недѣлю. Но этого оказывалось мало: былъ отнятъ послѣобѣденный отдыхъ, когда жары переходили за сорокъ градусовъ. Боязнь опоздать увеличивала значительность остававшейся работы, хотя, на самомъ дѣлѣ, она вовсе не была такова и для своевременнаго окончанія не требовала никакихъ чрезвычайныхъ мѣръ. Къ сожалѣнію, большинствомъ онѣ были предложены и приняты—и часы послѣобѣденнаго отдыха уничтожены въ прямой вредъ себѣ и дѣлу. Какъ бы то ни было, черезъ полчаса послѣ ѣды, въ самое знойное время послѣ полудня, убійственная машина пускалась въ ходъ.

А дни, какъ на грѣхъ, стояли знойные, невозмутимо-тихіе; даже ночами пàрило, точно въ теплой влажной ваннѣ, и давило нестерпимою духотой. Росы падали дождемъ и смачивали поверхность земли, особенно растительности, за ночь. Уставшимъ трудно было отдыхать и набираться новыхъ силъ въ эти короткія, распаривающія, не дающія дышать ночи,—не мудрено, что они вставали истощенные и дряблые и принимались за работу съ туманомъ въ глазахъ и головѣ, безучастные ко всему окружавшему, точно автоматы, которые не падали только потому, что ихъ никто не толкалъ.

Восьмой день съ утра наступилъ такой же: то же пламенное солнце показалось и взошло надъ горизонтомъ на безоблачномъ небѣ,—уже съ одиннадцати часовъ такъ же душило и жгло. Работавшіе, пара за парой, носилки за носилками, двигались ужаснымъ круговоротомъ Дантова ада, переложеннаго на русскіе нравы. Грузные шли они съ бѣляны, облегченные возвращались въ нее, что казалось имъ отдыхомъ, несмотря на тяжелыя носилки и невозможность простого движенія въ такой температурѣ. Бѣдный Семенъ чувствовалъ, что изнемогаетъ, что, вотъ-вотъ, ноги его подкосятся, грудь задохнется или одеревенѣвшія руки выпустятъ эти тяжелыя носилки и разсыпятъ дрова на пути, вызывая проклятія товарищей. При послѣдней мысли руки его судорожно сжимались и держали гнетущую ношу.

Еслибы не Марченковъ, Семенъ изнемогъ бы давно. Добрый, бывалый, испытанный человѣкъ понималъ, каково парню, въ которомъ было больше энергіи, чѣмъ силы, и незамѣтно старался брать на себя большую долю труда, который такъ черство стремилась поровнять артель. Въ глубинѣ простого, безшабашнаго сердца, Марченкова возмущали положенія артели, какъ онъ ни старался оправдать ихъ практичность. Онъ не сознавалъ, а чувствовалъ совершенно независимо отъ себя, инстинктивно, что если Богъ наградилъ его силой, то вѣроятно не затѣмъ, чтобы давить ею слабаго, а затѣмъ, чтобъ помочь ему. Такъ онъ и поступалъ. Прежде всего, мало-по-малу, онъ сталъ брать на себя навалку дровъ на носилки, отстраняя парня будто бы потому, что тотъ не умѣетъ дѣлать этого. Самъ онъ, разумѣется, дѣлалъ это лучше, потому что центръ тяжести этой нехитрой для укладки ноши оказывался всегда впереди носилокъ, то-есть на его солдатской сторонѣ. Но этимъ не удовольствовался штрафованный нижній чинъ. Замѣчая все большее утомленіе Семена, онъ сталъ постепенно укорачивать плечо рычага, на которомъ лежала ноша, то-есть подхватывалъ поручни носилокъ все ближе къ грузу, пока не сталъ касаться къ нему своею солдатскою мякотью. Даже новичку нельзя было не замѣтить этого, но переупрямить Марченкова въ данномъ случаѣ было тоже нельзя. На замѣчанія парня, онъ коротко отвѣчалъ, что ему такъ ловчѣе, что онъ ему не указъ или что онъ безъ него знаетъ, какъ дрова носить, и невозмутимо продолжалъ дѣлать свое дѣло. А въ наказаніе за противорѣчія и незнаніе субординаціи онъ отнялъ у Семена и отобралъ исключительно въ свою пользу даже пустыя поручни носилокъ, которыя обыкновенно носились или поочередно, или по одной каждымъ изъ товарищей. Онъ находилъ, что арестовалъ его, постоянно таская эти тяжелые трофеи, какъ ружье на плечѣ.

Не мудрено, что Семенъ сталъ поминать его въ своихъ молитвахъ наряду съ матерью и дядей Павломъ.

Дядя Павелъ тоже не забывалъ племянника. Въ теченіе недѣли онъ три раза урывалъ минутку отъ своего хлопотливаго и постояннаго дѣла, чтобы заглянуть на пристань и провѣдать Семена; но такъ какъ тотъ бодрился при немъ и не показывалъ вида, каково ему въ дѣйствительности, то серьезный мужикъ уходилъ успокоенный, думая, что все идетъ обычнымъ добрымъ порядкомъ.

А между тѣмъ несчастный парень самъ не зналъ теперь, какъ дотянулъ до обѣда. Нѣсколько разъ онъ чувствовалъ, какъ у него мутится и меркнетъ въ глазахъ, земля уходитъ изъ-подъ ногъ и обширная панорама пристанскаго берега идетъ кругомъ, точно онъ стоитъ въ центрѣ наклоннаго вращающагося круга какого-то гигантскаго самоката.

Какъ только пошабашили, онъ повалился, какъ пластъ, и отказался отъ всякой ѣды. Отдыхъ былъ единственною необходимостью, за которой забывались другія. Отдышаться—первое дѣло, подсказывалъ инстинктъ, и онъ дышалъ всѣми легкими, дышалъ тяжело, но съ наслажденіемъ утопавшаго, вынутаго изъ воды. Первое время, пока не успокоилась кровь и сердце не стало биться равномѣрнѣе и тише, ни единаго помышленія, ни искры мысли не блеснуло въ его головѣ,—единственное чувство отдохновенія всецѣло охватило его. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами, навзничь, на солнечномъ припекѣ, и сквозь сомкнутыя вѣки, налитыя кровью, видѣлъ цѣлый адъ, пламенный и багровый, по которому, восходя и нисходя, крутились золотыя блестки, песчинки и звѣздочки самыхъ причудливыхъ сочетаній и формъ. Больше ничего не было въ его сознаніи.

И все-таки первая мысль, которая прошла и засѣла клиномъ въ головѣ Семена, была мысль о работѣ и необходимости докончить ее, во что бы то ни стало,—о необходимости докончить то дѣло, которое чуть было не убило его.

Выкупаться бы, мелькнуло въ его воображеніи, какъ только онъ почувствовалъ себя легче. Немного погодя онъ всталъ, сошелъ на плотъ и, скинувъ смокшую отъ поту рубаху и штаны, перекрестился и погрузился въ воду.

Сразу почувствовавъ себя лучше и бодрѣй, парень уже безъ ужаса могъ думать о предстоявшей работѣ и даже поѣлъ не безъ аппетита. Каторги оставалось два дня и нѣсколько часовъ.

Но, наконецъ, даже самая природа, кажется, сжалилась надъ артельщиками. Пока люди обѣдали, изъ-подъ западнаго горизонта выдвинулся темный край длинной синей тучи и глухо, чуть слышно зарокоталъ громъ, точно проѣхали гдѣ-то очень далеко по деревянному мосту. Утомленныя лица обѣдавшихъ оживились.

— Давай Богъ, давай Богъ!—крестясь заговорили они.

— Говорилъ я вамъ даве, што дождь будетъ, ай нѣтъ?—послышался голосъ въ кучкѣ.—Досадно, объ закладъ не ударился,—хоть бы корешковъ четвертку выигралъ, али папушу махорки.

— Какъ разъ!... Угадчикъ выискался... Побейся, глядишь—и отдалъ бы.

— Ну, нѣтъ,—примѣту знаю. Навѣрняка спорить могу. Изо ста разовъ пятокъ, можетъ, не отгану. Еще утресь сказывалъ...

— Ишь ты!... Много у насъ примѣтъ-то этихъ *вверху*, да не всегда угождаютъ,—обманываютъ сплошь. Иной ждешь, ждешь дождя-то, а онъ возьметъ да стороной и пройдетъ. И молебны не помогаютъ!

— Попы, значитъ, плохи,—не въ аккуратѣ себя держутъ,—ввернулъ Марченковъ.—Што-жъ это за примѣта такая вѣрная?

— А касатки летали низомъ — по-надъ водой надъ самой.

— Это ластовки, значитъ?... Ну?

— Ну, только и всево! Самая вѣрная примѣта: либо дождя, либо вѣтра сильнаго жди—бури какой ни на есть. Вотъ если высоко летаетъ—къ вёдру. Это ужъ вѣрно.

Обѣдавшіе отнеслись къ говорившему недовѣрчиво и захохотали.

— Ну, братъ, уменъ же ты! Въ жизть бы не догадаться, отчево дожди бываютъ, анъ дѣло-то въ ластовкахъ. Тебѣ старуха, што ли, эту сказку-то сплела?

— А ты не торопись колпакъ-отъ надѣвать,—не уйдетъ! Не отпѣлъ еще я... Не оттово дождь живетъ, што касатка низомъ летитъ, а оттово птица Божія такъ и летитъ, што дождю вскорости быть. Нужда ее заставляетъ по низамъ-то маяться — вотъ што, и насъ же дрова таскать,—прахъ ихъ возьми! Голодъ—не свой братъ, а питается-то птичка живой тварью—мухой, комаромъ, мошкой,—словомъ, мушкарой всякой. Вотъ и охотится за ней: куда та, туда и она. Та вверхъ — и она вверхъ, та внизъ—и она внизъ. Такъ-то!... Ну, а мушкара-то эта загодя всякую погоду чуетъ,—за день али больше знаетъ, чево ждать,—такъ ужъ Богомъ ей во спа̀сенье положено. Ветеръ-то и дождь бѣда ей, — безъ защиты, унесетъ ни вѣсть куда, али забьетъ совсѣмъ, — вотъ она къ ненастью къ землѣ и льнетъ, не залетаетъ высоко-то. Въ вёдро — такъ; теплу, свѣту радуется — высоко въ небо летитъ, приволья ищетъ, поетъ. Чай видали толкуны-то?... Вотъ оно и выходитъ, что какъ пошли касаточки по низу летать—охотиться, значитъ дичь внизу, это мушкара-то,—жди ненастья. Не будь этого, ласточка-то, можетъ, никогда не охотилась бы внизу, потому что несподручна охота тутъ,—не такъ добычлива, какъ вверху. Оно, знамо, виднѣй на воль-

номъ-то свѣтѣ, а тутъ и дичь-то сѣра, да и земля-то сѣра,— промахнешься какъ разъ... Поняли таперь примѣту-то мою? — обратился онъ къ товарищамъ, слушавшимъ съ напряженнымъ вниманіемъ.

Слушатели единогласно согласились съ говорившимъ и съ видимымъ удовольствіемъ и сочувствіемъ отнеслись къ его объясненіямъ. О смѣхѣ и помина не было. Казалось, въ лицѣ разсказчика простота, естественность и правда наблюденія и вывода покорили себѣ безхитростныхъ слушателей.

Между тѣмъ причина разговора росла въ небѣ, захватывая значительную часть его. Туча была грозная, насыщенная электричествомъ и шла съ натискомъ темной, огромной массы арміи, двинутой на штурмъ, подъ прикрытіемъ огня и грохота батарей. Поднимая клубы и водовороты пыли и праха, начиналъ подувать густой, насыщенный влагой, западный вѣтеръ, несшій ее, опережавшій и грозившій, вотъ-вотъ, обрушиться вдругъ, яростно хлестнуть по землѣ и превратиться въ штормъ, не знающій препятствій. Все ближе слышалась его музыка и шорохъ наступавшей тучи.

Артельщики бросились убирать обѣденные припасы и принадлежности, точно первыми пулями, поражаемые рѣдкими, крупными, тяжелыми каплями дождя, начинавшими падать и постукивать среди мертвой внезапной тишины. Только бѣлыя волнующіяся знамена, клочья разорванныхъ облаковъ, со страшною стремительностью неслись подъ темной массой тучи, словно торопились впередъ.

Вдругъ ослѣпило всѣхъ и грянулъ страшный залпъ.

Вихрь, крутя и унося, подхватилъ море пыли; поле зрѣнія исчезло, какъ въ пороховомъ дыму; дождь хлынулъ и полился потоками.

Какъ наступило, такъ же быстро и пронеслось все. Хотя мелкій дождь пересталъ не вдругъ, но онъ не мѣшалъ, а, напротивъ, пособлялъ работавшимъ, кропя и освѣжая ихъ. Гнетъ и духота воздуха исчезли, унесенные вѣтромъ, пожираемые молніей и смытые дождемъ. Что-то освѣжающее, легкое, точно углекислота бьющая въ носъ, осталось и чувствовалось въ озонированномъ воздухѣ. Не даромъ говорятъ, что грозы очищаютъ атмосферу, и нигдѣ это не замѣтно такъ, какъ на югѣ. Казалось, отдыхало не только все живое, но и сама раскаленная земля.

Пришло время отдохнуть и артели. Работы оставалось всего два дня, а главное—къ вечеру опредѣлилось, что выгрузка будетъ окончена къ сроку. Можно было уснуть съ легкимъ сердцемъ.

Сопятъ, храпятъ и тяжело дышатъ товарищи, одному Семену не спится. Онъ смотритъ... Далекое, далекое звѣздное небо горитъ и трепещетъ надъ нимъ свѣтлыми очами, а въ груди у него опять что-то неладно. Опять что-то томитъ и подходитъ къ сердцу, но не одно, — страхъ и горькая тоска впереди. Не втерпежъ ему... «Звѣздоньки, теплыя Божьи очи, гляньте мнѣ въ сердце, что̀ тамъ!»—мысленно молится онъ, маясь, тоскуя и не зная, къ кому прибѣгнуть. Онъ слышитъ, что внутри у него что-то кипитъ, рокочетъ глухо, словно давешній отдаленный громъ; что чьи-то грубыя, безжалостныя руки, нѣтъ-нѣтъ, да и пожмутъ ему сердце. Боль, тоска и страхъ темной силы не даютъ ему спать, отдыхъ гонятъ прочь. Дума за думой, воспоминаніе за воспоминаніемъ не даютъ ему забыться. Съ тихою тоской смотритъ онъ въ небо и въ минувшую жизнь. Дядя Павелъ и мать, далекая пашня и деревня, ветхій крестъ на проселкѣ и сѣрое небо — все это почему-то необычайно дорого и больно ему теперь. Даже необходимость отдыха, скорое окончаніе работы, даже физическая боль забыта за тоской. Онъ не чувствуетъ, какъ разбито и надорвано его тѣло, и не думаетъ о завтрашнемъ днѣ, а онъ, вотъ-вотъ, появится на востокѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, не успѣлъ забыться парень, какъ его расталкали и тяжелое колесо пошло въ ходъ.

VI.

Въ небѣ ни облачка, на землѣ ни клочка тѣни, въ воздухѣ ни малѣйшаго движенія,—пламенное солнце въ зенитѣ. И земля, и воздухъ накалены, жгутъ и, кажется, потому только не шипятъ въ прикосновеніи съ водою, что та сама обратилась въ теплую лѣкарственную ванну. Весь вчерашній дождь плаваетъ и стоитъ въ воздухѣ, точно паръ въ банѣ, гдѣ плеснули на каменку. Нѣтъ возможности дышать, не только работать; тошно видѣть солнце, а не печься на немъ въ теченіе долгаго сверкающаго дня. Жжетъ земля, жжетъ небо, всякая поверхность накалилась до того, что жжетъ руки и ноги. Замираетъ всякая жизнь, скотъ забываетъ кормиться и лежитъ, прячутся насѣко-

мыя и птицы, только царь природы, человѣкъ, ходитъ въ ужасномъ ярмѣ, обливаясь пòтомъ.

Совсѣмъ плохо приходилось изнемогавшему Семену, почти не отдохнувшему за ночь; а между тѣмъ наружно дѣло шло своимъ чередомъ. Только Марченковъ видѣлъ, что съ товарищемъ творится что-то неладное, что послѣдняя энергія и силы парня исчезаютъ. Довольно было взглянуть въ его глаза, чтобы видѣть, что они замерли и потухли, точно у умирающаго; блѣдное лицо, облитое пòтомъ, широко раздвинутая, свистящая грудь, дрожащія ноги и руки довершали впечатлѣніе агоніи. Онъ начиналъ пріостанавливаться и отдыхать все чаще, поощряемый товарищемъ, ловившимъ для этого каждую мало-мальски удобную и возможную минуту.

Такъ было и теперь, пока Марченковъ накладывалъ дрова въ бѣлянѣ, а Семенъ стоялъ широко разставивъ ноги и привалившись спиной къ единственному внутреннему боку бѣляны, вдоль котораго еще оставалась узенькая полоска тѣни.

Парень стоялъ въ изнеможеніи, прищуривъ тусклые, утомленные глаза, не выносившіе солнца, и не чувствовалъ ничего, кромѣ учащенныхъ ударовъ собственнаго сердца, глухо отдававшихся въ толстой обшиви судна, сквозь наболѣвшія ребра, точно оно хотѣло пробиться и выпорхнуть изъ ихъ костяной клѣтки.

— Слышь-ка, парень, ты чево-жь молчишь-то? Ай помирать задумалъ?—между дѣломъ обратился къ Семену солдатъ.—Ты вечоръ бы сказать долженъ, если не можется али што... Песъ съ ней и съ работой,—чай, не на штурмъ лѣземъ!...

— Да я ничево... Думалось, можетъ перемогусь какъ-нибудь. Вѣдь менѣ двухъ дёнъ остается,—тихо и жалостливо возразилъ Семенъ.

— А ты не думай,—не обидитъ артель. Болѣзнь-то не свой братъ,—не такихъ крючитъ... Прахъ ихъ возьми два-то дня,—не озолотѣешь съ нихъ! Сказалъ бы вечоръ, я бы на твое мѣсто человѣка припасъ. А то—перемогусь, перемогусь, на каторгѣ-то на этой!... Вѣдь тебя ноги не носятъ. Ты што чувствуешь-то, по крайности?—съ соболѣзнованьемъ пыталъ онъ парня.—Болитъ што ли гдѣ?

Семенъ вскинулъ на добраго солдата страдальческіе глаза, полные слезъ; пересохшія губы его судорожно передернулись и покосились, но заговорили не вдругъ и почти шепотомъ. Слова не шли и спирались въ сжатомъ горлѣ.

— Все болитъ, ноетъ во мнѣ, дяденька, живого мѣста нѣтъ, разнемогся совсѣмъ!... Нутро-то перегорѣло все,—хоть испить бы.

— Ахъ, парень-парень, какъ же это, а?... Не рука такъ-то! А ты присядь-ко, присядь покель,—я кваску принесу. Ахъ, голова, голова!—пожалъ онъ со страданіемъ плечами и исчезъ въ бѣлянѣ за квасомъ.

Семенъ въ безсиліи опустился на толстое сосновое полѣно, склонилъ голову къ дрожавшимъ колѣнамъ и ждалъ. Миріады оранжевыхъ, кроваво-золотистыхъ кружковъ катились въ его закрытыхъ глазахъ. Влажный горячій воздухъ не утолялъ груди.

Мимо шли артельщики, бросая не совсѣмъ дружелюбныя замѣчанія насчетъ парня. Оно и понятно,—каждый бы хотѣлъ побывать и отдохнуть на его мѣстѣ, да работа не ждетъ, отдыхъ не имѣетъ права заѣдать чужой трудъ.

— Ишь разсѣлся! Бѣлоручка видно! Запарился! Заснулъ!— Эти и подобныя замѣчанія глухо доходили до Семена, въ головѣ котораго стоялъ гулъ и въ ушахъ звенѣло.

— Это што-жь такое? На што похоже?—раздался вдругъ грубый и насмѣшливый голосъ Самсона.—Много мы наработаемъ такъ-то!... Эй ты, чего сидишь? Давно ли въ хозяева-то записался? Постель для вашей милости не изготовить ли?

Парень поднялъ робкій, молящій взоръ на издѣвавшагося. Передъ нимъ стоялъ восточный темно-бронзовый атлетъ, обнаженный до пояса, сверкая смѣющимися холодными глазами. Самсонъ работалъ безъ рубахи, но свѣжіе потоки пота сочились по его мускулистой спинѣ и груди.

— Дай ты мнѣ испить ради Бога, сварило совсѣмъ,—робко просилъ сидѣвшій.—Идемъ, сейчасъ идемъ, готовы носилки-то, видишь.

— Ты мнѣ пѣсни-то не пой! Взялся работать, такъ работай съ другими прочими.

— А тебѣ што, ты куда лѣзешь?—перебилъ голосъ Марченкова, появившагося съ квасомъ, взятымъ прямо со льду.

— А туда же! Мы работать будемъ, а вы прохлаждаться съ дохлымъ съ этимъ!—мотнулъ онъ на Семена.—Говорили: не брать,—такъ нѣтъ...

Марченковъ быстро взглянулъ въ робкія, молящія, жалкія глаза Семена, вспыхнулъ, сунулъ ему ковшъ въ дрожавшія руки и кинулся къ Самсону.

— Слушай ты, азіятская образина! Если ты еще хоть слово вякнешь, я изъ тебя духъ вышибу!... Сволочь проклятая! Ну, тебѣ чево надо?! Я его остановилъ, я!... Ты къ нему чего-жь чалишься? Одинъ онъ носилки понесетъ што ли? Жалуйся артели, если што не по закону, а здѣсь тебѣ дѣлать нечего. Песъ этакой!... Пра, песъ...

Самсонъ хотѣлъ было возразить что-то, но не успѣлъ зарычать, какъ солдатъ оборвалъ его.

— Проходи, проходи, чортова голова! Не доводи до грѣха,— хуже будетъ!

Самсонъ благоразумно не заставилъ повторить себѣ добраго совѣта и, вмѣстѣ съ дровами, понесъ свое негодованіе дальше, мимо.

— Слушай, парень, ты не вдругъ холодное-то,—обратился защитникъ къ Семену, какъ піявка прильнувшему къ ковшу. Но такъ какъ пить холодное здѣсь было потребностью и общимъ обыкновеніемъ, а холодный квасъ доставлялъ наслажденіе и бодрость горѣвшему нутру Семена лучше и слаще всякаго нектара и амврозіи, то понятно, что тотъ оставилъ ковшъ, но не оставилъ въ немъ капли. Съ каждымъ глоткомъ жаждавшему казалось, что сама жизнь и сила вторгалась и разливалась въ немъ, утоляя и гася нестерпимый жаръ, раскаленный уголь сердца. Лицо и глаза его ожили и онъ увидалъ свѣтъ, какъ выразился самъ. Отъ сердца точно отпало что̀, точно горячій камень отвалился прочь, и работать, казалось, можно было вновь.

— Ну, што, полегчило малость?—обратился Марченковъ къ Семену, вновь впрягавшемуся въ носилки.

— Маненько отошло будто.

— А ты на это не гляди,—не на̀долго! Жажду заморилъ, оно такъ и сдается. Ужь если неможется, не проходишь долго,— по себѣ знаю, даромъ силёнъ. Ты послушай меня, — вотъ што сдѣлаемъ. Черезъ полчаса обѣдъ, до него дотянемъ какъ-нибудь, а тамъ—баста—тебѣ надо порѣшить. И такъ вдосталь надорвался. Богъ съ ними полтора-то дня, куда ни шло!

Семенъ пробовалъ было противорѣчить и отговариваться, но солдатъ невозмутимо-рѣшительно и серьезно объявилъ, что грѣха на душу брать и работать съ нимъ не станетъ.

— Это тебѣ по новости, а мнѣ не въ первой,—тебѣ меня не учить. Навидался я этихъ дѣловъ-то,—съ досадою возразилъ онъ упрямому товарищу, поднимая тяжелую ношу.—Ты поѣшь,

да отдохни лягъ, а я въ городъ слетаю: есть у меня тамъ человѣчекъ, другой,—прихвачу на полтора дня. Если въ пропитіи, не задорого найму. Ты ужь не опорь, сдѣлай милость,—знаешь, што дядя Павелъ наказывалъ?

Семенъ дѣйствительно зналъ, что дядя просилъ служиваго не маять его непосильной работой, говоря, что Богъ съ ними и съ деньгами, если сверхъ силы онѣ.

Ужасная, безпощадная машина опять пошла впередъ и скоро парень почувствовалъ всю справедливость Марченкова. Не прошло и десяти минутъ, какъ короткое облегченіе стало смѣняться еще большимъ утомленіемъ и упадкомъ силъ.

Въ глазахъ его опять помутилось, отхлынувшая было кровь стала подваливать къ сердцу, руки и ноги слабѣли съ лихорадочной быстротой и дрожали, во рту сохло, въ ушахъ звенѣло. Онъ шелъ только потому, что его велъ Марченковъ, а въ сущности ему хотѣлось бы лечь и умереть. Раскаленный, знойный, ослѣпительный Божій міръ былъ противенъ ему; тьма, тишина, прохлада—завидны, будь это сама могила. Дотянуть бы хоть до обѣда, тоскливо думалъ онъ, вскидывая ненавистные, негодующіе глаза въ пылавшее небо, которое слѣпило и жгло въ отвѣтъ.

«Дотянуть бы хоть до обѣда»—этой единственной, упрямой, нищею мыслью, точно пружиной, онъ механически подвигался впередъ. Онъ шелъ, шелъ, шелъ, задыхаясь въ адскомъ круговоротѣ, обливаемый пóтомъ, обжигаемый солнцемъ, давимый тяжелымъ полѣномъ, погоняемый мыслью—«дотянуть бы хоть до обѣда».

Въ это время они подходили къ мѣсту свалки, гдѣ лежали груды дровъ, выкладываемыя въ полѣнницы другою артелью.

«Дотянуть бы хоть до...» Куда и до чего, онъ и самъ не зналъ. «Нѣтъ, зналъ да забылъ»—мелькало ему, и онъ тупо и растерянно, какъ-то безпомощно, улыбался своей забывчивости. Фраза оставалась не конченною, мысль оборвалась, памяти не было. «Господи, што это со мной?...»—недоумѣвалъ онъ, мгновенно то озаряемый искрой сознанія, то погружаемый въ мракъ его, точно послѣ молніи въ непроглядную ночь.

Они только-что свалили тяжелую ношу и освободились отъ проклятаго ярма, какъ Семенъ почувствовалъ себя совсѣмъ нехорошо. Невѣрными шагами онъ отошелъ къ близлежавшему раскаленному тесу и навалился на его невысокій бунтъ грудью

и локтями, спрятавъ лицо въ судорожно сжатыхъ, дрожавшихъ ладоняхъ. Такъ стоялъ онъ, наблюдаемый оторопѣвшимъ Марченковымъ, который тихо звалъ его, но боялся потревожить и нарушить минуты отдыха.

— Семенъ, Семенъ!...—время отъ времени тихо и жалобно окликалъ онъ стоявшаго, но тотъ оставался глухъ. Тогда солдатъ съ досадой махалъ рукой и прибавлялъ:—Бѣдняга, загорѣлся совсѣмъ!... Передохни.

А Семенъ?... Въ первую минуту онъ почувствовалъ тотъ тихій, но грубый толчокъ въ сердце, который наводилъ на него страхъ и теперь глухо, но непріятно отдался во всей лѣвой половинѣ его измученнаго тѣла. Въ это время все его вниманіе было отдано тому, что совершалось въ этой половинѣ; но, странное дѣло, парню почему-то казалось, что и самаго вниманія-то у него осталось только половина и что не хватаетъ другой, которой бы онъ могъ распорядиться, напрасно напрягая ее. Однако невыразимо - отрадное чувство минутнаго отдохновенія охватило его. Освобожденный отъ каторжнаго труда, онъ хотѣлъ бы стоять часы въ такомъ положеніи и завидовалъ счастливцамъ, которымъ это возможно. Онъ съ ужасомъ думалъ, что его позовутъ, не дадутъ отдышаться, а ему надо отдышаться совсѣмъ, совсѣмъ, чтобъ утихъ тотъ глухой рокотъ, который онъ слушалъ въ себѣ, чтобъ «отошло оно». Но *оно* не отходило,—нѣтъ, *оно* росло и поднималось въ немъ, кипя и бурля подступало и тѣснилось къ сердцу. Вотъ, вотъ, вотъ опять толчокъ, опять—грубѣе и сильнѣе, словно что-то пробило это сердце и бросилось вверхъ затопить мозгъ. Затѣмъ наступила тишина. Семену казалось, что онъ выплывалъ изъ какого-то темнаго моря и выбирался на берегъ. Въ это время онъ приходилъ въ себя и начиналъ сознательно ждать новаго прилива.

И вотъ онъ чувствуетъ опять, что тотъ растетъ, растетъ, наступаетъ и захватываетъ его. Голова его идетъ кругомъ, духъ спирается, сердце трепещетъ и замираетъ, точно при взмахѣ и паденіи исполинскихъ качель. Онъ хочетъ крикнуть. Напрасно! Вмѣсто вопля—ничего кромѣ моментальной жестокой боли сердца и тихаго звука, вродѣ лязга тайнаго нутряного замка, заперевшаго Семена въ бездиѣ тьмы, тишины и полнаго отдыха.

— Семенъ!... Сеня. Да што съ тобой? Если не можется, легъ бы, чѣмъ на жарѣ стоять,—усовѣщевалъ Марченковъ.

Стоявшій не подавалъ голоса, словно оглохъ или онѣмѣлъ.

— Тебѣ водицы не принести ли, можетъ въ голову ударило?... Полегчаетъ живой рукой.

То же мертвое молчаніе.

Солдатъ сбѣгалъ на бѣляну, зачерпнулъ ведро воды и торопливо подошелъ къ недвижному парню.

— Не испужать бы,—сообразилъ онъ, думая сначала простона-просто окатить загорѣвшагося товарища, чтобы привести его въ себя и освѣжить водою; онъ поставилъ ведерко и подошелъ вплоть.

— Помочить голову-то, што-ль? Нагнико-сь, я скачу!... Ну-ка!—Онъ положилъ руку на плечо Семена и осторожно потянулъ его къ себѣ.

Стоявшій подался, не сходя съ мѣста, скользнулъ по крайней тесинѣ и упалъ, какъ мѣшокъ съ зерномъ, къ ногамъ Марченкова. Мертвые бѣлки глазъ глядѣли изъ-подъ раздвинутыхъ вѣкъ.

Бравый солдатъ инстинктивно отскочилъ отъ навалившагося трупа, но за тѣмъ тотчасъ же кинулся къ нему,—оставалась надежда, что это, можетъ-быть, обморокъ.

Въ сущности отдаленная труба архангела, единственная надежда бѣдняковъ, осталась Семену,—развѣ тогда очнется онъ.

Въ минувшемъ году мнѣ пришлось быть на Ахтубѣ и взглянуть на эту своеобразную, чуть ли не степную рѣку—самый восточный рукавъ дельты Волги, откинутый ею еще между Дубовкою и Царицынымъ.

Вечерѣло, когда внезапная и сильная гроза захватила насъ въ пути, что было не совсѣмъ-то пріятно и удобно въ небольшой ловецкой лодкѣ, гдѣ хотя и существовалъ бакъ, но только для того, чтобы лежать подъ нимъ или сидѣть поджавъ ноги повосточному. Потому, не взирая на нордъ-вестъ *), сорвавшійся съ цѣпи, мы не сажали парусовъ, лишь бы добиться до болѣе удобнаго ночлега. Жилыя мѣста по лѣвому берегу рѣки довольно часты,—села, деревни, хутора и ватаги чередуются постоянно,—вѣтеръ насъ несъ штормовый и почти попутный, потому не прошло и получаса съ начала грозы, какъ подъ даровымъ ду́шемъ ливня и при такомъ же электрическомъ освѣщеніи мы ткнулись въ берегъ, чернѣвшій строеніями. Разобрать, впрочемъ, было нельзя

*) Жесточайшій вѣтеръ въ низовьяхъ Волги и въ Каспійскомъ морѣ.

ничего и кормщикъ, выкинувъ кошку *) на берегъ и вдавивъ ее въ сырую почву, исчезъ во мракѣ, въ которомъ къ громовымъ ударамъ тотчасъ присоединился тревожный лай собакъ— голосъ жилого мѣста, зовъ друга во тьмѣ и безлюдьи пути.

Черезъ четверть часа я входилъ въ чистую половину новой просторной избы, пахнувшую смолой, ярко освѣщенную лампадой передъ божницей и почти незапятнанную еще присутствіемъ человѣка, а черезъ полчаса, на столикѣ, между окнами небольшой зальцы, бурлило и лоснилось мѣдное чрево выхоленнаго самовара, который шипѣлъ, фурчалъ и вдругъ запѣвалъ такимъ отчаяннымъ дискантомъ, точно кричалъ: «ой, батюшки, уйду! Ой, батюшки, уйду!...» Къ счастію, появился хозяинъ обиталища, куда меня занесъ Богъ.

Это былъ типъ настоящаго хорошаго русскаго крестьянина, что меня не мало удивило, такъ какъ я зналъ, что вокругъ и по близости обитали большею частію только малороссы.

Павелъ Васильевичъ Тороповъ былъ благообразный мужикъ лѣтъ за сорокъ, выше средняго роста, съ умнымъ, строгимъ, но чрезвычайно симпатичнымъ лицомъ и до такой степени сознательными глазами, что вы тотчасъ же видѣли, что они думали и понимали каждое ваше слово, часто даже то, которое вы только собирались сказать. Особенность, далеко не всегда встрѣчаемая даже въ интеллигентныхъ слояхъ, говорящая о владѣльцѣ какъ о *личности*, которая жила, думала и, вѣрнѣе всего, страдала.

Это бросалось въ глаза и заинтересовало меня. Однако, близко подойти къ Павлу Васильевичу оказывалось возможнымъ не сразу. Между тѣмъ никакихъ обходовъ, подходовъ и шатаній вокругъ да около, я чувствовалъ, нельзя было и помыслить допустить съ человѣкомъ, сидѣвшимъ противъ меня. Я съ первыхъ же словъ его почему-то порѣшилъ, что это человѣкъ правды и можетъ быть завоеванъ только правдой, откуда бы она ни коснулась его. Человѣкъ влекъ къ себѣ, несмотря на серьезную, почти угрюмую сдержанность, а вѣрнѣе всего—благодаря ей. Прошло съ часъ времени, можно бы сказать, взаимнаго анализа, пока мы не начали дѣлаться своими людьми. Къ счастію, у насъ оказались общіе интересы. Павелъ нашелъ во мнѣ порядочное знакомство съ краемъ, поглощавшимъ все его вниманіе, но въ которомъ самъ онъ могъ назваться еще новичкомъ.

*) Кошка—малый якорь.

Какъ бы то ни было, но по этому поводу я узналъ исторію дяди Павла, разсказанную мнѣ съ такою непосредственностью и простотой, что на этотъ разъ я искренне пожалѣлъ, что не стенографъ, чтобы передать ее, какъ слышалъ только, а не какъ понялъ и сумѣлъ.

До сихъ поръ во мнѣ живо впечатлѣніе этого разсказа, и ни одна лекція объ искусствѣ не доказала мнѣ съ такой осязательной ясностью, что въ простотѣ и правдѣ вся суть, весь смыслъ, всѣ задачи, альфа и омега искусства самого въ себѣ. Только сами мы до того дѣланы, что сплошь и рядомъ не ощущаемъ и не можемъ воспринять и передать того и другого.

Дойдя до смерти племянника, по словамъ очевидца Марченкова, говорившій все тише, Павелъ замолчалъ и упрямо уставился на огонь свѣчи, точно позабылъ и въ немъ старался прочесть послѣдовавшее.

Я видѣлъ, что ему тяжело, и не рѣшался прерывать горькаго безмолвья, наступившаго вдругъ. Я видѣлъ, какъ плотно сдавилъ онъ дрогнувшія было губы, и терпѣливо ждалъ. Въ темныя окна все еще барабанилъ дождь и изрѣдка вспыхивала отдаленная молнія, сопровождаемая глухимъ громомъ.

Тяжелое, хмурое молчаніе и плачъ дождя, кропившаго по стекламъ и лужамъ, давили насъ, пока Павелъ не поборолъ себя и не заговорилъ вновь.

— Ну, прибѣжалъ это ко мнѣ солдатъ, самъ не свой, задохся совсѣмъ... Едва выговорилъ, что бѣда у нихъ, а какая— не сказываетъ. Стряслась молъ бѣда—и все тутъ. Зоветъ съ собой, а самъ, вижу, не въ себѣ, мечется, успокоивать меня началъ. Поглядѣлъ, поглядѣлъ я на нево, сперва думалъ—во хмѣлю, анъ нѣтъ. Слышу, сердце-то и упало во мнѣ: не даромъ, молъ, это,—съ Семеномъ што-нибудь...

Онъ передохнулъ и опять замолчалъ на минуту.

— Правду тебѣ сказать, о смерти-то о Семеновой въ то время у меня и въ мысляхъ не было... Ни-ни, ни чуточки! Захворалъ сильно, али упалъ какъ, зашибся,—ну, тамъ руку, либо ногу сломалъ,—такое вотъ што-нибудь чаялось, такъ и то сердце кровью облилось,—дорогъ парень-то былъ, для него жилъ и жить думалъ...—Голосъ говорившаго немного дрогнулъ и зазвенѣлъ.—Да, смѣхъ и горе,—отъ солдата-то путемъ ничево добиться не могу: несетъ неоколесицу какую-то, да и на; самъ жалобится, да и у меня ровно прощенья проситъ... Однимъ сло-

вомъ, страхъ и сердце меня взяли, что, молъ, это такое... Хочу налечь на него поплотнѣе, спросить: што молъ это за бѣда за такая, сказывай, полно душу-то маять,—анъ слова-то съ языка у меня и не идутъ, беретъ страхъ да и все тутъ... Однако, *допытался*-таки!

Онъ поднялъ суровые глаза на божницу съ сіявшею лампадой, но тотчасъ же перекрестился и опустилъ ихъ.

— Допытался!—тихо и жалобно добавилъ онъ, помолчавъ и точно вспоминая, чего допытался, и упрекая кого-то. Скорѣе всего можно было думать, что себя. — Ты хоронилъ ли близкихъ-то, дорогихъ, — такихъ, для которыхъ жилъ? — внезапно обратился онъ ко мнѣ.

— Случалось.

— Ну, такъ вотъ знаешь, каково легко это... А вѣдь мнѣ его и похоронить-то какъ слѣдуетъ не дали, ты пойми это!... Пойми, вѣдь я его на смерть-то своими руками отдалъ, не защитилъ!—вдругъ прорвался и болѣзненно вскрикнулъ онъ, но тотчасъ же скрипнулъ зубами и горько добавилъ:—За дѣло проклятому!—относя это, разумѣется, прямо къ себѣ.

Въ эту минуту мнѣ стало страшно жалко разсказчика и я попробовалъ было уговорить его не мучаться и прекратить разсказъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—съ живостью и досадой запротестовалъ онъ,—мнѣ, собакѣ, мало кажный день такъ-то казнить себя, да не съ тобой, а съ такимъ, штобы судилъ меня. Съ то-тобой-то я только душу отвожу!

— Ну-ну, какъ знаешь, Господь съ тобой... Какъ же это похоронить не дали?—полюбопытствовалъ я.

— Опотрошили,—тихо, угрюмо и какъ бы стыдясь отрѣзалъ онъ, но вскорѣ поймалъ прерванную нить разсказа. — Какъ сказалъ мнѣ солдатъ, што Семенъ мертвый лежитъ, такъ, не повѣришь ты, я спервоначала-то ровно и не понялъ, только холодомъ обдало. Одно слово, въ холодную воду упалъ. Да и не вѣрю!... Смотрю на солдата-то и не вѣрю. Какъ это такъ, сообразить не могу: третёвось видѣлъ здороваго, веселаго, говорилъ, а сичасъ мертвый лежитъ?!... Не такъ што-нибудь, думаю, вретъ служба; самъ пойду, все дѣло раскрою. Не можетъ этого быть, не можетъ!... За што-жь это, Господи... Самъ думаю этакъ-то, а во мнѣ, слышу, кипитъ, дрожитъ што-то, давитъ меня... Это, видно, горе-то подступать стало, силу

брать, послѣднюю надежду душить. А чево душить,—стоил
солдата-то посмотрѣть, штобъ всю правду узнать,—такъ уби
ся сердечный, што она вся на немъ была! Дрожь меня вз
какъ понялъ я это. Какъ ума не рѣшился, не умѣю тебѣ
зать... А можетъ и рѣшился. Вотъ самъ услышишь.

Онъ опять перевелъ духъ и смолкъ, точно собирался
силами.

— Тутъ ужь, какъ пропала у меня надежда-то всякая,
ту я не взвидѣлъ, себя не помнилъ, бросилъ все, амбаръ не
перъ... Пропадай все пропадомъ!... Побѣжалъ, даже головы не
крылъ... Одно помнилъ—туда, къ нему мученику, къ дѣт
дорогому! Не знаю ужь, какъ самъ-то не издохъ на дор
Жара стояла—геенна огненная, а я дрожу и бѣгу, дрожу и
гу, задыхаюсь, дрожу и бѣгу... Кто видѣлъ, безпримѣнно ал
вора, али за полоумнаго сочли... Пристань-то, чай знаешь,
болѣ полутора верстъ будетъ, такъ я къ ней ровно птица
летѣлъ, ровно меня несъ кто... Говорю, не знаю какъ не из
только, вѣдь жаръ-то, говорили, подъ пятьдесятъ градусовъ
ходилъ!—Онъ опять помолчалъ минуту.—Ну, што тебѣ еще
зывать, душу маять? Удостовѣрился, лично свидѣлся...

Онъ безнадежно махнулъ рукой и серьезными глазами,
ными слезъ, опять уставился на освѣщенную божницу, но
смотрѣли куда-то дальше, можетъ-быть на родимый трупъ и м
вые бѣлки закатившихся глазъ отдыхавшаго Семена. Такъ
шла не одна минута. Дождь затихъ и стояла мертвая тиши

«А вѣдь въ то время я, можетъ-статься, впраду ума
шился,—вдругъ заговорилъ онъ.—Какъ узналъ я, што мнѣ
койничка взять нельзя, што полиціи обзаявлено и што ево,
порядка, надо-быть, рѣзать станутъ,—тутъ не скажу што и
лось со мной,—не могу... Прости ты меня, Господи! —перекрес
ся онъ,—въ то время возроптал я, сквернословилъ, буйс
валъ, ровно звѣрь сдѣлался. Очень ужь мнѣ непереносно ст
што живова-то въ каторгѣ заморили, да и надъ мертвымъ и
ваться будутъ, въ гробу-то покоя не дадутъ... Посуди с
што тутъ было дѣлать?... Съ ногъ меня это свалило въ то
мя, недоброе дѣло надумалъ было я... Да чево надумалъ!—
не сдѣлалъ. Што у меня тутъ въ головѣ бродило, не пере
жешь всево. Не на комъ было, такъ на себѣ хотѣлъ сердц
рвать,—ну, однимъ словомъ, порѣшить съ собой. Легше
стало, съ тѣмъ я и съ пристани ушелъ. А порѣшилъ-то я

много, ни мало—не давать на поруганье Семена, схоронить самому, хоть бы кровь пролить—свою ли, чужую,—не разбиралъ въ то время... Говорю, совсѣмъ звѣрь сдѣлался.

«Вотъ, въ мысляхъ-то въ этихъ, дошелъ я домой, захватилъ малость деньжонокъ, што скопилъ, да въ контору, къ управляющему прямо. Разсказалъ ему свое горе, объявилъ, што служить не могу, просилъ не поминать лихомъ; а деньги, съ тѣми, што причтутся мнѣ, што и мертвымъ заработаны, если дошлетъ артель,—Марченкову поручилъ,—переслать сестрѣ. Хотѣлъ письмо писать, да раздумалъ: пусть, молъ, ждетъ; если и напишутъ добрые люди, къ тому времени все кончено будетъ.

— Што-жь, молъ, ты умирать што ли собрался?—попыталъ меня добрый баринъ, подивился, пожалъ плечами, но приказалъ все сдѣлать по-моему,—просилъ ужь очень я.

«Ну, ни сколь много дня-то оставалось послѣ этого, а какъ я ево дотянулъ—одному Богу извѣстно. Многое у меня тутъ въ головѣ перебывало и вспомнилось. Вспомнились и люди, и земля родимая, а пуще всево мать, отъ которой сына на смерть и поруганіе увелъ. Больно непереносно ужь это было... Да нѣтъ, не быть, не бывать этому, не быть! И роптал же я, на Господа Бога, зло ропталъ: «за что?!...» А ужь себя клялъ—и говорить нечево. Кто не испыталъ, не понятно это совсѣмъ.

«Суета-то затихла, свечерѣло и солнышко сѣло, когда я съ пристани на баржу сошелъ. Измаяло меня, напослѣдяхъ, захотѣлось на Божій міръ взглянуть. Да и время такое было. Пошабашили, народъ ушелъ, баржа къ погрузкѣ стояла пустая,—одному-то хорошо было и подумать, и на вольный свѣтъ взглянуть, и съ Богомъ примириться—покаяться. Словомъ, легше было. Тутъ я пристроился и остался, когда убѣдился, што подъ кормой завозня и бударчёнка стояли, да и весла на баржѣ. «Ровно самъ Богъ позаботился», подумалось мнѣ тогда. До того, значитъ, дошелъ, што всякое понятіе потерялъ,—не разумѣлъ, што такія дѣла-то не съ Божьей помощію дѣлаются. Вотъ и началъ я думать объ этомъ дѣлѣ своемъ. Долго думалъ,—не даромъ говорится, што злой злое и думаетъ. Еще кипѣло все во мнѣ, не уходилось сердце-то,—што порѣшилъ, то и думалъ.

«Сижу и соображаю такъ-то. Пусть, молъ, минетъ большая половина ночи, разсвѣтъ займется, самый крѣпкій сонъ придавитъ живое, только не меня,—не уснуть мнѣ! Тогда возьму я весла, отвяжу бударку да и былъ таковъ—въ гости къ Семену поѣду.

Поутру завтра его рѣзать собрались они, да не быть тому. И таперь, чай, полиція караулитъ—одинъ, либо двое? Да не велика помѣха,—волей не дадутъ, силой возьму! Можетъ еще спать будутъ на мое и на свое счастье, а и барахтаться начнутъ—не поспѣютъ. У меня все готово,—далеко буду. Это, значитъ, надо было тѣло-то Семена взять въ лодку, вывезти на Волгу, гдѣ поглубе,—не далеко тутъ,—обнять покрѣпче сердягу, ногами лодчонку-то оттолкнуть подалѣ, да и кануть вмѣстѣ, какъ ключъ ко дну... Не выпустилъ бы, не бойсь,—не гдѣ искать, а и нашли бы, такъ вмѣстѣ.

— Вотъ, братецъ ты мой, въ тѣ поры до чево я дошелъ, о чемъ думу думалъ!... Въ умѣ ли былъ—самъ суди,—прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Однако, не случилось вѣдь этого?—не стерпѣлъ я.

— Нѣтъ, слава Господу Богу, не совсѣмъ покинулъ меня,—не дозволилъ пропасть. Говорятъ, утромъ безъ памяти въ лодкѣ меня нашли; въ огневицѣ близъ мѣсяца пролежалъ, людей не узнавалъ, говорилъ непутящее; караулили,—бѣжать все куда-то хотѣлъ. Самъ-отъ не помнилъ я этого, а люди сказывали, какъ выздоравливать сталъ. Марченкова одного, правда, признавалъ,—въ болѣзни онъ часто навѣдывалъ. Добрый человѣкъ, дай Богъ ему, жалѣлъ онъ меня. О Семенѣ и не пикнулъ, пока самъ не началъ,—боялся вишь. Такъ безъ меня и похоронили парня. Одно отрадно—артелью, на общій коштъ. На себя она это дѣло взяла. Вѣдь трудовыя, пóтомъ и кровью добыты денежки-то,—тутъ и молитва скорѣе до Бога дойдетъ! Не лицепріятна...—Павелъ произнесъ это съ глубокимъ удовольствіемъ, самое лицо его разгладилось и потеряло всякую суровость.—По крайности не на днѣ рѣчномъ, а подъ Божьимъ крестомъ спитъ,—тихо и задумчиво добавилъ онъ.

— Ну, вѣчная память!... Ты-то какъ?...

— Вотъ, видишь, живу, опять зá соху взялся. Очень ужь стосковался по дѣлу по мужичьему, а вѣдь совсѣмъ было въ купцы вышелъ,—саркастически добавилъ Тороповъ.

— Какъ такъ?

— А такъ. На пристани-то помошникомъ матерьяльнаго сдѣлался, даромъ не грамотный; четыреста рублевъ получалъ, вѣрно тебѣ говорю. Уходить сталъ,—не пущали, прибавку сулили! Вотъ оно дѣло-то! Жить бы—не прожить.

— Что-жь ты?

— Богъ съ ними и съ деньгами. Опостылѣло мнѣ это,—махнулъ онъ рукой.—Не наше дѣло совсѣмъ. Смола да сажа, сурикъ да бѣлила, пакля да деготь,—протухъ весь, вольнаго воздуха захотѣлъ, сырой земли понюхать... Соскучился, говорю тебѣ,—болѣ трехъ лѣтъ въ пароходствѣ-то выжилъ. Ну, скопилъ деньжонки да и приписался здѣсь. Сестру съ дѣтьми перевезъ, хозяйство, кое не распродалъ, да вотъ второй годъ ужь тутъ хозяйствуемъ, пшеничку сѣемъ.

— Родныя-то мѣста покинулъ, значитъ?

— Богъ съ ними! Тише тутъ, просторнѣе, грѣха менѣ...

— Какого грѣха?

— Да всякаго!—неопредѣленно махнулъ онъ рукой.—Однако, ты спи! Заговорилъ я тебя, не рано теперь,—заторопился онъ, прекратилъ разговоръ и всталъ.

Черезъ полчаса я дѣйствительно спалъ, какъ убитый.

Н. Бобылевъ.

Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ.

V *).

Превосходно разработанные проекты Уставовъ судоустройства, судопроизводства и о проступкахъ, подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ, снабженные обстоятельными замѣчаніями министра юстиціи Замятнина, были разсмотрѣны соединенными департаментами и общимъ собраніемъ государственнаго совѣта меньше чѣмъ въ годъ. Замятнину, при содѣйствіи товарища своего Н. И. Стояновскаго, удалось провести большинство своихъ поправокъ, подчасъ весьма существенно измѣнявшихъ предположенія коммиссіи, ради болѣе строгаго проведенія принциповъ «Основныхъ Положеній».

Судебной реформѣ удалось-таки преодолѣть всѣ многочисленныя препятствія, созданныя своекорыстіемъ, невѣжествомъ и рутиною, и 20 ноября 1864 года вылиться въ тотъ замѣчательный памятникъ нашего законодательнаго творчества, о которомъ въ одномъ изъ недавнихъ оффиціальныхъ актовъ справедливо сказано, «что онъ составляетъ гордость нашу и славу прошлаго царствованія».

Случайность въ исторіи все еще играетъ очень важную роль. У насъ, можетъ-быть, больше, чѣмъ гдѣ-либо, весьма важно умѣть ловить минуту... Не распорядись Ланской напечатать и изготовить въ одну ночь циркуляры губернаторамъ по крестьянской реформѣ, быть-можетъ, реакціи удалось бы, какъ о томъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ честныхъ тружениковъ крестьянской реформы, покойный сенаторъ Соловьевъ, надолго задержать реформу. Такъ было и съ судебною реформой. И до и послѣ утвержденія «Судеб-

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

ныхъ Уставовъ» реакціонная клика дѣлала все возможное, чтобъ исказить и затормозить ее. Нужно было торопиться. Это хорошо понимали горячіе сторонники судебной реформы, предсѣдатель государственнаго совѣта кн. П. П. Гагаринъ и министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ. «Судебные Уставы» *въ день же* утвержденія были препровождены при замѣчательномъ указѣ въ правительствующій сенатъ для обнародованія. Указъ этотъ, который слѣдовало бы заставлять юношей учить наизусть, какъ въ древности заучивали carmina XII таблицъ, въ слѣдующихъ краткихъ, но выразительныхъ выраженіяхъ передаетъ основной смыслъ «этого великаго дѣла» (судебной реформы), долженствовавшаго водворить въ «новой» Россіи первые элементы благоустроеннаго, въ европейскомъ смыслѣ слова, общежитія, точнѣе — правоваго порядка. «Разсмотрѣвъ сіи проекты, Мы находимъ, — сказано въ помянутомъ указѣ Царя-Освободителя,—что они соотвѣтствуютъ желанію Нашему водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ Нашихъ, *возвысить* судебную власть, дать ей надлежащую *самостоятельность* и вообще утвердить въ народѣ Нашемъ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть *руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго отъ высшаго до низшаго*». Памятныя слова, заслуживающія внесенія въ основные законы!

Партія застоя не унималась и послѣ утвержденія и обнародованія «Судебныхъ Уставовъ». Теперь она перемѣнила тактику. Если уже нельзя было воспрепятствовать изданію «Судебныхъ Уставовъ», то еще можно было попробовать надолго «задержать» введеніе ихъ въ дѣйствіе. Къ этому-то и направились усилія этой партіи. Для ея вліянія особенно пагубенъ былъ принципъ провозглашенія самостоятельности и независимости судебной власти, бывшей дотолѣ игрушкою для вліятельныхъ сферъ. Такъ какъ нельзя было откровенно высказывать свои некрасивыя сѣтованія насчетъ предстоящей утраты вліянія на судебныя мѣста, то старались своимъ эгоистическимъ вожделѣніямъ пріискать гражданскіе мотивы, разсчитывая при этомъ на обычныя всѣмъ смертнымъ слабости. Такъ, напримѣръ, старались нашептывать, что самостоятельность судебныхъ учрежденій есть умаленіе «власти», которая, отказываясь отъ права перевершенія дѣлъ, рѣшенныхъ судами, лишается одной изъ важнѣйшихъ своихъ прерогативъ. Все серьезное значеніе этихъ инсинуацій будетъ понятно,

если вспомнить, что къ ихъ содѣйствію даже въ наше время, т.-е. спустя 18 лѣтъ послѣ введенія новыхъ судовъ, сочла удобнымъ прибѣгнуть реакція, кричавшая на всю Россію, что независимость судей означаетъ «самодержавіе» судей... Замятнину и другимъ друзьямъ реформы стоило не малаго труда разсѣять внушенія своекорыстія и очистить путь для введенія реформы. Рѣшено было ввести судебную реформу во всѣхъ частяхъ на первый разъ въ двухъ судебныхъ округахъ—С.-Петербургскомъ и Московскомъ. Послѣ этого Замятнинъ рѣшился во что бы то ни стало устранить всѣ препятствія и открыть своевременно новые суды.

Были препятствія довольно серьезныя для скораго введенія судебной реформы: это—недостатокъ матеріальныхъ и интеллектуальныхъ средствъ для ея осуществленія. На устраненіе этихъ препятствій употребилъ Замятнинъ весь 1865 и часть 1866 года. Когда финансовая сторона дѣла была улажена, пришлось подумать о пріисканіи приличнаго и удобнаго помѣщенія для новыхъ судебныхъ мѣстъ. Вопросъ этотъ не такъ ничтоженъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Лучшимъ доказательствомъ его важности служитъ то обстоятельство, что враги судебной реформы разсчитывали, какъ это ни покажется страннымъ, что дѣло реформы отложено будетъ въ долгій ящикъ за невозможностью пріискать и приспособить для новыхъ судовъ въ ближайшемъ будущемъ приличное помѣщеніе. Нечего было и думать строить новый домъ, во-первыхъ, потому, что это стоило бы порядочныхъ денегъ, на ассигновку которыхъ трудно было разсчитывать, и, во-вторыхъ, это значило бы откладывать дѣло на нѣсколько лѣтъ и стало-быть рисковать судьбою самой судебной реформы. Надлежало во что бы то ни стало пріискать нужное зданіе. Замятнинъ такъ и смотрѣлъ на дѣло. Онъ объѣздилъ почти весь Петербургъ, осмотрѣлъ всѣ зданія, которыя могли сколько-нибудь пригодиться для этой цѣли, но ни одно изъ нихъ не подходило. Замятнинъ сталъ уже отчаяваться и скорбѣть, что дѣло можетъ разстроиться изъ-за того, что не оказывается въ Петербургѣ приличнаго зданія для суда, какъ вдругъ выручилъ его архитекторъ Шмидтъ.

Повидимому, для хорошаго дѣла всегда найдутся друзья; Шмидтъ, видѣвшій за границей судъ присяжныхъ и хорошо понимавшій значеніе судебной реформы, неожиданно оказался ея преданнымъ другомъ и сослужилъ ей хорошую службу. Онъ предложилъ министру юстиціи Замятнину приспособить для петер-

бургскихъ судебныхъ установленій зданіе арсенала, на Литейномъ проспектѣ. На первый взглядъ планъ Шмидта показался черезчуръ фантастичнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, зданіе безъ лѣстницъ, съ большими воротами, чрезъ которыя ввозили и вывозили пушки,—какъ изъ него сдѣлать, и то въ короткое время, залы для публичныхъ засѣданій, многочисленные кабинеты для должностныхъ лицъ, залы для обширной канцеляріи семи отдѣленій окружнаго суда, трехъ департаментовъ судебной палаты, нотаріата и прокурорскаго надзора? Но усердіе и любовь къ дѣлу все преодолѣваютъ.

Замятнинъ остановился на арсеналѣ. Неизмѣнный поборникъ реформъ, военный министръ Д. Н. Милютинъ, которому подвѣдомо было это зданіе, охотно согласился уступить его подъ новый судъ; министръ финансовъ М. Х. Рейтернъ также безъ затрудненія отпустилъ нужную сумму. Вскорѣ закипѣло дѣло. Всю зиму 1865 года работали, иногда ночью, при электрическомъ освѣщеніи, надъ приспособленіемъ зданія арсенала. Замятнинъ почти ежедневно посѣщалъ работы, подгоняя ихъ къ окончанію въ назначенный срокъ. Усталый отъ дневнаго труда, измученный назойливымъ противодѣйствіемъ реакціонеровъ, Замятнинъ тѣмъ не менѣе поддерживалъ бодрость духа въ своихъ сотрудникахъ, неустанно твердя свое ceterum censeo: «а все-таки новые суды будутъ открыты въ назначенное время».

Относительно будущихъ московскихъ судебныхъ установленій Замятнинъ, во время своего пребыванія въ Москвѣ, изъ личнаго осмотра сенатскаго зданія убѣдился, что часть этого зданія, занятаго тогда архивомъ военнаго вѣдомства и другими учрежденіями, можетъ быть весьма удобно приспособлена для новыхъ судебныхъ установленій *). Заинтересованныя вѣдомства уступили и это зданіе. Такимъ образомъ, благодаря энергіи Замятнина, вопросъ о зданіяхъ столичныхъ судебныхъ установленій былъ разрѣшенъ благополучно.

Вопросъ о раздѣленіи на судебные округи и размѣщеніи окружныхъ судовъ представлялъ также не мало затрудненій. Почти всѣ болѣе или менѣе значительные города заявляли претензію имѣть у себя окружные суды и вызывались на денежныя и иныя пожертвованія. Отчаянная борьба завязалась, напримѣръ, между Бѣжецкомъ и Кашиномъ изъ-за мѣста будущаго окружнаго суда. «Enfin la

*) *Журн. Мин. Юстиціи* 1864 г., № 4, стр. 32.

question a provoqué dans les ésprits une activité générale,—писалъ тверской губернаторъ, князь Багратіонъ, Замятнину,—ce qui vaut toujours mieux,—спѣшилъ онъ, впрочемъ, присовокупить,—que le silence et l'indifference». По этому поводу кстати будетъ припомнить слова одного изъ сенаторовъ, довольно сочувственно относившагося къ судебной реформѣ, но смущеннаго шумнымъ общественнымъ воодушевленіемъ, ее сопровождавшимъ: «Присяжныхъ, присяжныхъ и присяжныхъ!—писалъ онъ,—вотъ крики, съ нѣкотораго времени летящіе со всѣхъ сторонъ нашего дорогого отечества. Во всѣхъ крикахъ мало смысла, хотя много увлеченія и еще болѣе подражанія. Закричалъ одинъ,—какъ не заревѣть другому» и т. д.

Замятнинъ не принадлежалъ къ числу этихъ робкихъ людей, которые до такой степени акклиматизировались въ спертой кабинетной атмосферѣ, что они уже не выносятъ вольнаго воздуха свободной жизни. Замятнинъ понималъ, что общественное воодушевленіе—великая сила и при умѣломъ пользованіи ею можно совершить много хорошаго. Онъ пошелъ, такъ-сказать, на площадь, въ самую толпу, будучи убѣжденъ, что только ближе къ мѣсту и въ средѣ лицъ, вполнѣ знакомыхъ съ внутреннею жизнью провинціи, можно правильно рѣшить и вопросъ о мѣстѣ нахожденія окружныхъ судовъ, и о пріисканіи удобныхъ помѣщеній для нихъ. Съ этою цѣлью онъ совершилъ поѣздку въ Новгородъ, Тверь, Рязань, Владиміръ и другіе города. При немъ не было пышнаго штата походной канцеляріи. Всею перепиской завѣдывалъ Б. Н. Хвостовъ, вице-директоръ департамента министерства юстиціи; ихъ сопровождалъ только одинъ курьеръ. При этихъ поѣздкахъ не было никакихъ торжественныхъ встрѣчъ. Ни прокуроры, ни члены судебныхъ мѣстъ не выходили на встрѣчу. Встрѣчалъ обыкновенно мѣстный полицеймейстеръ, указывавшій приготовленную квартиру (двѣ или три комнаты) въ частномъ домѣ или гостиницѣ. Вообще Дмитрій Николаевичъ былъ врагъ пышности и богатой внѣшней декоративности, которыя такъ тѣшатъ тщеславіе мелкихъ натуръ. Благодаря своей скромности, Дмитрій Николаевичъ иногда натыкался на курьезныя сцены. Вотъ одна изъ нихъ. Дмитрій Николаевичъ сидѣлъ въ вагонѣ II класса, переполненномъ народомъ. Подсаживается къ нему молодой человѣкъ и, видя его въ форменной фуражкѣ съ зеленымъ бархатнымъ околышемъ и одѣтымъ въ старое платье, принялъ за какого-нибудь экзекутора или незначительнаго чиновника. Молодой

человѣкъ нѣсколько издалека началъ разговоръ о службѣ по вѣдомству министерства юстиціи, о томъ, что служба эта, въ особенности для правовѣдовъ, плохо вознаграждается, но что онъ надѣется вскорѣ получить хорошее назначеніе. Затѣмъ, обратясь къ старику Замятнину, спросилъ: «Вы сколько лѣтъ на службѣ?... Служите давно, а въ сравненіи съ правовѣдами вѣроятно не далеко уѣхали?» Замятнинъ скромно отвѣчалъ на вопросы. Когда молодой человѣкъ узналъ, что говоритъ съ министромъ юстиціи, сильно переконфузился, сталъ извиняться и перешелъ въ другой вагонъ. Впослѣдствіи Замятнинъ встрѣтился съ молодымъ человѣкомъ, занимавшимъ въ Москвѣ должность стряпчаго, обласкалъ его и съ обычнымъ своимъ добродушіемъ напомнилъ сцену въ вагонѣ.

Для лучшаго ознакомленія съ характеромъ путешествія Замятнина, приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ газетъ того времени. Въ *Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* читаемъ: «На другой день пріѣзда въ Новгородъ (23 августа 1865 г.) министръ юстиціи Замятнинъ принималъ депутаціи отъ городовъ, явившіяся съ ходатайствомъ объ открытіи у нихъ окружныхъ судовъ. Вечеръ 23 августа былъ проведенъ министромъ юстиціи Замятнинымъ, на квартирѣ начальника губерніи, въ разсужденіи о размѣщеніи въ Новгородской губерніи окружныхъ судовъ. По приказанію губернатора были приготовлены къ этому совѣщанію всѣ средства мѣстнаго статистическаго комитета: разнообразныя географическія карты губерніи, ея пространства, размѣщенія лѣсовъ, населенности и судебно-статистическія таблицы. Разсужденія шли непринужденно, оживляемыя даже нѣкоторою горячностью, которую невольно вызываетъ въ каждомъ рѣчь о своей родной мѣстности, по вопросу, который имѣетъ прямое вліяніе на ея благосостояніе. Особенно интересенъ былъ споръ двухъ должностныхъ лицъ, бывшихъ предводителей дворянства, бѣлозерскаго и череповецкаго, въ отношеніи помѣщенія окружнаго суда. Ни одинъ городъ не остался безъ защитника. Эти разсужденія и проведенныя въ нихъ данныя послужили полнымъ и надежнымъ матеріаломъ для составленія окончательнаго убѣжденія по этому предмету. Затѣмъ министръ осмотрѣлъ зданія, относительно которыхъ имѣлись предположенія о помѣщеніи въ нихъ новгородскаго окружнаго суда. Свободное отъ занятій время министръ проводилъ въ кругу лицъ административнаго и судебнаго вѣдомствъ, знакомясь съ подробностями ихъ быта и губернской жизни. Такія бесѣды могли

только довершить самое пріятное впечатлѣніе, произведенное имъ на все новгородское общество, и проявили во всѣхъ отношеніяхъ его къ окружающимъ тѣ добросердечіе и гуманность, которыя въ отношеніи къ подчиненнымъ образуютъ связь взаимнаго довѣрія и сочувствія. Въ день отъѣзда новгородское городское общество изъявило министру желаніе принять на счетъ города полную меблировку окружнаго суда» *). То же самое дѣлалось и въ другихъ городахъ. Обаятельнымъ воздѣйствіемъ своей личности Замятнинъ вездѣ успѣлъ вызвать сочувствіе къ судебной реформѣ и значительныя пожертвованія для ея осуществленія. Благодаря этимъ пожертвованіямъ, издержки казны на устройство зданій каждаго изъ четырнадцати провинціальныхъ окружныхъ судовъ не превышали 7.000 руб. **). Замѣчательно, что псковской губернаторъ графъ Паленъ, и вице-губернаторъ, подъ предлогомъ объѣзда губерніи, оставили Псковъ именно въ то время, когда туда долженъ былъ пріѣхать Замятнинъ.

Замятнину слѣдовало заняться еще другимъ, кардинальнымъ для успѣха судебной реформы, вопросомъ — о пріисканіи добропорядочнаго, честнаго и развитаго персонала для новыхъ судебныхъ мѣстъ. Назначить безъ разбора на новыя судебныя должности старыхъ чиновниковъ—это значило вливать новое вино въ старые мѣхи и испортить сразу дѣло реформы. Съ другой стороны, поручать неиспытанное на опытѣ дѣло пылкой, увлекающейся молодежи—значило также скомпрометировать его. Между этими двумя дилеммами пришлось бороться Замятнину, который вышелъ изъ борьбы самымъ счастливымъ образомъ, благодаря своей честной натурѣ, умѣнью привлекать и распознавать людей. Не забудемъ, что Замятнинъ не могъ пользоваться такимъ прекраснымъ средствомъ, какъ избраніе на судебныя должности самими судебными мѣстами, которое установлено «Судебными Уставами» и которымъ такъ пренебрегалъ систематически его преемникъ, графъ Паленъ. Припомнимъ еще, что слѣдовало въ двухъ обширныхъ округахъ, въ которыхъ вводилась судебная реформа, назначить сразу огромное количество должностныхъ лицъ, начиная отъ сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ и кончая судебными слѣдователями и чинами прокурорскаго надзора. Нужно было назначить: 8 сенаторовъ, 50 предсѣдателей судебныхъ мѣстъ и ихъ товарищей, 144 члена судебн хъ палатъ и окружныхъ судовъ,

*) *Новгород. Губерн. Вѣдомости* 1865 года, № 38.

**) *Журн. Министер. Юстиціи* 1866 года, № 4.

192 судебныхъ слѣдователя, 123 чина прокурорскаго надзора. Невольно возникаетъ вопросъ, какъ и откуда взялъ Замятнинъ такое количество должностныхъ лицъ, и притомъ такихъ, память о которыхъ живетъ доселѣ въ обществѣ, какъ отрадное воспоминаніе о безкорыстной и мужественной службѣ родинѣ, которые создали достойный подражанія типъ беззавѣтныхъ служителей правосудія!?...

Это вопросъ интересный не только для біографіи Замятнина, но и для нашихъ судебныхъ порядковъ вообще. Чтобъ отвѣтить на него, нужно припомнить личныя свойства Замятнина. Прямой, откровенный, простой и честный по натурѣ, онъ умѣлъ проникать въ душу людей, расшевелить лучшія стороны ея, привязывать ихъ къ себѣ, а черезъ себя и къ дѣлу, которому онъ служилъ. Не всякій этому повѣритъ, но бывали случаи, когда Замятнинъ, узнавъ о несчастіи, постигшемъ его подчиненныхъ, старался горячимъ сочувствіемъ своимъ утѣшить ихъ, плакалъ съ ними... *Рязанскія Губернскія Вѣдомости* слѣдующимъ образомъ описываютъ впечатлѣніе, произведенное Замятнинымъ: «въ короткое пребываніе его въ Рязани всѣ здѣсь успѣли полюбить его, такъ какъ онъ своимъ непринужденнымъ и ласковымъ со всѣми обхожденіемъ являлъ собою не столько высокое начальственное лицо, сколько почтеннаго отца большой семьи, служащей въ храмѣ Ѳемиды» (1865 года, № 38). Чуждый узкимъ школьнымъ традиціямъ и ésprit de corps, онъ далекъ былъ отъ исключительной симпатіи къ своимъ товарищамъ по лицею, онъ искалъ людей талантливыхъ и честныхъ всюду, гдѣ можно было ихъ найти. Онъ лично знакомился съ кандидатами на судебныя должности, ѣздилъ на мѣста, былъ въ Москвѣ, во Владимірѣ, Новгородѣ, Твери, лично распрашивалъ товарищей, представителей мѣстнаго общества, и, наконецъ, лично наблюдалъ судоговореніе и такимъ образомъ создавалъ себѣ живое и вѣрное представленіе о нравственныхъ и интеллектуальныхъ качествахъ своихъ кандидатовъ. И ужъ сдѣлавъ, послѣ тщательнаго разслѣдованія, выборъ, Замятнинъ держался за своего избранника, защищая его отъ всякаго рода навѣтовъ, которые нерѣдко навлекаютъ на себя люди честные и талантливые. Сенаторъ Д. Б. Беръ передаетъ слѣдующій характерный случай избранія на предсѣдателя окружнаго суда: «При замѣщеніи новыхъ должностей,—говоритъ сенаторъ, очевидецъ событій того времени,—особенно затруднителенъ былъ выборъ кандидатовъ на предсѣдателей окруж-

ныхъ судовъ. Кандидатовъ было много, весьма и вполнѣ, казалось, достойныхъ, но Дмитрій Николаевичъ все не былъ спокоенъ и не могъ рѣшиться: видимо, имѣвшіеся въ виду кандидаты не осуществляли его идеала; онъ неоднократно посѣщалъ засѣданія прежнихъ судебныхъ установленій и однажды возвратился изъ засѣданія с.-петербургской гражданской палаты видимо счастливый, спокойный и довольный. Онъ нашелъ кандидата: выборъ его остановился на Г. Н. Мотовиловѣ. Достаточно назвать это всѣми достойно чтимое имя, чтобы понять, насколько вѣрно угаданъ былъ будущій первый предсѣдатель с.-петербургскаго окружнаго суда» *). Слѣдуетъ еще замѣтить, что Замятнинъ впервые выдвинулъ при назначеніи на судебныя должности принципъ личныхъ способностей и нравственныхъ достоинствъ на мѣсто стараго принципа—«сидѣнья» на одномъ мѣстѣ. Замятнинъ не справлялся о родствѣ кандидата, происхожденіи, его связяхъ въ великосвѣтскихъ салонахъ, а о томъ, получилъ ли онъ юридическое образованіе, о нравственныхъ качествахъ его и способностяхъ, обнаруженныхъ на службѣ. Не только хорошіе отзывы, но и дурные старался онъ провѣрить лично или черезъ довѣренныхъ лицъ, чтобы никто не пострадалъ изъ-за клеветы. И ужь убѣдившись въ достоинствахъ кандидата, онъ выдвигалъ его впередъ.

Но для цѣлесообразнаго примѣненія этого порядка необходимо чувство мѣры и умѣнье распознавать душевный обликъ человѣка, а иначе легко попасть въ-просакъ. Но почти всѣ, безъ исключенія, избранныя Замятнинымъ лица съ избыткомъ оправдали его довѣріе. Вотъ какъ наглядно доказалъ Замятнинъ несправедливость увѣренія представителей застоя, что у насъ нѣтъ людей,—увѣреніе, изъ-за котораго затормозилось не мало добрыхъ начинаній и чуть было не затормозилась и судебная реформа. Замятнинъ доказалъ, что если не довольствоваться одними петербургскими салонами и департаментами и найти болѣе надежное средство распознанія людей, нежели рекомендаціи великосвѣтскихъ покровителей,—честные и знающіе труженики найдутся всегда.

Относительно назначенія персонала новыхъ судебныхъ учрежденій сначала возникло было недоразумѣніе довольно щекотливаго свойства между коммиссіей, начертавшей проекты «Судебныхъ

---

*) *Журн. Гражд. и Угол. Права* 188 года, № 6.

Уставовъ», и министромъ юстиціи Замятнинымъ. Соревнуя съ послѣднимъ въ дѣлѣ реформы, предсѣдатель коммиссіи, В. П. Бутковъ, предлагалъ окончательное назначеніе лицъ на судебныя должности предоставить коммиссіи; но Замятнину удалось убѣдить коммиссію въ неудобствахъ такого порядка назначенія, которое и было поручено министру юстиціи и выполнено имъ столь блистательно.

Признавая, что для содѣйствія успѣшному осуществленію судебной реформы необходимо заблаговременно озаботиться о возможномъ ускореніи движенія и окончанія дѣлъ, производившихся въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ, Замятнинъ принялъ дѣятельныя мѣры къ достиженію такого ускоренія, и такъ какъ эти мѣры должны были заключаться не только въ усиленіи средствъ судебныхъ мѣстъ, но и въ упрощеніи порядка существовавшаго тогда дѣлопроизводства и судоустройства, — министръ юстиціи, независимо отъ ходатайства объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ нѣкоторыхъ судовъ 1-й и 2-й степени, входилъ съ представленіемъ объ измѣненіи правилъ, которыя, не принося никакой существенной пользы для частныхъ лицъ и не обезпечивая вѣрнѣйшаго достиженія истины, замедляли только движеніе дѣлъ и затрудняли тяжущихся, подсудимыхъ и судебныя мѣста *).

Независимо отъ этого, въ виду того, что рѣшено было судебную реформу вводить постепенно, слѣдовало предпринять что-нибудь для прикрытія язвъ стараго судебнаго устройства и производства, которыя съ открытіемъ новыхъ судовъ должны были обнаружиться съ ужасающею наготою. Этой цѣли должны были служить составленныя Д. Н. Замятнинымъ и проведенныя черезъ государственный совѣтъ правила объ измѣненіи и дополненіи Свода Законовъ, касающихся судопроизводства въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ. Правила были Высочайше утверждены 11 октября 1865 года и внесли въ старыя судебныя учрежденія нѣкоторый лучъ свѣта въ видѣ гласности, сокращенія письменности, устности и т. д.

Начало 1866 года министерство юстиціи также провело въ энергичной работѣ по подготовительнымъ распоряженіямъ по введенію реформы. Министерство, руководимое Замятнинымъ, имѣло неослабное наблюденіе за изготовленіемъ списковъ лицъ, имѣю-

---

*) *Жур. Министер. Юстиціи* 1866 г., № 4.

щихъ право быть избранными въ мировые судьи, за составленіемъ списковъ присяжныхъ засѣдателей и за своевременнымъ выборомъ и утвержденіемъ мировыхъ судей. По новости дѣла встрѣчалось не мало недоразумѣній, которыя Замятнинъ разъяснялъ по возможности личнымъ объясненіемъ съ представителями администраціи и земства или путемъ телеграммъ и письменныхъ предписаній. Всѣ остальныя затѣмъ постановленія «Судебныхъ Уставовъ», исполненіе коихъ было необходимо для безпрепятственнаго введенія судебнаго преобразованія, исполнены до срока открытія судебныхъ мѣстъ или самимъ министромъ юстиціи, или при его участіи, или же подъ его непосредственнымъ надзоромъ. Равнымъ образомъ министромъ юстиціи проведены были въ законодательномъ порядкѣ проекты—общаго наказа судебнымъ мѣстамъ, объ охранительномъ судопроизводствѣ, о таксѣ вознагражденія судебнымъ приставамъ и присяжнымъ повѣреннымъ. Сверхъ того министерство юстиціи участвовало въ разсморѣнія и составленіи прочихъ законодательныхъ работъ, имѣющихъ соотношеніе къ судебной реформѣ: такъ, наприм., о соглашеніи Уложенія о наказ. съ Уставомъ о наказ., налаг. мировыми судьями, о помѣщеніяхъ для подвергаемыхъ аресту по приговору мировыхъ судей, объ устройствѣ пріютовъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и т. п. *).

Теперь не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что только непреклонной настойчивости Замятнина, этого на видъ очень мягкаго и слабаго старца, обязаны мы тѣмъ, что судебная реформа, несмотря на все противодѣйствіе ей вліятельныхъ сферъ, была осуществлена. Кому памятны событія послѣдующаго времени, тотъ пойметъ все важное значеніе этого историческаго fait accompli, съ которымъ волею-неволею должны считаться представители реакціонной партіи. Въ этомъ неустанномъ стремленіи провести во что бы то ни стало въ дѣйствительность судебную реформу заключается громадная заслуга Замятнина предъ потомствомъ. Проявляя такую необычайную энергію, Замятнинъ очень хорошо понималъ, что тутъ каждая минута дорога.

---

*) *Жур. Минист. Юстиціи* 1867 г., № 2, стр. 142.

VI.

„Либеральное правительство должно быть сильно, и сильно оно тогда, когда привлекаетъ къ себѣ лучшія силы народа, опирается на нихъ; правительство слабое не можетъ проводить либеральныхъ реформъ спокойно,— оно рискуетъ подвергнуть народъ тѣмъ болѣзненнымъ припадкамъ, которые называются революціями, ибо, возбудивъ, освободивъ извѣстную силу, надобно и направить ее.

С. Соловьевъ.

Продолжительныя и сложныя приготовительныя работы къ открытію новыхъ судовъ окончены были къ апрѣлю 1866 года.

14 апрѣля покойный Государь посѣтилъ зданіе петербургскихъ судебныхъ установленій. Послѣ осмотра зданія творцу новаго суда представлены были Замятнинымъ, вновь назначенные къ должностямъ, чины судебныхъ установленій. Прощаясь съ ними, Государь обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: «Я надѣюсь, господа, что вы оправдаете оказанное вамъ довѣріе и будете исполнять новыя ваши обязанности добросовѣстно, по долгу чести и вѣрноподданической присяги, что, впрочемъ, одно и то же. Итакъ, въ добрый часъ, начинайте благое дѣло!»

16 апрѣля происходило освященіе с.-петербургскихъ судебныхъ установленій и открытіе кассаціонныхъ департаментовъ сената.

Наконецъ настало 17 апрѣля, лучшій день въ жизни Д. Н. Замятнина, какъ онъ самъ впослѣдствіи говаривалъ, день открытія новыхъ судовъ. Торжество открытія почтили своимъ присутствіемъ почетные посѣтители, члены дипломатическаго корпуса и многочисленная публика. Товарищъ министра Н. И. Стояновскій прочелъ Высочайшее повелѣніе 19 марта и 13 апрѣля 1866 года, объ открытіи судебныхъ установленій, прочтенъ былъ также списокъ новыхъ назначеній. Затѣмъ первый министръ юстиціи новыхъ судебныхъ учрежденій обратился къ представителямъ магистратуры съ рѣчью, въ которой развилъ свой взглядъ на положеніе и призваніе судьи. «На вашу долю выпалъ завидный жребій,—такъ началъ Замятнинъ,— провести въ жизнь многознаменательныя слова Августѣйшаго Монарха: «правда и милость да царствуютъ въ судахъ». Велико довѣріе, оказанное вамъ этимъ выборомъ. Вамъ ввѣряется охраненіе самыхъ священныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, общества и цѣлаго государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ вамъ открываются и всѣ способы для возможно-успѣшнаго достиженія

высокой цѣли. Царь освободитель, даровавшій сперва крестьянамъ свободу отъ крѣпостной зависимости, потомъ слившій отдѣльныя сословія въ одну земскую семью, совершаетъ нынѣ надъ судебною властью новый подвигъ своей благотворной дѣятельности и даетъ всѣмъ судебнымъ установленіямъ, отъ высшихъ до низшихъ, *полную самостоятельность*. Но вспомнимъ,—продолжалъ ораторъ,— что чѣмъ выше благо, тѣмъ большія оно налагаетъ обязанности и отвѣтственность. Не сомнѣваюсь, что вы ими вполнѣ прониклись. Никому уже не будетъ права ссылаться въ оправданіе своихъ дѣйствій и рѣшеній ни на несовершенство порядка судопроизводства, потому что каждому даются въ руководство полные Уставы, составляющіе, можно сказать, послѣднее слово юридической науки, ни на недостатки законовъ о доказательствахъ, потому что опредѣленіе силы ихъ предоставлено голосу совѣсти. Вы не будете имѣть возможности ссылаться и на предписанія начальства. Государь и съ нимъ вся Россія,—продолжалъ министръ,—ждутъ отъ васъ водворенія суда скораго, праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ, утвержденія въ нашемъ отечествѣ того уваженія къ закону, безъ котораго немыслимо общественное благосостояніе. Уваженіе это распространится только тогда, когда вы первые будете подавать примѣръ строгимъ и точнымъ исполненіемъ предписаній закона, когда всѣ убѣдятся, что кто бы ни прибѣгнулъ къ вашему суду, богатый или бѣдный, вельможа или простолюдинъ, всякій найдетъ у васъ равную защиту и покровительство своимъ законнымъ требованіямъ и равное противодѣйствіе несправедливымъ стремленіямъ. Завязывая свои глаза предъ *всякими внѣшними и посторонними вліяніями,* вы тѣмъ полнѣе раскроете внутреннія очи совѣсти и тѣмъ безпристрастнѣе будете взвѣшивать на вѣсахъ правосудія правоту или неправоту подлежащихъ вашему обсужденію требованій и дѣяній.

«Но для полнаго успѣха предпринимаемаго судебнаго преобразованія недостаточно одной дѣятельности судебныхъ установленій. Здѣсь необходимо благонамѣренное содѣйствіе вновь образуемаго у насъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Вамъ, господа, посвящающимъ себя на защиту предъ судомъ законныхъ правъ лицъ, лишенныхъ возможности самимъ это исполнять,—сказалъ министръ, обращаясь къ присяжнымъ повѣреннымъ,—предстоитъ на избранномъ вами поприщѣ много труда и большая отвѣтственность. Судебныя мѣста при разрѣшеніи дѣлъ

будутъ руководствоваться преимущественно тѣми данными, которыя вы имъ представите; поэтому во многихъ случаяхъ отъ вашихъ познаній и образа дѣйствій будутъ зависѣть благосостояніе и честь вашихъ довѣрителей. Одно уже поступленіе въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ даетъ право предполагать, что вы постигли всю важность вашего будущаго круга дѣйствій, и что вы всѣ единодушно, рука объ руку съ судебными властями, пойдете по пути, предуказуемому вамъ священнымъ чувствомъ долга, точное исполненіе котораго стяжаетъ вамъ высшую для васъ награду—общественное довѣріе и уваженіе» *).

23 апрѣля были открыты Замятнинымъ московская судебная палата и окружный судъ, а въ ноябрѣ и декабрѣ 1866 г. открыты 14 провинціальныхъ окружныхъ судовъ. Въ рѣчи, обращенной къ московскимъ мировымъ судьямъ, министръ юстиціи между прочимъ сказалъ: «вамъ, господа, впервые избраннымъ совокупно всѣми сословіями въ эту важную должность, предоставленъ обширный кругъ дѣятельности. Вамъ поручены дѣла тѣхъ именно лицъ, которыя наиболѣе нуждаются въ скоромъ и правомъ судѣ. На васъ лежитъ непремѣнная обязанность поставить должность мирового судьи на ту высокую степень значенія, которая предназначена ей закономъ, и сдѣлать изъ него краеугольный камень гласнаго, скораго, праваго и милостиваго суда».

Рѣчи Замятнина произвели превосходное впечатлѣніе. Никогда еще русскіе судьи не выслушивали изъ устъ министра юстиціи такого, исполненнаго силы и достоинства, воззванія, въ которомъ такъ рельефно ставилось на видъ, что отнынѣ они должны считать себя свободными отъ начальственнаго давленія и имѣть въ виду только предписанія закона и велѣнія совѣсти. Одинъ изъ зоиловъ, бывшій въ числѣ слушателей Замятнина, съ худо скрываемою злобой замѣтилъ: «voilà un discours bien dit», что въ переводѣ означало: «куда вамъ все это осуществить». Но вся послѣдующая дѣятельность Замятнина доказала, что слова его были не пустоцвѣтомъ оффиціальнаго краснорѣчія, а выраженіемъ строго обдуманной и сознательно усвоенной программы, которой ораторъ намѣревался слѣдовать при осуществленіи на дѣлѣ судебной реформы.

Въ полной самостоятельности суда, независимости адвокатуры отъ администраціи — онъ не видѣлъ, подобно своему пре-

---

*) *Журн. Министер. Юстиціи* 1866 г., № 4.

емнику, нетерпимое проявленіе анархическихъ поползновеній, которыя per fas et nefas должны быть подавляемы, а, напротивъ, вѣрнѣйшій залогъ нелицепріятнаго правосудія. Въ качествѣ министра юстиціи, Замятнину не разъ приходилось охранять щитомъ судейской независимости судей, не угодившихъ тѣмъ или другимъ высоко, очень высоко поставленнымъ лицамъ. Не только судей, но и представителей прокурорскаго надзора прикрывалъ Замятнинъ своимъ авторитетомъ, коль скоро убѣждался, что неудовольствіе мѣстной власти вызвано тѣмъ, что прокуроры осмѣливались распространять дѣйствіе общихъ законовъ на протеже́ мѣстныхъ властей. Замятнинъ всегда спокойно провѣрялъ всѣ навѣты, и когда оказывалось, что прокуроръ былъ правъ, то, вмѣсто удаленія отъ должности, онъ получалъ повышенія, какъ это случилось съ владимірскимъ прокуроромъ г. Г—мъ и псковскимъ г. Г—мъ, котораго не взлюбилъ и хотѣлъ уволить безъ прошенія псковской губернаторъ графъ Паленъ. Теперь еще не время поименно исчислять многочисленныя заслуги Замятнина по строгому проведенію начала несмѣняемости, тѣмъ болѣе трудному, что чѣмъ выше были задѣтыя несмѣняемостью сферы, тѣмъ властнѣе проявляли желаніе проводить въ жизнь старое крѣпостническое начало: «sic volo, sic jubeo, fiat mea voluntas».

Само собою разумѣется, что во время управленія Замятнина министерствомъ юстиціи отношенія судебной администраціи къ судамъ и адвокатурѣ исполнены были взаимнаго довѣрія, уваженія и предупредительности, благодаря которымъ масса недоумѣній, затрудненій, неизбѣжныхъ во всякомъ новомъ дѣлѣ, а въ особенности въ такомъ трудномъ, какъ первое насажденіе правильно организованнаго и неподкупнаго суда, разрѣшалась успѣшно, быстро и къ обоюдному удовольствію. Даже въ мелочахъ сквозило это благоволеніе министерства къ судамъ. Возникъ, напримѣръ, вопросъ объ отношеніяхъ стоящей и сидящей магистратуры, и Замятнинъ, не колеблясь ни минуты, предписалъ прокурорамъ вставать съ мѣстъ при обращеніи къ суду. Замѣчательны мотивы, приведенные въ циркулярѣ: «Для поддержанія во всеобщемъ мнѣніи высокаго значенія, присвоеннаго судебной власти новыми Уставами,—пишетъ Замятнинъ,—необходимо наглядное выраженіе того уваженія, которымъ власть эта должна пользоваться со стороны всѣхъ безъ изъятія лицъ, имѣющихъ къ нему какое-либо отношеніе» (Циркуляръ министра юстиціи 15 января 1867 года, № 911).

Новыя формы процесса, примѣнявшіяся съ такимъ сознаніемъ собственнаго достоинства и гуманностью, въ связи съ гласностью и почти идеальною скоростью рѣшенія дѣлъ, сдѣлали даже для слѣпыхъ очевидною разницу между старымъ тайнымъ канцелярскимъ порядкомъ безграмотнаго судопроизводства съ новымъ гласнымъ судоговореніемъ, отправляемымъ образованными коронными юристами или излюбленными мировыми судьями. Новый судъ сразу завладѣлъ общественною симпатіей. Не только въ столицахъ, но и въ глухой провинціи, гдѣ введены были только «Правила 11 октября 1865 года», съ допущеніемъ нѣкоторыхъ элементовъ новаго судопроизводства, публика ломилась не только на засѣданія интересныхъ уголовныхъ, но и гражданскихъ дѣлъ *). Такъ заманчиво было это пріобщеніе, хотя бы въ качествѣ зрителей, къ отправленію правосудія.

Ну, а что судъ присяжныхъ, этотъ перлъ судебной реформы, возбуждавшій столько искреннихъ и неискреннихъ опасеній? Даже знаменитый Миттермайеръ, горячо привѣтствовавшій нашу судебную реформу, опасался сильно за судьбу суда присяжныхъ и дѣлалъ слѣдующее доброжелательное предостереженіе: «опираясь на долголѣтнія наблюденія постепеннаго развитія уголовныхъ учрежденій,—писалъ онъ,—мы высказываемъ наше желаніе, чтобы правительство, не видя немедленно плодовъ, ожидаемыхъ имъ отъ новыхъ учрежденій, не было бы запугано приверженцами стараго порядка и врагами всякихъ нововведеній и чтобъ оно не переставало преслѣдовать свою цѣль. Мы напоминаемъ ему то интересное явленіе, — продолжалъ ученый процессуалистъ,—что даже въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ эти новыя учрежденія были совершенно неизвѣстны, гдѣ даже образованные люди считали народъ не созрѣвшимъ,—даже тамъ чудеснымъ образомъ юристы поняли значеніе новыхъ началъ. Выгоды, доставляемыя ими, высказываются все болѣе и болѣе, а люди призываемые въ присяжные оказывались наконецъ и тамъ способными выполнить свое назначеніе» **).

Если опасеніе, высказанное Миттермайеромъ въ первой половинѣ приведенной цитаты, оказалось, какъ мы увидимъ ниже, до извѣстной степени справедливымъ, то опасенія касательно достоинствъ русскаго суда присяжныхъ съ первыхъ же шаговъ судебной реформы были опровергнуты самымъ блистательнымъ

*) *Юрид. Газета*, кн. VI.—*Журн. Мин. Юст.* 1866 г., № 5, и 1867 г., № 5.
**) *Журн. Министер. Юстиціи* 1864 г., № 10, стр. 15.

образомъ. Всякій воочію видѣлъ, что не только образованный классъ гражданъ, но и «вчерашній рабъ», въ которомъ, казалось, должно было быть вытравлено помѣщичьимъ самосудомъ всякое сознаніе права и правды, въ составѣ суда общественной совѣсти оказываются вполнѣ на высотѣ своего призванія. Судъ присяжныхъ завоевалъ себѣ сочувствіе не только въ публикѣ, но даже въ сферахъ, ему враждебныхъ, и блистательнымъ образомъ подтвердилъ справедливость мнѣнія составителей «Судебныхъ Уставовъ», не допускавшихъ мысли, «чтобы люди гдѣ-либо и когда-либо были приготовлены къ дурному и незрѣлы для хорошаго».

Но для провѣрки личныхъ впечатлѣній по судебной реформѣ необходимо было дождаться отчета центральнаго вѣдомства, поставленнаго въ возможность дѣлать общія наблюденія и выводы. Отчетъ министерства юстиціи не заставилъ себя долго ждать. Въ мартѣ 1867 года въ *Сѣверной Почтѣ* напечатанъ былъ первый и послѣдній отчетъ Замятнина о дѣятельности новыхъ судовъ. Замятнинъ съ справедливою гордостью и нескрываемымъ удовольствіемъ заявлялъ въ отчетѣ, что великое дѣло насажденія на Руси суда честнаго и независимаго, трудную задачу коего онъ взялъ на себя, увѣнчалось наилучшимъ успѣхомъ. «Съ перваго же приступа мировыхъ судей къ новому дѣлу,—сказано въ отчетѣ Замятнина,—простота мироваго разбирательства, допущенная при отправленіи онаго, полная гласность и отсутствіе обременительныхъ формальностей вызвали всеобщее къ мировому институту довѣріе. Въ особенности простой народъ, найдя въ мировомъ судѣ судъ скорый и справедливый для мелкихъ обыденныхъ своихъ интересовъ, не перестаетъ благословлять верховнаго законодателя за дарованіе Россіи суда столь близкаго народу и вполнѣ соотвѣтствующаго его потребностямъ. Довѣріе къ мировымъ судьямъ доказывается въ особенности тѣмъ, что со времени открытія дѣйствій мировыхъ судебныхъ установленій возбуждено громадное число такихъ гражданскихъ исковъ, которые или по своей малоцѣнности, или по неимѣнію у истцовъ формальныхъ доказательствъ, въ прежнихъ судахъ вовсе не возникали. Равнымъ образомъ принесено мировымъ судьямъ множество жалобъ на такія притѣсненія и обиды, а также на мелкія кражи и мошенничества, которыя прежде обиженные оставляли безъ преслѣдованія».

Дѣятельность общихъ судебныхъ установленій,—писалъ Замятнинъ,—оказалась столь же благотворною, какъ и мировыхъ

учрежденій. И здѣсь, по словамъ отчета, глубокое сочувствіе всѣхъ сословій къ судебному преобразованію выразилось въ томъ напряженномъ вниманіи, съ которымъ присутствующая при судебныхъ засѣданіяхъ публика слѣдитъ за ходомъ дѣлъ предъ судомъ. Быстрота рѣшеній дѣлъ, при соблюденіи всѣхъ необходимыхъ формъ судопроизводства, производила какъ на присутствующую публику, такъ и на участвующихъ въ дѣлѣ лицъ поразительное впечатлѣніе. Участіе присяжныхъ засѣдателей вмѣстѣ съ судомъ въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ и сопряженная съ симъ торжественность отправленія правосудія возвысили общее уваженіе къ судебнымъ установленіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сблизили взаимнымъ довѣріемъ лицъ судебнаго вѣдомства со всѣми сословіями *).

Особеннаго вниманія заслуживаетъ отзывъ Замятнина о дѣятельности суда присяжныхъ: «присяжные засѣдатели, состоящіе иногда преимущественно изъ крестьянъ (наприм. въ Ямбургѣ изъ 12 засѣдателей было 11 крестьянъ), вполнѣ оправдали возложенныя на нихъ надежды; имъ часто предлагались весьма трудные для разрѣшенія вопросы, надъ которыми обыкновенно затрудняются люди, пріученные опытомъ къ правильному разрѣшенію уголовныхъ дѣлъ, и всѣ эти вопросы, благодаря поразительному вниманію, съ которымъ присяжные засѣдатели вникаютъ въ дѣло, разрѣшались въ наибольшей части случаевъ правильно и удовлетворительно».

Общій выводъ изъ отчета Замятнина сводится къ слѣдующему: «взаимнымъ содѣйствіемъ судебныхъ мѣстъ и прокурорскаго надзора, а равно и добросовѣстнымъ исполненіемъ присяжными засѣдателями своихъ важныхъ обязанностей—достигалось столь необходимое для отправленія правосудія единство, причемъ немаловажнымъ пособіемъ служило то единодушіе, съ которымъ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ относилось къ дѣйствіямъ судей и прокуроровъ» **).

Отчетъ Замятнина произвелъ громадное впечатлѣніе. Самые отчаянные скептики увидѣли, что дѣло, внушившее столько опасеній, въ искусныхъ рукахъ Замятнина начинается прекрасно прививаться. Печать единодушнымъ восторгомъ привѣтствовала первые итоги судебной реформы, подведенные Замятнинымъ новому дѣлу. Мы не приводимъ восторженныхъ отзывовъ газетъ,

*) *Журн. Министерства Юстиціи* 1867 г., № 2.

**) Тамъ же, стр. 144.

всегда сочувственно относившихся къ либеральнымъ реформамъ прошлаго царствованія, какъ *Голосъ, С.-Петербургскія Вѣдомости* (прежней редакціи) и др.,—мы сошлемся на газету, которую, кажется, нельзя заподозрить въ чрезмѣрномъ пристрастіи къ либеральнымъ реформамъ и ихъ дѣятелямъ. По поводу опубликованнаго отчета *Моск. Вѣдомости* говорили слѣдующее: «по-истинѣ едва вѣрится, чтобы въ столь короткое время такъ крѣпко и такъ успѣшно принялось дѣло столь великое и столь мало похожее на прежніе наши порядки, начиная съ *основной* идеи до мельчайшихъ подробностей. То, о чемъ года два тому назадъ можно было только *мечтать,* что возбуждало столько, повидимому справедливыхъ, сомнѣній,—теперь находится въ полномъ дѣйствіи на значительномъ пространствѣ нашего отечества и уже первое полугодіе въ своемъ итогѣ представляетъ столь блистательные результаты. Судъ присяжныхъ, *лучшая гарантія гражданской свободы*, совершается у насъ во-очію и въ немъ принимаютъ участіе крестьяне,—тѣ самые крестьяне, которымъ только шесть лѣтъ тому назадъ дарована свобода, и успѣхъ превосходитъ самыя смѣлыя ожиданія».

Приведя то мѣсто отчета Замятнина, гдѣ говорится о мировыхъ судьяхъ, консервативный органъ замѣчаетъ: «вотъ до какой степени вѣрно высказанное не разъ мнѣніе, что наша судебная реформа есть не столько реформа, сколько *созданіе* судебной власти». Статью свою *Московскія Вѣдомости* заключаютъ слѣдующими словами: «*честь и слава* правительственному вѣдомству, которое такъ дѣятельно и вѣрно приводитъ въ исполненіе зиждительную мысль Преобразователя, *оберегая* ее отъ явнаго и тайнаго недоброжелательства партій, неохотно входящихъ въ условія *новаго гражданскаго порядка*. Исторія не забудетъ ни одного изъ именъ, связанныхъ съ этимъ великимъ дѣломъ гражданскаго обновленія Россіи» *).

Мы не затѣмъ привели эту длинную цитату, чтобы бросить укоризну нынѣ первенствующему реакціонному органу печати, такъ своеобразно выполняющему на нашихъ глазахъ обѣщаніе, данное именемъ исторіи, и договорившемуся до необходимости уничтожить судейскую несмѣняемость, а потому, что лучшей похвалы нельзя было придумать въ честь того «имени», носитель котораго наиболѣе доблестно подвизался надъ созданіемъ въ Россіи первыхъ судовъ, заслуживающихъ этого названія.

*) *Московскія Вѣдомости* отъ 28 марта 1867 года, № 69.

. Все, что было приведено выше, показываетъ, съ какимъ искреннимъ сочувствіемъ встрѣтили образованное общество и народъ первые шаги судебной реформы. Ошибочно было бы думать, что интересъ публики и печати вызывался только новизною публичнаго судоговоренія, или серьезною торжественностью судебныхъ засѣданій, или улучшеніемъ технической стороны судопроизводства. О, нѣтъ,—тутъ дѣйствовали болѣе важные мотивы. Слишкомъ обидное, но, увы, глубоко коренившееся въ нашихъ законахъ и нравахъ утвержденіе Карамзина, что у русскихъ гражданъ, какъ таковыхъ, не бывало никогда и нѣтъ никакихъ «общегражданскихъ *правъ*», получило съ введеніемъ «Судебныхъ Уставовъ» въ дѣйствіе наглядное и торжественное опроверженіе. На новомъ судѣ русскій гражданинъ впервые узналъ, что онъ не безправый объектъ, обязанный служить матеріаломъ для начальственныхъ манипуляцій, а правоспособный субъектъ, обладающій правами. Имущество, личность, честь и свобода гражданина изъ «случайнаго» дара, находившагося дотолѣ въ безотчетномъ распоряженіи предержащихъ властей, превратились въ реальныя блага, поставленныя подъ надежную охрану просвѣщенной и несмѣняемой магистратуры. Личность гражданина, даже преступившаго законъ, поставлена подъ охрану закона и ограждена отъ произвольныхъ дѣйствій. Въ подсудимомъ стало уважаться его человѣческое достоинство, безъ всякаго отношенія къ его общественному положенію. Если новое законодательство относилось съ уваженіемъ къ личности даже павшаго гражданина, то тѣмъ паче должно было возвыситься уваженіе къ правамъ гражданъ вообще. Очевидное доказательство такого уваженія было тутъ же на-лицо на судѣ. Двѣнадцать простыхъ гражданъ, взятыхъ, такъ-сказать, прямо съ улицы или отъ сохи и рабочаго стола, исключительно во вниманіе къ ихъ гражданской добропорядочности, облечены громадною властью творить судъ по совѣсти. Предъ этимъ приговоромъ общественной совѣсти склоняютъ съ уваженіемъ голову не только подсудимые, но и представители обвинительной власти, и самъ судъ. Это былъ апотеозъ гражданскаго достоинства, дотолѣ совершенно попраннаго. Это была первая школа для политическаго воспитанія народа. Это былъ ясный для всѣхъ и безповоротный приговоръ надъ бюрократическою системой: все для народа, ничего съ помощью народа. Для всѣхъ было ясно, что наступила новая эра общественной жизни Россіи, что новый порядокъ вещей долженъ произ-

вести переворотъ въ умоначертаніи народа и отношеніяхъ его къ властямъ.

Высшая судебная администрація въ лицѣ Д. Н. Замятнина хорошо понимала всю бытовую и политическую важность насажденія независимой судебной корпораціи и передачи обществу функцій уголовной репрессіи. Правительство рѣшилось однако и на этотъ смѣлый по либерализму шагъ, увѣнчавшійся блистательнымъ успѣхомъ. Не даромъ учитъ исторія, эта наставница народовъ, что только либеральное и сильное правительство «можетъ быть безнаказанно либеральнымъ».

VII.

At nunc narraturo mihi vitam defuncti hominis venia opus fuit quam non petissem incusaturus tam saeva et infesta virtutibus tempora.

Tacitus.

Только люди очень близорукіе считаютъ нелиберальныя правительства сильными, думаютъ, что эту силу они пріобрѣли вслѣдствіе нелиберальныхъ мѣръ. Давить и душить—очень легкое дѣло,—особенной силы здѣсь не требуется. Дайте волю слабому ребенку, и сколько хорошихъ вещей онъ перепортитъ, перебьетъ, переломаетъ!

С. Соловьевъ.

Казалось бы, что дѣло введенія въ дѣйствіе «Судебныхъ Уставовъ», столь счастливо начатое Замятнинымъ, не могло быть вырвано изъ его опытныхъ и доброжелательныхъ рукъ, въ которыхъ заключался вѣрнѣйшій залогъ дальнѣйшаго успѣшнаго продолженія судебной реформы. И дѣйствительно, уже 10-го января 1867 года состоялось Высочайшее повелѣніе о введеніи судебной реформы въ округѣ харьковской судебной палаты. При такомъ ходѣ дѣла осуществленіе первоначальнаго предположенія о введеніи реформы до 1870 года во всѣхъ губерніяхъ, управляемыхъ по общему губернскому учрежденію, и въ Бессарабской области казалось близкимъ къ исполненію. Но эта-то преданность судебной реформѣ и стремленіе возможно скоро осуществить ее повсемѣстно и дѣлали дѣятельность Замятнина непріятною и даже ненавистною для партіи, враждебной реформамъ. Она не дремала. Она старалась собирать всѣ вздорные толки и пересуды о мнимыхъ или дѣйствительныхъ промахахъ новыхъ судовъ, чтобы представить дѣятельность ихъ въ непривлекательномъ свѣтѣ. Суды отвергали вздорныя обвиненія, воздвигаемыя

полиціей мысли по дѣламъ печати, и вмѣсто того, чтобы винить возбудителей неосновательнаго обвиненія, порицали суды за то, что они точно примѣняли законъ, и усматривали въ дѣйствіяхъ суда желаніе подорвать авторитетъ власти. Вслѣдствіе небрежнаго управленія государственными имуществами, частныя лица захватывали земли и впослѣдствіи на судѣ выигрывали дѣло, а судей, точно примѣнявшихъ законъ, обвиняли въ томъ, что они причиняютъ ущербъ казнѣ. Съ высокопоставленныхъ неоплатныхъ должниковъ исполнительные органы суда, не взирая на лица, требовали удовлетворенія по исполнительнымъ листамъ—и на новый судъ сыпались новыя нападки въ демократической тенденціозности, невниманіи къ заслугамъ и орденамъ. Извѣстное дѣло Протопопова, обвиняемаго въ оскорбленіи дѣйствіемъ начальника и признаннаго присяжными дѣйствовавшимъ въ состояніи умоизступленія, послужило поводомъ для новыхъ яростныхъ нападокъ на судъ присяжныхъ. Мировые судьи, вѣрные своему призванію, чинили судъ равный для всѣхъ, не мирволя дворянамъ, и это служило новымъ поводомъ для нареканій на новыя судебныя учрежденія. Всѣ подобные факты старательно собирались, нанизывались другъ на друга, раздувались и выставлялись какъ доказательство вреднаго—либеральнаго, революціоннаго (да, употреблено было именно это слово)—направленія новыхъ судовъ.

Отъ Замятнина требовали принятія «мѣръ» противъ судей, честно и мужественно исполнявшихъ свою обязанность и не прислушивавшихся къ властнымъ стороннимъ внушеніямъ, требовали прямой или замаскированной отмѣны судейской несмѣняемости, но на всѣ эти требованія онъ конечно отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Въ замѣнъ ожидаемыхъ проектовъ объ уничтоженіи судейской несмѣняемости и о назначеніи правительствомъ мировыхъ судей на вакансіи, открывшіяся до конца срока выборовъ, которыхъ отъ него требовали и ожидали враги реформъ, Замятнинъ внесъ въ государственный совѣтъ вполнѣ согласное съ духомъ «Судебныхъ Уставовъ» представленіе, коимъ предлагалось предоставить земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ, въ случаѣ открытія до срока вакансіи на должность мировыхъ судей, производить новые дополнительные выборы. Представленіе прошло въ государственномъ совѣтѣ, мнѣніе котораго Высочайше утверждено было 27-го марта 1867 года. 12 апрѣля Замятнинъ циркулярно оповѣстилъ объ этомъ новомъ и торжественномъ под-

твержденіи выборнаго начала мироваго института председателей мировыхъ съѣздовъ. Этотъ циркуляръ, достойно завершавшій министерскую карьеру Замятнина, сдѣлался его лебединою пѣснью. Дни его министерства уже были сочтены.

Реакціонная партія вела свою игру довольно искусно. Сначала отрѣзана была у Замятнина, такъ-сказать, его правая рука—уволенъ въ отставку его достойный и неутомимый сотрудникъ-товарищъ Н. И. Стояновскій. На мѣсто его былъ назначенъ, помимо избранія самого министра, бывшій псковской губернаторъ графъ фонъ-деръ-Паленъ. Для того, чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ заставить Замятнина отойти отъ любимаго дѣла, придумали соединить званія главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и министерствомъ юстиціи. Зная добросовѣстность Замятнина, разсчитывали на то, что онъ не возьмется за эти двѣ многотрудныя должности, бывшія ему не подъ силу. Разсчеты оказались вѣрными. Замятнинъ отказался принять эти двѣ должности и подалъ въ отставку. Ровно черезъ годъ по открытіи новыхъ судебныхъ учрежденій, 16-го апрѣля 1867 года, покинулъ онъ министерскій постъ, напутствуемый сожалѣніями всего судебнаго вѣдомства и прогрессивной части русскаго общества. Замятнинъ, покидая свой постъ, могъ съ гордостью сказать, что онъ передалъ своему преемнику великій законодательный памятникъ 20 ноября 1864 года безъ малѣйшаго изъяна, въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ рукъ его творца.

Постъ министра юстиціи занялъ князь Урусовъ, главноуправляющій II отдѣленіемъ Его Императорскаго Величества канцеляріи. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ эти двѣ должности были снова раздѣлены, и графъ Паленъ вступилъ въ управленіе министерствомъ юстиціи. Кто не помнитъ этого времени, такъ внезапно наступившаго послѣ медоваго мѣсяца судебной реформы! Графъ Паленъ, бывшій вице-директоромъ департамента полиціи исполнительной, человѣкъ совершенно чуждый кружку славныхъ дѣятелей судебной реформы и относившійся враждебно къ либеральнымъ основаніямъ ея, долженъ былъ замѣнить Замятнина!?

Призванный къ власти въ томъ предположеніи, что онъ съумѣетъ подчинить дѣятельность новыхъ судовъ административно-полицейскимъ цѣлямъ, новый министръ юстиціи старался оправдать возложенныя на него надежды. Судъ общественной совѣсти, несмѣняемая магистратура, мировой институтъ, независимая адвока-

тура,—однимъ словомъ, все, что заявляло претензію жить въ духѣ «Судебныхъ Уставовъ», т. е. дѣйствовать согласно предписанія закона и внушенія совѣсти, а не по мановенію начальническаго перста,—все это было взято въ сильное подозрѣніе и держалось въ черномъ тѣлѣ. Одинъ только непосредственно подчиненный министерству юстиціи прокурорскій надзоръ, содержимый въ духѣ спасительной дисциплины, пользовался благоволеніемъ новаго министра и представлялъ единственно благонадежные кадры для пополненія судебнаго персонала. Насколько все это мало согласовалось съ духомъ и буквою «Судебныхъ Уставовъ», объ этомъ и не думали. Словно въ непріятельской странѣ, старались то при помощи военныхъ хитростей подкопаться подъ основанія начала судебной реформы, то открытою силой нападали на эти первые проблески правильно устроеннаго правоваго общежитія. Странная иногда бываетъ игра судьбы! И безъ того свѣтлая и симпатичная личность Замятнина на своей исторической чредѣ точно нарочно была поставлена между графами Панинымъ и Паленомъ — какъ бы для того, чтобы на этомъ фонѣ она получила еще болѣе блестящее освѣщеніе!

Замятнинъ ушелъ отъ своего любимаго дѣла съ горечью, но безъ озлобленія. Онъ понялъ, что подули противные прогрессу вѣтры, но они не пошатнули его убѣжденій. Въ то время, какъ малодушные пошли по теченію, Замятнинъ и другіе истинные друзья прогресса остались вѣрными либеральнымъ принципамъ. Изъ жизненнаго опыта они еще болѣе убѣждались въ справедливости началъ, положенныхъ въ основаніе «Судебныхъ Уставовъ». Уваженіе къ этимъ началамъ, возрастая по мѣрѣ того, какъ ополчалась на нихъ реакція, перешло въ настоящій религіозный культъ, оправдывая извѣстное изреченіе: amicus certus in re incerta cernitur.

Чтя судебную реформу какъ святыню, Замятнинъ въ государственномъ совѣтѣ въ теченіе 11 лѣтъ держалъ «упрямую оппозицію» реакціоннымъ проектамъ графа Палена, вносимымъ подъ благовиднымъ предлогомъ «улучшенія» «Судебныхъ Уставовъ» по указаніямъ опыта. Энергіи и трудамъ Замятнина и его товарищей русское общество обязано тѣмъ, что «Судебные Уставы», этотъ палладіумъ русской гражданственности, не были вовсе обезображены стараніями необузданной реакціи.

Уже семидесятилѣтнимъ старцемъ Замятнинъ еще разъ сослужилъ великую службу своей родинѣ, отстоявъ въ 1878 году

принципы новаго судоустройства отъ яростнаго нападенія реакціонной партіи. Графъ Паленъ внесъ въ государственный совѣтъ рядъ проектовъ, имѣвшихъ цѣлью почти полное упраздненіе суда присяжныхъ, уничтоженіе независимости присяжной адвокатуры и проч. Замятнинъ, всегда спокойный, на этотъ разъ сильно волновался предъ засѣданіемъ государственнаго совѣта, чуя, какой опасности подвергаются краеугольные камни новаго суда. При содѣйствіи опытныхъ судебныхъ дѣятелей была составлена Замятнинымъ обстоятельная записка, направленная противъ проектовъ графа Палена. Воззваніе ветерана судебной реформы не осталось гласомъ въ пустынѣ вопіющимъ. Изъ проектовъ графа Палена былъ принятъ одинъ о частичномъ измѣненіи подсудности суда присяжныхъ, ставшій извѣстнымъ подъ именемъ «закона 9-го мая» и недавно отмѣненный въ значительной части.

Вдали отъ любимаго дѣла Замятнинъ имѣлъ на закатѣ дней своихъ великую минуту утѣшенія. Это было въ 1873 г., когда онъ праздновалъ свой пятидесяти-лѣтній служебный юбилей. На этомъ праздникѣ Замятнина единодушно откликнулся весь судебный міръ, съ которымъ онъ и послѣ своей отставки поддерживалъ самыя теплыя отношенія, радуясь успѣхамъ лучшихъ дѣятелей его. Въ юбилейный день 4 сентября вся многочисленная и широко разбросанная судебная семья, какъ одинъ человѣкъ, привѣтствовала своего незабвеннаго вдохновителя и перваго руководителя. Болѣе 30 телеграфическихъ привѣтствій получилъ Замятнинъ отъ разныхъ судебныхъ учрежденій, въ томъ числѣ даже изъ такой уѣздной глуши, какъ Зарѣчье, Горбатовъ, Спасскъ, Кинешма, Мелитополь. Въ адресѣ, привезенномъ старшимъ предсѣдателемъ московской судебной палаты, сенаторомъ А. Н. Шаховымъ, чины московскихъ судебныхъ установленій между прочимъ писали: «Вспоминая о неустанной заботливости вашей, съ которою вы старались устранить всѣ препятствія къ скорѣйшему введенію гласнаго судопроизводства, о томъ вниманіи, съ коимъ вы относились къ разрѣшенію всѣхъ возникавшихъ недоразумѣній и вопросовъ, а равно о снисходительности вашей къ ошибкамъ неизбѣжнымъ въ новомъ дѣлѣ, чины московской судебной палаты и окружнаго суда считаютъ долгомъ выразить предъ вами чувства истинной высокой признательности за все сдѣланное вами на пользу новыхъ судебныхъ учрежденій... Да поможетъ намъ Богъ, руководясь вашимъ при-

мѣромъ, содѣлаться достойными исполнителями воли Монарха-Преобразователя—творить судъ скорый, правый и милостивый» *).

Чины петербургскихъ судебныхъ установленій, бывшіе ближайшими свидѣтелями благотворной дѣятельности Замятнина по судебной реформѣ, ознаменовали юбилей Замятнина основаніемъ въ петербургской земледѣльческой колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, въ учрежденіи которой Замятнинъ принималъ весьма близкое участіе, домика имени юбиляра. Предполагалось также въ зданіи судебныхъ установленій, служащемъ монументальнымъ свидѣтельствомъ неусыпныхъ трудовъ Замятнина по учрежденію новыхъ судовъ, поставить бюстъ его, но предположеніе это было оставлено. Теперь, когда рѣшено соорудить въ зданіи петербургскихъ судебныхъ установленій статую покойнаго Государя, не своевременно ли было бы, къ приближающемуся двадцатилѣтію открытія новыхъ судовъ, выполнить оставленное предположеніе о сооруженіи бюста и сохранить для потомства славную память о незабвенномъ сподвижникѣ Царя-Преобразователя, такъ много и честно поработавшемъ для осуществленія судебной реформы...

Послѣднимъ утѣшеніемъ для Замятнина должно было быть сознаніе, что подвигъ его жизни—служеніе либеральнымъ основамъ реформъ прошлаго царствованія—пропалъ не даромъ, что положеніе новыхъ учрежденій какъ будто нѣсколько окрѣпло. Какъ извѣстно, всѣ реформы прошлаго царствованія при введеніи въ дѣйствіе были сильно урѣзаны, ограничены врагами реформъ. Не видя всѣхъ ожидаемыхъ плодовъ отъ реформъ, удивлялись, отчего это происходитъ. А дѣло было очень просто. Наши реформы находились въ положеніи той птички, о которой Державинъ писалъ:

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой...
Пищитъ бѣдняжка вмѣсто свисту,
А ей твердятъ все: пой, да пой!...

Въ послѣдніе годы своей жизни Замятнинъ долженъ былъ видѣть, что, повидимому, становится для всѣхъ ясною причина неудачъ произведенныхъ реформъ. Само правительство заявило, наконецъ, о необходимости водворить правду въ этихъ реформахъ,

---

*) *С.-Петербургскія Вѣдомости* отъ 5-го сентября 1873 года.

т.-е. прилагать ихъ къ жизни въ духѣ началъ, положенныхъ въ ихъ основаніе. Въ отношеніи судебнаго дѣла это значило возвращеніе къ той политикѣ, которая господствовала въ министерствѣ юстиціи при Замятнинѣ,—иными словами, примѣненіе «Судебныхъ Уставовъ» съ точнымъ сохраненіемъ ихъ основныхъ принциповъ. Это, хотя и запоздалое, признаніе великаго значенія судебной реформы, послѣ цѣлаго ряда лѣтъ блужданія и посягательствъ на нее, должно было служить истиннымъ утѣшеніемъ для такого убѣжденнаго защитника этой реформы, какимъ былъ Замятнинъ...

Храня свято завѣтъ своего великаго товарища по школѣ, Замятнинъ не измѣнялъ «плѣнительной привычкѣ» и аккуратно являлся «на пиръ любви, на сладостное вѣче» лицейской годовщины. Среди своихъ товарищей, окруженный почетомъ и ласками, провелъ онъ послѣдніе часы своей жизни.

Таковъ былъ завидный конецъ этого честнаго гражданина, безкорыстнаго и гуманнаго дѣятеля, просвѣщеннаго государственнаго мужа и благороднаго человѣка, которому достойнѣйшею эпитафіей былъ бы стихъ поэта:

Сѣйте разумное, доброе вѣчное
Сѣйте,—спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ.

Я кончилъ. Не мнѣ быть судьею, насколько удовлетворительно удалось мнѣ выполнить свою задачу. Пусть не осудятъ лица, близко знавшія Замятнина, если на этихъ страницахъ не нашли они точное изображеніе незабвенныхъ чертъ ихъ знаменитаго современника. Имъ я скажу: feci, quod potui,—faciant meliora potentes. А тѣмъ изъ читателей, которые найдутъ, что настоящій очеркъ даетъ менѣе рельефное представленіе о Замятнинѣ, нежели то, какое сохранила существующая въ судебномъ мірѣ традиція, моя авторская добросовѣстность велитъ заявить, чтобъ они этотъ недостатокъ отнесли на счетъ автора, а не изображаемой личности. Скажу безъ обяниковъ, что мое авторское самолюбіе было бы вполнѣ удовлетворено, еслибы читатель, по прочтеніи настоящаго очерка, могъ сказать: ut desunt vires, tamen laudanda est voluntas... Намѣреніе же это заключалось въ томъ, чтобы въ «наше столь равнодушное къ современникамъ время не пропала безслѣдно память о томъ, какъ высокая и благо-

родная личность одолѣла и обезоружила порокъ, свойственный малымъ и большимъ государствамъ, непризнаніе доблести и зависть» *).

А что сказать о смѣлой попыткѣ изобразить великую эпоху либеральныхъ преобразованій!... Я могъ только намѣтить величіе этой задачи, не смѣя даже и подойти къ ней. Къ величавой эпопеѣ общественнаго движенія 60-хъ годовъ можно примѣнить слова знаменитаго оратора древности, Демосѳена. Во второй филиппикѣ, говоря объ одной славной эпохѣ своей родины, онъ замѣчаетъ: «всѣ любятъ разсказывать объ этихъ чудесахъ доблести, но доселѣ они не нашли еще достойнаго повѣствователя; и я долженъ пройти ихъ молчаніемъ и вотъ почему: въ жизни народовъ встрѣчаются такіе великіе моменты, что никакое человѣческое слово не можетъ ихъ точно изобразить».

Гр. Джаншіевъ.

*) *Tacit*: „Vita Agricolae“, I, 1—5.

Встрѣча*).

> **Точкою пересѣченія называется мѣсто встрѣчи двухъ линій.** *Франкеръ*: **„Курсъ чистой математики“.** Т. I—„Геометрія“.

Говорятъ, что храмовые рыцари вездѣ узнавали другъ друга, узнавали даже степень свою въ таинствахъ и силу въ орденѣ при первой встрѣчѣ... Это кажется странно, удивительно. Но пусть разберетъ каждый человѣкъ (въ самомъ дѣлѣ!), не случалось ли ему въ продолженіе жизни встрѣтиться съ незнакомцемъ, котораго онъ никогда не видалъ, котораго никогда не увидитъ и въ которомъ съ перваго взгляда открывается близкій родственникъ души,—человѣкъ, котораго онъ хочетъ имѣть другомъ, съ которымъ ему жаль разстаться... Какая-то симпатія, какой-то магнитизмъ влечетъ къ нему, и эта встрѣча остается навсегда въ памяти, ибо существованія ихъ, пересѣкшись, опять раздвоились, но слились въ точкѣ пересѣченія. Чѣмъ бурнѣе была жизнь человѣка, чѣмъ болѣе страсти пережигали его душу, тѣмъ болѣе такихъ встрѣчъ.

Итакъ, мы всѣ—храмовые рыцари. Посторонніе не знали знаковъ ордена, такъ и теперь толпа—это посторонніе всего одушевленнаго—не понимаетъ людей глубокочувствующихъ. Помнится, Дидротова кухарка очень удивилась, услышавъ, что ея господинъ—великій человѣкъ. Сколько Дидротовыхъ кухарокъ!...

> Wer nie sein Brod mit Thränen ass,
> Wer nie die Kümmer vollen Nächte
> Auf seinem Bette weinend sass,
> Der kennt auch nicht ihr himmlischen Mächte.
> *Goethe. Wilh. Meister.*

Холодный, ледяной вѣтеръ дулъ изъ-за Камы. Такъ дышетъ Уральскій хребетъ вѣчнымъ льдомъ своихъ вершинъ, такъ ды-

*) *Русская Мысль* 1881 г., кн. XII.

шетъ холодная грудь Сибири на Европу. Кама, широкая и быстрая, мчала съ неимовѣрною скоростью множество тяжело нагруженныхъ судовъ; кое-гдѣ двигались запоздалыя льдины, поворачиваясь и какъ бы нехотя слѣдуя теченію рѣки. Порывами вѣтеръ наносилъ membra disjecta *) пѣсенъ бурлаковъ и ихъ громкіе возгласы. Было грустно. Я сидѣлъ, закутавшись въ плащъ, на высокомъ берегу. Съ противоположной стороны садилось солнце красное, но холодное. Раны моего сердца были свѣжи. Недавно оставилъ я родной городъ, хотя давно уже былъ оторванъ отъ всѣхъ близкихъ душѣ моей. Всѣ подробности 9-го апрѣля явились въ моемъ воображеніи: день свиданія послѣ мрачной разлуки, день разлуки послѣ мрачнаго свиданія. Въ этотъ день переломилось мое существованіе... Прощальный поцѣлуй, облитый слезами, запечатлѣлъ небесною печатью воспоминанія, за которыми—пустота и мракъ... Было грустно; мнѣ занадобились люди, чтобы разсѣяться,—люди, которые мелкимъ пескомъ своихъ словъ могутъ засыпать раны сердца, доколѣ порывъ вѣтра не снесетъ его. На дворѣ становилось холоднѣе, Кама почернѣла, барки превратились въ какихъ-то ракообразныхъ животныхъ, съ огромными ребрами; огонь, разложенный на нихъ, казался огненною пастью чудовищъ. Я пошелъ съ тѣмъ, чтобъ зайти къ кому-нибудь изъ знакомыхъ на скорую руку, и зашелъ *къ кому-то*. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на двухъ человѣкъ, бывшихъ въ горницѣ, я бросился на турецкій диванъ и курилъ сигару.

Разговоръ шелъ безцвѣтный и холодный, какъ всегда между людьми, которыхъ не связываютъ ни общія идеи, ни симпатіи души, ни даже привычка. Меня распрашивали о столицѣ, мнѣ разсказывали о провинціи, — незамѣтно я развлекся. Хозяинъ грузинъ тѣшилъ меня своею ненавистью къ морозу, которая у него à l'oriental доходила до личной вражды. Вдругъ ему вздумалось перемѣнить тему и на мѣсто своей термометрической антипатіи разсказывать о томъ, какъ онъ покидалъ отцовскій домъ. Душа моя встрепенулась. Холодная маска упала, и я въ пламенныхъ и горячихъ словахъ описывалъ имъ мое 9-е апрѣля. Чувства бушевали во мнѣ, и радостныя, что нашли отверстіе, лились потокомъ словъ. Я всталъ съ своего мѣста и вдругъ взоръ мой встрѣтился со взоромъ одного изъ тѣхъ лицъ, которыхъ я едва

*) Отрывочные звуки.

замѣтилъ входя. Глаза наши столкнулись, и рѣчь моя, какъ бы скошенная, остановилась. Мужчина лѣтъ сорока, въ черной венгеркѣ, обшитой шнурками, склонивъ голову на руку, опершуюся на диванъ, и крутя другою длинные русые усы, со всѣми знаками самаго усиленнаго вниманія смотрѣлъ этимъ взоромъ на меня. Грудь его подымалась, ноздри раздувались и крупная слеза тихо катилась по щекѣ. Но глаза—теперь вижу ихъ—издавали какой-то свѣтъ, въ нихъ было что-то отъ пламени молній. Я остановился, и онъ, какъ бы обиженный, грубо обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Продолжайте». Мы помѣнялись взоромъ, и я, чувствуя, что понятъ, продолжалъ еще съ большимъ одушевленіемъ. Когда кончилъ я, онъ всталъ, прошелъ раза два по горницѣ, приблизился ко мнѣ и, прямо смотря въ глаза, сказалъ: «Мы—друзья!»—«Друзья!»—отвѣчалъ невольный голосъ изъ моей груди, какъ эхо на его вызовъ, какъ инструментъ, невольно издающій звукъ, взятый на другомъ. Потомъ онъ сѣлъ на старое мѣсто и принялъ неподвижную фигуру статуи; лицо его сдѣлалось мрачно, длинные волосы падали на глаза, но онъ не поправлялъ ихъ, молчалъ и, можетъ, въ мысляхъ перебиралъ свое 9-е апрѣля. Пора было идти домой. Онъ проводилъ меня съ хозяиномъ до дверей, сжалъ мнѣ руку и сказалъ: «Первый лучъ солнца послѣ долгой зимы!»—«Да,—подхватилъ грузинъ, не понимая его словъ,—нынче первый ясный день съ августа мѣсяца... Ужасно! Морозы доходили до 45°». Я ушелъ. Незнакомецъ занималъ меня безпрерывно; я не зналъ, ни кто онъ, ни что онъ, но многое понялъ, догадался. Исторія его сердца должна быть ужасна, но его сердце должно быть высоко. Приготовленія къ дорогѣ, мелочи, хлопоты заставили на время забыть незнакомца. На другой день къ ночи надобно было ѣхать.

Въ самый день отъѣзда меня пригласили на большой обѣдъ къ одному богачу, и я пошелъ, чтобы взглянуть на beau monde того края. Провинція запечатлѣла весь этотъ домъ, и хозяинъ—въ яхонтоваго цвѣта фракѣ, съ непомѣрной величины Анною на шеѣ и съ волосами, вгладь вычесанными—такъ же не годился въ модную гостиную, какъ его кресла изъ цѣльнаго краснаго дерева, тяжелѣе 10-фунтоваго орудія и украшенныя позолоченною рѣзбою въ видѣ раковинъ и выгнутыхъ листьевъ... Попарно и съ какимъ-то благоговѣніемъ шли въ столовую, гдѣ дожидался столъ длинный, узкій, изогнутый глаголемъ. Поскорѣй по-

далъ я руку какой-то барышнѣ, которой никто не даетъ руки ни къ вѣнцу, ни къ обѣду, и замкнулъ процессію. Толпа лакеевъ въ сюртукахъ, съ часами на бисерныхъ шнуркахъ, въ пеотрыхъ галстукахъ, суетилась подъ предводительствомъ дворецкаго, который своею дебѣлостью доказывалъ, что ему идетъ на пользу дозволеніе ѣсть съ барскаго стола остатки. Толпа мальчишекъ, всѣ въ разныхъ костюмахъ, но не всѣ въ сапогахъ, мѣшали имъ и дрались изъ-за чести, кому за кѣмъ стоять, не имѣя понятія, что мѣстничество уничтожено. Но оно и не уничтожено въ провинціи. Провинція смѣло можетъ похвастать порядкомъ распредѣленія мѣстъ за обѣдомъ — эта статья изъ адресъ-календаря. Тутъ-то вполнѣ узналъ я, что значитъ предсѣдатель уголовной палаты, которому губернаторъ *предлагаетъ*, и совѣтникъ губернскаго правленія, которому губернаторъ *предсѣдательствуетъ*, и земскій исправникъ, которому губернаторъ *повелѣваетъ*, наконецъ, что такое прокуроръ, партизанъ никому неподчиненный, кромѣ министра юстиціи, о которомъ губернаторъ даже не *аттестуетъ* и который губернатору говоритъ «вы». Такъ все въ провинціи отнесено къ губернатору, и понятно: онъ — центръ, остальное — периферія; онъ — солнце, остальное — созвѣздія; словомъ, онъ — необходимая координата, безъ которой нельзя составить уравненія этихъ безконечно малыхъ величинъ. Главное дѣйствующее лицо за обѣдомъ былъ докторъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ забывшій медицину, который учился пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ Гёттингенѣ, но твердо помнящій всѣ филистерскія затѣи. Онъ поѣхалъ въ Россію съ твердымъ убѣжденіемъ, что въ Москвѣ по улицамъ ходятъ медвѣди, и, занесенный сюда нѣмецкою страстью пытать счастье по всему бѣлому свѣту, остался дожидаться, пока разстройство животной экономіи и засореніе vasorum absorbentium превратитъ его самого въ соръ. Этотъ старикъ—весьма веселый и очень маленькій ростомъ, плѣшивый и съ быстрыми глазами— острилъ надо всѣми, шутилъ, отпускалъ вольтеровскія замѣчанія, дивилъ своимъ матеріализмомъ, смѣшилъ своими двусмысленностями. Его всѣ любили, и онъ всѣхъ любилъ. Да и какъ было ему не любить всѣхъ? Это поколѣніе родилось, выросло, занемогло, выздоровѣло при немъ, отъ него; онъ не только зналъ ихъ наружности, но зналъ ихъ внутренности и... l'amour de la science заставило любить ихъ. Второе лицо былъ какой-то флотскій капитанъ, который, по несчастію, сидѣлъ возлѣ меня и,

поймавъ новаго человѣка, тѣмъ голосомъ, которымъ кричатъ съ палубы на мачту, разсказывалъ мнѣ весь обѣдъ, продолжавшійся три добрыхъ часа, какъ онъ минутъ двадцать тонулъ у Алеутскихъ острововъ, со всѣми техническими выраженіями, которыя живутъ на кораблѣ и приплываютъ къ материку только въ романахъ Сю и въ повѣстяхъ Бестужева. Онъ душевно желалъ, чтобы путь мой былъ въ Березовъ, гдѣ живетъ отставной мичманъ Филиппъ Васильевичъ, который былъ свидѣтелемъ этого происшествія и могъ мнѣ прибавить то, чего онъ не помнитъ, ибо былъ безъ памяти нѣсколько времени. Я съ иронической улыбкой поблагодарилъ его за желаніе... Еще кто былъ за столомъ? Наливки изъ всѣхъ растеній, оканчивающихъ ягодою свой цвѣтъ, *старое французское* и — place au grand' homme—шампанское, которое лилось не по-столичному—въ узенькіе бакалы, а въ стаканы, и пребольшіе. Наконецъ *пережилъ* я обѣдъ. Всѣ торопливо бросились за карты, кромѣ доктора, который свято исполнялъ однажды возложенныя на себя гигіеническія правила: долженъ былъ послѣ обѣда 25 минутъ ходить по горницѣ для пищеваренія.

Я обнялъ хозяина, который съ искреннею добротой пожелалъ мнѣ счастливаго пути, и вышелъ на улицу, улыбаясь и приводя на память всѣ пустые разговоры, которыхъ былъ свидѣтелемъ. Время было хорошо; хотѣлось походить, и я отправился на бульваръ, идущій отъ Московской заставы до Сибирской. Бульваръ этотъ превосходенъ. Обхватывая полгорода съ наружной стороны, онъ простирается версты на три: огромныя, толстыя березы, прямыя и вѣтвистыя, отдѣляютъ его съ одной стороны отъ города, съ другой—отъ обширнаго поля, и чугунныя заставы, какъ черные колоссальные латники, стерегутъ его съ обѣихъ сторонъ. Скупа природа того края: зелень едва виднѣлась и кое-гдѣ вѣшніе цвѣты—блѣдные, слабые недоноски, долженствующіе умереть отъ холодныхъ утрениковъ. Несмотря на это, какой-то человѣкъ гербаризировалъ. Тотчасъ узналъ я вчерашняго незнакомца и пошелъ къ нему. Онъ такъ былъ занятъ своею работой, что долго не замѣчалъ меня. Я взялъ его за руку и онъ съ видомъ сильной радости сказалъ, оборачиваясь: «Итакъ, мнѣ еще суждено видѣть васъ! Благословляю нашу вчерашнюю встрѣчу. Вотъ ужъ два года не слыхалъ я человѣческаго голоса, а вчера ваши слова, какъ симфонія Бетховена, какъ пѣснь родины, пробудили мою душу. Вы помирили меня съ людьми, высказывая чувства,

которыя бились и въ моей груди... Два года—много времени, и все чужое, кромѣ природы; мы съ нею вдвоемъ и понимаемъ другъ друга. Какъ звученъ языкъ ея и какъ утѣшителенъ! Я всякій день бываю на этомъ полѣ,—я люблю его. Мы—старые знакомые. Вотъ этотъ монтодонъ уже третьяго дня распустился и два раза видѣлись мы. Люблю природу! Говоря съ нею, я отвыкъ отъ человѣческаго языка, а вы мнѣ напомнили его. Прелестенъ и онъ, когда выходитъ изъ самаго сердца, когда не запыленъ...» Онъ пріостановился. «Вы вѣрно много страдали,—сказалъ я,—вѣрно очень несчастны?»—«Да, я много страдалъ, но не несчастенъ; несчастны они въ своемъ счастьѣ, а мы счастливы. Съ гордостью смотрю я на душу мою, всю въ рубцахъ отъ гоненій и бѣдствій, ибо совѣсть моя чиста, ибо я, какъ воинъ, ни разу не бѣжалъ съ поля несчастья. И вотъ я заброшенъ сюда и безъ куска хлѣба, а все тотъ же, какъ былъ. Они ничего не отняли у меня,—душа осталась. Да неужели вы не чувствовали особой сладости страданій высокихъ, страданій за истину? Правда, иныя минуты доводятъ до отчаянія. Я помню, когда меня оторвали отъ моей жены во время ея родовъ и какъ она—одна, безъ помощи служанки, покинутая всѣми—мучилась смертельною болѣзнью. Холодный потъ выступаетъ, когда подумаю... Но Богъ печется объ несчастныхъ,—она выздоровѣла. Теперь я безъ куска хлѣба, а былъ богатъ; бѣдность гнететъ иногда, но душа стала выше этихъ предразсудковъ. И можно ли за одно чистое, святое наслажденіе созерцательной минуты взять цѣлую жизнь, спокойную и безмятежную, этой толпы, которую ничто не грѣетъ, ничто не влечетъ?... Часто сажусь я вотъ на этой горѣ и перебираю жизнь мою. Какъ ярко напечатлѣны въ памяти минуты поэтическихъ восторговъ, когда душа, вырываясь изъ цѣпей, парила! Эти минуты свѣтятъ, подобно фаросу, по болотному пути жизни. А мгновенія, когда я услышалъ первое слово любви,—это мощное слово, которое одно можетъ пересоздать человѣка,—не выкупили ли они впередъ всѣ несчастія?... Въ шестнадцать лѣтъ схватили меня волны и умчали, крутя, въ какой-то bufere infernal. И я, подобно моряку, приставшему на безплодный утесъ, вспоминаю всѣ бури, всѣ волны, бившія о мой корабль, и благодарю Провидѣніе, что спасло меня, забывая потери. Счастіе—слово безъ смысла въ нечистыхъ устахъ толпы. Для чего счастье человѣку, одаренному душою высокой, которая внутри себя найдетъ блаженство? И когда же были счастливы становившіеся выше узкихъ

рамъ, которыми сковались ничтожные люди? Птицы небесныя имѣютъ гнѣзда и лиси—язвины, но Сыну человѣческому негдѣ главы преклонить. И развѣ Онъ счастіемъ манилъ учениковъ? Развѣ счастіе оставилъ имъ въ наслѣдство?—Нѣтъ, крестъ!... И съ радостію взяли они это наслѣдство и понесли крестъ Его... Никогда человѣкъ въ счастіи не узнаетъ всей глубины поэзіи, въ его душѣ лежащей; но страданія, вливая силы, разверзнутъ цѣлый океанъ ощущеній и мыслей. Когда Дантъ былъ въ раю: торжествуя-ль въ своей Firenze, или будучи въ ссылкѣ и испытывая горечь чужого хлѣба и крутизну чужихъ лѣстницъ? Иной всю жизнь провелъ бы, не зная сокровенныхъ областей души своей, и она не вышла бы изъ своей прозелиды,—такъ искусно толпа умѣетъ подавить, задушить чувство даже въ другомъ. Но его поражаетъ несчастіе, и душа вспорхнетъ, отрясетъ прахъ земной, взлетитъ къ небу. Одна мысль: *я перенесъ это*—исполняетъ гордостью и наслажденіемъ. Человѣкъ, не согнувшій выю свою передъ обстоятельствами, выдержавшій твердую борьбу съ ними, можетъ сознать свое достоинство и посмотрѣть на людей тѣмъ взоромъ, которымъ смотрѣлъ Марій съ развалинъ Кареагена на Римъ и Наполеонъ изъ Лангвуда на вселенную... Да, одна мысль эта достаточна, чтобы вознестись надъ толпою, которая такъ боится всякихъ ощущеній и лучше согласится жить жизнію животнаго, нежели терпѣть несчастія, сопряженныя съ жизнію человѣка...»Слова незнакомца нашли отзывный звукъ въ моемъ сердцѣ. Долго говорили мы. Наконецъ, пора мнѣ было собираться въ дорогу. «Вамъ не нужно совѣтовъ: душа ваша не померкнетъ»,—сказалъ онъ.—«И если она изнеможетъ,—возразилъ я,—подъ ударами судьбы, придетъ въ отчаяніе, я вспомню васъ и покраснѣю отъ своей слабости». Онъ плакалъ.—«Зачѣмъ вы ѣдете? Я останусь опять въ моемъ одиночествѣ... Здѣсь сердца холодны, какъ руды ихъ Уральскаго хребта, и такъ же жестоки. Но сладостно будетъ мнѣ воспоминаніе нашей встрѣчи». Я бросился въ его объятія и не могъ вымолвить слово благодарности. Онъ снялъ чугунное кольцо съ руки и, подавая мнѣ, сказалъ: «Не бросай его. Ты молодъ, твоя судьба еще перемѣнится, страданія не подавятъ твоей души. Но ты, можетъ, будешь счастливъ, тогда береги свою душу; тогда, взглянувъ нечаянно на это кольцо, вспомни нашъ разговоръ». Я былъ тронутъ до крайности, взялъ его кольцо, отстегнулъ запонку съ своей груди и молча подалъ ему.

— Со мной до гроба,—сказалъ онъ.

Мы разстались и болѣе я никогда не видалъ его. Черезъ часъ кто-нибудь изъ гуляющихъ по тому же бульвару могъ видѣть быстро промчавшуюся коляску на почтовыхъ, съ лихимъ усачомъ въ военной шляпѣ на козлахъ, который, безпрерывно поправляя пальцемъ въ своей трубкѣ, погонялъ ямщика.

Вѣроятно, прохожій остановился; но, когда затихъ колокольчикъ, унялась пыль, спокойно продолжалъ свою прогулку *).

А. Герценъ.

Вятка.
1836 года, марта 10.

---

*) Въ концѣ статьи сдѣлана приписка: „Посвящается барону Упсальскому“.

Пожалованіе населенныхъ имѣній при императорѣ Павлѣ.

Четырехлѣтнее правленіе императора Павла оставило тяжелую память въ русскомъ обществѣ, несмотря на то, что въ характерѣ императора было много симпатичныхъ чертъ, что онъ искренно желалъ приносить пользу и думалъ, что дѣйствительно ее приноситъ. Еще наслѣдникомъ престола въ письмѣ къ одному изъ своихъ приближенныхъ Павелъ писалъ: «Еслибъ я нуждался въ томъ, чтобы составить свою партію, я могъ бы молчать о безпорядкахъ, щадя извѣстныя личности; но при настоящемъ моемъ положеніи я не могу имѣть ни партіи, ни иного интереса, кромѣ интереса государства, а при моемъ характерѣ мнѣ тяжело видѣть, что дѣла идутъ вкривь и вкось и что причиною тому небрежность и личные виды. Пусть лучше меня ненавидятъ за правое дѣло, чѣмъ любятъ за неправое» *). Эти намѣренія прекрасны, но бѣда въ томъ, что понятія императора Павла шли слишкомъ въ разрѣзъ со взглядами общества; поэтому не мудрено, что онъ дѣйствительно заслужилъ крайнее нерасположеніе къ себѣ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ извѣстная характеристика императора Павла въ запискѣ Карамзина «О древней и новой Россіи» **).

Значительная часть суровыхъ мѣръ императора Павла была или отмѣнена, или исправлена его гуманнымъ преемникомъ: заключенные освобождены, сосланные возвращены, конфискованное имущество передано въ руки прежнихъ владѣльцевъ, тайная канцелярія уничтожена, предписанія относительно одежды

---

*) „Сборн. Истор. Общ.“, т. XX, стр. 412.

**) *Русскій Архивъ* 1870 г., стр. 2267—2270.

были немедленно, какъ бы по уговору, всѣми нарушены, безумная строгость дисциплины исчезла и возобновилась въ нѣкоторой степени лишь во вторую половину царствованія императора Александра I; не приходилось приказывать отвѣшивать извѣстные поклоны новому императору, такъ какъ его и безъ того горячо привѣтствовали; наконецъ, изданъ былъ мягкій цензурный уставъ.

Но, къ сожалѣнію, не все, сдѣланное императоромъ Павломъ, было исправлено, не все даже можно было исправить. Были мѣры гораздо болѣе вредныя для государства, чѣмъ все указанное выше, и тѣмъ не менѣе не встрѣчавшія протеста въ высшемъ обществѣ, потому что онѣ были ему выгодны; о нихъ не упомянулъ и Карамзинъ, потому что, какъ членъ этого общества, считалъ ихъ даже полезными. Такою мѣрой была, напримѣръ, раздача крестьянъ въ частную собственность, производившаяся, въ теченіе перваго года по вступленіи на престолъ императора Павла, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, причемъ онъ далеко превзошелъ свою мать, которую также нельзя упрекнуть въ особой умѣренности въ этомъ отношеніи.

Будучи еще наслѣдникомъ, Павелъ, приготовляясь въ 1788 году ѣхать въ дѣйствующую армію, кромѣ духовнаго завѣщанія и писемъ къ женѣ и дѣтямъ, оставилъ особый «Наказъ», въ которомъ изложилъ свои мысли объ управленіи государствомъ. Перечисливъ здѣсь всѣ сословія, Павелъ съ любовью останавливается на крестьянствѣ, которое «содержитъ собою всѣ прочія части и своими трудами, слѣдственно особаго уваженія достойно и утвержденія состоянія, не подверженнаго нынѣшнимъ перемѣнамъ его». Павелъ считалъ необходимымъ «уважить состояніе приписныхъ къ заводамъ крестьянъ, ихъ судьбу перемѣнить и разрѣшить... Не меньшаго частнаго уваженія,—по его мнѣнію,—заслуживаютъ государственные крестьяне, однодворцы, черносошные и пахотные, которыхъ свято, по ихъ назначеніямъ, оставлять, облегчая ихъ судьбу: они прямые государственные. Экономическіе оставить въ ихъ нынѣшнемъ основаніи, но доходы съ нихъ никуда не опредѣлять, какъ на монастыри и богоугодныя заведенія, а за симъ, что останется, на прямыя государственныя необходимости... Дворцовые остаются на содержаніе Двора, на государскія жалованія и на удѣлы фамильные» *). Добрыя намѣренія Павла относительно крестьянскаго сословія далеко

*) *Вѣстникъ Европы* 1867 г., кн. I: „Матеріалы къ русской исторіи XVIII вѣка", стр. 317—319.

не были осуществлены въ его царствованіе. Въ пользу государственныхъ крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ, при немъ не было издано никакихъ указовъ; если же подъ названіемъ «приписныхъ къ заводамъ» Павелъ разумѣлъ поссессіонныхъ крестьянъ, то относительно ихъ была принята весьма вредная мѣра, а именно опять дозволено было покупать крестьянъ къ фабрикамъ, что было запрещено указами императора Петра III и императрицы Екатерины II. О крѣпостныхъ крестьянахъ отдѣльно Павелъ не упомянулъ въ своемъ «Наказѣ», однако же онъ принялъ нѣкоторыя мѣры для улучшенія ихъ быта, а именно: запретилъ продажу людей безъ земли въ Малороссіи и установилъ трехдневный размѣръ барщины въ пользу помѣщика. Но первый изъ этихъ указовъ совершенно не достигъ своей цѣли, а вторая мѣра, принятая, какъ и большая часть всего, сдѣланнаго императоромъ Павломъ, крайне поспѣшно, безъ всякаго собиранія свѣдѣній о повинностяхъ крѣпостныхъ крестьянъ, выраженная притомъ чрезвычайно кратко и недостаточно опредѣленно, не только сплошь и рядомъ не исполнялась, такъ какъ за нарушеніе ея не было установлено никакого наказанія, но даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оказалась положительно вредною. Дѣло въ томъ, что въ Великороссіи трехдневная барщина была дѣйствительно наиболѣе обычною повинностью издѣльныхъ крестьянъ, но въ Малороссіи въ теченіе всего XVIII вѣка помѣщики обыкновенно не требовали отъ своихъ крестьянъ работы болѣе двухъ дней въ недѣлю; а послѣ указа императора Павла стали требовать по три *). Считая необходимымъ поддерживать власть помѣщиковъ, которыхъ онъ называлъ своими полицеймейстерами, императоръ Павелъ строго наказывалъ крѣпостныхъ, приносившихъ на нихъ жалобы. Волненія среди крѣпостныхъ, начавшіяся по вступленіи на престолъ императора, были, какъ извѣстно, подавлены самымъ суровымъ образомъ.

Въ своемъ «Наказѣ» 1788 года Павелъ, между прочимъ, высказалъ мысль, что крестьянство достойно «утвержденія состоянія, не подверженнаго нынѣшнимъ перемѣнамъ его». Не совсѣмъ понятно, что онъ хотѣлъ выразить этими словами; всего скорѣе это означаетъ неодобреніе раздачи населенныхъ имѣній фаворитамъ и различнымъ приближеннымъ къ императрицѣ Екатеринѣ II,

*) Прямыя указанія на этотъ фактъ мы находимъ въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ по крестьянскому вопросу, составленныхъ жителями Малороссіи въ первые годы XIX вѣка.

причемъ крестьяне государевы, дворцовые, казенные, крестьяне въ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, принадлежавшіе прежде королю или духовенству и монастырямъ, дѣлались крѣпостными русскихъ вельможъ. Если мы правильно понимаемъ мысль императора Павла, то и это желаніе онъ не только не осуществилъ по вступленіи на престолъ, но въ гораздо большей степени, чѣмъ его мать, заслужилъ сдѣланный ей упрекъ. Впрочемъ уже въ «Наказѣ» Павелъ предназначалъ дворцовыхъ крестьянъ, между прочимъ, на «государскія жалованія», и мы увидимъ, какъ сильно истощилъ онъ этотъ источникъ.

Громадная часть пожалованій населенныхъ имѣній, сдѣланныхъ императрицею Екатериною, была произведена ею въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, гдѣ, по ея взглядамъ, это быть-можетъ входило въ программу политики обрусѣнія этого края; кромѣ того не мало пожалованій произведено тамъ изъ только-что секвестрованныхъ крестьянъ, гдѣ, слѣдовательно, бывшіе крѣпостные польскихъ пановъ только перемѣнили владѣльцевъ. Были и въ Великороссіи двѣ обширныя группы вотчинъ, которыя наши дворяне сильно желали пріобрѣсти въ свою собственность или по крайней мѣрѣ въ пользованіе: во-первыхъ, крестьяне дворцовые и, во-вторыхъ, такъ-называемые экономическіе, т. е. отобранные при императрицѣ Екатеринѣ II у синода, монастырей и церквей. Даже люди либеральнаго образа мыслей, какъ, напримѣръ, Я. Е. Сиверсъ, совѣтовали императрицѣ отдать эти имѣнія въ аренду дворянамъ (съ этою цѣлью составлялись цѣлые проекты; въ числѣ ихъ авторовъ былъ и И. П. Елагинъ), а нѣкоторые депутаты нашего высшаго сословія въ коммиссіи «Уложенія» и князь Щербатовъ полагали, что необходимо продать по дешевой цѣнѣ,—опять-таки, конечно, дворянамъ. Императрица Екатерина долго не рѣшалась на эту мѣру. Изъ дворцовыхъ крестьянъ въ Великороссіи было пожаловано ею въ полную собственность около трехъ съ половиною десятковъ тысячъ душъ, а экономическіе крестьяне, освобожденные отъ власти духовенства, оставались неприкосновенными. Но дворцовыя и экономическія вотчины, разсѣянныя въ лучшихъ провинціяхъ государства, были слишкомъ лакомымъ кускомъ,—понятно, что высшіе представители дворянства производили на императрицу постоянное давленіе съ цѣлью заполучить ихъ въ свою пользу тѣмъ или другимъ способомъ. Въ первую, либеральную, пору своего царствованія она успѣшно сопротивлялась подобнымъ влі-

яніямъ, но во вторую его половину, какъ извѣстно, постепенно исчезали прежнія мечты относительно освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, а слѣдовательно и помѣщичья власть должна была все менѣе и менѣе казаться зломъ, требующимъ серьезнаго обузданія. Пугачовскій бунтъ у насъ и французская революція на Западѣ заставили консерваторовъ не искать истинныхъ причинъ того и другого событія, а напротивъ — бояться тѣхъ мѣръ, которыя могли бы предупредить какъ бунтъ, такъ и революцію. Въ послѣдніе годы своего царствованія, составляющаго самую блаженную эпоху въ жизни нашего дворянства, императрица Екатерина II готова была поддаться дворянскимъ настояніямъ, остававшимся безуспѣшными въ болѣе свѣтлыя эпохи ея жизни. Вотъ что свидѣтельствуетъ Безбородко въ письмѣ къ графу А. Р. Воронцову, написанномъ вскорѣ по смерти императрицы Екатерины II: «Покойная императрица, за недѣлю предъ кончиною своею и въ послѣдній день, что я ее видѣлъ, много со мною говорила о намѣреніи своемъ всѣ деревни дворцовыя и экономическія раздать въ аренды заслуженнымъ, но не инако, какъ произведя въ одной за другою губерніи камеральное описаніе и раздѣлъ, да и не съ публичнаго торга, а за заслуги, безъ потери казенной» *). Смерть императрицы не дозволила осуществить эту мысль, хотя, какъ мы увидимъ, она была скоро выполнена въ иной формѣ относительно нѣсколькихъ десятковъ тысячъ экономическихъ крестьянъ, а значительная часть населенія дворцовыхъ вотчинъ подверглась даже полному закрѣпощенію.

Въ день неожиданной кончины императрицы Екатерины великій князь Павелъ Петровичъ вмѣстѣ съ женою ѣздилъ для развлеченія на мельницу въ Роншу. Когда онъ и великая княгиня разсказали, что оба они видѣли во снѣ, какъ будто невидимая и сверхъестественная сила подымала ихъ къ небесамъ, сопровождавшій ихъ во время прогулки графъ Ильинскій замѣтилъ:

— Вѣроятно ваше высочество скоро будете императоромъ, и тогда я выиграю мой процессъ съ казною (объ имѣніи въ нѣсколько тысячъ душъ).

— Навѣрно выигралъ бы, — отвѣчалъ Павелъ. — *По моему лучше бы и всѣхъ казенныхъ крестьянъ раздать помѣщикамъ.* Живя въ Гатчинѣ, я насмотрѣлся на ихъ управленіе. Помѣщики лучше заботятся о своихъ крестьянахъ; у нихъ своя, отеческая, полиція.

*) „Архивъ кн. Воронцова“, т. XIII, стр. 371.

Возвратившись изъ этой поѣздки, великій князь нашелъ въ Гатчинѣ графа Зубова съ извѣстіемъ объ ударѣ, поразившемъ императрицу Екатерину, и о томъ, что нѣтъ надежды на ея выздоровленіе *).

Эти слова императора Павла предъ самымъ вступленіемъ его на престолъ были дурнымъ предзнаменованіемъ для крестьянъ, уцѣлѣвшихъ отъ закрѣпощенія помѣщичьей власти. Что нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ разсказѣ Кутлубицкаго, стоявшаго во время этой поѣздки на запяткахъ саней Павла, видно и изъ свидѣтельства Саблукова, также весьма приближеннаго къ Павлу и до, и послѣ вступленія его на престолъ. Упомянувъ о раздачѣ многихъ тысячъ крестьянъ во время коронованія императора, Саблуковъ замѣчаетъ: «Павелъ не считалъ этого способа распоряжаться государственными землями и крестьянами предосудительнымъ для общаго блага, ибо онъ полагалъ, что крестьяне гораздо счастливѣе подъ управленіемъ частныхъ владѣльцевъ, чѣмъ тѣхъ лицъ, которыя обыкновенно назначаются для завѣдыванія государственными имуществами». Для Саблукова, отецъ котораго получилъ во время коронаціи прекрасное имѣніе въ Тамбовской губерніи (500 душъ), было даже «несомнѣнно, что крестьяне считали милостью и преимуществомъ переходъ въ частное владѣніе» **).

Впрочемъ не одинъ императоръ Павелъ считалъ полезнымъ пожалованіе крестьянъ. Въ XIX вѣкѣ извѣстный Мордвиновъ (получившій при императрицѣ Екатеринѣ II и императорѣ Павлѣ 3.000 душъ) во всеуслышаніе говорилъ, что, ради образованія необходимой для Россіи богатой и сильной аристократіи, слѣдуетъ раздать знатнѣйшимъ фамиліямъ всѣ казенныя имѣнія ***). Въ 1827 году статсъ-секретарь Муравьевъ предлагалъ жаловать заслуженнымъ чиновникамъ земли, населенныя казенными крестьянами, въ потомственное владѣніе, а въ то же время Сперанскій, представляя положеніе казенныхъ крестьянъ въ болѣе мрачномъ свѣтѣ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, хотя и не предлагалъ раздать ихъ дворянамъ, но утверждалъ, что они бѣднѣютъ и разоряются не менѣе помѣщичьихъ крестьянъ. «Земскіе исправники суть тѣ же помѣщики, съ тою только разностію, что они

---

*) „Разсказы Кутлубицкаго о временахъ императора Павла“. *Русскій Архивъ* 1866 года, стр. 1308 и 1309.

**) *Русскій Архивъ* 1869 года, стр. 1893.

***) *Богдановичъ*: „Исторія царствованія Александра I“, т. VI, стр. 421—422.

перемѣняются и что на нихъ есть нѣкоторые способы къ управѣ; но въ замѣнъ того сіи трехлѣтніе владѣльцы не имѣютъ никакихъ побужденій беречь крестьянъ, коихъ они ни себѣ, ни потомству своему не прочатъ» *). Между тѣмъ, по свидѣтельству многихъ современниковъ, каковы бы ни были злоупотребленія мѣстныхъ властей, положеніе казенныхъ крестьянъ было неизмѣримо благопріятнѣе, чѣмъ крѣпостныхъ.

Замѣтимъ, что причиною чрезмѣрной раздачи населенныхъ имѣній при императорѣ Павлѣ могло быть не одно ошибочное предположеніе императора, что такимъ образомъ онъ оказываетъ благодѣяніе крестьянамъ. Нѣкоторые современники предполагали, что этою мѣрой будетъ въ значительной степени предотвращена возможность народныхъ волненій **).

Переходимъ къ вопросу о томъ, сколько крестьянъ было всего роздано при императорѣ Павлѣ.

До сихъ поръ было до нѣкоторой степени извѣстно только число душъ, пожалованныхъ императоромъ въ день своей коронаціи, благодаря списку наградъ, составленному кн. А. Б. Куракинымъ ***). На основаніи этого списка подсчитывали, что при коронаціи было роздано около 82.000 душъ муж. пола (мы увидимъ ниже, что и въ этотъ день было роздано нѣсколько болѣе). Дальнѣйшихъ свѣдѣній о пожалованіи, или, какъ мѣтко выразился Шишковъ, «расхваткѣ» крестьянъ при императорѣ Павлѣ—вовсе не было, если не считать отрывочныхъ извѣстій о пожалованіи нѣкоторымъ вельможамъ. Теперь мы можемъ представить обстоятельныя данныя по этому вопросу, составляющія результатъ внимательнаго пересмотра 50 томовъ именныхъ указовъ императора Павла, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ.

Разсмотримъ сначала количество душъ, пожалованныхъ императоромъ Павломъ, по годамъ его царствованія.

Съ 6 ноября 1796 года (день вступленія его на престолъ) по 31 декабря 1796 года было пожаловано 89.002 душъ муж. пола, 11½ лифляндскихъ гаковъ, 53¼ эстляндскихъ гаковъ, 40

*) „Девятнадцатый вѣкъ", изд. Бартенева, т. II, стр. 157 и 164.

**) „Причиною сей раздачи деревень,—по свидѣтельству извѣстнаго Шишкова, который и самъ получилъ въ это время 250 душъ,—сказываютъ, былъ больше страхъ, нежели щедрость Павла I: напуганный, можетъ-быть, примѣромъ Пугачова, онъ думалъ раздачею казенныхъ крестьянъ дворянамъ уменьшить опасность отъ народныхъ смятеній".

***) Напечатанъ въ *Чтен. Общ. истор. и древн. росс.* 1867 года, т. I. стр. 131—148.

гейматовъ (отдѣльныхъ крестьянскихъ усадебъ въ Финляндіи) и еще 5 пожалованій неизвѣстнаго числа душъ. Въ докладѣ лифляндскаго рыцарства о повинностяхъ крѣпостныхъ крестьянъ, Высочайше утвержденномъ въ 1804 году (§ 58), положено, что въ каждомъ гакѣ должно быть 20 человѣкъ къ работѣ годныхъ, т. е. 10 душъ муж. пола (отъ 17 до 60 лѣтъ) и 10 жен. пола (отъ 15 до 55 лѣтъ), слѣдовательно съ дѣтьми было всего около 20 душъ мужскаго пола. Но, по вычисленію мѣстнаго ученаго, на каждомъ лифляндскомъ гакѣ во второй половинѣ прошлаго столѣтія жило среднимъ числомъ по 30 душъ муж. пола *), слѣдовательно на 11½ лифляндскихъ гакахъ, пожалованныхъ императоромъ Павломъ въ послѣдніе мѣсяцы 1796 года, жило 345 душъ. Въ Эстляндіи считали гакомъ пространство земли, населенное 5 работниками отъ 15 до 60 лѣтняго возраста **), слѣдовательно съ дѣтьми около 10 душъ муж. пола, а въ 53¼ эстляндскихъ гакахъ, пожалованныхъ въ концѣ 1796 года, будетъ около 532 душъ мужскаго пола. Въ 40 гейматахъ въ Финляндіи могло быть приблизительно около 400 душъ. Размѣръ неизвѣстныхъ 5 пожалованій примемъ въ суммѣ въ 2.500 душъ, такъ какъ средній размѣръ пожалованія при императорѣ Павлѣ превосходилъ 500 душъ. Такимъ образомъ въ послѣдніе неполные два мѣсяца 1796 года императоромъ Павломъ было пожаловано всего 92.779 душъ.

Въ 1797 году императоръ Павелъ пожаловалъ 152.241 д. муж. пола, 74 лифляндск. гака, около 11½ эзельскихъ гаковъ (меньше лифляндскихъ),—въ тѣхъ и другихъ приблизительно около 2.300 душъ,—95 дворовъ въ Курляндіи, о которыхъ Сиверсъ замѣтилъ, что они стоятъ 40 гаковъ,—слѣдовательно можемъ считать 1.200 душъ,—и 5 пожалованій неизвѣстнаго размѣра, которыя въ суммѣ примемъ въ 3.000 душъ, такъ какъ въ ихъ числѣ было крупное пожалованіе гр. С. Р. Воронцову. Въ итогѣ за 1797 годъ мы получимъ 158.741 душу, т. е. болѣе чѣмъ во всѣ другіе годы царствованія императора Павла, взятые вмѣстѣ. Это объясняется тѣмъ, что въ 1797 году была коронація императора, по поводу которой было роздано очень много населенныхъ имѣній.

Въ 1798 году было роздано гораздо менѣе, всего—13.523 души муж. пола.

---

*) *Hagemeister*: „Ueber die ehemalige Bedeutung eines livländischen Hakens". Jahrbücher der Landwirth. Bd. III, 20.

**) *Рихтеръ*: „Исторія крестьянскаго сословія въ присоединенныхъ къ Россіи прибалтійскихъ губерніяхъ", 1860 года, стр. 16.

Въ 1799 году пожаловано 7.278 душъ муж. пола, 57¼ лифляндскихъ гаковъ, т. е. 1.717 душъ, 83 двора въ Курляндіи (примемъ приблизительно въ 900 душъ муж. пола) и 3 неизвѣстныхъ пожалованія (примемъ въ 1.500 душъ). Итого въ 1799 году было роздано 11.395 душъ, слѣдовательно еще менѣе, чѣмъ въ предыдущемъ году.

Въ 1800 году было пожаловано 6.839 душъ и еще 2 пожалованія неизвѣстнаго размѣра (примемъ 1.000 душъ),—слѣдовательно, всего 7.839 душъ.

Наконецъ въ первые мѣсяцы 1801 года по 12 марта, когда вступилъ на престолъ императоръ Александръ I, было дано 2.164 души и одно пожалованіе неизвѣстнаго размѣра. Принявъ послѣднее въ 500 душъ, получаемъ всего для этого года 2.664 души; а если присоединить еще 1.000 душъ, пожалованныхъ при императорѣ Александрѣ, на основаніи завѣщанія его отца, то окажется, что всего императоромъ Павломъ было дано въ этомъ году 3.664 души муж. пола.

Общій итогъ пожалованій императора Павла равняется 287.941 д. муж. пола. Такъ какъ изъ всего числа 528 пожалованій только въ 16 размѣръ ихъ намъ не былъ извѣстенъ, то, слѣдовательно, полученный итогъ представляетъ весьма значительную степень точности. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ началѣ царствованія императора Павла въ указахъ о пожалованіяхъ количество душъ, повидимому, обозначалось по 4-й ревизіи; слѣдовательно, еслибы считать все по даннымъ 5 ревизіи, то итогъ былъ бы еще болѣе полученнаго нами. Такимъ образомъ всего императоромъ Павломъ было роздано около 600.000 душъ *обоего* пола.

По произведеннымъ нами вычисленіямъ на основаніи матеріаловъ того же сенатскаго архива *), императрица Екатерина II въ продолженіе всего своего 34 лѣтняго царствованія пожаловала около 400.000 душъ *мужскаго* пола; это составитъ въ годъ среднимъ числомъ по 11.765 душъ. Императоръ Павелъ въ четыре съ небольшимъ года роздалъ 287.941 душ. муж. пола; это составляетъ по 65.679 душъ муж. пола въ годъ, слѣдовательно среднимъ числомъ императоръ Павелъ раздавалъ въ годъ въ 5½ разъ болѣе, нежели императрица Екатерина.

Въ теченіе всего царствованія императрицы Екатерины II было произведено 383 пожалованія въ наслѣдственную собственность,

*) См. нашу статью: „Раздача населенныхъ имѣній при Екатеринѣ II". *Отечеств. Записки* 1877 года, № 8.

а при императорѣ Павлѣ 528 пожалованій; слѣдовательно, въ теченіе четырехъ слишкомъ лѣтъ императоръ Павелъ произвелъ почти въ полтора раза болѣе пожалованій, чѣмъ императрица Екатерина въ 34 года. Но за то средній размѣръ пожалованія въ царствованіе Павла вдвое менѣе, чѣмъ при его матери, а именно въ царствованіе императрицы Екатерины оно равняется 1.044 души муж. пола, а при императорѣ Павлѣ—545 душъ.

Мы подсчитали выше, сколько было пожаловано императоромъ Павломъ въ каждый годъ его непродолжительнаго царствованія, и видимъ, что этотъ ливень наградъ населенными имѣніями падалъ не одинаково во все время. Всего обильнѣе онъ былъ въ первые неполные два мѣсяца царствованія, когда было роздано болѣе 90.000 душъ. Въ 1797 году за весь годъ, несмотря на то, что въ то время были даны огромныя награды во время коронаціи, было роздано немногимъ болѣе полутораста тысячъ душъ, слѣдовательно на мѣсяцъ приходилось среднимъ числомъ уже не около 50.000 душъ, а лишь по 13.000, а затѣмъ въ цѣлый годъ раздавалось 13.000 душъ и менѣе.

Но и въ теченіе одного года пожалованія шли неравномѣрно: въ царствованіе императора Павла было три дня, когда сразу было роздано особенно крупное количество крестьянъ. Такъ 4 декабря 1796 года 30 лицамъ, какъ военнымъ, такъ и придворнымъ, окружавшимъ императора Павла, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ, «въ воздаяніе усердія къ намъ и ревности къ службѣ нашей оказанныхъ по бытности при насъ», какъ сказано въ данномъ по этому случаю указѣ, было пожаловано 32.762 души,—слѣдовательно, среднимъ числомъ, по 1.092 души на человѣка. Кто именно получилъ при этомъ пожалованія, мы укажемъ ниже.

5 апрѣля 1797 года, въ день коронаціи, были даны пожалованія болѣе чѣмъ ста лицамъ. До сихъ поръ при опредѣленіи итога пожалованій въ день коронаціи источникомъ служила вѣдомость о всѣхъ данныхъ въ этотъ день наградахъ, составленная княземъ А. Б. Куракинымъ, и на основаніи ея опредѣляли, что въ этотъ день пожаловано около 82.000 душъ. При свѣркѣ этого списка съ отдѣльными именными указами о каждомъ пожалованіи, оказались ошибки или опечатки въ нѣкоторыхъ изъ цифръ, затѣмъ нѣкоторыя пожалованія были вовсе пропущены и, наконецъ, число душъ въ нѣкоторыхъ пожалованіяхъ, не обозначенное въ указѣ, мы могли опредѣлить по другимъ источникамъ.

Подведя итогъ пожалованій въ этотъ день на основаніи подлинныхъ матеріаловъ, мы нашли, что всего 109 лицъ получили населенныя имѣнія, въ которыхъ было 100.438 душъ муж. пола, да еще размѣръ одного пожалованія (графу С. Р. Воронцову) не извѣстенъ.

Наконецъ, черезъ 11 дней послѣ коронаціи, 16 апрѣля 1797 года, получили пожалованіе очень многіе офицеры кавалергардскаго корпуса, гвардейскихъ полковъ: преображенскаго, семеновскаго, измайловскаго и коннаго, гвардейскихъ баталіоновъ егерскаго и артиллерійскаго, полковъ лейбъ-гусарскаго и лейбъ-казачьяго. Полковникамъ было дано по 200 душъ, подполковникамъ и ротмистрамъ—по 150, а всѣмъ остальнымъ—по 100 душъ; всего же въ этотъ день было пожаловано 17.381 душа муж. пола. По свидѣтельству Комаровскаго, это были все офицеры, служившіе прежде въ гатчинскихъ и павловскихъ баталіонахъ *).

Такимъ образомъ въ три дня—4 декабря 1796 года, 5 и 10 апрѣля 1797 года—было пожаловано болѣе 150.000 душъ муж. пола, слѣдовательно болѣе половины всего числа крестьянъ, розданныхъ въ царствованіе императора Павла.

При разсмотрѣніи пожалованій въ извѣстную эпоху очень важно не только опредѣлить общее число розданныхъ крестьянъ, но также и то, изъ какихъ разрядовъ сельскаго населенія и въ какихъ областяхъ Имперіи производились пожалованія. Въ царствованіе императрицы Екатерины II лишь незначительная часть пожалованій пришлась на долю великороссійскихъ крестьянъ, всего же болѣе роздано крестьянъ въ областяхъ присоединенныхъ отъ Польши. При императорѣ Павлѣ отношеніе измѣняется: увѣренный въ благоденствіи крестьянъ подъ помѣщичьимъ управленіемъ, онъ раздаетъ въ огромномъ количествѣ дворцовыя вотчины, которыя послѣ окончательнаго уничтоженія въ нихъ барщины, въ началѣ царствованія императрицы Екатерины, сравнялись по своимъ повинностямъ съ казенными крестьянами и, благодаря обилію въ нихъ земли, находились въ весьма выгодномъ положеніи. Во все царствованіе императрицы Екатерины II изъ дворцовыхъ вотчинъ Великороссіи было роздано около 36.000 душъ. Императоръ Павелъ сразу рѣшилъ раздавать ихъ въ гораздо болѣе широкомъ размѣрѣ. Безбородко извѣстилъ въ концѣ февраля 1797 года графа А. Р. Воронцова, что изъ дворцовыхъ вотчинъ

*) *Русскій Архивъ* 1867 года, стр. 538.

«къ раздачѣ отдѣлено до 150.000 душъ и изъ нихъ уже сто тысячъ роздано, а остальныя 50.000 д. отдѣлены для апанажа» (т.-е. въ удѣлъ) [1]). Но ста тысячъ оказалось недостаточно для раздачи; на это понадобилось еще болѣе 50.000 дворцовыхъ крестьянъ. Державинъ въ своихъ запискахъ свидѣтельствуетъ, что въ царствованіе императора Павла было роздано дворцовыхъ крестьянъ «болѣе трехсотъ тысячъ душъ» [2]). Тутъ, очевидно, слѣдуетъ разумѣть душъ обоего пола. По нашимъ вычисленіямъ было пожаловано при императорѣ Павлѣ изъ дворцовыхъ имѣній Великороссіи 157.307 душъ мужскаго пола и еще число душъ въ одномъ пожалованіи неизвѣстно,—слѣдовательно, результатъ нашего вычисленія вполнѣ совпадаетъ съ указаніемъ Державина.

Само собою разумѣется, что слѣдствіемъ неумѣренной раздачи дворцовыхъ имѣній должно было быть уменьшеніе [3]) дохода съ вотчинъ этого вѣдомства, что̀, разумѣется, было весьма непріятно. Это заставило императора Павла опомниться, и 22 октября 1798 года сенату былъ данъ слѣдующій именной указъ: «Все полное число душъ, какое съ состоянія сего указа явится въ имѣніяхъ, досѣлѣ дворцовыми бывшихъ, повелѣваемъ почитать ни къ какой раздачѣ не слѣдующими и принадлежащими навсегда къ содержанію нашей императорской фамиліи. Вслѣдствіе чего сенатъ нашъ имѣетъ дѣятельными мѣрами споспѣшествовать вступленію всѣхъ оныхъ имѣній въ вѣдомство департамента удѣловъ» [4]).

Сравнительно съ дворцовыми крестьянами число душъ другихъ разрядовъ сельскаго населенія въ Великороссіи, пожалованныхъ при императорѣ Павлѣ, было весьма невелико.

Изъ *государевыхъ* вотчинъ значительное пожалованіе (болѣе 25.000) получилъ графъ А. Г. Бобринскій. Кромѣ того А. А. Безбородко получилъ 10.000 душъ въ Орловской губерніи, которыя были завѣщаны императрицѣ Екатеринѣ княземъ Кантемиромъ.

Изъ *казенныхъ* крестьянъ было пожаловано въ Великороссіи всего 8.531 душа мужскаго пола.

---

[1]) „Архивъ кн. Воронцова“, т. XIII, стр. 371.

[2]) „Собраніе сочиненій“. Спб. 1871 г., т. VI., стр. 735.

[3]) По свидѣтельству Державина (т. VI, стр. 734), это уменьшеніе за все время, пока Васильевъ былъ государственнымъ казначеемъ (до 1800 г.), составило 2 милл. рублей.

[4]) „Полное собр. законовъ“, т. XXV, № 18.713.

Изъ *купленныхъ* на счетъ казны роздано 3.497 душъ.

Изъ *экономическихъ* пожаловано только 2.441 душа, но, какъ мы увидимъ ниже, 50.000 душъ экономическихъ крестьянъ было отдѣлено для образованія такъ-называемыхъ командорственныхъ имѣній, также розданныхъ при императорѣ Павлѣ, но уже не въ наслѣдственное владѣніе.

Изъ *отписныхъ* и *выморочныхъ* было дано 1.001 душа.

Всего въ Великороссіи было роздано 207.777 душъ мужскаго пола и одно пожалованіе съ неизвѣстнымъ числомъ душъ.

Въ Малороссіи было пожаловано всего 6.623 души мужскаго пола и въ Слободско-Украинской губерніи 891 душа.

Въ губерніяхъ присоединенныхъ отъ Польши было роздано всего 55.954 души муж. пола, въ томъ числѣ 19.287 душъ изъ имѣній Подольской губерніи, купленныхъ у князя Любомирскаго *), и кромѣ того еще 7 пожалованій, число душъ въ которыхъ неизвѣстно.

Въ губерніяхъ Прибалтійскаго края, принимая указанный выше размѣръ гаковъ въ Лифляндіи и Эстляндіи и дворовъ въ Курляндіи, было роздано приблизительно 7.796 душъ муж. пола и еще число душъ въ 6 пожалованіяхъ неизвѣстно.

Въ Финляндіи было дано 3 пожалованія, изъ которыхъ въ двухъ число душъ неизвѣстно, а размѣръ третьяго равняется приблизительно 400 душамъ.

Итогъ всѣхъ тѣхъ пожалованій, число душъ въ которыхъ намъ извѣстно съ полною точностію или могло быть вычислено по числу гаковъ и дворовъ, равняется 279.441 душѣ муж. пола. Изъ всего этого количества въ Великороссіи было пожаловано 74% (въ томъ числѣ въ однѣхъ дворцовыхъ вотчинахъ 56%), въ губерніяхъ присоединенныхъ отъ Польши—20%, въ Малороссіи и Слободско-Украинской губерніи около 3% и въ Остзейскомъ краѣ около 3%.

Въ губерніяхъ присоединенныхъ отъ Польши, въ Прибалтійскомъ краѣ, Финляндіи и Малороссіи иногда обращалось въ наслѣдственное пожалованіе имѣніе, данное при императорѣ Павлѣ, или ранѣе тому же лицу въ пожизненное владѣніе. Въ этихъ

*) Покупка имѣній князя Любомирскаго проектировалась еще при импер. Екатеринѣ, но только съ другою цѣлью („Сборн. Истор. Общ“., т. XXIX, стр. 310). Нѣкоторыя изъ этихъ имѣній находились въ залогѣ и поступали во владѣніе лица, получившаго пожалованіе, лишь по уплатѣ казною денегъ, данныхъ подъ залогъ имѣнія.

же окраинахъ Россіи (кромѣ лѣвобережной Украины) жаловались также имѣнія, состоявшія прежде на арендѣ у того же лица. Такъ какъ, вслѣдствіе слишкомъ усердной раздачи крестьянъ на окраинахъ, тамъ почувствовался недостатокъ въ свободныхъ имѣніяхъ, то назначалось иногда къ пожалованію имѣніе, находящееся еще въ арендѣ у другихъ, съ тѣмъ, чтобъ оно перешло во владѣніе лица, получившаго пожалованіе, лишь по истеченіи срока аренды. Это дѣлалось, впрочемъ, только въ Прибалтійскомъ краѣ. Окончанія срока аренды приходилось иной разъ ждать 4—5 лѣтъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ пожалованныя лица находили утѣшеніе въ томъ, что въ ихъ пользу велѣно было отдавать деньги, уплачиваемыя арендаторами *). Однажды (въ 1799 году) былъ даже случай пожалованія генералу Герману мызы въ Лифляндской губерніи, данной въ пожизненное владѣніе вдовѣ тайнаго совѣтника графа Лестока.

Недостатокъ для раздачи свободныхъ имѣній заставлялъ искать поводовъ къ отобранію тѣхъ, которыя были отданы въ аренду. Такъ Державину дано было порученіе обревизовать казенныя старостинскія имѣнія, которыхъ въ Западномъ краѣ (безъ сомнѣнія, не при одномъ императорѣ Павлѣ, но и при императрицѣ Екатеринѣ) было роздано, по словамъ Державина, болѣе 80.000 душъ, и если окажется несоблюденіе контрактовъ, то взять ихъ по-прежнему въ казенное вѣдомство. По возвращеніи изъ командировки Державинъ замѣтилъ, что императоръ сухо обращается съ нимъ; по его мнѣнію, поводомъ къ немилости послужило то, «что не отобрано въ казну ни одного староства, чего, кажется, очень хотѣлось, ибо, — продолжаетъ Державинъ, — за раздачею скоровременно и безразсудно, кому ни попало, русскихъ казенныхъ дворцовыхъ крестьянъ и польскихъ арендъ при восшествіи на престолъ и коронаціи, нечѣмъ уже почти было награждать истинныхъ заслугъ и прямыхъ достоинствъ, то и ожидали наполненія ущерба отобраніемъ арендныхъ старостствъ за неисправное содержаніе по контрактамъ, такъ какъ и по другимъ дѣламъ за неисполненіе законовъ и обязанностей». Державинъ, — говоритъ онъ о себѣ, — «могъ рѣшительнымъ отнятіемъ большаго количества имѣній и себѣ достать за труды тысячи двѣ душъ или по крайней мѣрѣ одну, что ему и обѣщано было, но онъ не хотѣлъ взять на свою совѣсть грѣха, чтобъ у кого-либо от-

*) Или имъ предоставлялось войти въ сдѣлку съ бывшимъ арендаторомъ.

писать староство за несохраненіе контрактовъ, ибо, судя строго, никто изъ арендаторовъ оныхъ въ точности не сохранилъ,—одни въ той статьѣ, другіе въ другой, — а отобрать у всѣхъ около ста тысячъ душъ и поднять на себя крики и вопль многочисленныхъ, имѣющихъ связи при дворѣ, владѣльцевъ не рѣшился, а предоставилъ императору самому, не скрывъ передъ нимъ истины кому-либо въ понаровку, а другому въ обиду. Вотъ это-то и не полюбилось» *).

Теперь понятно, почему въ 1798—1801 гг. при императорѣ Павлѣ было пожаловано мало крестьянъ: жаловать дворцовыя вотчины оказалось неудобнымъ, а въ Западномъ краѣ свободныхъ имѣній также почти не было.

Изъ 528 пожалованій, данныхъ при императорѣ Павлѣ, 67 было получено женщинами. Такъ какъ одна изъ нихъ—статсъ-дама императрицы, княгиня Ливенъ—была награждена населеннымъ имѣніемъ три раза, то, слѣдовательно, всего женщинъ, получившихъ въ это время пожалованія, было 65. Изъ нихъ самыя крупныя пожалованія получили: княгиня Ливенъ всего около 3.800 душъ, мать извѣстной Екатерины Ивановны Нелидовой, Анна Александровна—2.000 душъ, вдовѣ и дѣтямъ великаго гетмана короннаго польскаго Ожаровскаго было дано 1.000 душъ, вдовѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Обрескова съ дѣтьми—1.000 д., камеръ-фрейлинѣ императрицы, Протасовой—1.000 душъ; наконецъ, на основаніи завѣщанія императора Павла, пожаловано 1 августа 1801 года императоромъ Александромъ I дѣвицѣ Марѳѣ Мусиной-Юрьевой 1.000 душъ **). Упомянемъ тутъ же, что принцесса Биронъ съ двумя сыновьями офицерами получила при

*) „Собран. сочин. Державина". Спб. 1871 г., т. VI., стр. 722, 724, 729 и 730.

**) Приводимъ указъ, данный по этому случаю сенату императоромъ Александромъ: „По содержанію завѣщанія Его Императ. Величества, любезнѣйшаго родителя нашего въ Бозѣ почившаго государя императора Павла Петровича, всемилостивѣйше жалуемъ дѣвицѣ Марѳѣ Мусиной-Юрьевой, въ вѣчное потомственное владѣніе, Псковской губерніи, Островскаго уѣзда, изъ деревень, купленныхъ у дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Андрея Разумовскаго, 1.000 душъ, повелѣвая правительствующему сенату о назначеніи оныхъ учинить надлежащія распоряженія съ тѣмъ, дабы казенная палата, собирая съ крестьянъ узаконенныя оброчныя деньги, отсылала оныя воспитательнаго дома въ петербургскій опекунскій совѣтъ для умноженія процентами до совершеннолѣтія или до замужства дѣвицы Мусиной-Юрьевой, въ которое время имѣетъ она вступить и во владѣніе пожалованныхъ ей деревень" (сенатскій архивъ).

императорѣ Павлѣ 4.500 душъ (въ томъ числѣ сама принцесса—639 душъ).

Въ царствованіе императрицы Екатерины втрое меньшее число женщинъ, а именно 21, были награждены населенными имѣніями; самыя крупныя пожалованія получили: графиня Александра Браницкая и Екатерина Скавронская (племянницы Потемкина), вмѣстѣ 8.414 душъ, князь Е. Р. Дашковъ—2.554 души и, наконецъ, вдова А. И. Бибикова съ дѣтьми—2.565 душъ.

Отмѣтимъ еще любопытный фактъ: въ мартѣ 1797 года императоръ Павелъ, несмотря на то, что владѣніе населенными имѣніями на крѣпостномъ правѣ было по закону предоставлено однимъ дворянамъ, пожаловалъ 500 душъ протоіерею города Софіи, Самбурскому, «въ награжденіе,—какъ сказано было въ указѣ,—трудовъ его въ преподаваніи наставленіи въ Законѣ Божіемъ любезнымъ дѣтямъ нашимъ». Еще большее пожалованіе (1.000 душъ) получилъ каменецкій католическій епископъ Сѣраковскій.

Пожалованія при императорѣ Павлѣ отличались болѣе скромнымъ размѣромъ, чѣмъ при императрицѣ Екатеринѣ. Мы видѣли выше, что средній размѣръ пожалованій въ изучаемую нами эпоху вдвое менѣе средняго размѣра пожалованій въ предшествовавшее царствованіе. Дѣйствительно, въ царствованіе императрицы Екатерины II нѣсколько лицъ получили огромныя пожалованія. Такъ графомъ Орловымъ, не считая громадныхъ пространствъ незаселенныхъ земель, было дано всего 25.544 души, въ томъ числѣ одному Григорію Орлову около 15.000 душъ. Потемкинъ также, кромѣ незаселенныхъ земель, получилъ около 25.000 душъ, Завадовскому дано было 8.700 душъ, Зоричу—13.300 душъ, Александру Ермолову—6.000 душъ, Платону Зубову—13.669 душъ. Десять лицъ, наиболѣе приближенныхъ къ императрицѣ Екатеринѣ, получили вмѣстѣ около 100.000 душъ, т.-е. четверть всѣхъ пожалованій, данныхъ въ ея царствованіе (Ланскому были даны незаселенныя земли). Графъ П. А. Румянцевъ получилъ всего около 20.000 душъ, графъ Н. И. Панинъ—8.412, Суворовъ—6.922 души.

При императорѣ Павлѣ только одно лицо получило такое крупное пожалованіе, какъ Потемкинъ: это — графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій, да и то это пожалованіе было только исполненіемъ воли покойной государыни: Богородицкая, Бобриковская и Кіясовская волости, въ которыхъ вмѣстѣ было болѣе

25.000 душъ, находились въ особомъ управленіи князя С. В. Гагарина, и было извѣстно, что они назначаются графу Бобринскому. Черезъ шесть дней по вступленіи на престолъ императоръ Павелъ исполнилъ намѣреніе своей матери.

Послѣ графа Бобринскаго самое крупное пожалованіе досталось на долю Александра Андреевича Безбородко. Безбородко выдвинулся своими способностями еще при императрицѣ Екатеринѣ II, но тогда онъ получилъ сравнительно мало; если не считать его урядовыхъ и ранговыхъ имѣній въ Малороссіи, онъ получилъ только за улаженіе крымскихъ дѣлъ съ Турціей 1.300 душъ въ Полоцкой губерніи. Въ день коронаціи императора Павла была пожалована вотчина въ Орловской губерніи (завѣщанная княземъ Кантемиромъ императрицѣ Екатеринѣ II), въ которой было 10.000 душъ, и еще 6.000 душъ по собственному выбору. Кромѣ того Безбородко былъ возведенъ въ княжеское достоинство (братъ его Илья Андреевичъ получилъ 1.349 душъ въ Литвѣ). Мы увидимъ позже, какъ выбиралъ себѣ крестьянъ князь Безбородко, а теперь только скажемъ, что онъ получилъ вмѣсто 6.000 душъ 6.072 души въ Бобровскомъ уѣздѣ съ землею въ количествѣ 15 дес. на душу и сверхъ того 30.000 дес. земли по рѣкѣ Битюгу, въ Воронежской губерніи. Орловская вотчина по росписанію должна была приносить 66.000 рублей дохода, а воронежская, по словамъ Безбородко, давала 50.000 рублей. 1 марта 1798 года Безбородку были еще пожалованы въ вѣчное и потомственное владѣніе «земли и состоящія при нихъ изъ числа астраханскихъ рыбныхъ ловель воды». Итакъ, населенныхъ имѣній при императорѣ Павлѣ Безбородко получилъ 16.072 души, да еще при императрицѣ Екатеринѣ 1.300 душъ, итого ему досталось посредствомъ пожалованій въ наслѣдственную собственность 17.372 души муж. пола; но огромные доходы, имъ получаемые, дали ему возможность пріобрѣсти гораздо болѣе крестьянъ. По его собственному свидѣтельству, у него было въ 1797 году послѣ полученія имѣній отъ императора Павла 40.000 душъ. Доходы его были очень велики, но все-таки не до такой степени громадны, какъ увѣряли нѣкоторые *): по свидѣтельству друга Безбородка, П. В. Завадовскаго, онъ получалъ болѣе 300.000

*) Ростопчинъ утверждаетъ, что 16.000 душъ, полученные Безбородкомъ въ день коронаціи, приносили ему 180.000 р., а ненаселенныя земли—800.000 руб. ежегоднаго дохода. „Арх. князя Воронцова", кн. VIII, стр. 206.

рублей годоваго дохода *). Какъ преувеличивались доходы гр. Безбородка, такъ и о числѣ принадлежавшихъ ему крестьянъ ходили самые баснословные слухи: одну иностранку, посѣтившую въ то время Россію, увѣряли, что у него столько крестьянъ, что онъ могъ съ однихъ своихъ земель выставить 30.000 рекрутъ **).

Очень крупныя пожалованія во время коронаціи получили также кн. Куракины. Дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Борисовичъ Куракинъ, «въ изъявленіе особливаго нашего благоволенія къ усердной службѣ и въ воздаяніе ревностнымъ трудамъ», какъ сказано было въ именномъ указѣ, получилъ 1.437 душъ въ Нарвскомъ уѣздѣ, Петербургской губерніи, изъ имѣній, купленныхъ въ казну, и 2.863 души въ Псковской губерніи, Островскаго уѣзда, изъ деревень казеннаго вѣдомства; слѣдовательно всего отдѣльно отъ брата кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ получилъ 4.300 душъ. Кромѣ того вмѣстѣ съ братомъ своимъ тайнымъ совѣтниковъ, генералъ-прокуроромъ кн. Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ онъ получилъ большую вотчину въ Опочецкомъ уѣздѣ, Псковской губерніи, поступившую въ казенное вѣдомство послѣ покойнаго генералъ-лейтенанта Ланского, въ которой въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія было 6.858 душъ. Наконецъ Куракины получили еще изъ «порожжихъ» казенныхъ земель Тамбовской губерніи 20.000 дес. Извѣстно, что Александръ Борисовичъ воспитывался вмѣстѣ съ цесаревичемъ Павломъ и былъ близкимъ его другомъ. Императрица Екатерина, удалявшая отъ цесаревича Павла всѣхъ преданныхъ ему людей, приказала Куракину въ 1782 году отправиться на жительство въ его саратовское имѣніе.

Генералъ-фельдмаршалу кн. Репнину во время коронаціи дано было 6.000 душъ изъ дворцовыхъ деревень Нижегородской губ., да потомъ еще, вслѣдствіе недостатка опредѣленной пропорціи земли, было пожаловано 32.185 десятинъ въ губерніяхъ Воронежской и Рязанской. При императрицѣ Екатеринѣ Репнинъ получилъ 4.385 душъ въ Минской губерніи.

Одно изъ первыхъ пожалованій по вступленіи на престолъ

---

*) „Сборн. Ист. Общ.“, т. XXIX, стр. 373, 374, 383, 384, 391, 428 и 444.— „Арх. князя Воронцова“, кн. XIII, стр. 421. Быть-можетъ цифра 300.000 руб. въ свою очередь ниже дѣйствительной, если принять во вниманіе огромныя ненаселенныя земли и доходныя рыбныя ловли на Каспійскомъ морѣ.

**) *Древняя и Новая Россія* 1876 г., № 12, стр. 402.

императора Павла было дано 12 ноября 1796 года дѣйствительному тайному совѣтнику и генералъ-прокурору графу Александру Самойлову; онъ получилъ 4.000 душъ въ литовскихъ губерніяхъ, въ Гродненской экономіи, изъ деревень казеннаго вѣдомства.

Во время коронаціи генералъ отъ кавалеріи графъ Вал. Мусинъ-Пушкинъ получилъ 4.000 душъ изъ дворцовыхъ имѣній Симбирской, Нижегородской, Тамбовской и Ярославской губерній.

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2-й (Иванъ Петровичъ) получилъ въ 1798 и 1799 годахъ 4.026 душъ въ Подольской губерніи изъ имѣнія, купленнаго въ казну отъ кн. Любомирскаго.

Оберъ-камергеру Шувалову и генералу отъ инфантеріи графу Гудовичу было пожаловано по 3.000 душъ: первому во время коронаціи изъ дворцовыхъ имѣній Ярославской, Орловской и Петербургской губерній, а второму въ 1798 году изъ имѣнія, купленнаго у Любомирскаго. Тайный совѣтникъ Петръ Пастуховъ получилъ въ три пріема 2.651 душу. Дѣйствительному тайному совѣтнику Стрекалову было дано во время коронаціи 2.580 душъ въ Малоросіи изъ казенныхъ деревень, а дѣйствительный статскій совѣтникъ Гаскоинъ получилъ въ 1800 году 2.142 души въ Подольской губерніи изъ имѣнія, купленнаго у кн. Любомирскаго *).

4 декабря 1796 года сразу получили по 2.000 душъ генералъ-маіоры: Сергѣй Плещеевъ, Григорій Кушелевъ, Михаилъ Донауровъ, Өедоръ Ростопчинъ, Алексѣй Аракчеевъ, Петръ Обольяниновъ. Всѣмъ имъ даны были имѣнія изъ дворцовыхъ деревень различныхъ губерній, кромѣ Аракчеева, получившаго въ Новгородской губерніи извѣстное село Грузино съ деревнями экономическаго вѣдомства. Въ день коронаціи было дано еще Плещееву 110 душъ и Кушелеву 292 души изъ деревень казеннаго вѣдомства, а Ростопчину 473 души въ Орловской грберніи. Кушелеву кромѣ того былъ еще вскорѣ пожалованъ казенный лѣсъ на рѣкѣ Воронѣ 11.720 дес. съ оброчными мельницами, рыбными ловлями и проч. Что касается Аракчеева, то ему въ началѣ 1797 года были еще пожалованы къ селу Грузину оброчныя земли и рыбныя ловли 146 дес.; затѣмъ велѣно было оставшіяся отъ

*) Гаскоину дано было имѣніе „въ замѣнъ суммы, слѣдующей (ему) по контракту изъ половины прибыли, которая по исчисленію, въ прошедшемъ году сдѣланному, на управляемыхъ имъ литейныхъ заводахъ отъ пониженія цѣнъ выдѣлываемыхъ орудій и снарядовъ простирается до 171.422 руб.“

пожалованія 9 душъ перевести на земли, принадлежавшія гатчинскому правленію, а прежде населенныя ими земли отдать владѣльцу Грузина. — Всѣ эти лица были приближенными къ Павлу еще въ то время, когда онъ былъ наслѣдникомъ престола. С. И. Плещеевъ, какъ опытный морякъ, состоялъ при Павлѣ, какъ при генералъ-адмиралѣ; въ 1794 году онъ долженъ былъ оставить его дворъ быть-можетъ вслѣдствіе своего участія въ масонскихъ ложахъ. Ф. В. Ростопчинъ, очень хитро пріобрѣвшій расположеніе Павла, былъ въ томъ же году, какъ и Плещеевъ, висланъ въ деревню, но черезъ годъ возвращенъ, и въ царствованіе императора Павла, за исключеніемъ непродолжительной ссылки въ деревню, постоянно пользовался большимъ значеніемъ. Григорій Кушелевъ былъ полковникомъ въ гатчинскихъ войскахъ; Донауровъ, Обольяниновъ и Аракчеевъ служили тамъ же. О томъ, какъ выслуживался въ Гатчинѣ Аракчеевъ, можно найти любопытныя свѣдѣнія въ книгѣ г. Кобеко — «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ» (стр. 365—370); въ царствованіе императора Павла онъ сначала пользовался большимъ расположеніемъ, но въ 1799 г. за сдѣланное имъ несправедливое донесеніе попалъ въ немилость. Обольяниновъ въ 1800 году былъ сдѣланъ генералъ-прокуроромъ. По 2.000 душъ въ царствованіе императора Павла, кромѣ названныхъ выше лицъ, получили еще оберъ-егермейстеръ кн. Голицынъ и генералы отъ инфантеріи Каховскій и Архаровъ. 1.966 душъ было пожаловано тайному совѣтнику Шуазель-Гуфье.

Въ тотъ же день, 4 декабря 1796 года, когда семеро вышеназванныхъ гатчинцевъ получили по 2.000 душъ, четверымъ приближеннымъ къ Павлу до вступленія его на престолъ было назначено по 1.500 душъ. Это были: бригадиръ Андрей Кологривовъ, статскій совѣтникъ баронъ Николаи, дѣйствительный статскій совѣтникъ и лейбъ-медикъ Иванъ Бекъ и гардеробмейстеръ Иванъ Кутайцовъ (или Кутайсовъ). Кологривовъ былъ заурядный фронтовикъ. Кутайсовъ—крещеный турчонокъ, служившій при Павлѣ въ Гатчинѣ камердинеромъ, человѣкъ совершенно необразованный. Получивъ 1.508 душъ въ Тамбовской и Петербургской губерніяхъ, Кутайсовъ, подъ предлогомъ недостатка въ нихъ земли, выпросилъ себѣ еще 14.260 дес. земли въ Тамбовской губерніи. Пріобрѣтенное имъ самимъ имѣніе въ 972 души въ Курской и Костромской губерніяхъ по просьбѣ его были обмѣнены въ самомъ концѣ царствованія императора Павла, въ февралѣ 1801 г., на одно имѣніе въ Курляндской губерніи, къ большому

ущербу для арендатора этого имѣнія, такъ что императору Александру I пришлось вознаградить арендатора пожалованіемъ въ наслѣдственное владѣніе двухъ мызъ. Кутайсовъ умѣлъ устроить дѣло такимъ образомъ, что черезъ пять дней послѣ того и имѣніе въ 972 души, представленное имъ въ обмѣнъ, было возвращено въ его собственность.—Генрихъ Лудв. Николаи, плодовитый нѣмецкій писатель (1737—1820), былъ въ первой половинѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія профессоромъ въ Страсбургѣ, затѣмъ сдѣлался воспитателемъ старшаго сына К. Г. Разумовскаго, принималъ участіе въ воспитаніи Павла Петровича, потомъ былъ постояннымъ членомъ группировавшагося вокругъ него кружка, сопровождалъ его во время поѣздки за границу въ 1781 году вмѣстѣ съ Маріею Өедоровною и жилъ съ нимъ въ Гатчинѣ. По вступленіи на престолъ императора Александра I, уже будучи въ чинѣ тайнаго совѣтника, онъ получилъ въ наслѣдственную собственность имѣніе въ Финляндіи, бывшее до тѣхъ поръ у него на арендѣ (три казенныхъ ѓеймата: Лиматта, Монрепо и Фриденгофъ.—Всѣмъ извѣстенъ теперь садъ Монрепо барона Николаи въ Выборгѣ).

По 1.500 душъ въ царствованіе императора Павла получили еще тайный совѣтникъ и государственный казначей Васильевъ (въ день коронаціи); затѣмъ въ 1798 г. бывшій польской службы генералъ-лейтенантъ и командиръ Мальтійскаго ордена князь Любомирскій въ вознагражденіе убытковъ, понесенныхъ имъ при разграниченіи въ 1780 году Новороссійской губерніи съ Польшею, причемъ отъ него отошли деревни съ лѣсами. Пожалованіе онъ получилъ изъ деревень, купленныхъ у его брата. Въ 1799 году было пожаловано 1.499 душъ тайному совѣтнику, чрезвычайному посланнику и полномочному министру при Оттоманской Портѣ, Тамарѣ. Въ слѣдующемъ году баронъ Огеръ получилъ 1.551 душу въ Кіевской губерніи.

Болѣе тысячи душъ получили слѣдующія лица: генералъ-лейтенантъ графъ Илья Андреевичъ Безбородко 2-й, братъ извѣстнаго князя Алексѣя Андреевича, 1.349 душъ; по 1.300 душъ—адмиралы: Голенищевъ-Кутузовъ и Пущинъ (всѣ трое въ день коронаціи), отставной лейтенантъ графъ Ягужинскій *), въ 1797 году статскій совѣтникъ и лейбъ-медикъ Крузъ—1.257 душъ; по 1.200 душъ получили: генералъ-поручикъ и гвардіи

*) Какъ сказано было въ указѣ, снисходя на его прошеніе „въ пополненіе суммы за разсчетами перешедшей въ казну сверхъ числа долговъ его бывшихъ“.

Преображенскаго полка подполковникъ Николай Татищевъ и въ день коронаціи—тайный совѣтникъ Соймоновъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Д. П. Трощинскій, бывшій впослѣдствіи при императорѣ Александрѣ I министромъ удѣловъ, а затѣмъ министромъ юстиціи *).

Наконецъ ровно по 1.000 душъ или съ ничтожнымъ лишкомъ получили при императорѣ Павлѣ: въ ноябрѣ 1796 года Игнатій Потоцкій, затѣмъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, вмѣстѣ съ другими лицами, служившими при Павлѣ до вступленія его на престолъ, подполковники: Канабихъ, Давыдовъ, Малютинъ, Недобровъ, Глазовъ, Евграфъ Грузиновъ, Адамовичъ (ему было назначено 1.020 душъ), Сназинъ, Кутлубицкій (назначено 1.077 душъ), дѣйств. стат. совѣт. Бажановъ (или Баженовъ). На другой день по стольку же получили подполковники: Аркадій Нелидовъ (назначено 1.003 души) и Аврамъ Баратынскій, тайный совѣт. Петръ Валуевъ, статскій совѣт. Роткирхъ и капитанъ 2 ранга Богданъ Баратынскій. Остальныя лица, награжденныя при императорѣ Павлѣ имѣніями въ 1.000 душъ, были: дюкъ де-Полиньякъ, бывшій королевско-французской службы генералъ-директоръ почтъ, генералъ-лейтенантъ Измайловъ, генералъ отъ артиллеріи Мелиссино, дѣйствит. тайный совѣт. Волковъ, генералъ-лейтенанты: Вадковскій (назначено 1.013 душъ), Левашевъ, кн. Голицынъ и Беклешевъ, вице-адмиралъ извѣстный Н. С. Мордвиновъ (получившій уже при императрицѣ Екатеринѣ 2.000 душъ), генералъ отъ инфантеріи графъ Кастро ла-Церда и бискупъ каменецкій Сѣраковскій «за вѣрную службу, усердіе и ревность». Несомнѣнно, болѣе тысячи душъ составляло также пожалованіе тайному совѣтн. графу фонъ-деръ-Остенъ Сакену, получившему въ 1798 году въ одинъ день 500 душъ въ Бѣлоруссіи и 24½ гака въ Лифляндіи. Всего мужчинъ, получившихъ болѣе 1.000 душъ, размѣръ пожалованій которыхъ точно извѣстенъ, было 65**). Женщины, получившія болѣе 1.000 душъ, были названы нами выше.

---

*) Такъ какъ пожалованіе Трощинскому было назначено наряду съ другими въ день коронаціи, то этимъ и опровергается разсказъ, напечатанный въ *Русской Старинѣ* (1882 года, № 6, стр. 647), о томъ, что это пожалованіе было дано на память о такомъ же смѣломъ поступкѣ Трощинскаго, какимъ прославился при Петрѣ Великомъ Я. П. Долгоруковъ.

**) Безъ сомнѣнія, крупныя пожалованія получили: кн. С. Р. Воронцовъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Лопухинъ, принцъ Виртембергскій и нѣкоторые другіе, но точные размѣры данныхъ имъ имѣній неизвѣстны.

Изъ пожалованій менѣе 1.000 душъ отмѣтимъ лишь немногія, интересныя въ какомъ-либо отношеніи. Въ извѣстный намъ день 4-го декабря, вмѣстѣ съ прежде названными лицами, получили пожалованія: бригадиръ Линденеръ 800 д., затѣмъ по 500 д. камеръ-фурьеры Назаровъ и Волковъ и надворный совѣтникъ Томилинъ, по 400 д.—Ратьковъ, адъютантъ гвардіи Семеновскаго полка, Бычковъ, унтеръ-шталмейстеръ подполковничьяго чина, и камердинеры камеръ-фурьерскаго ранга—Званцовъ, Бертомъ и Исаевъ. Всѣ они, какъ и другіе, въ этотъ день получили пожалованіе, по словамъ именнаго указа, «въ воздаяніе усердія къ намъ и ревности къ службѣ нашей, оказанной по бытности при насъ». Такимъ образомъ императоръ Павелъ надѣлялъ населенными имѣніями людей всѣхъ чиновъ и ранговъ, начиная отъ генералъ-фельдмаршала и кончая придворными камердинерами. Черезъ двѣ недѣли были также пожалованы придворные аптекаря Ганеманъ и Ильмеръ: первый получилъ 150, второй — 100 душъ, а затѣмъ и лейбъ - медикъ Фреиганкъ получилъ 400 душъ. Въ началѣ 1797 года четыремъ инспектрисамъ Смольнаго института, по ходатайству Нелидовой, было дано по 200 или по 200 съ небольшимъ душъ *). Въ день коронаціи, въ числѣ другихъ лицъ, получили по 600 душъ: тайный совѣтникъ и кураторъ Московскаго университета Херасковъ, извѣстный поэтъ, тайный совѣтникъ князь Андрей Вяземскій, отецъ писателя того же имени и тесть Карамзина, а также за труды при воспитаніи великой княжны Александры Павловны получила 600 душъ жена камергера Ланского, урожденная Вилламова (входившая въ составъ кружка, группировавшагося вокругъ Павла, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ). За ту же заслугу получила награду въ 300 душъ вдова коллежскаго совѣтника Молчина.

Пожалованіе населенныхъ имѣній при императорѣ Павлѣ, какъ и при императрицѣ Екатеринѣ II, производилось всегда письменнымъ именнымъ указомъ сенату. Въ большинствѣ случаевъ въ указѣ мы находимъ и мотивъ пожалованія. Наиболѣе обыкновенныя мотивировки пожалованія были слѣдующія: «во всемилостивѣйшемъ уваженіи на усердную службу и труды», «въ воздаяніе усердной и ревностной службы», «въ награжденіе долговременной и усердной службы», «въ воздаяніе усердной службы и ревностныхъ трудовъ», «въ воздаяніе усердія къ намъ и ревности къ службѣ нашей», въ

*) Роштокъ, Зильберейзенъ старшей, Зильберейзенъ младшей и Дешанъ.

награду «за службу и труды по разнымъ препорученіямъ». 147 офицеровъ, служившіе прежде въ гатчинскихъ и павловскихъ баталіонахъ, получили имѣнія по указу 16 апрѣля 1797 года—«въ награжденіе усердной намъ службы». Иногда чиновники получали пожалованіе по представленію ихъ начальника. Такъ, наприм., 12 ноября 1796 года пять человѣкъ получили населенныя имѣнія, причемъ указъ объ этомъ пожалованіи начинался такимъ образомъ: «во всемилостивѣйшемъ уваженіи на представленіе нашего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и генералъ - прокурора графа Самойлова о усердномъ служеніи нижеозначенныхъ чиновниковъ» и проч. Вдова генералъ-маіора Роденъ получила имѣніе «въ награжденіе усердной службы его (т. е. ея мужа) и въ уваженіе того, что сынъ ихъ въ прошедшую съ турками войну въ сраженіи противъ непріятелей положилъ животъ свой». Указъ о пожалованіи тысячи душъ Ожаровской начинался такъ: «въ воздаяніе усердія и преданности къ имперіи нашей бывшаго великаго гетмана короннаго польскаго Озаровскаго (sic) во время извѣстнаго въ Варшавѣ бунта насильственнымъ и безчеловѣчнымъ образомъ отъ тамошнихъ мятежниковъ жизни лишеннаго, Высочайше пожаловали мы оставшимся по немъ вдовѣ и дѣтямъ его» и проч. Такимъ же образомъ мотивировано пожалованіе вдовѣ великаго гетмана литовскаго графа Забѣлло съ сыномъ его. Вдовѣ почти всегда жаловалось имѣніе за службу мужа, дѣтямъ—за службу отца. Дѣвицы Чарторижскія получили пожалованіе за то, что ихъ братья «въ брани за отечество животъ свой положили». Принцесса Биронъ съ дѣтьми получила имѣнія, «вмѣсто пенсіи», простиравшейся до 26.000 талеровъ. Наслѣдники княгини Гики также получили 504 души въ замѣнъ пенсіона, ей пожалованнаго. Нашему консулу въ Далмаціи, Палладоклюсу, дано было имѣніе (261 д.) «въ уваженіе на службу его» и «въ награжденіе понесенныхъ имъ убытковъ». Дѣвица Шемякина получила 200 душъ за то, что отецъ ея служилъ прадѣду императора Павла, императору Петру Великому, а отставному маіору Горленко дано было 260 душъ «въ вознагражденіе заслугъ, предками его оказанныхъ». Статсъ-дамѣ Ливенъ жаловались имѣнія «въ награжденіе попеченій и трудовъ при воспитаніи любезныхъ нашихъ дочерей». Капитану Телеснину дано 50 душъ (меньшій размѣръ пожалованія) «въ награжденіе усердной службы, въ продолженіи которой получилъ онъ въ сраженіи съ непріятелемъ тяжелую рану». Одинъ изъ ука-

зовъ о пожалованіи имѣній графу А. А. Безбородку мотивированъ такимъ образомъ: «въ изъявленіе особливаго нашего благоволенія къ усердной службѣ и ревностнымъ трудамъ графа Безбородко, на пользу государственную намъ въ благоугодность подъемлемымъ». Бывшему елисаветградскому коменданту Комнено аренда въ 300 душъ обращена въ вѣчную собственность, «снисходя на (его) прошеніе». Отставной подпоручикъ королевской французской службы мекленбургскій дворянинъ баронъ Людвигъ Лефортъ получилъ имѣніе въ Литвѣ изъ бывшихъ столовыхъ епископовъ виленскихъ «въ память особливаго уваженія прародителемъ нашимъ государемъ Петромъ Великимъ заслугъ адмирала-генерала Лефорта». Отставной полковникъ князь Черкасскій получилъ 1.000 душъ «за вѣрную службу отца его, бывшаго при любезнѣйшемъ родителѣ нашемъ гофмаршаломъ».

При императрицѣ Екатеринѣ II пожалованіе имѣнія производилось всегда однимъ именнымъ указомъ, такъ какъ въ немъ если и не обозначалось число душъ, то все-таки приводилось названіе имѣнія. Въ царствованіе императора Павла это дѣлалось двоякимъ образомъ: въ меньшинствѣ случаевъ такъ же, какъ и при императрицѣ Екатеринѣ, но по большей части сначала только опредѣлялось, какое количество душъ пожаловано тому или другому лицу, и затѣмъ сенату предоставлялось «назначить» опредѣленное число душъ. Приведемъ образецъ первой формулы пожалованія: «во всемилостивѣйшемъ уваженіи на усердную службу и труды (такого-то) пожаловали мы ему въ вѣчное и потомственное владѣніе (изъ деревень такого-то вѣдомства тамъ-то, такое-то число душъ) съ принадлежащими по тому землями и угодьями, повелѣвая сенату предписать, куда слѣдуетъ, объ отдачѣ оныхъ заготовить жалованную грамоту къ нашему подписанію». Напротивъ указъ 4-го декабря, которымъ 30 лицамъ было пожаловано болѣе 30.000 душъ, оканчивался такимъ образомъ: «которыя (души) повелѣваемъ сенату нашему назнача поднесть намъ роспись, дабы мы по тому объ отдачѣ оныхъ и о заготовленіи жалованныхъ грамотъ къ нашему подписанію могли дать наше приказаніе». Назначеніе производилось или одному лицу, или сразу по росписи многимъ лицамъ, хотя бы указы о пожалованіи имъ извѣстнаго числа душъ были даны и въ разное время. Въ первомъ случаѣ форма указа была такая: «указомъ нашимъ (такого-то числа такого-то года) пожаловали мы (такому-то) въ вѣчное и потомственное владѣніе деревни (или такое-то число душъ), которыя и назначаемъ ему»

(тамъ-то), и затѣмъ сенату предписывалось изготовить жалованную грамоту. Очень часто послѣ названія имѣнія въ указѣ прибавлялось: «со всѣми принадлежащими по дачамъ землями, лѣсами, рыбными ловлями и находящимися въ тѣхъ дачахъ оброчными мельницами», а иной разъ и «съ имѣющимся въ оныхъ казеннымъ строеніемъ». При назначеніи пожалованія сразу многимъ лицамъ указъ объ этомъ назначеніи принималъ такую форму: «Указъ нашему сенату. Въ число пожалованныхъ душъ за службу разнымъ чинамъ, поименованнымъ въ росписи, за собственной нашею подписью приложенной, назначаемъ къ отдачѣ деревни, въ той росписи показанныя, съ принадлежащими къ нимъ по дачамъ землями, рыбными ловлями, мельницами и другими угодьями, и съ тѣми оброчными статьями, которыя въ росписи внесены, повелѣвая сенату нашему изготовить на сіи имѣнія жалованныя грамоты и поднесть къ нашему подписанію, оброчныя же статьи по минованіи наймамъ срока изъ оброка исключить». Затѣмъ къ такому указу прилагалась роспись деревнямъ, назначеннымъ къ отдачѣ въ число «пожалованныхъ душъ». Какъ ни подробны были указы, все-таки являлись иногда сомнѣнія, поступаетъ ли во владѣніе новаго собственника скотъ и другія хозяйственныя принадлежности, если они были въ имѣніи. Поэтому въ мартѣ 1800 года данъ былъ такой указъ: «Его Императорское Величество жалуетъ экономическую наличность, какъ-то: хлѣбъ, скотъ, продукты, домашнія вещи и земледѣльческія орудія въ деревняхъ Подольской губерніи, пожалованныхъ графу де-Кастро ла-Цердо и князьямъ Абемеликамъ, также и прочимъ, коимъ пожалованы деревни въ новоприсоединенныхъ губерніяхъ безъ изъясненія о сей наличности, а оная понынѣ въ тѣхъ деревняхъ безъ такой отдачи имъ остается». Послѣ того при пожалованіи имѣнія въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, иногда къ названію деревень прибавляли: «со всею къ нимъ принадлежностью». Немалое сомнѣніе возбудилъ вопросъ о казенныхъ строеніяхъ въ селѣ дворцоваго вѣдомства Петербургской губерніи—Рожественѣ (нынѣ въ 10 верстахъ отъ Сиверской станціи Варшавской желѣзной дороги на рѣкѣ Оредежѣ). Дѣло въ томъ, что село Рожествено было сдѣлано при Екатеринѣ городомъ, который со вступленіемъ на престолъ Павла былъ обращенъ въ заштатный. При пожалованіи его коллежскому совѣтнику Ефремову (пользовавшемуся особымъ покровительствомъ князя А. А. Безбородка, такъ какъ Ефремовъ, правитель его канцеляріи, былъ женатъ на его по-

бочной дочери отъ актрисы Каратыгиной) было оговорено въ указѣ, что купечество и мѣщанство, жившее въ Рожественѣ, должны по-прежнему пользоваться свободою и заниматься, если они пожелаютъ, торгами и промыслами. Но явился вопросъ, слѣдуетъ ли отдать Ефремову всѣ казенныя строенія, или только часть. Дѣло доходило до сената, и онъ рѣшилъ оставить для купцовъ и мѣщанъ народное училище, почтовый и питейный домъ и два деревянныхъ соляныхъ магазина, строенія же упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, городническій домъ и казенные хлѣбные магазины велѣно было отдать Ефремову *).

Но искателямъ пожалованій было недостаточно еще того, что населенное имѣніе поступало въ ихъ владѣніе съ лѣсами, рыбными ловлями, оброчными мельницами, всею хозяйственною наличностью, иной разъ даже съ бывшими казенными зданіями. Люди, наиболѣе приближенные къ императору Павлу и имѣвшіе возможность повлiять на составленіе указа, придумали еще одну—повидимому, не важную—прибавку къ обычной формулѣ пожалованія: «и съ узаконенною пропорціею по 15 десят. на душу». Впервые эту прибавку мы находимъ въ указѣ о пожалованіи имѣнія одному изъ наиболѣе ловкихъ слугъ императора Павла, гардеробмейстеру Кутайсову. Въ указѣ 12 декабря 1796 года было сказано: «Указомъ нашимъ отъ 4 декабря сего года всемилостивѣйше пожаловали мы нашему гардеробмейстеру Ивану Кутайсову въ вѣчное и потомственное владѣніе 1.500 душъ, въ число которыхъ назначаемъ къ отдачѣ состоящія Тамбовскаго намѣстничества, Моршанской округи, въ дворцовомъ селѣ Мамонтовѣ 1.000 душъ, съ имѣющеюся на рѣкѣ Цнѣ оброчною мельницею, да выселенныхъ изъ города Моршанска дворцовыхъ крестьянъ, жительствующихъ близъ самаго города въ новоселящейся деревнѣ 300 душъ съ отдаваемою въ оброкъ... мельницею, на Цнѣ же рѣкѣ состоящею, и съ узаконенною ко оной препорціею земли по обѣ стороны рѣки и съ намѣреніемъ крестьянамъ новопоселенной деревни къ владѣемой ими земли изъ Ценскаго въѣзжаго лѣсу узаконенной пропорціи по 15 дес. на душу, да С.-Петербургской губерніи, Новоладожскаго уѣзда, казенныя деревни Пчеву и Чиркову, въ коихъ по *четвертой ревизіи* 208 душъ, съ при-

*) Какъ въ Рожественѣ остались свободными купцы и мѣщане, такъ при пожалованіи мѣстечекъ въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, панцырные бояре и чиншевая шляхта сохраняли свои права и вольности, какими они пользовались при польскомъ владычествѣ. *Державинъ*, т. VI, стр. 802.

надлежащими къ первому и послѣднимъ землями и всякими угодьи владѣемыми и отрѣзанными» *). Тутъ прямое упоминаніе о 15-ти-десятинномъ надѣлѣ явилось подъ прикрытіемъ необходимости обезпечить достаточнымъ количествомъ земли вновь переселившихся крестьянъ. Но полезность такой прибавки была очень скоро понята, и вотъ въ указѣ 1-го марта 1797 года о пожалованіи имѣнія генералъ-лейтенанту Бенкендорфу (1.000 душъ Тамбовской губерніи) крестьяне уже прямо жалуются «съ узаконенною по 15 дес. на душу пропорціею». Въ указѣ о пожалованіи Ростопчину было сказано еще яснѣе: «отдѣливъ положенную пропорцію по 15 десят. на душу, чего не достанетъ, *изъ другихъ казенныхъ земель*». Подобныя же прибавки мы находимъ въ указахъ о пожалованіяхъ князю Безбородку, генералъ-лейтенанту князю Голицыну, Нелединскому-Мелецкому, Репнину («съ нарѣзкою въ недостающее число по 15 десят. на каждую душу *удобной* земли изъ дикопорозжихъ земель»), унтеръ-шталмейстеру Бычкову, генераламъ отъ инфантеріи Левашову и Беклешову, генералъ-лейтенанту Вадковскому и нѣкоторымъ другимъ, приближеннымъ къ императору, лицамъ. Соблазнительность этой прибавки объясняется очень просто. Въ то время уже въ немногихъ губерніяхъ приходилось по 15 и болѣе десятинъ на душу; поэтому такая формула пожалованія въ случаѣ недостатка земли въ указанной пропорціи давала возможность просить о прирѣзкѣ изъ сосѣднихъ казенныхъ земель (если это не предписывалось прямо указомъ) или хотя бы и въ другой губерніи, если по близости не находилось удобныхъ угодій.

Въ указахъ, данныхъ ранѣе того, какъ придумана была эта выгодная комбинація, а при пожалованіи лицъ менѣе приближенныхъ и послѣ того, мы или не находимъ такой прибавки, или тамъ прямо говорится: «съ принадлежащими на число душъ *по дачамъ* землями», т.-е. съ тѣмъ количествомъ земли, какое было въ данномъ имѣніи по межеванію. Но стоило только подать умную мысль, ее подхватили и тѣ, которымъ пожалованіе было уже ранѣе назначено, такъ какъ, если у нихъ были связи, дѣло еще можно было поправить. Въ именномъ указѣ 13 іюня 1797 года читаемъ: «Генералъ-маіору Линденеру на число Высочайше пожалованныхъ въ Курской губерніи 1.000 душъ, гра-

---

*) Кутайсову и этого было мало. 11-го февраля 1797 г. былъ данъ указъ, чтобы „по оказавшемуся“ въ его деревняхъ „въ землѣ недостатку“ нарѣзать ему 14.260 десятинъ.

фу Монестролю и инженеру подполковнику Опперману, каждому на 200 душъ къ деревнямъ, въ Псковской губерніи назначеннымъ, повелѣваемъ въ положенную препорцію по 15 десят. на каждую душу *прирѣзать* изъ дикопорозжихъ земель и лѣсовъ, въ тѣхъ губерніяхъ состоящихъ и къ дачамъ ихъ прикосновенныхъ». Вскорѣ за тѣмъ слѣдуютъ указы о нарѣзкѣ земли, недостающей до 15 десят. на душу въ деревняхъ, пожалованныхъ генералъ-маіору и генералъ-адъютанту Нелидову и другимъ. Такъ какъ оказалось, что прирѣзать недостающее количество въ ближайшемъ сосѣдствѣ очень часто невозможно, то стали жаловать эту прибавочную землю отчасти или цѣликомъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Такъ въ указѣ 2 октября 1797 года было сказано: «Взамѣнъ недостающей въ 15-десятинную препорцію на каждую ревизскую душу земли на число пожалованныхъ нами нашему тайному совѣтнику графу Миниху Курской губерніи, Рыльскаго уѣзда, изъ Камарицкой волости 643 души жалуемъ ему въ вѣчное и потомственное владѣніе казенныя земли, въ прилагаемомъ при семъ реестрѣ означенныя», а въ реэстрѣ оказывается 5.600 дес. въ Рыльскомъ, Судженскомъ и Путивльскомъ уѣздахъ Курской губерніи и въ Симбирскомъ уѣздѣ. Такимъ же образомъ была прибавлена земля тайному совѣтнику Саблукову, оберъ-церемоніймейстеру Валуеву, генералъ-аудитору князю Шаховскому, придворнымъ камердинерамъ Исаеву и Бертому. Поэтъ Херасковъ получилъ прибавку въ 5.526 десятинъ, тайный совѣтникъ Трубецкой—2.000 дес., графъ Кушелевъ—10.000 дес. Удавалось иногда выхлопатывать, чтобы нарѣзка недостающей земли производилась въ извѣстной мѣстности по выбору самого пожалованнаго. Такъ бывшему гатчинцу генералъ-маіору Донаурову велѣно было нарѣзать землю, недостающую на его 2.000 душъ, въ Рязанской или Тамбовской губерніяхъ, «гдѣ онъ самъ изберетъ».

Оканчивая разсмотрѣніе формы указовъ о пожалованіяхъ, упомянемъ, что однажды имѣніе было пожаловано съ условіемъ, что оно не должно выходить изъ рода и потому не можетъ быть ни продано, ни заложено: такое условіе было постановлено при пожалованіи отставному подпоручику королевско-французской службы мекленбургскому дворянину Лефорту имѣнія въ память заслугъ его предка, адмирала Лефорта.

Если на пожалованномъ имѣніи состояла недоимка, то новые владѣльцы выхлопатывали сложеніе ея: такъ съ имѣнія,

пожалованнаго оберъ-церемоніймейстеру Валуеву, было сложено более 5.000 руб.

Если въ вотчинахъ, назначенныхъ къ пожалованію, оказывались лишнія души, то нерѣдко и онѣ жаловались тому же лицу; этимъ объясняется, что при назначеніи количество душъ бывало иногда больше назначеннаго въ пожалованіе, и эта разница доходила до 70 душъ. Если же эти лишнія души не присоединялись сразу къ пожалованнымъ, то начинались объ этомъ особыя хлопоты, которыя иногда увѣнчивались успѣхомъ. Но бывали и такіе случаи, что остававшіяся лишнія 2 души не назначались въ пожалованіе.

Случалось, что лицо, получившее пожалованіе, было недовольно имъ въ какомъ-нибудь отношеніи и просило объ обмѣнѣ его на другое, и нерѣдко такія просьбы удовлетворялись.

Извѣстному борцу за польскую независимость Костюшкѣ, освобожденному императоромъ Павломъ изъ заточенія, была пожалована 18 ноября 1796 года тысяча душъ, но это пожалованіе было замѣнено выдачею 60.000 руб. Вѣроятно, Костюшко, провозгласившій особымъ манифестомъ личное освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ въ Польшѣ и желавшій точно опредѣлить ихъ повинности въ пользу землевладѣльца, самъ просилъ объ этой замѣнѣ.

Если выборъ пожалованія предоставлялся лицу, его получившему, то, разумѣется, тутъ умѣли выбрать лакомый кусокъ. Князь Безбородко, который обнаружилъ большое искусство въ этомъ отношеніи еще при императрицѣ Екатеринѣ II, послѣ пожалованія ему императоромъ Павломъ 6.000 душъ на выборъ, обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ князю А. Б. Куракину: «Въ совершенной надеждѣ на вашу ко мнѣ дружбу и благосклонность, я смѣю поручить вашему сіятельству дѣло мое въ полное распоряженіе, а прошу васъ только предостеречь, чтобы назначеніе, мною дѣлаемое, деревень, на выборъ мнѣ предоставленныхъ, не было мнѣ вмѣнено въ нескромность, ибо, получивъ милости монаршія, всякую заслугу превосходящія, прискорбно было бы мнѣ подать поводъ заключать, что я тутъ руководствуюсь какою-либо жадностію. Я всѣмъ тѣмъ паче нежели доволенъ буду, что Его Величество опредѣлить изволитъ; выборомъ же, паки вамъ предоставляемымъ, исполняю токмо его волю. Я раздѣлилъ (имѣнія) на три номера. Первый для меня былъ бы выгоднѣе; но, впрочемъ, повторяю, что совершенно слагаю все на щедроты Его Величества

и на ваше стараніе. *Тутъ причитается весьма малый излишекъ*, который внесенъ для того, чтобы селенія не раздроблять; однако же и въ семъ какъ угодно». Изъ «перваго номера», о которомъ Безбородко просилъ князя Куракина, видно, что ему хотѣлось получить въ Московской губерніи двѣ волости, Тайнинскую и Братовскую, съ 1.560 душами и въ Воронежской губерніи, въ Бобровскомъ уѣздѣ, 4.540 душъ крестьянъ. Такимъ образомъ «малый излишекъ» Безбородка доходилъ до 100 душъ, и ихъ выклянчивалъ вельможа, получившій въ одинъ день 16.000 душъ!... Несмотря на то, что въ началѣ царствованія императора Павла дворцовыя волости въ Московской губерніи не разъ назначались въ пожалованіе, Куракинъ не могъ исполнить просьбу Безбородка и написалъ на его письмѣ: «Поелику Его Величество на раздачу въ Московской губерніи дворцовыхъ имѣній не соизволяетъ, то о семъ его свѣтлости князю А. А. Безбородкѣ дать знать, что мною лично уже исполнено». Безбородко получилъ 6.072 души въ Бобровскомъ уѣздѣ *),—слѣдовательно, онъ всетаки ухватилъ лишнихъ 72 души.

Безбородко усердно выхлопатывалъ пожалованія и своимъ подчиненнымъ, и знакомымъ. О нѣкоемъ Долинскомъ онъ писалъ А. Р. Воронцову 23 февраля 1797 года, что тотъ просилъ деревни: «я постараюсь о его пользѣ, хотя теперь и не такъ легко, какъ сначала подобныя просьбы успѣваютъ». Нелидова, долго жившая въ Смольномъ институтѣ, выхлопотала, какъ мы уже говорили, имѣнія четыремъ тамошнимъ инспектрисамъ **). Желавшіе получить имѣнія пускали въ ходъ всевозможныя средства. Вотъ что разсказываетъ, напримѣръ, Державинъ объ извѣстномъ Кутайсовѣ: «Временщикъ г. Кутайцовъ, бывши въ покояхъ генералъ-прокурора, завелъ Державина въ уединенную комнату и убѣдительно просилъ достать ему Шкловское имѣніе г. Зорича» (до 14.000 душъ), «по случаю попечительства его надъ онымъ» (за неплатежъ долговъ), «по его же, какъ видно, тайному ходатайству учрежденнаго, обѣщая ему сію услугу отплатить значительною благодарностью, да и подъ рукою однимъ евреемъ сказано было, что онъ получитъ за осмотръ арендъ 2.000 душъ и орденъ св. Андрея». Но Державинъ не согласился поступить иначе, какъ по закону, а для этого нужно было посредствомъ публикацій собрать кредиторовъ въ извѣстные сро-

*) „Сборн. Истор. Общ.", т. XXIX, стр. 375 и 376.
**) „Архивъ князя Воронцова", кн. XIII, стр. 371, и кн. XV, стр. 133.

ки. Понятно, что при такомъ отношеніи къ сильному временщику Державинъ не получилъ населеннаго имѣнія и принужденъ былъ потомъ съ грустью записать о себѣ: «въ подкрѣпленіе недостаточнаго состоянія своего, какъ многимъ тогда, Богъ знаетъ за что, раздавали крестьянъ, ничѣмъ не награжденъ» *).

Слѣдуетъ, однако, упомянуть съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія, что въ то время были не только такіе люди, какъ Державинъ, которые не желали поступать противозаконно ради полученія имѣнія, но которые не хотѣли даже просто просить объ этомъ, когда одной просьбы ихъ было бы достаточно для полученія пожалованія. Извѣстный масонъ И. В. Лопухинъ разсказываетъ: «Милость и довѣренность ко мнѣ государя были неописанныя. Часто были такія минуты, въ которыя тысячи душъ для себя выпросить стоило бы мнѣ одного слова». Когда императоръ Павелъ охладѣлъ къ Лопухину, «ближній комнатный человѣкъ» (безъ сомнѣнія, Кутайсовъ) «предлагалъ мнѣ подать отъ меня государю письмо о моемъ отъ него увольненіи, въ которомъ я могу просить себѣ многаго,—что онъ увѣренъ, что государь при отпускѣ моемъ все сдѣлаетъ въ мое удовольствіе, и за это отвѣчаетъ. Если вамъ надобна тысяча душъ или больше, гдѣ вамъ угодно, то я берусь, по подачѣ вашего письма, вынести на то указъ». Но Лопухинъ наотрѣзъ отказался, сказавъ, что не будетъ просить наградъ» **). Е. И. Нелидова старалась уменьшить размѣръ пожалованія, назначеннаго ея матери, слѣдующимъ письмомъ (12 декабря 1796 года): «Ваше Императорское Величество дали мнѣ понять вчера, что вы хотите облагодѣтельствовать мою мать, и г. Донауровъ вручилъ мнѣ послѣ обѣда указъ, объясняющій мнѣ, въ чемъ состоитъ это благодѣяніе. Ради Бога, государь, позвольте мнѣ просить у васъ, какъ милости, чтобы уменьшили этотъ даръ, слишкомъ щедрый, на половину. Моя мать всегда бы сочла за великое и неожиданное богатство тысячу душъ, отъ которыхъ не смѣю отказаться за нее, ибо она мнѣ мать. Но смѣю завѣрить васъ всѣмъ тѣмъ, что есть для меня священнаго, что я сочла бы истиннымъ благодѣяніемъ, еслибы вы имѣли милость дать ей 500 душъ, и моя мать сочла бы себя весьма счастливою и щедро награжденною, между тѣмъ какъ 2.000 душъ тяготятъ мою совѣсть; ни моя мать,

*) „Собраніе сочиненій“, т. VI, стр. 730 и 824.

**) „Записки Лопухина“ въ *Чтен. Общества истор. и древн. росс.* 1860 года, т. II, стр. 61, 66 и 67.

ни кто-либо изъ моихъ близкихъ еще не служилъ вамъ, еще есть время уменьшить вашъ даръ на половину, и я повергаюсь къ вашимъ стопамъ, чтобы просить васъ объ этомъ. Вы найдете между вашими подданными много людей по-истинѣ заслуживающихъ, или которые заслужатъ со временемъ тысячу душъ, которую вы можете держать про запасъ. *Подумайте о томъ, что источникъ вашихъ щедротъ можетъ изсякнуть.* Послушайтесь совѣта, который осмѣливается вамъ дать старинный другъ» [1]). Однако, просьба Е. И. Нелидовой уважена не была. Были, наконецъ, и такія исключенія изъ общаго правила, какъ извѣстный адмиралъ Шишковъ, который при первой возможности перестаіъ брать оброкъ съ 250 душъ крестьянъ, пожалованныхъ ему императоромъ Павломъ [2]).

Люди съ такимъ твердымъ характеромъ, какъ И. В. Лопухинъ, не могли ужиться при дворѣ императора Павла, требовавшаго слѣпаго повиновенія его волѣ. Въ обществѣ такихъ людей, безъ сомнѣнія, считали не только чудаками, но чуть ли не выжившими изъ ума: «ближній комнатный человѣкъ» не безъ насмѣшки называлъ Лопухина «философомъ». Въ подобномъ обществѣ не только отказъ отъ пожалованія, но даже одна мысль объ этомъ была бы сочтена чуть не преступленіемъ. Это доказываетъ слѣдующій фактъ. Въ числѣ различныхъ обвиненій, взведенныхъ на полковника гвардіи Грузинова, хотя и не подтвержденныхъ слѣдствіемъ, но приведшихъ къ тому, что онъ въ Новочеркаскѣ, въ присутствіи слѣдователей, былъ засѣченъ до смерти кнутомъ [3]), въ числѣ этихъ обвиненій, вѣроятно, выдуманныхъ его врагами, чтобы возбудить на него гнѣвъ императора Павла, было между прочимъ то, будто бы онъ «отказывался отъ пожалованныхъ ему крестьянъ,—говорилъ, что они ему не нужны, и прогналъ ихъ, когда они пришли къ нему изъ Минской губерніи за приказаніемъ» [4]). Обвиненіе было очевидно выдумано, но тутъ всего

---

[1]) „Восемнадцатый вѣкъ", изданіе Бартенева, т. III, стр. 427.

[2]) Извѣстенъ разсказъ С. Т. Аксакова въ „Семейной хроникѣ", какъ сами крестьяне предлагали Шишкову обложить ихъ денежнымъ сборомъ, но онъ отказался. Что въ началѣ онъ бралъ съ нихъ оброкъ, это видно изъ его собственнаго свидѣтельства о полученіи пожалованія. „Даръ сей,—замѣчаетъ онъ въ своихъ запискахъ,—тѣмъ больше для меня былъ пріятенъ, что доходы мои заключались въ одномъ только весьма небольшомъ жалованьѣ".

[3]) Казнь продолжалась отъ восхода солнца до 2 часовъ пополудни.

[4]) 14 декабря 1796 года Евграфу Грузинову была пожалована, а 15 января 1797 года назначена 1.000 душъ, но только не въ Минской, а въ Московской

характернѣе то, что отказъ отъ пожалованія въ то время могъ считаться преступленіемъ. Это, если хотите, и было бы своего рода преступленіемъ: это была бы измѣна не государству, а интересамъ дворянскаго сословія, а въ нѣкоторыя эпохи послѣднее могло быть опаснѣе перваго; жаль только, что намъ неизвѣстно случаевъ дѣйствительнаго, окончательнаго отказа отъ пожалованія. Шишковъ выразился совершенно вѣрно, назвавъ пожалованіе населенныхъ имѣній «расхваткою» деревень: всякій, кто не успѣлъ захватить въ это время лакомаго куска, считалъ себя обиженнымъ. «Въ первые десять мѣсяцевъ своего царствованія,—толковали въ обществѣ,—императоръ Павелъ раздарилъ болѣе имѣній и крестьянъ, чѣмъ его мать въ 10 лѣтъ» *),—и это правда: въ эти мѣсяцы онъ роздалъ около 250.000 тысячъ душъ, а императрица Екатерина II пожаловала гораздо менѣе даже въ послѣднія 10 лѣтъ своего царствованія, когда такъ щедро раздавались деревни въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши. Но толки о щедрой раздачѣ служили только побужденіемъ къ тому, чтобы поскорѣе захватить и свою долю добычи **).

Въ число пожалованій при императорѣ Павлѣ мы не включили нѣсколькихъ случаевъ простаго возвращенія секвестрованныхъ при императрицѣ Екатеринѣ II имѣній и даже тѣхъ случаевъ, гдѣ за эти имѣнія, уже кому-нибудь пожалованныя, приходилось вознаграждать другими пожалованіями, такъ какъ въ первомъ случаѣ было только нѣкоторое уменьшеніе размѣровъ секвестраціи, а во второмъ—простой обмѣнъ пожалованія (впрочемъ тѣхъ и другихъ случаевъ было очень немного). Такъ въ ноябрѣ 1796 года было возвращено Игнатію Потоцкому все отписанное у него имѣніе (кромѣ того, какъ мы уже упоминали, ему была вновь пожалована тысяча душъ). Въ мартѣ 1797 года были отобраны у статскаго совѣтника Обрескова пожалованныя ему имѣнія Флоріана Чарнецкаго и возвращены прежнему владѣльцу, а Обрескову въ замѣнъ того пожаловано 500 душъ изъ деревень казеннаго

и Тамбовской губерніяхъ. Подробности дѣла о судѣ и казни братьевъ Грузиновыхъ (другой братъ былъ наказанъ кнутомъ)—въ *Русской Старинѣ* 1873 года, т. VII, стр. 573 и 575.

*) *Blum:* „Ein russischer Staatsmann", IV, 370.

**) О пожалованіяхъ просили нерѣдко лица, не имѣвшія на то никакого права. Такъ въ 1798 году бывшій полковникъ польской службы Стрѣльбицкій просилъ о пожалованіи ему староства. Онъ получилъ отказъ на томъ основаніи, что „таковыя милости дѣлаются за службу государю и отечеству".

вѣдомства. Въ августѣ 1797 года императоръ Павелъ приказалъ имѣніе Іосифа Богюца, Волынской губерніи, пожалованное въ 1795 г. по смерть безъ платы аренды генералъ-маіору Боровскому, по прошенію Богюца отдать его дочери. Не упоминаемъ еще о нѣсколькихъ подобныхъ же случаяхъ.

Императору Павлу приходилось возвращать имѣнія, отобранныя при императрицѣ Екатеринѣ II у поляковъ, а императору Александру I по вступленіи на престолъ оказалось нужнымъ сдѣлать то же для русскихъ, лишенныхъ при его отцѣ всѣхъ или нѣкоторой части имѣній. Такъ на третій день по восшествіи на престолъ (14 марта 1801 г.) императоръ Александръ возвратилъ графу С. Р. Воронцову все имѣніе, конфискованное у него при императорѣ Павлѣ въ февралѣ 1801 г. *). У графа Орлова-Чесменскаго было отобрано имѣніе (341 душа) за завладѣніе небольшимъ (20 дес.) лугомъ сосѣднихъ съ его имѣніемъ дворцовыхъ крестьянъ. Императоръ Александръ приказалъ возвратить имѣніе Орлову, а за пользованіе лугомъ, на основаніи межевой инструкціи, взыскать по 4 руб. въ годъ.

Мы видѣли, что уже при императорѣ Павлѣ чувствовался сильный недостатокъ въ имѣніяхъ для пожалованія: приходилось давать пожалованія съ тѣмъ, чтобы лица, которымъ они были назначены, получали ихъ черезъ нѣсколько лѣтъ, когда они освободятся отъ аренды, приходилось назначать ревизіи розданныхъ старостинскихъ имѣній, съ заднею мыслію, нельзя ли нѣкоторыя изъ нихъ отобрать въ казну. Недостаткомъ этимъ и объясняется то, что государь, раздавъ въ первые 10 мѣсяцевъ своего царствованія болѣе 250.000 душъ крестьянъ, въ 1798 году пожаловалъ только 13.523 души, въ 1799 г.—11.359 душъ и въ 1800 г.—7.839 душъ. Раздача дворцовыхъ крестьянъ была слишкомъ невыгодна для Двора, а пожалованіе экономическихъ сильно отозвалось бы на государственномъ бюджетѣ, такъ какъ крѣпостные не платили въ казну оброчнаго сбора.

Итакъ, были настоятельныя экономическія причины, требовавшія прекращенія раздачи въ полную собственность населенныхъ имѣній. Со вступленіемъ на престолъ императора Александра I къ этому присоединилось еще и личное отвращеніе молодаго гуманнаго императора къ крѣпостному праву и желаніе его не со-

*) По свидѣтельству Ростопчина, императоръ Павелъ былъ раздраженъ тѣмъ, что С. Р. Воронцовъ не принялъ предложенной ему должности канцлера. *Рус. Арх.* 1872 года, стр. 2175.

дѣйствовать еще большему распространенію этого зла. Обыкновенно думаютъ, что при императорѣ Александрѣ I не было ни одного случая пожалованія населеннаго имѣнія въ полную собственность; но это несправедливо. Не считая пожалованія тысячи душъ малолѣтней Мусиной-Юрьевой, что было, такъ сказать, загробнымъ распоряженіемъ императора Павла, было еще четыре случая пожалованія населенныхъ имѣній при императорѣ Александрѣ. 28 марта 1801 года,—слѣдовательно черезъ 16 дней послѣ вступленія на престолъ,—онъ пожаловалъ отставному надворному совѣтнику Рейнике мызу въ Лифляндіи (4 гака), сданную ему прежде пожизненно, «по уваженію полезныхъ заведеній, сдѣланныхъ имъ въ Камчаткѣ, въ бытность его тамъ предсѣдателемъ верхней расправы». Второе пожалованіе было вознагражденіемъ за несправедливость, сдѣланную въ концѣ царствованія императора Павла ради графа Кутайсова *). Затѣмъ было пожаловано въ Бѣлоруссіи совѣтнику лѣснаго департамента Пиллисіеру въ награду за усердную службу 300 душъ, прежде находившіяся у него на арендѣ. Наконецъ, 27 іюня того же года, по прошенію тайнаго совѣтника барона Николаи ему пожалованы было въ потомственное владѣніе три казенныхъ геймата Выборгской губерніи, данные ему прежде въ аренду.

Но это было послѣднее пожалованіе. Черезъ мѣсяцъ послѣ того въ засѣданіи неоффиціальнаго комитета, разсуждая о наградахъ въ предстоящую коронацію, императоръ заявилъ, что «никому не дастъ крестьянъ, и въ этомъ отношеніи онъ не отступитъ отъ принятаго имъ намѣренія». И дѣйствительно, когда одинъ изъ сановниковъ обратился къ императору съ просьбою въ письмѣ о пожалованіи ему населеннаго имѣнія, государь отвѣчалъ: «Русскіе крестьяне большею частію принадлежатъ помѣщикамъ; считаю излишнимъ доказывать униженіе и бѣдствіе такого состоянія. И потому я далъ обѣтъ не увеличивать числа этихъ несчастныхъ, и принялъ за правило не давать никому въ собственность крестьянъ. Имѣніе, о которомъ вы просите, будетъ пожаловано *въ аренду вамъ и вашимъ наслѣдникамъ*,

*) У ротмистра Бутлера были отняты двѣ мызы, находившіяся въ его пожизненномъ владѣніи, для того, чтобы пожаловать ихъ графу Кутайсову, а въ замѣнъ ему назначены двѣ мызы, изъ которыхъ одна должна была освободиться отъ аренды въ 1805, а другая въ 1807 годахъ. Въ вознагражденіе убытковъ Бутлера ему пожалованы въ полную собственность двѣ мызы, находившіяся въ арендѣ, съ тѣмъ, чтобъ онъ разсчитался съ ихъ арендаторами (именной указъ 5 апрѣля 1801 г.)

слѣдовательно вы получите желаемое, но только съ тѣмъ, чтобы крестьяне не могли быть продаваемы подобно безсловеснымъ животнымъ. Остаюсь въ убѣжденіи, что вы поступили бы не иначе на моемъ мѣстѣ» *).

Такимъ образомъ пожалованіе населенныхъ имѣній въ вѣчное и потомственное владѣніе было прекращено; но это же письмо императора Александра напоминаетъ намъ о томъ, что былъ особый разрядъ крестьянъ, постоянно отдаваемыхъ въ аренду и переходившихъ такимъ образомъ изъ рукъ въ руки, отъ одного владѣльца къ другому. Пожалованія въ аренду были и ранѣе царствованія императора Александра I, въ теченіе всего XVIII вѣка. Они давались сначала въ Прибалтійскомъ краѣ, а потомъ, съ присоединеніемъ областей, отошедшихъ къ Россіи по тремъ раздѣламъ Польши, также и въ этой мѣстности. Аренды давались на извѣстный срокъ или пожизненно, съ платою арендныхъ денегъ или безъ платы. Въ приведенномъ письмѣ императоръ Александръ заранѣе обѣщалъ передать аренду и наслѣдникамъ надѣляемаго ею лица. Въ 1810 году во всѣхъ арендныхъ имѣніяхъ Эстляндской, Лифляндской и восьми западныхъ губерній было около 350.000 душъ муж. пола; дохода съ нихъ получалось 130.000 талеровъ и 300.000 рублей. Въ этомъ году министръ финансовъ предложилъ продать ихъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими казенными имуществами и надѣялся, такимъ образомъ, выручить до 100 милл. рублей ассигнаціями; для удовлетворенія же лицъ, получающихъ аренды и вообще имѣющихъ права на эти имѣнія, предложилъ уплачивать должныя имъ суммы изъ капиталовъ, вырученныхъ за проданныя имѣнія. Государь утвердилъ это предложеніе **). Но едва ли удалось продать много такихъ имѣній ***), и арендная система продолжала существовать.

При императорѣ Александрѣ I всего чаще жаловали аренды на 12 лѣтъ; иногда аренда продолжалась еще на такой же срокъ. Повинности крестьянъ относительно лицъ, получавшихъ аренду, были опредѣлены; нужно замѣтить, впрочемъ, что обыкновенно они не

---

*) *Богдановичъ*: „Исторія царствованія Александра I“, стр. 97 и 98, и приложеніе, стр. 44.

**) *Варадиновъ*: „Истор. министер. внутрен. дѣлъ“, ч. II, кн. I, стр. 80.— „Полн. собр. законовъ“, т. XXXI, № 24.346.

***) Срав. *Богдановичъ*, ч. III, кн. 3 и 4. „При послѣднемъ обозрѣніи армій,— писалъ въ 1823 году Сперанскій своей дочери, — роздано военнымъ около 50 арендъ, такъ что и сей источникъ надолго исчерпанъ“. — „Въ память гр. Сперанскаго“, Спб. 1872 года, стр. 682.

сами хозяйничали въ ней, а передавали ее арендатору за извѣстный ежегодный взносъ. Понятно, что судьба этихъ крестьянъ была весьма печальна: «это самые бѣдные и самые несчастные изъ всѣхъ казенныхъ крестьянъ,—говоритъ Н. Тургеневъ.—Ихъ повинности, правда, опредѣлены закономъ,—продолжаетъ онъ,— но этотъ законъ нерѣдко не соблюдается» *).

При императорѣ Павлѣ, несмотря на огромную раздачу земель въ полную собственность, раздавались и аренды; но онъ не только сохранилъ этотъ уже установившійся обычай, а также учредилъ и новый разрядъ крестьянъ, раздаваемыхъ во временное пользованіе.

Еще въ XVIII вѣкѣ были имѣнія, дававшіяся служащимъ лицамъ не въ наслѣдственное владѣніе, а только на время. Такъ въ Малороссіи русскіе чиновники во время службы получали ранговыя имѣнія: напримѣръ, въ 1769 году такія ранговыя деревни велѣно было оставить во владѣніи оберъ-комендантовъ и комендантовъ. Нѣчто подобное было и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи: это—имѣнія, дававшіяся губернаторамъ на содержаніе ихъ стола. Такъ, напримѣръ, въ 1776 году на столовое содержаніе смоленскаго губернатора было назначено въ Могилевской губерніи староство Мстиславское, которое числилось за нимъ во все время исправленія имъ должности. По штатамъ 1796 года на столъ генералъ-губернаторамъ въ 18-ти намѣстничествахъ было назначено по 600 душъ, вмѣсто которыхъ въ другихъ намѣстничествахъ давали по 1.200—1.800 руб. въ годъ **).

Нѣчто вродѣ такихъ временныхъ владѣній были командорственныя имѣнія, установленныя императоромъ Павломъ въ 1797 году. Проникнутый рыцарскими воззрѣніями, императоръ Павелъ задумалъ образовать изъ общества кавалеровъ россійскихъ орденовъ что-то подобное рыцарскимъ братствамъ и орденамъ. «Все кавалерское общество Россійской имперіи да будетъ почитаемо, яко единое тѣло и яко единый россійскій кавалерскій чинъ или орденъ», сказано было въ данномъ имъ указѣ. Подобно тому, какъ въ западной Европѣ рыцарскія общества и ордена имѣли свои капиталы, свои фундуши и имѣнія, императоръ Павелъ I опредѣлилъ въ пользу русскихъ кавалеровъ деревни для составленія изъ

*) *Tourgueneff*: „La Russie et les Russes", II, 57—58; срав. *Storch*: „Cours d'économie politique", 1815, VI, 270.

**) „Полн. собр. законовъ", т. XVIII, № 13.260, т. XX, № 14.438, книга гражданскихъ штатовъ, стр. 253.

нихъ командорствъ. Съ этою цѣлью, указомъ 17 апрѣля 1797 года, было единовременно отдѣлено 50.000 душъ экономическихъ крестьянъ, а впослѣдствіи, съ увеличеніемъ орденскихъ капиталовъ, дозволено было увеличивать и командорства. Командорства расписаны были на 4 класса, сообразно оставленнымъ 4 орденамъ (Св. Андрея, Екатерины, Александра Невскаго и Св. Анны). Самыя большія командорства были въ классѣ Св. Андрея—нѣкоторымъ кавалерамъ по 1.000 душъ, а меньшія въ классѣ Св. Анны—по 100—400 душъ. Въ каждомъ классѣ извѣстная часть кавалеровъ состояла изъ духовныхъ особъ, которыя, получивъ командорственное имѣніе, въ непосредственное управленіе имъ не вступали, но пользовались доходами, подобно какъ и казна съ крестьянъ своего вѣдомства. Изъ кавалерственныхъ дамъ ордена Св. Екатерины было 15 свѣтскихъ и 5 духовныхъ. Лица же свѣтскія, получивъ командорственное имѣніе, могли сами хозяйничать въ немъ, какъ помѣщики. Но такъ какъ командорственное имѣніе находилось только во временномъ владѣніи командора, пока онъ числится въ классѣ даннаго ордена, то права владѣльцевъ были нѣсколько ограничены. Если кто захочетъ опредѣлить крестьянъ на оброкъ, тотъ не долженъ былъ собирать болѣе того, что платятъ казенные крестьяне, а поземельный сборъ можно установить лишь на такихъ же основаніяхъ, какія приняты въ удѣльныхъ имѣніяхъ; издѣльные крестьяне должны были работать на господина не болѣе трехъ дней. Владѣльцы не должны были заводить въ данныхъ имъ имѣніяхъ никакихъ фабрикъ, винокуренныхъ и другихъ заводовъ; они не могли также брать крестьянъ въ домашнее услуженіе, не должны были вмѣшиваться въ раскладку рекрутской повинности и семейные раздѣлы, предоставляя то и другое наблюденію самихъ крестьянъ; не должны были разселять крестьянъ по своему усмотрѣнію и переносить ихъ жилища. Въ издѣльныхъ имѣніяхъ пашня и сѣнокосы должны быть раздѣлены такимъ образомъ, чтобы двѣ трети находились въ пользованіи крестьянъ, и только треть обрабатывалась на владѣльца; послѣдній не могъ также рубить лѣса на продажу. Очень важно было запрещеніе владѣльцамъ отдавать данныя имъ имѣнія въ аренду *).

Иногда одно и то же лицо одновременно получало и пожалованіе въ наслѣдственную собственность, и командорство. Такъ на-

*) „Полн. собр. законовъ", т. XXIV, №№ 17.908 и 17.945.

шему посланнику въ Турціи Тамарѣ было сразу дано въ 1799 г. за трактатъ съ Портою имѣніе въ 1.499 душъ и командорство въ 1.000 руб. дохода.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Александра I, въ 1801 году, орденскія командорства обращены были въ вѣдомство казенныхъ палатъ, а командорамъ назначены были пенсіоны.

Кромѣ раздачи населенныхъ имѣній въ вѣчное потомственное владѣніе и временныхъ или пожизненныхъ арендъ, императрица Екатерина II щедро раздавала и ненаселенныя земли. Алексѣй и Ѳедоръ Орловы получили 158.000 десятинъ на Волгѣ и въ Воронежской губерніи. Огромное количество земель было роздано также Потемкину, Ланскому и Безбородку. Въ особенно обширныхъ размѣрахъ производилась раздача земель на югѣ Россіи: такъ князь Вяземскій, при раздѣлѣ запорожскихъ земель, получилъ 100.000 десятинъ.

То же самое продолжалось и при императорѣ Павлѣ. Приведемъ нѣкоторые примѣры. Какъ мы уже знаемъ, канцлеръ Безбородко получилъ въ вѣчное и потомственное владѣніе «земли и состоящія при нихъ изъ числа астраханскихъ ловель воды». Астраханскія рыбныя ловли, пожалованныя Куракину, приносили ежегодно, по свидѣтельству Сиверса, 120.000 рублей дохода, а рыбныя ловли на Волгѣ, отданныя Кутайсову, давали ему до полумилліона ежегоднаго дохода. Не мало было и болѣе мелкихъ пожалованій: напримѣръ, тайному совѣтнику Квашнину-Самарину—10.000 дес. въ разныхъ губерніяхъ, статсъ-дамѣ княгинѣ Гагариной, урожденной Лопухиной, подаренъ былъ Екатерингофъ. Генералъ-прокуроръ Обольяниновъ исходатайствовалъ многимъ сенатскимъ и нѣкоторымъ провіантскимъ чиновникамъ пожалованіе отъ 1.000 до 5.000 дес. въ Саратовской губерніи. Самое крупное пожалованіе ненаселенной земли получилъ оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, а именно 505.724 дес. въ Саратовской и смежныхъ губерніяхъ (впрочемъ около половины этого пространства принадлежало Нарышкинымъ и прежде, до 1765 года, но было отрѣзано по межеванію). Очень усердная раздача ненаселенныхъ земель въ Саратовской губерніи производилась и при императорѣ Александрѣ I.

В. Семевскій.

Гарибальди и Мадзини.

I.

Въ 1833 году въ Марсели впервые встрѣтились два молодыхъ итальянца, которымъ суждено было играть впослѣдствіи одинаково важную роль въ историческихъ событіяхъ, волновавшихъ Италію въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія. Оба они были еще молоды, оба одинаково любили свою родину и мечтали объ ея освобожденіи. Первому было 29 лѣтъ, но онъ уже успѣлъ извѣдать тюрьму и изгнаніе, его имя извѣстно было во всей Италіи. Основанная имъ тайная организація разросталась съ каждымъ днемъ, проповѣдь единства и освобожденія родины отзывалась въ сердцѣ каждаго итальянскаго патріота и имя молодого проповѣдника было одинаково извѣстно какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ средѣ всѣхъ тѣхъ, кто былъ недоволенъ положеніемъ дѣлъ въ Италіи. Это былъ Джіузеппе Мадзини, основатель общества «Молодая Италія» и редакторъ журнала того же имени.—Второму было 23 года. Молодой морякъ, цвѣтущій юноша, полный силы и энергіи, онъ только-что выступалъ на поприще общественной дѣятельности. Одушевленный такою же безграничною любовью къ родинѣ, какъ и Мадзини, но не имѣя ни его опытности, ни связей, онъ искалъ человѣка, который могъ бы научить его работать для освобожденія Италіи, и въ лицѣ Мадзини нашелъ такого человѣка. Это былъ Джіузеппе Гарибальди, будущій диктаторъ освобожденной Италіи. У обоихъ была одна великая цѣль и оба въ теченіе цѣлой жизни ни разу не измѣнили ей, но часто шли къ ней разными путями, часто не понимали другъ друга и становились почти во враждебныя отношенія другъ къ другу. Только тогда, когда часть ихъ задачи была уже выполнена, когда смерть одного изъ нихъ

заставила умолкнуть клеветниковъ, когда исчезло раздраженіе, вызывавшееся мелкими столкновеніями,—итальянцы поняли, что дѣятельность обоихъ не только вела къ одной и той же цѣли, но и въ одинаковой мѣрѣ способствовала достиженію ея.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ этой первой встрѣчи Гарибальди уже покидаетъ Италію и Европу, приговоренный къ смерти. Его время еще не пришло; въ Италіи наступилъ длинный періодъ подготовительной работы, на которую былъ способенъ только Мадзини. Общество «Молодой Италіи» продолжало свою дѣятельность. Вступая въ среду общества, каждый членъ его клялся всѣми силами содѣйствовать тому, чтобъ Италія превратилась въ свободное, единое республиканское государство, пропагандировать идеи общества и примыкать къ каждому движенію, которое будетъ начато во имя этой программы. «Во имя Бога и Италіи,—такъ гласила написанная самимъ Мадзини формула клятвы;—во имя мучениковъ итальянскаго дѣла; врожденною всѣмъ людямъ любовью, которую я питаю къ странѣ, гдѣ родилась моя мать, гдѣ будутъ жить мои дѣти; ненавистью, которую я чувствую ко злу, къ узурпаціи, къ несправедливости и произволу; краскою стыда, которая разливается по лицу моему каждый разъ, когда въ присутствіи гражданина другой страны мнѣ приходится сознаваться, что у меня нѣтъ ни правъ, ни отечества, ни національнаго знамени; слезами итальянскихъ матерей, которыя оплакиваютъ сыновей своихъ, погибшихъ на плахѣ, въ тюрьмѣ или изгнаніи; страданіями милліоновъ людей—клянусь вполнѣ и навсегда посвятить себя Италіи...» Итальянская молодежь, воспламененная пламеннымъ краснорѣчіемъ Мадзини, зачитывалась его журналомъ, число республиканскихъ кружковъ росло и по всей Италіи началось броженіе, которое то тамъ, то здѣсь прорывалось наружу въ видѣ разрозненныхъ попытокъ возстанія, вспыхивавшихъ въ различныхъ городахъ полуострова, но не приводившихъ еще ни къ какому практическому результату. Будучи самъ «неисправимымъ» республиканцемъ, Мадзини тѣмъ не менѣе не считалъ себя въ правѣ навязывать итальянской націи свою программу; онъ неутомимо проповѣдывалъ республиканскія идеи и всѣми силами старался убѣдить итальянцевъ, что только республика способна дать имъ прочныя гарантіи свободы, но всегда готовъ былъ подчиниться волѣ націи, еслибъ она высказалась за иную форму государственнаго строя. «Ассоціація не желаетъ навязывать націи свое собственное зна-

мя,—писалъ Мадзини, говоря о «Молодой Италіи».—Когда нація будетъ свободна, она сама провозгласитъ свою священную, непоколебимую волю». Поэтому ближайшею цѣлью Мадзини было освобожденіе страны отъ иноземнаго ига,—освобожденіе во что бы то ни стало, хотя бы даже въ союзѣ съ монархіей. Потомъ, послѣ достиженія этой ближайшей цѣли, должна была начаться мирная, плодотворная работа для установленія свободы болѣе широкой,—такой свободы, «которая превратила бы націю въ братскій союзъ счастливыхъ людей, живущихъ собственнымъ трудомъ и коллективно трудящихся для общаго блага». Такова была итальянская программа Мадзини. Но для того, чтобы подобный идеалъ могъ быть осуществленъ въ одной странѣ, необходимо, чтобъ онъ встрѣтилъ помощь и сочувствіе среди другихъ націй, такъ какъ въ противномъ случаѣ общеевропейская реакція безъ труда задушила бы каждое единичное движеніе. Вотъ почему Мадзини старается пропагандировать свои идеи и внѣ Италіи; вотъ почему, живя въ Швейцаріи, онъ пытается составить изъ изгнаниковъ различныхъ національностей международное общество «Молодой Европы», задача котораго должна была состоять въ распространеніи республиканскихъ идей во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Кромѣ Гарибальди врядъ ли кто-либо пользовался когда-нибудь такимъ громаднымъ вліяніемъ на итальянское общество и въ особенности на молодежь, какъ Мадзини въ первый періодъ своей дѣятельности. Каждое слово этого человѣка, безусловно чистаго и безупречнаго въ своей частной и общественной жизни, было проникнуто такою вѣрой, такою безграничною любовью къ родинѣ, къ своему народу и всему человѣчеству, что даже теперь, когда читаешь его воззванія къ итальянскому народу, невольно поддаешься вліянію его обаятельнаго краснорѣчія. Мудрено ли, что тѣ, кого такъ близко касалось каждое слово этихъ воззваній,—тѣ, кто имѣлъ случай испытать на себѣ чарующее впечатлѣніе, которое производила на всякаго личность Мадзини,—готовы были смѣло идти за нимъ и жертвовали жизнью за свободу родины, которую онъ училъ ихъ любить больше всего на свѣтѣ.

Послѣ отъѣзда Гарибальди въ Америку Мадзини живетъ изгнанникомъ въ Швейцаріи, въ Лондонѣ, но душа его—въ далекомъ отечествѣ; вдохновенная проповѣдь его не умолкаетъ, и во всѣхъ углахъ Италіи молодежь жадно ловитъ каждое слово апостола свободы и національнаго единства. Братья Бандьера,

воодушевленные этою проповѣдью, жертвуютъ жизнью въ безплодной, преждевременной попыткѣ возстанія; вся Италія волнуется; подготовляется движеніе 1848 года, и въ то время, какъ Гарибальди въ Америкѣ, во главѣ своего итальянскаго легіона, бьется за свободу чуждаго народа, Мадзини подготовляетъ въ Италіи репутацію будущаго вождя ея, печатая подробные отчеты о его подвигахъ. Но вотъ въ 1846 году на папскій престолъ вступаетъ Пій IX. Политическая амнистія и проекты либеральныхъ реформъ, ознаменовавшіе начало его царствованія, возбуждаютъ въ итальянскихъ патріотахъ самыя блестящія надежды и они готовы видѣть въ папѣ вождя національнаго единства. Гарибальди спѣшитъ въ Европу съ остатками своего легіона и предлагаетъ свою шпагу къ услугамъ папы. Мадзини, менѣе легковѣрный, пишетъ къ папѣ письмо и излагаетъ въ немъ ту политическую програму, исполненія которой ждутъ отъ него итальянцы. Шесть мѣсяцевъ спустя папа снимаетъ маску—и иллюзіи итальянскихъ патріотовъ разрушены.

II.

1849 годъ. Папа бѣжалъ изъ своихъ владѣній. Римъ свободенъ. Національное собраніе провозглашаетъ республику и римскій народъ избираетъ Мадзини въ число своихъ представителей. Для того, чтобы понять, съ какими чувствами Мадзини въѣзжалъ при такихъ условіяхъ въ ворота Вѣчнаго города, нужно знать, какое значеніе имѣлъ для него Римъ. Онъ твердо вѣрилъ, что Италія призвана Провидѣніемъ служить путеводною звѣздой народовъ по пути прогресса, «что ей суждено положить начало новой жизни и могучему союзу европейскихъ націй». А сердце Италіи было въ Римѣ. Римъ былъ для Мадзини тѣмъ же, чѣмъ Іерусалимъ былъ для крестоносцевъ. Вотъ въ какихъ словахъ самъ Мадзини передаетъ ощущенія, которыя онъ испытывалъ, вступая въ Римъ въ мартѣ 1849 года: «Римъ былъ мечтою моей юности, обновляющей идеей всѣхъ моихъ стремленій, краеугольнымъ камнемъ всего моего міросозерцанія, религіей души моей; и когда я въ этотъ памятный мартовскій вечеръ вступалъ въ ворота города, мною овладѣло глубокое чувство благоговѣнія, граничившее съ обожаніемъ. Римъ былъ для меня тѣмъ, чѣмъ остался и до сихъ поръ, несмотря на его глубокое паденіе,—храмомъ человѣчества. Настанетъ день, когда Римъ положитъ начало

религіозному перерожденію, которое въ третій разъ создастъ нравственное объединеніе Европы...»

Римскіе граждане удостоили великаго итальянскаго патріота высшей почести. Мадзини, Саффи и Армеллини были назначены членами тріумвирата; на нихъ была возложена трудная задача управленія молодою республикой въ это тяжелое время. У воротъ Рима уже кипѣла битва. Французы высадились въ Чивита-Веккіи. Въ то время, какъ Мадзини неутомимо работаетъ въ городѣ, издавая декреты, ведя длинную переписку съ представителями французскаго правительства, заботясь о продовольствіи города и арміи,—Гарибальди, который также поспѣшилъ на помощь къ возставшему Риму, организуетъ защиту и собственнымъ примѣромъ одушевляетъ своихъ солдатъ. Какъ часто цеховые военные люди смѣялись надъ жалкими, оборванными волонтерами Гарибальди, надъ этимъ сбродомъ, составленнымъ изъ дѣтей и искателей приключеній, неумѣлыхъ, неопытныхъ, не привыкшихъ къ дисциплинѣ; а между тѣмъ эти жалкіе оборванцы во всѣхъ кампаніяхъ, въ которыхъ принималъ участіе Гарибальди, дрались такъ, какъ не дерется ни одинъ наемный солдатъ, и одерживали побѣды, когда правильныя войска Виктора-Эмануила обращались въ постыдное бѣгство. Въ числѣ волонтеровъ Гарибальди находилось даже не мало такихъ, которыхъ прошлое было далеко не безупречно, но онъ утверждалъ, что любовь къ отечеству искупаетъ все. Вліяніе Гарибальди на своихъ солдатъ было изумительно. Одинъ видъ его фигуры, величаво-спокойной и увѣренной въ самыя критическія минуты, электризовалъ и воодушевлялъ даже труса. Во время битвы онъ не знаетъ страха, хладнокровно слѣдитъ за ходомъ сраженія подъ градомъ пуль, а если нужно, и самъ, впереди всѣхъ, бросается на приступъ непріятельской позиціи. Внѣ битвы онъ такой же плебей, какъ и его солдаты, самъ сѣдлаетъ свою лошадь, спитъ на голой землѣ съ сѣдломъ подъ головой и наравнѣ со всѣми выноситъ лишенія и тягости похода. Внѣ военной дисциплины онъ братъ и товарищъ солдата. Вотъ почему, независимо отъ его стратегическаго таланта, ему удавалось совершать такія чудеса; вотъ почему онъ съ горстью храбрецовъ, проникнутыхъ идеей освобожденія родины, обращалъ въ бѣгство цѣлыя войска и бралъ неприступныя крѣпости. Гарибальди былъ богомъ своихъ солдатъ; отличиться, умереть у него на глазахъ за отечество, за Италію, въ пылу воинственнаго одушевленія, казалось

многимъ изъ нихъ высшимъ счастьемъ, и люди спокойно шли на смерть и умирали съ гордою улыбкой, прокричавъ въ послѣдній разъ: «Да здравствуетъ Италія! Да здравствуетъ Гарибальди!»

Мы не станемъ описывать осаду Рима и геройскую роль, которую игралъ въ его оборонѣ Гарибальди. Къ несчастью, онъ не былъ главнокомандующимъ римскихъ войскъ и принужденъ былъ подчиняться другому лицу, которому, какъ оказалось, такая задача была совсѣмъ не по плечу. Уже въ началѣ іюня Гарибальди зналъ, что Римъ не въ силахъ будетъ долго продержаться, что ему оставалось только пасть съ честью. Наконецъ ночью 21-го іюня французы овладѣли брешью и проникли въ городъ. Ужасная вѣсть, несмотря на ночное время, распространилась съ быстротою молніи; по всему городу загудѣлъ набатъ; улицы мгновенно наполнились народомъ; всѣ спѣшили на Яникульскій холмъ, гдѣ собрались главнокомандующій, военный министръ, Гарибальди и другіе сановники республики. Народъ съ оружіемъ въ рукахъ требовалъ, чтобы Гарибальди тотчасъ организовалъ колонну изъ городскихъ жителей и немедленно отбросилъ непріятеля за предѣлы городской черты. Но Гарибальди воспротивился этому проекту, который былъ вполнѣ одобренъ главнокомандующимъ, Розелли; онъ понималъ, что Римъ не въ состояніи будетъ держаться, что гибель его зависѣла не столько отъ взятія бреши, сколько отъ торжества реакціи во Франціи. Еслибы даже удалось въ эту ночь выгнать непріятеля изъ Рима, исходъ войны былъ бы несомнѣненъ. Тѣмъ не менѣе Гарибальди рѣшился бы на этотъ шагъ, еслибы не былъ увѣренъ, что съ безпорядочною толпой, совершенно не привыкшею къ огню, среди темной ночи, аттака кончится всеобщею паникой и безполезнымъ кровопролитіемъ. Въ виду этого онъ настоялъ, чтобы военныя дѣйствія были отложены до утра. На другой день, послѣ перваго неудачнаго приступа, онъ окончательно убѣждается, что защищаться долѣе невозможно, и велитъ отступать, несмотря на то, что народъ желаетъ битвы до послѣдней крайности. «Римъ погибъ, но погибъ послѣ чудной, геройской защиты,—говоритъ Гарибальди въ своемъ мемуарахъ.—Паденіе Рима послѣ такой осады было равносильно торжеству демократіи во всей Европѣ. У насъ оставался только одинъ исходъ — прорваться сквозь цѣпь непріятелей и, подобно Сципіону, перевести войну на Карѳагенъ. Нашимъ Карѳагеномъ былъ Неаполь...»

Какъ жестоко ошибались тѣ, кто видѣлъ въ Гарибальди простого авантюриста, кондотьери, для котораго война была цѣлью жизни, наслажденіемъ, кто считалъ его безразсуднымъ, отчаяннымъ храбрецомъ, готовымъ проливать кровь своихъ согражданъ, какъ воду, изъ любви къ войнѣ, къ опасностямъ, къ смѣлымъ предпріятіямъ!... Никто глубже его не чувствовалъ всѣхъ ужасовъ войны, которая отняла у него лучшихъ друзей, его жену, его дорогую Аниту. Сердце его обливалось кровью, когда на глазахъ его гибли тысячи молодыхъ людей. Не даромъ даже въ счастливыя минуты, въ дни апогея его славы, среди привѣтствій восторженной толпы, среди дружеской бесѣды лицо его такъ часто омрачалось выраженіемъ глубокаго горя. Въ эти минуты передъ глазами его проносились кровавыя картины, которыми была такъ богата его боевая жизнь. Онъ никогда не былъ солдатомъ въ душѣ; онъ ненавидѣлъ войну. Только пламенная любовь къ родинѣ, пламенная ненависть къ ея угнетателямъ влекли его на поле битвы; но лишь только кончалась война, онъ спѣшилъ на свою одинокую Капреру и съ любовью отдавался мирной семейной жизни, занимался земледѣліемъ, охотой, читалъ, работалъ. Онъ никогда не считалъ войну своимъ ремесломъ. Когда, незадолго до смерти, ему пришлось, ради узаконенія двухъ младшихъ дѣтей своихъ, совершить обрядъ гражданскаго брака съ послѣдней своею женой, онъ съ полнымъ правомъ могъ отвѣтить на обычный вопросъ о профессіи: «Я—земледѣлецъ». Внѣ военнаго времени никто никогда не видалъ на немъ оружія. «Я не солдатъ,—отвѣтилъ онъ итальянцамъ, подносившимъ ему почетную шпагу; — я не люблю военнаго ремесла. Увидавъ, что въ отцовскій домъ мой ворвались разбойники, я вооружился, чтобы прогнать ихъ. Я—работникъ. Предки мои были работниками, и я горжусь этимъ».

Восемь дней еще длилась агонія Рима. Французскія пушки гремѣли день и ночь, разрушая вѣковые памятники, роскошные дворцы и жилища бѣдняковъ. Матери съ грудными дѣтьми на рукахъ принуждены были скитаться ночью безъ убѣжища. Плачъ, крикъ, стоны умирающихъ наполняли воздухъ, заглушаемые ревомъ пушекъ... Но никому и въ голову не приходила мысль о сдачѣ города. Улицы были буквально усѣяны изуродованными трупами; всѣ безъ исключенія артиллеристы были перебиты на римскихъ батареяхъ и замѣнены простыми линейными солдатами. Національное собраніе объявило свои засѣданія непрерывными и

и продолжало вѣдать общественныя дѣла погибающаго города подъ пулями и ядрами. 29-го іюня, послѣ страшной бомбардировки, длившейся до полуночи, силы осажденныхъ были окончательно истощены. Въ полночь непріятельскія пушки наконецъ умолкли и въ продолженіе двухъ часовъ надъ городомъ стояла мертвая тишина. Въ 2 часа утра послышались три пушечныхъ выстрѣла. Часовые дали тревогу. Французы врывались въ городъ сквозь новую брешь близъ воротъ Св. Панкратія. Гарибальди во главѣ небольшого отряда бросился на встрѣчу непріятелю. «Признаюсь,—говоритъ онъ въ своихъ мемуарахъ,—что въ эту минуту я потерялъ всякую вѣру въ будущее и имѣлъ только одно желаніе—умереть въ бою. Я бросился со своимъ отрядомъ на французовъ. Что было потомъ, я не знаю. Въ продолженіе двухъ часовъ я дрался, какъ бѣшеный. Когда настало утро, я весь покрытъ былъ кровью. У меня не было ни одной раны. Это было настоящее чудо».—«Въ эту ночь,—пишетъ историкъ Векки, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ защитниковъ Рима,—Гарибальди былъ величественнѣе, чѣмъ когда-либо. Его мечъ сверкалъ какъ молнія; всякій, на кого онъ опускался, падалъ мертвымъ. Кровь новаго противника смывала кровь предыдущаго. Это былъ Леонидъ при Ѳермопилахъ, Феруччіо передъ замкомъ Гависсаны. Я каждую минуту съ трепетомъ ждалъ его смерти,—но, нѣтъ, онъ оставался на ногахъ, неуязвимый, непоколебимый, какъ рокъ».

Среди этой рѣзни на мѣсто битвы прибываетъ вѣстникъ изъ національнаго собранія. Гарибальди требуютъ въ Капитолій. Это было его спасеніемъ; онъ искалъ смерти и несомнѣнно былъ бы убитъ, еслибы долѣе оставался на полѣ битвы. «Когда я появился въ дверяхъ залы, — разсказываетъ Гарибальди,— всѣ депутаты поднялись со своихъ мѣстъ и привѣтствовали меня аплодисментами. Не понимая, что могло вызвать въ нихъ такой необыкновенный энтузіазмъ, я сталъ искать причины его вокругъ себя и на себѣ. Я весь покрытъ былъ кровью, моя одежда была пронизана пулями и изодрана штыками; согнувшаяся отъ долгой работы сабля только на половину входила въ ножны». Что дѣлать? Какъ поступить въ эту послѣднюю, отчаянную минуту?... Таковы были мучительные вопросы, которые задавало себѣ національное собраніе. Эти же вопросы были заданы и Гарибальди. «Покинуть Римъ во главѣ всѣхъ вооруженныхъ волонтеровъ, которые захотятъ за нами послѣдовать,—отвѣтилъ онъ.—Тамъ, гдѣ будемъ мы, будетъ и Римъ!» Это же предложеніе раньше его было сдѣ-

лано Мадзини, но большинство собранія отвергло его, не рѣшившись принять на свою отвѣтственность такой отчаянный шагъ послѣ всѣхъ тяжелыхъ жертвъ, которыя принесло уже населеніе города. Послѣ короткаго совѣщанія собраніе вотировало слѣдующій декретъ: «Во имя Бога и народа! Учредительное собраніе прекращаетъ оборону, которая сдѣлалась невозможною, и остается на своемъ посту». Все было кончено. 2-го іюля Гарибальди собралъ на площади Ватикана своихъ волонтеровъ и обратился къ нимъ съ слѣдующею краткою рѣчью: «Солдаты! я предлагаю вамъ голодъ, жажду, утомленія, опасность, смерть. Отечество зоветъ насъ. Кто слѣдуетъ за мною?»—4.500 человѣкъ откликнулись на этотъ призывъ, и во главѣ ихъ Гарибальди началъ новую Одиссею. Но съ паденіемъ Рима пало и всеобщее одушевленіе, которое овладѣло было итальянскимъ народомъ. Тщетно Гарибальди старается поднять возстаніе въ Тосканскихъ владѣніяхъ,—число его волонтеровъ уменьшается съ каждымъ днемъ. Наконецъ, онъ отводитъ ихъ въ республику Санъ-Марино, распускаетъ здѣсь большинство своего войска, а самъ съ сотнею храбрецовъ пробивается сквозь ряды австрійцевъ и на ихъ глазахъ пускается въ море на тринадцати лодкахъ... Впереди его ждало новое горе—смерть обожаемой жены его, геройской Аниты, которая пріѣхала къ нему въ Римъ на восьмомъ мѣсяцѣ беременности и не разставалась съ нимъ вплоть до послѣдней минуты; а потомъ—плѣнъ и необходимость покинуть родину...

А Мадзини?... Пока гремѣла битва, пока Гарибальди стоялъ подъ пулями, тріумвиратъ, душою котораго былъ Мадзини, работалъ съ лихорадочной энергіей. Организація защиты и продовольствія, безпрерывныя дипломатическія сношенія съ непріятелемъ, казалось, должны бы были поглощать все время тріумвировъ, а между тѣмъ они находили время позаботиться и о повседневныхъ интересахъ народа. Декретъ о раздачѣ государственныхъ земель наиболѣе нуждающимся земледѣльцамъ, декретъ объ устройствѣ даровыхъ квартиръ для бѣднаго населенія города въ помѣщеніяхъ инквизиціи и многія другія распоряженія показывали, какова была бы въ будущемъ дѣятельность новаго правительства, еслибы римская республика восторжествовала. Гуманность, терпимость даже по отношенію къ врагамъ — вотъ тѣ принципы, которые руководили тріумвирами республики, и въ особенности Мадзини, въ продолженіе всей ихъ короткой дѣятельности. «Римляне! неаполитанскіе плѣнники—первый залогъ

побѣды въ стѣнахъ города,—такъ гласилъ декретъ тріумвирата послѣ первой побѣды надъ неаполитанскимъ войскомъ, которое выступило на защиту папы.—Во имя Бога и народа, личности ихъ должны быть для насъ священны... Докажите имъ, что римляне умѣютъ не только побѣждать, но и прощать. Да здравствуетъ республика!» А два дня спустя былъ уже обнародованъ слѣдующій декретъ относительно французскихъ плѣнниковъ: «Принимая во вниманіе, что Римъ и французскій народъ не воюютъ и не могутъ воевать другъ съ другомъ; принимая во вниманіе, что Римъ во имя права и долга защищаетъ свою независимость, но оплакиваетъ всякое нападеніе, направленное противъ обѣихъ республикъ, какъ преступленіе противъ священныхъ для каждой изъ нихъ принциповъ,—тріумвиратъ постановляетъ: 1) французы, взятые въ плѣнъ 30 апрѣля, свободны и будутъ отосланы во французскій лагерь; 2) римскій народъ сегодня, въ полдень, братски простится съ храбрыми солдатами французской республики, нашей сестры».

Когда національное собраніе вотировало прекращеніе обороны и возложило на тріумвиратъ обязанность вступить въ переговоры съ французскимъ генераломъ, Мадзини отказался на-отрѣзъ, заявивъ, что онъ былъ избранъ для того, чтобы защищать республику, а не разрушать ее, и подалъ въ отставку. Саффи и Армеллини послѣдовали его примѣру. Мадзини не могъ понять, не хотѣлъ допустить, чтобы Римъ, этотъ вѣчный, святой городъ, былъ не въ силахъ сопротивляться. Рѣшеніе собранія казалось ему преступною трусостью, граничившею съ измѣной. На слѣдующій день онъ отправилъ въ собраніе свой протестъ: «Въ послѣднюю, рѣшительную минуту,—писалъ онъ,—вы измѣнили своей миссіи,—вы измѣнили, сами того не подозрѣвая, великой итальянской идеѣ, выразителемъ которой былъ Римъ. Какъ избранникъ народа, я торжественно протестую передъ вами, передъ лицомъ народа, передъ лицомъ Бога». Послѣ того, какъ французы заняли Римъ, Мадзини, окруженный врагами изъ реакціонной партіи, еще болѣе недѣли остается въ городѣ, несмотря на убѣжденія друзей, умолявшихъ его позаботиться о своей безопасности. Дѣло въ томъ, что въ католическихъ и французскихъ журналахъ появился рядъ вымысловъ относительно террора, который будто бы былъ организованъ Мадзини въ Римѣ во время осады, и Мадзини рѣшилъ остаться въ городѣ, чтобы враги его не имѣли повода говорить, что онъ укрылся бѣгствомъ отъ мести своихъ

жертвъ. И во всемъ Римѣ, въ присутствіи французскаго войска, не нашлось ни одного человѣка, который рѣшился бы выдать трибуна, хотя была полная возможность сдѣлать это тайно, не рискуя ничѣмъ. «Я не имѣлъ духа покинуть Римъ, — говорилъ Мадзини.—Съ душою полною той глубокой тоски, которую долженъ испытывать человѣкъ, присутствующій на похоронахъ своей возлюбленной, присутствовалъ я при распущеніи собранія, при отъѣздѣ членовъ правительства, отправлявшихся въ изгнаніе. Я помню, какъ друзья умоляли меня уѣхать изъ Рима и поберечь себя для болѣе счастливыхъ дней. Ахъ, еслибъ я въ то время думалъ только о самомъ себѣ, еслибъ я могъ предвидѣть неблагодарность и одиночество, которыя ожидали меня въ будущемъ, я бы сказалъ имъ: если вы меня любите, дайте мнѣ умереть вмѣстѣ съ Римомъ!» Наконецъ онъ уѣхалъ, и снова потянулись тяжелые дни изгнанія, лихорадочной работы, томительнаго ожиданія и горькихъ разочарованій...

III.

Теперь работа сосредоточивалась въ Ломбардіи. Мадзини—то въ Лондонѣ, то въ Швейцаріи, то на родинѣ, среди друзей и враговъ—агитируетъ, организуетъ, ведетъ дѣятельную пропаганду, пишетъ, говоритъ, и въ Ломбардіи возникаетъ обширная ассоціація рабочихъ, ближайшая цѣль которой—опять-таки освобожденіе, единство Италіи. Въ 1853 году—неудачная попытка возстанія въ Миланѣ, въ 1857 году—геройская экспедиція Пизакане, возмущенія въ Генуѣ и Ливорно, и вездѣ душою движенія—Мадзини, этотъ удивительный, желѣзный человѣкъ, который не знаетъ усталости, котораго не въ силахъ сломить никакія преслѣдованія, никакія неудачи. «Дѣйствуйте, дѣйствуйте, во что бы то ни стало!»—таковъ былъ его девизъ, и въ этой неусыпной, неутомимой дѣятельности заключается въ значительной долѣ причина того громаднаго вліянія, которое онъ имѣлъ на своихъ соотечественниковъ. Ни на минуту не давалъ онъ заснуть итальянскому обществу, ни на минуту не позволялъ забыть итальянцамъ, что ихъ родина еще не свободна, что единство Италіи еще не осуществилось. Послѣ самыхъ жестокихъ пораженій, когда въ Италіи партія дѣйствія падала духомъ, а Гарибальди удалялся на Капреру и терпѣливо ждалъ новаго благопріятнаго момента, горячая проповѣдь Мадзини не умолкала, обод-

ряла, будила, воспламеняла. По всѣмъ городамъ Италіи, въ Лондонѣ, во всей Англіи Мадзини агитировалъ въ пользу объединенія Италіи, собиралъ деньги, организовалъ комитеты для доставленія оружія, и когда наступило время дѣйствія, когда Гарибальди покидалъ свой островъ,—все уже было готово: деньги, оружіе, люди. Вліяніе Мадзини было такъ велико въ Италіи, что даже Викторъ-Эмануилъ, уступившій давленію общественнаго мнѣнія и рѣшившійся объявить войну Австріи, добивался его содѣйствія и вступилъ съ нимъ въ переговоры. И Мадзини не прочь содѣйствовать даже Виктору-Эмануилу; онъ добивается прежде всего объединенія Италіи и готовъ поступиться своею республиканскою программой, готовъ поддерживать монархію, лишь бы она искренно и энергично взялась за выполненіе своей объединительной миссіи. Но онъ плохо вѣритъ въ искренность пьемонтскаго правительства, зорко слѣдитъ за его дѣйствіями и всегда готовъ порвать союзъ, когда убѣждается, что союзникъ не исполняетъ своихъ обѣщаній. Въ то время, какъ довѣрчивый Гарибальди весь отдается плану освобожденія Италіи подъ знаменемъ Виктора-Эмануила и спѣшитъ принять участіе въ войнѣ противъ Австріи, Мадзини, за шесть мѣсяцевъ до обнародованія договора объ уступкѣ Ниццы и Савойи Наполеону, печатаетъ и распространяетъ условія этого договора, предостерегая итальянцевъ противъ союза съ пьемонтскимъ правительствомъ. «Наполеонъ требуетъ Ниццы и Савойи для себя,—писалъ онъ,—неаполитанскаго трона для Мюрата и престолъ центральной Италіи для своего двоюроднаго брата. Кавуръ согласился на эти условія».

Исходъ войны съ Австріей извѣстенъ. Австрійцы были разбиты, миръ заключенъ. Но сильно разочаровались патріоты, мечтавшіе, что дрались за освобожденіе Италіи: Венеція осталась въ рукахъ Австріи, герцоги моденскій и тосканскій снова были утверждены въ своихъ владѣніяхъ, Болонья была возвращена папѣ и, наконецъ, Савойя и Ницца перешли къ Франціи. Но пьемонтское правительство ошиблось, разсчитывая, что возбужденный надеждами итальянскій народъ молча помирится съ такимъ исходомъ войны. Центръ Италіи снова поднимается. Тоскана и Болонья отказываются принять прежнія правительства и желаютъ присоединиться къ Пьемонту. Король сначала колеблется, боясь Наполеона, но наконецъ принужденъ уступить общественному мнѣнію и принять въ составъ своего королевства эти

новыя территоріи. Мадзини дѣлаетъ новую попытку итальянизировать войну и склонить короля открыто провозгласить освобожденіе всей Италіи, вмѣсто того, чтобъ ограничиваться борьбою изъ-за отдѣльныхъ провинцій. «Партіи исчезнутъ,—писалъ онъ королю,—останутся только Италія и вы». Планъ его былъ слѣдующій: король станетъ во главѣ движенія центра и провозгласитъ единство Италіи; Гарибальди поспѣшитъ въ Неаполь, который не замедлитъ подняться и присоединиться къ Пьемонту. Такимъ образомъ вся Италія соберется около короля, онъ будетъ располагать войскомъ въ 500.000 человѣкъ и сможетъ дать отпоръ всякому внѣшнему вмѣшательству въ дѣла Италіи. Викторъ-Эмануилъ нѣсколько времени колебался и, наконецъ, отказалъ. Тогда Мадзини рѣшился дѣйствовать самостоятельно и, если возможно, въ союзѣ съ Гарибальди. Но и Гарибальди вначалѣ скептически отнесся къ смѣлому плану Мадзини поднять югъ Италіи и затѣмъ идти на Римъ; онъ назвалъ его «мадзиніанскою мечтой» и отказалъ въ своемъ содѣйствіи. Тѣмъ не менѣе Мадзини не покинулъ своего плана и одинъ съ своими друзьями сталъ готовить экспедицію, которая должна была отправиться въ Сицилію подъ начальствомъ двухъ республиканцевъ—Розалино Пило и Квадріо. Тогда не вытерпѣлъ и Гарибальди; онъ обѣщалъ присоединиться къ движенію и 11-го мая 1860 года дѣйствительно высадился въ Марсали, на западномъ берегу Сициліи, со своею знаменитой «тысячью». Во главѣ отряда развѣвалось трехцвѣтное знамя съ надписью «Italia e Vittorio Emanuele». По убѣжденіямъ Гарибальди не былъ монархистомъ,—и онъ тоже мечталъ о республикѣ,—но при настоящихъ условіяхъ считалъ своею обязанностью поддерживать Виктора - Эмануила, такъ какъ вѣрилъ въ его искренность и былъ убѣжденъ, что республиканская партія одна не въ силахъ будетъ осуществить трудное дѣло объединенія Италіи. Даже Мадзини еще разъ рѣшился пожертвовать своею республиканскою программой, чтобы въ союзѣ съ Гарибальди и подъ знаменемъ Виктора-Эмануила добиться перваго и главнаго условія освобожденія родины — единства. «Братья,—писалъ онъ своимъ сицилійскимъ друзьямъ въ мартѣ 1860 г.,—теперь не время разсуждать о республикѣ или монархіи; на очереди стоитъ вопросъ о національномъ единствѣ, о жизни или смерти». «У меня нѣтъ никакихъ республиканскихъ замысловъ,—пишетъ онъ въ іюлѣ того же года одному изъ своихъ друзей.—Крикъ: «да здравствуетъ республика!»—по-

казался бы мнѣ при теперешнихъ условіяхъ преступленіемъ. Я вполнѣ мирюсь съ настоящею постановкою дѣла».

Передъ горстью героевъ, плохо вооруженныхъ, непривычныхъ къ военной дисциплинѣ, какъ пыль разлетаются стройные полки непріятеля, который былъ въ десять разъ сильнѣе ихъ. «Qui si fa l'Italia una o si muore!»—восклицаетъ Гарибальди, бросаясь впереди всѣхъ на приступъ крѣпости Калатафими, и эта мысль, казалось, дѣйствительно одушевляла каждаго изъ его солдатъ и превращала его неопытное войско въ непобѣдимую армію. Походъ «тысячи» былъ апогеемъ славы Гарибальди: каждаго одушевляла увѣренность въ побѣдѣ, въ осуществленіи завѣтнаго объединенія Италіи; каждый шелъ на смерть какъ на праздникъ. При Калатафими окончательно рѣшена была судьба экспедиціи: послѣ такой побѣды неудача была невозможна; вся страна трепетала отъ восторга и рвалась на помощь къ освободителямъ. «Калатафими!—писалъ Гарибальди много лѣтъ спустя,—если въ послѣднія минуты моей жизни друзья увидятъ на устахъ моихъ послѣднюю торжествующую, гордую улыбку, она будетъ вызвана воспоминаніемъ о тебѣ; ты была самою славною побѣдой народа...» Передъ Палермо героевъ ожидала армія въ 24.000 человѣкъ, сильная артиллерія и эскадра. Но рѣшеніе Гарибальди непоколебимо. «O demania Palermo, o morti!»—и въ его устахъ такія слова—не пустая фраза. 27-го мая онъ—въ Палермо. Сицилія свободна. Гарибальди провозглашаетъ себя диктаторомъ.

А Мадзини неутомимо работаетъ въ Италіи, набираетъ волонтеровъ, собираетъ деньги, отправляетъ въ Сицилію людей и оружіе. И Гарибальди, и Мадзини, каждый въ своей сферѣ, въ одинаковой степени были душою этого движенія; но на долю Гарибальди выпала блестящая, славная роль: его имя было на всѣхъ устахъ, онъ переходилъ отъ одного торжества къ другому, и всюду населеніе съ восторгомъ привѣтствовало его, какъ освободителя; а Мадзини, все еще осужденный на смерть тѣмъ самымъ правительствомъ, для котораго онъ вмѣстѣ съ Гарибальди ковалъ новую корону, въ сторонѣ отъ этого блестящаго праздника объединенія Италіи дѣлалъ свое трудное дѣло и въ награду пожиналъ клевету. Умѣренная партія боялась этого пламеннаго республиканца и всюду распространяла слухъ, что Мадзини тайно конспирируетъ противъ Гарибальди и готовитъ республиканское движеніе. Это было даже отчасти причиною, почему онъ не поѣхалъ въ Сицилію къ Гарибальди, хотя всею

душой рвался туда. Онъ понималъ, что его мѣсто—не на полѣ битвы, и, кромѣ того, боялся даже повредить успѣху дѣла своимъ присутствіемъ, такъ какъ враги не замедлили бы указать на его отъѣздъ, какъ на новое доказательство какихъ-то тайныхъ замысловъ.

19 августа Гарибальди переправился въ Калабрію. Въ неаполитанскомъ войскѣ царствовала страшная деморализація; въ теченіе трехъ недѣль изъ рядовъ его выбыло 40.000 человѣкъ. Это была цѣлая армія, побѣжденная однимъ звукомъ имени Гарибальди. Наконецъ, 10 сентября Гарибальди, опередивъ свое войско, одинъ, въ сопровожденіи десяти человѣкъ свиты, въѣзжаетъ въ ворота Неаполя, занятаго непріятельскимъ гарнизономъ въ 14.000 человѣкъ. Но что значилъ этотъ гарнизонъ, когда на улицы города высыпало все населеніе Неаполя, ждавшее Гарибальди какъ избавителя, какъ бога, какъ воплощеніе итальянскаго единства?... При появленіи его восторгу не было предѣловъ; всякій рвался взглянуть на обожаемаго вождя, коснуться края его одежды; всѣ ликовали, плакали отъ радости и умиленія. Въ теченіе десяти часовъ сряду не умолкали восторженныя демонстраціи толпы. Гарибальди, который тотчасъ по прибытіи въ Неаполь долженъ былъ заняться не терпѣвшими отлагательства государственными дѣлами, принужденъ былъ безпрестанно отрываться отъ работы и показываться въ окнѣ, чтобы нѣсколько успокоить толпу, которая не могла насмотрѣться на своего идола. Около восьми часовъ вечера, когда ликованіе и крики, казалось, достигли крайнихъ предѣловъ, фра Пантолео, францисканскій монахъ, присоединившійся къ Гарибальди въ Сициліи и сопровождавшій его въ Неаполь, появился на балконѣ и объявилъ народу, что генералъ усталъ и легъ спать. Крики тотчасъ смолкли. «Отецъ нашъ спитъ»,—говорили другъ другу неаполитанцы шепотомъ, и огромная толпа молча разошлась. Ни одного крика не слышалось болѣе, но всѣ поднимали кверху указательный палецъ. Это былъ нѣмой символъ единства Италіи, равносильный восклицанію: «Viva l'Italia *una!*»

Но Мадзини не могъ удовлетвориться освобожденіемъ Сициліи и Неаполя. Безъ Рима единство Италіи для него немыслимо. И вотъ онъ снова агитируетъ, вербуетъ волонтеровъ и всѣми силами старается склонить короля не терять времени и двинуться въ Римъ. Но Викторъ-Эмануилъ все еще боялся Мадзини и устами одного изъ своихъ министровъ даже публично заявилъ,

что не можетъ войти съ нимъ въ союзъ, такъ какъ цѣль его въ сущности—не освобожденіе Рима, а провозглашеніе республики. Отряды Мадзини, готовые къ выступленію въ Римъ, были задержаны правительственными войсками и принуждены были направиться къ Неаполю. Негодованіе Мадзини не знало предѣловъ. «Такъ дѣйствуйте же,—говоритъ онъ въ открытомъ письмѣ къ монархической партіи,—чего вы боитесь? Республики?—Нѣтъ: мы вамъ всегда говорили, что еслибы даже сочли своимъ долгомъ конспирировать въ пользу республики, то предупредили бы васъ о нашихъ намѣреніяхъ. Нашего личнаго честолюбія?—Нѣтъ: вы знаете, что лишь только объединеніе Италіи осуществится, хотя бы подъ знаменемъ монархіи, мы добровольно вернемся въ изгнаніе... Такъ знайте же, что мы не уступимъ никогда. Мы сильны и рѣшились дѣйствовать во что бы то ни стало. Народъ намъ сочувствуетъ. Если вы побѣдите насъ въ одномъ мѣстѣ, мы поднимемся въ другомъ. Мы хотимъ единства Италіи. Если и вы стремитесь къ той же цѣли, мы будемъ съ вами,—если нѣтъ, мы будемъ съ Италіей».

Въ римскихъ владѣніяхъ вспыхиваетъ возмущеніе, и Гарибальди издаетъ прокламацію, въ которой заявляетъ, что намѣренъ двинуться въ Римъ. Пьемонтское правительство всполошилось. «Если мы не будемъ въ римской области прежде Гарибальди,—писалъ Кавуръ Талейрану,—то мы пропали».—«Если вы черезъ три недѣли не двинетесь въ Римъ,—въ свою очередь пишетъ Мадзини къ Гарибальди,—то ваши начинанія будутъ безполезны». Но было уже поздно: Гарибальди не могъ привести въ исполненіе своего плана,—въ Умбрію и Марки двинулось королевское войско, посланное, по словамъ самого короля, «для разсѣянія этого сборища людей всякихъ странъ и разныхъ націй, которое составилось здѣсь, представляя собою новый видъ иноземнаго вмѣшательства и худшій изъ всѣхъ прочихъ»,—противъ этого сборища людей, завоевавшаго для Виктора-Эмануила цѣлое королевство. Мадзини поспѣшилъ въ Неаполь и началъ агитировать въ пользу римской экспедиціи. Но клевета сдѣлала свое дѣло. Въ Неаполѣ Мадзини встрѣтили съ недовѣріемъ и даже искренніе патріоты сторонились отъ него, какъ отъ непримиримаго республиканца, котораго вмѣшательство способно только повредить дѣлу національнаго объединенія. Наконецъ, потерявъ послѣднюю надежду организовать римскій походъ, Мадзини, не дождавшись прибытія короля, покинулъ Неаполь.

Остатки неаполитанской арміи побѣждены въ блестящей, рѣшительной битвѣ при Вольтурно. Гарибальди, несмотря на совѣты Мадзини и многихъ изъ своихъ друзей, убѣждавшихъ его не уступать завоеванныхъ провинцій королю, пока не осуществилось объединеніе Италіи, организуетъ плебисцитъ. Народъ высказывается огромнымъ большинствомъ въ пользу присоединенія къ пьемонтскому королевству; Гарибальди слагаетъ съ себя диктатуру и ѣдетъ на встрѣчу къ королю, который спѣшитъ въ Неаполь, чтобы принять изъ рукъ его новую корону. Блестящая свита короля холодно, чуть не съ пренебреженіемъ, встрѣтила этого страннаго генерала въ фантастическомъ плебейскомъ нарядѣ, но за то крестьяне, сбѣжавшіеся со всѣхъ сторонъ, чтобы посмотрѣть на своего освободителя, въ свою очередь не обращали вниманія на короля, и какъ ни старался Гарибальди заставить ихъ привѣтствовать своего новаго монарха, по всему пути къ Неаполю Викторъ-Эмануилъ слышалъ только восторженные крики: «Viva Calibardo!» Нѣсколько дней спустя Гарибальди удалился на Капреру. Сложивъ съ себя власть, всесильный диктаторъ увозилъ съ собою на свой островъ пятьдесятъ лиръ и мѣшокъ бобовъ, которыми онъ намѣревался засѣять на Капрерѣ свое поле.

IV.

Впереди его ждали горькія разочарованія: безплодная борьба въ парламентѣ, гдѣ онъ является депутатомъ отъ Неаполя, безплодная попытка экспедиціи въ Венецію, неудавшаяся благодаря вмѣшательству итальянскаго правительства, и, наконецъ, злополучное, постыдное дѣло при Аспромонте, гдѣ Гарибальди падаетъ, пораженный итальянскою пулей, тяжело раненный солдатами того самаго правительства, для котораго собирался завоевать еще Римъ. Мадзини въ это время жилъ въ итальянской Швейцаріи, въ Лугано. «Всякій, кто бы услышалъ крикъ, который вырвался у него при этомъ извѣстіи,—разсказываетъ одинъ изъ его друзей,—не могъ бы долѣе сомнѣваться въ глубокой привязанности его къ Гарибальди, несмотря на всѣ существовавшія между ними разногласія».

Около двухъ лѣтъ спустя, когда Гарибальди посѣтилъ Англію, англійскій народъ показалъ, какъ онъ умѣетъ цѣнить героя, котораго итальянское правительство отблагодарило пулями и тюрьмой. Такого пріема, какой Гарибальди встрѣтилъ въ Лон-

донѣ весной 1864 года, никогда не удостоивалась въ этой странѣ ни одна коронованная особа. Въ Соутгамптонѣ ему была устроена пышная торжественная встрѣча, въ которой принимали участіе цвѣтъ англійской аристократіи, муниципалитеты многихъ городовъ и депутаціи отъ рабочихъ ассоціацій. Въѣздъ его въ Лондонъ былъ такою тріумфальною процессіей, какой, быть-можетъ, никогда еще не видала столица Англіи. Шесть часовъ ѣхала его коляска по улицамъ Лондона, останавливаясь на каждомъ шагу среди тѣсной толпы народа, которая сопровождала героя итальянской независимости оглушительными криками. Женщины поднимали своихъ дѣтей, чтобы дать имъ взглянуть на Гарибальди. «God bless you, Garibaldi! God bless you!»—кричалъ народъ и на всѣхъ лицахъ изображался искренній, неподдѣльный восторгъ. Всѣ эти люди, для личнаго благосостоянія которыхъ Гарибальди, разумѣется, не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать ровно ничего, смутно понимали, что этотъ человѣкъ въ плебейскомъ нарядѣ—самъ плебей, сынъ народа и боецъ за народныя права; что между нимъ и тѣми, для которыхъ война есть ремесло, нѣтъ ничего общаго; что этотъ знаменитый полководецъ, пролившій такъ много крови, только и мечтаетъ о такомъ будущемъ, когда всѣ силы человѣчества будутъ посвящены мирному труду. Въ это время въ Лондонѣ жилъ Мадзини. Гарибальди, конечно, поспѣшилъ посѣтить его, а нѣсколько дней спустя они встрѣтились на данномъ въ честь Гарибальди обѣдѣ. Когда всѣ усѣлись за столъ, Мадзини первый всталъ со стаканомъ въ рукѣ. «Мой тостъ, — сказалъ онъ,—будетъ заключать въ себѣ все то, что намъ дорого, за что мы боремся. Пью за свободу народовъ, пью за дружескій союзъ народовъ, пью за того человѣка, который своею дѣятельностью служитъ живымъ воплощеніемъ этихъ великихъ идей,— за Гарибальди!...» Затѣмъ всталъ Гарибальди и сказалъ, поднимая стаканъ съ *марсалой*: «Я намѣренъ сдѣлать заявленіе, которое долженъ былъ сдѣлать уже давно: здѣсь есть человѣкъ, который оказалъ огромныя услуги моей родинѣ и дѣлу свободы. Когда я былъ молодъ, когда мною руководили лишь смутныя, неопредѣленныя стремленія, я искалъ человѣка, который могъ бы помогать мнѣ совѣтомъ и руководить мною въ молодые годы. Я искалъ его, какъ жаждущій ищетъ воды. И я нашелъ такого человѣка. Въ немъ одномъ сохранился священный огонь; онъ одинъ бодрствовалъ, когда всѣ спали. Онъ сдѣлался и всегда оставался моимъ другомъ. Никогда не потухалъ въ немъ священный

огонь любви къ родинѣ и свободѣ. Этотъ человѣкъ — Мадзини. Пью за моего друга, за моего учителя!»

Такіе люди, какъ Гарибальди и Мадзини, не могли не любить и не уважать другъ друга. Разница во взглядахъ и въ темпераментѣ часто разъединяла ихъ въ періоды борьбы и горячей дѣятельности, но каждый изъ нихъ былъ слишкомъ чистымъ, искреннимъ человѣкомъ, чтобы не оцѣнить даже въ противникѣ той глубокой, безконечной любви къ общему идеалу, которая въ одинаковой степени одушевляла ихъ обоихъ. А между тѣмъ какъ различно сложилась судьба ихъ! Если въ жизни Гарибальди и было много горя и разочарованій, за то на долю его выпали и такія минуты торжества, которыя даются не многимъ людямъ. Не только итальянскій народъ, но народы всего цивилизованнаго міра преклонились передъ безупречнымъ рыцаремъ свободы; онъ умеръ съ сознаніемъ, что его дѣятельность оцѣнена человѣчествомъ, что память его будетъ безсмертна, какъ та идея, которой онъ служилъ. Далеко не такова была судьба Мадзини, который, конечно, не менѣе любилъ эту идею и, конечно, болѣе страдалъ за нее, которому Италія настолько же обязана за свою независимость, какъ и Гарибальди. Вѣчно въ изгнаніи, вѣчно скрываясь и скитаясь, часто безъ крова и пріюта, вѣчно непонятый и оклеветанный, онъ пережилъ столько несправедливости и неблагодарности, что можно только удивляться, какъ не потухла въ немъ любовь къ человѣчеству, какъ съумѣлъ онъ сохранить въ себѣ тотъ «священный огонь», который онъ первый зажегъ въ сердцахъ итальянской молодежи.

V.

Въ 1867 г. Гарибальди начинаетъ снова проповѣдывать походъ въ Римъ, въ твердой увѣренности, что король не станетъ сопротивляться этому предпріятію. Но на этотъ разъ итальянское правительство уже не церемонилось. При Аспромонте оно убѣдилось, что, несмотря на всю популярность имени Гарибальди, оно смѣло можетъ принимать самыя рѣшительныя мѣры противъ этого слишкомъ ужь горячаго патріота, который не трепеталъ передъ всемогущимъ Наполеономъ и дерзалъ мечтать объ освобожденіи Рима, несмотря на то, что «великодушный союзникъ Италіи» не разъ заявлялъ противъ этого освобожденія рѣшительное veto. При первыхъ приготовленіяхъ къ походу Гарибальди былъ арестованъ

и заключенъ въ крѣпость Александрію, хотя личность его, какъ члена парламента, была неприкосновенна. Возмущенный до глубины души, онъ посылаетъ съ однимъ изъ своихъ друзей письма къ американскому и англійскому посланникамъ, въ которыхъ, какъ гражданинъ этихъ государствъ, проситъ защиты отъ преслѣдованій итальянскаго правительства. «Скажите этимъ господамъ,—прибавляетъ онъ,—что я отказываюсь быть гражданиномъ страны, въ которой министры первые нарушаютъ законы». Правительство не рѣшилось долго держать Гарибальди въ заключеніи; онъ былъ отвезенъ на Капреру, но съ этихъ поръ вокругъ острова постоянно крейсировало нѣсколько королевскихъ кораблей, капитанамъ которыхъ было строжайше приказано ни подъ какимъ видомъ не допускать, чтобъ онъ покидалъ островъ или велъ сношенія съ континентомъ.

Послѣ несчастнаго тирольскаго похода 1866 года, дороги Гарибальди и Мадзини окончательно расходятся. Мадзини окончательно отрекается отъ союза съ итальянскимъ правительствомъ и рѣшаетъ развернуть независимое республиканское знамя. Онъ окончательно пришелъ къ убѣжденію, что союзъ между республиканскою партіей и монархіей невозможенъ, что правительство Виктора-Эмануила не только само не рѣшается взять на себя иниціативу объединенія Италіи, но, напротивъ, всегда и всюду тормозитъ и парализуетъ дѣятельность патріотовъ, въ которыхъ оно видитъ скорѣе враговъ, чѣмъ друзей. Въ особенности возмущало его отношеніе правительства къ Гарибальди. Недовѣріе къ себѣ, къ республиканцамъ «Молодой Италіи» онъ еще могъ понять и извинить. Каждый изъ нихъ смотрѣлъ на монархію какъ на орудіе, которое слѣдовало отбросить, какъ скоро будетъ достигнуто объединеніе Италіи, какъ скоро послѣдній иноземный узурпаторъ покинетъ итальянскую почву; и Мадзини не удивлялся, что правительство не перестаетъ видѣть въ немъ врага и не хочетъ вѣрить даже въ искренность его временнаго содѣйствія. Но отношеніе правительства къ Гарибальди казалось ему непростительнымъ, преступнымъ. Гарибальди не былъ революціонеромъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Мечтая объ итальянской республикѣ, о соединенныхъ штатахъ Европы въ далекомъ будущемъ, онъ не вѣрилъ въ возможность быстраго осуществленія республиканской программы въ Италіи. Первымъ этапомъ на пути къ свободѣ, по его мнѣнію, должна была быть твердая конституціонная монархія съ либеральнымъ національнымъ пра-

вительствомъ, со всенародно избраннымъ королемъ; и онъ рѣшился поддерживать Виктора-Эмануила во что бы то ни стало, несмотря на всѣ его колебанія, несмотря на всѣ проявленія недовѣрія и неблагодарности къ себѣ. Поведеніе правительства приводило его въ негодованіе; онъ, также какъ и Мадзини, въ последнее время плохо вѣрилъ въ его искренность, но тѣмъ не менѣе надѣялся, что сила событій все-таки приведетъ Виктора-Эмануила къ выполненію возложенной на него миссіи объединителя націи. Вотъ почему, вырвавшись изъ своего плѣна на Капрерѣ, пробравшись ночью въ маленькой лодкѣ мимо королевскихъ судовъ, онъ снова развертываетъ свое старое знамя съ надписью «Italia e Vittorio Emanuele», во главѣ отряда волонтеровъ снова идетъ на Римъ и спѣшитъ какъ можно скорѣе переступить границу папской области, чтобы въ странѣ враговъ укрыться отъ преслѣдованій туринскаго правительства, которое выслало противъ него свое войско. Въ этой экспедиціи Мадзини и его друзья уже не принимали никакого участія, хотя дѣло и касалось освобожденія дорогого Рима. Дѣло освобожденія родины теперь для Мадзини было связано только съ республиканскимъ знаменемъ.

Печальный исходъ экспедиціи Гарибальди извѣстенъ. Французскія войска, высадившіяся въ Чивита-Веккіи, окружили гарибальдійцевъ; изъ четырехтысячнаго отряда тысяча человѣкъ легли на мѣстѣ въ битвѣ при Ментанѣ. Но ничто, казалось, не въ силахъ было сломить удивительную энергію Гарибальди. Разбитый, окруженный врагами, оставленный королемъ, онъ рѣшается отступить, уступая убѣжденіямъ друзей, но въ головѣ его уже готовы новые планы. «Пусть наши друзья во Франціи и во всемъ мірѣ не падаютъ духомъ,—nous recommencerons la besogne!»—говоритъ онъ, отступая къ границѣ. Въ Перуджіо его снова арестуютъ по распоряженію правительства и опять водворяютъ на Капреру.

Оффиціальная пресса, привыкшая видѣть въ Мадзини источникъ всѣхъ волненій, принялась обвинять его и за эту неудачную попытку, которой, какъ мы уже сказали, онъ не содѣйствовалъ. Но какъ бы то ни было сочувствіе Мадзини, несмотря на всѣ разногласія, было на сторонѣ Гарибальди, и теперь, при мысли, что французы опять у ворорь его святого города, онъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ. «Быть или не быть?—писалъ онъ,—вотъ вопросъ, который поставленъ намъ

въ присутствіи иностранца. Французскіе солдаты высадились въ Чивита-Веккіи! Бреннъ у воротъ Рима! Хотите ли вы встрѣтить ихъ съ мечомъ въ рукахъ, как ваши предки, или предпочитаете склонить голову и покрыть себя позоромъ, какъ трусливые, выродившіеся потомки героевъ?... Каковъ бы ни былъ вашъ отвѣтъ, онъ рѣшитъ вашу будущность. Быть или не быть?... Отъ настоящей минуты зависитъ ваша участь».

Послѣ этого начинается періодъ усиленной реакціи, обыски, аресты, преслѣдованія. Мадзини, живя въ Швейцаріи, продолжаетъ агитировать. Наконецъ, итальянское правительство требуетъ его выдачи, утверждая, что онъ ведетъ въ Италіи обширную конспирацію, имѣющую цѣлью грабежъ и убійства. Мадзини, въ длинномъ письмѣ, съ негодованіемъ протестовалъ противъ этой клеветы.

Въ 1870 году Мадзини, жившій въ то время въ Англіи, отправляется въ Сицилію, въ которой готовилось республиканское движеніе. Онъ не вѣрилъ въ успѣхъ этого возстанія, но рѣшился принять въ немъ участіе, быть-можетъ надѣясь встрѣтить тамъ смерть. Даже его желѣзная энергія утомилась. Пора было отдохнуть. На пути въ Сицилію, на морѣ, Мадзини былъ арестованъ и отвезенъ въ Гаэту. Здѣсь онъ былъ заключенъ въ высокой, неприступной башнѣ крѣпости. Боясь возстанія, арестовавшій его генералъ стянулъ въ Гаэту войска, а въ гавани стояло пять военныхъ кораблей. При такихъ условіяхъ друзья заключеннаго, конечно, должны были отказаться отъ всякой попытки освободить его. Но правительство боялось долго держать его въ заключеніи; здоровье его было слабо, а еслибъ онъ заболѣлъ и умеръ въ тюрьмѣ, вся Италія поднялась бы въ единодушномъ негодованіи. Два мѣсяца спустя онъ былъ освобожденъ. Избѣгая всякихъ демонстрацій, Мадзини на разсвѣтѣ покинулъ Гаэту. Съ горькими, печальными думами ѣхалъ онъ теперь по Италіи. Много дорогихъ надеждъ было разбито. Для него освобожденіе Италіи и Рима, о которомъ возвѣщала вся Европа, не осуществилось; для него «великая душа Италіи все еще лежала въ могилѣ, которую три вѣка тому назадъ вырыли для нея имперія и папство». Не о такой свободѣ мечталъ онъ для своей родины. Онъ не хотѣлъ останавливаться даже въ Римѣ,—ему было больно при такихъ условіяхъ вновь увидѣть городъ, въ который онъ когда-то въѣзжалъ съ такими свѣтлыми надеждами. Одну ночь только провелъ онъ въ Римѣ, да и то потому, что въ этотъ вечеръ поѣздъ не шелъ дальше.

Остановился онъ въ гостиницѣ подъ чужимъ именемъ и на другое утро, никѣмъ не узнанный, продолжалъ свое путешествіе. Нѣсколько дней прожилъ онъ въ Генуѣ, ночью посѣтилъ могилу матери и затѣмъ покинулъ Италію, чтобъ отправиться въ Англію. Но не долго прожилъ онъ и въ Англіи. Несмотря на всѣ разочарованія, онъ не могъ покинуть дѣла, которому посвятилъ всю жизнь. Онъ отправился въ Швейцарію, въ Лугано, чтобъ издавать тамъ новую газету—*La Roma del popolo*. Когда-то онъ надѣялся издавать ее въ Римѣ, какъ скоро тамъ будетъ провозглашена республика.

VI.

А Гарибальди тѣмъ временемъ по-своему мстилъ Франціи за Ментану. Лишь только успѣла пасть имперія, лишь только надъ ратушей Парижа снова появилось трехцвѣтное республиканское знамя, больной старикъ поспѣшилъ предложить свои услуги правительству республики. За осаду Рима, за Ниццу, за Ментану онъ отплатилъ французскому народу кровью итальянскихъ волонтеровъ и повелъ подъ прусскія пули собственныхъ сыновей. Въ этой кампаніи онъ оказался единственнымъ французскимъ генераломъ, который ни разу не былъ разбитъ. Гарибальди часто сравнивали съ средневѣковыми кондотьери. Да, если хотите, это былъ своего рода кондотьери—храбрый, независимый вождь пестрой толпы волонтеровъ, всегда готовый спѣшить туда, гдѣ угнетенный народъ борется за свою независимость,—кондотьери, который зачастую вмѣсто жалованья могъ предложить своимъ солдатамъ только «голодъ, жажду, утомленіе и смерть», который всею душой желалъ мира, но не считалъ себя въ правѣ вложить въ ножны свой мечъ, пока на свѣтѣ существуютъ угнетатели и угнетенные.

Позорно отплатило бордоское національное собраніе великодушному Гарибальди за услуги, оказанныя Франціи. Оскорбленный враждебными выходками консервативнаго большинства, онъ принужденъ былъ оставить залу засѣданій, въ которую явился только для того, чтобы сложить съ себя депутатское званіе, которымъ почтили его избиратели четырехъ департаментовъ Франціи. Бѣшеные крики прервали его на первыхъ словахъ, со всѣхъ сторонъ посыпались упреки, обвиненія. «Qu'est ce que c'est que

ça?»—презрительно воскликнулъ Тьеръ.—«Ça, c'est Garibaldi,—отвѣтилъ чей-то негодующій голосъ,—Гарибальди, который стóитъ больше, чѣмъ вы всѣ вмѣстѣ взятые!» Не добившись слова, Гарибальди вышелъ изъ палаты, и восторженные крики, которыми встрѣтили его на площади толпа народа и національная гвардія, доказали ему, что французскій народъ лучше умѣетъ цѣнить его заслуги, чѣмъ правительство Франціи. Изъ Бордо Гарибальди отправился въ Марсель, а оттуда прямо на Капреру.

Поселившись въ Лугано, больной, физически разбитый, Мадзини цѣлый годъ еще проработалъ надъ изданіемъ своей новой газеты. Весной 1872 года онъ опасно заболѣлъ, переѣзжая черезъ Альпы, и слегъ въ Пизѣ, въ домѣ одного изъ своихъ друзей. 10 марта его не стало. Тогда началась вѣчная иронія судьбы. Бездомный скиталецъ, у котораго въ теченіе большей части жизни не было отечества, который такъ недавно еще былъ освобожденъ отъ тяготѣвшаго надъ нимъ смертнаго приговора и выпущенъ изъ итальянской тюрьмы, теперь вдругъ превратился въ національнаго героя. Изъ всѣхъ городовъ Италіи посыпались въ Пизу адресы съ выраженіемъ печали по поводу смерти великаго патріота. Муниципалитетъ Генуи немедленно телеграфировалъ, требуя его тѣла. Трупъ его былъ набальзамированъ, и въ Пизу со всѣхъ сторонъ стекались итальянцы, желавшіе взглянуть въ послѣдній разъ на бренные останки апостола объединенія. 15 марта все населеніе Пизы, безчисленные друзья Мадзини, депутаты отъ различныхъ городовъ и ассоціацій, прибывшіе со всѣхъ концовъ Италіи, сопровождали его гробъ на желѣзную дорогу. Въ Болоньѣ, въ Пармѣ, во всѣхъ городахъ, черезъ которые двигалась похоронная процессія, народъ встрѣчалъ и провожалъ гробъ итальянскаго трибуна. Въ Генуѣ, въ день его похоронъ, всѣ магазины и театры были закрыты и весь городъ убранъ былъ траурными флагами. 17 марта, въ полдень, Мадзини похоронили, согласно его желанію, возлѣ могилы его матери. Безчисленная толпа сопровождала гробъ его на кладбище; кромѣ жителей Генуи въ процессіи участвовало 50.000 человѣкъ, пріѣхавшихъ изъ всѣхъ провинцій Италіи; двадцать два оркестра играли похоронный маршъ... 22 іюня этого года, на одной изъ площадей Генуи, ему воздвигнутъ великолѣпный памятникъ. На высокой колоннѣ изъ бѣлаго мрамора стоитъ его статуя; внизу, на ступеняхъ пьедестала, сидитъ плачущая Италія, а возлѣ нея юноша держитъ знамя съ девизомъ—«Dio e popolo».

На десять лѣтъ Гарибальди пережилъ своего «учителя», но эти десять лѣтъ были для него тяжелымъ временемъ. Его мучительная болѣзнь съ каждымъ годомъ усиливалась; правительство, которому онъ ввѣрилъ судьбу своей дорогой Италіи, не оправдывало его ожиданій; многіе изъ прежнихъ друзей и товарищей перешли въ реакціонный лагерь. Къ этому присоединились еще серьезныя непріятности въ семейныхъ дѣлахъ, которыя заставили его наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, принять денежную помощь и пенсію отъ правительства. Враги Гарибальди часто пользовались этимъ фактомъ, какъ доказательствомъ того, что въ сущности онъ былъ далеко не такъ безкорыстенъ, какъ увѣряли его поклонники; даже многіе изъ друзей его порицали этотъ поступокъ. Но, повторяемъ, только тяжелая необходимость вынудила его принять эти деньги, и сдѣлалъ онъ это не ради себя. Самъ онъ продолжалъ жить все тою же болѣе чѣмъ скромною жизнью въ своемъ маленькомъ домикѣ на Капрерѣ, больной, измученный, печальный. Да и отъ кого же онъ принялъ деньги, какъ не отъ итальянскаго народа, которому отдалъ свое здоровье, силы, всю свою жизнь, лучшихъ друзей, ради освобожденія котораго не только никогда не задумывался подвергать опасности свою собственную жизнь, но даже жизнь дѣтей своихъ. Возможно ли допустить, чтобъ итальянскій народъ отказалъ ему въ этой помощи, еслибъ онъ обратился съ подобною просьбой прямо къ нему? Самый несчастный итальянскій нищій снялъ бы съ себя послѣднюю рубашку, чтобы помочь Гарибальди.

Въ 1870 году этотъ желѣзный человѣкъ еще разъ появляется въ Римѣ. Скованный хроническимъ ревматизмомъ, онъ едва способенъ двигаться, но сердце его по-прежнему юно, въ душѣ не угасла вѣра, въ головѣ новые планы. Въ Римѣ онъ основываетъ «Демократическую лигу», а въ началѣ 1882 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, предпринимаетъ послѣднее путешествіе по Италіи, посѣщаетъ Миланъ, Неаполь, Палермо. Родные и друзья его были убѣждены, что онъ не вынесетъ этого путешествія, но ничто не въ силахъ было удержать его отъ исполненія задуманнаго плана. Онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ повидаться съ итальянскимъ народомъ и проститься съ нимъ. Печальное это было путешествіе. Восторженные крики народа умолкали при видѣ блѣдной, исхудалой фигуры страдальца, который не въ состояніи былъ даже говорить и съ грустной, искаженной отъ боли улыбкой, сквозь слезы смотрѣлъ на тѣснившуюся вокругъ его эки-

пажа толпу; народъ молча плакалъ, встрѣчая и провожая своего любимца. Все знали, что это — послѣднее свиданіе. 16 апрѣля Гарибальди покинулъ Палермо и отправился обратно на Капреру, а 2-го іюня телеграфъ разнесъ по всей Италіи печальную вѣсть о его смерти. Мы не будемъ говорить о впечатлѣніи, которое произвела эта вѣсть въ Италіи и во всей Европѣ; газеты въ свое время такъ подробно описывали всѣ манифестаціи по поводу его смерти, все это еще такъ живо въ памяти читающей публики, что мы не видимъ надобности повторять общеизвѣстные факты.

А. М.

АМЕРИКА ВЪ РОССІИ.

XIX *).

Послѣднія впечатлѣнія. — Ссудосберегательныя товарищества. — Школы. — Земледѣльческія фермы. — Нѣсколько страничекъ изъ прошлаго.

Передъ отъѣздомъ изъ этого интереснаго края мнѣ привелось опять побывать въ Людиновѣ. Начиналось лѣто, и озеро, давно освобожденное ото льда, все горѣло подъ яркимъ свѣтомъ іюльскаго солнца. Далеко, далеко были видны окрестности завода... Вонъ красивая Сукремень, вонъ серебристые извивы Болвы, яро бѣгущей по зеленымъ полямъ, то огибающей густые лѣса и словно прячущейся въ ихъ пустынную глушь и темень, то снова выбѣгающей на сочную понизь, чтобы разлиться по ней спокойнымъ просторомъ мирнаго плеса. А вокругъ большого Людиновскаго озера, повитыя золотистою дымкой солнечнаго свѣта и сплошь ушедшія въ поэтическую дрёму, стоятъ себѣ зеленыя рощи, точно облака тамъ къ самой водѣ приникли и не могутъ отъ нея оторваться... Хорошо, привольно. Привольно, хотя съ низу доносится оглушающая музыка труда — стукъ и грохотъ молотовъ, хрипѣніе паровыхъ машинъ, визгъ стальныхъ пилъ, въѣдающихся въ желѣзо, шумъ воды, падающей въ шлюзахъ...

— Не загляните ли къ намъ въ ссудосберегательную кассу нашу?— прервалъ мои восторги одинъ изъ здѣшнихъ рабочихъ, между прочимъ завѣдывающій ею.

Оказывается, что такія кассы устроились здѣсь при нѣкоторыхъ заводахъ и пока идутъ довольно успѣшно. Заправляютъ ими выборные отъ вкладчиковъ. Столь модныхъ въ послѣднее время хищеній и растратъ въ этомъ производительномъ округѣ

*) *Русская Мысль*, кн. X.

пока не было. Да вѣрно и не будетъ, потому что копѣечныя сбереженія, добытыя цѣною трудоваго пота, ввѣряются тутъ не кулакамъ и аферистамъ, а тѣмъ, кому близко народное горе, кто самъ испыталъ и испытываетъ его... И повѣряютъ кассу при этомъ довольно часто и весьма обстоятельно. Вотъ, напримѣръ, людиновское ссудосберегательное товарищество. Оно состоитъ изъ девяти сотъ двадцати одного вкладчика, между которыми нѣтъ купцовъ и капиталистовъ. Размѣры вкладовъ самые микроскопическіе. Есть вклады по три рубля, и свыше пятисотъ или семисотъ рублей, кажется, не имѣется. А между тѣмъ по балансу за прошлый годъ оказалось здѣсь въ приходѣ 187.178 руб., а въ расходѣ—184.823 руб. Остатокъ—2.355 рублей. Въ мелкихъ ссудахъ значится розданными рабочимъ 80.070 рублей. Крупныя ссуды дѣлаются часто заводоуправленію, когда оно нуждается въ деньгахъ, и эта операція для товарищества особенно выгодна: во-первыхъ, возвратъ несомнѣненъ и, во-вторыхъ, каждая такая ссуда приноситъ кассѣ 10% чистой прибыли. Проценты, выплачиваемые этимъ учрежденіемъ по вкладамъ, зависятъ отъ сроковъ: до востребованія — 5%, на годъ — 6%, на два года—7%, на три—7½% и на четыре года—8%. Управляющій кассою, крестьянинъ Коростелевъ, съ своими помощниками получаетъ въ вознагражденіе 15% съ чистой прибыли, которая въ прошломъ году равнялась семи тысячамъ рублей. Заводоуправленіе даетъ кассѣ даромъ квартиру и отопленіе.

— Неужели у рабочаго остается что-нибудь отъ заработка?

— Какъ у кого... Нынче времена плохія, заказовъ мало,— ну, а прежде составлялись сбереженія... Непьющіе и теперь могутъ отложить на черный день, да и пьющіе не много истратятъ на водку.

— Почему?

— Да вѣдь народъ пьетъ больше въ праздники.

— Такъ.

— Ну, а на праздники мы, случается, денегъ не даемъ. Бери товаромъ по дешевой цѣнѣ, хлѣбомъ, припасами...

— И не требуютъ?

— Требуютъ, только мы говоримъ: приходи послѣ праздника и получай разсчетъ.

Мнѣ вспомнилась видѣнная наканунѣ въ Устахъ сцена въ этомъ родѣ. Передаю ее безъ коментарій,—пусть каждый самъ выводитъ свое заключеніе.

Толпа народа встрѣтила управляющаго.

— Ну, что, братцы, какъ праздники-то провели?

— Да что... Праздники такъ прошли, что и не примѣтили.

— Запьянствовать не пришлось?

— Не... Самъ же ты денегъ не далъ!

— Тутъ какое дѣло было,—обратился ко мнѣ управляющій:— пришелъ праздникъ, народъ валомъ валитъ.

— Давай намъ по двадцати пяти рублей на брата.

— Это зачѣмъ же?—спрашиваю.

— Праздникъ,—погулять хотимъ.

Сидѣльцы разныхъ кабаковъ радуются, а бабы ревутъ. Вой идетъ: «все-то они, душегубцы наши, пропьютъ». Здѣсь и распорядились.

— Хлѣба, припасовъ, товару берите, сколько угодно, а денегъ вамъ не будетъ пока.

Заволновался народъ. Въ этихъ мѣстахъ онъ не таковъ, какъ въ Дядьковѣ,—на пойло тянетъ его.

— Дай намъ тогда свидѣтельство на заработанныя деньги.

— И свидѣтельства вамъ не будетъ.

Свидѣтельства эти въ кабакахъ за чистыя деньги берутъ.

Чешутъ рабочіе затылки, уходятъ. Ругательски ругаются. Бабы за то повеселѣй становятся.

Черезъ два дня опять народъ является.

— Напиши намъ по рублю на брата.

— Зачѣмъ?

— Попу, ну... и прочее.

— Вотъ это дѣло!

Написали имъ ассигновки. Получили деньги.

Праздникъ прошелъ—пѣсни пѣли, хороводы водили; пьяныхъ было не слыхать. Послѣ праздника нуженъ хлѣбъ и многое другое. Расходовъ пропасть. Являются гурьбой.

— Спасибо тебѣ сказать пришли. У насъ теперь и хлѣбъ есть, и деньги есть. Коли бы передъ праздникомъ выдалъ, все бы пропили.

Бабы чуть въ ноги не валятся.

— Все бы Ироды эти съ себя споили. Съ дѣтьми бы намъ теперь зарѣзъ былъ!...

Все это, разумѣется, самоуправство, но, при безпомощности народа по отношенію къ кабаку, что же прикажете дѣлать?

Такіе же эпизоды повторялись и въ другихъ мѣстахъ.

Замѣчательно при этомъ отношеніе пьянства къ различнымъ заводскимъ работамъ: стекловары, напримѣръ, и столяры почти не пьютъ ничего; на желѣзныхъ работахъ въ Людиновѣ пьютъ, но мало; на рудникахъ и песчаныхъ копяхъ пьютъ охотно, когда есть на то средства. Я уже выше говорилъ, что пьянства здѣсь не видѣлъ — такого сплошного и повальнаго, которое зачастую встрѣчается въ иныхъ мѣстахъ, но первыхъ пьяныхъ я встрѣтилъ все-таки въ Людиновѣ. Тамъ же, гдѣ работаютъ стекловарни, въ три своихъ побывки на этихъ заводахъ я не видалъ вовсе пьяныхъ, хоть и жилъ подолгу.

Тутъ есть увѣренность въ своемъ положеніи. Завтрашній день не грозитъ голодною смертью. Рабочіе выросли при заводахъ и помнятъ, что ихъ отцы еще кормились тутъ же.

Школьное дѣло въ этомъ районѣ поставлено недурно. Справедливость требуетъ сказать, что высшее техническое образованіе здѣсь, въ лицѣ спеціальнаго училища «Людиновскаго», долгое время весьма хромало. Никакъ нельзя было найти для него хорошаго заправилы и заводоуправленіе серьезно было озабочено этимъ. Но въ послѣднее время, уже послѣ моего отъѣзда, кажется, нашли настоящихъ людей, вполнѣ пригодныхъ къ этому дѣлу. Это спеціальное училище имѣетъ цѣлью — распространеніе чисто техническихъ знаній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ оно было полнымъ-полно. Народъ съ удовольствіемъ отдавалъ туда своихъ дѣтей и дѣти учились отлично. Многіе изъ мѣстныхъ механиковъ вышли отсюда... Но такой порядокъ не удержался. Старые учителя уходили, на ихъ мѣсто поступали новые, бездарные. Въ концѣ концовъ и народъ сталъ брать своихъ «мальцевъ» назадъ.

— Ты чего?—спрашиваетъ завѣдующій этимъ дѣломъ у сумрачнаго рабочаго.

— По своему дѣлу!—угрюмо бурчитъ онъ.

— По какому своему?

— По кровному... Мальца мнѣ отдайте.

— Чудакъ!... Да вѣдь онъ учится.

— Точно-что... А только пущай дома работаетъ самъ на себя...

— Годъ ему остался только.

— Много довольны... А только мальца мнѣ ослобоните. Я его на заводъ, если что, пошлю работать. Все семь рублей въ мѣсяцъ набѣжитъ.

И принуждены отдавать мальца.
А то явится другой.
— Сколько вы мнѣ за мово рабенка положите?
— За что же?
— А за то—ёнъ учится у васъ въ школѣ.
— За это ничего не даютъ.
— Такъ я его къ себѣ уберу...
И убираетъ.

Тѣмъ не менѣе хотя цифра учащихся въ спеціальной технической школѣ Людиновскаго завода и упала съ 310 до 100, но учрежденіе это дѣлаетъ свое дѣло. При школѣ находится нѣсколько учителей, и такія разбросаны и по всѣмъ остальнымъ заводамъ. Техническое училище занимаетъ чуть не цѣлый этажъ. Тутъ нѣсколько залъ и мастерскихъ.

— Если мало, такъ скажите, я раздвину стѣны!—замѣтилъ хозяинъ, когда ему сказали о неудобствѣ помѣщенія въ его прежнемъ видѣ.

Школы—по всѣмъ деревнямъ здѣсь и по всѣмъ заводамъ. Воспитаніе дѣтей ввѣрено не однимъ священникамъ, но и сверхъ того свѣтскимъ учителямъ, для которыхъ выстроены дома. Вознагражденіе они получаютъ небольшое. Въ школахъ дѣвочекъ учится почти столько же, сколько и мальчиковъ. Первыя даже работаютъ едва ли не лучше вторыхъ. Оно и понятно. На мальчика семья смотритъ какъ на заводскую силу, только и ждетъ времени, когда его можно будетъ послать къ домнѣ, къ сталеварнѣ, къ матицѣ, чтобъ онъ принесъ свои полтора рубля въ недѣлю домой. Дѣвочка, пока выростетъ, свободна. Ея страда начинается потомъ...

Земледѣльческія фермы этого района стоятъ не на такой высотѣ, какъ заводское дѣло, но и на нихъ рѣшаются многіе вопросы нашего народнаго хозяйства. Урожаи двухъ послѣднихъ лѣтъ были пока успокоительны. Тревожныхъ извѣстій было меньше, чѣмъ въ 1880 году. Даже почтенная коллекція всевозможныхъ жучковъ, невозбранно царствовавшихъ въ прошлое лѣто на русскомъ югѣ, какъ будто рѣшилась дать отдохнуть измученному населенію. Тамъ, гдѣ нашлось зерно для посѣва полей, какъ-то меньше прежняго говорятъ о нарожденіяхъ кузьки, гессенской мухи и другихъ зловредныхъ насѣкомыхъ, не разъ уже до тла съѣдавшихъ и русскій хлѣбъ, и русское богатство... Но успокоиваться на этомъ еще очень рано. На смѣну кузькамъ

и гессенскимъ мухамъ являются столь же опасные скупщики хлѣба: маклаки въ среднихъ, евреи въ южныхъ и западныхъ губерніяхъ. Они не разъ доводили народъ до такого состоянія, что онъ больше всякой бѣды боялся слишкомъ обильнаго урожая. При среднемъ цѣны были еще сносны, при высокомъ кузьки-капиталисты и мухи-маклаки низводили заработки земледѣльца до такого минимума, что просто становилось страшно. Такъ и здѣсь въ Брянскомъ уѣздѣ, гдѣ находятся частію и заводы, описанные нами, крестьяне, еще недавно платившіе по 1 р. 75 коп. за пудъ хлѣба, черезъ два мѣсяца были поставлены въ необходимость продавать его по 30—40 коп. за пудъ. Спасти страну какъ отъ мухъ гессенскихъ, такъ и отъ эксплоатаціи народнаго труда въ одинаковой степени важно. Какимъ путемъ сдѣлать это?... Такой вопросъ рѣдко кто задавалъ себѣ, прежде всего, потому, что наша провинціальная печать стѣснена, а столичная, платонически излюбившая деревню, очень мало ее знаетъ. Но изрѣдка и тутъ слышались голоса практиковъ и дѣятелей нашихъ захолустьевъ. Къ сожалѣнію, рѣка временъ въ своемъ теченіи уноситъ всѣ эти робкія начинанія и топитъ въ пропасти забвенія самые спасительные совѣты знающихъ людей. До нихъ ли, помилуйте!... А между прочимъ дѣйствительность какъ нельзя лучше оправдываетъ эти указанія, то и дѣло изъемля изъ народнаго капитала сотни милліоновъ рублей, уходящія въ бездонныя пасти всякихъ акулъ, и такія же сотни милліоновъ, поѣдаемыя саранчой, кузькой, мухой и другими паразитами нашего земледѣльческаго худосочія...

Въ свое время и здѣсь ратовали противъ такого ненормальнаго порядка вещей. Мнѣ часто приходилось говорить по этимъ вопросамъ. Разсуждая о томъ, къ чему ведетъ хищническое пользованіе землей, грабежъ ея, производимый невѣжественными владѣльцами, тутъ еще сорокъ лѣтъ назадъ по тогдашнимъ цвѣточкамъ предвидѣли ягодки нашего времени. Предугадывалось это худосочіе истощенныхъ почвъ, эта золотуха родной земли, высосанной самымъ глупымъ и самымъ опаснымъ способомъ. Въ одномъ изъ своихъ изслѣдованій, давно напечатанныхъ, Мальцовъ говорилъ между прочимъ: «Теперь въ ходу мнѣніе, что Россія исключительно должна быть земледѣльческимъ государствомъ, причемъ поддержка внутреннихъ промысловъ вредна для потребителей, ожиданіе же внутренней конкуренціи и усовершенствованія отъ нея русскихъ произведеній слишкомъ продолжительно для на-

стоящаго поколѣнія. Признано, что обмѣномъ на хлѣбъ и покупкою на золото получатся лучшія произведенія иностранныхъ фабрикъ и заводовъ, и притомъ выгоднѣе для потребителей, а слѣдовательно и для администраціи и для государства. О, еслибъ эта теорія, какъ и другія нѣкоторыя, была бы только *мыслью, отданной на всеобщій судъ!* Тогда, навѣрное, явились бы пренія, дѣло разсмотрѣно было бы со всѣхъ сторонъ. Оно вызвало бы и зрѣлые доводы за и противъ него. Тогда можно было бы составить комитетъ, но не изъ однихъ только потребителей, особенно же не изъ однихъ должностныхъ лицъ, получающихъ казенное содержаніе, которое еще, несмотря на упадокъ внутренней производительности, остается неизмѣннымъ,—лицъ, которыхъ интересы связаны не съ благосостояніемъ отечества, но съ возможностію безотлагательно пользоваться всѣми иностранными изобрѣтеніями для удовлетворенія прихотей, сдѣлавшихся ихъ потребностію,—нѣтъ, комитетъ должно бы составить изъ людей, представляющихъ народную жизнь и ея дѣятельность. Такіе комитеты не ослѣплялись бы самонадѣянностію неопытности, не считали бы своею силой недопущеніе противорѣчій. Представленія такихъ комитетовъ лучше всякихъ разглагольствованій содѣйствовали бы ко введенію мѣръ практичныхъ, необходимыхъ для поддержанія юнаго, полнаго жизни и будущности государства. Еслибы вопросъ о томъ, должна ли Россія быть исключительно земледѣльческимъ государствомъ, былъ отданъ на общее изслѣдованіе, то и знаменитый Либихъ съ своими химическими вѣсами и неизмѣнными цифрами явился бы для доказательства, что послѣдствія такой теоріи суть истощеніе и, слѣдовательно, гибель государства. Онъ доказалъ бы, что только одинъ внутренній повсемѣстный размѣнъ между жителями можетъ охранять страну отъ быстраго истощенія. Для положительнаго опредѣленія степени истощенія Россіи вывозомъ пеньки, масла, зерновыхъ хлѣбовъ, сала, костей и прочихъ сырыхъ продуктовъ весьма было бы поучительно, еслибы наши ученыя общества обратили вниманіе на цифры вывозовъ, на сумму и качество предметовъ, служащихъ вознагражденіемъ за истощеніе нашей почвы. Полезно было бы изслѣдовать методы истощенія, еще недавно живущимъ поколѣніемъ, почвъ, считавшихся неистощимо-богатыми. По такимъ даннымъ можно было бы опредѣлить продолжительность запасовъ плодородія нашихъ земель при системѣ грабежа, всюду у насъ являющейся. Тогда цифры можетъ-быть показали бы намъ, что

если Соединенные Штаты, благопріятствуемые природою, содрогаются при мысли о своей будущности относительно плодородія земель своихъ, то что же можетъ сказать Россія, лишенная всѣхъ этихъ преимуществъ?... Вникнувъ въ положеніе нашего отечества, становится ясно, что никакъ не слѣдуетъ отлагать заботы о сохраненіи всѣми возможными средствами плодородія нашихъ земель, а тѣмъ менѣе—успокоивать себя мыслью о неистощимости ихъ. Наука, съ точностью указывая заблужденія человѣка въ экономическомъ дѣлѣ, указываетъ и средства предупреждать зло, возникающее изъ нихъ, или исправлять его, если оно уже сдѣлано».

Дѣйствительность является какъ будто исполненіемъ этой программы, указанный сорокъ лѣтъ тому назадъ.

Какъ въ своемъ проектѣ, такъ и на дѣлѣ, въ приложеніи къ собственному земледѣльческому хозяйству, Мальцовъ ратуетъ противъ земледѣльческихъ предразсудковъ. У себя онъ все время старался возвращать землѣ то, что отнималось у нея въ видѣ жатвы или сѣнокоса. Здѣсь, едва ли не впервые въ Россіи, были примѣнены законы, выведенные Либихомъ, безъ выполненія которыхъ хлѣбопашество и травосѣяніе являлись глупымъ грабежомъ, причемъ истощенныя почвы не возстановишь никакими трехпольными и иными, столь популярными у насъ, системами. Возвысить плодородіе поля безъ соотвѣтствующаго удобренія—нельзя. Для освобожденія же крестьянъ и вообще землевладѣльцевъ отъ вліянія кулаковъ и монополистовъ, устанавливающихъ цѣны на хлѣба, здѣсь нѣкогда проектировалась выдача ссудъ подъ снятый съ полей хлѣбъ въ размѣрѣ части средней цѣны его. Такимъ образомъ паденіе цѣнъ было бы невозможно, ибо прекратилась бы самая нужда отдавать его чуть не даромъ при недостаткѣ денегъ. Исторія этого проекта въ высшей степени интересна. Ее разсказываетъ самъ авторъ въ брошюрѣ, изданной имъ въ крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ средняя полоса Россіи была потрясена страшнымъ голодомъ. Пораженный его поразительными бѣдствіями, Мальцовъ представилъ императору Николаю проектъ составленія въ каждомъ селѣ запасовъ изъ хлѣба, принятаго въ залогъ, по среднимъ для данной мѣстности цѣнамъ—не болѣе восьми рублей на ревизскую душу. Это предупреждало бы голодъ—при неурожаѣ — имѣющимися запасами, а во время урожая защищало бы хлѣбопашцевъ отъ искуственнаго пониженія цѣнъ. Три раза Го-

сударь по этому предмету выражалъ свое полное сочувствіе. Императоръ Николай Павловичъ положительно самъ увлекся этой идеей и приказалъ опросить землевладѣльцевъ всѣхъ мѣстностей Россіи, насколько они считаютъ это полезнымъ. Отвѣты отовсюду получались самые благопріятные. Казалось бы, слѣдовало привести проектъ въ исполненіе, но не тутъ-то было. Идея родилась не въ министерствѣ и была проведена помимо канцелярій, поэтому «два министра — внутреннихъ дѣлъ и финансовъ — нашли возможнымъ отклонить исполненіе проекта за неимѣніемъ средствъ». Авторъ не угомонился,—такой ужъ безпокойный человѣкъ попался. Черезъ покойнаго принца П. Г. Ольденбургскаго, онъ испросилъ разрѣшеніе сдѣлать опыты составленія хлѣбныхъ запасовъ самому мѣстному населенію, безъ участія администраціи, на первый разъ въ двухъ бѣднѣйшихъ губерніяхъ—Смоленской и Витебской, и тогда уже наиболѣе нуждавшихся. Государь отпустилъ на это 500.000 руб. Дѣло казалось оконченнымъ, какъ вдругъ «я былъ пораженъ, — говоритъ авторъ, — неожиданнымъ результатомъ. Подъ давленіемъ двухъ несочувствовавшихъ министровъ, вліявшихъ черезъ губернаторовъ и предводителей», населеніе желавшее этой мѣры оказалось не желающимъ ея. Были подтасованы дворянскія собранія — и въ концѣ концовъ благая мысль канула въ Лету!... Лучше всего тотъ способъ, какимъ удалось подтасовать дворянскія собранія. Въ одномъ изъ нихъ дворянскій предводитель сообщилъ господамъ-дворянамъ, что «съ нихъ потребуется большой сборъ», въ то время какъ, напротивъ, деньги были даны казною.

— Съ насъ хотѣли деньги взять!—волновались господа-дворяне.

— Да вамъ читали Высочайшее повелѣніе?

— Нѣтъ, не читали.

Мальцовъ сталъ читать, но предводитель ушелъ «въ окно» и собраніе закрылось. Въ другомъ собраніи предводитель былъ откровеннѣе. Онъ прямо заявилъ господамъ-дворянамъ, что «министръ этого не хочетъ», и господа-дворяне послушались, а предводитель получилъ мѣсто губернатора.

При поѣздкахъ моихъ по здѣшнему земледѣльческому району, какъ нельзя лучше подтвердилась справедливость всѣхъ этихъ указаній. Когда-то автора ужасалъ «близорукій произволъ бездарностей, случайно занявшихъ высшія административныя должности, — произволъ, выразившійся въ цѣломъ рядѣ разоритель-

ныхъ для государственнаго хозяйства постановленій». И теперь положеніе дѣлъ такое же, и если оно лучше здѣсь, то только потому, что въ этомъ отношеніи въ описываемомъ мною районѣ сдѣлано очень многое. Нечего, значитъ, успокоиваться на случайныхъ урожаяхъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе на выводы людей, близко знакомыхъ съ дѣломъ. Жаль будетъ, если и теперь мы останемся слѣпы и глухи къ «проклятымъ» вопросамъ, отъ которыхъ мы только чураемся да открещиваемся, ожидая у моря погоды... Время не терпитъ, а мы точно свѣтопреставленія ждемъ завтра. Лишь бы сегодня было хорошо, а тамъ хоть трава не расти. Плохо придется нашимъ дѣтямъ, если она, дѣйствительно, расти перестанетъ... Исторія ничего не забываетъ, будущность ничего не прощаетъ. Въ каждой ошибкѣ, въ каждой небрежности уже таятся сѣмена будущаго наказанія.

И вотъ когда обнищаетъ совсѣмъ эта почва, тогда придется вспомнить добрые совѣты, дававшіеся въ свое время.

Самъ С. И. Мальцовъ — живая лѣтопись нашего прошлаго. Съ необыкновенною ясностью и свѣжестью въ его памяти возникаетъ царствованіе императора Николая Павловича, въ которое ему пришлось начать свою дѣятельность. Разсказы его изъ этого времени чрезвычайно рельефно обрисовываютъ эпоху и людей, игравшихъ тогда громадную роль,—и обрисовываютъ не съ показной, а съ интимной именно стороны. Разсказы его будутъ приведены нами въ одномъ изъ историческихъ нашихъ журналовъ, тутъ же на выдержку мы сообщимъ нѣкоторые изъ нихъ Въ то время молодой, Мальцовъ, живо интересовавшійся всѣмъ, что совершалось на бѣломъ свѣтѣ, слѣдившій за техническими открытіями, за научнымъ прогрессомъ, былъ исключеніемъ въ средѣ, исключительно занятой службой да подслуживаніемъ. Еще поручикомъ ему уже пришлось столкнуться съ властными людьми того времени. Мы приведемъ здѣсь его разсказы безъ всякихъ комментарій,—такъ они вѣрнѣе и лучше. Разъ ему привелось быть на одномъ придворномъ балу. Молодой поручикъ стоялъ въ амбразурѣ окна вмѣстѣ съ флигель-адъютантомъ Будбергомъ и разговаривалъ въ то время, какъ къ той же амбразурѣ подошелъ императоръ Николай Павловичъ съ военнымъ министромъ Чернышевымъ. Будбергъ испарился. Мальцовъ, припертый къ стѣнѣ, по-неволѣ долженъ былъ остаться на мѣстѣ. Государь сообщаетъ Чернышову о своемъ желаніи устроить оружейный заводъ въ Тулѣ.

— Этого нельзя, Государь!—вступился Мальцовъ.

Императоръ Николай съ удивленіемъ оглядывается на молодого поручика. Посмотрѣлъ, улыбнулся.

— Почему нельзя?

— Тульская губернія и безъ того обезлѣсена. Варку ружейныхъ стволовъ нужно учредить въ Сибири или около, гдѣ есть руды и топливо...

— Я это уже сдѣлалъ въ Ижевскомъ заводѣ.

Государь вступилъ въ болѣе подробный разговоръ съ молодымъ офицеромъ, со многими изъ его доводовъ соглашаясь и отрицая другіе.

Немного погодя, когда императоръ Николай отошелъ въ сторону, къ Мальцову подбѣгаетъ Чернышовъ—весь блѣдный, растерявшійся.

— Какъ вы смѣете!—съ пѣной на губахъ напалъ онъ на него.—Я васъ подъ арестъ отправлю. Какъ вы могли дерзнуть!..

Но не успѣлъ онъ еще окончить головомойки, какъ къ распекаемому подошелъ цесаревичъ Александръ, въ казачьемъ мундирѣ.

— Меня къ вамъ послалъ отецъ. Вы интересное что-то разсказывали... Можете доставить чертежъ проектированныхъ вами стволовъ?

— Могу... А я ужь испугался, ваше высочество.

— Чего?

— Да военный министръ Чернышовъ страшно распекъ меня.

Какъ только удалось Мальцову освободиться отъ строевой службы, онъ тотчасъ же занялся устройствомъ новаго тогда въ Россіи парового дѣла. На этомъ поприщѣ ему пришлось прежде всего столкнуться съ цѣлою массой самыхъ пагубныхъ предразсудковъ и предубѣжденій. Въ петербургскомъ арсеналѣ были объявлены торги на поставку паровой машины. Въ числѣ конкурентовъ является молодой поручикъ Мальцовъ. До тѣхъ поръ работы производились лошадиною силой. Мальцову пришлось конкурировать съ англичанами, которые имѣли въ виду поставить машину, выписанную изъ Англіи.

— Ты съ ума сошелъ!—останавливаетъ Мальцова великій князь Михаилъ Павловичъ.

— Почему, ваше высочество?

— Да какже, ты соперничаешь съ англичанами.

— Хочу, чтобы машиностроеніе устроилось и у насъ.

— Ну, смотри, пріемку сдѣлаютъ такую, что не сдобровать!

Мальцовъ тѣмъ не менѣе себѣ въ убытокъ отбилъ у англичанъ поставку.

Въ срокъ машина готова и поставлена въ арсеналѣ, по предварительномъ испытаніи ея строителемъ.

Вдругъ оказывается, что паровая машина не дѣйствуетъ. Готовится докладъ объ этомъ Государю.

Мальцовъ бросается въ арсеналъ къ своимъ рабочимъ, устанавливавшимъ машину.

— Что случилось, ребята?

— Да какже ей дѣйствовать, коли два полѣнца дровъ бросаютъ въ нее, да и то негодныхъ.

Смотритъ на монометръ: всего ½ градуса. Заглядываетъ въ топку—дровъ нѣтъ.

Вдругъ является Юпитеромъ Олимпійскимъ начальникъ арсенала. Оглядѣлъ сурово Мальцова и наистрожайше начинаетъ его отчитывать:

— Ваша машина никуда не годится! Какъ вы смѣли соперничать съ англичанами?

— Да чѣмъ же машина-то должна дѣйствовать?

— Что вы меня учите!... Какъ чѣмъ?—Разумѣется, пáромъ.

— А паръ какъ добывается?

— Молчать!...—началъ было тотъ.

— Дровами, дровами, полковникъ, а вы дровъ-то и не кладете. Я сейчасъ ѣду къ военному министру и попрошу его прибыть сюда посмотрѣть, какъ будетъ дѣйствовать машина, когда я растоплю ее своими дровами.

Начальство этого пассажа никакъ не ожидало.

— Помилуйте, зачѣмъ же это... Да еще и пойдетъ ли она.

Принесли дровъ, затопили какъ слѣдуетъ—и машина заработала отлично.

— Ради Бога, не погубите!...

— Да вѣдь вы уже донесли... Вѣдь министръ, пожалуй, уже доложилъ Государю!

— Устройте какъ-нибудь... У меня семья...

Мальцовъ сообразилъ, что если разсказать, какъ было,—испортятъ что-нибудь въ машинѣ, да на него же и свалятъ. Поѣхалъ къ Чернышову.

— Я къ Государю ѣду!—сообщилъ тотъ.—Ваша машина ни-

куда не годится!... Лѣзете соперничать съ англичанами, а сами ничего не умѣете дѣлать.

— Помилуйте, все устроено, машина дѣйствуетъ превосходно.

— Какъ это?

— Не угодно ли, опять, вамъ самимъ убѣдиться.

— Ну, я радъ, радъ... Изъ-за чего же весь шумъ?

— Да они привыкли по-прежнему съ лошадьми, не знали какъ съ топкой обращаться!

Такихъ случаевъ было не мало. Это было въ 1844 году, а годомъ раньше онъ же первый въ Россіи началъ выдѣлку желѣзныхъ рельсъ для Николаевской желѣзной дороги по 1 рублю 43 коп. съ пуда. Въ 1847 году хотѣли водопроводныя трубы для той же дороги заказать за границей,—предпріимчивому заводчику удалось и это отбить у иностранцевъ, такъ что когда въ 1852 году объявили торги на сооруженіе паровой машины съ приводами для тульскаго оружейнаго завода, то это уже безъ спора осталось за нимъ. Желая окончательно вытѣснить заграничныя машины, онъ явился въ томъ же году конкурентомъ на устройство кіевскаго арсенала. Когда иностранцы стали у него перебивать это дѣло, Мальцовъ заявилъ, что онъ беретъ на 30.000 рублей ниже послѣдней предложенной цѣны. Но въ дѣло вмѣшались очень и очень сильные люди. Въ Петербургѣ добились уничтоженія состоявшихся уже торговъ и постройку отдали другому заводу. Сейчасъ же бóльшая часть машинъ была заказана за границей и дѣло рухнуло.

Собственно до нашего техническаго и научнаго прогресса тогда никому дѣла не было. Придумалъ, напримѣръ, Мальцовъ новый типъ судовъ. Спеціалисты пришли отъ него въ восторгъ. Обратился онъ къ вліятельному тогда Меньшикову.

— Это для нашей лужи-то?—насмѣшливо спросилъ князь.

— Положимъ, Балтика—лужа, а Черное море...

— Я бы тебя поблагодарилъ, еслибы ты изобрѣлъ способъ утопить Черное море вмѣстѣ съ адмираломъ Лазаревымъ!

Видя беззащитное положеніе Крыма, онъ предлагалъ задолго до Севастопольской войны укрѣпить высоты этого полуострова.

— Зачѣмъ?... Неужели вы думаете, что непріятель явится къ намъ на судахъ?—засмѣялся Меньшиковъ.

— Непремѣнно.

— Чего они здѣсь не видали?... Достаточно вашимъ крымскимъ виномъ напоить ихъ и всѣ они подохнутъ.

Князь - бритва, какъ тогда называли остроумнаго Меньшикова, отъ всего умѣлъ отдѣлываться шуточками.

Съѣздивъ за границу въ то время, Мальцовъ привезъ государю Николаю Павловичу пулю Минье — ту самую, которой союзники одолжены своею побѣдой подъ Севастополемъ. Она еще не была принята во Франціи и изобрѣтеніе это можно было купить у его автора. Императоръ понялъ важность этого дѣла и Минье былъ приглашенъ въ Россію. Но старая партія восторжествовала,—дѣло передали въ комитетъ. Тотъ сейчасъ же рѣшилъ:

— Не стоитъ хлопотать: пуля—дура, штыкъ—молодецъ.

Подъ Альмой скоро мы въ первый разъ познакомились съ этой дурой.

А между тѣмъ Государь очень интересовался открытіями.

— Ты все болтаешься за границей, что новаго привезъ еще?— обратился онъ не вдолгѣ послѣ того къ Мальцову.

— Да вотъ изобрѣтенъ винтъ для пароходовъ... очень полезный.

— Это выдумки!

— Выдумки, ваше величество, будутъ, пока люди будутъ.

— Разскажи, въ чемъ дѣло.

Изложилъ.

— Поѣзжай къ Меньшикову...

— Былъ.

— Что же онъ сказалъ тебѣ?

— А онъ мнѣ посовѣтовалъ и Черное море утопить вмѣстѣ со всякими коммиссіями.

Адмиралъ Нахимовъ терпѣть не могъ пароходовъ. На всѣ представленія Мальцова онъ отзывался:

— На что намъ эти самоварчики?...

Потомъ, когда его непріятель заперъ, онъ могъ оцѣнить важность парового флота.

— Мальцовъ правъ,—самоварчики бы насъ выручили.

Послѣ извѣстной бури непріятельскій флотъ разбросало въ Бургосъ, въ Батумъ и по другимъ береговымъ пунктамъ Чернаго моря. Нахимовъ и тутъ имѣлъ случай пожалѣть, что во-время не воспользовались добрымъ совѣтомъ.

— Еслибы хоть пять самоварчиковъ,—прибрали бы всѣхъ, и дѣло было бы спасено!

Въ свое время, дѣйствительно, еще молодой человѣкъ, Мальцовъ предлагалъ цѣлый рядъ мѣръ, которыя, будучи приняты, могли бы хоть отчасти предупредить севастопольскій разгромъ; но къ нимъ обратились уже тогда, когда было поздно. Такъ, напримѣръ, на проектъ построекъ клиперовъ, какъ быстрѣйшихъ судовъ, сначала не обратили вниманія, а потомъ схватились за него, но уже когда Кинбурнъ былъ взятъ союзниками и клипера не могли бы помочь дѣлу. Задолго до войны онъ также доказывалъ необходимость постройки желѣзной дороги отъ Екатеринославля до Перекопа,—не согласились съ нимъ и только потомъ оцѣнили, сколько бы добра она принесла при передвиженіи нашихъ войскъ. Хотѣлъ построить шоссе отъ Перекопа къ Севастополю уже послѣ Синопа. Назначили Клейнмихеля разсмотрѣть этотъ проектъ, а тотъ положилъ резолюцію: это направленіе не имѣетъ смысла, такъ какъ по всему протяженію кромѣ пыли нѣтъ ничего!... Клейнмихель забылъ только до 30.000.000 пудовъ соли, которая нуждалась въ этомъ пути, не говоря уже о стратегической важности дороги. Впрочемъ Клейнмихелю скоро доказали эту важность пушки союзниковъ.

И это отношеніе къ дѣлу повторялось постоянно.

Какъ въ послѣднюю нашу войну, такъ и во время Севастопольской кампаніи злоупотребленія были ужасны. Здѣшнему Людиновскому заводу было заказано 200.000 артиллерійскихъ снарядовъ. Заготовка пошла въ высшей степени спѣшно. Все остальное было брошено. Какъ-то пріѣзжаетъ Мальцовъ въ Петербургъ.

— Вы однако дороже другихъ берете за провозъ! — обращается къ нему князь Долгорукій, тогдашній военный министръ.

— Какъ такъ? Почему это ты говоришь мнѣ?

— Да еще бы,—по 3 руб. 50 коп. обходится!

— Вранье.

Бросился Мальцовъ въ канцелярію,—не даютъ справокъ. Наконецъ узнали, что военный совѣтъ и департаментъ утвердили невозможныя цѣны: такъ, напримѣръ, снаряды, доставлявшіеся въ Свеаборгъ, отправляясь по Московской желѣзной дорогѣ на разстояніи отъ Москвы до Питера, оплачивались 2 руб. 50 коп. съ пуда, тогда какъ совершенно достаточно было и 28 коп. Начали разбирать дѣло и оказалось, что всѣмъ орудуетъ жидъ Франштейнъ. Онъ же доставилъ яко бы и отъ Мальцова требованія такой громадной платы. Обманъ былъ доказанъ, но Франштейнъ ничего не потерялъ отъ этого.

Вообще дѣятельная, энергическая, предпріимчивая личность въ то время многимъ не нравилась. Клейнмихель да и другіе ненавидѣли его. Лучшіе люди, какъ, напримѣръ, Канкринъ, говорили о немъ:

— Молодой человѣкъ любознательный, только слишкомъ много воображенія у него.

Войну онъ съ ними велъ въ то время безпощадную.

Лично императоръ Николай Павловичъ былъ очень расположенъ къ Мальцову и потому имъ не удавалось съѣсть его. Вообще и тогда, и послѣ Мальцовъ особенно спасительнаго трепета не ощущалъ и съ властями тѣхъ мѣстъ, гдѣ были расположены его заводы, находился постоянно на ножахъ. Разумѣется, они тоже донимали безпокойнаго человѣка всѣми мѣрами. Еще бы!... Нашлась личность, которой есть до всего дѣла... Въ этомъ отношеніи они прибѣгали ко всему. Онъ уничтожилъ у себя еще въ крѣпостное время тѣлесныя наказанія вовсе,—этого было достаточно, чтобъ онъ прослылъ революціонеромъ. А тутъ еще онъ выступилъ съ своимъ проектомъ устройства крестьянъ. Дѣло въ томъ, что въ царствованіе императора Николая Павловича состоялся такой законъ: если заложенное имѣніе помѣщикомъ въ срокъ не оплачено было или проценты за него не вносились, то въ двухнедѣльный срокъ предоставлялось право самимъ крестьянамъ выкупиться. Случалось, что, по неимѣнію средствъ, начинающіе «покупать себѣ свободу» крестьяне не доплатятъ, — ихъ тотчасъ же назначали въ продажу. Такимъ образомъ уже считавшіе себя свободными люди опять попадали въ кабалу. Предоставляю судить читателю, до какой степени это было ужасно. Мальцовъ предложилъ въ то же время не продавать вообще крестьянъ и не публиковать о торгахъ на имѣнія въ такихъ случаяхъ, а съ «просроченными» имѣніями поступать такимъ образомъ: нарѣзавъ достаточно земли крестьянамъ, переводить ихъ въ разрядъ государственныхъ съ уплатою извѣстнаго оброка за выкупъ, а остальныя затѣмъ земли передать помѣщику или продать ихъ. Изъ-за тѣхъ случаевъ, когда крестьянъ то назначали въ продажу, то предоставляли самимъ выкупаться, а потомъ опять продавали въ раздробь по рукамъ, происходили бунты. Участь крестьянъ сильно озабочивала императора Николая. Онъ не разъ собиралъ совѣтъ по вопросу объ освобожденіи крѣпостныхъ. Объ одномъ изъ такихъ совѣтовъ разсказываетъ Мальцовъ.

Члены совѣта стали возражать, особенно противъ освобожденія, говорилъ князь Меньшиковъ.

Слушалъ, слушалъ императоръ Николай и вспыхнулъ наконецъ.

— Съ вами я никогда и ничего не сдѣлаю!—сказалъ онъ и ушелъ.

Совѣтъ закрылся.

А между тѣмъ тѣ же самые господа, когда приходилось сообщать Государю правду о положеніи дѣлъ, терялись и молчали.

Разъ какъ-то Мальцовъ сообщаетъ А. Ф. Орлову о томъ, что дѣлается въ провинціи,—о правительственной кривдѣ и бѣдствіяхъ народа.

— Что же вы не скажете Царю правду, правду!—предложилъ было князь.

— Я—мальчишка... Скажите вы!

— Какъ я скажу?!—испугался Орловъ.—Я рискую моимъ служебнымъ положеніемъ.

— Ну, снимите мундиръ, выйдите въ отставку и тогда скажите.

Тотъ только расхохотался надъ его наивностью.

Очень поучительна была въ этомъ отношеніи исторія съ днѣпровскими порогами.

Мальцовъ поднялъ вопросъ о расчисткѣ этихъ пороговъ, гдѣ возможно, а тамъ, гдѣ нельзя—объ организаціи плаванія такимъ образомъ, чтобы судоходство терпѣло отъ этого насколько возможно менѣе убытка. Дошло до Государя; тотъ призываетъ Клейнмихеля. Сей министръ, хорошо знавшій Россію, донесъ, что на Днѣпрѣ никакихъ пороговъ нѣтъ, а гдѣ какіе были—давно уже расчищены имъ, Клейнмихелемъ, чрезъ своихъ подчиненныхъ. Мальцовъ не угомонился и привелъ доказательства тому, что ежегодно въ этихъ пунктахъ разбиваются десятки и сотни сплавныхъ судовъ. Клейнмихель написалъ мѣстнымъ губернаторамъ, чтобы тѣ доставили свѣдѣнія о «несуществованіи» пороговъ. Губернаторы собрали хозяевъ сплавныхъ судовъ и хотѣли заставить ихъ подписать заявленія о вполнѣ свободномъ плаваніи по Днѣпру. Чужіе подписали, а мальцовскіе, несмотря на угрозы тюрьмой, отказались. Не выгорѣло!... Тогда Клейнмихель послалъ какъ бы на ревизію близкаго своего человѣчка, который и привезъ въ Питеръ донесеніе, что все обстоитъ благополучно и ничего по этому предмету дѣлать не надобно. На этомъ дѣло и кончилось.

Каждый разъ, уѣзжая изъ этого оригинальнаго царства неустаннаго труда, я увозилъ въ душѣ чувство глубокаго уваженія къ невиднымъ и незамѣтнымъ работникамъ, честно дѣлающимъ здѣсь свое кровное дѣло. У горящаго жерла сварочныхъ печей, у жадной пасти домны, передъ ярко раскалившейся матицей стекловарни, на скудной почвѣ съ сохою, въ лѣсу съ топоромъ—всюду человѣкъ добываетъ здѣсь скудный хлѣбъ свой цѣною невѣроятныхъ усилій. И эти усилія, и этотъ каторжный трудъ, и эта вѣчная неустанная энергія даютъ ему только одно—возможность не умереть съ голоду сегодня, отбиться отъ грозящей ему, отовсюду наступающей на него нужды... И еще выше, и еще ярче выростали передо мною типы этой русской Америки, когда я вспоминалъ о нихъ изъ своего «далека».

Пошли вамъ судьба удачу, неутомимые русскіе люди!

В. Немировичъ-Данченко.

Государственная роспись на 1882 годъ.

III *).

Расходы.

Расходы по министерству финансовъ.—Расходы по министерству внутреннихъ дѣлъ.—Расходы морского вѣдомства.—Расходы по министерству народнаго просвѣщенія.—Расходы остальныхъ вѣдомствъ и учрежденій.—Заключеніе.

По смѣтѣ министерства финансовъ на текущій годъ расходъ опредѣляется въ 78.430.477 рублей. Впрочемъ, этою цифрой не исчерпывается вся сумма расходовъ, предположенныхъ министерствомъ, такъ какъ 4 милл. руб. на чрезвычайные по государственному казначейству расходы отнесены въ особый IV отдѣлъ росписи расходовъ не предусмотрѣнныхъ, тогда какъ прежде они вносились въ смѣту министерства финансовъ. Кромѣ того, къ оборотныхъ расходовъ отнесены расходы на счетъ возврата изъ другихъ источниковъ, на сумму 16.013.065 руб. Для сравненія смѣтныхъ предположеній съ дѣйствительнымъ расходомъ прежняго времени, эту послѣднюю цифру надо также приложить къ суммѣ расходовъ министерства финансовъ, такъ какъ въ отчетахъ государственнаго контроля всѣ эти расходы показываются по смѣтѣ департамента государственнаго казначейства и включаются въ общій итогъ расходовъ министерства. Вслѣдствіе этого общая сумма предположенныхъ расходовъ по этой смѣтѣ будетъ 98.443.542 рубля. Къ сожалѣнію, я не могу представить читателю сравнительную таблицу расходовъ этого вѣдомства за продолжительное время, такъ какъ въ послѣдніе годы нѣкоторые весьма крупные расходы были исключены изъ этой смѣты, дру-

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

гіе же къ ней причислены. Такъ расходы по горному вѣдомству перенесены въ смѣту государственныхъ имуществъ, а расходы по уплатѣ гарантированнаго желѣзнодорожнымъ обществамъ дохода перенесены въ смѣту министерства финансовъ изъ смѣты министерства путей сообщенія, въ которой они прежде показывались. На этомъ основаніи цифры прежнихъ отчетовъ государственнаго контроля не могутъ быть сравниваемы съ предположенными по смѣтѣ. Только въ послѣднихъ отчетахъ, въ видахъ удобства сравненія, общіе итоги расходовъ за предшествовавшія пятилѣтія исправлены согласно новому порядку распредѣленія по смѣтамъ. Такимъ образомъ я имѣю возможность представить читателю сравнительную вѣдомость расходовъ министерства финансовъ только съ 1875 года и опускаю цифры за прежніе годы во избѣжаніе ошибочнаго заключенія. Вотъ эта вѣдомость:

РАСХОДЪ.

По отчетамъ госуд. контр.	1875	годъ	87.215.077	руб.
	1876	»	94.578.152	»
	1877	»	100.785.650	»
	1878	»	92.590.595	»
	1879	»	94.386.212	»
	1880	»	112.730.159	»
По государ. росписямъ.	1881	»	99.395.940	»
	1882	»	98.443.542	»

Изъ этой таблицы оказывается, что расходы по министерству финансовъ растутъ съ неимовѣрною быстротой и въ теченіе пятилѣтія возросли на 25½ милл. рублей, или на 29,4%. Такое сильное возрастаніе въ 1880 году объясняется двумя обстоятельствами: во-первыхъ, сильнымъ увеличеніемъ такъ-называемыхъ расходовъ на счетъ возврата, а именно: отпускомъ 8.377.229 руб. въ ссуду за счетъ продовольственнаго и страховаго капитала, вслѣдствіе истощенія этихъ источниковъ, и затѣмъ увеличеніемъ расходовъ на уплату гарантированнаго желѣзнодорожнымъ обществамъ дохода, на что издержано болѣе 19½ милліон. руб., т. е. расходъ почти на 10 милл. превысилъ цифру, предположенную по смѣтѣ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что израсходованная цифра въ ссуду за счетъ продовольственнаго капитала едва ли можетъ быть причислена къ расходамъ на счетъ возврата и, какъ мнѣ кажется, съ полнымъ основаніемъ должна считаться расходомъ безвозвратнымъ. Если вся

сумма продовольственнаго капитала исчезла и встрѣтилась необходимость отпустить изъ государственныхъ доходовъ на обезпеченіе народнаго продовольствія болѣе 8 милл. руб., то трудно ожидать, чтобы когда-нибудь продовольственный капиталъ былъ пополненъ до той цифры, которая не только обезпечитъ народное продовольствіе, но и дастъ возможность возвратить казнѣ сдѣланную ссуду, въ особенности если припомнить, какъ медленно въ прежнее время поступали суммы въ возвратъ продовольственнаго капитала. Что же касается суммъ на выдачу гарантій желѣзнодорожнымъ обществамъ, то, вслѣдствіе совершенно неправильнаго счетоводства кредитной канцеляріи, въ отчетахъ государственнаго контроля значатся лишь суммы дѣйствительно отпущенныя изъ государственнаго казначейства, но вовсе не входятъ тѣ, которыя слѣдовали бы правительству въ счетъ процентовъ съ облигаціоннаго капитала, но засчитываются обществами въ счетъ уплаты гарантированнаго дохода. Такіе случаи встрѣчаются очень нерѣдко, когда часть облигацій выпущена обществомъ подъ гарантіею правительства, а другая реализована самимъ правительствомъ. Въ этихъ случаяхъ, если чистый доходъ дороги покрываетъ сумму, нужную на уплату процентовъ и погашенія по облигаціямъ, выпущеннымъ обществомъ, то последнее вовсе не требуетъ выдачи суммъ изъ государственнаго казначейства, но не вноситъ вовсе процентовъ по тѣмъ облигаціямъ, которыя реализованы правительствомъ, и, такимъ образомъ, сумма гарантіи несомнѣнно уплачивается государственнымъ казначействомъ, но она значится по расходу въ системѣ кредита и зачисляется въ счетъ долга общества по платежу процентовъ съ облигаціоннаго капитала. Погашеніе этого долга, по уставамъ желѣзнодорожныхъ обществъ, производится только изъ половины чистаго дохода, превышающаго гарантированный. Но такъ какъ громадное большинство нашихъ желѣзнодорожныхъ обществъ находится въ такомъ положеніи, при которомъ даже не предвидится и возможности полученія дивиденда сверхъ гарантіи, то подобное причисленіе невыплаченныхъ процентовъ къ долгамъ общества равнозначительно записыванію ихъ *въ трубѣ уголькомъ*. Вмѣстѣ съ начисляемыми ежегодно процентами долги обществъ по этому счету могутъ возрости до такихъ размѣровъ, что никакіе доходы желѣзнодорожныхъ обществъ не будутъ въ состояніи изъ указаннаго источника покрывать однихъ процентовъ по этимъ долгамъ. То же самое можно сказать и о тѣхъ

ссудахъ, которыя дѣлаются обществамъ на покрытіе дефицитовъ по эксплуатаціи на тѣхъ дорогахъ, на которыхъ доходы не покрываютъ расходовъ. Подобныя ссуды значатся лишь въ капитальныхъ затратахъ правительства и вовсе не входятъ въ отчетъ государственнаго контроля по обыкновеннымъ расходамъ государства; между тѣмъ какъ ихъ, въ качествѣ ежегоднаго и, въ виду изложенныхъ соображеній, положительно безвозвратнаго расхода, слѣдовало бы причислять также къ расходамъ на выдачу гарантіи.

Изъ сказаннаго видно, что, несмотря на значительную цифру расходовъ министерства финансовъ, эти расходы не исчерпываются вполнѣ и существуютъ въ иныхъ видахъ помимо смѣтныхъ и отчетныхъ цифръ. Но, оставляя обстоятельство это въ сторонѣ и обращаясь къ предположеннымъ цифрамъ расхода на 1881 и 1882 годъ, очень трудно согласиться съ предположеніемъ, что министерство финансовъ въ состояніи будетъ сократить свои расходы на 13 или 14 милл. рублей въ сравненіи съ дѣйствительнымъ расходомъ 1880 года. Если допустить, что въ эти годы оно и не встрѣтитъ необходимости усиливать средства продовольственнаго капитала (что, впрочемъ, очень сомнительно), то во всякомъ случаѣ всѣ остальные расходы министерства и въ особенности на уплату гарантіи необходимо должны возрости, такъ какъ доходъ желѣзныхъ дорогъ за 1881 годъ значительно сократился, а за текущій годъ хотя и представляетъ нѣкоторое увеличеніе за первыя двѣ трети, но съ сентября сталъ понижаться и, въ виду упадка хлѣбной торговли, едва ли позволитъ разсчитывать на уменьшеніе приплатъ. Впрочемъ, доходъ желѣзныхъ дорогъ текущаго года можетъ оказать вліяніе на приплаты только въ будущемъ году, въ настоящемъ же расходы правительства опредѣляются большею частію доходами обществъ въ истекшемъ году. Кстати не могу не замѣтить, что, по принятому въ послѣднее время обычаю, кредитная канцелярія подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ задерживаетъ выдачу нужныхъ обществамъ суммъ какъ на уплату гарантированнаго дохода, такъ и на покрытіе дефицитовъ. Вслѣдствіе этого не только запутываются взаимные счеты желѣзнодорожныхъ обществъ, но послѣднія обязаны прибѣгать къ дорого стоющему кредиту банковъ; не имѣя же собственныхъ векселей для учета, общества должны прибѣгать къ посредникамъ, имѣющимъ кредитъ въ банкахъ, и вслѣдствіе этого платить сверхъ банковаго еще ком-

миссіонный процентъ посредникамъ и переписывать векселя свои черезъ каждые три мѣсяца. Въ виду такихъ условій, пользованіе кредитомъ обходится обществамъ не менѣе 12% и иногда и 14% годовыхъ, считая 8% банковыхъ, коммиссію за каждую пересрочку и вексельную бумагу. Само собою разумѣется, что всѣ эти расходы общества сносятъ на расходы эксплуатаціи и тѣмъ увеличиваютъ приплаты правительства по гарантіи. Такимъ образомъ система отсрочекъ по выдачѣ суммъ желѣзнодорожнымъ обществамъ ведетъ лишь къ тому, что правительство платитъ по долгамъ желѣзнодорожныхъ обществъ отъ 12 до 14%. А между тѣмъ эти отсрочки и задержки дѣлаются въ видахъ огражденія интересовъ государственнаго казначейства. Если такъ понимаются интересы государства со стороны нашихъ канцелярій, то нѣтъ ничего мудренаго, что приплаты правительства по гарантіи возрастаютъ.

Другіе расходы министерства финансовъ также возрастаютъ. Расходы по таможенному департаменту достигли по смѣтѣ на текущій годъ 8.529.261 руб.,—съ 1879 только года возросли на 1.117.275 руб.; если же принять въ соображеніе, что въ эту сумму перечислены расходы, производившіеся прежде по смѣтѣ Закавказскаго края, на сумму 476.017 руб., то и тогда окажется, что по прошествіи только 2-хъ лѣтъ расходы этого департамента возросли на 641.258 руб., или болѣе чѣмъ на 8½ процентовъ. При этомъ я долженъ замѣтить, что сравниваю дѣйствительный расходъ съ смѣтными предположеніями, а извѣстно, что предположенія всегда оказываются ниже дѣйствительнаго расхода, и потому нѣтъ ничего мудренаго, что послѣдній превыситъ расходъ 1879 года на всѣ 10%. Передъ такимъ возрастаніемъ расхода дѣйствительнаго можно остановиться и предложить вопросъ: гдѣ причина этого явленія? Подобный вопросъ тѣмъ простительнѣе, что жалобы на недостаточность таможеннаго надзора не перестаютъ раздаваться и, слѣдовательно, дальнѣйшее возвышеніе этого расхода неизбѣжно. Нѣтъ никакихъ также основаній предполагать, чтобы министерство финансовъ могло сократить расходы по другимъ отдѣламъ своей смѣты въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это предположено, одними административными распоряженіями, безъ серьезныхъ законодательныхъ реформъ и безъ измѣненія штатовъ.

Если читатель припомнитъ, что я говорилъ, разсматривая расходы военнаго вѣдомства, о тенденціи отдѣльныхъ частей

управленія обособиться въ особыя вѣдомства, то все это можно примѣнить также къ министерству финансовъ, такъ какъ здѣсь стремленіе въ средѣ одного министерства создать нѣсколько министерствъ проявляется едва ли не болѣе, чѣмъ въ военномъ министерствѣ.

Все наше центральное финансовое управленіе дѣлится на слѣдующіе отдѣлы: 1) департаментъ государственнаго казначейства, 2) департаментъ окладныхъ сборовъ, 3) департаментъ неокладныхъ сборовъ, 4) таможенный департаментъ, 5) департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, 6) общая канцелярія министра, 7) канцелярія по кредитной части, 8) экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ. Затѣмъ отдѣльно отъ министерства, но все же въ непосредственномъ вѣдѣніи министра финансовъ состоятъ: государственный банкъ, коммиссія погашенія государственныхъ долговъ, выкупное учрежденіе и вновь открываемый крестьянскій поземельный банкъ.

Прежде всего человѣкъ знакомый съ общимъ ходомъ нашего управленія поражается положительнымъ излишествомъ и искуственностію нѣкоторыхъ отдѣловъ. Такъ, наприм., зачѣмъ существуетъ цѣлый департаментъ окладныхъ сборовъ? Всѣ дѣла объ окладахъ, о причисленіи и исключеніи изъ окладовъ и составленіи окладныхъ листовъ вѣдаются казенными палатами самостоятельно, а разсчеты съ плательщиками ведутся въ казначействахъ, и дѣла эти ни въ какомъ случаѣ не могутъ входить въ число предметовъ вѣдомства центральнаго управленія, такъ какъ такой порядокъ вызвалъ бы страшную медленность и неточность въ окладахъ. Только жалобы на дѣйствія казенныхъ палатъ и могутъ входить на разсмотрѣніе департамента. Но, связанная съ такими жалобами, процедура, отдаленность мѣста жительства плательщиковъ отъ Петербурга и невозможность для центральнаго управленія имѣть въ виду послѣдніе разсчеты съ плательщиками, заставляетъ послѣднихъ положительно избѣгать и стараться возникающія недоразумѣнія разъяснять въ казенныхъ палатахъ, а въ нѣкоторыхъ незначительныхъ случаяхъ оставлять безъ послѣдствій. Впрочемъ всѣ возникающія здѣсь недоразумѣнія могутъ быть слѣдствіемъ лишь фактическихъ ошибокъ, и какъ скоро фактъ установленъ правильно, то и спора между плательщикомъ и мѣстною администраціей быть не можетъ. На этомъ основаніи мнѣ кажется, что подобныхъ жалобъ не можетъ доходить до министерства, а если они и могутъ возникать въ чрезвычайно рѣд-

кихъ случаяхъ, то разсмотрѣніе ихъ могло бы производиться въ департаментѣ государственнаго казначейства, которому казенныя палаты подчинены непосредственно. Затѣмъ могутъ быть дѣла о разсрочкахъ недоимокъ въ окладныхъ сборахъ или окончательномъ ихъ сложеніи по безнадежности взысканія. Но, во-первыхъ, подобныхъ дѣлъ не много и сохранять отдѣльный департаментъ, на содержаніе котораго ассигновано въ текущемъ году 85.232 рубля, положительно не стоитъ; а во-вторыхъ, мотивы, по которымъ возникаетъ вопросъ о разсрочкѣ или сложеніи недоимокъ, установляются на мѣстахъ и значеніе этихъ мотивовъ въ центральномъ управленіи провѣрено быть не можетъ за неимѣніемъ данныхъ помимо тѣхъ, которыя должны быть представлены мѣстнымъ управленіемъ. Слѣдовательно, всѣ подобныя дѣла производятся для исполненія только пустой формальности, по которой требуется въ этихъ случаяхъ санкція центральнаго управленія. Но подобная санкція можетъ быть получена простымъ утвержденіемъ министра постановленія казенной палаты чрезъ канцелярію министра. Наконецъ, остается бухгалтерія по окладнымъ сборамъ, которая и составляетъ такъ-сказать текущее дѣло департамента окладныхъ сборовъ и ведется имъ на основаніи вѣдомостей казенныхъ палатъ, съ указаніемъ какъ утвержденныхъ ими окладовъ, такъ и поступившихъ за извѣстный періодъ сборовъ. Но та же самая бухгалтерія ведется и въ департаментахъ государственнаго казначейства, въ виду необходимости имѣть эти свѣдѣнія для распредѣленія наличныхъ средствъ государственнаго казначейства, и, слѣдовательно, нѣтъ никакой надобности, чтобъ она велась еще въ особомъ департаментѣ того же министерства. Въ прежнее время, когда существовалъ особый земскій сборъ государственный и губернскій и когда министерство финансовъ, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, вѣдало не только утвержденіе смѣтъ по этимъ сборамъ, но производило и раскладку государственнаго земскаго сбора,—необходимость особаго департамента была понятна, тѣмъ болѣе, что и производство расходовъ изъ этихъ сборовъ производилось подъ наблюденіемъ этого департамента. Но, съ причисленіемъ государственнаго земскаго и общественнаго сборовъ къ общимъ государственнымъ доходамъ и съ передачею губернскихъ сборовъ въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій, департаментъ окладныхъ сборовъ дѣлается совершенно излишнимъ и ненужнымъ учрежденіемъ и, какъ мнѣ кажется, остается только

потому, что для бюрократическаго порядка трудно подымать руку на самого себя. Можетъ возникнуть трудный для разрѣшенія вопросъ, что дѣлать съ чиновниками, служащими въ департаментѣ, тѣмъ болѣе, что тамъ есть и тайные, и дѣйствительные статскіе совѣтники. Неловко же ихъ оставлять за штатомъ.

То же и съ большею достовѣрностію можно сказать и о департаментѣ торговли и мануфактуръ. Если департаментъ окладныхъ сборовъ въ прежнее время имѣлъ свой raison d'être, то департаментъ торговли и мануфактуръ рѣшительно никогда не имѣлъ значенія и велъ только бухгалтерію по сборамъ съ торговли и промысловъ, которая ведется также и въ департаментѣ государственнаго казначейства по тѣмъ же вѣдомостямъ казенныхъ палатъ. Правда, въ виду отсутствія предметовъ вѣдомства, его вѣдѣнію былъ подчиненъ технологическій институтъ въ Петербургѣ, но теперь и онъ переданъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, и такимъ образомъ, кромѣ бухгалтеріи по сборамъ съ торговли и промысловъ, за нимъ остается завѣдываніе Строгановскимъ училищемъ техническаго рисованія (въ Москвѣ), которое, Богъ знаетъ почему, остается въ вѣдѣніи этого департамента, и выдача привилегій на изобрѣтенія, не касающіяся однако-жь сельскаго хозяйства. Что касается послѣдняго предмета вѣдомства, то вопросы сюда относящіеся должны бы разсматриваться отнюдь не въ департаментѣ министерства, который въ этомъ случаѣ нисколько не компетентенъ, а въ какой-нибудь ученой корпораціи техниковъ, какъ, напримѣръ, при технологическомъ институтѣ или подобномъ учрежденіи.

Можно понять министерство торговли и промышленности, которое завѣдывало бы всѣми отраслями промышленной дѣятельности, т. е. таможеннымъ тарифомъ, путями сообщенія, торговыми портами, банками и нуждами сельскаго хозяйства. Объединеніе всѣхъ промышленныхъ интересовъ государства въ вѣдѣніи одного вѣдомства могло бы вести къ болѣе правильному направленію средствъ, ассигнуемыхъ въ распоряженіе такого министерства, на одновременное развитіе всѣхъ промышленныхъ силъ государства, и избавило бы можетъ-быть насъ отъ той односторонней торговой политики, которая такъ вредитъ обще-народнымъ интересамъ. Конечно, учрежденіе подобнаго министерства не есть еще панацея противъ ошибочной политики, но во всякомъ случаѣ сопоставленіе разнородныхъ интересовъ и нравственная отвѣтственность одного и того же лица за общее ихъ раз-

витіе представляютъ до извѣстной степени гарантію противъ той ошибочной политики, по которой считается, напримѣръ, что развитіе торговли и фабричной промышленности обезпечиваетъ богатство страны; между тѣмъ какъ оно ведетъ только къ сосредоточенію капиталовъ въ немногихъ рукахъ, полному разоренію сельскаго рабочаго и оскудѣнію финансовъ государства. Повторяю, можно понять устройство министерства торговли, но понять учрежденіе департамента торговли и мануфактуръ въ числѣ другихъ департаментовъ министерства финансовъ я положительно отказываюсь. Если размотрѣть всѣ кредиты, ассигнуемые департаменту, то окажется, что они составляютъ только простую выдачу разныхъ пособій разнымъ обществамъ и учрежденіямъ въ опредѣленныхъ размѣрахъ, не требующую ровно никакихъ распоряженій,—выдачу, которую могло бы исполнять казначейство въ виду открытаго кредита. Что же касается кредита на полезныя для торговли и промышленности издержки, въ суммѣ 14.750 руб., то онъ настолько ничтоженъ, что не представляетъ возможности сдѣлать что-либо полезное въ этомъ отношеніи и, по всей вѣроятности, трятится совершенно непроизводительно именно въ силу своей ничтожности. Вообще въ смѣту этого департамента вносятся разнородныя выдачи, повидимому за отсутствіемъ у него другихъ функцій. Такъ, напримѣръ, по этому департаменту производилась выдача 12.000 рублей въ 1880 году на изданіе атласа орнаментовъ подъ названіемъ: «Славянскіе и восточные орнаменты». Спрашивается, что общаго между славянскими и восточными орнаментами и назначеніемъ департамента торговли и мануфактуръ?

Въ виду означенныхъ соображеній, департаментъ торговли и мануфактуръ, вмѣстѣ съ его бухгалтеріей, подлежитъ положительному упраздненію, другія же обязанности его могутъ быть переданы въ общую канцелярію министра безъ всякаго для нея обремененія, такъ какъ онѣ состоятъ только изъ подписыванія ассигновокъ. Дѣла же по выдачѣ привилегій должны быть переданы совѣту высшаго технологическаго учебнаго заведенія.

Третье совершенно ненужное учрежденіе министерства финансовъ есть коммиссія погашенія государственныхъ долговъ. Въ прежнее время, когда означенная коммиссія была учреждена, государственный долгъ имѣлъ совершенно другое значеніе: это было лишь временное позаимствованіе частныхъ средствъ, о скорѣйшей уплатѣ которыхъ необходимо было особое попеченіе; но съ

тѣхъ поръ, какъ платежъ процентовъ по государственнымъ долгамъ сдѣлался существенной и неизбѣжною статьей государственнаго бюджета, а погашеніе государственнаго долга не ставится непремѣннымъ условіемъ займа, никакого особаго попеченія о погашеніи не требуется и оно производится или путемъ разъ установленнаго ежегоднаго тиража, или покупкою на биржѣ, на опредѣленную сумму, государственныхъ обязательствъ, если есть на то средства у министра финансовъ. Такимъ образомъ, въ виду существованія особой канцеляріи министра финансовъ по кредитной части, нѣтъ никакого повода сохранять коммиссію погашенія долговъ, между тѣмъ какъ упраздненіе оной сохранило бы государству 114.842 рубля, которые нынѣ тратятся совершенно непроизводительно.

Не понятно для меня также, почему въ бюджетѣ расходовъ по системѣ кредита вносятся издержки на содержаніе с.-петербургской и московской сохранной казны. Обороты этихъ кассъ причисляются къ оборотамъ государственнаго банка, а потому и расходы должны падать не на государственное казначейство, а на доходы банка, которые стоятъ у насъ совершенно особнякомъ и внѣ всякой зависимости отъ высшихъ государственныхъ учрежденій. Отчетъ государственнаго банка представляется только совѣту государственныхъ кредитныхъ учрежденій; но такая зависимость есть чисто фиктивная, являющаяся пустою формальностью, такъ какъ совѣтъ не только не руководитъ дѣйствіями банка, но, повидимому, вовсе и не собирается; иначе нельзя объяснить, почему прибыли банка не только за истекшій годъ, но даже за 1880 годъ остаются въ числѣ счетовъ пассива банка и не получаютъ никакого назначенія, такъ какъ банкъ безъ распоряженія совѣта кредитныхъ учрежденій сдѣлать этого не можетъ.

Дѣйствительно, положеніе государственнаго банка въ нашемъ отечествѣ какое-то странное. Онъ представляетъ собою совершенно самостоятельное учрежденіе, стоящее внѣ всякой зависимости и вліянія даже комитета министровъ и не имѣетъ ничего общаго съ учрежденіемъ министерства финансовъ, кромѣ прямого подчиненія управляющаго банкомъ министру финансовъ. Между тѣмъ государственный банкъ оперируетъ главнымъ образомъ казенными капиталами и характеръ его операцій имѣетъ огромное вліяніе на всѣ условія хозяйственной дѣятельности въ Россіи. Это вліяніе имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что оно дѣй-

ствуетъ не прямо, а косвенно, и потому можетъ быть замѣчено только опытнымъ глазомъ. Я не говорю о томъ, что при существующей системѣ денежнаго обращенія и при такой громадной наличности кассы, какая имѣется въ настоящее время въ кладовыхъ банка, послѣдній держитъ въ полной своей зависимости все денежное обращеніе страны и, въ случаѣ ошибочныхъ распоряженій, можетъ вызвать не только не желательныя, но и печальныя послѣдствія; но, кромѣ того, одно право и возможность расширять кредитъ одной мѣстности въ ущербъ другой или одной отрасли промышленности на счетъ другой—даетъ банку средство содѣйствовать общимъ видамъ административной политики комитета министровъ или парализовать ее. Еще въ большей зависимости отъ государственнаго банка находится успѣхъ хозяйственной дѣятельности каждаго отдѣльнаго министра, такъ какъ и содѣйствіе, и противодѣйствіе отдѣльному вѣдомству еще менѣе замѣтны, чѣмъ общему направленію внутренней политики. Я не хочу этимъ сказать, что государственный банкъ можетъ имѣть въ виду сознательно направлять свои распоряженія въ ту или другую сторону, но все это можетъ такъ случиться, безъ всякихъ заднихъ цѣлей, вслѣдствіе дискреціоннаго права банка распоряжаться кредитомъ и различія взглядовъ при отсутствіи возможности согласить ихъ. Для поясненія моей мысли приведу одинъ примѣръ. Положимъ, военный министръ дѣлаетъ распоряженіе о заготовкѣ значительнаго количества провіанта въ извѣстномъ районѣ и съ этою цѣлью командируетъ агентовъ для покупки его; между тѣмъ государственный банкъ, въ виду какихъ-либо соображеній, находитъ нужнымъ расширить значительно въ томъ же районѣ и въ то же время кредитъ мѣстныхъ хлѣботорговцевъ. Само собою разумѣется, что цѣны на хлѣбъ, вслѣдствіе такой мѣры государственнаго банка, возвысятся, успѣхъ операціи военнаго министра будетъ значительно парализованъ и можетъ даже оказаться полнѣйшая неудача; если же, наоборотъ, кредитъ мѣстныхъ хлѣботорговцевъ будетъ стѣсненъ, то успѣхъ можетъ превзойти ожиданія. Но, при такомъ несомнѣнномъ вліяніи операцій государственнаго банка на тотъ или другой исходъ операціи, дѣйствительная причина врядъ ли сдѣлается извѣстной военному министру и врядъ ли самъ государственный банкъ узнаетъ о послѣдствіяхъ своихъ распоряженій. Они совершенно чужды одинъ другому и ихъ распоряженія исходили изъ соображеній различнаго порядка, ничего общаго между собою не имѣю-

щихъ. Каждый изъ гг. министровъ, въ вѣдомствѣ котораго производятся какія-либо значительныя хозяйственныя операціи или состоитъ завѣдываніе извѣстной отраслью промышленности, можетъ быть поставленъ въ то же положеніе, какъ и военный министръ въ приведенномъ гипотетическомъ примѣрѣ, и его распоряженія могутъ быть парализованы распоряженіями государственнаго банка, между тѣмъ какъ онъ съ своей стороны не можетъ оказать никакого вліянія на дѣятельность государственнаго банка. Все это я говорю въ тѣхъ видахъ, чтобы показать тотъ ненормальный порядокъ вещей, въ которомъ находится наша администрація. Учрежденіе, сосредоточивающее въ своихъ рукахъ, такъ-сказать, всѣ жизненныя силы государства, вліяющее на развитіе и стѣсненіе всякаго рода дѣятельности, поставлено совершенно независимо отъ высшаго административнаго учрежденія въ государствѣ и даже не представляетъ ему своего отчета, при разсмотрѣніи котораго члены комитета министровъ могли бы критически отнестись къ дѣятельности государственнаго банка и, въ случаѣ его совершенно односторонней и несоотвѣтствующей общимъ государственнымъ интересамъ дѣятельности, указать на нее или, по крайней мѣрѣ, подвергнуть серьезному обсужденію послѣдствія этой дѣятельности.

Мнѣ могутъ замѣтить, что министръ финансовъ, въ качествѣ главнаго руководителя дѣятельностію государственнаго банка, всегда можетъ выслушать замѣчанія своихъ сочленовъ, принять ихъ къ руководству или представить на нихъ возраженія. Но это можетъ говорить только тотъ, кто незнакомъ съ порядкомъ, установленнымъ для внесенія дѣлъ въ комитетъ министровъ. Дѣло въ томъ, что министрами вносятся въ комитетъ министровъ только вопросы ихъ вѣдомства и подлежатъ разсмотрѣнію лишь въ предѣлахъ сдѣланнаго представленія. На этомъ основаніи вопросъ о дѣятельности государственнаго банка въ комитетѣ министровъ и возникнуть не можетъ. Какъ бы ни вредила эта дѣятельность усиліямъ кого-либо изъ гг. министровъ, онъ не въ правѣ возбуждать этого вопроса въ комитетѣ, а испрашивать на это Высочайшее разрѣшеніе всеподданнѣйшимъ докладомъ считается необычнымъ и было бы прямымъ вмѣшательствомъ въ дѣла, подлежащія вѣдѣнію другого министра. Такимъ образомъ дѣятельность государственнаго банка остается безконтрольною, такъ какъ контроль министра финансовъ—и какъ лица дающаго направленіе этой дѣятельности, и какъ лица обремененнаго

наго другими занятіями—далеко недостаточенъ. Мудрено ли, что при такой обстановкѣ дѣятельность государственнаго банка уклонилась отъ дѣйствительнаго своего назначенія и сдѣлалась одностороннею.

Первая статья устава государственнаго банка возлагаетъ на него содѣйствіе развитію отечественной торговли и промышленности. Какъ же исполняетъ эту обязанность государственный банкъ?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти въ его балансахъ. До сихъ поръ мнѣ не удавалось видѣть ни одного баланса государственнаго банка, въ которомъ бы не было указано долговъ банка его конторамъ и отдѣленіямъ, причемъ долги эти доходили до 40 — 50 милліоновъ рублей. Отсюда слѣдуетъ, что государственный банкъ при посредствѣ своихъ конторъ и отдѣленій сосредоточиваетъ провинціальные капиталы въ Петербургѣ и раздаетъ ихъ въ ссуду петербургскимъ торговцамъ и капиталистамъ, то-есть содѣйствуетъ не отечественной, а петербургской, и притомъ не промышленности вообще, а исключительно торговлѣ и притомъ на счетъ провинціи. Его конторы и отдѣленія, пользуясь кредитомъ въ силу правительственнаго авторитета, служатъ, такъ-сказать, насосами для выкачиванія мѣстныхъ капиталовъ въ пользу петербургскихъ банковъ, банкировъ и капиталистовъ. Мудрено ли послѣ этого, что въ провинціи, лишенной этихъ капиталовъ, обнаруживается полнѣйшій застой промышленности, въ особенности въ послѣднее время. Но, кромѣ того, конторы и отдѣленія, помимо тѣхъ капиталовъ, которые онѣ переводятъ въ государственный банкъ, часть ихъ раздаютъ въ ссуду мѣстнымъ капиталистамъ. Такимъ образомъ капиталы, прежде обращавшіеся, за неимѣніемъ другого помѣщенія, въ мелкомъ производствѣ, теперь попадаютъ въ руки мѣстныхъ Колупаевыхъ и усиливаютъ ихъ средства эксплуатировать какъ производителей, такъ и потребителей. Отсюда слѣдуетъ, что государственный банкъ, усиливая центразизацію и сосредоточеніе капиталовъ въ столицахъ и болѣе крупныхъ центрахъ,—централизацію и безъ того чрезвычайно сильную вслѣдствіе существующаго государственнаго устройства и управленія,—препятствуетъ болѣе правильному и равномѣрному распредѣленію капиталовъ, вызываетъ вовсе непроизводительныя ихъ траты, ничѣмъ не оправдываемую роскошь большихъ городовъ и бѣдность деревень. Этимъ государственный банкъ не только не содѣйствуетъ развитію отечественной промышленности, но положитель-

но парализуетъ ее, давая обращенію капиталовъ совершенно неправильное направленіе. Операціи банка могли бы содѣйствовать развитію отечественной промышленности только въ такомъ случаѣ, еслибъ онѣ, не высасывая капиталовъ изъ одной мѣстности для перевода ихъ въ другую, въ каждой данной мѣстности развивали бы ссуды въ мѣрѣ возрастанія вкладовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ хотя бы до извѣстной степени исправляли вредныя экономическія послѣдствія централизаціи капиталовъ, обусловливаемой существованіемъ крупныхъ административныхъ центровъ, т. е. способствовали бы обратному теченію свободныхъ средствъ изъ крупныхъ административныхъ центровъ въ провинцію и деревню.

Но этой одной перемѣной въ политикѣ государственнаго банка можетъ понизиться процентъ съ капитала въ провинціи, но поставленная для банка цѣль не можетъ быть достигнута, такъ какъ въ этомъ случаѣ капиталы изъ рукъ столичныхъ болѣе крупныхъ Разуваевыхъ могли бы перейти въ руки болѣе мелкихъ провинціальныхъ Колупаевыхъ, нисколько не содѣйствуя развитію производства. Для достиженія этой послѣдней цѣли нужно измѣнить самый характеръ ссудъ, производимыхъ государственнымъ банкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоитъ объектъ, надъ которымъ обыкновенно оперируетъ государственный банкъ по ссудамъ?—Главнымъ образомъ процентная бумага, вексель, и притомъ торговый, и наконецъ товаръ въ незначительныхъ размѣрахъ. Относительно процентныхъ бумагъ слѣдуетъ замѣтить, что кредитъ, создаваемый этими цѣнностями, не имѣетъ никакого отношенія къ производству и нисколько его не усиливаетъ; напротивъ, выгоды кредита, доставляемаго этими цѣнностями, поощряютъ извлеченіе капиталовъ изъ производства и помѣщеніе ихъ въ процентныхъ бумагахъ. Владѣлецъ процентныхъ бумагъ прибѣгаетъ къ кредиту отнюдь не въ видахъ какого-либо производства, но просто для покупки другихъ бумагъ, разсчитывая или на высшій процентъ по этимъ бумагамъ, или на повышеніе ихъ стоимости. Такимъ образомъ ссуды подъ процентныя бумаги развиваютъ только биржевую игру и убиваютъ производство. Въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимъ вниманіе, какая масса капиталовъ обращается въ торговлѣ процентными бумагами, и притомъ возьмемъ въ соображеніе то обстоятельство, что такая торговля создалась у насъ только со времени учрежденія государственнаго банка, — то должны согласиться, во-первыхъ, что капиталы эти ни въ какомъ случаѣ не

могли быть слѣдствіемъ однихъ сбереженій, сдѣланныхъ въ послѣднія 20 лѣтъ, а извлечены изъ другихъ предпріятій и оборотовъ, между которыми производство играло не послѣднюю роль; а во-вторыхъ, что виновникомъ такой непроизводительной затраты капиталовъ, какимъ является биржевая игра, можно считать исключительно государственный банкъ, такъ какъ наши частные банки оперируютъ по примѣру и на средства того же государственнаго банка.

Другой объектъ, надъ которымъ оперируетъ государственный банкъ, а за нимъ и всѣ частные банки, есть вексель. Но эта бумага есть орудіе торговли, и притомъ торговли исключительно. Вексель облегчаетъ для торговли возможность сдѣлать товаръ предметомъ сбыта и обращенія, но нисколько не усиливаетъ производства, въ особенности у насъ въ Россіи, гдѣ главная масса товаровъ является продуктомъ сельско-хозяйственной или кустарной промышленности, вовсе не имѣющихъ кредита ни въ какихъ банкахъ. Что же касается нашей крупной заводской и фабричной промышленности, то она, во-первыхъ, составляетъ каплю въ морѣ нашего производства и, во-вторыхъ, можетъ пользоваться кредитомъ лишь въ видахъ скорѣйшаго сбыта продуктовъ, т. е. пользоваться кредитомъ въ мѣрѣ кредита, сдѣланнаго торговлѣ, а отнюдь не для усиленія производства, такъ какъ для этой цѣли нуженъ болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ какой открывается нашими банками. Мнѣ могутъ возразить, что обрабатывающая промышленность можетъ, въ виду существующей учетной операціи, пріобрѣтать въ кредитъ тѣ матеріалы производства, затрата которыхъ не требуетъ бо̀льшаго срока; но необходимость отпускать выработанный продуктъ въ кредитъ, въ видахъ облегченія сбыта, требуетъ также болѣе продолжительнаго срока. Въ виду означенныхъ условій вексель является средствомъ усиленія обращенія товаровъ, слѣдовательно содѣйствуетъ развитію торговыхъ оборотовъ, но не имѣетъ никакого вліянія на развитіе и усиленіе производительной промышленности. Доказательства на-лицо: наша сельско-хозяйственная дѣятельность въ застоѣ, кустарная промышленность падаетъ, фабричная и заводская занимаетъ то же число рукъ, что и 20 лѣтъ тому назадъ, слѣдовательно не приноситъ народу большихъ выгодъ, и если увеличила сумму своего производства, то лишь благодаря тѣмъ потерямъ, которыя въ силу покровительственныхъ пошлинъ обязаны нести русскіе потребители. Подобная переплата, еслибъ

она осталась въ рукахъ потребителей, могла бы служить источникомъ сбереженій и, конечно, пошла бы на болѣе выгодное развитіе промышленныхъ силъ страны, чѣмъ мы это видѣли на послѣдней выставкѣ. Что же касается усиленія обращенія товаровъ, то она дѣйствительно усилилась въ громадныхъ размѣрахъ. Количество нашего ввоза и вывоза не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, что было 20 лѣтъ тому назадъ, и цѣна на всѣ предметы первой необходимости удвоилась. Но такъ какъ огромное большинство русскаго народа не продаетъ ихъ, а покупаетъ, и во всякомъ случаѣ весь русскій народъ потребляетъ предметовъ первой необходимости несравненно болѣе, чѣмъ продаетъ, то отъ этого возвышенія цѣнъ онъ не находится въ авантажѣ, такъ какъ собственное содержаніе ему обходится вдвое дороже. Вотъ послѣдствія усиленія товарнаго обращенія путемъ того содѣйствія, которое оказывалъ государственный банкъ, а за нимъ и всѣ частные банки, нашей торговлѣ, — послѣдствія, выразившіяся въ полномъ обѣднѣніи крестьянскаго населенія.

Но мнѣ желательно обратить вниманіе читателя еще на одно обстоятельство и указать, какъ операціи государственнаго банка могутъ парализовать даже политику того вѣдомства, которому онъ непосредственно подчиненъ, а именно политику министерства финансовъ. Извѣстно, что наше министерство финансовъ, несмотря на перемѣну лицъ, стоявшихъ во главѣ его, постоянно придерживалось системы протекціонизма и таможенныя пошлины, возрастая постоянно, въ настоящее время на нѣкоторые товары достигли размѣровъ чисто запретительныхъ, въ виду взиманія ихъ золотомъ при существующемъ низкомъ курсѣ нашего кредитнаго рубля. Такая политика, разумѣется, имѣетъ въ виду оградить нашъ рынокъ отъ наплыва заграничныхъ товаровъ. Но государственный банкъ, направляя всѣ свои операціи на усиленіе товарнаго обращенія, не въ состояніи направить свое содѣйствіе только на усиленіе обращенія товаровъ внутренняго приготовленія; онъ не можетъ даже знать, за какой товаръ выданъ учитываемый имъ вексель, слѣдовательно его содѣйствіе усиливаетъ на нашемъ рынкѣ обращеніе товаровъ какъ внутренняго, такъ и заграничнаго приготовленія, и, мнѣ кажется, преимущественно обращеніе послѣднихъ, которые большею частію продаются въ кредитъ съ разсрочкою платежа, тогда какъ сырые продукты нашего производства большею частію идутъ за наличный разсчетъ, вслѣдствіе чего подобныя сдѣлки вызываютъ мень-

шее количество векселей. Такимъ образомъ учетная операція нашихъ банковъ всего болѣе содѣйствуетъ усиленію обращенія заграничныхъ товаровъ и тѣмъ увеличиваетъ ввозъ. Русскій торговецъ гораздо охотнѣе будетъ пріобрѣтать даже болѣе цѣнный заграничный товаръ, получая его въ кредитъ, въ которомъ заграничные коммиссіонеры никогда не отказываютъ. Но этого мало: выписка заграничныхъ товаровъ и продажа ихъ на нашемъ рынкѣ въ кредитъ даже по дешевымъ цѣнамъ и въ убытокъ дѣлается коммиссіонерскими конторами съ единственною цѣлью учесть векселя въ нашихъ банкахъ для производства другихъ операцій. Значительная отсрочка платежей, которую дѣлаютъ здѣшнимъ коммиссіонерамъ заграничные заводчики и торговые дома, даетъ коммиссіонеру возможность производить другія операціи впредь до наступленія срока платежа и барышами покрывать свои убытки по продажѣ заграничнаго товара. При колебаніи у насъ вексельнаго курса и цѣны на золото и при высотѣ нашего торговаго процента, недостатка въ различныхъ денежныхъ операціяхъ, быстро совершаемыхъ у насъ, быть не можетъ. Такимъ образомъ государственный банкъ, производя учетную операцію, создаетъ не только возможность ввоза заграничныхъ произведеній, но и усиленное ихъ распространеніе по всей Россіи, и слѣдовательно парализуетъ въ значительной степени значеніе покровительственныхъ пошлинъ въ ущербъ нашему заводскому и фабричному производству, то-есть не содѣйствуетъ ему, а убиваетъ его.

Ссуды подъ залогъ товаровъ также облегчаютъ лишь сбытъ ихъ и слѣдовательно содѣйствуютъ обращенію, а не производству товаровъ, и притомъ производятся въ такихъ незначительныхъ размѣрахъ, что о нихъ и говорить не стоитъ.

Еслибы государственный банкъ дѣйствительно имѣлъ въ виду развитіе производительной промышленности, то, во-первыхъ, онъ озаботился бы, чтобы капиталы, скапливающіеся въ столицахъ и большихъ промышленныхъ центрахъ, шли бы въ провинцію, а не наоборотъ,—ближе къ дѣйствительному производителю и попадали прямо ему въ руки, а не оставались бы въ распоряженіи торговаго люда, этого паразитнаго класса, который отъѣдается, жирѣетъ на счетъ производителя и потребителя и, къ несчастію Россіи, за немногими исключеніями, отличается тупостію, неразвитостію и отсутствіемъ всякаго чувства гражданскаго долга. Само собой разумѣется, что вопросъ, какъ достигнуть подобныхъ результатовъ,

есть вопросъ техническій и не можетъ быть предметомъ настоящей статьи, имѣющей въ виду указать лишь тѣ принципы, на основаніи которыхъ инициатива государства въ дѣлѣ кредита могла бы соотвѣтствовать народному интересу. Дѣло это конечно трудное, но трудность достиженія цѣли не есть еще невозможность. Нужно только отрѣшиться отъ того рутиннаго взгляда, перешедшаго къ намъ съ Запада, по которому вексель съ бланкомъ его владѣльца считается лучшимъ объектомъ банковскихъ операцій. Но тамъ этотъ взглядъ имѣлъ основаніе: задача кредита въ западной Европѣ состояла въ томъ, чтобъ облегчить сбытъ и расширить рынокъ для продуктовъ исторически уже развившагося производства, тогда какъ у насъ дѣло кредита—создать производство или, лучше сказать вдохнуть новую жизнь въ наше производство, которое въ большинствѣ случаевъ ведется до сихъ поръ допотопными пріемами. Въ виду такой значительной разницы экономическаго положенія у насъ и на западѣ Европы, пріемы нашихъ кредитныхъ учрежденій должны быть совершенно иные, чѣмъ на западѣ Европы, если только имѣется въ виду путемъ кредита содѣйствовать развитію нашихъ производительныхъ силъ. Само собою разумѣется, что наши частные акціонерные банки не могутъ задаваться подобными цѣлями: ихъ цѣль — нажива, какимъ бы путемъ она имъ ни доставалась; но государственный банкъ, казалось бы, долженъ имѣть въ виду указанную мною цѣль, и можно только удивляться, что въ теченіе 20-лѣтняго его существованія не было замѣчено, что онъ не только не достигаетъ предназначенной ему цѣли, но прямо тормозитъ развитіе нашего внутренняго производства.

Если таково значеніе операцій государственнаго банка, то его дѣятельность необходимо должна подлежать контролю комитета министровъ, какъ высшаго административнаго учрежденія въ государствѣ, и не можетъ оставаться исключительно въ вѣдѣніи министра финансовъ. Конечно, подобный контроль не есть панацея отъ ошибочной политики; но все-таки разсмотрѣніе отчета государственнаго банка въ комитетѣ министровъ можетъ имѣть полезные результаты, такъ какъ коллегіальное рѣшеніе подобныхъ вопросовъ есть до извѣстной степени гарантія правильности этого рѣшенія, тѣмъ болѣе, что между членами комитета министровъ могутъ быть лица, для которыхъ значеніе операцій государственнаго банка и ихъ вліяніе на экономическое положеніе государства вовсе не чужды.

Читатель, быть-можетъ, посѣтуетъ на меня за это длинное уклоненіе отъ разсмотрѣнія смѣты министерства финансовъ въ область банковской политики; но, относясь критически къ нынѣшнему устройству учрежденій министерства финансовъ, я не могъ не указать на ненормальность положенія государственнаго банка въ средѣ нашихъ государственныхъ учрежденій, — ненормальность, состоящую въ томъ, что, имѣя вліяніе на всѣ отправленія государственнаго организма, онъ совершенно изъятъ изъ вѣдѣнія высшаго административнаго учрежденія. Разъ же коснувшись этого вопроса, я не могъ ограничиться краткимъ замѣчаніемъ.

Переходя къ другимъ отдѣламъ министерства финансовъ, нельзя не замѣтить, что и здѣсь, также какъ въ военномъ министерствѣ, замѣчается стремленіе каждаго департамента обособиться въ особое вѣдомство, не имѣющее ничего общаго съ остальными. Вѣдомство государственнаго банка, акцизное управленіе, государственное казначейство и таможенное управленіе—это все особыя министерства, объединяющимъ началомъ между которыми служитъ не характеръ управленія, а только подчиненіе одному лицу, такъ что нашъ министръ финансовъ можетъ считаться представителемъ четырехъ министерствъ и каждое изъ нихъ можетъ быть безъ всякихъ затрудненій переведено въ вѣдѣніе всякаго другого министра: вся разница въ этомъ случаѣ будетъ состоять только въ томъ, что директоръ департамента будетъ ѣздить съ докладомъ къ другому министру. Обособленіе проведено настолько, что каждый департаментъ имѣетъ свою отдѣльную смѣту, особые органы въ губерніяхъ, свою инспекторскую часть, свою бухгалтерію и особыхъ чиновниковъ для надзора за мѣстными органами управленія. Эти послѣдніе въ свою очередь не имѣютъ ничего общаго между собою и не только не обязаны никакой совмѣстною дѣятельностію, но иногда входятъ между собой въ пререканія.

Такимъ образомъ существующій порядокъ вещей совершенно удалился отъ мысли законодателя, который, учреждая департаменты министерствъ, имѣлъ въ виду установить лишь одно распредѣленіе занятій по родамъ дѣлъ, нисколько не нарушая единства общаго управленія. Между тѣмъ на практикѣ канцеляризмъ создалъ отдѣльныя учрежденія, которыя ведутъ между собою переписку и входятъ въ пререканія.

Въ результатѣ такой системы оказалась огромная трата въ 25 милл. рублей на содержаніе мѣстной администраціи при отсутствіи серьезныхъ занятій въ особенности для старшихъ лицъ мѣстнаго управленія. Ни управляющій акцизными сборами, ни управляющій казенною палатой, ни начальникъ таможеннаго округа не имѣютъ почти никакого дѣла, кромѣ обычнаго надзора за своими подчиненными. Положимъ, управляющій казенною палатой подписываетъ массу бумагъ, но это только формальность, которую онъ долженъ исполнить не читая, такъ какъ провѣрить всѣ цифры, которыя онъ удостовѣряетъ своею подписью ежедневно, нѣтъ ни надобности, ни физической возможности. Но въ акцизномъ вѣдомствѣ нѣтъ даже и этой механической рвботы. Пишущему эти строки извѣстно положительно, что въ одномъ изъ наиболѣе значительныхъ губернскихъ управленій число исходящихъ бумагъ не превышало 300 №№ въ годъ, а въ теченіе лѣта, когда винокуреніе прекращается, чиновники акцизнаго вѣдомства рѣшительно были свободны, а между тѣмъ это одно изъ наиболѣе дорогихъ вѣдомствъ. При сравненіи, наприм., расходовъ на содержаніе акцизнаго управленія въ губерніяхъ съ расходами на содержаніе казенныхъ палатъ и казначействъ оказывается, что на первыя назначено въ текущемъ году 7.683.000 рубля, тогда какъ на послѣдніе только 6.508.000 рублей, т. е. на 1.178.000 рублей менѣе, тогда какъ для исполненія канцелярской работы и счетоводства по казначействамъ и казенной палатѣ требуется значительное число лицъ, въ которыхъ вовсе не нуждаются губернскія и окружныя акцизныя управленія. Неравномѣрность вознагражденія чиновниковъ, состоящихъ въ однихъ и тѣхъ же классахъ, вообще есть большое зло, вызывающее сильную деморализацію; но различіе въ содержаніи чиновниковъ одного и того же министерства, и притомъ такое различіе, при которомъ платится вдвое большее жалованье при вдвое и втрое меньшемъ трудѣ, — это такая несправедливость, которая не можетъ не возмущать людей. А что чины акцизнаго вѣдомства имѣютъ очень мало занятій въ сравненіи съ чиновниками казенной палаты или казначейства, это также не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Такой ненормальный порядокъ вещей обратилъ на себя серьезное вниманіе нынѣшняго министра финансовъ и въ настоящее время собрана коммиссія изъ управляющихъ казенными палатами и акцизными сборами для обсужденія вопроса о реформѣ фи-

нансоваго управленія въ губерніяхъ. Но, къ сожалѣнію, изъ сообщенныхъ газетами словъ г. министра, сказанныхъ членамъ коммиссіи, можно заключить, что вниманіе министерства обращено только на одну сторону неудобствъ существующаго порядка, а именно—на отсутствіе единства въ мѣстномъ финансовомъ управленіи, но вовсе не имѣется въ виду сокращенія штатовъ и соблюденія возможной экономіи. Между тѣмъ мнѣ бы казалось, что заботы о введеніи единства въ управленіи ни въ какомъ случаѣ не должны устранять необходимости позаботиться о сокращеніи штатовъ и возможной экономіи. При настоящемъ положеніи государственнаго казначейства отпускъ на содержаніе одного надзора за поступленіемъ акцизныхъ сборовъ 7.683.011 руб. въ то время, какъ на мѣстахъ, кромѣ того, существуютъ другіе органы министерства финансовъ, представляется расходомъ въ высшей степени непроизводительнымъ. Мнѣ кажется, что въ настоящее время упраздненіе губернскихъ и окружныхъ акцизныхъ управленій и переводъ въ вѣдѣніе казенныхъ палатъ всѣхъ помощниковъ окружныхъ надзирателей и ревизоровъ въ качествѣ чиновниковъ особыхъ порученій не только для надзора за поступленіемъ акцизныхъ сборовъ, но и для исполненія всѣхъ другихъ порученій управляющаго казенной палаты вполнѣ возможно и потребовало бы только нѣкотораго усиленія расходовъ на канцелярію казенной палаты. Такая реформа содѣйствовала бы лучшему надзору какъ за казначействами, такъ и за правильностію поступленія окладныхъ доходовъ и налога на торговлю, на томъ простомъ основаніи, что при объѣздѣ своихъ районовъ эти чиновники могли бы наблюдать вмѣстѣ съ тѣмъ за правильностію взносовъ сельскими сборщиками окладныхъ сборовъ, что нынѣ вовсе не дѣлается, а также и за правильностію взятія торговыхъ документовъ, что нынѣ очень рѣдко повѣряется. Въ особенности въ лѣтнее время, когда винокуреніе вовсе не производится и когда акцизный надзоръ почти не имѣетъ занятій, такая повѣрка могла бы очень легко производиться. Въ настоящее же время, когда эти силы состоятъ въ вѣдѣніи особаго вѣдомства, казенная палата не можетъ ими пользоваться, хотя онѣ и подчинены тому же министру финансовъ и оплачиваются изъ одного и того же источника *).

*) Статья моя уже печаталась, когда я прочелъ въ газетахъ, что означенная коммиссія пришла къ заключенію о необходимости сохранить акцизное вѣдомство въ настоящемъ составѣ, въ виду многосложности занятій чиновъ этого

Говоря о расходахъ по департаменту неокладныхъ сборовъ, нельзя пройти молчаніемъ расхода на вознагражденіе мѣстъ и лицъ за отошедшіе въ казну питейные доходы, — расхода, достигающаго 2.367.000 рублей по смѣтѣ на текущій годъ. Признаюсь, я рѣшительно не понимаю подобнаго расхода черезъ 20 лѣтъ послѣ отмѣны права различныхъ мѣстъ и лицъ взимать питейные доходы. Если и можно было допускать вознагражденіе этихъ мѣстъ и лицъ на первое время послѣ введенія акцизной системы, въ виду невозможности покрывать изъ другихъ источниковъ необходимыхъ расходовъ, отнесенныхъ на подобный доходъ, то существованіе такого порядка вещей въ теченіе 20 лѣтъ мнѣ представляется положительно ненормальнымъ. Обложеніе извѣстнымъ налогомъ извѣстнаго промысла принадлежитъ къ категоріи правъ публичныхъ, принадлежащихъ исключительно государству, и если въ прежнее время законъ допускалъ извлеченіе изъ подобнаго права выгодъ въ пользу различныхъ учрежденій или частныхъ лицъ, то только потому, что не было точнаго разграниченія областей частнаго права и общегосударственнаго. Но при установленіи новыхъ формъ государственной жизни подобное смѣшеніе понятій должно было породить цѣлую массу неудобствъ и столкновеній и вызвать безусловно необходимую отмѣну такъ-называемыхъ политическихъ правъ, хотя бы и приносившихъ какіе-либо доходы отдѣльнымъ учрежденіямъ и лицамъ, и, разумѣется, отмѣну безвозмездную. Такъ установилось право дорогъ чрезъ чужія владѣнія, отмѣна таможенныхъ заставъ при провозѣ товаровъ на территоріи одного и того же государства, отмѣна права продажи чиновъ въ Англіи, отмѣна крѣпостного права, невольничества и т. д. Никому и въ голову не придетъ, наприм., ожидать или требовать вознагражденіе за право перевоза черезъ рѣку, если установляется какой-либо новый почтовый или торговый трактъ и перевозъ, переходя въ вѣдѣніе земства, становится безплатнымъ. На какомъ же основаніи отмѣна частнаго сбора съ питейной торговли, принадлежащаго прямо къ категоріи публичныхъ правъ, создаетъ право на вознагражденіе? Его можно было допустить, говорю я, какъ извѣстный компромисъ, только на первое время, понижая его постоянно, но остав-

---

вѣдомства. Другаго рѣшенія отъ управляющихъ акцизными сборами и ожидать было нельзя; мудрено было ожидать, чтобы люди сами подняли на себя руки и сказали, что ихъ должности, приносящія имъ такіе оклады, надо упразднить. А что эимъ господамъ дѣлать нечего, то это можно смѣло удостовѣрить.

лять его въ теченіе 20 лѣтъ нѣтъ никакого основанія. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что почти вся сумма вознагражденія выдается казачьимъ войсковымъ управленіямъ, между тѣмъ какъ казацкія станицы, при значительныхъ земельныхъ надѣлахъ и значительныхъ пространствахъ свободныхъ земель, поставлены въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ другіе классы населенія, и легко могутъ обойтись безъ особенныхъ пособій. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ по землямъ Терскаго, Кубанскаго, Донскаго и Оренбургскаго казачьихъ войскъ и съ развитіемъ углепромышленности въ Донецкомъ бассейнѣ, положеніе казацкихъ станицъ настолько улучшилось въ сравненіи съ тѣмъ временемъ, когда они пользовались правомъ обложенія питейной торговли, что выдавать имъ вознагражденіе теперь за потерю такихъ доходовъ, которыхъ не имѣло и не имѣетъ ни одно мѣстное управленіе, представляется совершенно несправедливою привилегіей. Что же касается 10.000 рублей, выдаваемыхъ г. Новосельскому, то это уже простой подарокъ, не болѣе.

Все, или почти все, то, что было указано объ управленіи акцизными сборами, можно сказать и о таможенныхъ округахъ. Если одинъ министръ финансовъ можетъ завѣдывать и руководить всѣмъ финансовымъ управленіемъ государства, то нѣтъ основанія утверждать, что одинъ управляющій казенною палатой не можетъ имѣть надзоръ за поступленіемъ всѣхъ доходовъ въ губерніи, не исключая и таможеннаго, въ особенности если ему же будутъ подчинены и лица акцизнаго вѣдомства. Мнѣ кажется, что такой порядокъ вещей ослабилъ бы тотъ отчасти кастовый характеръ управленія, который нынѣ существуетъ въ таможенномъ вѣдомствѣ и вслѣдствіе котораго новыя силы могутъ поступать въ вѣдомство только на низшія должности, для занятія же высшихъ должностей требуется извѣстный, довольно продолжительный, искусъ. Такая система оправдывается необходимостью ознакомленія съ порядками таможенной службы; но мнѣ кажется, что таможенная служба вовсе не такъ сложна и головоломна, чтобы нужно было для ея изученія проходить продолжительный искусъ. Этотъ искусъ только пріучаетъ человѣка рутинно относиться къ дѣлу и равнодушно смотрѣть на безполезный формализмъ, господствующій въ нашихъ таможенныхъ порядкахъ и вызывающій столько справедливыхъ жалобъ со стороны людей, имѣющихъ дѣло съ таможнею,—формализмъ, который однако-жь, какъ указываетъ опытъ, нисколько не гарантируетъ интересовъ

казны противъ безпорядковъ и злоупотребленій. Съ устраненіемъ же этой замкнутости вслѣдствіе объединенія всѣхъ органовъ министерства финансовъ, многіе порядки таможеннаго вѣдомства, конечно, не будутъ признаны необходимыми, а потому и сокращеніе расходовъ сдѣлается возможнымъ. На необходимость же сокращенія указываетъ постоянно возрастающая цифра расхода по таможенному вѣдомству, дошедшая въ текущемъ году до 8.529.261 рубля, тогда какъ въ 1879 году она не превышала суммы въ 7.412.000 рублей, т. е. въ теченіе двухъ лѣтъ увеличилась болѣе чѣмъ на милліонъ рублей.

Несмотря однако-жь на такое увеличеніе средствъ таможеннаго вѣдомства, жалобы на увеличеніе контрабанды раздаются все сильнѣе и сильнѣе и въ виду этихъ жалобъ мнѣ могутъ замѣтить, что думать о сокращеніи расходовъ по таможенному вѣдомству нельзя и что, напротивъ, необходимо желать увеличенія средствъ таможеннаго вѣдомства для борьбы съ этимъ зломъ.

Что до меня касается, то такое замѣчаніе и мнѣніе, что контрабанда можетъ быть уничтожена усиленіемъ таможеннаго надзора, мнѣ кажутся крайне наивными, чтобы не сказать болѣе. Не недостатокъ таможеннаго надзора порождаетъ контрабанду, а высота таможенныхъ пошлинъ и та выгода, которую можетъ получить человѣкъ, занимающійся контрабандой. Чѣмъ выше соблазнъ этой выгоды, тѣмъ большее число людей примыкаетъ къ этому преступному промыслу и тѣмъ изобрѣтательнѣе становятся ихъ пріемы для тайнаго провоза. Для контрабандиста нужно оградить себя отъ опасности быть пойманнымъ только на одномъ пунктѣ, между тѣмъ какъ таможня должна принять мѣры предосторожности въ тысячѣ и болѣе мѣстахъ; таможня можетъ принимать мѣры противъ извѣстныхъ, уже открытыхъ, способовъ тайнаго провоза, между тѣмъ какъ контрабандистъ можетъ изобрѣтать совершенно новые, неизвѣстные способы, которыхъ таможенная стража и предположить не въ состояніи. Но, кромѣ того, безпошлинный или съ уменьшенною значительно пошлиной ввозъ товаровъ можетъ производиться и при посредствѣ самой таможни вполнѣ на законномъ основаніи, если только пошлина довольно значительна, чтобы покрыть извѣстныя издержки и притомъ доставить барышъ. Такъ, наприм., у насъ шелковыя матеріи оплачиваются очень высокимъ тарифомъ, превышающимъ, если не ошибаюсь, 200 руб. на пудъ. Представьте же себѣ такой пріемъ: человѣкъ, желающій избѣгнуть платежа этой пош-

лины и торгующій модными товарами, покупаетъ во Франціи разныхъ матерій и кроитъ изъ нихъ дамскія платья съ разными фигурными отдѣлками и однѣ части платья, разумѣется, различныя, отправляетъ въ Россію черезъ одну таможню, другія—черезъ другую, а третьи—черезъ третью и предъявляетъ ихъ для досмотра подъ именемъ шелковыхъ обрѣзковъ. Таможни облагаютъ ихъ пошлиной по тарифу шелковыхъ матерій и онъ, разумѣется, отказывается принять ихъ. Для продажи назначается аукціонъ; но кому же нуженъ такой товаръ по его дѣйствительной стоимости? Само собою разумѣется, что купитъ его черезъ подставныхъ лицъ самъ же хозяинъ товара за безцѣнокъ и, по привозѣ домой, найдетъ каждому обрѣзку мѣсто въ готовомъ платьѣ. Однимъ словомъ, при извѣстной высотѣ пошлинъ борьба таможни съ контрабандистами немыслима, какія бы средства ни назначались на эту борьбу. Только одна мѣра—пониженіе пошлинъ до. такихъ размѣровъ, при которыхъ рискъ становится мало выгоднымъ, можетъ быть дѣйствительнымъ средствомъ противъ контрабанды. Вмѣстѣ съ этимъ, такая политика усиливаетъ поступленіе таможеннаго дохода и даетъ возможность сокращенія расходовъ по таможенному надзору. Въ подтвержденіе этой истины укажу на нашъ собственный опытъ съ акцизомъ на спиртъ: пока акцизъ на нашей западной пограничной полосѣ не превышалъ 5 коп. съ градуса, ни о какомъ тайномъ провозѣ спирта въ Россію рѣчи не было; но съ тѣхъ поръ, какъ акцизъ въ губерніяхъ Царства Польскаго былъ уравненъ съ акцизомъ во внутреннихъ губерніяхъ и доведенъ до 8 коп. съ градуса, контрабанда постепенно охватила всю пограничную полосу и никакія строгія мѣры противъ нея недѣйствительны. Дѣло даже приняло такой оборотъ, что въ пограничной полосѣ Пруссіи и Австріи образовались страховыя конторы, которыя за умѣренную плату страхуютъ контрабандистамъ благополучную переправу ихъ черезъ границу, такъ что, въ случаѣ неудачи, они бросаютъ спиртъ и имъ отпускается за тѣ же деньги новый. Что же можетъ сдѣлать таможня при такихъ условіяхъ?

Все это возможно при самомъ добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей со стороны таможеннаго чиновничества и таможенной стражи. Но гдѣ же увѣренность, что при такой массѣ служащихъ въ семьѣ не будетъ урода, что изъ числа таможенныхъ стражниковъ не будетъ лицъ, содѣйствующихъ контрабандистамъ? А разъ такія содѣйствующія лица будутъ, тогда для

контрабандныхъ операцій открывается широкое поле и никакія мѣры таможеннаго вѣдомства ихъ не уничтожатъ. Такимъ образомъ результатомъ высокихъ пошлинъ является полная деморализація пограничнаго населенія и вмѣстѣ съ нимъ и части лицъ, служащихъ въ таможенномъ вѣдомствѣ, подрывъ внутренней промышленности, созданной искуственно, подъ вліяніемъ этихъ пошлинъ, и затѣмъ необходимость новаго ихъ возвышенія и новое усиленіе тѣхъ же послѣдствій, пока, наконецъ, не явятся сознаніе ошибочности торговой политики и необходимость остановиться на этомъ пути. Но такая остановка непремѣнно повлечетъ за собою гибель тѣхъ капиталовъ, которые такъ неразсчетливо были затрачены въ предпріятія, невозможныя на нашемъ рынкѣ. Въ виду означенныхъ соображеній, я позволяю себѣ предложить вопросъ: не лучше ли остановиться заранѣе на этомъ пути и не вовлекать въ подобныя затраты новыхъ капиталовъ, гибель которыхъ въ будущемъ не можетъ подлежать сомнѣнію?

Разсматривая остальные расходы министерства финансовъ, нельзя не замѣтить, что кредиты на награды и пособія по нѣкоторымъ департаментамъ назначены широкою рукой. Такъ, напримѣръ, по смѣтѣ департамента таможенныхъ сборовъ на подобные расходы назначено по § 1 ст. 2-й—77.711 руб., по § 7-му по ст. 1, 2, 3, 4 и 5-й—643.423 р., по § 9 ст. 2-й—13.174 р. По смѣтѣ общей канцеляріи министра § 4 ст. 1-я—60.500 руб. и по § 3-му ст. 2-й—29.000 руб. Всего 823.808 рублей. Если принять въ соображеніе, что на этотъ же предметъ употребляются остатки отъ кредитовъ, назначенныхъ на содержаніе личнаго состава, на канцелярскіе и хозяйственные расходы всѣхъ учрежденій, что къ подобнымъ же расходамъ должны быть отнесены расходы на воспитаніе дѣтей чиновниковъ и, наконецъ, что многія изъ командировокъ какъ внутри Имперіи, такъ и за границу даются чинамъ министерства также въ видѣ наградъ и начальство командированныхъ лицъ часто затруднилось бы объяснить, къ какому полезному результату привела извѣстная командировка,—принимая все это въ соображеніе, говорю я, нельзя не придти къ заключенію, что награды и пособія по министерству финансовъ поглощаютъ не одинъ милліонъ рублей. Между тѣмъ, въ виду затруднительнаго положенія государственнаго казначейства, министерству финансовъ слѣдовало бы первому обратить вниманіе на то, что подобные расходы не могутъ считаться неизбѣжными, и на этомъ основаніи исключить изъ смѣтъ особые

на этотъ предметъ кредиты въ суммѣ 823.000 руб., тѣмъ болѣе, что остатки отъ кредитовъ на содержаніе личнаго состава, на канцелярскіе и хозяйственные расходы всегда бываютъ довольно значительны и могутъ вполнѣ удовлетворить эту потребность. Позволяю себѣ выразить это мнѣніе на томъ основаніи, что всѣ эти особые кредиты на награды и пособія по принятымъ обычаямъ никогда не расходуются на чиновниковъ мѣстныхъ управленій, а раздаются всегда лицамъ служащимъ въ центральныхъ управленіяхъ. Исключенія изъ этого правила очень рѣдки.

Въ виду означенныхъ обстоятельствъ нельзя не пожалѣть, что государственный контроль въ своихъ отчетахъ не помѣщаетъ въ особой графѣ суммъ, оставшихся отъ кредитовъ на содержаніе личнаго состава, на канцелярскіе и хозяйственные расходы и выданныхъ въ награду служащимъ. Изъ документовъ, прилагаемыхъ къ ассигновкамъ, государственный контроль всегда бы могъ получить эти свѣдѣнія. Между тѣмъ такія свѣдѣнія за нѣсколько лѣтъ могли бы опредѣлить дѣйствительную потребность какъ числа служащихъ, такъ и сумму, необходимую на канцелярскіе и хозяйственные расходы. Теперь же нельзя отвѣчать на вопросъ, не превышаютъ ли установленные штаты дѣйствительную потребность. Я не буду, конечно, утверждать, что такія свѣдѣнія могутъ дать ключъ къ окончательному разрѣшенію этого вопроса для всѣхъ учрежденій: конечно, могутъ быть случаи, гдѣ всѣ положенныя по штату должности будутъ замѣщаться постоянно и, слѣдовательно, остатковъ для наградъ не будетъ, хотя служащіе будутъ сидѣть безъ всякаго дѣла; но во всякомъ случаѣ значительные остатки отъ штатныхъ расходовъ могли бы дать извѣстныя указанія.

За министерствомъ финансовъ по величинѣ суммы расхода слѣдуетъ министерство внутреннихъ дѣлъ, на содержаніе котораго ассигновано по смѣтѣ на текущій годъ 65.120.548 руб. Да такой цифры расхода министерство внутреннихъ дѣлъ еще никогда не доходило. Вотъ таблица этихъ расходовъ за послѣднія десять лѣтъ:

1872	49.710.738 р.	1877	54.074.818 р.
1873	50.657.789 »	1878	55.177.765 »
1874	51.830.139 »	1879	59.542.059 »
1875	52.407.355 »	1880	62.672.889 »
1876	53.653.219 »	1881	61.402.802 »

Послѣдняя цифра опредѣлена по государственной росписи и поэтому оказывается менѣе дѣйствительнаго расхода за предыдущій годъ; но, по всей вѣроятности, дѣйствительный расходъ превзойдетъ эту цифру и даже цифру предыдущаго года, какъ въ виду постояннаго возрастанія этого расхода, такъ и въ виду назначенія суммы на текущій годъ, которая на 2½ милл. рублей болѣе цифры 1880 года и на 3,7 милл. болѣе предположенной по смѣтѣ на 1881 годъ. Изъ этой таблицы оказывается, что расходы по министерству внутреннихъ дѣлъ возрастаютъ постоянно и притомъ безъ всякаго колебанія, которое замѣчается въ расходахъ другихъ вѣдомствъ: каждый годъ приноситъ за собой необходимость новыхъ издержекъ безъ всякаго сокращенія старыхъ. Сравнивая ассигнованную на текущій годъ сумму съ израсходованной въ 1872 году, оказывается, что расходъ въ десять лѣтъ увеличился на 15.409.810 руб., или на 31%. Если мы возьмемъ цифру общаго расхода за 1872 г., т. е. 523.077.475 руб., и сравнимъ ее съ цифрой расхода, предположеннаго на текущій годъ въ суммѣ 658.595.191 руб., то увидимъ, что общій расходъ увеличился только на 25%; слѣдовательно, расходы по министерству внутреннихъ дѣлъ возростали гораздо быстрѣе, чѣмъ общая сумма расхода. Нѣтъ сомнѣнія, что сравненіе настоящихъ расходовъ съ расходами шестидесятыхъ годовъ подтвердитъ этотъ выводъ еще болѣе, но я не имѣю возможности представить читателю вѣрныхъ цифръ по отчетамъ государственнаго контроля, такъ какъ въ теченіе этого времени происходили передвиженія кредитовъ изъ смѣты одного вѣдомства въ другое и въ отчетахъ государственнаго контроля исправленія сдѣланы только за указанные мною годы. Между тѣмъ сравненіе однородныхъ расходовъ этого вѣдомства не лишено значенія, а потому я представлю читателю цифру расхода за текущій годъ за исключеніемъ тѣхъ расходовъ, которые перенесены въ смѣту министерства изъ другихъ смѣтъ послѣ 1866 года, и сравню ее съ расходомъ министерства внутреннихъ дѣлъ за этотъ годъ. Такимъ образомъ изъ смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ подлежатъ исключенію расходы на арестанскую часть, предположенные по смѣтѣ въ 11.503.633 рубля и удовлетворявшіеся прежде по смѣтѣ министерства финансовъ; расходы чрезвычайные, какъ перенесенные изъ смѣты бывшаго третьяго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи въ суммѣ 634.307 руб. и расходы по вѣдомству почтъ и телеграфовъ въ

суммѣ 22.847.545 руб. Такимъ образомъ подлежитъ исключенію сумма въ 34.985.483 руб. и, слѣдовательно, расходы собственно министерства внутреннихъ дѣлъ по тѣмъ учрежденіямъ, которыя были въ его вѣдѣніи въ 1866 году, составятъ въ текущемъ году сумму въ 30.134.965 руб., между тѣмъ какъ въ 1866 году расходы эти составляли сумму въ 15.687.663 руб., т. е. черезъ 15 лѣтъ они увеличились на 92%, между тѣмъ какъ общее повышеніе расходовъ текущей смѣты въ сравненіи съ дѣйствительнымъ расходомъ 1866 года (413.298.011 руб.) составляетъ только 59%. Такого сильнаго возвышенія расходовъ не встрѣчается ни въ какомъ другомъ вѣдомствѣ, хотя произведенныя реформы позволяли ожидать, что расходы по министерству внутреннихъ дѣлъ возвысятся далеко не въ той степени, какъ другіе государственные расходы.

Въ самомъ дѣлѣ, если обратить вниманіе на сущность всѣхъ реформъ послѣдняго царствованія, то нельзя отрицать, что всѣ онѣ клонились къ тому, чтобы сократить предметы вѣдомства, возложенные на обязанность чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Такъ учрежденіе судебныхъ слѣдователей и затѣмъ введеніе судебныхъ учрежденій освободило полицейскихъ чиновъ отъ производства слѣдствій, а губернскія учрежденія—отъ надзора не только надъ слѣдственною частью, но и надъ судами первой инстанціи. Вся масса дѣлъ по частнымъ жалобамъ на полицейскія управленія и уѣздные суды, а также по безспорнымъ обязательствамъ вышла изъ вѣдѣнія полиціи, губернскихъ правленій и губернаторовъ. Введеніе земскихъ учрежденій, а затѣмъ сліяніе государственнаго земскаго сбора съ общими доходами государства—избавило губернское начальство отъ дѣлъ по приказамъ общественнаго призрѣнія и больницамъ, а также отъ завѣдыванія суммами земскихъ сборовъ всѣхъ категорій; введеніе единства кассы и контрольныхъ учрежденій освободило мѣстную администрацію отъ надзора за казначействами; наконецъ, введеніе Городового Положенія сняло съ администраціи обязанность завѣдынія городскимъ хозяйствомъ. На все это мнѣ, конечно, могутъ возразить, что на губернаторахъ осталась обязанность по надзору за правильностію и законностію дѣйствій какъ мѣстныхъ земскихъ, такъ и городскихъ учрежденій. Но на это я могу сказать, что эта обязанность осталась лишь лично на губернаторахъ, и то только по разсмотрѣнію постановленій земскихъ и городскихъ собраній, что̀ не можетъ идти ни въ какое сравненіе

съ количествомъ занятій по дѣйствительному завѣдыванію хозяйствомъ; губернскихъ же правленій эта обязанность вовсе не касается. Если разсмотрѣть тѣ предметы вѣдомства, которые возложены на губернскія правленія по Своду Законовъ, то окажется, что изъ нихъ остаются въ силѣ только обнародованіе законовъ, да постановленія о преданіи суду тѣхъ чиновниковъ, которые опредѣляются мѣстнымъ начальствомъ, всѣ же остальныя обязанности губернскихъ правленій возложены на другія учрежденія. Между тѣмъ изъ общей суммы расхода въ 30 милліоновъ рублей на содержаніе губернскихъ правленій назначено 2.798.132 руб., которые тратятся по старой традиціи неизвѣстно для чего.

Нѣтъ сомнѣнія, что передача многочисленныхъ обязанностей въ вѣдѣніе другихъ учрежденій не могло не повліять на сокращеніе числа дѣлъ въ центральныхъ учрежденіяхъ, между тѣмъ какъ въ этихъ учрежденіяхъ служащія лица и прежде не были обременены занятіями. Насколько могу припомнить, и въ дореформенное время они являлись въ департаментъ очень не надолго и большею частію для препровожденія времени. Теперь же залы департаментовъ начинаютъ пополняться не ранѣе какъ съ двухъ часовъ. Если штатнымъ чиновникамъ въ министерствѣ не предстоитъ большихъ занятій, то тѣмъ менѣе имѣютъ ихъ чиновники особыхъ порученій и состоящіе при министерствѣ; между тѣмъ на содержаніе ихъ ассигновано 85.423 руб. помимо суммы 21.320 руб., назначенной на усиленіе центральныхъ управленій по ст. 3-й § 4. Въ прежнее время хозяйственный департаментъ завѣдывалъ продовольственною частью и городскимъ хозяйствомъ, и теперь, когда самая значительная часть этихъ дѣлъ перешла въ вѣдѣніе земскихъ и городскихъ управленій, на долю цѣлаго департамента остается только завѣдываніе общимъ по Имперіи продовольственнымъ капиталомъ. При этомъ не лишнее замѣтить, что капиталъ этотъ значится только на бумагѣ, въ дѣйствительности же онъ израсходованъ весь сполна и возвращеніе его не только сомнительно, но и врядъ ли возможно.

Переходя къ расходамъ на содержаніе городскихъ уѣздныхъ и окружныхъ полицейскихъ управленій, оказывается, что эти расходы возрастали особенно сильно. Въ 1879 году они не доходили однако-жъ до 10 милл. рублей, а въ текущемъ году на этотъ предметъ потребовалось 12.547.253 рубля. Новый институтъ полицейскихъ урядниковъ не только увеличилъ значительно

эту цифру расхода, но и легъ тяжелымъ бременемъ на все население, такъ какъ многіе изъ нихъ далеко не довольствуются опредѣленнымъ имъ содержаніемъ, а разсчитываютъ на *нѣчто большее*. Принимая въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, нельзя избѣжать вопроса, какъ могло возникнуть такое сильное возвышеніе расходовъ, несмотря на ограниченіе предметовъ вѣдомства этого министерства? Конечно, до извѣстной степени оно объясняется послѣдними печальными событіями, которыхъ мы были свидѣтелями, необходимостію усиленія полицейскаго надзора и въ особенности преувеличеннымъ разсчетомъ на возможность полицейскими мѣрами бороться съ нравственнымъ зломъ. Но такое объясненіе можетъ относиться лишь къ послѣднему времени, между тѣмъ какъ возрастаніе расходовъ замѣчается и прежде, и притомъ въ значительной степени. Это послѣднее обстоятельство, по моему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что для удовлетворенія новыхъ потребностей создавались новые органы управленія, а старые, несмотря на потерю своего прежняго значенія, оставались и, конечно, служили только тормозами къ осуществленію новыхъ порядковъ. Такъ образовались: канцелярія министра, земскій отдѣлъ, временная коммиссія по крестьянскимъ дѣламъ Царства Польскаго, главное тюремное управленіе, а между тѣмъ департаментъ общихъ дѣлъ и хозяйственный остались въ прежнемъ видѣ. Точно также остаются совѣтъ министра, съ которымъ нѣтъ никакой надобности совѣтываться, и масса чиновниковъ при министерствѣ, не имѣющихъ никакого опредѣленнаго назначенія. Въ губерніяхъ создаются особыя по крестьянскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, а между тѣмъ удерживаются губернскія правленія. Самая должность губернаторовъ потеряла все свое прежнее значеніе и становится только старшей полицейской властію, между тѣмъ за нею сохраняется вся прежняя обстановка, и законъ продолжаетъ называть губернатора хозяиномъ губерніи.

Изъ сказаннаго прямо видно, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ есть цѣлая масса должностей, которыя могутъ быть упразднены безъ всякаго вреда дѣлу. Но кромѣ того расходы разнаго рода могутъ назначаться въ болѣе умѣренныхъ размѣрахъ, въ особенности въ виду настоящаго затруднительнаго положенія государственнаго казначейства. Кому не извѣстно, что кредиты на награды и пособія раздаются чиновникамъ центральныхъ управленій и что въ этихъ расходахъ нѣтъ никакой безусловной необходимости, а между тѣмъ они назначаются по § 3

сметы и представляютъ довольно крупную цифру въ 175.000 рублей. Чрезвычайные и экстраординарные расходы, ассигнуемые по §§ 27 и 28 и превышающіе милліонъ рублей, могли бы также быть сокращены въ виду существующихъ затрудненій. Впрочемъ, имѣя въ виду однѣ общія цифры расхода, трудно судить о томъ, насколько онѣ могутъ быть сокращены. Одно только можно сказать съ достовѣрностію, что бюрократическій порядокъ разсмотрѣнія смѣтъ не можетъ привести къ сокращенію расходовъ, такъ какъ чиновничество не можетъ наложить руку на свои собственные интересы: ему всегда покажутся неизбѣжными тѣ расходы, которые производились на содержаніе чиновниковъ. Существованіе губернскихъ правленій служитъ прямымъ этому доказательствомъ. Съ теченіемъ времени, конечно, все большее и большее число чиновниковъ достигаетъ высшихъ чиновъ; для нихъ создаются новыя должности и новые оклады, такъ какъ увольнять людей заслуженныхъ за ненадобностію считается не обычнымъ, мотивировать же учрежденіе новой должности, при нашемъ безпринципномъ стремленіи къ воображаемымъ улучшеніямъ и перемѣнамъ, всегда возможно,—даже массу воображаемаго дѣла пріискать не трудно. При этомъ я не могу не привести словъ одного изъ нашихъ администраторовъ, сказанныхъ лично пишущему эти строки. Возьмите,—говоритъ онъ,—обложку, употребляемую въ канцеляріяхъ для дѣлъ, выдумайте заголовокъ какого-нибудь невозможнаго дѣла и надпишите: не пройдетъ и мѣсяца, какъ встрѣтится бумага прямо по заголовку этого дѣла, а къ концу года оно выростетъ въ цѣлый томъ. Слова эти очень мѣтко характеризуютъ наши бумажные порядки. Что мудренаго, что при такихъ порядкахъ наши расходы на содержаніе администраціи растутъ, полезныхъ же результатовъ отъ нихъ не оказывается.

Между расходами по вѣдомству почтъ и телеграфовъ особое вниманіе обращаетъ на себя расходъ на содержаніе почтовыхъ лошадей. На текущій годъ этотъ расходъ предположенъ въ суммѣ 7.612.148 руб. Насколько память мнѣ не измѣняетъ, расходъ этотъ постоянно колеблется около этой цифры, несмотри на то, что всѣ условія этого расхода положительно измѣняются. Такъ, напримѣръ, несмотря на сооруженіе 20.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, которыя должны были упразднить цѣлую массу почтовыхъ станцій и уменьшить число лошадей на другихъ, расходъ этотъ не сокращается замѣтно. Съ другой стороны, цѣны на фу-

ражъ значительно повысились и въ особенности съ 1878 года онѣ едва ли не удвоились, между тѣмъ это нисколько не увеличиваетъ сумму расхода и подрядчики въ несостоятельность не приходятъ, по крайней мѣрѣ слуховъ объ этомъ никакихъ нѣтъ. Если же можно содержать лошадей за тѣ же цѣны въ настоящее время, то, спрашивается, какими же барышами пользовались эти лица въ прежніе годы? Въ виду подобныхъ тратъ правительства, многія земства обращались съ ходатайствами передать въ ихъ вѣдѣніе содержаніе почтовыхъ станцій. Мнѣ неизвѣстно, какой результатъ постигъ ходатайства другихъ губерній, но я знаю, что ходатайство саратовскаго земства было уважено и ему предоставлено было содержаніе почтовыхъ лошадей за ту сумму, которую правительство платило прежнимъ подрядчикамъ, т. е. что-то около 300.000 рублей. Земство заключило условіе съ тѣми же самыми подрядчиками, достигнувъ изъ этой суммы экономіи въ 90.000 рублей. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что земство, изъ опасенія неисправности подрядчиковъ, не допустило конкуренціи, хотя ему и предлагались болѣе выгодныя условія. Само собою разумѣется, что, не имѣя въ виду цѣнъ, по которымъ сданы подряды на содержаніе лошадей въ каждой отдѣльной мѣстности, нельзя судить о хозяйственности этой операціи въ настоящее время, но указанный примѣръ заставляетъ удивляться, почему она до сихъ поръ находится въ рукахъ почтоваго вѣдомства и почему она давнымъ-давно не передана въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій. Какъ мѣстные жители, члены управъ могли бы лучше оцѣнить стоимость содержанія лошадей, чѣмъ чиновники почтоваго вѣдомства, тѣмъ болѣе, что стоимость можетъ имѣть значительную разницу, несмотря на незначительныя разстоянія отдѣльныхъ мѣстностей. Уловить эти оттѣнки различныхъ условій возможно только для мѣстнаго жителя, и притомъ хозяина, и немыслимо для чиновника, командированнаго почтовымъ департаментомъ.

Но расходы по морскому министерству на текущій годъ ассигнованъ кредитъ въ 27.507.721 рублей. Вотъ таблица расходовъ этого министерства съ 1866 года:

1866	24.012.714 р.	1871	21.144.813 р.
1867	18.183.407 »	1872	22.320.853 »
1868	18.019.260 »	1873	25.766.520 »
1869	18.684.443 »	1874	26.228.866 »
1870	20.135.296 »	1875	25.851.739 »

1876	27.109.000 р.	1879	27.328.032 р.
1877	28.102.116 »	1880	29.353.781 »
1878	26.086.036 »	1881	28.903.132 « по смѣтѣ.

Итого... 387.329.908 р.

Въ среднемъ выводѣ болѣе 24 милліон. рублей въ годъ.

Итакъ, вотъ какая громадная цифра издержана нашимъ отечествомъ въ послѣднія шестнадцать лѣтъ на содержаніе нашихъ морскихъ силъ. Въ виду подобныхъ издержекъ позволительно предложить вопросъ: соотвѣтствовала ли такимъ жертвамъ польза, приносимая странѣ нашими морскими силами, и въ состояніи ли онѣ оградить Россію отъ блокады или нападенія съ моря въ случаѣ войны съ одной изъ морскихъ державъ? Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ приходится дать отрицательный отвѣтъ на томъ основаніи, что не только число нашихъ военныхъ судовъ для этого недостаточно, но и морскія и боевыя качества большинства изъ нихъ весьма сомнительны. Еслибы Россія была настолько богата, что могла бы имѣть флотъ близко подходящій— не говорю къ англійскому, но хотя бы къ французскому флоту, тогда бы другое дѣло: подобная сила на вѣсахъ европейской дипломатіи могла бы имѣть значеніе и ее нельзя было бы игнорировать. Но при настоящихъ своихъ условіяхъ русскій флотъ не можетъ имѣть такого значенія и въ виду финансовыхъ затрудненій нашего отечества разсчитывать на возможность его усиленія въ близкомъ будущемъ положительно невозможно. Поэтому я позволяю себѣ выразить мнѣніе, что тратить въ настоящее время такія значительныя суммы на флотъ — это значитъ тратить ихъ напрасно и отодвигать въ болѣе отдаленное будущее тотъ моментъ, когда Россія будетъ въ состояніи содержать морскія силы въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ онѣ могутъ быть дѣйствительно полезными. Если за недостаткомъ средствъ мы не имѣемъ возможности ввести судебную реформу во многихъ мѣстностяхъ нашего отечества, если министерство народнаго просвѣщенія принуждено отказывать въ пріемѣ въ училища за недостаткомъ помѣщенія, то тратить на содержаніе флота 24 милл. руб. въ годъ только для того, чтобы нѣсколько нашихъ судовъ показывались въ разныхъ углахъ земного шара въ мирное время, безъ всякой возможности защищать наши берега или оказать какое-либо содѣйствіе нашей арміи въ военное время,—нѣтъ никакого разсчета. Было бы много полезнѣе, еслибы наши мор-

скія силы были разсчитаны только на береговую оборону. Достигнуть этой послѣдней цѣли гораздо легче, даже съ меньшими средствами, но тогда, по крайней мѣрѣ, была бы удовлетворена вполнѣ существенная потребность страны; теперь же, когда мы гоняемся за двумя зайцами и непремѣнно хотимъ имѣть также дорого стоющія агресивныя суда, мы не достигаемъ ни той, ни другой цѣли,—для этого необходимы, какъ указываетъ опытъ Англіи и Франціи, такія средства, о пожертвованіи которыхъ Россія и думать не можетъ. Англія тратитъ на свой флотъ до 10 милл. фунтовъ стерлингъ, что составляетъ на наши деньги болѣе 100 милліоновъ рублей, а Франція до 150 мил. франковъ, или 60 мил. рублей. Само собою разумѣется, что подобныхъ или близко подходящихъ затратъ мы дѣлать не въ состояніи, и слѣдовательно объ агресивномъ флотѣ намъ бы не слѣдовало и думать. При этомъ необходимо принять въ соображеніе, что въ силу значительнаго въ Англіи и Франціи развитія механическаго производства, работающаго для всемірнаго рынка, постройка судовъ этимъ странамъ обходится гораздо дешевле, чѣмъ намъ. Мы все жаждемъ собственными силами удовлетворять свои потребности и потому намъ приходится сплошь и рядомъ построенные у себя механизмы выкидывать изъ нашихъ судовъ и заказывать новые въ той же Англіи. Кромѣ того, западныя державы не дѣлаютъ такъ дорого стоющихъ, но неудачныхъ опытовъ, какой мы сдѣлали съ постройкой поповокъ: ихъ инженеры осудили этотъ проектъ въ теоріи и не допустили никакихъ опытовъ.

Многіе, конечно, не согласятся со мною въ этомъ случаѣ и укажутъ мнѣ на посылку въ 1863 году эскадры г. Лесовскаго въ американскія воды, а также на усиленіе нашей эскадры у береговъ Китая во время недавнихъ переговоровъ о Кульджѣ, какъ на примѣры той пользы, какую можетъ извлечь Россія изъ своихъ морскихъ силъ. «Достаточно было,—скажутъ мнѣ, отправить 10 судовъ въ американскія воды, чтобъ Англія заговорила съ нами другимъ языкомъ по поводу польскаго вопроса, а переговоры съ Китаемъ пошли гораздо успѣшнѣе въ виду нашихъ морскихъ силъ». Мнѣ кажется, что подобныя сужденія отзываются значительною долей наивности, которая заставляетъ смотрѣть въ увеличительныя стекла на подобнаго рода факты. Еслибы люди, разсуждающіе такъ, имѣли болѣе вѣрныя понятія объ интересахъ другихъ странъ, то, понятно, они не прибѣгали бы къ подобной аргументаціи въ пользу необходимости агресивныхъ предпріятій

нашего флота. Польскій вопросъ не имѣетъ никакого значенія для интересовъ Англіи и никогда, ни при какомъ фазисѣ не заставитъ Англію взяться за оружіе, что во всякомъ случаѣ не можетъ обойтись дешево. Если же Англія обращалась въ то время съ представленіями къ Россіи, то, конечно, не съ цѣлію угрозы, а съ совѣтомъ въ качествѣ дружественной державы, въ видахъ предупрежденія событій подобныхъ тогдашнимъ. Можно оспаривать соображенія, изложенныя въ такихъ представленіяхъ, но заподозривать въ нихъ враждебность со стороны Англіи едва ли логично. Еслибъ интересы Англіи требовали серьезнаго вмѣшательства въ польскій вопросъ, то, конечно, она не испугалась бы десятка нашихъ судовъ, отплывшихъ къ берегамъ Америки, тѣмъ болѣе, что стоянка этихъ судовъ была извѣстна и, конечно, крейсеры Англіи, гораздо въ большемъ числѣ, сторожили бы ихъ прежде, чѣмъ начались военныя дѣйствія. Вооружить же частныя американскія суда по секрету отъ Англіи, при существующей въ Америкѣ гласности, положительно невозможно, и потому каждая подобная попытка могла, конечно, встрѣтить и противодѣйствіе со стороны Англіи. Англія не продолжала своего дипломатическаго похода отнюдь не изъ опасенія нашихъ крейсеровъ, а, во-первыхъ, потому, что польскій вопросъ вовсе не касался ея интересовъ, и, во-вторыхъ, потому, что дипломатическая переписка выяснила его и Англія была удовлетворена послѣдующею политикой Россіи, клонившейся въ пользу огромнаго большинства польскаго населенія. Что это такъ, а не иначе, Англія доказала своею политикой въ восточномъ вопросѣ, который, по общепринятымъ взглядамъ, касается дѣйствительныхъ ея интересовъ. Въ 1878 году, когда Россія имѣла гораздо болѣе судовъ въ водахъ Америки и Тихаго океана, когда для снаряженія крейсеровъ были приняты особыя мѣры, Англія все-таки поставила вопросъ ребромъ и Россія, во избѣжаніе новой войны, признала необходимымъ отказаться отъ Санъ-Стефанскаго договора и подписать Берлинскій трактатъ. Точно такъ же энергично дѣйствовала Англія и въ текущемъ году. Она заняла Египетъ даже не ожидая окончанія совѣщаній европейской конференціи, несмотря на то, что, такимъ образомъ дѣйствій, она могла поссориться съ Франціей.

Что же касается полезнаго вліянія нашихъ морскихъ силъ при переговорахъ съ Китаемъ, то мнѣ кажется, что и здѣсь значеніе ихъ преувеличено, такъ какъ Кульджа фактически была въ рукахъ Россіи и китайскому правительству могла бы

очень дорого обойтись попытка отнять ее у насъ силой, тѣмъ болѣе, что попытка могла быть вовсе неудачной. При извѣстномъ, отнюдь невоинственномъ, настроенiи своей армiи, китайское правительство могло опасаться подобнаго исхода безъ всякихъ угрозъ со стороны нашихъ морскихъ силъ. Къ тому же блокада китайскихъ портовъ съ нашей стороны едва ли была бы возможна, такъ какъ она скорѣе нарушила бы интересы Англiи и Америки, чѣмъ Китая, и потому могла вызвать неудовольствiе со стороны этихъ двухъ державъ, что едва ли могло быть выгодно для Россiи.

Но, скажутъ мнѣ, война можетъ быть не только съ Англiей или Францiей, она возможна и съ Германiей, и въ этомъ случаѣ нашъ флотъ очень легко можетъ помѣриться силами съ флотомъ Германiи и вообще можетъ оказать содѣйствiе нашей армiи. Такое предположенiе кажется мнѣ еще болѣе наивнымъ, чѣмъ прежнiя сужденiя. Прежде всего нельзя не имѣть въ виду, что въ ближайшемъ будущемъ подобное столкновенiе положительно для насъ немыслимо, что бы ни говорили поклонники покойнаго Скобелева. Наши финансы вовсе не въ такомъ положенiи, чтобы мы могли въ настоящее время броситься въ какую бы то ни было политику приключенiй, а тѣмъ болѣе въ борьбу съ такимъ могущественнымъ сосѣдомъ, какова Германiя. Что же касается отдаленнаго будущаго, то нѣтъ никакого сомнѣнiя въ томъ, что не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ Германiя будетъ имѣть флотъ гораздо болѣе сильный, чѣмъ имѣетъ или будетъ имѣть Россiя. Для того, чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что Германiя не имѣетъ долговъ и можетъ для созданiя флота воспользоваться своимъ кредитомъ, если только будетъ признано необходимымъ имѣть его въ большихъ размѣрахъ, тогда какъ Россiя почти истощила этотъ источникъ. Такимъ образомъ нашъ флотъ не можетъ быть пригоденъ даже въ борьбѣ съ Германiей.

Поэтому нашъ флотъ при серьезныхъ столкновенiяхъ оказывается слишкомъ слабымъ, а для случаевъ не требующихъ большихъ силъ онъ оказывается и безполезнымъ, и слишкомъ дорогимъ. Еслибы въ рукахъ народа осталась хотя половина тѣхъ суммъ, которыя совершенно непроизводительно потрачены на нашъ флотъ въ теченiе послѣднихъ шестнадцати лѣтъ, то нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что капиталы эти въ его рукахъ утроились бы и наше экономическое положенiе было бы совсѣмъ другое.

Наконецъ, мнѣ могутъ замѣтить, что если разсуждать такъ, какъ я думаю, то и расходы на содержаніе арміи также безполезны, въ особенности въ виду тѣхъ суммъ, которыя на это содержаніе расходуются. Я конечно не буду возражать противъ того, что содержаніе нашей арміи обходится дорого, и готовъ согласиться, что это могло быть сдѣлано дешевле; но въ оправданіе расходовъ на содержаніе арміи въ мирное время можетъ быть приведено то обстоятельство, что она необходима не только для охраненія страны отъ внѣшняго врага, но и для поддержанія внутренняго порядка. Съ извѣстной точки зрѣнія, конечно, съ подобнымъ мнѣніемъ нельзя не согласиться. Но по отношенію къ морскимъ силамъ подобный аргументъ вовсе негодится: флотъ вовсе непригоденъ для поддержанія внутренняго порядка. Тѣмъ не менѣе я вовсе не отрицаю необходимости имѣть морскія силы, способныя защищать наши берега или вредить судамъ блокирующимъ ихъ,—я возражаю только противъ флота, имѣющаго въ виду дѣствовать агресивнымъ способомъ.

При разсмотрѣніи общей цифры расходовъ министерства государственныхъ имуществъ встрѣчается тотъ же самый поражающій наблюдателя своею странностію фактъ, который встрѣчается и въ смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, а именно, что цифра производящихся расходовъ вовсе не соотвѣтствуетъ суммѣ тѣхъ функцій, которыя возложены на министерство. При возникновеніи министерства государственныхъ имуществъ главная его обязанность состояла въ завѣдываніи всею администраціею 8 милл. душъ государственныхъ крестьянъ и наблюденіемъ за правильною раскладкою и поступленіемъ оброчной подати, государственнаго и губернскаго земскаго и общественнаго сборовъ, а также мірскихъ повинностей. Кромѣ того на это же вѣдомство возложено было и завѣдываніе казенными лѣсами и оброчными статьями. Такъ было до 1866 года, когда главная функція министерства государственныхъ имуществъ — администрація государственныхъ крестьянъ — перешла въ вѣдѣніе крестьянскихъ учрежденій и министерство осталось при завѣдываніи казенными лѣсами и оброчными статьями, т. е. при завѣдываніи казеннымъ доходомъ, показаннымъ по отчету государственнаго контроля за 1866 годъ въ слѣдующихъ цифрахъ: а) отъ оброчныхъ статей 3.349.521 руб., б) отъ продажи казенныхъ земель, угодій, рекрутскихъ квитанцій и проч.—1.070.196 руб. и в) отъ лѣсовъ—4.307.167 рублей, всего на сумму 8.726.884 рубля. Каза-

лось бы, что завѣдываніе такимъ доходомъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ составлять предметъ вѣдомства отдѣльнаго министерста и должно было поступить въ вѣдѣніе министерства финансовъ по департаменту государственнаго казначейства, а въ губерніяхъ—въ вѣдѣніе казенныхъ палатъ. Подобный способъ завѣдыванія этимъ доходомъ могъ вызвать нѣкоторое усиленіе казенныхъ палатъ чинами по надзору за казеннымъ имуществомъ и средствами на увеличеніе канцеляріи; въ департаментѣ же государственнаго казначейства могло прибавиться одно лишнее отдѣленіе. Если завѣдываніе казенными лѣсами требуетъ особыхъ спеціальныхъ знаній, то можно было оставить лѣсной департаментъ съ его мѣстными органами, подчинивъ его министерству финансовъ. Такая реформа могла бы вызвать значительную экономію безъ всякаго вреда дѣлу. Между тѣмъ было признано нужнымъ оставить все министерство государственныхъ имуществъ со всѣми его департаментами, стоимость содержанія котораго на 1866 годъ была опредѣлена по росписи въ 9.554.221 руб., но въ дѣйствительности, за сокращеніемъ расходовъ по мѣстному управленію, обошлась 8.597.690 рублей, а въ 1867 году, послѣ окончательной передачи государственныхъ крестьянъ въ вѣдѣніе крестьянскихъ учрежденій, содержаніе министерства государственныхъ имуществъ стоило 7.255.857 рублей, то-есть для управленія доходомъ въ 8 милл. рублей потребовался расходъ въ 7 милл. рублей! Повидимому, одно сопоставленіе этихъ двухъ послѣднихъ цифръ требовало изысканія другихъ способовъ завѣдыванія государственными имуществами и не допускало ни малѣйшей возможности сохранять цѣлое отдѣльное министерство въ особенности въ виду того обстоятельства, что освобожденіе министерства отъ главной его функціи уменьшило расходы только на 24%. Какъ ни настоятельно требовали интересы государственнаго казначейства изысканія новыхъ, болѣе выгодныхъ, способовъ завѣдыванія государственными имуществами, но такое требованіе шло въ разрѣзъ съ интересомъ бюрократіи, для которой гораздо важнѣе было сохраненіе мѣстъ и окладовъ. Само собою разумѣется, что интересъ бюрократіи взялъ верхъ, такъ какъ защитниковъ казеннаго интереса въ наличности не оказалось и министерство государственныхъ имуществъ было сохранено. Этотъ примѣръ чрезвычайно характеристиченъ и во-очію доказываетъ, насколько совмѣстно съ государственными интересами поддержаніе бюрокра-

тическихъ порядковъ въ управленіи и насколько заботливо относится къ этимъ интересамъ наше чиновничество.

Между тѣмъ и въ то время уже возникала мысль о новомъ, болѣе выгодномъ, способѣ распоряженія государственными имуществами,—мысль, которой, однако-жъ, не было дано хода. Говоря о доходахъ съ оброчныхъ статей, я упоминалъ о предложеніи новоузенскаго Самарской губерніи земства пріобрѣсти отъ правительства всѣ казенныя земли уѣзда за сумму въ 20.000.000 рублей, что представляло капитализацію чуть ли не двойного дохода, поступавшаго въ казну съ этихъ земель. Само собою разумѣется, что подобная передача, еслибъ она осуществилась, была бы опаснымъ прецедентомъ для нашихъ бюрократическихъ порядковъ. Она оказалась бы выгодною не только для правительства, но и для земства, а вслѣдствіе этого примѣненіе такого соглашенія въ другихъ мѣстностяхъ не заставило бы себя долго ждать. Вслѣдствіе этого наши земскія учрежденія получили бы другую физіономію и другое значеніе. Очень естественно, что наше чиновничество поняло это и подобный прецедентъ допущенъ не былъ, несмотря на то, что мысль эта въ принципѣ была одобрена покойнымъ Государемъ Императоромъ.

Выше я сказалъ, что, съ передачей государственныхъ крестьянъ въ вѣдѣніе крестьянскихъ учрежденій, бюджетъ министерства государственныхъ имуществъ сократился на 24%, но такая экономія продолжалась не долго. Съ слѣдующаго же года расходы министерства, несмотря на сокращеніе предметовъ вѣдомства, стали возрастать и не далѣе какъ черезъ три года, то-есть въ 1871 году, они уже опять превзошли ту сумму, которая назначалась въ то время, когда государственные крестьяне были въ его вѣдѣніи, т. е. дошли до цифры 9.638.481 р. Въ настоящее же время, не считая расходовъ горнаго департамента, какъ не входившихъ въ указанную цифру, по смѣтѣ текущаго года ассигновано 11.644.096 руб., въ сравненіи съ 1867 годомъ болѣе на 4.338.473 руб., или на 60½%. Цифры эти говорятъ сами за себя безъ всякихъ съ моей стороны коментарій. Онѣ не оправдываются даже и значительно возвысившимся доходомъ. По смѣтѣ на текущій годъ доходовъ, состоящихъ въ завѣдываніи министерства, также за исключеніемъ доходовъ горнаго департамента, предположено 22.485.152 рубля, а потому расходы поглощаютъ больше половины поступающаго дохода. Если же принять въ соображеніе, что значительная часть этихъ

доходовъ поступаетъ безъ всякаго содѣйствія министерства и только показывается доходомъ по его смѣтѣ, то отношеніе расхода къ доходу окажется еще менѣе выгоднымъ. Къ такимъ доходамъ относятся разныя пособія и лѣсной налогъ.

Что касается расходовъ горнаго департамента, то они въ послѣдній годъ завѣдыванія этимъ департаментомъ министерства финансовъ, то-есть въ 1873 году, достигали 9.652.383 руб., понизились въ 1879 году до 6.954.893 руб., а въ 1880 г. вновь повысились до 8.112.906 руб., въ смѣтѣ же на текущій годъ предположены въ суммѣ 8.048.782 руб., и это несмотря на передачу многихъ горныхъ заводовъ въ частныя руки. Хотя доходы этого департамента предположены въ большей суммѣ, а именно въ 12.439.570 руб., и потому можно бы предполагать значительную сумму чистаго дохода, приносимаго нашимъ горнымъ вѣдомствомъ; но, имѣя въ виду цифры поступавшаго дохода въ предыдущіе годы, я позволяю себѣ сомнѣваться въ возможности поступленія предполагаемой цифры. Такъ въ 1879 году доходовъ по горному департаменту поступило 5.946.866 руб., а въ 1880 году — 6.866.049 руб. Правда, въ смѣту текущаго года внесено 2 милл. рублей подати съ золота и серебра, которая въ указанные годы вовсе не взималась; но все-таки позволительно сомнѣваться, чтобъ устройство и управленіе нашихъ горныхъ заводовъ въ теченіе одного года могло измѣниться настолько, чтобы вмѣсто настоящаго дефицита можно было ожидать приращенія дохода почти въ 4 милліона рублей, которые не только покроютъ дефицитъ, но представятъ около 2½ милл. рублей чистаго дохода. Въ этомъ, конечно, позволительно сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что и въ прежніе годы предположенія горнаго вѣдомства никогда не подтверждались отчетами государственнаго контроля по исполненію росписи. Ошибка встрѣчается постоянно въ суммѣ предположенныхъ къ исполненію нарядовъ министерствъ военнаго, морского и путей сообщенія, которыхъ горное вѣдомство не успѣвало исполнять: такъ въ 1879 году заказовъ принято на 3.885.863 руб, а исполнено на 1.581.301 руб.; въ 1880 году ихъ принято на 4.517.378 рублей, а исполнено на 2.621.561 руб. Въ отчетахъ государственнаго контроля такой недоборъ въ доходѣ объясняется неоканчаніемъ разсчетовъ по исполненнымъ заказамъ; но еслибъ это было такъ, то тогда сумма платежей могла бы только передвигаться изъ одного года въ другой и значительный недоборъ въ этихъ доходахъ не могъ

быть явленіемъ постояннымъ. Какая причина заставляетъ горное вѣдомство принимать такое количество заказовъ, котораго оно выполнить не можетъ, объ этомъ, конечно, судить очень трудно и позволительно только допустить, что основаніемъ къ тому можетъ быть естественное желаніе представить смѣту въ болѣе выгодномъ свѣтѣ. Но если такое представленіе фиктивныхъ цифръ можетъ совпадать съ интересомъ горнаго вѣдомства, то оно вовсе не совпадаетъ ни съ интересами тѣхъ министерствъ, отъ которыхъ даются наряды, такъ какъ вслѣдствіе неисполненія ихъ могутъ произойти упущенія по удовлетворенію насущныхъ потребностей этихъ вѣдомствъ, ни съ интересами министерства финансовъ и государственнаго контроля, обязанныхъ соглашаться на кредиты по исполненію этихъ нарядовъ пропорціонально ихъ фиктивной цифрѣ. Тѣмъ не менѣе порядокъ этотъ продолжается постоянно и не вызываетъ никакихъ мѣръ къ объясненію такого ненормальнаго явленія: въ отчетахъ государственнаго контроля встрѣчается постоянно одно и то же объясненіе, несмотря на неудовлетворительность его.

Впрочемъ, неудовлетворительное положеніе дѣлъ въ нашемъ горномъ вѣдомствѣ вообще и въ нашихъ казенныхъ горныхъ заводахъ въ особенности далеко не составляетъ секрета и съ давнихъ поръ озабочиваетъ нашихъ государственныхъ людей. Покойный государственный контролеръ Валеріанъ Алексѣевичъ Татариновъ положительно отчаявался въ возможности улучшить управленіе этими заводами и сильно ратовалъ за необходимость передать ихъ въ частныя руки. Съ этимъ мнѣніемъ, конечно, нельзя не согласиться, такъ какъ во всякомъ промышленномъ дѣлѣ, не составляющемъ монополіи, личный интересъ есть лучшій двигатель его успѣха. Между тѣмъ въ казенномъ горномъ дѣлѣ этого двигателя не существуетъ. Лица, руководящія этимъ дѣломъ, вовсе не заинтересованы въ его успѣхѣ; напротивъ, часто увеличеніе расходовъ по эксплуатаціи какого-либо горнаго дѣла гораздо болѣе совпадаетъ съ интересами агентовъ горнаго вѣдомства, чѣмъ ихъ сокращеніе, въ особенности при трудности повѣрки этихъ расходовъ. Къ этому присоединяется еще сильно укоренившаяся въ нашихъ правительственныхъ сферахъ мысль, что администрація какого-либо спеціальнаго и техническаго дѣла должна находиться непремѣнно въ рукахъ техника. Если промышленное дѣло въ рукахъ частныхъ лицъ имѣетъ болѣе шансовъ на успѣхъ, то это именно потому, что подобное ошибочное мнѣніе не имѣ-

етъ здѣсь мѣста, тогда какъ въ казенномъ дѣлѣ оно считается аксіомой. Между тѣмъ дѣйствительно хорошій техникъ, въ силу спеціальнаго своего образованія, въ силу постоянныхъ своихъ занятій, до того привыкаетъ сосредоточивать свое вниманіе на вопросахъ своей спеціальности, что умъ его естественно становится одностороннимъ. Вопросы экономическіе, юридическіе и бытовые не обращаютъ и не могутъ обращать на себя его вниманія; а если они и встрѣчаются на его пути, то, конечно, отходятъ на второй и третій планъ, тогда какъ въ администраціи всякаго промышленнаго дѣла они составляютъ главную суть и часто обусловливаютъ успѣхъ дѣла въ большей степени, чѣмъ совершенство техническихъ пріемовъ. Скажу болѣе: никакое совершенство техники не можетъ возмѣстить убытковъ, являющихся слѣдствіемъ упущеній въ администраціи, требующей гораздо болѣе широкаго взгляда и разнородныхъ способностей. Дѣльный администраторъ, конечно, долженъ быть настолько образованъ, чтобы понимать, гдѣ кончается административный вопросъ и начинается техническій, и не браться за разрѣшеніе послѣдняго. При соблюденіи же этого условія техникъ долженъ быть только орудіемъ въ рукахъ администратора, никакъ не болѣе. Къ сожалѣнію, въ нашемъ горномъ дѣлѣ въ рукахъ техниковъ сосредочена вся администрація этого дѣла и недостатки этой ошибочной системы усиливаются еще болѣе бюрократическимъ ея характеромъ. Чиноначаліе проникло и въ дѣло техники, хотя здѣсь оно вовсе не у мѣста, такъ какъ чины пріобрѣтаются выслугою извѣстнаго числа лѣтъ и ничего общаго съ научнымъ и техническимъ знаніемъ не имѣютъ. Кромѣ того, техника или умѣнье приложить научныя свѣдѣнія къ практической дѣятельности есть все-таки искусство, которое также чинами не дается. Между тѣмъ наша практика выработала такой порядокъ, при которомъ только достигшій извѣстнаго чина техникъ можетъ сдѣлаться администраторомъ завода, т. е. когда онъ уже отвыкъ слѣдить за развитіемъ науки и за новыми открытіями, а рутина пріучила его считать извѣстные пріемы безошибочными. Само собою разумѣется, что всякій техникъ скорѣе будетъ руководиться своими собственными, хотя и устарѣлыми, мнѣніями, чѣмъ согласится съ мнѣніемъ молодыхъ своихъ помощниковъ, у которыхъ свѣжи еще въ памяти новыя открытія въ наукѣ и техникѣ, и, конечно, не допуститъ никакихъ нововведеній. Еслибы во главѣ дѣла былъ просто образованный человѣкъ, не зараженн-

ный самолюбіемъ техника, тогда для молодыхъ талантовъ открывалось бы широкое поле дѣятельности и наше горное дѣло могло бы развиваться; но когда не только во главѣ заводскихъ округовъ, но и во главѣ заводовъ должны стоять генералы, получившіе свое техническое образованіе десятки лѣтъ тому назадъ и, тѣмъ не менѣе, убѣжденные въ непогрѣшимости своихъ техническихъ знаній, то нѣтъ ничего мудренаго, что наше горное дѣло стоитъ на точкѣ замерзанія.

Расходы по министерству народнаго просвѣщенія предположены въ суммѣ 18.030.867 руб. Расходы эти, какъ наиболѣе производительные, не могутъ вызывать особенныхъ соображеній: можно только пожалѣть, во-первыхъ, о томъ, что бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія не поглощаетъ большей части государственныхъ средствъ и оно за недостаткомъ помѣщенія принуждено закрывать двери среднихъ учебныхъ заведеній передъ желающими въ нихъ поступать и, во-вторыхъ, что изъ незначительной суммы въ 1.688.217 руб., ассигнованной на содержаніе народныхъ училищъ, болѣе трети, а именно 589.249 руб., тратится на содержаніе дирекцій и инспекцій этихъ училищъ.

Точно также можно пожалѣть, что бюджетъ министерства юстиціи, опредѣленный по росписи въ 16.780.362 рубля, не возрастаетъ въ той степени, чтобы представилась возможность введенія Судебныхъ Уставовъ 1864 года на всемъ пространствѣ Россіи. Вообще расходы министерства юстиціи опредѣляются штатами и не могутъ вызывать особыхъ замѣчаній. Только одна цифра смѣты министерства юстиціи можетъ остановить на себѣ вниманіе наблюдателя: это—цифра на содержаніе правительствующаго сената прежняго устройства. Несмотря на то, что судебные департаменты сената на основаніи Судебныхъ Уставовъ предположено постепенно сокращать, а затѣмъ и вовсе упразднить, расходы на ихъ содержаніе не уменьшаются, но возрастаютъ, хотя и незначительно. Впрочемъ этого можно было ожидать, такъ какъ наша практика выработала обычай заслуженныхъ лицъ администраціи, оставляющихъ почему-либо службу, вознаграждать званіемъ сенатора съ сохраненіемъ получаемаго оклада. При такомъ порядкѣ вещей упраздненіе судебныхъ департаментовъ сената невозможно.

Расходы вѣдомства святѣйшаго синода я разсматривать не буду, такъ какъ я очень мало знакомъ какъ съ потребностями этого вѣдомства, такъ и съ порядками, заведенными въ немъ. Но

не могу не выразить мнѣнія, что расходы на содержаніе духовныхъ консисторій совершенно непроизводительны, такъ какъ эти учрежденія, несмотря на свою коллегіальность, не имѣютъ ни малѣйшей самостоятельности и безъ всякаго ущерба дѣлу могутъ быть замѣнены канцеляріями мѣстныхъ архіереевъ. Кромѣ того отпускаемыя на содержаніе консисторій суммы слишкомъ недостаточны на безбѣдное содержаніе служащихъ и потому эти учрежденія ложатся тяжкимъ бременемъ на каждое духовное лицо, имѣющее какое-нибудь дѣло въ консисторіи.

Расходы министерства путей сообщенія, за исключеніемъ расходовъ на эксплуатацію Харьково-Николаевской и Ливенской желѣзныхъ дорогъ, опредѣленные въ суммѣ 10.451.457 рублей, составляютъ штатные и ремонтные расходы. Всѣ наиболѣе производительные расходы этого вѣдомства составляютъ такъ-сказать общеполезные расходы и не могутъ считаться безусловно необходимыми, а потому, вслѣдствіе затруднительнаго положенія государственнаго казначейства, они введены въ смѣту въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ. Стало-быть о сравнительной оцѣнкѣ этихъ расходовъ въ настоящемъ году не можетъ быть и рѣчи. Что же касается до расходовъ на счетъ желѣзнодорожнаго фонда, т. е. постройки Криворожской и Баскунчакской желѣзныхъ дорогъ за счетъ казны, то о нихъ можно будетъ говорить тогда, когда будетъ публикована отчетность временнаго управленія. Позволяю себѣ разсчитывать, что эта отчетность не будетъ скрыта въ архивѣ министерства подобно прежнимъ сооруженіямъ дорогъ за счетъ правительства.

Расходы министерства Двора опредѣлены по смѣтѣ на текущій годъ въ суммѣ 8.954.000 рублей. Но вотъ цифры расходовъ по этому министерству за истекшее десятилѣтіе:

1871 г.	10.909.755 р.	1876 г.	11.628.993 р.
1872 »	10.812.400 »	1877 »	9.479.051 »
1873 »	13.031.170 »	1878 »	10.479.730 »
1874 »	11.993.175 »	1879 »	11.849.278 »
1875 »	11.472.952 »	1880 »	11.106.830 »

Въ среднемъ выводѣ 11.276.333 рубля.

Въ виду послѣдней средней цифры расхода трудно предположить, что экономія можетъ достигнуть 2.300.000 рублей, тѣмъ болѣе, что цифры дѣйствительнаго расхода всегда превышали смѣтное назначеніе.

Расходъ на содержаніе высшихъ государственныхъ учрежденій опредѣленъ въ 1.650.230 рублей. Между тѣмъ не видно никакихъ основаній, по которымъ онъ могъ бы уменьшиться въ сравненіи съ прежними годами. Вотъ цифры за послѣднія десять лѣтъ.

1871 г.	2.454.754 р.	1876 г.	2.661.619 р.
1872 »	2.587.720 »	1877 »	2.634.233 »
1873 »	2.490.852 »	1878 »	3.066.733 »
1874 »	2.587.351 »	1879 »	2.946.554 »
1875 »	2.842.394 »	1880 »	2.994.788 »

Въ среднемъ выводѣ 2.727.699 рублей.

Если средній расходъ за цѣлое десятилѣтіе превышаетъ опредѣленную по смѣтѣ цифру болѣе чѣмъ на милліонъ рублей, т. е. на 65%, то я могу сказать съ полною достовѣрностію, что предположенная цифра окажется недостаточна и уменьшена съ цѣлію сократить дефицитъ. Я утверждаю это на томъ основаніи, что по смѣтнымъ правиламъ расходы, не имѣющіе штатнаго назначенія и производимые въ мѣрѣ дѣйствительной надобности, предписывается исчислять по средней сложности послѣдняго трехлѣтія, что составитъ круглымъ числомъ сумму въ три милл. руб., или на 81% болѣе предположенной суммы. Ошибочнаго исчисленія въ такомъ документѣ, какъ государственная роспись, допустить нельзя.

Расходы министерства иностранныхъ дѣлъ, опредѣленные въ суммѣ 3.686.185 руб., не вызываютъ замѣчаній, такъ какъ они сократились на 1.100.000 рублей въ сравненіи съ дѣйствительнымъ расходомъ 1880 года.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о расходахъ на содержаніе государственнаго контроля, исчисленныхъ по смѣтѣ на текущій годъ въ суммѣ 2.367.225 руб. Если припомнить, что цифра расхода за десять лѣтъ передъ этимъ, т. е. въ 1872 году, доходила до 2.055.227 руб., то окажется, что расходы по государственному контролю за десять лѣтъ увеличились всего на 15%, т. е. возрастали по $1\frac{1}{2}$% въ годъ. Еслибы мысль, положенная въ основу контрольной реформы покойнымъ Валеріаномъ Алексѣевичемъ Татариновымъ, была проведена до конца, а не остановилась на полудорогѣ, то, конечно, я бы сказалъ, что расходъ на содержаніе учрежденій государственнаго контроля есть одинъ изъ самыхъ производительныхъ, и могъ бы только пожа-

лѣть, что средства для развитія его дѣятельности не увеличиваются въ той степени, какъ это требуется интересами государственнаго казначейства. Но, къ сожалѣнію, этого нѣтъ: со смертью творца реформы въ системѣ государственнаго счетоводства и отчетности прекратилась и организованная работа ревизіоннаго дѣла. Онъ создалъ только внѣшнюю форму этого дѣла, вполнѣ понимая, что тогдашнее время и господствовавшіе въ правительственныхъ сферахъ взгляды на права администраціи были неблагопріятны для того, чтобы вложить въ эти формы то содержаніе, которое только и можетъ придать контрольнымъ учрежденіямъ извѣстную цѣлесообразность. Въ самомъ дѣлѣ всякое правительственное учрежденіе для выполненія своихъ функцій должно имѣть извѣстную степень власти, или, по крайней мѣрѣ, возможность заставить ту среду, въ которой ему приходится дѣйствовать, исполнять его законныя требованія. Но учрежденія государственнаго контроля этой возможности не имѣютъ, вслѣдствіе чего ихъ дѣятельность совершенно парализована и представляетъ напрасную трату и силъ, и средствъ. Не понимать этого труизма Валеріанъ Алексѣевичъ не могъ и пишущій эти строки имѣлъ полную возможность убѣдиться изъ личныхъ съ нимъ сношеній, что введеніе контрольныхъ учрежденій съ тѣми правами, которыя имъ предоставлены, было только первымъ шагомъ на пути реформы, за которымъ должно было слѣдовать дальнѣйшее развитіе его мысли; но это была задача не положенія о контрольныхъ учрежденіяхъ, а ревизіоннаго устава. Какъ государственный человѣкъ и практическій дѣятель, понимавшій ту среду, въ которой ему приходилось проводить свою мысль, онъ очень хорошо зналъ, что попытка предоставить контрольнымъ учрежденіямъ извѣстную власть вооружила бы всѣ высшія правительственныя сферы противъ самой реформы, тѣмъ болѣе, что въ то время встрѣчались въ высшихъ сферахъ и такія лица, которыя самую мысль о ревизіи ихъ дѣйствій находили для себя оскорбительной. Оппозиція такихъ лицъ противъ реформы была сломлена только той уступкой, что государственный контроль обязывался свои замѣчанія передавать на распоряженіе начальства ревизуемаго лица, безъ права на какія - либо самостоятельныя распоряженія. Что такая уступка отнимала жизненныя силы у новыхъ учрежденій, этого, повторяю, Валеріанъ Алексѣевичъ не могъ не сознавать, но онъ разсчитывалъ, что на первое время полезно создать хотя бы только формальную сторону ревизіоннаго дѣла, которая

пріучила бы къ мысли, что государственныя и общественныя суммы не подлежатъ безъотчетному распоряженію, что онѣ должны слѣдовать своему назначенію и что повѣрка дѣйствій распорядителя не можетъ считаться для него оскорбительной. Только съ усвоеніемъ и широкимъ распространеніемъ этой мысли въ обществѣ и администраціи, по мнѣнію покойнаго, можно было изданіемъ ревизіоннаго устава вооружить контральныя учрежденія тѣми правами, которыя необходимы для правильнаго и своевременнаго исполненія возложенной на нихъ обязанности. Къ сожалѣнію, смерть слишкомъ рано отняла у Россіи этого полезнаго дѣятеля и онъ не успѣлъ осуществить своихъ намѣреній. Послѣ его смерти, хотя и были попытки составленія проекта ревизіоннаго устава, но эти попытки не осуществились и контрольныя учрежденія за массою постоянно накопляющагося дѣла довольствуются лишь исполненіемъ обрядной его стороны. Такое накопленіе есть неизбѣжное послѣдствіе отсутствія всякой власти и всякой возможности заставить исполнять требованія контроля. На основаніи нынѣ существующаго положенія, онъ обязанъ производить ревизію по отчетности казначействъ и первый камень преткновенія встрѣчается очень часто въ отсутствіи необходимыхъ для ревизіи документовъ, которые нужно требовать и ожидать присылки ихъ; но распорядительныя управленія могутъ медлить ихъ доставленіемъ. Затѣмъ, въ случаѣ встрѣченныхъ неправильностей, необходимо истребованіе объясненій, на доставленіе которыхъ положительныхъ сроковъ и взысканій за просрочку не установлено. Далѣе, постановленіе контрольнаго учрежденія тогда только дѣйствительно, когда съ нимъ согласится начальство отчетнаго управленія; но начальство можетъ не отвѣчать на вопросъ и дѣло остается не оконченнымъ. Наконецъ, вслѣдствіе понужденій со стороны центральнаго учрежденія, присылается возраженіе и дѣло поступаетъ въ совѣтъ государственнаго контроля, гдѣ за массою дѣлъ, стекающихся сюда со всѣхъ концовъ Россіи по всякому возраженію, успѣшное разрѣшеніе вопросовъ положительно невозможно. Вслѣдствіе такой процедуры, съ наступленіемъ каждой новой отчетности возникаютъ новые вопросы, между тѣмъ какъ старые не разрѣшаются и вызываютъ страшное накопленіе дѣлъ, интересъ современной ревизіи исчезаетъ и теряется всякая энергія со стороны ревизующихъ лицъ. Мудрено ли, что все дѣло ревизіи обращается въ пустую формальность?

Въ виду такого положенія дѣлъ, можно только пожалѣть даже о тѣхъ средствахъ, которыя ассигнуются на такую безплодную и безполезную работу. Если въ дѣятельности государственнаго контроля есть какая-либо полезная сторона, она состоитъ только въ разсмотрѣніи смѣтъ и сверхсмѣтныхъ ассигнованій. Эта сторона дѣятельности государственнаго контроля производится своевременно и доклады государственнаго контроля департаменту экономіи всегда сохранятъ серьезное значеніе, какъ критическая оцѣнка испрашиваемыхъ министерствами кредитовъ. Что же касается ревизіонной дѣятельности контроля, то я позволю себѣ высказать мнѣніе о совершенной ея безполезности, если не имѣется въ виду:

1) Установить штрафы, налагаемые властію контрольныхъ учрежденій, за неприложеніе къ ассигновкамъ или недоставленіе въ опредѣленной срокъ документовъ, необходимыхъ для ревизіи.

2) Установить срокъ на доставленіе объясненія по учетному реэстру, пропущеніе котораго принимается за согласіе съ замѣчаніемъ контрольной палаты, вслѣдствіе чего сумма, помѣщенная въ учетный реэстръ, обращается въ начетъ безъ права обжалованія.

3) Установить срокъ, въ который подвергаемое лицо можетъ требовать представленія дѣла на разсмотрѣніе совѣта государственнаго контроля.

4) Опредѣлить цифру начета, которую контрольныя палаты могутъ налагать собственною властію окончательно.

5) Предоставить лицамъ, подвергаемымъ начету, лично являться въ контрольную палату къ слушанію ихъ дѣла, прочитывать заготовленные ревизорами доклады общему присутствію и представлять словесныя объясненія по выслушаніи этихъ докладовъ.

Если, повторяю, не имѣется въ виду установить подобныхъ правилъ, то лучше прекратить ревизіонную дѣятельность государственнаго контроля и упразднить всѣ контрольныя палаты, которыя безъ указанныхъ правъ не въ состояніи не только своевременно, но и вовсе исполнять своей задачи, хотя бы средства ассигнуемыя въ ихъ распоряженіе не только удвоились, но даже утроились. Если же указанныя мною правила будутъ введены, то я беру на себя смѣлость утверждать, что ассигнуемыхъ нынѣ средствъ вполнѣ достаточно для своевременной и всесторонней ревизіи. Все накопленіе дѣлъ въ контрольныхъ палатахъ есть слѣдствіе ихъ безправія.

Этимъ я оканчиваю разсмотрѣніе государственной росписи за 1882 годъ. Къ какому же окончательному заключенію приводитъ это изслѣдованіе?—Къ сожалѣнію, очень печальному. Многія статьи дохода, вопреки указаніямъ опыта, значительно преувеличены, тогда какъ нѣкоторые расходы, наоборотъ, сильно сокращены и, повидимому, нѣтъ никакой возможности ожидать, чтобы дѣйствительное исполненіе подтвердило составленныя такимъ образомъ предположенія. Кромѣ того указанія опыта были настолько краснорѣчивы, что въ этихъ предположеніяхъ можно видѣть простое желаніе уменьшить цифру дефицита. Но въ исторіи не было примѣра, чтобы государство изъ 80-милліоннаго дефицита въ одинъ годъ, безъ особыхъ преобразованій, могло придти къ дефициту въ 3½ милл., а потому такое желаніе можетъ вызвать послѣдствія прямо противуположныя тѣмъ, которыхъ ожидали. Такое желаніе можетъ навести на мысль, что наше финансовое положеніе хуже, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности.

А. Головачовъ.

Въ горахъ и степяхъ Башкиріи.

(Изъ путевыхъ впечатлѣній и разсказовъ.)

III *).

Нарушенный заводъ.

Заводъ этотъ называется Усень-Ивановскимъ.

Не мало въ Башкиріи «нарушенныхъ» заводовъ: Верхній Кидашъ, Нижній Кидашъ (они же и Троицкіе), Архангельскій, Воскресенскій, Усень-Ивановскій—всѣ покончили свое существованіе, а впереди ожидается закрытіе и другихъ заводовъ...

Тяжелое впечатлѣніе производитъ видъ нарушеннаго завода. Масса сѣрыхъ, когда - то хорошихъ и приглядно смотрѣвшихъ, домовъ съ полуизгнившими или заплатанными кровлями привольно раскинулась въ лощинѣ. Покинутыя зданія мастерскихъ и фабрикъ, полуразрушенная плотина и заброшенный прудъ съ выбѣгающими изъ него потоками рѣки, жалобно плачущими и наводящими уныніе; вездѣ чернѣются глубокія ямы, горы изъ остатковъ руды и на всемъ—печать широкаго запустѣнія. Заводское населеніе на половину разбѣжалось по разнымъ мѣстамъ отыскивать себѣ хлѣбъ, другая,—изъ привязанности къ родному и насиженному мѣсту, — остается тутъ доживать свой вѣкъ, переколачиваясь изъ дня въ день. Чудная природа, горы, лѣса и рѣки, окружающіе эти жалкія руины заводовъ, только усиливаютъ больше впечатлѣніе и наводятъ на грустныя размышленія...

Живутъ въ этихъ нарушенныхъ заводахъ большею частію старовѣры.

---

*) *Русская Мысль* кн. V.

Возникновеніемъ и развитіемъ своимъ горная промышленность обязана здѣсь башкирамъ: они первые показали русскимъ «чудскія копи»—мѣста старинныхъ рудныхъ разработокъ въ башкирскихъ дачахъ, первые всегда отыскивали новые рудники и первые же являлись работниками у русскихъ заводчиковъ, орлами налетавшихъ съ разныхъ сторонъ на прекрасную Башкирію. Управляющій Оренбургскимъ краемъ, статскій совѣтникъ Кириловъ, воспользовался свѣдѣніями «башкирцевъ» и, при содѣйствіи одного горнаго офицера и разныхъ штейгеровъ и бергауеровъ, основалъ при Табынской крѣпости мѣдноплавильный Воскресенскій заводъ; но предпріятіе покойнаго статскаго совѣтника на этомъ и остановилось: дѣло почему-то не пошло, а тутъ еще, на бѣду, подоспѣло «возмущеніе»: башкиры до тла разнесли Воскресенскій заводъ!... Но при Неплюевѣ, вступившемъ въ управленіе краемъ 1743 года, дѣло съ помощью Божіей и добрыхъ людей обошлось по-хорошему: что было посѣяно статскимъ совѣтникомъ Кириловымъ, то при тайномъ совѣтникѣ Неплюевѣ возросло и дало плодъ. Наслышавшись разныхъ чудесъ о новой странѣ, въ Башкирію явился тогда симбирскій купецъ Иванъ Борисовичъ Твердышевъ, «человѣкъ предпріимчивый и знатокъ горнаго дѣла». Онъ обратился къ Неплюеву съ просьбой о дозволеніи возобновить Воскресенскій заводъ, причемъ изъявилъ желаніе приложить «отмѣнное» усердіе и стараніе свое къ дѣлу развитія въ Уфимской провинціи горной промышленности. Неплюевъ отнесся въ Бергъ-Коллегію и аттестовалъ передъ нею Твердышева такимъ образомъ: «къ изысканію рудъ ревность показываетъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, черезъ стараніе свое, новые рудные признаки обыскалъ и, ревнуя къ дѣйствительному того завода произведенію, проситъ, чтобы ему оные отданы были». Заводчикъ Демидовъ, еще раньше показавшій свою «ревность» не къ одному лишь «обысканію» рудныхъ признаковъ, но и къ широкой эксплоатаціи богатствъ сѣвернаго Урала, и оренбургскій солепромышленникъ Осокинъ хотѣли, было, помѣшать успѣху представленія Неплюевымъ о новомъ «ревнителѣ» и «знатокѣ горнаго дѣла»; но «въ уваженіи сдѣланной Твердышевымъ значительной уступки въ казну (болѣе 20.000 руб.) и по принятіи имъ на себя уплаты издержанныхъ статскимъ совѣтникомъ Кириловымъ на устройство завода 565 руб. 79 $^{3}/_{4}$ к., правительствующій сенатъ отъ 16-го апрѣля 1744 года утвердилъ дѣло за Твердышевымъ». Для завода тѣмъ же указомъ сената велѣно отвести изрядное количество

земли и приписать потребное число крестьянъ (подъ Воскресенскимъ заводомъ находилось 46.000 десятинъ, изъ которыхъ 28.000 лѣса). «Особая счастливая способность» и «умѣнье» Твердышева «обходиться съ полудикимъ народомъ не только устранили всѣ препятствія и предполагаемыя опасенія, но какъ не надобно лучше расположили башкирцевъ въ его пользу, и они способствовали ему не только своими услугами въ отыскиваніи руды, но и личными работами въ добываніи ея и доставкѣ на заводъ». Но, помимо счастливой способности и умѣнья обходиться съ полудикимъ народомъ, надо полагать, на «расположеніе» и «споспѣшествованіе башкирцевъ» оказывала нѣкоторое вліяніе также и военная команда, содержавшаяся Твердышевымъ на собственный счетъ, съ цѣлью «охраны завода»...

Не прошло семи лѣтъ, какъ уже къ Твердышеву присоединился землякъ его, купецъ Мясниковъ, и общими силами они построили сперва Богоявленскій и Архангельскій мѣдноплавильные заводы, а черезъ два-три года Твердышевъ строитъ Катавъ-Ивановскій желѣзный заводъ, потомъ, въ компаніи съ тѣмъ же Мясниковымъ, Усть-Катавскій, Верхотурскій и затѣмъ Симскій... За ними и, частью, единовременно выступили другіе ревнители: Осокинъ, построившій заводы Троицкіе и Усень-Ивановскій (1754—60 г.), Мосоловъ—Кана-Никольскій и Златоустовскій, Матвѣевъ — Авзяно-Петровскій, Красильниковъ — Шаранскій и такъ далѣе.

Заводы устраивались и возводились на башкирскихъ земляхъ, пріобрѣтаемыхъ основателями отъ владѣльцевъ двумя способами—или посредствомъ прямого захвата, или покупки (иначе «отвода глазъ»): за самую ничтожную сумму пріобрѣталось отъ 50 до 270 тысячъ десятинъ...

Заводы росли и размножались. Къ нимъ стягивались и прикрѣплялись рабочіе люди: бѣглые, переселенцы, успѣвшіе уже осѣсть, и крестьяне, покупаемые у помѣщиковъ и вывозимые заводчиками изъ внутренней Россіи въ Башкирію... Новая, своеобразная жизнь зачиналась въ заводахъ, — жизнь полная нескончаемыхъ печалей, но не лишенная и своихъ радостей; въ теченіе болѣе ста лѣтъ она складывалась и, наконецъ, сложилась въ опредѣленныя формы, выработался типъ заводскаго человѣка... Но вотъ по всей Россіи, изъ конца въ конецъ, пронеслась радостная вѣсть объ уничтоженіи крѣпостного права: изданъ и вездѣ прочитанъ манифестъ 19-го февраля.

«Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный русскій народъ, и призови вмѣстѣ съ Нами въ помощь Бога на свой свободный честный трудъ!» — торжественно, какъ звуки священнаго оргàна, раздавалось по необъятной и многострадальной нашей землѣ. Полною грудью тогда вздохнулъ многомилліонный народъ, и вслѣдъ за словами манифеста пламенная молитва освобожденныхъ рабовъ понеслась къ далекимъ небесамъ... Теперь-то, казалось, разовьется и разцвѣтетъ горнозаводская промышленность, вступивъ на путь широкаго свободнаго труда, и заводскій рабочій позабудетъ про все, что̀ было тягостнаго въ его крѣпостнической жизни, и бодро, съ новыми силами, примется за свой трудъ и запоетъ:

Миръ вамъ, старыя невзгоды!
Память вѣчная слезамъ!
Вѣетъ воздухомъ свободы
По трущобамъ и лѣсамъ.
Золотыя искры свѣта
Проникаютъ въ глушь и дичь;
Слышенъ въ полѣ кличъ привѣта,
По степямъ веселый кличъ...

Но въ Башкиріи случилось какъ разъ наоборотъ: оказалось въ дѣйствительности, что заводы только и цвѣли, пока господствовало крѣпостное право, а какъ его отмѣнили, — начали быстро вянуть и многіе скоро совсѣмъ завяли. Значитъ, всего на сто съ чѣмъ-нибудь лѣтъ хватило силъ! И это въ странѣ неисчерпаемыхъ минеральныхъ богатствъ?!... А между тѣмъ въ «ревности» и «стараніи» — слава Богу! — недостатка, кажется, не было, а въ итогѣ — одни «нарушенные» заводы! Непостижимо... *).

Въ Усень-Ивановскій заводъ я пріѣхалъ въ началѣ сентября. Хотя времени было еще и немного, — шелъ девятый часъ, — но темная ночь давно уже распростерлась надъ землей и закутала все селеніе. Мы подъѣзжали къ заводу со стороны горъ. Дорога шла лѣсомъ. Темь. По обѣимъ сторонамъ тянулся лѣсъ.

*) Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ исторіею горныхъ заводовъ отсылаемъ къ трудамъ Я. В. Ханыкова, В. М. Черемшанскаго, Р. Г. Игнатьева и указамъ правительствующаго сената, изданнымъ за время съ 1720 по 1861 годъ.

Авторъ.

Высокій, молчаливый и непроницаемый, онъ весь исполненъ былъ какихъ-то глубокихъ тайнъ и казался заколдованнымъ, волшебнымъ. Мнилось, что вотъ-вотъ, того и жди, напуститъ на насъ этотъ волшебникъ свои чары, заведетъ куда-нибудь въ непроходимую чащу лошадей и не выпуститъ насъ живыми изъ своего лѣсного царства. Жутко становилось!... Но дорога, къ нашей радости, начала круто опускаться, и внизу передъ нами, точно изъ-подъ воды, вынырнулъ и протянулся длинный рядъ огоньковъ. Еще нѣсколько минутъ—и мы очутились почти у самой линіи огней. Чѣмъ-то влажнымъ и свѣжимъ вдругъ пахнуло въ лицо... Ямщикъ повернулъ налѣво, пронзительно гикнулъ, и лошади понеслись бѣшенымъ вихремъ. Справа, въ неясныхъ очертаніяхъ, обрисовывались изгибы рѣки, на холодной и мрачной поверхности которой, мѣстами, дрожали отраженія огоньковъ, а слѣва тѣснились и надвигались на насъ исполины-горы, угрожавшія преградить дорогу и принимавшія въ ночномъ мракѣ страшныя, фантастическія формы... Но вотъ передъ нами какъ будто широкое озеро развернулось, за нимъ бѣлое зданіе поднялось и забѣгали, смѣшались въ кучкѣ десятки огоньковъ. Заворотили на плотину, миновали ее и въѣхали въ жилье. Наконецъ-то!... Поднимаемся вверхъ... Въ совершенно темной и безмолвной улицѣ, на-перерѣзъ намъ, неожиданно выдѣлились двѣ высокія мужскія фигуры.

— Кто идетъ?

— Гдѣ домъ Василья Семеныча Грачева?

— А вотъ сейчасъ третій домъ отъ краю.

У большого деревяннаго дома лошади остановились. Ямщикъ началъ стучать въ ворота. Отвѣта нѣтъ. Сильнѣе принялись стучать. Во дворѣ глухо залаяла собака... Наконецъ послышался человѣческій голосъ:

— Кто стучитъ?

— Василій Семенычъ дома?

— Постучите подъ окошко!

Стучимъ подъ окошко. Не отвѣчаютъ.

— Поѣдемъ къ волостному правленію.

Тамъ съ трудомъ достучались и, на наше счастье, нашли не окончательно еще заспавшагося сторожа. Онъ выслушалъ, зѣвая, накинулъ на плечи полушубокъ и проводилъ насъ до казенной квартиры. Въ этой улицѣ не вездѣ спали,—въ домахъ виднѣлись огни и на бѣлыхъ занавѣскахъ, въ окнахъ, отражались

тѣни. Подъѣхали. Опять стукъ и отпираніе воротъ. Лошади въѣхали на дворъ. На крыльцѣ, со свѣчой въ рукахъ, встрѣтилъ насъ старикъ, на видъ лѣтъ шестидесяти, въ кафтанѣ съ борами.

— Сюда пожалуйте!

Я поднялся по лѣстницѣ, предшествуемый хозяиномъ, и вошелъ въ комнату, а изъ нея въ другую, большую и чистую, съ кроватью, диваномъ, столомъ и стульями. Въ переднемъ углу, въ кіотѣ, висѣло мѣдное распятіе и передъ нимъ теплилась лампадка; по стѣнамъ, въ черныхъ рамкахъ, развѣшаны картинки старыхъ модъ, ландшафты и «Страшный судъ».

— Здравствуйте, хозяинъ! Извините, что я васъ побезпокоилъ.

— Помилуйте, наша обвязанность принимать господъ.

Ямщикъ (башкиръ) внесъ чемоданъ и другія вещи.

— Самоваръ прикажете поставить?

— Не безпокойтесь,—не хочу.

Я чувствовалъ себя за день страшно утомленнымъ,—около полутораста верстъ сдѣлалъ,—и хотѣлъ спать. Поэтому спѣшилъ только скорѣе расплатиться съ ямщикомъ.

— Вотъ прогоны, а это тебѣ—на чай.

— Не надо на чай... Зачѣмъ мнѣ на чай?—отказался башкиръ.—А вотъ, господинъ, если можно, самоваръ, чаю напиться. У насъ—Ураза, ты видѣлъ давича, я не успѣлъ дома...

— Съ большимъ удовольствіемъ, Шакиръ Сатьянычъ.

Я попросилъ хозяина поставить для ямщика самоваръ и накормить его ужиномъ.

— Ну, вотъ, спасибо тебѣ.

— Прощай, Шакиръ Сатьянычъ. Кланяйся отцу.

— Ладно. Прощай! Будь здоровъ.

Онъ протянулъ мнѣ руку, и мы разстались.

— Позвольте узнать, кто вы будете? — обратился ко мнѣ съ вопросомъ хозяинъ.

— Изслѣдователь. Собираю матеріалы, изучаю народный бытъ.

— Такъ... Значитъ, по разнымъ порученіямъ къ намъ на заводъ?

— Да, по разнымъ порученіямъ.

Мнѣ не хотѣлось говорить, и я старался какъ-нибудь отдѣлаться.

Черезъ пять минутъ я уже лежалъ на диванѣ. Усталось была такова, что хотѣлъ я подвинуть къ себѣ коробку со спич-

жами, чтобы выкурить папироску, но рука упала и я моментально заснулъ и проспалъ до восьми часовъ утра. Меня разбудилъ страшный и чудовищный бой часовъ.

Было великолѣпное утро. Хозяинъ возился въ сосѣдней комнатѣ, куда я вышелъ умываться. Только я приблизился къ умывальнику, какъ почтенный старецъ объявилъ:

— А у насъ сегодня ночью случилось происшествіе.

— Какое происшествіе?

— Да такъ, видно, часа въ два ночи я проснулся, гляжу: въ комнатѣ свѣтъ. Васъ я побоялся безпокоить... Подошелъ къ окну—зарево въ той сторонѣ, откуда вы ѣхали: пожаръ былъ въ деревнѣ Невѣровкѣ, тридцать два двора сгорѣли и двѣ женщины.

Внесли мнѣ самоваръ. Я пригласилъ къ чаю хозяина. Старикъ сѣлъ; мы съ нимъ разговорились. Онъ, между прочимъ, разсказалъ, какъ у нихъ въ заводѣ, три года тому назадъ, ловили бѣглаго попа, какъ его поймали и привели на казенную квартиру и какъ потомъ бабы уворовали его изъ-подъ носа станового.

— Кушать будете чтò?—спросилъ, вставая, хозяинъ.

— Что у васъ можно найти?

— Можно курочку, пѣтушка.

Я далъ денегъ на обѣдъ.

Оставшись одинъ, я продолжалъ сидѣть за самоваромъ и долго не могъ оторваться отъ окна. Передо мной, за порядкомъ домиковъ, открывался такой видъ: параллельно улицѣ, длинною стѣной, поднимались высокія горы, покрытыя съ низу до верху лѣсомъ, съ обнаженными, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отвѣсами и покатостями. У подошвы горъ въ безпорядкѣ лѣпились избушки, правѣе—уныло смотрѣли заводскія сооруженія: покосившееся зданіе бывшей конторы, обветшалыя постройки кладовыхъ, амбаровъ и т. п.; лѣвѣе, отдѣльно, стояли вершины горъ—Исаевская и Ильинская; прямо, внизу, извивалась голубою лентой р. Усень и озеромъ стояла у плотины завода. За нею желтою змѣйкой вскидывалась на горы узенькая дорожка, по которой я ѣхалъ наканунѣ. Липа, береза и осина, покрывавшія горы, наполовину пожелтѣли; однѣ сосны и ели не перемѣняли своего темно-зеленаго наряда. Все это—и лѣсъ, и горы, и рѣка съ заводскими постройками—было освѣщено яркими лучами солнца.

Послѣ обѣда я отправился къ Василью Семеновичу Грачеву. Надо сказать, что о немъ я слышалъ какъ о человѣкѣ почтенномъ, отъ котораго могъ узнать многое, и имѣлъ къ нему письмо отъ одного судебнаго слѣдователя и поэта (Якова Артемьевича Старостина). Мой квартирный хозяинъ изъявилъ, было, готовность проводить, но я подъ какимъ-то предлогомъ уклонился отъ его любезнаго предложенія; притомъ отъ него попахивало не то лукомъ, не то чеснокомъ, и на щекахъ игралъ неестественный румянецъ. По дорогѣ я завернулъ въ волостное правленіе, но тамъ никого, кромѣ десятниковъ, не засталъ: старшина и писарь ѣздятъ по волости съ «застраховкою».

Василій Семенычъ стоялъ у воротъ своего дома. Онъ, видимо, былъ уже предупрежденъ и ждалъ меня. Это былъ высокій, съ сильною просѣдью, человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ, съ голубыми и привѣтливо смотрѣвшими глазами. Онъ отворилъ мнѣ калитку и съ хорошей улыбкой просилъ въ «горницу». Два большихъ камня, въ видѣ полукруга, вели въ сѣни; на дворѣ, особнякомъ, стояла избушка, изъ которой, вѣроятно, вчера и былъ намъ сдѣланъ опросъ; подлѣ нея, въ колодѣ, лежала на цѣпи большая, когда-то черная, но теперь старая и вся посѣдѣвшая, собака; при видѣ незнакомаго человѣка, она, по давнишней своей привычкѣ, вздумала на меня полаять, но сейчасъ же перестала и улѣзла въ колоду. Изъ сѣней мы вступили въ первую, чистую и просторную комнату, изъ которой створчатыя двери вели въ другую, гораздо больше первой; здѣсь стояла кровать съ пологомъ, на задней стѣнѣ развѣшаны кафтаны, шубы и сарафаны,—чистая бѣлая печь и картина «Ступени человѣческой жизни», столъ, до полудюжины стульевъ и шкафъ съ чайною посудой.

— Просимъ покорно. Садитесь!

Мы сѣли. Я вручилъ Грачеву письмо и просилъ его прочитать, а онъ освѣдомился объ Яковѣ Артемьичѣ, его здоровьѣ и занятіяхъ.

— Въ Уфѣ служитъ, здоровъ и кланяется вамъ.

— Мы наслышаны, что въ Уфѣ. Намъ очень пріятно, что они въ Уфѣ. Хорошій человѣкъ.

Василій Семенычъ вынулъ изъ кожанаго футляра большія, въ серебряной оправѣ, очки, разрѣзалъ ножомъ осторожно конвертъ и принялся за чтеніе письма.

— Ну, что вамъ пишетъ Яковъ Артемьичъ?

Хозяинъ съ тою же точно улыбкою, съ какою, отворивъ передо мною калитку, просилъ пожаловать въ горницу, протянулъ теперь съ письмомъ ко мнѣ руку и сказалъ:

— Да что вы говорили. Не угодно ли?

Впечатлѣніе, произведенное на меня Грачевымъ, располагало въ его пользу: человѣкъ обстоятельный, съ головой и, по наружности, весьма симпатичный. Но въ его хорошей улыбкѣ, въ тонѣ голоса и манерѣ говорить, несмотря на сердечность, замѣчались осторожность и тонкая наблюдательность: взглядъ его голубыхъ глазъ — необычайно кроткій, ласковый и добрый — останавливался, по временамъ, на лицѣ собесѣдника и точно хотѣлъ проникнуть въ самую глубину его души. Нечего, конечно, было разсчитывать, что Василій Семенычъ съ перваго же разу, какъ васъ увидѣлъ, распояшется и начнетъ передъ вами выкладывать, что у него есть на умѣ и въ сердцѣ. Поэтому я нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ самому разсказать Василью Семенычу подробно о моемъ знакомствѣ съ Яковомъ Артемьевичемъ, посвятить его въ задачу моихъ скромныхъ научныхъ изысканій, и т. п. Такая, невинная съ моей стороны, стратегическая хитрость подвинула дѣло впередъ. Василій Семенычъ слушалъ меня съ какимъ-то тихимъ вниманіемъ, подолгу не сводилъ съ меня своихъ вдумчивыхъ глазъ и всякій разъ улыбался, когда въ разсказѣ выступалъ комическій элементъ.

Подали самоваръ, и на сцену явилось новое лицо: жена Грачева, высокая, здоровая женщина, съ глубокими карими глазами и сохранившимися слѣдами замѣчательной красоты; въ ней все было энергія и сила: фигура, движенія, голосъ и взглядъ глубокихъ карихъ глазъ. Она подала намъ чай, мнѣ — въ стаканѣ, а мужу въ чашкѣ, поставила соты и большую рюмку вина. Не зная прямого назначенія послѣдней, я взялся за стаканъ съ чаемъ.

— Что же вы, пожалуйте! — показывая на рюмку, попросила меня хозяйка.

— Благодарю васъ: я не пью. Можетъ, хозяинъ самъ выкушаетъ?

— Съ роду не пивалъ.

За чаемъ я завелъ рѣчь о заводѣ. Василій Семенычъ полугрустно улыбнулся и проговорилъ:

— Что теперь нашъ заводъ! Одно названіе только осталось, а заводъ нарушенъ: работъ на немъ никакихъ не производится.

— А давно заводъ нарушенъ?

— Нашъ вскрыли въ 1866 году... вскорѣ послѣ того, какъ заведеніе отъ Бенардаки въ казну перешло. Основателемъ-то былъ Осокинъ Иванъ. По немъ да по рѣкѣ Усеню и заводъ нашъ такъ прозывается.

— Скажите, Василій Семенычъ, отчего заводъ не существовалъ дольше?

— На то была воля заводовладѣльца. Видите ли, какъ народъ отъ помѣщиковъ освободили, такъ бывшему нашему владѣльцу, должно-быть, и обидно показалось рабочимъ жалованье платить. Мы, вѣдь, народъ не знатный: бѣглые были, кто изъ-подъ кустика, кто изъ-подъ сосенки... Другая причина въ томъ состояла, что во сто лѣтъ заводъ много лѣсу свелъ и руду, какая вблизи была, всю истощилъ.

Причина уважительная.

— Развѣ что вотъ лѣсу мало—такъ, а то руды, я думаю, по вашимъ мѣстамъ не трудно найти?

— Какъ руды не найти! Вонъ, за Дёмою, сколь её, матушки, лежитъ: не на одинъ заводъ хватитъ!

Я посмотрѣлъ на моего собесѣдника. Въ отвѣтъ мнѣ Василій Семенычъ улыбнулся и продолжалъ:

— Да, вѣдь, за рудою далеко ѣздить: надо все нанимать и людямъ деньги платить. А намъ это не нравится: не такъ ужь будетъ прибыльно, какъ прежде... Намъ бы желательно побольше интересу получить, чтобы было изъ-за чего безпокоиться и заведеніе содержать.

Д-да, такъ вотъ оно что!...

— Въ прежніе-то годы заводамъ было очень хорошо, — постепенно, шагъ за шагомъ, уступалъ Василій Семенычъ, попивая чаекъ изъ своей аппетитной чашки. — Народъ былъ свой, даровой; земли, опять лѣсу и всякихъ угодій — сколько вашей душѣ только пожелается. А нонича ежели заводъ въ дѣйствіе пустить,—на все капиталъ понадобится. А въ оныя-то времена какъ просто велось! Обыскалъ башкирецъ гдѣ у себѣ руду, пришелъ къ заводовладѣльцу и только доложится: сейчасъ прикащика и мастеровъ посылаютъ, да самихъ же башкирцовъ и заставятъ копать, а послѣ велятъ имъ руду на заводъ свезти. Башкирецъ хоть на двѣсти верстъ повезетъ: ѣдетъ да, посвоему, пѣсенки попѣвастъ. За труды отъ владѣльца — фунтъ чаю, пару барановъ и много пять-шесть серебряныхъ цѣлковыхъ

въ придачу! Башкирецъ доволенъ, «спасибо»—говоритъ, а рудникъ его къ заводу причисляется. Не успѣютъ еще этотъ рудникъ какъ слѣдуетъ разработать, а башкирецъ, глядишь, ужь другой обыскалъ. Прежній оставляютъ безъ вниманія и за новый принимаются. Такъ не у насъ однихъ, а на всѣхъ заводахъ съ рудой обращались... Случится, ежели въ своихъ дачахъ гдѣ по-близости лѣсъ свели,—рядомъ, подъ рукой, башкирскій «урманъ» стоитъ: опять башкирцы сами нарубятъ и привезутъ. Такъ оно, сами видите, заводъ тогда и лестно было содержать. Ну, а какъ башкирцамъ кочевки воспретили, — скотоводство у нихъ сразу нарушилось: прежде у каждаго вотчиника до тридцати-пятидесяти косяковъ однѣхъ лошадей водилось, а тутъ—одному выѣхать стало не на чемъ. Къ тому же и размежеваніе башкирскихъ земель подоспѣло. Все одно къ одному...

— А теперь ужь не ѣздятъ больше на башкирахъ?

Супруги взглянули на меня и засмѣялись.

— Какъ не ѣздить! — сказалъ мужъ. — Была бы спина, на спину дубины много... Вы были у нихъ,—замѣтили, чай, въ какомъ они несчастномъ положеніи...

— Совсѣмъ ободра́ной стала лошаденка,—энергически замѣтила жена Василья Семеныча.

— Да, таки ее поободрали. А все еще ѣздятъ! Не та ужь лошадь, что прежде была: много очень зря и безъ всякаго соображенія на ней гоняли... Вотъ и довели до послѣдняго... Да что говорить! Наше дѣло тоже не лучше башкирскаго: не знаемъ, что впереди насъ и ожидаетъ...

Василій Семенычъ вытерся платкомъ и шумно двинулъ свою аппетитную чашку.

— Въ какомъ теперь положеніи находятся заводскіе?—предложилъ я вопросъ.

— Въ какомъ положеніи, вы спрашиваете? Да точно въ такомъ же, въ какомъ и сами заведенія наши находятся: въ положеніи нарушенномъ. Отъ заводскаго дѣла мы вотъ сколько годовъ отрѣшены, а хлѣбопашцами настоящими и по сіе время не сдѣлались: усадьба у мастеровыхъ не выкуплена, а надѣла мы не принимаемъ.

— Отчего же не принимаете?

— Боимся круговой поруки: отъ нея все селеніе должно разориться.

— Такъ чѣмъ же теперь заводскіе промышляютъ?

— А рąзно: кто занимаются хлѣбопашествомъ,—землю подъ пашню у казны снимаютъ,—кто на сторонѣ пропитаніе себѣ находятъ, а кто дома промыслы имѣютъ: плотники, кузнецы, мѣдники, конокрады...

— Вотъ какъ! И конокрады?...

— Всякаго народу довольно... Изстари одно примѣчаніе есть: ежели какого человѣка отъ постояннаго его дѣла оторвутъ, а другого настоящаго занятія ему не предоставятъ, такъ человѣкъ такой ко всякимъ худымъ дѣламъ склониться можетъ. Допрежде у насъ конокрадствомъ одни тептяри да новобашкиры промышляли, а нонича и заводскіе за то же самое ремесло ухватились. Да не у однихъ заводскихъ,—послышишь, вездѣ разстройство и недохватка... Большое замѣшательство, какъ я смотрю, теперь на міру происходитъ.

— Но я, Василій Семенычъ, не достаточно себѣ уяснилъ, почему вы не принимаете надѣла. Положимъ, что круговая порука...

— Отвергаемъ!—перебила меня хозяйка, сопровождая энергическимъ движеніемъ руки свое восклицаніе, и въ ея глубокихъ карихъ глазахъ мелькнуло выраженіе сердитой рѣшительности.

— Извольте, я вамъ поясню, — заговорилъ Василій Семенычъ.—У насъ теперь хлѣбопашествомъ занимаются по охотѣ: кто имѣетъ у себя запашку, тотъ и платитъ въ казну, а прочимъ нѣтъ до того никакого дѣла. Отъ казны у насъ пока утѣсненія не видится: за десятину она съ насъ въ годъ беретъ отъ полутора до двухъ рублей. Лѣсъ покупаемъ отъ десяти и до шестидесяти рублей за десятину, а валежникъ—по сорока копѣекъ кубическую сажень. Земскихъ, волостныхъ и подушныхъ сходитъ по четыре рубля съ души, кромѣ усадебныхъ—то особо, платимъ шесть рублей съ десятины помѣщику. А всего, какъ сосчитаете, порядочно наберется; но мы не ропщемъ. Ежели бы такъ и дальше пошло, да усадьбу намъ отдали,—жить бы еще ничего, хоть и пополамъ съ горемъ, какъ-нибудь можно... Народъ, вѣдь, у насъ не избалованъ,—немногимъ удовольствуется... Теперь вы поняли меня?... Но мы боимся: ну, какъ намъ землю нарѣжутъ? Съ круговой порукой совсѣмъ пропадемъ! У насъ много пустого народа, за него платить придется: и исправный человѣкъ изъ-за неисправнаго выдетъ неисправнымъ...

— Да что толковать, — перебила опять жена: — мы отвергаемъ!

— Вотъ еще усадьба бѣдняковъ донимаетъ, — продолжалъ мужъ.—Заводъ, по своемъ нарушеніи, и вся земля на казну отошли, а подъ усадьбами мастеро́выхъ помѣщикъ за собой оставилъ. Выкупить-то сила не беретъ, а платить ежегодно по шести рублей за десятину тягостно... Ежели бы усадьба!...

Поговоривши еще съ полчаса, я заявилъ о желаніи осмотрѣть самый заводъ, то-есть зданіе, въ которомъ обрабатывали руду.

— Ключи у меня, —сказалъ Грачевъ. —Я теперь главный начальникъ всѣхъ мастерскихъ. Извольте, я свожу васъ посмотрѣть нарушенный заводъ.

— Опять-то къ намъ жалуй,—сказала на прощаньи мужественная супруга Василья Семеныча и подала мнѣ свою ручку.

Отъ роду я еще не видѣлъ такой женской руки!

— Вотъ я съ вами познакомился и долго бесѣдовалъ, а имени и отчества вашего не имѣлъ удовольствія узнать.

— Вольно тебѣ было не спросить. Зови Макрина Пудовна, и буду откликаться.

— Очень пріятно...

— А ты попроще, какъ давѣ говорилъ,—осадила меня вдругъ Макрина Пудовна.—Не люблю я модниковъ: женщина я прямая... Вотъ, старикъ мой, тотъ не безъ лукавства: отъ вашего брата, должно, перенялъ моду эту.

«Старикъ» только усмѣхнулся.

— Пойдемте, Василій Семенычъ!

Макрина Пудовна проводила насъ до самыхъ воротъ, гдѣ мы съ нею вторично простились.

— Долго ты въ заводѣ проживешь?

— Проживу, Макрина Пудовна. Денька черезъ два съѣзжу въ Белебей, а потомъ опять къ вамъ.

— Ладно. Смотри же, ты заходи къ намъ завсяко просто. Мы завсегда тебя примемъ.

Мы шли къ заводу «старой» улицею. Дома̀ хоть отъ времени и потемнѣли, а у нѣкоторыхъ даже бревна, ниже окошекъ, выпятились, словно животы у деревенскихъ ребятишекъ, но всѣ были выстроены изъ толстаго, здороваго лѣса.

— А у васъ стройка хорошая! Избы больше пятистѣнныя...

— Да, была хорошая,—отвѣтилъ пасмурно мой спутникъ.—

Прежде лѣсъ былъ не купленный, рубили кто какую избу хотѣлъ... А новенькія-то вонъ ужь какія стали строить!

Новенькія, дѣйствительно, были мизерныя и въ два окошечка.

— Къ умаленію все склоняется... Вотъ, на углу-то, большой домъ былъ, а теперь вонъ что осталось!...

Я взглянулъ. Остался одинъ, на половину разобранный, кирпичный фундаментъ.

— Что-жь это?

— А захотѣлось, видно, поменьше построить!...

Въ тонѣ Грачева не то раздраженіе, не то презрѣніе слышалось. Но въ одномъ никакъ ужь нельзя было ошибиться: старый мастеръ и заводскій человѣкъ не мирился съ мыслью ухудшенія родного завода, и все, что клонилось къ «умаленію», ненавидѣлъ всею силой своей души.

Бѣлый каменный и совершенно весь цѣлехонькій корпусъ передъ нами выступилъ: это—зданіе нарушеннаго завода.

Какимъ неутѣшнымъ, съ затаенною въ своихъ стѣнахъ печалью, смотрѣло это одинокое зданіе посреди груды всякихъ развалинъ, черной массы рудныхъ остатковъ и всеобщаго запустѣнія! Одинъ этотъ корпусъ пережилъ всѣхъ своихъ товарищей, поверженныхъ вокругъ него въ прахъ, одинъ остается свидѣтелемъ того, что совершалось здѣсь въ былые давніе годы, какъ тутъ ключомъ била и кипѣла трудовая жизнь, какъ весною, посреди свѣжей зелени, въ веселыхъ улицахъ разряженныя дѣвушки, съ вѣнками изъ живыхъ цвѣтовъ, и заводскіе парни водили хороводы, раздавался молодой звонкій смѣхъ и гремѣли до алой зари пѣсни... Зналъ и видѣлъ онъ въ своей жизни много и такого, чтò, можетъ, не разъ заставляло содрогаться его каменное сердце; но теперь, въ своемъ одиночествѣ, ему не до страданій минувшаго,—у него горе настоящаго. На его глазахъ догниваютъ трупы товарищей; на его глазахъ, годъ изъ года, темнѣютъ и все кручиннѣе становятся широкія улицы, когда-то свѣтлыя, шумныя и веселыя; на его глазахъ бѣгутъ куда-то изъ селенія люди и чаще слышатся человѣческія жалобы... Можетъ,—думаетъ нарушенный заводъ,—не долго и ему самому осталось безполезно прозябать: нахлынутъ враги и разрушатъ его до основанія. Глядитъ, что передъ нимъ творится, вспоминаетъ хорошее прошлое и втихомолку, украдкой отъ всѣхъ, плачетъ каждымъ своимъ выбѣленнымъ кирпичикомъ.

Громкимъ эхомъ въ заводѣ отозвался звукъ отодвинутаго засова. Отъ этого звука всполохнулись и разлетѣлись по разнымъ направленіямъ голуби и галки, свившіе себѣ вверху зданія гнѣзда; гнилью и плѣсенью обдало насъ при входѣ въ первую комнату, служившую для помѣщенія «механизмовъ». Механизмы эти сохранились: четыре большихъ чугунныхъ цилиндра съ деревянными поршнями; они имѣли назначеніе раздувальныхъ мѣховъ.

— Вотъ механизмы,—объяснялъ мнѣ заводскій Виргилій.— Въ движеніе они приводились посредствомъ водяного колеса. Теперь пожалуйте въ литейную!

Мнѣ послышалось, что «механизмы» вслѣдъ за нами тяжело вздохнули.

Между литейными печами и механизмами тянулся узенькій и длинный корридоръ, по всему протяженію котораго шли трубы съ клапанами: если нужно было усилить огонь, клапанъ открывали, а ослабить—закрывали. Когда Грачевъ попробовалъ открыть клапаны, то всѣ они и въ одинъ голосъ запѣли нѣчто похожее на «Miserere»...

— Не пугайтесь: вѣтеръ поетъ!

Сквозь узенькую и сводчатую арку мы вступили въ длинную, высокую и просторную залу, безъ пола. Вверху были устроены печи и котлы для руды, а внизу—спускъ плавленной руды, которая текла въ ямы: верхній слой — чугунъ, а нижній мѣдь. Сплавъ отправляли на Верхній Кидашъ (заводъ тоже нарушенный), гдѣ онъ получалъ окончательную разработку.

— А что, эти механизмы годятся?

— Да послужили бы еще... Ежели сейчасъ пустить воду на колеса, такъ зачали бы дуть славно. Главная сила заключалась въ водѣ... Не угодно ли взглянуть?

Мы очутились на волѣ, у плотины изъ бѣлаго камня. Часть плотины еще уцѣлѣла, но цилиндры, которыми вода бѣжала на колесо, и самое колесо рузрушились. Одна труба свалилась въ воду: изъ нея билъ фонтанъ холодныхъ слезъ...

— Вотъ и бывшее наше заведеніе!—тихо вздохнувъ, проговорилъ Грачевъ.—Хорошо бы возобновить, да, видно, не для чего...

Нарушенный заводъ, на минуту, было, огласившійся людскими голосами, успѣлъ снова погрузиться въ гробовое молчаніе. Кто знаетъ: можетъ, въ стѣнахъ его никогда уже больше не раздастся ни единаго слова живого человѣка...

Тою же дорогой мы возвратились назадъ. На встрѣчу намъ попалась процессія: впереди шелъ русоволосый мальчикъ, съ образомъ на бѣлой салфеткѣ; за нимъ, безъ шапки, высокій мужчина несъ гробикъ ребенка,—гробикъ изъ ствола дерева, разрубленнаго пополамъ и выдолбленнаго; гробикъ сопровождала небольшая группа мужчинъ и женщинъ, а между ними, сбоку, на распашку въ сѣромъ армякѣ, мужикъ несъ кадильницу. Мы пріостановились и дали миновать процессіи.

— Какую должность исполняетъ этотъ человѣкъ?—спросилъ я Грачева.

— Это—старшій въ домѣ или изъ стариковъ—уставщикъ. Вѣдь, у насъ нѣтъ священника... А люди родятся и умираютъ: священника мѣсто уставщикъ и занимаетъ... Да объ этомъ когда у меня поговоримъ!

— Хорошо. А пока—до свиданія, Василій Семенычъ! Просимъ милости ко мнѣ!

— А вы гдѣ остановились?

— На казенной квартирѣ...

— У Федула Васильича... Такъ!... Нѣтъ, лучше вы ко мнѣ пожалуйте, а на эту квартиру я къ вамъ не пойду.

— Почему?

— Да ужь такъ... Узникъ былъ тамъ заключенъ... Когда ко мнѣ пожалуете, разскажу... О настоящемъ-то мы съ вами и не поговорили. Если не противно, зайдите, сдѣлайте одолженіе!

— Непремѣнно. Съ большимъ удовольствіемъ!

Василій Семенычъ долго не выпускалъ моей руки, крѣпко жалъ ее и, улыбаясь своей хорошей, доброй улыбкой, такъ ласково и любовно глядѣлъ мнѣ въ лицо своими голубыми глазами.

Простившись съ Грачевымъ, я направился вдоль той улицы, гдѣ была квартира; конецъ этой улицы почти упирался въ Исаевскую гору. Не доходя конца, на правой сторонѣ, за ветхимъ деревяннымъ заборомъ, почти супротивъ дома Федула Васильевича, виднѣлось такое же ветхое деревянное строеніе, съ наглухо закрытыми ставнями. Должно-быть, къ разряду «нарушенныхъ» относится, подумалъ я... Оказалось—то была молельня усень-иванцевъ... На скамеечкѣ, у воротъ моей квартиры, сидѣлъ хозяинъ и съ нимъ рядомъ старшина,—на послѣднемъ надѣтъ былъ значокъ. Я подошелъ къ нимъ. Назвавши себя и упомянувъ, что изучаю народные юридическіе обычаи, я попросилъ старшину, чтобъ онъ познакомилъ меня съ рѣшеніями

волостного и третейскаго судовъ. Старшина изъявилъ готовность. Условились: я обѣщалъ придти на другой день къ одиннадцати часамъ утра въ правленье.

Въ комнату еще не хотѣлось,—меня манили къ себѣ горы. Я переправился черезъ Усень и сталъ взбираться на вершину Исаевской горы. Какой сильный, порывистый вѣтеръ меня встрѣтилъ, когда я поднимался на гору! Верхушки деревьевъ сердито шумѣли, а по ущельямъ распространялся вой и глухой плачъ. Съ горы я окинулъ глазами мѣстность. Подъ ногами у меня раскинулось все селеніе, съ тремя неправильно расположенными улицами, и безпорядочно разбросанныя заводскія постройки—амбары, бани и т. п.; далѣе, по обѣ стороны и впереди, начиналась степь, съ темнѣющими кое-гдѣ стогами хлѣба, а на горизонтѣ чернѣлись лѣсъ и горы, горы и лѣсъ. Весь заводъ лежалъ въ вечернихъ полусумеркахъ... Вѣтеръ злобно воетъ и поетъ дикую пѣсню. Тоска!...

Я оставилъ гору и спустился. На обратномъ пути мнѣ встрѣчались женщины и дѣвочки, шедшія на рѣчку за водой и мыть бѣлье.

Вернувшись въ квартиру, я нашелъ Федула Васильевича сидящимъ, по-прежнему, у воротъ, на скамеечкѣ. Увидѣвъ меня, хозяинъ поднялся и пошелъ въ домъ.

— У Грачева побывали? — началъ старикъ, поставивъ на столъ зажженную лампу.

— Да.

— Такъ. Дѣло хорошее... Отъ него есть чѣмъ заняться. Онъ у насъ великій разумникъ. О чемъ вы тамъ съ нимъ побесѣдовали?

— Больше про старину вспоминали.

— Такъ. Что же, не худое и про старину вспомнить... А что,—хочу я васъ спросить,—думаю я выписаться въ мѣщане,—какое ваше мнѣніе насчетъ этого будетъ?

— По-моему, вамъ не слѣдъ выписываться. Вы—не молодой человѣкъ. Лучше бы остаться въ своемъ обществѣ.

Федулъ Васильевичъ усѣлся на стулъ.

— Хочу я выписаться потому, что сынъ у меня въ писаряхъ, къ хлѣбопашеству ему ужь не сручно, а самъ я хочу освободиться отъ обчества: такъ полагаю, что мнѣ въ мѣщанахъ легче будетъ, меньше тягостей обчественныхъ.

— Это ужь ваше дѣло, старикъ: какъ для себя выгоднѣе находите, такъ и поступайте.

— Ежели бы такъ, какъ у насъ теперь, жить еще можно; а какъ дадутъ надѣлъ — чистое разоренье.

— Да чего вы боитесь надѣла? Люди домогаются гдѣ бы только найти земли, а вы отъ готоваго отказываетесь.

— Круговой поруки опасаемся, — разоритъ...

— Ну, тогда и выписывайся.

— Тогда поздно будетъ: закрѣпостятъ землей... Да я ужь, признаться, порѣшилъ, даже хлопоты объ этомъ веду: почитай я ужь совсѣмъ теперь вышелъ... Мѣщанинъ настоящій.

— Такъ, значитъ, не о чемъ и разговаривать.

На другой день утромъ Федулъ Васильевичъ сообщалъ мнѣ новость:

— У насъ въ ночи сегодня происшествіе случилось.

— Что еще такое?

— У нашего заводскаго, одного парня, двухъ лошадей покрали. На третьей улицѣ парень живетъ.

Немного погодя, когда я сѣлъ за самоваръ, Федулъ Васильевичъ скорыми шагами подошелъ къ столу и обратился съ просьбою.

— Одолжите мнѣ двадцать копѣекъ на часъ.

Старикъ куда-то сходилъ, потомъ воротился и, прикрывая—очевидно, изъ вѣжливости—рукою свой ротъ, нѣжнымъ голоскомъ спросилъ:

— Курочку прикажете?

— Пожалуйста!

Далъ старичку на покупку.

Напившись чаю, я отправился погулять и зашелъ на третью улицу. У одного дома остановился и вступилъ въ разговоръ съ дѣвицей, вязавшей на завалинкѣ чулокъ. Изъ окна глядѣла другая, сестра, нѣсколькими годами моложе первой. Разговоръ начался съ посидѣлокъ: съ Рождества Богородицы были засидки. Изъ окна дома, съ противоположной стороны, на насъ глядѣли парень въ картузѣ и женщина. Черезъ нѣсколько минутъ парень вышелъ за ворота и перешелъ къ намъ.

— О чемъ говорите? — послышался голосъ, и передъ нами остановился другой парень.

— Про рѣпу: каковъ нынче былъ урожай?

— Хорошъ. Мнѣ эта рѣпа-то нонѣ нагрѣетъ шею.

— А что?

— Да ночью сегодня двухъ лошадей свели.

— Какъ?

— Свели.

— Кто же: башкирцы?

— Неизвѣстно. У насъ и свои этимъ занимаются.

Изъ дальнѣйшаго разговора я узналъ, что рѣдкая ночь проходитъ, чтобъ у кого не свели лошади.

— Думаю въ розыски пуститься.

Парень ушелъ.

— Поди ты вотъ, бѣдняга только домишко выстроилъ, снялъ двѣ десятины земли и теперь безъ лошадей.

— Плохо. Жаль Родюшки.

— Что онъ безъ лошадей станетъ дѣлать? Вотъ и ходитъ пѣшъ.

Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ подъѣхалъ верхомъ на лошади, въ стременахъ изъ мочалъ и самодѣльномъ сѣдлѣ, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати-четырнадцати; на немъ была старая шапчонка, рваная шубенка и лапти, сверхъ которыхъ виднѣлись дырявые шерстяные чулки и болтались худые портчишки.

— Куда ты, Павлунька?

— Съ Родивономъ на розыски.

— Молодецъ!

— Нужно бы пистолетъ захватить,—говоритъ Павлунька.

— Ахъ, ты пакостное!—неизвѣстно за что обозвала мальчика одна изъ дѣвокъ.—Ишь ты, пистолетъ ему надо!

— Смотри, Павлунька,—заговорила другая,—ты парнишка еще молоденькій, не въ свои дѣла ты вмѣшиваешься...

Въ это время на кобылѣ и безъ сѣдла подъѣхалъ Родіонъ.

— Ну, поѣдемъ, Павлунька!

Поѣхали. Мы смотрѣли за ними въ слѣдъ. Родіонъ завернулъ къ одной избѣ, а Павелъ, пріостановясь у лежавшаго на улицѣ бревна, заговорилъ съ какимъ-то мужикомъ.

— Ишь, разговариваетъ. А, видно, Павлунька знаетъ чтò: на розыски ѣдетъ.

— Извѣстно, не знавши, рази ты поѣхала бы?...

Скоро Родіонъ, съ длиннымъ ружьемъ въ рукѣ, показался въ улицѣ, остановился на минутку, перемолвился о чемъ-то съ мужикомъ у бревна и погналъ кобылу во весь духъ.

У Павла лошадь начала шалить.

— Гляди, гляди, что лошадь-то подъ Павлушкой дѣлаетъ! Значитъ и она чувствуетъ, что недостоинъ онъ на ней сидѣть.

Общій смѣхъ.

На противоположной сторонѣ, между тѣмъ, собралась другая кучка, преимущественно изъ женщинъ.

— Матушка!—крикнулъ Родіонъ:—надо гнать въ погоню. Только отводъ одинъ дали, что лошадей поставили, а сами угнали къ Белебею. Надо подмогу.

И Родіонъ умчался.

Теперь ужь мы перебрались на ту сторону. Въ это время подъѣхалъ и Павелъ; онъ слѣзъ съ лошади.

— Павелъ, что же ты не ѣдешь съ Родіономъ?—спросилъ я.

— Я не поѣду,—отвѣчалъ понуро мальчикъ.

— Отчего?

— Такъ.

Мальчикъ говорилъ какъ-то смущенно, точно ему было стыдно за недавнее свое молодечество. Мнѣ стало его жаль. Павелъ отошелъ къ воротамъ сосѣдняго дома.

— Почему не ѣдетъ Павелъ?—спрашиваю я у парня въ картузѣ и красной рубашкѣ, который все время стоялъ молча и глядѣлъ въ сторону или въ землю, но внимательно прислушивался и наблюдалъ.

— Не знаю.

Бабы галдѣли.

— Видно что-нибудь Павлунька этому мужику передалъ, научилъ его сказать, отъ него вѣсть Родивону пала.

Подошелъ Павелъ. Въ разговорѣ, онъ высказалъ свои соображенія и заявилъ:

— Вѣдь они съ лошадьми не стоятъ, а гонятъ куда...

Парень въ красной рубашкѣ посмотрѣлъ на меня и значительно повелъ глазами въ сторону мальчика.

— Ишь, Павлунька-то что говоритъ!...

Кто-то отъ сосѣднихъ воротъ позвалъ мальчика. Тамъ стоялъ мужикъ, съ которымъ онъ говорилъ у бревна.

— Безъ Павлушки дѣло не обошлось: онъ сучастникъ дѣлу!—загалдѣли въ кучкѣ.

— Каковы корешки, таковы и отросточки,—подхватила одна изъ бабъ.—Не изъ роду: отецъ на томъ жизнь положилъ...

— А вы что шумите?—остановилъ молчаливый парень.— Э, дуры, ничего еще нѣтъ, а онѣ орутъ...

— Развѣ отецъ Павла былъ убитъ?

— Да. Онъ всю жизнь воровствомъ занимался, три раза въ острогѣ сидѣлъ и вышелъ. Ну, съ нимъ и покончили свои...

— Кто же у мальчугана родные?

-- Мать. Вдвоемъ и живутъ. Вонъ ихъ избушка, рядомъ съ Родивоновой.

Избушка Павла, также какъ и Родіона, была въ два оконца, но еще меньше и безъ крыши.

Я разговорился съ парнемъ въ картузѣ и красной рубахѣ.

— Неужели въ самомъ дѣлѣ Павелъ занимается воровствомъ?

— Не думаю.

— Мальчикъ не глядитъ такимъ. Можетъ онъ, живя по сосѣдству, не выходилъ ли ночью на дворъ и не слыхалъ ли чего?

— Похоже на то. Сердце-то у него ребячье, онъ и пожалѣлъ, видно, Родюшку,—може что и шепнулъ ему.

Родіонъ опять вернулся съ ружьемъ въ рукахъ. Онъ гонялъ къ родственникамъ за «подмогою».

Родіонъ сказалъ что-то женѣ и ускакалъ. Павелъ пошелъ съ мужикомъ. Вѣтеръ отдувалъ назадъ рваную полу его шубенки.

— Ишь, пола-то, пола какъ!

Я долго глядѣлъ за двумя фигурами: мужикъ шелъ, широко шагая вдоль по улицѣ, а за нимъ, съ относимою вѣтромъ полою, брелъ несчастный мальчуганъ въ шапчонкѣ, дырявыхъ чулкахъ и лаптишкахъ.

— А мать гдѣ у Павла?

— За калиной въ лѣсъ ушла.

Надо замѣтить, что усень-ивановцы съ калиной пироги пекутъ. Рябины не ѣдятъ: грѣхъ!

Простившись съ осторожнымъ на заключенія парнемъ, я отошелъ и невольно какъ-то задумался о Павлѣ... Какая судьба его ждетъ?... Да, несправедливо подозрительны и жестоки подчасъ даже къ дѣтямъ бываютъ люди!...

Волостное правленіе въ полномъ своемъ составѣ: волостной старшина, писарь, десятники и Федулъ Васильевичъ (послѣдній, впрочемъ, никакого отношенія къ членамъ правленія не имѣлъ, но прилпелся сюда ради любопытства и расположился какъ у

себя дома). При моемъ появленіи члены волостного правленія пришли въ движеніе, Федулъ Васильевичъ даже смутился, и его ударило въ потъ; члены успокоились и сѣли; Федулъ Васильевичъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, немедленно и свободно расположился, занявъ своею персоною цѣлый диванъ. Но почтенный старецъ и «почитай-что настоящій мѣщанинъ» въ чемъ превзошелъ самого себя, такъ это—въ терпѣніи: онъ имѣлъ мужество просидѣть пять часовъ къ ряду и ни разу не вышелъ, чтобы добѣжать куда-нибудь подкрѣпиться!...

Писарь отперъ сосѣднюю комнатку, гдѣ стояли столъ и шкафъ съ «дѣлами» правленія, досталъ книги «рѣшеній» волостного и третейскаго судовъ и предложилъ мнѣ мѣсто для занятій. Пока шли эти приготовленія, я разсмотрѣлъ старшину и его писаря. Старшина былъ человѣкъ лѣтъ сорока, красивой наружности: лицо продолговатое съ небольшой, въ легкую просѣдь, темнорусою бородкой, живыми карими глазами и черными волосами на головѣ. Одѣтъ старшина въ черный суконный сюртукъ; панталоны заправлены за свѣтлыя голенища сапоговъ. На «словахъ» рѣчистый, говорилъ красно, держался съ достоинствомъ и вообще глядѣлъ человѣкомъ, видѣвшимъ на своемъ вѣку разные виды — и не разъ — и благополучно выходившимъ изъ затруднительныхъ положеній. Писарь, молодой человѣкъ, отличался замѣчательно добродушною физіономіей, но малый съ большой смѣткою; на немъ пиджакъ и брюки за сапоги. Учился онъ, какъ я потомъ узналъ, дома у своего брата. Старшина служилъ четвертое трехлѣтіе. За доносъ о старообрядческомъ попѣ сельское общество не хотѣло его выбирать, но другія общества пересилили.

Большинство дѣлъ, разбиравшихся волостнымъ судомъ, относились къ числу дракъ, оскорбленія дѣйствіемъ и на словахъ («обидъ») и захвату или увозу чужихъ сноповъ. Наказанія—общепринятыя въ юрисдикціи волостныхъ судовъ: денежный штрафъ и порка отъ десяти до двадцати ударовъ. Женщины присуждались къ метенію улицъ (общественнымъ работамъ) и денежному штрафу. «Обычай», въ огромномъ большинствѣ случаевъ, былъ нарушенъ и въ рѣшеніяхъ суда уступилъ свое мѣсто положительному праву. Правовое воззрѣніе народа обнаружилось, съ особенной яркостью, только въ одномъ случаѣ. По приговорамъ сельскаго общества, нѣсколько человѣкъ за дурное поведеніе, преимущественно за воровство (конокрадство), были удалены изъ

завода на поселеніе въ Сибирь. Одинъ изъ ссыльныхъ потребовалъ къ себѣ жену и дѣтей. Жена обратилась къ волостному суду. Въ просьбѣ своей она указывала на дурное съ нею сожительство мужа и частые отъ него побои; свидѣтели подтвердили факты. Судъ рѣшилъ: «не высылать къ ссыльному NN жены его и дѣтей».

Ознакомившись въ достаточной степени съ мѣстными юридическими обычаями, почти уже совсѣмъ нарушенными, сдѣлавши изъ рѣшеній кое-какія выписки и, главнымъ образомъ, узнавши многое любопытное изъ разговоровъ съ представителями волостного правленія (въ особенности писаря), я поблагодарилъ старшину за любезное «содѣйствіе», простился со всѣми и, сопутствуемый почтеннымъ Федуломъ Васильевичемъ, отправился на квартиру обѣдать.

— Что вы мнѣ скажете,—началъ старикъ дорогою:—хочу я выйти изъ здѣшняго обчества, чтобы записаться въ мѣщане. Посовѣтуете вы или нѣтъ?

— Мы вчера съ вами объ этомъ говорили.

— Такъ точно, говорили: мнѣ даже это очень памятно... Такъ вотъ теперь я съ вами и желаю посовѣтоваться. Сынъ у меня въ волостныхъ писаряхъ, къ хлѣбопашеству онъ приверженности не можетъ имѣть, а племянникъ—главнымъ управляющимъ на суконной фабрикѣ... Будете когда въ Кидашѣ, спросите только Пивоварова—нашей фамиліи: я тоже Пивоваровъ... Онъ васъ приметъ: человѣкъ онъ образованный—на губернанкѣ женатъ... Какже! первое, почитай, лицо мой племянникъ: его и въ губерніи знаютъ. Учился онъ у сверхштатнаго пономаря, но дарованіе ему Богъ сверхъ науки положилъ. Заводомъ управляетъ нѣсколько ужь лѣтъ и капиталъ у него, надо полагать, теперь ужь большой. Изъ мальчиковъ выслужился. А сичасъ онъ, почитай, не въ купцахъ ли ужь состоитъ. Дарованіе и выслуга... Такъ посовѣтуете ли вы мнѣ нарушить связь съ нашимъ обчествомъ, или придержаться?... Ежели нарушить, я освобожусь отъ обчественныхъ тяжестей, а придержусь—круговая порука...

Продолжая въ такой формѣ со мною «совѣтоваться», разсказывать и разсуждать, Федулъ Васильевичъ значительно сократилъ путь, и мы скоро дошли до квартиры.

Тамъ меня ждалъ заводскій парень.

— Не думаете ли вы куда поѣхать?

— Завтра въ Белебей поѣду.

— Такъ. А прогоны вы платите или нѣтъ?

— Плачу́.

— У меня своя парочка лошадокъ. Я бы васъ довезъ.

— Хорошо. Побывай завтра утромъ: я скажу, въ которомъ часу ѣхать.

— Слушаю.

Парень переминался.

— А еще не прикажите ли чего?

Я не понялъ его вопроса.

— Мнѣ ничего не надо.

Федулъ Васильевичъ, присутствовавшій во время этого разговора, вдругъ обнаружилъ необычайные признаки услужливости и заботливости.

— Вы поѣдете. На завтрашній день, коли такъ, надо съ вечера будетъ распоряженье сдѣлать: пѣтушка или курочку вамъ купить. Можетъ, яичекъ пожелаете? Чего угодно, я по вашему приказанію все исполню.

— Сдѣлайте одолженіе,—купите.

Ночью услужливый хозяинъ попытался, было, разъ заглянуть въ дверь, съ намѣреніемъ войти и побесѣдовать, но, увидѣвъ меня сидящимъ за письмомъ, не рѣшился перейти за дверь и ограничился лишь краткими словами.

— А я хотѣлъ съ вами посовѣтоваться. Есть у меня твердое намѣреніе нарушить съ обчествомъ... Ахъ, вы при занятіяхъ! Не стану вамъ мѣшать!

Утромъ парень зашелъ.

— Поѣдемъ въ два часа,—говорю.

— Хорошо-съ. А въ заводъ думаете воротиться?

— Непремѣнно.

— Еслибы вы въ городу недолго пробыли, я бы васъ тамъ подождалъ.

— Пріѣдемъ,—на мѣстѣ виднѣе будетъ.

— Извѣстно... Ничего еще не прикажете?

— Чего приказывать? Пріѣзжай къ двумъ часамъ.

Я собрался, до отъѣзда, посѣтить Грачева и побесѣдовать съ нимъ. Въ сѣняхъ я встрѣтилъ Федула Васильевича.

— Уходите?

— Ухожу. Пожалуйста, къ часу велите обѣдъ приготовить. Я сегодня ѣду.

— Провизія давно у меня заготовлена. Стряпкѣ ужь сдалъ... Не одолжите ли мнѣ на часъ тридцать копѣекъ.

Грачевы встрѣтили меня радушно. По обыкновенію, на столѣ прежде всего явился самоваръ; потомъ Макрина Пудовна принесла поджаренныхъ въ маслѣ пирожковъ, жаренаго молодого барашка, кусокъ телятины и не помню еще чего.

— Кушай,—говорила радушная хозяйка.—Поди, у Федульято не больно хорошо тебя кормили?

Сегодня Василій Семенычъ, въ разговорѣ со мною, не проявлялъ прежней своей осторожности и сдержанности; онъ много говорилъ и разсказывалъ, обнаруживая во всей силѣ свѣтлый умъ, большую начитанность книгъ Священнаго Писанія, прямой взглядъ на вещи, причемъ раскрывалось его доброе русское сердце. Онъ передалъ мнѣ и исторію съ «узникомъ», т. е. «бѣглымъ» старообрядческимъ священникомъ (исторію эту, въ свое время, я разскажу читателямъ).

— Какъ же онъ спасся?

Въ глазахъ Василья Семеныча блеснуло что-то особенное.

— Богъ, видно, спасъ!

— Такъ это тогда дѣло напрасно подняли,—вступилась Макрина Пудовна.—Старшина всему причина... А ты кушай! Въ дорогу ѣдешь.

— Не знаю, къ чему послужатъ всѣ эти утѣсненія,—грустно и въ раздумьи говорилъ Василій Семенычъ.—Вонъ, кругомъ насъ и мусульмане, и язычники живутъ, каждый свою вѣру содержитъ и по своимъ обрядамъ богослуженіе справляетъ. Не преслѣдуютъ же ихъ,— знаютъ, что было бы несправедливо... А мы—христіане, насъ на единъ день въ покоѣ не оставляютъ. За что же къ намъ такая немилость? И такъ-то мы отъ всѣхъ прижаты и стѣснены, а тутъ и Богу-то вѣровать да молиться по-нашему не дозволяютъ!... Должно-быть время, что ли, подошло такое: все нарушаютъ и сокращаютъ...

— Кушай! Ты говори, а самъ ѣшь!—не переставала подчивать меня мужественная, но очень добрая женщина.

Долго шла наша бесѣда... Наконецъ, время наступило и ѣхать. Я разстался съ моими новыми знакомыми только «до свиданія!»

На квартирѣ я засталъ Федула Васильевича. Онъ былъ розовъ, какъ семнадцатилѣтній юноша, и отъ него несло сильнымъ букетомъ.

— А что обѣдъ?

— Да вѣдь вы ѣдете!—отвѣчалъ почтенный старецъ и будущій мѣщанинъ.—Напрасно бы только провизію истратили.

Я невольно разсмѣялся.

— А что я васъ спрошу, — началъ опять Пивоваровъ: — хочу отъ здѣшняго обчества отписаться...

— Слышалъ...

Къ счастію, зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Происшествіе у насъ опять случилось...

Я уже не слушалъ.

— Ну, ѣдемъ, ямщикъ!

Я расплатился и уѣхалъ. Будущій мѣщанинъ провожалъ меня до воротъ, но, признаюсь, онъ успѣлъ-таки мнѣ понадоѣсть.

Ямщикъ мой — мастеровой Лазарь; онъ женатъ граждански; промышляетъ больше ѣздой и «около господъ», съ бариномъ кардоннымъ тоже «завсе» ѣздитъ,—ну, и хлѣбопашествомъ занимается: полдесятины у казны онъ подъ рожь беретъ и десятину засѣваетъ яровымъ. Отъ «барина кардоннаго» у него порученіе: купить въ городѣ бутылку уксусу. Онъ и по плотничьему искусству мастеръ: «видѣли, я вчера у Пивоварова сарай чинилъ?» Табакъ куритъ, но осторожно, чтобы кто не увидѣлъ: бѣда, если кто изъ стариковъ замѣтитъ!

— Вчера я хотѣлъ съ вами поговорить, только опасался.

— О чемъ говорить?

— Да можетъ вы... по части женскаго пола...

— А развѣ у васъ это позволительно?

— Заводскій народъ — сами знаете! Я и давича хотѣлъ молвить, сказалъ вамъ: «не угодно ли еще чего», да вы промолчали.

Я и теперь промолчалъ.

— У насъ, когда господа пріѣзжаютъ, завсегда требуютъ.

— А родители какже?

— Знаютъ... Ничего!

— Свободно?

— Свободно!... Да не угодно ли...

— Поѣзжай!... Ты съ кѣмъ давича подъѣхалъ къ дому Пивоварова?

— Съ женой.

— А скажи, Лазарь, живутъ у васъ невѣнчанные?

— Живутъ. Я самъ не вѣнчанъ. Сперва я три года такъ жилъ, ходилъ къ ней, а потомъ къ себѣ ее взялъ и—живу.

— Какъ же на это сожительство у васъ смотрятъ?

— А какъ?—Ничего. Она жена мнѣ, и дѣти, если мои будутъ, я запишу ихъ у становаго. Много такъ живутъ.

— А вотъ за то, что къ вѣрѣ вы не такъ ревнивы, старики васъ не одобряютъ.

— Это точно. Старики насъ съ собой и на молитву не пускаютъ... Да у насъ молодежь на это не больно глядитъ. Старики-то въ домѣ курить никому не позволяютъ: если когда чиновникъ—нечего, вѣдь, дѣлать—куритъ въ домѣ, такъ послѣ сколько молитвъ однѣхъ читаютъ, духъ вонъ выгоняютъ... А молодые-то сами курятъ и въ молельню рѣдко ходятъ.

— Значитъ, только старики крѣпко вѣру держатъ?

— Только старики.

— А каковъ человѣкъ Василій Семенычъ?

— Первый человѣкъ. Законникъ. Весь посѣдѣлъ.

— А хозяинъ мой?

— Такъ... Замѣтили вы, онъ пьяный?

— Замѣтилъ.

— Онъ и вчера былъ пьяный.

— Что же, у него запой?

— Нѣтъ. Такъ дня три-четыре пьетъ, а потомъ и перестанетъ.

— Ну, онъ не чета Василью Семенычу!

— Противу Василья Семеныча у насъ другихъ нѣту... А позвольте спросить, вы по какимъ дѣламъ къ намъ пріѣхали?

Я сказалъ.

— Такъ-съ. А у насъ, какъ вы пріѣхали, народъ заговорилъ: видно, говорятъ, чиновникъ пріѣхалъ насъ поздравить съ землею. Испугались!

— Чего же?

— Да пріѣзжалъ къ намъ становой, читалъ бумагу и велѣлъ подписываться, что̀ слушали. А что тамъ написано—почемъ мы знаемъ?... Можетъ, это онъ объ надѣлѣ: выслушали,—ну, значитъ, приняли землю... А мы опасаемся круговой поруки...

— Нѣтъ, я не съ этимъ пріѣзжалъ.

— Такъ... А то еще у насъ говорятъ, что Императоръ разсылаетъ чиновниковъ по Россіи разузнавать, кто какъ живетъ,

въ чемъ нуждается, чтобы все объ этомъ ему извѣстно было и чтобы народу дать льготы. Мы и ждемъ все льготъ.

Въ разговорѣ мы продолжали нашъ путь.

— Въ горы сичасъ въѣдемъ.

Дѣйствительно, дорога сильно пошла внизъ, такъ что лошадей постоянно нужно было осаживать и сдерживать.

— Здѣсь — бѣда дорога. Ѣдетъ кто — изъ лѣсу разъ изъ ружья!... Грабили—страсть! Теперь маленько полегче стало, какъ сослали человѣкъ десять въ Сибирь, да это не надолго... И теперь нашихъ трое въ острогѣ сидятъ: приговорены обществомъ на поселеніе.

Но я не слушалъ уже разболтавшагося парня и думалъ о «нарушенномъ» заводѣ...

— Правда ли, у насъ люди толкуютъ, что усадьбы намъ и пахоту съ лугами даромъ отдадутъ? — внезапно вывелъ меня изъ раздумья Лазарь.

— Пустяки!

Филиппъ Нефедовъ.

ЧАРТИЗМЪ *).

Обманутый, оскорбленный, но не убитый, чартизмъ опять опустилъ голову. Взаимныя несогласія различныхъ группъ и вождей тормозили всякое движеніе впередъ. Все новое встрѣчалось опасеніями и недовѣріемъ. Весь періодъ отъ 1842 до конца 1847 г. занятъ такими попытками родить что-нибудь новое, неизбѣжными личными дрязгами и партійными недоразумѣніями. Люди, выдвинутые движеніемъ и привыкшіе во время его къ извѣстной обстановкѣ, не могутъ помириться съ затишьемъ, остаются безъ почвы и чувствуютъ себя въ ложномъ положеніи.

Тотчасъ же послѣ окончанія неудачной, второй, конференціи Сторджа оставшіеся чартисты принялись было за возстановленіе порядка въ своихъ разрозненныхъ и порѣдѣвшихъ рядахъ. Но на этотъ разъ имъ удалось сдѣлать лишь одно—согласиться, что такія конференціи необходимо созывать каждый годъ. Что же касается до всего остальнаго, то разногласіе дошло до такихъ размѣровъ, что изъ 193 голосовъ на сторонѣ прежняго большинства осталось всего 37, которые скоро сами предпочли разойтись и отложить дѣло реорганизаціи до будущей конференціи 1843 г.

О'Конноръ, какъ человѣкъ обладавшій чутьемъ, хорошо понималъ, что время отвлеченныхъ и политическихъ задачъ прошло, что людямъ необходимо нѣчто болѣе существенное, реальное. И вотъ онъ возвращается къ коопераціи.

Онъ задумалъ довольно курьезный планъ земельнаго кооперативнаго предпріятія, который, по его мнѣнію, долженъ былъ въ самый короткій срокъ дать средства чартистской ассоціаціи и помѣщеніе извѣстному числу незанятыхъ рукъ. Это его такъ

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

называемая «поземельная компанія». Если, утверждалъ онъ, чартисты соберутъ 5.000 ф. ст. и купятъ на 4.125 изъ нихъ землю, то, во-первыхъ, на ней можно тотчасъ же поселить 50 человѣкъ, которые быстро увеличатъ ея стоимость, и, во-вторыхъ, ее скоро можно будтъ заложить за 4.000 ф. ст. и купить на нихъ вмѣстѣ съ 875 ф. ст., оставшимися отъ первой покупки, второй участокъ. Съ этимъ можно поступить точно такъ же и т. д. до 8, которые будутъ стоить 33.000 ф. ст. Черезъ 4 же года ихъ стоимость увеличится до 60.000 ф. ст., такъ что ассоціація получила бы 27.000 ф. ст. чистаго дохода. Такимъ образомъ предполагалось въ четыре года превратить 5.000 ф. ст. въ 60.000 ф. ст. Такое чудо едва ли снилось самому смѣлому биржевому аферисту. Тѣмъ не менѣе кредитъ О'Коннора былъ такъ великъ, что находились люди, которые повѣрили ему, вносили деньги и въ теченіе семи лѣтъ смотрѣли на свою земельную компанію какъ на серьезное предпріятіе. И она была такимъ, только совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ они думали. Она поддерживала жизненность партіи.

На конференціи 1843 года планъ былъ принятъ чартистской ассоціаціей и члены ея исполнительнаго комитета въ то же время считались и директорами компаніи. Это были: Ф. О'Конноръ, Кларкъ, Макъ-Гратъ, Дойлъ, Вилеръ. Дѣла самой чартистской ассоціаціи шли очень вяло, такъ что въ кассѣ скоро не оказалось денегъ даже на жалованье членамъ комитета. О'Конноръ хорошо понималъ, что нужно во что бы то ни стало пережить это глухое время, и убѣдилъ членовъ комитета брать свое содержаніе отъ него; они было сначала отказывались и хотѣли оставить комитетъ, но потомъ-таки согласились, такъ что было время, когда оффиціально чартистская ассоціація существовала вполнѣ на счетъ земельной компаніи.

Въ общественной жизни нѣтъ мертвыхъ точекъ и безразличныхъ состояній, какъ иногда кажется. Если нѣтъ движенія въ одну сторону, то есть въ другую,—не впередъ, такъ назадъ. Такъ было и теперь въ Англіи. Агитація противъ хлѣбныхъ законовъ принимала все болѣе и болѣе широкія размѣры, пріобрѣтала все большее и большее число сторонниковъ въ парламентѣ и, говоря о ней, *Times* выражался: «лига — великій фактъ». Чартисты пытались бороться съ ней. О'Конноръ нѣсколько разъ вызывалъ ея вождей на публичный диспутъ, но они всегда уклонялись, зная, что такое состязаніе ни въ какомъ случаѣ не увеличитъ ихъ популярности среди рабочаго народа; а чтобъ из-

іавиться отъ оппозиціи чартистовъ на своихъ митингахъ, они впускали на нихъ публику только по билетамъ. Наконецъ, въ августѣ 1844 года обѣ партіи случайно столкнулись на одной и той же платформѣ въ Ноттингэмѣ. Съ той и съ другой стороны полилось изысканное краснорѣчіе, ѣдкіе сарказмы и грандіозныя обѣщанія. Окончилось же дѣло тѣмъ, что О'Конноръ изумилъ даже своихъ ближайшихъ друзей: онъ говорилъ цѣлый часъ, блисталъ находчивостью и остроуміемъ, но до существенныхъ пунктовъ спора даже и не коснулся. Формально онъ былъ героемъ дня, на дѣлѣ же оказалъ огромную услугу лигѣ, оставивши за ней послѣднее слово и не опровергнувъ ея аргументовъ. Онъ еще разъ доказалъ, что обладалъ очень многими достоинствами и талантами народнаго вождя, но не имѣлъ идей и не могъ дать внутренняго содержанія своимъ рѣчамъ; его рѣчь всегда была разсчитана на вкусы массы, угадывать которые,— нужно отдать ему справедливость, — онъ умѣлъ замѣчательно чутко.

Въ томъ же году среди чартистовъ былъ поднятъ вопросъ о ходатайствѣ въ пользу амнистіи Дж. Фроста, Вильямса и Джонса, вождей ньюпортскаго возстанія. О'Конноръ принималъ въ агитаціи участіе, но скорѣе формальное, чѣмъ дѣйствительное, и успокоился, какъ только правительство отвѣтило отказомъ. Очень многимъ это не понравилось, тѣмъ болѣе, что то же правительство, какъ бы въ пику чартистамъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ само амнистировало изгнанниковъ безъ права въѣзда въ Великобританію.

Все это: земельная компанія, споръ съ «лигой противъ хлѣбныхъ законовъ» и дѣло участниковъ ньюпортскаго возстанія — скоро сдѣлалось яблокомъ раздора среди самихъ чартистовъ. На О'Коннора обвиненія и разоблаченія сыпались со всѣхъ сторонъ. О'Брайенъ, какъ знатокъ экономическихъ вопросовъ, обвинялъ его въ шарлатанствѣ и пророчилъ земельной компаніи вѣрный неуспѣхъ. Другіе обвиняли его въ тайной зависти къ успѣхамъ вождей «лиги» и въ заигрываніи съ нею. Наконецъ, третьи приводили факты, доказательства и даже свидѣтелей того, что О'Конноръ умышленно погубилъ Фроста и его товарищей. Утверждалось, что въ Лондонѣ, передъ ньюпортскимъ возстаніемъ, былъ организованъ тайный комитетъ, стоявшій во главѣ такой же организаціи, принаровленной къ вооруженной борьбѣ. Кто были члены этого комитета, остается до сихъ поръ сомнительнымъ.

Нѣкій дипломатъ Юркгартъ *) позднѣе утверждалъ, что «все это дѣло было устроено полякомъ Беньовскимъ (тѣмъ, что писалъ статьи въ *London Democrat* Гарнея по военнымъ вопросамъ). Юркгартъ, какъ истый дипломатъ, пытался свести вполнѣ народный взрывъ 1839 года на иностранную интригу. Однако-жъ на дѣлѣ, кажется, было вотъ что: комитетъ дѣйствительно существовалъ и состоялъ изъ четырехъ человѣкъ рабочихъ и пятаго неизвѣстнаго; Беньовскій, никогда не состоявшій агентомъ иностраннаго правительства, дѣйствительно былъ посланъ комитетомъ, какъ военный человѣкъ, принять на себя команду надъ возставшими рабочими, но всегда оставался лицомъ второстепеннымъ, исполнителемъ. Въ разоблаченіяхъ Юркгарта остается вѣрнымъ лишь одно, что въ числѣ членовъ комитета былъ одинъ англійскій полицейскій инспекторъ, такъ что когда Джонъ Фростъ, передъ окончательною поѣздкой въ Уэльсъ, былъ въ Лондонѣ и сносился съ комитетомъ, то попался въ ловушку полиціи. Это было узнано за нѣсколько дней до 3 ноября и нѣкій Аштонъ, самъ принужденный бѣжать во Францію, сообщилъ объ этомъ, какъ онъ самъ утверждалъ, О'Коннору, который будто бы долженъ былъ и взялся предупредить Фроста и тѣмъ спасти его. О'Конноръ вмѣсто этого уѣхалъ въ Ирландію, ничего подобнаго не сдѣлавши. Впослѣдствіи онъ утверждалъ, что ни отъ кого ничего подобнаго не слыхалъ и предупредить возстаніе не могъ.

Справедливы ли были эти обвиненія или нѣтъ, во всякомъ случаѣ разладъ среди чартистовъ дошелъ до крайнихъ размѣровъ: О'Брайенъ съ О'Конноромъ, О'Конноръ съ Куперомъ, Уаткинсъ сначала съ О'Конноромъ, а потомъ съ О'Брайеномъ и т. д.—все это ссорилось, разоблачало, обвиняло; однако-жъ популярности О'Коннора пошатнуть не удалось,— массы по-прежнему продолжали боготворить его. Въ 1846 году фондъ земельной компаніи, дѣло которой теперь составляло одно цѣлое съ О'Конноромъ, дошелъ до 50.000 фунт. стерл., еженедѣльно въ него вносилось до 200 фунт. стерл., земля и хартія дѣлались господствующимъ кличемъ среди рабочихъ чартистовъ. Конечно, для этого О'Коннору и его приближеннымъ приходилось вести постоянную агитацію, писать въ *Northern Star*, читать лекціи, ѣздить по странѣ, устраивать демонстраціи и т. п. Въ началѣ 1847 года началось, наконецъ, заселеніе общественной земли, купленной

*) *David Urquhart:* „The secret societies of the European Revolutions". 2 vols. London.

компаніей на имя О'Коннора и получившей вмѣсто своего прежняго имени Herringsgate названіе O'Connorville въ честь начинателя. По этому случаю, конечно, былъ устроенъ большой митингъ и банкетъ. Этотъ день былъ истиннымъ тріумфомъ О'Коннора и земельной компаніи.

Въ это время Бронтеръ О'Брайенъ въ своей газетѣ *National Reformer* развивалъ свой взглядъ, что чартизму не достаетъ соціальной подкладки въ самой его программѣ. Всѣ политическія движенія Европы, утверждалъ онъ, обречены на неуспѣхъ прежде всего потому, что они не ставятъ себѣ задачей извѣстныхъ соціальныхъ преобразованій. Онъ съ своей стороны предлагалъ слѣдующее: кромѣ узаконенія хартіи, національзацію земель съ вознагражденіемъ собственниковъ, бумажные обмѣнные знаки вмѣсто металлическихъ, національный кредитный банкъ на манеръ Прудоновскаго, національные обмѣнные рынки вродѣ Овеновскихъ *exchange markets*. И все это, какъ бывшій якобинецъ, онъ предлагалъ дѣлать путемъ власти. Достойно замѣчанія, что въ ту эпоху соціальныя реформы вродѣ О'Брайеновскихъ или коопераціи О'Коннора появлялись на сцену всегда въ минуту усталости, разочарованія и служили какъ бы убѣжищемъ для общественной мысли и стремленій, куда они уходили отъ политической борьбы, агитаціи, пораженій и интригъ. Хотя, съ другой стороны, нужно сказать, что съ нихъ же, съ ихъ обсужденія, дебатированія, распространенія — обыкновенно и начиналось всякое новое движеніе, постепенно становясь все ближе и ближе лицомъ къ лицу съ роковымъ неизбѣжнымъ требованіемъ минуты — практическимъ рѣшеніемъ политическаго вопроса дня, такъ что эти же самые соціальные запросы въ моменты оживленія всегда отодвигались на второй планъ, прятались за народную хартію, дѣлались удѣломъ доктринеровъ и людей ограниченныхъ. Мы видѣли это послѣ 1831 г., послѣ 1839 г., видимъ это послѣ 1842 г. и увидимъ это же самое послѣ 1848 года. И мало сказать: «общественная мысль» работала въ этомъ направленіи въ лицѣ ея выразителей, — нѣтъ, сама жизнь требовала этого и дѣйствительно находила удовлетвореніе такимъ запросамъ; она, становясь на практическую почву, находила новые каналы для отвода грозной силы голода, который долженъ былъ явиться неизбѣжнымъ слѣдствіемъ пониженія цѣнъ послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Масса рабочихъ отхлынула изъ переполненныхъ рынковъ въ степи Америки и Австраліи, въ золотыя горы

Калифорніи и Лебяжьей Рѣки. Пониженіе цѣнъ на трудъ было замедлено и кризисъ на время отвращенъ.

Выборы 1847 года показали, что чартизмъ снова оживаетъ. Почти вездѣ, гдѣ чартисты ставили своихъ кандидатовъ, они получили огромное большинство рукъ на предварительныхъ собраніяхъ, а къ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и большинство голосовъ при самыхъ выборахъ: Гарней побѣдилъ Пальмерстона, но отказался баллотироваться; О'Конноръ одержалъ блестящую побѣду надъ Гобгаузомъ въ Ноттингэмѣ и получилъ мѣсто въ парламентѣ. Чартистскіе митинги и демонстраціи опять дѣлались злобой дня. «Землю, землю и землю!»—раздавалось повсюду. Агитація не ограничивалась городами: Макъ-Дуэлъ, Вестъ и Киддъ обращались къ землевладѣльческимъ рабочимъ въ разныхъ концахъ страны и имѣли успѣхъ.

Тѣмъ временемъ новый импульсъ движенію подготовлялся извнѣ. Но прежде, чѣмъ перейти къ событіямъ на континентѣ, необходимо упомянуть объ одной личности, которая въ то время только-что начала выдвигаться на политической аренѣ и которой позднѣе предстояло играть очень видную роль. Это — Эрнестъ Джонсъ. Онъ родился въ Германіи отъ уэльскаго уроженца, который былъ адъютантомъ герцога Кумбэрлендскаго, то-есть короля ганноверскаго. Маленькій Джонсъ пользовался особеннымъ расположеніемъ короля и былъ его крестникомъ; ходилъ слухъ даже, что въ жилахъ мальчика текла кровь Карла Великаго. Онъ провелъ свою юность въ Германіи, а потомъ былъ посланъ въ Англію, гдѣ и получилъ блестящее образованіе. Въ раннемъ возрастѣ онъ выказалъ поэтическій талантъ, а позднѣе занялъ въ спискѣ англійскихъ поэтовъ довольно видное мѣсто. Въ 1846 году онъ въ первый разъ появился на чартистской конференціи подъ патронажемъ О'Коннора, и скоро его имя сдѣлалось извѣстнымъ среди англійской демократіи. Его ораторскій талантъ, его умѣнье нравиться и убѣждать скоро сдѣлали его очень популярнымъ среди рабочихъ массъ, такъ что въ 1847 году онъ игралъ уже видную роль какъ агитаторъ и какъ сотрудникъ *Northern Star* и ежемѣсячнаго журнала *Labourer*, основаннаго О'Коннором для пропаганды земельнаго предпріятія. Но нужно сказать, что, какъ и О'Конноръ, мыслителемъ онъ не былъ и своихъ оригинальныхъ идей не имѣлъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1847 года начали появляться первыя извѣстія о банкетахъ реформы во Франціи—въ Лилѣ, Валанс-

енѣ и другихъ мѣстахъ—и производили на англійскую демократію эффектъ электрическихъ искръ. Въ исторіи мало эпохъ, когда настроенія народовъ, живущихъ на разныхъ концахъ Европы, составляли бы такой дружный хоръ, какъ въ 1848 году.

Въ январѣ въ Ломбардіи начались возстанія; Радецкій готовился къ борьбѣ; въ Неополѣ провозглашена конституція; герцогъ моденскій бѣжалъ; въ Сардиніи, въ Тосканѣ—революція. Лорда Минто обвиняли въ англійскомъ парламентѣ въ пособничествѣ итальянскимъ революціонерамъ. Въ Ирландіи въ то же время начинается замѣтное оживленіе: во главѣ молодой Ирландіи становятся крупныя личности—Митчель, Мартинъ, Смитъ, О'Брайенъ, Дуффи и другія, и партія пріобрѣтаетъ все большее и большее вліяніе на населеніе. Въ Шотландіи тоже начинается движеніе: въ Эдинбургѣ основана, по иниціативѣ публичнаго демократическаго митинга, газета *Weekly Express* спеціально для служенія дѣлу чартизма и демократіи.

Въ Лондонѣ чартисты все чаще и чаще собираются въ своихъ залахъ въ John-street и Cooper-street. О'Конноръ въ своихъ письмахъ въ *Northern Star*, обращенныхъ къ «старымъ стражамъ», и на публичныхъ собраніяхъ пророчитъ приближеніе великихъ событій. Въ городѣ держится рядъ публичныхъ митинговъ въ честь польской революціи, для выраженія сочувствія ирландскимъ демократамъ и «Молодой Италіи». Гарней, Джонсъ, нѣмецъ Карлъ Шапперъ и Скельтонъ—главные ораторы. Правительство же въ это время уже готовитъ актъ о подавленіи ирландскаго движенія. Въ Лондонѣ въ то время жило громадное число политическихъ изгнанниковъ всѣхъ странъ и всѣхъ національностей, и большая часть ихъ принадлежала къ «ассоціаціи братскихъ демократовъ» (Association of Fraternal Democrats), имѣвшей шесть секцій различныхъ національностей и собиравшейся въ «Бѣломъ Сердцѣ» на Drury Lane, гдѣ вокругъ предсѣдательскаго кресла, уставленнаго знаменами Французской республики, единой Германіи и независимой Венгріи и другихъ, помѣщались шесть секретарей секцій. Членскіе билеты имѣли на себѣ надпись: «Всѣ люди — братья» на двѣнадцати языкахъ: вверху—на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, слѣва—на датскомъ, голландскомъ и шведскомъ, справа — на испанскомъ, итальянскомъ и романскомъ и снизу—на русскомъ, польскомъ и венгерскомъ. Самыя многочисленныя секціи были французская, нѣмецкая и польская, конечно, не считая англійской, которая

включала большую часть выдающихся людей лондонской демократіи и имѣла своими представителями Юліана Гарнея и Эрнеста Джонса. Эти три секціи находились въ связи съ тайными обществами «Молодой Германіи» и «Молодой Польши», составлявшими въ Швейцаріи вмѣстѣ съ итальянцами «Молодую Европу» подъ предсѣдательствомъ Мадзини; а кромѣ того и съ «Временами года»—обществомъ, основаннымъ Мартиномъ Бернардомъ въ 1839 году. Менѣе многочисленны были секціи венгерская и скандинавская. Въ польской секціи было нѣсколько русскихъ, во французской — испанцевъ, итальянцы же, жившіе въ Лондонѣ, не принимали прямого участія въ обществѣ, потому что, принадлежа большею частію къ «Молодой Италіи», не имѣли права быть членами ни въ какой другой организаціи. Вся эта масса людей, съ Мишло, Обринскимъ, Шапперомъ, Гарнеемъ во главѣ, теперь особенно зашевелилась и привлекала къ себѣ всеобщее вниманіе.

Въ февралѣ появились послѣдовательныя извѣстія о парижскомъ банкетѣ и парламентской борьбѣ оппозиціи противъ Гизо и Луи-Филиппа и наконецъ о ея побѣдѣ, бѣгствѣ короля и объявленіи республики. Едва успѣли узнать объ этомъ въ Англіи, какъ на всемъ горизонтѣ Европы—югѣ, востокѣ и сѣверѣ—занялись пожары революцій.

«Каждый день,—пишетъ умѣренно-либеральный Маккей,—съ континента прибывали короли, князья и министры, бѣжавшіе въ Англію, какъ единственное безопасное мѣсто. Революція, имѣвшая своимъ девизомъ—«свободу, равенство и братство» и «организацію труда» одной изъ цѣлей, въ высшей степени волновала кровь англійскихъ демократовъ. «Луи-Филиппъ бѣжалъ, въ Парижѣ революція! Ура!» — слышалось повсюду и почти всегда сопровождалось возгласомъ: «Теперь и мы должны добыть свои права!» Забыты были всѣ раздоры, всѣ домашнія дрязги; всѣ соединились въ дружныхъ оваціяхъ въ честь французскаго народа. Макъ Дуэллъ, Вестъ и Киддъ агитируютъ въ этомъ смыслѣ и въ пользу хартіи въ сѣверныхъ округахъ. Въ Лондонѣ чартистская ассоціація вмѣстѣ съ братскими демократами, ирландскими конфедератами и другими организаціями составляютъ адресъ французскому народу и снаряжаютъ депутацію, состоявшую изъ Эрнеста Джонса, Юліана Гарнея и Макъ Грата, отвезти его въ Парижъ. Нѣсколько дней спустя эта депутація принималась со всевозможными оваціями Ледрю-Ролленомъ въ Парижѣ. 2-го марта на площади Національныхъ Ваннъ собирается

громадная масса народа и протестуетъ противъ всякаго вмѣшательства англійскаго правительства во французскія дѣла. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ другихъ собраній въ разныхъ частяхъ Лондона и вездѣ выражается сочувствіе французскому народу, провозглашается хартія и союзъ съ ирландскими конфедератами для освобожденія Ирландіи.

Нужда рабочаго населенія столицы дошла въ это время до громадныхъ размѣровъ и начала все сильнѣй и сильнѣй проявлять себя среди этихъ волненій. Весь мартъ мѣсяцъ былъ занятъ волненіями по всей странѣ. 6-го марта нѣкій Кокранъ, человѣкъ изъ средняго класса и мало извѣстный, созвалъ на Трафальгаръ-скверѣ публичный митингъ въ пользу отмѣны подоходнаго налога. И иниціаторъ, и цѣль были одинаково чужды интересамъ массы; тѣмъ не менѣе собралось громадное количество народа. Когда Кокранъ увидѣлъ передъ собой это возбужденное море головъ, онъ предпочелъ не входить на трибуну и постыдно бѣжалъ. Народъ волновался. Тогда къ нему обратился съ рѣчью нѣкій мало извѣстный журналистъ Рейнольдсъ и произнесъ рѣчь, сочувственную французской революціи и хартіи. Народъ съ восторгомъ слушалъ и чуть не на рукахъ проводилъ его до квартиры на Стрендѣ, гдѣ ново-народившійся трибунъ держалъ рѣчь съ балкона дома. Хотя его имя до тѣхъ поръ и не знали, но его статьи въ *Weekly Dispatch* объ иностранной и особенно французской политикѣ, писанныя съ умѣньемъ и въ духѣ демократіи, были хорошо извѣстны. Когда почти весь народъ разошелся, изъ-за какихъ-то пустяковъ съ полиціей вышла ссора; толпа бросилась на нее, смяла и съ криками: «ко дворцу!»—направилась въ С.-Джемсъ-паркъ, ломая по дорогѣ фонари и окна и требуя въ лавкахъ хлѣба и вина. Тѣмъ временемъ полиція получила подкрѣпленіе и толпа поворотила назадъ на Трафальгаръ-скверъ и разошлась.

Въ это время въ Глазго волненія приняли еще болѣе грозный характеръ. Здѣсь нужда рабочаго населенія дошла до того, что оно требовало и со дня на день ожидало раздачи хлѣба; но хлѣбъ не появлялся. 6-го марта толпа вышла изъ терпѣнія, ринулась на лучшую улицу, такъ-называемыя Irongates, и начала врываться въ лавки. Собственники торопились запираться; всѣ дѣла остановились; по улицамъ ходили толпы съ крикомъ: «хлѣба или революцію!» Едва войска успѣли очистить главныя улицы, какъ въ другихъ повторялось то же самое. Въ Эдинбургѣ

послали за подкрѣпленіемъ. На другой день на площадяхъ и улицахъ, съ утра занятыхъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ войскомъ, начали появляться толпы, мальчишки затѣяли перестрѣлку каменьями, а кончилось дѣло 5-ю убитыми и параднымъ шествіемъ войскъ по улицамъ.

Въ Манчестерѣ народъ аттаковалъ рабочій домъ и полицейскую станцію, билъ окна и фонари, врывался въ лавки и требовалъ хлѣба. Въ Нью-Кастлѣ, Донфри, Сондерлендѣ, Басѣ, Ноттингэмѣ—всюду волненія по поводу событій во Франціи, публичные митинги, демонстраціи и процессіи. А въ газетѣ Митчеля, *United Irishman,* преподавались уроки уличной борьбы съ войскомъ.

Исполнительный комитетъ чартистской ассоціаціи рѣшилъ созвать на 3-е апрѣля конвентъ. Въ теченіе всего марта мѣсяца не проходило дня, чтобы въ разныхъ концахъ страны не было устроено нѣсколькихъ демонстрацій, часто съ трехцвѣтными знаменами, и чтобы въ резолюціяхъ не постановлялось требовать хартію и свобожденіе Ирландіи. Въ это же время началась вербовка между лавочниками добровольныхъ полицейскихъ. 13 марта на Кенингтонъ-Коммонсъ въ южномъ Лондонѣ собралось до 20.000 человѣкъ народа и до 4.000 пѣшихъ и 80 конныхъ полицейскихъ. Оружейникамъ было велѣно отвинтить у ружей замки и продавать оружіе съ большой осторожностью.

Въ Бирмингэмѣ митингъ въ пользу хартіи держался въ городской ратушѣ; въ Манчестерѣ, Брадфордѣ, Ипевичѣ, Шеффильдѣ, Лидсѣ, Саутгамптонѣ, Мансфильдѣ, Денди, Ковентри, Экстерѣ и даже въ Нью-Портѣ, казавшемся убитымъ съ 1839 года,—всюду одно и то же: собранія по 10.000—20.000 народа, требовавшаго хартію. Въ очень многихъ случаяхъ при этомъ присутствовали и войска, хотя нигдѣ дѣло не дошло до вмѣшательства ихъ. Даже ремесленные союзы—и тѣ собрались въ Old Bailey въ Лондонѣ и постановили резолюціи въ пользу хартіи.

Наступило 4-е апрѣля. Въ литературномъ и научномъ институтѣ въ John-street собрался чартистскій конвентъ изъ 49 делегатовъ. Предсѣдателемъ былъ выбранъ Макъ-Гратъ. Изъ чтенія рапортовъ выяснилось приблизительно слѣдующее: жизнь народу становилась въ тягость; въ очень многихъ мѣстахъ онъ находилъ, что лучше сразу покончить съ собой, чѣмъ умирать, день за днемъ, медленною смертью. Большинство объявляло себя готовымъ на всякій рискъ, лишь бы добыть хартію. Въ петиціи

народъ больше не вѣрилъ и соглашался подписать и подать ее въ послѣдній разъ только затѣмъ, чтобы снять съ себя отвѣтственность за то, что онъ не испыталъ всѣхъ средствъ. Если парламентъ откажетъ въ ней, то рѣшено было подать адресъ королевѣ о распущеніи его и смѣнѣ министровъ; а если и это не поможетъ, пусть будетъ, что будетъ. Другіе, впрочемъ, предлагали въ этомъ случаѣ въ одинъ день собрать митинги по всей странѣ и рѣшить, что дѣлать. Какъ ни странно звучитъ такая неувѣренность, однако-жь вѣрно то, что изъ 49 человѣкъ делегатовъ, выбранныхъ на публичныхъ митингахъ, только 3 заявили себя за нравственную силу, всѣ же остальные готовы были, въ случаѣ надобности, на все. Макъ-Карти, ирландецъ, при этомъ заявилъ, что у нихъ есть въ Англіи клубы для стрѣльбы и что послѣ перваго выстрѣла въ Ирландіи 40.000 вооруженныхъ людей будутъ готовы здѣсь отмстить за своихъ братьевъ. Конвентъ принялъ слѣдующую программу:

1. Въ случаѣ отказа палаты общинъ на національную петицію, конвентъ приготовитъ національный меморіалъ королевѣ о распущеніи парламента и выборѣ такихъ министровъ, которые сдѣлали бы хартію министерскимъ вопросомъ.

2. Конвентъ согласенъ созвать національное собраніе изъ делегатовъ, выбранныхъ на публичныхъ митингахъ, — для подачи королевѣ меморіала и для того, чтобы продолжать свои засѣданія, пока хартія не сдѣлается закономъ.

3. Конвентъ призываетъ страну держать одновременные митинги въ «Добрую пятницу», 21-го апрѣля, для принятія національнаго меморіала и для выбора делегатовъ въ національное собраніе.

4. Національное собраніе соберется 24 апрѣля.

5. Конвентъ будетъ засѣдать, пока не соберется національное собраніе.

На 10-е апрѣля было назначено собраніе народа, представителей ремеслъ и организацій на Кенингтонъ-Коммонсѣ съ тѣмъ, чтобъ оттуда съ процессіей нести петицію въ парламентъ.

На другой день министръ внутреннихъ дѣлъ лордъ Грей объявилъ въ парламентѣ эту процессію незаконной, а вечеромъ появилась прокламація правительства, объявлявшая преступными всякія петиціи, ходатайства, жалобы и заявленія, дѣлаемыя больше чѣмъ 10 человѣками, причемъ объявлялось, что виновные будутъ преслѣдоваться.

На протестъ О'Коннора противъ этого произвольнаго нарушенія одного изъ основныхъ положеній англійской конституціи лордъ Грей при аплодисментахъ палаты объявилъ, что черезъ нѣсколько дней внесетъ законопроектъ о лучшей охранѣ короны и правительства. Напрасно конвентъ пытался объявлять о своихъ мирныхъ намѣреніяхъ, напрасно пытался онъ совѣщаться съ либеральными членами парламента и посылать депутацію къ Грею,— 8 апрѣля въ парламентъ былъ внесенъ «билль о безопасности короны и правительства», а 12 апрѣля онъ прошелъ—большинствомъ 295 голосовъ противъ 40—въ палатѣ общинъ, у лордовъ же единогласно. Онъ гласилъ, что отнынѣ въ теченіе двухъ лѣтъ за *всякія рѣчи*, вызывающія волненія, будутъ судить какъ за измѣну и наказывать ссылкой за океанъ.

Конвентъ рѣшилъ во что бы то ни стало быть на Кенингтонъ-Коммонсѣ, держать митингъ и идти процессіей. Гарней сообщилъ, что правительство заказало 30.000 полицейскихъ палокъ. О'Конноръ разсказывалъ, будто бы со словъ полицейскаго инспектора, что въ вождей будутъ стрѣлять изъ оконъ. О'Брайенъ передъ своимъ избирательнымъ округомъ отказался отъ представительства въ конвентѣ, такъ какъ, по его словамъ, «подъ вліяніемъ бѣдствій въ странѣ, конвентъ хочетъ двигаться быстрѣе, чѣмъ позволяютъ обстоятельства». Въ *Northern Star* въ одинъ изъ этихъ дней появились два письма О'Коннора, въ которыхъ онъ въ одномъ насмѣхался надъ тѣми, кто собирался идти на Кенингтонъ-Коммонсъ вооруженными, и называлъ ихъ измѣнниками, а въ другомъ разсказывалъ, какъ вооружается полиція, и звалъ народъ на борьбу.

Въ конвентѣ рѣшено было принять мѣры на случай ареста членовъ, чтобъ ихъ мѣста сейчасъ же были заняты другими делегатами. Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли вооружаться вообще, игралъ въ это время большую роль: среди самого рабочаго населенія онъ былъ поставленъ ребромъ и не мало эксплуатировался. Нѣсколько свидѣтелей, принимавшихъ участіе въ этомъ волненіи, разсказываютъ одинъ и тотъ же фактъ, что въ разныхъ концахъ города появились среди рабочихъ личности, убѣждавшія въ необходимости зажечь городъ съ разныхъ концовъ; какъ таинственное средство для этого, они показывали какой-то порошокъ, по которому только стоитъ ударить—и онъ можетъ сжечь полгорода. На повѣрку снадобье оказывалось просто бертолетовою солью съ примѣсью селитры и сѣры, но имъ нельзя было

зажечь и спички. Прежде личностей этихъ никогда не видали. Положительно вѣрно можно сказать, что не было ни одного указанія, ни одного факта на какія-нибудь воинственныя приготовленія,—демонстрація на Кенингтонъ-Коммонсѣ и въ планѣ, и въ дѣйствительности была совершенно мирная и министерство не могло не знать этого.

Настало 10-е апрѣля. Чтобы дать понятіе о настроеніи, въ которомъ въ это время находились люди порядка, обратимся къ нимъ самимъ. Вотъ что пишетъ Маккей *) въ своихъ воспоминаніяхъ: «Въ теченіе трехъ дней передъ 10 апрѣля во всѣхъ полицейскихъ префектурахъ и станціяхъ принималась присяга добровольныхъ полицейскихъ изъ коммерческаго, высшаго и даже нѣкоторыхъ слоевъ низшаго класса въ такомъ необыкновенномъ числѣ (70.000), что мировые судьи не успѣвали записывать имена. Трудно было найти купца, банкира, лавочника или священника въ Лондонѣ, исключая очень старыхъ, которые не были бы готовы взять въ руки дубины, чтобы въ случаѣ надобности раздробить скулу чартисту. Въ числѣ этихъ добровольцевъ былъ и Луи-Наполеонъ Бонапартъ, который, какъ онъ самъ выражался, былъ крайнимъ демократомъ, очень любилъ народъ, но ненавидѣлъ безобразій толпы. Веллингтонъ объявилъ, что онъ готовъ взять на себя защиту столицы, и обѣщался при этомъ, что у него не будетъ видно ни одного солдата. Между тѣмъ онъ рѣшился сохранить порядокъ во что бы то ни стало, разсчитывая на спрятанныя войска и рѣшимость средняго класса, на который недавнія сцены парижской революціи наводили паническій ужасъ. За четыре дня до демонстраціи войска были помѣщены во дворы банка, монетнаго двора, Соммерсетъ-гауза и другія «уязвимыя» мѣста Сити. Кромѣ того войска были стянуты со всѣхъ ближайшихъ городовъ и размѣщены въ казармахъ вокругъ столицы, по близости парламента и на Трафальгаръ-скверѣ. Огромное количество оружія было разослано въ Индійскій домъ, таможню, акцизное управленіе, почтамтъ (2.000 ружей), домъ мера, различныя отдѣленія Соммерсетъ-гауза, въ артиллерійское и адмиралтейское управленія для употребленія служащими, которые всѣ должны были принять присягу добровольныхъ полицейскихъ.... Двери англійскаго банка были завалены мѣшками съ пескомъ вышиной въ 5 футовъ, но такимъ образомъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оставлены отвер-

---

*) *Mackay Charles*: „Forty years recollections“. London, 1877 г.

стія, а сзади ихъ помѣщены небольшія пушки. На углахъ банка устроены небольшія батареи. То же сдѣлано во многихъ частныхъ банкахъ и доковыхъ компаніяхъ. Въ Тоуэрѣ саперы цѣлый день заваливали такими же мѣшками ворота и нижнюю часть замка. Въ почтамтѣ окна были забиты толстыми досками такимъ образомъ, чтобъ изъ щелей можно было стрѣлять. Около парламента размѣщены были шесть отрядовъ пѣхоты и одинъ полкъ кавалеріи *). Ѣзда по улицамъ въ экипажахъ была запрещена съ цѣлью устранить возможность строить изъ нихъ баррикады». Дальше Маккей продолжаетъ: «Вся демократическая и большая часть аристократической Европы готовилась услышать, что послѣ обѣда 10 апрѣля Лондонъ окажется въ рукахъ чартистовъ, что англійскій банкъ, монетный дворъ, оружейныя лавки, Тоуэръ, Вуличскій арсеналъ будутъ разграблены; что войска побратаются съ народомъ, Фергюсъ О'Конноръ будетъ провозглашенъ президентомъ британской республики, а королева Викторія со своимъ мужемъ и семействомъ будутъ принуждены бѣжать въ Нью-Йоркъ, какъ единственное удобное для нихъ убѣжище, такъ какъ на континентѣ нѣтъ безопаснаго мѣста».

Съ утра 10 апрѣля по всему Лондону чартистами были назначены въ опредѣленныхъ мѣстахъ сборные пункты, откуда въ извѣстный часъ въ стройномъ порядкѣ и съ знаменами процессіи должны были двинуться на Кенингтонъ-Коммонсъ. Это были: Финсбюри-скверъ, Россель-скверъ, Клеркенвелъ-Гранъ и многіе другіе. Въ 10 часовъ утра изъ главнаго центра, Джонъ-стрита, двинулось зерно процессіи на двухъ телѣгахъ: первая, въ 4 лошади, везла петицію, а другая—въ 20 фут. длины, въ 6 лошадей—49 делегатовъ конвента. Бока обѣихъ ихъ были испещрены надписями, вродѣ такихъ: «Свобода стоитъ не только жизни, но и смерти», или 6 пунктами хартіи; по бокамъ развѣвались флаги на трехцвѣтныхъ древкахъ и тоже съ надписями. Вслѣдъ за этимъ кортежемъ шли, построенныя въ военномъ порядкѣ, толпы до 20.000 народа, которыя увеличивались по мѣрѣ приближенія къ мѣсту назначенія. Когда процессія пришла къ нему, тамъ уже были различныя организаціи и ремесла со своими знаменами, а также до 14.000 чел. полиціи и войска. Цифра всѣхъ участниковъ демонстраціи до сихъ поръ остается спорной: по различнымъ показаніямъ, ее опредѣляютъ отъ 20 до 500 тысячъ; за

*) *Morning Post* 1848 г.

среднее же принимается большинствомъ—150.000. Какъ только петиція и конвентъ прибыли на мѣсто, раздались оглушительные крики, аплодисменты и музыка. Прежде чѣмъ О'Конноръ успѣлъ что-нибудь сказать, явился храбрый полицейскій и позвалъ его въ сосѣднюю таверну. Народъ было думалъ, что его арестовали, и зашумѣлъ; но дѣло скоро объяснилъ самъ любимецъ массы: полицейскій комиссаръ Майнъ передалъ ему отъ имени правительства, что процессія къ парламенту будетъ, во что бы то ни стало, запрещена, *для чего приняты мѣры*; мирному же митингу власти мѣшать не намѣрены. Во всякомъ случаѣ онъ, О'Конноръ, будетъ отвѣтственъ за все, что бы ни случилось. «Дѣти мои,—сказалъ О'Конноръ обращаясь къ толпѣ, ждавшей отъ него чуть не откровенія,—васъ увѣряли, что я сегодня не буду среди васъ. Я здѣсь! Я лучше буду убитъ, чѣмъ оставлю свое мѣсто среди моихъ дѣтей. Да, вы—мои дѣти! Я же вашъ отецъ и довѣренный, но честный отецъ и не наемный повѣренный». Дальше слѣдовали убѣжденія не губить своего дѣла неразумнымъ насиліемъ. Онъ не спалъ 6 ночей и докторъ запретилъ ему идти сюда сегодня, но онъ пришелъ, чтобы спасти дѣло. Пусть поднимутъ руки всѣ, кто согласенъ! (Лѣсъ рукъ.) Ну, и слава Богу! Онъ умретъ на полу палаты, а ужь добудетъ имъ права. Онъ любитъ ихъ больше своей жизни. На прошлой недѣлѣ онъ отдалъ конвенту доходъ съ *Northern Star* за недѣлю... Если вы хотите убить меня, моя жизнь въ вашемъ распоряженіи; но другихъ я не выдамъ безъ борьбы. Я не думаю, чтобы вы согласились особенно легко пожертвовать мною теперь. (Оглушительные аплодисменты.) Я пойду съ вами мирно и рѣшительно и представлю вашу петицію сегодня ночью. Въ пятницу ее будутъ обсуждать и ничто не можетъ помѣшать ея успѣху, если вы сами не погубите дѣла своею невоздержностью и глупостью!»

Петицію раздѣлили на три части, сложили на три извощичьи кареты, О'Конноръ съ однимъ изъ членовъ конвента сѣли въ четвертую и отправились такимъ образомъ въ парламентъ.

Въ это время О'Коннора съ тремя возами бумаги полиція не пустила черезъ ближайшій Вестминстерскій мостъ, а заставила сдѣлать нѣсколько миль кругу для того, чтобъ явиться передъ парламентомъ съ грудой бумаги, похвастаться 5.700.000 подписей и выслушать отъ вице-министра Морнета, отъ лица Грея, признаніе, что онъ не придаетъ ровно никакой цѣны всѣмъ коллективнымъ петиціямъ вмѣстѣ взятымъ и даже не считаетъ нуж-

нымъ приходить для нихъ въ палату, будучи занятъ чѣмъ-то другимъ.

Черезъ нѣсколько дней парламентскій комитетъ для разсмотрѣнія петицій сообщилъ палатѣ, что вмѣсто 5.700.000 подъ ней было всего 1.975.496 подписей (и 586 фунтовъ, т.-е. ¼ тонны вѣсу), изъ которыхъ очень многія очевидно фальшивыя, какъ «Плосконосый», «Нѣтъ сыра», «Принцъ Альбертъ», «Веллингтонъ», «Викторіа ренсъ» и т. п. Со всѣхъ скамей на О'Коннора посыпались упреки, насмѣшки и оскорбленія, на которыя онъ отвѣчалъ, что не можетъ быть отвѣтственнымъ за всякую подпись, что фальшивыя подписи вѣроятно сдѣланы агентами противныхъ партій, и, наконецъ, одного изъ оскорбителей вызвалъ на дуэль; но и это не состоялось,—дѣло уладили миромъ. Тѣмъ все дѣло и кончилось. Впрочемъ, по поводу подписей въ оправданіе О'Коннора нужно сказать дѣйствительно, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе: наприм., черезъ нѣсколько дней послѣ 10 апрѣля въ конторѣ поземельной компаніи не оказалось нѣсколькихъ сотъ тысячъ подписей и столько же еще не были присланы изъ провинціи. Очень можетъ быть, что онъ дѣйствительно вѣрилъ въ 5.700.000 подписей. Что же касается до фальшивыхъ, то Фростъ приводитъ фактъ, какъ одинъ лавочникъ ему самому беззастѣнчиво разсказывалъ, что онъ подписывалъ петицію разъ 20, не будучи чартистомъ,—«всякій разъ, какъ ему случалось проходить мимо конторы».

Съ этого дня закатилась звѣзда О'Коннора. Въ 1850 году онъ уже не имѣетъ никакого значенія и пристаетъ къ умѣренной реформѣ парламентскаго радикала Юма, а въ 1851 г. сходитъ съ ума и окончательно исчезаетъ со сцены.

Послѣдствіемъ изложенныхъ событій было то, что часть людей, причастныхъ къ чартизму, отстранилась отъ движенія или перешла на сторону нравственной силы, за то другая сдѣлалась гораздо рѣшительнѣй и непримиримѣй. Рядомъ съ открытой организаціей образовалась тайная. Тотчасъ же послѣ 10 апрѣля Эрнестомъ Джонсомъ было предложено конвенту измѣнить организацію чартистской ассоціаціи изъ федеративной въ централистскую: прежде каждая вѣтвь управлялась своимъ совѣтомъ изъ 5—6 лицъ и каждый членъ вносилъ еженедѣльно по 1 пенни. Теперь взносы уничтожались, каждые 10 членовъ составляли классъ, а

каждые 10 классовъ—отдѣлъ, причемъ комитеты классовъ были подчинены комитетамъ отдѣловъ. Во главѣ всей ассоціаціи открыто стоялъ исполнительный комитетъ, но рядомъ съ нимъ существовалъ тайный комитетъ изъ шести лицъ: Каффи—портного, Ритчи—штукатурщика, Ласей и Фея—сапожниковъ, Роле—разсыльнаго и Муллена—студента медицины. Принадлежалъ ли къ числу формальныхъ членовъ его сыщикъ Пауэлъ, выслѣживавшій ихъ, не доказано, хотя несомнѣнно, что онъ зналъ очень многое. Въ какихъ отношеніяхъ стояли два верховныхъ комитета другъ къ другу, до сихъ поръ не выяснено. Первое, въ чемъ выразилась дѣятельность новой организаціи, были клубы для стрѣльбы; они устраивались теперь по всей странѣ и плодились десятками. Ихъ цѣлью было, очевидно, снабдить чартистовъ оружіемъ и выучить владѣть имъ. Одна бирмингэмская фирма взялась поставлять имъ ружья по 12 шилл. за штуку, которыя хотя и не были лучшаго качества, но, какъ тогда выражались, «изъ нихъ можно было такъ же хорошо убивать людей, какъ и изъ хорошихъ». Повсюду клубисты открыто начали обучаться военному дѣлу, что̀, какъ мы скоро увидимъ, обратило на нихъ вниманіе правительства.

Первая крупная демонстрація заново организованной силы была устроена въ Лондонѣ 29 и 30 мая на Клеркенвеллъ-Гринской площади, въ центрѣ города, куда безъ всякаго созыва или объявленія собралось до 80.000 народа. По одному слову нѣкоего Гюсселя: «стройся!»—вся эта масса народа построилась въ военный порядокъ и подъ предводительствомъ офицеровъ, съ бѣлыми перевязками на рукахъ, отправилась процессіей по главнымъ улицамъ города: Оксфордъ-стритъ, Реджентъ-стритъ, Паль-Маль, Стрендъ, Финтъ-стритъ и—назадъ на Клеркенвеллъ-Гринъ. Здѣсь держался митингъ, выразившій симпатію ирландскому конфедерату Джону Митчелю, который за три дня передъ этимъ совершенно неожиданно для своихъ товарищей прямо изъ суда былъ посаженъ на военный пароходъ и увезенъ въ Австралію.

Когда митингъ расходился, полиція, по завѣреніямъ нѣсколькихъ очевидцевъ, кинулась на одну изъ группъ съ оружіемъ въ рукахъ и начала разгонять. Это было одно изъ первыхъ побоищъ того времени. Большая часть изъ устроителей митинга вскорѣ были арестованы.

Тотчасъ послѣ 10 апрѣля Гарней предложилъ назначить 21-е апрѣля днемъ повсемѣстныхъ выборовъ на публичныхъ собраніяхъ делегатовъ въ національное собраніе, которое взяло бы на

себя инициативу подачи королевѣ меморіала, а въ случаѣ надобности—обращенія къ странѣ, а быть-можетъ и объявленія себя народнымъ парламентомъ. Предложеніе было принято и опубликовано. Эрнестъ Джонсъ отъ имени своихъ избирателей, Галифакса и Абердина, заявилъ, что они готовы послать первые—6.000, а вторые—1.000 человѣкъ вооруженной стражи, если національное собраніе объявитъ себя парламентомъ *). О'Конноръ въ *Northern Star* объявилъ это будущее собраніе незаконнымъ и во все время его существованія продолжалъ нападать на него, какъ на самозванное. Самъ же 11 апрѣля въ Джонъ-стритѣ предлагалъ подать вторую петицію, отказываясь, впрочемъ, отъ обязанности представить ее парламенту. Эта полемика отняла у массы чартистовъ много времени и вниманія. Хотя по всей странѣ — въ Манчестерѣ, Глазго, Эдинбургѣ, Нью-Кастлѣ, Ливерпулѣ, Бристолѣ и другихъ мѣстахъ—происходили постоянные митинги въ пользу хартіи, однако делегаты въ національое собраніе были выбраны не раньше, какъ къ 1 мая, причемъ многія мѣстности совсѣмъ не послали делегатовъ.

1 мая собрались 60 делегатовъ. Это было одно изъ тѣхъ мертворожденныхъ собраній, которыя, не выражая собою требованія историческаго момента, сами не видятъ своей задачи, не вѣрятъ въ свою силу и право, а потому и не могутъ придти ни къ какому опредѣленному рѣшенію и въ результатѣ не пользуются никакимъ нравственнымъ вліяніемъ. Оно бралось за подачу королевѣ меморіала и не подало его на томъ основаніи, что Чамберлейнъ отказалъ депутатамъ въ аудіенціи съ королевой и отослалъ ихъ къ лорду Грею; они брались за выработку политической программы и ничего не выработали кромѣ двухъ положеній, что существованіе постоянной арміи противорѣчитъ англійской конституціи и что народъ имѣетъ право вооружаться.

Между тѣмъ въ городахъ Йоркшира, какъ Брадфордѣ и другихъ, въ это время устраивались многотысячныя процессіи съ ружьями, пиками и черными знаменами въ рукахъ. Полиція хотѣла было арестовать нѣкоего Литоуэла за фабрикацію пикъ, но народъ не допустилъ. Въ Вильздонѣ 3.000 челов. открыто учились стрѣльбѣ. Въ Бинглей 2.000 вооруженныхъ людей послѣ ожесточенной схватки съ полиціей отбили нѣсколькихъ арестованныхъ (это такъ-называемый мятежъ въ Бинглей). Въ Лидсѣ чартисты учились стрѣльбѣ.

*) Позднѣе, когда авторитетъ національнаго собранія упалъ, эти сообщенія опровергались самими избирателями.

Въ Манчестерѣ дѣлались огромныя приготовленія къ вооруженной демонстраціи, которая была отмѣнена только потому, что власти противупоставили сильный отрядъ войска.

При такихъ условіяхъ 12 іюня 1848 года тайный лондонскій комитетъ рѣшился на возстаніе. Его члены увѣряли, что сдѣланы всѣ необходимыя приготовленія, что войска будутъ аттакованы съ крышъ, что въ рабочихъ кварталахъ уже выломаны стѣны, раздѣляющія дома, такъ что возможно будетъ двигаться помимо улицъ, и что Баннерсъ-Филдъ и Бишаксъ-Филдъ назначены сборными пунктами. Въ окрестныхъ, ближайшихъ къ Лондону, городахъ чартистамъ данъ былъ приказъ во что бы то ни стало удерживать тамъ полицію и войско и по данному сигналу начать возстаніе. Томасъ Фростъ очень живо и характеристично описываетъ событія этого дѣла въ Кройдонѣ. Здѣсь чартисты назначили на 12-е іюня публичный митингъ и просили у властей подъ помѣщеніе ратушу. Послѣдовалъ отказъ, а кромѣ того Фростъ, какъ мѣстный вождь, былъ призванъ выслушать постановленіе городскаго совѣта, что публичный митингъ, назначенный на загородномъ холмѣ, не законенъ и будетъ разогнанъ силой. «Но вѣдь это наше конституціонное право—свободно собираться; на основаніи какого авторитета вы лишаете насъ его?»—отвѣтилъ Фростъ. —«На основаніи *нашего* авторитета и на основаніи вотъ этого распоряженія!»—при этомъ было указано пальцемъ на печатный листъ на столѣ, заключавшій распоряженіе лондонской полиціи.—«Я не могу признать за полицейскимъ распоряженіемъ авторитета законодательнаго акта», — отвѣчалъ Фростъ.—«Мы опираемся въ этомъ случаѣ на парламентскій актъ царствованія Карла II, запрещавшій собираться больше 20 лицъ», — вмѣшался присутствовавшій тутъ мировой судья.

Съ утра назначеннаго дня холмъ былъ занятъ отрядомъ войска, а вокругъ ходили патрули изъ 500 полицейскихъ, большею частію спеціально для этого времени принявшихъ присягу. Проливной дождь былъ причиной того, что народъ собрался въ самомъ ничтожномъ числѣ и митингъ былъ отмѣненъ комитетомъ. Войско и полиція простояли на холмѣ до полуночи.

Въ Лондонѣ случилось нѣчто подобное. Черезъ Пауэла власти знали, конечно, обо всѣхъ намѣреніяхъ чартистовъ, такъ что послѣднимъ, въ виду правительственныхъ приготовленій, пришлось измѣнить свой планъ и вмѣсто двухъ сборныхъ пунктовъ

назначить одинъ. Но и здѣсь, благодаря дождю, ничего не вышло. Предсѣдателемъ собранія долженъ былъ быть д-ръ Мак-Дуэллъ. Какъ только онъ подъѣхалъ къ мѣсту собранія, полицейскій инспекторъ формально объявилъ ему, что митингъ считается властями незаконнымъ и будетъ разогнанъ вооруженною силой. Тотъ тотчасъ же объявилъ объ этомъ собранію и самъ уѣхалъ. Тѣмъ не менѣе здѣсь было сказано нѣсколько рѣчей, за которыя и были арестованы Эрн. Джонсъ, Шарпъ, Вильямсъ, Фюссель въ силу послѣдняго парламентскаго закона. Были также арестованы нѣсколько человѣкъ съ оружіемъ въ рукахъ, но это ни къ чему серьезному не повело.

Въ этотъ же самый день въ провинціи происходили демонстраціи болѣе шумнаго характера: въ Блакстоунэджѣ почти убили переодѣтаго и узнаннаго полицейскаго; въ Аштонѣ во время схватки былъ убитъ полицейскій констабль; въ другихъ мѣстахъ войска разгоняли народъ. 18 іюля въ томъ же Блакстоунэджѣ многочисленное собраніе постановило резолюцію, что всѣ прежнія попытки чартистовъ терпѣли пораженіе главнымъ образомъ вслѣдствіе оппозиціи людей «нравственной силы».

Такъ дѣло шло до 15 августа, которое было назначено днемъ окончательнаго взрыва, что правительству было извѣстно. Сборнымъ пунктомъ была назначена площадь Семи Угловъ (Seven Dials). Ея положеніе среди узкихъ улицъ рабочаго квартала въ центрѣ города благопріятствовало постройкѣ баррикадъ и въ то же время давало возможность массамъ быстро собраться въ одно мѣсто съ разныхъ сторонъ. Но прежде, чѣмъ что-нибудь подобное успѣло случиться, полиція ворвалась съ револьверами въ рукахъ въ таверну «Апельсиннаго дерева», въ Апельсинной улицѣ, и арестовала всѣхъ тамъ находившихся. Подъ платьемъ арестованныхъ у однихъ были найдены сабли, у другихъ пики, у третьихъ пистолеты и т. п. Подъ лавками оказалось оружіе разныхъ родовъ, неизвѣстно кому принадлежавшее. Въ это время на площади Семи Угловъ уже шелъ шепотъ отъ одной группы къ другой: чернорабочіе съ кирками на плечахъ, мостильщики съ молотками и топорами въ рукахъ не замѣтно расходились по ближайшимъ тавернамъ, давая приближающейся полиціи поводъ думать, что одинъ ея видъ заставляетъ мятежниковъ разбѣгаться. На самомъ же дѣлѣ заговорщики поняли, что ихъ дѣло выдано. Въ тотъ же вечеръ были арестованы члены комитета: Ричи, Фай, Ласей, а потомъ Каффи и

Мулленъ (переодѣтый женщиной); Розе успѣлъ бѣжать въ Гамбургъ. Еще раньше были арестованы М'Дуэллъ, Шау, Ранкинъ, Волкеръ и другіе. На кладбищѣ въ Клеркенвелѣ (въ Лондонѣ) были найдены нѣсколько тысячъ патроновъ, зарытыхъ въ землю. Геммэджъ въ это время велъ агитацію среди земледѣльческихъ рабочихъ Бедфорда и Нортгамптона, повсюду сопровождаемый полицейскимъ коммиссаромъ, и былъ, наконецъ, арестованъ имъ за то, что не хотѣлъ подчиниться его требованію и прекратить одну изъ своихъ публичныхъ лекцій.

Томасъ Фростъ говоритъ: «послѣ 12 іюля и 15 августа я рѣшилъ держаться въ сторонѣ отъ конспираціи, въ которую замѣшался. И я имѣю основаніе предполагать, что нѣсколько позднѣе и самъ Каффи убѣдился въ полной безполезности этого предпріятія». Вѣрно ли такое предположеніе относительно Каффи или нѣтъ, осталось невыясненнымъ, но во всякомъ случаѣ вѣрно, что съ этого дня движеніе начинаетъ быстро утихать. 15-го августа вооруженное возстаніе потерпѣло такое же пораженіе, какъ мирныя ходатайства 10 апрѣля. Можно положительно сказать, что разочаровался не одинъ журналистъ Фростъ, но и масса рабочихъ; она устала подставлять свои спины, рисковать послѣднимъ остаткомъ своего благополучія. Снова понурила она голову и снова потянула будничную, заурядную лямку. Только на поверхности продолжали еще въ теченіе довольно долгаго времени всплывать пузыри, а подчасъ и пѣна для того, чтобы, не имѣя подъ собой почвы, выродиться въ личныя интриги и полемику. Разъ поставленныя волной движенія на извѣстную высоту, личности пытались удержаться на немъ, играть старую роль, не сознавая того, что волны уже нѣтъ, что ее замѣнила едва замѣтная усыпляющая зыбь. Они пытались бороться, но попытки эти оставались безъ результатовъ.

Чтобы покончить съ движеніемъ 1848 года, намъ остается сказать нѣсколько словъ о цѣломъ рядѣ судебныхъ процессовъ, ожидавшихъ по всей странѣ чартистовъ. Первый изъ нихъ состоялся еще въ іюнѣ мѣсяцѣ 1848 года надъ Джонсомъ, Шарпомъ, Вильямсомъ, Фюсселемъ и другими. Всѣхъ ихъ признали виновными: перваго приговорили къ 2 годамъ тюрьмы и 350 фунт. залога по выходѣ, въ обезпеченіе благонамѣреннаго поведенія въ теченіе 5 лѣтъ. (Своеобразный англійскій полицейскій надзоръ— не надъ преступникомъ, а надъ его карманомъ.) Джонсъ сильно страдалъ въ тюрьмѣ и писалъ стихи и статьи своей кровью за

неимѣніемъ чернилъ. Другіе были приговорены къ подобнымъ же наказаніямъ. Шарпъ и Вильямсъ тотчасъ по выходѣ заболѣли холерой и умерли.

Въ Йоркѣ судились 45 человѣкъ за возмущеніе въ Бинглей, за военныя ученія и вооруженныя демонстраціи. Изъ нихъ 10 человѣкъ приговорены къ 2—1½ годамъ каторги, 8 человѣкъ—къ 2—1½ годамъ тюрьмы, а отъ остальныхъ потребованы были залоги.

Въ сентябрѣ начался судъ надъ тайнымъ комитетомъ въ Лондонѣ. Его обвиняли въ заговорѣ противъ королевы. Кромѣ пяти человѣкъ, собственно членовъ комитета, въ качествѣ подсудимыхъ привлечены были: Гурней, Шепфердъ, Эблъ и другіе. Въ качествѣ же главнаго свидѣтеля явился Пауэлъ, котораго со времени 15 августа и днемъ и ночью, и дома и внѣ его охраняла военная стража. На судѣ онъ говорилъ, что «вступилъ въ чартистскую ассоціацію по порученію полицейскихъ властей».

Каффи въ своей защитительной рѣчи сказалъ: «Вы не имѣете права приговорить меня. Вашъ судъ—не правый судъ, потому что онъ не судъ равныхъ мнѣ. Все было сдѣлано вами, чтобъ обвинить меня. И я не прошу ни снисхожденія, ни милости. Я ожидаю осужденія и ничего больше. Мало того, я сожалѣю правительство и генералъ-прокурора, рѣшившихся употребить противъ меня такія средства. Я горжусь тѣмъ, что буду первою послѣ Джона Митчеля жертвой незаконнаго парламентскаго акта.

Пять членовъ комитета были признаны виновными. Каффи былъ приговоренъ къ пожизненной, а остальные къ двухлѣтней каторгѣ, съ залогами по выходѣ на 5 лѣтъ. Пауэлъ вмѣсто всякаго вознагражденія получилъ даровой проѣздъ въ Австралію для спасенія отъ мести чартистовъ; черезъ годъ онъ возвратился и влачилъ самое жалкое существованіе.

Въ честерскихъ и ливерпульскихъ ассизахъ въ декабрѣ судились 67 человѣкъ, изъ которыхъ одинъ былъ приговоренъ къ смерти за убійство сыщика (приговоръ не былъ исполненъ), 6—къ пожизненной ссылкѣ за заговоръ противъ королевы, 1—къ 10 годамъ каторги и 14, въ числѣ которыхъ были Личъ, Уайтъ, Ранкинъ, Вестъ (за статьи въ его газетѣ *People's Paper*)—къ различнымъ срокамъ тюремнаго заключенія. Остальные были освобождены съ обязательствомъ явиться по требованію суда.

Въ йоркскихъ ассизахъ судились 22 молодыхъ человѣка.

Эдинбургскій судъ былъ снисходителенъ: судились всего 2 человѣка и были приговорены къ 4 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія.

Власти послѣ всего этого объявили новую организацію чартистской ассоціаціи незаконной и заставили ее возвратиться къ старой. По этому случаю былъ выбранъ новый исполнительный комитетъ изъ Кларка, Диксона, Росса, Макъ Грата, Столвуда, Гарнея и секретаря Кидда. Всѣ уцѣлѣвшіе вожди чартистовъ принялись теперь за болѣе мирныя занятія.

О'Конноръ хлопоталъ о пособіяхъ заключеннымъ, подыскивалъ адвокатовъ, а въ то же время сближался съ парламентскими радикалами и подомовою реформой системы Юма, къ которой и присталъ окончательно въ 1850 году, въ то время, когда онъ уже потерялъ всякое вліяніе среди чартистовъ, весь свой пылъ и силу пера и уже началъ выказывать признаки помѣшательства. Томасъ Куперъ основалъ «фондъ защиты и жертвы» и собиралъ деньги въ пользу заключенныхъ.

Киддъ и Гэммэджъ ѣздили по странѣ и читали лекціи. Масса другихъ пустились въ литературу. 1849 годъ былъ годомъ истиннаго обновленія демократической прессы: Бронтерръ О'Брайенъ первый, отказавшись отъ участія въ конвентѣ, основалъ на островѣ Менѣ газету *The Reformer*, начавшую скоро расходиться въ 15.000 экземплярахъ. Въ ней онъ развивалъ положеніе, что всѣ политическія движенія на континентѣ не удавались потому, что ставили себѣ чисто политическія цѣли, тогда какъ, по его мнѣнію, необходимо было хлопотать при помощи политическихъ средствъ о національзаціи земель, копей и рыбныхъ ловель, объ уничтоженіи металлическихъ денегъ, объ учрежденіи національнаго банка для кредита промышленнымъ коопераціямъ и о національныхъ обмѣнныхъ рынкахъ. По поводу этихъ вопросовъ онъ потомъ читалъ въ Лондонѣ и окрестныхъ мѣстностяхъ лекціи, а позднѣе основалъ на этихъ же принципахъ такъ называемую «National Reform League».

Въ это же время возникли газеты: *Power of pence*, *Spirit of Freedom* республиканца Массей, *Progressionist* Гэммэджа, *Operative Free Press* и другія. Самою же распространенною и извѣстною изъ нихъ была *Reynolds's Political Instructor* Рейнольдса; въ ней сотрудничали тогдашнія лучшія литературныя силы демократіи, какъ Киддъ, О'Брайенъ, Робертсъ; она расходилась въ 50.000 экземплярахъ и, перемѣнивши названіе на *Reinolds's Newspaper*, существуетъ и до сихъ поръ.

Въ концѣ 1849 года чартистская ассоціація была уже настолько слаба и бездѣятельна, что Киддъ, одинъ изъ самыхъ усердныхъ, безкорыстныхъ и дѣятельныхъ членовъ ея, оставилъ комитетъ и предложилъ отказаться даже отъ названія чартистской ассоціаціи.

Въ 1850 году изъ тюремъ начали выходить старые вожди; была сдѣлана попытка обновить движеніе, снова началась агитація и проектировалось сліяніе нѣсколькихъ стоявшихъ въ сторонѣ группъ, но все кончилось только дрязгами, среди которыхъ О'Конноръ едва ли не въ послѣдній разъ фигурировалъ на политической аренѣ съ тѣмъ, чтобы вскорѣ оставить ее навсегда. Въ этотъ короткій періодъ оживленія О'Брайенъ опять началъ пріобрѣтать вліяніе и выступилъ съ уничтоженіемъ вигскаго закона о бѣдныхъ, возстановленіемъ закона Елизаветы, съ общественными работами, съ равномѣрнымъ распредѣленіемъ между должниками и кредиторами потерь отъ пониженія цѣнъ и т. п.

Эрнестъ Джонсъ сдѣлался было самымъ популярнымъ человѣкомъ и занялъ мѣсто О'Коннора. Гарней, какъ всегда, занимался иностранными вопросами и пересаживалъ ихъ на англійскую почву сначала на страницахъ *Red Republican*, а потомъ *Democratic Review*, гдѣ провозглашалъ: «Vive la Republic democratie et sociale!» Но все это были попытки оживить мертвеца. Вожаки собирали еще нѣсколько конференцій, писали программы, ставили требованія парламенту, но никто на нихъ не обращалъ вниманія, никто не принималъ ихъ близко къ сердцу. Наконецъ, въ 1854 г., оставшись безъ исполнительнаго комитета, чартистская ассоціація умерла естественною смертью. Здѣсь и мы остановимъ свое повѣствованіе.

Н. Ч.

ЗАХУДАЛОЕ ДВОРЯНСТВО.

(Изъ лѣтнихъ экскурсій.)

I.

«Панки».

Что и за честь, когда нечего ѣсть.
Народная поговорка.

... Лѣса и рощи исчезли, исчезли холмы и овраги. Плоская, ровная ширь раскинулась далеко во всѣ стороны. Тройка земскихъ клячъ, почувствовавъ подъ ногами гладкую, твердую, высохшую, какъ камень, дорогу, лихо несетъ тарантасъ.

— Степь пошла!—говоритъ ямщикъ.

Дѣло было въ началѣ іюля; стоялъ жаркій, знойный день. Я ѣхалъ изъ Самары черезъ Старый-Буянъ, имѣя въ виду посѣтить и посмотрѣть колоніи менонитовъ, которыя давно уже интересовали меня.

Дорога отъ Самары до Стараго-Буяна имѣетъ живой, веселый видъ; то и дѣло встрѣчаются рощи, деревни, лѣса, хутора и т. п. Совсѣмъ другой характеръ носитъ на себѣ мѣстность, идущая далѣе къ югу отъ Стараго-Буяна. Здѣсь степь все болѣе и болѣе вступаетъ въ свои права: все рѣже попадаются села, все пустыннѣе становится путь.

Но вотъ вдоль дороги то тамъ, то сямъ показываются какіе-то странные домики. Одиноко, сиротливо стоятъ они въ открытомъ полѣ. Не видать вокругъ нихъ ни сада, ни зеленой ветлы; нѣтъ даже плетней, нѣтъ сараевъ, безъ которыхъ немыслима никакая крестьянская хата.

Печать безпомощности лежитъ на этихъ странныхъ домикахъ; ихъ крыши изъ старой прогнившей соломы растрепаны, точно

всклокоченныя мужицкія головы; трубы покривились и еле-еле держатся. Стекла во многихъ окнахъ выбиты, а двери заткнуты грязнымъ тряпьемъ... Словомъ, все говоритъ о горькой нуждѣ, о безпріютности.

— Чьи эти хаты? Кто тутъ живетъ?—спрашиваю ямщика.

— Здѣсь-то?... Панки... Панки, сударь, живутъ!

Я въ первый разъ слышу это слово.

— Какіе такіе «панки»?

— Панки-то?... Неужто не слыхалъ?—удивляется ямщикъ.— Панки, стало-быть... выходитъ, вродѣ какъ дворяне... или, примѣрно скажемъ, *господа*... помѣщики... Все единственно!— говоритъ ямщикъ и въ тонѣ его голоса звучитъ скрытая, сдержанная иронія.

— Откуда же они здѣсь взялись?

— Переселёны... Изъ разныхъ мѣстъ переселены.

— А много у нихъ земли?

— Земли у нихъ вволю... Дивно земли!

— Что-жь это у нихъ стройка-то шибко плоха?

Ямщикъ отвѣчаетъ не сразу; наконецъ, очевидно, обдумавъ отвѣтъ, повертывается ко мнѣ лицомъ и съ удареніемъ произноситъ:

— Больно лѣнивы пахать—вотъ что!... Отъ этого отъ самаго...

Это что-то новое, интересное, подумалъ я и приказалъ остановить лошадей у перваго попавшагося домика. Передо мною стояла обыкновенная крестьянская изба, но, сравнительно съ прежде видѣнными мною домиками, изба эта выглядывала «не въ примѣръ лучше»; положительно можно сказать, что она была лучше всѣхъ хатъ, видѣнныхъ мною у панковъ. Срубъ составленъ изъ круппаго лѣса, окна были цѣлы, плотно и крѣпко сидѣла соломенная съ глиной крыша.

Изъ окна выглядывала какая-то старушка, съ смуглымъ, загорѣлымъ лицомъ. Поздоровавшись съ ней, я попросилъ позволенія войти въ домъ. Старушка вдругъ засуетилась, захлопотала.

— Пожалуйте, пожалуйте,—заговорила она,—милости просимъ!... Проходите.

Я вошелъ. Самая заурядная мужицкая хата, только немного почище и поопрятнѣе: массивная русская печь, лавки вдоль стѣнъ; въ одномъ углу—полка съ закоптѣлыми образами, въ другомъ— грубо сколоченный, изъ неокрашенныхъ досокъ, сундукъ, съ нава-

ленным поверхъ разнымъ неопредѣленнымъ тряпьемъ; на стѣнахъ—двѣ-три лубочныхъ картины и фотографическая карточка какой-то барыни съ неимовѣрно перетянутою таліей и въ широчайшемъ кринолинѣ,—все это было какъ нельзя болѣе засижено мухами, которыя цѣлыми роями носились по избѣ.

Встрѣтившая меня старушка была одѣта въ старое ситцевое полинявшее платье,—но все же въ платье, а не въ сарафанъ. По внѣшности, манерѣ и пріемамъ она какъ нельзя болѣе напоминала собой жену сельскаго дьячка или писаря.

Старушка оказалась рѣчистою, словоохотливою особой.

— Давно ли вы живете въ этихъ мѣстахъ?—спросилъ я ее.

— Да вотъ ужь тридцать лѣтъ живемъ. Въ 1850 году мы были переселены сюда изъ Рязанской губерніи.

— Изъ какого уѣзда?

— Изъ разныхъ уѣздовъ: Скопинскаго, Ряжскаго, Рязанскаго, Зарайскаго, Пронскаго.

— Что же заставило васъ покинуть родину?

— Какъ что? Извѣстно, нужда, бѣдность, голодъ—вотъ что!

На просьбу мою подробнѣе разсказать объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ это переселеніе, старушка передала мнѣ слѣдующее.

Въ 1847 году рязанскій предводитель дворянства, Рѣдкинъ, вошелъ съ представленіемъ о необходимости оказать какую-нибудь помощь мелкопомѣстнымъ дворянамъ Рязанской губерніи, изъ которыхъ многіе впали въ страшную нужду. Бѣдствія ихъ доходили до того, что нѣкоторые изъ дворянъ принуждены были наниматься въ услуженіе къ крестьянамъ.

— Вы не повѣрите, какая страшная была нужда!—разсказывала старушка.—Дворянская дѣвушка, чтобы не умереть съ голоду, должна была идти къ *мужику* и просить его, чтобъ онъ взялъ ее къ себѣ въ работницы... Ужасно!

— Чѣмъ же разрѣшилось ходатайство предводителя дворянства?

— Государь Императоръ вошелъ въ наше положеніе и вскорѣ намъ были назначены земельные участки въ Самарской губерніи — вотъ эти самые... Лѣтомъ намъ даны были отъ казны ссуды на переселеніе: кому 40, кому 60, а кому и 100 рублей.

— А какъ велики ваши участки?

— Въ шестьдесятъ десятинъ каждый участокъ.

— А много всѣхъ участковъ?

— Всѣхъ участковъ было восемьдесятъ четыре *), теперь меньше.

— Это—единственный вашъ поселокъ, или же подобныя поселенія есть и въ другихъ мѣстахъ?

— Кромѣ нашего поселка, въ Самарскомъ уѣздѣ есть еще другой поселокъ панковъ (это насъ мужики здѣсь такъ прозвали) около Раковскаго монастыря. Тамъ еще больше нашихъ, чѣмъ здѣсь.

— Какъ же вамъ живется здѣсь?

— Что же, ничего,— какъ-то особенно сдержанно отвѣчала старушка.—Живемъ пока...

— Можетъ-быть земля у васъ плоха?

— Нѣтъ, этого нельзя сказать. Земля — ничего, хорошая земля.

Вообще, несмотря на очевидную, бьющую въ глаза, бѣдность и нужду, панки не любятъ признаваться въ этомъ,—старый дворянскій гоноръ сказывается въ этой чертѣ. Когда земскіе статистики производили у нихъ подворную опись, то панки всячески старались представить свое хозяйство и благосостояніе въ возможно выгодномъ свѣтѣ.

— Сколько у васъ коровъ?—спрашиваетъ, напримѣръ, статистикъ у панка.

— Двѣ!—важно отвѣчаетъ тотъ.

Статистикъ готовъ уже отмѣтить эту цифру въ графѣ своей таблицы, какъ вдругъ присутствовавшій при описи мужикъ изъ сосѣдняго села обращается къ панку:

— Иванъ Миколаичъ, да чаво ты брешешь-то?

— Какъ брешешь? — вламывается въ амбицію панокъ. — Какъ ты смѣешь такъ говорить?—напускается онъ на мужика.

— Да нешто у тебя двѣ коровки-то?... Вѣдь у тебя всего-на все одна,—другая-то телка о двухъ мѣсяцахъ.

Оказалось, что дѣйствительно панокъ хотѣлъ выдать двухмѣсячную телку за корову. И подобныя сцены повторялись не разъ и не два.

*) По свѣдѣніямъ извѣстнаго статистика В. И. Орлова, имѣвшаго недавно случай посѣтить Самарскій уѣздъ, число участковъ, принадлежащихъ панкамъ, въ Старобуяновской волости не превышаетъ 47. По всей вѣроятности, эта цифра ближе къ дѣйствительности, чѣмъ приведенная нами со словъ панковъ, такъ какъ г. Орловъ, изслѣдуя различныя формы землевладѣнія, имѣлъ возможность пользоваться оффиціальными данными и документами, относящимися къ этому вопросу. *Авт.*

Панки сильно любятъ щегольнуть своими связями съ дворянскимъ, привилегированнымъ міромъ,—любятъ показать, что, несмотря на всю свою захудалость, они все-таки состоятъ въ родствѣ съ тѣми или другими изъ кровныхъ, именитыхъ дворянскихъ родовъ, играющихъ болѣе или менѣе видную роль въ Петербургѣ, при Дворѣ и т. п.

— Вы изъ Петербурга?—спрашивала меня старушка, о которой я только-что упомянулъ.

— Да, послѣднюю зиму я провелъ въ Петербургѣ.

— Не знавали ли вы тамъ фрейлину?—и старушка назвала мнѣ громкую въ аристократическомъ мірѣ фамилію.

— Нѣтъ, не знавалъ.

— Не знавали?... Жаль, жаль... Она при Дворѣ... Софья Николаевна... Говорятъ, красавица писаная!... Она *тоже* рязанская... Намъ она приходится троюродной племянницей. Ея родная мать была урожденная...

И старушка, вполнѣ счастливая, что нашла, наконецъ, человѣка, который, какъ ей казалось, можетъ понять и оцѣнить ея фамильную родовитость, съ увлеченіемъ и любовью начала развивать предо мною родословную своей троюродной племянницы.

Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что разныя дворянскія традиціи свойственны, главнымъ образомъ, старому, отживающему поколѣнію панковъ. Что касается молодежи, выросшей въ самарской степи, вдали отъ всего, что могло бы такъ или иначе подогрѣвать дворянскую спѣсь, то она почти совершенно чужда всякаго сословнаго гонора.

Да и до гонора ли тутъ, когда единственная хата съ каждымъ днемъ разваливается все болѣе и болѣе, крыша течетъ, въ избѣ холодъ, гниль и смрадъ, когда хлѣба не хватаетъ и до Святой, а въ черный день никто уже не вѣритъ въ долгъ и рубля?... «Что и за честь, когда нечего ѣсть!...» Удивляться ли послѣ этого, что въ молодомъ поколѣніи панковъ нѣтъ и слѣдовъ какихъ-нибудь дворянскихъ традицій, сословныхъ предразсудковъ и т. п.?

Молодой панокъ радъ-радёшенекъ, если ему удастся жениться на дочери волостного писаря, старшины, торговца, подрядчика, лавочника или даже просто на дочери «справнаго», зажиточнаго мужика. Въ свою очередь и эти послѣдніе также не гнушаются родствомъ съ панкомъ: «тоже вѣдь лестно: что ни говори, а дворянинъ,—хоть и *лапотный*, а дворянинъ!» Но глав-

ною приманкой для мужика въ родствѣ съ панкомъ является земельный участокъ послѣдняго въ шестьдесятъ десятинъ. Этотъ участокъ, съ которымъ панокъ не знаетъ что дѣлать, въ рукахъ мужика — сущій кладъ.

Земельные участки были пожалованы панкамъ подъ условіемъ владѣть ими на правахъ майората; вслѣдствіе этого земля, домъ и все имѣніе переходятъ всегда къ старшему въ родѣ. Въ настоящее время изъ 47 владѣльцевъ на майоратныхъ участкахъ живутъ 45, такъ какъ два участка остались выморочными. Изъ этихъ 45 *только пятеро* сполна обрабатываютъ свои участки; затѣмъ 16 владѣльцевъ обрабатываютъ лишь незначительныя части принадлежащихъ имъ надѣловъ и наконецъ всѣ остальные 24 двора совсѣмъ не ведутъ никакого хозяйства, а всю свою землю сдаютъ въ аренду сосѣднимъ крестьянамъ.

Крайняя нужда заставляетъ панковъ сдавать свою землю за безцѣнокъ на продолжительные сроки: на пять, на шесть, даже на десять и двѣнадцать лѣтъ. Еще недавно они сдавали свои участки за 50 рублей въ годъ, теперь же обыкновенно берутъ по 70 — 80 рублей за участокъ; но выше ста рублей за участокъ аренда никогда не доходитъ. Между тѣмъ мѣстная арендная цѣна за одну десятину колеблется обыкновенно отъ 5 до 8 рублей.

Безхозяйные панки, сдавши свою землю и получивши деньги, большею частью бросаютъ свои жалкія, полуразвалившіяся лачуги и отправляются по бѣлу свѣту искать счастья.

— Куда же они идутъ? — спрашивалъ я у крестьянъ.

— А Богъ ихъ знаетъ!... Извѣстно — шляются...

— Чѣмъ же они живутъ, чѣмъ занимаются?

— А кто-жь ихъ знаетъ!... Который грамотный, тотъ въ писаря нанимается, другой—въ сидѣльцы идетъ, въ кабакъ али въ лавочку... Такъ и промышляютъ... кой-чѣмъ...

Вообще мужики, въ большинствѣ случаевъ, сильно не долюбливаютъ панковъ. Но, сколько я могъ замѣтить, эта нелюбовь не является результатомъ сословной вражды къ привилегированному классу, а вызывается ихъ отношеніями къ этому населенію.

— За что вы не любите панковъ? — спросилъ я однажды Амоса, знакомаго мужика изъ Стараго-Буяна.

— Обижают они нас крѣпко — вотъ за что! — отвѣчалъ Амосъ. — Иной разъ просто грабежъ дѣлаютъ... Разоряютъ на корень.

— Какъ такъ?

— Земли мы беремъ у нихъ. Сами они не охочи пахать, — наровятъ все въ аренду сдать нашему брату-крестьянину: этимъ больше и живутъ. Вотъ тутъ-то они и нажимаютъ!... Пріѣхалъ какъ-то къ панку становой за поземельнымъ. А у того ни алтына за душой, бѣжитъ ко мнѣ: «такой-сякой, сдѣлай милость, выручай!» У меня въ ту пору случились деньги, отдалъ ему 29 рублевъ, да ишо пудъ говядины далъ за землю, стало-быть, на предбудущій годъ... Ладно. По веснѣ ѣду пахать, глядь — полосу-то ужь другой пашетъ... Я къ панку: «какъ же ты, молъ, говорю, землю мнѣ сдалъ, деньги съ меня получилъ, а за мѣсто того другому пахать отдалъ?» — «Ну, говоритъ, видно ужь дѣлать нечего... Хоша я тебя маненичко обнадежилъ, а землю я другому сдалъ и росписку съ нимъ сдѣлалъ, документъ», — говоритъ. — «Ахъ ты, нехристь, говорю, вѣдь ты теперь меня безъ хлѣба оставилъ!» — «Ты, говоритъ, не смѣй меня ругать, потому у меня документъ, а ты — съ пустыми руками... Твои деньги, говоритъ, не пропадутъ, я тебѣ ихъ выплачу опосля́».

— Ну, и что же, уплатилъ?

— Какъ же! Жди съ него... Долгу, говоритъ, дологъ вѣкъ.

— Но вѣдь не всѣ же панки такъ поступаютъ?

— Положимъ, не всѣ, это вѣрно, только есть у нихъ такіе народы — только и думаютъ, какъ бы человѣка провести, да какъ бы сорвать съ него...

И подобные отзывы о панкахъ можно слышать отъ многихъ окрестныхъ крестьянъ.

— Прежде у насъ и слыхомъ не слыхать, чтобы росписки на землю дѣлать, — говорятъ мужики: — все было по совѣсти, честью, по душѣ, по-божьему, — а какъ завелись у насъ панки, такъ и пошли документы, пошли записи разныя. Теперь безъ росписки у панка и десятины нельзя снять: либо онъ ту же землю другому человѣку сдастъ, либо въ другой разъ новыя деньги съ тебя стребуетъ... Вѣдь вотъ какіе Ироды, прости Господи!...

Побывавши въ двухъ-трехъ избахъ панковъ, я поѣхалъ затѣмъ далѣе, на Красные-Дворы. На одномъ изъ луговъ, вблизи отъ дороги, виднѣлись двѣ человѣческія фигуры, занятыя косьбой сѣна.

— Тоже панки,—сказалъ мнѣ ямщикъ, указывая на косцовъ.

Высокій, нескладный мужчина широко, но неловко и неуклюже размахивалъ косою-стойкой; на немъ была бѣлая или вѣрнѣе сѣрая отъ грязи посконная рубаха, старыя штаны изъ синей полинявшей пестряди и лапти, надѣтые на онучи, поднимавшіяся почти до колѣнъ и туго подвязанныя веревками. Въ чертахъ его лица, грубаго, загорѣлаго, заросшаго щетинистою бородой, трудно было подмѣтить слѣды и признаки, которые бы говорили о работѣ мысли; за то нужда положила свою тяжелую печать на впалыя щеки, на сухія, блѣдныя губы, на лобъ, изрытый глубокими морщинами. Не вдалекѣ отъ него сгребала прежде скошенное сѣно женщина съ изнуреннымъ, болѣзненнымъ лицомъ, въ ветхомъ ситцевомъ, высоко подобранномъ, платьѣ, которое она быстро поспѣшила оправить, какъ только замѣтила наше приближеніе.

— Ишь косой-то машетъ!—замѣтилъ про себя ямщикъ, глядя на панка.—Совсѣмъ зря...—И затѣмъ, обращаясь ко мнѣ и кивая головой въ сторону панковъ, какъ-то особенно многозначительно проговорилъ: — Въ лап-тяхъ!...

— Ну, такъ что-жь?

— Да такъ, ничаво... Долго вишь они не хотѣли этихъ самыхъ лаптей одѣвать, все крѣпились,—то-есть, бывало, босые ходятъ, а лаптей не одѣваютъ... Ну, одначе, какъ-никакъ, а одѣли же!... Теперь въ лаптяхъ щеголяютъ не хуже насъ грѣшныхъ.

II.

«Опростившіеся».

Побывавъ у менонитовъ, я возвращался обратно въ Самару; мой путь снова лежалъ чрезъ поселокъ панковъ. Не доѣзжая до него, на станицѣ Красные-Дворы, я встрѣтился на въѣзжей съ однимъ изъ мѣстныхъ земцевъ, г. X., спѣшившимъ въ Самару на какое-то экстренное земское собраніе.

X. извѣстенъ въ средѣ мѣстнаго общества какъ знатокъ края и присяжный говорунъ на всякаго рода оппозиціонныхъ собраніяхъ. Родъ его считался однимъ изъ самыхъ старинныхъ и почетныхъ родовъ самарскаго дворянства. Но въ послѣднее время весьма упорно держится слухъ, что огромное, нѣкогда цвѣтущее, прекрасное имѣніе его пришло въ окончательное раз-

стройство; ходятъ слухи о залогахъ, перезалогахъ, долгахъ, векселяхъ и т. п.

Мы встрѣтились какъ знакомые,—намъ не разъ приходилось передъ этимъ сталкиваться у общихъ знакомыхъ. X. тотчасъ же настоялъ на томъ, чтобъ ѣхать далѣе вмѣстѣ въ одномъ экипажѣ съ нимъ; у него была удобная, покойная коляска, хотя и довольно ветхозавѣтнаго устройства. Въ ожиданіи, пока подадутъ лошадей, мы занялись чаепитіемъ.

— Панковъ видѣли?—спросилъ X. послѣ того, какъ мы обмѣнялись съ нимъ первыми впечатлѣніями, обычными при встрѣчѣ въ дорогѣ.

— Какже, видѣлъ.

— «Всѣ тамъ будемъ!»—многозначительно и мрачно проговорилъ земецъ и вдругъ замолчалъ.

— Какъ такъ?—спросилъ я.

— Очень просто. Что такое панки?—Плоть и кровь наша, это мы сами. Они ужь обнищали, а мы еще кое-какъ держимся, кое-какъ концы съ концами сводимъ. Они захудали вчера, а мы захудаемъ завтра... Вѣрно-съ!... Когда я смотрю на панковъ, на ихъ лачуги жалкія, на выбитыя окна, на лапти, — я каждый разъ думаю: вотъ она — будущность-то наша, будущность русскаго дворянства!... И повѣрите ли, просто мурашки по кожѣ идутъ, какъ вспомню, что можетъ-быть моему же сынишкѣ, моей дочуркѣ придется... придется эти самые лапти на ноги одѣвать...

Въ голосѣ разсказчика звучала нота такой неподдѣльной, искренней грусти и горечи, что мнѣ невольно захотѣлось что-нибудь сказать ему въ утѣшеніе.

— Полноте! Откуда такой пессимизмъ?... Посмотрите, какъ много дворянъ, которые прекрасно ведутъ свое хозяйство.

— Не говорите этого!—горячо перебилъ меня X.—Дворянскія земли у насъ въ Самарской губерніи таютъ какъ воскъ, какъ снѣгъ. Съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ онѣ уплываютъ въ чьи-то загребистыя руки. Это—не фраза. Судите сами: еще въ 1878 году дворянскихъ земель въ нашей губерніи было 2.200.000 десятинъ, а теперь, къ 1881 году, остается лишь 1.900.000 десятинъ... Какъ это вамъ покажется?... Вѣдь это значитъ, что въ теченіе *трехъ лѣтъ* дворянскихъ земель убавилось на 300.000 десятинъ! Развѣ это не ужасно? Развѣ отъ этого нельзя придти въ отчаяніе?...

Собесѣдникъ мой въ волненіи прошелся по комнатѣ, затянулся раза два асмоловскимъ табакомъ и затѣмъ продолжалъ:

— Если въ три года дворянство потеряло 300.000 десятинъ земли, стало-быть ежегодно оно теряетъ по 100.000 десятинъ... Вѣрно?... Такимъ образомъ, если настоящіе порядки продолжатся (а имъ нѣтъ никакихъ причинъ не продолжаться), то меньше чѣмъ чрезъ двадцать лѣтъ всѣ дворянскія земли, до послѣдней десятины, перейдутъ въ руки... ну, Разуваевыхъ, что ли, а о дворянствѣ останется лишь одно воспоминаніе...

Я видѣлъ, что мой собесѣдникъ попалъ на свой излюбленный конекъ; съ каждою минутой онъ воодушевлялся все болѣе и болѣе.

— Нѣтъ, пусть намъ отвѣтятъ, прямо и опредѣленно отвѣтятъ,—продолжалъ онъ,—что намъ дѣлать? Положимъ, я знаю, много есть отвѣтовъ на этотъ вопросъ; но, скажите по совѣсти, развѣ всѣ эти отвѣты — не фразы, не игра въ слова?... Недавно еще на одномъ изъ нашихъ дворянскихъ собраній заявлялись такія рѣчи: «вопросъ дворянства—вопросъ аграрный! Дворянство, молъ, съ каждымъ годомъ теряетъ свою землю, а вмѣстѣ съ ней и свое значеніе, свою силу; такимъ образомъ, дескать, единственно, что можетъ сдѣлать въ настоящую минуту дворянство—это слиться съ народомъ и стать совершенно съ нимъ равноправнымъ!...» Какъ это мило, опредѣленно,—не правда ли? Слейся, молъ, съ «мужичкомъ» и—дѣло съ концомъ!... А между тѣмъ это говорилъ человѣкъ безусловно почтенный, серьезный, достойный всякаго уваженія... И ваши газеты превознесли его за эту рѣчь чуть не до небесъ...

И X. съ укоромъ покачалъ мнѣ головой, какъ будто въ моемъ лицѣ онъ далъ выговоръ всѣмъ русскимъ газетамъ. Но чрезъ минуту онъ снова продолжалъ:

— Нѣтъ, вы посмотрите, какъ эти самые «мужички-то», съ «сѣденькими бородками»,—какъ они землицу-то скупаютъ, какъ они имѣнія свои округляютъ! Вотъ, напримѣръ, *крестьянинъ* Новоузенскаго уѣзда — тоже стало быть «мужичокъ», по фамиліи Кобзарь. имѣетъ въ своемъ уѣздѣ ни больше, ни меньше какъ 50 тысячъ десятинъ, да въ Николаевскомъ еще 10 тысячъ,—итого, стало - быть, ровно шестьдесятъ тысячъ десятинъ землицы... Какъ вамъ это нравится? Вы, можетъ-быть, скажете, что это единственный примѣръ, исключеніе и т. п.?... Такъ вѣдь нѣтъ-съ,—такихъ мужичковъ я вамъ цѣлую прорву насчитаю!...

Пшеничный, напримѣръ, тоже какъ есть крестьянинъ, «мужичокъ», «съ сѣденькою бородкой» и все такое, а у этого «мужичка» 30 тысячъ десятинъ чернозема, да вѣдь какого чернозема—первый сортъ!...

— И вѣдь они на этомъ не останавливаются!—кипятился мой собесѣдникъ,—а все скупаютъ, все округляютъ дальше и больше... Чуть *онъ* услышитъ гдѣ о торгахъ, объ аукціонѣ, о продажѣ, онъ—тутъ какъ тутъ. Приходитъ—чумазый, грязный, засаленный, становится въ уголокъ... Начинается торгъ; объявляютъ оцѣнку: «тридцать тысячъ, молъ,—кто больше?»... Происходитъ состязанье. Землю хочетъ пріобрѣсти князь Г.,—она ему кстати, рядомъ съ его имѣніемъ. Но и скупщики различные, которые какъ вороны слетаются на каждый аукціонъ, не прочь захватить въ свои руки землицу. Догоняютъ цѣну до 50 тысячъ. Тогда скупщики, видя, что князь «взялся не на шутку» и оставить не думаетъ, бросаютъ торговаться. Такимъ образомъ остается одинъ князь. «50.000!—провозглашаетъ заправитель торговъ,—кто больше?» Всѣ молчатъ.—«Кто больше?»—Снова молчаніе. Князь уже считаетъ землю своею. Въ третій, въ послѣдній, разъ провозглашаютъ: «Кто больше?»—«Копѣйка!»—вдругъ раздается изъ угла. Это Пшеничный. Князь раздосадованный неожиданнымъ появленіемъ новаго конкурента и желая сразу раздавить его, говоритъ: «Тысяча рублей!»—«Копѣйка!»—говоритъ Пшеничный. Князь видитъ, что дѣло не ладно, уменьшаетъ кушъ: «Сто рублей!»—говоритъ онъ.—«Копѣйка!»—говоритъ Пшеничный... Наконецъ, только и слышно въ залѣ: «сто рублей!»—«копѣйка», «сто рублей!»—«копѣйка». Князь видимо начинаетъ терять хладнокровіе.—«Тысяча рублей!»—говоритъ онъ,—сильно возвышая голосъ.—«Копѣйка!»—слышится изъ угла.—«Тысяча!»—еще громче говоритъ князь.—«Копѣйка!»—вторитъ Пшеничный... Князь, выведенный изъ себя, заявляетъ, что необходимо удостовѣриться, имѣетъ ли его конкурентъ требуемый закономъ залогъ, на случай еслибы земля осталась за нимъ. Заправитель торговъ обращается къ Пшеничному. «Не сумлевайтесь,—заявляетъ тотъ, ни мало не обижаясь,—денежки при насъ!» Распоясывается, лѣзетъ за пазуху и вытаскиваетъ оттуда грязный-прегрязный, засаленный и вонючій платокъ, въ которомъ оказывается цѣлая груда пачекъ съ радужными бумажками... «Пять тысячъ рублей!»—говоритъ князь, брезгливо оглядывая своего противника.—«Копѣйка!»—какъ эхо отзывается Пшеничный.

укладывая свои деньги.—«Пять тысячъ!»—почти кричитъ князь.—«Копѣйка!»—понижая голосъ, говоритъ Пшеничный. Князь взбѣшенъ.—«Десять тысячъ рублей!»—кричитъ онъ въ азартѣ, не владѣя собой.—«Копѣйка!»—чуть слышно шепчетъ Пшеничный.

— За кѣмъ же осталась земля?

— За чумазымъ!—съ чувствомъ искренняго негодованія отвѣчалъ мой собесѣдникъ.—Князь шелъ до восьмидесяти тысячъ, но чумазый доконалъ его своей копѣйкой. Такъ за восемьдесятъ тысячъ и одну копѣйку взялъ себѣ чумазый землю. Теперь сосѣдъ съ княземъ... И вѣдь какая жадность у этихъ животныхъ къ землѣ! Какъ-то разъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ спрашиваетъ Пшеничнаго: «Зачѣмъ, молъ, тебѣ понадобилось столько земли?»—«Да вотъ, говоритъ, хочу до ста тысячъ десятинъ догнать, а тамъ и брошу,—шабашъ, дескать, довольно съ насъ!» Но на дѣлѣ оказывается, что они и на ста тысячахъ не останавливаются. У Мальцева, напримѣръ,—тоже крестьянинъ,—болѣе ста пятидесяти тысячъ, однако онъ и не думаетъ остановиться на этомъ и опочить на лаврахъ. 150.000 десятинъ—да вѣдь это чуть не цѣлый уѣздъ! Цѣлый уѣздъ составляетъ собственность чумазаго. Гдѣ-нибудь въ Германіи не много найдется владѣтельныхъ князей, которые бы располагали такими имѣніями, а у насъ, изволите видѣть, «мужичокъ»...

— Лошади готовы!—доложилъ хозяинъ въѣзжей.

Чрезъ пять минутъ мы уже выѣзжали изъ села. По обѣ стороны дороги пестрѣли, разбѣгаясь въ даль, длинныя, безчисленныя полосы полей; какъ снѣгъ бѣлѣла греча, а рядомъ съ ней черною полосой лежалъ только-что вспаханный паръ; ярко желтѣлъ подсолнухъ; густою зеленью отливало просо; безбрежное море колосьевъ спѣлой ржи серебрилось.

— Какая прелесть поля-то!—замѣтилъ X., любовно поглядывая по сторонамъ.—А вѣдь по большей части все это чумазаго. Я навѣрное знаю...

— Вы можетъ-быть думаете,—продолжалъ онъ,—что разные Пшеничные, Мальцевы и т. п. господа, будучи сами мужиками, хорошо, по-человѣчески относятся къ крестьянамъ?—Ни чуть не бывало! Этотъ же самый Мальцевъ снимаетъ у казны 6.000 десятинъ земли по 1 рублю 25 коп. за десятину, а отдаетъ крестьянамъ, своимъ собратьямъ-мужичкамъ, *по десяти* рублей за десятину... Вотъ вамъ и солидарность интересовъ!... Но что всего ужаснѣе въ этомъ, отъ чего дѣйствительно можно

съ ума сойти, такъ это то, что сами «мужички», которыхъ на всѣ лады объегориваетъ какой-нибудь Мальцевъ, относятся къ нему несравненно лучше, чѣмъ къ любому изъ тѣхъ добродѣтельныхъ и либеральныхъ помѣщиковъ, которые толкуютъ о «сліяніи» и искренно желаютъ мужику всего хорошаго...

Вскорѣ показались первые домики панковъ.

— Вотъ они «опростившіеся» дворяне!—сказалъ мой спутникъ, указывая на стоявшаго у одного изъ домиковъ панка, одѣтаго въ какое-то странное, рваное рубище.—И къ чему это вздумали у нихъ майоратъ ввести!... Захотѣли, изволите видѣть, англійскіе порядки въ Самарской губерніи вводить. Ну, понятно, что вышло чортъ знаетъ что такое!... Вы вотъ поразились той нуждой, какую видѣли у панковъ; но что бы вы сказали, еслибъ вы увидали семейства тѣхъ младшихъ братьевъ изъ нихъ, которые, благодаря майорату, остаются безъ земли, безъ хаты, безъ хлѣба,—словомъ, круглыми бездомными пролетаріями, нищими въ полномъ значеніи слова?

— А много такихъ семействъ?

— По статистикѣ считается пятьдесятъ семей. Если положить только по четыре души на семью, то и тогда получимъ двѣсти человѣкъ нищихъ. И это—прямой результатъ майората.

— Куда же дѣваются всѣ эти несчастные?

— Ну, этого и статистики не знаютъ... Мнѣ приходилось встрѣчать такихъ панковъ батраками у крестьянъ, ямщиками на станціяхъ... Впрочемъ, необходимо замѣтить, что и «хозяйные» панки живутъ гораздо хуже крестьянъ... Не правда ли, это странно?... Но тѣмъ не менѣе это такъ. У большинства изъ панковъ одна лошадь, одна корова. Всего же на все лошадей у панковъ считается (по статистикѣ) 67 штукъ и 58 коровъ, тогда какъ крестьяне на то же самое количество земли держатъ 700 лошадей, 500 коровъ, да кромѣ того каждый крестьянскій дворъ имѣетъ еще овецъ отъ 10 до 20 штукъ. И все это при надѣлѣ *пяти* десятинъ на душу!... А посмотрите хозяйство панковъ, засѣвы ихъ. У насъ въ Самарской губерніи вездѣ трехпольное хозяйство, у панковъ же только у весьма немногихъ вы встрѣтите такое хозяйство, а большею частью однопольное, т.-е. вся земля, какая есть, засѣвается ежегодно!... Какъ видите, ужь очень просто. Сами панки объясняютъ жалкое состояніе своего хозяйства невозможностью пользоваться тѣми выго-

дами, какія имѣютъ крестьяне съ ихъ общественными порядками. Я знаю, насколько это справедливо... А вѣдь, замѣтьте, все это потомки кровнаго, столбового дворянства; спросите ихъ фамиліи: все это — Шаховы, Чернышевы, Ромодановскіе и проч. и проч... Теперь же они ничѣмъ не отличаются отъ мужика; ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніяхъ они отнюдь не стоятъ выше мужика. Скорѣе можно утверждать противное. Во время земскихъ выборовъ панки за водку дѣлаютъ все, что угодно...

Мой спутникъ какъ-то вдругъ, разомъ, смолкъ.

— Стой, стой! — крикнулъ онъ ямщику, лихо гнавшему тройку.

Ямщикъ придержалъ лошадей.

— Что такое?—спрашиваю я.

— Смотрите, смотрите, — шепталъ X., впиваясь глазами куда-то вдаль.

Высокая, стройная фигура молодой дѣвушки медленно двигалась по дорогѣ на встрѣчу намъ, по направленію къ одному изъ стоящихъ по близости домиковъ. Вотъ она уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ. Какая-то грубая дерюга облегала ея молодыя, пышныя формы. Она была босая, съ непокрытою головой. Красивыя, стройныя ноги ея были въ пыли и въ грязи; обнаженныя до локтя, изящныя руки съ маленькою породистою кистью придерживали коромысло, которое она несла на плечѣ съ двумя ведрами воды. Она сошла съ дороги и пріостановилась на минутку, чтобы поправить коромысло. Предъ нами была юная, цвѣтущая красавица. Тонкія черты лица оживлялись взглядомъ большихъ, глубокихъ, темно-синихъ глазъ, свѣтящихся изъ - подъ длинныхъ изогнутыхъ рѣсницъ; загаръ не скрывалъ нѣжности кожи и прекраснаго цвѣта лица. Замѣтивъ насъ, она вдругъ сконфузилась, густой румянецъ залилъ ея лицо; поправивъ наскоро коромысло и низко потупивъ голову, она направилась къ домику, стараясь шагать осторожно, чтобы не расплескать воды.

— Волоса-то, смотрите—волоса-то,—говорилъ X., провожая взглядомъ красавицу,—словно пѣна морская!... Это дочь панка. Я знаю ея отца: несчастный, бѣднякъ, нищій... Вы замѣтили ноги ея—въ глинѣ, въ грязи?... А глаза-то!... Господи, бѣдная ты, бѣдная!—съ чувствомъ закончилъ мой спутникъ.

— Пошелъ!... Живо!—крикнулъ онъ ямщику.

— Этакую барышню бы въ Питеръ, въ бельэтажъ, на балъ, въ модное ландо!... А она можетъ-быть сейчасъ въ хлѣвъ пойдетъ — корову доить, навозъ убирать... Боже, да что-жь это такое?!...

Спутникъ мой замолчалъ и вплоть до Стараго-Буяна хранилъ упорное молчаніе.

А. Борецкой.

Наука и женщины.

Эдвиги Домъ.

(переводъ съ нѣмецкаго.)

VI *).

Возвратимся къ г. фонъ-Бишофу. Основаній, на которыхъ онъ строитъ свою теорію, долженствующую отпугнуть женщинъ отъ медицинской науки, *пять*. Вотъ онѣ: 1) *возбужденіе чувства отвращенія,* 2) *нарушеніе стыдливости,* 3) *болѣзненность женщины,* 4) *грубость студентовъ и* 5) *неавторитетность женщины.*

Такъ какъ я пламенно желаю служить новому порядку, рѣшительно несогласному съ воззрѣніями г. фонъ-Бишофа, то я не имѣю никакой возможности оставить безъ опроверженія его главныя основанія, относящіяся къ физической жизни женщины.

1. *Медицинскія занятія возбуждаютъ отвращеніе.*

«Всякій мужчина,—говоритъ г. фонъ-Бишофъ,—долженъ имѣть великое уваженіе къ цѣли и въ высокой степени обладать силой абстракціи средствъ, чтобы быть въ состояніи побѣдить отвращеніе къ трупу и къ занятіямъ съ нимъ. Но побѣдить это отвращеніе—обязанность и задача мужчинъ. Для женщины это невозможно, или оно служитъ признакомъ чрезвычайной грубости чувства и характера. И это должны быть тѣ существа, которыя рекомендуются больнымъ, какъ гуманные и сострадательные врачи. Это—оскорбленіе и грѣхъ противъ природы, въ моихъ глазахъ столько же непростительный, сколько грѣхъ противъ Святого Духа».

---

*) *Русская Мысль,* кн. XI.

Въ другомъ мѣстѣ г. фонъ-Бишофъ, напротивъ, утверждаетъ, что женщины очень способны ухаживать за больными и отъ природы превосходныя сидѣлки.

Я спрашиваю самыхъ нѣжныхъ изъ моихъ сестеръ: еслибы вамъ предоставили свободный выборъ, что бы вы лучше сдѣлали: вы согласились бы лучше у живого человѣка вымывать его гнойныя и кровавыя язвы, въ то время, какъ его стоны раздираютъ вамъ уши,—или на мертвомъ тѣлѣ изслѣдовать жилы, мускулы и кости съ научною цѣлью?

Я предпочла бы послѣднее; но о вкусахъ не спорятъ.

Статься можетъ, г. фонъ-Бишофъ скажетъ, что у одра болѣзни милосердіе и любовь къ человѣчеству помогаютъ женщинѣ превозмочь отвращеніе.

Я отвѣчу на это вотъ что. Всеобщая любовь къ человѣчеству есть самая абстрактная, самая возвышенная изъ всѣхъ добродѣтелей; и если женщина въ состояніи дѣйствовать подъ ея вліяніемъ, то она будетъ обладать такою же силой абстракціи, какъ и любой глупый малый (или всѣ слушатели вашихъ лекцій по анатоміи поголовно даровитые юноши?), которому «возвышенность предположенной цѣли» даетъ возможность преодолѣть отвращеніе къ трупу.

Доколѣ г. фонъ-Бишофъ не можетъ гарантировать сидѣлкѣ, что солдатъ, переданный ея попеченію, будетъ настолько обладать чувствомъ приличія, что дозволитъ себя ранить лишь въ верхнюю часть тѣла; доколѣ каждый паціентъ госпиталя, одержимый сколько-нибудь неприличной болѣзнью, не будетъ обязанъ обходиться безъ сидѣлки; доколѣ ей не будетъ любезно предложено небольшое ведро eau de cologne для ежедневнаго потребленія, — дотолѣ я позволяю себѣ думать, что у одра болѣзни настолько же оскорбляется чувство стыдливости и возбуждается отвращеніе, насколько въ этомъ обвиняется секціонный столъ.

И почему же, скажите, акушерки должны непремѣнно притупить свои нѣжныя чувства, а кухарки и женщины, торгующія мясомъ или дѣйствующія метлой въ зловонныхъ мѣстахъ,—нѣтъ?

Я убѣждена, еслибы поденный гонораръ сидѣлки равнялся 10-ти золотымъ, такъ не было бы въ мірѣ занятія менѣе свойственнаго женщинѣ, нежели это; ни одно не оскорбляло бы столько женскую стыдливость, не возбудило бы сильнѣйшаго отвращенія и, по обычной благосклонности, никогда болѣе не возла-

гали бы на слабую женщину столь тяжкой обязанности, какъ уходъ за больными!

Руку на сердце, г. фонъ-Бишофъ, что бы вы сдѣлали съ вашей кухаркой, которая отказывалась бы рѣзать угря, къ которому вы питаете слабость, и вздумала бы извиняться передъ вами своими нѣжными чувствами? Неужто вы не прогоните этой вашей кухарки именно вслѣдствіе такой умилительной нѣжности ея чувствъ и не замѣните ее другой, болѣе жестокосердой?

Когда кухарка, г. фонъ-Бишофъ, не считаетъ нужнымъ падать въ обморокъ передъ трепыхающейся курицей или рыбой, чтобы доказать свои женскія чувства, когда вы оставляете въ покоѣ повивальныхъ бабокъ, мясоторговокъ, сидѣлокъ etc., не тревожа ихъ своею полемикою,—то не проклинайте же и женщину-врача за то, что она владѣетъ здоровыми нервами,—за то, что она своей энергіей, нравственною силой и, вѣроятно, также силою привычки умѣетъ заглушать извѣстныя чувства и побужденія, которыя безполезны и для нея, и для другихъ людей.

Вы смѣшиваете двѣ различныя стороны дѣла: слабые нервы или нѣжныя чувствованьица съ истинными благородными чувствами, вытекающими изъ всего строя міросозерцанія и не состоящими въ вибраціи лишь той или другой пары нервныхъ волоконъ.

Въ виду этого положенія, вы навѣрное не сочтете меня за женщину съ нѣжными чувствами и подумаете, что у меня характеръ мужчины; и, однако, я могу васъ увѣрить, что уже одинъ взглядъ на мертвую мышь наполняетъ меня ужасомъ; мало того, чувство отвращенія такъ легко возбуждается во мнѣ, что мнѣ дѣлается дурно, когда я вижу свѣтлую капельку подъ носомъ ребенка.

Но вамъ, г. фонъ-Бишофъ, нѣтъ надобности, вслѣдствіе этого, почесть меня за «прекрасную душу». Это столь сильная отзывчивость чувства не есть симптомъ болѣзненныхъ нервовъ, и эта виртуозность чувства отвращенія, эта нѣжность ничего болѣе мнѣ не приносили, кромѣ насмѣшекъ или, въ лучшемъ случаѣ, состраданія со стороны серьезныхъ и солидныхъ людей.

Справедливо то, что милыя дамы общества, истомленныя тысячью и однимъ романомъ и снабженныя всѣми обычными аттрибутами нѣжныхъ чувствъ—нервными болями, косметиками, кружевами, вѣерами et tutti quanti, большею частью, при видѣ секціоннаго стола, упадутъ въ обморокъ. Но эти же самыя деликат-

ныя чувства, при случаѣ, не помѣшаютъ имъ утонченнымъ кокетствомъ мучать вѣрное и преданное сердце или гнусною клеветой разрушить счастье жизни одной изъ самыхъ достойныхъ сестеръ своихъ.

Не безпокойтесь, милыя дамы, подобные маленькіе салонные грѣшки не скомпрометтируютъ вашей нѣжной женственности до тѣхъ поръ, пока мужчины рѣшаютъ, что̀ женственно и что̀ не женственно.

Впрочемъ, если г. фонъ-Бишофъ совершенно серьезно и вполнѣ искренне хлопочетъ о сохраненіи или возстановленіи нѣжныхъ чувствъ женщины, то я обращу его вниманіе на такое поле, гдѣ онъ можетъ величественно и широко развернуть свое рыцарское знамя.

Сотни двѣ женщинъ-врачей, уже по причинѣ оной своей малочисленности, не могутъ произвести значительнаго изъяна въ мірѣ женскихъ нѣжныхъ чувствъ.

Хотите ли знать, что искореняетъ нѣжныя чувства до послѣднихъ фибръ, истребляетъ безвозвратно?

Это—бѣдность!

Изъ ста проститутокъ 99 лишились своихъ деликатныхъ чувствѣ въ интересѣ своего желудка.

Даже и о дантисткахъ г. фонъ-Бишофъ не хочетъ ничего знать.

«Положимъ, — говоритъ онъ, — женщина обладаетъ силой, увѣренностью и спокойствіемъ въ своихъ движеніяхъ настолько, что она въ состояніи выполнять зубныя операціи; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не признать, что эти послѣднія требуютъ извѣстной степени грубости и безчувственности, которая еще *простительна мужчинѣ,—ибо мы отъ него ничего другого и не ожидаемъ,*—въ женщинѣ же производитъ самое шокирующее и, можно сказать даже, самое отвратительное впечатлѣніе».

Никто не думаетъ, г. фонъ-Бишофъ, раздѣлять ваше снисхожденіе къ грубости и безчувственности мужчинъ! Каждый паціентъ, чуть только прослышитъ что-нибудь похожее на эти «естественныя» свойства врача, вышвырнетъ его за дверь. Я столько же презираю грубаго и безчувственнаго мужчину, сколько грубую и безчувственную женщину, и это, кромѣ васъ, дѣлаетъ всякій.

Я не могла безъ смѣха читать вышеприведенное мѣсто. Я при этомъ вспомнила о нашей первой берлинской дантисткѣ, о

маленькой, чрезвычайно нѣжной и слабой женщинѣ, дочери Тибуртіуса, которая столь недавно, при помощи усыпленія, съ такою ловкостью выдернула у меня громадный коренной зубъ. Не забудьте, г. фонъ-Бишофъ, въ бытность вашу въ Берлинѣ, посѣтить эту достойную даму и превосходнаго зубного врача*). Вѣдь вы нуждаетесь въ примѣрахъ для иллюстраціи вашихъ теорій.

«Какая женщина,—спрашиваетъ г. фонъ-Бишофъ,—въ состояніи выполнить операцію?»

Г-нъ анатомъ, думаете ли вы на самомъ дѣлѣ, что зубной врачъ, чтобы выдернуть зубъ, нуждается въ большей мышечной силѣ, нежели танцовщица въ силѣ ногъ, чтобы производить свои воздушные скачки? И вы не изрекаете анаѳемы противъ этихъ ногъ?

Да и прачка, которая стираетъ съ трехъ часовъ ночи вплоть до слѣдующаго вечера, должна имѣть больше мышечной силы, нежели врачъ при хирургической операціи. Почему же вы позволяете этимъ рукамъ и ногамъ тратить столько физической силы?

А канатная танцовщица съ своими стальными мускулами?... Разите же вашими громами эту живую пружину, которая можетъ надѣлить своей мускульною силой полдюжину ординарныхъ профессоровъ.

Эти дамы, въ глазахъ мужчинъ, являются осѣненными ореоломъ восхитительной женственности (за исключеніемъ, разумѣется, прачекъ), и — «anathema sit», при взглядѣ на нихъ, расплывается въ улыбку восторга. Эти женщины выполняютъ все, что мужчины обыкновенно требуютъ отъ *прекраснаго* пола: *онѣ забавляютъ ихъ!*

2. Другое основаніе противъ изученія женщинами медицины—*поврежденіе стыдливости*.

«Какъ вѣрно,—замѣчаетъ г. фонъ-Бишофъ,—что женскій полъ, отъ природы, благонравнѣе, стыдливѣе и цѣломудреннѣе мужского, такъ вѣрно и то, что необходимое пренебреженіе и игнорированіе этихъ свойствъ женскаго характера, которое влечетъ за собою занятіе медициной, уже само по себѣ есть безусловное проклятіе этой безнравственной затѣи нашего времени».

---

*) Г-жа Генріэтта Тибуртіусъ (урожд. Гиршфельдъ) получила свое спеціальное образованіе въ филадельфійской коллегіи и тамъ же достигла докторской степени. Она въ короткое время пріобрѣла огромный успѣхъ на своей родинѣ и въ настоящее время помощи ея ищутъ преимущественно женщины высшаго берлинскаго общества, въ особенности для пользованія дѣтей. *Прим. перевод.*

Я, просто, перифразирую это положеніе и говорю: Какъ вѣрно то, что женскій полъ отъ природы благонравнѣе, стыдливѣе, цѣломудреннѣе, нежели мужской и т. д., такъ вѣрно и то, что мы должны изречь безусловное проклятіе тому безнравственному обыкновенію многихъ вѣковъ, которое допускало мужчинъ къ лѣченію женскихъ болѣзней.

Daily News, въ апрѣлѣ 1860 года, сообщилъ слѣдующій фактъ. Въ одномъ городѣ Страфордшира, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, миссъ Гарріетъ Кордонъ просила должности въ регистратурѣ рождаемости и смертности. Она добилась того, что ее записали на ваканцію, требовавшую не болѣе трехъ кандидатовъ. Но одинъ священникъ горячо протестовалъ противъ ея назначенія, указывая, между прочимъ, на то, что, при исполненіи своей обязанности, она принуждена будетъ слушать грубыя слова. Ея защитникъ тщетно возражалъ, что она, главнымъ образомъ, будетъ имѣть дѣло съ родильницами; но мнѣніе священника взяло верхъ и миссъ Кордонъ получила отказъ.

Стыдливой женщинѣ должно быть невыносимо толковать въ дѣловомъ тонѣ съ другими женщинами о половыхъ отношеніяхъ! Но, натурально, ея стыдливости не наносится никакого ущерба, когда ее принуждаютъ толковать о такихъ вещахъ съ мужчинами, памятуя, конечно, что въ этомъ случаѣ мужчины не остаются въ убыткѣ.

Г. фонъ-Бишофъ совершенно увѣренъ въ томъ что «иная женщина гораздо охотнѣе открываетъ свои секретныя болѣзни, какъ это обыкновенно называла старая медицина, мужчинѣ, чѣмъ женщинѣ». Только безстыдная женщина можетъ позволить себѣ такую удивительную откровенность. Такой человѣкъ, какъ г. фонъ-Бишофъ, стоитъ рѣшительно выше всякаго подозрѣнія въ знакомствѣ съ такою женщиной и мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что почтенному профессору эти смѣлыя слова были внушены только его геніемъ... Но я все-таки сомнѣваюсь.

Я была повѣренной многихъ больныхъ женщинъ и знаю, сколько печали и слезъ стоило даже женщинамъ съ сильнымъ характеромъ прежде, чѣмъ онѣ приходили къ рѣшенію—посовѣтоваться съ докторомъ.

Громадное большинство женщинъ предпочитаетъ медленную смерть изслѣдованіямъ врача.

Одна дама, которая въ бостонскомъ госпиталѣ изучала женскія и дѣтскія болѣзни, доказываетъ, что весьма часто грубыя

женщины изъ низшихъ классовъ на вопросъ, почему онѣ, страдая застарѣлою болѣзнью, прежде не прибѣгали къ помощи врача,—отвѣчали: «Какъ? Вѣдь я не могла съ своею болѣзнію обратиться къ мужчинѣ!... Но я до сихъ поръ не знала, что женщины занимаются такими вещами (did this work)»*). Лишь въ скоротечныхъ болѣзняхъ женщины спѣшатъ посовѣтоваться съ врачомъ. Изабелла Кастильская умерла, стыдясь довѣриться врачу **).

*) Дама эта—миссъ *Джекъ-Блэкъ*; фактъ этотъ сообщенъ ею въ вышеупомянутой брошюрѣ. Тамъ же она разсказываетъ и слѣдующій случай: „Нѣсколько времени тому назадъ три женщины, изъ совершенно различныхъ слоевъ общества, обратились къ намъ (т. е. къ самой миссъ Блэкъ) за медицинскою помощью; но такъ какъ въ Эдинбургѣ мы не имѣли права лѣчить, то и принуждены были отказать имъ, совѣтуя обратиться къ доктору-мужчинѣ. И всѣ эти три женщины, побуждаемыя стыдливостью, не рѣшились воспользоваться нашимъ совѣтомъ и остались безъ медицинской помощи".

Прим. перев.

**) Въ Индіи настоятельно требуютъ женщинъ врачей для оказанія помощи женщинамъ и дѣтямъ (*Delhi Gazette* 1866 г.). Въ этой странѣ существуетъ обычай держать знатныхъ дамъ почти въ заточеніи, и онѣ готовы скорѣе умереть, чѣмъ обращаться за помощью къ доктору-мужчинѣ (*The Queen*. 8 june 1872). Правительство Англіи уже распорядилось о подготовленіи туда женской врачебной миссіи. Какъ доказательство искренняго желанія индійскихъ женщинъ пользоваться помощью медиковъ-женщинъ, мы можемъ разсказать слѣдующій фактъ. Одна дама, обладавшая нѣкоторыми свѣдѣніями въ медицинѣ, но не имѣвшая медицинскаго диплома, была отправлена нѣкоторымъ обществомъ въ Индію (декабря 1870 г.). *Treasurer F. B. Winter* разсказываетъ, что ее тамъ буквально осадили больныя и что сама она посѣщала на дому знатныхъ дамъ (zenanas). Со временемъ число визитовъ ея еще больше увеличилось; ей приходилось дѣлать въ день, среднимъ числомъ, до 17-ти визитовъ на дому, а въ больницу, устроенную ею съ большимъ стараніемъ дать больнымъ уединеніе, приходило больныхъ вдвое болѣе. Докторъ de Bareilly, въ 1870 г., учредилъ въ Индіи медицинскую школу для приготовленія женщинъ-врачей и принималъ всѣхъ, безъ различія вѣроисповѣданія. Нѣкоторыя изъ обучающихся въ школѣ уже занимаются практикой. Имъ преподаются: химія, медицина и акушерство; спеціально же ихъ приготовляютъ къ умѣнью лѣчить дѣтскія болѣзни. Индійское племя высказало свое сочувствіе къ этому дѣлу въ лицѣ набоба рампурскаго, который подарилъ г. Bareilly прекрасное каменное зданіе для помѣщенія школы (*British Medical Journal*, 25 may 1872). По словамъ одного англійскаго журнала, лѣтъ 8 или 10 тому назадъ, дикія племена Азіи, подвластныя Россіи, заявили русскому правительству о своемъ желаніи имѣть у себя опытныхъ акушерокъ. Киргизы въ своихъ требованіяхъ пошли далѣе. Они подали прошеніе о томъ, чтобы, предназначенныя для лѣченія ихъ женщинъ, акушерки обучались вмѣстѣ съ тѣмъ и другимъ отраслямъ медицины. Одна изъ этихъ акушерокъ тотчасъ же сообщила киргизамъ о своемъ твердомъ желаніи изучать медицину основательно и просила ихъ выхлопотать ей у правительства разрѣшеніе поступить въ медико-хирургическую академію, въ чемъ и успѣла, благодаря протекціи одного вліятельнаго лица. Пригласившіе эту женщину киргизы внесли извѣстную плату за ея обученіе въ академіи и вообще поддерживали матеріально, даже асси-

Ничто, кажется мнѣ, не развращаетъ такъ нашей фантазіи, какъ этотъ фальшивый стыдъ, эта клевета на природу, которая набрасываетъ соблазнительное покрывало таинственности на все, что естественно и просто-человѣчно. Не всегда женщины стыдятся изъ чувства стыдливости. Во всякомъ случаѣ, было бы желательно, чтобы воспитаніе женщинъ было сильнѣе направлено на развитіе въ нихъ, вмѣсто гнусныхъ чувствованьицъ и вѣтреннаго образа мыслей, той благородной стыдливости, которую мы зачастую вовсе не находимъ въ женщинѣ.

Боятся замарать душу женщины прикосновеніемъ науки? Нашему юношеству спокойно даютъ въ руки греческихъ и римскихъ писателей — произведенія Аристофана и Платона, толкующія о такихъ вещахъ, о которыхъ и языкъ не повернулся бы у самыхъ фривольныхъ и дерзкихъ писателей новѣйшихъ вѣковъ.

Исходятъ изъ того положенія, что никто не имѣетъ права лишать юношество того, что можетъ обогатить его духъ и расширить его умственный горизонтъ, и что добродѣтель, которая уступаетъ передъ всякимъ соблазномъ, не имѣетъ никакой цѣны.

Это «noli me tangere», служащее девизомъ женскому міру, это милое невѣжество и полная неприкосновенность души, которую требуютъ отъ женщины (изъ эстетическихъ ли, или изъ чувственныхъ мотивовъ, объ этомъ я умолчу), ни въ какомъ случаѣ нельзя сохранить, по крайней мѣрѣ, въ умной женщинѣ, иначе вы не должны допускать, чтобъ она одна прошлась хотя бы до угла первой улицы; вы должны спрятать ее подъ колпакъ, чтобы застраховать отъ вѣянія времени, отъ знанія и жизни.

Пока незнаніе физическихъ законовъ будетъ почитаться щитомъ женской добродѣтели, до тѣхъ поръ мы не будемъ стоять выше поклоненія гарему.

Во всѣ вѣка мы находимъ безстыдныхъ женщинъ. Онѣ почти всѣ безъ исключенія принадлежатъ къ высшимъ кругамъ общества, къ кругамъ элегантныхъ, ничѣмъ не занятыхъ дамъ; и онѣ самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываютъ намъ, что бездѣльная жизнь почти всегда деморализуетъ добрые нравы.

новали особую сумму, потребовавшуюся на поѣздку ея за границу. „Женщины-медики“, Джекъ-Блэкъ, стр. 24 и 25. — Не *Кашеварова* ли (Руднева), бывшая стипендіаткою *башкирскаго*, а не киргизскаго народа?

Прим. перев.

И между многими американскими врачами-женщинами нѣтъ ни одного примѣра безнравственной креатуры; и эти женщины безстыдны лишь настолько, что позволяютъ себѣ участвовать въ «безнравственной затѣѣ нашего времени», вѣроятно, также въ ущербъ карману медиковъ-мужчинъ.

Если хотятъ сохранить чистоту домашняго очага, то пусть женщины раздѣляютъ идеальные интересы времени, пусть черпаютъ изъ животворящаго источника знаній, пусть также заглядываютъ въ область искусства. Кто оріентируется въ царствѣ искусства и науки, тотъ, я убѣждена, не можетъ слишкомъ потерпѣть въ нравственномъ отношеніи.

3. Третій аргументъ противъ изученія женщинами медицины— *грубость студентовъ*.

Г. фонъ-Бишофъ говоритъ: «Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что женская часть слушателей постоянно будетъ подвергаться столкновеніямъ съ мужскою частью... Но студентки либо сразу будутъ уступать нападеніямъ со стороны мужской части слушателей, либо окажутъ имъ сопротивленіе — и тогда неизбѣжно вызовутъ непріязнь, оскорбленія, насмѣшки etc.»

Миссъ Путманъ — первая женщина, допущенная студенткою въ парижскую медицинскую школу — пишетъ: «Ни малѣйшія столкновенія не имѣли мѣста, во время моего студенчества, въ аудиторіяхъ университета; никакія затрудненія не возникали между мною и молодыми людьми не только на лекціяхъ, но и въ госпиталяхъ, въ читальняхъ, лабораторіяхъ и т. д. Со мною всегда обходились столько же дружественно, какъ и учтиво».

Одна молодая дама, которая въ настоящее время слушаетъ лекціи въ Цюрихскомъ университетѣ, описываетъ отношенія студентовъ къ дамамъ въ высшей степени дружественными, любезными и благопристойными.

Въ отвѣтъ на оффиціальный запросъ, деканъ медицинскаго факультета пишетъ: «Съ 1867 года женщины, по правилу, допущены въ число матрикулированныхъ студентовъ Цюрихскаго университета и пользуются всѣми привилегіями настоящихъ civium academicorum. Насколько мы знаемъ, этотъ опытъ никоимъ образомъ не повредилъ интересамъ университета. Женщины, которыя и до настоящаго времени посѣщаютъ университетъ, выказали большой тактъ и прилежно занимаются науками».

Обратите вниманіе: прежде сказано было, что изучающій медицину долженъ обладать силой абстракціи, чтобы «быть въ со-

гояніи, въ виду предположенной цѣли, побѣдить отвращеніе къ жасамъ анатоміи».

Увы, вдругъ «абстракція и высокая цѣль» не по-нутру прились и самому г. фонъ-Бишофу, и дѣло мигомъ получаетъ дрой оборотъ: пара прелестныхъ глазъ заставляетъ студентовъ пуститься съ абстрактныхъ высотъ въ конкретный міръ грѣшыхъ вожделѣній...

И добрые люди не называютъ угнетеніемъ женщинъ, когда и закрываютъ этимъ послѣднимъ двери университета потому динственно, что нѣсколько студентовъ узрятъ въ нихъ новые ъекты для изліянія своей грубости.

Г. фонъ-Бишофъ многократно повторяетъ, что идеализмъ студнтовъ окончательно погибнетъ, когда женскій полъ появится въ удиторіяхъ. Хорошъ идеализмъ, обладатели котораго не стыдятся клеветать и насмѣхаться надъ беззащитными созданіями за то, го тѣ отплевываются и открещиваются отъ ихъ распутныхъ поползновеній!...

Я не могу придти въ себя отъ удивленія, что учащаяся молодежь равнодушно переноситъ оскорбленія, которыя профессоръ наноситъ своей психологической діагнозой.

А эти загадочныя женщины, эти сфинксы,—нѣтъ, эти медуи науки,—предъ которыми коченѣетъ всякій идеализмъ, лишь лько онѣ являются на порогъ университета, домой же (по обимъ отзывамъ) вносятъ и идеализмъ, и поэзію, и все прекрасе и возвышенное?!...

4. Четвертое основаніе: *женщинамъ мѣшаетъ заниматься едицинскою практикой состояніе ихъ здоровья.*

Само собою разумѣется, здѣсь на первый планъ выставляют беременность и роды.

Въ Германіи среднее число рожденій въ семьѣ, если мнѣ ѣрно сообщили, равняется 3—4.

У женщины низшихъ сословій разрѣшеніе отнимаетъ, въ высей мѣрѣ, недѣлю времени.

Для хорошо-обставленной женщины мы будетъ считать, соасно предписаніямъ врачей, каждое рожденіе въ 6 недѣль,— :ало-быть, на человѣческую жизнь придется около полугода.

Что женщины, въ этихъ случаяхъ, охотно заступятъ другъ руга—безспорно.

Это полугодіе можетъ нанести такой же ущербъ занятіямъ женины, какой возвратный ревматизмъ причиняетъ занятіямъ мужины.

Были превосходные министры, которые ежегодно, въ теченіе десятковъ лѣтъ, страдали ревматическими болями, но при этомъ управляли цѣлою страной. Князь Бисмаркъ каждый годъ, вслѣдствіе припадковъ невралгіи, принужденъ нѣкоторое время провести въ Варцинѣ, и никто, по этой причинѣ, не будетъ считать его неспособнымъ къ государственной службѣ.

Признаюсь, этотъ доводъ кажется мнѣ болѣе комичнымъ, нежели серьезнымъ... И какой ужасною жестокостью дышетъ онъ! Женскій полъ терпитъ страданія и болѣзни для рожденія человѣчества. И какая же ей благодарность?—Порабощеніе!

Работница трудится въ потѣ лица своего до самой минуты разрѣшенія, а дама до послѣдней минуты забавляется. Она дѣлаетъ и принимаетъ визиты, она выѣзжаетъ и вообще неизмѣнно сохраняетъ свой обыкновенный образъ жизни.

У особенно болѣзненныхъ организацій состояніе беременности, конечно, сопровождается самыми печальными явленіями. Но эти болѣзненныя организаціи суть *искаженіе природы*, суть лишь продуктъ нашей общественной неурядицы, устраненіе которой—именно цѣль наша.

Но даже въ самыхъ печальныхъ случаяхъ серьезное, возбуждающее занятіе (я знаю это по личному опыту) служитъ для подобныхъ страдалицъ единственнымъ утѣшеніемъ.

Съ состояніемъ беременности г. фонъ-Бишофъ связываетъ такой ужасающій аргументъ, который долженъ всякаго, непривыкшаго къ грязнымъ воззрѣніямъ, ввергнуть въ величайшее изумленіе. Онъ говоритъ: «Какое непріятное, отталкивающее и непристойное впечатлѣніе должна производить женщина-медикъ во время беременности своей у постели больного и у операціоннаго стола!» И нѣсколько строкъ далѣе: «Все это такъ безсмысленно, такъ отвратительно и противоестественно, что, кажется, самая далекая мысль объ этомъ должна отнять всякую возможность выступить на подобный путь».

Появленіе беременной женщины въ комнатѣ больного наполняетъ г. фонъ-Бишофа желчью и отвращеніемъ.

Что же тутъ отвратительнаго?... Г. фонъ-Бишофъ можетъ здѣсь имѣть въ виду лишь двѣ вещи:

Либо появленіе такой женщины возбуждаетъ смѣхъ и отвращеніе черезъ посредство представленія, что она въ утробѣ своей носитъ новую жизнь, которую должна родить на свѣтъ Божій. На кого подобное представленіе производитъ подобное дѣйствіе,

готъ виновенъ въ богохульствѣ. Вообще взглядъ на беременную женщину возбуждаетъ во всѣхъ людяхъ (за исключеніемъ г. фонъ-Бишофа), даже въ грубыхъ субъектахъ, чувство симпатіи и уваженія. Достойная женщина ничего не теряетъ въ своемъ достоинствѣ, будучи беременна; напротивъ того, даже недостойной подобное состояніе придаетъ нѣкоторую тѣнь достоинства.

Либо—и это именно то, что г. фонъ-Бишофъ имѣлъ въ помышленіяхъ—появленіе женщины, находящейся въ интересномъ положеніи, вредитъ чувству прекраснаго окружающихъ, нарушаетъ ихъ эстетическое наслажденіе.

Ей-Богу, я не могу себѣ вообразить ничего такого, что бы производило столь безразличное впечатлѣніе на паціентку, какъ прекрасныя формы тѣла ея врача-женщины! Г. профессоръ запамятовалъ, что женщины хотятъ лѣчить лишь женщинъ же и дѣтей, а не мужчинъ.

И не пришлось ли бы, г. фонъ-Бишофъ, исходя отъ этой эстетической точки зрѣнія, всѣхъ мужчинъ, которые имѣли дерзость въ формахъ своего тѣла уклониться отъ своего образца, Аполлона Бельведерскаго, лишать общественныхъ должностей и права на медицинскую практику?

Есть очень, очень много достойныхъ и дѣльныхъ мужчинъ, которые своей наружностью не стыдятся вредить чувству прекраснаго. А между тѣмъ для нихъ нѣтъ того оправданія, которое существуетъ для женщинъ.

Странные люди—эти медики, анатомы и физіологи! Вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, свойственнаго женскому полу, ему отказываютъ въ практической дѣятельности; но попробуйте послать несчастную женщину, страдающую ужасными истерическими припадками, продолжительнымъ невыносимымъ мученіемъ, связаннымъ съ ея поломъ, ко врачу или къ цѣлой дюжинѣ врачей,—она постоянно, съ удивительнымъ единогласіемъ, услышитъ отъ нихъ все одно и то же: Пустяки! У васъ ничего нѣтъ, сударыня. Поступайте такъ, какъ бы вы были совершенно здоровы. Это ничего болѣе, какъ обманъ воображенія... Занимайтесь какимъ-нибудь дѣломъ, и вы будете здоровы!

Г. фонъ-Бишофъ полагаетъ, что женщины болѣзненны вслѣдствіе слишкомъ большого труда, которымъ дается образованіе.

«Если въ ходѣ развитія молодого женскаго организма,—продолжаетъ г. фонъ-Бишофъ,—дать непомѣрно большой перевѣсъ

развитію мозга надъ общимъ равномѣрнымъ развитіемъ пола, и природа не преминетъ жестоко наказать за это».

Однако, г. фонъ-Бишофъ, наказаніе природы уже постигло женскій полъ, но какъ разъ обратно вашему предположенію: не потому, что женщина учится и думаетъ слишкомъ много, а потому, что не учится и думаетъ слишкомъ мало.

Спросите-ка любого женскаго врача, и онъ вамъ нарисуетъ страшную картину нервнаго разстройства нынѣшняго женскаго міра. Одинъ вашъ единомышленникъ утверждаетъ даже, какъ я уже упомянула въ другомъ мѣстѣ, что 75% женскаго пола, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ умственныхъ занятій, становятся косоглазыми.

Я вамъ скажу, что вы, какъ мужчина, вовсе и знать не можете, изъ какого источника, по крайней мѣрѣ отчасти, проистекаетъ это нервное разстройство.

Въ возрастѣ, въ которомъ пробудившійся духъ требуетъ здоровой, такъ-сказать положительной, пищи, дѣвушкѣ ничего болѣе не предлагаютъ, какъ раздражающія нервы свѣтскія забавы: балы, музыку, театры и механическія занятія по хозяйству. Весь избытокъ духовныхъ силъ дѣвушки, такимъ образомъ, уходитъ въ фантазію; она углубляется въ фантастическія мечтанія и представленія чувственнаго или религіознаго характера, смотря по темпераменту, и совершенно теряется въ нихъ. Чтеніе множества книгъ, которыя дѣйствуютъ лишь на чувство, загромождаетъ ея неразвитыя интеллектуальныя силы нелѣпыми идеями, ведущими въ міръ иллюзій, который не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительною жизнію. Болѣзненное безпокойство закрадывается въ молодую душу и разрушаетъ организмъ.

Вы, г. фонъ-Бишофъ, и представить себѣ не въ состояніи, что можно цѣлые десятки лѣтъ все мечтать да мечтать и пробудиться, когда уже слишкомъ поздно. Многія женщины борятся очень долго и, наконецъ, въ полномъ изнеможеніи, предаютъ себя на волю судьбы. И люди еще говорятъ, что онѣ довольны собой.

Тупоуміе или даже только ограниченность умственнаго кругозора, подобно толстой кожѣ, охраняютъ какъ отъ слишкомъ глубокихъ и энергическихъ увлеченій, такъ и отъ совершеннаго окоченѣнія духа.

Какъ гимнастика или какія-нибудь другія сильныя тѣлодвиженія укрѣпляютъ члены, такъ точно и непрерывная мозговая дѣятельность укрѣпляетъ силу мысли.

Что до чрезмѣрнаго напряженія, то это вопросъ чисто-индивидуальный. Понимающій человѣкъ самъ въ состояніи будетъ контролировать силу своего умственнаго воспріятія. Ему нельзя отмѣривать умственной работы точно такъ же, какъ взрослому человѣку нельзя предписать количества и качества пищи.

Лѣнивое «far-niente» одинаково вредно какъ для ума, такъ и для тѣла. Послѣдствіемъ усыпленнаго или испорченнаго нездоровою пищей ума у женскаго пола является животно-подобный человѣкъ,—таковы, напримѣръ, обитательницы восточныхъ гаремовъ, или нервно-больныя женщины высшихъ классовъ европейскаго общества.

Что одной изъ главныхъ причинъ болѣзненности женскаго пола служитъ также недостатокъ въ женщинахъ-врачахъ, объ этомъ я уже упомянула. Врачи въ комедіи Мольера объясняютъ: «qu'il vaut mieux qu'un malade meure selon les règles que d'en échapper contre les règles» *). Пусть лучше женщины чахнутъ и умираютъ, чѣмъ выступаютъ на базаръ житейскій въ качествѣ врачей.

Собственно говоря, я могла бы и вовсе не вдаваться въ это разсужденіе о болѣзненности женщины, ибо—удивительное дѣло!—фактъ, что женщина болѣзненнѣе мужчины, ни чуть не безспоренъ. Сознаюсь, что я лично никогда не сомнѣвалась въ справедливости этого факта, по той простой причинѣ, что всегда и каждый объ этой тѣлесной слабости женщины толкуетъ съ увѣренностью, не допускающей, повидимому, и тѣни сомнѣнія. Но какъ въ-пору и кстати было бы въ данномъ случаѣ это сомнѣніе, доказываютъ слѣдующія свѣдѣнія.

Изъ французскихъ обществъ взаимнаго вспомоществованія (mutuell secours), основанныхъ въ прошломъ царствованіи, женщины были или совершенно исключены, или должны были, какъ, напримѣръ, въ Руэнѣ, платить большіе взносы и во время болѣзни не получать никакого вознагражденія.

Когда ассоціаціи (послѣ продолжительнаго бездѣйствія) снова были возстановлены декретомъ 26-го марта 1852 г. и получили денежныя пособія,—члены коммиссіи пытались дать имъ болѣе разумное и гуманное основаніе, представляя на видъ то, что равный взносъ обусловливаетъ также и равныя права женщинъ;

---

*) „Пусть лучше больной умираетъ по правиламъ, нежели выздаравливаетъ, не соблюдая правилъ".

они обѣщались доказать, что женщины обществу менѣе въ тягость, нежели мужчины, и что первыя рѣже болѣютъ послѣднихъ.

«Допущеніе женщинъ,—сказано въ рефератѣ,—скорѣе увеличиваетъ наши средства, чѣмъ уменьшаетъ (l'admission des femmes ajoute aux ressources plûtot, qu'elle ne les diminue)».

Такъ какъ женщины не имѣли совѣщательнаго голоса при распредѣленіи вспомоществованій, то онѣ, вопреки этой аргументаціи, и тутъ оставались въ убыткѣ.

Въ вѣдомости общества 1865 года сказано: «Число женщинъ, допущенныхъ въ теченіе года, относительно больше, нежели число мужчинъ; но равномѣрнаго распредѣленія вспомоществованій общества между обоими полами до сихъ поръ еще не достигнуто; и коммиссія должна выразить свое сожалѣніе, что она въ статутахъ различныхъ обществъ все еще встрѣчаетъ предразсудки, противъ которыхъ она такъ часто боролась во имя опыта и человѣколюбія и которые состоятъ въ несправедливомъ неравенствѣ».

Приведу здѣсь буквально статистическую таблицу этого общества касательно болѣзненныхъ случаевъ:

«Selons les rapports triennaux, la moyenne de pournée de maladie des sociétaires à été de:

Pour les hommes 18	jours en l'année 1857;	pour les femmes 14	jours.
Pour les hommes 21	jours en l'année 1861;	pour les femmes 18	jours.
Pour les hommes 5	jours en l'année 1864;	pour les femmes 4	jours.
Pour les hommes 5,58	jours en l'année 1867;	pour les femmes 4,37	jours.

Такимъ образомъ, на основаніи этихъ данныхъ, мы видимъ, что бóльшая болѣзненность женщины есть только одна сказка, выдуманная съ цѣлью ея угнетенія.

Статистика—это разящее орудіе; она—орудіе незнающее сопротивленія, круто обрывающее всѣ голословныя разглагольствія и разсѣевающее пустыя фразы, какъ вѣтеръ солому.

Въ случаѣ подтвержденія статистическихъ данныхъ французскихъ вспомогательныхъ товариществъ, падетъ не только одинъ изъ главныхъ аргументовъ нашихъ противниковъ противъ общественной и научной дѣятельности женщинъ; но, желая быть столько же послѣдовательными, какъ мужчина, мы должны будемъ обратить орудіе и потребовать у мужчинъ сложенія съ себя всѣхъ общественныхъ должностей, вслѣдствіе ихъ большей болѣзненности.

Скажутъ, пожалуй, что приведенныя цифровыя данныя относятся лишь къ низшимъ сословіямъ Франціи. Это правда. Но

они тѣмъ не менѣе доказываютъ, что тѣ оригинальныя женскія болѣзни, которыя господствуютъ въ высшихъ классахъ, не имѣютъ значенія.

Я даже полагаю: вздумай женщина выработать свои физическія силы до грубой степени, природа нисколько не воспротивится удовлетворить этому честолюбивому желанію.

Чтобы воспитать молодыхъ атлетокъ, ничего болѣе не требуется, кромѣ съ ранняго дѣтства начатыхъ непрерывныхъ тѣлесныхъ упражненій и укрѣпленія мускуловъ. Для любителей примѣровъ упомяну о томъ фактѣ, что въ Англіи между 1722 и 1728 г. женщины боксировали на публичной аренѣ.

Лимбурга, супруга эрцгерцога Эрнеста Желѣзнаго австрійскаго, урожденная принцесса Мазовецкая, была такъ сильна, что рукою вбивала гвозди въ стѣну и щелкала волошскіе орѣхи пальцами.

Елисавета, дочь герцога померанскаго Богуслава, послѣдняя супруга Карла II и мать Сигизмунда и Іоанна, ломала желѣзные прутья, какъ щепки. Желѣзныя кольчуги она рвала, какъ тряпки, и на одномъ турнирѣ, устроенномъ императоромъ въ 1371 г. въ Прагѣ, разломала на куски толстую подкову. Одинъ англійскій путешественникъ разсказываетъ, что въ Аравіи всѣ работы внѣ дома (out-door-work) исполняются женщинами и что эти послѣднія гораздо сильнѣе мужчинъ.

Я отнюдь не утверждаю, чтобы подобная выработка мускульной силы была желательна. Менѣе значительныя физическія силы — вовсе еще не доказательство интеллектуальной несоотвѣтственности.

5. Пятый доводъ противъ врачебной практики женщинъ: *для женщины немыслима никакая авторитетность*.

«Вообразите себѣ,—говоритъ г. фонъ-Бишофъ,—женщину въ должности директора госпиталя или судебнаго врача. Не должно ли всякому смѣяться или даже плакать при той мысли, что женщина должна въ высокой степени оказать авторитетъ, необходимый директору госпиталя?» И въ другомъ мѣстѣ: «Я не могу себѣ представить, чтобы завитые волосы и шумящее платье женщины могли принести больнымъ ту надежду и то утѣшеніе, которыхъ ждетъ всякій паціентъ».

Отвѣтъ чрезвычайно простъ.

Предварительно замѣчу, что различнымъ людямъ кажутся смѣшными весьма различныя вещи. Толпѣ всегда кажется смѣшнымъ то, что несогласно съ обычною рутиной и традиціей. Я,

напримѣръ, припоминаю то время, когда мода на большіе кринолины была всеобщей и я осмѣлилась выйти на улицу безъ этого украшенія. Я возбудила истинное ликованіе въ народѣ и школьникахъ и такъ была осмѣяна и оплевана, что никогда болѣе не отваживалась дѣлать изъ себя посмѣшище, не облекаясь въ бочку внушительныхъ размѣровъ.

Теперь какой же директоръ госпиталя долженъ казаться смѣшнымъ мыслящему европейцу?—Безъ сомнѣнія, всякая личность, притязанія которой на авторитетъ составляютъ прямой контрастъ съ ея дѣятельностью и заслугами...

Чѣмъ долженъ или можетъ директоръ пріобрѣсти авторитетъ?

Г. фонъ-Бишофъ можетъ здѣсь имѣть въ виду лишь двоякаго рода условія: одно—болѣе внѣшнее, относящееся до важности директорской персоны, а другое—внутреннее и болѣе существенное, вытекающее изъ самой дѣятельности директора.

Г. фонъ-Бишофъ навѣрное не усомнится въ томъ (что онъ именно не сомнѣвается, мы можемъ заключить изъ одного его положенія, о которомъ сейчасъ будемъ говорить), что есть такіе директора иныхъ учрежденій, которые дома находятся подъ башмакомъ своихъ женъ.

Думаю, что женщина, которая настолько обладаетъ энергіей и силой, что можетъ помыкать самимъ директоромъ и, сверхъ того, по всей вѣроятности, держать въ рукахъ цѣлую араву домашней прислуги,—такая женщина будетъ въ состояніи внушить повиновеніе въ госпиталѣ.

Если же вы, г. фонъ-Бишофъ, находите, что авторитетъ пріобрѣтается полезною дѣятельностью,—въ такомъ разѣ умѣнье и дѣло, а не полъ, должны имѣть первенствующее значеніе въ степени уваженія къ той или другой личности; и служители, и паціенты госпиталя будутъ имѣть столь же мало уваженія къ дрянному медику-мужчинѣ, какъ къ дурному медику-женщинѣ.

Я убѣждена, когда миссъ Найтингаль появлялась въ крымскихъ лазаретахъ, она въ глазахъ больныхъ казалась ангеломъ, и всѣ головы съ благоговѣніемъ склонялись предъ этой женщиной. Только *одна* голова не склонилась бы, только *одинъ* человѣкъ разразился бы хохотомъ при видѣ этого директора многихъ госпиталей,—г. фонъ-Бишофъ!...

Г. профессоръ не можетъ себѣ представить, чтобы завитые локоны и шумящія платья были въ состояніи принести больнымъ утѣшеніе и надежду.

Я же не вѣрю, чтобы скрипящіе сапоги, высокіе цилиндры или плѣшивыя головы, въ свою очередь, могли принести какую-нибудь надежду или утѣшеніе; сомнѣваюсь и въ томъ, чтобы прелесть хорошо завитаго парика могла кого-либо утѣшить и укрѣпить.

Но гдѣ же мужчины, которые если ужь никогда не болѣютъ, то вѣдь бываютъ несчастны, — гдѣ же, скажите, они находятъ надежду и утѣшеніе?... О, бѣдный, злополучный мужъ, ставшій банкротомъ,—тебя жена твоя не можетъ утѣшить!... Увы, ея платья шумятъ! Никакая мать не въ состояніи озарить надеждой помраченной любовью души своей дочери!... Создатели мои! она убираетъ себѣ голову...

Въ заключеніе позвольте мнѣ, какъ компетентному судьѣ въ подобныхъ дѣлахъ, еще сообщить вамъ, что шерстяныя платья не шумятъ; шелковыя же платья суть вообще принадлежности лишь гостинаго туалета.

Г. профессоръ, на основаніи личнаго опыта, утверждаетъ, что даже мужчины должны напрягать всѣ силы свои, чтобы сохранить присутствіе духа и не сплоховать въ тѣхъ непредвидѣнныхъ затрудненіяхъ, которыя могутъ возникнуть во время всякой операціи. Женщина же, натурально, потеряетъ голову.

Самая трудная операція, которая только намъ извѣстна, это та, при которой на медленномъ огнѣ жгутъ члены живому человѣку. Это звѣрство испытали и мужчины, и женщины; а кто же когда-либо слыхалъ, чтобы на кострѣ или подъ гильотиной женщины выказали менѣе героизма и присутствія духа, чѣмъ мужчины?

Когда Антіохъ хотѣлъ заставить родоначальницу дома Маккавѣевъ съ ея семью сыновьями ѣсть свинину, она съ невѣроятнымъ героизмомъ увѣщевала своихъ сыновей умереть, и дѣйствительно умерла вмѣстѣ съ ними въ ужасныхъ мученіяхъ, не преступивъ завѣтъ отцовъ. Легко можно бы наполнить подобными доказательствами физическаго и нравственнаго героизма женщинъ цѣлые томы.

Вообразивъ себѣ, что подробно доказалъ подчиненность женщинъ, г. фонъ-Бишофъ прибавляетъ слѣдующее: «Еслибы женщины обладали высшими духовными силами, онѣ давно бы *еще болѣе* поработили себѣ мужчинъ, *нежели теперь, уже во всѣхъ сферахъ жизни явной и тайной*, *за исключеніемъ науки*».

Хотите ли, г. профессоръ, этимъ изреченіемъ осмѣять женщинъ?

Какъ, эти подчиненныя существа тайно и явно порабощають себѣ мужчинъ?... Чѣмъ же?

У мужчинъ разумъ господствуетъ надъ чувствами,—такъ вы насъ учили; стало-быть, изъ чувства нельзя свить ту веревку, которою женщины зануздываютъ мужчинъ. О высшей интеллектуальной силѣ и рѣчи быть не можетъ, какъ *вы* сами знаете; преобладаніе мускульной силы столь же мало вѣроятно; слѣдовательно, не кулакъ превращаетъ мужчину въ раба женщины.

«Когда одинъ народъ,—говоритъ г. фонъ-Бишофъ,—покоряетъ себѣ другой, классъ подчиняетъ себѣ другой классъ, человѣкъ—человѣка, то это господство можетъ обусловливаться лишь однимъ изъ двухъ: во-первыхъ, *высшею духовною либо высшею физическою силой*, разумѣя подъ первой энергію ума или характера; во-вторыхъ, *обладаніемъ силой*, какъ наслѣдственнымъ достояніемъ, либо какъ достояніемъ закона и обычая».

Не слышится ли въ этомъ диковинномъ изреченіи г. фонъ-Бишофа нѣкоторая завистливая нотка? Ужь, чего добраго, не боится ли онъ соперничества со стороны тѣхъ, которыхъ онъ, повидимому, тщится заклеймить? И не напоминаютъ ли его слова признанія Лабуле: «Je me suis demandé tout bas, — говоритъ этотъ остроумный писатель, — si la femme n'était pas naturellement supérieure à l'homme. Elle a des passions moints violentes et un plus grande facilité d'éducation. Tandis qu'Adam s'en dormait dans son innocence, Eve était déjà curieuse de savoir. — Je crois, avec Molière, qu'il est prudent de ne pas trop instruire ce sexe malicieux est inquiet; à tenir les femmes dans une honnête ignorance, nous leur *donnons touts les vices*, mais aussi toutes les faiblesses de l'esclave; notre règne est assuré. Mais si nous élévions ces âmes ardentes et naives, si nous les enflammions de l'amour de la vérité, qui sait, si bientôt elle ne rougiraient pas de la sottise et de la brutalité de leurs maitres? Gardons le savoir pour nous seuls, c'est lui qui nous divinise: Notre empîre est détruit si l'homme es reconnu» *).

*) Я спрашиваю про себя, ужь не стоитъ ли женщина въ самомъ дѣлѣ выше мужчины. Она обладаетъ менѣе бурными страстями и большею воспріимчивостью ума. Въ то время, когда умъ Адама дремалъ въ совершенномъ невѣдѣніи, въ Евѣ уже пробуждалась любознательность. Я думаю, согласно съ Мольеромъ, что благоразуміе требуетъ не слишкомъ образовывать этотъ проницательный и безпокойный полъ; держа въ благодушномъ невѣжествѣ, мы *придаемъ ему всѣ пороки*, а также все безсиліе раба; наше господство обезпечено. Но если мы возвысимъ эти пламенныя и чистыя души, если мы воодушевимъ

VII.

Г. фонъ-Бишофъ подкрѣпляетъ свою аргументацію противъ изученія женщинами медицины также культурно-историческими данными.

«Прочную побѣду, — говоритъ онъ, — одерживаетъ всегда сильнѣйшій и тѣмъ самымъ доказываетъ превосходство своей силы. Побѣду, которую, въ концѣ концовъ, одерживаетъ мужской полъ надъ женскимъ всюду, при всѣхъ обстоятельствахъ и во всѣхъ отношеніяхъ, въ дѣлѣ науки и прогресса, доказываетъ слабѣйшія природныя силы второго... Продолжительное угнетеніе одной части человѣческаго рода другою немыслимо при равныхъ силахъ. Это угнетеніе вѣдь должно же было имѣть начало и мы вовсе не видимъ, почему оно должно было постичь именно женщинъ».

Угнетеніе постигло женщинъ? Какое чудовищное заблужденіе! А вы забыли рабство и крѣпостную зависимость?! Угнетеніе не только постигло, но и нынѣ еще постигаетъ часть мужского пола. Въ Азіи простой народъ и теперь, какъ тысячи лѣтъ тому назадъ, живетъ въ абсолютномъ рабствѣ. Слыхали ли вы о законодательныхъ постановленіяхъ у этихъ народовъ, которыя и нынѣ имѣютъ еще силу? Напримѣръ: «Если судръ (человѣкъ изъ простого народа, какъ сказано въ индійскихъ законахъ Ману) осмѣлится сѣсть рядомъ съ своимъ начальникомъ, то онъ долженъ либо быть сожженъ, либо посаженъ на колъ самимъ королемъ. Если онъ, изъ любознательности, позволитъ себѣ даже только слушать чтеніе святой книги, ему должно влить въ уши горячее масло; буде же онъ ее совсѣмъ выучитъ наизусть, то подлежитъ смертной казни».

Ясно ли теперь для васъ, г. профессоръ, что угнетеніе, которое терпѣли и терпятъ мужчины—не призракъ, а страшная дѣйствительность?

Если и это для васъ мало убѣдительно, то слушайте еще немного: «Буде кто убьетъ судра, то онъ долженъ быть наказуемъ точно такъ же, какъ за убіеніе собаки, кошки или пѣтуха». Законъ формально признаетъ слово «работникъ» заслу-

---

шевимъ ихъ любовью къ истинѣ,—кто знаетъ, быть-можетъ онѣ въ непродолжительномъ времени не будутъ краснѣть отъ тупоумія и грубости своихъ наставниковъ? Будемъ же беречь науку для себя,—она дѣлаетъ насъ непобѣдимыми. Нашему царству наступитъ конецъ, когда женщина придетъ въ сознаніе.

живающимъ презрѣнія, чтобы черезъ то ясно опредѣлить его положеніе въ обществѣ.

Если кто-либо изъ рабочаго класса мѣняетъ свое обычное ремесло, или интересуется политикой, то онъ подвергается тяжелому взысканію. За нерадѣніе въ работѣ его бьютъ плетьми; такимъ же точно образомъ обыкновенно наказывалась домашняя прислуга и даже женщины.

Однако намъ вовсе нѣтъ надобности отправляться въ Азію, чтобъ искать доказательствъ угнетенія мужчинъ. Историкъ Жиро въ своемъ «Précis de l'ancien droit» говоритъ: «Jusqu'à la révolution (1789) une division fondamentale partageait les personnes libres et les personnes sujétes à condition servile». И Кассаньякъ въ своемъ «Cause de la révolution»: «Chose suprenant, il-y-avait encore au 4 Août 1789, 15.000 serfs de corps en France».

Въ Германіи, во время Вѣнскаго конгресса, вошло въ поговорку слѣдующее гнусное выраженіе: «Человѣкъ только начинается съ барона».

«Продолжительное угнетеніе немыслимо», сказали вы, г. фонъ-Бишофъ.

Навѣрное нѣтъ. Два тысячелѣтія въ вѣчномъ развитіи міра — лишь одинъ короткій шагъ.

«Угнетеніе вѣдь должно было имѣть начало!»

Кто же вамъ говоритъ, что оно, въ самомъ дѣлѣ, никогда не начиналось?

По всѣмъ вѣроятіямъ, даже въ сѣдую древность первыя попытки угнетенія женщинъ получали энергическій и сильный отпоръ.

Черезъ всѣ древніе вѣка проходятъ сказанія про амазонокъ. Едва ли была хоть одна страна, въ которой не существовало бы подобныхъ миѳовъ. Даже у китайцевъ мы находимъ сказанія объ амазонкахъ. Что же мы должны заключать изъ такихъ сказаній, по свидѣтельству людей науки?—То, что въ основѣ ихъ лежитъ темная историческая истина.

По аналогіи съ толкованіемъ другихъ сказаній, мы имѣемъ право вѣрить, что нѣкогда шла борьба между полами, въ которой, напослѣдокъ, женщины потерпѣли пораженіе.

Тезей и Геркулесъ, какъ разсказывается въ миѳологическомъ эпосѣ, побѣдили знаменитыхъ амазонокъ, Гипполиту и Меналиппу, съ большими трудностями и употребленіемъ всѣхъ своихъ силъ. Геркулесъ,—повѣствуетъ далѣе сказаніе,—считалъ своей обязан-

ностью освободить мужчинъ изъ-подъ владычества женщинъ. Но Геркулесъ—символъ грубой физической силы.

Значеніе этого миѳа ясно само по себѣ.

Въ женскомъ вопросѣ, какъ во всѣхъ великихъ соціальныхъ вопросахъ, нѣтъ нужды толковать о томъ, чтò *было* и чтò *есть*, а о томъ, чтò *должно быть*.

VIII.

Должны ли женщины получать высшее образованіе?

Мой отвѣтъ и отвѣтъ профессора сами собою вытекаютъ изъ предъидущаго.

Чѣмъ мотивируютъ мужчины свое категорическое: «Не должна»?

Одинъ изъ ихъ главнѣйшихъ аргументовъ уже обстоятельно разсмотрѣнъ. Женщина *не должна* получать высшаго образованія потому, что она *не можетъ* получать его. И это «не можетъ», эта вѣра въ умственную несостоятельность женщины была и есть, по моему мнѣнію, единственнымъ честно-продуманнымъ аргументомъ мужчинъ, который повторяли и поддерживали почти всѣ лучшіе писатели всѣхъ временъ, въ перемежку съ острословіемъ, злостью и искреннимъ убѣжденіемъ.

«Женщина, которая мыслитъ,—говоритъ Лессингъ,—столь же смѣшна, какъ мужчина, который краснѣетъ». И Вольтеръ: «Идеи подобны бородѣ: юноши и женщины ихъ не имѣютъ», и т. д.

Всѣ остальные доводы противъ научной дѣятельности женщины и, прежде всего, тотъ, что женщины слишкомъ святы и чисты, чтобы рисковать прикоснуться къ грубой правдѣ науки—суть лишь резервныя доказательства, нѣчто въ родѣ ландштурма отсталой теоріи, который выдвигается только тогда, когда основной столбъ аргументаціи начинаетъ уже гнить и угрожать совершеннымъ паденіемъ.

Однако, бросимъ бѣглый взглядъ и на эти побочныя доказательства.

Наши противники постоянно пережевываютъ однѣ и тѣ же общія мѣста, не обращая рѣшительно никакого вниманія на какія-либо опроверженія, какой бы силы и какого значенія они ни были. Ихъ аргументація, само собою разумѣется, лишенная всякой научной силы, всякой логики, основана единственно на голословномъ *утвержденіи*.

«Само собою разумѣется»—сказала я, ибо никогда и ни въ какомъ случаѣ человѣческій мозгъ (будь онъ сама премудрость) не былъ и не будетъ въ состояніи открыть какого ни-на-есть доказательства, сколько-нибудь согласнаго съ здравою логикой, противъ научной эмансипаціи женщинъ. Результатъ самыхъ глубокомысленныхъ откровеній, таинствъ высочайшей міровой воли относительно судебъ женщины, квинтъ-эссенція самой тонкой дистилляціи мужской мысли отъ начала міра и до скончанія вѣковъ ничего другого не могла и не сможетъ намъ дать, кромѣ одного этого основного положенія: «Мы—мужчины, а вы—женщины!» Эта-то непреложная истина всегда производитъ потрясающее дѣйствіе на мужской міръ и заставляетъ его вѣрить въ подчиненный жребій женщинъ.

Вы—мужчины, а мы—женщины. Ладно! Но, вѣдь, половое назначеніе—только низшій и физическій аттрибутъ, и какъ духъ Божій паритъ надъ водами, такъ точно душа человѣческая воздымается надъ поломъ.

Тѣ quasi-доказательства, на основаніи которыхъ женщинамъ должно преградить доступъ въ храмъ науки, таковы:

1. *Домашнее хозяйство и обязанности матери.*

2. *Равныя права обусловливаютъ равныя обязанности.*

3. Научныя занятія—*эстетическое несчастіе* для женщины, такъ какъ они лишаютъ ее всей прелести и женственности.

Домашнее хозяйство и материнскія обязанности—это старое, почтенное, мхомъ обросшее воззрѣніе, по которому научно-образованная женщина должна быть дурной женой и такою же матерью! Серьезные люди преданы тому эксцентрическому представленію, что изученіе классиковъ или сѣрный запахъ физическихъ экспериментовъ должны въ корень истребить материнскую любовь! За обѣденнымъ столомъ женщины, понимающей извлеченіе кубическихъ корней, имъ чудится и безнравственная рѣчь, и гнилая капуста, и горохъ съ запахомъ чернилъ...

И однако-жь греческій языкъ и извлеченіе корней врядъ ли не имѣютъ болѣе общаго съ материнской любовью, чѣмъ цвѣтъ платья, которое носитъ мать. Паллада-Аѳина была для грековъ не только изобрѣтательницею пряденія и ткацкаго искусства, но также богинею разума и строгаго критическаго изслѣдованія.

Въ концѣ XVI-го столѣтія Дуплесси Морне выставилъ то положеніе, что «можно быть въ одно и то же время и добрымъ гуге-

нотомъ, и добрымъ французомъ» *); и оно показалось его современникамъ такимъ же невѣроятнымъ безуміемъ, какъ и нынѣшнимъ мужчинамъ представленіе о женщинѣ, которая была бы и ученой, и любящей матерью вмѣстѣ.

Объ обязанностяхъ матери и хозяйки я уже подробно говорила въ другомъ мѣстѣ и доказала, что раціональное воспитаніе дѣтей, въ которомъ отецъ долженъ принимать одинаковое участіе съ матерью, ни въ какомъ случаѣ не можетъ поглощать всего времени и труда этой послѣдней. Г-жа Ролланъ, въ своихъ мемуарахъ, разсказываетъ: «Мы провели четыре года въ Амьенѣ. Я сдѣлалась тамъ матерью и кормила свое дитя, не переставая участвовать въ работахъ моего мужа, который взялъ на себя значительную часть энциклопедіи».

Материнская любовь—это неистребимое влеченіе человѣческой природы, и ея инстинктивная и сознательная дѣятельность всегда будетъ обращена на благо дитяти.

Впрочемъ, я только тогда повѣрю въ искренность этого довода со стороны мужчинъ, когда они введутъ такія учрежденія, которыя обезпечивали бы всѣмъ матерямъ изъ простого народа, двумъ-третямъ всѣхъ матерей, средства къ жизни и вообще такое положеніе, которое бы позволило этимъ женщинамъ исключительно посвятить себя воспитанію своихъ дѣтей. Справедливость требуетъ одинаково-хорошаго воспитанія для всѣхъ дѣтей.

Что до кухни, то разрѣшеніе этого высоко-барскаго вопроса проще всего на свѣтѣ.

Пусть кухарки проходятъ курсъ кулинарнаго искусства, и проблема разрѣшена окончательно. Какая надобность была бы хозяйкѣ до кухни, имѣя кухарку—«спеціалистку» своего дѣла?

Такая кухарка, по всей вѣроятности, мигомъ спровадитъ свою госпожу за двери кухни, если послѣдняя обнаружитъ покушеніе вторгнуться въ ея сферу.

Мы еще не настолько утратили надежду на Бога и энергію будущихъ генерацій, чтобъ этотъ гигантскій шагъ человѣчества на пути прогресса никогда, хотя въ далекомъ будущемъ, не былъ совершенъ черезъ посредство кулинарныхъ заведеній для приготовленія кухарокъ! И утѣшимъ себя въ злополучіи настоящаго предвосхищеніемъ гастрономическихъ радостей нашихъ пра-

---

*) ... „que n'était pas chose incompatible d'être bon Huguenot et bon Français tout ensemble".

внуковъ, которымъ доведется узрѣть великое чудо — *кухарку, умѣющую стряпать!*

Второй доводъ: *равныя права—равныя обязанности.*

Подъ этими «обязанностями» мужчины обыкновенно разумѣютъ военную службу, къ которой женщины вообще не способны.

На это я имѣю отвѣчать: *во-первыхъ*, гдѣ дѣло идетъ объ установленіи принциповъ, тамъ остатки варварства, на которые будущіе вѣка будутъ смотрѣть съ изумленіемъ и ужасомъ, не должны влiять на наши утвержденія.

По-истинѣ, не надо быть пророкомъ, чтобы предвидѣть, что, еслибы женщинамъ дарованы были политическія права, существованіе войнъ сократилось бы на нѣсколько столѣтій.

Во-вторыхъ, на этомъ же основаніи всякій мужчина, который, по какой-либо причинѣ, не можетъ отбывать воинской повинности, долженъ лишаться своихъ политическихъ правъ; и, дѣйствительно, по законамъ Солона, какъ извѣстно, каждый аѳинянинъ, не бывшій въ военной службѣ, не могъ пользоваться правами гражданства.

Не надобно забывать, что общая воинская повинность отнюдь не есть учрежденіе всѣхъ цивилизованныхъ странъ, и что даже у насъ, вопреки этой обязанности, довольно значительное число мужчинъ не въ состояніи отбывать военной службы.

Въ-третьихъ, мужчина долженъ быть готовъ умереть за отечество. Не можетъ ли почитаться эквивалентнымъ тотъ фактъ, что женщина какъ бы признана пополнить тѣ бреши, которыя ядро и мечъ мужчины пробиваютъ въ рядахъ человѣчества?

И если ужь непремѣнно требуется *умереть* за отечество, то статистикѣ не трудно будетъ доказать, что почти столько же женщинъ погибаетъ въ трудномъ дѣлѣ приготовленія новыхъ гражданъ государства, сколько мужчинъ ложатся костьми на кровавомъ полѣ отъ рукъ своихъ же братьевъ.

Наконецъ, можно прибавить еще и то, что, еслибы пользованіе и уходъ за больными въ военныхъ лазаретахъ вполнѣ были возложены на женщинъ, эта ихъ услуга могла бы принести одинаковую пользу отечеству, какъ и подвиги мужчинъ на полѣ брани. Конечно, большая разница будетъ здѣсь лишь въ количествѣ представителей обоихъ половъ.

Третій доводъ: *научныя занятія—эстетическое несчастіе для женщинъ.*

Съ понятіемъ умственно-сильной, т. е. мыслящей и знающей, женщины постоянно связываютъ представленіе о жесткихъ чертахъ лица, длинномъ носѣ, скрипящихъ сапогахъ съ толстыми подошвами и вообще о старческой фигурѣ. Нѣкоторые мужчины, одаренные особенно пылкимъ воображеніемъ, склонны также придать ей небольшіе усы и вороній голосъ.

Попробуемъ сличить это представленіе мужчинъ съ дѣйствительностью.

Италія и Франція дали сравнительно большее число женщинъ, пріобрѣвшихъ себѣ имя въ искусствѣ и наукѣ. Я опять сошлюсь на Клемма, *противника* женской эмансипаціи, который, заимствуя свои біографическіе очерки изъ подлинныхъ источниковъ, противъ своего желанія долженъ былъ выхвалять красоту, любезность и даже хозяйскія добродѣтели тѣхъ ученыхъ дамъ, исторію которыхъ онъ пишетъ. Изъ его отдѣла объ Италіи я упомяну лишь о «божественной Изотѣ», Новеллѣ д'Андреа, которая читала лекціи по правовѣдѣнію съ закрытымъ лицомъ, чтобы не смущать слушателей своей ослѣпительною красотой,— о Гаётанѣ Агнеси изъ Милана (1718 — 1799), которая владѣла обширными познаніями въ физикѣ, алгебрѣ и математикѣ, скромной и кроткой женщинѣ, жившей собственнымъ трудомъ. Притомъ (по Клемму) она была превосходной матерью 22-мъ сыновьямъ, прижитымъ ея мужемъ въ трехъ бракахъ, и съ примѣрною добросовѣстностью управляла значительнымъ хозяйствомъ. Самыя милыя и прелестныя женщины Франціи почти всегда были и самыя образованныя. Это долженъ знать всякій читавшій хоть кое-что о знаменитыхъ французскихъ салонахъ—начиная съ отеля Рамбуилье́ и кончая салономъ m-me Рекамье́. А очаровательныя интригантки и остроумныя дамы «фронды», герцогини Лонгвиль, Шеврезъ и какъ ихъ тамъ еще зовутъ?... Ужели, въ самомъ дѣлѣ, золотистые и темные локоны охотнѣе украшали бы пустыя головы, нежели умныя головы этихъ дипломатическихъ сиренъ? Я не могу себѣ вообразить, чтобы глубокомысленныя размышленія надъ горшками, о хозяйскихъ расходахъ и о крупномъ и мелкомъ бѣльѣ обладали косметическою силой, способной улучшить цвѣтъ лица, изгладить морщины и надѣлить граціей.

Что грація, благородная женственность и научныя познанія взаимно другъ друга исключаютъ, это—одна изъ нелѣпѣйшихъ идей, которыя когда-либо могла придумать только самая вздорная мужская голова.

Теперь весьма ученая дама иногда действительно можетъ нѣсколько кичиться своей ученостью, такъ какъ она составляетъ *исключеніе* изъ своего пола. Но когда такія женщины перестанутъ быть исключеніемъ, эта надменность исчезнетъ сама собою.

И еслибы въ самомъ дѣлѣ правда было то, что развитіе умственныхъ силъ женщины влечетъ за собою равномѣрную дегенерацію ея тѣлесныхъ силъ, что расширеніе ея познаній обусловливаетъ убыль женской прелести, то это было бы недостаткомъ лишь для *тѣлесныхъ*, но не для *духовныхъ* очей мужчинъ. Вѣдь нравственная и умственная сторона этихъ высшихъ натуръ не потерпитъ никакого ущерба,—напротивъ, она окрѣпнетъ и возвысится! Не правда ли, господа?

Когда ученая дама, примѣрно — врачъ, не имѣетъ особенно привлекательной наружности, то вы, мужчины, никогда на свѣтѣ, владѣй она хоть довольно изряднымъ доходомъ, не полюбите и не женитесь на ней!?

На одномъ женскомъ собраніи въ Нью-Йоркѣ нѣкій нѣмецкій врачъ энергически протестовалъ противъ учености женщинъ и, при радостныхъ кликахъ своихъ приверженцевъ, въ томъ числѣ собственной дражайшей половины, онъ воскликнулъ: «Скажите, милостивые государи, положа руку на сердце, желали бы вы имѣть ученую жену? Я, по крайней мѣрѣ, нѣтъ!»

Слава Богу, что природа, въ своей премудрой экономіи, для всякаго ученаго дурака имѣетъ въ запасѣ невѣжественную дуру!

И въ будущемъ такъ же мало женщинъ будетъ заниматься науками, какъ и нынѣ—мужчинъ; и для нашихъ профессоровъ и ихъ единомышленниковъ всегда останется еще большее число наивныхъ дѣтей природы, хорошихъ кухарокъ и беззаботныхъ хозяекъ со всѣми ихъ эстетическими прелестями.

Я говорю: *женщина должна получать высшее образованіе.*

1. Она должна получать высшее образованіе, потому что каждый человѣкъ имѣетъ право на индивидуальную свободу, имѣетъ право заниматься такимъ дѣломъ, которое соотвѣтствуетъ его склонностямъ. Всякая дѣятельность, которая удовлетворяетъ человѣка, есть въ нѣкоторомъ родѣ «зеркало» его внутренней, духовной жизни. Свобода призваній есть неизбѣжное условіе индивидуальнаго счастія.

2. Она должна получать высшее образованіе, потому что она, по всѣмъ вѣроятіямъ, обладаетъ отличной отъ мужской ум-

ственною организаціей (отличной, но не меньшей интенсивности), и, вслѣдствіе этого, надо ожидать, что она откроетъ новыя области знанія и новые горизонты мысли. Когда Бокль утверждаетъ, что женщины въ наукѣ болѣе склонны предпочесть дедуктивный и идеальный методъ и тѣмъ самымъ образуютъ противовѣсъ индуктивному методу мужчинъ, односторонность которой тормозитъ прогрессъ науки, то я, въ этомъ случаѣ, вовсе не намѣрена согласиться съ нимъ. Взглядъ Бокля, разумѣется, имѣетъ достоинство лишь остроумной гипотезы—не болѣе.

3. Въ особенности же *мужчину* должна изучать женщина, во-первыхъ, въ интересахъ морали и, во-вторыхъ, чтобы способствовать возстановленію здоровья женскаго пола.

4. Женщина должна получать университетское образованіе для ея существованія. Никто не имѣетъ права ограничивать какую бы то ни было часть человѣческаго общества въ его средствахъ къ жизни,—развѣ только государство и общество обязуются принять на себя заботу о надлежащемъ прокормленіи и содержаніи ея.

5. Женщина должна получать университетское образованіе, потому что наука и познаніе—величайшее благо земли.

IX.

Если умственныя и физическія способности женщины недостаточны для рѣшенія задачъ науки, то великій политико-экономическій законъ долженъ будетъ неизбѣжно вступить въ свою силу, и народъ самъ отвергнетъ ея безполезныя хлопоты на этомъ поприщѣ. Но, прежде чѣмъ это случилось, нельзя позволить *предубѣжденію* рѣшать вопросъ неизмѣримой важности.

Если веденіе хозяйства дѣйствительно назначено для женщины самою природой, то никакія силы земныя не въ состояніи будутъ истребить въ ней этого влеченія ея натуры: «Революціонная лягушка,—говоритъ Гейне,—которая охотно бросила бы родныя воды и которая смотритъ на жизнь птицъ по поднебесью, какъ на идеалъ свободы, не долго, однако, выдержитъ на сушѣ, на такъ-называемомъ свободномъ воздухѣ, и вскорѣ опять почувствуетъ тоску по топкимъ болотамъ, служившимъ убѣжищемъ для ея предковъ».

И далась же имъ эта «исторія цивилизаціи»! Чуть только заговорятъ о практической дѣятельности женщинъ, она тутъ какъ тутъ. Въ подобныхъ случаяхъ она, исторія цивилизаціи,

обнаруживаетъ въ высшей степени оригинальное свойство: молчитъ и не шелохнется, а ты себѣ читай, что твоей душѣ угодно! Такимъ-то маneромъ жрецы науки вычитали въ ней то, что будто домашнее хозяйство было, есть и будетъ на вѣчныя времена единственною сферой дѣятельности женщинъ.

Я же, съ своей стороны, вычитала изъ исторіи цивилизаціи то, что испоконъ вѣковъ сильнѣйшій,—зависятъ ли его силы отъ его кулаковъ, отъ оружія его солдатъ или отъ привилегій,—угнеталъ слабаго и заставлялъ его жить *по своей волѣ* и *для своей пользы* (т.-е. по волѣ и для пользы сильнѣйшаго), никогда даже не спрашивая о существованіи законовъ природы.

Я вычитала, какъ положеніе женщины въ человѣческомъ обществѣ измѣнялось изъ столѣтія въ столѣтіе, какъ оно мало-по-малу изъ позорнаго и жалкаго, посредствомъ страшныхъ усилій, подымалось до сколько-нибудь человѣческаго бытія. Я вычитала изъ исторіи цивилизаціи, какъ женщина въ докультурно-историческую эпоху служила добычею жадному мужу; какъ, впослѣдствіи, ее похищали и затѣмъ, когда нѣжный отецъ увидѣлъ въ своей дочери прибыльную статью дохода, продавали и промѣнивали; какъ ее потомъ, подобно стаду овецъ, гнали въ гаремы. Я видѣла ее битою, порабощенною, откармливаемою, какъ вьючное животное. Я видѣла ее изгнанною изъ храма, какъ «нечистую»; я видѣла ее полною рабыней мужа.

Но не одно только это я вычитала изъ исторіи цивилизаціи. Я вычитала тамъ же, что женщина изъ чисто-животнаго прозябанія пробивалась въ сознательный міръ чувства и мысли. И безсознательно-творящая сила природы будетъ толкать ее безостановочно все впередъ и впередъ, пока на челѣ женщины не засіяетъ ореолъ человѣка—подобія Божія.

Вы и вмѣстѣ съ вами большинство мужчинъ думаете, что Богъ и законы природы давно порѣшили съ женскимъ вопросомъ; *я* же думаю, что разумная борьба только начинается и что она кончится лишь тогда, когда женщина завоюетъ себѣ прирожденное ей право всякаго человѣческаго существа — быть человѣкомъ. Я раздѣляю мнѣніе Фихте: «Человѣкъ *долженъ* составлять самостоятельное, замкнутое въ самомъ себѣ, цѣлое. Только при такомъ условіи онъ—человѣкъ».

«Законы природы рѣшили»!

Но, вѣдь, тѣ азіяты, тѣ монголы, китайцы и турки, которые гнали, какъ стадо, своихъ женъ въ серали, тоже думали, что они поступаютъ сообразно съ «законами природы».

Когда индусъ сжигалъ трепещущую живую жену съ трупомъ ея мужа, онъ также исполнялъ «законъ природы».

Когда сѣверный дикарь обжигаетъ оленьимъ волосомъ посуду, до которой дотронулась его жена, «нечистая»,—онъ, по его мнѣнію, подчиняется «закону природы».

«Богъ и природа опредѣлили сферу дѣятельности женщины». Въ такомъ случаѣ чего же хлопочутъ гг. профессора? Ужели Богъ нуждается въ ихъ помощи и самъ не въ состояніи удержать женщину въ ея сферѣ?

Г. фонъ-Бишофъ прямо говоритъ, что *Богъ* и *природа* (и нѣмецкіе профессора, слѣдовало бы ему еще прибавить) отказали женскому полу въ способности заниматься науками.

Еслибъ это зависѣло отъ гг. профессоровъ, они, во имя Бога и природы, возбудили бы преслѣдованіе противъ всякаго научнаго представленія въ головѣ женщины, какъ противъ контрабанды. Они предписали бы, что такія-то чувства и такія-то мысли, какъ умственное уродство и нравственную порчу, должно задушить въ котлахъ и утопить въ стиральныхъ кадкахъ!

Въ Индіи существуетъ законъ, который запрещаетъ рабочему пріобрѣтать какую бы то ни было собственность; въ то же время другая статья объясняетъ, что даже тогда, когда господинъ выпускаетъ его на волю, онъ, въ сущности, все же остается рабомъ, «ибо, по законамъ Ману, судръ, освобожденный своимъ господиномъ, черезъ это еще не избавляется отъ рабскаго состоянія, потому что онъ отъ природы обреченъ на рабство».

Ни однимъ штрихомъ, ни малѣйшей мыслишкою не стоятъ воззрѣнія à la Бишофъ на женщину выше той мудрости, которую мы находимъ въ великой книгѣ законовъ древнихъ индусовъ.

Обратите ваши взоры назадъ, въ глубину тысячелѣтій,—вы, рабы традиціи и рутины,—и взгляните на время, какъ на несокрушимую пирамиду, въ которой вы мните закупорить ваши идеи, чтобы, подобно муміямъ, сохранить ихъ до скончанія вѣковъ! Тщетны ваши труды! Вѣка поклоненія древнимъ развалинамъ и античнымъ рѣдкостямъ безвозвратно минули; древнѣйшія пирамиды разрушаются, и заплѣсневѣлыя, мхомъ обросшія идеи и ископаемыя представленія неизбѣжно должны выйти на свѣтъ Божій и озариться солнцемъ истины, чтобы предстать удивленнымъ взорамъ человѣчества, какъ изумительныя диковины,—а надъ несостоятельнымъ антикваріемъ наряженъ судъ новаго времени, торжественно изрекающій: «Виновенъ!»

Я вторично привожу къ общему знаменателю и точно формулирую свои требованія: полная равноправность обоихъ половъ въ области науки и искусства, какъ относительно средствъ образованія, такъ и относительно приложенія пріобрѣтеннаго образованія къ практической дѣятельности. И я пишу на своемъ знамени тотъ же девизъ, который королева гранадская носила на своемъ: «No puedo desear mas, ni contentarme con menos» (я не могу ни требовать бóльшаго, ни удовлетворяться меньшимъ).

X.

Появленіе женскаго вопроса на горизонтѣ общественнаго сознанія не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго. Изъ того же источника, изъ котораго вытекли всѣ стремленія новѣйшей эпохи, возникъ и женскій вопросъ. Стремленія женщины совпали съ побѣдой идеи надъ предразсудками, традиціей и рутиной, съ торжествомъ того жизненнаго принципа, который положилъ начало всеобщаго нравственнаго возрожденія,—принципа безусловной индивидуальной свободы.

Не голодъ, не соціалистическій миражъ, не профанація брака, не m-me Сталь или Жоржъ-Зандъ вызвали къ жизни этотъ вопросъ,—нормальный ходъ цивилизаціи самъ по естественной необходимости исторгнулъ его изъ груди человѣчества.

Когда женщина желаетъ свободы, то она желаетъ ея не ради зла, а ради блага. Чѣмъ менѣе женщина пользовалась свободой и независимостью, тѣмъ болѣе возрастали куртизанство и развратъ. Это доказала Греція во время своего блеска и процвѣтанія.

Въ заключеніе я позволяю себѣ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: если мужчина желаетъ писать о женскомъ вопросѣ, онъ долженъ обладать, во-первыхъ, сердцемъ, преисполненнымъ любви къ человѣчеству. Безъ этого онъ никогда не будетъ въ состояніи понять и оцѣнить тѣхъ страданій части человѣчества, которыя совершенно чужды ему, какъ человѣку другого пола. Привычка покрыла наше чувство справедливости ледяною корой, которая можетъ растаять лишь на огнѣ чистой и пламенной любви къ человѣчеству. Во-вторыхъ, онъ долженъ владѣть глубокой и оригинальною силой мышленія, ибо въ этомъ вопросѣ надобно раскрыть и объяснить духовную эпидемію, тяготѣвшую цѣлыя тысячелѣтія надъ всѣми народами земли, надобно разгадать первые проблески этой страшной заразы и указать причины, ее произведшія.

К. В.

КРАСНЫЯ РУКИ.

I.

Красныя руки, рабочія руки,
Много узнали вы горя и муки!
Много трудились вы ночью и днемъ
Въ страшной заботѣ о «миломъ», о «немъ»!
Знать, небеса справедливо рѣшили,
Чтобъ эти руки все шили да шили,
Хлѣбъ добывая сперва для одной—
Бѣдной швеи, истомленной, больной,
Послѣ—для двухъ: для нея и ребенка.
Красныя руки, бѣдняжка Олёнка!
Повѣсть твою (въ назиданье для дамъ)
Я неискуснымъ стихомъ передамъ.

II.

Красныя руки, рабочія руки
Шили да шили, не вѣдая скуки.
Было ли время скучать, и о чемъ?—
Жизнь для Олёнки была палачомъ;
Жизнь эта душу и тѣло губила...
Все же Олёнка ее полюбила
И не боялась ея, палача,

Швейной машиною бодро стуча.
... Если машина въ ночи умолкала,
Какъ ты ее цѣловала, ласкала,
Доброе сердце предъ ней не тая:
— «Обѣ уснемъ горемыка моя!»

III.

Красныя руки несли разъ картонку.
Вдругъ нагоняетъ «съ работой» Олёнку
Баринъ-красавецъ.—«Помочь вамъ, мамзель?
Чтò вы бѣжите... быстрѣй, чѣмъ газель?
Знаете, звѣрь есть такой?..»—«Не слыхала...»
И побѣжала она отъ нахала.
Баринъ—за ней, въ переулокъ, и тамъ
Онъ прикоснулся къ горячимъ устамъ;
Красныя руки пожалъ онъ съ любовью.
Гордо Олёнка нахмурилась бровью,
Но... чрезъ полгода (ужасное *но!*)
Было ужь то, чему быть суждено.

IV.

Красныя руки *его* обвивали;
Страстныя губы *его* цѣловали...
(Губы?... Не ловко! Не лучше-ль—«уста»?)
Впрочемъ, Олёнкина повѣсть проста.
Было бы странно и дико о многомъ
Здѣсь выражаться торжественнымъ слогомъ.
Будемъ попроще. Не правда ли: да?
Не осмѣемъ мы святого труда?...
Трудъ обольщенной, несчастной Олёнки
Весь устремленъ былъ тогда... на пелёнки.
Красныя руки ихъ шили тайкомъ,
Съ трепетомъ, съ дрожью надъ каждымъ стежкомъ.

V.

Красныя руки все больше худѣли.
Дни проходили, за днями—недѣли.
Онъ не являлся. Когда же, порой,
Къ ней забѣгалъ благородный герой,—
Холоденъ былъ онъ, не ласковъ, какъ прежде;
Не говорилъ онъ о сладкой надеждѣ
Съ ней, «Красноручкой», всю жизнь провести;
Мрачно твердилъ:—«Извини и прости,
Если тебѣ предлагаю, Елена,
Не упадать предо мной на колѣна:
Не граціозно выходитъ, другъ мой!
Также... и красныя руки умой!

VI.

«Красныя руки... что̀ можетъ быть хуже?...
Ты, словно Гретхенъ, мечтаешь о мужѣ.
Другомъ ли, мужемъ ли буду, о томъ
Мы объясниться успѣемъ потомъ.
Прежде всего откровенно обсу́димъ:
Какъ мы «съ руками» ужасными будемъ?
Личикомъ, ножкой и всѣмъ ты взяла...
Жаль, что ручонка твоя не бѣла!
Средства найдутся: лѣкарства, помады...
Развѣ съ тобой дикари мы, номады?
Имъ не грѣшно эти руки имѣть...
Будетъ же плакать. Довольно. Не смѣть!»

VII.

Красныя руки слезу утирали.
Онъ говоритъ: «Мнѣ въ театръ не пора ли?
Нынче Островскаго будетъ «Гроза»...—
И убѣгалъ... Закрывая глаза̀

Красной рукою, Олёнка стонала.
... Бѣдная, бѣдная! ты и не знала,
Что нищета, да мучительный трудъ—
Страхъ живущи́: никогда не умрутъ.
Глупая! даже не знала того ты:
Руки бѣлѣютъ всегда... безъ работы.
Руки, какъ лиліи, чисты всегда,
Если не знаютъ святого труда.

VIII.

Красныя руки съ упорнымъ стараньемъ
Долго лѣчили себя «притираньемъ»,
Чистились, мылись душистой водой,—
Такъ повелѣлъ донъ-Жуанъ молодой.
Сладко жилось москвичу донъ-Жуану,
Ка̀къ, почему?—объяснять вамъ не стану...
Но голодала бѣдняжка моя,
«Красныя руки», Олёнка швея.
.... Мальчикъ родился. Красавчикъ—въ папашу...
Вѣрю я слѣпо въ «чувствительность» вашу:
Жаль вамъ Олёнки и жаль сироты?!...
Мальчикъ! на свѣтѣ не лишній ли ты?

IX.

«Красныя руки» томишь ты собою,
Дѣлаешь мать подневольной рабою,
Грудь истощаешь... А грудь такъ плоска̀,
Словно твоя гробовая доска.
Лучше умри, преждевременный птенчикъ!
Тятька, авось, разорится на вѣнчикъ,
Можетъ-быть купитъ онъ гробикъ простой...
... Нѣтъ, не ложися въ могилку, постой,
Здѣсь поживи—въ этомъ мірѣ широкомъ,

Будь для «папаши» жестокимъ упрекомъ!
Но, прижимаясь къ родимой груди,
Бѣлыя руки ласкать погоди!...

X.

Красныя руки, склонясь къ колыбели,
Съ каждымъ днемъ больше и больше грубѣли.
Умеръ ребенокъ. За гробомъ одна
Шла «краснорукая» мать—холодна,
Мрачно-сурова. Ей жизнь надоѣла.
Часто машина стояла безъ дѣла.
Бѣдность просилась: «стукъ-стукъ!»—у дверей.
—«Мнѣ умереть бы пора, поскорѣй.
Милый придетъ—озирается букой,
Злобно ругаетъ меня «краснорукой»...
Батюшки-свѣты! да кѣмъ же мнѣ стать,
Чтобъ благородныя руки достать?...»

XI.

«Красныя руки» остались, чѣмъ были,
Койку въ больницѣ «для бѣдныхъ» добыли.
Нумеръ седьмой, предъ кончиною, вдругъ
Сталъ образцомъ благороднѣйшихъ рукъ.
Смерть приближалась. Въ мгновенія эти
Бѣлыя руки повисли, какъ плети.
—«Холодно, спрячь ихъ!»—сидѣлка твердитъ.
Нѣжно Олёнка на руки глядитъ,
Думаетъ: «Боже! Теперь бы *онъ* встрѣтилъ,—
Чистыя руки сейчасъ бы замѣтилъ,
Къ сердцу прижалъ бы меня отъ души...
Какъ мои руки теперь хороши!»

XII.

Бѣлыя руки, изящныя руки!
Къ вамъ подошелъ «представитель науки»,

Жрецъ Эскулапа... Пожавши плечомъ,
Онъ усмѣхнулся: «Я здѣсь—ни при чемъ.
Даромъ я бросилъ собраніе наше...»
И—погрузился опять въ ералашѣ.
Нѣкто спросилъ:—«Оторвàли дѣлà?»—
—«Да, бѣлоручка при мнѣ умерла.
Зналъ ты ее, какъ мнѣ помнится?... Умеръ
Въ злѣйшей чахоткѣ седьмой этотъ нумеръ».—
—«Нумеръ не мой! Невиновенъ здѣсь я...
Красныя руки имѣла *моя*!»

Л. Трефолевъ.

Замѣтки о русской и нѣмецкой восточной политикѣ въ связи съ славянскимъ вопросомъ.

III (Продолженіе *).

Пропаганда федеральныхъ идей и восточно-славянской миссіи Австріи.

Брошюра, съ которой мы теперь готовимся познакомить читателей, носитъ названіе «La Pologne et les Habsbourg» и въ ней, какъ показываетъ самое названіе, рѣчь идетъ не о славянахъ вообще, а въ частности о полякахъ, и притомъ не объ австрійскихъ только, а обо всей польской націи въ совокупности. Приступая къ изложенію этой брошюры, мы должны предупредить читателей о томъ,—чтò они, вѣроятно, и сами предчувствуютъ уже, — что имъ придется встрѣтить тутъ много такого, чтò разумно смотрящему на вещи и искренно любящему свое отечество русскому тяжело и горько читать. Сами на себѣ испытывая, какъ болѣзненно отзываются въ сердцѣ подобныя вещи, мы никогда не позволили бы себѣ подвергать подобной нравственной пыткѣ другихъ, еслибы не указанное уже оффиціозное происхожденіе брошюры. Намъ нѣтъ надобности разъяснять,—каждый понимаетъ и безъ того,—какую громадную разницу дѣлаетъ это въ значеніи сочиненія. Будь это произведеніе какого - нибудь польскаго патріота, кого - нибудь изъ тѣхъ «дѣятелей», которые, въ силу своей суетливости, мнятъ себя предводителями и руководителями польскаго народа, или одного изъ тѣхъ несчастныхъ, лишенныхъ родины, а съ нею вмѣстѣ и всего, чтò дорого въ жизни, которые утѣшаютъ себя политическими мечтаніями, изложенными на бумагѣ,—мимо него, т. е. мимо этого произведенія, можно бы пройти, не обративъ на него вниманія. Мало ли мечтаній ежедневно публикуется во всеобщее свѣдѣніе у насъ самихъ, какъ и вездѣ въ Божьемъ мірѣ? Но разъ мечтанія печатаются по заказу и по указаніямъ правительства великой державы, да еще такой, которая полагаетъ, что ей «придется можетъ-

*) *Русская Мысль*, кн. XI.

быть принудить насъ взяться за наше дѣло», какъ ее въ свое время принудили взяться за свое, т. е. попросту вести съ нами ожесточенную войну на жизнь и смерть,—то такія мечтанія оставлять безъ вниманія нельзя. Это ужь не сонъ на яву, это—серьезный политическій фактъ, игнорировать который было бы и не умно и можетъ-быть не безопасно. Мы отнюдь не намѣрены вдаваться въ настоящее время въ подробныя разсужденія о польскомъ вопросѣ,—это вопросъ слишкомъ важный для Россіи и для всего славянскаго дѣла, чтобъ о немъ можно было говорить вскользь. Польскому, какъ, впрочемъ, и каждому изъ главныхъ славянскихъ племенъ, будетъ посвящена отдѣльная глава, въ которой мы постараемся разсмотрѣть, насколько съумѣемъ, какъ частные политическіе и экономическіе интересы этого племени, такъ и обусловливаемое ими отношеніе его къ остальному славянству, къ славянской идеѣ. Предлагая читателямъ подробныя выдержки изъ брошюры «La Pologne et les Habsbourg», мы только желаемъ познакомить ихъ съ тѣмъ, что предлагаетъ полякамъ Австрія, чѣмъ она эти предложенія мотивируетъ и какъ думаетъ—по крайней мѣрѣ обѣщаетъ—осуществить ихъ на дѣлѣ.

Въ чемъ другомъ, а въ ловкости, въ удивительномъ умѣньи подмѣчать и эксплуатировать самомалѣйшія особенности и слабости людей австрійскому правительству отказать нельзя. Ужь не говоря о большой политикѣ, въ произведеніяхъ бюро печати не только содержаніе, но даже внѣшняя форма, манера изложенія и слогъ ихъ просто артистически приспособлены къ тому, о чемъ и къ кому обращается рѣчь. Напримѣръ, эти двѣ брошюры: предыдущая, обращенная въ нѣмцамъ, и нижеслѣдующая, обращенная къ полякамъ. Насколько въ первой все строго-научно, серьезно, точно и ясно, съ проглядывающей мѣстами сдержанною страстностію, но безъ всякихъ фразъ, настолько во второй — все высокомѣрно, торжественно, мѣстами трагично, вездѣ фразисто, звонко и звучно. Тамъ—безъукоризненная вѣрность историческихъ фактовъ, глубокая философія и чрезвычайная заботливость о матеріальныхъ интересахъ, здѣсь—болѣе чѣмъ смѣлая безцеремонность въ отношеніи къ исторіи, а также и къ географіи, поэзія на мѣсто философіи и самое аристократическое презрѣніе къ меркантильнымъ разсчетамъ. Словомъ, тамъ все разсчитано на умъ, на строгую критику, здѣсь — на сердце, на впечатлительность. Но — и это можетъ-быть всего ловчѣе — все это въ мѣру, не черезъ край. Фразъ много, но онѣ не неумѣстны,—много передержекъ и подтасовокъ, но онѣ удачно прикрыты искусною группировкой такихъ фактовъ и доводовъ, что противъ нихъ иной разъ нечего возразить. Въ общемъ вся суть брошюры,—все, что предлагается ею полякамъ,—можетъ быть какъ нельзя вѣрнѣе выражена извѣстной русскою поговоркой: «будь другъ, поди въ солдаты». Но при этомъ такъ краснорѣчиво расписываются безподобныя прелести солдатскаго житья и такъ логически доказывается неминуемая необходимость идти въ солдаты, по неимѣнію никакой надежды на иной вы-

ходъ, что все это могло бы увлечь людей и болѣе хладнокровныхъ и поставленныхъ въ менѣе тяжелыя условія жизни, чѣмъ бѣдные наши братья, славяне польскаго племени.

Цѣль брошюры, пространно и витіевато развиваемая, заключается въ томъ, чтобъ опредѣлить: «каковы интересы поляковъ? Въ какую сторону ихъ влекутъ ихъ симпатіи? Откуда они могутъ ожидать себѣ помощи?» Въ брошюрѣ такъ настойчиво—не разъ и не два, а по крайней мѣрѣ десять разъ—повторяется, что именно *это*, а не что-либо иное имѣется въ виду, по обыкновенію, анонимнымъ авторомъ, что у самаго благосклоннаго читателя невольно возникаетъ сомнѣніе: полно, такъ ли это,—въ самомъ ли дѣлѣ это *настоящая* цѣль?... И дѣйствительно, сомнѣніе это оказывается справедливымъ.

Мотивируя причины появленія въ свѣтъ брошюры именно въ данное время, авторъ (для удобства мы будемъ употреблять это слово, хотя его и дико какъ-то примѣнять къ человѣку пишущему подъ диктовку) самъ выдаетъ въ самомъ дѣлѣ *настоящія* цѣли своихъ патроновъ. Но предоставимъ говорить самой брошюрѣ:

«У современной политики часто бываютъ капризы, и ея безпрестанныя метаморфозы таковы, что онѣ въ состояніи привести въ недоумѣніе самаго добросовѣстнаго наблюдателя. Смиренно преклоняясь подчасъ передъ господствомъ силы, она кажется какъ бы не имѣющей иныхъ цѣлей, какъ только удовлетвореніе честолюбивыхъ аппетитовъ, безъ малѣйшей заботы объ истинныхъ стремленіяхъ народовъ. Потомъ за промежутками этой нравственной прострацiи слѣдуютъ моменты внезапнаго пробужденія. Кажется, какъ будто Европа стыдится самой себя и желаетъ реабилитироваться, взывая къ великодушнымъ идеямъ, къ гуманнымъ чувствамъ. Тогда она, внимательная къ голосу мыслителей и философовъ, храбро беретъ въ свои руки дѣло прогресса, поддерживаетъ какую-нибудь племенную борьбу и доставляетъ ей торжество. Это благословенныя минуты, въ которыя Господь заставляетъ проявляться въ лучезарномъ сіяніи вѣчные принципы справедливости, свободы и равенства. Человѣчество начинаетъ снова надѣяться и снова вѣрить. Въ благородномъ порывѣ оно совершаетъ настоящія чудеса, призывая къ жизни національности, давно ужь, казалось, навсегда умершія подъ тяжестью вѣковаго гнета.

«Къ несчастію, эти порывы длятся не долѣе одного мгновенія. Подъ вліяніемъ современнаго скептицизма разочарованіе наступаетъ скоро; свѣтъ, лишенный компаса и руководителя, опять отдаетъ себя на волю теченія. И горе тѣмъ, кто не умѣетъ понять во-время, что минута прошла... Впрочемъ, Европа, повидимому, даже въ самыхъ возвышеннѣйшихъ порывахъ своихъ, не умѣетъ отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ непонятныхъ пристрастій. Самыя великодушныя ея дѣйствія всегда носятъ характеръ настоящихъ partis pris. Полная состраданія и доброжелательства къ однимъ народамъ, она не выказываетъ ничего, кромѣ плохо маскируемаго равно-

душія, къ другимъ, которые однако же заслуживали бы ея вниманія героизмомъ своего мученичества и стоическою добродѣтелью своихъ храбрыхъ защитниковъ. Конечно *(и въ томъ-то именно заключается опасность)*, отъ времени до времени подпимаются голоса, требующіе покровительства и справедливости и для забытыхъ, и голоса эти, пожалуй, могутъ принять за уполномоченные на такое требованіе. Но всегда ли они искренны? И не рискуютъ ли народы, послушавшись ихъ, сдѣлать роковую ошибку, вступивъ на зловредный путь? Есть одинъ народъ въ особенности, которому слѣдуетъ научиться недовѣрять отнынѣ безцѣльнымъ энтузіазмамъ и легкомысленнымъ увлеченіямъ. Есть нація, интеллигентная и рыцарская какъ ни одна иная, которой кровь текла за всякое великое дѣло и которой очередь, между тѣмъ, не наступаетъ никогда въ минуты, когда фортуна раздѣляетъ свои дары...»

Эта нація—польская. Въ грандіозныхъ порывахъ великодушія, Европа воскресила Грецію, дала Италіи національное единство и подняла саванъ, подъ которымъ умиралъ христіанскій Востокъ: Сербія и Румынія поставлены на ноги, вполнѣ независимыя, Болгарія нашла могущественныхъ и твердыхъ защитниковъ. Одна лишь нація-мученица, польская нація, раздробленіе которой было великимъ историческимъ преступленіемъ прошлаго столѣтія (это *вѣнское* бюро печати говоритъ!), оказывается забытой всѣми, несмотря ни на что. Никто не протягиваетъ ей руки, никто не хочетъ помочь ей снова занять мѣсто среди другихъ націй. Часто, слишкомъ часто, злоупотребляли ею и ея именемъ, чтобы придать нѣкоторый поэтическій лоскъ такимъ комбинаціямъ, въ которыхъ не смѣли сознаться. Взывали къ ея героизму, показывая ей вдали единственную награду, какой она когда-либо добивалась, т. е. національную независимость. На каждый такой призывъ поляки откликались со всей, свойственною имъ, стремительностью: они шли на зовъ, сражались какъ львы, проливали свою кровь, погибали тысячами, а въ концѣ концовъ ихъ всегда обманывали, всегда на ихъ долю доставались лишь неблагодарность и горькія разочарованія...

«Однако,—продолжаетъ брошюра,—несмотря на столько вынесенныхъ нами испытаній, на столько тяжелыхъ уроковъ, насъ все еще, повидимому, считаютъ способными увлекаться громкими словами. Уже въ извѣстныхъ политическихъ сферахъ готовится новая агитація, которую мы имѣемъ полное основаніе считать опасной и которую поэтому рѣшаемся заклеймить съ величайшею энергіей. Въ Парижѣ фабрикуются и оттуда распространяются по всей Европѣ брошюры, приглашающія насъ протянуть руку нашимъ угнетателямъ, помириться съ Россіей!.. Намъ говорятъ: русская и польская націи—обѣ славянскія, это—націи-сестры; ихъ вѣчная распря между собой есть распря братоубійственная. Говорятъ еще: русскій царь—король польскій на основаніи трактатовъ... Наконецъ, есть еще одинъ аргументъ, который постоянно встрѣчается на этомъ пути и ко-

торый навѣрное будутъ повторять не разъ. Говорятъ: съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ Польша по неволѣ должна вступить въ тѣсную связь съ Россіей. Ея матеріальное благосостояніе зависитъ отъ этого союза...»

Итакъ, вотъ въ чемъ суть дѣла. Уяснить, *кто можетъ* и, при извѣстныхъ условіяхъ, *захочетъ возстановить Польшу*, понадобилось потому, что среди поляковъ, во всѣхъ ихъ многоразличныхъ кружкахъ и во всѣхъ частяхъ бывшей Польши идетъ и видимо усиливается движеніе въ пользу сближенія и примиренія съ Россіей. Это движеніе, или, по выраженію автора, «агитація», очевидно, сильно не нравится ему.

«Отъ кого могутъ исходить подобныя мысли?—спрашиваетъ авторъ.—Пробовали увѣрять, что парижскія упомянутыя брошюры внушены польскою эмиграціей. Да будетъ намъ позволено съ негодованіемъ отвергнуть подобную инсинуацію... Впрочемъ, скажемъ сейчасъ же, что тѣ, кого обыкновенно называютъ *эмиграціей*, не имѣютъ и не имѣли никогда полномочія говорить и дѣйствовать отъ имени польской націи. Въ средѣ этой эмиграціи есть прекрасныя, заслуживающія всякаго уваженія, личности, но онѣ и сами признаются, что не имѣютъ никакого права дѣйствовать во имя всей Польши, и притомъ, еще разъ, отъ *этихъ* личностей не можетъ исходить мысль о примиреніи съ Россіей. Но тогда отъ кого же?... Чтобъ узнать это, намъ стоитъ вспомнить старинную латинскую поговорку: «Qui prodest?...» Вотъ что говорится въ одной изъ французскихъ брошюръ: «Разстройство тройственнаго союза въ ущербъ одного изъ трехъ императоровъ есть фактъ величайшей важности, *серъезная опасность для Россіи*,—событіе, которое можетъ вызвать кровавыя катастрофы во всей Европѣ. Противъ этой вѣроятности, на которую видимо указываетъ австро-прусское соглашеніе, *можно можетъ-быть найти несокрушимое оружіе въ разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ между Россіей и Польшей*». Итакъ, вотъ что уясняетъ дѣло. Россіи грозитъ серьезная опасность, поэтому мы должны летѣть къ ней на помощь. Такъ какъ она чувствуетъ, что остріе австро-германской сабли направлено противъ нея, то она хочетъ создать себѣ новое оружіе, примирившись съ Польшей. И неужели кто-нибудь надѣется, что найдутся наивные люди, которые поддадутся этой дѣтской игрѣ, такъ неловко разоблаченной на первыхъ же порахъ? Неужели думаютъ, что для того, чтобы замаскировать свирѣпый эгоизмъ такого дерзкаго требованія, достаточно указать намъ на изображеніе нашего отечества и наши національные цвѣта и прокричать при этомъ напыщеннымъ тономъ: «Нѣтъ, еще Польша не погибла! Она можетъ еще воскреснуть и снова встать на ноги!...» Помилуйте, да Европа разразилась бы страшнымъ хохотомъ, еслибы между нами нашелся хоть одинъ, который отвѣчалъ бы на предложеніе подобнаго рода! Насъ разъ и навсегда перестали бы prendre au sérieux, и та малая доля симпатіи, которой насъ порою удостоиваютъ, замѣнилась бы глубокимъ презрѣніемъ».

Порѣшивъ такимъ образомъ съ вопросомъ въ принципѣ, австрійскій чиновникъ, отрицающій право польской эмиграціи говорить именемъ польской націи и говорящій за поляковъ «мы», принимается разбирать по частямъ аргументы сторонниковъ примиренія, причемъ прежде всего, разумѣется, проводитъ параллель между нынѣшнимъ положеніемъ Царства Польскаго и Галиціи. Онъ старается доказать читателю, что внутреннее положеніе этихъ двухъ разрозненныхъ частей Рѣчи Посполитой похоже одно на другое какъ небо и земля. Въ одной—гнетъ и полное безправіе какъ націи въ цѣломъ, такъ и каждой отдѣльной личности въ ней; въ другой—полная автономія націи и полная же, обставленная всевозможными гарантіями закона, свобода личности. Въ одной—искуственныя преграды образованію, подавленная мысль, приговоренное къ вѣчному молчанію слово; въ другой—широкая культура, наука и литература ничѣмъ не стѣсненныя, свобода слова настолько обширная, что почти смѣшно и говорить о стѣсненіяхъ въ этомъ отношеніи. Въ одной—мертвый застой и не только абсолютное отсутствіе, а хотя бы то намекъ на политическую жизнь, даже простой разговоръ о возможности ея считается чуть не преступленіемъ; въ другой—политическая жизнь, во всемъ многостороннемъ объемѣ этого слова, бьетъ горячимъ животворнымъ ключомъ. Въ одной поляки вытѣснены въ своей родной землѣ почти изъ всѣхъ оффиціальныхъ сферъ, не допускаются на коронную службу и лишены права пріобрѣтать земельную собственность; въ другой—полякамъ открыты всѣ двери, всѣ сферы общественной и государственной дѣятельности и двое изъ нихъ засѣдаютъ даже въ министерскихъ креслахъ... Передъ лицомъ такой двойной картины авторъ патетически восклицаетъ: «Можете себѣ представить нашу милую Галицію, отказывающуюся отъ своихъ депутатовъ, отъ своего сейма, отъ свободнаго обсужденія своихъ дѣлъ для того, чтобы перейти подъ господство системы... «благоусмотрѣнія»!... Не подлежитъ сомнѣнію, не можетъ быть оспариваемо, что Галиція, подъ управленіемъ Габсбурговъ, сдѣлалась очагомъ политической, умственной и моральной жизни польской націи. Никакія разглагольствованія не могутъ побороть этой истины. Никакія соображенія матеріальныя, финансовыя не могутъ уничтожить очевидность и сдѣлать, чтобы свѣтъ превратился въ тьму... Еслибъ это увѣреніе (то-есть что матеріальные интересы Польши связываютъ ее съ Россіей и этими связями обусловливаются) и было справедливо, оно все же могло бы имѣть лишь очень незначительное вліяніе на громадное большинство поляковъ. Наши соотечественники—люди наименѣе во всемъ свѣтѣ доступные подобнымъ соображеніямъ. Впрочемъ, и не у насъ однихъ, а вездѣ, во всѣхъ уголкахъ вселенной, гдѣ только поднимается національный вопросъ, вездѣ онъ дѣлается настолько господствующимъ надъ всѣми прочими, что почти стыдно останавливаться мыслію надъ матеріальными интересами...»

Конечно, восклицанія—не аргументы и сколько ни наставь восклицательныхъ знаковъ, сколько ни наговори громкихъ фразъ, экономическихъ вопросовъ ими не рѣшишь. Но всякій безпристрастный читатель согласится, что въ извѣстныя эпохи и при извѣстныхъ условіяхъ фразы и восклицанія могутъ играть очень большую роль. Къ тому же въ только-что приведенныхъ тирадахъ не все, къ сожалѣнію, можетъ быть названо фразой. Напримѣръ, замѣчаніе о томъ, что національный вопросъ вездѣ и всегда отодвигаетъ на задній планъ всѣ прочіе,—это замѣчаніе не фраза, а фактъ. Впрочемъ, объ этомъ еще будетъ время поговорить основательнѣе, а теперь необходимо вернуться къ брошюрѣ.

Разсуждая о томъ, дѣйствительно ли международные трактаты обезпечиваютъ за Императоромъ Русскимъ титулъ и достоинство короля польскаго, авторъ (просимъ читателя не забывать, что авторъ пишетъ по нарочитому заказу и подъ диктовку австрійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ) задаетъ вопросы: «Какіе трактаты? Развѣ въ современной Европѣ существуютъ еще какіе-нибудь трактаты, которые не были бы нарушены? Ужь не о трактатахъ ли 1815 года идетъ рѣчь? Но Бельгія, отдѣлившись отъ Голландіи, открыто попрала ихъ. Франція нанесла имъ чувствительный ударъ въ ту минуту, какъ выгнала Бурбоновъ, а Италія нарушила ихъ еще того сильнѣе, свергнувъ съ престоловъ князей тосканскихъ, короля неаполитанскаго, папу и прочихъ мелкихъ государей Аппенинскаго полуострова и провозгласивъ свое національное единство подъ скипетромъ савойской династіи... Почему же это мы, поляки, одни во всей Европѣ должны были бы уважать такіе трактаты, которые всѣ и каждый нарушали безъ малѣйшаго колебанія? Да и недавно еще въ британскомъ парламентѣ обсуждался вопросъ этого рода по отношенію къ трактату несравненно позднѣйшему. Франція, Австрія и Англія, въ 1856 году, торжественно гарантировали неприкосновенность оттоманской территоріи. Кому не извѣстно, что̀ съ тѣхъ поръ послѣдовало съ этою неприкосновенностью?.. Между тѣмъ Парижскій трактатъ еще существуетъ,—онъ не уничтоженъ формально. Но что можно сказать о его дѣйствительной силѣ? На запросъ, сдѣланный по этому поводу лорду Биконсфильду, бывшій министръ королевы Викторіи отвѣчалъ очень спокойно, что хотя договоры 1856 года и существуютъ еще, *но что примѣнить ихъ къ дѣлу невозможно*. Какъ скоро подобная отговорка кажется достаточной для министровъ либеральной монархіи, то съ какими глазами могутъ приводить ссылки на трактаты противъ насъ и въ пользу самодержавной власти, которая съ своей стороны не признаетъ никакихъ иныхъ законовъ, никакихъ принциповъ, кромѣ собственной воли?»

Всякій согласится, полагаемъ, что эта полная презрѣнія филиппика противъ международныхъ трактатовъ по меньшей мѣрѣ удивительна, принимая во вниманіе, что она внушена правительствомъ одной изъ подписавшихъ эти трактаты державъ, да еще именно ея министромъ иностранныхъ дѣлъ. Поло-

жимъ, всѣ упоминаемые въ филиппикѣ европейскіе трактаты дѣйствительно кромѣ презрѣнія ничего не заслуживаютъ, но тѣмъ не менѣе высказываніе этого заслуженнаго презрѣнія по внушенію министра—явленіе далеко не заурядное и знаменательное. То, что слѣдуетъ далѣе, еще знаменательнѣе.

«Всякая верховная власть, даже неограниченная, подразумѣваетъ собою существованіе договора между народомъ и главой государства. Иногда молчаливый, но всегда реальный, этотъ договоръ, на который монархи Божіею милостію всегда первые ссылаются, покоится на взаимныхъ симпатіяхъ, также какъ и на добровольномъ согласіи населеній. Со времени коммунальныхъ хартій XII столѣтія и до анекціонистскихъ плебисцитовъ нашихъ дней міръ не зналъ иныхъ основъ монархическаго права. Варьировались способы примѣненія, но принципъ оставался тотъ же. Ну, а въ данномъ случаѣ гдѣ же взаимныя симпатіи? Гдѣ добровольное согласіе населеній?... О, сами тѣ, которые проповѣдуютъ намъ примиреніе, принуждены сознаться, что подъ русскимъ владычествомъ Польша не пользуется ни автономіей, ни свободой религіи, ни даже роднымъ языкомъ.... Но не будемъ безполезно увеличивать число этихъ страницъ разсказами о всѣхъ чудовищныхъ фактахъ... Одно вполнѣ достовѣрно: русскіе государи не исполнили по отношенію къ Польшѣ ни одной изъ обязанностей верховной власти. Они не только не заботились о ея благосостояніи, но отдали ее на съѣденіе цѣлой шайкѣ чиновниковъ, которые эксплуатировали ее съ жадностію, какъ добычу; они разбросали по всѣмъ вѣтрамъ ея достояніе, ея законы, ея убѣжденія и вѣрованія... И въ этомъ-то заключались бы ихъ права на титулъ польскихъ королей?!...

«Да вѣдь они же, въ довершеніе всего, сами отвергли этотъ титулъ, вѣроятно, показавшійся имъ неблагозвучнымъ. Для нихъ эта страна, которая, они чувствуютъ, содрогается подъ ихъ навязаннымъ скипетромъ,—эта страна не имѣетъ болѣе легальнаго существованія. Они самое имя ея вычеркнули съ карты Европы: ихъ верховною властію конгресовая Польша именуется нынѣ «Привислянскимъ краемъ». Такимъ образомъ они собственными руками уничтожили окончательно то, что еще могло сохранить за ними хоть подобіе права. Трактаты не существуютъ болѣе уже потому, что русскіе государи сами уничтожили ихъ. Корона Ягеллоновъ, Собѣсскихъ и стольких другихъ легендарныхъ героевъ законнымъ образомъ сдѣлалась нынѣ вакантной. Польская нація вновь вступила въ обладаніе своимъ первоначальнымъ правомъ предложить эту корону наиболѣе достойному».

Рискуя надоѣсть читателямъ частымъ повтореніемъ одного и того же, мы вынуждены напомнить имъ еще разъ, что все изложенное написано австрійскимъ чиновникомъ,—человѣкомъ, оффиціально состоящимъ на службѣ въ бюро печати при вѣнскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ,—и написано, слѣдовательно, не только съ-вѣдома, но по приказанію и подъ

предварительною цензурой начальствующихъ въ бюро лицъ, которыя сами получаютъ инструкціи непосредственно отъ министра... (Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, даже и эти, все-таки второстепенныя, лица не при чемъ. Мы имѣемъ основательные поводы утверждать, что брошюра «La Pologne et les Habsbourg» написана подъ цензурой самого министра.) Кто внимательно прочелъ приведенныя выписки, того не могли не поразить рѣзкость выраженій (еще значительно смягченная нами) и рѣшительность тона брошюры. Безспорно, анонимная брошюра и даже десятки таковыхъ ни къ чему *не обязываютъ* правительство, которое *оффиціально* не можетъ быть дѣлаемо отвѣтственнымъ за произведенія печати, хотя бы и существовало подозрѣніе, что эта печать зависимая, оффиціозная. Но опять-таки, думаемъ, всякій согласится, что собственно отсутствіе оффиціальности играетъ тутъ роль только до поры до времени и что даже подъ удобнымъ прикрытіемъ анонима правительства не имѣютъ обыкновенія печатно высказывать подобныя вещи, во-первыхъ, безъ цѣли и, во вторыхъ, при такой морально-компрометирующей ихъ обстановкѣ, какъ состояніе отвѣтственнаго автора на службѣ въ учрежденіи, подобномъ бюро печати, завѣдомо для всѣхъ существующемъ лишь затѣмъ, чтобы воздѣйствовать на общественное мнѣніе. Такія вещи и такимъ языкомъ говорятъ только тогда, когда ужъ нечего беречь, когда извѣстные политическіе корабли безповоротно обречены на сожженіе и только не наступилъ еще моментъ приложить зажженную спичку къ давно собраннымъ горючимъ матеріаламъ. Сжиганіе кораблей—дѣло всегда рискованное. На него никто не рѣшается, покуда есть хотя малѣйшій шансъ обойтись безъ такого героическаго средства. Обыкновенно оставляютъ про запасъ хоть пару другую утлыхъ лодчонокъ, на которыхъ можно бы было вернуться назадъ, въ случаѣ надобности. Если мы видимъ, что въ данномъ случаѣ австрійское правительство даже объ этихъ лодчонкахъ не считаетъ нужнымъ заботиться, то есть основаніе предполагать, что оно твердо рѣшилось въ удобный для того моментъ повторить громко, открыто и оффиціально то, что теперь говоритъ подъ прозрачнымъ покровомъ оффиціознаго анонима. Дальнѣйшее знакомство съ брошюрой докажетъ это какъ нельзя болѣе ясно, а въ то же время опредѣлитъ съ несомнѣнною точностью если не самую эпоху наступленія удобнаго момента, то по крайней мѣрѣ условія, при которыхъ онъ долженъ наступить.

Прежде всего обратимъ вниманіе на время появленія брошюры—лѣтомъ 1880 года, мѣсяца за два или за три до посѣщенія Галиціи императоромъ Францемъ-Іосифомъ—и на то, какъ она сама объясняетъ событіе, которому служитъ предшественницей: «Каждый разъ, какъ императоръ посѣщалъ одну изъ провинцій своей имперіи, Галиція спрашивала себя: когда же наступитъ и ея очередь. Много разъ ея представители усердно просили главу государства уступить ея желаніямъ,—такъ стремилась она присоединить и свои восторженныя восклицанія къ тѣмъ, которыя всюду встрѣ-

чаютъ нашего честнаго, рыцарскаго государя. Однако же ей приходилось покорно ждать, и если Галиція, съ обычнымъ своимъ тактомъ, *понимала мотивы, изъ-за которыхъ такъ долго откладывались путешествія императора*, то можно представить себѣ, съ какой глубокою радостью узнала она теперь, что *этихъ мотивовъ не существуетъ болѣе*. Дѣйствительно, въ нынѣшнемъ году добрая вѣсть подтверждена, наконецъ, оффиціально: въ сентябрѣ императоръ посѣтитъ Краковъ и Львовъ, и это посѣщеніе, какъ бы кратковременно оно ни было, будетъ и для населенія, *и для дипломатическаго міра* имѣть все значеніе выдающагося политическаго событія. Всѣмъ рѣшительно было извѣстно, что глава австро-венгерской династіи главнымъ образомъ желалъ, во что бы то ни стало, избѣжать тѣхъ овацій, которыя ждали его въ Галиціи. Хорошо сознавая свою популярность, *Францъ-Іосифъ боялся задѣть ею слишкомъ понятную щекотливость по ту сторону границы*. Поэтому ужь одинъ тотъ фактъ, что эти опасенія не принимаются болѣе во вниманіе, показываетъ, что положеніе измѣнилось радикально. *Съ того самаго дня, какъ императоръ рѣшился удовлетворить столь часто повторявшимся желаніямъ галицiйскихъ поляковъ*, — съ этого самаго дня *позволительно было заключить, что политика тройственнаго союза рѣшительно и окончательно отжила свой вѣкъ*... Австро-Венгрія, въ отношеніяхъ своихъ къ Россіи, возвратила себѣ вновь полную свободу дѣйствій. Мы не пойдемъ такъ далеко, чтобы сказать, какъ дѣлаютъ многіе, будто отношенія между Вѣной и Петербургомъ чрезвычайно натянуты,—это было бы преувеличеніемъ. Однако-жь очевидно, что они потеряли уже свой прежній характеръ сердечности. Слово, при торжественныхъ обстоятельствахъ данное императору австрійскому, было недостойнымъ образомъ забыто. Съ тѣхъ поръ *онъ справедливо считаетъ и себя вполнѣ свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ и не имѣющимъ болѣе нужды соблюдать особенную осторожность*... Мы смѣло можемъ повторить сколько угодно разъ: *взаимныя симпатіи, существующія между Польшей и домомъ Габсбурговъ, гораздо глубже и живѣе, чѣмъ вообще думаютъ или дѣлаютъ видъ, что думаютъ. Австріи стоитъ пожелать—и она сгруппируетъ вокругъ себя всѣхъ поляковъ*. До сихъ поръ она, какъ бы сомнѣваясь сама въ себѣ, не осмѣливалась попробовать; но намъ кажется, что теперь политическія условія измѣнились уже настолько, что создали для нея совсѣмъ новое положеніе».

Русскій читатель вѣроятно, а польскій (изъ Царства и Познани) — навѣрное съ удивленіемъ спроситъ себя, о какихъ это «взаимныхъ симпатіяхъ», да еще «глубокихъ и живыхъ», между Польшей и Габсбургами идетъ рѣчь? Въ чемъ и когда онѣ выразились?... Дѣйствительно, обыкновенный писатель почувствовалъ бы себя въ затрудненіи, еслибъ ему пришлось доказывать что-либо подобное. Но для автора, пишущаго подъ диктовку, затрудненій не существуетъ. Изъ историческихъ фактовъ онъ

ловко выбираетъ какой-нибудь одинъ и, обобщая его до степени руководящаго политическаго принципа, смѣло восклицаетъ, какъ это дѣлается въ цитируемой брошюрѣ: «одна только нація оказала намъ (т. е. полякамъ) дѣйствительную помощь въ минуту опасности — венгерская; одно только правительство приняло на себя иниціативу устроить европейское соглашеніе съ цѣлію помочь намъ возстановить нашу національность — австро-венгерское». Надо, впрочемъ, отдать справедливость составителямъ брошюры: они очень удачно выбрали фактъ, изъ котораго вывели это свое неожиданное заключеніе, а именно—привели достовѣрный, но вообще мало извѣстный дипломатическій эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ эпоху польскаго возстанія 1830 года. Въ то время не только во всей Венгріи происходила сильная агитація и комитаты одинъ за другимъ посылали петиціи императору, прося его вступиться за поляковъ и возстановить Польшу, но и самъ Метернихъ тайно старался о томъ же. Вступивъ въ прямые переговоры съ Франціей и Англіей, онъ формально предложилъ имъ признать и провозгласить независимость Польши въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ она существовала при Янѣ Собѣсскомъ. Предвидя, что такой результатъ не можетъ быть достигнутъ однѣми дипломатическими мѣрами, Метернихъ предполагалъ заключить между тремя державами союзъ для возстановленія Польши силою оружія.

Для поляковъ, хорошо знающихъ положеніе и интересы своей національности,—конечно, если здравый смыслъ не замѣняется въ нихъ страстію или чрезмѣрнымъ страданіемъ, которое ослѣпляетъ еще хуже страсти,—для поляковъ этого факта еще слишкомъ недостаточно, чтобы возлагать какія-либо серьезныя надежды на Габсбурговъ. Сколько бы ни говорили всевозможные вѣнскіе оффиціозы, будто «между поляками и Габсбургами не стоитъ мрачною тѣнью ни одно изъ тѣхъ тяжелыхъ воспоминаній, которыя дѣлаютъ подчасъ невозможнымъ примиреніе даже самое желательное» (эти слова заимствованы изъ той же брошюры),—поляки очень хорошо понимаютъ, что, во-первыхъ, и «мрачныя тѣни», если ихъ поискать, отыщутся, да еще такія, какихъ мрачнѣе и выдумать нельзя *), а во-вторыхъ, и это главное, что примиреніе народовъ вызывается и

*) Стоитъ вспомнить ужасающую трагедію 1848 года, эту гнусную рѣзню, во время которой убійцы крестьяне открыто получали по 5 гульд. за голову каждаго зарѣзаннаго ими помѣщика-поляка. Эти возмущающія душу „деньги крови“ платило австрійское правительство, тогда какъ русскіе солдаты, густымъ кардономъ разставленные вдоль всей границы, по приказанію русскаго правительства принимали и защищали всѣхъ бѣглецовъ, спасавшихся отъ рукъ убійцъ, а по убійцамъ стрѣляли безъ милосердія, если они осмѣливались хоть одною ногой переступить на русскую территорію. Еще живы какъ въ Царствѣ, такъ и въ Галиціи весьма многіе очевидцы этой позорной эпопеи, и если она не представляетъ одного изъ „тѣхъ тяжелыхъ воспоминаній, которыя...“ и т. д., то трудно и представить себѣ, какая же можетъ быть еще болѣе „мрачная тѣнь“.

обусловливается отнюдь не призраками и воспоминаніями прошлаго, а насущными интересами настоящаго и будущаго. Но если для поляковъ единственный историческій фактъ, приводимый брошюрой, не имѣетъ ровно никакого значенія, то для насъ, русскихъ, онъ, наоборотъ, имѣетъ значеніе громадное, и намъ нельзя не обратить на него очень серьезнаго вниманія,—нельзя именно по мотивамъ, которые руководили Метернихомъ какъ въ 1831 году, такъ и въ 1815-мъ, когда онъ на Вѣнскомъ конгрессѣ поспѣшилъ присоединиться къ предложенію англійскаго перваго министра Кэстлери возстановить Польшу въ границахъ 1772 года, а потомъ, желая предупредить вѣроятныя возраженія Россіи и Пруссіи, уже самъ предложилъ границы 1791 года. Нужно ли объяснять, какіе это были мотивы? Не понятно ли каждому и безъ того, что они заключались тогда, какъ заключаются и теперь, въ соперничествѣ съ Россіей?... Предложеніе Кэстлери и горячая поддержка его Метернихомъ отнюдь не были однимъ изъ тѣхъ «благородныхъ порывовъ» въ сторону права и справедливости, о которыхъ такъ красно глаголятъ теперь оффиціозные министерскіе анонимы въ Вѣнѣ. На Вѣнскомъ конгрессѣ, который прусскій министръ Штейнъ назвалъ «фарсомъ», а членъ англійской палаты общинъ Уайтбрэдъ въ открытомъ засѣданіи парламента характеризовалъ какъ «новую систему разбойничества и грабежа», — на этомъ конгрессѣ о правѣ и справедливости никто не думалъ. Мысль о возстановленіи Польши являлась въ видѣ противовѣса и какъ отвѣтъ на выраженное желаніе императора Александра I-го образовать изъ оставшихся еще независимыми частей Польши отдѣльное и самостоятельное Польское королевство съ присоединеніемъ его къ Россіи приблизительно на такихъ же условіяхъ, въ какихъ Венгрія (того времени) находилась по отношенію къ Австріи. Это намѣреніе Александра I-го, будь оно осуществлено, непремѣнно *послужило бы современемъ основаніемъ полнаго возстановленія Польши въ уніи съ Россіей.* Оно такъ-сказать закладывало первый камень въ фундаментъ такого будущаго, и *вотъ этому-то* Метернихъ энергически воспротивился, *соглашаясь скорѣе на независимую Польшу, чѣмъ на Польшу тѣсно и неразрывно связанную съ Россіей.* Почему?—спросятъ можетъ быть читатели. — Какая можетъ быть выгода для Австріи предпочитать возстановленіе независимой Польши, при которомъ она должна потерять часть своихъ владѣній и пріобрѣсти безпокойнаго сосѣда?... Мы уже замѣтили выше, что будемъ имѣть случай говорить обо всемъ этомъ подробно въ главѣ о полякахъ. Тѣмъ не менѣе, для ясности и предлагаемой статьи, отвѣтимъ въ нѣсколькихъ словахъ на эти вопросы. Выгода для Австріи громадная: спасеніе жизни. Тѣхъ изъ нашихъ читателей, которымъ это увѣреніе покажется рискованнымъ, если не прямо фантастическимъ, мы просимъ покорнѣйше пробѣжать мысленно подробно изложенную нами политическую програму Фишгофа и припомнить въ особенности его, съ особеннымъ удареніемъ дважды повторе-

ное, положеніе (въ подлинникѣ напечатано съ пробѣлами между буквами и жирнымъ шрифтомъ): «*Единство расы — московскій лозунгъ; самобытность каждой отдѣльной народности—должно сдѣлаться лозунгомъ австрійскимъ... Партикуляризмъ славянскихъ народовъ—это гарантія существованія Австріи*». Какъ скоро партикуляризмъ—гарантія существованія, то ясно, что антитеза партикуляризма — объединеніе расы— смертный приговоръ. Ну, а если покровительствуемый Австріей партикуляризмъ еще до нѣкоторой степени возможенъ въ славянствѣ и безъ участія въ немъ поляковъ, то ужъ провозглашаемое у насъ объединеніе славянства абсолютно невозможно,—невозможно ни съ политической, ни съ географической, ни (что всего важнѣе можетъ-быть) съ нравственной точки зрѣнія. Понятно, почему Австрія такъ ревниво относилась всегда къ польскому вопросу, когда являлась опасность, что этотъ вопросъ будетъ удовлетворительнымъ для поляковъ образомъ разрѣшенъ Россіей. Вполнѣ независимая Польша, какъ большое и самостоятельное королевство, можетъ быть для Австріи не совсѣмъ удобна, но только *неудобна*; тогда какъ Польша, возстановленная руками Россіи и въ политической уніи съ Россіей,—уніи, прочно обезпеченной племеннымъ родствомъ и взаимными политическими и экономическими интересами обоихъ государствъ, — такая Польша была бы первымъ незыблемо-твердымъ и единственно вѣрнымъ шагомъ по пути къ осуществленію идеи объединенія славянства, т. е. для Австріи—по пути къ смерти. Натурально, что въ эпохи кризисовъ польскаго вопроса первое движеніе Австріи бываетъ всегда въ сторону того, что для нея представляетъ меньшее изъ двухъ золъ т.-е. въ пользу возстановленія независимости Польши.

Впрочемъ, мы уже видѣли, что однимъ изъ главныхъ и для Габсбурговъ чрезвычайно выгодныхъ качествъ служитъ умѣнье по одёжкѣ протягивать ножки. Брать они всегда брали и берутъ все, что попадется подъ руку; но даютъ только то и ровно въ той мѣрѣ, какъ того требуетъ крайняя необходимость. Такъ точно они дѣйствуютъ и по отношенію къ польскому вопросу. Врожденный въ ихъ фамиліи тактъ не дозволяетъ имъ давать безъ нужды такія гиперболическія обѣщанія, самая громадность которыхъ непремѣнно должна внушить недовѣріе если не къ ихъ искренности, то къ матеріальной возможности ихъ исполненія. Въ силу этихъ двухъ побудительныхъ причинъ—личныхъ выгодъ и такта, полякамъ со стороны Австріи не только не обѣщается полная независимость, но прямо говорится, что они должны быть умѣренными, считаясь съ существующими обстоятельствами, *на первое время* (надежду поддерживать всегда выгодно и ее благоразумно оставляютъ) довольствоваться возможнымъ малымъ, не стремясь сразу достичь невозможнаго *еще* всего. Вотъ что говоритъ на этотъ счетъ анонимная министерская брошюра: «Мы съ самыхъ первыхъ страницъ говорили, что надо быть практическими. Это единственное условіе успѣха. Остережемся впасть въ заблужденіе про-

шлаго. Во что бы то ни стало, не будемъ предъявлять претензій невозможныхъ къ осуществленію. Въ настоящее время требовать полнаго освобожденія Польши, мечтать о возстановленіи ея въ прежнихъ границахъ—значило бы натолкнуться на препятствія почти непреоборимыя. Чтобы *разрѣшить мало-по-малу* эти важныя задачи, чтобы только сдѣлать возможнымъ разрѣшеніе ихъ въ будущемъ, мы не должны стремиться получить все сразу. *Въ настоящее время удовлетворимся созданіемъ совершившагося факта...»*

Какого же факта?—А вотъ какого: «*Добьемся присоединенія Варшавы къ Галиціи*; *возвратимъ конгресовой Польшѣ* (т. е. Царству Польскому) *автономное существованіе подъ управленіемъ принца* австрійскаго дома... Пусть великая историческая польская рѣка, Висла, станетъ естественною границей Габсбургской монархіи... Пусть древняя столица Ягеллоновъ займетъ принадлежащее ей мѣсто среди счастливой провинціи (т.-е. Галиціи), которая служитъ въ настоящее время очагомъ польской политической и умственной жизни,—лучезарнымъ центромъ, къ которому обращаются взоры всѣхъ поляковъ... Возсоздадимъ же, подъ покровительствомъ Габсбурговъ, крѣпкое ядро нашей національности, вступивъ снова во владѣніе нашей историческою столицей, призванной къ пользованію всѣми преимуществами и вольностями Галиція...»

Не дурно придумано, не правда ли? Понятно теперь, почему австрійское министерство иностранныхъ дѣлъ продиктовало своему подчиненному писателю строки, полныя величественнаго презрѣнія къ международнымъ трактатамъ, и въ то же время торжественно объявило возстановленнымъ право польской націи располагать короной въ пользу того, кого сама она найдетъ достойнѣйшимъ. Этотъ «достойнѣйшій» въ мысли австрійскаго правительства давно уже найденъ, это—домъ Габсбурговъ и первое употребленіе, которое поляки должны сдѣлать изъ своего возстановленнаго права, это—стать подъ скипетръ Габсбурговъ. Вотъ удобная и выгодная цѣль, которою, примѣняясь къ обстоятельствамъ, не вынуждающимъ къ крайней щедрости, рѣшились замѣнить все же до нѣкоторой степени рискованное метерниховское возстановленіе независимой Польши.

Это далеко не все, на что поляки могутъ претендовать и можетъ показаться имъ мало. Но вѣдь, во-первыхъ, затѣмъ имъ и говорятъ: покуда, а тамъ можно и все прочее получить; во-вторыхъ, предлагается не просто австрійское гражданство, а нѣчто большее. «...Выше мы съ тяжелою скорбію замѣтили,—продолжаетъ свое повѣствованіе брошюра,—что самое имя Польши перестало существовать на оффиціальномъ языкѣ. Нашей мужественной націи героевъ необходимо прежде всего возвратить себѣ законное имя. Надо, чтобъ ее снова признала Европа, которая теперь считаетъ себя обязанной молча переходить къ очереднымъ дѣламъ, когда рѣчь заходитъ о насъ. И развѣ наше поколѣніе не достаточно сдѣлало бы съ своей стороны, еслибы *добилось для Польши*, *въ лонѣ Габс-*

бургской монархіи, положенія, подобнаго тому, какое занимаетъ въ ней Венгрія съ ея столицей, съ ея отдѣльнымъ министерствомъ, съ ея сеймомъ?... Поколѣніе, которому удалось бы осуществить такой прогрессъ, могло бы съ чистою совѣстью сказать себѣ, что оно хорошо послужило своему отечеству. Остальное сдѣлаетъ Богъ».

Богъ можетъ и не сдѣлать, конечно. Но если даже и не сдѣлаетъ, такъ развѣ положеніе, «подобное положенію Венгріи», не завидно само по себѣ, и въ особенности для народа несчастнаго, раздробленнаго, не имѣющаго иныхъ надеждъ никакихъ и ни на что? А что таково, будто бы, именно положеніе поляковъ, это оффиціозная министерская брошюра старается выставить и подчеркнуть какъ нельзя сильнѣе. «Нынѣ,—говоритъ она,—ужь совершенно несомнѣнно доказано, что у совѣтниковъ русскаго царя Польша никогда не встрѣтитъ уваженія ни къ религіи, ни къ языку, ни къ традиціямъ, ни къ національности своимъ. Даже диктаторъ Лорисъ-Меликовъ, которому очень хотѣлось бы прослыть либеральнымъ реформаторомъ, и тотъ такъ же мало, какъ и другіе, согласился признать законныя права поляковъ и самъ прервалъ переговоры, которые начались по его же инициативѣ...» Мало того: «уполномоченные органы оффиціальной Россіи (т.-е. русскаго правительства) сочли нужнымъ опровергнуть самые слухи объ этихъ переговорахъ, хотя ближайшіе окружающіе Лорисъ-Меликова нисколько не скрывали желанія министра попробовать произвести сближеніе съ поляками». И такъ дѣлается всегда. Всякіе толки о примиреніи ведутся исключительно частными людьми, или хоть лицами и стоящими въ данную минуту у власти, но внѣ оффиціальной обстановки. Оффиціально же все это опровергается и отрицается, а почему?—да потому, что въ глубинѣ всѣхъ этихъ толковъ лежитъ одинъ обманъ. Въ минуту опасности поляковъ заманиваютъ туманными надеждами, неясными обѣщаніями, съ твердымъ намѣреніемъ не исполнить ни одного изъ нихъ, когда опасность пройдетъ. Сдѣлать это тѣмъ легче, что правительство, ничего оффиціально не обѣщавшее, ни единымъ движеніемъ не заявившее, что намѣрено измѣнить свой образъ дѣйствій относительно поляковъ, тѣмъ самымъ обезпечило себѣ свободу отъ всякихъ обязательствъ и отъ всякой отвѣтственности.

Итакъ, ясно, что со стороны Россіи полякамъ нечего ждать. Слѣдовательно, ради жизненныхъ интересовъ своихъ, они должны и даже обязаны стремительно броситься въ простираемыя къ нимъ объятія Австріи. Съ этой же стороны обмана бояться нечего, потому что его и быть не можетъ, такъ какъ интересы поляковъ на этотъ разъ болѣе нежели когда-нибудь совпадаютъ съ столь же жизненными интересами самихъ Габсбурговъ и ихъ монархіи. Дѣло въ томъ, что историческая польская рѣка не потому только должна стать границей Габсбургской монархіи, чтобы присоединить къ Галиціи историческую столицу, историческій центръ польщизны, и тѣмъ возсоздать крѣпкое ядро польской національности, а по-

тому (и въ этомъ-то гарантія поляковъ), что пограничная линія Австріи крайне неудовлетворительна. Ея сѣверо-восточная граница совсѣмъ открыта, мало того—ея почти, можно сказать, вовсе нѣтъ. «Граница можетъ быть существуетъ на картѣ»,—говоритъ брошюра (читатели понимаютъ, конечно, что и все предыдущее сказано нами не отъ себя, а заимствовано изъ брошюры, хотя и не обозначено ковычками, такъ какъ передано не дословно); «вѣроятно, она извѣстна административнымъ учрежденіямъ, на которыхъ лежитъ обязанность заставлять уважать границы, но въ физическомъ отношеніи она просто не существуетъ. Польскія земли разрѣзаны были нѣкоторымъ образомъ на удачу, по капризу, какъ будто государственные люди, дѣлавшіе это, сами хотѣли выказать непредусмотрительность своихъ комбинацій. Для чего, напримѣръ, эта великолѣпная цѣпь Карпатовъ, раздѣляющая на югѣ Галицію отъ Венгріи, когда галичане и венгерцы признаютъ одного государя, повинуются однимъ законамъ и связаны общими симпатіями и традиціями (?!)? А между Галиціей и конгресовой Польшей гдѣ же граница? А между тѣмъ съ одной стороны—Австрія, а съ другой—Россія... Безъ сомнѣнія, это провиденціальное указаніе, данное самимъ Богомъ, на невозможность держать всегда раздробленными населенія, которыя съ героическою стойкостью сохраняютъ общность идей, стремленій и воспоминаній. Но въ настоящую минуту, при существующихъ условіяхъ..., фактъ тотъ, что съ одной стороны—Австрія, а съ другой—Россія, а между этими двумя имперіями граница совершенно открытая. Россія сама однажды указала на эту опасность. Именно, нѣсколько времени тому назадъ, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда князь Бисмаркъ чувствуетъ потребность высказать публично свое дурное расположеніе духа, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* осыпала русское правительство упреками за непомѣрное усиленіе линіи Нѣмана. Тогда русское посольство помѣстило въ оффиціозномъ канцлерскомъ органѣ отвѣтъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано буквально: «...Мы точно также увѣрены, что миръ не будетъ нарушенъ и между Австріей и Россіей. Но еслибы, въ противность волѣ обоихъ правительствъ, событія на Востокѣ или въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ привели къ столкновенію, *не будетъ ли имѣть огромную важность положеніе, какое займутъ польскія населенія въ Россіи, и не будетъ ли оно нѣкоторымъ образомъ зависѣть отъ большей или меньшей силы русскихъ армій въ Польшѣ и Литвѣ?*» Развѣ этими словами не высказано иносказательно, при помощи болѣе или менѣе техническихъ дипломатическихъ выраженій: «Граница Австріи открыта. Соберемъ же въ данный моментъ достаточное количество войскъ съ этой стороны. Овладѣніе сѣверными провинціями будетъ дѣломъ простой военной прогулки»? А разъ задача поставлена такимъ образомъ и такія надежды высказываются вслухъ, какъ же Австріи, будучи предупрежденной, не перевернуть частей этого предложенія? Положеніе таково, что польскія провинціи по неволѣ сдѣлаются театромъ войны, когда раз

разится борьба между Австріей и Россіей. Какимъ же образомъ австрійскому правительству не принять заранѣе мѣръ, чтобы, въ случаѣ надобности, пріобрѣсти себѣ здѣсь естественную границу, которой теперь нѣтъ? Разумѣется, мы не думаемъ, чтобы Австрія взяла на себя инициативу нападенія. Но оно придетъ рано или поздно съ другой стороны... Война съ Россіей не есть только вѣроятность,—она представляетъ одну изъ математическихъ истинъ будущаго... Австрійское правительство прежде всего должно думать объ удаленіи этой грозящей опасности, а для этого существуетъ только одно средство: когда наступитъ часъ, смѣло броситься впередъ и безъ колебаній, прямо, идти, не останавливаясь, до самой Вислы. Эта великая польская рѣка—единственная возможная граница для монархіи Габсбурговъ. Она не только представляетъ для нея то, что на научномъ языкѣ называется естественною границей, но обладаніе ею совершенно необходимо ей, съ точки зрѣнія самыхъ элементарныхъ предосторожностей. Ей необходимо, совершенно необходимо, овладѣть ею, если она не хочетъ жить подъ давленіемъ постоянной угрозы... Отнынѣ бдительный надзоръ съ этой стороны составляетъ условіе спасенія Австріи, а въ данный моментъ увеличеніе территоріи до самой Вислы можетъ сдѣлаться для нея вопросомъ жизни и смерти...»

Впрочемъ, австрійское министерство, говорящее устами своего оффиціоза, не считаетъ безусловно необходимымъ «пріобрѣтать территорію до самой Вислы» непремѣнно войной. Оно допускаетъ возможность разрѣшенія вопроса мирнымъ путемъ, посредствомъ добровольнаго и, какъ оно полагаетъ, для обѣихъ сторонъ выгоднаго обмѣна. По его мнѣнію, «точка отправленія въ этомъ дѣлѣ дана великимъ принципомъ національностей. Въ границахъ нынѣшней Галиціи живутъ два народа, не имѣющіе ни общаго происхожденія, ни общихъ стремленій. Русины происхожденія русскаго и нѣкоторые историки утверждаютъ даже, что именно они дали свое имя странѣ древнихъ сарматовъ, финновъ и скиѳовъ. Во всякомъ случаѣ и въ настоящее время занимаемыя ими части Галиціи носятъ еще названіе Червонной Руси. Они хоть и сдѣлались католиками (?) триста лѣтъ тому назадъ, но тѣмъ не менѣе сохранили свой особенный ритуалъ и свои нравы... Въ наши намѣренія не можетъ входить разборъ тѣхъ обвиненій, которыя они часто выставляютъ противъ насъ (поляковъ,—авторъ вѣдь выдаетъ себя за поляка). Но фактъ тотъ, что на выборахъ русины имѣютъ кандидатовъ, отдѣльныхъ отъ нашихъ, а въ палатѣ ихъ депутаты не сидятъ вмѣстѣ съ нашими. Для чего же, въ такомъ случаѣ, увѣковѣчивать борьбу, которая только ослабляетъ наши внутреннія силы? Не лучше ли сосредоточиться самимъ, раздѣливъ откровенно два элемента, движущіеся постоянно на столь разнородной почвѣ и идущіе, каждый самъ по себѣ, къ столь противоположнымъ идеаламъ?... Мы допускаемъ только одно правило и желаемъ видѣть его примѣненнымъ ко всѣмъ, безъ малѣйшаго исключенія. Справедливость и свобода для Польши—это нашъ

идеалъ, конечная цѣль всѣхъ нашихъ усилій. Но,—прибавляемъ мы въ то же время,—справедливость и свобода для всѣхъ. Будемъ остерегаться эгоизма и нелогичности,—это было бы непростительной ошибкой. Не дадимъ никому права называть себя угнетенными поляками и откажемся отъ управленія русинами, если справедливо, что союзъ съ нами антипатиченъ для нихъ... Исходя изъ этого порядка идей, правильность котораго не можетъ быть оспариваема, палатинаты Львовскій, Холмскій и Бѣльчскій (восточная Галиція), исключительно обитаемые русинами, могли бы быть уступлены русскому императору. Соединивъ такимъ образомъ подъ своимъ скипетромъ Русь Червонную и Бѣлую, Великую и Малую Россію, онъ на самомъ дѣлѣ сталъ бы государемъ *всея Руси*, царемъ всѣхъ русскихъ. А императоръ австрійскій, взамѣнъ того, долженъ бы получить не Варшаву только, а всю конгресовую Польшу, и сдѣлаться дѣйствительно и королемъ польскимъ. Это рѣшеніе самое простое, самое ясное и самое удобопонятное. Что при его осуществленіи потребовались бы нѣкоторыя предварительныя сдѣлки, что можетъ-быть пришлось бы съ той или другой стороны поискать компенсацій, необходимыхъ для полнаго уравновѣшенія частей, это не можетъ составить затрудненія. Такова общая участь всѣхъ территоріальныхъ вопросовъ на югѣ, какъ и на сѣверѣ. Существенно въ этомъ способѣ то, что при немъ не можетъ возникнуть никакого принципіальнаго возраженія. Онъ представляетъ, напротивъ, ту выгоду, что одинаково щадитъ самолюбіе обѣихъ сторонъ и можетъ быть примѣненъ къ дѣлу безъ особенныхъ трудностей. Россіи нѣтъ, въ сущности, никакой выгоды отказываться отъ такого обмѣна потому, что черезъ него она получила бы населеніе симпатичное ей и однородное съ ея, взамѣнъ населенія враждебнаго».

Къ сожалѣнію, этотъ чудесный, обоюдо-выгодный способъ мирнаго улаженія вопроса о границахъ, одинаково открытыхъ въ обѣихъ имперіяхъ, имѣетъ мало шансовъ на осуществленіе. Едва ли не упущено для этого время. «При всемъ миролюбіи Австріи, при всемъ ея глубоко-искреннемъ желаніи никогда и ни съ кѣмъ не вести войны, ей едва ли удастся избѣжать таковой именно съ Россіей». Не удастся потому, что Австрія не можетъ отказаться отъ своей великой двойственной миссіи: охранять съ одной стороны европейскую цивилизацію отъ азіятскаго варварства, представляемаго Россіей, съ другой — независимость, самостоятельность и національную самобытность славянскихъ племенъ отъ завоевательныхъ и поглотительныхъ стремленій той же Россіи. Эти варварства и завоевательныя стремленія маскируются ложнымъ наименованіемъ панславизма, а Австрія — природный врагъ и избранный Провидѣніемъ борецъ противъ *такого* панславизма. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ «не видимое назначеніе Австріи положить конецъ бѣдствіямъ, которыя въ продолженіе стольких долгихъ вѣковъ тяготѣли надъ христіанскими народами Балканскаго полуострова? Не въ этихъ ли странахъ ея величайшіе пол-

жоводцы: принцъ Евгеній, генералъ Лаудонъ и множество другихъ пріобрѣли свою лучшую славу? Когда сила вещей, почти противъ ея воли, безпрерывно увлекала въ эту сторону ея побѣдоносныя войска, по какому странному ослѣпленію Австрія такъ долго пренебрегала своимъ долгомъ посвящать особенное вниманіе восточнымъ дѣламъ? А между тѣмъ имперскій орелъ потому и снабженъ двумя головами, что ему необходимо смотрѣть сразу въ двѣ стороны. Не переставая, разумѣется, принимать участіе въ дѣлахъ Европы, монархія должна однако же понять, что ея провиденціальная задача состоитъ во внесеніи свѣта цивилизаціи въ тѣ излюбленныя солнцемъ страны, которымъ черезчуръ первобытное управленіе мѣшало до сихъ поръ воспользоваться въ должной мѣрѣ своими естественными преимуществами. Въ настоящее время въ Австріи прониклись, наконецъ, этой важной истиной... Имперія Габсбурговъ рѣшилась открыто подѣятельнѣе заняться славянами... Въ самомъ дѣлѣ, не ради же одного удовольствія прибавить къ населенію имперіи 900 тыс. босняковъ и герцеговинцевъ австрійскіе солдаты совершали чудеса храбрости и не съ единственною цѣлью увеличить свою территорію на нѣсколько десятковъ квадратныхъ миль глава государства приказалъ этимъ солдатамъ двинуться впередъ... Соглашаясь вступить на этотъ путь, совершая эту восточную эволюцію, Австро-Венгрія очевидно порвала съ традиціями недавняго прошлаго... Ось ея политики перемѣстилась... Отнынѣ христіанскій Востокъ служитъ предметомъ ея усиленнаго вниманія, а краеугольнымъ камнемъ всего—исторически доказанная необходимость избавить европейскій міръ отъ вліянія панславизма... Въ дѣлѣ внутреннихъ отношеній все это уже отразилось на политикѣ правительства... За послѣднія десятилѣтія нѣмцы, казалось, пустили неисторжимые корни во власти и употребляли ее исключительно въ свою личную пользу... Вмѣсто того, чтобы, согласно волѣ государя и здравому смыслу, поставить всѣхъ гражданъ имперіи на равную ногу, правительство какъ бы дѣлило ихъ на двѣ категоріи: нѣмцевъ, призванныхъ повелѣвать, и всѣхъ прочихъ, созданныхъ исключительно для повиновенія. Славяне долгое время третировались центральною властью, какъ чужіе, если не какъ враги...» Теперь все это измѣнилось. «Наоборотъ, противъ прежняго, славяне призваны наравнѣ съ другими къ участію въ управленіи... Графъ Таафе поставилъ себѣ задачей осуществить благородный девизъ государя, интимныя мысли котораго такъ хорошо извѣстны ему: Viribus unitis! *Ни панславизма, ни германизаціи*—таковъ будетъ отнынѣ и внутри, и внѣ имперіи девизъ государственныхъ людей, которые призовутся къ руководительству судьбами Австро-Венгріи...»

Да, внутри и *внѣ*. Ужасы панславизма, представляемаго Россіей, такъ велики въ глазахъ внушителя брошюры, что балканскимъ народамъ, пожалуй, «выгоднѣе было бы подвергнуться германскому владычеству. По крайней мѣрѣ оно, *рядомъ съ своимъ грубымъ деспотизмомъ* (просимъ

читателей замѣтить это характерное выраженіе, — оно намъ понадобится впослѣдствіи), можетъ указать и на свою далеко подвинувшуюся умственную культуру. Но пусть всѣ разувѣрятся. Восточные народы не будутъ поставлены въ непріятную необходимость выбирать между этими двумя автократіями. Современный міръ не хочетъ ни той, ни другой. Его традиціи, согласныя въ этомъ съ его стремленіями и истинными цѣлями, одинаково противятся и насильственной германизаціи, какъ русскому панславизму...» Всѣ народы должны быть свободны и независимы, и обезпечить имъ эту свободу и независимость есть задача Австріи, — разсуждаетъ брошюра, — къ исполненію которой она уже приступила. Ясно, что на этомъ пути ее неизбѣжно ждетъ враждебное столкновеніе съ Россіей, потому что «очевидно невозможно вести политику (внутреннюю и внѣшнюю) болѣе непріятнымъ для Россіи образомъ... Да въ сущности разрывъ между ними уже произошелъ... Борьба началась, хотя покуда еще глухая и скрытая... И вотъ что надо запомнить хорошенько: совѣтники русскаго царя отнюдь не ошибаются на этотъ счетъ. Они въ совершенствѣ сознаютъ, что австро-венгерскому вліянію суждено служить противовѣсомъ ихъ вліянію на христіанскомъ Востокѣ. Они понимаютъ, что остріе ея (Австро-Венгріи) меча обращено противъ нихъ и если, несмотря на то, все-таки выказываютъ повидимому желаніе сохранить дружескія отношенія съ ней, то единственно потому, что финансы Россіи разстроены, армія нуждается въ реорганизаціи и борьба съ нигилизмомъ требуетъ участія во внутренней заботѣ всѣхъ живыхъ силъ государства... Вотъ почему медвѣдь, спрятавши когти, показываетъ бархатную лапку и пріятное лицо. Но впечатлѣніе не менѣе глубоко отъ того. Гнѣвъ противъ Австро-Венгріи сдѣлался хроническимъ въ русскомъ народѣ, или по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, кто говоритъ его именемъ...» Итакъ, война съ Россіей неизбѣжна, необходима; Россія сама ея желаетъ и откладываетъ только до тѣхъ поръ, покуда оправится. «Впрочемъ, въ этомъ отношеніи можно положиться на князя Бисмарка, — онъ создастъ поводъ къ столкновенію, еслибы таковаго и не было». И вотъ въ этой-то неизбѣжности войны лучшая гарантія для поляковъ, завѣряетъ брошюра, искренности Австріи по отношенію къ нимъ. Во-первыхъ, ихъ связываетъ общность историческихъ традицій: «Въ средніе. вѣка и въ первыя столѣтія новой исторіи роль Польши точно также состояла въ томъ, что она представляла живой барьеръ противъ варварства, оборонительную армію противъ деспотизма». Во-вторыхъ, «въ борьбѣ съ Россіей непосредственные интересы Австріи заставляютъ ее честно протянуть руку Польшѣ, чтобы, когда понадобится, въ свою очередь оказать ей помощь».

Какъ видятъ читатели, это — цѣлая политическая программа, въ которой все предусмотрѣно: и исходная точка, и развитіе, и конечный пунктъ; предусмотрѣна даже возможность мирнаго осуществленія, но осуществленія — нужно во что бы то ни стало: вотъ что утверждается положительно,

ясно и прямо, безъ всякихъ околичностей. Поляки должны занять мѣсто въ «монархіи соединенныхъ штатовъ», Висла должна сдѣлаться «естественной», т. е. стратегическою, границей этой монархіи. Для вящшаго убѣжденія поляковъ въ этой необходимости и для болѣе нагляднаго показанія имъ всѣхъ преимуществъ, которыя готовятся имъ при осуществленіи програмы, императоръ Францъ-Іосифъ не полѣнился даже съѣздить въ Галицію, чего онъ до сихъ поръ никакъ не могъ собраться сдѣлать. Точно ли, однако, Висла можетъ служить стратегическою границей Австріи, какую бы форму государственнаго строя она ни приняла въ ближайшемъ будущемъ?—*Отнюдь нѣтъ*. Принимая задачи Австріи такъ, какъ она сама ихъ понимаетъ, ея главные жизненные интересы влекутъ ее совсѣмъ не въ сторону Вислы, а въ сторону устьевъ Дуная и береговъ морей Адріатическаго и Эгейскаго. Слѣдовательно Висла тутъ рѣшительно не при чемъ. Она только отвлекала бы Австрію отъ ея прямыхъ задачъ и глашатаи идеи пріобщенія къ этимъ задачамъ Вислы сами лучше всѣхъ понимаютъ это. Висла дѣйствительно можетъ служить стратегическою границей и давно уже намѣчена какъ таковая, *только границей не Австріи, а Пруссіи*. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ бросить взглядъ на карту. Увлекись поляки габсбургскою програмой, они несомнѣнно разыграли бы еще разъ ту печальную роль обманутыхъ, отъ которой ихъ такъ заботливо предостерегаетъ министерскій вѣнскій оффиціозъ, потому что по отношенію *къ нимъ* програма лжива въ самомъ своемъ основаніи. Но за то по отношенію *къ намъ*, къ Россіи, она такъ правдива, какъ лучше нельзя ни ожидать, ни желать. Все она намъ, какъ свѣжее яичко, сварила, облупила, разжевала и въ ротъ положила, и если мы не съумѣемъ проглотить, это ужъ будетъ наша собственная вина.

Но будемъ знакомиться далѣе съ правительственной австрійской публицистическою пропагандой и посмотримъ, какой характеръ приняла она въ слѣдующемъ 1881 году. Вотъ передъ нами брошюра «Die Nationalitäten—das ist die Sprachenfrage in Oesterreich», брошюра столь же несомнѣнно оффиціознаго происхожденія, какъ и предыдущая. Выбираемъ ее потому, что она произвела въ свое время необыкновенно большой эффектъ въ Вѣнѣ и во всей Австріи. Дѣло въ томъ, что какъ цитированную выше брошюру «Die Deutschen in Oesterreich» голосъ общества приписалъ почему-то графу Гогенварту, такъ точно эту онъ приписалъ лично самому министру-президенту графу Таафе. Слухъ о томъ, что онъ готовитъ что-то подобное, ходилъ задолго до появленія брошюры, такъ что когда она появилась, наконецъ, ее раскупили на-расхватъ. Разумѣется, всѣ подобные слухи—вздоръ. Министрамъ некогда заниматься писаніемъ брошюръ, да и зачѣмъ они стали бы утруждать себя, когда для этого существуютъ подчиненные имъ спеціалисты-мастера. Но самое появленіе слуховъ этого рода и общая вѣра въ нихъ—явленіе все-таки чрезвычайно характерное, доказывающее, что пропаганда ведется не однимъ только словомъ, а и

фактами практической жизни. Иначе общество не могло бы вѣрить пропагандѣ и тѣмъ менѣе искать авторовъ пропагандистскихъ брошюръ, поднимаясь все выше и выше по лѣстницѣ государственной іерархіи и переходя отъ министра въ отставкѣ къ министру въ данную минуту находящемуся у власти. Повторяемъ, ни мало не вѣроятно, чтобы Таафе лично писалъ брошюру, выписки изъ которой мы сейчасъ представимъ читателямъ; но надо замѣтить, что слухи объ его авторствѣ отнюдь не прекратились съ ея появленіемъ, а, напротивъ, еще болѣе усилились, вызвавъ въ одномъ лагерѣ радость и торжество, въ другомъ — озлобленіе и страхъ, граничащій съ паникой. Случилось все это потому, что брошюра въ самомъ дѣлѣ не только высказываемыми въ ней мыслями, но и тономъ, и даже оборотами рѣчи до такой степени напоминаетъ манеру Таафе, что кто хоть разъ слышалъ его въ парламентѣ, тому невольно должно было казаться, что это онъ же говоритъ и въ брошюрѣ. Говорится же тамъ слѣдующее:

«Изъ всѣхъ вопросовъ, которые дѣлаютъ столь труднымъ и почти опаснымъ предпріятіемъ государственное устройство Австріи, при закономѣрномъ участіи всѣхъ населяющихъ ее національностей, ни одинъ не имѣетъ такой рѣшающей важности и въ то же время такого рокового значенія, какъ вопросъ, обыкновенно называемый національнымъ». Каждая національность усиливается провести, навязавъ ее другимъ, именно ту форму, которая наиболѣе приспособлена къ ея (данной національности) потребностямъ. Между тѣмъ «...въ Австріи государство не національное, а политическое. Нѣмцамъ слѣдовало бы прежде всѣхъ правильно сознать эту основную идею австрійскаго государственнаго строенія и практически примѣнить ее какъ въ отношеніяхъ своихъ къ другимъ національностямъ, такъ и въ законодательствѣ. Вслѣдствіе того, что нѣмцы этого не сдѣлали, а первые съ самаго начала стали на удобную для нихъ національную точку зрѣнія по отношенію къ организаціи цѣлой монархіи,—вслѣдствіе того они потеряли половину государства (знаменитое «соглашеніе» 1867 г., уничтожившее всякую тѣнь нѣмецкаго вліянія въ Венгріи)... Съ тѣхъ поръ національныя распри съ тѣмъ большею яростью свирѣпствуютъ въ «несоглашенной» еще половинѣ имперіи. Что̀ прежде 1867 года происходило между мадьярами и нѣмцами, то теперь происходитъ между чехами и нѣмцами же. Ограниченные болѣе узкимъ пространствомъ, нѣмцы еще сильнѣе прежняго уперлись на національномъ характерѣ своей государственной доктрины и при этомъ своихъ теперешнихъ соперниковъ-чеховъ еще больше, чѣмъ прежнихъ—мадьяръ, третируютъ свысока... Въ послѣднее время очень много разсуждаютъ о томъ, умно ли поступилъ графъ Таафе, надававъ чехамъ разныхъ обѣщаній, чтобы побудить ихъ вернуться въ рейхсратъ... Очень можетъ быть, что чехи и безъ этихъ обѣщаній,—если графъ Таафе давалъ таковыя,—пришли бы въ рейхсратъ. Но одно совершенно достовѣрно, что чехи пользовались

бы всякимъ удобнымъ случаемъ предъявлять свои національныя требованія, что ихъ недовольство было бы постоянно зіяющею раной на нашемъ государственномъ тѣлѣ и что, наконецъ, *умно это или нѣтъ, а исполненіе* тѣхъ ихъ требованій, которыя не стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ необходимѣйшими общегосударственными потребностями, *есть дѣло справедливости и потому оно должно быть сдѣлано*... Да если всмотрѣться внимательнѣе въ господствующія идеи нашего вѣка и въ ихъ громадные успѣхи,--успѣхи, которыхъ обыкновенно и не подозрѣваютъ, покуда они не проявятся на дѣлѣ,—то нельзя не признать, что, *основанныя на принципѣ національности*, *политическія требованія чеховъ вовсе не преувеличены*. Если они, чехи, сдѣлались теперь нѣсколько настойчивы, то, принимая во вниманіе ихъ многократныя неудачи, всякій безпристрастный наблюдатель долженъ и въ этомъ оправдать ихъ. Три раза стояли они, казалось, паканунѣ исполненія своихъ національныхъ желаній—при Голуховскомъ, при Белькреди и при Гогенвартѣ—и три раза должны были, въ добавленіе къ несчастію, вынести еще и насмѣшки. Развѣ извѣстная часть нѣмецкой печати не называетъ еще и до сихъ поръ чешскій народъ «низшей расой»? Что-жь удивительнаго, если чехи потеряли, наконецъ, терпѣніе? Что же удивительнаго, если, въ концѣ концовъ, и простой народъ издаетъ теперь крикъ: «чернь противъ черни!»—потому что «черни»-то вѣдь достаточно и въ нѣмецкихъ высшихъ школахъ какъ въ Австріи, такъ и въ «новой» имперіи...»

Вообще надо сознаться, что «чехи, какъ и вообще славяне, требуютъ осуществленія ихъ *права*, между тѣмъ какъ нѣмцы изъявляютъ претензію на *привилегію*...» Впрочемъ, съ чехами можно сговориться, можно поторговаться съ ними и придти къ соглашенію,—они доступны урезониванію. Такъ, правительство графа Таафе, сознавая, что «вообще дѣло правительства—національныя требованія всѣхъ партій такъ привести въ равновѣсіе, чтобъ они не нарушали политической гармоніи цѣлаго», частнымъ образомъ вело переговоры съ партіями насчетъ вопроса о языкѣ. «И съ чехами ему до извѣстной степени удалось поладить. Доказательствомъ служитъ то, что всѣ ихъ органы высказались за обусловливаемое практическими причинами повсемѣстное употребленіе нѣмецкаго языка въ извѣстныхъ сферахъ политической и военной организаціи». То же было и съ вопросомъ о Пражскомъ университетѣ. Чехи опять пошли на нѣкоторыя уступки. Съ нѣмцами же никакого сладу нѣтъ... Какъ разъ въ то время, когда чехи, конечно, повинуясь необходимости, не по собственному желанію (но для нуждъ государства важны вѣдь факты, а не мотивы), благоразумно согласились сдѣлать уступки, нѣмцы съ своей стороны водрузили свое національное знамя и объявили нѣмецкую націю въ опасности *единственно потому*, что *ни теперешнее правительство*, ни другія національности *не желаютъ признавать ихъ господами въ Австріи*». А между тѣмъ, спрашивается, гдѣ ихъ права на что-либо по-

добное? «Претензіи на господство, которыя нѣмцы предъявляютъ для себя и для своего языка, не имѣютъ ни малѣйшей тѣни основанія ни въ политической, ни въ правовой исторіи Габсбургской монархіи... Правителями пріобрѣтенныхъ ими странъ были Габсбурги—не нѣмцы. Съ Габсбургами заключались разные наслѣдственные, брачные, присоединительные договоры, а не съ нѣмецкой имперіей или еще менѣе съ нѣмецкимъ народомъ. Даже не съ помощію преимущественно нѣмцевъ Габсбурги управляли своими землями, не изъ ихъ числа предпочтительно выбирали членовъ своихъ различныхъ совѣщательныхъ и административныхъ камеръ. Испанскія, итальянскія и иныя имена такъ же часто, даже еще чаще нѣмецкихъ, встрѣчаются въ составѣ мирныхъ и военныхъ кабинетовъ *) австрійскихъ государей... Какъ возникла Австрійская монархія, знаетъ каждый. Не сила меча въ рукахъ могущественныхъ завоевателей создала ее, — она образовалась мирнымъ путемъ, изъ чисто политическихъ, брачныхъ и иныхъ договоровъ. Именно этимъ путемъ пріобрѣтены Габсбургами двѣ главныя составныя части нынѣшней монархіи—земли короны Св. Стефана и богемской короны. Естественнымъ слѣдствіемъ такого мирнаго пріобрѣтенія было то, что какъ мадьяры, такъ и чехи выговорили себѣ безусловное признаніе ихъ полной государственной отдѣльности и самостоятельности. Такимъ образомъ съ прочими владѣніями Габсбурговъ у нихъ только и было общаго, что особа государя, т.-е. династія. Иначе невозможно и понимать того обстоятельства, что Венгрія никогда не приводилась въ ближайшія отношенія къ Нѣмецкой имперіи, хотя послѣдняя принесла такое множество жертвъ людьми и деньгами для защиты Венгріи отъ турокъ... Еще яснѣе выступаетъ правовое отношеніе страны *исключительно къ династіи* въ дѣлѣ Богеміи, которая сама по себѣ, независимо отъ Австріи, принадлежала къ Нѣмецкой имперіи и имѣла тамъ избирательный голосъ... Да, наконецъ, и сами Габсбурги—это дѣйствительно господствующее въ нашихъ земляхъ племя—отнюдь не могутъ быть разсматриваемы какъ специфически національно-нѣмецкій родъ. Повелители въ обоихъ полушаріяхъ надъ народами всевозможныхъ языковъ, они, со времени пріобрѣтенія испанской короны, даже какъ нѣмецкіе императоры, принадлежали скорѣе къ испанской, чѣмъ къ нѣмецкой національности. Ихъ отчасти снова германизировала только примѣсь лотарингской крови. Такимъ образомъ ясно, что опредѣленнаго, осязательно сказавшагося права нѣмцевъ на господство въ Австріи надъ прочими народами монархіи нѣтъ и не было никогда—нигдѣ, ни въ чемъ...

«Я знаю, конечно, — и это именно тотъ пунктъ, говорить о которомъ мнѣ всего непріятнѣй,—что тѣ австрійскіе нѣмцы, которые охваче-

---

*) Названіе „мирнаго кабинета“ (Friedenscabinet) давно уже вышло изъ употребленія; его замѣнило болѣе соотвѣтствующее характеру самого учрежденія названіе министерства. Главное же военное управленіе и до сихъ поръ часто называется „военнымъ кабинетомъ“ (Kriegscabinet).

ны національнымъ гипнотизмомъ, не на одно прошлое опираются, претендуя на преимущество своей національности передъ всѣми прочими. Настоящее «новой» имперіи нѣмецкой кажется имъ еще превосходнѣйшимъ основаніемъ для этого. Правда, что нѣмцы «тамъ, въ имперіи», съ тѣхъ поръ, какъ они образовали единую великую державу и опять имѣютъ императора, восчувствовали жажду господства и возвеличенія,—что, впрочемъ, отнюдь не способствуетъ любви къ нимъ со стороны другихъ народовъ. Но тѣ «тамъ» имѣютъ на то полное право—пруссаки прежде всѣхъ, а затѣмъ и прочіе, каждый въ своей мѣрѣ. Они порядочно огромный трудъ совершили въ относительно короткое время, изъ слабаго конгломерата превратились въ могущественнѣйшую *покуда* (потому что вѣчнаго ничего нѣтъ) націю въ Европѣ. Они дѣйствительно имѣютъ право гордиться. Но что сказать объ австрійскомъ нѣмцѣ, который вдругъ является и, кивая на Мецъ и Седанъ, на Вёртъ и Орлеанъ, изволитъ толковать о величіи *его* націи, точно будто это *мы*, австрійскіе нѣмцы, одержали всѣ эти побѣды, *мы* въ Версали новую имперію провозгласили? Что сказать объ австрійскомъ нѣмцѣ, который, право, осмѣливается иной разъ и о Садовой (вмѣсто Кёнигсгрэца) какъ о побѣдѣ *своей* націи говорить? И при этомъ совершенно забываетъ, что всѣ эти дѣйствительно могучія явленія, въ самомъ дѣлѣ способныя наполнить справедливою гордостью сердца богатырей, произведшихъ ихъ, произведены не только *безъ* насъ, австрійскихъ нѣмцевъ, но и *противъ* насъ...»

На этомъ мы остановимся. Дальше авторъ брошюры, кинувъ еще нѣсколько упрековъ нѣмцамъ и опровергнувъ обвиненія, взводимыя ими на чеховъ, излагаетъ условія, на какихъ, по его мнѣнію, можно устранить всѣ недоразумѣнія и прекратить всѣ несогласія, въ особенности по вопросу о языкѣ, который онъ считаетъ существеннѣйшею частью національнаго вопроса и главнымъ корнемъ всего зла. Все это не представляетъ интереса для читателя, да и не входитъ въ предметъ настоящей статьи. Какъ тамъ «народы Австріи» разберутся между собою насчетъ языка, это ихъ дѣло. Для насъ важно констатировать, произошли ли—и если произошли, то какія именно—измѣненія въ характерѣ правительственной пропаганды въ теченіе тѣхъ трехъ приблизительно лѣтъ, какъ она началась, а въ этомъ отношеніи приведенныя мѣста брошюры даютъ матеріала съ избыткомъ. Въ самомъ дѣлѣ мы видѣли изъ предыдущихъ цитатъ, что въ началѣ къ нѣмцамъ относились чрезвычайно бережно: видимо признавали ихъ силу, поэтому боялись раздражить ихъ, — старались убѣдить, пробовали увлечь благородствомъ и возвышенностію культурной задачи, соблазняли великими выгодами, которыя она представляетъ имъ преимущественно передъ всѣми другими. Прошло всего три года, или около того, и посмотрите, какъ радикально измѣнился тонъ. Послѣдняя брошюра—та, которую мнѣніе публики приписываетъ Таафе—не разсуждаетъ вѣдь съ нѣмцами; она отдаетъ имъ приказанія, даже не говоритъ съ ними, а дѣ-

лаетъ имъ выговоръ—строгій, рѣзкій и внушительный, начальническій выговоръ. Мало того, она надъ ними издѣвается такъ же зло, язвительно и оскорбительно, какъ они сами недавно еще издѣвались надъ славянами. Въ довершеніе всего, она категорически объявляетъ, будто и сами Габсбурги вовсе не нѣмцы; течетъ въ ихъ жилахъ нѣсколько нѣмецкой крови, это правда, но чтобъ они были нѣмцы—Боже сохрани!—ничуть. Далеко дѣло зашло, если правительство считаетъ возможнымъ вслухъ говорить такія вещи. Теперь не достаетъ только, чтобы Габсбурги объявили себя славянами, и, право, отъ нихъ это не невозможно. Мы уже и прежде, въ статьѣ «О восточной австрійской политикѣ», замѣчали, что Габсбурги не имѣютъ національности, что они не нѣмцы, не итальянцы, не испанцы и не что-либо иное, они—Габсбурги, и тогда же указывали, что эта безнаціональность, составляющая ихъ недостатокъ, какъ людей, составляетъ ихъ силу, какъ политическаго фактора. Они эту силу, конечно, давно знаютъ и вотъ теперь начинаютъ эксплуатировать. Чтобы внушить болѣе довѣрія славянамъ, которые имъ *нужны*, они преспокойно отрекаются отъ своей принадлежности къ той расѣ, которая особенно антипатична славянамъ. Что же, однако, даетъ имъ смѣлость рѣшаться на такой рискованный шагъ, потому что, какъ бы тамъ ни было, а если смотрѣть на Австрію такъ, какъ у насъ, повидимому, и до сихъ поръ еще многіе смотрятъ на нее, т. е. какъ на нѣчто искуственно свинченное, расшатанное и разваливающееся, то разрывъ съ нѣмцами для Габсбурговъ большой рискъ, по крайней мѣрѣ былъ бы рискомъ, еслибы славяне попрежнему недовѣрчиво относились къ нимъ и внѣ ихъ монархіи искали для себя точки опоры? Разъ Габсбурги (или ихъ министры, что вѣдь въ сущности сводится на одно, потому что, при всей конституціонности Австріи, корона пользуется въ ней преобладающимъ вліяніемъ и ни одинъ министръ не осмѣлится ни сдѣлать, ни сказать ничего противнаго волѣ короны),—разъ Габсбурги такъ смѣло говорятъ съ нѣмцами и подкрѣпляютъ свои слова дѣйствіями хотя не столь рѣзкими, но рѣшительными и энергическими, значитъ они увѣрены въ славянахъ. Что они дѣйствительно имѣютъ эту увѣренность, лучше всякихъ разсужденій доказывается однимъ рѣшеніемъ, принятымъ въ Вѣнѣ не далѣе какъ въ іюнѣ мѣсяцѣ текущаго года. Рѣшеніе это измѣняетъ изъ конца въ конецъ характеръ австрійской арміи, которая была до сихъ поръ исключительно «императорской» (Kaiserlich, солдаты такъ и назывались), а теперь становится народной и національной. Именно Австрія вводитъ у себя территоріальную систему, принятую въ Пруссіи, а по этой системѣ войска въ мирное время расположены въ тѣхъ мѣстностяхъ, изъ которыхъ они комплектуются. Эта система представляетъ ту неоцѣненную, въ случаѣ войны, выгоду, что при ней возможна чрезвычайно быстрая мобилизація; но она же представляетъ и крайнюю опасность въ политическомъ отношеніи, потому что, какъ сказано, при ней армія пріобрѣтаетъ народный и національный ха-

рактеръ. Ее можно ввести и вводять только тамъ, гдѣ государство или можетъ безусловно разсчитывать на преданность населенія, или же обладаетъ достаточною силой, чтобы задушить всякое сопротивленіе въ зародышѣ. Пруссія такою силой обладаетъ и потому не особенно заботится о преданности славянскихъ элементовъ въ Познани и анти-нѣмецкихъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Ничтожные численностію, эти враждебные элементы будутъ раздавлены колоссальною массой нѣмцевъ при первомъ поползновеніи пикнуть, не говоря ужь объ открытомъ неповиновеніи. Но обладаетъ ли подобною силой Австрія, состоящая изъ множества почти равныхъ другъ другу по численности національныхъ элементовъ? Могутъ ли Габсбурги хоть одну минуту разсчитывать подавить силою, задушить сопротивленіе, еслибы какая-нибудь часть ихъ разноплеменной и отнынѣ имѣющей находиться всегда въ родной странѣ, среди родного ей народа, арміи отказала имъ въ повиновеніи?—Нѣтъ, очевидно. У Габсбурговъ нѣтъ физической силы и та единственная, на которую они до сихъ поръ всегда могли положиться—нѣмцы—они отъ нея добровольно отказались, положивъ конецъ исключительной нѣмецкой гегемоніи въ государствѣ. Уничтожая теперь и послѣднюю фикцію своей физической силы (говоримъ «фикцію» потому, что она имъ и прежде не разъ измѣняла), армію, перетасованную въ своемъ составѣ, какъ колода картъ, и искуственно воспитанную въ безнаціональной преданности одному престолу, Габсбурги являются вполнѣ безоружными передъ своими народами. И мало того, что сами остаются безоружными, но дѣлаютъ еще нѣчто несравненно опаснѣйшее: давая каждой «землѣ», каждому народу собственно имъ принадлежащую, изъ ихъ среды вышедшую и имъ родную часть войска, они вооружаютъ эти народы. Могли ли бы они сдѣлать что-нибудь подобное, еслибъ имѣли поводъ хоть малость сомнѣваться въ своихъ народахъ и въ особенности въ наиболѣе многочисленныхъ, а слѣдовательно въ наиболѣе опасныхъ—въ славянскихъ народахъ?... Нѣтъ, будь Австрія въ самомъ дѣлѣ тѣмъ, чѣмъ ее многіе упорно желаютъ считать, т. е. лишеннымъ живой души, искуственно свинченнымъ государственнымъ механизмомъ, такой поступокъ былъ бы, со стороны Габсбурговъ, чистѣйшимъ безуміемъ, а они безумными никогда не были и въ ихъ 600-лѣтней исторіи можно найти все, что угодно, кромѣ безумія. Если они съ такой на видъ безумною смѣлостью распоряжаются въ своемъ разноплеменномъ государствѣ, то это указываетъ лишь на то, что они имѣютъ основательные, фактическіе поводы вполнѣ довѣрять славянамъ, знаютъ, что славяне—ихъ, австрійскіе, пойдутъ за ними всюду и противъ всѣхъ (?). Впрочемъ, что-жь это мы говоримъ: «на видъ безумною смѣлостію?» Эта смѣлость даже и на видъ не безумна,—она, напротивъ, умна просто до геніальности. Развѣ не геніально въ самомъ дѣлѣ однимъ мѣткимъ ударомъ увеличить почти вдвое боевую готовность арміи,—потому что, при современномъ способѣ веденія войны, быстрая мобилизація представляетъ двойной шансъ успѣха,—и уси-

лить во сто кратъ свою нравственную силу, свое обаяніе, показавъ на дѣлѣ народамъ, что тотъ свѣтлый, возвышенный идеалъ новаго государственнаго строя, который выставляется передъ ихъ глазами, не безсодержательное слово, не звукъ пустой, разсчитанный на ихъ легковѣріе, а фактъ, къ осуществленію котораго въ полномъ объемѣ уже приступлено? Въ такомъ государствѣ, какъ Австрія, территоріальная армія не можетъ не служить большей или меньшею гарантіей внутренней самостоятельности той земли и того народа, къ которымъ она принадлежитъ. И можно ли дать народамъ большее доказательство своей искренности, можно ли вѣрнѣе возбудить въ нихъ вѣру въ себя, какъ вручивъ имъ эту лучшую изъ гарантій?... Да, это шагъ геніальный. Благодаря ему, Габсбурги, физически безоружные передъ своими народами, передъ лицемъ врага сильнѣе, чѣмъ въ какую бы то ни было иную эпоху своего существованія. Эту силу ихъ составляетъ вѣра въ нихъ народовъ, убѣжденіе, теперь опирающееся на фактъ, что Габсбурги не обманутъ ихъ, а дѣйствительно поведутъ ихъ по широкому пути права, культуры, свободы.

Теперь, окончивъ изложеніе австрійской пропаганды новыхъ идей, съ чѣмъ вмѣстѣ заканчивается и нашъ очеркъ австрійской славянской и восточной политики, попробуемъ резюмировать все сказанное до сихъ поръ.

Австрія—нашъ соперникъ. Она этого не скрываетъ и мы это очень хорошо знаемъ. Мы видѣли, какое оружіе готовитъ противъ насъ Австрія. Независимо отъ силы матеріальной, которой она, какъ доказываетъ распоряженіе объ измѣненіи системы арміи, далеко не пренебрегаетъ, независимо отъ дипломатическихъ усилій, посредствомъ которыхъ она старается распространить свое вліяніе въ Сербіи, въ Болгаріи, въ Восточной Румеліи, въ Румыніи,—она спѣшитъ еще вооружиться и нравственно. Подхватывая такъ-сказать на лету идеи и духъ времени, она комбинируетъ ихъ въ стройную систему и дѣлаетъ изъ этой системы свою государственную политическую программу, стараясь въ то же время дать всему этому какъ можно шире распространенную извѣстность и какъ можно болѣе фактическихъ доказательствъ прочности и искренности. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на Австрію, у кого какія бы ни были политическія мнѣнія и убѣжденія, никто, конечно, не рѣшится отрицать, что идеалы, выставляемые австрійскими публицистами, австрійскими министрами и, наконецъ, самимъ австрійскимъ императоромъ, суть идеалы высокіе, свѣтлые и жизненные,—такіе, которые способны увлекать отдѣльныхъ людей и электризовать массы, заставляя ихъ дѣлать чудеса (между прочимъ и такія, въ которыхъ они впослѣдствіи можетъ-быть и раскаются). Бываютъ эпохи въ жизни человѣчества, когда извѣстныя идеи настолько назрѣли въ умахъ людей, настолько сдѣлались всеобщею потребностію, что достаточно бываетъ точно и ясно формулировать ихъ, чтобы немедленно же привлечь къ себѣ сердца всѣхъ. И тотъ, кто умѣетъ уловить такой моментъ и, пользуясь настрое-

ніемъ массъ, стать во главѣ ихъ движенія, тотъ становится господиномъ этого движенія, можетъ управлять массами и заставлять ихъ служить своимъ интересамъ. Одну изъ такихъ эпохъ переживаемъ мы теперь. Идея національности, національной свободы, права каждой націи на самостоятельное существованіе и сообразное съ ея личными внутренними свойствами развитіе, эта идея всюду пустила глубокіе корни и разрослась въ роскошное дерево. Она до такой степени сдѣлалась общимъ достояніемъ, что нѣтъ теперь ни одного самаго маленькаго и наименѣе развитаго въ культурномъ отношеніи народца, въ которомъ не проявлялось бы стремленіе къ національной свободѣ, не отстаивалось бы болѣе или менѣе энергически національное достоинство.

Въ послѣднее время родилось и усиленно распространяется мнѣніе, вѣрнѣе сказать—ученіе, которое утверждаетъ, будто всѣ толки о свободахъ личной, національной и проч. составляютъ почти-что анахронизмъ, что это—все «коварные подвохи буржуазіи», стремящейся, подъ прикрытіемъ псевдо-свободныхъ учрежденій, эксплуатировать массы, тогда какъ сами эти массы народныя давно извѣрились во всѣхъ этихъ громкихъ фразахъ безъ содержанія и имъ требуются будто бы не свобода, не самоуправленіе, а экономическая обезпеченность, матеріальное благосостояніе и больше ничего. Проповѣдники этого ученія идутъ такъ далеко, что утверждаютъ даже, будто не только въ массахъ погасъ всякій энтузіазмъ къ свободѣ, но что, совсѣмъ напротивъ, въ нихъ замѣчается поворотъ въ діаметрально противуположную сторону, нѣкоторая наклонность къ возвращенію такъ-называемаго просвѣщеннаго деспотизма, отъ котораго онѣ, массы, ждутъ лучшей экономической политики и бо́льшихъ матеріальныхъ благъ, чѣмъ отъ буржуазныхъ свободныхъ учрежденій. Находится не мало авторитетныхъ ученыхъ, особенно германскихъ, которые—частію изъ политическихъ соображеній, имѣющихъ въ виду исключительно одну нынѣшнюю прусскую Германію, частію просто изъ разсчетовъ личной карьеры—развиваютъ ученіе о ненужности никакихъ видовъ свободы до послѣднихъ крайностей. Но какъ бы его ни развивали, какъ бы ему ни покровительствовали, ученіе это несостоятельно въ самомъ своемъ принципѣ и факты ежедневной политической жизни всѣхъ государствъ несомнѣнно доказываютъ эту несостоятельность.

Невозможно отрицать, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ моментъ, когда могло казаться, что въ общественномъ настроеніи европейскихъ народовъ произошелъ радикальный переворотъ, что желаніе политической свободы, стремленіе къ ней—замѣнились какимъ-то «вѣяніемъ абсолютизма» (un courant d'absolutisme), какъ выразился покойный гр. Биконсфильдъ, который полагалъ, что великимъ государственнымъ людямъ (натурально, онъ причислялъ и себя къ нимъ) слѣдуетъ воспользоваться этимъ «вѣяніемъ» и осуществить тѣ грандіозные планы внѣшнихъ завоеваній и т. п., которыя только и возможны что при абсолютизмѣ. Такое вѣяніе было,—

да; но нужна порядочная доза политической близорукости, чтобы не видѣть, что оно явилось результатомъ отнюдь не разочарованности народовъ въ политической свободѣ, а чисто внѣшнихъ событій—австро-прусской и прусско-французской войнъ и послѣдовавшаго за ними созданія Германской имперіи. Трескъ и блескъ всей этой эпопеи до того ошеломили и ослѣпили Европу, что она на минуту какъ бы позабыла лучшія достоянія своей тысячелѣтней культуры и казалась готовой вернуться за нѣсколько столѣтій назадъ. На минуту великіе принципы свободы и права померкли, отодвинулись на второй планъ, а ихъ мѣсто заняло поклоненіе грубой силѣ, могуществу кулака и пушки, политикѣ «желѣза и крови». Но это была именно только минута. Реакція противъ этого противуестественнаго увлеченія началась очень скоро и въ настоящее время она всего сильнѣе именно въ той странѣ и среди того народа, которые послужили причиной и главными виновниками мимолетнаго непонятнаго движенія въ сторону грубой силы, т. е. въ Германіи, среди нѣмцевъ. Несмотря на то, а можетъ-быть отчасти и вслѣдствіе того, что преклоненіе передъ торжествомъ милитаризма заполонило собой и науку, и создало цѣлую школу разнообразнѣйшихъ апологетовъ кулака и желѣза, проповѣдывавшихъ теоріи по-истинѣ чудовищныя, нѣмецкое общество отрезвилось такъ же быстро, какъ и опьянѣло. Нисколько не противорѣчитъ, а напротивъ именно подтверждаетъ высказываемую нами мысль и теченіе соціальной борьбы, главнымъ театромъ которой служитъ опять-таки Германія и которая своими внѣшними формами, казалось, отчасти оправдывала ученіе объ исключительно экономическомъ характерѣ соціальнаго вопроса и о нѣкоторомъ отвращеніи массъ отъ буржуазныхъ свободныхъ учрежденій. Послѣдніе парламентскіе выборы германскіе какъ нельзя убѣдительнѣй доказали, до какой степени ошибаются тѣ, которые отрицаютъ всякую политическую подкладку за движеніемъ нѣмецкихъ рабочихъ. Безусловно вся Германія и рабочіе не менѣе другихъ вѣрятъ во всемогущество князя Бисмарка и въ то, что если ужь онъ захочетъ, такъ можетъ сдѣлать все на свѣтѣ. Когда канцлеръ самъ лично, съ высоты своего исключительнаго парламентскаго кресла-престолика и устами своихъ безчисленныхъ пресмыкающихся учёныхъ и публицистовъ провозгласилъ, что беретъ въ свои руки рабочій вопросъ и отнынѣ посвятитъ всѣ свои силы обезпеченію матеріальнаго благосостоянія рабочихъ, ни одна душа въ рабочемъ классѣ не усомнилась, что онъ дѣйствительно въ состояніи это сдѣлать. И что же мы видѣли, однако?—Вѣря и власти, и отчасти даже искренности Бисмарка, рабочіе все-таки не откликнулись на его зовъ, отвергли протянутую къ нимъ могучую руку и отвернулись отъ канцлера и его приспѣшниковъ. Возможно ли было бы такое явленіе, не было ли бы оно прямымъ противорѣчіемъ всему движенію, еслибы соціальная борьба была исключительно экономической?

Тѣмъ не менѣе, хотя мы твердо убѣждены въ противномъ, допустимъ на минуту, что ученіе объ антиполитическомъ характерѣ нашего времени имѣетъ нѣкоторое, хотя и кажущееся только, основаніе въ примѣненіи къ такимъ государствамъ, какъ Франція, Италія, Германія. При сложности тамошнихъ отношеній вопросы политическіе могутъ быть на время и до извѣстной степени заслоняемы другими, тоже существенно важными и въ данную минуту представляющими непосредственный интересъ. Главное же, тамъ національность не подвергается никакой опасности,—слѣдовательно, самый жгучій изъ политическихъ вопросовъ не занимаетъ умы. Но въ такомъ ли положеніи находятся балканскія государства и австрійскія славянскія земли? Припомнимъ недавніе примѣры Италіи и Германіи. Какіе частные интересы классовъ или отдѣльныхъ лицъ, какія соображенія матеріальнаго быта занимали или могли занимать итальянское образованное общество и итальянскій народъ во время владычества въ раздробленной Италіи иноплеменныхъ князей и поддерживавшей ихъ Австріи?—Никакіе рѣшительно. Вся Италія отъ мала до велика жила и дышала однимъ всепоглощающимъ интересомъ — національною независимостью, національнымъ объединеніемъ. Сдѣлай тогда австрійское правительство богачами всѣхъ до одного итальянцевъ, оно все-таки не могло бы привлечь ихъ къ себѣ, или даже примирить съ собою, и богатство, которымъ оно надѣлило бы ихъ, только послужило бы орудіемъ противъ него самого. Даже и теперь, когда объединеніе, независимость и свобода давно составляютъ дѣйствительный и прочно обезпеченный фактъ,—но потому, что они составляютъ фактъ не для всѣхъ итальянскихъ земель, часть ихъ еще остается національно-зависимой,—въ Италіи все еще существуетъ и дѣйствуетъ съ неудержимой энергіей большая партія «неискупленной Италіи». И партія эта будетъ работать, и ничто не остановитъ ея движенія, покуда неискупленная Италія не будетъ искуплена, то-есть покуда всѣ итальянскія земли не получатъ вполнѣ свободную національную жизнь. То же самое — въ Германіи. Соціальная борьба съ ея экономическими условіями началась тамъ задолго до объединенія и къ этому времени достигла такой остроты и такъ враждебно раздѣлила классы, что, казалось, никакая посторонняя идея не можетъ связать ихъ въ общемъ единодушномъ дѣйствіи. Извѣстно, что Марксъ и его ближайшіе сторонники сильно агитировали среди рабочихъ противъ всякой мысли о войнѣ съ Франціей, опираясь именно на тотъ постулятъ, что «наше время не время политическихъ задачъ». И рабочіе соглашались съ ними. Одно собраніе написало даже посланную французкимъ рабочимъ декларацію въ этомъ смыслѣ. Но достаточно было одного магическаго крика: «національное объединеніе, національная свобода и слава», чтобы все прочее было забыто и всѣ классы съ одинаковымъ энтузіазмомъ бросились на служеніе великой идеѣ. Даже религіозная рознь, весьма глубокая и сильная въ Германіи, не

могла остановить могучаго дѣйствія всепобѣждающей національной идеи. Аристократы и плебеи, богачи и бездомные пролетаріи, католики и протестанты—всѣ были чисто стихійнымъ образомъ увлечены потокомъ. Распри и соціальныя, и религіозныя возникли вновь, съ удесятеренною противъ прежняго силой; но это случилось уже позже, а въ самый моментъ осуществленія національной идеи о нихъ никто и не думалъ.

Въ виду такихъ примѣровъ, можно ли разсчитывать, что, въ противность всѣмъ прочимъ, славянскія племена увлекутся непремѣнно какой-либо иной, а не національной, идеей. Это тѣмъ болѣе невозможно, что примѣры Италіи и Германіи вовсе не представляютъ случайныхъ явленій, обусловливаемыхъ особенностями развитія и положенія этихъ государствъ. Напротивъ, это явленіе вполнѣ естественное и такое же роковое, не поддающееся измѣненію воли человѣка, какъ и извѣстныя явленія физической природы, напримѣръ прозябаніе брошеннаго въ землю сѣмени и постепенное развитіе изъ него сначала маленькой травки, потомъ ствола и листьевъ, наконецъ—цвѣтка и плода. Человѣкъ, съ своимъ искусствомъ, можетъ ускорить, или замедлить это развитіе, можетъ измѣнить окраску цвѣтка, можетъ придать иной вкусъ плоду, но измѣнить самый процессъ развитія не можетъ. Не въ его власти прямо изъ травки, изъ побѣга извлечь плодъ. Точно то же и съ національной идеей. Наступитъ, конечно, время, когда она утратитъ свою интенсивность и самое значеніе, когда она даже совсѣмъ стушуется передъ неизмѣримо болѣе великой и общей идеей *человѣчества*. Но это не можетъ случиться ранѣе, какъ когда національная идея получитъ полное и всестороннее осуществленіе, т.-е. когда право каждой націи на самостоятельность сдѣлается такъ же безспорно фактически, какъ оно безспорно уже въ сознаніи образованныхъ людей и въ полусознательномъ, полуинстинктивномъ стремленіи массъ. Не только вѣроятно, но (по крайней мѣрѣ по нашему твердому убѣжденію) навѣрное наши отдаленные потомки будутъ съ такимъ же трудомъ понимать національный фанатизмъ, какъ мы теперь начинаемъ плохо понимать фанатизмъ классовъ и совсѣмъ не понимаемъ тотъ свирѣпый религіозный фанатизмъ, который заставлялъ людей рукоплескать сожженію еретиковъ на кострахъ, замуравленію ихъ въ стѣнахъ и тому подобнымъ, едва вѣроятнымъ, жестокостямъ. Навѣрное, знакомясь съ исторіей нашего времени и узнавая изъ нея, что люди нашего времени дѣлили родъ людской на своихъ и чужихъ и имѣли двое вѣсовъ и двѣ мѣры, смотря по тому, о комъ идетъ рѣчь — о насъ самихъ и нашихъ, или о другихъ; что, требуя для себя уваженія, независимости, свободы и права, они считали совершенно позволительнымъ и даже обязательнымъ нарушать все это у сосѣдей; что все то, что въ отношеніяхъ частныхъ людей между собою считалось преступленіемъ и каралось закономъ, въ отношеніяхъ международныхъ считалось, наоборотъ, доблестью и подвигомъ; что, наконецъ, вся такъ-называемая «политика» была не чѣмъ инымъ, какъ

почти сплошнымъ рядомъ насилій, — узнавая все это, говоримъ мы, потомки наши навѣрное будутъ испытывать такое же смѣшанное чувство скорби, стыда и негодованія, съ какимъ мы теперь говоримъ о практиковавшемся нашими отдаленными предками массовомъ истребленіи враговъ и обращеніи въ рабство оставшихся въ живыхъ, хотя, конечно, они, т. е. потомки наши, такъ же будутъ стараться подыскать въ окружающихъ насъ условіяхъ объясненіе и нѣкоторое оправданіе намъ, какъ мы дѣлаемъ это по отношенію къ предкамъ. Но чтобы люди дошли до такого образа мыслей, нужно много времени и много умственнаго и нравственнаго развитія, до котораго современнымъ поколѣніямъ еще очень далеко. Покуда человѣчество дѣлится не только на естественныя группы, представляемыя націями и расами, но и на искуственныя клѣтки, представляемыя исторически образовавшимися политическими территоріальными раздѣленіями; покуда логическое послѣдствіе этого искуственнаго дѣленія — такъ-называемая въ международной политикѣ «государственная идея» — сохранитъ свое теперешнее первенствующее значеніе и во имя этой идеи будутъ, въ понятіяхъ людей, оправдываться всякія неправды и насиліе; покуда воображаемымъ интересамъ государственнаго единства, могущества и проч. будутъ приноситься въ жертву естественные интересы и права людей, а въ самихъ этихъ государствахъ—существовать и занимать привилегированное, властное положеніе такъ-называемыя «господствующія націи», обыкновенно оправдывающія свое властолюбіе тѣмъ, что онѣ «основали государство»,—до тѣхъ поръ и логическая реакція противъ всего этого—національная идея—не можетъ исчезнуть и не утратитъ своей силы и своего обаянія. И не только не утратитъ, но тамъ, гдѣ нація подвергается хоть малѣйшей опасности, національная идея должна непремѣнно вытѣснить собою всякіе иные интересы и всякія иныя идеи, хотя бы послѣднія были и высшей категоріи,—должна потому, что, будучи сама по себѣ лишь однимъ изъ видовъ стремленія людей къ индивидуальной свободѣ, она, между прочимъ, имѣетъ подкладкой и опорой два можетъ-быть не особенно возвышенныя, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно глубокія и могущественныя въ людяхъ чувства: чувство самосохраненія и чувство собственности. Случается часто, что отдѣльные люди сами добровольно накладываютъ на себя руки и такъ же добровольно отдаютъ свое имущество, жертвуя его для какого-либо любимаго дѣла, или просто на бѣдныхъ. Но нѣтъ и не можетъ быть такого человѣка, который безъ борьбы уступилъ бы свою жизнь или свою собственность, когда на нихъ совершаютъ нападеніе посторонніе. Самый слабый физически, самый трусливый нравственно непремѣнно пробуютъ защищаться, хотя бы только бѣгствомъ или скрытіемъ имущества. Также и націи. Подъ вліяніемъ чужой высшей культуры, которую воспринимаютъ добровольно, онѣ могутъ постепенно утратить почти всѣ свои индивидуальныя особенности и если не потерять совсѣмъ всякій сомобытный обликъ, то во всякомъ случаѣ

видоизмѣниться въ нѣчто новое, не похожее на то, чѣмъ были прежде. Но какъ скоро это видоизмѣненіе навязывается имъ со стороны, путемъ насилія, чувство самосохраненія немедленно беретъ верхъ и нація начинаетъ защищаться всѣми силами, а чувство собственности заявляетъ себя тѣмъ, что націи *свое* даже и дурное становится во сто кратъ дороже чужого хорошаго и она держится за это свое со всѣмъ отчаяніемъ погибающаго. И какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и нація не можетъ, еслибъ и хотѣла, заняться чѣмъ - либо инымъ, покуда не устранена опасность для жизни и собственности. Мысль объ этой опасности, роковымъ образомъ всегда присущая уму того, кто ей подвергается, по необходимости должна поглощать лучшія силы личности единичной, или собирательной, каковыя силы прежде и главнѣе всего устремляются на изысканіе средствъ избавиться отъ опасности. Поставленные въ безвыходное положеніе, чувствуя и сознавая свое безсиліе бороться съ опасностью одни, и отдѣльный человѣкъ, и нація такимъ же роковымъ образомъ должны подпасть беззавѣтному вліянію того, кто имъ обѣщаетъ и докажетъ фактически свою способность стать ихъ избавителемъ и защитникомъ. Такъ бывало и будетъ всегда и вездѣ, потому что иначе быть не можетъ,—не въ порядкѣ вещей. Такъ будетъ, разумѣется, и со славянами, которые всѣ находятся въ положеніи людей, жизнь и собственность которыхъ подвергаются опасности, и слѣдовательно они, во - первыхъ, исключительно поглощены мыслью объ этой опасности и, во - вторыхъ, представляютъ какъ разъ тотъ горючій народный матеріалъ, который всего скорѣй и всего неудержимѣй воспламеняется въ моменты всеобщаго возбужденія, когда, какъ сказано выше, достаточно одного движенія, одного слова, чтобъ увлечь массы.

Было бы большой и весьма прискорбной ошибкой думать, будто славянъ можетъ привести въ движеніе и увлечь ихъ только быстрыми шагами приближающееся конечное разрушеніе Турціи. Вовсе нѣтъ. Конечно, исчезновеніе печальной фикціи, именуемой Турціей, не можетъ совершиться, не задѣвъ прежде всего славянъ и не повліявъ существенно на ихъ участь. Но это далеко не единственный внѣшній импульсъ, который они могутъ испытать. На нихъ въ такой же степени отразится, а къ *дѣятельному* участію вызоветъ ихъ вѣроятно въ гораздо большей степени другое, уже грядущее, событіе міровой важности—именно политическо-соціальное движеніе, подготовляющееся нынѣ въ средней части Европы. Объ этомъ движеніи, его вѣроятныхъ послѣдствіяхъ и вліяніи на славянъ мы будемъ имѣть случай говорить подробно въ послѣдующей части нашего труда, теперь же достаточно будетъ сказать, что каковъ бы ни былъ характеръ его тамъ, гдѣ оно первоначально возникнетъ, среди славянъ оно непремѣнно, въ силу окружающихъ ихъ условій, приметъ національную окраску, осложнившись только естественнымъ стремленіемъ къ политической свободѣ. Въ свободѣ этой, какъ мы старались показать

выше, рѣшительно никто не разочаровался. Для славянъ же утратить свое обаятельное очарованіе она не могла уже по той одной причинѣ, что они еще не имѣли времени и попользоваться ею, какъ слѣдуетъ,—для нихъ это еще не фактъ, а только pia desideria. Чисто соціальная борьба, съ ея экономическими интересами и условіями для однихъ славянскихъ племенъ, какъ, напримѣръ, сербы и болгары, не существуетъ еще, благодаря полному отсутствію всякой почвы для нея, ибо какъ у болгаръ, такъ и у сербовъ вовсе нѣтъ раздѣленія на классы, а распредѣленіе богатства настолько равномѣрно, насколько это вообще возможно въ дѣйствительной жизни: тамъ вовсе нѣтъ ни колоссальныхъ богачей, ни нищихъ и всѣ—бо́льшіе или меньшіе собственники. Для другихъ же, какъ чехи, хорваты, не существуетъ потому, что у нихъ вопросы соціальные до поры до времени заслоняются господствующими надъ ними вопросами національными и интересами національной борьбы. Наконецъ, идея національности *по необходимости должна*, въ настоящемъ ихъ положеніи, воплощаться у славянъ въ своей узкой формѣ національной индивидуальности, а не расоваго единства, потому что эта индивидуальность еще далеко не закончила кругъ своего естественнаго развитія и въ добавокъ далеко не обезпечена въ самой возможности окончательно развиться. Милліоны славянъ еще вовсе не пользуются независимостію, а другіе хоть и освобождены, благодаря намъ, но окружены такой массой неблагопріятныхъ условій, что ихъ независимость—и политическая, и національная—подвергается ежеминутной опасности. Въ какую бы сторону ни повернулась любая изъ славянскихъ народностей, вездѣ и передъ каждой выростаютъ какая-нибудь прямо противъ ея жизни направленная «государственная идея» и точащая зубы на ея собственность «господствующая національность». Эти условія сами собой опредѣляютъ какъ насущнѣйшія потребности славянъ, такъ и характеръ ихъ будущаго движенія.

А теперь мы просимъ читателей припомнить въ общемъ австрійскую программу и сказать: не соотвѣтствуетъ ли она, черта въ черту, всѣмъ, обусловливаемымъ ихъ положеніемъ, потребностямъ славянъ? Не сулитъ ли она имъ безусловно все, что составляетъ ближайшую цѣль ихъ собственныхъ стремленій, не говоря ужъ о томъ, что она отвѣчаетъ вполнѣ и духу, и общимъ тенденціямъ вѣка? Не принимать во вниманіе эту программу, не считаться съ нею, намъ нельзя, какъ нельзя не считаться съ самой Австріей. Волей-неволей мы должны и съ своей стороны выставить что-нибудь такое, что служило бы противовѣсомъ этой программѣ, составляющей нравственное оружіе Габсбурговъ, и уравновѣшивало наши моральныя силы. А гдѣ у насъ этотъ противовѣсъ? Гдѣ тотъ идеалъ, во имя котораго мы сами готовимся вступить въ борьбу съ Австріей и призываемъ къ ней славянъ? Какая наша программа? Есть ли у насъ вообще какая-нибудь программа?

Признаемся откровенно, мы (т. е. авторъ предлагаемыхъ замѣтокъ) не въ состояніи отвѣтить даже на этотъ послѣдній вопросъ. Мы не знаемъ, есть ли у насъ программа и какая она можетъ быть. Изъ массы чрезвычайно запутанныхъ и туманныхъ рѣчей, слышащихся на этотъ счетъ, невозможно вывести никакого опредѣленнаго заключенія, ничего такого, что могло бы воодушевлять и служить путеводною звѣздой даже для насъ самихъ, не говоря ужь о славянахъ. Иногда, правда, прорываются тамъ и сямъ даже и очень опредѣленныя мысли и слова, но они всѣ такого свойства, что способны скорѣе оттолкнуть отъ насъ славянъ, чѣмъ привлечь ихъ къ намъ. Напримѣръ, мы прочли недавно въ газетѣ препрославленнаго публициста-политика,—въ статьѣ, по всѣмъ признакамъ вышедшей изъ-подъ его собственнаго пера, — что «Босфоръ долженъ быть нашъ». На этотъ счетъ можно спорить. Многіе думаютъ и, кто знаетъ, можетъ-быть небезосновательно, что пріобрѣтеніе Босфора, а съ нимъ конечно и Константинополя, *въ настоящее время и при настоящемъ ея состояніи*, было бы величайшимъ несчастіемъ для Россіи. Но положимъ, что Босфоръ непремѣнно долженъ быть нашъ. Прекрасно. Это не идеалъ, но это все же цѣль. Однако цѣль для насъ, русскихъ, или, выражаясь совсѣмъ точно, для Русскаго государства; но славянамъ-то что же до этого? Они-то что же, предполагается, выиграютъ отъ пріобрѣтенія нами этого важнаго торговаго и стратегическаго пункта, и почему, ради чего должны непремѣнно помогать намъ захватить Босфоръ? Въ другой разъ изъ устъ знаменитаго и популярнаго генерала, котораго его поклонники стараются непремѣнно возвести въ замѣчательные политики, мы слышали, что «Россія должна быть прежде всего русской и православной». Это ужь нѣкотораго рода идеалъ, но опять-таки для русскихъ, а ужь никакъ не для многихъ другихъ славянъ, которые и не русскіе, и не православные. А затѣмъ, внѣ стремленія захватить Босфоръ и православія, что же мы еще представляемъ? Нѣкоторымъ изъ славянъ мы въ прошломъ оказали великія услуги, это правда; но однако нельзя же вѣдь всегда только прошлое вспоминать, надо что-нибудь и въ будущемъ предоставить людямъ, отъ которыхъ ждемъ поддержки, иначе они легко могутъ самыя услуги объяснить не чѣмъ инымъ, какъ именно стремленіемъ къ захвату Босфора, и слѣдовательно счесть себя свободными отъ всякой благодарности и отъ всякихъ обязательствъ. Одно воспоминаніе о прошломъ безъ идеала въ будущемъ не можетъ увлекать даже и отдѣльныхъ людей, не только что массы. Чтобы затронуть душу народную, чтобы побудить народъ съ радостію жертвовать собою, нужна непремѣнно комбинація интересовъ матеріальныхъ съ интересами идеальными, иначе народъ останется холоденъ и равнодушенъ. Исторія изобилуетъ примѣрами массовыхъ движеній ради идеи, но нельзя указать ни одного такого, гдѣ народы подымались бы, приносили жертвы и шли на смерть исключительно ради однихъ матеріальнымъ интересовъ. Когда

передъ нимъ только одна матеріальная цѣль, безъ всякой даже кажущейся примѣси идеала, народъ идетъ, повинуясь приказанію и необходимости, но идетъ чисто по рутинѣ, какъ матеріалъ власти, а не какъ живая дѣятельная сила, и въ немъ всегда, въ такихъ случаяхъ, отсутствуетъ та страсть, которая одна заставляетъ совершать чудеса и которая можетъ быть вызвана только идеаломъ. Поэтому-то величайшіе тираны и властолюбцы всегда, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, прикрывали свои корыстныя цѣли болѣе или менѣе густымъ покровомъ идеала, имѣющаго назначеніе обмануть массы. Ужь на что была матеріальна и не только эгоистична, но прямо безнравственна война англичанъ съ китайцами изъ-за торговли опіумомъ, а и ту съумѣли до нѣкоторой степени идеализировать, выставить впередъ съ одной стороны «достоинство націи», якобы оскорбленное китайцами, обидѣвшими какихъ-то двухъ или трехъ англичанъ, съ другой—необходимость «открыть Китай для цивилизаціи и прогресса». Подобное дерзкое надувательство массъ, конечно, безнравственно само себѣ, но въ глубинѣ его лежитъ и источникомъ его служитъ глубокая психологическая правда, заключающаяся въ потребности массъ въ идеалѣ, въ невозможности расшевелить и воодушевить ихъ одними матеріальными интересами.

Изъ всѣхъ народовъ Европы мы, русскіе, можетъ-быть наименѣе способны увлекаться исключительно матеріальными интересами. Пусть попробуютъ указать намъ на Босфоръ, какъ на исключительную цѣль предстоящей можетъ-быть въ скоромъ времени борьбы. Можно голову прозакладывать, что масса народа, равно какъ и интеллигенція отнесутся къ этому вполнѣ равнодушно, хотя и та и другая прежде съ страстнымъ увлеченіемъ стремились къ этому самому Босфору, когда его освѣщалъ идеалъ. Теперь этотъ идеалъ сдѣлался достояніемъ изъ нихъ немногихъ. Идеальное знамя подъ стремленіемъ къ Босфору, которое болѣе всего дѣйствовало на малосознательную массу, осуществлено: христіане почти всѣ освобождены отъ невѣрныхъ варваровъ и сами варвары настолько обезсилены, что ужь не могутъ никого угнетать.

Если такимъ разочаровывающимъ образомъ дѣйствуетъ отсутствіе идеала въ будущемъ на насъ, для которыхъ и одни матеріальные интересы все же составляютъ кое-что, то каково же должно оно дѣйствовать на славянъ, тѣмъ болѣе, что въ вѣчныхъ толкахъ о прошломъ для славянъ не заключается даже пріятнаго воспоминанія о совершенныхъ доблестныхъ подвигахъ, а скорѣе слышится попрекъ тѣми благодѣяніями, которыя мы имъ оказали? Благодѣянія не легко выносить особенно тѣмъ, кто чувствуетъ себя не въ силахъ отплатить за нихъ, а попреки и подавно тяжелы и даже способны вызвать злость и ненависть къ благодѣтелямъ. Если мы хотимъ пріобрѣсть расположеніе и поддержку славянъ,—а мы не можемъ не хотѣть этого, ибо въ нашей европейской политикѣ мы не можемъ сдѣлать ни шагу дальше, не наткнувшись тот-

часъ же на ту или другую славянскую народность, и не можемъ вести эту политику ни мимо нихъ, ни черезъ ихъ головы, — если мы хотимъ пріобрѣсти расположеніе и поддержку славянъ, мы должны, обязаны предоставить имъ въ будущемъ такія выгоды, столько благъ матеріальныхъ и идеальныхъ, чтобъ они не могли и минуты колебаться слѣдовать за нами. Это надо было бы сдѣлать во всякомъ случаѣ, даже еслибы мы стояли передъ лицомъ славянъ совсѣмъ одни, безъ всякихъ соперниковъ, потому что и тогда они дважды подумали бы прежде, чѣмъ за прошлое пожертвовать намъ всѣмъ своимъ будущимъ. Но это становится дѣломъ неотложной необходимости, какъ скоро мы встрѣчаемъ на этой почвѣ сильнаго врага, который, какъ и мы, тоже опирается на славянъ, тоже безъ ихъ участія не можетъ достичь прочнаго успѣха и который, понимая это, предлагаетъ славянамъ будущность безспорно завидную, если ее удастся осуществить. Силами физическими мы съ этимъ врагомъ помѣряться безспорно можемъ, но чѣмъ намъ побороть его силу нравственную? А вѣдь она-то въ данномъ случаѣ и страшна. Насколько она страшна и до какой степени намъ необходимо считаться съ нею, ясно изъ вышеупомянутаго рѣшенія Австріи измѣнить систему своей арміи на территоріальную. Это рѣшеніе въ высшей степени невыгодно для тѣхъ, кому придется вести войну съ Австріей въ ближайшемъ будущемъ, потому что если Австрія спѣшитъ увеличить боевую готовность своей арміи, то это дѣлается главнымъ образомъ въ виду вѣроятности *близкой* войны; территоріальная же система, обусловливающая быструю мобилизацію, можетъ дать Австріи возможность перенести театръ войны на территорію врага прежде, чѣмъ тотъ успѣетъ приготовиться къ оборонѣ, потому что, какъ бы тамъ ни было, Австрія—все же не Турція и, разъ рѣшившись на войну, она не станетъ медлить нѣсколько мѣсяцевъ, покуда не только ея врагъ, но и весь свѣтъ успѣетъ вооружиться. Между тѣмъ, какъ уже было замѣчено, она никогда не могла бы рѣшиться на подобное преобразованіе арміи, еслибы не была увѣрена въ славянахъ. Одинъ фактъ возможности имѣть такую увѣренность представляетъ великій успѣхъ, великую нравственную побѣду Габсбурговъ,—побѣду, одержанную ими—надъ кѣмъ?—нужно ли говорить это?... Не ясно ли и безъ словъ, что этой увѣренности не могло бы существовать, еслибы ничто не парализовало естественнаго тяготѣнія славянъ и тяготѣніе это было такимъ же сильнымъ, какъ прежде? У насъ на всю эту исторію мало обратили вниманія. Въ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, что Австрія вводитъ у себя территоріальную систему, но и только. Значенія громадной нравственной побѣды Габсбурговъ никто за этимъ фактомъ не призналъ. Но со-временемъ можетъ-быть вынуждены будутъ признать и, вѣроятно, согласно принятому обыкновенію, примутся обвинять дипломатовъ. У насъ вѣдь всякій неуспѣхъ внѣшней политики валятъ на дипломатовъ, на ихъ бездарность, ихъ трусость, иные говорятъ даже—недобросовѣстность и антипатріотичность.

Не мы, конечно, возьмемъ на себя роль защитниковъ нашей дипломатіи. Признаваясь откровенно, мы должны сказать, что не только нашу дипломатію въ частности, но вообще дипломатію, дипломатію въ принципѣ, ставимъ очень невысоко и считаемъ скорѣе государственно-народнымъ зломъ, чѣмъ необходимымъ органомъ государственной дѣятельности. Но однако же все приписывать однимъ дипломатамъ, ихъ бездарности или геніальности—тоже нельзя. Положимъ, наши дипломаты бездарны, но вѣдь и австрійскіе тоже не далеко отъ нихъ отошли. Со временъ Метерниха въ австрійской дипломатіи не выдалось, сколько извѣстно, ни одного не только крупнаго, но хотя бы мало-мальски замѣтнаго таланта. Отчего же политика Австріи торжествуетъ и само это, предполагается, расшатанное, живущее искуственною жизнію, государство все подвигается впередъ, тогда какъ наша политика терпитъ одно нравственное пораженіе за другимъ, а сами мы—государство органически цѣльное и прочное по преимуществу—все пятимся и пятимся назадъ? Намъ думается оттого, что у австрійскаго правительства есть принципы и у Австріи есть идеалы. Какая дипломатія, хоть будь ея персоналъ сплошь собраніемъ однихъ Талейрановъ, Метерниховъ и Бисмарковъ, могла бы уничтожить могущественное обаяніе тѣхъ высокихъ и жизненныхъ идеаловъ, съ которыми Габсбурги теперь выступаютъ, увлекая ихъ, передъ своими и чужими народами? На Берлинскомъ конгрессѣ Австрія получила отъ Европы полномочіе занять Боснію и Герцеговину,—полномочіе, въ которомъ молча подразумѣвалось другое, гораздо болѣе обширное: полномочіе Габсбургамъ—заняться отнынѣ исполненіемъ той культурной задачи на Востокѣ, которую они сами считаютъ своей исторической миссіей. Это полномочіе дала имъ дѣйствительно «Европа», а не одни только Бисмаркъ да Биконсфильдъ. Не только Франція, даже Италія безъ возраженій согласилась подписать ихъ. И неужели можно думать, что подобныя полномочія были бы даны Габсбургамъ 20-хъ и 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія?—Никогда. Предводители европейской св. германдады никогда не были бы избраны Европой въ повѣренные въ такомъ для всѣхъ важномъ вопросѣ, какъ восточный. Этотъ успѣхъ Габсбурговъ былъ купленъ ими цѣною той мирной преобразовательной работы, которую они съ 1866 года ведутъ въ своемъ государствѣ. Благодаря этой работѣ, и только ей одной, внутреннія затрудненія не мѣшаютъ имъ заниматься внѣшними дѣлами и финансы не вынуждаютъ ихъ къ бездѣйствію. А между тѣмъ «новая государственная форма будущаго», какъ выражается оффиціозный авторъ вышеприведенной брошюры «Die Deutschen in Oesterreich», которую они рекламируютъ теперь и собираются осуществить, развѣ это ихъ идеалъ?

Обратимся къ свидѣтельству тѣхъ самыхъ людей, которые у насъ провозглашаютъ себя единственно компенентными знатоками русскаго народа и его стремленій. Или мы ровно ничего не понимаемъ, или знаменитая «самоуправляющаяся земля съ самодержавнымъ царемъ во главѣ»

и есть именно то самое, что, точнѣе опредѣляющіе понятія, австрійскіе публицисты называютъ «государственною формой будущаго». И такая монархія дѣйствительно представляетъ «государственную форму будущаго», что несомнѣнно доказываетъ весь ходъ европейской исторіи; но тотъ же ходъ доказываетъ еще, что содѣланіе этой формы будущаго формой настоящаго, проведеніе ея въ жизнь составляетъ именно то самое «новое слово», которое мы такъ давно собираемся высказать, потому что чувствуемъ, всѣмъ существомъ своимъ чувствуемъ, присутствіе его въ насъ, но никакъ не можемъ собраться. Провести же эту форму суждено,—по крайней мѣрѣ казалось и было суждено,—именно намъ, а не другому какому-либо народу, потому что она можетъ быть осуществлена въ полномъ объемѣ и утверждена незыблемо только на почвѣ сплошь демократической, т. е. именно на такой, какую представляютъ собой русскій и болѣе или менѣе всѣ прочіе славянскіе народы, теперь не исключая даже и польскаго, потому что и въ немъ въ послѣднее время демократическое теченіе развивается неудержимымъ потокомъ. Въ этихъ предопредѣленныхъ Провидѣніемъ удобствахъ, въ этой природной подготовленности почвы для полнаго осуществленія новой, составляющей въ данную эпоху историческаго развитія потребность всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, формы общежитія весь секретъ *славянской идеи*, вся суть великой славянской миссіи Россіи. Другіе, чуждые намъ по племени, народы, по разнымъ причинамъ и движимые различными побужденіями, не понимали этой настоящей сути славянской идеи: романскіе—потому, что, видя одну внѣшность, не задавали себѣ труда вникнуть во внутреннее содержаніе ея; германскіе—потому, что умышленно закрывали глаза сами и старались отвести ихъ другимъ, хотя въ душѣ отлично знали, въ чемъ дѣло. Такъ Блунчли въ своемъ сочиненіи: «Die Politik als Wissenschaft»—проговаривается, что «славянской расѣ, по мягкости ея природнаго характера и по нѣкоторымъ особенностямъ соціальнаго быта, принадлежитъ можетъ-быть задача осуществить идею *братства народовъ*». Но если другіе не понимали или не хотѣли понять, то славяне понимали всегда и ждали,—напряженно, съ томительнымъ трепетомъ ждали,—прислушиваясь и присматриваясь, когда мы сами точно и опредѣленно уяснимъ себѣ сущность нашей миссіи, пойдемъ сами и призовемъ ихъ къ ея исполненію. Что же, сдѣлали мы то, что составляло нашу историческую обязанность и чего отъ насъ такъ долго и упорно ждали славяне? — Нѣтъ, не только славу взяться за исполненіе *нашей* миссіи, но даже и честь точно и ясно, понятнымъ для каждаго образомъ, формулировать ее мы уступили Габсбургамъ. Что-жь удивительнаго, если часть славянъ отвертываются отъ насъ и идутъ за Габсбургами, и при чемъ тутъ дипломаты со всей ихъ бездарностію, или безполезною даровитостью?

Но можетъ-быть мы вообще ошибаемся, можетъ-быть славяне вовсе

и не думали ждать отъ насъ ничего подобнаго тому, что мы говоримъ? Можетъ-быть нѣтъ и слѣда ничего подобнаго въ ихъ первоначальной народной жизни, въ тѣхъ зачаткахъ культуры, которую они начали было вырабатывать сами, самобытно, въ тѣ давно прошедшія времена, когда они были независимы?... Мы постараемся изслѣдовать это, когда будемъ говорить о славянахъ, теперь же покуда должны заняться болѣе непосредственно-важнымъ предметомъ, именно вопросомъ: хватитъ ли у Габсбурговъ матеріальной возможности осуществить то, что они замыслили? Найдется ли кто-нибудь настолько могущественный, кто будетъ въ состояніи доставить имъ физическую силу, которой недостаетъ имъ самимъ и безъ которой, при наилучшихъ желаніяхъ, все-таки невозможно ничего подѣлать? А если найдется такой могущественный другъ, то что именно гарантируетъ Губсбургамъ его поддержку, какіе его собственные, личные интересы въ томъ, чтобы не оставить Габсбурговъ на произволъ судьбы въ минуту опасности, а, напротивъ, всѣми силами, во что бы то ни стало, поддержать ихъ?... Такой другъ, какъ читатели, конечно, понимаютъ и сами, представляется въ лицѣ Германіи.

Ею-то мы и займемся.

Н. С.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

О новыхъ книгахъ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзіи. Первый и второй періодъ жизни и дѣятельности (1799—1826 гг.). Сочиненіе *А. Незеленаго.* С.-Петербургъ. 1882 года.

«О Пушкинѣ не сказано послѣдняго слова», «поэзія Пушкина до сихъ поръ не оцѣнена какъ слѣдуетъ»—вотъ что говоритъ почти каждый изъ біографовъ или критиковъ покойнаго поэта, въ виду все болѣе и болѣе открывающихся новыхъ матеріаловъ. Богатый біографическій матеріалъ, опубликованный въ послѣднее время, дѣйствительно проливаетъ на личность поэта совсѣмъ новый свѣтъ. На основаніи его г. Стоюнинъ въ прошломъ году написалъ свою книгу: «Пушкинъ», гдѣ сдѣлалъ все, что въ данномъ случаѣ могъ сдѣлать умѣлый историкъ литературы. Потому появленіе новой книги о Пушкинѣ, черезъ какіе-нибудь шесть-семь мѣсяцевъ, почти съ тѣми же задачами показалось нѣсколько страннымъ.

Г. Незеленый въ предисловіи такъ выясняетъ цѣль своего труда: «Нѣтъ у насъ біографіи Пушкина, достойной его великаго имени»—и тутъ же прибавляетъ: «въ настоящемъ сочиненіи читатель не найдетъ *полной* біографіи Пушкина». «Авторъ поставилъ себѣ задачей прослѣдить внутреннюю жизнь великаго поэта и развитіе его характера по его произведеніямъ, освѣщая ихъ событіями его *внѣшняго бытія*» (стр. 3).

Приблизительно такою же задачей былъ занятъ и г. Стоюнинъ. Что же новаго прибавляетъ своею книгой г. Незеленый къ имѣющейся уже литературѣ о Пушкинѣ?

Онъ довольно подробно *передаетъ содержаніе всѣхъ выдающихся произведеній* Пушкина *и даже его мелкихъ стихотвореній*, написанныхъ до освобожденія изъ ссылки; подробно сравниваетъ поэму: «Русланъ и Людмилла» съ поэмой Жуковскаго: «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ»—и находитъ ихъ почти тождественными по содержанію (!). Впрочемъ, далѣе онъ понемногу отъ этого отказывается. «Но при сходствѣ поэмъ,—говоритъ онъ,—есть между ними и большая разница. У Жуковскаго освобожденіе княжны—эпизодъ въ повѣсти; у Пушкина, наоборотъ, разсказъ о

двѣнадцати дѣвахъ есть эпизодъ въ повѣствованіи объ освобожденіи кіевской княжны» и т. д. Изъ дальнѣйшихъ же разсужденій получается такой выводъ: «Такимъ образомъ, содержаніе поэмы Пушкина заимствовано у Жуковскаго, но произведеніе послѣдняго подвергнуто передѣлкѣ весьма существенной».

Подобными сравненіями произведеній Пушкина съ тѣмъ или другимъ писателемъ переполняется вся уемистая книжка г. Незеленаго.

Останавливаясь на драмѣ «Борисъ Годуновъ», авторъ предварительно *знакомитъ съ ея содержаніемъ* (!). Чтобъ указать, давно всѣмъ и каждому извѣстное еще со школьной скамьи, вліяніе Шекспира и Карамзина на созданіе этой драмы, г. Незеленый съ похвальною для ученика тщательностью сравниваетъ Бориса Пушкина съ Борисомъ Карамзина; довольно подробно разбираетъ характеры всѣхъ дѣйствующихъ лицъ драмы, причемъ всѣ хорошія черты въ характерѣ Самозванца называетъ идеализаціей со стороны Пушкина и только одну—«легкомысліе», какимъ авторъ надѣлилъ Димитрія, называетъ вѣрной. Не менѣе подробно сравниваетъ авторъ личность Годунова съ шекспировскимъ Макбетомъ, тщательно отбирая всѣ схожія и несхожія черты этихъ героевъ, которые необходимо родственны другъ другу, такъ какъ и тотъ и другой—человѣкъ и къ тому же оба честолюбивы.

Ужасно любитъ г. Незеленый эти параллели и сравненія. Здѣсь у него не забытъ и Байронъ, и Вольтеръ, и Парни, и даже самъ Гёте. Сравнивая безсмертную трагедію Гёте съ незначительною «Сценой изъ Фауста» Пушкина, г. Незеленый заканчиваетъ свое сравненіе крайне любопытнымъ выводомъ: «Взглядъ Пушкина на жизнь,—говоритъ онъ,—оказался нравственнѣе, выше міросозерцанія Гёте; *умственный кругозоръ его оказался шире. Пушкинъ переросъ и германскаго гиганта поэзіи, какъ переросъ Бойрона*» (стр. 232 и 233).

Какъ ни увлекались критики талантомъ Пушкина, какъ ни высоко цѣнилъ его покойный Бѣлинскій, но еще ни разу никто изъ нихъ не доходилъ до такого увлеченія. Вотъ это-то и есть то новое, что можно было уловить въ ряду ученическихъ упражненій, составляющихъ содержаніе названной книги,—упражненій на обычныя классныя темы: «сравнить Пушкина съ Байрономъ, оцѣнивши предварительно послѣдняго»; или: «указать вліяніе поэзіи Жуковскаго, Богдановича, Баратынскаго на поэзію Пушкина, познакомивши предварительно съ выдающимися произведеніями названныхъ предшественниковъ» и т. д.

Всѣ эти сравненія, характеристики, содержанія, утомляя читателя передачами давно извѣстнаго, не отличаются никакими особенными литературными достоинствами; со стороны изложенія они не стоятъ выше хорошихъ ученическихъ сочиненій. Мѣстами встрѣчаются курьезныя выраженія: «*по словамъ* Записокъ Пушкина» (стр. 60), «въ моментъ *написанія*» (стр. 148) и т. д. Мѣстами встрѣчаются курьезныя уже не слова,

не выраженія, а цѣлыя разсужденія,—напримѣръ, о чувствѣ ревности по поводу поэмы «Цыгане». «Ревность безнравственна и нелѣпа,—говоритъ авторъ,—не потому, что любовь есть прихоть сердца, а потому, что она (кто: любовь или ревность?) или оскорбительна, какъ выраженіе невѣрія, или *напрасна*, если съ одной стороны любовь прекратилась» (стр. 170). Признаться, мы не совсѣмъ понимаемъ смыслъ всей этой моральной тирады... Но не будемъ далѣе слѣдить за всѣми разсужденіями автора, который, напримѣръ, въ суевѣріи Пушкина усматриваетъ его сліяніе съ народомъ, или упрекаетъ Тэна за его будто бы невѣрное толкованіе, что естественныя науки болѣе примирили человѣка съ необходимостью присутствія въ немъ животной стороны, которая прежде поражала его и вносила сильный разладъ въ его внутренній міръ и т. д., и т. д.

Желая въ каждомъ, даже небольшомъ, стихотвореніи усмотрѣть отраженіе духовной жизни Пушкина или же раскрыть какую-нибудь біографическую черту, г. Незеленый въ своемъ увлеченіи нерѣдко навязываетъ стихотвореніямъ ясно отсутствующія въ нихъ идеи. Въ прекрасной, именно, своей объективностью исторической балладѣ: «Вѣщій Олегъ»—г. Незеленый усматриваетъ слѣдующую мысль: «личная гордость человѣка должна уступать нравственному закону—волѣ Бога» (стр. 120). Онъ навязываетъ ее съ цѣлью показать, что Пушкинъ хотя въ это время (1821 г.) и увлекался Байрономъ, «но онъ былъ самостоятельнымъ, самобытнымъ». Но развѣ «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ» и не говоритъ за это же самое и безъ пристегнутой къ ней идеи?... Г. Незеленый также весьма усердно хлопочетъ, чтобы раскрыть, къ какой изъ женщинъ относятся чувства поэта, выраженныя въ томъ или другомъ стихотвореніи. Эти изслѣдованія кажутся крайне томительны при чтеніи, но, какъ черновая работа, они могутъ служить полезнымъ матеріаломъ для будущей полной біографіи поэта,

Несмотря на всю томительность повтореній давно избитаго, стараго и неоригинальнаго по мысли новаго, мы съ удовольствіемъ перечитывали въ книгѣ г. Незеленаго прекрасные отрывки изъ чудныхъ, хотя и старыхъ, стиховъ Пушкина и выписки изъ его записокъ и писемъ. Послѣднія, какъ и его стихи, можно перечитывать по нѣскольку разъ. Напримѣръ, его письма къ госпожѣ Кернъ, въ которую онъ былъ влюбленъ еще во времена юности и которая во время его жизни въ Михайловскомъ пріѣзжала въ Тригорское. «Если вы пріѣдете,—писалъ онъ,—я обѣщаю вамъ быть любезнымъ до чрезвычайности, я буду веселъ въ понедѣльникъ, восторженъ во вторникъ, нѣженъ въ среду, ловокъ и прытокъ въ четвергъ; въ пятницу, въ субботу и въ воскресенье буду, чѣмъ вамъ угодно, и всю недѣлю—у ногъ вашихъ. Прощайте» (стр. 237).

Или вотъ еще болѣе игривое: «Перечивываю ваше письмо вдоль и поперекъ и говорю: милая! прелестная! божественная! а потомъ: ахъ, мерзкая! Простите, прелестная, кроткая моя; но это такъ! Несомнѣнно, что вы божественны, но иногда въ васъ не случается здраваго смысла;

еще разъ простите и—утѣшьтесь, ибо отъ этого вы еще прелестнѣе...» (стр. 236).

Постоянно говорятъ, что художники—плохіе критики. А какъ это оказывается не вѣрно по отношенію къ Пушкину! Г. Незеленый довольно подробно слѣдитъ за той оцѣнкой, какую дѣлаетъ Пушкинъ въ своихъ письмахъ и запискахъ относительно русской литературы, русскихъ писателей. Пушкинъ дѣйствительно выказалъ слишкомъ много тонкаго пониманія; его замѣчанія хотя и кратки, но поразительно вѣрны. Это особенно чувствуется, когда онъ говоритъ о «Горѣ отъ ума». Его замѣтки на эту комедію составляютъ основной мотивъ большой критической статьи Бѣлинскаго о произведеніи Грибоѣдова.

Какъ вѣрно, напримѣръ, его замѣчаніе о Чацкомъ, сдѣланное въ письмѣ къ одному изъ друзей! «А знаешь ли что такое Чацкій?—Пылкій, благородный и добрый малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все это говоритъ онъ очень умно, но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? Это непростительно! Первый признакъ умнаго человѣка—съ перваго раза знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми...» (стр. 203).

Всѣ эти выписки стары,—кто ихъ не знаетъ? Но не скучно ихъ перечитывать, и перечитывать Богъ знаетъ въ какой разъ... Это, можетъ-быть, объясняется тѣмъ, что мы очень не избалованы на хорошія, новыя книги, новыя слова и новыя мысли...

Письма къ матерямъ объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ. Доктора *М. И. Галанина*. С.-Петербургъ. 1882 г. Изданіе журнала *Семья и Школа*.

Каждую весну, когда приходитъ время выбираться изъ душнаго города на отдыхъ, «на травку», для матерей семействъ и чадолюбивыхъ отцовъ мѣсто выбора дачи бываетъ ужасной, безпокойною задачей. Она нерѣдко поглощаетъ всѣ другіе интересы и заботы и превращается во что-то томящее, болѣзненное... И неужели на самомъ дѣлѣ такъ трудно отыскать порядочную дачу, удовлетворяющую необходимымъ гигіеническимъ условіямъ? Воздухъ, небо, вода, лѣсъ—все это можно имѣть въ самомъ лучшемъ видѣ верстъ за 20—за 30 отъ города. И отчего бы не ѣхать за 30 верстъ отъ растравляющихъ душу городскихъ интересовъ?... Хоть на лѣто подальше отъ нихъ!... Все это было бы очень и очень желательно, но... И въ этомъ-то «но» самая важная причина всѣхъ тревогъ и мукъ заботливыхъ матерій. *Вдали отъ города нельзя найти врача!...* Чѣмъ заботливѣе мать, тѣмъ, разумѣется, быстрѣй обращается она къ врачебной помощи при малѣйшемъ нездоровьи ребенка. Да и какъ можно иначе? Почему ей знать, опасно или нѣтъ заболѣлъ ея малютка?...

Иначе, конечно, поступаетъ мать, получившая медицинское образованіе, способная оказать надлежащую помощь заболѣвшему дитяти. Но, вѣдь, такихъ матерей немного... Впослѣдствіи, когда пройдетъ не одно десятилѣтіе со времени основанія женскихъ врачебныхъ курсовъ, семья несомнѣнно получитъ больше умѣлыхъ, знающихъ, опытныхъ матерей. Еслибы даже женщины не кончали тамъ курса, а доходили только до 4-го и 5-го и бросали бы курсы ради замужства, то и въ этомъ случаѣ русская семья и здоровье народонаселенія значительно бы выиграли.

Но, пока это все впереди, пока это составляетъ pia desideria, что же дѣлать бѣднымъ матерямъ, ничего не понимающимъ въ медицинѣ и теряющимъ голову при малѣйшемъ, ничтожномъ заболѣваніи ребенка, въ особенности если нѣтъ возможности сейчасъ же обратиться за медицинскою помощью? Такое положеніе — трагедія. И вотъ изъ него-то выводитъ матерей г. Галанинъ, вручая имъ свою книгу: «Письма къ матерямъ». По словамъ автора, книга имѣетъ цѣлью: «направить мать въ веденіи физическаго воспитанія ребенка — съ одной стороны и помочь ей подать помощь въ случаѣ заболѣванія его—съ другой...» (стр. 8).

Согласно этой задачѣ, вся книга раздѣляется на двѣ части.

Въ первой — довольно толково, хотя нерѣдко съ излишнимъ многословіемъ, даются весьма разумныя наставленія объ уходѣ за здоровымъ ребенкомъ: какъ и чѣмъ его кормить въ самомъ раннемъ возрастѣ; какъ ухаживать за зубами, глазами, ушами, носомъ, кожей, нервною системой...

Во второй части—какъ ходить за больнымъ ребенкомъ, какъ опредѣлить форму его заболѣванія. Далѣе даются наставленія о подачѣ первой необходимой помощи въ видѣ домашнихъ средствъ, а въ случаѣ надобности — и медицинскихъ лѣкарствъ. Разсказывается, какъ приготовлять послѣднія...

Предлагаемая книжка г. Галанина—находка для матерей. Теперь она для многихъ упроститъ рѣшеніе «болѣзненнаго дачнаго вопроса» и, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть такой сбытъ, что въ скоромъ времени потребуется второе изданіе. Вотъ на этотъ-то случай мы и хотимъ сдѣлать замѣчаніе, какъ видно, еще мало опытному автору.

Въ литературномъ отношеніи «Письма къ матерямъ» не представляютъ никакихъ достоинствъ; при чтеніи они не занимательны, скучны... Да авторъ, кажется, и не думалъ ихъ дѣлать занятными. Онъ даетъ совѣты, учитъ ставить діагностику, дозируетъ лѣкарство... И только во второй части, да и то въ концѣ, приводитъ факты изъ практики иностранныхъ врачей, уясняющіе силу и значеніе его совѣтовъ. Эти факты весьма оживляютъ чтеніе, поддерживаютъ интересъ и дѣлаютъ несравненно болѣе удобопонятными самые совѣты,—но ихъ немного.

Не заботясь совсѣмъ о поддержаніи интереса въ читателѣ, авторъ къ тому же еще утомляетъ его вниманіе, вводя въ самый текстъ подробности и дозировку приготовленія того или другого лѣкарства, той или

другой пищи для ребенка, составъ какого-нибудь бульона и т. д. Намъ казалось, было бы гораздо практичнѣе сдѣлать это въ видѣ выносокъ или прибавленій къ каждому письму,—меньше бы утомляло читателя и удобнѣе было бы для справокъ.

Не можемъ также не указать на совершенно излишнее многословіе автора, составляющее крайне однообразныя прелюдіи къ каждому письму. Если авторъ совсѣмъ не заботится и сознательно игнорируетъ литературный интересъ въ своихъ письмахъ, въ такомъ случаѣ надо прямо говорить о дѣлѣ и избѣгать совершенно безполезнаго пустословія (прелюдій) и страшно надоѣдающей въ концѣ концовъ вопросительной формы, къ которой онъ прибѣгаетъ чуть не на каждой страницѣ.

Когда авторъ будетъ тщательно просматривать свою книгу для второго изданія, то, кромѣ указанныхъ недостатковъ, онъ замѣтитъ въ ней множество повтореній. Ихъ, разумѣется, тоже необходимо выкинуть.

Европейскіе писатели и мыслители: V—Руссо. Изданіе *В. В. Чуйко*. С.-Пб. 1882 года.

Для пятаго выпуска своего изданія «Библіотеки европейскихъ писателей и мыслителей» г. Чуйко выбралъ автора «Эмиля» и «Новой Элоизы».

На этотъ разъ томикъ содержитъ нѣсколько болѣе подробную біографическую статейку о Руссо, чѣмъ тѣ, которыя помѣщались издателемъ при другихъ выпускахъ, и отрывки изъ «Исповѣди». «Общественный договоръ»,—по словамъ г. Чуйко,—не могъ быть помѣщенъ по особымъ обстоятельствамъ...»

Выбранные отрывки изъ «Исповѣди» довольно хорошо знакомятъ съ оригинальной и вполнѣ своеобразною личностью Руссо и съ его отношеніемъ къ г-жѣ Варенсъ, которая звала его «малюткой» и давала ему право на выраженіе самыхъ горячихъ чувствъ дружбы и любви, далеко переходившихъ то святое чувство, какое опредѣлялъ Руссо къ г-жѣ Варенсъ, именуя ее «мамашей». Тутъ же съ полной откровенностью изображается и картина столкновенія Руссо съ двумя куртизанками въ Италіи,—картина, правда, нѣсколько отзывающаяся цинизмомъ. Тутъ же рисуется и отношеніе Руссо къ его двадцатишестилѣтней привязанности—Терезѣ Левассёръ, которую такъ прекрасно характеризовалъ Джонъ Морлей въ своей прекрасной книгѣ: «Руссо». Помѣщенные въ изданіи г. Чуйко отрывки «Исповѣди» представляютъ недурное дополнительное чтеніе на русскомъ языкѣ къ книгѣ Морлея. Въ нихъ Руссо, кромѣ отношенія къ женщинамъ, рисуется также какъ крайне своеобразный человѣкъ. Для него всѣ принятые и усвоенные человѣчествомъ свычаи, обычаи, привычки составляютъ тяжесть и тоску кандаловъ. Талантъ не въ силахъ подчиниться имъ, втиснуть себя въ ихъ тиски, именуемыя «границами приличія». Въ глазахъ же толпы, привыкшей къ шаблону, къ раз-

мѣренности, такой человѣкъ, не умѣщающійся въ рамки, кажется страннымъ чудакомъ, а то и... помѣшаннымъ. Почти всегда окрещиваетъ такъ толпа все, что не подходитъ подъ людскую казарменность. Таково было отношеніе и къ Руссо. Таково и къ нашимъ писателямъ—Пушкину, Гоголю, Лермонтову: «чудаки!» Таково и къ одному изъ самыхъ крупныхъ современныхъ талантовъ, ускользающему отъ казарменной правильности...

А Руссо дѣйствительно не укладывается въ заранѣе приготовленный футляръ. Вотъ какъ онъ самъ характеризуетъ свою малую устойчивость и размѣренность, что̀ обычно принимается за признакъ чудачества:

«...Я же люблю заниматься ничего-недѣланіемъ, начинать сотни разныхъ вещей и не кончать ни одной изъ нихъ, ходить взадъ и впередъ, какъ мнѣ это взбредетъ въ голову, свои намѣренія мѣнять каждую секунду, свободно слѣдовать за всѣми движеніями летающей мухи, имѣть возможность срыть до основанія скалу, чтобъ узнать, что находится подъ ней, приняться со всѣмъ жаромъ за десятилѣтнюю работу, чтобы черезъ десять минутъ бросить ее безъ всякаго сожалѣнія, наконецъ, тратить весь день безъ всякаго порядка и послѣдовательности и слѣдовать въ каждой вещи капризной прихоти момента...» (стр. 147).

Такой «неустойчивый», «капризный», «вѣтреный» человѣкъ представляетъ, разумѣется, полную дисгармонію со всѣми добродѣтелями посредственности, умѣющей втиснуть себя, свою жизнь, жизнь всей своей семьи въ разъ созданныя съ геометрическою точностью тиски. Въ силу выносливости и умѣнья «подчиняться» она забываетъ чувство принужденности и неловкости и чувствуетъ себя какъ бы дома.

Подробное и самое тщательное изученіе этихъ кажущихся толпѣ «странностей» талантливыхъ людей, можетъ-быть, дастъ возможность услѣдить необходимую связь этой психической «самости», отвращенія отъ какихъ бы то ни было стѣсненій—съ тѣмъ душевнымъ богатствомъ, которое есть удѣлъ таланта. Да, можетъ быть... И потому эти «странности» должны составить предметъ самаго тщательнаго изученія.

Помѣщенные въ данномъ выпускѣ отрывки изъ «Исповѣди» потому и представляютъ особый интересъ, что знакомятъ съ «странностями» одного изъ геніальныхъ людей XVIII столѣтія.

Удовольствію чтенія нѣсколько мѣшаетъ плохой переводъ, который мѣстами совершенно отказываешься понимать. Вотъ хоть бы эти два мѣста: «*Брошенный на нее я взглядъ* при нашемъ первомъ свиданіи *былъ единственной* дѣйствительно страстной минутой, которую она дала мнѣ почувствовать...» (стр. 22). «Я могъ бы вести прекрасный разговоръ по почтѣ, *какъ говорятъ, что испанцы играютъ въ шахматы...*» (стр. 30). Сразу никакъ не разгадаешь эти обѣ загадки туманной рѣчи перевода. А стоитъ изъ послѣдней фразы выбросить неумѣстное «что»—и смыслъ тотчасъ объявится... Переводчикъ же, какъ видно, имѣетъ исключитель-

ное пристрастіе ко всѣмъ частичкамъ, давно излюбленнымъ еще гоголевскимъ Акакіемъ Акакіевичемъ и его знаменитымъ портнымъ Петровичемъ.

«Ужаснѣе всего *то*, *что* вмѣсто *того*, *чтобы* умѣть молчать...» (стр. 32).

«...что заставляетъ ее смѣяться еще болѣе, *такъ это то*, *что* я злился, *тѣмъ* болѣе, *что*...» (стр. 26). Пожалуй, и самъ Акакій Акакіевичъ выражался иногда яснѣе...

Но всѣ эти рытвины, ямочки и груды мусора, за которыя по дорогѣ цѣпляется читатель, во имя интереса самой «Исповѣди» можно забыть. За то никакъ не забудешь той небрежности перевода, которая говоритъ прямо за незнаніе переводчикомъ языка. Вотъ какъ передано съ итальянскаго слѣдующее мѣсто Тассо:

La terra molle e lieta, e diletosa
Simili a se gli abitator produce—

«страна *имѣющаяся* (?), пріятная, плодородная и ея жители во всемъ сходны съ нею». А между тѣмъ смыслъ (и даже почти буквальная передача) этого мѣста такой: «пріятная, веселая, чудесная страна производитъ и жителей подобныхъ себѣ...»

Снимки древнихъ русскихъ печатей. Изданіе коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Выпускъ первый. Москва. 1882 года.

Печати встарину имѣли несравненно болѣе важное значеніе и болѣе широкое примѣненіе, чѣмъ въ наше время. Каждый бояринъ имѣлъ свою печать и прикладывалъ ее къ разнымъ бумагамъ, вмѣсто собственноручной подписи своего имени. Государи тоже никогда ни подъ однимъ исходящимъ отъ нихъ документомъ не подписывались; ихъ подпись замѣняла печать. Не подписывались они потому, что правила восточнаго этикета не позволяли царю браться за перо; царь могъ держать въ рукахъ только скипетръ. Вотъ почему у насъ не сохранились афтографы нашихъ царей, не сохранилось афтографа даже царя Іоанна Грознаго, который, какъ извѣстно, переписывался съ Поссевинымъ и княземъ Курбскимъ. Предполагаютъ, что Иванъ Васильевичъ, согласно своему сану, самъ писемъ не писалъ, а диктовалъ ихъ.

Но Лжедмитрій отступилъ отъ стариннаго обычая царей русскихъ—не писать, не подписывать своего имени. Онъ подъ исходящими отъ него бумагами не только прикладывалъ печать, но и подписывался на двухъ языкахъ—польскомъ и русскомъ. Предполагаютъ, что «перо» также было одной между многими причинами его паденія.

Итакъ, печати встарину замѣняли подписи. Потому у каждаго царя была своя печать, свои печати были у областей, городовъ, присутственныхъ мѣстъ и частныхъ лицъ. Печати послѣднихъ обыкновенно вдѣлывались въ кольца, въ видѣ перстней.

Послѣ того значенія, какое имѣла печать встарину, совершенно понятенъ долженъ быть интересъ къ сборнику снимковъ «древнихъ русскихъ печатей», изданіе котораго, задуманное покойнымъ директоромъ Московскаго Главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, княземъ Оболенскимъ, выполнено преемникомъ его, барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ.

Изданіе представляетъ снимки печатей государственныхъ, царскихъ, затѣмъ областныхъ, городскихъ и, наконецъ, частныхъ лицъ. Снимки сдѣланы весьма недурно, на толстой, хорошей бумагѣ; каждый снимокъ помѣщенъ на отдѣльномъ листѣ большого формата, съ указаніемъ, кому принадлежитъ печать, на какомъ документѣ находится и къ какому году относится. Изъ царскихъ печатей любопытна печать Лжедмитрія перваго, приложенная къ записи, данной сендомирскому воеводѣ Юр. Мнишку о выдачѣ ему «милліона золотыхъ польскихъ». Также любопытна печать патріарха Филарета Никитича съ изображеніемъ благословляющей руки. Но со времени Алексѣя Михайловича въ печатяхъ замѣтно начинаетъ преобладать сложность и грандіозность рисунка; а въ царствованіе Анны Леопольдовны появляется на печати изображеніе Юлія Цезаря. Самый древній снимокъ изъ царскихъ печатей въ изданномъ сборникѣ относится къ XV в., самый позднѣйшій—къ концу XVIII. Между снимками частныхъ перстней есть одинъ, относящійся даже къ XIII в., съ довольно курьезнымъ изображеніемъ нагой человѣческой фигуры въ полусидячемъ положеніи, и перстень XIV в., на которомъ изображенъ судъ царя Соломона. Любопытенъ также снимокъ перстня съ надписью: «Московскій парусъ». Онъ найденъ лѣтомъ 1851 года на морскомъ берегу около Тамани...

Подписи каждаго снимка переведены на французскій языкъ, равно и предисловіе, предпосланное коммиссіей.

Изданіе съ внѣшней стороны производитъ весьма пріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что пущено по весьма умѣренной цѣнѣ—3 рубля.

Изданіе отпечатано въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, большая часть коихъ уже разошлась.

Фаустъ Гёте. Часть первая. Переводъ *П. В. Трунина*. Москва. 1882 года.

Недавно, не больше полгода тому назадъ, въ Москвѣ явился «Фаустъ» Гёте въ новомъ переводѣ, сдѣланномъ г. Фетомъ. Но что̀ то былъ за переводъ?!... Останавливаясь на немъ, мы высказали желаніе, чтобы этотъ неудачный опытъ «послужилъ внушительнымъ урокомъ для другихъ—не рисковать переводомъ безсмертныхъ твореній. Такой рискъ,—сказали мы,—возможенъ только для избранниковъ»... И вотъ черезъ какіе-нибудь шесть мѣсяцевъ передъ нами лежитъ уже другой, новый, переводъ «Фауста»... Опять рискуютъ... И опять москвичъ... П. В. Трунинъ — лицо совершенно неизвѣстное въ литературномъ мірѣ... Что же это: опять рискъ, «дерзновеніе», или, можетъ, это и есть избранникъ?...

Въ данную минуту передъ нами лежатъ чуть не всѣ русскіе переводы этой глубокой и всегда полной новизны, чудной нѣмецкой трагедіи. Тутъ и самый старинный изъ нихъ—переводъ Э. И. Губера, и Струговщикова, и Грекова, и Павлова, и Фета.

Губеръ, прежде чѣмъ «дерзнуть несмѣлою рукою» прикоснуться въ великому произведенію, основательно изучилъ всѣ легенды о Фаустѣ, познакомился съ переработкою ихъ, явившеюся изъ-подъ пера великихъ художниковъ у разныхъ народовъ, наконецъ самымъ основательнымъ образомъ изучилъ самого Гёте, какъ писателя-художника,.. И только послѣ такой тщательной подготовки онъ *осмѣлился* «дерзнуть»... Въ 1835 году былъ оконченъ переводъ первой части Фауста. Но по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ переводъ былъ тогда же уничтоженъ... Пушкинъ, А. С., подбилъ Губера присѣсть снова за работу и перевести Фауста *во второй разъ*.

Но, несмотря на всю добросовѣстность изученія и подготовку къ работѣ, переводъ мѣстами все же уклоняется отъ вѣрной передачи всѣхъ оттѣнковъ подлинника, случается даже—бываетъ не вѣренъ! Наприм., слова Фауста по уходѣ Вагнера, обращенныя къ Духу:

> Nicht darf ich dir zu gleichen mich vermessen.
> Hab' ich die Kraft dich anzuziehn besessen,
> So hatt'ich dich zu halten keine Kraft (стр. 26 *),—переданы такъ:

> Я не могу сравнить *тебя съ собою*, (Выходитъ совсѣмъ другой смыслъ.)

> Я властенъ былъ, я могъ тебя *созвать*,
> Но не могу, не властенъ удержать! (стр. 37).

Здѣсь совсѣмъ улетучивается главный смыслъ оригинала,—улетучивается *горечь* сознанія гордаго Фауста, что онъ ниже Духа, что онъ не можетъ сравняться *съ нимъ*, несмотря на всю свою ученость, на всю глубину своего образованія. Онъ—безсиліе, ничтожество передъ Духомъ...

Невѣрность въ мелкихъ оттѣнкахъ передачи мыслей подлинника составляетъ одинъ изъ недостатковъ этого ранняго и въ сущности довольно недурнаго перевода, и стихи Губера, несмотря на всю давность, кажутся и теперь еще звучными и гладкими. За этимъ переводчикомъ останется всегда заслуга изученія литературы Фауста и цѣльность перевода. Губеръ познакомилъ русскую публику не только со всей первою частью Фауста, онъ изложилъ и вторую. До него на русскомъ языкѣ были только отрывки этой трагедіи. Нѣкоторые изъ отрывокъ, правда, были переведены Веневитиновымъ и даже Грибоѣдовымъ...

*) „Faust von Goethe". Zweite Auflage. Berlin. 1869.

Переводъ А. Струговщикова появился уже въ 1850-хъ годахъ. Но за этимъ переводчикомъ Фауста уже нѣтъ того изученія, того добросовѣстнаго и усерднаго отношенія къ дѣлу, какое замѣчается у Губера, искупая многіе изъ его недостатковъ. Тутъ рядомъ съ небрежностью отношенія къ подлиннику непріятно дѣйствуетъ и шероховатость стиха, и отсутствіе всякаго стремленія передать не только тонкія подробности глубокихъ, продуманныхъ мыслей Гёте,—тутъ вездѣ чувствуется какая-то халатность, непростительная нигдѣ, а тѣмъ болѣе, когда дѣло идетъ о передачѣ Фауста. Если у переводчика, напримѣръ, не клеится, не складывается стихъ, онъ безъ церемоніи пропускаетъ одну-двѣ.. строчки или присочиняетъ отъ себя, мало примѣняясь къ духу оригинала.

Такъ между нами нѣтъ сравненья,—переводитъ Струговщиковъ выше приведенное мѣсто Фауста,—

Я былъ не въ силахъ удержать,
Кого однако могъ призвать... (стр. 143).

Что же общаго здѣсь съ тѣми, полными муки, словами подлинника, гдѣ гордому Фаусту приходится сознать, что онъ не можетъ считать себя равнымъ Духу?... Здѣсь и форма употреблена иная—безличная, ослабляющая силу словъ.

Вотъ именно въ такомъ родѣ, какъ приведенное мѣсто, переводится весь Фаустъ. Не только трудно поддающіяся передачѣ мѣста изъ рѣчей Фауста, Мефистофеля, такъ неточно переведены Струговщиковымъ, а и все остальное. Да вотъ рѣчь Маргариты въ темницѣ, когда она, какъ бы сознавая нѣсколько дѣйствительность и узнавая въ пришельцѣ своего возлюбленнаго, говоритъ:

Nein du musst übrig bleiben!
Ich will dir die Gräber beschreiben,
Für die muszt du sorgen
Gleich morgen;
Der Mutter den besten Platz geben,
Mein Bruder sogleich darneben,
Mich ein wenig bei Seit',
Nur nicht gar zu weit!
Und das Kleine mir an die rechte Brust.
Niemand wird sonst bei mir liegen!—
Mich an deine Seite zu schmiegen,
Das war ein süsses, ein holdes Glück!
Aber es will mir nicht mehr gelingen;
Mir ist's, als müszt ich mich zu dir zwingen,
Als stiessest du mich von dir zurück,
Und doch bist du's und blickst so gut so fromm (стр. 189).

Вотъ какъ передана эта рѣчь Струговщиковымъ:

Но ты живи!
Я подробно означу мѣста: (Выходитъ и невѣрно, и съ пропускомъ цѣлыхъ трехъ строчекъ.)

Братъ подлѣ матери ляжетъ, (Не тотъ смыслъ и опять сокращено.)

А я въ сторонѣ, но не слишкомъ далеко,
Малютка со мною на правой груди!
Но самъ ты ко мнѣ не ходи! (Послѣдняго приказа, какъ видитъ самъ читатель, въ подлинникѣ совсѣмъ не существуетъ.)

Бывало мнѣ съ тобою любо,
А нынче я боюсь тебя!
Ты холоденъ, не хочешь знать меня... (стр. 277—278).

Ничего, ничего этого нѣтъ; есть что-то далекое отсюда, совсѣмъ не то. Эта передача прелестныхъ словъ Маргариты вѣрна только какъ искаженіе. Въ безсвязныхъ, повидимому, рѣчахъ Маргариты въ темницѣ слышатся въ подлинникѣ безконечныя муки, воспоминаніе о недавнемъ райскомъ блаженствѣ, которое то смѣшивается со сномъ, то сплетается съ ужасною дѣйствительностью настоящаго, тоже въ свою очередь спутавшагося съ картинами разстроеннаго воображенія. Дѣйствительность и сонъ, муки и счастье, прошлое и настоящее, и ужасъ близкаго чудовищнаго будущаго—все смѣшалось, сплелось, перепуталось въ этихъ дивныхъ рѣчахъ измученной юной женской души...

Никто, никто до сихъ поръ не умѣлъ передать этихъ дивныхъ рѣчей изстрадавшейся Гретхенъ. У каждаго переводчика выходило почти неузнаваемо,—совсѣмъ, совсѣмъ не то...

Даже у Грекова, который въ своемъ переводѣ больше поэтъ, чѣмъ другіе,—даже у него непріятно читать бесѣду Маргариты съ Фаустомъ.

Съ ребенкомъ моимъ на груди одиноко
Мы ляжемъ въ нѣмой тишинѣ.
Кому же охота лечь рядомъ со мною? (Присоздаетъ переводчикъ и, надо сознаться, совсѣмъ не кстати.)

Бывало все счастье: быть вмѣстѣ съ тобою,
Льнуть къ милаго груди, его цѣловать;
Но этого счастья ужъ мнѣ не видать! (Опять собственное измышленіе переводчика.)

Повѣришь ли: много мнѣ надобно силы,
Чтобъ броситься снова въ объятья твои...
Мнѣ кажется, милый,

Что ты отвергаешь и ласки мои. (Настолько неточно, что перестаетъ быть и вѣрно.)

А ты, вѣдь, все тотъ же, и также всѣ взгляды
И нѣжны, и полны отрады... (стр. 149).

Ничего подобнаго въ подлинникѣ! Несмотря на все многословіе, тутъ и тѣни не передано той женской стыдливости и даже оскорбленія, какое испытываетъ Маргарита, сама прижимаясь къ любимому человѣку, безъ усилій съ его стороны, какъ бы навязываясь...

О переводѣ г. Павлова, мѣстами довольно близкомъ къ подлиннику и, несомнѣнно, талантливомъ, мы говорить не будемъ, такъ какъ онъ далеко не доведенъ до конца: переводъ, какъ извѣстно, оборванъ на словахъ Мефистофеля, когда послѣдній говоритъ, что распахиваетъ свой плащъ, чтобы летѣть съ Фаустомъ въ новую жизнь.

Что же касается до перевода г. Фета, то мы уже достаточно высказались о немъ. Онъ почти буквально подходитъ къ подлиннику, но тѣмъ не менѣе безконечно далекъ отъ его красоты и смысла. Вотъ какъ передалъ Фетъ вышеприведенную рѣчь Маргариты:

Нѣтъ, ты долженъ остаться, мой милый!
Опишу я тебѣ всѣ могилы,
Ты по-утру ихъ вновь
Изготовь:
Мѣсто лучшее матери *взято*,
Положи съ нею рядомъ и брата,
А меня *такъ-то съ боку*,
Да не слишкомъ далеко!
Мнѣ ребенка на правую грудь.
Лечь со мною они не рѣшатся!

(Положимъ, что послѣдняго слова въ подлинникѣ нѣтъ.)

Но къ тебѣ мнѣ бывало прижаться
Было счастье, отрада моя!
Но теперь *нѣту* прежняго *болѣ*;
Словно льну я къ тебѣ по неволѣ,
И тебѣ точно я не своя.
А вѣдь все же ты здѣсь, съ этимъ добрымъ лицомъ (стр. 313).

Не правда ли, что этотъ мѣстами буквальный переводъ ужасно далекъ отъ подлинника? А каждая лишняя прибавка переводчика удаляетъ его еще дальше. Да вотъ это маленькое пустяшное слово «здѣсь»—въ послѣдней строчкѣ — совсѣмъ мѣняетъ смыслъ того, что хочетъ сказать Маргарита. Слово «здѣсь» какъ бы вливаетъ увѣренность, подаетъ надежду сомнѣвающейся Маргаритѣ, что Фаустъ ее любитъ: вотъ онъ

пришелъ сюда. Совсѣмъ не то, не то совсѣмъ хотѣла сказать Маргарита. Она, мѣшающая галлюцинаціи съ дѣйствительностью, словами: «Und doch bist du's»—какъ бы хочетъ убѣдить себя, что это дѣйствительно *онъ, ея Фаустъ,* стоитъ возлѣ нея, пришелъ къ ней... Повторяемъ: несмотря на всю буквальную близость къ подлиннику, переводъ г. Фета страшно далекъ отъ него. Значитъ, дѣло не въ словахъ, а въ пониманіи духа. Губеръ очень часто бывалъ далекъ отъ буквальной передачи, но несравненно ближе стоялъ къ нему по смыслу, чѣмъ переводъ г. Фета.

Всѣ имена названныхъ переводчиковъ дурно или хорошо, мало или много, а извѣстны въ литературѣ... И то со стороны каждаго переводъ оказался *только дерзновеніемъ*!...

Но вотъ выступаетъ новый переводчикъ. Его имя слышится въ литературѣ только въ первый разъ. Какая смѣлость! Давно ли досталось г. Фету за его «дерзновеніе», а тутъ какой-то... П. В. Трунинъ?! Такъ долженъ подумать каждый, кто знакомъ съ литературою переводовъ Фауста на нашъ языкъ. А внѣшній видъ изданія новаго перевода еще болѣе долженъ усилить мысль въ этомъ направленіи. «Фаустъ»—и вдругъ лубочное изданіе, съ виньетками, нацарапанными булавкой и невозможно - плохо рекомендующими вкусъ переводчика. Плохая, какъ дешевая кисея, бумага, плохой шрифтъ и, въ довершеніе всего, *на первомъ мѣстѣ*, предупреждающая читателя объ отсутствіи какъ бы всякаго чутья у переводчика—цѣлая хартія, сложенная въ нѣсколько разъ, съ безконечнымъ столбцомъ «опечатковъ»!!...

«Только этого не доставало!—невольно вырывается у возмущеннаго читателя.—Нѣтъ даже самаго элементарнаго, самаго азбучнаго пониманія, что *стихи нельзя, нельзя выпускать съ ошибками!!...*»

Вотъ какъ враждебно настраивается читатель противъ неизвѣстнаго ему «дерзновеннаго» г. Трунина, прежде чѣмъ успѣваетъ прочесть первую страницу перевода.

Но чѣмъ дальше бѣгутъ глаза, чѣмъ быстрѣй мелькаютъ строчки, страницы, листы, тѣмъ все больше и больше исчезаетъ съ лица читателя выраженіе недовольства, расправляются складки. Удивленіе, радость,—искренняя, неподдѣльная радость,—смѣняютъ первое настроеніе.

... чтобъ я узналъ
Всю суть и смыслъ весь мірозданья,
И, міръ познавъ во всѣхъ частяхъ—
Въ вліяньяхъ, въ силахъ, въ сѣменахъ—
Не рылся-бъ попусту въ словахъ!!... (стр. 33)

Никогда такъ вѣрно и вмѣстѣ такъ сильно никогда не звучала еще на русскомъ языкѣ, въ русскихъ стихахъ рѣчь Фауста. Болѣе близкой, почти буквальной, передачи, болѣе вѣрной, болѣе звучной и сильной—трудно представить.

О, еслибы въ послѣдній разъ
Печаль мою въ полночный часъ
Теперь ты видѣла, луна!
Какъ много я ночей безъ сна
Здѣсь за работой проводилъ,
И другъ печальный мнѣ свѣтилъ
На эту кучу книгъ, бумагъ...
Когда-бъ на горныхъ высотахъ
При милыхъ мнѣ твоихъ лучахъ
Я могъ надъ безднами ходить,
Съ духами въ высотѣ парить,
Къ лугамъ зеленымъ опускаться,
Отъ чада знаній освѣжаться
Твоей росой и въ ней купаться!...

И «горныя высоты», и «съ духами парить», и «освѣжаться росой отъ чада знаній»—все это сказано какъ нельзя лучше по-русски и какъ нельзя вѣрнѣй и точнѣй выражено то, что сказалъ Фаустъ по волѣ Гёте!

Возможно ли вѣрнѣй и лучше передать проклятіе Фауста изъ его разговора съ Мефистофелемъ, чѣмъ оно передано г. Трунинымъ?

... Проклятіе тому обманчивому мнѣнью,
Что о себѣ имѣетъ гордый Духъ;
Проклятье тѣхъ видѣній ослѣпленью,
Которое на всѣ вліяетъ чувства вдругъ;
Проклятіе тому, что насъ во снѣ прельщаетъ
Потомства памятью иль славою пустой;
Проклятіе всему, что къ жизни привлекаетъ—
Жена, дитя, слуга иль трудъ любимый твой;
Проклятіе мамонѣ, что дарами
Насъ двигаетъ на смѣлыя дѣла,
Что̀ стелетъ намъ коверъ подъ нашими ногами,
Чтобъ веселѣй душа къ усладамъ низкимъ шла.
Проклятіе любви обманчивой химерѣ,
Проклятье животворному вину,
Проклятіе надеждамъ всѣмъ и вѣрѣ,
И ранѣе всего терпѣнье я кляну! (стр. 105).
Und Fluch vor allen der Geduld!... (стр. 59).

Переводчику поддалась и удалась не только рѣчь Фауста, которая мѣстами выливается у него замѣчательно свободно и легко, но и Духъ не менѣе удачно произноситъ свою рѣчь на русскомъ языкѣ. Вотъ какъ переданы у г. Трунина слова Духа:

In Lebensfluthen, im Thatensturm
Wall'ich auf und ab,
Webe hin und her!
Geburt und Grab и т. д. (стр. 22).
Въ потокахъ жизни, въ волнахъ дѣянья
Я всюду являюсь,
Вздымаюсь, спускаюсь,
И въ вѣчномъ волненьи
И гробъ, и рожденье,
Жизнь съ страстію въ спорѣ
И вѣчности море—
Пестрѣющей тканью
Я тку на станкѣ многошумномъ временъ,
Живой божеству сотворяя хитонъ... (стр. 40).

Какъ вѣрно выбраны слова, и сколько въ нихъ музыки! «Въ волнахъ дѣянья...», «станокъ многошумный временъ»—какъ все это умѣстно! И именно «хитонъ», а не другое слово надо было здѣсь сказать...

Удивляешься и силѣ, и вѣрности, и красотѣ перевода рѣчи Фауста. А рѣчь Мефистофеля мѣстами вышла, пожалуй, еще удачнѣе.

Я часть частицы той (говоритъ Мефистофель), что прежде всѣмъ была,
Я часть той тьмы, что свѣтъ произвела—
Свѣтъ гордый, и т. д. (стр. 88).

Не хуже вышло и то мѣсто, гдѣ Мефистофель объясняетъ, чья пѣснь раздается въ воздухѣ:

Это мои малютки
Поютъ прибаутки!
Послушай, какъ умно и зрѣло
И про веселье, и про дѣло
Онѣ въ тѣхъ пѣсняхъ говорятъ.
Туда, на волю, въ міръ широкій,
Изъ этой кельи одинокой,
Гдѣ соки сохнутъ, мысли спятъ,
Тебя манить онѣ хотятъ.

И какъ вѣрно все это съ подлинникомъ!... Замѣчательно!

Wo Sinnen und Säfte stocken
Wollen sie dich locken (стр. 60).

Не менѣе хорошо передана и его дальнѣйшая бесѣда съ Фаустомъ:

Пускай покажетъ онъ, какой вамъ способъ есть
Великодушіе съ коварствомъ вмѣстѣ сплесть,
И какъ вамъ съ юной, пылкой кровью
По плану поступать съ любовью...
Когда-бъ я самъ такого парня зналъ,
Я Микрокосмомъ тотчасъ бы его назвалъ!... (стр. 116).

Здѣсь переводчикъ съумѣлъ передать и насмѣшливый, игривый тонъ Мефистофеля, и присущую его натурѣ грубость. И такихъ вполнѣ хорошихъ мѣстъ много можно найти у г. Трунина. Чтобы покончить съ указаніями на такія несомнѣнно хорошія мѣста этого перевода, дѣйствительно превосходящія вѣрностью и красотою передачи всѣ предшествующіе переводы, мы должны привести нѣсколько мѣстъ изъ послѣдняго разговора Маргариты съ Фаустомъ, на которомъ мы останавливались, говоря о другихъ переводахъ.

Трудно себѣ представить болѣе вѣрную передачу рѣчи Маргариты.

Нѣтъ, ты не долженъ умирать!
Мнѣ надо лишь тебѣ могилы
Какъ можно лучше описать.
О нихъ ты завтра же подумай неотложно...
Могилу лучшую ты матери отдай,
А брата положить съ ней рядомъ можно;
Меня — немножко въ сторонѣ,
Лишь было-бъ недалеко мнѣ.
Но рядомъ никого со мною не пускай,
А къ правой груди взять съ собой ребенка дай.
Когда къ тебѣ прижмуся я, бывало,
Вотъ счастье сладкое, святое ощущала!
Теперь мнѣ хочется къ тебѣ сильнѣй прильнуть;
Но это мнѣ не удается,
Я такъ навязчива какъ-будто, и сдается
Мнѣ все, что ты меня желаешь оттолкнуть!
Но также ласковъ ты, и это—ты, я вѣрю! (стр. 330).

Если сюда и вкралась прибавка отъ переводчика: «я такъ навязчива какъ-будто», то она нисколько не мѣшаетъ, а напротивъ еще лучше выясняетъ мысль и настроеніе Гретхенъ.

«Какъ? ты не хочешь цѣловать?— говоритъ она, удивленная:
Не хочешь ты меня обнять?
Такъ не надолго удалился —
И цѣловать ужь разучился?»

Никто еще такъ вѣрно не передавалъ этихъ словъ Гретхенъ:

«...soo kurz von mir entfernt,
Und hast's Küssen verlernt?» (стр. 187).
Зачѣмъ такъ жутко мнѣ съ тобой?
Когда-то взглядъ одинъ лишь твой,
Словечко лишь одно, бывало,
Мнѣ будто небо открывало, —
Такъ ты умѣлъ меня любить
И поцѣлуями душить!
Цѣлуй меня!
А нѣтъ — такъ поцѣлую я!... (стр. 327—328).

Сколько нѣжности, ласки, тоски, муки! И все это сохранено въ переводѣ. И такъ вся рѣчь Маргариты, любое мѣсто.

Я мать извела,
Дитя утопила...
Мое и твое оно было!...
Да, и твое... (стр. 329).

Сколько силы и глубокой тоски слышится въ этой краткости рѣчи!... Нѣтъ, подобной передачи у насъ еще не было! Мы охотно выписали бы весь разговоръ Маргариты въ темницѣ, — такъ хорошъ онъ вышелъ въ переводѣ г. Трунина... Но надо имѣть чувство мѣры... Только поэтому мы прекращаемъ дѣлиться съ читателемъ выпискою хорошихъ мѣстъ новаго перевода, — мѣстъ, которыя занимаютъ не меньше трети всей книги.

Что касается до языка, то переводчикъ владѣетъ имъ довольно свободно. Онъ очень удачно и умѣстно пользуется руссизмами, народными выраженіями.

Коль ты распутной стала разъ,—говоритъ умирающій Валентинъ,—
Такъ будь *во всю и безъ прикрасъ* (стр. 269).

Именно этимъ чисто русскимъ народнымъ выраженіемъ прекрасно передается смыслъ оригинала: «So sey's auch eben recht» (стр. 150), гдѣ чувствуется въ одно время и природная грубость, и искренность Валентина.

Краткія и сильныя выраженія Фауста и Мефистофеля переданы замѣчательно лаконично и близко къ оригиналу:

Zwar Kind ist Kind, und Spiel ist Spiel (стр. 166).
Дитя—всегда дитя; игрушка—все игрушка (стр. 187).

Въ началѣ, когда авторъ какъ бы еще не совсѣмъ освоился съ духомъ подлинника, правда, такая замѣчательная сила и краткость мало

удаются ему. Напр., слова Фауста къ Духу: Soll ich dir, Flammenbildung, weichen? и т. д.—переданы невѣрно и неизящно:

О, образъ пламенный, мнѣ-ль дрогнуть предъ тобою?
Я, Фаустъ, здѣсь—и равенъ ты со мною!...

Не хорошо. Совсѣмъ не то—и слова не тѣ, и смыслъ не тотъ.

Въ общемъ же переводъ трагедіи весьма близокъ къ подлиннику. Г. Трунинъ рѣдко позволяетъ себѣ какую-нибудь вольность, напр. перестановку строчекъ или мыслей.

Ich sehe dich — es wird der Schmerz gelindert,
Ich fasse dich—das Streben wird gemindert (стр. 28).

У г. Трунина сдѣлана перестановка вторыхъ частей:

Я увидалъ тебя — стремленья утихаютъ,
Коснулся я тебя—страданья умолкаютъ (стр. 50).

И нельзя сказать, чтобъ выходило хуже. Намъ кажется, эти антитезы вѣрнѣй: взглянулъ — утихли душевные нравственные порывы, а отъ физическаго прикосновенія умолкли физическія страданія.

Въ другихъ же мѣстахъ встрѣчающаяся перестановка кажется безразличной, не портитъ и не дѣлаетъ лучше. Дѣлаемыя же вставки и прибавленія самимъ переводчикомъ ни въ какомъ случаѣ не дисгармонируютъ со смысломъ текста и не портятъ его. Да вотъ хоть бы прибавка двухъ послѣднихъ строчекъ въ пѣснѣ нищаго:

Румяныя, парадныя,
Сударыни нарядныя,
Сударе благодѣтели,
О бѣдныхъ насъ радѣтели,
Взгляните на меня
И на нужду тяжелую,
Голодную и голую
Для праздничнаго дня!... (стр. 61).

Прибавка сдѣлана слишкомъ въ тонъ оригинала и изображаемой дѣйствительности, чтобъ у кого-нибудь явилось желаніе ее выбросить.

Иногда же точность передачи подлинника доходитъ до такой тонкости, что передается и фонетическая красота стиха оригинала.

Dem Helfer half der Helfer droben (стр. 39), говоритъ крестьянинъ.

У г. Трунина:

Тому, кто помогалъ, помогъ Помощникъ свыше! (стр. 69).

Но мы опять увлеклись положительною стороной перевода... Намъ такъ никогда не кончить. Чтобы проститься съ этою частью разбора, мы скажемъ: до сихъ поръ трагедію Фауста считали непередаваемой по сво-

мъ красотамъ и тонкимъ оттѣнкамъ глубины мысли,—переводъ г. Тру-
ина своими удавшимися мѣстами заставилъ увѣровать въ возможность
ередачи ея со всѣми красотами... Ясно, что въ г. Трунинѣ мы имѣемъ
е простого зауряднаго переводчика, а человѣка несомнѣнно съ талантомъ,
оторый, къ сожалѣнію, какъ видно по его первому труду, не любитъ рабо-
ать и относится даже къ такому дѣлу, которое доставляетъ ему «душевное
аслажденіе», съ какой-то халатною небрежностью. Разъ не удается ему
егко какое-нибудь мѣсто, онъ не думаетъ работать надъ нимъ, а такъ
еумытое и выпускаетъ въ свѣтъ. Наприм., какъ плохо у него вышла та
асть изъ монолога Фауста, гдѣ послѣдній раздумываетъ, какъ передать
ыраженіе Евангелія: «Въ началѣ бѣ слово». Это одно изъ чудныхъ мѣстъ
одлинника, и потому особенно досадно, что переводчикъ не поработалъ
адъ нимъ, какъ слѣдуетъ. Если ему удались совсѣмъ неподдававшіяся до
ихъ поръ мѣста, то несомнѣнно онъ могъ передать и это мѣсто лучше,
ѣмъ оно у него вышло. Пусть г. Трунинъ посмотритъ, какъ усердно,
порно трудились надъ отдѣлкой своихъ произведеній такіе крупные та-
анты, какъ Пушкинъ, Гоголь, и тогда ему совѣстно станетъ смотрѣть
а черновыя тетрадки своего перевода. Разумѣется, только недостаткомъ
руда со стороны г. Трунина мы можемъ объяснить не совсѣмъ вѣрную
ередачу многихъ изъ мѣстъ подлинника. Наприм. 1, 2, 5, 6 куплеты
ѣсни Маргариты (Былъ въ Ѳулѣ царь...), или рѣчь Мефистофеля къ Мартѣ
ъ извѣстіемъ о смерти мужа: она вовсе не передаетъ того оттѣнка за-
ѣшательства, который такъ ясно чувствуется въ словахъ подлинника;
а также и дальнѣйшій его разговоръ съ Мартой не отличается точностью.
Невѣренъ и сбитъ разговоръ на улицѣ между Мефистофелемъ и Фау-
стомъ о Маргаритѣ. Не мѣшало бы переводчику пересмотрѣть еще разъ
цены «въ саду», «въ бесѣдкѣ»...

Нельзя не указать и на тѣ недостатки, которые есть слѣдствіе исклю-
чительно непростительной, небрежной халатности издателя. Для него лите-
ратурное дѣло, какъ видно, есть дѣло непривычное. Онъ не проникся
еще надлежащимъ къ нему уваженіемъ. Въ противномъ случаѣ г. Трунинъ
не допустилъ бы такихъ недосмотровъ, какъ пропуски иногда нѣсколь-
кихъ строкъ. Напримѣръ, на стр. 189, изъ замѣчанія автора въ скоб-
кахъ пропущено: «чтобъ убрать платья»; на стр. 191 сокращено въ
скобкахъ замѣчаніе автора «ходитъ», вмѣсто «ходитъ взадъ и впередъ»;
на стр. 196 и 204 пропускаетъ замѣчаніе въ скобкахъ «плачетъ»; на
стр. 233 сокращаетъ замѣчаніе въ скобкахъ, выбрасывая изъ него слова:
(обрываетъ лепестки) *«одинъ за другимъ»*; на той же стр. выпускаетъ
слова въ скобкахъ «рветъ и шепчетъ»; на стр. 234 слѣдуетъ цѣлый рядъ
пропусковъ. Пропущено:

Фаустъ (*въ полголоса*).

О, милое, чистѣйшее созданье (пер. Грекова).

Маргарита (*продолжаетъ*).

Любитъ—нѣтъ, любитъ—нѣтъ и т. д.

Указанная небрежность издателя-переводчика доходитъ до того, что *онъ выпускаетъ* (навѣрно, самъ того не замѣтивъ) *всю пѣснь хора женщинъ*:

Пречистое тѣло
Обвивъ пеленами и т. д. (пер. Грекова).

Все это — непозволительная небрежность, какъ равно и хартія ошибокъ, такъ не кстати брошенная въ глаза читателю раньше самаго перевода.

Чтобы въ двухъ-трехъ словахъ резюмировать, что именно ожидаетъ читателя въ новомъ переводѣ «Фауста», мы приведемъ здѣсь стихи, предпосланные переводчикомъ самому тексту и составляющіе обращеніе къ творцу «Фауста»:

Прости мнѣ, тѣнь великаго поэта,
Что, дерзкій, я смутилъ, быть-можетъ, твой покой,
Что лиры, созданной на удивленье свѣта,
Коснулся я моей неопытной рукой!...

Не правда ли, какъ хороши эти четыре строчки, какимъ глубокимъ уваженіемъ проникнуты онѣ къ великому поэту и какъ много въ нихъ искренняго, умилительнаго смиренія?!...

Для всѣхъ людей земли звучала лира эта,
Лишь братьямъ я пою напѣтое тобой;
Но и въ моихъ устахъ твой замыслъ величавый
Ихъ блескомъ озаритъ твоей великой славѣ!

Что за топорные стихи, что за безсмыслица выражена въ нихъ, въ особенности въ двухъ послѣднихъ строкахъ! Просто не вѣрится, чтобъ обѣ половины приведеннаго обращенія къ Гёте были писаны однимъ и тѣмъ же лицомъ... Насколько прекрасны первыя 4 строки по мысли и по отдѣлкѣ, настолько же дѣтски-неумѣлы, чуть не безграмотны (а все изъ-за небрежности) кажутся послѣднія.

Вотъ именно смѣсь такихъ двухъ крайностей, какъ приведенные стихи, представляетъ и весь переводъ г. Трунина...

Но, несмотря на всю строгость нашего отношенія къ новому переводу «Фауста», мы имѣемъ мѣста прекрасно переведенныя, дѣйствительно, «избранникомъ». Только надо, чтобъ онъ еще потрудился, и потрудился много, снова бы пересмотрѣлъ весь переводъ, очистилъ его хотя отъ тѣхъ недостатковъ, которые являются слѣдствіемъ его небрежности и непривычки къ литературному труду.

Е. Н.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Слухи о „Кахановской“ коммиссіи. — Вопросъ о „свѣдущихъ“ людяхъ. — Коммиссія по объединенію финансовыхъ управленій въ губерніяхъ.—Финансовое положеніе земствъ.—Университетскіе безпорядки.

Ровно годъ тому назадъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта, статсъ-секретаря, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Каханова, особой коммиссіи для составленія проектовъ мѣстнаго управленія, изъ сенаторовъ, ревизовавшихъ въ 1880 и 1881 годахъ нѣкоторыя губерніи и членовъ отъ подлежащихъ вѣдомствъ. Имѣющіе быть выработанными коммиссіею проекты должны заключать въ себѣ предположенія о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ административныхъ учрежденій, а также и соотвѣтственномъ измѣненіи въ учрежденіяхъ земскихъ, городскихъ и крестьянскаго управленія. Матеріалами для работъ коммиссіи должны послужить всѣ заключающіяся въ отчетахъ сенаторовъ свѣдѣнія и предположенія по возложенному на коммиссію дѣлу, а также постановленія присутствій по крестьянскимъ дѣламъ и земскихъ собраній по преобразованію крестьянскихъ учрежденій. Задача коммиссіи обнимаетъ собою пересмотръ всей системы нашего мѣстнаго управленія, и потому весьма естественно, что русское общество живо интересуется ходомъ ея занятій. Какъ извѣстно, вопросъ, подлежащій ея обсужденію, уже разсматривался во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. Правда, на заключеніе этихъ послѣднихъ онъ былъ переданъ въ болѣе узкой постановкѣ: шла рѣчь только о переустройствѣ мѣстныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, но требованія жизни заставили земскія собранія расширить рамки данной имъ задачи. Неудовлетворительность строя нашего мѣстнаго управленія давно уже сознается и обществомъ, и правительствомъ. Еще въ 1859 году была учреждена при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ коммиссія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, продолжавшая свою дѣятельность до конца прошедшаго года; но, говоря словами «правительственнаго сообщенія», «хотя дѣятельность этой коммис-

сіи имѣла своимъ послѣдствіемъ изданіе не только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ законоположеній, касающихся устройства полиціи и губернскихъ управленій, но и весьма важнаго, по своему значенію, «Положенія о земскихъ учрежденіяхъ», тѣмъ не менѣе общая задача систематическаго переустройства всего административнаго управленія въ губерніяхъ и уѣздахъ до настоящаго времени не могла быть выполнена». Въ теченіе продолжительнаго существованія коммиссіи практика указывала много неудобствъ въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ и изъ среды общественныхъ собраній ежегодно восходили къ правительству многочисленныя ходатайства объ измѣненіяхъ въ тѣхъ или другихъ законоположеніяхъ. Со времени введенія земскихъ учрежденій накопился громадный запасъ матеріаловъ, но не было дѣлаемо, ни со стороны правительства, ни со стороны земства, попытокъ къ ихъ систематизированію. Между тѣмъ потребность въ такой систематизаціи ощущалась, и потому земскія собранія, будучи призваны къ обсужденію вопроса объ улучшеніи учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы выработать полный планъ административной реформы. Предѣлы земскихъ проектовъ не одинаковы: одни обнимаютъ все мѣстное устройство, начиная съ сельской общины и кончая губернскимъ управленіемъ, другіе—не идутъ далѣе управленія уѣзднаго, третьи—ограничиваются предѣлами волости. Не менѣе разнообразны и тѣ начала, на которыхъ построены земскіе проекты, но во всѣхъ ихъ замѣчается одно стремленіе—къ устраненію того многовластія, которое въ настоящее время вноситъ путаницу въ наше мѣстное управленіе и мѣшаетъ правильному его ходу.

Обиліе проектовъ, представленныхъ управами, коммиссіями и отдѣльными гласными, обиліе статей, посвященныхъ этому вопросу въ періодической печати, страстность происходившихъ по этому предмету въ земскихъ собраніяхъ преній—все это показываетъ, что вопросъ о преобразованіи мѣстнаго управленія есть вопросъ живой, возбужденный не изъ теоретическихъ только соображеній, а вслѣдствіе требованій дѣйствительности. Въ виду всего сказаннаго, нельзя не признать, что такъ-называемая «Кахановская» коммиссія, по своей задачѣ, представляется самой важной изо всѣхъ дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ въ послѣднее время правительственныхъ коммиссій. По справедливому мнѣнію самой коммиссіи, «важность и крайняя сложность Высочайше возложеннаго на особую коммиссію дѣла, соприкасающагося со всѣми ближайшими интересами населенія, естественно возбуждаютъ различные слухи о цѣляхъ и предѣлахъ занятій коммиссіи и о ходѣ ея работъ. Необходимость точныхъ по сему предмету данныхъ, а также польза отъ содѣйствія общественныхъ силъ и частныхъ лицъ въ разъясненіи многочисленныхъ и разнообразныхъ вопросовъ, входящихъ въ предѣлы задачи особой коммиссіи, обусловливаютъ пользу и даже необходимость соотвѣтствующаго свойству и положенію работъ коммиссіи своевременнаго оглашенія оныхъ». Къ со-

жалѣнію, однако, опубликованныя свѣдѣнія о дѣятельности коммиссіи чрезвычайно скудны. Въ печати появились только извлеченіе изъ журнала засѣданій коммиссіи 20 ноября 1881 года и «общій планъ» ея занятій. Изъ этихъ документовъ видно, что коммиссія имѣетъ первоначально въ виду: «а) губерніи по общему учрежденію управляемыя и притомъ тѣ, въ коихъ введены земскія учрежденія, б) обращеніе мѣстнаго управленія къ самымъ простымъ и дешевымъ формамъ, преимущественно посредствомъ приспособленія существующихъ учрежденій къ выяснившимся потребностямъ, и в) необходимость прочной органической связи всѣхъ мѣстныхъ установленій, возможно опредѣлительно очерченныхъ, снабженныхъ достаточными способами къ правильному исполненію своихъ обязанностей и, по постановкѣ своей, способныхъ привлечь лучшія силы общества». Вотъ все, что пока извѣстно о намѣреніяхъ коммиссіи. Выработанная ею программа такова, что дальнѣйшее направленіе предполагаемыхъ преобразованій ею отнюдь не предрѣшается; этою программой очерчены лишь предѣлы дѣятельности коммиссіи, указаны предметы, которые она должна подвергнуть своему разсмотрѣнію, но самые взгляды коммиссіи остаются неизвѣстными. «Главныя черты устройства мѣстныхъ установленій, предметовъ ихъ вѣдомства, взаимной ихъ связи, отношеній, надзора, отчетности, контроля и отвѣтственности» имѣютъ быть разсмотрѣны въ «усиленномъ составѣ» коммиссіи, но до сихъ поръ ничего о способахъ такого «усиленія» объявляемо не было. Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ газетами, извѣстно, что до лѣтнихъ вакацій коммиссія имѣла нѣсколько частныхъ совѣщаній, и что такія совѣщанія имѣли возобновиться съ 15 октября. По послѣднимъ извѣстіямъ, занятія коммиссіи идутъ весьма успѣшно. Какъ сообщаютъ *Московскому Телеграфу* (№ 102), коммиссіей уже разсмотрѣны вопросы о сельскомъ обществѣ, волости, уѣздной полиціи, и, какъ говорятъ, она приступаетъ въ настоящее время къ обсужденію вопросовъ, относящихся къ организаціи городского и земскаго самоуправленія, такъ что есть полное основаніе полагать, что къ новому году въ частныхъ совѣщаніяхъ имѣютъ быть разсмотрѣны въ главныхъ чертамъ всѣ вопросы, вошедшіе въ Высочайше утвержденную программу дѣятельности коммиссіи.

Относительно сущности заключеній, къ которымъ приходитъ коммиссія, еще ничего неизвѣстно, но въ газетахъ появляются извѣстія о различныхъ предположеніяхъ, вносимыхъ на ея разсмотрѣніе отдѣльными ея членами. Недавно было сообщено содержаніе чрезвычайно любопытныхъ отзывовъ одного изъ ревизовавшихъ сенаторовъ о современномъ положеніи крестьянскаго и земскаго самоуправленія, объ экономическомъ положеніи крестьянъ и о способахъ объединенія крестьянскаго управленія съ земскимъ. Какой пріемъ встрѣтили эти заключенія со стороны коммиссіи, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, мнѣніе лица, имѣвшаго воз-

можность во всей подробности, на мѣстахъ, ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Русскія Вѣдомости приводятъ слѣдующій отзывъ, данный однимъ изъ сенаторовъ о современномъ состояніи крестьянскаго самоуправленія:

„Крестьянское самоуправленіе находится въ полномъ распаденіи повсемѣстно, за весьма малыми исключеніями. Сельскіе и волостные сходы, составляющіе, по „Положенію 19-го февраля 1861 года", краеугольный камень крестьянскаго самоуправленія, потеряли всякое значеніе; собираемые изъ людей, соединяющихся подъ условіемъ угощенія водкой, эти сходы служатъ только орудіемъ писаря или другого вліятельнаго лица въ обществѣ для достиженія разныхъ противозаконныхъ цѣлей. Крестьяне жалуются, что при нынѣшнихъ порядкахъ нельзя устроить ничего, касающагося общей пользы: найма сторожей, огражденія выгона отъ запашки, исправленія дорогъ и т. п. Во многихъ селеніяхъ дошло до того, что сходъ безъ угощенія опредѣленнымъ количествомъ водки не составляетъ приговора и, наоборотъ, за нѣсколько ведеръ водки отбираетъ у недоимщика землю и отдаетъ ее въ аренду кулаку за ничтожную плату. Волостныя правленія, коллегіальный составъ которыхъ существуетъ только на бумагѣ, превратились въ низшую административную канцелярскую инстанцію. Дѣятельность старшины и правленія проявляется въ лицѣ волостного писаря и его канцеляріи, состоящей изъ нѣсколькихъ помощниковъ. Дѣятельность эта исключительно письменная, что и даетъ огромное значеніе писарямъ, какъ грамотнымъ людямъ, среди неграмотнаго населенія; личный же надзоръ волостного старшины за порядкомъ и подвѣдомственными ему по закону сельскими старостами почти нигдѣ не существуетъ, вслѣдствіе чего, эти послѣдніе, избираемые, къ тому же, крестьянами безъ всякаго вниманія къ ихъ нравственнымъ качествамъ и способностямъ, потеряли, подобно сходамъ, всякое значеніе и исполняютъ съ формальной стороны нѣкоторыя изъ своихъ обязанностей, въ видѣ отбыванія повинности. Волостной судъ, вслѣдствіе вліянія на рѣшенія его писарей, подъ предлогомъ объясненія законовъ и вслѣдствіе укоренившагося обычая угощенія судей водкою, также потерялъ довѣріе крестьянъ, и если многіе изъ нихъ не желаютъ замѣны его производствомъ у мирового судьи, то, главнымъ образомъ, изъ боязни траты времени на проѣздъ, расходовъ и формальностей, не зная, что мировой судья обязанъ принимать прошенія и словесныя заявленія и по дѣламъ о наслѣдствѣ не обязанъ руководствоваться постановленіями тома X Свода Законовъ. Такое разстройство крестьянскаго самоуправленія, по мнѣнію сенатора, является послѣдствіемъ бездѣйствія бывшихъ мировыхъ посредниковъ и чисто формальнаго отношенія къ дѣлу нынѣшнихъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Преобладающее же вліяніе писарей обусловливается сохранившимися обычаями и пріемами управленія государственныхъ имуществъ и, между прочимъ, огромными размѣрами волостей, въ которыхъ на сходы, за дальнимъ разстояніемъ, выборные или не являются, или собираются люди, неимѣющіе между собою общихъ интересовъ и другъ съ другомъ незнакомые".

Въ такомъ же безотрадномъ положеніи, по сообщаемому *Новостями* отзыву сенатора, находится и крестьянское хозяйство:

„Благосостояніе сельскаго сословія обревизованныхъ губерній, взятое въ совокупности, не поднялось, а понизилось противъ дореформеннаго времени и продожаетъ еще понижаться, несмотря на проведеніе желѣзныхъ дорогъ, увеличивающихъ доходность земли, и на паденіе цѣнности бумажнаго рубля, значительно уменьшившее ренту, которую платятъ за свои надѣлы. Безспор-

ными признаками обѣднѣнія крестьянъ служатъ: уменьшеніе прежде сохранявшихся хлѣбныхъ запасовъ и количества скота, въ особенности рабочаго, упадокъ строеній, истощеніе земли, вслѣдствіе хищнической ея обработки, и истребленіе тѣхъ лѣсовъ, которыми многіе крестьяне были надѣлены; второстепенными признаками служатъ: увеличеніе недоимокъ и сдержанное только недостаткомъ средствъ стремленіе крестьянъ къ переселенію. Число неимущихъ въ каждомъ почти селеніи увеличилось въ огромномъ размѣрѣ; при этомъ съ ужасающею быстротой возрастаетъ число крестьянскихъ семействъ, изъ зажиточныхъ постепенно переходящихъ въ число нуждающихся и, затѣмъ, въ число вовсе необезпеченныхъ въ своемъ существованіи, т. е. семействъ, неимѣющихъ ни достаточнаго запаса хлѣба съ осени, ни надежнаго рабочаго скота и обремененныхъ неоплатными долгами. Съ уменьшеніемъ матеріальнаго благосостоянія замѣтно падаетъ между крестьянами и нравственный уровень. Родительская власть, семейныя связи, видимо, ослабѣваютъ; прежнее патріархальное подчиненіе старшимъ и древнимъ обычаямъ замѣняется произволомъ, неуваженіемъ къ властямъ и закону; пьянство и расточительность усилились въ прискорбной степени. Однимъ изъ самыхъ явныхъ признаковъ упадка нравственности служатъ повсемѣстные семейные раздѣлы, не находящіе себѣ оправданія въ хозяйственномъ отношеніи, такъ какъ въ маломъ семействѣ, состоящемъ иногда изъ мужа и жены съ малолѣтними дѣтьми, домашніе расходы и труды несравненно значительнѣе, чѣмъ въ большомъ; въ земледѣльческомъ же быту случайная болѣзнь одного изъ работниковъ или потеря единственной лошади влекутъ за собою ничѣмъ непоправимую остановку и ущербъ въ хозяйствѣ".

Исправить это положеніе, по мнѣнію сенатора, невозможно безъ болѣе правильной постановки земскихъ учрежденій.

„Устройство и возстановленіе правильнаго крестьянскаго самоуправленія, существовавшаго во многихъ мѣстностяхъ нѣкоторое время послѣ изданія „Положенія" 1861 г., хотя составляетъ первое условіе для поднятія благосостоянія крестьянъ и нравственнаго ихъ уровня, но не единственное. Общее попеченіе о народномъ продовольствіи, заботы о народномъ здравіи, принятіе мѣръ противъ вредныхъ насѣкомыхъ, противъ падежей скота, страхованіе сельскихъ строеній и переустройство селеній, въ предупрежденіе пожаровъ, устройство необходимыхъ для развитія сельской промышленности путей сообщенія, наконецъ, народное образованіе—не зависятъ отъ крестьянскаго самоуправленія, а предоставлены заботамъ земства; но возложенныя на нихъ въ этомъ отношеніи обязанности земскія учрежденія, какъ обнаружено ревизіей, не могутъ исполнять удовлетворительно, главнымъ образомъ, по той причинѣ, что органы земства—члены управы, на долю которыхъ выпадаетъ осуществлять на дѣлѣ мѣропріятія земства, напримѣръ—раздачу и засыпку запаснаго хлѣба, устройство пріемныхъ покоевъ во время эпидемій, страхованіе строеній и т. п.,—поставлены въ сторонѣ отъ крестьянскаго управленія и лишены не только всякой власти, но и всякаго вліянія на сельское населеніе и на сельское начальство. Вообще, нельзя не замѣтить, говоритъ сенаторъ, что земскія учрежденія поставлены въ сторонѣ и отъ правительственной администраціи, какъ будто имъ ввѣрена не та же, общая съ правительствомъ, забота о народномъ благосостояніи, а какое-нибудь частное предпріятіе. Это положеніе, порождавшее нерѣдко ни на чемъ не основанный антагонизмъ земскихъ учрежденій съ правительственными, помѣшало земству сростись съ народной жизнью и принести ту пользу, которую слѣдовало ожидать отъ введенія въ мѣстное управленіе вы-

борнаго сословнаго начала. Довѣрія народа земскія учрежденія до сихъ поръ не пріобрѣли. Они представляются крестьянамъ новымъ, ненужнымъ начальствомъ, обременяющимъ ихъ новыми налогами. Живыхъ, образованныхъ силъ въ свою среду земство также не привлекаетъ, и нѣтъ сомнѣнія, говоритъ сенаторъ, что дальнѣйшее существованіе его на томъ же началѣ разъединенія съ государствомъ приведетъ къ его распаденію подъ бременемъ общаго къ нему равнодушія".

Въ видахъ устраненія указанныхъ недостатковъ, сенаторомъ составленъ проектъ сліянія земскихъ учрежденій съ крестьянскими:

„Составитель проекта, указывая на нынѣшнее ненормальное положеніе членовъ земскихъ управъ, безсильныхъ въ дѣлѣ осуществленія предпринимаемыхъ земствомъ для блага крестьянъ мѣропріятій, признаетъ необходимымъ слить крестьянское управленіе съ земствомъ, съ тѣмъ, чтобы вся, вообще, администрація (за исключеніемъ только городской) была ввѣрена лицамъ, выбираемымъ земскимъ собраніемъ при единственномъ условіи образовательнаго ценза. Согласно вышеупомянутому проекту, уѣзды наши составляютъ слишкомъ обширныя единицы, а потому каждый изъ нихъ долженъ быть раздѣленъ на территоріальные земскіе участки, болѣе или менѣе совпадающіе съ участками мировыми, причемъ самое дѣленіе должно быть предоставлено соглашенію высшей губернской администраціи съ земскими собраніями. Выборы земскихъ участковыхъ, въ виду важности значенія, которое они будутъ имѣть въ мѣстной жизни, необходимо, по мнѣнію сенатора, обставить бо́льшими гарантіями безпристрастія и справедливости, чѣмъ существующіе нынѣ выборы членовъ земскихъ управъ. Съ этою цѣлью проектируется: во-первыхъ, допустить въ земскихъ собраніяхъ равное число гласныхъ отъ землевладѣльцевъ и отъ сельскихъ обществъ, вмѣсто нынѣ допускаемаго случайнаго подраздѣленія; во-вторыхъ, исключить безусловно изъ числа гласныхъ всѣхъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, въ особенности волостныхъ старшинъ и писарей, голосъ которыхъ, какъ лицъ, зависящихъ отъ земскаго участковаго начальства, ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться безпристрастнымъ; и, въ-третьихъ, подчинить выборы земскаго собранія утвержденію губернскаго присутствія, съ тѣмъ, чтобы мотивированное постановленіе послѣдняго о неутвержденіи выборовъ подлежало обжалованію въ правительствующемъ сенатѣ. Безъ такого выборнаго начала, по мнѣнію сенатора, невозможно устранить то пристрастіе, основанное на интригахъ мѣстныхъ партій, которое проявляется при выборахъ въ весьма многихъ земскихъ собраніяхъ. Что касается до правъ и обязанностей земскихъ участковыхъ, то, согласно проекту, имъ по крестьянскому управленію должны быть предоставлены права бывшихъ мировыхъ посредниковъ, а по земельнымъ дѣламъ между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами—права нынѣшнихъ непремѣнныхъ членовъ уѣздныхъ присутствій. Кромѣ личнаго посѣщенія крестьянскихъ сходовъ, на земскаго участковаго должно быть возложено разсмотрѣніе, по праву надзора и вслѣдствіе жалобъ потерпѣвшихъ, всѣхъ приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ, съ правомъ уничтоженія, въ случаяхъ превышенія власти, лихоимства или мздоимства бывшихъ на сходѣ крестьянъ, причемъ приговоры, составленные подъ вліяніемъ угощенія водкой или послѣ составленія которыхъ подобное угощеніе имѣло мѣсто, должны безусловно подлежать отмѣнѣ; въ случаѣ же жалобы на подлогъ, земскій участковый, производя дознаніе, передаетъ дѣло судебному слѣдователю.

„Кромѣ того, въ виду неопредѣленности крестьянской земельной собственности, составитель проекта признаетъ необходимымъ возложить на земскаго участковаго веденіе поземельной книги, въ которую были бы нынѣ же внесе-

ны всѣ крестьянскія усадебныя мѣста и подворные участки въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла, съ обозначеніемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ, при точномъ обозначеніи границъ, согласно ст. 37 „Мѣстн. Полож. о крест.“; затѣмъ, въ этой книгѣ долженъ быть отмѣчаемъ всякій переходъ этой собственности, а также возникновеніе новой частной собственности посредствомъ отвода домохозяину усадебной земли изъ полевой. Земскому же участковому должно, наконецъ, быть предоставлено, впредь до преобразованія межевой части, разрѣшеніе споровъ о выдѣлѣ участковъ, по ст. 165 „Полож. о выкупѣ“. Разсмотрѣніе жалобъ по этимъ предметамъ проектируется предоставить губернскому присутствію“.

Предположенія, подобныя изложеннымъ, были высказаны и нѣкоторыми земствами. Мысль о необходимости сохраненія особаго крестьянскаго самоуправленія и возстановленія, для завѣдыванія имъ, должности, соотвѣтствующей прежнимъ мировымъ посредникамъ, встрѣтила среди земскихъ представителей значительное сочувствіе, но вызвала и много возраженій. И въ земскихъ собраніяхъ, и въ печати было приводимо много доводовъ въ пользу упраздненія сословнаго крестьянскаго управленія и слiянія его съ общимъ для всѣхъ сословій управленіемъ, въ пользу созданія новой административно-хозяйственной или только административной всесословной единицы. Мнѣнія, высказанныя въ земскихъ собраніяхъ, чрезвычайно разнообразны, и это разнообразіе мѣстами достигло такой степени, что соглашеніе оказалось невозможнымъ и нѣкоторыя собранія были поставлены въ невозможность дать опредѣлительный отвѣтъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ мѣстномъ управленіи. Особенно наглядно обнаружилась эта рознь въ московскомъ губернскомъ собраніи, которое въ теченіе трехъ дней дало два совершенно противоположные отвѣта на одинъ и тотъ же вопросъ: 11 января оно, большинствомъ 21 голоса противъ 12, высказалось *за упраздненіе* нынѣшней крестьянской волости, а 13 января, большинствомъ 21 противъ 17, *за ея сохраненіе*.

Многочисленность и разнообразіе поступившихъ въ коммиссію статсъ-секретаря Каханова мнѣній, отзывовъ и проектовъ потребуетъ со стороны ея много труда на ихъ разборъ и согласованіе. Необходимо выяснить причины взаимныхъ разногласій, взвѣсить значеніе и достоинство приводимыхъ въ пользу каждаго мнѣнія доводовъ, отдѣлить соображенія, вызванныя случайными, побочными обстоятельствами. Дѣло, порученное коммиссіи, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе; отъ его исхода въ значительной степени зависитъ будущность нашего отечества, а потому весьма важно, чтобы при его разрѣшеніи было устранено вліяніе всего случайнаго и временнаго. Вслѣдствіе этого и въ виду крайняго разнообразія высказанныхъ мнѣній, въ виду возникшей борьбы многочисленныхъ затрогиваемыхъ реформою интересовъ, весьма важное значеніе получаетъ вопросъ о будущемъ составѣ коммиссіи. Мы говоримъ о «будущемъ» составѣ потому, что предсѣдателю коммиссіи предоставлено, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, усиливать составъ ея «мѣстными

свѣдущими людьми» и вообще лицами, участіе коихъ въ коммиссіи признается полезнымъ. Въ «усиленномъ» составѣ коммиссіи, согласно утвержденной программѣ, должно произойти обсужденіе предметовъ, входящихъ въ кругъ ея задачъ, въ порядкѣ и предѣлахъ составленнаго ею перечня сихъ предметовъ, установленіе главныхъ чертъ устройства всѣхъ мѣстныхъ установленій, предметовъ ихъ вѣдомства, взаимной ихъ связи, отношеній, надзора, отчетности, контроля и отвѣтственности,—и, наконецъ, обсужденіе и окончательное объединеніе составленныхъ подкоммиссіями проектовъ законоположеній. Насколько извѣстно, засѣданій коммиссіи въ «усиленномъ» составѣ еще не было и въ занятіяхъ ея принимаетъ участіе одно только приглашенное лицо—профессоръ Петербургскаго университета И. Е. Андреевскій. Надо полагать, поэтому, что частныя совѣщанія коммиссіи, о которыхъ сообщается въ газетахъ, имѣютъ значеніе только подготовительныхъ работъ, имѣющихъ цѣлью облегчить занятія будущей «усиленной» коммиссіи.

Вопросъ о порядкѣ призыва въ коммиссію по пересмотру мѣстныхъ учрежденій «свѣдущихъ людей» въ прошедшемъ и въ началѣ нынѣшняго года обсуждался, какъ извѣстно, во многихъ земскихъ собраніяхъ, изъ которыхъ двѣнадцать губернскихъ выразили желаніе, чтобы выборъ «свѣдущихъ людей» былъ предоставленъ самимъ собраніямъ. «Вызываемыя лица,—по мнѣнію смоленскаго губернскаго собранія,—только въ томъ случаѣ могутъ выражать мнѣнія земства, когда они имъ на то уполномочены. Земство очень хорошо знаетъ, кто изъ его членовъ лучше знакомъ съ тѣмъ или другимъ изъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію въ данное время, а при разнообразіи предметовъ вѣдѣнія земства ни отъ одного изъ гласныхъ нельзя требовать равнаго знакомства со всѣми обсуждаемыми вопросами, и самый вліятельный, излюбленный въ земствѣ гласный можетъ быть мало знакомъ съ нѣкоторыми изъ обсуждаемыхъ предметовъ, такъ что для одного предмета земство можетъ указать однихъ уполномоченныхъ, а для другого предмета—другихъ лицъ». «Только несоблюденіемъ этого правила,—говоритъ коммиссія смоленскаго земства,—можно объяснить неудачу въ совѣщаніяхъ земскихъ «свѣдущихъ людей» по питейному вопросу». Къ этому смоленское «собраніе признало необходимымъ присовокупить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство признаетъ нужнымъ вызвать уполномоченныхъ земства для выслушанія мнѣній, желаній и практическихъ указаній по тому или другому предмету, было бы не только полезно, но и справедливо, чтобы ни одна губернія не была устраняема отъ участіи въ этомъ совѣщаніи, въ виду того, что интересы каждой изъ нихъ могутъ быть затронуты и нарушены тѣмъ или другимъ способомъ рѣшенія каждаго вопроса, по незнанію мѣстныхъ особенностей той или другой губерніи. Необходимость такого заявленія собранія оправдывается тѣмъ обстоятельствомъ, что при обсуждавшихся въ 1881 году съ участіемъ земства трехъ вопросахъ—выкупномъ, питей-

номъ и переселенческомъ—не было ни одного члена отъ смоленскаго земства, и вопросы эти рѣшались безъ принятія въ соображеніе мѣстныхъ обстоятельствъ нашего земства, хотя эти три вопроса для Смоленской губерніи важнѣе, чѣмъ для многихъ другихъ губерній». Владимірское губернское собраніе тоже высказало мысль, что «лица, избранныя земскими собраніями, вѣрнѣе могутъ выяснить нужды и потребности населенія всѣхъ разнородныхъ мѣстностей».

Ходатайства земскихъ собраній о предоставленіи имъ самимъ избирать «свѣдущихъ людей» долгое время подвергались глумленію въ печати. *Русь*, *Новое Время*, *Московскія Вѣдомости* набрасывались на нихъ съ ожесточеніемъ. Но въ послѣднее время *Московскія Вѣдомости*, повидимому, перемѣнили свой взглядъ на выборное начало и высказываются въ пользу его, по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ представительству частныхъ интересовъ. Въ передовой статьѣ № 308, говоря о мнѣніяхъ, высказанныхъ въ засѣданіи московскаго биржевого комитета по вопросу о кавказскомъ транзитѣ, газета г. Каткова указываетъ на несостоятельность организаціи созываемыхъ въ Петербургъ такъ-называемыхъ «свѣдущихъ людей»,—и добавляетъ:

„Не затѣмъ, конечно, созываются эти совѣщанія, чтобы выслушать мнѣнія чьи попало, людей, взятыхъ откуда вздумалось, а чтобы спросить разные прикосновенные къ обсуждаемымъ вопросамъ интересы. Отзывы этихъ интересовъ не представляютъ собой ничего формально-обязательнаго, и потому не можетъ быть никакихъ побужденій добиваться, чтобы мнѣнія созванныхъ представителей разныхъ интересовъ группировались такъ, а не иначе, клонились въ ту, а не въ другую сторону. Въ такихъ, созываемыхъ правительствомъ, совѣщаніяхъ нужно слышать правду, всю правду, и ничего кромѣ правды, именно о томъ, что желательно и чего не желательно съ точки зрѣнія даннаго интереса. Но правду, во всей ея силѣ и объемѣ, можетъ высказать о себѣ только самъ данный интересъ, взятый живьёмъ, а никакъ не представитель его, который можетъ быть ему чуждъ, или у котораго могутъ быть другіе, болѣе для него вѣскіе, интересы. Если желательно знать дѣйствительное отношеніе даннаго интереса къ дѣлу, надобно предоставить ему самому отрядить отъ себя тѣхъ людей, которыхъ считаетъ наиболѣе способными отстаивать его. Иначе можетъ случиться, пожалуй, что, наприм., голоса гг. Ананова и Алексѣева, разошедшихся съ единогласнымъ мнѣніемъ всей промышленности обширнаго Московскаго района и нашихъ торговыхъ сношеній съ Персіей и Среднею Азіей, пойдутъ въ петербургскомъ совѣщаніи именно за голоса того интереса, который вовсе не будетъ говорить ихъ рѣчами. У насъ,—заключаетъ газета,—много толкуютъ о выборномъ началѣ, суютъ его куда ни попало, куда вовсе не слѣдуетъ, требуютъ самаго широкаго примѣненія выборовъ, какъ основы вожделѣнныхъ „правовыхъ" порядковъ; но тамъ, гдѣ это начало дѣйствительно имѣетъ смыслъ, тамъ его обѣгаютъ".

Недавно по вопросу о «свѣдущихъ» людяхъ заговорила и *Русь*. Въ помѣщенной въ № 47 этой газеты статьѣ: «Два слова о совѣщаніяхъ съ участіемъ свѣдущихъ людей»,—одинъ изъ членовъ прошлогоднихъ «совѣщаній», Д. Ѳ. Самаринъ, пытается построить теорію этого института.

Авторъ статьи различаетъ *заинтересованныхъ* въ дѣлѣ лицъ отъ «тѣхъ земскихъ людей, которымъ, подъ именемъ *свѣдущихъ* людей, передаются на обсужденіе государственные вопросы».

„Совѣщанія,—говоритъ онъ,—могутъ быть учреждаемы, смотря по существу разсматриваемаго дѣла, съ тѣми или другими лицами; но очевидно, что совѣщанія съ участіемъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ должны имѣть другой характеръ, чѣмъ совѣщанія свѣдущихъ людей. Отъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ вовсе не требуется, чтобъ они обсуждали вопросъ съ государственной точки зрѣнія, а нужно, чтобъ они разсматривали его съ точки зрѣнія своихъ интересовъ; наоборотъ, отъ свѣдущихъ людей требуется, чтобъ они отрѣшились отъ точки зрѣнія своихъ интересовъ (личныхъ, сословныхъ или тѣхъ корпорацій, къ которымъ они принадлежатъ) и стали на точку зрѣнія общей государственной пользы“.

При обсужденіи вопроса не сложнаго, но затрогивающаго одинъ или нѣсколько различныхъ, не рѣдко даже противоположныхъ интересовъ, желательна передача такого вопроса на разсмотрѣніе представителей всѣхъ этихъ интересовъ (корпорацій, компаній, комитетовъ и т. п., а если таковыхъ нѣтъ, то съѣздовъ) и затѣмъ приглашеніе на совѣщаніе представителей означенныхъ корпорацій или съѣздовъ.

„Являясь на совѣщаніе въ качествѣ адвокатовъ извѣстныхъ интересовъ, въ качествѣ уполномоченныхъ отъ корпорацій или съѣздовъ, они, очевидно, должны быть назначаемы не иначе, какъ по ихъ выбору — это должно быть правиломъ; назначеніе отъ правительства можетъ быть допущено только какъ исключеніе, если выборъ, по той или другой причинѣ, не можетъ быть произведенъ“.

Задача такихъ совѣщаній заключается въ выясненіи вопроса, съ точки зрѣнія отдѣльныхъ интересовъ, лицамъ назначеннымъ для этого отъ правительства и присутствіе коихъ, поэтому, на подобныхъ совѣщаніяхъ необходимо. Проектъ рѣшенія вопроса, обсуждавшагося на совѣщаніи, долженъ исходить отъ министерства, а не отъ заинтересованныхъ лицъ, «такъ какъ рѣшеніе можетъ быть постановляемо только съ общегосударственной точки зрѣнія»; но желательно, чтобы, предварительно внесенія въ государственный совѣтъ, проекты были сообщены представителямъ отдѣльныхъ интересовъ, съ предоставленіемъ послѣднимъ права заявлять свое согласіе или подавать особыя мнѣнія. «Понятно, что въ такого рода совѣщаніяхъ не имѣетъ ровно никакого значенія число лицъ, представляющихъ тотъ или другой интересъ, и нѣтъ поэтому никакой надобности соразмѣрять число лицъ съ относительною важностію того или другого интереса».

Совершенно иную постановку должны получить совѣщанія «свѣдущихъ людей».

„Вслѣдствіе того, что члены такихъ совѣщаній вовсе не должны быть представителями или адвокатами того или другого интереса, а должны, наоборотъ, обсуждать вопросъ съ общей земско-государственной точки зрѣнія, не требуется, какъ непремѣнное условіе, чтобъ они были назначаемы не иначе, какъ по

выбору. Если отрѣшиться отъ понятія о представительствѣ и держаться стариннаго нашего понятія о *лучшихъ* и *свѣдущихъ* людяхъ, то очевидно, что въ принципѣ можетъ быть допущено приглашеніе лицъ въ члены такихъ совѣщаній какъ по выбору, такъ и по назначенію отъ правительства. Весь вопросъ сводится къ тому, какимъ путемъ, при извѣстныхъ условіяхъ, можно вѣрнѣе найти *лучшихъ* и *свѣдущихъ* людей. Если въ учрежденіяхъ или собраніяхъ, производящихъ выборы, дѣйствительно отражаются всѣ слои общественные, если они не носятъ на себѣ отпечатка какой-либо исключительности, то выборъ лицъ учрежденіями или собраніями представляетъ, вообще говоря, болѣе гарантій въ томъ, что въ совѣщаніе попадутъ лучшіе люди. Однако, такой выборъ отнюдь не долженъ имѣть значенія полномочія, а только указанія лицъ, удовлетворяющихъ требуемымъ условіямъ. Но если, вслѣдствіе неудовлетворительной организаціи учрежденій, производящихъ выборы, или вслѣдствіе какихъ-либо временныхъ или мѣстныхъ условій, нельзя разсчитывать на то, чтобы путемъ выбора дѣйствительно были указаны лучшіе люди, то есть полное основаніе прибѣгнуть къ приглашенію лицъ по выбору самого правительства. Нѣтъ, поэтому, никакой причины чуждаться системы выбора, но нѣтъ также никакой надобности возводить эту систему въ непремѣнное правило и самому правительству связывать себѣ руки и лишать себя права приглашать въ члены совѣщанія такихъ лицъ, участіе которыхъ можетъ быть полезно и которыя по той или по другой причинѣ могутъ весьма часто оставаться невыбранными. Не всегда же большинство голосовъ бываетъ гарантіею правильности выбора или рѣшенія; нерѣдко правда бываетъ на сторонѣ меньшинства".

Разсматривая, далѣе, организацію совѣщаній «свѣдущихъ людей», г. Самаринъ находитъ, что участіе въ этихъ совѣщаніяхъ членовъ отъ правительства «не составляетъ непремѣннаго и необходимаго условія, такъ какъ сами свѣдущіе люди должны разсматривать вопросъ съ государственной точки зрѣнія». Проектъ рѣшенія обсуждаемаго вопроса долженъ быть составленъ совѣщаніемъ, которое, для этого, «должно подвергать голосованію мнѣнія отдѣльныхъ членовъ; этимъ обычнымъ для всѣхъ совѣщательныхъ коммиссій пріемомъ вырабатывается столько проектовъ рѣшенія, сколько мнѣній окончательно складывается въ совѣщаніи. Такъ какъ ни одинъ изъ этихъ проектовъ не имѣетъ обязательной силы, то понятно, что всѣ они должны быть представляемы въ министерство, которое лишь принимаетъ одинъ изъ представляемыхъ проектовъ, либо отвергаетъ ихъ всѣ и составляетъ свой собственный проектъ; но во всякомъ случаѣ всѣ проекты, выработанные въ совѣщаніи, должны быть вносимы въ государственный совѣтъ...» Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Самаринъ высказываетъ желаніе, чтобы «свѣдущіе люди» были допускаемы къ участію въ засѣданіяхъ не только департаментовъ, но и общаго собранія государственнаго совѣта.

Различіе, дѣлаемое г. Самаринымъ, между представителями интересовъ и «земскими свѣдущими людьми», приглашаемыми для обсужденія общегосударственныхъ вопросовъ, притомъ съ «земско-государственной» точки зрѣнія, весьма существенно. Признавая вполнѣ справедливость этого раздѣленія, мы, однако, не можемъ раздѣлять основного взгляда г. Самарина на роль и значеніе «свѣдущихъ людей». Задача этихъ послѣднихъ можетъ быть

двоякая: или правительство можетъ требовать свѣдѣній отъ людей, близко стоящихъ къ извѣстному дѣлу, обладающихъ извѣстными познаніями и опытностью, или же оно можетъ обратиться къ нимъ въ качествѣ мѣстныхъ жителей, знакомыхъ не только съ мѣстными потребностями и условіями, но и съ воззрѣніями и желаніями мѣстнаго населенія, и могущихъ сообщить центральной власти такія свѣдѣнія, которыхъ инымъ путемъ она получить не можетъ. Если имѣть въ виду только первую задачу, то при приглашеніи свѣдущихъ людей, какъ экспертовъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, выборное начало можетъ не имѣть мѣста: правительству самому, пожалуй, легче, нежели мѣстнымъ избирательнымъ собраніямъ, найти людей, обладающихъ опытностью и знаніями въ той или другой сферѣ. Но такіе свѣдущіе люди или эксперты должны ограничиваться дачей отвѣтовъ на поставленные имъ вопросы. Другое дѣло—лица, приглашаемыя для обсужденія вопроса съ «земско-государственной» точки зрѣнія. Отъ этихъ людей нельзя требовать спеціальныхъ знаній,—отъ нихъ можетъ требоваться только знакомство съ нуждами и воззрѣніями населенія,—и, говоря о нихъ, трудно, подобно г. Самарину, «отрѣшиться отъ понятія о представительствѣ», тѣмъ болѣе, что и держась, какъ онъ рекомендуетъ, «стариннаго нашего понятія о *лучшихъ* и *свѣдущихъ* людяхъ», нельзя все-таки не придти къ понятію о представительствѣ. Въ Московскомъ государствѣ, какъ извѣстно, правительство не разъ призывало на совѣтъ земскихъ людей, но призывъ этотъ имѣлъ разныя цѣли и разныя формы. Бывали призывы собственно «свѣдущихъ» людей—для всесторонняго выясненія того или другого вопроса законодательства и управленія. Такъ въ 1660 году было совѣщаніе бояръ съ московскими гостями, торговцами гостиной и суконной сотенъ, съ сотенными черныхъ слободъ и сотенъ и со всѣми торговыми и тяглыми людьми московскими—о причинахъ дороговизны въ Москвѣ хлѣба и съѣстныхъ припасовъ; въ 1672 г. гости и торговцы русскіе приглашены были въ Посольскій приказъ для дачи своего заключенія о томъ, не причиняетъ ли имъ подрыва торговый договоръ, заключенный въ 1667 г. московскимъ правительствомъ съ армянскими купцами о торговлѣ послѣднихъ въ Россіи различными персидскими товарами; 23 февраля 1676 г. происходило совѣщаніе кн. М. Ю. Долгорукова и другихъ бояръ съ гостями касательно нѣкоторыхъ вопросовъ о торговлѣ съ Персіею шелкомъ-сырцомъ и касательно просьбы голландскихъ купцовъ о дозволеніи имъ вести чрезъ московскія владѣнія транзитную торговлю съ Персіею тѣми же продуктами, и т. д. «Это,—говоритъ г. Загоскинъ,—просто временныя правительственныя коммиссіи, составленныя изъ думныхъ людей, подъ предсѣдательствомъ одного изъ бояръ, съ привлеченіемъ къ участію въ нихъ спеціалистовъ по роду занятій или службы, свѣдущихъ людей, экспертовъ» *).

---

*) *Н. П. Загоскинъ*: „Исторія права Московскаго государства", т. I. Казань, 1877 г., стр. 297 и слѣд.

Но, наряду съ такого рода совѣщаніями, «съ участіемъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ», происходили и другія совѣщанія, имѣвшія совершенно иное значеніе, гдѣ земскіе люди созывались именно для обсужденія вопросовъ съ точки зрѣнія не частныхъ, отдѣльныхъ интересовъ, а съ «земско-государственной», и существеннѣйшимъ признакомъ такихъ совѣщаній является, какъ говоритъ г. Загоскинъ, представительство «всякихъ чиновъ людей Московскаго государства»*). Этой идеей обусловливается и то обстоятельство, что въ этихъ случаяхъ требовались всегда люди *выборные*. Никакихъ условій избранія, кромѣ нравственныхъ, правительствомъ не ставилось; требовалось только, чтобы выборные были люди «лучшіе, крѣпкіе и разумные», т. е. такіе, которымъ были бы вѣдомы народныя «нужи и тѣсноты, и разоренья, и всякіе недостатки», которые умѣли бы разсказать правительству «обиды и насильства, и разоренья, и чѣмъ Московскому государству полниться и ратныхъ людей пожаловать, и устроить бы Московское государство, чтобы пришли всѣ въ достоинство»**). Судя по тѣмъ требованіямъ, которыя предъявлялись выборнымъ, нельзя не заключить, что они являлись не «представителями или адвокатами того или другого интереса»,—ихъ назначеніемъ было, именно, «обсужденіе вопроса съ общей, земско-государственной точки зрѣнія», а между тѣмъ, или, вѣрнѣе, именно поэтому, непремѣннымъ условіемъ было назначеніе ихъ по выбору отъ чиновъ государства. «Старинное понятіе о лучшихъ и свѣдущихъ людяхъ», такимъ образомъ, заключаетъ въ себѣ понятіе представительства, и, слѣдовательно, ссылка на него не можетъ служить доводомъ въ пользу замѣны выбора назначеніемъ.

Серьезнѣе практическія соображенія, приводимыя г. Самаринымъ. «Если,—говоритъ онъ,—вслѣдствіе неудовлетворительной организаціи учрежденій, производящихъ выборы, или вслѣдствіе какихъ-либо временныхъ или мѣстныхъ условій, нельзя разсчитывать на то, чтобы путемъ выбора дѣйствительно были указаны лучшіе люди, то есть полное основаніе прибѣгнуть къ приглашенію лицъ по выбору самого правительства». Но это соображеніе едва ли можетъ имѣть большое значеніе. Если нельзя почему-либо положиться на способность учрежденій, производящихъ выборы, отнестись къ дѣлу безпристрастно и указать дѣйствительно «лучшихъ» (конечно, въ смыслѣ ихъ способности) людей, то, точно также, нѣтъ достаточныхъ основаній предположить, что правительство въ своемъ выборѣ не впадетъ въ ошибку. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ руководствоваться оно при выборѣ людей изъ числа провинціальныхъ обывателей, кромѣ личнаго знакомства выбирающихъ, или рекомендаціи мѣстныхъ властей? Но безпристрастіе этихъ послѣднихъ обезпечено нисколько не болѣе безпристрастія общественныхъ собраній. Съ другой стороны,

*) Тамъ же, стр. 310.
**) Тамъ же, стр. 316.

въ случаѣ признанія некомпетентности существующихъ избирательныхъ собраній, земскихъ и городскихъ, или совершеннаго отсутствія таковыхъ (въ мѣстностяхъ, гдѣ еще не введены земскія учрежденія), представляется возможнымъ образованіе избирательныхъ коллегій для даннаго случая, съ устраненіемъ недостатковъ существующихъ собраній. На возможность и необходимость такой мѣры, въ виду неудовлетворительности состава нашихъ нынѣшнихъ общественныхъ собраній, уже указывалось въ печати (напр. предложеніе А. И. Кошелева объ учрежденіи «губернскихъ комитетовъ»). Наконецъ, на случай, еслибы при выборахъ оправдалось опасеніе г. Самарина и избранія не были бы удостоены лица, участіе которыхъ особенно полезно, правительство имѣетъ возможность пригласить и ихъ, для того, чтобы выслушать мнѣніе не только большинства, но и меньшинства.

Призывъ лицъ, выбранныхъ мѣстнымъ населеніемъ, представляетъ наиболѣе гарантіи въ томъ, что общественное мнѣніе будетъ выражено полно и вѣрно; а именно узнаніе общественнаго мнѣнія и нужно правительству. Людей, обладающихъ спеціальными знаніями, глубоко изучившихъ предметъ со стороны научной и способныхъ создать прекрасные проекты—правительству найти не трудно; гораздо труднѣе найти практиковъ, людей жизни, которые могли бы выразить мысль общественную.

Мы остановились на способѣ выбора свѣдущихъ людей въ виду того, что предстоитъ приглашеніе таковыхъ въ Кахановскую коммиссію и что порядокъ «усиленія» состава послѣдней еще не опредѣлился. Эта коммиссія, имѣющая цѣлью внести порядокъ въ наше разстроившееся мѣстное управленіе и положить конецъ нашему «нестроенію», болѣе нежели всякая другая нуждается въ содѣйствіи представителей общества, которые могли бы объяснить народныя «нужи и тѣсноты, и разоренья, и всякіе недостатки», которые были бы въ состояніи довести до свѣдѣнія правительства—что̀ думаетъ и чего желаетъ русское общество.

Скорѣйшее разрѣшеніе вопроса о порядкѣ избранія «свѣдущихъ людей» и самое ихъ приглашеніе мы считаемъ особенно желательнымъ, такъ какъ до усиленія состава коммиссіи не можетъ быть приступлено къ разрѣшенію многихъ вопросовъ частныхъ, имѣющихъ, тѣмъ не менѣе, важное значеніе. Такіе частные вопросы, совершенно назрѣвшіе, выдвигаются на очередь чуть не каждый день и, въ виду ихъ важности, уже начинаютъ подвергаться разработкѣ. Одинъ изъ такихъ вопросовъ—объ объединеніи финансовыхъ управленій въ губерніяхъ—возбужденъ министерствомъ финансовъ и составилъ уже предметъ занятій особо для того учрежденной коммиссіи.

Эта коммиссія, состоящая изъ всѣхъ директоровъ и вице-директоровъ департаментовъ министерства финансовъ, вызванныхъ изъ губерній управляющихъ акцизными сборами и казенными палатами и представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ, юстиціи

и государственнаго контроля,—открыла свои засѣданія 18 сентября. При ея открытіи, министръ финансовъ прежде всего заявилъ, что задача коммиссіи не предрѣшена, и просилъ членовъ высказать свои мысли и соображенія по этому предмету съ полною свободой и откровенностью. Развивая взгляды по этому вопросу, Н. Х. Бунге коснулся, между прочимъ, того обстоятельства, что въ настоящее время въ дѣятельности различныхъ органовъ министерства, находящихся въ губерніяхъ, нѣтъ должнаго единства, и, какъ на примѣръ, указалъ на недоразумѣнія, возникающія порою между акцизными и таможенными учрежденіями. Говоря о взиманіи окладныхъ сборовъ, министръ выразилъ желаніе, чтобы полиція, на которой нынѣ всецѣло лежитъ обязанность по взиманію этихъ сборовъ, была, насколько возможно, избавлена отъ этого труда. Вообще министръ призналъ, что въ настоящее время, при существующей организаціи финансовыхъ управленій въ губерніяхъ, встрѣчаются затрудненія по взиманію нѣкотораго рода налоговъ, напримѣръ налога съ переходящихъ по наслѣдству имуществъ. Коснувшись организаціи будущихъ финансовыхъ управленій въ губерніяхъ, министръ высказалъ мысль, что о сокращеніи нынѣ существующаго личнаго состава служащихъ нѣтъ и рѣчи, но при этомъ однако добавилъ, что слѣдуетъ обойтись, при предстоящемъ преобразованіи, по возможности тѣми средствами, которыя нынѣ отпускаются на этотъ предметъ изъ государственнаго казначейства *).

Матеріаломъ для обсужденія коммиссіи служитъ выработанный министерствомъ финансовъ предварительный проектъ податного управленія, сущность котораго, въ общихъ чертахъ, заключается въ слѣдующемъ. Завѣдываніе всѣми окладными и неокладными сборами, кромѣ таможенныхъ, храненіе казенныхъ суммъ и производство государственныхъ расходовъ сосредоточиваются въ казенныхъ палатахъ, которымъ, въ качествѣ исполнительныхъ органовъ, подчиняются уѣздныя и губернскія податныя управленія и казначейства, распорядительная же власть—по разсмотрѣнію жалобъ плательщиковъ на неправильное обложеніе сборами, ходатайствъ о разсрочкѣ платежей и сложеніи недоимокъ и пеней, а равно по разсмотрѣнію другихъ вопросовъ какъ въ отношеніи самыхъ сборовъ, такъ и личнаго состава управленія—предоставляется губернскимъ, уѣзднымъ и городскимъ податнымъ управленіямъ. Казенная палата и ея исполнительные органы имѣютъ составъ бюрократическій, состоя изъ чиновниковъ, назначаемыхъ отъ правительства, а распорядительныя «присутствія» получаютъ составъ смѣшанный, бюрократическо-общественный. Губернское присутствіе образуется, подъ предсѣдательствомъ управляющаго казенною палатой, изъ помощника управляющаго, начальниковъ отдѣленій палаты, непремѣннаго члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и членовъ, особо на этотъ предметъ избранныхъ отъ каждаго города и

*) Мы пользуемся отчетами о засѣданіяхъ коммиссіи, помѣщенными въ *Голосѣ*.

каждаго уѣзда губерніи, по одному—городскими думами и уѣздными земскими собраніями — по принадлежности. Уѣздное присутствіе состоитъ, подъ предсѣдательствомъ начальника уѣзднаго податного управленія, изъ податныхъ надзирателей, непремѣннаго члена уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и *равнаго съ ними* числа засѣдателей, избираемыхъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и городскими думами. Каждый уѣздъ раздѣляется на податные участки, въ которыхъ наблюденіе за правильнымъ и своевременнымъ поступленіемъ какъ прямыхъ податей, такъ и неокладныхъ сборовъ, а также и взысканіе казенныхъ, земскихъ, городскихъ и общественныхъ недоимокъ—принадлежитъ участковому надзирателю. Подобно уѣздамъ, могутъ быть раздѣляемы на участки и тѣ города, въ которыхъ будутъ образованы податныя управленія, т. е. имѣющіе свыше 50 тыс. жителей, и тѣ, гдѣ образованіе особыхъ управленій будетъ признано необходимымъ—министерствомъ финансовъ.

Проектъ этотъ, по заявленію министра, «самъ по себѣ ничего не предрѣшаетъ и долженъ послужить только пособіемъ при постановкѣ подлежащихъ обсужденію вопросовъ». Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ барона Розена, имѣла уже (по 15 ноября) девять засѣданій и успѣла разсмотрѣть многіе изъ предложенныхъ на обсужденіе ея вопросовъ.

Учрежденіе этой коммиссіи, имѣющей предметомъ организацію одной изъ отраслей мѣстнаго управленія, возбудило въ печати толки о ея отношеніяхъ къ Кахановской коммиссіи, и эти толки вызвали разъясненіе со стороны министерства финансовъ. Изъ этого разъясненія оказывается, что «совѣщаніе, созванное при министерствѣ финансовъ, состоялось по предварительному соглашенію между предсѣдателемъ «особой коммиссіи» и министромъ финансовъ, причемъ предположено основанія, выработанныя совѣщаніемъ, разработать не прежде, какъ по разсмотрѣніи ихъ въ «особой коммиссіи» и по согласованіи съ ея проектомъ. Поэтому труды совѣщанія и «особой коммиссіи» не исключаютъ другъ друга и не имѣютъ въ виду дѣлать вдвойнѣ одну и ту же работу; напротивъ, направленные къ достиженію одной и той же цѣли, они должны ускорить разработку подробностей той части проектовъ мѣстнаго управленія, которая касается управленія финансоваго. Указанные министромъ финансовъ въ первомъ собраніи совѣщанія предстоящіе къ разрѣшенію вопросы: не слѣдуетъ ли существующія нынѣ въ губерніяхъ финансовыя управленія объединить и въ какой именно мѣрѣ; не слѣдуетъ ли ввести въ нихъ коллегіальное обсужденіе и разрѣшеніе нѣкоторыхъ дѣлъ, и какихъ именно; не слѣдуетъ ли возложить взысканіе недоимокъ на финансовое управленіе, съ освобожденіемъ отъ этой обязанности полиціи?—свидѣтельствуютъ о томъ, что между работами совѣщанія и «особой коммиссіи» никакихъ принципіальныхъ разногласій не существуетъ. Тѣмъ болѣе можно напередъ сказать, что разработка подробностей совѣщаніемъ не только не поведетъ къ разногласіямъ, но дастъ «особой коммиссіи» готовый матеріалъ».

Такъ какъ «разсмотрѣніе предметовъ вѣдомства всѣхъ органовъ административно-правительственнаго и финансоваго управленія, съ цѣлью правильнаго и удобнаго ихъ распредѣленія между тѣми учрежденіями, дальнѣйшее самостоятельное существованіе коихъ будетъ признано полезнымъ», входитъ въ програму «особой коммиссіи», то совѣщаніе при министерствѣ финансовъ является не чѣмъ инымъ, какъ одною изъ ея подкоммиссій. Но слѣдуетъ замѣтить, что подкоммиссія эта возникла внѣ того порядка, который установленъ въ общемъ планѣ занятій коммиссіи. «Установивъ главныя черты устройства всѣхъ мѣстныхъ установленій, предметовъ ихъ вѣдомства, взаимной ихъ связи, отношеній, надзора, отчетности, контроля и отвѣтственности, — сказано въ «общемъ планѣ занятій» коммиссіи,— «особая коммисссія» раздѣляется на подкоммиссіи, съ опредѣленіемъ ихъ числа, состава и способовъ объединенія занятій, для начертанія проектовъ законоположеній». Слѣдовательно, образованію подкоммиссіи по финансовому управленію должно было предшествовать рѣшеніе «особою коммиссіей» общихъ вопросовъ, и это вполнѣ естественно, ибо въ такомъ случаѣ подкоммиссія работала бы въ точно установленныхъ предѣлахъ и по данной програмиѣ; она имѣла бы передъ собою очеркъ тѣхъ учрежденій, которыя имѣется въ виду сохранить или создать вновь, и ея задачею было бы только пріуроченіе къ этимъ учрежденіямъ тѣхъ или другихъ функцій финансоваго управленія. Теперь же совѣщаніе должно отправляться отъ учрежденій существующихъ, не зная, какая судьба ихъ постигнетъ. Легко можетъ статься, что тѣ органы, сохраненіе которыхъ, въ интересахъ исключительно финансоваго управленія, она признаетъ необходимымъ, будутъ признаны излишними, по соображеніямъ другого свойства, и замѣнены другими. Все это можетъ повести только къ осложненію и потерѣ времени, тѣмъ болѣе, что коммиссіи придется подвергать предварительному разсмотрѣнію заключенія совѣщанія и направлять ихъ, для согласованія съ принятыми ею общими основаніями, въ свою подкоммиссію.

Впрочемъ, выдѣленіе вопроса объ устройствѣ финансоваго управленія обусловливается весьма уважительными соображеніями. «Созывая совѣщаніе,—сказано въ оффиціальномъ разъясненіи,—министерство финансовъ имѣло въ виду ускорить введеніе тѣхъ улучшеній въ финансовомъ управленіи, въ которомъ ощущается настоятельная потребность. Надзоръ за правильнымъ обложеніемъ торговли оказывается нынѣ крайне недостаточнымъ; взиманіе налога съ безмезднаго перехода имуществъ, при самомъ установленіи его, пришлось временно возложить на органы судебной власти, за неимѣніемъ для сего органа финансоваго управленія. Устранить эти недостатки, а равно и представляемые управленіемъ окладными сборами вообще, и притомъ такъ, чтобы принятыя мѣры составляли органическую часть предполагаемаго общаго преобразованія мѣстнаго управленія, имѣлось, главнымъ образомъ, въ виду министерства финансовъ».

Соображенія эти, повторяемъ, вполнѣ основательны, но вопросъ въ томъ, насколько можетъ ускорить дѣло разработка частнаго вопроса, предпринятая до выработки общихъ основаній. Одно изъ двухъ: или выработанныя совѣщаніемъ мѣры не будутъ приведены въ исполненіе до окончанія работъ особой коммиссіи, и въ такомъ случаѣ никакого ускоренія во введеніи необходимыхъ улучшеній не послѣдуетъ; или же предположенія совѣщанія получатъ осуществленіе ранѣе общей реформы, но тогда они легко могутъ стать въ разрѣзъ съ этою послѣдней. Вѣдь именно такимъ путемъ шли реформы прошлаго царствованія, когда учреждались особыя коммиссіи по однороднымъ предметамъ: вопросы, почему-либо признававшіеся нуждающимися въ скорѣйшемъ разрѣшеніи, подвергались разработкѣ не въ очередь, безъ соображенія съ тою постановкой, которая давалась другимъ вопросамъ, тѣсно съ ними соприкасавшимся, и въ результатѣ получилась масса учрежденій, созданныхъ ad hoc, не согласованныхъ между собою, часто другъ другу противоположныхъ, а это внесло въ наше мѣстное управленіе ту неурядицу, на которую такъ жалуются, къ устраненію которой и призвана (коммиссія статсъ-секретаря Каханова. Припомнимъ хотя бы исторію полицейской реформы. Устройство земской полиціи дано временными правилами 25 декабря 1862 года. Организація эта была «временной» и не могла быть иной, такъ какъ въ ближайшемъ будущемъ предстояли крупныя преобразованія въ устройствѣ мѣстнаго хозяйственнаго управленія. Черезъ годъ, 1 января 1864 года, обнародовано «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ»; въ виду этой важной реформы, полиція должна была получить новое устройство; необходимо было разграничить предметы вѣдомства ея и новыхъ общественно-хозяйственныхъ органовъ; но съ этимъ дѣломъ не нашли возможнымъ спѣшить и полиція продолжала существовать на основаніи своихъ «временныхъ правилъ». Прошло еще десять лѣтъ; потребовалось преобразованіе учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ, и этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ особою коммиссіей, которая, оставивъ неприкосновеннымъ устройство полиціи, отдала, вѣроятно, не ожидая этого, крестьянское самоуправленіе въ руки послѣдней... Результаты такого хода дѣлъ хорошо извѣстны.

Мы искренно желаемъ, чтобы ничего подобнаго не случилось теперь, и потому сочли нужнымъ высказать наши опасенія. Этихъ опасеній не раздѣляетъ министерство финансовъ, утверждая, что «между работами совѣщанія и особой коммиссіи принципіальныхъ разногласій не существуетъ», что разногласій не возникнетъ и въ будущемъ. Но такое утвержденіе кажется преждевременнымъ: общія основанія реформы должны вырабатываться коммиссіею «въ усиленномъ составѣ», т.-е. съ участіемъ приглашенныхъ предсѣдателемъ ея, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, «мѣстныхъ свѣдущихъ людей и вообще всѣхъ тѣхъ лицъ, участіе коихъ въ трудахъ коммиссіи признается полезнымъ», а засѣданій

коммиссія въ усиленномъ составѣ еще не было. Можно ли поручиться, что, по усиленіи состава коммиссіи лицами, не участвовавшими въ ея предварительныхъ совѣщаніяхъ, ея воззрѣнія не измѣнятся? А если это случится, то труды совѣщанія могутъ оказаться несогласными съ ея взглядами и потому остаться безплодными.

Уже предварительный проектъ податного управленія, выработанный министерствомъ финансовъ и переданный на обсужденіе совѣщанія, заключаетъ въ себѣ предрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ общаго административнаго устройства. Такъ этимъ проектомъ предполагается утрежденіе участковыхъ податныхъ надзирателей, на обязанность которыхъ возлагается наблюденіе за «правильнымъ и своевременнымъ взиманіемъ сборовъ съ крестьянъ волостнымъ и сельскимъ начальствомъ, за невзиманіемъ незаконныхъ поборовъ, за своевременнымъ представленіемъ денегъ въ казначейство и за нерастратою ихъ. Для наблюденія за правильнымъ взиманіемъ сборовъ съ крестьянъ, податной надзиратель обязанъ объѣзжать волости, ревизовать взиманіе общественныхъ сборовъ, выслушивать словесныя заявленія крестьянъ и давать разъясненія по этимъ заявленіямъ. О лицахъ волостного и сельскаго начальства, замѣченныхъ въ бездѣятельности, въ незаконныхъ поборахъ съ крестьянъ или въ растратѣ собранныхъ суммъ, податной надзиратель сообщаетъ по принадлежности». Въ случаѣ непринятія волостнымъ начальствомъ надлежащихъ мѣръ къ своевременному сбору съ крестьянъ слѣдующихъ съ нихъ платежей, надзиратель «настаиваетъ на принятіи этихъ мѣръ»; въ случаѣ же примѣненія мѣръ съ излишнею строгостью и возможности ихъ облегченія онъ «направляетъ дѣйствія волостного начальства».

Въ изложенной постановкѣ дѣла предрѣшаются два важные вопроса: о сохраненіи волостного правленія, какъ органа финансоваго управленія, и о подчиненіи этого органа надзору особаго финансоваго агента. Но, какъ извѣстно, противъ сохраненія волостныхъ правленій въ ихъ нынѣшнемъ видѣ было представлено весьма много вѣскихъ возраженій. Въ земскихъ докладахъ доказывалось, что волостное правленіе, учрежденное для завѣдыванія крестьянскими хозяйственными дѣлами, съ теченіемъ времени утратило свой первоначальный характеръ и обратилось въ безполезное и обременительное, по своей стоимости, для крестьянъ общее присутственное мѣсто. По мнѣнію большинства земствъ, нынѣшняя организація волости не можетъ быть сохраняема; ее предлагаютъ или преобразовать, или упразднить совсѣмъ и замѣнить *земскою* волостью или участкомъ. Всѣ эти заявленія, конечно, должны быть разсмотрѣны коммиссіей статсъ-секретаря Каханова и только по окончательномъ разрѣшеніи вопроса о будущемъ характерѣ волости можетъ быть опредѣлена та роль, которую волостное начальство должно играть въ финансовомъ управленіи. Съ другой стороны, предположеніе о предоставленіи участковымъ податнымъ надзирателямъ надзора надъ волостными и сельскими управленіями не

может быть разсматриваемо прежде разрѣшенія вопроса объ общей организаціи надзора надъ этими учрежденіями. Этотъ вопросъ можетъ получить двоякое разрѣшеніе: или, согласно проектамъ нѣкоторыхъ земствъ, волость получитъ значеніе единицы общественнаго самоуправленія, съ правомъ выборовъ, самообложенія и самостоятельнаго завѣдыванія внѣренными волостному обществу дѣлами; или же она останется учрежденіемъ исключительно крестьянскимъ, сохранивъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, тотъ характеръ, который принадлежитъ ей теперь, съ подчиненіемъ ея особому учрежденію—земскому ли участковому начальству, или особому присутствію. Въ первомъ случаѣ едва ли будетъ умѣстенъ особый надзоръ со стороны агентовъ финансоваго управленія, въ послѣднемъ же, при существованіи постояннаго надзора особаго учрежденія, вмѣшательство въ это дѣло еще финансоваго агента можетъ повести только къ вредному многовластію, отъ котораго и теперь страдаетъ волостное управленіе.

Независимо отъ сказаннаго, устройство волостного или участковаго управленія окажетъ вліяніе на устройство органовъ управленія финансоваго и въ другихъ отношеніяхъ. Быть-можетъ, представится возможнымъ, какъ это предполагалось, напримѣръ, коммиссіей московскаго губернскаго земства, при участковомъ или волостномъ управленіи учредить казначейство, съ сосредоточеніемъ въ немъ сборовъ и общественныхъ, и казенныхъ; въ такомъ случаѣ сами собою разрѣшатся нѣкоторые вопросы, обсуждаемые совѣщаніемъ при министерствѣ финансовъ, какъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, возможно ли, для удобства плательщиковъ, разрѣшить податнымъ надзирателямъ пріемъ денегъ. Въ пользу этой мѣры было высказано совершенно вѣрное соображеніе, что «нерѣдко подлежащія ко взысканію суммы весьма незначительны и для плательщиковъ представить не мало неудобствъ непосредственное внесеніе этихъ денегъ въ казначейство; чѣмъ способъ уплаты налога упрощеннѣе, тѣмъ налогъ поступаетъ исправнѣе, и наоборотъ». Но разъ казначейство будетъ существовать въ центрѣ волости, недалеко отъ мѣста жительства плательщиковъ,—указанныя неудобства устраняются, а съ ними устраняется и возбужденный вопросъ. Можетъ-быть, съ другой стороны, при новомъ коллегіальномъ устройствѣ волостного управленія и при сокращеніи числа волостей окажется возможнымъ ввести податного надзирателя въ составъ этого управленія, что, безъ сомнѣнія, представитъ существенныя выгоды какъ въ отношеніи бо́льшаго единства дѣйствій органовъ мѣстной администраціи, такъ и въ отношеніи взаимнаго контроля—волости надъ дѣйствіями податного надзирателя и этого послѣдняго—надъ дѣйствіями волостного управленія. Проектъ министерства финансовъ предоставляетъ начальникамъ уѣздныхъ и городскихъ податныхъ управленій право опротестованія и перенесенія на разрѣшеніе губернскаго податного присутствія неправильныхъ постановленій уѣздныхъ и городскихъ присутствій;

такимъ же правомъ могъ бы быть облеченъ и участковый податной надзиратель въ отношеніи волостныхъ управленій, и такимъ образомъ разрѣшился бы вопросъ о надзорѣ и устранился бы вопросъ о томъ, предоставлять ли податнымъ надзирателямъ права исправниковъ въ отношеніи сельскихъ властей при взысканіи окладныхъ сборовъ. Вопросъ этотъ въ совѣщаніи рѣшенъ отрицательно, хотя въ пользу утвердительнаго отвѣта и высказались нѣкоторые изъ членовъ, находившіе безусловно необходимымъ вооружить податного надзирателя тѣми правами въ отношеніи сельскихъ властей (сборщиковъ и проч.), которыми пользуются исправники. «Утверждали, что теперь сельскія власти находятся въ ежовыхъ рукавицахъ уѣздной полиціи и что такая обширная власть нужна и податному надзирателю, по крайней мѣрѣ на первое время. Принято было другое мнѣніе—о предоставленіи подобнаго права не податному надзирателю, а представителю губернской финансовой администраціи, хотя и противъ этого мнѣнія были сдѣланы вѣскія возраженія». Такимъ образомъ совѣщаніемъ предрѣшенъ еще одинъ важный вопросъ, взглядъ на который особой коммиссіи еще неизвѣстенъ,—вопросъ о сохраненіи налагаемыхъ единоличною властью административныхъ взысканій съ должностныхъ лицъ крестьянскаго общественнаго управленія.

Что вопросъ этотъ возникъ въ совѣщаніи, и не могъ не возникнуть, это вполнѣ естественно: отправляясь отъ существующаго порядка и не будучи знакомы съ тѣми измѣненіями, которыя будутъ предприняты, составители проекта должны были озаботиться объ обезпеченіи неуклоннаго исполненія низшими финансовыми агентами ихъ обязанностей, а другихъ средствъ для этого, кромѣ административныхъ взысканій, въ настоящее время не имѣется. Но, вслѣдствіе такихъ же точно соображеній, въ 1874 г. должностныя лица крестьянскаго управленія были подчинены исправникамъ, а это, какъ извѣстно, на практикѣ привело къ фактическому упраздненію крестьянскаго самоуправленія.

Мы остановились на нѣкоторыхъ вопросахъ, обсуждавшихся въ совѣщаніи, не съ цѣлью критики рѣшеній этого послѣдняго, — мы желали только показать, что работа совѣщанія находится въ тѣсной связи съ работами особой коммиссіи, и что поэтому предварительное разсмотрѣніе частныхъ вопросовъ, прежде установленія общихъ основаній, едва ли можетъ принести пользу. Работы совѣщанія послужатъ только матеріаломъ для коммиссіи и, можетъ-статься, только затруднятъ ее.

Въ числѣ вопросовъ, переданныхъ на обсужденіе совѣщанія по объединенію финансовыхъ управленій, есть и такіе, которые могутъ быть разсматриваемы и независимо отъ общей организаціи мѣстнаго управленія. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ существующій порядокъ взиманія окладныхъ сборовъ черезъ полицію отвѣчаетъ своей цѣли. По этому предмету общественное мнѣніе высказалось вполнѣ еди-

нодушно; и въ печати, и въ земскихъ собраніяхъ высказывалась мысль о необходимости снять съ полиціи обязанность по взысканію податей и сборовъ. Къ тому же заключенію пришло и совѣщаніе. Хотя нѣкоторыми членами и было указано, что «въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣется должное наблюденіе за дѣятельностью полиціи, взысканіе окладныхъ сборовъ идетъ болѣе или менѣе успѣшно, хотя и находится въ прямой зависимости отъ соразмѣрности платежей и степени экономическаго благосостоянія населенія», но большинство пришло къ противоположному заключенію. Было высказано, что «дѣятельность въ этомъ отношеніи полиціи совершенно не отвѣчаетъ своей цѣли и что полиція, заваленная цѣлою массой самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, ограничивается обыкновенно одною отпискою: такъ, въ отношеніи взысканія сборовъ съ крестьянскихъ обществъ, полиція посылаетъ предписанія сельскимъ властямъ о взысканіи этихъ сборовъ; что же касается частныхъ лицъ, то тутъ полиція является совершенно несостоятельною». Въ концѣ концовъ было признано, что необходимо освободить полицію отъ взысканія окладныхъ сборовъ и замѣнить ее въ этомъ случаѣ особымъ органомъ министерства финансовъ. Если дѣятельность полиціи оказывается неудовлетворительною въ отношеніи взысканія казенныхъ платежей, за успѣшность которыхъ полицейскіе чины, въ значительной степени, несутъ отвѣтственность, то въ отношеніи сборовъ земскихъ она приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Небрежность полиціи служитъ одной изъ главныхъ причинъ накопленіи недоимокъ, а это обстоятельство вноситъ разстройство въ земское хозяйство. Жалобы на бѣдственное положеніе земскихъ финансовъ слышатся постоянно и повсемѣстно. Вотъ нѣсколько примѣровъ, сообщенныхъ въ послѣднее время газетами. *Голосу* пишутъ изъ Череповца, Новгородской губерніи, что финансы тамошняго земства, какъ выяснилось въ послѣднюю сессію земскаго собранія, находятся въ незавидномъ положеніи. Предсѣдатель управы просилъ у собранія позволенія заключить заемъ въ 5.000 руб. для уплаты долга такимъ скромнымъ кредиторамъ, каковы сельскіе учителя. По словамъ той же газеты, въ Тихвинскомъ уѣздномъ собраніи послѣдней сессіи

„разсматривался вопросъ о способахъ къ улучшенію взысканія земскаго сбора, отъ неправильнаго поступленія котораго, зачастую, управа испытываетъ бѣдственное положеніе. Такое положеніе дѣлъ годъ отъ году ухудшается, увеличивая все болѣе и болѣе недоимки. Были случаи, что продажа описанныхъ имуществъ по указанію земской управы отмѣнялась мѣстнымъ губернскимъ правленіемъ безъ объясненія причинъ".

Орловскій Вѣстникъ сообщаетъ, что въ засѣданіи елецкаго уѣзднаго собранія возникли пренія относительно накопленія недоимокъ, «ежегодное и прогрессивное возрастаніе которыхъ нѣкоторые гласные относили къ бездѣятельности управы.

„Въ отвѣтъ на это, предсѣдатель подробно объяснилъ условія, въ которыхъ въ настоящее время, поставленъ сборъ окладныхъ земскихъ сборовъ. Безъ участія полиціи управа въ сборѣ окладовъ и недоимокъ положительно безсиль

на; полиція же на первомъ планѣ ставитъ сборъ государственныхъ окладовъ и податей, и хотя земскіе сборы, по отношенію къ государственнымъ, составляютъ не болѣе 6 %, все-таки при данныхъ условіяхъ они оставались и будутъ по-прежнему оставаться въ недоимкѣ".

Русскимъ Вѣдомостямъ пишутъ изъ Зарайска, Рязанской губ., что

„финансовое положеніе мѣстнаго земства весьма печально. По 1-е января 1883 г. уѣздной управѣ предстоитъ къ выполненію смѣтныхъ расходовъ 13.391 руб., обязательно должно быть перечислено по раскладкѣ на губернскія земскія потребности 15.769 руб. и долга за 1881 годъ 1.710 руб., а всего 30.870 руб. Между тѣмъ на-лицо къ 12 ноября всего 1.772 руб., т. е. на покрытіе всѣхъ расходовъ необходимо имѣть еще 29.098 рублей. Въ настоящее время земскаго сбора числится въ недоимкѣ болѣе 33 тыс. руб., но поступленіе таковаго весьма слабо, несмотря на то, что большая часть недоимокъ лежитъ на крупныхъ землевладѣльцахъ. Послѣднее земское собраніе постановило ходатайствовать предъ начальникомъ губерніи о понужденіи полиціи ко взысканію недоимки. Въ случаѣ же крайности, рѣшено просить губернскую земскую управу о ссудѣ 1.000 руб. подъ гарантію земства".

Новости сообщаютъ, что въ Царскосельскомъ уѣздѣ, по свидѣтельству доклада коммиссіи «о причинахъ накопленія недоимокъ сборовъ и неудовлетворительнаго финансоваго положенія царскосельскаго земства», оказывается, что

„всѣхъ недоимокъ въ уздѣ числятся на сумму 140.777 рублей, изъ которыхъ 8.946 руб. совершенно безнадежны, 42.551 руб. числятся за морскимъ вѣдомствомъ, 52.439 руб. за крестьянскими обществами и остальная сумма за такъназываемыми торговыми плательщиками. „Безнадежныя" недоимки вполнѣ оправдали свое названіе: собраніе постановило сложить ихъ и никакихъ мѣръ ко взысканію не принимать. Что же касается до недоимокъ съ морского вѣдомства, то земство уполномочило управу „употребить послѣднее средство", а именно: принести по этому предмету на морское вѣдомство жалобу въ правительствующій сенатъ. Относительно недоимокъ, существующихъ за крестьянскими обществами, земство полагаетъ, что, при существующемъ устройствѣ и положеніи крестьянъ, разсчитывать на взысканіе съ нихъ недоимокъ нельзя. Коммиссія, однако, не согласилась съ этимъ мнѣніемъ и предложила: поручить управѣ приступить самымъ настоятельнымъ и энергическимъ образомъ ко взысканію недоимокъ съ крестьянскихъ обществъ, пользуясь всѣми установленными для этого закономъ средствами. Далѣе, коммиссія предложила: довести до свѣдѣнія начальника губерніи и губернскаго земскаго собранія объ истинномъ положеніи дѣлъ въ царскосельскомъ уѣздномъ земствѣ. Земство, однако, не согласилось съ мнѣніемъ коммиссіи и постановило: избрать изъ среды своей новую коммиссію, которая составила бы докладъ болѣе подробный и на болѣе гуманныхъ основаніяхъ".

Такая же коммиссія была учреждена въ прошедшемъ году петербургскимъ уѣзднымъ собраніемъ. Какъ сообщаетъ *Голосъ*, этой коммиссіи было поручено

„выяснить причины образованія и накопленія земскихъ недоимокъ, а также разсмотрѣть правила относительно способовъ взысканія земскихъ сборовъ. Къ 1-му января 1882 года состояло недоимокъ: за сельскими обществами 4.278 руб., а за землями частныхъ лицъ, казны и удѣла 3.841 руб., за дачевладѣльцами и

22.111 руб., за фабриками и заводами 7.233 руб. и за торговыми, трактирными и питейными заведеніями 17.432 руб.; всего 54.895 рублей. Большинство крестьянъ платитъ земскій сборъ аккуратно; недоимка состоитъ только на нѣкоторыхъ бѣднѣйшихъ селеніяхъ уѣзда, но и она не дошла бы до такихъ размѣровъ, еслибъ уѣздное казначейство, въ видахъ болѣе успѣшнаго очищенія казенныхъ недоимокъ, не зачисляло вносимыя сельскими обществами деньги всецѣло въ уплату казенныхъ взысканій, а производило бы соразмѣрныя распредѣленія по всѣмъ сборамъ. Накопленіе недоимокъ за землевладѣльцами, дачевладѣльцами, а также за фабрикантами и заводчиками происходитъ не вслѣдствіе обременительности сборовъ или несостоятельности плательщиковъ, а просто по незаботливости, неаккуратности и, частію, по нежеланію платить. Есть много такихъ лицъ, которыя, несмотря на частыя напоминанія чрезъ полицію, не платятъ по нѣскольку лѣтъ сряду и не обращаютъ никакого вниманія на эти напоминанія. Недоимка съ владѣльцевъ домовъ, въ которыхъ производится торговля, образовалась вслѣдствіе недоразумѣній, вызванныхъ закономъ 21-го ноября 1866 года: облагать ли дома по доходности производимой въ нихъ торговли, или съ арендной платы, и притомъ съ самихъ ли владѣльцевъ или съ арендаторовъ. Значительная часть изъ недоимокъ этого рода подлежитъ сложенію. Вообще же недоимки земскаго сбора, по мнѣнію коммиссіи, накопляются преимущественно вслѣдствіе недѣйствительности установленныхъ закономъ мѣръ взысканія, съ весьма долгими сроками и чрезвычайно сложными формальностями, которыя, при этомъ, очень слабо выполняются подлежащими властями. Въ виду этого, коммиссія предложила ходатайствовать предъ правительствомъ о коренномъ пересмотрѣ всѣхъ узаконеній о мѣрахъ понудительнаго взысканія и объ учрежденіи податныхъ приставовъ, которые, безъ всякихъ проволочекъ, взыскивали бы всякаго рода недоимки, въ томъ числѣ и земскія, съ совершеннымъ устраненіемъ отъ этого дѣла полиціи, которая и безъ того имѣетъ много дѣла по исполненію прямыхъ своихъ обязанностей".

Такое же ходатайство возбуждено и московскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, такъ какъ финансы уѣзднаго земства, вслѣдствіе неисправнаго поступленія сборовъ, тоже пришли въ разстройство.

О затруднительномъ положеніи земскихъ финансовъ сообщаютъ и изъ Чернигова. *Зарѣ* пишутъ, что касса мѣстной уѣздной управы «затрудняется съ каждымъ годомъ вслѣдствіе недоимокъ земскаго сбора: на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, составляющихъ треть, есть 37.000 руб. недоимки, а на земляхъ крестьянъ, составляющихъ двѣ трети, всего 12.000 рублей».

Тотъ фактъ, что главная масса недоимокъ лежитъ, какъ оказывается, на наиболѣе состоятельныхъ плательщикахъ, что крестьяне, обремененные многочисленными сборами, исполняютъ свои обязанности передъ земствомъ гораздо исправнѣе, обнаруживается и въ другихъ мѣстностяхъ. Изъ отчета одесской уѣздной управы за 1880—81 годъ, напримѣръ, оказывается, что на 1-е января 1881 года менѣе всего недоимокъ земскихъ сборовъ осталось на крестьянскихъ и поселянскихъ обществахъ, а именно: только 23% платежей, слѣдовавшихъ на 1880 годъ, тогда какъ на частныхъ землевладѣльцахъ осталось въ недоимкѣ почти 62%, а на городскихъ обществахъ—90%. «Отсюда,—говоритъ управа,—слѣдуетъ, что крестьянскія и поселянскія общества—самые исправные плательщики, а го-

родскія общества оказываются самыми неисправными; но понятно, что неисправность въ платежахъ земскихъ сборовъ частныхъ землевладѣльцевъ сильнѣе всего вліяетъ на дурное состояніе земской кассы, а слѣдовательно—и на несвоевременное исполненіе земствомъ своихъ обязанностей: съ землевладѣльцевъ, на долю которыхъ приходится 63½% всей облагаемой земскими сборами земли въ уѣздѣ, должно было поступить въ 1880 году 70% всѣхъ платежей окладныхъ земскихъ сборовъ, подлежавшихъ къ поступленію въ этомъ году, а поступило лишь 26½%».

„Помимо причинъ, независящихъ отъ самихъ плательщиковъ,—продолжаетъ управа,—неисправность городскихъ обществъ и многихъ частныхъ землевладѣльцевъ зависитъ и отъ нежеланія ихъ своевременно уплачивать земскіе сборы, доходящаго до того, что на 1-е января 1881 года за гор. Очаковымъ, напримѣръ, состояло земскихъ недоимокъ 10.694 руб. 44 коп. Имѣя это въ виду, земское собраніе въ прошлую свою сессію поручило управѣ принять рѣшительныя мѣры для взысканія недоимокъ, вслѣдствіе чего управа въ концѣ прошлаго года обратилась въ полицейское управленіе съ просьбой оказать ей содѣйствіе въ этомъ отношеніи, но со стороны полицейскаго управленія только въ началѣ текущаго года, именно въ февралѣ мѣсяцѣ, былъ командированъ въ уѣздъ чиновникъ для взысканія недоимокъ; чиновникъ этотъ дѣйствовалъ довольно энергично, такъ что недоимки стали поступать нѣсколько сильнѣе. Хотя въ мѣстной печати и слышались жалобы, что чиновникъ этотъ при взысканіи недоимокъ прибѣгалъ къ крупнымъ мѣрамъ, описывая и продавая послѣднюю движимость у бѣднѣйшихъ землевладѣльцевъ уѣзда, но управѣ положительно извѣстно, что за все время его разъѣздовъ по уѣзду не было ни одного случая продажи какого бы то ни было имущества въ погашеніе земскихъ недоимокъ: отъ неисправныхъ плательщиковъ лишь отбирались подписки въ обязательствѣ ихъ уплатить недоимки къ извѣстному сроку, назначаемому, въ большинствѣ случаевъ, по желанію самихъ плательщиковъ".

Приведенныя данныя показываютъ, что главною причиной накопленія недоимокъ и происходящаго отъ этого разстройства земскихъ финансовъ служитъ не обременительность платежей (иначе самыми крупными недоимщиками были бы крестьяне), а неудовлетворительность существующихъ способовъ взысканія. Опытъ Одесскаго уѣзда свидѣтельствуетъ, что достаточно простаго объѣзда и понужденія плательщиковъ, чтобы платежи «стали поступать нѣсколько сильнѣе». Необходимо, поэтому, чтобы лица, на которыя будетъ возложено взысканіе платежей, не были, подобно полиціи, обременены другими обязанностями и имѣли достаточно времени для объѣзда плательщиковъ и напоминанія имъ о наступленіи сроковъ. Въ то же время необходимо установленіе болѣе строгихъ мѣръ взысканія съ недоимщиковъ, не платящихъ по нежеланію и упорству: къ сожалѣнію, встрѣчаются и такіе.

Безъ принятія такихъ мѣръ земское хозяйство въ недалекомъ будущемъ придетъ въ полное разстройство и большинству земствъ придется послѣдовать примѣру одного изъ южныхъ земствъ, если не ошибаемся, ѳеодосійскаго, которое въ прошедшемъ году признало себя несостоятельнымъ.

Наше нынѣшнее обозрѣніе намъ приходится заключить прискорбнымъ извѣстіемъ о безпорядкахъ, происшедшихъ, въ послѣднее время, въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

По сообщенію *Правительственнаго Вѣстника*, первоначально безпорядки произошли въ Казанскомъ университетѣ и поводомъ къ нимъ послужило исключеніе одного изъ студентовъ, пытавшагося нанести оскорбленіе исправляющему должность ректора университета. «28-го прошлаго октября, студентъ II-го курса медицинскаго факультета Казанскаго университета Воронцовъ, лишенный, на основаніи дѣйствующихъ правилъ, за невыдержаніе имъ экзамена, стипендіи, сдѣлалъ попытку нанести оскорбленіе дѣйствіемъ исправляющему должность ректора Казанскаго университета профессору Ѳирсову, въ аудиторіи предъ началомъ лекціи, въ присутствіи другихъ студентовъ, слушателей профессора Ѳирсова. Попытка Воронцова была во-время остановлена другими студентами и Воронцовъ былъ выведенъ изъ стѣнъ университета помощникомъ проректора и служителями, причемъ онъ позволилъ себѣ произнести оскорбительныя и дерзкія противъ г. Ѳирсова слова.

По разсмотрѣніи обстоятельствъ настоящаго дѣла, совѣтъ университета, постановленіемъ своимъ, состоявшимся въ тотъ же день, опредѣлилъ: студента Воронцова исключить, на основаніи § 55 п. *е* правилъ Императорскаго Казанскаго университета, навсегда изъ Казанскаго университета, съ лишеніемъ его права въ теченіе трехъ лѣтъ поступить въ какое-либо другое учебное заведеніе, а копію съ протоколовъ препроводить къ г. прокурору казанскаго окружнаго суда, для поступленія съ бывшимъ студентомъ Воронцовымъ согласно уголовнымъ законамъ.

Въ то время, когда 28-го октября происходило засѣданіе совѣта университета по дѣлу о студентѣ Воронцовѣ, во входныхъ сѣняхъ университета собралось человѣкъ 60—70 студентовъ, которые толковали объ этомъ дѣлѣ и нѣкоторые заявляли исправляющему должность проректора желаніе присутствовать на засѣданіи университетскаго суда о Воронцовѣ; но безпорядковъ при этомъ не было, только одинъ изъ бывшихъ студентовъ, на приглашеніе исправляющаго должность проректора оставить университетъ, отвѣчалъ весьма рѣзко, вслѣдствіе чего виновный былъ арестованъ.

На другой день, 29-го октября, собралась большая толпа студентовъ, отъ 500 до 600 человѣкъ, сломала двери, ведущія изъ корридора въ актовую залу, ворвалась въ залу и произвела шумную сходку. Ни увѣщанія исправляющаго должность проректора, ни исправляющаго должность ректора, профессора Булича, ни, наконецъ, попечителя учебнаго округа, явившагося лично въ залу, въ которой собрались студенты, не могли достигнуть желаемой цѣли—прекращенія волненій—и лишь привели къ нѣкоторому уменьшенію числа студентовъ на сходкѣ. Во время сходки были произнесены двумя студентами весьма рѣзкія рѣчи, направленныя

въ защиту студента Воронцова и въ обвиненіе профессора Ѳирсова. Вслѣдъ затѣмъ одинъ изъ бывшихъ студентовъ Московскаго университета, исключенный изъ онаго, дозволилъ себѣ выражаться въ самыхъ дерзкихъ словахъ о попечителѣ, исправляющемъ должность ректора и профессорахъ. Оставшіеся на сходкѣ студенты составили и представили профессору Буличу петицію, впрочемъ безъ подписей, въ которой въ весьма рѣзкой формѣ требовалось, между прочимъ, немедленное удаленіе г. Ѳирсова отъ исправленія должности ректора, принятіе вновь въ университетъ Воронцова, предоставленіе студентамъ или ихъ выборнымъ раздачи стипендій, и т. д. Сходка вслѣдъ за этимъ разошлась, но положено было собраться снова на другой день, въ 11 часовъ, чтобы покончить дѣло о Воронцовѣ и судить дѣйствія студентовъ, желавшихъ удержать порядокъ.

Въ тотъ же день, 29-го октября, въ 6 часовъ вечера, назначено было засѣданіе совѣта подъ предсѣдательствомъ г. попечителя, во время котораго толпа студентовъ подходила къ университету нѣсколько разъ, но, видя приглашенную уже начальствомъ полицію,--войти не рѣшилась и только вожаки толпы произнесли угрозу: «Насъ теперь мало,—завтра соберемся и разнесемъ полицію».

Совѣтъ университета, желая вполнѣ разслѣдовать причины безпорядковъ и узнать главныхъ вожаковъ студенческаго волненія, постановилъ: 1) временно пріостановить чтеніе лекцій, съ запрещеніемъ всѣмъ безъ исключенія студентамъ и постороннимъ слушателямъ входа въ университетскія учрежденія, и обратиться къ начальнику губерніи съ просьбою о принятіи немедленно мѣръ къ охраненію всѣхъ входовъ въ университетскія зданія и недопущенію студентовъ и постороннихъ слушателей въ университетъ; 2) назначить для всесторонняго разслѣдованія дѣла о безпорядкахъ коммиссію изъ пяти членовъ.

Въ продолженіе ночи университетъ оставался подъ охраною полиціи, а съ ранняго утра всѣ входы въ университетскія зданія были заняты войскомъ и вывѣшены были объявленія о временной пріостановкѣ лекцій».

Казанская исторія отразилась и на Петербургскомъ университетѣ, гдѣ броженіе между студентами началось еще ранѣе. «Съ самаго начала октября между студентами замѣчалось волненіе. Образовывались сходки по различнымъ, не имѣвшимъ никакого серьезнаго значенія, поводамъ и единственно изъ желанія производить безпорядки. Университетское начальство долго относилось къ этому съ большою снисходительностію. Оно старалось дѣйствовать убѣжденіемъ, ища опоры для поддержанія порядка въ собственномъ благоразуміи самихъ студентовъ, но упорство зачинщиковъ, въ возбужденіи безпорядковъ, и оскорбленія, наносимыя ими инспекціи, заставили, наконецъ, обратиться къ университетскому суду. Университетскій судъ поступилъ съ крайнею осторожностію. Онъ подвергнулъ удаленію изъ университета на одинъ годъ, съ правомъ немедленнаго поступленія въ другіе университеты, лишь одного студента, участвовав-

шаго въ прежнихъ безпорядкахъ и оскорбившаго одного изъ членовъ инспекціи. Немногіе были наказаны кратковременнымъ арестомъ. Собственно за участіе въ сходкахъ, бывшихъ 6, 7, 8 и 9 октября, единственною мѣрой взысканія было внушеніе со стороны университетскаго правленія. Но эти кроткія мѣры не прекратили броженія. Едва приговоръ суда былъ объявленъ, какъ 20-го и 21-го октября составились новыя сходки. Студенты утверждали, что исключенный студентъ ни въ чемъ невиновенъ, и требовали его возвращенія. Потребовалось вновь преданіе суду, на этотъ разъ, всѣхъ участниковъ сходки. Университетскій судъ старался выяснить степень виновности каждаго и дѣло продолжалось нѣсколько недѣль. Приговоръ его, вполнѣ справедливый и очень снисходительный *), еще не былъ постановленъ, какъ уже появились литографированныя прокламаціи, приглашавшія студентовъ не подчиняться рѣшенію суда и собраться на сходку для протеста противъ него, если будетъ постановлено вопреки ихъ требованію. Тогда, въ виду столь настойчивыхъ возбужденій къ безпорядкамъ, попечитель учебнаго округа счелъ необходимымъ предупредить студентовъ, что, въ случаѣ образованія новой сходки, всѣ участники ея будутъ удалены изъ университета. Объявленіе въ этомъ смыслѣ за подписью попечителя было выставлено въ университетѣ. Сначала оно, повидимому, произвело впечатлѣніе и нѣкоторое время волненій не было. Но 8-го ноября въ университетѣ были кѣмъ-то распространены гектографированныя копіи съ письма какого-то казанскаго студента, котораго имя не было обозначено. Въ немъ разсказывались происшествія, бывшія поводомъ временнаго закрытія Казанскаго университета. Факты переданы довольно вѣрно, кромѣ нѣсколькихъ легкихъ искаженій; но всему разсказу приданъ восторженный тонъ. Говорилось о грандіозной сходкѣ, о томъ, что студенты были готовы возстать массой и идти, куда угодно. Эти копіи читались по кружкамъ съ большимъ увлеченіемъ, а на другой день въ университетѣ появилось гектографированное объявленіе: на 10 число назначена громадная сходка, для заявленія сочувствія казанскимъ студентамъ и протеста противъ «безобразій собственнаго нашего начальства». 10 ноября, дѣйствительно, на площадкѣ большой лѣстницы университета образовалась сходка, сначала въ незначительныхъ размѣрахъ. Благоразумные студенты уходили изъ университета, а тѣ изъ нихъ, которые остались, уговаривали товарищей не начинать безпорядковъ, которыми давно тяготится большинство студентовъ. Видя свою малочисленность, группа собравшихся имѣла сначала намѣреніе разойтись, съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько дней составить сходку въ бо̀льшихъ размѣрахъ. Но, спустившись съ лѣстницы, участ-

*) Одинъ студентъ, бывшій уже подъ судомъ и сидѣвшій подъ арестомъ, съ предвареніемъ, что при первомъ его участіи въ безпорядкахъ онъ будетъ уволенъ, приговоренъ къ увольненію; остальные подвергались арестамъ или выговорамъ.

ники сходки встрѣтили въ шинельной толпу студентовъ, изъ которыхъ часть присоединилась къ нимъ, а другой части, желавшей удалиться — они помѣшали выйти, угрожая имъ насиліемъ. Начались взаимныя пререканія, которыя едва не перешли въ насильственныя дѣйствія. Помощники инспектора, старавшіеся убѣдить студентовъ разойтись, были вытѣснены изъ шинельной; одинъ изъ нихъ былъ съ трудомъ огражденъ отъ насилія вмѣшательствомъ благоразумныхъ студентовъ.

Тогда попечитель учебнаго округа рѣшился призвать полицію. Оберъ-полицеймейстеръ, явившійся самъ въ университетъ, не хотѣлъ сразу прибѣгнуть къ силѣ и приглашалъ студентовъ представить ему свои билеты и сообщить имена. Но участники безпорядковъ не хотѣли исполнить его требованія и продолжали въ присутствіи полиціи свои совѣщанія. Нѣкоторые изъ зачинщиковъ произносили шумныя рѣчи и предлагали вотировать различныя постановленія. Прежде всего было вотировано сочувствіе казанскимъ студентамъ. Благоразумные студенты не могли выйти, потому что бунтующіе не допускали ихъ взять съ вѣшалокъ верхнее платье. Наконецъ, послѣ того, какъ неучаствующіе въ сходкѣ были приглашены удалиться въ другія залы, всѣ участники безпорядковъ были подвергнуты аресту и отведены, для переписки ихъ, въ манежъ Павловскаго училища.

Всѣхъ переписанныхъ — 280 человѣкъ, но изъ нихъ бо́льшая часть не принимала непосредственнаго участія въ безпорядкахъ. Около 180 были выпущены по записаніи ихъ именъ, остальные же арестованы, и изъ нихъ 14, считающіеся главными возмутителями спокойствія, отправлены въ мѣстопребыванія ихъ родителей.

Разсмотрѣвъ, при участіи ректора, декановъ и всей инспекціи, дѣло о безпорядкахъ, бывшихъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ 10-го сего ноября, попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа постановилъ раздѣлить всѣхъ арестованныхъ полиціей на четыре категоріи, по степени ихъ виновности. Къ первой отнесены студенты, бывшіе зачинщиками безпорядковъ или принимавшіе въ нихъ самое дѣятельное участіе; ихъ 46. Они удалены изъ университета безусловно и будутъ высланы въ мѣста ихъ жительства, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ родителей въ столицѣ. Эти послѣдніе будутъ выданы на поруки ихъ родителямъ и отданы подъ надзоръ полиціи. Вторую категорію составляютъ 23 лица. Это — тѣ, которые оказались менѣе виновными и которыхъ можно считать увлеченными примѣромъ товарищей. По большей части это студенты первыхъ курсовъ, недостигшіе 20-лѣтняго возраста. Они тоже удалены изъ университета, но могутъ быть чрезъ нѣкоторое время вновь приняты, если заявятъ о своемъ раскаяніи и представятъ доказательства своего добропорядочнаго поведенія. Имъ не воспрещается пребываніе въ столицѣ. Третью категорію составляютъ вольнослушатели, въ числѣ 13, которые лишены права посѣщать лекціи. Наконецъ, четвертую категорію составля-

ютъ 16 лицъ, которымъ, по ходатайству инспекціи и вслѣдствіе ихъ прежняго хорошаго поведенія и усердныхъ занятій, вмѣняется въ наказаніе содержаніе ихъ подъ арестомъ.

Въ настоящее время порядокъ въ университетѣ не нарушается, хотя между нѣкоторыми студентами замѣтно волненіе. Университетское начальство строго наблюдаетъ за спокойствіемъ въ университетѣ. Попытки къ возбужденію безпорядковъ, еслибъ онѣ обнаружились, будутъ немедленно прекращаемы и виновные подвергнутся строжайшей отвѣтственности. Огромное большинство не только не сочувствуетъ волненіямъ, но даже имъ противодѣйствуетъ. Лекціи въ университетѣ не прекращались даже 10 ноября, въ день сходки, и съ тѣхъ поръ читаются ежедневно».

Происшедшіе въ С.-Петербургскомъ и Казанскомъ университетахъ безпорядки отозвались и на нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи, а именно на Кіевскомъ и Харьковскомъ университетахъ, на Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ и Ярославскомъ лицеѣ.

Изъ полученныхъ оффиціальныхъ свѣдѣній видно, что уже 15 ноября въ университетѣ Св. Владиміра собралась студенческая сходка, которая однако же разошлась при первомъ требованіи проректора. «Сходка эта имѣла цѣлію выразить сочувствіе студентамъ университетовъ С.-Петербургскаго и Казанскаго. 17-го числа въ Кіевскомъ университетѣ студенты начали собираться въ сборной залѣ съ видимою цѣлью устроить сходку. Попечитель учебнаго округа, узнавъ объ этомъ, немедленно отправился въ университетъ и лично уговаривалъ студентовъ возвратиться къ порядку, требовалъ немедленнаго прекращенія сходокъ и заявилъ, что, въ случаѣ образованія сходки, участники будутъ удалены изъ университета безусловно. Несмотря на это, вслѣдъ за симъ стала собираться сходка; тогда попечитель призвалъ полицію и войско. При появленіи полиціи въ залѣ, студенты, по первому слову попечителя, начали немедленно расходиться, *утверждая, что никакой сходки не было*. При этомъ присутствовавшіе студенты дали слово попечителю, что сходокъ болѣе дѣлать не будутъ.

Тайный совѣтникъ Голубцовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, доноситъ, что чтеніе лекцій продолжается безпрепятственно и что огромное большинство студентовъ, по его убѣжденію, стоитъ за порядокъ».

Въ Харьковѣ первыя попытки къ безпорядкамъ были со стороны студентовъ университета также 15-го ноября, но предположенная на этотъ день сходка не состоялась. «16-го же числа собралась въ университетѣ довольно значительная толпа студентовъ, числомъ до 600, подъ предлогомъ оваціи одному изъ профессоровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вывѣшены были объявленія о сходкѣ, для выраженія сочувствія бунтовавшимъ студентамъ Казанскаго университета. Попечителемъ немедленно вызваны были полиція и войско, по появленіи которыхъ университетъ опустѣлъ тотчасъ же; но большая толпа студентовъ собралась на улицѣ и разошлась лишь не

истеченіи нѣкотораго времени, послѣ увѣщаній со стороны полицеймейстера. Въ значительно меньшихъ размѣрахъ сходка повторилась утромъ 17-го числа, но тотчасъ же разошлась при появленіи полиціи и войска, вытребованныхъ попечителемъ, причемъ студенты дали слово на будущее время сходокъ не составлять.-

«16-го ноября происходила сходка въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ, на которой студенты рѣшили не прекращать безпорядковъ, впредь до закрытія всѣхъ университетовъ и институтовъ; въ то же время на похоронахъ одного изъ студентовъ-ветеринаровъ произносились двумя изъ его товарищей, въ присутствіи значительной толпы, рѣчи возмутительнаго содержанія, въ которыхъ приглашалось выразить сочувствіе студентамъ Казанскаго и Петербургскаго университетовъ. Сходка повторилась въ институтѣ утромъ 17-го числа, причемъ студенты позволили себѣ угрозы противъ инспектора, явившагося для возстановленія порядка. Попечитель учебнаго округа нашелъ себя вынужденнымъ вслѣдствіе сего потребовать полицейскую команду и войско, при помощи которыхъ участники сходки, въ числѣ 93 человѣкъ, была переписаны, послѣ чего полиція ихъ отпустила. Хотя учебное начальство сдѣлало распоряженіе о нарядженіи надъ ними суда, но до приведенія сего въ исполненіе освобожденные, послѣ переписи полиціею, проникли 18-го ноября снова въ институтъ и составили сходку, которую, вслѣдствіе неприбытія еще полиціи, не оказалось возможнымъ арестовать. Лекціи въ Харьковскомъ университетѣ и Ветеринарномъ институтѣ во всѣ эти дни не прекращались».

По послѣднимъ извѣстіямъ, опубликованнымъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* 21 ноября, безпорядки произошли въ Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ въ Ярославлѣ, «гдѣ 15 ноября тоже происходила сходка студентовъ, для выраженія сочувствія бунтовавшимъ въ Казани и Петербургѣ студентамъ. 11 студентовъ, оказавшихся виновными въ производствѣ сихъ безпорядковъ, уволены постановленіемъ совѣта лицея изъ онаго и, по распоряженію административной власти, высланы изъ Ярославля къ родителямъ.

«Въ Харьковскомъ университетѣ и Ветеринарномъ институтѣ броженіе продолжается и можно ожидать безпорядковъ, хотя для предупрежденія ихъ приняты университетскимъ, губернскимъ и военнымъ начальствами энергическія мѣры. Въ университетѣ же Св. Владиміра въ Кіевѣ порядокъ, повидимому, возстановленъ».

Замѣтка по внѣшнимъ дѣламъ.

11 октября, когда король Миланъ, по возвращеніи своемъ изъ поѣздки въ Болгарію и Румынію, входилъ въ соборную церковь въ Бѣлградѣ, вдова Елена Марковичъ выстрѣлила въ него изъ револьвера, но пуля счастливо миновала короля. Всякое умышленное смертоубійство или попытка на смертоубійство, хотя бы и съ политическою цѣлью, есть безусловное преступленіе; но обстоятельства, вызывающія преступленіе, обстановка, предрасполагающая къ преступленію, придаютъ ему каждый разъ съ исторической стороны особую окраску. Христіанская нравственность осуждаетъ его, исторія подыскиваетъ ему объясненіе. Юдифь обманомъ пробралась въ лагерь Олоферна, осаждавшаго Бетулію; послѣ пира, насыщенный виномъ и любовными ласками, Олофернъ заснулъ, и сонному ему Юдифь отрубила голову. Она дѣйствовала для спасенія своего родного города, измореннаго голодомъ и жаждою и готоваго сдаться ассирійскому военачальнику. Ветхозавѣтное іудейство превознесло ея подвигъ благодарностію, похвалами и славою, но съ христіанской точки зрѣнія подвигъ Юдифи есть преступленіе. Въ концѣ прошлаго столѣтія, во время французской революціи, жирондисты и монтаньяры составляли два враждебные лагеря. Среди кровавыхъ ужасовъ и казней, совершаемыхъ конвентомъ и его главнымъ руководителемъ Маратомъ, молодая дѣвушка, Шарлота Корде, проникла въ жилище Марата и на просьбу о помилованіи захваченныхъ жирондистовъ получила въ отвѣтъ, что на другой день всѣ они будутъ казнены. Она зарѣзала Марата, сидѣвшаго въ это время въ ваннѣ. Нервно-впечатлительная, горячо къ сердцу принимавшая мучительное положеніе общества, она, по собственному признанію, хотѣла освободить родную страну отъ кровожаднаго и безпощаднаго насилія террористовъ. Конвентъ казнилъ ее. Съ безотносительно нравственной точки зрѣнія преступленіе получило возмездіе. Исторія же, съ своей стороны, освѣтила и причины, и побужденія, и обстоятельства, приведшія Шарлоту Корде подъ ножъ гильотины. Исторія, какъ зеркало живой дѣйствительности, со всѣми ея сокровенными изгибами и могущественными двигателями, дѣйству-

ющими на умъ и волю человѣка, представила на судъ человѣчества эту самую дѣйствительность независимо отъ безъисключительнаго высшаго закона нравственности, предъ которымъ никакое преступленіе не можетъ быть оправдано никакими побудительными причинами.

Какъ обѣ эти женщины дѣйствовали по единоличному побужденію, такъ и Елена Марковичъ слѣдовала только собственному движенію безъ всякаго участія въ какомъ-либо заговорѣ, котораго не было и быть не могло въ это время. Но нельзя сказать, чтобы на нее не вліяло то тягостное, невыносимое положеніе, въ которомъ она видѣла родную ей Сербію. Какъ женщина развитая, выработавшая среди народа и въ бесѣдахъ съ покойнымъ мужемъ своимъ, Ефремомъ, и деверемъ, Свѣтозаромъ Марковичами, самостоятельный взглядъ на политическое и экономическое состояніе Сербіи, она не могла не подчиниться тому роковому впечатлѣнію, которое производило на нее паденіе Сербіи,—той самой Сербіи, которая при Карагеоргіи и Милошѣ поборола турецкую власть, добилась, кровью и мужествомъ своихъ сыновъ, свободы, при простотѣ быта и чистотѣ нравовъ пользовалась высокою степенью благосостоянія, не знала, даже и не понимала, что такое внутренніе и внѣшніе долги, была чужда смущенія совѣсти въ дѣлѣ церкви, не была связана никакими договорами съ иностранными державами и не раболѣпствовала передъ Австріею. Елена, безъ сомнѣнія, читала книгу Свѣтозара Марковича—«Сербія на Востокѣ», въ которой доказывается полная непригодность внутренней и внѣшней политики Сербіи, руководимой ея правительствомъ, не разъ смѣнявшимся и все-таки неисправимымъ.

Что же представляла Еленѣ современная Сербія при нынѣшнемъ министерствѣ?—Наглое попраніе народныхъ правъ, освященныхъ державнымъ уставомъ. Всенародный, явный обманъ министровъ, которые, захвативъ въ свои руки власть, приняли иное направленіе, иной образъ дѣйствій, иные взгляды, чѣмъ тѣ, какіе они проводили, льстя народу, когда еще не стояли у дѣлъ. Нарушеніе выборнаго начала и давленіе на избирателей черезъ чиновниковъ, доходившее до того, что въ двухъ или трехъ мѣстностяхъ избиратели, выведенные изъ терпѣнія назойливостію полиціи, побили правительственныхъ агитаторовъ. Подставное и подкупное большинство въ скупщинѣ, принимающее договоры, клонящіеся къ очевидному вреду Сербіи; самъ князь, а потомъ король, нисходящій до узкаго сторонничества и лично агитирующій въ пользу противныхъ народу договоровъ. Подкупы со стороны иностранныхъ желѣзнодорожныхъ предпринимателей въ высшей правительственной средѣ. Неудачная сдѣлка со банкомъ Union Générale и неоплатный долгъ, въ который чрезъ это впала Сербія. Долгъ этотъ и непосильные для народа внутренніе расходы, несообразная роскошь двора, учрежденіе какихъ-то охранителей общественной безопасности въ числѣ тысячи человѣкъ, на которыхъ тратится до полутора милліона франковъ—болѣе, чѣмъ на все вѣдомство народнаго просвѣщенія,

монополія соли, гербовыя пошлины и многое множество другихъ вновь изобрѣтенныхъ тягостей, невѣдомыхъ прежде народу и удручающихъ его теперь до изнеможенія. Нарушеніе права скупщины отказомъ министерства отъ объясненій по финансовымъ дѣламъ и состоянію государственнаго долга. Замѣщеніе выбывшихъ изъ скупщины оскорбленныхъ министерствомъ народныхъ представителей не чрезъ новые выборы, какъ бы слѣдовало, а чрезъ приглашеніе на ихъ мѣсто тѣхъ лицъ, которыя получили на выборахъ не болѣе двухъ-трехъ голосовъ и, слѣдовательно, считались забаллотированными,—двуголосыхъ, какъ прозвалъ ихъ народъ. Разладъ и глубокій раздоръ въ самомъ обществѣ вслѣдствіе искаженнаго представительства въ скупщинѣ и подтасовки голосовъ. Вражда противъ отступниковъ народнаго дѣла, утверждающихъ на скупщинѣ такія правительственныя предложенія, которыя клонятся къ очевидному вреду для государства; преслѣдованіе ихъ, доходившее до сожженія домовъ, отвращеніе общественной среды отъ нихъ и двуголосыхъ членовъ, а съ другой стороны преслѣдованіе правительствомъ такихъ служащихъ, которыхъ оно подозрѣваетъ въ сочувствіи къ прежнему министерству. Поѣздка министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ Новаковича по окружьямъ и его глумленія надъ священниками и учителями. Всеобщее обѣднѣніе; застой торговли, грозящая одному изъ главныхъ источниковъ народнаго богатства—винодѣлію, филоксера, завезенная изъ Франціи въ виноградники самого короля въ Смедеревскомъ округѣ и оттуда распространившаяся уже въ сосѣдній Пожаревацкій. Смута, водворенная въ церковныхъ дѣлахъ низверженіемъ митрополита Михаила. Путешествіе короля по нѣкоторымъ округамъ, во время котораго король разыгрывалъ изъ себя приверженца и пособника своихъ нынѣшнихъ министровъ, ненавистныхъ народу, агитировалъ въ пользу выбора правительственныхъ кандидатовъ, бранилъ огуломъ священниковъ и народныхъ учителей, оскорбляя въ ихъ лицѣ самый народъ. Частыя поѣздки въ Австрію и явное подчиненіе государственныхъ интересовъ Сербіи австро-венгерскимъ домогательствамъ, дошедшее до того, что австрійскіе жандармы распоряжаются самоуправно въ Бѣлградѣ—столицѣ независимой Сербіи. Унизительное и оскорбительное для народнаго чувства и вовсе ненужное угодничество передъ Австріей, вдобавокъ недобросовѣстно называемое патріотическимъ. Возведеніе этой лжи въ какое-то основное правило нынѣшняго министерства, такъ что когда Пирочанацъ получилъ за свое угодничество отъ австрійскаго императора орденъ Леопольда, то Миланъ поздравилъ своего перваго министра съ успѣхомъ его «патріотической» политики. Вообще правительственная нечестность, соблазнъ совѣсти, политическій развратъ и какое-то давящее своею наглостію посмѣяніе надъ народною святыней, отечественною исторіей, вѣрованіями, стремленіями и здравымъ смысломъ народа. Вотъ краткое и далеко не полное изображеніе теперешней Сербіи,—изображеніе, которое, будучи сознаваемо каждымъ разумнымъ и преданнымъ своему оте-

еству сербомъ, не можетъ не произвести на него тягостнаго впечатлѣія и возбудить въ немъ болѣе или менѣе острое неудовольствіе. Безчисенныя мелкія черты того же рода, прорѣзывающія эту мрачную карину, какъ, напримѣръ, подачка десяти дукатовъ своимъ студентамъ Великой Школы и пожертвованіе тысячи гульденовъ на сгорѣвшій Рингъеатръ въ Вѣнѣ, еще болѣе придаютъ мрачности общему колориту карины. Безпримѣрный въ исторіи добровольный политическій позоръ, твоимый собственными предательскими руками, долженъ былъ дѣйствовать аздражительно на чуткую и воспріимчивую натуру, открытую для поиманія общественныхъ дѣлъ.

Но изъ-за этой картины выдвигается другая картина временъ предшествовавшихъ министерствъ. Хотя она и не испещрена такимъ подборомъ многочисленныхъ противународныхъ дѣяній, какъ теперешнее время, днако и по ней проходятъ черты, которыя густотою своихъ мрачныхъ расокъ наводятъ отвращеніе и ужасъ. Прежде всего отмѣчу, что уже ъ продолженіе многихъ лѣтъ сербское духовенство восполнялось людьми едостойными священническаго и монашескаго сана. Неоспоримо, что въ ылыя времена духовенство въ Сербіи составляло крѣпкую опору народаго духа; оно всегда участвовало въ лучшихъ сторонахъ народной жизи, поддерживало силою православной вѣры чувство свободы, шло во главѣ освобожденія, питало въ народѣ набожность и доблесть. Народъ любилъ его, шелъ за нимъ и охотно избиралъ его своимъ представителемъ въ скупщинахъ. Но мало-по-малу стали приниматься въ среду духовную люди всякаго сорта безъ разбора. Изъ неудачниковъ житейскихъ появились молодые ставленики и еще болѣе молодые монахи, вносившіе съ собою въ духовную среду всякіе пороки. Благочестіе и уваженіе, которымъ крѣпко было сербское духовенство, стали ослабѣвать. У монаховъ отнято было право быть народными представителями въ скупщинѣ; это норознило ихъ съ народомъ, а порочная жизнь и алчность нѣкоторыхъ уронили ихъ въ глазахъ народа, который сталъ называть ихъ тунеядцами. Порочность разрослась и достигла даже жилищъ нѣкоторыхъ высшихъ духовныхъ сановниковъ. Поколебленная въ самой основѣ, сила уваженія къ духовенству не могла уже противодѣйствовать разрушительному для народнаго религіознаго чувства напору западныхъ идей. Въ образованномъ обществѣ, преимущественно между молодежью, поселилось пренебреженіе къ духовенству и безвѣріе. Въ самой средѣ народной, тогда какъ одна часть духовенства продолжала пользоваться уваженіемъ и довѣріемъ, честно служа церкви и народнымъ интересамъ, другая своимъ непристойнымъ поведеніемъ роняла достоинство своего званія, теряла всякое значеніе и вредила общему дѣлу церкви. Изъ разныхъ мѣстъ молва доносила о неприличныхъ и противунравственныхъ поступкахъ духовныхъ лицъ. Если митрополія въ распущенности духовенства и неразборчивомъ увеличеніи числа духовныхъ лицъ и пріобрѣтала себѣ привержен-

цевъ и слугъ, то въ народѣ, наоборотъ, возникалъ соблазнъ совѣсти вслѣдствіе видимаго разлада между уставами церкви и служителями ея. Храмы мало-по-малу стали пустѣть, число молящихся уменьшилось, такъ что когда пріѣхалъ въ Бѣлградъ епископъ Штроссмайеръ, то его поразило запустѣніе храмовъ Божіихъ. Ему говорили, что духъ времени ужъ таковъ, но онъ справедливо отвѣчалъ, что отъ самого духовенства зависитъ поддержать набожность въ народѣ. Дѣло дошло до того, что уже на скупщинахъ послышались скандальные анекдоты про духовенство, а затѣмъ поднятъ былъ вопросъ и объ уничтоженіи монастырей. Можно справедливо замѣтить, что попущеніе порочности въ нѣкоторой части сербскаго духовенства было причиною удара, нанесеннаго церкви при теперешнемъ министерствѣ, и еслибы церковное управленіе бодрствовало на стражѣ благочестія и нравственной чистоты, то никогда ни правительство, ни скупщина не рѣшились бы затронуть духовенство и церковь.

Затѣмъ укажу на другую черту того времени. Ее можно назвать печальнымъ наслѣдіемъ послѣ князя Милоша, остаткомъ турецкихъ нравовъ. Это—ревность властолюбія и неразборчивость въ средствахъ къ охраненію своей власти; это—нетерпѣливость ко всякой самостоятельности, и подозрительность, опасливость и затѣмъ устраненіе людей прямымъ насиліемъ или подпольными путями. Кто не сторонникъ господствующей власти, тотъ уже опасенъ для нея. Отсюда подборъ чиновничества, возвышеніе однихъ и гоненіе на другихъ; давленіе на выборахъ и подтасовка въ скупщинахъ—явленія, впрочемъ, обычныя; отсюда также жандармерія, шпіонство, подличанье и всѣ другіе общественные пороки, которые порождаетъ сама власть, когда, не имѣя въ самой себѣ силы стать выше общественнаго уровня, она, какъ привилегія одной партіи, спускается въ общественную среду и здѣсь ищетъ себѣ опоры съ помощію располагаемыхъ ею средствъ, создавая себѣ приверженцевъ, преслѣдуя противниковъ и, для упроченія себя, прибѣгая безразборчиво ко всякаго рода способамъ. Такая низменность власти, ея заискиванія и происки расплодили общественные пороки, особенно въ чиновничествѣ. Порча проникала во, что выдѣлялось изъ здоровой народной среды. Когда же выступали личности съ громкимъ протестомъ противъ зла; когда личности эти смѣло стояли за правду и обличали неправильный образъ дѣйствій правительства, и народное сочувствіе упрочивало за ними видное мѣсто, — тогда господствующая власть видѣла въ нихъ какъ бы личныхъ своихъ враговъ и старалась отдѣлаться отъ нихъ, или просто убивая ихъ по-турецки, или же изводя медленно по-австрійски. Это тяжелое, черное пятно не сходитъ съ внутренней исторіи Сербіи отъ давняго и до позднѣйшаго времени; только при нынѣшнемъ министерствѣ,—надо отдать ему справедливость,—этого пятна уже не замѣтно. Много людей честныхъ, прямыхъ, смѣлыхъ погибло таинственною смертію при прежнихъ министерствахъ. Другіе подъ ничтожными предлогами подверглись несоразмѣрно-суровой

жарѣ—долголѣтнему заточенію. Кто стоялъ поперекъ дороги, того министры и ихъ клевреты спускали куда-нибудь подальше. Не такъ высоко стояла власть, чтобы бороться съ своими противниками на открытомъ полѣ силою права, слова и убѣжденія; дѣйствовала старая привычка личнаго властолюбія прибѣгать въ подобныхъ случаяхъ къ недобросовѣстному обвиненію и насильственной расправѣ.

Чтобы не быть голословнымъ, укажу на нѣкоторыя имена изъ позднѣйшаго времени. Грековичъ, народный депутатъ на скупщинѣ, отличавшійся смѣлыми и правдивыми рѣчами, былъ убитъ ночью, какъ говорятъ, подосланными чиновниками. Свѣтозаръ Марковичъ, жившій нѣкоторое время въ Россіи, умный, образованный и одинъ изъ вліятельныхъ людей въ Сербіи, былъ несправедливо обвиненъ за свободу мысли и слова, содержался девять мѣсяцевъ въ крѣпости и выпущенъ на свободу только уже тогда, когда горловая чахотка обезпечивала скорую его смерть. Онъ лѣчился и умеръ въ Тріестѣ. Ягодинская община, откуда онъ былъ родомъ, перевезла его тѣло и похоронила съ почестями. Священникъ Беричъ, въ первую сербско-турецкую войну 1876 года, за то, что позволилъ себѣ противорѣчить Ранку Алимпичу, былъ разстрѣлянъ въ тотъ же день безъ суда и слѣдствія. Ранко Алимпичъ, какъ извѣстно, держался съ своимъ отрядомъ на Дринѣ, ничего не дѣлая. Только разъ попытался онъ взять приступомъ укрѣпленный городъ Бѣлину; но когда войско его уже ворвалось въ городъ и заняло нѣсколько улицъ, а непріятель уже начиналъ отступать, ему показалось, что городомъ нельзя овладѣть, и онъ велѣлъ бить отбой. Напрасно увѣряли его, что городъ уже сдается; его помощникъ, командовавшій добровольцами, полковникъ Влайковичъ собственноручно застрѣлилъ нѣсколькихъ передовыхъ солдатъ, не хотѣвшихъ вернуться назадъ. Произошло нѣчто странное: два войска бѣжали другъ отъ друга; но вскорѣ турки опомнились, нагрянули на отступавшихъ сербовъ и нанесли имъ жестокій уронъ. Беричъ стремился стать въ ряды войска, но Ранко Алимпичъ не позволилъ ему этого, какъ священнику. Беричъ доказывалъ, что во всѣхъ войнахъ за независимость священники не съ однимъ только крестомъ, но и съ мечомъ шли впереди войска, не отдѣляясь отъ народа и воодушевляя его своимъ примѣромъ. Такія слова показались главнокомандующему дринскою арміей дерзкими, и онъ приказалъ разстрѣлять Берича. Замѣчательно, что церковная власть безучастно отнеслась къ этому постыдному дѣянію, нарушавшему права церкви. Адамъ Богославлевичъ, любимѣйшій народный депутатъ, многосторонне образованный, знавшій нѣсколько языковъ, глубокій мыслитель и скромный труженикъ, послѣ государственныхъ дѣлъ возвращавшійся къ своимъ воламъ и плугу. Онъ самъ работалъ, пахалъ, косилъ, а досужее отъ сельскихъ работъ время посвящалъ изученію общественнаго устройства въ европейскихъ государствахъ. Его смѣлая, простая, умная рѣчь на скупщинахъ производила сильное впечатлѣніе, не нравившееся министерству. Послѣ

второй сербо-турецкой войны на него взвели обвиненіе, что будто бы онъ расхитилъ хлѣбные запасы, между тѣмъ какъ онъ роздалъ хлѣбъ разоренным войною сельчанамъ. Нужно было только къ чему-нибудь придраться; посадили его въ тюрьму, а на третій день онъ уже былъ мертвъ. Правительственное сообщеніе гласило, что онъ умеръ-де отъ тифа. Джуро Якшичъ—одинъ изъ лучшихъ сербскихъ поэтовъ и писателей. Нѣкоторыя его стихотворенія и разсказы проникнуты острымъ юморомъ, который былъ не по сердцу правительству. Особенно замѣчательна поэма Якшича, въ которой онъ осмѣиваетъ сербскихъ военачальниковъ и Ранка Алимпича въ особенности. Чтобъ отдѣлаться отъ него, привели его съ жандармами въ министерство внутреннихъ дѣлъ и тамъ били его такъ жестоко, что онъ зачахъ и вскорѣ умеръ.

Я указалъ только на немногія личности, смерть которыхъ производила потрясающее дѣйствіе на всю Сербію; а сколько было изведено другихъ, которыхъ постигла таинственная смерть отъ руки подкупленныхъ убійцъ, какъ, напримѣръ, Лазарь Ценичъ, разстрѣлянный въ 1876 г. въ Козарацкой Планинѣ, въ Босніи, по секретному распоряженію изъ Бѣлграда.

Довольно привести эти двѣ черты недавняго времени, предшествовавшаго образованію нынѣшняго министерства, чтобъ уразумѣть, какое вредное вліяніе должно было оно производить на общественные нравы, подрывая гражданскую честность, порождая соблазнъ совѣсти; однихъ оно растлѣвало, другихъ ожесточало.

Къ этому времени относится и убіеніе Ефрема Марковича.

Ноябрь, декабрь 1877 г. и январь 1878 г. Ефремъ провелъ съ войскомъ на восточной границѣ Сербіи, участвуя въ военныхъ дѣйствіяхъ, отличился храбростію и въ особенности стяжалъ себѣ громкую извѣстность при взятіи Пирота. За свои блестящія боевыя заслуги онъ получилъ русскій орденъ Св. Георгія. Въ его отсутствіе въ самомъ центрѣ Сербіи, близъ Крагуевца, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, собрались на Лепеницкомъ полѣ лепеницкіе и гружанскіе батальоны, числомъ пять, и заявили отказъ идти на войну. Впрочемъ большая часть людей разбрелась по домамъ, а около двухсотъ человѣкъ ушли въ Тополу, пригласили къ себѣ ополченцевъ изъ сосѣднихъ деревень съ тѣмъ, чтобы не приносить новой присяги, требовавшейся тогда отъ войска по случаю второй сербо-турецкой войны. Вѣроятно, они были недовольны распоряженіями правительства, которое дѣйствительно выказало много оплошности и несправедливости въ снаряженіи войска, въ перевозочной и продовольственной частяхъ, въ вещественныхъ поборахъ и проч., а также въ распредѣленіи щедрыхъ пособій, притекавшихъ изъ Россіи во время предыдущей войны; свѣжо еще было впечатлѣніе понесеннаго подъ Дюнишемъ погрома и безпорядковъ, господствовавшихъ въ устройствѣ сербской арміи. По крайней мѣрѣ, громче всего слышались возгласы, что сражаться надо съ внутренними вра-

гами и защищать населеніе отъ полиціи. Это происшествіе извѣстно подъ именемъ топольскаго бунта. Слѣдствіе о немъ тянулось очень долго. Военно-судная коммиссія, производившая разслѣдованіе причинъ бунта, всячески старалась подвести подкладку династическую и доказать, что бунтъ этотъ былъ возбужденъ сторонниками изгнанныхъ изъ Сербіи Карагеоргіевичей—собственно внука Георгія Чернаго, Петра. Но изъ напечатанныхъ слѣдственныхъ протоколовъ можно вывести, что такое толкованіе было предумышленное и составляло видимую натяжку, чтобы придать болѣе опасное значеніе бунту въ глазахъ князя Милана и всѣхъ обреновцевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ поддержать и министерство. Положительныхъ данныхъ въ пользу такого толкованія слѣдственной коммиссіи нѣтъ; а тѣмъ менѣе могли найтись какія бы то ни было улики противъ Ефрема Марковича, который къ тому же во все это время отсутствовалъ; еслибы были улики, его не замедлили бы арестовать своевременно. Между тѣмъ война кончилась, прошло еще два мѣсяца: февраль и мартъ; въ апрѣлѣ Марковичъ возвратился въ Бѣлградъ и только теперь былъ арестованъ въ гостиницѣ, гдѣ остановился. Отсюда онъ былъ препровожденъ въ Аранжеловацъ, гдѣ и содержался цѣлый мѣсяцъ. Какъ будто нарочно тянули дѣло, чтобы дать возможность созрѣть интригѣ и установиться предубѣжденію, что Марковичъ принадлежитъ къ партіи карагеоргіевцевъ. Слѣдствіе однако ничего противъ него не открыло. Но такъ какъ въ то время, какъ я выше сказалъ, еще держался въ правительственныхъ лицахъ обычай отдѣлываться отъ своихъ враговъ и опасныхъ людей турецкимъ способомъ, то Марковичъ и выставленъ былъ какъ главный участникъ топольскаго бунта и приверженецъ Карагеоргія.

16-го мая 1878 года по Бѣлграду разнеслась вѣсть, что осужденіе замѣшанныхъ въ бунтѣ состоялось. Указывали въ числѣ другихъ на Чумича и Коларца, приговоренныхъ къ смертной казни. Про Ефрема же никто навѣрное не могъ ничего сказать; его участь держалась въ большой тайнѣ. 17-го мая видные граждане Бѣлграда, около 60 человѣкъ и въ томъ числѣ многіе профессора Великой Школы и богатые купцы посавляне подали правительству просьбу о помилованіи отъ смертной казни Чумича и Коларца, но о Марковичѣ умолчали именно потому, что не знали и не думали, чтобъ онъ присужденъ былъ къ разстрѣлянію. 18-го мая совершилась въ Аранжеловцѣ казнь: были разстрѣляны Ефремъ Марковичъ, два батальонныхъ командира, одинъ попъ и трое вліятельныхъ гражданъ. Чумичъ и Коларацъ осуждены на заключеніе. 160 человѣкъ отправлено по крѣпостямъ. Двое изъ послѣднихъ, Георгій Деметровичъ, смедеревскій купецъ и бывшій депутатъ, и Живота Маркичевъ, тоже купецъ, бѣжали изъ Смедерева въ Австрію и впослѣдствіи разсказывали, какъ въ тюрьмѣ выпытывалось отъ заключенныхъ признаніе: для этого на горячія уголья насыпался красный перецъ; отъ дыма заключенные впадали въ нервное оцѣпенѣніе и безсознательно высказывали то, что знали.

Елена Марковичъ, проживавшая въ Бѣлградѣ, слыша о состоявшемся военно-судномъ приговорѣ и не зная навѣрное о мужѣ своемъ, бросилась къ князю Милану, прося на колѣняхъ о помилованіи. Князь отвѣчалъ, что сдѣлаетъ все, что будетъ возможно. Но въ это время приказъ о разстрѣляніи, подписанный княземъ по представленію министерства, безъ вѣдома однако военнаго министра, Саввы Груича, уже летѣлъ по телеграфу въ Аранжеловацъ. Прибывшая туда черезъ два дня Елена застала одну лишь могилу своего мужа въ полѣ, на мѣстѣ казни, выровненную съ поверхностію земли, но посыпанную цвѣтами, которые принесли ночью жители сосѣднихъ селеній.

До сихъ поръ въ Сербіи не знаютъ, за что собственно былъ разстрѣлянъ Ефремъ Марковичъ, такъ какъ никто не вѣритъ тому, въ чемъ правительство открыто обвиняло его и притомъ бездоказательно. Извѣстно только, что онъ былъ человѣкъ сильной воли, храбрый офицеръ, хорошій боевой товарищъ, любилъ хорошо пожить, пользовался общимъ расположеніемъ и въ скупщинѣ держалъ оппозицію министерству. При его выдающихся способностяхъ и видномъ положеніи, онъ дѣйствительно являлся опаснымъ для министерства, тѣмъ болѣе, что смерть брата его Свѣтозара не могла быть имъ забыта. Имущество Ефрема, около 12 тысячъ рублей, послѣ его казни было конфисковано. Елена съ тремя дѣтьми осталась безъ средствъ къ жизни, проживала на родинѣ своего мужа, въ городѣ Ягодинѣ, и доходила до такой бѣдности, что иногда занималась стиркою бѣлья. Мысль о горячо любимомъ мужѣ не покидала ея; года полтора тому назадъ она вырыла изъ позорной могилы останки своего мужа и перенесла ихъ въ родовой склепъ въ Ягодинѣ. Несомнѣнно, что бѣдственная жизнь ея протекала подъ непрестаннымъ давленіемъ скорбной памяти о мужѣ, о томъ, что, по ея убѣжденію, князь не сдержалъ своего слова, обѣщая помилованіе, о скрытныхъ побужденіяхъ министерства, настаивавшаго передъ княземъ на смерти ея мужа, и вообще о всей той недостойной продѣлкѣ личнаго властолюбія, въ жертву которому не затруднились принести человѣческую жизнь. Постоянно замѣчали въ ней возбужденіе и раздраженность. Когда, при вступленіи нынѣшняго министерства въ управленіе, объявлено было всепрощеніе за политическія преступленія, Елена переселилась въ Бѣлградъ и здѣсь привела въ исполненіе задуманную ею месть. Въ сербскихъ церквахъ обыкновенно женщины становятся на возвышеніи у задней стѣны, особо отъ мущинъ. Король, одѣтый въ гражданское платье по-дорожному, проходилъ мимо этого возвышенія, чтобы приложиться къ иконѣ, и въ эту-то минуту раздался выстрѣлъ. Королевская чета поспѣшила вернуться во дворецъ, откуда, черезъ нѣсколько минутъ, король, уже въ парадной формѣ, прибылъ опять въ соборъ на молитву. Между тѣмъ толпа окружила Елену, рвала на ней волосы, платье, наносила ей удары по лицу; жандармы съ трудомъ могли защитить ее отъ народа. Министръ внутреннихъ дѣлъ Гарашанинъ ка-

зался растеряннымъ и какъ будто даже не слыхалъ, что тутъ же рядомъ съ нимъ стоявшіе граждане громко ругали его и все министерство. Единственное лицо, поддержавшее въ эту суматоху какой-нибудь порядокъ, былъ военный министръ Теша Николичъ. Онъ распорядился отвести Елену въ полицію. Провожаемая криками и побоями толпы, Елена увидѣла короля. «Такъ онъ живъ?—воскликнула она.—Будь же проклята и изрублена на куски моя рука за то, что промахнулась!»

Вмѣстѣ съ Еленою арестовали и ея близкихъ знакомыхъ и родныхъ: Кничанку, вдову сына знаменитаго воеводы Кничанина, прославившагося въ 1849 году защитою славянскаго дѣла противъ возставшихъ мадьяръ; Майзнерку, жену библіотекаря; сестру Елены, Витковичку, жену профессора, съ мужемъ ея. Задержаны были также Николай Николичъ, редакторъ газеты *Борьба*, Божидаръ Вучковичъ, сотрудникъ этой газеты, художникъ Марковичъ и купецъ Петръ Мохачанинъ. Въ настоящее время Елена Марковичъ и три другія женщины переведены въ бѣлградскую крѣпость, гдѣ еще цѣлы, построенные при Блазнавцѣ, казематы, о которыхъ сами стражники отзываются съ отвращеніемъ, утверждая, что они такъ тѣсны, что обнимаютъ вплотную заключеннаго, который лишенъ всякаго движенія и долженъ постоянно находиться въ стоячемъ положеніи, какъ бы замуравленный, имѣя подъ ногами зловонную слякоть.

Человѣческій судъ и исторія произнесутъ свой приговоръ по существу совершеннаго Еленою Марковичъ преступленія. Настоящая замѣтка посвящена лишь исторической обрисовкѣ того нравственнаго положенія, въ которомъ находилась Елена подъ двойственнымъ вліяніемъ—семейнаго несчастія и политико-экономической жизни, дѣйствовавшей на общественную среду подъ управленіемъ предшествующаго и теперешняго министерствъ.

Это уже пятое по счету покушеніе на жизнь Милана Обреновича.

Первое было въ Смедеревѣ во время его малолѣтства при регентствѣ Миливая Блазнавца. 10-го іюня 1868 г. были убиты въ Топчидерѣ князь Михаилъ и тетка его Анна. Дочь послѣдней, Екатерина, раненная нѣсколькими пулями, успѣла избѣжать смерти, перепрыгнувъ черезъ высокій дубовый частоколъ звѣринца (кошутняка), гдѣ совершено было убійство. Одинъ изъ заговорщиковъ, Радовановичъ, бросился тотчасъ въ городъ, чтобы захватить сенаторовъ; но Илья Гарашанинъ, предсѣдатель сената, бывшій также въ Топчидерѣ, обогналъ его, благодаря быстротѣ лошадей и, вошедши въ сенатъ, первый сообщилъ присутствующимъ, что князь погибъ. Вслѣдъ за нимъ явился военный министръ Блазнавацъ съ войскомъ и окружилъ зданіе сената. Пришелъ и русскій генеральный консулъ Шишкинъ и, вѣроятно по забывчивости, сѣлъ на кресло, занимаемое всегда княземъ. Блазнавацъ, увидавши его на княжескомъ креслѣ, быстро подошелъ къ нему и съ словами: «не твое здѣсь мѣсто»—почти-что вытолкалъ его изъ сената. Потомъ, вынувши изъ кармана запечатанный

конвертъ, сломалъ печать и предложилъ сенаторамъ немедленно подписать заключавшійся въ конвертѣ актъ избранія на княжескій престолъ малолѣтняго Милана, сына Маріи Обреновичъ, по матери внука Ефрема Обреновича, брата стараго князя Милоша. Гарашанинъ и нѣкоторые сенаторы хотѣли было возражать, но, по знаку Блазнавца, вооруженные солдаты заняли помѣщеніе сената, и съ револьверомъ въ рукѣ Блазнавацъ заставилъ всѣхъ присутствовавшихъ подписать актъ. Немедленно было объявлено осадное положеніе въ Бѣлградѣ, заперта со стороны Австріи сербская граница и начато слѣдствіе.

Заговоръ созрѣвалъ шесть мѣсяцевъ. О немъ многіе знали, зналъ и Блазнавацъ, а потому впередъ подготовился къ тому, чтобы воспользоваться послѣдствіями убіенія князя. Можетъ-быть и самъ Гарашанинъ мечталъ быть княземъ, но Блазнавацъ предупредилъ его. Честолюбивый временщикъ, вышедшій изъ селяковъ деревни Блазнаве, создалъ въ своемъ умѣ широкій и отважный замыселъ достигнуть княжескаго престола Сербіи и прочно сѣсть на немъ. Для этого нужно было устранить навсегда цѣлый рядъ препятствій, чтобы уже послѣ не встрѣчаться съ ними. Вся дѣятельность его клонилась къ этой цѣли. Первый сошелъ съ пути князь Михаилъ. Съ его смертію не оставалось никого въ виду изъ взрослыхъ и извѣстныхъ народу Обреновичей. Малолѣтній и дотолѣ невѣдомый въ Сербіи Миланъ, проживавшій съ матерью въ Парижѣ, казался ему не страшнымъ и долженъ былъ пока до времени служить ему прикрытіемъ.

Послѣ князя Михаила могъ быть претендентомъ на княжескій престолъ Сербіи черногорскій князь Николай, между которымъ и Михаиломъ былъ заключенъ тайный договоръ, въ силу котораго, въ случаѣ бездѣтной смерти князя Михаила, правленіе Сербскимъ княжествомъ должно было перейти къ князю Николаю. Провозглашеніе Милана упраздняло этотъ договоръ и для Блазнавца однимъ препятствіемъ становилось меньше.

Прежде всего нужно было избавиться отъ ближайшихъ опасныхъ людей, которые кое-что знали о попустительствѣ съ его стороны заговорщикамъ, а слѣдовательно могли огласить или разоблачить его замыслы. Послѣ совершившагося переворота разстрѣляно было по приказанію Блазнавца до тридцати человѣкъ. Въ первый же день былъ разстрѣлянъ капитанъ Мерцайловичъ, учившійся военнымъ наукамъ въ Россіи, одинъ изъ честнѣйшихъ и даровитѣйшихъ людей въ Сербіи. Онъ пришелъ, вооруженный револьверомъ, въ канцелярію военнаго штаба, но съ какою цѣлью — осталось неизвѣстнымъ. По приказанію Блазнавца, онъ былъ схваченъ и немедленно разстрѣлянъ. Близъ берега Дуная, подъ стѣною крѣпости, была вырыта для его трупа могила; ставъ на краю своей могилы, Мерцайловичъ сказалъ собравшемуся народу краткую прощальную рѣчь, которую закончилъ словами: «за васъ, братія, умираю; не ждите добра отъ Обреновича и тѣхъ, которые призываютъ его»; потомъ попросилъ закурить

папироску и, докуривъ до половины, отбросилъ въ сторону, соскочилъ въ могилу, досягавшую ему только до пояса, и попросилъ солдатъ цѣлить прямо въ сердце. Раздался залпъ и грудь его была вся пронизана пулями. Тогда же разстрѣляны были на Карабурмѣ Младенъ и Сима Ненадовичи, родные братья княжны Персиды, жены князя Александра Карагеоргіевича, лишеннаго престола Святоандреевскою скупщиною въ 1858 году. Самъ Карагеоргіевичъ съ семействомъ проживалъ за границею, но его родственники въ Сербіи могли быть помѣхою Блазнавцу; ихъ-то и поспѣшилъ онъ устранить съ нѣкоторыми изъ ихъ сторонниковъ. Вскорѣ разстрѣлянъ былъ и третій Ненадовичъ, Свѣтозаръ, бывшій смотрителемъ Топчидерской тюрьмы въ то время, какъ оттуда бѣжалъ Радовановичъ, принявшій участіе въ убійствѣ князя Михаила. Итакъ, на первыхъ же порахъ ближайшій путь былъ очищенъ для дальнѣйшихъ шаговъ Блазнавца.

Нужно было подумать, какъ взять управленіе въ свои руки. Въ виду малолѣтства князя Милана, провозглашено было регентство изъ трехъ лицъ. Во главѣ регентства и войска и предсѣдателемъ сената сталъ самъ Блазнавацъ. Помощниками себѣ онъ взялъ Іована Гавриловича—почтеннаго, добраго, но слабодушнаго старика, который могъ бы привлекать къ правительству расположеніе народное, и Іована Ристича, проживавшаго въ Петербургѣ въ качествѣ представителя Сербіи,—человѣка, который по своему уму, образованію и дипломатической опытности могъ быть полезнымъ въ сношеніяхъ съ иностранными державами. Но въ Бѣлградѣ жилъ тогда Илья Гарашанинъ, человѣкъ народный, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и выше другихъ стоявшій по своему общественному значенію. Главный участникъ всѣхъ важнѣйшихъ переворотовъ въ Сербіи, не разъ занимавшій высшія государственныя должности: министра, предсѣдателя министерства, предсѣдателя сената,—не разъ оставлявшій ихъ для скромной частной жизни и опять возвращавшійся на государственную службу, онъ не задолго передъ тѣмъ былъ уволенъ княземъ Михаиломъ отъ должности предсѣдателя министерскаго совѣта, но продолжалъ оставаться лицомъ наиболѣе сильнымъ какъ по своей долголѣтней государственной дѣятельности, такъ и по заслугамъ, оказаннымъ отечеству, и по любви къ нему народной. Блазнавацъ не желалъ уступить ему первое мѣсто въ регентствѣ, а на второе самъ Гарашанинъ не пошелъ. Итакъ, Блазнавцу и съ этой стороны была обезпечена свобода дѣйствій. Уже устарѣлый и наскучивъ дѣлами, Гарашанинъ удалился на свою мельницу въ Гроцкѣ. Но видно было, что его все-таки опасались: сначала регентство предлагало ему пенсію,—онъ отказался, говоря, что не хочетъ поѣдать даромъ трудовыя народныя деньги. Потомъ стали его тѣснить, предлагали ѣхать за границу,—онъ отвѣчалъ, что его могутъ убить, но что онъ ни за что не оставитъ родной земли. Итакъ, онъ оставался въ Сербіи до конца жизни, не будучи уже помѣхою регентству.

Оставалось заручиться скупщиною. Для этого Блазнавацъ придумалъ измѣнить державный уставъ, польстивши народу нѣкоторыми правами, которыхъ въ этомъ уставѣ, данномъ Портою совмѣстно съ Россіею въ 1838 году, не было. На 11 іюля 1869 года созвана была въ Крагуевцѣ великая скупщина, которая и утвердила новый государственный уставъ, несмотря на то, что во время малолѣтства князя никакія перемѣны въ системѣ правленія не могли быть допущены. Главное, что нужно было Блазнавцу провести въ новомъ уставѣ, это — правило, по которому въ малую или ежегодную скупщину на 90 народныхъ представителей, избираемыхъ на три года, назначалось отъ правительства 30 членовъ, составлявшихъ такимъ образомъ четвертую часть всего состава скупщины. Это было могущественное орудіе въ рукахъ регентства, чтобы руководить народною волею. Оно осталось таковымъ и до сихъ поръ, какъ показали послѣднія скупщины, утверждавшія согласно съ правительствомъ все, что только ему было угодно.

Наконецъ необходимо было предупредить опасность со стороны Александра Карагеоргіевича и его дѣтей, которые могли предъявить свои права на сербскій престолъ и, оспаривая его у Милана, преградить путь къ нему и самому Блазнавцу. Съ этою цѣлью Блазнавацъ настойчиво, хотя и несправедливо, выставлялъ убійство князя Михаила дѣломъ карагеоргіевцевъ и успѣлъ ввести въ новый государственный уставъ параграфъ, въ силу котораго домъ Карагеоргія навсегда лишался сербскаго престола и изгонялся изъ Сербіи.

Такимъ образомъ все, что грозило опасностію, помѣхою или соперничествомъ вблизи и вдали, было устранено. Но Блазнавацъ не ограничился этимъ; онъ хотѣлъ закрѣпить за собою какое-нибудь положительное право на сербскій престолъ. Чрезвычайно красивый собою, хотя и нѣсколько суровой наружности, высокаго и стройнаго роста, съ большими выразительными глазами и правильными чертами лица, Блазнавацъ вскорѣ снискалъ расположеніе Екатерины, приходившейся двоюродною сестрою князю Михаилу. Потерявши мать, сама чудеснымъ образомъ спасшись отъ смерти, она охотно отдала ему руку и сердце—послѣднее, впрочемъ, не надолго. Когда сдѣлалась она беременною, то Блазнавацъ уже воображалъ себя княземъ по выбору народному, или по меньшей мѣрѣ несмѣнным и полновластнымъ правителемъ государства въ качествѣ опекуна будущаго своего дѣтища, которое, какъ происходящее по матери изъ рода Обреновичей, имѣло право княжить въ Сербіи. Предвидя такой благопріятный исходъ, Блазнавацъ, на случай рожденія дочери, ввелъ въ новомъ государственномъ уставѣ право на княженіе и лицамъ женскаго пола изъ дома Обреновичей.

Теперь уже самъ Миланъ оказался препятствіемъ. Наступила пора отстранить и это послѣднее препятствіе. Приходило къ концу его прежнее назначеніе—служить прикрытіемъ честолюбивымъ замысламъ регента. И

вотъ въ 1870 году Блазнавацъ приглашаетъ его проѣхаться по ближайшимъ округамъ. Пріѣзжаютъ въ Смедерево, останавливаются въ гостиницѣ Льва. Къ этому времени въ одномъ изъ отдаленныхъ помѣщеній гостиницы, куда предполагалось, непремѣнно зайдетъ Миланъ, были подпилены двѣ или три половицы, — и когда вошелъ туда Миланъ, доски обрушились подъ его ногами. По разсказамъ однихъ, падая въ яму, онъ удержался на перекладинахъ, а такъ какъ носилъ при себѣ всегда револьверъ, то выстрѣломъ далъ о себѣ знать. По словамъ же другихъ, когда подъ нимъ провалился полъ, сопутствовавшій ему слуга успѣлъ ухватить его и не далъ упасть въ яму.

Второе покушеніе на жизнь Милана происходило вскорѣ затѣмъ на охотѣ. Были подкуплены два селяка и посажены въ лѣсу, въ засаду, съ тѣмъ, что когда на ближайшей полянѣ покажется князь Миланъ, то чтобы стрѣляли въ него. Дѣйствительно, случилось такъ, что Миланъ, отдѣлясь отъ охоты, одинъ вышелъ на поляну; но такъ какъ шумъ охоты слышался еще вдалекѣ и притомъ на князѣ было надѣто весьма простое платье, то селяки сочли его за служителя и, выйдя изъ засады, стали спрашивать, скоро ли направится въ эту сторону охота и въ какомъ мѣстѣ находится князь. Этого было достаточно, чтобы Миланъ прекратилъ охоту и поспѣшилъ воротиться домой.

Третье покушеніе противъ него было устроено на улицѣ, по которой онъ долженъ былъ возвращаться изъ театра. На мостовой зарыта была бомба съ длиннымъ фителемъ, который долженъ былъ воспламенить бомбу по разсчету времени. Но бомба разорвалась нѣсколькими минутами позже. Взрывъ былъ такъ силенъ, что ближайшія каштановыя деревья были поломаны. Отыскался виновный, какой-то чиновникъ, кажется, Цукичъ. Когда на слѣдствіи онъ уже готовъ былъ произнести имя подкупившаго его Блазнавца, ему зажали ротъ и тотчасъ увели его, а потомъ на казенный счетъ выслали за границу. Этотъ чиновникъ впослѣдствіи говорилъ, что ему жаль было князя и что онъ нарочно взорвалъ бомбу не во время, но что это не помѣшало ему пожить весело на чужой счетъ.

Четвертое покушеніе готовилось въ домѣ самого Блазнавца. Послѣ совершеннолѣтія князя Милана и упраздненія регентства, Блазнавацъ оставался главою министерства. Однажды онъ пригласилъ князя къ себѣ вечеромъ на чашку кофе. Екатерина, сблизившаяся до того времени съ княземъ Миланомъ, предупредила его, чтобъ онъ не пилъ кофе. Въ назначенный часъ Миланъ пришелъ къ Блазнавцу, взявши съ собою нѣсколькихъ гвардейцевъ, которые остановились у крыльца. Подали кофе. Князь спрашиваетъ Блазнавца: «на короткій или долгій срокъ ты разсчелъ мнѣ этотъ напитокъ?» Видя, что все уже извѣстно князю, Блазнавацъ отвѣчалъ: «на долгій».—«Ну, такъ выпей самъ,—сказалъ князь,— но только передѣлай для себя на короткій». Блазнавацъ хотѣлъ было сопротивляться, но Миланъ, направляя противъ него дуло револьвера, объяснилъ, что сопротивленіе его будетъ безполезно, потому что за две-

рями стоятъ гвардейцы. Когда Блазнавацъ выпилъ кофе, князь удалился, а на другой день утромъ, 5 апрѣля 1873 года, было объявлено, что Блазнавацъ умеръ отъ дифтерита. По разсказамъ другихъ, Екатерина извѣстила Милана, что на столѣ у мужа своего она замѣтила стклянку съ подозрительною жидкостію и что предвидитъ недоброе. Миланъ, въ сопровожденіи гвардейцевъ, пришелъ неожиданно къ Блазнавцу и спросилъ его, какого рода жидкость и для чего бережетъ онъ у себя. Блазнавацъ заперся. Тогда Миланъ самъ сдѣлалъ обыскъ и нашелъ стклянку. На вопросъ: «что въ ней?» — Блазнавацъ отвѣчалъ, что это безвредное лѣкарство. Принужденный выпить, онъ умеръ въ ту же ночь.

Покушеніе Елены Марковичъ, какъ каждый можетъ видѣть, имѣло совсѣмъ иной источникъ. Что тутъ не могло быть никакого заговора и участія политическихъ партій, на которыя распадается сербское общество,— въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Самъ король, при пріемѣ поздравленій, выразился въ этомъ смыслѣ. Здѣсь дѣйствовала ея единичная воля. Принимая иностранныхъ представителей, король Миланъ говорилъ, что онъ понимаетъ душевное возбужденіе Елены Марковичъ, потерявшей мужа и повергнутой въ нищету, но что поправить дѣло теперь было уже невозможно. Сама Елена, по ея словамъ, метила не одному королю, но въ лицѣ его и тѣмъ, кто несправедливо погубили ея мужа, прикрываясь особою короля. Вотъ гдѣ урокъ министрамъ, которые не щадили человѣческой жизни изъ узкаго властолюбія и прибѣгали къ недозволительному въ благоустроенномъ и развитомъ обществѣ способу борьбы и устраненія неугодныхъ имъ людей изъ-за личныхъ видовъ.

Но не такое ли же возбужденіе умовъ производитъ и нынѣшнее министерство, добиваясь выполненія своихъ политическихъ цѣлей, идущихъ въ разрѣзъ съ государственными выгодами и пользами сербскаго народа и даже положеніемъ самого короля? Уже не разъ въ печати прозвучало слово «государственный переворотъ». Австрійскія газеты, въ сочиняемыхъ ими, по указаніямъ правительства, корреспонденціяхъ, готовы въ покушеніи Елены Марковичъ видѣть заговоръ цѣлой партіи,—слѣдовательно, дѣйствіе современныхъ причинъ. Замѣчательно, что при постоянной конфискаціи сербскимъ правительствомъ тѣхъ нумеровъ русскихъ газетъ, гдѣ помѣщены неблагопріятные о немъ отзывы, нумера двухъ русскихъ газетъ, въ которыхъ говорилось о возможности государственнаго переворота въ Сербіи, пропущены и свободно обращаются въ народѣ. А эти тысяча человѣкъ охраны, настолько ненавистные народу, что двое изъ нихъ уже убиты,—къ чему они? Не къ тому ли, чтобы въ случаѣ переворота послужить надежнымъ орудіемъ въ рукахъ министерства или одного Гарашанина исключительно? Если справедливы приписываемыя королю Милану слова, что настоящее положеніе дѣлъ не можетъ продолжаться, то нельзя не признать, что они безусловно вѣрны. Король Миланъ стоитъ на распутіи: или онъ долженъ воротиться къ своему народу, минуя всѣ партіи—и либераловъ, и прогрессистовъ, и радикаловъ,—какъ порознь

шіяся съ народомъ, и прибѣгнуть къ другимъ людямъ, которые сохранили въ себѣ тѣсную нравственную связь съ народомъ,—или окончательно отдаться въ руки Австріи, управлять Сербіей при содѣйствіи графа Кевенгюлера и подъ охраною австрійскаго войска. Но, благодаря своей политикѣ съ 1878 года, слишкомъ далеко завлеченный въ австрійскія сѣти, если онъ повернется теперь къ народу, то не избѣгнетъ переворота, который устроитъ ему Австрія, столь искусная на всякія козни; если же онъ окончательно отдастся Австріи, то не вытерпитъ того сербскій народъ, нисколько не расположенный вступить въ косвенное подданство Австріи и уже готовый мысленно къ борьбѣ въ ожиданіи событій. Въ томъ и другомъ случаѣ Австрія давно заручилась готовымъ претендентомъ на сербскій престолъ—Петромъ Карагеоргіевичемъ.

Было бы ошибкой предполагать о непремѣнной склонности князя Петра къ Австріи. Ни его чувствъ, ни его мыслей угадать нельзя; можно думать, что, наученный опытомъ, онъ съумѣетъ удержаться на серединѣ. Въ послѣднее боснійское возстаніе онъ издержалъ все свое состояніе на народное дѣло; онъ писалъ князю Милану примирительное посланіе, въ которомъ навсегда отдавалъ себя въ его подчиненіе, лишь бы общими усиліями достигнуть освобожденія и возсоединенія Босніи съ Сербіей. Князь Миланъ оставилъ его письмо безъ отвѣта. Неизвѣстно, съ какою цѣлью пробирался онъ въ Крагуевацъ во время скупщины; но во всякомъ случаѣ переворотъ, сдѣланный имъ тогда тайно отъ Австріи, былъ бы лучше будущаго переворота съ ея участіемъ. За то австрійское правительство и интернировало его въ Вѣнѣ, гдѣ онъ теперь существуетъ, при недостаткѣ средствъ, личнымъ трудомъ. Если въ случаѣ переворота въ Сербіи Австрія поддержитъ его кандидатуру, то можно быть впередъ увѣреннымъ, что она продастъ ему свое содѣйствіе за дорогую цѣну и, конечно, въ ущербъ политической и торгово-промышленной самостоятельности Сербіи. Она не выпуститъ его даромъ изъ своихъ рукъ, грозя имъ и теперь издали королю Милану и обреновцамъ.

Нельзя не пожалѣть, что прежняя русская дипломатія, которая обязана была знать все, что относилось до Карагеоргіевичей, не обратила должнаго вниманія на князя Петра. Если Несторы дипломатіи признавали по своимъ соображеніямъ, что Россія должна, вопреки своей исторіи и прежней политики, отказаться отъ нравственной связи съ Сербіей и предоставить ее самой барахтаться однѣми своими силами въ сферѣ австрійскаго вліянія; то цѣлая Россія и ея новѣйшая дипломатія не обязаны слѣдовать личному усмотрѣнію Несторовъ. Привлеченіе во-время въ Россію семейства Карагеоргіевича или хотя бы одного князя Петра отняло бы у Австріи одно изъ орудій, которымъ она такъ недобросовѣстно оказываетъ давленіе на Сербію, и дало бы послѣдней возможность свободнѣе жить, думать и дѣйствовать.

А. Майковъ.

ХРОНИКА ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

ДИПЛОМАТІЯ И НАРОДЪ.

Было время, когда послѣдовательные охранители нашей національной самобытности лучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли считали полную замкнутость страны отъ иностранцевъ. Правда, такое воззрѣніе господствовало въ особенно тяжелую для русскаго народа эпоху его исторіи. Татарскій погромъ остановилъ правильное развитіе страны и въ экономическомъ, и въ духовномъ отношеніи. Уже возникшее до татарскаго нашествія стремленіе къ *единодержавію* приняло особый характеръ и выступило на первый планъ, отодвигая или окончательно устраняя другія потребности, другіе интересы народа. На мысль русскаго человѣка, на личность гражданина Русской земли стали накладываться приказныя и крѣпостническія колодки. Новгородецъ и кіевлянинъ не боялись вступать въ сношенія съ иностранцами, какъ торговыя, такъ и политическія. Великій Новгородъ, конечно, не утратилъ своей самобытности отъ того, что былъ однимъ изъ главнѣйшихъ членовъ Ганзейскаго союза. Не потерялъ этой самобытности и весь русскій народъ, принявши христіанство отъ Византіи. Нисколько не отрицая глубокаго вліянія православія, нельзя при этомъ не указать на то, что православная вѣра составляетъ не отличительный признакъ нашей духовной самостоятельности, а существенный признакъ нашего сходства съ народами, раньше или позже насъ принявшими православіе.

Но въ XVII вѣкѣ московскіе люди смотрѣли на иноземцевъ не такъ, какъ смотрѣли на нихъ новгородцы или кіевляне удѣльно-вѣчевой Руси. Приходилось, конечно, торговать съ «нѣмцами», но и торговля эта была обставлена значительными затрудненіями, которыя иногда оправдывались соображеніями дѣйствительно здравой политики, въ другихъ случаяхъ служили или фискальнымъ цѣлямъ, или народнымъ предразсудкамъ. Нужно замѣтить, впрочемъ, что эти предразсудки по большей части составляли характерный признакъ міровоззрѣнія высшихъ, правившихъ клас-

совъ населенія, народъ же нашъ въ узкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. крестьяне, и до настоящаго времени отличается широкою вѣротерпимостью.

Приходилось Московскому государству вступать и въ дипломатическія сношенія, цѣлью которыхъ были или политическіе союзы, или торговые договоры. Но «дипломатическіе пріемы московскихъ бояръ часто повергали въ отчаяніе иностранныхъ пословъ, особенно тѣхъ, которые хотѣли вести дѣло прямо и добросовѣстно. Они горько жалуются на двуличность и безцеремонность московскихъ дипломатовъ, на ихъ непостоянство и легкость, съ которою они давали и нарушали обѣщанія. Чтобы не попасть въ ихъ сѣти, недостаточно было увѣриться, что они лгутъ,—надо было еще рѣшить, куда мѣтитъ эта ложь, что̀ о ней подумать. Если ихъ уличали во лжи, они не краснѣли и на упреки отвѣчали усмѣшкой» *).

Съ того времени, когда иностранные послы возмущались лживою изворотливостью московскихъ бояръ, русская дипломатія утратила многія изъ *самобытныхъ* и крайне прискорбныхъ своихъ свойствъ. На обѣщанія нашихъ государственныхъ людей теперь можно полагаться во многихъ случаяхъ, и лгутъ, не краснѣя, наши дипломаты XIX вѣка немногимъ, надо думать, чаще, чѣмъ дипломаты Запада. Но если дипломатическія *обѣщанія* стали достовѣрнѣе, то сдѣлались ли они болѣе разумными, болѣе соотвѣтствующими потребностямъ русскаго народа?

Давно уже въ нашемъ обществѣ слышатся жалобы на личный составъ русскихъ посольствъ и консульствъ. Наши представители за границею, помимо счастливыхъ и очень рѣдкихъ исключеній, не могутъ идти въ сравненіе съ дипломатическими представителями западно-европейскихъ державъ или Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Обратиться по какому-либо дѣлу за содѣйствіемъ или совѣтомъ въ русское посольство всего труднѣе русскому человѣку (я чуть было не написалъ—гражданину). Свѣдѣнія о состояніи той страны, въ которой находится представитель Россійской имперіи,—свѣдѣнія важныя и въ промышленномъ, и въ военномъ отношеніи,—русскіе послы, посланники и консулы получаютъ изъ источниковъ отчасти или вполнѣ неблагонадежныхъ. Нерѣдко они разыгрываютъ изъ себя не представителей великаго народа, а посланниковъ той или другой придворной партіи, и оказываютъ скрытое (иногда и явное) противодѣйствіе общей иностранной политикѣ русскаго правительства. Особенно выдающіеся въ этомъ отношеніи дипломаты, передъ которыми, по наивности, преклоняются нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ, доходятъ до того, что своею дѣятельностью въ значительной степени вредятъ русскимъ интересамъ. Какъ не подивиться, напримѣръ, искусству и самостоятельности дипломата, представлявшаго наше государство въ стра-

---

*) *В. О. Ключевскій:* „Сказаніе иностранцевъ о Московскомъ государствѣ, стр. 56.

нѣ, населенной на половину славянами, когда дипломату этому удалось возстановить противъ себя всѣхъ вождей родственныхъ намъ племенъ и снискать полнѣйшее одобреніе враждебной намъ стороны?!

Нужно замѣтить, что указанные недостатки въ организаціи нашего представительства при иностранныхъ державахъ находятся въ зависимости отъ общихъ недостатковъ нашего строя, отъ бюрократическихъ колодокъ петербургскаго періода нашей исторіи, смѣнившихъ приказныя колодки Московскаго государства. Всякому понятна живая связь внутренней политики и международныхъ отношеній: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ рѣшающее значеніе имѣютъ одни и тѣ же главные факторы. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно (къ сожалѣнію), чтобы государство руководилось въ сношеніяхъ съ другими странами одинаковыми принципами съ принципами внутренней политики, и этотъ разладъ нерѣдко давалъ и продолжаетъ давать поводъ къ недоразумѣніямъ, разъяснить которыя небезполезно.

Христіанская Европа отреклась отъ того воззрѣнія, которое проводило рѣзкую грань между людьми различныхъ племенъ. Равенство *человѣка съ человѣкомъ* составляетъ не только убѣжденіе филантроповъ, но и побѣдоносно дѣйствующее практическое начало, передъ которымъ пало крѣпостное право въ Россіи и рабство въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Однако пренебреженіе къ тому или другому *племени* со стороны членовъ расы, считающихъ послѣднюю во всѣхъ или многихъ отношеніяхъ высшею, до настоящаго времени не умерло въ Европѣ. Такое пренебреженіе или презрѣніе можно наблюдать, напримѣръ, въ отношеніяхъ англичанъ къ ирландцамъ, которые платятъ за это глубокою ненавистью къ Англіи.

Государства новаго міра, построенныя, главнымъ образомъ, на національномъ началѣ, находятся на различныхъ ступеняхъ культуры. Ихъ интересы, несмотря на успѣхи просвѣщенія и на смягченіе нравовъ, остаются во многихъ случаяхъ обособленными, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и прямо враждебными. Вопросы сбыта продуктовъ фабричной промышленности и полученія сырья играютъ теперь выдающуюся роль, и значеніе этихъ вопросовъ для международныхъ отношеній изъ году въ годъ усиливается. Между государствами происходитъ истинная борьба за существованіе и каждое изъ нихъ стремится обезпечить рынокъ для своихъ фабрично-заводскихъ произведеній. Участь маленькихъ государствъ въ этомъ случаѣ напоминаетъ участь маленькихъ капиталистовъ при соперничествѣ послѣднихъ съ крупными капиталистами: они должны или пасть въ борьбѣ, или до извѣстной степени подчиниться болѣе сильному сопернику.

Въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего утѣшительнаго, но его нельзя оставлять безъ вниманія.

Станемъ теперь на чисто національную точку зрѣнія, на которую такъ любятъ становиться сторонники бездѣйствія въ международныхъ сноше-

ніяхъ. Національна ли внѣшняя политика Великобританіи?... Этотъ вопросъ можетъ вызвать улыбку у каждаго, кто слѣдилъ, хоть только по газетамъ, за исторіей послѣдняго времени. Смѣнялись господствующія партіи въ парламентѣ, измѣнялось общественное мнѣніе по отношенію къ вождямъ тори или виговъ, но и при Гладстонѣ, какъ при Биконсфильдѣ, иностранная политика въ Англіи остается въ существенныхъ чертахъ одна и та же. Если прежде у Турціи ловко отобрали Кипръ, то теперь еще болѣе ловко отбираютъ гораздо болѣе лакомый кусокъ—Египетъ. Кто протестуетъ (въ самой Великобританіи, конечно) противъ этихъ захватовъ?—Отдѣльныя лица, какъ Джонъ Брайтъ, а громадное большинство и виговъ, и тори рукоплещетъ блестящимъ успѣхамъ англійскихъ войскъ и англійской дипломатіи.

Если британцы распоряжаются, какъ хозяева, въ странѣ фараоновъ, то французы дѣлаютъ то же самое въ Тунисѣ, австрійцы—въ Босніи и Герцеговинѣ, и т. д. Повторяемъ: хищничество остается хищничествомъ, и несправедливые захваты могутъ объясняться, а не оправдываться. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ крупныхъ хищниковъ и не думаетъ оправдываться, вполнѣ довольствуясь объясненіями, предоставляя объясняться и другимъ хищникамъ, захватившимъ добычу въ иномъ мѣстѣ.

Естественно поэтому, что, съ національной точки зрѣнія, на правительствѣ каждаго народа лежитъ прямая обязанность обезпечить за этимъ народомъ выгодныя условія для соперничества съ сосѣдями—конечно, въ промышленномъ отношеніи, ибо въ области духовнаго развитія народы только выигрываютъ, свободно обмѣниваясь произведеніями своей мысли и воображенія. Торговые интересы, соединяясь съ тѣмъ чувствомъ племенного и культурнаго превосходства, о которомъ мы упомянули выше, ведутъ къ тому, что правительство либеральное дома отличается деспотическими пріемами въ международныхъ отношеніяхъ и, наоборотъ, правительство, враждебное либеральному движенію въ собственной странѣ, поощряетъ революціонныя движенія у своихъ сосѣдей.

Каково же будетъ въ этой борьбѣ за существованіе положеніе государства, правительство котораго пожелаетъ руководиться въ своихъ отношеніяхъ съ другими державами не историческими интересами народа, а вѣчными принципами нравственности?—Оно напомнитъ, разумѣется, положеніе человѣка, на котораго нападаютъ вооруженные разбойники и который бросаетъ собственное оружіе, обращаясь къ нападающимъ съ словами любви и справедливости. Бывали случаи, когда подобное обращеніе поражало заснувшую совѣсть разбойника, но никто не станетъ отрицать за каждымъ человѣкомъ права самообороны. Невозможно отрицать этого права и за государствомъ, а дипломатія именно и должна служить народной самооборонѣ—или устраняя необходимость вооруженнаго столкновенія съ другимъ государствомъ, или создавая благопріятныя условія для этого столкновенія.

Было бы несправедливостью отрицать, что иногда то или другое государство руководствуется въ своей международной политикѣ не исключительно промышленными интересами. Оставляя въ сторонѣ династическія соображенія, которыя, ко вреду народовъ, рѣшали вопросы о войнѣ или мирѣ, упомянемъ о религіозныхъ войнахъ,—надо надѣяться, сдѣлавшихся въ Европѣ и Америкѣ невозвратнымъ достояніемъ прошлаго,—о войнахъ за идею, которыя велились, напримѣръ, первою Французскою республикой, наконецъ о войнахъ, въ основѣ которыхъ лежалъ національный принципъ, сочувствіе къ родственному племени, стремленіе объединиться съ нимъ. Изъ «Замѣтокъ о русской и нѣмецкой восточной политикѣ въ связи съ славянскимъ вопросомъ», хвалить которыя намъ мѣшаетъ то обстоятельство, что эти статьи появились также на страницахъ *Русской Мысли*, ясно видно, какъ переплетаются національныя идеи съ промышленными интересами, какая сложная и необычайно важная борьба завязалась на Балканскомъ полуостровѣ между Россіей и Габсбургскою монархіей, которую поощряетъ и поддерживаетъ Германія.

Нашлись политики, которые нисколько не огорчаются тѣмъ, что Россія утратила на Востокѣ свое прежнее вліяніе, которые не безъ добродушной серьезности совѣтуютъ уступить славянъ Балканскаго полуострова благодѣтельному покровительству Австро-Венгріи. Читателямъ *Русской Мысли* извѣстно, что Австрія не прочь разыграть роль *монархической Швейцаріи*. Но дѣйствительно ли для русскаго народа безразлична участь Болгаріи, Сербіи, Черногоріи?

Мы не будемъ говорить о духовной связи съ этими племенами. Эта связь одними крайне преувеличивается, другими совершенно неосновательно отрицается. Не будемъ говорить о ней потому, что поставимъ вопросъ на точку зрѣнія интересовъ исключительно русскаго народа.

По нашему мнѣнію, невозможно отрицать той выгоды, которую предоставило бы Россіи обладаніе проливами изъ Чернаго моря въ Средиземное. Если Англіи позволительно занять Египетъ, отчего же будетъ преступленіемъ съ нашей стороны занять Константинополь? Если расширять рынки для отечественной промышленности — прямая обязанность всякаго правительства, то почему же русское правительство должно отказаться отъ подобныхъ стремленій на Балканскомъ полуостровѣ?

Обратимъ вниманіе на то значеніе, которое имѣетъ славянская политика Россіи для внутренней жизни нашего государства. Мы говорили уже о томъ, что страна съ либеральными учрежденіями можетъ деспотически распоряжаться съ иностранными государствами и съ неродственными племенами, и наоборотъ. Но такой образъ дѣйствій не проходитъ безслѣдно для внутренней жизни народа, въ глубинѣ котораго непрерывно совершается ростъ самосознанія. Если государство злоупотребляетъ своею силой, если оно пригнетаетъ другіе народы въ эгоистическихъ національныхъ цѣляхъ, то у націи, составляющей господствующее (или единствен-

ное) племя въ этомъ государствѣ, либо раскрываются глаза, либо въ жертву корыстнымъ разсчетамъ, промышленному обогащенію она приноситъ и свою внутреннюю свободу, и свое міровое значеніе, какъ носительницы просвѣщенія, высшихъ интересовъ человѣчества. И, наоборотъ, освободительная политика государства по отношенію къ другимъ племенамъ (въ особенности родственнымъ) ведетъ къ тому, что подобныя же стремленія зарождаются и крѣпнутъ внутри государства, потому что сознающій свое достоинство народъ употребитъ всѣ усилія, чтобъ избѣгнуть упрека: врачу, исцѣлися самъ! Наши добрые сосѣди нѣмцы любезно совѣтуютъ намъ заняться исключительно соперничествомъ съ англичанами въ Туркестанѣ, Афганистанѣ, Персіи, Малой Азіи и Китаѣ; но въ Россіи и безъ того слишкомъ много Азіи, и безучастіе ея въ вопросахъ европейскихъ поведетъ насъ къ оскудѣнію и въ экономическомъ, и въ политическомъ, и вообще въ культурномъ отношеніи.

Намъ необходимо, наоборотъ, неотступно слѣдить за faits et gestes западно-европейскихъ сосѣдей, за махинаціями честнаго маклера, за федеральными стремленіями Австріи, которая можетъ лишить всякаго смысла нашу славянскую миссію, если врачъ своевременно не исцѣлится. Съ такимъ же напряженнымъ вниманіемъ должны мы слѣдить за внутреннею жизнью болѣе насъ просвѣщенныхъ народовъ, чтобы во-время воспользоваться результатами ихъ усилій, чтобы претворить завоеванія европейской науки и искусства въ составныя части собственнаго просвѣщенія, чтобы самобытность русскаго народа не была самобытностью Китая, постыдной неподвижностью и тупымъ самодовольствіемъ.

Къ сожалѣнію, народы Запада въ настоящее время, въ особенности въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, представляютъ много печальнаго. Не будемъ говорить о враждебномъ настроеніи нѣмцевъ и французовъ другъ къ другу. Эта вражда и даже ненависть подтверждается многими фактами и составляетъ печальное наслѣдіе несправедливаго отторженія отъ Франціи части Лотарингіи и Эльзаса. Ненависть къ Германіи, правильнѣе— къ Пруссіи, къ господствующему въ ней милитаризму, ясно чувствуется въ сочиненіяхъ даже такихъ спокойныхъ мыслителей, какъ Ренанъ. Что въ Германіи ненавидятъ французовъ, это утверждаютъ не политическіе только дѣятели, но и совершенно безпристрастные наблюдатели. И французы не сомнѣваются въ этомъ. Такъ недавно Адольфъ Франкъ, въ письмѣ по еврейскому вопросу къ редактору *Лѣтописей христіанской философіи* (Annales de philosophie chrétienne, octobre 1882) говоритъ, что расовая ненависть особенно сильна въ Германіи, гдѣ ненавидятъ французовъ, ненавидятъ славянъ и семитовъ.

Взаимныя отношенія французовъ и итальянцевъ за послѣднее время немногимъ лучше отношеній между первыми и ихъ прирейнскими сосѣдями. Старое недовольство за вынужденную Наполеономъ III уступку Ниццы и Савойи, за противодѣйствіе занятію Рима и объединенію Италіи

усилилось въ послѣднее время, благодаря столкновенію французскихъ и итальянскихъ интересовъ въ Тунисѣ. Грубая борьба за существованіе разъединяетъ два родственныя и просвѣщенныя племени. Теперь во французской печати нерѣдко слышится рѣзкое осужденіе либераламъ, которые настойчиво добивались содѣйствія Франціи къ освобожденію Италіи отъ австрійскаго ига и къ объединенію маленькихъ государствъ Аппенинскаго полуострова въ одно государство подъ управленіемъ савойскаго дома. Огюстъ Браше въ брошюрѣ, озаглавленной: «Италія, которую видятъ, и Италія, которую не видятъ» («L'Italie qu'on voit et l'Italie qu'on ne voit pas»), приводитъ поразительные факты проявленія ненависти къ французамъ со стороны итальянцевъ. Въ школахъ, въ университетахъ, въ печати, въ дипломатіи отражается эта вражда, принимая самыя разнообразныя формы. Нѣкоторые органы французской печати видятъ въ этомъ честолюбивые разсчеты: Италія стремится къ гегемоніи надъ латинскими расами; она желаетъ разыграть по отношенію къ Франціи ту же роль, какую разыграла Пруссія по отношенію къ Австріи. И подобныя предположенія вызываютъ злые сарказмы, на которые такъ способенъ французъ.

На упомянутую брошюру Браше отвѣчалъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся итальянскихъ общественныхъ дѣятелей, Криспи. Надобно замѣтить, что Криспи состоитъ почетнымъ президентомъ общества, носящаго многознаменательное имя «Сицилійской Вечерни» (Vespro Siciliano). Въ своемъ отвѣтѣ онъ старался опровергнуть обвиненія итальянцевъ въ упорной и систематической ненависти къ французамъ. Тогда Браше напечаталъ новую брошюру, подтверждая все, сказанное имъ прежде. Эта брошюра заключаетъ въ себѣ много горькихъ выходокъ и, конечно, не въ состояніи содѣйствовать смягченію ненависти между двумя латинскими племенами.

Итальянцы,—говоритъ Браше,—самодовольно толкуютъ о своей дружбѣ съ Германіей. Посмотримъ, какъ отзываются нѣмцы объ итальянцахъ. И рядомъ выписокъ изъ нѣмецкихъ писателей Браше доказываетъ, что tedeschi весьма невысокаго мнѣнія о своихъ новѣйшихъ друзьяхъ. Мы не будемъ, конечно, приводить выписокъ изъ сочиненій Моммзена, Шопенгауэра и другихъ писателей, невыгодно и даже презрительно отзывавшихся о способностяхъ итальянскаго народа и въ особенности объ его нравственныхъ качествахъ. Мы упомянули объ этой полемикѣ какъ о печальномъ признакѣ враждебнаго настроенія между значительною, по крайней мѣрѣ, частью итальянскаго и французскаго общества,—настроенія, которое едва ли не въ одинаковой степени вредно отражается на дѣйствительныхъ интересахъ той и другой стороны. Спѣшимъ оговориться: невозможно отрицать, что промышленные интересы Франціи и Италіи, въ Тунисѣ, напримѣръ, трудно согласимы.

Гдѣ же выходъ изъ такого положенія? Какія же средства должна употребить дипломатія, чтобы смягчить и наконецъ прекратить это соперни-

чество между народами?—По нашему мнѣнію, лучшая политика есть та, которая прежде и больше всего заботится о распространеніи народнаго образованія и о развитіи либеральныхъ учрежденій. Просвѣщеніе вооружаетъ народъ средствами для мирнаго соперничества съ близкими и отдаленными сосѣдями въ области промышленности и торговли. Просвѣщеніе и либеральныя учрежденія подымаютъ въ народѣ сознаніе собственнаго достоинства и уваженіе къ другимъ народамъ. Каждая побѣда надъ предразсудкомъ или суевѣріемъ, каждая новая школа вѣрнѣе приближаютъ насъ къ разоруженію, къ освобожденію отъ гнета милитаризма, чѣмъ самый искусный дипломатическій договоръ. Естественно поэтому, какой глубокій интересъ возбуждаютъ усилія страны, съ особеннымъ увлеченіемъ и настойчивостью занявшейся теперь святымъ дѣломъ народнаго образованія. Мы говоримъ о Франціи.

Въ одной изъ осеннихъ книжекъ *Новаго Обозрѣнія* (La nouvelle Revue, octobre 1882) помѣщена интересная статья Жоржа Ренара о преобразованіи народнаго обученія во Франціи и о послѣдствіяхъ этого преобразованія. Бываютъ въ жизни народа событія,—говоритъ названный писатель,—полныя блеска и шума, какъ выигранное или проигранное сраженіе, какъ паденіе королевской власти или сильнаго министра. Такія событія всего болѣе поражаютъ людей, обыкновенно не вдумывающихся въ смыслъ совершающагося. Другія событія проходятъ сравнительно мало замѣченными. Они совершаются, глубоко измѣняя самыя основы народной жизни и являясь сами результатомъ долгой и трудной работы. Подобныя событія происходятъ на нашихъ глазахъ: Франція преобразуетъ и совершенствуетъ свою систему народнаго обученія.

Несмотря на ожесточенное противодѣйствіе, на множество разнообразныхъ затрудненій, три великія цѣли,—говоритъ Ренаръ,—уже достигнуты. Первоначальное обученіе, во-первыхъ, сдѣлалось обязательнымъ и безплатнымъ. Не будетъ болѣе дѣтей, осужденныхъ на невѣжество, запрещено преступленіе противъ будущаго (crime de lèse—avenir). Во-вторыхъ, школа отдѣлена отъ церкви, семьѣ возвращена подобающая ей свобода, торжественно признанъ принципъ свободы совѣсти. Наконецъ, образованіе женщины привлекло къ себѣ вниманіе правительства, понявшаго, что лучшее средство воспитать человѣка состоитъ въ томъ, чтобы дать образованіе будущей матери.

Недалеко то время,—продолжаетъ Ренаръ,—когда умѣнье читать было рѣдкостью во французскихъ деревняхъ. Лѣтъ пятнадцать-двадцать тому назадъ, не въ особенно большомъ разстояніи отъ Парижа, въ деревнѣ попадались альманахи, изъ которыхъ узнавали, когда будетъ и не будетъ луна,—нѣсколько фельетонныхъ романовъ, составляющихъ въ европейскомъ обществѣ то же, чѣмъ является опіумъ для китайцевъ,—наконецъ, двѣ-три газеты съ блѣдною окраской, почти безъ политическихъ статей. Теперь произошла огромная перемѣна. Газета проникаетъ въ глухіе за-

коулки, повсюду возбуждаетъ интересъ къ общественнымъ дѣламъ, сознаніе связи каждой маленькой деревушки съ великимъ государственнымъ цѣлымъ. Это цѣлое, это государство до сихъ поръ еще представляется французскому крестьянину какимъ-то фетишемъ, заслуживающимъ суевѣрнаго поклоненія и способнымъ сдѣлать все доброе и все злое.

Ренаръ замѣчаетъ, что широкое распространеніе образованія въ народѣ послужитъ и къ укрѣпленію единства страны, къ сближенію и уравненію различныхъ слоевъ населенія, къ установленію болѣе тѣсной связи между городомъ и деревней. До настоящаго времени во Франціи происходили (въ большихъ городахъ и преимущественно въ Парижѣ) трехдневныя или трехмѣсячныя революціи, за которыми слѣдовала шедшая изъ деревень реакція, продолжавшаяся отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ. По этому поводу Ренаръ разсказываетъ слѣдующую басню. Была ссора между основаніемъ и вершиною горы. Вершина гордо возвышалась въ лазури, касаясь челомъ облаковъ. Она смотрѣла на лѣса, всползавшіе снизу, на синія волны озеръ, отражавшихъ ея образъ, и въ душѣ у нея было только презрительная жалость къ темному основанію горы. Но однажды это основаніе, которому надоѣло такое пренебрежительное отношеніе, всколыхнулось, и лучистая вершина низверглась жалкими обломками въ глубину ущелій и долинъ, а гора осталась навѣки обезображенною и наводящею уныніе. Развязка плачевная для вершины, — замѣтимъ мы,— но печальная также и для основанія.

Затѣмъ, подъ могучимъ вліяніемъ распространенія образованія окончательно исчезнутъ мѣстныя нарѣчія, оживить которыя пытаются въ новѣйшее время. Распространеніе письменности вліяетъ и на обработанный французскій языкъ, потому что написанныя буквы съ теченіемъ времени невольно начинаютъ произноситься. Литтре разсказываетъ, что въ его молодость произносили, напримѣръ, les Etat (s)—unis, т. е. s не звучало.

Ренаръ кончаетъ статью не крикомъ торжества, а выраженіемъ надежды. Путь пройденъ большой, но остающаяся часть дороги еще длиннѣе. Развитіе демократіи не скоро еще достигнетъ разцвѣта, но уже теперь свободному и образованному народу нужны такія литературныя произведенія, которыя отличались бы величіемъ и простотою, великодушіемъ и красотою, которыя, отправляясь отъ дѣйствительности, устремляли бы къ высокому идеалу.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Всеобщая исторія. Томъ второй—Иранцы, томъ третій — Египтяне. *Маріуса Фонтана.* (**Histoire Universelle**. Les Iraniens. Les Egyptes. *Marius Fontan.* Paris. 1881—1882).

Мы упоминали уже о первомъ томѣ этой всеобщей исторіи въ библіографическихъ замѣткахъ октябрьской книги *Русской Мысли.* Два новые

тома обширнаго труда Маріуса Фонтана отличаются такими же достоинствами, какъ и исторія ведической Индіи.

Передаемъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе нѣкоторыхъ главъ изъ исторіи иранцевъ и египтянъ.

Знаменитая «Авеста» буквально означаетъ «книга и сборникъ законовъ». Точный смыслъ слова «Зендъ» неизвѣстенъ. Самый сборникъ называетъ себя: «священное слово». Творцомъ заключающагося въ немъ ученія является Зороастръ. Шёбель отрицалъ существованіе этого мудреца. По мнѣнію Пиѳагара, онъ былъ персъ; Амміанъ Марцелинъ и другіе считаютъ его бактрійскимъ царемъ; Лассенъ полагаетъ, что имя Зороастра было вставлено въ «Авесту» магами, и т. д.

Среди многихъ предписаній священныхъ книгъ возвышается предписаніе заботливо воздѣлывать землю и хорошо содержать животныхъ. Святымъ называется человѣкъ построившій домъ, поддерживающій огонь, трудящійся въ полѣ. Сѣмена, бросаемыя въ землю, поражаютъ демоновъ. Изъ животныхъ, которымъ Зороастръ требуетъ особаго покровительства, первое мѣсто занимаетъ собака. Строгія наказанія тому, кто испортитъ воду, вполнѣ понятны въ странѣ, не имѣвшей избытка въ хорошей водѣ. Читателя поражаетъ, что нѣкоторыя постановленія о женщинахъ (беременныхъ) находятся въ той же главѣ, гдѣ говорится о собакахъ. Однако союзъ мужчины и женщины является цѣломъ особенно пріятнымъ доброму божеству. Отцу принадлежитъ власть надъ дочерью, брату надъ сестрой. О придавомъ въ священныхъ книгахъ не упоминается. Бракъ заключался при благословеніи духовнаго лица, причемъ давались совѣты новобрачнымъ, вродѣ слѣдующихъ: говорите истину среди сильныхъ; не дѣлайте зла вашему ближнему; мягко отвѣчайте вашему врагу; не поддерживайте скупого; сохраняйте святымъ и свѣтлымъ ваше тѣло; какъ тѣло и духъ друзья между собою, такъ будьте другомъ вашихъ братьевъ, вашей жены, вашихъ дѣтей. Несмотря на такія предписанія, женщина въ извѣстное время подвергается удаленію изъ дома и множеству возмутительныхъ обрядовъ, которые должны очистить ее въ глазахъ священнаго закона. Внѣбрачная любовь безпощадно преслѣдуется, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ смертной казни подвергаются не только виновные, но и ихъ ребенокъ. Маріусъ Фонтанъ полагаетъ, что это предписаніе составляетъ позднѣйшую жреческую вставку, иначе нельзя объяснить отсутствіе въ законѣ какихъ бы то ни было наказаній противъ женщинъ, жившихъ развратомъ.

Нравственный человѣкъ долженъ быть здоровымъ человѣкомъ, и бороться съ болѣзнями, со смертью—дѣло весьма почетное. Врачебное искусство поэтому высоко ставилось законодателемъ.

Въ эпоху преобразовательной дѣятельности Зороастра иранцы уже строили каменные дома. Касты были неизвѣстны, и всякій иранецъ былъ земледѣльцемъ, а затѣмъ священникомъ или воиномъ. Семья подчинялась

главѣ, группа семей—высшему начальнику; городъ, состоявшій изъ этихъ группъ, подчинялся съ своей стороны единоличной власти; и наконецъ выше всѣхъ стоялъ глава государства. Воины вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли особаго начальника, какъ и земледѣльцы, жрецы и женщины. Во главѣ послѣднихъ должна была находиться женщина. Такое устройство, полагаетъ Фонтанъ, было *организованною анархіей* и исключало всякій деспотизмъ, въ чемъ позволительно сомнѣваться, и намъ кажется совсѣмъ неумѣстнымъ наименованіе этого строя *парламентарнымъ республиканизмомъ*. Самъ законодатель предвидѣлъ возможность появленія жестокаго и несправедливаго короля, заранѣе говоря, что такой король будетъ орудіемъ возмездія со стороны разгнѣваннаго на народъ божества. Но этотъ народъ, во имя Ормузда, призывается низвергнуть короля, нарушавшаго законъ.

Положеніе женщины въ древне-египетской семьѣ было иное, чѣмъ въ семьѣ иранской. Имущество, бывшее у ней до замужества, остается ея личною собственностью и передается ея дѣтямъ. Замѣчательно,—говоритъ Фонтанъ,—и это, быть-можетъ, единственный случай въ мірѣ, — во всей египетской литературѣ, во всемъ египетскомъ искусствѣ составляетъ необычайно рѣдкое исключеніе, если писатель высказался о чувствѣ любви. Отношенія между мужчиной и женщиной составляли для египтянъ такое же правильное, повторявшееся и однообразное явленіе, какъ разлитіе Нила. Египтянина характеризовала,—замѣчаетъ французскій писатель, — лѣность сердца. По обычаю, жена была равна мужу. Но законъ не заключалъ въ себѣ подобныхъ предписаній, и супругъ могъ свободно покинуть свою подругу. Одинъ сановникъ (въ XX династію) хвалится тѣмъ, что не бросилъ своей жены, несмотря на то, что фараонъ возвелъ его въ высокое достоинство. Появленіе азіятскихъ женщинъ поколебало положеніе въ семьѣ женщины египетской, и Діодоръ Сицилійскій говоритъ, что онѣ начали тогда обезпечивать себѣ извѣстную долю авторитета двговоромъ въ день брака.

Цензура во время первой имперіи. *Вельшингера* (**La censure sous le prémier empire.** *Henri Welschinger*. 1882).

Наполеонъ I говорилъ на островѣ Св. Елены: «Мой сынъ будетъ принужденъ царствовать при свободной печати. Теперь это необходимо». Любопытно узнать подробности того опыта управленія государствомъ при подавленіи независимой печати, который привелъ Наполеона къ самоосужденію. Эти поучительныя подробности сообщаетъ, въ значительной степени по неизданнымъ документамъ, авторъ сочиненія, заглавіе котораго приведено выше.

Законодательное собраніе въ 1791 году торжественно отмѣнило цензуру; черезъ два года конвентъ издалъ слѣдующій законъ: «Кто будетъ

уличенъ въ сочиненіи или въ напечатаніи сочиненій, требующихъ распущенія національнаго представительства, возстановленія королевской власти или всякой другой власти, посягающей на верховенство народа, будетъ судимъ чрезвычайнымъ трибуналомъ и наказанъ смертью». По этому безумному закону до семидесяти писателей погибли на эшафотѣ.

Наполеонъ I наслѣдовалъ революціонному деспотизму и замѣнилъ его единоличнымъ своимъ произволомъ. Въ печати онъ справедливо видѣлъ своего заклятаго врага, потому что она не давала заснуть мысли и совѣсти французовъ, поддерживала въ нихъ гаснувшее сознаніе человѣческаго достоинства.

17 января 1800 (27 новаго VIII) года были сразу закрыты шестьдесятъ газетъ изъ числа семидесяти трехъ, издававшихся въ ту пору во Франціи. Общество было измучено и напугано ужасающими событіями революціи и встрѣтило эту мѣру безъ протеста. Тогда правительство пошло дальше.

5 апрѣля того же года первый консулъ предложилъ министру полиціи, печально-знаменитому Фуше, навести точныя справки о нравственности и патріотизмѣ редакторовъ уцѣлѣвшихъ изданій. Предварительная цензура была распространена и на книги. Къ газетамъ, сохранившимъ тѣнь независимости, были приставлены особые цензора, имъ были навязаны оффиціозные сотрудники. Наполеонъ не выносилъ даже названій газетъ, которыя напоминали о самостоятельности общества, о свободѣ обсужденія политическихъ вопросовъ: онъ потребовалъ, напримѣръ, чтобы *Журналъ Дебатовъ* (Journal des Débats), особенно ему ненавистный, назывался *Журналомъ Имперіи*. Но однако слово *цензура* не нравилось Наполеону и онъ тщательно избѣгалъ его, громоздя для печати стѣсненіе за стѣсненіемъ. Оффиціальный Moniteur строго заявлялъ: во Франціи нѣтъ цензуры,—а въ это время ни одной мысли, почему-либо неугодной правительству, ни одного факта, въ какомъ-либо отношеніи ему непріятнаго, не пропускали въ печать. Самъ Наполеонъ писалъ Фуше: «Моя воля, чтобы цензура не существовала, и я удивленъ, что въ моей имперіи употребляются формы, которыя могутъ считаться хорошими въ Вѣнѣ или Берлинѣ». Но Фуше зналъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, и поторопился строжайшимъ устройствомъ цензуры.

Вельшингеръ съ прискорбіемъ указываетъ на тотъ фактъ, что писатели не безъ таланта и свѣдѣній выступили, въ качествѣ цензоровъ, покорными орудіями политики, стѣснявшей и искажавшей французскую мысль. Требованія Наполеона росли все болѣе и болѣе. Одинъ изъ академиковъ задумалъ было заняться Мирабо, съ политической точки зрѣнія. Наполеонъ пишетъ министру полиціи: «Когда же станемъ мы благоразумными? Когда каждый изъ насъ будетъ имѣть здравый смыслъ, чтобъ ограничиваться своими обязанностями? Что общаго у французской академіи съ политикой?—Не болѣе, чѣмъ между правилами грамматики и во-

еннаго искусства». Управленіе дѣлами печати должно было, по мысли императора, не только препятствовать распространенію вредныхъ, съ его точки зрѣнія, сочиненій, но обязано было укрѣплять добрыя начала, развивать довѣріе къ правительству и религіозныя чувства среди французскаго общества. Послѣдствія показали все высокомѣріе и всю неосновательность этого притязанія воспитывать умъ и совѣсть многомилліоннаго населенія.

Тяжелѣе всего приходилось, конечно, политическимъ газетамъ. Бонапартъ говорилъ, что онъ не сохранитъ власти и на три мѣсяца, если не обуздаетъ печать. Для достиженія цѣлей, на которыя ушло столько французской крови, ради которыхъ опустошалась Европа, требовалась полная придавленность общественнаго мнѣнія, полное подобострастіе газетъ и журналовъ. Одна изъ провинціальныхъ газетъ вздумала сказать нѣсколько словъ о вздорожаніи хлѣба. За эту смѣлость изданіе было окончательно запрещено. Другая газета, Vedette de Rouen, закрыта за то, что признала рѣчь президента института къ первому консулу внушенною двадцать первою книгой «Телемака». Само собою разумѣется, что цензура свирѣпствовала и надъ иностранными изданіями, которыя привозились во Францію. Находились однако неустрашимые журналисты, честно, въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ отстаивавшіе независимый взглядъ на вещи. Таковъ былъ Citoyen Français. Наполеонъ пишетъ Фуше: «Перемѣните редактора этого журнала или совсѣмъ запретите изданіе». *Французскій Гражданинъ* долженъ былъ превратиться въ *Французскаго Курьера*, такъ какъ слово *гражданинъ* звучало воспоминаніемъ о политической и гражданской свободѣ. Министръ полиціи потребовалъ отъ академика Сюара, издателя газеты *Публицистъ*, чтобъ онъ постарался *исправить* распространенное мнѣніе по поводу суда и казни герцога Энгіенскаго. «Мнѣ шестьдесятъ лѣтъ, — отвѣтилъ Сюаръ, — мой умъ и моя совѣсть еще не ослабѣли. Судъ и смерть герцога поразили меня, какъ политическій актъ, который я оплакиваю, который опрокидываетъ всѣ мои идеи о справедливости и человѣчности. Я не могу, слѣдовательно, выступать противъ мнѣнія, которое самъ раздѣляю».

Понятное дѣло, что такимъ языкомъ говорили не многіе. Всякое противорѣчіе, каждое независимое слово раздражали Наполеона, и онъ изъявлялъ намѣреніе уничтожить всѣ газеты, имѣть только одинъ органъ на всю Францію, вполнѣ, разумѣется, подчиненный видамъ и намѣреніямъ правительства. А эти виды и намѣренія, черезъ катастрофу въ русскомъ походѣ и ватерлооское пораженіе, довели страну до послѣдней степени униженія и разоренія. Зловѣщія птицы, какъ называлъ Наполеонъ журналистовъ, не напрасно, рискуя своимъ положеніемъ и своею личною свободой, предостерегали французское общество.

Наполеонъ не довольствовался тѣмъ, что конфисковалъ совѣсть журналистовъ,—онъ предписалъ, чтобы значительная часть, до одной трети,

дохода отъ повременнаго изданія поступала въ казну, и эти деньги должны были поступать въ министерство полиціи. Что касается до немногихъ провинціальныхъ газетъ, то имъ было приказано всѣ политическія извѣстія перепечатывать изъ оффиціальнаго Moniteur'а. Наконецъ, декретомъ 3 августа 1810 года предписано, чтобы существовала только одна провинціальная газета на каждый военный округъ, и такимъ образомъ были закрыты, безъ всякаго повода, 104 изданія (изъ ста тридцати двухъ). «Мысль,—говоритъ Вельшингеръ,—была изгнана изъ періодической печати, всѣ болѣе или менѣе способные люди покинули это поприще и въ газетахъ раздавались только гимны побѣдамъ Наполеона. Военный геній императора, блескъ военной славы, на которую такъ падокъ французскій народъ, облегчили водвореніе мирнаго и безмолвнаго житія во Франціи. Но крушеніе было недалеко».

Чтобы развлечь общество, утомляемое однообразіемъ оффиціозныхъ изданій и невольною безцвѣтностью независимыхъ, правительство возбуждаетъ искуственно, хоть и не особенно искусно, споры по музыкальнымъ вопросамъ, и т. п.

Паденіе Наполеона показало, какіе гнусные инстинкты развила его система, какую неутолимую злобу накопила она въ обществѣ. Со всѣхъ сторонъ посыпались проклятія на низложеннаго императора, и вчерашніе презрѣнные льстецы расточали теперь брань и оскорбленія громче и больше всѣхъ. Сто дней показали, что Наполеонъ созналъ свою ошибку, но было уже поздно.

Вкусъ и совѣсть. *Морица Каррьера* (**Geschack und Gewissen.** *Moriz Carriere.* Breslau. 1882).

Въ брошюрѣ этого писателя, пользующагося заслуженною извѣстностью, подымаются вопросы, которые давно уже составляютъ предметъ разсужденій и споровъ.

Вкусъ субъективенъ, это всѣмъ извѣстно; но это не исключаетъ признанія общихъ основъ прекраснаго и, слѣдовательно, науки о прекрасномъ (Wissenschaft vom Schönen). Эта наука, — говоритъ Морицъ Каррьеръ,—далека отъ законченности, какъ и всѣ другія науки, имѣющія своею цѣлью разработку вопросовъ въ области духовной жизни.

Близкая связь эстетики и ученія о нравственности признается многими мыслителями. Гербартъ ставитъ этику, какъ часть эстетики, потому что доброе и прекрасное въ одинаковой степени заслуживаютъ наше одобреніе, а постыдное и отвратительное—наше порицаніе. Съ другой стороны, Ульрици учитъ, что прекрасное есть одно изъ нравственныхъ понятій, не имѣя никакого отношенія къ нашимъ естественнымъ потребностямъ и влеченіямъ, являясь для насъ долженствующимъ быть тѣмъ, осуществленію чего мы обязаны (нравственно) содѣйствовать.

Морицъ Каррьеръ обращаетъ вниманіе на то, что въ вопросахъ нравственности (добра) мы цѣнимъ не внѣшность, а смыслъ, внутреннее побужденіе того или другого дѣйствія. Противоположное происходитъ въ области прекраснаго: специально-эстетическое заключается въ формѣ.

Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы прекрасное было для насъ даннымъ и вполнѣ готовымъ. Звуки музыкальной симфоніи, краски картины суть наши ощущенія; внѣ насъ происходятъ только колебанія воздуха и эѳира, беззвучныя и безцвѣтныя. Не всѣ ощущенія вызываетъ въ насъ чувство эстетическаго удовольствія, а лишь тѣ, которыя возбуждаютъ здоровое жизненное настроеніе. Прекрасное есть проникновеніе дѣйствительнаго идеальнымъ, единство въ разнообразіи нашихъ многочисленныхъ представленій и влеченій. Вещи намъ нравятся или не нравятся, смотря потому, соотвѣтствуютъ ли онѣ или не соотвѣтствуютъ всему нашему существу. И въ этомъ лежитъ основаніе субъективной оцѣнки эстетическихъ явленій, ибо только наше собственное сознаніе можетъ засвидѣтельствовать упомянутое соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе.

Кантъ утверждалъ, что нельзя называть прекраснымъ все то, что кому-либо нравится. Наше сужденіе должно носить общій характеръ, чтобы быть эстетическимъ, потому что прекрасное не можетъ не нравиться и является какъ бы свойствомъ вещей. Это справедливо,— говоритъ Каррьеръ,—только требуетъ болѣе глубокаго обоснованія.

Нашъ духъ уподобляется зародышу, жолудю, изъ котораго при нормальныхъ условіяхъ развивается дубъ. Это понятіе развитія вполнѣ переносится и въ область нравственнаго и прекраснаго. Душѣ человѣка,— говоритъ нѣмецкій мыслитель,—прирожденъ идеалъ, какъ прирождено зародышу организаціонное начало, по которому растетъ и достигаетъ зрѣлости каждое животное, каждое растеніе. Еслибы нравственный и эстетическій законъ былъ непосредственно и вполнѣ заложенъ въ нашемъ духѣ, то мы должны были бы слѣдовать ему, какъ матерія слѣдуетъ закону тяготѣнія, то-есть мы были бы несвободны. Еслибъ этотъ законъ былъ просто только представленіемъ нашего сознанія, то за нимъ не лежало бы никакой принудительной силы. Самосовершенствованіе и любовь являются великими законами нравственнаго міра; воззрѣніе на чувственно-(не въ особомъ смыслѣ этого слова, конечно)-совершенное и ощущеніе міровой гармоніи есть прекрасное. Но нашъ разсудокъ не рѣдко ошибается, признавая то или другое явленіе добромъ или зломъ, прекраснымъ или отвратительнымъ. Человѣкъ развивается въ опредѣленной средѣ, и эта среда, въ свою очередь видоизмѣняющаяся исторически, вліяетъ прямо или косвенно на индивидуальныя ощущенія, на индивидуальную мысль. Кто воспринялъ нагорную проповѣдь, тотъ стремится не къ тому только, чтобы не быть воромъ и убійцею, а къ дѣятельному, полному любви служенію своему ближнему. Совѣсть, какъ и вкусъ, субъ-

ективна и способна къ развитію (Das Gewissen wie der Geschmaek ist subjectiv, ist bildbar).

Какъ въ нравственномъ, такъ и въ эстетическомъ отношеніи существуютъ общія понятія, отверженіе которыхъ мы называемъ безсовѣстнымъ и безвкуснымъ. Сходство человѣческой природы обусловливаетъ этотъ фактъ, и совѣсть и вкусъ, доброе и прекрасное взаимно вліяютъ въ развитіи нашей духовной жизни. Мы нуждаемся въ прекрасномъ, потому что оно приводитъ насъ въ восторгъ, доставляетъ намъ счастье. Жанъ Поль справедливо сказалъ о Гердерѣ и Шиллерѣ: «они должны были сдѣлаться лѣкарями; но судьба сказала: существуютъ раны и страданія глубже тѣлесныхъ,—лѣчите ихъ. И оба стали писателями». Знаменитый Фихте высоко ставилъ призванія художника, который долженъ воплотить въ прекрасномъ образѣ то, что составляетъ принадлежность всѣхъ образованныхъ умовъ, что имѣетъ всеобщее значеніе. Морицъ Каррьеръ заключаетъ свою брошюру слѣдующими словами: «Все прекрасное въ высокомъ смыслѣ одновременно и индивидуально, и типично; равнымъ образомъ и эстетическій вкусъ въ одно и то же время и личенъ, и всеобщъ».

В. Гольцевъ.

ИЗЪ ФРАНЦІИ.

Много шума надѣлали въ рабочемъ мірѣ, въ оффиціальныхъ сферахъ и въ публикѣ событія, произшедшія въ Монсо-ле-Минѣ, а именно: буйство рудокоповъ, предстоящій процессъ, анонимныя угрозы и репрессивныя мѣры. Взрывъ негодованія рабочихъ въ каменно-угольныхъ копяхъ бассейна Соны и Луары, былъ ли онъ произвольный, или вызванный, имѣлъ тотъ результатъ, что онъ обратилъ общее вниманіе на бѣдственное положеніе рабочихъ. Копи во Франціи не могутъ разрабатываться безъ разрѣшенія правительства; классы стоявшіе у кормила правленія до 1848 г. пользовались этимъ, добивались концессій и мало-по-малу дѣлались собственниками настоящихъ промышленныхъ удѣловъ.

На дняхъ была напечатана весьма интересная брошюра, извлеченіе изъ доклада, представленнаго на конгрессѣ рабочихъ восточнаго департамента нѣкіимъ рѣзщикомъ Дюмэ, делегатомъ синдикальной палаты металлургистовъ Крезо. Брошюра заключаетъ въ себѣ раздирающія душу подробности о томъ, какъ производится и оплачивается работа на большихъ заводахъ Крезо и какъ компанія обращается съ рабочими. Главнымъ поводомъ къ раздраженію послужили не столько непосильный трудъ и плохое вознагражденіе за него, сколько посягательство на религіозныя и политическія убѣжденія рабочихъ. Зачастую рабочій увольняется лишь за чтеніе какого-нибудь ненравящагося журнала, за то, что въ его комнатѣ находится изображеніе Республики и за пѣніе анти-клерикальныхъ пѣсенъ, и все это въ республиканскомъ государствѣ. Пятнадцать лѣтъ

тому назадъ рабочій день состоялъ изъ восьми часовъ, а теперь изъ десяти, да къ тому же плата бываетъ не рѣдко ниже чѣмъ въ прежнее время. Авторъ брошюры указываетъ на бѣдственное положеніе рудокоповъ въ рудникахъ Мазенэ (Сона и Луара), отданныхъ на концессію «компаніи желѣзодѣлательныхъ и каменноугольныхъ заводовъ Крезо». Галлереи въ этихъ рудникахъ имѣютъ отъ 7 до 8 метровъ ширины и, смотря по толщинѣ жилы, отъ 50 до 60, а иногда и до 48 сентиметровъ вышины, такъ что двое рудокоповъ должны работать въ лежачемъ положеніи на противуположныхъ сторонахъ, чтобы не мѣшать другъ другу. Легко представить себѣ, что подобное положеніе десяти, а иногда и двѣнадцати часовъ составляетъ настоящую муку для рабочихъ, въ особенности если грунтъ еще пропитанъ на два или на три сентиметра водой. Эта работа тѣмъ болѣе убійственна, что, вслѣдствіе сырости, рабочіе не могутъ отдохнуть ни минуты, не чувствуя озноба, и для того, чтобы согрѣться, должны работать еще усиленнѣе. Эти люди получаютъ среднимъ числомъ 100 франковъ въ мѣсяцъ, а тѣ, которые вывозятъ изъ шахты каменный уголь, — 70 франковъ Эти послѣдніе тоже должны работать при неестественномъ положеніи тѣла при нагрузкѣ своихъ тачекъ. Авторъ брошюры указываетъ на то, что одинаковое число рабочихъ, плавившее, пятнадцать-двадцать лѣтъ тому назадъ, въ 24 часа отъ 12 до 15.000 килограммовъ, получаетъ за свой трудъ самое большее отъ 5 до 5 фр. 50 сантим. вмѣсто прежнихъ 8 и 10 фр., а между тѣмъ они принимали не малую долю участія въ усовершенствованіи разныхъ инструментовъ, употребляемыхъ на заводахъ. Ремесло пудлингованія желѣза, заключающееся въ постоянномъ размѣшиваньи расплавленной массы для переработыванія ея въ желѣзо, требуетъ богатырскаго сложенія и крѣпкаго здоровья, которое можетъ поддерживаться только здоровой, питательною пищей. Между тѣмъ жизненные припасы, въ особенности же вино, вздорожали, а заработная плата понизилась до 5 фр. 50 с. или 6 фр. главному работнику и 3 фр. 50 сант. или 4 фр. двумъ его помощникамъ. Работа, напротивъ, значительно увеличилась, потому что, вслѣдствіе усовершенствованія топки, рабочій накладываетъ печь вмѣсто восьми разъ въ сутки по 170 и 180 килограммовъ каждый разъ, по одиннадцати, двѣнадцати и даже тринадцати разъ, на 30 килограммовъ больше при каждой кладкѣ. Сверхъ того, вслѣдствіе дѣленія желѣза на первый и второй сортъ, получается убытокъ въ 1 фр. 90 с. въ сутки, такъ какъ желѣзо перваго сорта продается по 3 фр. 50 с. за 1.000 кил., а второго сорта—по 2 фр. За послѣднее у рабочаго дѣлается вычетъ, хотя признано физически невозможнымъ вырабатывать желѣзо исключительно перваго сорта. Въ плющильномъ отдѣленіи рабочимъ приходится еще хуже. Вмѣсто того, чтобы дѣлить полосы на первый и второй сорты, ихъ просто принимаютъ, или не принимаютъ, и въ послѣднемъ случаѣ за нихъ рабочему не платятъ ничего; подобнаго рода вычеты дохо-

дятъ до 10.000 фр. въ годъ, при производствѣ на 150.000 фр. Компанія установила строгія наказанія за малѣйшія провинности; она налагаетъ штрафы и рабочій волей-неволей долженъ нести непосильное бремя. Прикрываясь лицемѣрной филантропіей, компанія открыла рабочимъ пріятную перспективу сдѣлаться собственниками. Она построила имъ домики съ садиками, разсрочивъ платежъ за нихъ на нѣсколько лѣтъ, но при этомъ поставила условіемъ, что, въ случаѣ если они уйдутъ съ завода раньше окончательной уплаты, домикъ поступаетъ въ собственность компаніи безъ возврата уплаченныхъ уже за него денегъ. Множество женщинъ занимаются подметаньемъ мастерскихъ, перевозкой въ тачкахъ руды и очисткой угля; за свой трудъ онѣ получаютъ 2 франка, или 1 фр. 75 с. и даже 1 фр. 22 сант. Молодыя дѣвушки занимаются нагрузкой и разгрузкой вагоновъ и за одиннадцати-двѣнадцатичасовой трудъ выручаютъ не болѣе 60 или 75 сант. Несчастные случаи не рѣдки на этихъ большихъ заводахъ и— что же?—въ случаѣ смерти кого-либо изъ рабочихъ, вдовѣ дается 20 фр. въ мѣсяцъ, а каждому изъ малолѣтнихъ дѣтей по 5 фр. Авторъ брошюры говоритъ, что прежде назначалось еще меньше; сынъ родившійся по смерти рудокопа получалъ отъ Шнейдера пенсію по 2 су въ день до двѣнадцатилѣтняго возраста, а вдова—10 фр. въ мѣсяцъ. Въ случаѣ увѣчья рабочій получаетъ ежемѣсячную пенсію въ 30—35 фр. или должность сторожа при магазинѣ, или клеймильщика, съ платою по 60 фр. Раненные не смѣютъ обращаться съ жалобами въ судъ, который всегда держитъ сторону компаніи; кромѣ того, они боятся увольненія родителей. Что же касается вспомогательной и пенсіонной кассъ, то съ 1872 г. она не поддерживается болѣе вычетами 2% изъ жалованья рабочихъ, а процентами съ капитала, получаемаго отъ штрафовъ и вычетовъ за провинности и неисправности. Кромѣ того компанія внесла въ эту кассу 2% съ заработной платы для холостыхъ и 5% для женатыхъ, изъ которыхъ 3% отчисляются на мужа и 2% на жену. При этомъ компанія постановила, что, въ случаѣ добровольнаго или вынужденнаго ухода съ завода, рабочій теряетъ право на пользованіе пенсіей и ни въ какомъ случаѣ не можетъ воспользоваться внесенной на его имя суммой раньше 50-ти-лѣтняго возраста. Вычислено, что по истеченіи 25 или 30 лѣтняго срока работы это составитъ пенсію отъ 90 до 100 фр. въ годъ. Къ сожалѣнію, назначеніе 5% пенсіи совпало съ пониженіемъ платы на 20%, отъ чего акціи завода Крезо, ходившія въ 1879 г. по 1.600 фр., повысились до 1.700. Мало-по-малу мѣстные мелкіе коммерсанты стали въ вассальныя отношенія къ компаніи, а правительство, благодаря ненормальному избирательному давленію, тоже приняло ея сторону.

Авторъ брошюры доказываетъ, что дѣло ведется точно такъ же въ Бланзи, Эпинакѣ и Монсолеминѣ, въ бассейнѣ Луары. Въ Монсолеминѣ буйство рабочихъ выразилось въ ломаньи крестовъ на улицахъ и дорогахъ, въ низверженіи Мадонны и въ разрушеніи часовни, у которой взо-

рвали динамитомъ архитектурное украшеніе, выломали двери и поломали всѣ скамьи. Двадцать три рабочихъ были арестованы и дѣло ихъ передано въ ассизный судъ Шалона (на Сонѣ). По случаю безпорядковъ въ Монсолеминѣ, правительство приняло всевозможныя мѣры предосторожности.

Рабочіе Монсолемина имѣли свои общества, даже свои синдикальныя палаты. Въ процессѣ выяснилось, что для допущенія въ эти общества необходимы испытанія, напоминающія испытанія франмасоновъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ рабочіе собирались въ лѣсу, вѣроятно изъ опасенія быть уволенными съ завода, въ случаѣ доноса на нихъ. Многіе упрекаютъ правительство въ томъ, что оно до сихъ поръ не утверждаетъ синдикальныхъ палатъ на основаніи выбора делегатовъ всѣми членами корпораціи и такимъ образомъ даетъ возможность образованію рабочаго карбонаризма. До сихъ поръ не обнаружено сношеній между монсолеминскими рабочими и вожаками революціонныхъ партій. Правда, въ Парижѣ и въ Ліонѣ было арестовано много анархистовъ, но большая часть изъ нихъ, по недостатку уликъ, была выпущена на свободу. Эмиль Готье былъ арестованъ въ ту минуту, какъ онъ собирался ѣхать на конференцію въ Виллъфраншъ. Его привезли въ Шалонъ (на Сонѣ) и посадили въ тюрьму. Его бумаги и письма были пересмотрѣны, но едва ли нашлось въ нихъ доказательство его сношеній съ монсолеминскими рабочими.

Въ Парижѣ едва не возникло другое дѣло, не менѣе важное, чѣмъ монсолеминское, а именно стачка мебельщиковъ. Вотъ въ чемъ заключается это дѣло: 17 іюля 1880 года между хозяевами и мастеровыми-мебельщиками былъ заключенъ контрактъ о прибавкѣ 20% къ задѣльной платѣ и объ учрежденіи смѣшанной коммиссіи, состоящей изъ хозяевъ и рабочихъ, которая назначала бы цѣны за работу отдѣльной вещи, плата за которую не можетъ быть опредѣлена раньше. Это условіе было вызвано художественностью подобнаго рода работы и невозможностью опредѣлить заранѣе ея трудности и достоинства. На дняхъ хозяева объявили рабочимъ о своемъ желаніи уничтожить этотъ контрактъ. Рабочіе воспротивились этому и прекратили работы. Хозяева съ своей стороны устроили стачку и собрали милліонъ фран. для борьбы съ рабочими. Результатомъ этого было то, что болѣе 15.000 рабочихъ остались безъ крова. На собраніи хозяевъ 208 голосовъ были за стачку и 62 противъ нея; 212 воздержались отъ подачи голосовъ. Хозяева долго не могли прійти къ соглашенію. Правительство съ своей стороны приняло къ свѣдѣнію жалобы хозяевъ, но не рѣшилось обѣщать имъ поддержку. Въ концѣ концовъ хозяева пожелали прійти къ личному соглашенію между хозяевами и рабочими каждой фабрики. Рабочимъ удалось разсѣять составленную противъ нихъ коалицію и хозяева наконецъ сдались.

Палаты открыли свои засѣданія. Между законопроектами, предложенными партіей гамбеттистовъ, обращаетъ на себя особенное вниманіе законъ противъ рецидивистовъ; но законъ этотъ не пользуется популярностью.

Законъ о промышленныхъ синдикатахъ, урѣзанный сенатомъ, выступилъ снова въ палатѣ и депутаты, повидимому, рѣшились возстановить прежній текстъ, по которому синдикатамъ однородныхъ промысловъ дозволено было соединяться такимъ образомъ, чтобы призваніе къ суду кооперативнаго собранія могло бы быть возможнымъ. Но рабочіе мало придаютъ значенія реформамъ, которымъ привилегированныя сословія ставятъ всевозможныя препоны, тайныя и явныя. Депутатъ Блансюбе имѣлъ наивность предложить, чтобы десятая часть дохода компаній была предоставлена рабочимъ, которые, благодаря этому, могли бы сдѣлаться акціонерами; но этотъ проектъ, свидѣтельствующій только о добродушіи депутата, вызвалъ улыбку рабочихъ,—они слишкомъ хорошо понимаютъ неисполнимость этого предложенія. Между депутатами и сенаторами есть не мало лицъ, стоящихъ во главѣ большихъ компаній. Во дни президентства Тьера, друзья компаніи рудниковъ Анзина заявили не безъ нѣкотораго тщеславія, что администрація рудниковъ собиралась въ Елисейскомъ дворцѣ, что президентъ этой компаніи не кто иной какъ президентъ республики Тьеръ, а члены совѣта—министры Казиміръ Перье и другіе. И теперь, не говоря уже о Дюклерѣ, который былъ прикосновененъ къ дѣламъ часто весьма неблаговиднаго свойства, можно указать на членовъ бывшаго министерства: Казо изъ министра юстиціи превратился въ управляющаго «Société d'Alois au Rhône»; Поль-Беръ изъ министра народнаго просвѣщенія сдѣлался управляющимъ «Центральною кассой работъ и сбереженій», Леперъ, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ—управляющимъ магазинами и складами «Городъ Ліонъ», а Констанъ, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ—однимъ изъ директоровъ «Агентства Гаваса»; Леонъ-Се—повѣренный Ротшильда, Пуэ-Картье—одинъ изъ самыхъ крупныхъ фабрикантовъ Руана; Ферри, бывшій министръ, благодаря своему браку, вступилъ въ одинъ изъ самыхъ богатыхъ торговыхъ домовъ восточнаго департамента; Флоке—будущій министръ—родственникъ крупныхъ фабрикантовъ Кестнеръ.

Клемансо, созвавшій своихъ избирателей Монмартра въ циркъ Фернандо, чтобы дать имъ отчетъ въ своихъ полномочіяхъ, едва не потерпѣлъ такую же неудачу, какъ и Гамбетта въ прошломъ году на избирательномъ собраніи въ Шароннѣ. Оппозиція, встрѣченная имъ, не была непредвидѣнной,—его бывшіе политическіе товарищи недовольны имъ, а Гамбетта не можетъ простить ему того, что онъ умалилъ его популярность. Революціонеры-соціалисты округа собрались въ большомъ количествѣ, съ цѣлью навязать своего президента въ лицѣ муниципальнаго совѣтника Жоффрена, избраннаго Монмартромъ въ ратушу и будущаго соперника Клеменсо въ палатѣ депутатовъ. Всѣ журналы говорили въ одинъ голосъ, что критическая часть рѣчи была замѣчательна и что Клемансо мастерски охарактеризовалъ всѣхъ министровъ, павшихъ одинъ за другимъ въ такое короткое время. Воспользовавшись перерывомъ одного

анархиста, отрицавшаго любовь къ отечеству, онъ краснорѣчиво доказывалъ свою любовь къ Франціи и необходимость жертвовать для нея всѣмъ. Приступивъ къ жгучему вопросу, онъ изобразилъ всѣ нужды рабочихъ, вызывающія ихъ законное негодованіе, и порицалъ насиліе. Послѣ рѣчи депутатъ Монмартра пожелалъ, по обыкновенію, перейти къ очереднымъ дѣламъ, но одинъ избиратель, бывшій членъ коммуны и ораторъ партіи рабочихъ, Клеманъ, обладающій здоровыми легкими, потребовалъ поставить сначала вопросы, которые сторонники депутата и самъ депутатъ нашли нескромными. Произошелъ страшный шумъ и засѣданіе было прекращено. Клемансо удалился безъ голосованія и на слѣдующій день напечаталъ свою рѣчь въ своемъ журналѣ Justice.

Другой депутатъ крайней лѣвой, Генри Море, главный редакторъ журнала Radical, изложилъ въ своемъ отчетѣ, представленномъ избирателямъ, настоящій обвинительный актъ, направленный противъ Гамбетты. Какъ и Клемансо, онъ настаивалъ на необходимости сдѣлать всѣ учрежденія болѣе республиканскими. При этомъ онъ сказалъ: «Два раза мы теряли республику, благодаря государственнымъ переворотамъ; если мы утратимъ ее въ третій разъ, то это будетъ по нашей винѣ. Если мы желаемъ утвердить республику, мы должны сохранить отечество». Въ другомъ мѣстѣ своей прекрасной рѣчи Море говоритъ: «Я не знаю ни одного проекта, ни одной реформы, имѣющихъ цѣлью дѣйствительное улучшеніе соціальнаго положенія и счастіе слабыхъ, которые я не былъ расположенъ поддерживать. Но я отвергаю употребленіе динамита и не могу понять, чѣмъ это взрывчатое вещество можетъ способствовать соціальному благоденствію. Я очень хорошо понимаю, что когда мы будемъ разорваны на части, мы ни въ чемъ не будемъ нуждаться, но я предпочитаю нуждаться въ чемъ-нибудь и получить желаемое. Я знаю очень хорошо, что существуютъ люди, презирающіе насъ, реформаторовъ, и считающіе насъ болѣе опасными, чѣмъ реакціонеры. Эти люди желаютъ, чтобы народъ былъ еще несчастнѣе, чтобъ его ненависть возросла и чтобы въ своей ярости онъ разомъ покончилъ и съ угнетеніемъ, и съ угнетателями. Я не одобряю этого ученія по двумъ причинамъ: во-первыхъ, я считаю преступленіемъ созидать счастье на цѣломъ рядѣ бѣдствій; во-вторыхъ, взрывы народнаго негодованія вызывали до сихъ поръ одни убійства, а не улучшеніе. Граждане! я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые вѣруютъ въ могущество злобы. Я вѣрую, напротивъ, въ могущество братской любви. Злоба разрушаетъ, но не созидаетъ. Не злоба устроила ночь на 4-е августа, бывшее началомъ французской революціи, когда привилегія и льготы начали ускользать изъ рукъ привилегированныхъ сословій и возникло равенство всѣхъ сословій. Не злоба внушила празднованіе союза, когда вся Франція соединилась въ одномъ желаніи свободы. Но когда явилась ненависть, когда революціонеры обратились другъ противъ друга, чувство солидарности начало мало-по-малу исчезать и человѣкъ

въ галунѣ и шпорахъ могъ легко стать на трупъ окровавленной республики». Море первый изъ всѣхъ ораторовъ возсталъ открыто противъ сторонниковъ динамита; онъ стоитъ за безусловную свободу, между тѣмъ какъ Клемансо на половину якобинецъ.

Для многихъ депутатовъ можетъ служить уздой то, что они ежегодно послѣ каждой сессіи обязаны объясняться съ своими избирателями, которые являются какъ бы ихъ судьями. Гамбетта не созывалъ въ этомъ году своихъ избирателей: онъ опасался еще большихъ неудачъ, чѣмъ тѣ, которыя онъ потерпѣлъ годъ тому назадъ.

Самый извѣстный депутатъ Парижа (квартала Пантеона) Луи Бланъ, котораго тяжкая болѣзнь держитъ вдали отъ парламентскихъ дѣлъ, счелъ нужнымъ представить своимъ избирателямъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ за прошлый годъ. Въ немъ онъ краснорѣчиво изложилъ всѣ требованія рабочихъ за истекшія сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ, но онъ не указалъ ни на одно средство, могущее облегчить ихъ положеніе. Онъ ограничился только заявленіемъ о пользѣ соціалистическаго государства. Публика нашла такое заключеніе неудовлетворительнымъ. Нашлись журналисты, удивлявшіеся тому, что Луи Бланъ, пользующійся уваженіемъ и засѣдающій въ парламентѣ болѣе одиннадцати лѣтъ, до сихъ поръ не внесъ ни одного предложенія, которое имѣло бы цѣлью облегченіе рабочихъ массъ. Дѣло въ томъ, что Луи Бланъ, самый честный и искренній человѣкъ въ мірѣ, преимущественно литераторъ. Многіе литераторы дѣлались политиками, благодаря своимъ сочиненіямъ, но они во всѣхъ задачахъ и событіяхъ видѣли одну драмматическую сторону и вмѣсто того, чтобы принимать дѣятельное участіе въ разрѣшеніи задачъ и вопросовъ, оставались *репортерами*, или простыми зрителями.

Члены теперешняго кабинета не пользуются обаяніемъ, не исключая даже главы его, который замѣшанъ во многихъ неблаговидныхъ финансовыхъ дѣлахъ. Что можетъ способствовать паденію кабинета, такъ это оппозиція Тирара, возстающаго противъ договора, заключеннаго его предшественникомъ Леономъ Сэ съ орлеанской желѣзнодорожною компаніей въ ущербъ казнѣ. Дѣло идетъ объ уравновѣшеніи бюджета, внесеніемъ впередъ двухсотъ съ чѣмъ-то милліоновъ компаніей, которая, само собою разумѣется, не упуститъ своихъ выгодъ и не замедлитъ обратиться за кредитомъ къ публикѣ. Тираръ предложилъ правительству прямо обратиться къ публикѣ посредствомъ выпуска облигацій казначейства. Такъ какъ это невыгодно для крупныхъ финансистовъ, то Тираръ можетъ наткнуться на подводный камень.

Махинаціи финансистовъ до такой степени даютъ себя знать, что городъ Парижъ, несмотря на старанія своего муниципальнаго совѣта, не знаетъ какъ предотвратить печальныя послѣдствія монополіи газовой компаніи. Когда въ 1855 году Перейръ приступилъ къ преобразованію

общества эксплуатаціи газа, онъ представилъ императору памятную записку, въ которой было сказано, что сверхъ 10% дохода излишекъ долженъ быть распредѣляемъ между городомъ и публикой съ одной стороны и компаніей — съ другой стороны. Гаусманнъ повторилъ это въ муниципальномъ совѣтѣ съ цѣлью добиться голосованія въ свою пользу. Но вотъ уже прошло двадцать семь лѣтъ, но ни публика, ни городъ не пользуются ожидаемыми выгодами, а компанія загребаетъ милліоны. Наконецъ, въ августѣ мѣсяцѣ, администрація черезъ посредство Флоке представила проектъ договора о пониженіи на пять сантимовъ цѣны газа, съ продленіемъ концессіи на двадцать пять лѣтъ. Проектъ почти былъ принятъ, когда одинъ изъ муниципальныхъ совѣтниковъ, Нарцисъ Левенъ, представилъ счеты, изъ которыхъ выяснилось, что городъ вмѣсто 115 милл. выгоды предоставитъ компаніи болѣе 600 милл. дохода. Ссылаясь на спеціальный трудъ одного главнаго совѣтника, онъ заявилъ, что пониженіе налога на 8 сантимовъ уже состоялось въ 1864 году, но по непростительной небрежности, или умышлено, не было приведено въ исполненіе. Онъ приглашалъ префекта воспользоваться правомъ, которое даетъ ему 48 ст. существующаго договора, назначить цѣны на газъ по соглашенію съ муниципальнымъ совѣтомъ. Флоке взялъ назадъ свой проектъ, обѣщая составить новый. Но до сихъ поръ онъ не принялъ никакого рѣшенія. Между тѣмъ каждый мѣсяцъ промедленія причиняетъ городу убытокъ въ 800.000 франковъ. Теперь Флоке не состоитъ болѣе префектомъ. Онъ оставилъ эту должность до возобновленія засѣданій совѣта, вслѣдствіе своего избранія въ депутаты Перпиньяна. Хотя Флоке считается однимъ изъ самыхъ честныхъ политическихъ дѣятелей, но говорятъ, будто онъ былъ очень доволенъ, что ему не пришлось рѣшать этотъ вопросъ, такъ какъ рѣшеніе его могло бы огорчить его друзей—акціонеровъ. Когда президентъ коммиссіи, которой муниципальный совѣтъ поручилъ изучить газовый вопросъ, разсматривая книги компаніи, дошелъ до статьи о гласности, онъ поинтересовался спросить, что означаетъ сумма въ 75 тысячъ франк., истраченная въ 1874 году и возросшая въ прошломъ году до 300 тысячъ; ему отвѣтили просто-на-просто: «Такъ какъ насъ затрогиваютъ, то понятно, что мы должны защищаться». Теперь понятно, почему большая часть парижскихъ журналовъ быстро перемѣнила направленіе и горячо вступилась за монополію компаніи въ ущербъ интересамъ публики, потребителей и плательщиковъ.

Печать находится въ союзѣ съ финансистами, и это составляетъ не малое зло нашего времени. Послѣ наполеоновской диктатуры въ дѣлѣ журналистики печать незамѣтно подпала подъ вліяніе биржевиковъ.

Что касается публичныхъ собраній, то опасенія публики начинаютъ оправдываться. Съ тѣхъ поръ, какъ запрещены клубы, то-есть періодическія собранія въ одномъ и томъ же мѣстѣ съ постояннымъ бюро, начали устраивать случайныя собранія съ временнымъ бюро и въ кото-

рыхъ очень трудно установить какой-либо порядокъ. Общественное мнѣніе начинаетъ требовать отъ города устройства въ каждомъ округѣ, а потомъ и въ каждомъ кварталѣ большихъ помѣщеній для выборовъ и другихъ надобностей; но пока приходится нанимать плохія помѣщенія и платить за нихъ очень дорого, а отсюда является необходимость взимать по нѣскольку су за входъ, что ведетъ за собой разныя злоупотребленія, а также упреки нѣкоторымъ ораторамъ, что они торгуютъ своимъ словомъ.

Клерикальный вопросъ болѣе всѣхъ другихъ занимаетъ умы. Общества свободныхъ мыслителей все болѣе и болѣе размножаются въ Парижѣ и въ провинціи. Къ сожалѣнію, многія изъ нихъ доходятъ до атеизма. Объ этотъ камень разбилась революція. Наканунѣ термидора дошли до того, что казнили всѣхъ, исповѣдывавшихъ какую-либо религію. Сенъ-Жюстъ говоритъ, что его коллеги по «комитету общественнаго спасенія»—Колла-д'Эрбуа и Билланъ-Вареннъ—хотѣли посягнуть на его убѣжденія, требуя, чтобъ онъ отрицалъ въ своемъ докладѣ существованіе Бога. На конференціи, бывшей въ Курбевуа, наканунѣ праздника Всѣхъ Святыхъ, одинъ ораторъ говорилъ, что въ разные вѣка и во всѣхъ странахъ люди боролись за идею и переносили мученія съ героизмомъ и что въ память мучениковъ всѣхъ временъ и установленъ праздникъ Всѣхъ Святыхъ. На этой же конференціи нѣкто Перринелль, журналистъ, разбиралъ критически чисто земныя побудительныя причины, заставляющія многихъ придерживаться обрядовъ, не соотвѣтствующихъ болѣе ихъ внутреннимъ убѣжденіямъ.

Внѣшняя политика въ застоѣ. Министерство принимаетъ разныя мѣры, имѣющія цѣлію присоединеніе Туниса. Смерть бея послужила предлогомъ къ неожиданнымъ перемѣнамъ. Англія тоже не дремлетъ и преслѣдуетъ тѣ же цѣли въ Египтѣ, хотя увѣряетъ всѣхъ въ противномъ. Двуличность Турціи, отрекавшейся отъ Араби и въ то же время поддерживавшей его, сильно повредила ей. Процессъ Араби выведетъ все на чистую воду, и легко можетъ случиться, что она потеряетъ послѣдній призракъ власти на Нилѣ. Англія не станетъ слушать ея заявленій о верховной власти въ Египтѣ, какъ Франція ея претензій въ Тунисѣ. Старанія заинтересовать Францію въ пользу Австріи остаются безуспѣшными. Общественное мнѣніе во Франціи никогда не одобряло присоединенія къ Австріи Босніи и Герцеговины и всегда сочувственно относилось къ проекту балканскаго союза.

Въ Парижѣ остались очень довольны итальянскими выборами. Италія доказала дѣйствительно большую политическую зрѣлость. Между тѣмъ какъ богатая французская буржуазія упорно противилась допущенію къ избирательной урнѣ лицъ не платящихъ податей, каковы бы ни были ихъ способности, въ Италіи правительство, палата и сенатъ, безъ всякаго давленія со стороны общества, почти учетверили численность избирателей допущеніемъ къ выборамъ всѣхъ умѣющихъ читать и писать. Вы-

боры происходили въ полномъ порядкѣ. Министерство получило громадное большинство. Избирательные списки съ ограниченнымъ числомъ именъ были примѣнены къ дѣлу безъ всякихъ затрудненій. Другое итальянское нововведеніе, обратившее на себя вниманіе и вполнѣ достойное подражанія, это — законное представительство меньшинства. Тамъ, гдѣ округъ долженъ бы былъ избрать пять депутатовъ, каждый избиратель могъ избрать только четверыхъ, а пятый, исключенный изъ списка, является представителемъ меньшинства. Это весьма остроумная гарантія противъ давленія большинства.

Въ Парижъ прибылъ новый итальянскій посолъ Роббибанъ. Это—дипломатъ, составившій себѣ карьеру благодаря своему родству съ Савойскимъ домомъ (онъ—побочный сынъ Карла-Альберта).

Общее вниманіе обратила на себя отставка Минье, непремѣннаго секретаря отдѣленія гуманитарныхъ наукъ во французской академіи: онъ занималъ этотъ постъ болѣе сорока лѣтъ и выказалъ на немъ замѣчательное усердіе и добросовѣстность. Его «Исторія революціи», хотя и не отличающаяся широтой взгляда, считается все-таки лучшей. Его многіе историческіе панегирики останутся образцами внимательнаго и безпристрастнаго изслѣдованія. Онъ вѣроятно будетъ замѣненъ Жюль Симономъ, который часто исправлялъ его должность.

Греви, противникъ смертной казни, подписалъ смягченіе наказанія двумъ страшнымъ злодѣямъ, причемъ журналы упрекали его за то, что онъ заставляетъ ихъ такъ долго томиться. Онъ нашелъ, что они уже достаточно страдали, ожидая со дня на день исполненія смертнаго приговора, и даровалъ имъ жизнь. Одинъ гамбеттистскій журналъ упрекнулъ Греви, что онъ за все время своего президентства помиловалъ 80 преступниковъ изъ 90.

Въ наиболѣе свѣдущихъ кругахъ убѣждены въ непримиримости Греви и Гамбетты; предполагаютъ даже, что при нѣкоторыхъ случайностяхъ, какія можетъ вызвать Гамбетта, Греви будетъ вынужденъ подать въ отставку. Но хотя многіе и устремляютъ свои взоры на Гамбетту, какъ на человѣка сохранившаго энергію среди всей этой неурядицы, однако онъ далеко не пользуется прежнею популярностью.

Феликсъ Піа оставилъ на время политику, чтобы заняться литературой; недавно онъ передѣлалъ старую театральную пьесу—«Два слесаря». Но во Франціи до такой степени любятъ новизну во всемъ, а въ особенности въ литературѣ, что все, чѣмъ восхищалось предшествовавшее поколѣніе, считается устарѣлымъ. По поводу этой театральной передѣлки одинъ журналъ перепечаталъ знаменитую статью, надѣлавшую шума въ 1844 году, въ которой Феликсъ Піа громилъ тогдашняго главу критики Жюль Жанена, помѣщавшаго свои статьи въ Journal des Débats. Піа разсказываетъ, какъ этотъ тогдашній корифей литературы началъ свою карьеру статьями за и противъ, которыя онъ помѣщалъ въ различ-

ныхъ враждебныхъ журналахъ, какъ онъ оскорблялъ память брата короля и перемѣнилъ тонъ, получивъ большую сумму денегъ. Въ концѣ концовъ Феликсъ Піа отдѣлываетъ его за то, что онъ имѣлъ наглость описать свою первую брачную ночь въ одномъ изъ фельетоновъ.

Министерская декларація при открытіи палатъ не представляла ничего особенно выдающагося. Въ числѣ внутреннихъ реформъ указывали на вопросъ о рецидивистахъ, какъ на самый жгучій съ точки зрѣнія соціальной безопасности. Министръ просилъ палату отложить разсмотрѣніе проектовъ, могущихъ вызвать разладъ въ средѣ большинства, и заняться вотированьемъ бюджета.

Неизвѣстно, почему Октавъ Фэлье назвалъ свою новую пьесу, поставленную въ театрѣ Gymnase, «Un roman Parisien»,—въ ней нѣтъ ничего ни романтическаго, ни парижскаго. Слогъ Октава Фэлье легкій и выработанный, и авторъ обладаетъ глубокимъ знаніемъ общества. Онъ не терпитъ новизны ни въ положеніи, ни въ идеѣ, и только принаравливаетъ старыя положенія и старыя идеи къ современнымъ вкусамъ. Въ «Воспоминаніяхъ» Теодора де-Банвилль, поэта съ большимъ умомъ, есть между прочимъ одна страница, которая можетъ прекрасно передать то, что я хочу сказать о «Roman Parisien». «Я помню,—говоритъ онъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»,—одну изъ комедій, сочиненныхъ съ цѣлію исправить дѣтей, озаглавленную: «Маленькій Робинзонъ». Дѣло шло о ребенкѣ, очень любившемъ читать Робинзона Крузе и выражавшемъ желаніе путешествовать, когда онъ выростетъ большимъ. Родители, видя въ мальчикѣ развитіе такой пагубной страсти, рѣшили дать ему хорошій урокъ. Они отвезли его на небольшой островъ въ окрестностяхъ Парижа и, сдѣлавъ видъ, что оставляютъ его, спрятались за деревья. При наступленіи ночи на ребенка напалъ страхъ. Желая добыть огня, онъ началъ тереть одинъ кусокъ дерева о другой, но у него ничего не выходило; выбившись изъ силъ и почувствовавъ голодъ, онъ началъ искать какихъ - нибудь кореньевъ для утоленія голода, но и тутъ потерпѣлъ неудачу, и, наконецъ, съ отчаянья началъ плакать. Тогда родители вышли изъ - за деревьевъ и добродѣтельный отецъ сказалъ не безъ нѣкоторой торжественности: «Ты видишь, сынъ мой, куда ведетъ страсть къ путешествіямъ». «Я, правда, никогда не имѣлъ большой охоты къ путешествіямъ,—продолжаетъ де-Банвилль,—доказательствомъ чего служитъ то, что я уже десять лѣтъ собираюсь посмотрѣть на липы и розовые кирпичи Мулена, моего родного города, отстоящаго отъ Парижа на шесть часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, но тѣмъ не менѣе заключеніе отца семейства показалось мнѣ и тогда слишкомъ преувеличеннымъ. Каково же было мое удивленіе, когда, нѣсколько лѣтъ спустя, я услыхалъ во *Французской Комедіи* почти то же заключеніе въ пьесѣ Октава Фэлье—«Le Village»!

Октавъ Фэлье не любитъ затрогивать средній классъ французскаго общества и снисходительно относится ко всѣмъ его предразсудкамъ. «Roman

Parisien» заключается въ слѣдующемъ. Одинъ пріятель Таржи-отца хотѣлъ вручить своей незаконной дочери довольно крупную сумму денегъ, послѣ смерти мужа ея матери, не компрометтируя чести любимой имъ когда-то женщины. Умирая, прежде времени, онъ довѣряетъ Таржи три милліона, прося передать ихъ молодой дѣвушкѣ. Таржи не сталъ держать эту сумму у себя, а помѣстилъ ее въ одну изъ банкирскихъ конторъ. Между тѣмъ эта контора обанкротилась и милліоны пропали. Потрясенный этимъ несчастіемъ, Таржи-отецъ умираетъ отъ удара. Вдова, не будучи въ состояніи хранить довѣренную ей тайну, сообщаетъ ее сыну. Послѣдній приходитъ въ ужасъ отъ такого сообщенія. Послѣ долгой борьбы онъ рѣшается реализовать все свое состояніе и относитъ три милліона банкиру Шевріалю, мужу наслѣдницы, очень богатому человѣку, который принимаетъ ихъ совершенно спокойно и въ награду даетъ ему мѣсто въ своей конторѣ. Жена же Таржи, испугавшись бѣдности и въ то же время не желая отвѣчать на ухаживанья Шевріаля, который хочетъ ее соблазнить, уступаетъ внушеніямъ одного импрессаріо тенора и уѣзжаетъ въ Америку, чтобы составить себѣ состояніе своимъ прекраснымъ голосомъ. Когда жена Таржи возвращается изъ Америки, оказывается, что мужъ не любитъ ее больше, а чувствуетъ склонность ко вдовѣ своего принципала банкира Шевріаля.

Октавъ Фэлье сводитъ со сцены всѣхъ лицъ, стоящихъ на дорогѣ. Развязка его пьесы слѣдующая: Шевріаль умираетъ отъ удара, провозглашая тостъ за матеріализмъ. Жена Таржи, возвратившись изъ Америки, едва вымаливаетъ себѣ прощеніе у мужа, но, не желая разстраивать его счастія, принимаетъ ядъ и такимъ образомъ даетъ ему возможность жениться на дочери барона Шевріаля. Такимъ образомъ добродѣтельный сынъ въ награду за возвращеніе трехъ милліоновъ получаетъ двадцать милліоновъ и поканчиваетъ со всѣми невзгодами и непріятностями, сопряженными съ бѣдностью. Во всѣхъ сценахъ пьесы замѣтна фальшь. Но сама пьеса не лишена остроумія и въ ней есть весьма комичныя второстепенныя лица. Такъ, напримѣръ, одна женщина полусвѣта, желая играть на биржѣ, обращается за совѣтомъ къ Шевріалю и — выигрываетъ, поступая совершенно вопреки его совѣтамъ. Это напоминаетъ мнѣ одного крестьянина, который во время провинціальныхъ выборовъ, на порицаніе за то, что онъ обращался къ мѣстному нотаріусу за совѣтами насчетъ выбора лучшаго кандидата, отвѣчалъ спокойно: «Я для того и спрашивалъ, за кого онъ подаетъ голосъ, чтобы подавать за другого».

Пьеса Октава Фэлье выдержитъ множество представленій на театрѣ Gymnase и затѣмъ будетъ поставлена на всѣхъ европейскихъ сценахъ. Всѣ лица пьесы въ высшей степени прозаичны, за исключеніемъ жены банкира Шевріаля, въ которой есть нѣчто поэтическое. Пьеса держится благодаря тому, что всѣ лица суть не что иное какъ вымыслы, но настолько искусные, что приковываютъ вниманіе въ продолженіе цѣлаго вечера.

Главная женская роль выпала на долю г-жи Паска, хорошо извѣстной Россіи, и она провела ее блистательно. Ее упрекали только въ томъ, что она проявляла болѣе страстности и торжественности, чѣмъ этого требовалъ сюжетъ. Но виновата не она, а авторъ. Актеры играли самымъ добросовѣстнымъ образомъ, но они чувствовали, что вмѣсто твердой почвы у нихъ подъ ногами рыхлый песокъ. Когда Таржи съ крикомъ отказывалъ своей женѣ въ прощеніи, публика начала было хлопать, но потомъ какъ бы спохватилась, увидавъ, что великодушіе это вызвано его любовью къ другой женщинѣ. Октавъ Фэлье дѣйствуетъ на нервы публики, но актеры должны дѣлать не мало усилій, чтобы скрыть отъ публики недостатки пьесы.

Недавно актеры и журналисты едва не разыграли безсмертной сцены изъ «Bourgeois Gentilhomme», въ которой учитель фехтованія, учитель танцевъ, учитель музыки и учитель философіи пускаются въ драку, превознося до небесъ свою профессію и выражая глубокое презрѣніе къ профессіи ближняго. На этотъ разъ зачинщицей была журналистка, бросившая актерамъ фразу мольеровскаго учителя фехтованія: «Какъ вы смѣшны, сравнивая мою науку съ вашей». Маньяръ, главный редакторъ *Фигаро*, поручилъ одному изъ своихъ сотрудниковъ написать статью на актеровъ. Нельзя сказать, чтобы редакторъ питалъ къ нимъ какую-нибудь злобу, но ему просто-на-просто нужна была сенсаціонная статья. Ему было непріятно, что въ кафе-ресторанахъ перестали спрашивать: «читали вы *Фигаро?*» Бросить комокъ грязи въ лицо цѣлой корпораціи—это значитъ поднять цѣлую бурю, а существованіе *Фигаро* только и обусловливается ими. Мирбо превосходно исполнилъ порученіе и Маньяръ напечаталъ его статью. Артисты всполошились, а этого-то и нужно было Маньяру. Когда же со стороны оскорбленныхъ посыпались всевозможныя угрозы, Маньяръ напечаталъ панегирикъ имъ, и они успокоились. Для полнаго же ихъ удовлетворенія онъ сдѣлалъ выговоръ Мирбо и уволилъ его изъ редакціи. Сконфуженный сотрудникъ заявилъ, что онъ исполнялъ только данныя ему приказанія.

Это дѣло совпало съ процессомъ одного антрепренера, набирающаго трупу для Америки, съ артистомъ Théâtre Francais, Кокеленомъ, который заключилъ съ нимъ контрактъ. Антрепренеръ пропустилъ срокъ, а затѣмъ, ссылаясь на контрактъ, потребовалъ съ артиста уплаты извѣстной суммы. Кокеленъ обратился къ суду и выигралъ дѣло. Антрепренеръ былъ приговоренъ къ уплатѣ издержекъ. Во Франціи политическія страсти имѣютъ такую тѣсную связь со всѣми вопросами, что многіе желали, чтобы Кокеленъ проигралъ процессъ, единственно потому, что онъ другъ Гамбетты.

Элизе Реклю, авторъ извѣстной географіи, сынъ протестантскаго пастора и бывшій членъ коммуны, отдалъ двухъ своихъ дочерей въ гражданскій бракъ, пренебрегши и церковными, и гражданскимъ обрядами. Все чаще и чаще повторяющіяся преступленія вслѣдствіе безправія соблаз-

ненныхъ дѣвушекъ и незаконныхъ дѣтей поражаютъ всѣхъ. Недавно приговорили къ нѣсколькимъ годамъ ссылки шестнадцатилѣтнюю дѣвушку за дѣтоубійство и самъ любовникъ говорилъ противъ нея на судѣ. Вообще любовники возмущаются, когда ихъ жертва оставляетъ, или убиваетъ своего ребенка, а сами не считаютъ себя обязанными заботиться ни о немъ, ни о матери.

Въ скоромъ времени на судѣ будетъ разбираться другой процессъ. Незаконный сынъ князя Полиньяка поджегъ домъ своего отца. Разбирательство покажетъ, до чего можетъ дойти несчастный, которому законъ запрещаетъ отыскивать отца и требовать его поддержки и такимъ образомъ неминуемо влечетъ къ нищетѣ и пороку. И что же нашли въ карманѣ этого отпрыска фаворитки королевы Маріи-Антуанеты? — Докладную записку о дарованіи законныхъ правъ дѣтямъ, рожденнымъ отъ свободныхъ союзовъ.

Въ Брюсселѣ разбирался процессъ одного доктора, извѣстнаго тоже и въ Парижѣ, сдѣлавшаго покушеніе на убійство любовника своей жены, который, будучи другомъ мужа, не удовольствовался отнятіемъ у него жены, но соблазнилъ еще его кухарку, для того, какъ онъ говорилъ, чтобы замаскировать ихъ связь. Кромѣ того, онъ старался соблазнить шестнадцатилѣтнюю дочь своего друга отъ перваго брака. Подсудимый разсказалъ все какъ было и былъ оправданъ. Оправданію много способствовала наглость отвѣтовъ потерпѣвшаго, получившаго три раны изъ револьвера и оставшагося въ живыхъ. Замѣчательно то, что когда докторъ, посредствомъ угрозъ, добился полнаго признанія, онъ спросилъ свою жену: «Желаешь ли ты его помилованія?» Она отвѣчала: «Нѣтъ, — онъ причинилъ намъ слишкомъ много зла». Мужъ объявилъ, что убьетъ любовника. «Лишь бы ты, только ты, не попалъ въ тюрьму»,—отвѣчала жена.

Министерство Дюклера одобрило договоръ Брацца съ королемъ Конго, что указываетъ на предстоящую экспедицію въ эту страну. Во Франціи всѣ желаютъ открытія какого-нибудь рынка въ Африкѣ. Брацца, который въ сущности добился со стороны маленькаго невѣжественнаго королевства только подписанія договора, смысла и значенія котораго онъ совсѣмъ не понимаетъ, осыпанъ здѣсь почестями. Парижскій муниципальный совѣтъ приказалъ выбить въ честь его золотую медаль.

Недавно умеръ вице-президентъ сената де-Ларси. Это былъ одинъ изъ вождей легитимистской партіи. Онъ отличался искренностью, но въ то же время былъ убѣжденъ, что внѣ бурбонизма нѣтъ спасенія. Де-Ларси оставилъ въ 1830 году должность королевскаго прокурора, чтобы не служить Людовику-Филиппу, и только переворотъ 1871 г. призвалъ его къ дѣламъ въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ лицъ, которыхъ Франція не безъ основанія называла допотопными. Надежда, послѣ сорокалѣтняго ожиданія, видѣть на престолѣ Генриха V придала энергіи этимъ старымъ пала-

динамъ. По ихъ приглашенію графъ Шамборъ прибылъ incognito въ Версаль, но вскорѣ долженъ былъ выѣхать втихомолку оттуда, такъ какъ вмѣсто бурбонской реставраціи водворилась консервативная республика. Въ одной изъ замѣтокъ, помѣщенныхъ въ *Фигаро*, де-Ларси назвалъ консервативную республику «молодой дѣвушкой, одѣтой въ монашескую рясу». Тьеръ назначилъ де-Ларси министромъ и держалъ его на этомъ посту до тѣхъ поръ, пока находилъ нужнымъ щадить легитимизмъ. Въ сенатѣ де-Ларси былъ чуждъ иллюзій. Въ автобіографіи онъ изображаетъ себя сидящимъ «на сенаторскомъ креслѣ, на половину пошатнувшемся».

W***.

Редакторъ С. Юрьевъ.
Редакторъ-издатель В. Лавровъ.

О перемѣнѣ адреса сообщается редакціи своевременно, не позже 20 числа каждаго мѣсяца причемъ слѣдуетъ обозначить напечатанный на старомъ адресѣ нумеръ.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к., изъ городскихъ или иногородныхъ въ заграничные—недостающее до цѣны, назначенной для иностранныхъ подписчиковъ. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп.

Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ нумера и **съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена тою конторой.** По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи не позже полученія слѣдующей книги.

Редакція открыта ежедневно отъ *2-хъ* до *4-хъ* часовъ пополудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Лицъ, представляющихъ рукописи, редакція проситъ сдавать ихъ **исключительно** секретарю редакціи, который выдаетъ въ принятіи оныхъ установленныя квитанціи; въ противномъ случаѣ редакція за сохранность рукописей не отвѣтствуетъ. Доставляемыя рукописи должны быть четко написаны, подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ, а также указаніемъ размѣра желаемаго гонорара. При невыполненіи послѣдняго условія разсчетъ производится редакціей по ея усмотрѣнію. **Гонораръ уплачивается только за статьи, вышедшія въ свѣтъ.**

На прочтеніе редакціей поступившихъ къ ней рукописей полагается срокъ отъ *одного* до *трехъ мѣсяцевъ*, по истеченіи котораго рукописи, къ помѣщенію въ журналъ не принятыя, сохраняются редакціей въ продолженіе шести мѣсяцевъ, за исключеніемъ тѣхъ, размѣръ коихъ менѣе шести листовъ писчей бумаги; послѣднія храненію и возвращенію не подлежатъ.

Отсылка рукописей по почтѣ производится не иначе, какъ по предварительной уплатѣ редакціи почтоваго расхода деньгами или марками, причемъ отправку простыми письмами редакція на себя не принимаетъ.

На всякаго рода запросы редакція отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка. **Относительно же присылаемыхъ въ редакцію и не принятыхъ ею для помѣщенія въ журналѣ стихотвореній редакція ни въ какую переписку не входитъ, еслибы даже на то прилагались марки.**

Принимаемыя для помѣщенія въ журналѣ произведенія и статьи подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію.